

Ирвин Шоу
Богач, бедняк. Нищий, вор

Богач, бедняк

Моему сыну

Часть первая

1

1945 год.

Мистер Доннелли, тренер школьной легкоатлетической команды, отпустил ребят раньше обычного, так как на площадку пришел отец Генри Фуллера и сообщил, что получил телеграмму из Вашингтона: брат Генри погиб на войне в Германии. Генри лучше всех в команде толкал ядро, и поэтому, выждав, пока Генри переоделся и ушел с отцом домой, мистер Доннелли свистком собрал ребят и объявил, что они могут расходиться – в знак уважения к Генри.

Рудольф Джордах (лучший результат в беге с барьерами на двести двадцать ярдов) прошел в душевую. Бегал он сегодня мало и даже не успел вспотеть, но дома у Джордахов вечно не хватало горячей воды, и он никогда не упускал возможности помыться в душе при гимнастическом зале.

Ребята в раздевалке говорили вполголоса и не валяли дурака, как обычно. Смайли, капитан команды, встал на скамейку и заявил, что, если будет устроена панихида, им всем следует скинуться на венки. Пятьдесят центов с носа вполне хватит, сказал он. По лицам парней сразу было видно, кто может выложить пятьдесят центов, а кто – нет. Рудольф не мог, но постарался сделать вид, что может. Предложение Смайли с энтузиазмом поддержали те ребята, которых каждую осень родители возили в Нью-Йорк и там закупали им одежду на целый учебный год. Рудольф носил то, что продавалось здесь же, в Порт-Филипе, в универмаге Бернстайна. Тем не менее одет он был всегда аккуратно и со вкусом: рубашка с галстуком, кожаная куртка, под ней свитер, коричневые брюки, оставшиеся от костюма (пиджак давно протерся на локтях, и Рудольф его больше не носил).

Не задерживаясь, он быстро вышел из раздевалки. Ему не хотелось возвращаться домой ни с кем из ребят, потому что пришлось бы говорить о брате Генри Фуллера. Рудольф не особенно дружил с Генри: тот был туповат, как, впрочем, наверно, и положено быть толкателю ядра, и Рудольф не склонен был притворяться, выражая чрезмерное сочувствие.

Держа учебники под мышкой, он шагал по выщербленному тротуару. Стояла ранняя весна. День был ветреный, но не очень холодный. На многих деревьях уже распустились первые листочки, а еще голые ветви пестрели набухшими почками.

Школа располагалась на холме. Сверху Рудольф видел еще по-зимнему студеный Гудзон и шпили городских церквей, а чуть подальше, в южной части города, высилась труба завода «Кирпич и черепица Бойлана», где работала сестра Рудольфа, Гретхен. Вдоль реки тянулись рельсы железной дороги Нью-Йорк Сентрал. Порт-Филип имел весьма непривлекательный вид, хотя

когда-то был красивым городком, где большие белые дома в колониальном стиле перемежались с массивными викторианскими каменными особняками. Промышленный бум двадцатых годов вызвал огромный приток рабочего люда в Порт-Филип, и город заполнили узкие, темные дома барачного типа. А затем разразившийся экономический кризис оставил без работы почти всех, построенные на скорую руку бараки опустели, и Порт-Филип, как недовольно говорила мать Рудольфа, превратился в сплошные трущобы. Это было не совсем так. В северной части города сохранилось много прекрасных больших домов и широких улиц.

С войной сюда вновь пришло процветание. Кирпичный и цементный заводы работали теперь на полную мощность, и даже закрытые до этого кожевенная и обувная фабрики начали выполнять армейские заказы. Но шла война, и люди не обращали внимания на внешний вид города – у них хватало других забот, – и, пожалуй, никогда Порт-Филип не выглядел таким запущенным, как сейчас.

«Найдется ли хоть один человек, готовый отдать жизнь ради того, чтобы защитить или, наоборот, захватить этот город, как отдал свою жизнь брат Генри Фуллера за неизвестный городок в Германии?» – думал Рудольф, глядя сверху на залитое холодным солнцем беспорядочное скопление домов и улиц.

Втайне, хотя и без особой надежды, Рудольф рассчитывал, что война продлится еще года два: через год ему исполнится семнадцать, и тогда он сможет записаться в добровольцы. Он представлял себя лейтенантом с серебряными нашивками, под пулеметным огнем противника ведущим взвод в атаку. Жаль, упразднили кавалерию. Было бы здорово мчаться на коне и на всем скаку разить саблех презренного врага.

Конечно, дома он не осмеливался и заикнуться ни о чем подобном: стоило кому-нибудь в присутствии матери просто предположить, что война затянется и Рудольфа в конце концов заберут в армию, у нее тут же начиналась истерика.

Он, как всегда, сделал крюк, чтобы пройти мимо дома мисс Лено. Она преподавала у них в школе французский. Поглядел на ее окно и пошел дальше.

Он шагал по Бродвею, главной улице Порт-Филипа, что тянулась вдоль реки и переходила в автостраду Нью-Йорк – Олбани. Он мечтал завести собственную машину, вроде тех, что сейчас проносились по шоссе через весь город. Как только у него появится машина, он станет каждую неделю ездить на выходные в Нью-Йорк. Пока он еще не очень-то представлял себе, какие у него могут быть дела в Нью-Йорке, но знал, что ездить туда будет.

Бродвей в Порт-Филипе – ничем не примечательная длинная улица, по обе стороны которой рядом с довольно большими магазинами готового женского платья, дешевых ювелирных изделий и спорттоваров уживались маленькие мясные и продовольственные лавки. Рудольф, как обычно, остановился перед витриной армейского магазина, где были выставлены рабочие ботинки, брюки и рубашки из грубой хлопчатобумажной ткани, карманные фонарики, складные ножи, а также рыболовные принадлежности, и долго глазел на тонкие, изящные спиннинги с дорогими катушками. Он рыбачил на реке, а когда открывался сезон ловли форели, ходил и на ручьи, но его рыбацкое снаряжение было

весьма скромным.

Пройдя короткий переулок, он свернул на Вандерхоф-стрит, она шла параллельно Бродвею и словно пыталась соперничать с ним – с таким же успехом бедняк в поношенном костюме и стоптанных башмаках мог делать вид, будто разъезжает на «кадиллаке». Магазины здесь были маленькими, товары на витринах – серыми от пыли, точно владельцы сами понимали: протирай их не протирай, все равно никому они не нужны. Многие витрины еще с начала тридцатых годов были заколочены досками. Накануне войны на Вандерхоф-стрит меняли канализацию, и, прокладывая траншеи, строители вырубали тенистые деревья, росшие вдоль тротуара, а посадить вместо них новые никто так и не удосужился. Улица была длинной, и, чем ближе подходил Рудольф к своему дому, тем больше открывались вокруг убожество и нищета.

Мать стояла за прилавком, как всегда зябко кутаясь в шаль. Их булочная располагалась на углу, поэтому в ней было две витрины, и мать постоянно жаловалась на сквозняки. В витрине, выходящей на Вандерхоф-стрит, лежали пирожные и сладкие пироги. Раньше отец сам выпекал их в пекарне, занимавшей подвал под булочной, но с началом войны рассудил, что от этого больше хлопот, чем прибыли, и теперь каждое утро их доставляли Сюда на грузовике с хлебопекарного завода, а Аксель Джордах ограничивался выпечкой хлеба и булочек. Пироги, пролежавшие на витрине три дня, Аксель забирал домой, и их съедала семья.

Войдя, Рудольф поцеловал мать, а она ласково потрепала его по щеке. Мать всегда выглядела усталой и постоянно щурилась, так как непрерывно курила и дым попадал ей в глаза.

– Почему ты сегодня так рано? – спросила она.

– Сократили тренировку, – ответил он, но не объяснил почему. – Ты иди домой, я поработаю за тебя.

– Спасибо, Руди, – сказала мать. – Хороший ты мой. – И поцеловала его. С ним она была очень ласковой, Ему хотелось, чтобы хоть изредка мать целовала его брата или сестру, но она никогда этого не делала. И он ни разу не видел, чтобы она целовала отца. – Я пойду приготовлю ужин.

Жили они в этом же доме, прямо над булочной, двумя этажами выше. Мать, склонив седеющую голову и шаркая ногами, как старуха, прошла мимо витрины. Рудольфу порой не верилось, что ей едва перевалило за сорок.

Джордахи ели на кухне. Семья собиралась вся вместе только за ужином: у Акселя из-за работы в пекарне был другой распорядок дня. Сегодня мать приготовила тушеную баранину. Несмотря на карточную систему, у них всегда было вдоволь мяса: отец дружил с мясником, тоже немцем, и тот не спрашивал с него карточек.

Рудольфу было как-то неловко есть баранину с черного рынка в день, когда Генри Фуллер получил извещение о гибели брата. Но говорить с отцом о таких тонкостях не имело смысла, и Рудольф просто попросил положить ему поменьше мяса и побольше картошки с морковью.

Брат Рудольфа, Томас, единственный блондин в семье – мать уже давно не назовешь блондинкой, – уплетал баранину с завидным аппетитом. Судя по

всему, на душе у него было вполне спокойно. На год младше Рудольфа, он был таким же рослым, но гораздо шире в плечах. Старшая сестра Рудольфа, Гретхен, как всегда ела мало – следила за фигурой. Мать вообще едва притрагивалась к еде. Отец, крупный мужчина, сидевший за столом без пиджака, ел непомерно много и то и дело вытирал тыльной стороной ладони густые черные усы.

Гретхен поднялась из-за стола, не дожидаясь десерта – вишневого пирога трехдневной давности. Она спешила в военный госпиталь на окраине города. Пять раз в неделю она дежурила там вечерами.

– Смотри не позволяй солдатам себя лапать. У нас мало комнат, и детскую устроить будет негде, – напутствовал ее отец своей всегдашней грубой шуткой.

– Па! – укоризненно сказала Гретхен.

– Уж я-то знаю, – не унимался Аксель. – Так что гляди в оба.

Гретхен такая аккуратная, красивая, порядочная, подумал Рудольф. Ему было неприятно, что отец говорит ей такое. Уж если на то пошло, она единственная в их семье хоть что-то делает для победы.

После ужина Томас тоже ушел. Каждый вечер он где-то пропадал. Томас никогда не готовил никаких уроков и в школе получал только плохие отметки. Ему было на всех наплевать.

Аксель Джордах прошел в гостиную почитать газету перед тем, как отправиться на ночь в подвал печь хлеб.

Рудольф остался помочь матери. Она мыла посуду, а он вытирал. Если я когда-нибудь женюсь, подумал он, моей жене не придется мыть посуду.

Потом мать собралась гладить белье, а Рудольф поднялся в их с Томасом комнату и сел за уроки. Он твердо знал одно: только учеба может избавить его от необходимости есть на кухне, выслушивать грубости отца и вытирать посуду – и поэтому готовился к любым экзаменам лучше всех в классе.

«Может, стоит положить отраву в одну из булочек, – думал Аксель Джордах, вымешивая тесто. – Просто так, ради смеха. Проучить их. Один разок, сегодня. И посмотреть, кому достанется».

Он отхлебнул дешевого виски прямо из горлышка. К утру бутылка будет почти пустой. Руки его по самые локти были в муке, лицо тоже запорошила мука, поскольку он поминутно вытирал ладонью потный лоб. Клоун, да и только, подумал он. В самый раз в цирке работать.

Из окна, открытого навстречу мартовской ночи, в подвал лился влажный свежий запах реки – запах Рейна, – но воздух был раскален от жара печи. «Я уже в аду, – подумалось ему. – Поддерживаю адский огонь, чтобы заработать себе на хлеб и чтобы испечь свой хлеб. Пеку булочки в геенне огненной».

Он подошел к окну и набрал в легкие воздуху. На широкой груди под мокрой от пота майкой напряглись сильные, разработанные с годами мышцы. Отсюда до Рейна четыре тысячи миль. Легендарная река, родная река Джордаха. Кельнский собор, стоит как прежде, а больше почти ничего не осталось. Аксель видел фотографий в газетах. Кельн – родной дом, любимая отчизна... Руины, перепаханные бульдозерами, знакомое зловоние мертвецов, погребенных под обвалившимися стенами. Почему так случилось именно с

этим прекрасным городом?!

Джордах задумался о своей молодости, потом плюнул в окно, в ту сторону, где текла эта, другая река. Где же она, невидимая германская армия? Сколько народу погибло! Он снова плюнул и облизал кончики поникших усов. Да здравствует Америка! Чтобы попасть сюда, ему пришлось убить человека. Еще раз глубоко вдохнув речкой воздух, Аксель, прихрамывая, отошел от окна.

Кошка, лежавшая рядом с печью, смотрела на него. У кошки не было имени, об этом никто не позаботился. Ее держали в пекарне, чтобы она ловила мышей и крыс. Когда Акселю нужно было позвать ее, он просто говорил: «Кошка!» И кошка, наверное, думала, что ее так и зовут – Кошка. Ночь за ночью она непрерывно следила за ним. Раз в день кошка получала миску молока, а остальное пропитание должна была добывать сама. Кошка смотрела на Акселя так, что он был уверен: она мечтает стать громадной, как тигр, чтобы однажды броситься на него и хоть раз наесться досыта. Он открыл нагретую до нужной температуры духовку и, морщась от ударившего в лицо жара, поставил первый за эту ночь противень с булочками.

Наверху в узкой комнате Рудольф, разделавшись с уроками, писал по-французски любовное письмо мисс Лено.

Закончив, он прочитал его, потом – первоначальный английский вариант. *«...И наконец, я должен сказать Вам, дражайшая мадам, что, когда я случайно встречаюсь с Вами в школьном коридоре или вижу, как Вы в одиночестве бредете по улице в своем голубом пальто, у меня возникает страстное желание отправиться в ту далекую страну, из которой Вы к нам прибыли, и перед моими глазами встает пленительное видение: мы с Вами гуляем под руку по бульварам Парижа, только что освобожденного отважными солдатами Вашего отечества и моей страны. Ваш покорный слуга Рудольф Джордах».*

Он опять с удовольствием прочел французский перевод. Что и говорить. Хочешь выглядеть элегантным – пиши по-французски. Затем, не без сожаления, порвал оба листка в мелкие клочки. Он знал, что, конечно же, не пошлет мисс Лено никакого письма. До сегодняшнего вечера он уже шесть раз писал ей, но потом рвал письма, потому что она наверняка сочла бы его сумасшедшим и, чего доброго, нажаловалась бы директору школы. Ну и, кроме того, он, естественно, не хотел, чтобы отец, или мать, или Гретхен, или Том нашли в его комнате любовные письма – не важно, на каком языке.

Рудольф встал из-за стола и взглянул на себя в маленькое неровное зеркало, висевшее над ветхим дубовым туалетным столиком. Он очень следил за своей внешностью и часто смотрелся в зеркало, отыскивая в своем лице черты человека, каким ему хотелось бы стать. Его прямые черные волосы всегда были зачесаны идеально гладко; время от времени он выщипывал редкий темный пушок на переносице. Чтобы не было прыщей, не ел сладкого. Приучал себя не хохотать во все горло, а лишь улыбаться, да и то не слишком часто. Был очень консервативен в выборе цвета одежды, упорно работал над походкой, стараясь держаться прямо и ходить не спеша, легким, скользящим шагом. Ногти он полировал, а раз в месяц сестра делала ему маникюр. Он

избегал драк – ему вовсе не хотелось, чтобы его приятное лицо обезобразил перебитый нос, а длинные тонкие пальцы распухли в суставах. Чтобы держаться в форме, он занимался спортом. Когда хотелось полюбоваться природой и насладиться одиночеством, ходил на рыбалку и ловил на блесну, если кто-нибудь наблюдал за ним, а если вокруг никого не было – просто на червей.

«Ваш покорный слуга», – сказал он по-французски, глядя на свое отражение в зеркале и стараясь походить на настоящего француза, – мисс Лено всегда выглядела истинной француженкой, обращаясь к классу по-французски.

Он сел за маленький желтый столик, служивший ему письменным столом, придвинул к себе лист бумаги и попытался мысленно представить мисс Лено. Она была высокой, с узкими бедрами, тонкими стройными ногами и полной грудью, всегда торчавшей вперед, почти под прямым углом. Ходила на высоких каблуках, любила разные ленточки и щедро мазала губы. Вначале он нарисовал ее одетой. Лицо получилось не слишком похожим, и он добавил у висков по локону и заштриховал губы потемнее. Потом попробовал вообразить ее вообще без одежды. Изобразил нагой – мисс Лено сидела на высоком табурете и смотрелась в ручное зеркальце. Он порвал рисунок. Ему стало стыдно. Узнай кто-нибудь из родных, о чем он думает и чем занимается...

Он начал раздеваться. Спальня матери была этажом ниже, и, чтобы мать не догадалась, что Рудольф еще не лег, он ходил по комнате в носках. Каждое утро ему приходилось вставать в пять часов и развозить на тележке, прицепленной к велосипеду, свежие булочки покупателям. И мать сетовала, что он не высыпается.

На экране кинотеатра «Казино» Эррол Флинн убивал японцев направо и налево. Томас Джордах сидел в последнем ряду и жевал в темноте карамель из пакетика, который он выудил из автомата в фойе, опустив вместо монеты оловянную плашку. По части изготовления таких плашек он был большой мастер.

– Подкинь-ка одну, старик, – попросил его Клод нарочито грубым голосом, каким гангстеры в кинофильмах просят новую обойму. Дядя Клода Тинкера был священником, и Клод, чтобы его из-за такого невыгодного родства не считали пай-мальчиком, старался произвести впечатление тертого парня. Том щелчком подбросил карамель в воздух. Клод поймал ее и начал громко чавкать. Ребята сидели, развалившись и положив ноги на спинки передних свободных кресел. Как всегда, они проникли в зал через окошко расположенного в подвале мужского туалета – решетку на окне они сорвали еще в прошлом году.

Тому надоело смотреть фильм. Глядя, как Эррол Флинн с помощью различных видов оружия в одиночку уничтожает целый взвод японцев, он буркнул:

– Фонус болонус.

– На каком это языке вы говорите, профессор? – начал их обычную игру Клод.

– На латыни, – ответил Том. – В переводе это означает – дерьмо.

Какое глубокое знание иностранных языков! – покачал головой Клод.

– Глянь-ка вон туда, – сказал Том. – Видишь того солдата с девчонкой?

Через несколько рядов от них сидел в обнимку с девушкой какой-то солдат. Народу в зале было мало, и места вокруг парочки пустовали. Клод нахмурился.

– Он слишком здоровый. Посмотри, какая у него шея.

– Генерал, мы атакуем на заре, – торжественно произнес Том.

– Загремишь в больницу, – предупредил Клод.

– Хочешь на спор? – Том снял ноги со спинки кресла, встал и двинулся по проходу между рядами. Ноги в кедах бесшумно ступали по ветхому ковру, покрывавшему пол «Казино». Клод, долговязый парень с худыми руками-палками, острой беличьей мордочкой, длинным носом и мягкими влажными губами, неуверенно пошел следом. Он был близорук, и очки отнюдь не украшали его. Хитрый интриган, всегда действовавший исподтишка, он умел выходить сухим из воды, не уступая в изворотливости ловким адвокатам крупных корпораций. Он неизменно был одет в темный костюм с темным галстуком. Легкая сутулость придавала ему сходство с литератором, двигался он как-то виновато, неловко ставя ноги, и вообще производил впечатление обыкновенного тихони. Его недюжинная изобретательность в основном проявлялась в хулиганских затеях. Отец Клода работал главным бухгалтером на заводе «Кирпич и черепица Бойлана», а мать, кончившая женский колледж Святой Анны, возглавляла общественную комиссию, призванную содействовать набору в армию. Положение родителей, наличие дяди-священника плюс собственная безобидная и слегка отталкивающая внешность позволяли Клоду безнаказанно осуществлять свои каверзные замыслы.

Том сел позади девушки, а Клод – позади солдата. У солдата была маленькая голова, но при этом он был высоким, широкоплечим, и его пилотка загораживала Клоду пол-экрана – приходилось вертеть шеей, чтобы хоть как-то следить за фильмом.

– Говорю тебе, он очень здоровый, – прошептал Клод. – Небось фунтов сто семьдесят весит, не меньше.

– Не дрейфь, – тоже шепотом ответил Том. – Начинай. – Голос его звучал уверенно, но он чувствовал, как у него подрагивают кончики пальцев и покалывает под мышками. Эти признаки сомнения и страха были ему знакомы и придавали еще большую остроту предвкушению удовольствия от конечной жестокой победы. – Ну, давай. Не сидеть же нам здесь всю ночь, – сердито прошептал он.

– Как скажешь. Ты командир, – ответил Клод и, подавшись вперед, тронул солдата за плечо: – Извините, сержант. Не будете ли вы так любезны снять пилотку? Мне ничего не видно.

– Я не сержант, – не оборачиваясь и не снимая пилотки, ответил солдат и продолжал тискать свою девчонку.

С минуту ребята сидели молча. Они так давно, отработали в деталях свою провокационную тактику, что не было необходимости подавать друг другу какие-либо знаки. Теперь Том в свою очередь грубо похлопал солдата по плечу:

– Мой друг вполне вежливо попросил вас снять пилотку. Вы мешаете ему смотреть фильм. Если вы не снимете пилотку, мы будем вынуждены позвать администратора.

– Вокруг полно свободных мест. Если твой друг хочет смотреть кино – пусть пересядет, – раздраженно, ерзая в кресле, ответил солдат.

– Заводится, – шепнул Том. – Жми дальше.

Клод снова дотронулся до плеча солдата:

– У меня редкая глазная болезнь. Я вижу только отсюда. Если я пересяду, у меня перед глазами все поплывет и я не отличу Эррола Флинна от Лоретты Янг.

– Сходи к окулисту, – посоветовал солдат. Девушка расхохоталась. Солдат тоже заржал, довольный своим остроумием.

– Нехорошо смеяться над чужим несчастьем, – возмутился Том.

– Особенно сейчас, когда идет война и вокруг столько героев-инвалидов, – подхватил Клод.

– Какой же вы после этого американец? – В голосе Тома зазвенели патриотические нотки. – Я вас спрашиваю: какой вы после этого американец?

– А ну валите отсюда, ребята, – обернулась к ним девушка.

– Должен вас предупредить, сэр, вы будете лично отвечать за слова вашей приятельницы, – сказал Том.

– Не обращай на них внимания, Анжела, – высоким тенором сказал солдат.

Некоторое время ребята молчали, потом Том пискливо крикнул, подражая японцу:

– Моряк, сегодня вечером твой умирай! Американский собака, сегодня вечером моя отрежет тебе...

– Попридержи свой паршивый язык, – повернул к нему голову солдат.

– Готов поспорить, он храбрее Эррола Флинна, – не унимался Том. – У него дома целый ящик медалей, но он их не носит из скромности.

Солдат разозлился по-настоящему:

– Заткнетесь вы наконец или нет? Мы пришли смотреть кино.

– А мы – потискаться. – И Том нежно потрепал Клода по щеке.

– Обними меня покрепче, дорогой, – театрально простонал Клод. – Я вся горю!

– Ну, хватит! – взорвался от возмущения солдат. – Убирайтесь отсюда!

Несколько человек в зале обернулись и зашикали.

– Мы заплатили деньги за эти места и никуда не уйдем, – заявил Том.

– Это мы еще посмотрим. Я позову билетера. – Солдат встал. Ростом он был около шести футов.

– Сядь, Сидней. Наплюй на этих сопляков, – сказала девушка.

– Я уже говорил тебе, Сидней, ты лично ответишь за слова своей приятельницы. Предупреждаю в последний раз, – сказал Том.

– Билетер! – на весь зал крикнул солдат, повернувшись лицом к последнему ряду, где под светящимся табло «Выход» одиноко дремал человек в потертой форме с позументами.

– Ш-ш-ш, – послышалось со всех сторон.

– Вот это настоящий воин! – заметил Клод. – Он уже зовет подкрепление.

– Что здесь происходит? – подходя к ним, спросил билетер, человек лет сорока с усталым, изможденным лицом. Днем он работал на мебельной фабрике, а вечерами в «Казино».

– Выведите их отсюда, – потребовал солдат. – Они ругаются в присутствии женщины.

– Я только попросил его снять пилотку, верно ведь, Том? – сказал Клод.

– Совершенно верно, – подтвердил тот. – Простая вежливая просьба. У него редкая глазная болезнь.

– Чего-чего? – озадаченно переспросил билетер.

– Если вы сейчас же не выведете их отсюда, будут неприятности, – пригрозил солдат.

– А почему бы вам, ребята, не пересесть на другое место? – спросил билетер.

– У нас свободная страна, – заявил Том. – Платишь деньги и садишься, где хочешь. Он думает, он кто? Адольф Гитлер? Тоже мне шишка! Напялил военную форму и задается! Держу пари, он ни одного японца и в глаза не видел. А теперь приперся сюда и подает плохой пример американской молодежи – у всех на виду тискает девушку. А еще в форме!

– Если вы сейчас же их не выведете, я их измордую, – глухо произнес солдат, сжимая кулаки.

– Ты оскорбил человека, я слышал собственными ушами, – сказал билетер Тому. – В нашем кинотеатре это не пройдет. Убирайся!

Теперь уже возмущался почти весь зал. Билетер нагнулся и схватил Тома за рукав. Почувствовав его сильную руку. Том понял – с этим типом связываться не стоит. Он встал:

– Идем, Клод, – и, обращаясь к билетеру, добавил: – Хорошо, мистер, мы уйдем. Мы не хотим скандала. Но вначале верните нам деньги за билеты.

– И не надейтесь.

– Я знаю свои права, – снова усаживаясь на место, заявил Том и, заглушая пушечную стрельбу на экране, звонко крикнул на весь зал: – Ну, давай, бей меня, скотина!

– Ладно-ладно, – вздохнул билетер, – отдам я вам ваши деньги, только катитесь отсюда поскорее.

Ребята поднялись. Том с улыбкой посмотрел на солдата:

– Я тебя предупреждал. Буду ждать на улице.

– Иди скажи своей мамочке, пусть сменит тебе пеленки, – ответил солдат, тяжело опускаясь в кресло.

В фойе билетер из собственного кармана выдал каждому по тридцать пять центов и взял с ребят расписки, чтобы потом предъявить их владельцу кинотеатра. Том подписался фамилией учителя алгебры, а Клод – фамилией президента банка, с которым имел дело его отец.

– И чтобы я вас больше здесь не видел! – пригрозил билетер.

– Это общественное место, – сказал Клод. – Только попробуйте не пустить! Будете отвечать перед моим отцом.

– А кто твой отец? – с беспокойством спросил билетер.

– Придет время – узнаете, – угрожающе ответил Клод.

Ребята торжественным шагом вышли из фойе. На улице они хлопнули друг друга по спине и разразились громким хохотом. До конца картины оставалось полчаса. Они зашли в соседнюю закусочную и на деньги, полученные от билетера, заказали по куску пирога и по чашке кофе. Радио за стойкой было включено, и комментатор говорил о вероятном решении верховного немецкого командования отвести войска к Альпам, чтобы стоять там насмерть.

Том слушал, недовольно скривив по-детски круглое лицо. Он ничего не имел против войны как таковой, но его тошнило от всех этих идиотских разглагольствований о самопожертвовании, идеалах и «наших храбрых ребятах».

– Эй, красотка, – окликнул он официантку, сидевшую за стойкой и полировавшую ногти, – вы не могли бы завести какую-нибудь музычку? – Он был по горло сыт патриотизмом, которым его пичкали дома Рудольф и Гретхен.

– Разве вас не интересует, кто победит в этой войне? – лениво взглянув на ребят, спросила официантка.

– А у нас белые билеты. Редкая глазная болезнь, – ответил Том, и они с Клодом снова громко захохотали.

Когда сеанс окончился, они уже поджидали у дверей кинотеатра. Зрители начали выходить. Том сохранял самообладание и стоял совершенно неподвижно. А Клод с потным и побледневшим от возбуждения лицом нервно расхаживал по тротуару.

– Ты уверен? Ты абсолютно уверен? – то и дело спрашивал он Тома. – Уж слишком этот гад здоровенный. Я хочу, чтобы ты был абсолютно в себе уверен.

– За меня не беспокойся, – сказал Том. – Главное, держи толпу на расстоянии. Мне нужно место, чтобы развернуться. – И, прищурившись, добавил: – А вот и он.

Солдату на вид было года двадцать два – двадцать три. Лицо рыхлое, угрюмое. Он был полноват для своих лет, и гимнастерка слегка оттопыривалась на преждевременно появившемся брюшке. Тем не менее он производил впечатление крепкого парня. Том загородил ему дорогу.

– Это опять ты, – раздраженно буркнул солдат. На секунду остановился, затем, толкнув Тома грудью, двинулся дальше.

– А ты не толкайся, – хватая его за рукав, сказал Том. – Все равно не уйдешь.

Солдат изумленно замер и смерил его взглядом. Том был по меньшей мере дюйма на три ниже его, этакий белокурый ангелочек в старом синем свитере и кедах.

– А ты для своего роста бойкий малыш, – заметил солдат. – Ладно, не путайся под ногами. – И он отстранил его рукой.

– Кто ты такой, чтобы толкаться, Сидней? – Том резко ткнул его ладонью в грудь. Вокруг начал собираться народ. Солдат покраснел от злости:

– Убери руки, малыш, а то я сделаю тебе больно...

– Чего это ты, мальчик? – удивилась девушка. Перед выходом из кинотеатра она успела снова накрасить губы, но на подбородке у нее

оставались размазанные следы от помады. Любопытство обступивших их людей было ей неприятно. – Если ты решил пошутить, то это вовсе не смешно.

– Это не шутка, Анжела, – ответил Том. – Я требую, чтобы он извинился.

– Извинился? За что? – недоуменно спросил солдат, обращаясь к собравшейся толпе. – Эти парни, наверно, с приветом.

– Или ты извинишься за то, что твоя девушка сказала нам в кино, или пеняй на себя, – твердо сказал Том.

– Пошли, Анжела, мы собирались выпить пива. – Солдат повернулся, чтобы уйти, но Том вцепился ему в рукав и с силой дернул. Послышался треск лопнувшей по шву ткани.

– Ах ты гаденыш, ты порвал мне гимнастерку, – взвился солдат. – Ну, это тебе даром не пройдет. – Он размахнулся, но Том отскочил, и удар пришелся ему в левое плечо.

– О-о, – громко застонал он, схватившись за плечо и согнувшись пополам, точно от невыносимой боли.

– Вы видели? – повернулся Клод к толпе. – Вы видели, как этот человек ударил моего друга?

– Послушай, парень, – обратился к солдату седой мужчина в плаще. – Не смей его бить, он же еще совсем ребенок.

– Да я его просто легонько шлепнул, – начал виновато оправдываться солдат. – Он пристаёт ко мне уже целый...

Том неожиданно выпрямился и снизу ударил солдата кулаком в челюсть, но не слишком сильно, чтобы не отбить у него охоту к драке. Теперь солдата уже ничто не могло остановить.

– Хорошо, малыш, ты сам напросился. – И он двинулся на Тома. Том подался назад. Вместе с ним отступила толпа.

– Посторонитесь, – тоном рефери потребовал Клод. – Дайте людям место.

– Сидней, – пронзительно завизжала девушка, – ты убьешь его!

– Не волнуйся. Я его только чуть-чуть отшлепаю, – ответил солдат. – Научу уму-разуму.

Том извернулся и левой рукой нанес солдату короткий удар по голове, а правой с силой саданул в живот. Солдат крикнул, а Том отскочил назад.

– Отвратительно, – заметила какая-то женщина. – Здоровый мужик, а связался с ребенком. Нужно немедленно прекратить это безобразие.

– Ничего страшного, – сказал ее муж. – Он говорил, что шлепнет его пару раз, и все.

Солдат медленно замахнулся правой рукой, но Том поднырнул под нее и ударил в мягкий живот. От боли солдат согнулся, и Том тотчас заехал ему в лицо обоими кулаками. Сплевывая кровь и вяло размахивая руками, солдат попытался войти в клинч. Том снисходительно разрешил ему схватить себя, но тут же свободным правым кулаком сильно ударил его по почкам. Солдат пошатнулся, медленно опустился на одно колено и сквозь заливавшую глаза кровь невидящим взглядом уставился на Тома. Анжела плакала. Толпа молчала. Том отступил назад. Он даже не запыхался, только на щеках под нежным светлым пушком проступил легкий румянец.

– Боже мой, – прошептала женщина, та самая, что недавно призывала прекратить это безобразие, – а ведь с виду совсем дитя.

Драка заняла не более тридцати секунд.

– Концерт окончен, – объявил Клод, вытирая пот с лица.

Том большими шагами прошел сквозь расступившуюся перед ним толпу. Люди подавленно молчали, словно пытались найти в себе силы забыть противоестественное, жестокое зрелище, которое они только что видели.

Клод догнал его на углу.

– Здорово! Вот это здорово! – восхищенно выдохнул он. – Сегодня ты действовал молниеносно. А комбинации! Боже, какие комбинации!

– «Сидней, ты убьешь его», – подражая девушке, пропищал Том и фыркнул от удовольствия. – Жаль, он слишком быстро скис. Мне следовало подразнить его подольше. Он просто куча дерьма. В следующий раз давай выберем кого-нибудь, кто по-настоящему умеет драться.

– Здорово, – с восторгом повторил Клод. – Я получил истинное удовольствие. Вот бы поглядеть на его морду завтра. Когда ты собираешься это повторить?

– Когда будет настроение, – пожал плечами Том. – Ну пока, до завтра. – Ему захотелось побыть одному и мысленно снова пережить каждый свой удар в этой драке. Клод привык к неожиданным сменам настроения своего друга и относился к ним с уважением: за талант прощается многое.

– Ладно, пока. Завтра увидимся, – сказал он.

Том помахал ему на прощание и свернул за угол. До дома было далеко. Когда у Тома появлялось желание подраться, им приходилось из осторожности ходить в другую часть города: в своем районе его уже все хорошо знали и старались с ним не связываться.

Он легко шагал по темной улице, иногда пускался в пляс вокруг редких фонарей. Вот он им и показал! Показал! Он им еще не то покажет. Всем!

Выйдя на Вандерхоф-стрит, он увидел сестру, приближавшуюся к дому с другого конца улицы. Гретхен шла быстро, опустив голову, и не заметила его. Том нырнул в какой-то подъезд и притаился. Ему не хотелось с ней разговаривать. С тех пор как ему исполнилось восемь лет, она ни разу не сказала ему ничего приятного. Гретхен торопливо подошла к двери рядом с витриной булочной и достала из сумочки ключ. Пожалуй, стоит разок выследить ее и узнать, чем она на самом деле занимается по вечерам.

Выждав, пока сестра поднимется к себе в комнату, Том перешел улицу и остановился у старого, почерневшего от времени здания. Казалось, в доме никто не живет и его вот-вот снесут. Том сплюнул. Вся его веселость сразу пропала. В подвале, как всегда, горел свет – отец работал. Лицо Тома стало жестким, суровым. Всю жизнь в подвале. Что они знают? Ничего! – пронеслось у него в голове.

Осторожно ступая по скрипучей лестнице. Том неслышно поднялся на третий этаж. Он перестал бы уважать себя, если бы шумом выдал свое возвращение. Когда он уходит и когда приходит – это никого не касается. Особенно в такую ночь, как эта. Рукав свитера у него был измазан кровью, и

ему не хотелось, чтобы кто-нибудь из родных обнаружил это и начал вопить.

Войдя в комнату, он тихонько прикрыл за собой дверь и услышал, как ровно дышит спящий крепким сном брат. Славный, правильный Рудольф, настоящий джентльмен, пахнувший зубной пастой, лучший ученик в классе и всеобщий любимчик. Он никогда не возвращается домой перепачканный кровью и вовремя ложится, чтобы, хорошо выспавшись, на следующий день вежливо сказать в школе; «Доброе утро, мэм» – и не пропустить урок тригонометрии. Не зажигая света, Том быстро разделся, небрежно бросив одежду на спинку стула. Ему не хотелось бы отвечать на расспросы брата. Рудольф не был его союзником. Они стояли по разные стороны баррикады. Ну и наплевать!

Однако, когда он лег в их общую двуспальную кровать, Рудольф проснулся.

– Где ты был? – спросил он сонно.

– В кино.

– Ну и как?

– Ерунда.

Братья лежали в темноте и молчали. Рудольф отодвинулся подальше от Тома. Он считал унижительным спать с братом в одной кровати. В комнате было прохладно, Рудольф всегда на ночь открывал окно настежь. Уж кто-кто, а Рудольф обязательно делает все как положено. И спал он как положено – в пижаме. А Том – в одних трусах. По этому поводу у них раза два в неделю происходили споры.

Рудольф принялся:

– Господи, от тебя пахнет, как от лесной зверюги. Что ты делал?

– Ничего, – ответил Том. – Не моя вина, если от меня так пахнет.

Не будь он моим братом, подумал он, я бы живого места на нем не оставил... Зверюга?! Ну что ж, раз они так о нем думают, он и будет зверюгой.

Том закрыл глаза и попытался представить себе, как солдат стоит на одном колене, а по лицу его течет кровь. Он видел эту картину совершенно отчетливо, но удовольствия уже не испытывал.

Его начала бить дрожь. В комнате было холодно, но дрожал он вовсе не поэтому.

Гретхен сидела перед маленьким зеркалом, которое поставила на туалетный столик, прислонив к стене. На самом деле это был просто старый кухонный стол, она купила его на распродаже за два доллара и перекрасила в розовый цвет. Баночки с кремом, щетка для волос с серебряной ручкой, подаренная ей в день восемнадцатилетия, три флакончика с духами и маникюрный набор были аккуратно расставлены на чистом полотенце, постеленном вместо дорожки.

От матери Гретхен унаследовала очень белую кожу и синие с фиолетовым отливом глаза, а от отца – черные прямые волосы. Гретхен была красива. «Я в твоём возрасте была тоже красавицей», – часто повторяла мать, убеждая Гретхен следить за собой, чтобы не «увянуть», как она говорила. Мать не читала ей нотации о том, как вести себя с мужчинами, – она верила в её «добродетель»

(это слово мать тоже любила повторять), но все же, пользуясь своим влиянием, заставляла носить просторные платья, скрывавшие фигуру. «Зачем напрашиваться на неприятности? Они сами не заставят себя ждать», – утверждала она.

Однажды мать призналась Гретхен, что в юности хотела стать монахиней. После того, что случилось сегодня, я и сама бы, пожалуй, ушла в монастырь, с горечью подумала Гретхен. Если бы верила в бога.

Сегодня, как обычно сразу после работы, она поехала в госпиталь, где добровольно дежурила пять вечеров в неделю: разносила раненым книги и журналы, читала письма тем, у кого повреждены глаза, и писала за тех, у кого ранение в руку. Работала бесплатно, но зато чувствовала, что приносит хоть какую-то пользу. Честно говоря, ей даже нравились эти дежурства. Раненые были послушными и благодарными, совсем как дети. В госпитале она была избавлена от похотливых мужских взглядов и назойливых домогательств, которые ей приходилось терпеть в течение всего рабочего дня на службе.

Конечно, многие сестры и сиделки всюду крутили любовь с докторами и легко ранеными офицерами, но Гретхен с самого начала дала всем понять, что она не из таких. Чтобы раз и навсегда оградить себя от приставаний, она вызвалась дежурить в переполненных палатах для рядовых, где практически невозможно было остаться с кем-либо наедине более чем на несколько секунд. Вообще с мужчинами Гретхен была приветливой и разговорчивой, но даже мысли не допускала о какой-то вольности с их стороны. Впрочем, иногда на вечеринках или по дороге домой после танцев она позволяла поцеловать себя, но неловкие прикосновения парней не вызывали в ней никаких эмоций, более того, казались ей бессмысленными, негигиеничными и даже смешными.

В школе никто из ребят не интересовал ее, и она презирала девчонок, сходящих с ума по футболистам и парням с собственной машиной. Все это представлялось ей глупостью. Единственный мужчина, о котором она иногда думала как о возможном любовнике, был мистер Поллак, учитель английского языка, пожилой человек лет пятидесяти с взъерошенными седыми волосами, читавший в классе Шекспира тихим, проникновенным голосом. Его она еще как-то представляла себе в роли возлюбленного, ласкающего ее нежно и печально. Но он был женат и имел двух дочерей ее возраста.

Однако Гретхен не сомневалась: рано или поздно с ней должно произойти что-то необыкновенное и захватывающее – пусть не в этом году и не в этом городе, но обязательно произойдет.

В палатах тускло горели ночники. По распорядку раненые уже легли спать. Как всегда, прежде чем уйти, Гретхен попрощалась с Толбетом Хьюзом. Его ранило в горло, и он лишился речи. Толбет был самым молодым в палате, и Гретхен жалела его больше всех. Ей хотелось верить, что ее прикосновение, ее улыбка и пожелание спокойной ночи скрашивают ему долгие бессонные часы до рассвета. Выйдя из палаты и что-то мурлыча себе под нос, она начала наводить порядок в общей комнате, где обычно раненые читали, писали письма, играли в карты, в шашки и слушали пластинки. Она любила эти последние уютные минуты в конце дежурства, когда госпиталь спал и она

оставалась совсем одна. Прожив всю жизнь в тесноте, здесь, в этой просторной бледно-зеленой комнате с удобными мягкими креслами, Гретхен чувствовала себя хозяйкой элегантного дома, наводящей порядок после успешно прошедшего званого вечера. Закончив уборку, она собралась уходить, как вдруг в комнату, прихрамывая, вошел высокий негр в темно-бордовом халате, надетом поверх пижамы.

– Добрый вечер, мисс Джордах, – сказал он. Его звали Арнольд. Он находился в госпитале уже давно, и Гретхен хорошо его знала. В отделении, где она работала, было всего два негра. Обычно они держались вместе, и сегодня она впервые увидела Арнольда без его приятеля. Гретхен относилась к раненым неграм особенно внимательно. Арнольда ранило во Франции. Осколком снаряда, попавшего в грузовик, который он вел, молодому негру раздробило ногу. Арнольд родился в Сент-Луисе, там же окончил среднюю школу. У него было одиннадцать братьев и сестер.

В госпитале в свободное-от лечения время он читал – читал все, что попадалось под руку. Иногда Гретхен снабжала его книгами. Она сама много читала, и последние два года на ее литературные вкусы большое влияние оказывали католические увлечения мистера Поллака.

– Добрый вечер, Арнольд, – приветливо улыбнулась она. – Что-нибудь нужно?

– Нет, просто не могу заснуть. Увидел здесь свет и решил: пойду-ка поболтаю с нашей очаровательной девочкой мисс Джордах. – Он улыбнулся, сверкнув прекрасными белыми зубами. В отличие от других Арнольд всегда называл ее по фамилии, а не по имени. Он был очень черным и очень худым – халат висел на нем. Гретхен знала, что ему сделали не то две, не то три операции, чтобы спасти ногу, и ей казалось, она видит вокруг его губ страдальческие складки.

– А я уже как раз собралась выключить свет, – заметила она. Следующий автобус отправлялся в город через пятнадцать минут, и ей хотелось успеть на него.

Оттолкнувшись здоровой ногой, Арнольд подпрыгнул и сел на стол.

– Вы даже не представляете, какое удовольствие может испытывать человек, просто посмотрев вниз и увидев, что у него две ноги. Вы идите, мисс Джордах. Вас, наверное, ждет какой-нибудь симпатичный молодой парень, и я не хочу, чтобы он расстроился, если вы опоздаете.

– Меня никто не ждет, и я не спешу, – ответила Гретхен. Ей стало стыдно, что она хотела поскорее отделаться от него ради того, чтобы успеть на автобус.

Арнольд достал из кармана пачку сигарет и предложил ей.

– Спасибо, я не курю.

Он закурил, щурясь от дыма. Все его движения были уверенными и неторопливыми. До призыва в армию он играл в школьной футбольной команде, и даже сейчас в раненом солдате чувствовалась спортивная собранность.

– Почему бы вам не присесть, мисс Джордах, – предложил он, похлопав рукой по столу. – Вы, должно быть, очень устали – весь вечер на ногах.

– Пустяки, – ответила Гретхен. – На работе я целый день сижу. – Но все же села рядом с ним, чтобы показать, что она не спешит.

– У вас красивые ноги, – заметил Арнольд.

Гретхен скользнула взглядом по своим ногам и задержалась на скромных коричневых туфлях на низких каблуках.

– Вроде ничего, – согласилась она. Ей самой нравились ее ноги: стройные, не слишком длинные, с изящной щиколоткой.

– Армия научила меня разбираться в ногах, – сказал Арнольд таким тоном, каким другой сказал бы: «В армии я научился чинить радиоприемники» или «В армии я узнал, как обращаться с картами». В его голосе не Прозвучало и намек на жалость к себе, и Гретхен прониклась еще большим состраданием к этому сдержанному, тихому парню.

– Все будет хорошо, – постаралась она утешить его. – Говорят, врачи сделали с вашей ногой чудеса.

– Еще бы, – хмыкнул он. – Только вряд ли старина Арнольд далеко уковыляет, выйдя отсюда.

– Сколько вам лет, Арнольд?

– Двадцать два. А вам?

– Девятнадцать.

– У нас обоих хороший возраст, – улыбнулся он.

– Да, если бы не война.

– О, я не жалею. – Он затаился. – Благодаря войне я вырвался из Сент-Луиса, война сделала из меня мужчину. – В его голосе слышалась ирония. – Теперь я уже не глупый юнец, знаю правила взрослой игры. К тому же повидал новые места и познакомился с интересными людьми. Вы когда-нибудь бывали в Корнуолле? Это в Англии.

– Нет, не была.

– Кстати, Джордах – это американская фамилия?

– Нет, немецкая. Мой отец перебрался в Штаты из Германии. Во время первой мировой войны он служил в немецкой армии и тоже получил ранение в ногу.

– История – хитрая штука, правда? – усмехнулся Арнольд. – Ну и что же, ваш отец нынче бегаёт всюду?

– Он прихрамывает, но это не очень ему мешает, – осторожно ответила Гретхен.

– Да-а... Корнуолл... – Арнольд задумчиво покачивался, сидя на столе. Похоже, ему надоел разговор о войне и ранениях. – Я познакомился там с одной девушкой, и мы провели с ней вместе целых три месяца. Симпатичное, веселое и нежное создание, о такой мужчина может только мечтать. Она была замужем, но это ничего не меняло: ее муж с тридцать девятого года находился где-то в Африке, и, по-моему, она даже забыла, как он выглядит. Мы ходили с ней в бары, а когда я по воскресеньям получал увольнительную, она готовила мне дома ужин, а потом мы занимались любовью и были счастливы, как Адам и Ева. В Корнуолле я впервые почувствовал себя человеком. – Он замолчал, глядя в потолок, вероятно вспомнил старый городок на берегу моря и веселую,

симпатичную, нежную девушку.

Гретхен тоже молчала. Она всегда испытывала неловкость, когда в ее присутствии говорили об интимных делах, и ее смущала собственная стыдливость, неспособность даже в разговорах воспринимать секс как нечто само собою разумеющееся, а именно так воспринимали его знакомые ей девушки. Пытаясь объективно разобраться в себе, она догадывалась, что в ее скованности главным образом повинны отношения между ее родителями. Их спальню отделял от ее комнаты только узкий корр. Не раз в пять часов утра ее будили шаги отца, возвращавшегося из пекарни, затем слышался его хриплый пропитой голос и жалобные протесты матери. Потом начиналась борьба, а наутро лицо матери являло собой страдальческую маску побежденной мученицы.

А сегодня Гретхен впервые говорила об интимных вещах наедине с мужчиной и тем самым против собственной воли как бы становилась свидетельницей того, что ей хотелось бы изгнать из своих мыслей. Адам и Ева в раю. Два тела – белое и черное. Она старалась не думать об этом, но ничего не могла с собой поделать. И в откровенности парня было что-то многозначительное, намеренное: то были не просто полные тоски воспоминания солдата, вернувшегося с войны на родину, – замирающий шепот скрывал какую-то цель. И почему-то Гретхен знала, что эта цель – она сама. Ей захотелось спрятаться, убежать.

– После ранения, – продолжал Арнольд, – я написал ей письмо, но ответа не получил. Кто знает, может, вернулся домой ее муж. С тех пор я не был близок ни с одной женщиной. Впервые мне разрешили выйти из госпиталя в город в прошлую субботу. Мы с Билли получили увольнительную на весь день. Но в здешних местах двум неграм нечего делать. Это, я вам скажу, не Корнуолл. – Он рассмеялся. – Угораздило же меня попасть сюда! Это, наверное, единственный в Штатах госпиталь, размещенный в городе, где нет ни одного цветного. Мы выпили по банке пива и сели на автобус до речной пристани. Кто-то сказал – там, мол, живет какая-то негритянская семья. Оказалось, никакая это не семья, а просто старый негр из Южной Каролины. Живет он совершенно один в доме на берегу реки. Мы угостили его пивом, наплели про нашу военную доблесть и пообещали в следующее увольнение приехать снова, на рыбалку. Ха, рыбалка!

– Я уверена, – сказала Гретхен, взглянув на часы, – что, когда вас выпишут из госпиталя и вы вернетесь домой, вам обязательно встретится красивая девушка и вы снова будете счастливы. – Ее слова прозвучали натянуто, неискренне и фальшиво, и ей стало стыдно. Она понимала, что ей нужно уйти и снова взглянула на часы.

– Уже очень поздно, Арнольд. – Она хотела спрыгнуть со стола, но он остановил ее, взяв за руку.

– Еще не так уж поздно, мисс Джордах. Откровенно говоря, я давно ждал случая поговорить с вами наедине.

– Я опаздываю на автобус, Арнольд, я...

– Мы с Уилсоном много говорили о вас, – перебил он, не выпуская ее

руку, – и решили на следующую субботу пригласить вас провести с нами день.

– Это очень мило с вашей стороны, но по субботам я ужасно занята. – Гретхен стоило огромных усилий говорить обычным голосом.

– Мы понимаем, в этом городе девушке не стоит показываться в компании двух цветных парней. Здесь к этому не привыкли. Тем более мы простые солдаты...

– Дело вовсе не в этом...

– Вы сядете в автобус в двенадцать тридцать и Доедете до пристани. Мы приедем туда раньше, дадим старику пять долларов на бутылку и отправим его в кино, а сами приготовим отличный обед для нас троих. Дом стоит на самом берегу. Вокруг ни души, никто нос совать не будет. Прекрасно проведем время.

– Ну, мне пора домой, Арнольд, – громко сказала Гретхен. Она знала, что стыд не позволит ей закричать и позвать на помощь, но ей хотелось убедить Арнольда, что она способна на это.

– Вкусный обед, хорошее вино, – с улыбкой шептал Арнольд, продолжая держать ее за руку.

– Я сейчас закричу, – с трудом выдавила из себя Гретхен. «Как он смеет?! Только что был такой вежливый, дружелюбный, и вдруг...».

– Мы с Уилсоном очень высокого мнения о вас, мисс Джордах, – продолжал он. – С тех пор как я вас увидел, ни о ком другом уже и думать не могу. То же самое и Уилсон говорит.

– Вы оба сошли с ума. Да если я пожалуюсь полковнику, вас... – Гретхен хотелось выдернуть руку, но она боялась: вдруг кто войдет и увидит, как они возятся. Объяснение будет не из приятных.

– Как я сказал, мы очень высокого мнения о вас, мисс Джордах, – повторил Арнольд, – и готовы заплатить, за это. У нас с Уилсоном скопилась приличная сумма: пока мы были на фронте, нам капало армейское Жалованье, а кроме того, мне очень везло в игре в кости здесь, в госпитале. Восемьсот долларов! Подумайте, мисс Джордах. Восемьсот долларов за несколько часов, проведенных с нами на берегу реки. – Он отпустил ее руку, быстро соскочил со стола и, прихрамывая, двинулся к двери, на полдороге остановился, обернулся и, взглянув на нее, добавил: – Необязательно давать ответ прямо сейчас, мисс Джордах. До субботы еще целых два дня. У вас есть время подумать. Мы будем на пристани с одиннадцати утра до самого вечера. Можете приезжать в любое время, когда освободитесь. Мы вас ждем. – Расправив плечи и стараясь не держаться за стену, он вышел из комнаты.

Несколько минут Гретхен сидела неподвижно, затем слезла со стола, подошла к выключателю и погасила свет на случай, если кто-нибудь вдруг войдет, – ей не хотелось, чтобы сейчас видели ее лицо. Немного постояла, прислонившись к стене и прижав ладони ко рту, потом быстро прошла в раздевалку, переделалась и почти бегом понеслась к автобусной остановке.

Мэри Джордах в засаленном зеленом сатиновом халате стоит у окна. Она курит, не замечая, как пепел сыплется ей на грудь. В приюте она была самой аккуратной и педантичной из воспитанниц, чистой и красивой, точно цветок в хрустальной вазе. Монахини знали, как приучать сирот к порядку и

аккуратности. Но теперь она превратилась в неряху, растолстела, не следит ни за фигурой, ни за лицом; целыми днями ходит непричесанная, не заботится о том, как одета. Монахини внушили ей любовь к религии и церковным обрядам, но вот уже почти двадцать лет, как она не ходит в церковь. Когда у нее родилась Гретхен, ее первый ребенок, Мэри договорилась со священником о крестинах, но Аксель категорически отказался даже близко подойти к купели и впредь не разрешил жертвовать на церковь ни цента. А ведь сам-то он по рождению католик.

Трое некрещеных и неверующих детей и богохульник муж, ненавидящий церковь. Это ее тяжкий крест.

Она не знала своих родителей. Приют в Буффало заменил ей и мать и отца.

В приюте же ей дали фамилию – Пэйс. Мысленно она всегда называла себя Мэри Пэйс, а не Мэри Джордах или миссис Джордах. Когда она уходила из приюта, настоятельница сказала ей, что, возможно, ее мать – ирландка, но наверняка, конечно, никто этого не знает. Настоятельница наказала ей помнить, что в ее жилах течет кровь падшей женщины, и не поддаваться соблазнам. Ей тогда было всего шестнадцать лет – розоволицая хрупкая девушка с великолепными золотистыми волосами. Когда у нее родилась дочь, она хотела назвать девочку Колиной – в память о своем ирландском происхождении. Но Аксель не любил ирландцев и сказал, что девочку будут звать Гретхен. Сказал, что знал в Гамбурге одну шлюху по имени Гретхен. Со времени их женитьбы прошел всего лишь год, но он уже тогда ненавидел ее.

С Джордахом она познакомилась на озере Буффало в ресторане, где работала официанткой. Ее туда направили из приюта. Ресторан принадлежал мистеру и миссис Мюллер, пожилой паре немецкого происхождения. Приют направил ее к Мюллерам, поскольку они были люди добрые и регулярно ходили в церковь. Мюллеры хорошо к ней относились, поселили ее в комнате над своей квартирой и не разрешали никому из посетителей приставать к ней. Три раза в неделю отпускали ее в вечернюю школу. Она ведь не собиралась всю жизнь работать официанткой.

Аксель Джордах, крупный молчаливый молодой человек, прихрамывавший на одну ногу, эмигрировал из Германии в двадцатом году и служил здесь матросом на озерных судах, а в зимнее время, когда озеро замерзало, работал у Мюллера поваром или пекарем: он научился готовить и печь в первую мировую войну, когда после ранения оказался негодным к строевой службе и его оставили работать поваром в госпитале во Франкфурте.

И вот только потому, что в далекую войну какой-то парень, выйдя из госпиталя, почувствовал себя чужим в родной стране и решил искать счастья в Америке, она сейчас стоит у окна в убогой комнатухе над булочной, где день за днем жертвует собой, постепенно расставаясь с молодостью, красотой и надеждами. И конца такой жизни не видно.

Когда они познакомились, Аксель почти не говорил по-английски и заходил в ресторан Мюллеров, чтобы хоть немного поболтать на родном языке. С ней он был вежливым, не позволял никаких вольностей и даже не пытался взять ее за руку. В дни между рейсами он провожал ее в школу и обратно

домой. Как-то он попросил ее учить его языку и еще до женитьбы стал великолепно говорить по-английски. Вокруг удивлялись, узнавая, что он родился и вырос в Германии. Бесспорно, Аксель был умным человеком, но свой интеллект он использовал, чтобы мучить ее, себя и окружающих его людей.

До того как сделать предложение, он ни разу не поцеловал ее. В то время ей уже было девятнадцать – столько же, сколько сейчас Гретхен. Аксель всегда был к ней внимателен, всегда чисто вымыт и тщательно побрит. Возвращаясь из рейсов, неизменно приносил ей маленькие подарки – конфеты, цветы.

Целых два года он ухаживал за ней и лишь на третий – сделал предложение. Не решался раньше, боясь отказа: все-таки он иностранец, и к тому же хромой, объяснил он. Как, должно быть, он смеялся в душе, увидев на ее глазах слезы, вызванные его скромностью и неуверенностью в себе. О, это был настоящий сатана с коварными, далеко идущими замыслами!

Она согласилась выйти за него замуж. Может быть, ей даже казалось, что она любит его. Аксель был довольно привлекательным молодым человеком: черные, как у индейца, волосы, серьезное, умное худое лицо, ясные карие глаза, которые при виде ее становились мягкими и заботливыми. Поначалу он прикасался к ней с такой осторожностью, словно она была фарфоровой. Когда она сообщила ему, что «родилась вне закона», Аксель сказал, что давно знает об этом от мистера Мюллера и это не имеет никакого значения – так даже лучше, потому что с ее стороны некому возражать против их женитьбы. У самого Акселя отец в пятнадцатом году погиб на русском фронте, а мать спустя год вторично вышла замуж и переселилась из Кельна в Берлин. Младший брат, которого Аксель терпеть не мог, женился на богатой американке немецкого происхождения, приехавшей после войны в Берлин навестить родственников. Сейчас брат с женой жили в штате Огайо, но Аксель не поддерживал с ними никаких отношений. В общем, он был таким же одиноким, как и она.

Выходя за него замуж, Мэри поставила обязательные условия. Во-первых, он должен бросить свою нынешнюю работу – ей не нужен муж, который большую часть года проводит на пароходе, оставляя ее дома одну, и к тому же матрос – это все равно что Чернорабочий. Во-вторых, они должны уехать из Буффало – здесь все знают, что она внебрачный ребенок и воспитывалась в сиротском приюте, а людей, посещавших ресторан, где она служила официанткой, встречаешь вообще на каждом шагу. И последнее условие – они должны венчаться в церкви.

Аксель согласился на все. Сатана, сущий сатана в образе человеческом! У него было накоплено немного денег, и с помощью мистера Мюллера он связался с человеком, продававшим в Порт-Филипе булочную с пекарней. За две недели до свадьбы Джордах привез невесту осмотреть булочную, в которой ей придется провести всю жизнь, и заодно взглянуть на расположенную этажом выше квартиру, где ей будет суждено зачать троих детей. Свежевыкрашенный магазинчик с огромным зеленым навесом, защищавшим от майского солнца витрину с аккуратно разложенными пирожными и домашним печеньем, стоял на чисто выметенной торговой улице тихого района, протянувшегося до самой реки. Вокруг большие удобные дома с зелеными лужайками. Они с Акселем

сидели на скамейке под деревом на берегу реки и глядели, как по голубой глади скользят парусные лодки. С белого экскурсионного парходика, курсировавшего между Порт-Филипом и Нью-Йорком, доносились звуки вальса.

О чем она только не мечтала в тот яркий день на реке! Когда они здесь обоснуются, она отремонтирует булочную, повесит на окна занавески, поставит несколько столиков со свечами и будет подавать посетителям горячий шоколад, чай; со временем они купят соседний магазин – пока он пустовал – и откроют там маленький ресторан, но не для рабочих, как у Мюллеров, а для коммивояжеров и более состоятельной публики. Она уже Видела, как ее муж в темном костюме и галстуке «бабочкой» проводит посетителей к столикам, официантки в накрахмаленных муслиновых фартуках спешат из кухни с тяжелыми подносами, а сама она сидит за кассой и, получая деньги, с улыбкой говорит: «Надеюсь, вам у нас понравилось?». А вечером после закрытия ресторана они с мужем проводят время в кругу друзей за кофе с пирожными.

Откуда ей было знать, что этот район так обветшает, что люди, с которыми ей хотелось бы завязать приятельские отношения, будут гнушаться ее обществом, а тех, кто с удовольствием водил бы с ней дружбу, она будет считать ниже себя; что магазин, который она мечтала купить под ресторан, снесут и на его месте построят огромный гараж, и оттуда будет доноситься лязганье металла; что большие дома с окнами на реку превратятся в жалкие трущобы или тоже будут снесены, а их место займут свалки и скобяные мастерские.

Где они, столики с горячим шоколадом и пирожными, где свечи и занавески, где официантки? Ничего этого нет и не будет. Из года в год она по двенадцать часов в день простаивает за прилавком, продавая буханки грубого хлеба механикам в засаленных спецовках, неряшливо одетым домохозяйкам и грязным ребятишкам, чьи родители, напившись, субботними вечерами дерутся на улице.

Ее мучения начались с первой брачной ночи. Это произошло во второразрядной гостинице на Ниагарском водопаде. Все радужные надежды застенчивой розоволицей хрупкой девушки превратились в прах под скрип пружин старой гостиничной кровати. Беспомощно распростертая под тяжелым, грубым, не знавшим усталости телом, она поняла, что вынесла себе пожизненный приговор.

В конце первой недели медового месяца она написала записку, что кончает жизнь самоубийством. Потом порвала ее. Еще много раз она будет писать и рвать такие записки. Воспитанная монахинями в строгих правилах, она была стыдливой и робкой, мечтала о благородстве и нежности. Аксель же повзрослел, имея дело с проститутками, и, наверно, считал, что все женщины, заслуживающие того, чтобы на них женились, должны лежать в супружеской постели, оцепенев от ужаса.

Спустя несколько месяцев Джордах наконец понял ее непреодолимое молчаливое отвращение. Это лишь разъярило его, и он стал еще агрессивнее. И вот уже двадцать лет он осаждает ее, безнадежно и с ненавистью, какою,

по-видимому, испытывает полководец великой армии, не сумевший взять приступом жалкий загородный домик.

Но ссорились они не поэтому. Скандалы были из-за денег. Чтобы выпросить у Акселя каких-нибудь десять долларов на новые туфли или, позднее, на приличное школьное платье для Гретхен, ей приходилось долгие месяцы пилить его и устраивать ему сцены. Он вечно попрекал ее куском хлеба. И она не знала, сколько денег у него на счету в банке. Он экономил на всем как одержимый. На его глазах разорилась вся Германия, и он был уверен, что то же самое может случиться с Америкой.

Когда Гретхен окончила среднюю школу, о поступлении в колледж не могло быть и речи, хотя, как и Рудольф, она всегда считалась лучшей ученицей в классе. Ей пришлось сразу поступить на работу и каждую пятницу половину жалованья отдавать отцу. «В колледжах из порядочных девушек делают шлюх», – сказал Аксель. А Мэри знала, что Гретхен выйдет замуж за первого мужчину, который сделает ей предложение, только бы поскорее сбежать от отца, – еще одна загубленная жизнь в этой бесконечной цепи.

Лишь когда дело касалось Рудольфа, Аксель не считался с расходами. Красивый, с хорошими манерами, учтивый и ласковый, Рудольф был надеждой семьи. Учителя восхищались им. В своем старшем сыне и Мэри и ее муж видели вознаграждение за все свои неудачи. У Рудольфа были способности к музыке, он играл в школьном оркестре на трубе. В конце, прошлого года Аксель купил ему сверкающую, точно золотую трубу. До этого Аксель никому в семье не делал подарков. Рудольф играл в клубе на танцах. Аксель дал ему займы тридцать пять долларов на смокинг – неслыханная щедрость с его стороны! – и разрешил оставлять себе все заработанные на вечерах деньги. «Не трать их. Они пригодятся тебе, когда поступишь в колледж», – сказал он. С самого начала было негласно решено, что Рудольф будет учиться в колледже. Чего бы это ни стоило.

Она чувствует себя виноватой. Вся ее любовь сосредоточилась на старшем сыне. Но она так измучена, что у нее не хватает сил любить двух других своих детей. Когда он рядом, она всякий раз старается погладить его, когда он спит, заходит к нему в комнату и целует его в лоб; вечерами, падая с ног от усталости, она стирает и гладит его рубашки, чтобы все видели, какой он чистый и красивый. Она вырезает из школьной газеты заметки о его победах на спортивных состязаниях и аккуратно вклеивает табели с его отметками в альбом, который держит на своем туалете столике рядом с томиком «Унесенные ветром».

Ее младший сын Томас и ее дочь просто живут в одном доме с ней. А Рудольф – это ее плоть и кровь.

На Томаса она не возлагает никаких надежд. Уж больно у него насмешливое лицо. Хулиган, вечно затевает драки, в школе сплошные неприятности, дерзит, над всеми издевается и все делает по-своему, не считается ни с чем, приходит и уходит, когда ему заблагорассудится, и никакие наказания на него не действуют. Где-нибудь, в каком-нибудь календаре день, когда ее сын Томас будет опозорен, уже отмечен кроваво-красной цифрой как

некий жуткий праздник. И ничего тут не поделаешь. Не любит она его и не может ему ничем помочь.

Итак, семья спит, а мать стоит на распухших ногах у окна. Измученная бессонницей и изнурительным трудом, расплывшаяся, неряшливая больная женщина, избегающая смотреть на себя в зеркало, регулярно решающая покончить жизнь самоубийством, седая в сорок два года, она курит сигарету за сигаретой, обсыпая пеплом засаленный халат.

Слышится гудок паровоза, солдат везут в далекие порты навстречу грохоту канонады. Слава богу, Рудольфу еще нет семнадцати. Она умрет с горя, если его заберут на войну.

Она закуривает последнюю сигарету, снимает халат и ложится в постель. Лежит и курит. На несколько часов она забудется сном. Но она знает, что тотчас проснется, едва на лестнице раздадутся тяжелые шаги мужа, провонявшего потом и виски за ночь работы в пекарне.

2

Часы показывали без пяти двенадцать, но Гретхен продолжала печатать. Была суббота, и остальные девушки уже кончили работу и прихорашивались, собираясь уходить. Луэлла Девлин и Пат Хаузер пригласили Гретхен пойти с ними пообедать, но у нее сегодня не было настроения слушать их пустую болтовню. К сожалению, она уже почти все допечатала и не было оснований задерживаться.

Вот уже два дня Гретхен, сказавшись больной, не появлялась в госпитале. Сразу после работы она возвращалась домой и никуда не выходила. Она была слишком взвинчена, чтобы сидеть с книгой, и поэтому решила разобрать свой гардероб: стирала и без того идеально чистые блузки и в который раз утюжила безукоризненно отглаженные платья. Когда никакой работы уже не оставалось, мыла голову и укладывала волосы, делала маникюр, упорно предлагала сделать маникюр Руди, хотя всего неделю назад привела его ногти в порядок.

В пятницу она никак не могла уснуть и поздно вечером, когда все уже спали, спустилась в пекарню к отцу. Тот взглянул на нее с удивлением. Но промолчал. И ничего не сказал, даже когда она села на стул и поманила кошку: «Кис-кис». Кошка повернулась к ней спиной и ушла прочь: ода знала, что от людей добра ждать нечего.

– Пап, – сказала Гретхен, – мне надо с тобой поговорить.

Джордах выжидающе молчал.

– На этой работе у меня нет никаких перспектив, меня никогда не повысят, и жалованье мне тоже не прибавят... К тому же после войны производство обязательно сократится, и меня могут просто уволить.

– Война еще не кончилась, – заметил Аксель, – и еще полно идиотов, ожидающих своей очереди на тот свет.

– Я подумала, может, мне лучше поехать в Нью-Йорк и подыскать там хорошее место? Я неплохой секретарь, а в нью-йоркских газетах полно объявлений с предложениями самой разной секретарской работы, за которую

платят в два раза больше, чем я сейчас получаю.

– Нет, – отрезал Аксель.

– Почему?

– Потому что я сказал «нет».

– Пап, но ведь я смогу посылать домой гораздо больше денег...

– Нет, – не дослушав, повторил Джордах. – Когда тебе исполнится двадцать один год, можешь уезжать куда угодно, а сейчас тебе только девятнадцать, и придется терпеть гостеприимство родительского дома еще два года. Улыбайся и терпи. – Он вынул пробку из бутылки, сделал большой глоток виски и нарочито грубо вытер губы тыльной стороной ладони, измазав лицо мукой.

– Я должна уехать из этого города, – настаивала Гретхен.

– Есть города и похуже, – сухо ответил Джордах. – Поговорим об этом через два года.

В пять минут первого Гретхен сложила в ящик стола аккуратно отпечатанные бумаги. Все служащие уже ушли. Она закрыла машинку чехлом, пошла в туалет и посмотрела на себя в зеркало. Лицо у нее горело. Она умылась холодной водой, затем достала из сумочки флакон, смочила духами палец и легонько прикоснулась к мочкам ушей.

Оказавшись на улице, она не сразу сообразила, что идет к автобусной станции. Шла медленно, то и дело останавливаясь перед витринами магазинов. Разумеется, она не собиралась ехать ни на какую пристань. Был день, ярко светило солнце, и все ночные фантазии остались позади. А впрочем, почему бы не проехаться вдоль берега? Потом можно будет где-нибудь сойти и подышать свежим воздухом.

За квартал до станции Гретхен увидела Томаса. Он стоял возле аптеки, окруженный ребятами довольно хулиганского вида. Они играли в расшибалочку, бросая об стенку монеты. Одна девушка, работавшая вместе с Гретхен, была в среду в кинотеатре «Казино» и видела драку Тома с солдатом. «Твой брат – это что-то жуткое, – говорила она потом Гретхен. – Такой маленький и такой злой. Прямо змея какая-то. Не хотела бы я иметь такого братца». Гретхен сказала Тому, что знает про драку. Вообще-то она и раньше не раз слышала о нем подобные истории. «Ты мерзкий тип», – сказала она ему, но он только самодовольно ухмыльнулся.

Если бы Том заметил ее, она повернула бы обратно, но он был слишком увлечен игрой.

Гретхен вошла в здание автовокзала и взглянула на часы. Без двадцати пяти час. Автобус наверняка ушел пять минут назад, и она, разумеется, не будет торчать здесь еще целых двадцать пять минут, дожидаясь следующего. Но оказалось, что автобус опаздывал и все еще стоял на остановке. Гретхен подошла к кассе.

– Один билет до пристани.

Автобус тронулся. За окном мелькали деревья, зеленеющие молодой листвой; проносились дома, поблескивала лента реки. Все казалось чисто вымытым, прекрасным и нереальным.

– Пристань, – объявил водитель.

Гретхен сошла и остановилась на обочине. Кругом ни души. Конечно же, она не пойдет в тот дом на берегу реки. Пускай стынет обед, а бутылки с виски так и стоят неоткупоренными. Пускай ее поклонники в ожидании бесцельно слоняются по берегу – откуда им знать, что предмет их желаний уже здесь, рядом, откуда им знать, что она затеяла всю эту рискованную игру, чтобы подразнить их! Ей хотелось смеяться, но она боялась нарушить мертвую тишину.

Как было бы восхитительно зайти в этой игре еще дальше! Пройти полпути по усыпанной гравием тропинке и, смеясь про себя, вернуться обратно. А еще лучше, сняв туфли и в одних чулках, неслышно ступая по прошлогодним листьям, пробраться через лес к реке и, спрятавшись за деревьями, посмотреть, как двое мужчин поджидают ту, что должна утолить их похоть. И затем, побывав на краю пропасти, спастись бегством, неслышно улизнуть обратно, чувствуя свое превосходство.

Гретхен перешла дорогу и уже собралась войти в лес, когда вдруг послышался шум быстро приближающейся машины. Она остановилась, делая вид, будто ждет автобуса в Порт-Филип: ей не хотелось, чтобы кто-нибудь видел, как она входит в лес, – тайна прежде всего!

Машина сбавила скорость и затормозила. Гретхен даже не взглянула на нее. Она стояла, устремив взгляд в ту сторону, откуда должен был прийти автобус, хотя прекрасно знала, что его не будет еще по крайней мере полчаса.

– Добрый день, мисс Джордах, – раздался мужской голос. Гретхен почувствовала, как ее лицо заливают краска. «Чего это я краснею как идиотка?» – промелькнуло у нее в голове. В конце концов, она имела полное право приехать сюда. Ведь никто не знает про тех двух парней, про обед, выпивку и восемьсот долларов. Она не сразу узнала мистера Бойлана, владельца кирпично-черепичного завода, носившего его имя. Он сидел в «бьюике» с откидным верхом. До этого Гретхен видела его всего раз или два, когда он приходил на завод. Стройный блондин, загорелый, чисто выбритый, с пушистыми светлыми бровями, ботинки начищены до блеска.

– Добрый день, мистер Бойлан, – ответила Гретхен, не двигаясь с места. Она не хотела подходить ближе, боясь, что он заметит, как она покраснела.

– Как вас сюда занесло? – В его голосе звучало уверенное превосходство. И в то же время он сказал это так, словно был изумлен, что симпатичная молодая девушка в туфлях на высоких каблуках совершенно одна стоит у самого леса.

– Сегодня такой чудесный день, – почти заикаясь, сказала Гретхен. – Я часто позволяю себе небольшие прогулки, когда рано освобождаюсь.

– Вы гуляете одна? – недоверчиво спросил он.

– Я люблю природу, – вымученно ответила Гретхен и, увидев, как он с улыбкой взглянул на ее туфли, безнадежно соврала: – Вот и сегодня неожиданно для себя села в автобус и приехала сюда. Теперь жду автобуса обратно в город. – В этот момент за ее спиной раздался шорох, и она в ужасе резко обернулась, уверенная, что солдатам надоело ждать и они решили

встретить ее на остановке. Но это просто белка перебежала тропинку.

– Что с вами? – спросил Бойлан, озадаченный ее нервозностью.

– Мне показалось, змея ползет, – сказала Гретхен и с отчаянием подумала: «О боже, все пропало!».

– Для любительницы природы вы что-то слишком пугливы, – серьезно заметил Бойлан.

– Я боюсь только змей, – поспешно ответила Гретхен. Трудно было себе представить более глупый разгр.

– А вы знаете, ведь автобуса еще долго не будет, – взглянув на часы, сказал Бойлан.

– Это неважно, – широко улыбнулась Гретхен, точно ждать автобус у черта на куличках было ее излюбленным занятием в субботний день. – Здесь так хорошо, тихо.

– Разрешите задать вам один серьезный вопрос?

«Начинается, – подумала она. – Сейчас он спросит, кого я здесь жду? – И начала судорожно обдумывать, кого бы ей назвать. – Брата? Подругу? Медсестру из госпиталя?..». Углубившись в мысли, она не расслышала его следующего вопроса.

– Простите, вы что-то сказали?

– Я спросил, вы уже обедали, мисс Джордах?

– Вообще-то я не голодна. Я...

– Тогда садитесь, – махнув рукой, пригласил Бойлан. – Я вас возьму с собой. Ужасно не люблю обедать один. – Он перегнулся через сиденье и открыл ей дверцу.

Послушно, точно ребенок, которому приказывают взрослые, Гретхен перешла дорогу и села в машину. Не будь он ее боссом и к тому же таким старым – ему было лет сорок, сорок пять, – она сумела бы как-нибудь отказаться. Теперь она жалела о несостоявшейся рискованной прогулке через лес, об утраченной возможности продолжить эту почти непристойную игру: быть может, солдаты увидели бы ее и бросились преследовать...

– Вы знаете ресторанчик «Постоялый двор»? – спросил Бойлан, включая зажигание.

– Я слышала о нем, – ответила Гретхен. Это был дорогой ресторан при маленькой гостинице на обрыве над рекой.

– Неплохое местечко, – заметил Бойлан. – Там можно выпить приличного вина.

Всю дорогу они ехали молча: он вел машину быстро, и сильный ветер мешал вести разгр. Временами Бойлан поглядывал на нее с легкой иронической улыбкой. Он явно не поверил ни одному ее слову. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: и впрямь, как она могла оказаться за тридевять земель от города, бессмысленно ожидая автобуса, который придет не ранее чем через полчаса.

В давние времена, когда из Нью-Йорка в северные штаты ездили на дилижансах, гостиница «Постоялый двор» служила почтовой станцией. На лужайке перед красным с белой отделкой зданием стояло на подпорках

огромное колесо старинного фургона.

Гретхен наскоро причесалась, чувствуя себя неловко под взглядом Бойлана.

– Самое прекрасное зрелище, какое может увидеть мужчина в своей жизни, – это причесывающаяся девушка. Недаром, видимо, многие художники выбрали именно такой сюжет, – заметил он.

Гретхен не привыкла слышать подобные вещи. Никто из ребят в школе и никто из молодых людей, увивавшихся за ней на работе, не говорил так. И она сейчас даже не могла понять, нравится ей это или нет. Ей почему-то показалось, что Бойлан таким образом вторгается в ее личную жизнь. Она достала помаду, собираясь подкрасить губы, но Бойлан остановил ее.

– Не надо, – авторитетно заявил. – И так достаточно. Более чем достаточно. Пошли.

С поразительным для своего возраста проворством он выскочил из машины, обошел кругом и открыл ей дверцу. «Вот это воспитание!» – машинально отметила про себя Гретхен, следуя за ним в гостиницу. На нем был пиджак из твида в едва заметную мелкую клеточку, серые брюки из тонкой шерстяной ткани, мягкая кашемировая рубашка, а вместо галстука шейный платок. Коричневые туфли или, вернее, как она узнала позже, ботинки для верховой езды, начищены до блеска. «Он ненастоящий, точно из Какого-то журнала, – подумала Гретхен. – Почему я рядом с ним?»

Ей казалось, что по сравнению с ним она одета безвкусно. Она чувствовала себя неуклюжей в темно-синем платье с короткими рукавами, которое сегодня утром так долго выбирала. Гретхен не сомневалась, что Бойлан уже жалеет о своем приглашении. Но он открыл перед ней дверь и, слегка поддерживая ее за локоть, повел в бар, отделанный в стиле таверн восемнадцатого столетия: мореный дуб, а на стенах оловянные кружки и тарелки. В баре сидели всего две пары. Бойлан подвел Гретхен к стойке и помог сесть на высокий деревянный табурет. К ним тут же подошел негр-бармен в белоснежной накрахмаленной куртке, стерильно чистый, точно хирург перед операцией, и услужливо улыбнулся.

– Добрый день, мистер Бойлан. Что будет угодно, сэр?

– Дорогая, что вы будете пить? – повернулся к ней Бойлан.

– Все равно, – ответила Гретхен. Откуда ей было знать, что она будет пить, если крепче кока-колы она никогда еще ничего не пила. Она с ужасом ждала, когда принесут меню – оно наверняка на французском, а она в школе учила испанский и латынь. Латынь!

– Кстати, надеюсь, вам уже есть восемнадцать?

– Конечно, – ответила Гретхен, зардевшись. Ну почему она всегда так некстати краснеет? Слава богу, в баре было темно.

– Я не хочу, чтобы меня привлекли к суду за развращение несовершеннолетних, – улыбнулся Бойлан и обратился к бармену: – Бернад, приготовь для дамы что-нибудь сладкое. Пожалуй, лучше всего твой ни с чем не сравнимый, бесподобный дайкири.

«Ни с чем не сравнимый, бесподобный», – повторяла про себя Гретхен.

Слова-то какие. Никто сейчас так не говорит. И возраст у нее не тот, и одета она не так, и покрашена тоже не так – все это настроило ее враждебно. Наблюдая, как Бернард выжал лимон, а затем, смешав сок со льдом, начал ловко трясти шейкер в больших черных руках с розоватыми ладонями, она почему-то вспомнила слова Арнольда: «Адам и Ева в раю». Если бы мистер Бойлан хоть чуть-чуть догадывался... Он не стал бы снисходительно шутить о развращении несовершеннолетних.

Пенистый напиток был удивительно вкусным, и Гретхен выпила его залпом, как лимонад. Бойлан смотрел на нее, с театральным изумлением поднимая брови.

– Бернард, повтори, пожалуйста, – сказал он и, когда бармен поставил перед ней второй дайкири, заметил: – Могу я дать вам совет, детка? На вашем месте второй коктейль я бы пил помедленнее. Все-таки в нем ром.

– Я знаю, – с достоинством ответила она. – Просто мне очень хотелось пить. Я долго стояла на солнце.

– Понимаю, детка.

«Детка». Никто никогда не называл ее так. Ей нравилось это слово и манера Бойлана произносить его – спокойно, неназойливо.

Вскоре, держа в руках два меню, в бар вошел метрдотель и с легким поклоном сказал:

– Рад вас видеть, мистер Бойлан.

Все были рады видеть мистера Бойлана в его до блеска начищенных ботинках.

– Мне заказать и для вас? – спросил он.

Гретхен не раз видела в кино, что мужчины в ресторанах заказывают за своих дам. Но одно дело – видеть это на экране и совсем другое – когда такое же случается с тобой в жизни.

– Да, пожалуйста, – ответила она и с восторгом подумала: – Ну прямо как в романе.

Бойлан и метрдотель коротко, но очень серьезно обсудили меню, вина. Затем метрдотель ушел, сказав, что пригласит их в зал, когда стол будет накрыт. Бойлан достал золотой портсигар и предложил ей сигарету. Гретхен отрицательно покачала головой.

– Вы не курите?

– Нет. – Она почувствовала, что не отвечает стандартам этого ресторана. И то, что она не курит, идет вразрез со всей ситуацией. Несколько раз она пробовала курить, но у нее тотчас начинался кашель и краснели глаза. Кроме того, ее мать курила сигарету за сигаретой, а Гретхен не желала ни в чем походить на мать.

– Вот и отлично, – сказал Бойлан, прикуривая от золотой зажигалки. – Мне не нравится, когда девушки курят. Сигареты убивают аромат юности.

«Словоблудие. Выпендривается», – подумала Гретхен, но без раздражения: он явно старался произвести на нее впечатление, и это льстило ей. Неожиданно она ощутила запах своих духов и забеспокоилась, не покажется ли ему этот запах дешевым.

– Признаться, меня очень удивило, что вам известна моя фамилия. Я видела вас на заводе всего раз или два, и вы никогда не заходили в наш отдел.

– А я вас сразу заметил и никак не мог понять, что может делать девушка с вашей внешностью в таком паршивом заведении, как «Кирпич и черепица Бойлана».

– Ну, не так уж там плохо, – возразила Гретхен.

– Вот как? Рад слышать. А у меня сложилось впечатление, что все мои служащие ненавидят завод, и я взял за правило появляться там не чаще раза в месяц, и то не дольше чем на пятнадцать минут. Этот завод действует мне на психику.

Появился метрдотель.

– Все готово, сэр, – сказал он.

Они пошли за ним через зал ресторана. Занято было всего восемь – десять столиков. Полковник в компании молодых офицеров, несколько пар в твидовых костюмах.

Пока они двигались через зал к своему столику у окна, разговор смолк. Она почувствовала взгляды молодых офицеров и поправила прическу. Жаль, что Бойлан такой старый.

Метрдотель принес бутылку красного французского вина, а немедленно появившийся официант поставил на стол первое блюдо. В «Постоялом дворе» явно не испытывали недостатка в рабочих руках.

Бойлан поднял за нее бокал, и они сделали по глотку. Вино было теплое и, как ей показалось, отдавало пылью. Но она была уверена, что со временем ей понравится этот привкус.

– Надеюсь, вы любите мякоть пальм? – спросил он. – Я привык к этому блюду, живя на Ямайке. Это было давно, еще до войны, конечно.

– Очень вкусно, – ответила Гретхен, хотя сочла блюдо совершенно безвкусным. Зато приятна была сама мысль, что ради того, чтобы подать ей крохотную порцию этого деликатеса, потребовалось срубить целую пальму.

– После войны, – продолжал Бойлан, ковыряя вилок в тарелке, – я собираюсь обосноваться на Ямайке. Буду круглый год загорать на белом песке. Когда наши парни вернутся с победой домой, жизнь в Штатах станет невыносимой. Там, где могут жить герои, неподходящее место для Теодора Бойлана. Непременно приезжайте навестить меня.

– Обязательно, – ответила Гретхен. – При моем жалованье на заводе Бойлана мне в самый раз прокатиться на Ямайку.

Он засмеялся:

– Наша семья больше всего гордится именно тем, что с тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года мы упорно недоплачиваем нашим служащим.

– Семья? – переспросила Гретхен. Насколько ей было известно, он был единственным Бойланом в Порт-Филипе. Все в городе знали, что он живет совершенно один (не считая слуг, конечно) в особняке за каменной оградой огромного поместья за городом.

– Мы целая империя, – сказал Бойлан. – Наши славные владения простираются от Атлантики до Тихого океана, от поросшего соснами штата

Мэн до пропахшей апельсинами Калифорнии. Кроме цементного и кирпичного заводов в Порт-Филипе существуют еще судостроительные верфи Бойлана, нефтяные компании Бойлана, заводы тяжелого машиностроения Бойлана. Они разбросаны по всей этой великой стране, и во главе каждого такого предприятия стоит Бойлан. Мои братья, дяди, кузены поставляют военные материалы любимой отчизне с прибылью для себя. Есть даже один генерал-майор Бойлан, который во имя нации наносит решительные удары по службе снабжения в Вашингтоне. Стоит в воздухе запахнуть долларом, как первым в очереди будет стоять какой-нибудь Бойлан.

Гретхен не привыкла, чтобы кто-нибудь так пренебрежительно отзывался о своих родственниках, и ее неодобрение, по-видимому, отразилось на ее лице.

– Я вас шокировал? – усмехнулся Бойлан. – Но я вовсе не такой плохой. У нашей семьи есть одно достоинство, и его я ценю безоговорочно. Мы богаты. О-очень, о-очень богаты, – засмеялся он.

– И все же, – сказала Гретхен, надеясь, что он не такой циничный, каким хочет казаться, и просто устроил представление, чтобы поразить легковерную девчонку, – и все же вы работаете, Бойланы много сделали для нашего города...

– О, это уж точно. Они из него всю кровь выпили. Не спорю, они питают к этому городу сентиментальные чувства. Порт-Филип – самое незначительное владение в нашей империи, не стоящее того, чтобы на него тратил время истинный, стопроцентный, энергичный отпрыск семейства Бойланов. Но тем не менее Бойланы держат Порт-Филип при себе. Ваш покорный слуга, последний по значению в семье, уполномочен жить в захудалом провинциальном родовом поместье, чтобы два раза в месяц, являя себя служащим завода, демонстрировать величие и могущество Бойланов. И я выполняю этот ритуал с должным уважением, а сам не дождусь, когда замолчат пушки, чтобы отбыть на Ямайку.

Он не только своих родных, он и себя ненавидит! – подумала Гретхен. Его быстрые светлые глаза мгновенно заметили перемену в ее лице.

– Я вам не нравлюсь? – спросил он.

– Да нет, – ответила она. – Просто вы не похожи ни на кого из моих знакомых.

– Лучше или хуже их?

– Не знаю...

Бойлан серьезно кивнул:

– В таком случае вопрос не снимается с повестки дня.

Они уже выпили бутылку вина, а до конца обеда еще было далеко. Метрдотель поставил перед ними вторую бутылку и чистые бокалы. Вино обожгло Гретхен горло, кровь бросилась в лицо. Разговоры в зале доносились до нее ритмичным, успокаивающим гулом, точно отдаленный прибор. Она вдруг почувствовала себя в ресторане как дома и громко рассмеялась.

– Почему вы смеетесь? – подозрительно спросил Бойлан.

– Потому что я здесь, а могла бы быть совсем в другом месте.

– Вы должны чаще пить, – заметил Бойлан, похлопав ее по руке своей

твердой сухой ладонью. – Вам это идет. Вы очень красивая, детка, очень красивая.

– Мне тоже так кажется, – ответила Гретхен, и теперь уже рассмеялся Бойлан. – Сегодня, – смущенно поправилась она.

Когда официант подал кофе, Гретхен была уже совершенно пьяна. Поскольку никогда раньше с ней такого не случалось, она не понимала, в чем дело, и сознавала лишь, что все краски стали ярче, река внизу синела кобальтом, а заходившее над далекими утесами солнце отливало ослепительным золотом. Мужчина, сидевший напротив, из незнакомца и ее хозяина превратился в самого лучшего, самого близкого друга. Его симпатичное загорелое лицо светилось искренним вниманием, прикосновения его теплой руки несли доброжелательность, его смех был заслуженной наградой ее остроумию. И она могла поделиться с ним всеми своими секретами, рассказать о самом сокровенном.

Она была намерена посвятить Тедди (когда принесли десерт, мистер Бойлан был для нее уже просто Тедди) в свою величайшую тайну, не известную ни одной живой душе: как только кончится война, она уедет в Нью-Йорк и станет актрисой. Она прочитала ему монолог из «Как вам это понравится». Язык у нее слегка заплетался. Тедди почтительно поцеловал ей руку, и она приняла это как должное.

Согретая неослабевающим вниманием своего кавалера, она чувствовала себя блистательной, яркой, неотразимой. Она расстегнула две верхние пуговицы платья. Пусть видят, как она прекрасна. Впрочем, в ресторане действительно было безумно жарко. Она говорила о вещах, о которых не принято говорить, произносила вслух слова, которые до этого видела только написанными на заборах. Она достигла полной раскованности – привилегии аристократов.

– Я вообще не обращаю на них внимания, – ответила она на вопрос Бойлана о мужчинах, работающих с ней в конторе. – Провинциальные донжуаны. Сводят тебя в кино, угостят мороженым, а потом в машине лезут целоваться, лапают, сопят... Нет, это не для меня. У меня другие планы, я не спешу.

Она резко поднялась из-за стола:

– Спасибо за восхитительный обед. – И после паузы добавила: – Мне нужно в туалет. – Никогда раньше она не осмелилась бы сказать такое ни одному мужчине.

Тедди тоже встал.

– В холле первая дверь налево, – подсказал он. О, Тедди всегда все знает, он везде как дома.

Ощущая на себе взгляд его светлых умных глаз, Гретхен шла через зал намеренно медленно. У нее хорошая осанка – она знала это. У нее тонкая талия, точеная фигура и красивые ноги. Она все это знала и потому шла медленно – пусть Тедди видит и пусть запомнит.

В туалете, взглянув на себя в зеркало, она стерла с губ остатки губной помады. «У меня большой красивый рот, – сказала она своему отражению. –

Почему же я, дура, крашусь, как старая галоша?!»

Когда она вышла, Бойлан уже расплатился и стоял у входа в бар, задумчиво глядя на нее.

– Я куплю тебе красное платье, – неожиданно сказал он. – Пронзительно красное. Чтобы подчеркнуть необыкновенный цвет твоего лица и смоль твоих волос. Когда ты будешь входить в ресторан, все мужчины будут падать перед тобой на колени.

Она рассмеялась: красное, ее цвет. Именно так должен вести себя с женщиной настоящий мужчина! Она взяла его под руку, и они пошли к машине.

На улице похолодало, и Бойлан поднял верх «бьюика». В машине было тепло и уютно. Они ехали медленно, рука Бойлана лежала на ее руке.

– А теперь скажи правду: что ты делала на автобусной остановке у пристани? – спросил он.

Гретхен хихикнула.

– Ты как-то нехорошо смеешься.

– А я была там с нехорошей целью, – игриво ответила она.

Какое-то время они ехали молча.

– Я жду, – сказал Тедди.

«А почему бы и нет? – подумала Гретхен. – В этот замечательный день можно говорить обо всем. Они с Тедди выше банальной ханжеской стыдливости». И она начала рассказывать о том, что случилось в госпитале. Сначала неуверенно, запинаясь, затем все свободнее.

– Будь они белыми, я пожаловалась бы полковнику. Но тут... – Тедди понимающе кивнул, но промолчал и только прибавил скорость. – С того дня я ни разу не была в госпитале, – продолжала Гретхен. – Я умоляла отца отпустить меня в Нью-Йорк. Мне была невыносима сама мысль, что я останусь в одном городе с человеком, который предлагал мне такие вещи. Но отец... С ним невозможно спорить. К тому же я не могла объяснить ему истинную причину: он поехал бы в госпиталь и убил бы этих ребят голыми руками. А сегодня... Я вовсе не хотела идти на автовокзал. Ноги сами понесли меня туда помимо моей воли. Я, конечно, и не думала заходить в тот дом. Наверное, мне просто хотелось выяснить, там ли они и действительно ли есть мужчины, которые способны на такое... Конечно, может, я и прошла бы немного через лес. Возможно, даже дошла бы до самого дома. Просто так, из любопытства. Я ведь ничем не рисковала. Если бы они и заметили меня, мне бы ничего не стоило убежать от них... Они на своих искалеченных ногах едва ходят... – Увлеченная своим рассказом, Гретхен сидела, глядя на туфли, и, только когда машина затормозила, с удивлением увидела, что они остановились возле автобусной остановки у той самой посыпанной гравием и ведущей к реке тропинки, где она стояла днем. – Это была просто игра, глупая, жестокая женская игра, – закончила она.

– Ты лжешь, – сказал Бойлан.

– Что? – ошеломленно переспросила она. В машине было ужасно жарко и душно.

– Ты меня слышала, детка. Ты лжешь, – повторил Бойлан. – Это не было игрой. Ты хотела пойти туда и лечь с ними в постель.

– Тедди, – задыхаясь, прошептала Гретхен, – пожалуйста, открой окно. Мне нечем дышать.

Бойлан перегнулся через нее и открыл ей дверь.

– Иди, – сказал он. – Иди, детка. Они еще там. Я уверен, тебе понравится и ты запомнишь это на всю жизнь.

– Тедди, прошу тебя. – Все поплыло у нее перед глазами, а его голос то удалялся, то приближался.

– Насчет того, как потом добраться домой, не волнуйся. Я подожду тебя здесь. Мне все равно нечего делать. Ну, иди. Потом все расскажешь. Это будет очень интересно.

– Мне надо выйти, – выдохнула Гретхен. Ей казалось, она вот-вот задохнется. Голова была тяжелой и словно распухшей. С трудом выйдя из машины, она отошла к обочине и согнулась, вся сотрясаясь в приступе рвоты.

Бойлан неподвижно сидел в машине, глядя прямо перед собой. Когда она наконец выпрямилась, он отрывисто сказал:

– Ладно, садись обратно.

Изнуренная и подавленная, Гретхен влезла в машину и прикрыла рот рукой. На лбу у нее выступил холодный пот.

– На, возьми, детка, – уже без враждебности сказал Бойлан, протягивая ей пестрый шелковый носовой платок.

– Спасибо, – прошептала она, вытирая лицо.

– И что же теперь?

– Я хочу домой, – захныкала она.

– В таком состоянии тебе нельзя домой, – сказал он и включил зажигание.

– Куда же ты меня везешь?

– К себе.

Гретхен была слишком измучена, чтобы спорить. Она откинулась на сиденье и закрыла глаза.

У него дома она долго полоскала рот зубным эликсиром. Потом два часа проспала на его широкой кровати. Когда она проснулась, он овладел ею. Домой он вез ее молча.

В понедельник утром, придя на работу, она увидела на своем столе длинный белый конверт. Ее имя и фамилия были отпечатаны на машинке, а в углу было написано от руки: «Лично». В конверте лежало восемь стадолларовых банкнотов.

3

В классе стояла тишина. Слышалось только поскрипывание перьев. Мисс Лено сидела за столом и читала, изредка поднимая глаза и ощущывая взглядом ряды парт.

Она дала ученикам полчаса на сочинение «Франко-американская дружба».

Рудольф быстро написал необходимые три страницы. Он единственный во

всем классе за сочинения и диктанты на французском получал отличные оценки. Хмуря брови – тема казалась ему слишком банальной, – он проверил, нет ли ошибок, затем взглянул на часы. Оставалось еще целых пятнадцать минут.

Он уставился на мисс Лено. Сегодня она особенно хороша, подумалось ему. У нее были длинные серьги, блестящее коричневое платье плотно облегало бедра, а глубокий вырез щедро открывал выпирающую из лифчика грудь. На губах рдела кровью яркая помада. Она подкрашивала губы перед каждым уроком. Ее родственники содержали небольшой французский ресторан в театральном районе Нью-Йорка, и в мисс Лено было гораздо больше от бродвейской дивы, чем от парижанки, но, к счастью, Рудольф не разбирался в таких тонкостях.

От нечего делать он начал рисовать. На листке бумаги появилось лицо мисс Лено. Сходство было несомненным: локоны, обрамляющие с обеих сторон щеки, густые волнистые волосы, разделенные посередине пробором. Серьги, полная мускулистая шея. На мгновение Рудольф заколебался. Дальше начиналась опасная территория. Он снова взглянул на мисс Лено. Она продолжала читать. На уроках мисс Лено не существовало проблемы дисциплины. Она безжалостно наказывала за малейшее нарушение. Поэтому могла спокойно сидеть и читать, лишь изредка посматривая на класс, чтобы удостовериться, что ученики не списывают и не подсказывают друг другу.

Рудольф дал себе волю и погрузился в глубины эротического искусства. Два полукружия очертили обнаженные груди мисс Лено. Пропорции вполне удовлетворили Рудольфа. На рисунке мисс Лено стояла у доски, на три четверти повернувшись к зрителю. В вытянутой руке – мел. Рудольф работал над портретом мисс Лено с увлечением, и каждый новый «опус» доказывал его растущее мастерство. Бедра дались ему без труда. Ноги тоже получились неплохо. Ему хотелось нарисовать ее босиком, но ступни у него никогда как следует не выходили, и он обул ее в туфли на высоких каблуках с ремешками на щиколотках – она обычно носила именно такие. Поскольку он нарисовал ее стоящей у доски, надо было на доске что-нибудь написать. «Je suis folle d'amour»,¹ – вывел он, тщательно копируя почерк мисс Лено.

Он кончал заштриховывать ремешки ее туфель, когда почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной. Он медленно поднял голову. Мисс Лено пристально смотрела на рисунок. Ее темные глаза с накрашенными ресницами горели яростью. Кусая напояженные губы, она молча протянула руку. Рудольф так же молча отдал ей листок. Свернув его в трубочку, чтобы никто из ребят не увидел, мисс Лено повернулась на каблуках и направилась к своему столу. За минуту до звонка она громко сказала:

– Джордах!

– Да, мадам. – Он был горд, что его голос не дрогнул.

– После урока подойдете ко мне.

---

¹ Я схожу с ума от любви (фр.).

Прозвенел звонок. Рудольф аккуратно сложил книги в портфель, а когда все ученики вышли из класса, подошел к столу мисс Лено.

– Мсье художник, – ледяным тоном судьи произнесла она, пододвигая к нему рисунок, – в вашем шедевре отсутствует одна очень важная деталь. На ней нет подписи. Общеизвестно, что произведения искусства ценятся больше, если на них стоит подлинная подпись художника.

Рудольф достал авторучку и в нижнем правом углу листа нарочито медленно вывел свою фамилию, делая при этом вид, будто внимательно изучает рисунок. Он не собирался вести себя перед ней как перепуганный ребенок. У любви свои законы. Если он осмелился нарисовать ее нагой, он должен иметь мужество выдержать ее гнев. Подпись он украсил затейливой виньеткой.

Тяжело дыша, мисс Лено схватила рисунок.

– Мсье, сегодня же после занятий вы приведете ко мне вашего отца или вашу мать! – срываясь на визг, крикнула она. – Я буду в школе до четырех часов. Если к этому времени вы не придете, последствия будут весьма печальными. Вы меня поняли?

– Да, мадам. Всего хорошего, – ответил Рудольф и не торопясь, с высоко поднятой головой вышел из класса.

После занятий он не зашел, как обычно, в булочную, чтобы не встретиться с матерью, а сразу же поднялся в квартиру, надеясь застать там отца. Как бы там ни было, нельзя, чтобы мать увидела этот рисунок. Отец может избить его, но это лучше, чем потом всю жизнь читать застывшее в глазах матери осуждение.

Отца дома не оказалось. Рудольф умылся и причесался – он собирался встретить свою участь, как подобает джентльмену. Потом он спустился в булочную. Мать складывала в пакет дюжину булочек, купленных какой-то старухой, от которой пахло мокрой псиной. Когда старуха ушла, он поцеловал мать.

– Как сегодня дела в школе? – спросила она, погладив его по голове.

– Нормально. А где папа?

– Наверное, на реке, – ответила Мэри и тут же настороженно спросила: – А зачем он тебе?

В семье без надобности никто никогда не интересовался, где отец.

– Просто так, – небрежно бросил Рудольф.

В магазин вошли двое покупателей, и, воспользовавшись этим, он помахал матери рукой, вышел из булочной и быстро зашагал к реке.

Засучив рукава, отец стоял на берегу у старого, полуразвалившегося сарая, где хранил свою лодку. Сейчас она лежала перед ним на козлах, и он наждачной бумагой полировал ее днище. Эту лодку, в память своей юности на Рейне, Джордах приобрел по случаю за гроши у какой-то обанкротившейся мужской школы. Лодка была в очень плохом состоянии, и он все время ремонтировал и смолил ее, снова и снова. В Германии, выйдя из госпиталя с почти не действующей ногой, изможденный и слабый, он начал с упорством фанатика заниматься гимнастикой в надежде вернуть былую силу. Позже

тяжелая работа на озерных судах, а также изнурительные тренировки, которые он сам себе устраивал, проходя на гребной лодке огромные расстояния, помогли ему обрести небывалую мощь. Сейчас он по-прежнему хромотал и, конечно, не мог бы догнать обидчика, но похоже, ему ничего не стоило раздавить любого своими огромными волосатыми ручищами.

– Пап... – начал Рудольф, стараясь говорить спокойно. Отец ни разу в жизни пальцем его не тронул, но он видел, как в прошлом году от одного его удара Томас упал без сознания.

– Что тебе? – спросил Аксель, проверяя широкой ладонью, насколько гладким стало днище лодки.

– Я насчет школы, – сказал Рудольф.

– У тебя неприятности? У тебя? – Джордах взглянул на сына с искренним удивлением.

– Понимаешь, наша француженка... Одним словом, она хочет тебя видеть.

Джордах снова внимательно поглядел на него:

– Мне казалось, французский – один из твоих любимых предметов.

– Так оно и есть, – подтвердил Рудольф. – Пап, нет смысла терять время. Ты должен пойти к ней поговорить.

Джордах вытер пот со лба и опустил рукава. Потом натянул на голову кепку, накинул на плечи, как мастеровой, кожаную куртку и зашагал. Рудольф двинулся за ним, не осмеливаясь намекнуть, что, пожалуй, прежде чем идти в школу, ему следовало бы зайти домой и переодеться.

Мисс Лено сидела за столом, проверяя работы. За то время, пока Рудольф ходил домой, она успела по крайней мере раза три подкрасить губы. Рудольф впервые заметил, что они у нее тонкие и кажутся пухлыми только благодаря толстому слою губной помады. Прежде чем войти в класс. Джордах надел куртку и снял кепку, но все равно выглядел как мастеровой.

– Здравствуйте, сэр, – сухо поздоровалась мисс Лено. – Ваш сын, по-видимому, сообщил, зачем я вас вызвала?

– Нет, – ответил Джордах. – Насколько я помню, он ничего мне не говорил. – В его голосе слышалась какая-то особая, не характерная для него кротость, и у Рудольфа мелькнула мысль, а не боится ли отец этой женщины.

– Мне даже неудобно рассказывать. – И мисс Лено тотчас снова сорвалась на крик: – Безобразие!.. И кто бы мог подумать?! Лучший ученик!.. Значит, он не сказал вам?

– Нет. – Джордах терпеливо ждал.

– Eh, bien.² Посреди урока, когда все писали сочинение, вы знаете, чем он занимался? Вот, полюбуйтесь!.. – жестом трагической героини она сунула ему под нос рисунок сына.

Джордах взял его и повернул к свету, падавшему из окна, чтобы лучше разглядеть. Рудольф с тревогой всматривался в лицо отца, пытаясь угадать его реакцию. Он почти не сомневался, что тот сейчас развернется и даст ему

---

² Так вот (фр.).

затрещину, и думал, хватит ли у него мужества вынести удар, не дрогнув и не вскрикнув от боли. Однако по лицу Акселя невозможно было ничего прочесть. Казалось, рисунок заинтересовал его, но в то же время озадачил. Наконец он ткнул толстым пальцем в слова: «Je suis folle d'amour».

– Здесь что-то написано по-французски. Я не понимаю.

– Я схожу с ума от любви, я схожу с ума от любви! – перевела мисс Лено. Она уже поднялась из-за стола и нервно топталась на месте. – Вот что здесь написано! – пронзительно выкрикнула она, показывая пальцем на рисунок.

– Понимаю, – словно только сейчас его что-то осенило, сказал Джордах. – А что, по-французски это неприлично?

– Мистер Джордах, – с усилием сдерживаясь и обкусывая помаду с губ, произнесла мисс Лено, – а вы считаете возможным, чтобы молодой человек во время урока рисовал свою учительницу обнаженной?

– О-о! – удивленно протянул Джордах. – Так это вы?

– Да, я, – отрезала мисс Лено, скорбно глядя на Рудольфа.

Джордах приглядывался к рисунку.

– А ведь и правда похоже, – после паузы заметил он. – Никак теперь учительницы позируют голыми?

– Мистер Джордах, я пригласила вас не для того, чтобы вы надо мной насмехались, – с достоинством заявила мисс Лено. – Насколько я понимаю, дальше нам с вами разговаривать бесполезно. Я не собиралась причинять вашему сыну неприятности и доводить дело до директора, но теперь вижу – ничего другого мне не остается. Не смею вас больше задерживать. – И она протянула руку за рисунком.

– Так, значит, вы утверждаете, это нарисовал мой сын? – отступив на шаг и продолжая держать рисунок, спросил Джордах.

– Совершенно точно, внизу стоит его подпись.

– Вы правы, это подпись Руди, – снова поглядев на картинку, согласился Аксель. – И без экспертизы видно.

– Я полагаю, директор вызовет вас в ближайшее время, – продолжала мисс Лено. – А теперь, пожалуйста, верните мне рисунок. Я очень занята и уже потеряла достаточно времени из-за этой мерзкой истории.

– Пожалуй, я сохраню его на память. Вы же сами сказали, что это Руди нарисовал, – спокойно сказал Джордах. – Видно, что у парня талант... А какое сходство! – Он восхищенно покачал головой. – Я и не предполагал, что у Руди такие способности. Мы вставим рисунок в рамку и повесим дома. В наши дни за такие вот картины с голыми женщинами платят большие деньги.

Мисс Лено так закусила губы, что не могла вымолвить ни слова. Ошеломленный поведением отца, Рудольф не сводил с него глаз. Он никак не предполагал, что отец устроит целый спектакль, разыгрывая эдакого наивного и в то же время хитроватого деревенщину.

Мисс Лено наконец не выдержала.

– Убирайтесь отсюда, вы, невоспитанный, грязный иностранец, и забирайте своего гадкого сына! – перегнувшись через стол, прошипела она.

– На вашем месте я бы не стал так выражаться, мисс, – спокойно заметил

Джордах. – Эта школа содержится на деньги налогоплательщиков, а значит – и на мои, так что я уйду отсюда, когда сочту нужным. К тому же, если бы вы не ходили по школе, виляя задом в этой вашей узкой юбке и у вас не торчали бы сиськи наружу, как у дешевой шлюхи, может, ребята и не стали бы рисовать вас голой.

Лицо мисс Лено налилось кровью, а рот перекосялся от ненависти.

– Я все о вас знаю. Грязный бош! – выкрикнула она.

Джордах перегнулся через стол и влепил ей звонкую пощечину. Мгновение в комнате царил мертвая тишина. Мисс Лено так и застыла на месте. Затем рухнула на стул и, закрыв лицо руками, разразилась потоком слез.

– Я не привык, чтоб со мной так разговаривали. Поняла, шлюха французская?! Я не для того приехал сюда из Европы, чтобы такое выслушивать. Будь я французом вроде тех, что нынче задали стрекача после первого же выстрела грязных бошей, я бы хорошенько подумал, прежде чем кого-нибудь оскорблять. К твоему сведению – может, тебе от этого полегчает, – в шестнадцатом году я собственными руками всадил штык в спину одному французу, когда тот пытался удрать к своей мамочке.

Джордах говорил ровным тихим голосом, точно речь шла о погоде или заказе на муку. Рудольфа начала бить дрожь.

– И если ты вздумаешь отыграться на моем сыне, – безжалостно продолжал Аксель, – советую опять же хорошенько подумать сначала. Я живу недалеко отсюда и в случае чего могу заглянуть еще раз. Все это время мой сын получал по французскому только отличные отметки, и, если в конце года отметка у него окажется ниже, я не поленюсь зайти в школу, чтобы задать несколько вопросов. Пошли, Руди.

Они вышли из класса, оставив рыдающую мисс Лено в одиночестве.

Они шагали молча. Поравнявшись с урной на углу улицы, Джордах остановился, почти машинально порвал рисунок в клочки и выкинул их. Потом взглянул на Рудольфа.

– У тебя уже были женщины?

– Нет.

– А пора бы, – заметил Джордах. – Чего ты ждешь?

– Куда торопиться? – занял Рудольф оборонительную позицию. Никогда раньше ни отец, ни мать не говорили с ним о сексе, а сейчас уж был совсем неподходящий момент. Перед глазами у него стояло расплывшееся, безобразное лицо мисс Лено, рыдающей за учительским столом, и ему было стыдно, что эта глупая, визгливая баба казалась ему достойной его страсти.

– Когда начнешь, – продолжал Джордах, – меняй их почаще. И смотри не вообрази, будто у тебя должна быть какая-то одна-единственная, иначе испортишь себе жизнь.

– Хорошо, – ответил Рудольф, хотя твердо знал, что отец не прав. Совершенно не прав.

Некоторое время они снова шли молча. Завернув за угол, Аксель спросил:

– Тебе неприятно, что я ее ударил?

– Да.

– Ты всю свою жизнь прожил в этой стране, – сказал Джордах. – Тебе не понять, что такое настоящая ненависть.

– Ты действительно заколол француза штыком? – Рудольф должен был знать правду.

– Да. Одного из двухсот миллионов. Французом больше, французом меньше – какая разница?

Они подошли к дому. Рудольф чувствовал себя подавленным и несчастным. Ему следовало бы поблагодарить отца за то, что тот вступился за него – мало кто из родителей поступил бы подобным образом, – но он не мог выдать из себя ни слова.

– Я убил еще одного человека, – продолжал Джордах, когда они остановились около булочной. – В Гамбурге в двадцать первом году, уже после войны. Ножом. Пожалуй, пора уже тебе знать побольше о родном отце. Ну, увидимся за ужином. Мне надо поставить лодку в сарай. – И, сдвинув кепку на затылок, он заковылял к реке.

Когда в конце учебного года вывесили список с отметками, против фамилии Рудольфа в графе «французский язык» стояло «отлично».

4

Спортивный зал начальной школы находился неподалеку от дома Джордахов и, кроме субботы и воскресенья, был открыт до десяти часов вечера. Два-три раза в неделю Том приходил сюда поиграть в баскетбол, или просто поболтать с ребятами, или поиграть по маленькой в кости в мужском туалете, подальше от глаз тренера.

Том был единственным из своих сверстников, кого парни постарше принимали в игру. Он завоевал это право кулаками. Однажды, войдя в туалет, когда игра в кости шла полным ходом, он протиснулся между двумя игроками и, опустившись на колени, швырнул свой доллар в кучу мелочи. Потом, повернувшись к Санни Джексону, девятнадцатилетнему парню, заводителе всей этой компании, догуливавшему последние деньки перед призывом в армию, сказал: «Ты устарел, приятель». Санни, сильный, коренастый задира, был очень обидчив. Том намеренно выбрал его для своего дебюта. Взглянув на Тома с раздражением, Санни выкинул его доллар из кучи: «Вали отсюда, молокосос. Здесь играют мужчины».

Ни секунды не раздумывая и даже не вставая с колен, Том наотмашь ударил его. В последовавшей затем драке Том и завоевал свою репутацию рискованного парня. Он подбил Санни глаз, разбил в кровь рот, потом отволол побежденного в душ, открыл кран и целых пять минут держал под холодной водой. После этого, когда бы он ни появлялся в спортивном зале, его всегда принимали в игру.

Сегодня никто не кидал кости. Долговязый двадцатипятилетний Пайл, добровольно ушедший в армию еще в начале войны, демонстрировал ребятам самурайский меч, якобы захваченный им собственноручно на Соломоновых островах. Пайла отчислили из армии после того, как он трижды перенес

малярию и чуть не умер. До сих пор кожа у него была подозрительно желтого цвета.

Пайл рассказывал, как он бросил гранату в пещеру – так, на всякий случай, – и оттуда послышался крик. С пистолетом в руке он подполз к пещере и увидел там убитого японского капитана. Рядом лежал меч.

– ...а спустя две недели я этим мечом отрубил одному япошке голову, – торжественно сказал он.

Том слушал скептически, но молчал. У него было мирное настроение, да и не мог же он вздуть за вранье такого больного и желтого парня. Кто-то потянул Тома за рукав. Это был Клод, как всегда в темном костюме, при галстуке и с пузырьками слюны в уголках рта.

– У меня есть для тебя новость, – прошептал он. – Идем отсюда.

– Подожди, – отмахнулся Том, – дай дослушать.

– Остров мы уже взяли, но на нем все еще пряталось много японцев, – продолжал Пайл. – Они выходили по ночам и обстреливали нас. Нашему командиру это действовало на нервы, и он три раза в день высылал группы боевого дозора, чтобы очистить местность от этих гадов.

Однажды, когда я был в таком дозоре, мы заметили одного легко раненного япошку. Он сидел на земле, держался руками за голову и что-то лопотал. Офицера с нами не было, только капрал. «Послушайте, ребята, – сказал я, – подержите его, а я сбегая за мечом, и мы его казним как положено». Капрал малость струсил: приказ был брать их в плен. Но офицера рядом не было, а эти гады, между прочим, всегда, убивая наших парней, отрубали им голову. В общем, мы проголосовали, потом парни связали японца, а я принес свой самурайский меч. Как принято, мы заставили японца встать на колени и опустить голову. Так как меч был мой, мне и пришлось им работать. Я замахнулся и... бац! Башка покатила по земле – прямо как кокосовый орех, с выпученными глазами. Кровища брызнула, наверное, футов на десять.

– Брехня, – громко сказал Клод.

– Что? – заморгал глазами Пайл. – Что ты сказал?

– Я сказал – брехня, – повторил Клод. – Могу поспорить, ты купил этот меч в какой-нибудь сувенирной лавке в Гонолулу. Мой брат Эл знает тебя, он говорит, у тебя кишка тонка даже кролика убить.

– Послушай, детка, – рассердился Пайл, – хотя я и болен, но, если ты не замолчишь и не уберешься отсюда, я так тебя отделаю, что своих не узнаешь.

– Валяй, я жду, – ответил Клод, снял очки и положил их во внутренний карман пиджака. Без очков он выглядел трогательно беззащитным.

Вздыхнув, Том поднялся и загородил Клода спиной.

– Всякий, кто тронет моего друга, будет иметь дело со мной, – нехотя сказал он.

– Ну что ж, я не возражаю, – ответил Пайл, передавая меч соседу.

– Брось, Пайл, он убьет тебя, – заметил парень, беря у него меч.

Пайл неуверенно обвел глазами собравшихся в кружок ребят. На их лицах он прочел явное предостережение.

– Впрочем, я не затем вернулся домой с Тихого океана, чтобы драться

здесь с разной мелюзгой, – громко заявил он. – Давай меч, мне пора.

Он ушел. За ним молча разошлись и остальные, предоставив туалет в полное распоряжение Тома и Клода.

– Чего ты этим хотел добиться? – раздраженно сказал Том. – Он не сделал ничего плохого. К тому же ты знаешь, ребята не позволили бы мне его избить.

– Мне просто хотелось увидеть, какие у них будут морды, только и всего.

– Клод стоял потный и улыбался. – Все решает сила! Грубая сила.

– Ты дождешься, когда-нибудь меня убьют с этой твоей грубой силой, – проворчал Том. – Ну ладно, выкладывай, что ты хотел мне сказать?

– Я видел твою сестру, – сообщил Клод.

– Потрясающая новость! Он видел мою сестру! Да я ее вижу каждый день, а иногда и два раза на день.

– Она садилась в «бьюик» с откидным верхом, – продолжал Клод. – И кто, по-твоему, сидел за рулем? Узнаешь – умрешь!

– Не умру, не беспокойся. Говори.

– Мистер Теодор Бойлан, собственной персоной! Я ехал за ними на мотоцикле, пока они не свернули в его поместье. И знаешь, будь она моей сестрой, я бы выяснил, в чем тут дело. Этот Бойлан пользуется плохой репутацией. Ты бы слышал, что о нем говорят между собой мой отец и дядя, когда не знают, что я подслушиваю. По-моему, у твоей сестры могут быть большие неприятности...

– У тебя мотоцикл здесь? – оборвал его Том.

– Ага.

Мотоцикл принадлежал Элу, старшему брату Клода, две недели назад призванному в армию. Уезжая, он обещал переломать Клоду кости, если тот в его отсутствие будет пользоваться мотоциклом. Но, несмотря на предупреждение, как только родители куда-нибудь уезжали, Клод перекачивал в мотоцикл немного бензина из их второй машины и потом гонял по городу, стараясь не попадаться на глаза полицейским – прав у него еще не было.

– Ну что ж, посмотрим, что там происходит, – сказал Том.

Подъехав к воротам усадьбы, ребята спрятали мотоцикл в кустах и дальше пошли пешком, чтобы их не услышали. Местность им была хорошо знакома: каждый год они не раз перелезали через забор и охотились здесь на птиц и кроликов.

Занавеси на огромном двустворчатом окне, доходившем почти до земли, были небрежно задернуты, и в щель между ними пробивался свет. Клод опустился на колени, а Том, расставив ноги, встал над ним. Так обоим в этот узкий просвет было видно, что происходит внутри.

В огромной комнате никого не было. Они увидели рояль, длинный диван, большие мягкие кресла, заваленные журналами столики. В камине горел огонь. Вдоль стен книжные шкафы с множеством книг. Комнату освещало несколько ламп. В приоткрытую дверь напротив окна виднелся коридор и нижние ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж.

– Вот это жизнь, – прошептал Клод. – Будь у меня такой дом, я бы не пропустил ни одну девчонку в городе.

– Заткнись, – сказал Том. – Пошли. Я вижу, нам здесь делать нечего.

– Подожди, не спеши, – запротестовал Клод. – Мы ведь только приехали. Они, наверное, наверху. Не будут же они торчать там всю ночь.

Тому не хотелось, чтобы кто-нибудь – неважно кто – появился в этой комнате. Он предпочел бы поскорее убраться отсюда, и как можно дальше, но боялся, что Клод решит, что он трусил.

– Позовешь, когда увидишь что-нибудь интересное, – отходя от окна, сказал он.

Поместье Бойлана широко раскинулось вокруг стоявшего на холме особняка среди множества могучих старых деревьев; неподалеку виднелся теннисный корт, ярдах в пятидесяти – низкие строения бывших конюшен. И все это принадлежало одному человеку. Том с отвращением вспомнил про кровать, где ему приходилось спать вместе с братом. Впрочем, Бойлан сегодня тоже не один в своей постели. Томас сплюнул.

– Эй, – возбужденно позвал его Клод. – Иди скорее.

Том не спеша подошел к окну.

– Он только что спустился вниз. Посмотри на него. Нет, ты только посмотри! – брызгал слюной Клод.

Том заглянул в просвет между занавесями. Бойлан стоял спиной к окну с бутылками, бокалами и серебряным ведерком для льда. Он был совершенно голый. Небрежно бросив в два стакана по кубику льда и плеснув сверху виски, он добавил туда содовой из сифона. Затем он подошел к камину, подбросил туда полено, шагнул к столику возле окна, открыл лакированный ящичек, достал из него сигарету и прикурил от серебряной зажигалки длиной по меньшей мере в фут. На губах его играла легкая улыбка.

В свете ламп ребятам хорошо были видны его взъерошенные светлые волосы, толстая шея, выпуклая цыплячья грудь, дряблые руки и немного кривые, с торчащими Коленями ноги. Тома охватила дикая ярость, точно его оскорбили, заставив быть свидетелем неслыханного разврата. Будь у него ружье, он, не задумываясь, застрелил бы этого человека.

– Гретхен, ты спустишься или тебе принести виски наверх? – крикнул Бойлан. Ребята не слышали, ответил ли ему кто-нибудь, но Бойлан кивнул, взял стаканы, вышел из комнаты и стал подниматься по лестнице.

– Ну и видик, – прошептал Клод. – Фигура как у дистрофика. Наверное, когда ты богатый, ты можешь быть горбатым страшилой вроде Квазимодо, а девки все равно будут на тебя вешаться.

– Идем отсюда, – глухо сказал Том.

– Какого черта? – с удивлением взглянул на него Клод. – Представление только начинается.

Том нагнулся, схватил Клода за волосы и резко поставил его на ноги.

– Я сказал – идем отсюда, – прохрипел он. – И чтобы никому ни слова о том, что видел. – Он придвинулся к Клоду вплотную и, глядя ему в глаза, с яростью добавил: – Начнешь трепаться, я тебя так вздую, на всю жизнь запомнишь. Понял?

– Конечно, конечно, – торопливо согласился Клод, – как скажешь. Я

только не понимаю, чего ты так раскипятился.

Закинув руки за голову и уставившись в потолок, Гретхен лежала на широкой мягкой постели. Внизу часы пробили десять. Десять. Сейчас в госпитале раненые разбредаются по палатам. Последнее время она ездила в госпиталь не чаще двух-трех раз в неделю.

Даже когда она, распечатав конверт, обнаружила в нем восемьсот долларов, она все равно знала, что вернется в эту роскошную постель. Если Бойлану доставляло удовольствие унижать ее – пускай. Когда-нибудь она оплатит ему за это.

Во вторник после работы Бойлан ждал ее в «бьюике». Ни слова не говоря, он открыл ей дверцу, и они поехали к нему. Около полуночи он отвез ее обратно в город, высадив за два квартала от ее дома.

Тедди делал все превосходно; был осмотрителен – конспирация была ему по вкусу; для нее она была необходима. Благоразумно свозил ее в Нью-Йорк к гинекологу приобрести спираль – чтобы она не беспокоилась об *этом*. И там же, в Нью-Йорке, купил ей, как обещал, платье. Красное платье висело у него в шкафу. Наступит время, когда она сможет его носить.

Тедди делал все превосходно, но Гретхен не испытывала к нему никакой привязанности, не говоря уже о любви. Тело у него было худое, неказистое. Только в своих элегантных костюмах он выглядел в какой-то мере привлекательным. Тедди Бойлан был человеком без порывов, циником, идущим на поводу у своих желаний, неудачником, расписавшимся в собственной несостоятельности, человеком без друзей, сосланным могущественной семьей в ветшающий викторианский замок, в котором большинство комнат было постоянно закрыто. Опустошенный человек в пустом доме. И было вполне понятно, почему женщина, портрет которой до сих пор стоял на рояле, развелась с ним и ушла к другому.

Утверждал себя он только в постели. Именно здесь он выигрывал свои битвы и покорял свои вершины. Собственные стоны и вздохи заменяли ему победные звуки фар. А Гретхен нисколько не волновали ни его триумфы, ни поражения. Она отдавалась ему, не испытывая никаких эмоций, кроме чисто физического наслаждения. Для нее он был никто – просто самец, просто мужчина, открывший ей ранее не изведенное.

И она даже не была ему благодарна.

Восемьсот долларов лежали в томике Шекспира, заложенные между вторым и третьим актом «Как вам это понравится».

Снизу раздался его голос:

– Гретхен, ты спустишься или тебе принести виски наверх?

– Принеси сюда, – крикнула она.

Бойлан вошел в комнату, держа в руках два стакана... Гретхен приподнялась на подушках, а он сел рядом на край кровати.

– О чем ты думала, пока я был внизу? – спросив он.

– О блюде, – ответила она.

– Ты не могла бы сказать это как-нибудь иначе?

– До встречи с тобой я так не говорила. – Гретхен медленно и с

удовольствием отпила из стакана.

– А я так и не говорю, – возразил Бойлан.

– Просто ты ханжа. Если я что-то делаю, я должна иметь смелость называть это своим именем.

– Да не так уж много ты и делаешь. – Он был явно уязвлен.

– Я бедная, неопытная, провинциальная девчонка, – сказала Гретхен. – И если бы добрый человек в «бьюике» не попался мне в тот день на дороге и не напоил меня допьяна, возможно, я так и умерла бы облезшей и усохшей старой девой.

– Как бы не так! – ядовито сказал он. – Не будь меня, ты бы развлекалась с теми двумя неграми.

Она уклончиво улыбнулась:

– Ну, сейчас этого уже знать не дано.

Бойлан задумчиво смотрел на нее, потом сказал:

– Пожалуй, наступило время тебе кое-чему поучиться. Извини, мне надо позвонить. – Он встал и, накинув халат, спустился вниз. Гретхен, облокотясь на подушки, медленно тянула виски. Она отплатила ему. И так будет каждый раз.

Вскоре он вернулся.

– Одевайся.

Гретхен удивилась. Обычно они оставались в спальне до полуночи. Но ничего не сказала. Молча встала с кровати и оделась.

– Мы идем куда-нибудь? – спросила она наконец. – Как я должна выглядеть?

– Не имеет значения, – небрежно бросил он. В костюме он снова был уважаемым человеком из высшего общества.

Выйдя на улицу, они сели в машину и поехали в Нью-Йорк. Гретхен больше не задавала вопросов. Бойлан затормозил перед темным четырехэтажным зданием, как всегда, вышел из машины и открыл ей дверцу. Они спустились по ступенькам в цементированный дворик с железной оградой, и Тедди позвонил в дверь. Ждать пришлось долго. Гретхен показалось, что за ними кто-то наблюдает. Наконец дверь открылась. На пороге стояла крупная женщина в белом вечернем платье с высоко взбитыми крашеными волосами.

– Добрый вечер, дорогой, – приветствовала она Бойлана сиплым голосом.

В передней царил полумрак, и во всем доме была такая тишина, будто все полы были покрыты тяжелыми коврами, а стены обиты тканью, заглушающей звуки. Казалось, где-то совсем рядом неслышно и осторожно двигались люди.

– Добрый вечер, Нелли, – ответил Бойлан.

– Я тебя целую вечность не видела, – заметила женщина, вводя их в маленькую, освещенную розовым светом гостиную.

– Я был занят.

– Ясно, – понимающе кивнула Нелли, окинув Гретхен оценивающим взглядом, в котором сквозило восхищение. – Сколько тебе лет, милочка?

– Сто восемь, – ответил за нее Бойлан, и они с женщиной рассмеялись.

Гретхен молча, с серьезным видом оглядывала задрапированную комнату. На стенах висели написанные маслом картины – обнаженные женщины. Она

твёрдо решила делать вид, что ей все равно. Ей было страшно, но она старалась подавить в себе страх, не выказывать его. Она понятия не имела, что ее ожидает и что с ней будут делать. Бойлан выглядел веселым, благодушным и чувствовал себя как дома.

– Почти все готово, дорогой, – сказала женщина. – Придется подождать всего несколько минут. Может, хотите пока что-нибудь выпить?

– Пожалуй, по бокалу шампанского не помешает, – согласился Тедди.

Они поднялись по лестнице, устланной ковровой дорожкой, на второй этаж и вошли в комнату, где стояла двуспальная кровать с шелковым балдахин, большущее мягкое кресло, обитое темно-бордовым бархатом, и три маленьких золоченых стула. Большой букет тюльпанов на столе выделялся ярким желтым пятном. Окна наглухо зашторены. Огромное зеркало во всю стену. Комната напоминала номер в слегка старомодном, некогда роскошном, а теперь немного обветшавшем отеле.

– Сейчас горничная принесет шампанское. – Женщина тихо вышла, прикрыв за собой дверь без стука, но плотно.

Гретхен не сняла пальто, хотя в комнате было тепло. Потом подошла и присела на краешек кровати. Бойлан, закинув ногу на ногу, удобно устроился в кресле и закурил. Вид у него был довольный, он глядел на нее, слегка улыбаясь.

– Это публичный дом, если ты еще не догадалась, – сообщил он невозмутимо. – Ты когда-нибудь до этого бывала в борделе?

Она понимала, что он дразнит ее, и ничего не ответила. Побоялась, что скажет не то.

– Наверное, нет, – продолжал Бойлан. – А ведь каждая дама хоть раз должна побывать в таком заведении. Чтобы знать, к чему приводит конкуренция.

В дверь тихо постучали. В комнату вошла горничная, тщедушная женщина средних лет в коротком черном платье и белом фартуке. В руках она держала серебряный поднос с двумя бокалами и ведерком, из которого торчала бутылка шампанского. Она молча поставила поднос на стол рядом с тюльпанами. Лицо ее ничего не выражало. В ее обязанности входило лишь появиться, но не присутствовать.

Гретхен заметила, что на ногах у нее войлочные шлепанцы. Горничная неслышно выскользнула из комнаты.

Передавая Гретхен бокал с шампанским, Бойлан сказал:

– Не думай, что все бордели такие, как этот, детка, а то тебя ждет разочарование. Кстати, если у тебя появится интерес к публичным домам, спроси моего совета: я дам нужные адреса. Иначе ты можешь оказаться в ужасном месте, а нам бы не хотелось этого, не так ли? Тебе нравится шампанское?

– Ничего, – ответила Гретхен, стараясь держаться спокойно.

Вдруг, без всякого предупреждения, зеркальная стена засветилась – в соседней комнате зажгли люстру. Зеркало стало прозрачным, и Бойлан и Гретхен увидели, как по другую его сторону высокая молодая женщина с роскошными светлыми волосами скинула розовый воздушный пеньюар,

обнажив изумительной красоты тело. Она ни разу не взглянула в их сторону, но, без всякого сомнения, знала о существовании хитрого зеркала и знала, что за ней наблюдают. Отогнув покрывало на широкой кровати, женщина изящно легла на нее.

Потом дверь открылась и в комнату за стеклом вошел молодой негр.

Ах негодяй, пресыщенный, мстительный негодяй, подумала Гретхен о Бойлане, но не двинулась с места.

– У Нелли большие связи в ночных клубах Гарлема, – пояснил Тедди. – Этот цветной, вероятно, играет в каком-нибудь оркестре и не прочь подзаработать несколько лишних долларов, развлекая белых.

Негр начал раздеваться. Гретхен закрыла глаза. Когда она открыла их, он уже был абсолютно голый. Прекрасно сложенное бронзовое тело с мускулистыми, чуть покатыми плечами и тонкой талией поблескивало в свете электрических ламп. Гретхен мысленно сравнила его с человеком, сидящим рядом с ней, и почувствовала, как закипает от-ярости. Негр пересек комнату и приблизился к лежащей на кровати женщине.

Гретхен смотрела на них как завороченная. Они оба были удивительно прекрасны. Но как несправедливо, что два таких восхитительных тела может купить на час, взять напрокат, как лошадей из конюшни, для своего удовольствия, каприза или мести человек вроде Бойлана!

Она встала и повернулась спиной к экрану.

– Я подожду тебя в машине.

– Это только начало, детка, – возразил Бойлан. – Посмотри, что она делает сейчас. Ведь, собственно, я это для тебя показываю, чтобы ты набралась опыта. Ты будешь пользоваться большим успехом, если...

– Я подожду тебя в машине, – повторила Гретхен и выбежала из комнаты.

Бойлан вышел минут через пятнадцать, неторопливо сел в машину и включил мотор.

– Ты зря ушла. Они честно заработали свои сто долларов.

Всю дорогу до ее дома они ехали молча, и, только остановив машину перед булочной, Бойлан нарушил молчание:

– Ну как? Надеюсь, сегодняшней вечер тебя чему-нибудь научил?

– Да, – ответила Гретхен. – Мне надо найти любовника помоложе. Прощай.

Дверь в спальню родителей была открыта, и там горел свет. Мать неподвижно сидела посреди комнаты на деревянном стуле, уставившись в корр. Гретхен остановилась и посмотрела на мать. Безумные, невидящие глаза. Но что поделаешь. Мать и дочь в упор глядели друг на друга.

– Иди ложись, – сказала мать. – В девять я позвоню на работу и скажу, что ты заболела.

Войдя к себе в комнату, Гретхен закрыла дверь и взяла томик Шекспира. Аккуратно сложенные в конверт деньги почему-то лежали между страницами пятого акта «Макбета».

Дом Бойлана высился темной громадой, зато внизу, под холмом, Порт-Филип светился огнями, в небо взмывали ракеты фейерверка – сегодня утром немцы капитулировали.

Томас и Клод уже успели побродить по заполненному ликующей толпой городу, они видели, как на улицах девушки целуют солдат и матросов и люди выносят из домов бутылки виски, распивают их прямо на мостовой. В Томасе нарастало чувство отвращения: мужчины, в течение четырех лет всячески увиливавшие от призыва в армию, клерки, носившие военную форму, но при этом ни разу не уезжавшие дальше ста миль от своего дома, торгаши, за время войны нажившие на черном рынке целое состояние, – все целовались, орали и радостно дули виски, точно именно они собственноручно убили Гитлера.

– Скоты, – сказал он Клоду, глядя на толпу. – Ох, я бы им показал!..

– Верно, – согласился Клод. – Нам надо отпраздновать это событие по-своему, устроить маленький фейерверк. – Он снял очки и задумчиво покусывал дужку – верный признак того, что он вынашивал новую каверзную затею. Томас хорошо знал своего приятеля, но сегодня был не склонен идти на риск. Глупо в такой день затевать драки с солдатами, да и стычка со штатскими тоже будет не к месту.

Наконец Клод изложил свой план. И Томас согласился, что придумано неплохо.

И вот сейчас они шагали по поместью Бойлана, Том нес жестяную банку с бензином, а Клод – мешочек с гвоздями, молоток и охалку ветоши. Они дошли до полуразрушенной оранжереи, стоявшей на самой вершине холма. Из-за пыльных, зияющих дырами стеклянных стен тянуло гнилью. Рядом валялись длинные сухие доски и ржавая лопата – ребята приметили это еще раньше, во время одной из своих вылазок. Томас взял лопату и начал копать, а Клод выбрал две большие доски и, сколотив из них крест, полил его бензином. Затем они вдвоем поставили крест одним концом в выкопанное углубление. Том засыпал ямку и крепко утрамбовал землю, чтобы крест не упал. Клод смочил ветошь остатками бензина и сложил ее в кучку у подножия креста.

Том двигался спокойно, неторопливо. Ему вовсе не казалось, что он совершает что-то значительное. Просто в очередной раз поиздевается над этими взрослыми идиотами, которые сейчас ликуют там, внизу. Ну и, конечно, приятно, что этот аттракцион он устраивает на земле Бойлана – будет знать, наглец! Зато Клод был необычайно возбужден. Он прерывисто дышал, точно ему не хватало воздуха, сопел и брызгал слюной, то и дело протирал запотевшие очки. Для него эта затея была исполнена глубочайшего символического смысла – наплевать ему на дядю-священника и на отца, который заставляет его каждое воскресенье ходить к обедне, читает нравоучения о смертном грехе и советует держаться подальше от распущенных протестанток, дабы остаться чистым в глазах Иисуса Христа!

– Готово, – тихо сказал Томас, отходя в сторону.

Дрожащими руками Клод зажег спичку и поднес ее к пропитанной бензином ветоши. Она тотчас вспыхнула. И вдруг, пронзительно вскрикнув,

Клод бросился бежать. Одна рука у него пылала огнем, и он несся, не разбирая дороги. Томас кинулся за ним с криком, чтобы он остановился, но Клод продолжал бежать как одержимый. Наконец Томас нагнал его, схватил, толкнул на землю и, жертвуя свитером, всей тяжестью навалился ему на руку, чтобы сбить пламя.

Через минуту все было кончено. Клод лежал на спине и, придерживая обожженную руку, жалобно скулил, не в силах произнести ни слова.

Томас встал и посмотрел на своего друга, распростертого на земле. Во что бы то ни стало необходимо как можно скорее убраться с холма: с минуты на минуту сюда прибегут люди.

– Вставай, болван, – сказал он, но Клод с остановившимися от боли глазами только перекатывался с боку на бок. Том нагнулся, взвалил его себе на спину и, ломая на своем пути кусты, устремился по склону холма вниз, к садовой калитке.

– О господи, господи Иисусе! Матерь божья! – причитал Клод.

Томас бежал, спотыкаясь под тяжестью своего друга. Его преследовал неприятный, тяжелый запах. «Это же пахнет горелым мясом», – сообразил он.

Аксель Джордах, преодолевая течение, греб к середине реки. Сегодня он вышел на лодке не для того, чтобы поупражняться, а чтобы не видеть людей. Он решил в эту ночь устроить себе выходной – первый выходной с двадцать четвертого года. Пусть его покупатели едят завтра хлеб фабричной выпечки. Что ни говори, а немецкая армия не каждый день терпит поражения – последний раз такое случилось целых двадцать семь лет назад.

На реке было прохладно, но Акселю было тепло в старом толстом синем свитере, сохранившемся еще с тех времен, когда он служил палубным матросом. Кроме того, он захватил с собой бутылку виски, чтобы согреться и заодно выпить за здоровье идиотов, которые вновь превратили Германию в руины. Джордах не был патриотом ни одной страны, а уж ту землю, на которой родился, он просто ненавидел: это она сделала его на всю жизнь хромым, отняла возможность получить образование, изгнала на чужбину и вызвала в нем крайнее отвращение к любой политике, ко всем политиканам, генералам, священникам, министрам, президентам, королям и диктаторам, к любым завоеваниям и поражениям, любым кандидатам и любым партиям. Он был доволен, что Германия проиграла войну, но его отнюдь не радовало, что ее выиграла Америка.

Аксель думал о своем отце, богобоязненном семейном деспоте, мелком заводском служащем, который, воткнув в дуло ружья пучок цветов и горланя песни, отправился – «шагом марш!» – на фронт, бодрый тупой баран, пушечное мясо, чтобы погибнуть в Танненберге, с гордостью сознавая, что у него остались двое сыновей, которые тоже скоро отправятся сражаться за «фатерланд», и жена! Впрочем, жена его вдовела меньше года. У нее хватило ума вскоре выйти замуж за какого-то адвоката, во время войны управлявшего доходными домами на Александерплац в Берлине.

Джордах поднес ко рту бутылку и выпил за ту огромную ненависть к Германии, которая вынудила его, тогда еще совсем молодого человека,

демобилизованного калеку, покинуть родину и уехать за океан. Конечно, Америка тоже не рай, но здесь по крайней мере он и его сыновья остались живы и их дом пока не разрушен.

До него доносились отдаленные залпы маленькой пушки. В воде отражались вспышки ракет. Дураки, думал Джордах, чему радуются? Они никогда еще не жили так хорошо, как сейчас. Через пять лет им придется торговать яблоками на углах и рвать друг друга на части, стоя перед фабриками в очередях безработных. Если бы они хоть немного соображали, им сейчас следовало бы идти в церковь и молиться, чтобы японцы продержались еще лет десять.

Внезапно высоко на холме вспыхнул огонь, быстро принявший форму креста. Джордах расхохотался. Ничего не меняется! К черту победу! Веселись сегодня, а завтра – гори все синим пламенем! Америка есть Америка. Мы здесь, чтобы напомнить вам об истинном положении вещей.

Он снова отхлебнул виски, с удовольствием глядя на горящий над городом крест.

Я бы с радостью пожал руку тому, кто это устроил, подумал он.

На лужайке у школы толпились сотни девушек и парней. Они кричали, пели, целовались. Рудольф приложил трубу к губам и заиграл «Америку». Все на мгновение притихли, затем хором запели. Не в силах стоять на месте, Рудольф зашагал, огибая лужайку по кругу. Ребята двинулись следом. Вскоре за ним маршировала целая процессия. Они вышли на улицу. Рудольф, продолжая играть, повел их за собой к Вандерхоф-стрит и остановился перед булочной. В честь своей матери он играл «Когда улыбаются глаза ирландки». Мать выглянула из окна спальни и, вытирая платком слезы, помахала ему. «Хоть бы причесалась, – огорченно подумал он. – И, конечно же, как всегда, с сигаретой!» В подвале свет не горел – значит, отца там нет. Впрочем, оно и к лучшему: он не смог бы выбрать подходящую мелодию для отца – действительно, что сыграть ветерану немецкой армии в такой день, как этот?

Закончив затейливой каденцией мелодию в честь матери, Рудольф повел процессию в центр города и сам не заметил, как оказался на улице, где жила мисс Лено. Он остановился и заиграл «Марсельезу», но мисс Лено не показалась. Из соседнего дома выбежала какая-то девушка с русой косичкой и, став рядом с Рудольфом, молча слушала.

Он сыграл второй раз, импровизируя, меняя ритм, добавляя собственные вариации. Труба то звучала победно громко, то нежно затихала. Наконец окно открылось, и оттуда выглянула мисс Лено в домашнем халате. Она посмотрела вниз, на улицу. Рудольф не мог различить выражение ее лица. Он шагнул поближе к фонарю, чтобы его самого было лучше видно, и, нацелив трубу прямо на мисс Лено, заиграл громко и звонко. Она не могла не узнать его. Несколько секунд она молча слушала, потом захлопнула окно и опустила жалюзи.

«Французская шлюха», – подумал он и закончил «Марсельезу» комичным плаксивым визгом. Когда он отнял трубу от губ, стоявшая рядом девушка обняла его и поцеловала. Вокруг закричали «ура!», Рудольф улыбнулся.

Поцелуй был прекрасен! Кстати, он ведь теперь знает, где эта девушка живет. Он снова приложил трубу к губам, и процессия, пританцовывая в такт музыке, двинулась дальше.

Она закурила очередную сигарету. «Одна в пустом доме», – подумала она и плотно закрыла все окна, чтобы не слышать веселых криков, музыки и залпов фейерверка, доносившихся с улицы.

Ей нечего было праздновать. В этот день, когда мужья улыбались женам, дети – родителям, друзья – друзьям, когда даже вовсе незнакомые люди обнимались на улицах, никто ей не улыбнулся, никто ее не обнял.

Она поднялась в комнату дочери и зажгла свет. Все здесь было безукоризненно чистым, кровать заправлена тщательно выглаженным покрывалом, медная настольная лампа начищена до блеска, а на ярко-розовом туалетном столике аккуратно расставлены баночки и флакончики – средства для наведения красоты. Профессиональные ухищрения, с горечью подумала Мэри Джордах.

Она подошла к небольшому книжному шкафу красного дерева и взяла толстый томик Шекспира. Конверт с деньгами лежал между теми же страницами «Макбета», куда Мэри их положила: ее дочь даже не удосужилась перепрятать деньги, хотя уже поняла, что матери все известно. Сняв с полки первую попавшуюся под руку книгу – антологию английской поэзии, – Мэри спрятала конверт с деньгами туда. Пусть немного поволнуется.

Она прошла в кухню. В раковине лежала грязная посуда, оставшаяся после ее одинокого ужина. Мэри открыла газ в духовке, потом подставила к плите стул, села, нагнулась и сунула голову в духовку. У газа был неприятный запах.

Прошло несколько минут. Голова у нее закружилась. Она отодвинулась от духовки и закрыла газ. Торопиться некуда.

Вошла в гостиную. В маленькой комнате пахло газом. Посредине на потертом рыжеватом ковре стоял квадратный дубовый стол с аккуратно приставленными к нему четырьмя деревянными стульями. Она села за стол, вынула из кармана карандаш и, вырвав несколько листков из ученической тетради, в которой вела учет торговли в булочной, начала писать.

«Дорогая Гретхен! – написала она. – Я решила покончить с собой. Знаю – это смертный грех, но больше жить не могу. Это письмо пишет одна грешница другой. Пояснять, думаю, не требуется. Ты знаешь, о чем я говорю.

На нашей семье лежит проклятье – на мне, на тебе, на твоём отце и на твоём брате Томе. Только Рудольф как будто бы избежал его. А может, оно скажется на нем позже, но, слава богу, я не доживу до того дня. До сих пор я скрывала от тебя, что я незаконнорожденная. Я никогда не видела ни своего отца, ни своей матери. Мне даже страшно подумать, какую жизнь, должно быть, вела моя мать и как низко она пала.

Меня не удивит, если ты пойдешь по ее стопам и кончишь жизнь в канаве. Твой отец – животное. Ты спишь в соседней с нами комнате и поэтому понимаешь, что я имею в виду. Он – зверь. Были случаи, когда я думала, он убьет меня. А однажды я собственными глазами видела, как он чуть ли не до смерти избил человека, который задолжал в булочной восемь долларов. Твой

брат Томас воистину сын своего отца. Не удивляйся, если он когда-нибудь попадет в тюрьму или с ним случится что-нибудь еще хуже. Я живу в клетке с тиграми.

Наверное, я тоже виновата. Я оказалась слишком слабой, позволила отцу отвести меня от церкви и сделать из моих детей безбожников. Я страшно уставала, и у меня не хватало сил любить тебя и защитить от отца и его влияния. Ты же всегда была такой чистой, аккуратной и так хорошо вела себя, что это усыпило мои страхи. А в результате случилось то, о чем ты знаешь лучше меня. В жилах твоих течет дурная кровь, и ты грешна по природе. В комнате у тебя чистота и порядок, но душа твоя грязна, как конюшня. Отцу следовало бы жениться на такой, как ты, потому что вы с ним два сапога пара. Последнее мое желание: уезжай поскорее из дома, чтобы своим примером не испортить Рудольфа. Если из этой ужасной семьи выйдет хоть один порядочный человек, быть может, господь простит прегрешения остальных».

Музыка и радостные крики на улице звучали все громче. Потом Мэри услышала звуки трубы и узнала их. Под окном играл Рудольф. Она встала из-за стола, подошла к окну и открыла его. Да, это был он, ее сын, а за ним, казалось, толпились тысячи парней и девушек. Сын играл для нее «Когда улыбаются глаза ирландки».

Она помахала ему рукой, чувствуя, как по ее щекам катятся слезы. Помахав ей в ответ, Рудольф доиграл мелодию и повел свою процессию дальше.

Рыдая, Мэри снова опустилась на стул. Он спас мне жизнь, подумала она, мой чудесный сын спас мне жизнь!

Она разорвала письмо на мелкие клочки, прошла в кухню и, сложив обрывки бумаги в кастрюлю, сожгла их.

Как только по радио сообщили о капитуляции Германии, все ходячие раненые, не дожидаясь разрешения, надели форму и ушли из госпиталя. Однако вскоре многие вернулись с бутылками, и в общей комнате сейчас пахло, как в кабаке. Покачиваясь, они бродили по коридорам на костылях или ездили в инвалидных колясках и горланили песни. После ужина праздник переродился в пьяный дебош: они били палками окна, срывали со стен плакаты, рвали книги и журналы, превращая их в горсти конфетти.

Одна из сестер подошла к двери и кивком головы подозвала Гретхен.

– Тебе, пожалуй, лучше уйти отсюда, – посоветовала она тихим встревоженным голосом. – Скоро они совсем распояшутся.

Из общей комнаты послышался звон разбитого стекла. Какой-то солдат бросил в окно пустую бутылку. Потом схватил металлическую корзину для мусора и швырнул ее в другое окно.

– Хорошо еще, что у них нет оружия, – заметила сестра. – Иди домой, а завтра утром придешь, поможешь здесь убрать.

Перед тем как уйти, Гретхен зашла в палату для тяжелораненых. В слабо освещенной комнате было тихо. Большинство коек пустовало. Она подошла к последней в ряду койке, где лежал Толбет Хьюз. Рядом с кроватью стояла

капельница с глюкозой. На его изможденном лице лихорадочно горели широко открытые, огромные глаза. Он узнал ее и улыбнулся. Гретхен тоже улыбнулась и присела на край кровати. За последние сутки он заметно похудел. Врач сказал Гретхен, что парню не протянуть больше недели.

– Хочешь, я тебе почитаю? – спросила она.

Толбет отрицательно покачал головой и взял ее за руку. Ладонь у него была хрупкая, как птичья лапка. Он снова улыбнулся и закрыл глаза. Гретхен сидела не шевелясь, пока он не уснул. Затем потихоньку вышла из палаты.

Чувствуя себя совсем разбитой, она устало направилась к автобусной остановке. Она стояла под фонарем и, поглядывая на часы, ждала. Может, шоферы автобусов тоже сейчас празднуют победу? Чуть подальше в тени дерева укрылась чья-то машина. Внезапно она тронулась с места и подъехала к остановке. Гретхен узнала «бьюик» Бойлана. У нее мелькнула тревожная мысль: а не вернуться ли в госпиталь?

– Могу я вас подвезти, мадам? – Бойлан открыл дверцу.

– Нет, спасибо.

Они не виделись почти целый месяц с того вечера, когда ездили в Нью-Йорк. За это время она получила от него два письма с просьбой о встрече, но ни на одно не ответила.

Она ринулась прочь от машины. Бойлан вылез и догнал ее.

– Поехали ко мне, – глухо сказал он, беря ее за руку. – Сейчас же.

– Пусти. – Она резко выдернула руку.

– Хорошо, тогда я скажу то, что собирался. Я хочу на тебе жениться.

Гретхен громко расхохоталась. Она сама не знала почему. Может, от неожиданности.

– Я серьезно говорю, я хочу на тебе жениться, – повторил Бойлан.

– Знаешь, поезжай-ка ты лучше на свою Ямайку, а я буду тебе писать. Адрес можешь оставить у моего секретаря. Извини, это мой автобус.

Едва дверь автобуса открылась, она вскочила в него. Ее била дрожь. Если бы не подошел автобус, она сказала бы Бойлану «да», она вышла бы за него замуж.

Клод сидел сзади, держась за Тома здоровой рукой, а Том вел мотоцикл по узкой проселочной дороге. Конечно, Том не мог определить, насколько серьезно обгорел Клод, но понимал, что надо немедленно принять какие-то меры. Конечно, в больницу его везти нельзя: сразу начнут расспрашивать, как это произошло, и не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы установить связь между его обожженной рукой и крестом, горящим в усадьбе Бойлана. И уж конечно, Клод не возьмет всю вину на себя. Он не из тех героев, что умирают под пытками, но не выдают тайны.

– Послушай, – сказал Том, притормозив, – у вашей семьи есть домашний врач?

– Да, – ответил Клод. – Мой дядя.

– Где он живет?

Клод еле слышно пробормотал адрес. Он был так испуган, что с трудом говорил. Стараясь держаться подальше от основных дорог. Том подъехал к

большому дому на окраине города. На воротах была табличка: «Доктор Роберт Тинкер». Том остановил мотоцикл и помог Клоду слезть.

– Вот что, ты пойдешь туда один. Понял? Можешь говорить своему дяде что угодно, но обо мне ни слова, ясно? И лучше, если утром твой отец отправит тебя подальше от Порт-Филипа, потому что завтра в городе такое будет твориться!.. Стоит кому-нибудь увидеть тебя с забинтованной рукой, через десять секунд от тебя мокрое место останется.

Вместо ответа Клод застонал и привалился к плечу Тома. Том оттолкнул его.

– Стой на ногах, будь мужчиной, – сказал он. – А сейчас иди и постарайся, чтобы, кроме дяди, тебя никто не видел. Если я узнаю, что ты продал меня, убью.

– Том! – захныкал Клод.

– Ты меня слышал. Я убью тебя, ты прекрасно знаешь, что я не шучу. – Он подтолкнул Клода к дому.

Клод, спотыкаясь, вошел во двор и поднялся на крыльцо. Том, не дожидаясь, когда он войдет, сел на мотоцикл и уехал. Над городом все еще полыхал крест.

Том спустился к реке и снял свитер, от которого тошнотворно пахло паленой шерстью. Он нашел камень, завернул его в свитер и швырнул узел в воду. Было жаль расставаться со свитером – он приносил Тому удачу. Однако бывают такие случаи, как сейчас, когда лучше отделаться от любимых вещей.

6

«Немецкая еда, – подумала Мэри Джордах, глядя, как Аксель выносит из кухни блюдо с жареным гусем, красной капустой и клецками. – Иммигрант!»

Она не помнила, когда еще видела мужа в таком хорошем настроении. Падение третьего рейха сделало его веселым и щедрым. Он жадно проглядывал газеты и фыркал от смеха над фотографиями немецких генералов, подписывавших в Реймсе документы о капитуляции. Сегодня было воскресенье и день рождения Рудольфа – ему исполнилось семнадцать лет. Джордах объявил, что они будут праздновать это событие. Ничьи дни рождения в семье никогда не отмечались. Он подарил Рудольфу прекрасный спиннинг. Бог знает сколько эта штука стоит! И Гретхен разрешил впредь оставлять себе половину жалованья, а не четверть, как раньше. Даже Томасу дал денег на новый свитер взамен старого, который, по его словам, Томас потерял. Если бы Германия терпела поражение каждую неделю, жизнь в доме Акселя Джордаха могла бы быть вполне сносной.

И вот они собрались за столом. Рудольф, смущенный виновник торжества, сидел очень прямо, на нем была белая рубашка с галстуком. Гретхен, в белой английской кружевной блузке с длинными рукавами, выглядела воплощением целомудрия. Блудница! Томас, со своей обычной плутовской ухмылкой, по случаю такого события был тщательно умыт и причесан. Со дня победы он поразительно изменился: приходил домой сразу после школы, все вечера сидел

в своей комнате за уроками и даже, чего раньше никогда не бывало, помогал в булочной. У матери впервые появилась робкая надежда, что, возможно, замолкшие в Европе орудия каким-то чудом превратят Джордахов в нормальную семью.

Аксель с удовлетворением поставил на стол блюдо с гусем. Он готовил обед все утро, не разрешая жене появляться на кухне, но обходился без обычных в таких случаях оскорбительных замечаний о ее кулинарных способностях. Гуся он разделал довольно грубо, но со знанием дела и положил всем по здоровенному куску. Первую тарелку он поставил перед женой, чем весьма ее удивил. Вытащив две бутылки калифорнийского рислинга, он торжественно наполнил бокалы.

– За моего сына Рудольфа, за его день рождения, – хрипло провозгласил он. – Пусть он оправдает наши надежды, поднимется на вершину и не забудет нас.

Все выпили с серьезными лицами, хотя мать заметила, как Томас поморщился. Возможно, просто вино показалось ему слишком кислым.

Джордах не стал уточнять, на какую вершину должен подняться его сын. В этом не было необходимости. Вершина – это место для избранных. Когда человек достигает вершины, он сразу это понимает – его славят те, чьи «кадиллаки» подкатили туда раньше.

Рудольф ел мало. На его вкус гусь был жирноват, а он знал, что от жирной пищи у него появляются прыщи. Капусту он тоже ел умеренно – сегодня сразу после обеда ему предстояло свидание с той девушкой, которая в день победы поцеловала его перед домом мисс Лено, и ему не хотелось, чтобы от него пахло капустой. И вино он лишь пригубил. Он давно решил, что никогда в жизни не позволит себе напиться. Он был намерен всегда держать себя в руках – и тело и разум. А еще он решил, что никогда не женится: пример его родителей был веским доводом в пользу такого решения.

На следующий день после победы он пошел на ту улицу, где жила поцеловавшая его девушка с русой косичкой, и стал прохаживаться перед ее домом. Как он и ожидал, через десять минут она вышла в синих джинсах и свитере и помахала ему рукой. Она была приблизительно его возраста, с ясными голубыми глазами и открытой дружелюбной улыбкой человека, с которым никогда не случалось ничего плохого. Они прошлись немного, и через полчаса Рудольфу уже казалось, будто они знакомы всю жизнь. Она переехала в Порт-Филип из Коннектикута. Ее звали Джули. Отец ее имел какое-то отношение к электрокомпании, а старший брат служил в армии во Франции. Поэтому-то она и поцеловала Рудольфа в тот день – от радости, что война кончилась и брат остался жив. Ей нравились серьезные мальчишки, а Рудольф, вне всякого сомнения, относился именно к таковым.

Рудольфу хотелось разделить родительскую уверенность в том, что он достигнет вершины. Он был умен, достаточно умен, чтобы понимать: ум сам по себе еще ничего не гарантирует. Для такого успеха, какого ждут от него отец и мать, нужно еще что-то – удача, происхождение, талант... Он пока не знал, удачлив ли он. Естественно, рассчитывать, что ему поможет происхождение, не

приходилось. И он не знал, есть ли у него какой-нибудь талант.

Многое давалось ему легко. Например, он неплохо играл на трубе, но не обольщался, признавая, что двое ребят из их оркестра играют лучше. Он лучше всех в школе бегал на короткую дистанцию с препятствиями, но, пожалуй, учись он в хорошем колледже в большом городе, его могли бы не принять в команду. Сочинения он писал лучше Сэнди Хоупервуда, редактора их школьной газеты. И все же стоило прочитать хоть одну статью Сэнди, как сразу становилось ясно – рано или поздно он обязательно станет настоящим писателем.

У Рудольфа был единственный талант – всем нравиться. Он знал это и знал, что именно поэтому его три года подряд выбирали старостой класса. Он чувствовал, что это не настоящий талант. Он сознательно старался нравиться, ему приходилось прилагать много усилий, чтобы ладить с людьми, делать вид, будто они его интересуют. Нет, умение нравиться – это не настоящий талант, думал он, потому что у него нет близких друзей и вообще, если честно признаться, он не очень-то любит людей. Даже его обычай утром и вечером целовать мать, а по воскресеньям ходить с ней на прогулки тоже был продуман: он делал это, чтобы вызывать у нее чувство благодарности и поддерживать впечатление о себе как о заботливом, любящем сыне. На самом же деле воскресные прогулки тяготили его, и он с трудом переносил, когда мать в ответ на его поцелуй гладила его, – хотя, конечно, он не подавал виду. В нем жило два человека: о существовании одного знал только он, а другого видели все.

Ему было известно, что мать, сестра и даже некоторые учителя считают его красивым, но сам он не был в этом уверен. Ему казалось, кожа у него чересчур смуглая, нос слишком длинный, скулы плоские, глаза недостаточно большие и излишне светлые для оливкового цвета кожи, а волосы, черные, как у простолюдина. Он регулярно проглядывал фотографии в газетах и журналах, чтобы знать, как одеваются ребята из хороших школ, а также студенты колледжей, таких, как Гарвард и Принстон. Пытался им подражать, конечно, насколько позволял его бюджет, но понимал: пригласи его на вечеринку студенты-первокурсники, сразу станет ясно, что он просто провинциал, корчащий из себя бог знает что.

С девушками он был застенчив и еще ни разу не влюблялся, если, конечно, не считать глупой истории с мисс Лено. Он делал вид, будто девушки его не интересуют: у него, мол, есть дело поважнее, чем вся эта детская ерунда вроде свиданий, флирта и поцелуев. В действительности же он просто боялся, вдруг какая-нибудь из них догадается, что, несмотря на все его высокомерие и светские манеры, он просто неопытный и смешной мальчик.

В какой-то степени он завидовал своему брату. Томас жил, как ему хотелось, не считаясь ни с чьим мнением. У него был настоящий талант – жестокость. Одни его боялись, другие ненавидели, и, уж конечно, никто не любил, но зато его не мучили сомнения, какой надеть галстук или как отвечать на уроке английского языка. Он был цельной натурой и если уж что-либо делал, то предварительно не занимался скрупулезным самокопанием, взвешивая каждый шаг.

– Гусь замечательный, пап, – сказал Рудольф, зная, что отец ждет от него комплимента. – Удался на славу. – И хотя он съел уже больше, чем хотел, все же протянул тарелку за добавкой.

Гретхен ела молча. «Когда сказать им, как выбрать самый подходящий момент», – думала она.

В пятницу ее вызвал к себе начальник отдела мистер Хатченс и после небольшой вступительной речи о том, какой она хороший и добросовестный работник, сообщил, что получил приказ уволить ее и еще одну девушку. Он сказал, что ходил к управляющему и протестовал, но, к сожалению, это ничего не дало. Управляющий сказал, что в связи с окончанием войны в Европе в производстве ожидается спад, и они вынуждены экономить, сокращая штаты. Гретхен и та, другая девушка были приняты на работу последними и, естественно, первыми подлежали увольнению. Мистер Хатченс очень волновался, говоря ей все это. Даже достал платок и трубно высморкался, как бы доказывая, что он тут ни при чем.

Гретхен пришлось утешить мистера Хатченса. Она сказала ему, что и не собиралась всю жизнь работать на «Кирпич и черепицу Бойлана» и понимает, почему ее увольняют в первую очередь. Но она не сказала мистеру Хатченсу об истинной причине увольнения и чувствовала себя виноватой перед другой девушкой, которую принесли в жертву, чтобы замаскировать этот акт мести Тедди Бойлана.

Ко дню рождения сына Джордах испек торт. На сахарной глазури горело восемнадцать свечей – семнадцать и еще одна, чтобы Рудольф продолжал расти. Когда Аксель внес торт в комнату и все уже начали петь «С днем рождения», в дверь позвонили. Пение прервалось на полуслове. Звонок в доме Джордахов почти никогда не звенел. Никто не приходил к ним в гости, а почтальон опускал почту в прорезь в дверях.

– Что за черт! – недовольно проворчал Джордах. Он враждебно реагировал на любые неожиданности, словно за ними обязательно крылись неприятности.

– Пойду посмотрю, – сказала Гретхен, уверенная, что это Бойлан: от него всего можно ожидать.

Открыв дверь, она увидела двух мужчин. Она знала обоих. Мистер Тинкер работал на заводе Бойлана, а его брата, священника, краснолицего толстяка, похожего на портового грузчика, по ошибке выбравшего не ту профессию, знал весь город.

– Добрый день, мисс Джордах, – сказал Тинкер, приподнимая шляпу.

– Здравствуйте, мистер Тир. Здравствуйте, святой отец, – поздоровалась Гретхен.

– Надеюсь, мы вам не помешаем? – Голос Тинкера звучал торжественно и солидно, солиднее, чем голос его посвященного в духовный сан брата. – Нам необходимо поговорить с вашим отцом по очень важному делу. Он дома?

– Да, проходите, я сейчас его позову, – сказала Гретхен. Мужчины вошли в темный коридор и быстро закрыли за собой дверь, словно боялись, что их увидят с улицы. Гретхен зажгла свет и поднялась в гостиную.

Рудольф разрезал торт. Все вопросительно взглянули на Гретхен.

– Это мистер Тинкер и его брат, священник. Они хотят с тобой поговорить, папа.

Томас причмокнул языком, словно у него между зубами застрял кусочек пищи.

– Только священника нам и не хватало, – раздраженно сказал Джордах, отодвигаясь от стола. – Эти сволочи даже в воскресенье не могут оставить человека в покое. – Но все же он встал и вышел из комнаты. Они слышали, как он, прихрамывая, тяжелыми шагами спускается с лестницы. – Ну, джентльмены, – не здороваясь, обратился он к мужчинам, стоявшим в коридоре, тускло освещенном сорокасвечовой лампочкой, – какое это у вас такое срочное дело, что вам обязательно надо оторвать рабочего человека от воскресного обеда?

– Мистер Джордах, – сказал Тинкер, – могли бы мы поговорить с глазу на глаз?

– А чем здесь плохо? – ответил Джордах, стоя на ступеньке и продолжая жевать торт. В коридоре пахло жареным гусем.

Тинкер взглянул вверх:

– Мне бы не хотелось, чтобы нас слышали.

– Насколько мне известно, у нас с вами нет никаких секретов – пусть слушает хоть весь этот чертов город. Я вам денег не должен, вы мне – тоже.

– Тем не менее он открыл дверь на улицу и провел мистера Тинкера и его брата за собой в булочную.

Мэри Джордах ждала, когда закипит кофе. Рудольф то и дело поглядывал на часы, боясь опоздать на свидание. Томас, откинувшись на спинку стула, мурлыкал себе под нос что-то невразумительное и отбивал навязчивый ритм вилок по стакану.

– Перестань, пожалуйста, – попросила мать. – У меня от твоего стука голова разболелась.

– Извини, – ответил Томас, – к следующему своему концерту я научусь играть на трубе.

«Хоть бы раз ответил вежливо», – подумала Мэри, а вслух раздраженно сказала:

– Что они там внизу застряли? В кои-то веки у нас нормальный семейный обед... – Она укоризненно поглядела на Гретхен. – Ты ведь работаешь вместе с мистером Тинкером. Что-нибудь натворила?

– Вероятно, они обнаружили, что я украла кирпич, – сказала Гретхен.

– В этом доме даже один день не могут вести себя вежливо, – проговорила мать и с видом мученицы удалилась на кухню.

В комнату вошел Джордах. Лицо его ничего не выражало.

– Том, спустись вниз, – сказал он.

– Добрый день, мистер Тир. Добрый день, святой отец, – с открытой мальчишеской улыбкой поздоровался Томас, входя в булочную.

– Скажите ему то, что вы сказали мне, – потребовал Джордах.

– Сын мой, – повернулся к Тому священник, – нам все известно. Клод во всем признался своему дяде, и он поступил совершенно правильно. Признание

ведет к раскаянию, а раскаяние – к прощению...

– Оставьте всю эту ерунду, для воскресной школы, – оборвал его Джордах. Он стоял, прислонясь спиной к двери, точно боялся, как бы кто из них не убежал.

Том слушал молча. На губах его играла улыбка, как перед дракой.

– Говори, это ты сделал? – обратился к нему Аксель.

– Я, – ответил Том. «Ну попадись мне только эта трусливая сволочь Клод», – подумал он.

– Ты представляешь себе, сын мой, – продолжал священник, – что будет с твоей семьей и семьей Клода, если станет известно, кто поджег крест в такой день?

– Вас выдворят из города, вот что будет! – возбужденно вмешался мистер Тир. – Твой отец не сможет даже бесплатно сбить ни буханки хлеба. В городе помнят, что вы иностранцы. Немцы!

– Ну, началось, – сказал Джордах. – Звездно-полосатый флаг – самый лучший!..

– Факты есть факты, – заметил мистер Тинкер, – и от них никуда не денешься. Больше того, если Бойлан узнает, кто поджег его оранжерею, он нас всех засудит. Наймет ловкого адвоката, и тот докажет, что эта старая оранжерея была ценнейшей недвижимой собственностью. – Он потряс кулаком. – Вам с Клодом что, вы несовершеннолетние. Это мы с твоим отцом будем расплачиваться за все! Сбережения всей нашей жизни...

Томас видел, как отец судорожно сжимает кулаки, точно хочет схватить его за горло и задушить.

– Успокойся, Джон, – сказал священник Тинкеру. – Зачем расстраивать мальчика еще больше? Будем надеяться, что его здравый смысл спасет нас всех. – И, повернувшись к Тому, добавил: – Я не стану тебя спрашивать, какой нечистый тебя попутал подбить нашего Клода на это богомерзкое дело...

– Он сказал, что это я придумал? – удивился Том.

– Такому мальчику, как Клод, – ответил священник, – воспитанному в христианской семье, каждое воскресенье ходившему в церковь, никогда бы и в голову не пришла столь отвратительная затея.

– Ладно, – буркнул Томас. Черт возьми, он еще доберется до Клода.

– К счастью, – продолжал священник, – когда в тот ужасный вечер он пришел с покалеченной рукой к своему дяде, доктору Роберту Тинкеру, в доме больше никого не было. Доктор Тинкер оказал мальчику необходимую медицинскую помощь и заставил рассказать, как все случилось, а потом отвез его домой на своей машине. Слава всевышнему, их никто не видел. Но у Клода очень сильные ожоги, и ему придется ходить с повязкой по крайней мере недели три. Дома ему на это время оставаться, естественно, нельзя: горничная может что-нибудь заподозрить или зайдет навестить кто-нибудь из его сердобольных школьных товарищей...

– О господи, Энтони, перестань читать проповедь, – прервал брата мистер Тир. Его побледневшее лицо дергалось, а глаза налились кровью. Он шагнул к Томасу. – Вчера вечером мы отвезли этого мерзавца в Нью-Йорк, а сегодня

утром посадили на калифорнийский самолет. В Сан-Франциско живет его тетя. Он побудет у нее, пока не поправится, а потом уедет учиться в военное училище и, по мне, пускай хоть до самой смерти не появляется в Порт-Филипе. Твоему отцу, если у него есть голова на плечах, тоже следует немедленно отправить тебя из города, и как можно дальше, где никто тебя не знает и не будет задавать никаких вопросов.

– Пусть это вас не беспокоит, – сказал Джордах. – Сегодня к вечеру его здесь уже не будет. А теперь проваливайте отсюда. Вы мне оба порядком надоели.

Он захлопнул за ними дверь и обернулся к Томасу:

– Что, достукался, подлец? Ну, я научу тебя уму-разуму, чтобы это дошло до твоего сознания. – Прихрамывая, он подошел к нему и замахнулся кулаком. Удар пришелся Томасу по макушке. Он пошатнулся, но тут же инстинктивно сделал выпад и правой рукой молниеносно нанес отцу сильнейший удар в висок. Аксель покачнулся, выставил вперед руку, но не упал. Он с изумлением смотрел на сына, голубые глаза которого горели лютой ненавистью.

– Ну давай, бей, – презрительно сказал Томас. – Сыночек больше не ударит своего храброго папочку.

Джордах размахнулся и ударил его еще раз. Левая щека у Томаса тут же вздулась и побагровела, но он продолжал улыбаться.

Аксель уронил руки. Этот удар был символическим, и только. «Бессмысленно, – подумал он как в тумане. – Ох, сыновья...»

– Ладно, – сказал он. – Кончено. Рудольф проводит тебя до вокзала и посадит в первый поезд до Олбани. Там ты пересядешь и поедешь в Огайо к моему брату. Я позвоню ему, и он будет тебя ждать. Поедешь без вещей. Я не хочу, чтобы тебя видели с чемоданом.

Они вышли из булочной. Томас заморгал, ослепленный солнцем.

– Подожди здесь. Я скажу Рудольфу, чтобы он спустился. У меня нет ни малейшего желания устраивать тебе прощание с матерью. – Джордах запер дверь булочной и проковылял в дом.

Через десять минут Аксель вернулся вместе с Рудольфом, который нес зеленоватый в полоску пиджак от единственного костюма Томаса, купленного два года назад. Костюм был ему уже мал. Томас не мог в нем свободно двигаться, а руки торчали из узких рукавов.

Рудольф расширенными от удивления глазами взглянул на вздувшуюся щеку брата. У отца был больной вид, смуглое лицо приобрело тускло-зеленый оттенок, веки припухли. И это всего лишь после одного удара, подумал Томас.

– Рудольф знает, что надо делать, – сказал Аксель. – Я дал ему денег. Вот адрес твоего дяди. – Он протянул Томасу клочок бумаги. – А теперь уходи, и чтобы я больше о тебе никогда не слышал.

– Что произошло, черт возьми? – спросил Рудольф, как только они завернули за угол.

– Ничего.

– Он тебя ударил. Ты бы видел, на кого ты сейчас похож.

– Да, это был потрясающий удар, – с издевкой заметил Том. – Он у нас

первый претендент на титул чемпиона.

– Когда он поднялся наверх, у него был совсем больной вид.

– Я разочек ему врезал. – Томас ухмыльнулся, вспоминая недавний эпизод.

– Ты ударил его?

– А почему бы и нет? Для чего тогда вообще существуют отцы?

– Господи! И после этого ты еще жив?

– Как видишь.

– Теперь понятно, почему он хочет от тебя отделаться, – покачал головой Рудольф. Он был зол на брата: из-за него приходилось пропустить свидание с Джули. – Видимо, ты действительно наделал дел, если уж отец раскошелился на пятьдесят долларов тебе на дорогу.

– Я попался на шпионаже в пользу японцев, – безмятежно ответил Томас.

– Ну, ты даешь!

До автобусной остановки они дошли молча. Когда приехали на вокзал, Рудольф пошел за билетом. Отец предупредил, что никто не должен знать, куда отправляется Томас, поэтому билет надо брать только до Олбани, а там Том купит себе билет сам.

Когда Рудольф получал в кассе сдачу, у него мелькнула мысль взять билет и себе, но в противоположную сторону, до Нью-Йорка. Почему Томас должен первым уехать из дому? Но, конечно, никакого билета в Нью-Йорк Рудольф не купил.

Томас сидел на скамейке под деревом, вытянув перед собой широко расставленные ноги. Выглядел он совершенно спокойным, словно ничего особенного с ним не произошло. Рудольф огляделся вокруг и, убедившись, что на них никто не смотрит, протянул брату билет. Тот лениво взглянул на него.

– Спрячь, спрячь его, – быстро сказал Рудольф. – Вот тебе сдача – сорок два доллара пятьдесят центов. Насколько я понимаю, у тебя еще порядком останется после того, как ты купишь билет в Олбани.

Томас, не считая, сунул деньги в карман.

– У старика, наверное, кровь почернела, когда он доставал их из своего тайника. Ты случаем не видел, где он их прячет?

– Нет.

– Жаль. А то я мог бы как-нибудь темной ночью вернуться и грабануть. Впрочем, если бы ты и знал, все равно бы не сказал. Не такой человек мой братец Рудольф!

Неподалеку от них остановилась маленькая двухместная машина. Из нее вышли девушка в голубом платье и высокий загорелый лейтенант военно-воздушных сил. Они поднялись на платформу, остановились и поцеловались.

– Поцелуй меня, дорогая, я бомбил Токио! – воскликнул Том.

– Чего ради ты паясничаешь?

– Послушай, ты уже с кем-нибудь переспал? – поинтересовался Томас. В словах брата Рудольф услышал эхо вопроса, заданного отцом в тот день, когда он ударил мисс Лено, и это возмутило его.

– А тебе какое дело?

– Никакого, – пожал плечами брат. – Просто я подумал, что, раз уж уезжаю надолго, может, нам не мешает поговорить по душам.

– Ну, если это тебя так интересует – нет, – натянуто ответил Рудольф.

– Я так и знал, – сказал Том. – На Маккинли-стрит есть одно заведение. Называется «У Алисы». Там можно взять за пять долларов приличную девчонку. Скажешь, тебя брат послал.

– Я о себе как-нибудь сам позабочусь, – ответил Рудольф. Он был на год старше Томаса, но тот вел себя так, что Рудольф чувствовал себя рядом с ним просто ребенком.

– А вот наша любимая сестрица занимается этим регулярно, – сказал Томас. – Ты это знаешь?

– Ее дело. – Но Рудольф был потрясен: «Гретхен... такая чистая, аккуратная, вежливая...».

– И догадайся – с кем? – продолжал Томас. – С Теодором Бойланом.

– Откуда ты знаешь? – Рудольф был уверен, что Том лжет.

– Я стоял у его дома и видел в окно, как он вошел в гостиную совсем голый, налил виски в два стакана и крикнул наверх, в спальню: «Гретхен, ты спустишься вниз или тебе принести виски наверх?» – Томас жеманно улыбался, подражая манере Бойлана.

– Но ты же не видел ее, – встал на защиту сестры Рудольф. – Может, это была не она.

– Сколько Гретхен ты знаешь в Порт-Филипе? – спросил Томас. – Кроме того, Клод Тинкер видел, как они ехали вдвоем на «бьюике» к Бойлану домой. Она встречается с ним у магазина Бернстайна в те часы, когда ей полагается ухаживать за ранеными в госпитале. Правда, может, Бойлана тоже ранило. Во время испано-американской войны.

– Боже мой, – прошептал Рудольф. – С таким страшилищем.

– Наверно, она что-то в этом находит? Это ей выгодно? – беззаботно сказал Томас. – Попробуй спроси ее.

– Ты говорил ей, что знаешь?

– Очень надо! Пусть себе получает удовольствие! Я подсматривал только ради смеха. Она для меня пустое место. – И он запел: – Тра-ля-ля, тра-ля-ля... Откуда берутся дети, мамочка?

Рудольф с недоумением смотрел на брата: откуда в нем так рано эта зрелая ненависть?

– Ну, мне пора. – Том встал. Они прошли на платформу, и, как только поезд остановился, Том вскочил на подножку.

– Послушай, – сказал Рудольф, – если тебе надо будет что-нибудь из дому, напиши. Я найду способ переслать.

– Мне отсюда ничего не надо, – отрезал Томас. Его бунт был окончательным и бескомпромиссным. По-детски круглое лицо сияло радостью, точно он ехал в цирк.

– Ну что ж, в таком случае желаю удачи, – неловко сказал Рудольф. Как бы там ни было, он все же его брат, и бог знает когда они теперь увидятся.

– Кстати, я тебя поздравляю – теперь вся кровать в полном твоём

распоряжении. Тебе больше не придется мириться с тем, что от меня несет как от лесной зверюги. Смотри не забывай надевать на ночь пижамку. – Он повернулся и, не оглядываясь, прошел в вагон. Поезд тронулся.

Гретхен упаковывала чемодан. Старый потрепанный фибровый чемодан, в котором еще ее мать, приехав невестой в Порт-Филип, привезла свое приданое.

Напряженная атмосфера, воцарившаяся в доме и предвещавшая скандал, странное выражение в глазах отца, когда он вошел в гостиную и приказал Рудольфу идти с ним, – все это в конце концов подтолкнуло ее. Другого такого воскресенья, может, и не будет. Если уж уезжать, то лучше всего сегодня.

Она торопилась уйти до возвращения отца, хотя была готова к встрече с ним и знала, что сумеет сказать ему о том, что ее уволили и она едет в Нью-Йорк искать другую работу. Впрочем, сегодня его, пожалуй, можно не опасаться: когда он уходил с Рудольфом, у него был такой покорный, растерянный вид.

Ей пришлось перелистать почти все книги, прежде чем она нашла конверт с деньгами. Что за ненормальную игру затеяла с ней мать?! Когда-нибудь уж точно загремит в сумасшедший дом. Гретхен надеялась, что постепенно приучит себя жалеть мать.

Она вынесла чемодан в корр. Ей было отсюда видно, как мать сидит за столом и курит. На столе стояла грязная посуда с остатками обеда, а мать сидела, уставившись в стену, и курила.

– Мам, я собрала вещи и уезжаю, – сказала Гретхен, входя в комнату. Мэри медленно повернула голову, взглянула на нее мутными глазами и глухо спросила:

– К своему греховоднику уходишь? – Ее словарь оскорблений был довольно архаичен. Она выпила все оставшееся вино и была пьяна.

– Ни к кому я не ухожу. Меня уволили, и я еду в Нью-Йорк искать другую работу. Когда устроюсь, напишу.

– Блудница, – сказала мать.

Гретхен поморщилась – кто в тысяча девятьсот сорок пятом году еще помнит такие слова, как «блудница»? Но потом сделала над собой усилие и поцеловала мать в щеку. Кожа у матери была грубая, шершавая.

– Фальшивые поцелуи, – сказала мать, тупо глядя прямо перед собой. – Кинжал в букете.

Боже, какие книги она читала в молодости, подумала Гретхен, и вдруг ей пришло в голову, что мать родилась уже усталой и измученной и потому многое надо прощать ей. Она чуть помедлила, пытаясь отыскать в себе хоть каплю симпатии к этой пьяной женщине, сидевшей в клубах табачного дыма за неубранным столом.

– Гусь! – презрительно сказала мать. – Кто нынче ест гусей?

Гретхен беспомощно покачала головой, вышла в коридор, взяла чемодан и стала спускаться по лестнице.

На улице она увидела спешившего домой Рудольфа. Заметив сестру, он подбежал к ней:

– А ты куда?

– В Нью-Йорк, – беспечно ответила Гретхен.

Через два квартала от своего дома они поймали такси и поехали на вокзал. Гретхен пошла за билетом, а Рудольф уселся на ее старомодный чемодан и задумался. Ему было обидно видеть радость в глазах сестры – ведь как ни говори, а она покидала не только дом, но и его.

– Поезд придет только через полчаса, – сказала Гретхен, дотрагиваясь до его рукава. – Я бы чего-нибудь выпила. Давай отпразднуем это событие. Чемодан сдай пока в камеру хранения.

– Я понесу его с собой. За хранение нужно заплатить десять центов.

– Раз в жизни можно и пошиковать, – рассмеялась Гретхен. – Давай промотаем наше наследство. Пусть деньги летят направо и налево!

В баре, кроме двух солдат, угрюмо пивших за стойкой пиво, никого не было. Гретхен уверенно заказала виски, точно всю свою жизнь только и делала, что пила в барах.

– Ну, чего ты так насупился? – Она шутливо ткнула брата пальцем в щеку.

– Ведь сегодня твой день рождения.

– Да-а, – протянул Рудольф.

– Ты не знаешь, почему папа отослал Томаса?

– Не знаю. Ни тот ни другой ничего мне не сказали. Это как-то связано с Тиккерами. Томми ударил отца – вот это я знаю.

– Ну и ну-у, – изумилась Гретхен. – Можно сказать, великий день.

– Уж это точно, – согласился Рудольф и, вспоминая, что ему рассказал Том про сестру, подумал, что день этот гораздо значительней, чем ей кажется.

Бармен принес виски. Гретхен подняла свой стакан:

– За семью Джордахов – украшение общества Порт-Филипа, – и отпила несколько глотков сразу, словно ее мучила жажда, словно она хотела скорее допить первую порцию, чтобы осталось время повторить. – Ничего себе семейка, – продолжала она, качая головой. – Поехали со мной. Будем жить в Нью-Йорке.

– Ты хорошо знаешь, я не могу этого сделать.

– Я тоже так думала, а вот ведь делаю.

– Почему ты уезжаешь? Что случилось?

– Много чего, – уклончиво ответила Гретхен и снова сделала большой глоток виски. – В основном я уезжаю из-за одного мужчины. – Она посмотрела на брата вызывающе. – Он хочет на мне жениться.

– Кто? Бойлан?

– А ты откуда знаешь? – Зрачки ее расширились и потемнели.

– Мне Томми сказал.

– А ему откуда известно?

Почему бы и не сказать, подумал он. Сама напрашивается. От стыда и ревности ему хотелось сделать ей больно.

– Он был возле дома Бойлана и заглянул в окно.

– И что же он увидел? – холодно спросила Гретхен.

– Бойлана. Голого.

– Бедный Томми, – рассмеялась Гретхен. В ее смехе звенел металл. –

Голый Тедди Бойлан не такое уж привлекательное зрелище. Он и меня видел голый?

– Нет.

– Жаль. А то по крайней мере не зря перся бы в такую даль. – Она сказала это безжалостно, словно намеренно мучила себя. Раньше Рудольф ничего подобного за ней не замечал. – А почему он решил, что там была именно я?

– Бойлан громко спросил, спустишься ли ты или тебе принести виски наверх.

– О, так это было как раз в ту ночь. Незабываемая ночь. Как-нибудь я расскажу тебе подробно. – Гретхен внимательно поглядела на него. – Не смотри на меня так грозно. Сестры имеют обыкновение становиться взрослыми и гулять с мужчинами.

– Да, но Бойлан... – горько сказал он. – Этот хилый старик.

– Между прочим, он не такой уж старый и не такой уж хилый.

– Тогда почему ты сбегаешь?

– Понимаешь, если я останусь, рано или поздно я выйду за него замуж, а Тедди Бойлан не годится в мужья твоей чистой, красивой сестренке. Сложно, не правда ли? – Она жестом подозвала бармена: – Еще виски, пожалуйста. – И продолжала: – Кстати, когда я уходила, мама была совершенно пьяна. Она допила все вино, купленное в честь твоего дня рождения. Пьяная сумасшедшая старуха. Обозвала меня блудницей. – Гретхен хихикнула. – Последнее ласковое напутствие девочке, уезжающей в большой город... Беги отсюда, – хрипло сказала она. – Уезжай, пока они окончательно тебя не искалечили. Беги из этого дома, где ни у кого нет друзей и где никогда не звенит дверной звонок.

– Никто меня не калечит, – сказал Рудольф.

– Ты неискренний, братик. – Теперь ее враждебность была ничем не прикрыта. – Меня не обманешь. Тебя все обожают, но самому тебе абсолютно наплевать на всех и вся. Если, по-твоему, такой человек не калека, можешь хоть сейчас посадить меня в инвалидную коляску.

– Какого черта! – Рудольф поднялся из-за стола. – Если ты обо мне такого мнения, чего я тут торчу с тобой? Я тебе вовсе не нужен.

– Верно, не нужен, – согласилась она.

– Вот твоя квитанция на чемодан. – Он протянул ей клочок бумаги.

– Спасибо, – невозмутимо сказала она. – Сегодня каждый из нас сделал положенное ему доброе дело.

Рудольф вышел из бара. Гретхен осталась сидеть, допивая вторую порцию виски. Ее миловидное лицо раздурманилось, глаза сияли. Мысленно она уже была за тысячу миль от замызганной квартиры над булочной, от отца и матери, от братьев и от любовника, на пути в большой город, пожиравший каждый год миллион девушек.

Рудольф медленно брел домой. В глазах его стояли слезы. Ему было жаль самого себя. Сестра и брат правы. Они раскусили его сущность. Ему надо измениться. Но как? Что должен изменить в себе человек, чтобы стать другим? Гены? Хромосомы? Знак зодиака?

Он чувствовал себя опустошенным и разбитым наголову. «Я запомню этот

день рождения», – думал он.

7

Томас был в гараже один. Механик Койн болел, а второй подручный уехал на вызов. Было два часа дня. Харольд Джордах еще сидел дома за обедом. Sauerbraten mit spetzli,³ три бутылки светлого пива, а потом полчаса всхрапнуть на широкой кровати рядом с толстухой женой – главное, не перерабатывать, а то получишь раньше времени инфаркт.

Ежедневно горничная давала Тому с собой бутерброды и фрукты, и Том был вполне доволен таким обедом и тем, что ел в гараже, лишь бы поменьше видеть своего дядю и его семью. Достаточно того, что ему приходилось жить с ними в одном доме, в крохотной каморке на чердаке, где он всю ночь обливался потом: за день крыша накалялась от солнца и жара была невыносимая. Получал он пятнадцать долларов в неделю. Дядя Харольд сумел извлечь выгоду из пожара в Порт-Филипе.

Томас сменил масло в «форде», и пока ему было нечего делать. Конечно, будь дядя в гараже, он тут же нашел бы работу племяннику. Например, заставил бы вымыть туалеты или навести блеск на хромированные бамперы старых машин, стоявших в углу двора под вывеской «Продается». Том лениво подумал: может, очистить кассу и смыться? Он выдвинул ящичек кассы – там оказалось всего десять долларов и тридцать центов. Дядя Харольд, уходя обедать, забирал утреннюю выручку с собой и оставлял в кассе только мелочь на случай, если понадобится дать сдачу кому-нибудь из клиентов. Он не стал бы владельцем гаража, заправочной станции, стоянки подержанных автомашин и городского автомобильного агентства, если бы относился к деньгам легкомысленно.

Взяв сверток с бутербродами, Томас вышел на улицу, приставил расшатанный деревянный стул к стене гаража и, усевшись в тени, стал глядеть на проезжавшие мимо машины.

В общем-то ему неплохо жилось в этом городке. Элизиум в штате Огайо был не меньше Порт-Филипа, и гораздо богаче. Здесь не было трущоб и других признаков упадка, которые дома Томас принимал как нечто само собой разумеющееся. Неподалеку находилось небольшое озеро. На берегу стояли две летние гостиницы и коттеджи, куда летом приезжали их владельцы, зимой живущие в Кливленде. Элизиум походил на небольшой курорт: здесь были хорошие магазины, рестораны, устраивались конные аукционы и парусные регаты. А главное, казалось, что в Элизиуме у всех есть деньги, – этим-то городок и отличался от Порт-Филипа в первую очередь.

Томас вытащил из пакета бутерброд, аккуратно завернутый в вощеную бумагу. На тонком кусочке свежего ржаного хлеба лежали бекон, листочки салата и ломтики помидора, обильно сдобренные майонезом. С недавних пор

---

³ Жаркое с мучными клецками (нем.).

горничная Джордахов-Клотильда начала готовить ему каждый раз новые, затейливые бутерброды. Она была милая, эта Клотильда. Француженка из Канады, тихая женщина лет двадцати пяти. В доме Джордахов она работала ежедневно с семи утра до девяти вечера, выходной ей давали раз в две недели по воскресеньям, да и то только со второй половины дня. У нее были печальные темные глаза и черные волосы.

Вечером, возвращаясь поздно из города – дядя Харольд и тетя Эльза, как и родители Томаса, не могли удержать его дома, – он всегда находил на столе в кухне оставленный ею для него кусок пирога.

Чтобы избежать ненужных расспросов о Порт-Филипе, он не заводил друзей, со всеми старался быть вежливым и за все время пребывания в Элизиуме пока не подрался ни разу – еще жива была память о недавних неприятностях. Он не чувствовал себя несчастным. Он радовался избавлению от гнета родителей, радовался, что ему больше не приходится жить в одном доме и спать в одной кровати с братом. А то, что можно не ходить в школу, вообще было здорово. Работа в гараже ему не претила, хотя дядя Харольд был порядочным занудой, вечно суетился и о чем-нибудь тревожился. Тетя Эльза кудachtала над Томом, как наседка, и поила апельсиновым соком, считая, что его мускулистая худоба – следствие недоедания. В общем-то и дядя и его жена, хоть и гады, желали ему добра. Две двоюродные сестры Тома, еще Девочки, не докучали ему.

Никто в этой семье не знал, почему его выгнали из дому. Дядя Харольд пытался расспрашивать Тома, но тот уклончиво ответил, что просто у него плохо шли дела в школе – кстати, это вполне соответствовало истине – и отец решил, что для него же будет лучше, если он уедет из дому и сам начнет зарабатывать себе на жизнь. Дядя Харольд был не из тех, кто недооценивает влияние самостоятельной жизни на формирование моральных устоев, но тем не менее его удивляло, почему за все время Томас не получил из дому ни одного письма и после звонка Аксея, сообщившего о приезде Тома, всякая связь с Порт-Филипом прекратилась. Сам Харольд Джордах был примерным семьянином, обожал своих дочерей и не скупился на подарки жене, чей капитал, что ни говори, помог ему зажить в Элизиуме припеваючи.

Во всем отличаясь от брата, Харольд Джордах тем не менее в одном соглашался с ним целиком: немцы по натуре своей дети и ничего не стоит подбить их на войну. «Только начнет играть оркестр, они уже маршируют, – говорил он. – А что хорошего в этой войне? Сержант кричит, а ты топаешь под дождем, спишь в грязи, а не в чистой, теплой постели рядом с женой, подставляешь себя под пули совершенно незнакомых людей, а затем, если тебе повезло и ты выжил, остаешься в старой солдатской форме, не имея даже собственного ночного горшка! Война выгодна для крупных промышленников вроде Круппа, поставляющих армии пушки и военные корабли, а для простого человека... – Он пожимал плечами. – Сталинград! Кому это надо?» Несмотря на это, Харольд Джордах был немцем до мозга костей, он не принимал никакого участия в общественных движениях американских немцев. Ему нравилось жить там, где он жил, быть тем, что он есть, и ни под каким видом он

не стал бы вступать в какую-нибудь организацию, которая могла бы его скомпрометировать. «Я ни с кем не враждую, – таков был один из основополагающих принципов его жизни. – Поляк, француз, англичанин, еврей, кто угодно... Да хоть даже русский! Любой может купить у меня машину или десять галлонов бензина, и если заплатит настоящими американскими долларами – он мой друг».

Томасу жилось в доме дяди довольно спокойно, но он знал: пристанище это временное, рано или поздно он уйдет отсюда. Пока же торопиться некуда.

Он только собрался достать из пакета второй бутерброд, как к гаражу подъехал «шевроле» выпуска тридцать восьмого года, принадлежавший двум сестрам-близнецам. Том увидел, что в машине сидит только одна из них. Он не знал которая – Этель или Эдна. Как и большинство городских парней, он уже переспал и с той и с другой, но по-прежнему не различал их.

– Привет, двойняшка, – сказал он, чтобы не попасть впросак.

– Привет, Том.

Шестнадцатилетние, загорелые, с прямыми каштановыми волосами, близнецы были миловидными девушками, и, если не знать, что они переспали со всем мужским населением города, любому было бы приятно показаться с ними на людях.

– А ну скажи, как меня зовут, – потребовала девушка.

– Отстань.

– Если не скажешь, я заправлюсь у кого-нибудь другого.

– Валяй. Деньги идут не мне, а дяде.

– Я собиралась пригласить тебя на пикник, – сказала она. – На озеро. Вечером. Жареные сосиски, целых три ящика пива. Но я тебя не приглашу, если не скажешь, как меня зовут.

Том с улыбкой глядел на нее, стараясь выиграть время. На сиденье рядом с ней он увидел белый купальник.

– Мне просто хотелось тебя подразнить, Этель, – сказал он. У Этель был белый купальник, а у Эдны синий. – Я тебя сразу узнал.

– Налей мне три галлона за то, что правильно угадал.

– Я не угадал, а знал с самого начала. Ты мне запомнилась.

– Еще бы. – Этель огляделась вокруг и сморщила носик: – Как можно работать в этом жутком месте? Такой парень, как ты, мог бы найти что-нибудь получше. Например, где-нибудь в конторе.

Когда они познакомились, Томас сказал, что ему уже девятнадцать и он окончил среднюю школу.

– Мне здесь нравится. Я люблю работу на воздухе. А сейчас уезжай поскорее, пока не пришел дядя и не потребовал от меня твой талон на бензин.

– Где мы сегодня встретимся? – спросила Этель, включая мотор.

– У библиотеки в восемь тридцать. Тебя устраивает?

– Ладно, в восемь тридцать, красавчик. Я весь день буду загорать, думать о тебе и вздыхать. – И, помахав ему рукой, она уехала.

Томас снова уселся в тени на расшатанный стул и достал второй бутерброд. На нем лежал листок бумаги, сложенный вдвое. Он развернул его.

По-детски аккуратными буквами карандашом было выведено: «Я тебя люблю». Том прищурился. Он сразу же узнал почерк – в кухне на полке всегда лежал блокнот, где Клотильда ежедневно записывала, что надо купить.

Том тихонько присвистнул и вслух прочел: «Я тебя люблю». Ему только что исполнилось шестнадцать, но голос у него был еще по-мальчишески высоким. Двадцатипятилетняя женщина, с которой он разве что перекинулся парой слов!

Ни на какой пикник он не поедет, это точно!

Рудольф окрестил свою джаз-группу «Пятеро с реки», так как все они жили в Порт-Филипе, на Гудзоне. К тому же ему казалось, что название звучит вполне артистично и намекает на профессионализм.

С ними заключили трехнедельный контракт, и каждый вечер, за исключением воскресенья, они играли в придорожном дансинге «Джек и Джилл» на окраине города. Огромный дощатый барак сотрясался от топота танцующих. Вдоль стены тянулась длинная стойка бара, половина зала была заставлена маленькими столиками, за которыми посетители пили пиво. Парни приходили в теннисках, многие девушки – в брюках. Приходили и девушки без кавалеров. Они стояли у стены, ожидая, когда кто-нибудь пригласит их танцевать, или танцевали одна с другой. Одним словом, заведение было не из шикарных, но джазу Рудольфа платили неплохо.

Играя, Рудольф с удовлетворением заметил, как Джули отказала пригласившему ее парню в пиджаке и галстук – явно студенту-первокурснику.

Родители Джули разрешали ей проводить субботние вечера с Рудольфом и приходить домой поздно – они доверяли Рудольфу. Он всегда нравился родителям девушек. И не без оснований.

Проиграв три такта музыкального автографа оркестра и тем самым объявив пятнадцатиминутный перерыв. Рудольф подал Джули знак выйти подышать свежим воздухом: несмотря на открытые окна, в бараке было жарко и сыро, как в долине Конго.

Когда они оказались под деревьями, где стояли машины, Джули взяла его за руку. Ладонь ее была сухой, теплой, мягкой и такой родной. Удивительно, какие сложные чувства может испытывать человек, просто держа девушку за руку. Они прошли в конец автостоянки, подальше от выхода из дансинга, где на крыльце стояли танцоры, вышедшие подышать свежим воздухом, открыли дверцу какой-то машины, забрались в нее и начали целоваться в темноте. Они целовались везде, где могли; но больше ничего себе не позволяли. Она запрокинула голову, и он поцеловал ее в шею.

– Я люблю тебя, – прошептал он, потрясенный охватившей его необыкновенной радостью, которую подарили ему эти впервые произнесенные слова. Она прижала его к себе. От ее гладких сильных рук пахло летом, абрикосами.

Вдруг дверца открылась, и мужской голос спросил:

– Какого дьявола вы тут делаете?

Рудольф выпрямился и жестом защитника положил руку на плечо Джули.

– Обсуждаем взрыв атомной бомбы, – хладнокровно ответил он. – Зачем

еще, по-вашему, мы бы сюда залезли? – Он скорее умер бы, чем обнаружил перед Джули свою растерянность.

Неожиданно мужчина рассмеялся.

– Задай глупый вопрос и получишь глупый ответ, – заметил он, отступая в сторону. В слабом свете фонаря, висевшего на дереве, Рудольф узнал его – гладко зачесанные желтоватые волосы, кустистые светлые брови.

– Извини, Джордах, – сказал Бойлан. В его голосе звучало смешливое удивление.

Он меня знает, подумал Рудольф. Но откуда?

– Так уж получилось, что это моя машина, – продолжал Бойлан, – но, пожалуйста, чувствуйте себя как дома. Не буду мешать артисту во время его короткого отдыха. Все равно я еще не собирался уезжать. Пойду чего-нибудь выпью. Вы с дамой окажете мне честь, если после вечера присоединитесь ко мне и выпьете по стаканчику на сон грядущий. – С легким поклоном он осторожно закрыл дверцу и удалился.

Джули сидела неподвижно, сгорая от стыда.

– Он знает нас, – прошептала она.

– Меня, – поправил ее Рудольф.

– Кто это?

– Человек по фамилии Бойлан. Из всем известного святого семейства.

Они молча вышли из машины и вернулись в дансинг. Рудольф усадил Джули за ее столик, заказал ей еще бутылку лимонада, а сам вернулся на эстраду.

Когда в два часа ночи ребята сыграли «Спокойной ночи, дамы» и начали собирать свои инструменты, Бойлан все еще сидел за стойкой бара. Самоуверенный человек среднего роста, в серых брюках из тонкой шерсти и шуршащем полотняном пиджаке, он резко выделялся из толпы парней в теннисках, рыжевато-коричневой солдатской форме и в дешевых синих выходных костюмах. Заметив, что Рудольф с Джули собираются уходить, он неторопливо подошел к ним и спросил:

– Вам, детки, есть на чем доехать домой?

– В общем-то да, – ответил Рудольф. – Что еще за «детки», – с неприязнью подумал он. – У одного из наших ребят есть машина, и мы обычно все в нее набиваемся.

– В моей машине будет удобнее, – сказал Бойлан, взял Джули под руку и направился к выходу.

Рудольф почувствовал облегчение, когда Бойлан спросил адрес Джули, чтобы вначале завезти ее, – не придется потом устраивать сцену ревности. Джули, подавленная и необычно молчаливая, сидела между ними на переднем сиденье, глядя прямо перед собой.

Бойлан вел машину быстро и уверенно. Стремительными рывками, как гонщик-профессионал, он обгонял идущие впереди машины.

Рудольф не мог не восхищаться тем, как Бойлан держится за рулем, и ему стало не по себе – он не имел права восхищаться Бойланом: это было бы предательством.

– Ваш джаз хорошо держит ритм, – заметил Бойлан. – Я даже пожалел, что уже слишком стар для танцев.

Рудольф мысленно одобрил это признание. Ему казалось нелепым и даже неприличным, когда люди старше тридцати танцевали. И снова почувствовал себя виноватыми опять ему что-то понравилось в Бойлане. Хорошо, что Бойлан по крайней мере не танцевал с Гретхен, не превратил себя и ее в посмешище. Когда старики танцуют с молоденькими, это уж совсем отвратительно.

– Вы очень милы, Джули, – сказал Бойлан, посмотрев на девушку. – Глядя на вас, я радуюсь, что хотя бы еще не слишком стар, чтобы целоваться.

Старый грязный бабник, подумал Рудольф, нервно сжимая футляр с трубой. Ему хотелось попросить Бойлана остановить машину, но пешком они с Джули доберутся до города не раньше четырех часов утра. Он с горечью отметил про себя, что практичен даже тогда, когда дело касается его чести.

– Э-э... Рудольф... Тебя ведь зовут Рудольфом, – повернулся к нему Бойлан.

– Да. – У его сестрицы вода во рту не удержится!

– Ты собираешься стать профессиональным трубачом? – Бойлан задал этот вопрос тоном доброжелательного пожилого наставника.

– Нет. Я для этого не настолько хорошо играю.

– Что ж, разумно, – согласился Бойлан. – У музыкантов собачья жизнь. К тому же приходится якшаться со всякими подонками.

– Ну, в этом я не уверен, – возразил Рудольф. Он не мог допустить, чтобы Бойлану все сходило с рук. – Не думаю, что такие люди, как Бенни Гудмен, Пол Уайтмен и Луи Армстронг, – подонки.

– Кто знает.

– Они артисты, – сухо сказала Джули.

– Одно другому не мешает, детка, – тихо рассмеялся Бойлан и снова обратился к Рудольфу: – Какие же у тебя планы на будущее?

– Пока не знаю. Вначале надо поступить в колледж.

– Вон как? Ты собираешься в колледж? – В голосе Бойлана послышалось удивление. Снисходительное удивление.

– А почему он не может поступить в колледж? – запальчиво спросила Джули. – Он круглый отличник, и недавно его приняли в Аристу.

– Правда? Прошу простить мое невежество, но что такое Ариста?

– Это почетное школьное научное общество, – быстро ответил Рудольф, пытаясь выволить Джули из неловкой ситуации: ему не хотелось, чтобы его защищали так по-детски. – В общем-то ничего особенного. Практически всякий, кто умеет читать и писать...

– Ты великолепно знаешь, что это не так, – возмутилась Джули. – Члены Аристы – самые способные ученики школы. Если бы меня приняли в Аристу, я бы не стала так прибедняться.

– Конечно, это большая честь. Он просто скромничает. Обычное мужское кокетство, – примирительно сказал Бойлан. – И в какой же колледж ты собираешься поступать, Рудольф?

– Я еще не решил.

– Да, это очень серьезный вопрос. Люди, с которыми ты там познакомишься, могут повлиять на всю твою дальнейшую жизнь. Хочешь, я замолвлю за тебя словечко в моей alma mater? Сейчас, когда все наши герои возвращаются с войны домой, ребятам твоего возраста нелегко будет поступить в колледж.

– Спасибо, – поблагодарил Рудольф. Только этого ему не доставало! – У меня еще достаточно времени впереди.

Они подъехали к дому Джули.

– Ну вот мы и на месте, детка, – сказал Бойлан. Рудольф открыл дверцу и вышел из машины.

– Спасибо, что подвезли, – сухо поблагодарила Джули, вылезла из машины и прошла мимо Рудольфа к крыльцу. Рудольф последовал за ней. Пока она, наклонив голову, рылась в сумочке, ища ключ, он попытался взять ее за подбородок, чтобы поцеловать на прощанье, но она сердито отстранилась.

– Подхалим. – И зло передразнила: – «Ничего особенного. Практически всякий, кто умеет читать и писать...»

– Джули!

– Валяй, подлизывайся к богачам! – (Рудольф никогда не видел ее такой бледной и отчужденной.) – Гадкий старик. Он красит волосы. И даже брови! Подумать только, что некоторые готовы на все, лишь бы их покатали на машине.

– Джули, ты несправедлива. – Если бы она знала о Бойлане всю правду, Рудольф еще мог бы понять ее гнев. Но только потому, что он старался быть просто вежливым... – Я зайду к тебе завтра часа в четыре...

– Всю жизнь мечтала! – оборвала его Джули. – Подожди, пока я заведу себе «бьюик», тогда и приходи. – Она наконец нашла ключ и вошла в дом, захлопнув за собой дверь.

Рудольф медленно двинулся обратно. Если это называется любовь, то на черта она нужна? Он сел в машину.

– Очаровательная девушка эта Джули, – сказал Бойлан. – Вы с ней только целуетесь и ничего больше?

– Это мое личное дело, сэр, – ответил Рудольф. Даже сквозь гнев на этого человека он восхищался собой, тем, как холодно и отточенно звучат его слова. Рудольф Джордах никому не позволит обращаться с собой как с плебеем.

– Конечно, – вздохнув, согласился Бойлан. – Но искушение, должно быть, велико. В твоём возрасте... – Он замолчал, словно вспоминая череду девушек, прошедших через его постель. – Кстати, – продолжал он равнодушным, вежливым тоном, – ты получаешь письма от своей сестры?

– Иногда, – настороженно ответил Рудольф.

Гретхен жила в Нью-Йорке в общежитии Христианской ассоциации молодых женщин и обивала пороги театров, пытаясь устроиться в какую-нибудь труппу. Однако продюсеры не горели желанием нанять девушек, игравших на школьной сцене роль Розалинды, поэтому работы она до сих пор не нашла, зато уже успела влюбиться в Нью-Йорк. В первом письме она извинялась перед Рудольфом за то, что нехорошо вела себя с ним в день

отъезда из Порт-Филипа – она была тогда слишком взвинчена и сама не понимала, что говорит. Но она по-прежнему считала, что ему вредно надолго задерживаться в Порт-Филипе. Семья Джордахов – это трясина, писала она, и тут ничто не может ее разубедить.

– По-видимому, тебе известно, что мы с ней знакомы, – вяло сказал Бойлан.

– Да.

– Она тебе говорила обо мне?

– Не припомню.

– Ах-ха. – Что хотел Бойлан сказать этим междометием, было неясно. – У тебя есть ее адрес? Иногда я бываю в Нью-Йорке и мог бы как-нибудь угостить девочку хорошим ужином.

– К сожалению, адреса у меня нет, – соврал Рудольф. – Она все время переезжает с места на место.

– Понимаю. – Бойлан, конечно, видел его насквозь, но не настаивал. – Когда узнаешь, сообщи, пожалуйста. У меня осталась одна ее вещь, и, может быть, она хочет получить ее обратно.

– Хорошо.

Бойлан свернул на Вандерхоф-стрит и затормозил перед булочной.

– Вот мы и приехали, – сказал он. – Дом честного труженика. – Издевка была очевидна. – Что ж, спокойной ночи, молодой человек. Благодарю за приятный вечер.

– Спокойной ночи. – Рудольф вышел из машины. – Спасибо.

– Да, вот еще что. Твоя сестра говорила мне, что ты заядлый рыболов. У меня в имении отличный ручей, там полно форели. Если хочешь, приходи в любое время.

– Спасибо. – Его подкупают. Но он знал, что поддастся. – Как-нибудь зайду.

– Да, я намерена торговать своим телом. И заявляю об этом во всеуслышание! – сказала Мэри-Джейн Хэккет, приехавшая из штата Кентукки. – На талант спроса уже нет. Им подавай просто тело. Молодое и аппетитное.

Гретхен и Мэри-Джейн Хэккет сидели в узкой, обклеенной старыми афишами приемной Николса, дожидаясь вместе с другими девушками и молодыми людьми приема: прошел слух, будто Байард Николс собирается ставить новую пьесу и ему требуются артисты – четверо мужчин и две женщины.

Мэри-Джейн, высокая стройная девушка с плоской грудью, зарабатывала себе на хлеб, служа манекенщицей. Она сыграла на Бродвее в двух провалившихся пьесах и проработала половину сезона в захудалой труппе, сколоченной на одно лето, – все это давало ей основание держаться с достоинством ветерана сцены. Оглядев кучку актеров, грациозно прислонившихся к афишам некогда поставленных Байардом Николсом пьес, она громко заметила:

– Только посмотри на этих молодых людей. Они едва доходят мне до

плеча. Пока не начнут писать пьесы, где героини все три акта стоят на коленях, мне нечего рассчитывать на роль. Боже мой, что стало с американским театром?! Мужчины – лилипуты, а если попадется кто выше пяти футов – непременно гомик.

– Фи, фи, Мэри-Джейн, – сказал высокий молодой человек.

– А когда, интересно, ты в последний раз целовал девушку? – требовательно спросила она.

– В двадцать восьмом году, в честь избрания президентом Герберта Гувера, – не задумываясь, ответил он.

Все в приемной добродушно рассмеялись.

Гретхен нравилась атмосфера этого нового мира, в который она окунулась. Здесь все говорили друг с другом просто, обращались по имени и старались помочь друг другу. Если какая-нибудь девушка слышала, что где-то ищут исполнительницу на оставшуюся незанятой роль, она немедленно сообщала об этом всем своим подругам и даже могла одолжить подходящее для просмотра платье. Гретхен ощущала себя членом большого гостеприимного клуба, право на вход в который давали не происхождение и не деньги, а молодость, честолюбие и вера в талант друг друга.

Теперь она спала до десяти утра, не испытывая угрызений совести. Она ходила в квартиры к молодым неженатым мужчинам и просиживала там до рассвета, репетируя, – ее нисколько не волновало, кто что может подумать. Три раза в неделю посещала балетный класс, чтобы научиться грациозно двигаться на сцене. Ловя на себе взгляды прохожих, Гретхен чувствовала: они уверены, что она и родилась в Нью-Йорке. Ей казалось, что она уже полностью избавилась от былой застенчивости. Она часто ужинала с молодыми актерами и будущими режиссерами и платила за себя сама. Но любовников у нее не было: не все сразу, прежде надо найти работу.

Дверь кабинета открылась, и вышел Байард Николс, а с ним невысокий худощавый человек в бежевой форме капитана авиации.

– Если что-нибудь подвернется, Вилли, – говорил на ходу Николс, – я дам тебе знать. – Голос у него был отрешенный, печальный. Николс помнил только о своих неудачах. Он скользнул пустым взглядом по людям, собравшимся в его приемной.

– Я загляну на следующей неделе и выставлю тебя на обед, – сказал капитан. У него был низкий голос, почти баритон, что никак не вязалось с его хрупкостью и малым ростом. Держался он очень прямо, словно до сих пор оставался курсантом. Но лицо его не было лицом военного. Каштановые волосы слишком длинные и взлохмачены, лоб высокий, массивный, придававший капитану отдаленное сходство с Бетховеном, глаза ярко-голубые.

– Мистер Николс... – вперед шагнул молодой человек, недавно болтавший с Мэри-Джейн.

– На следующей неделе, Берни, – отмахнулся Николс и снова без всякого выражения обвел глазами приемную.

– Мисс Саундерс, – обратился он к секретарше, – зайдите ко мне на минутку. – Слабый, скорбный взмах руки, и Николс скрылся за дверью своего

кабинета.

– Леди и джентльмены, – торжественно объявил капитан, – все мы занимаемся не тем делом. Я предлагаю открыть комиссионный магазин армейского имущества. Спрос на бывшие в употреблении базуки огромный! – И, взглянув на возвышавшуюся над ним как башня Мэри-Джейн, добавил: – Привет, малютка.

– Рада видеть тебя живым после той вечеринки, Вилли, – сказала Мэри-Джейн, целуя его в щеку, для чего ей пришлось нагнуться.

– Признаться, все слегка перебрали, – согласился капитан. – Мы смывали с наших душ мрачные воспоминания о боевых днях.

– Вернее, заливали их, – заметила Мэри-Джейн.

– Не жури нас за наши маленькие радости. Не забывай, вы рекламировали пояса для чулок, а мы в это время под зенитным огнем летали в зловещем поднебесье над Берлином.

– Ты что, действительно летал над Берлином? – удивилась Мэри-Джейн.

– Конечно, нет. – Он улыбнулся Гретхен, развенчивая миф о своем героизме, и снова поглядел на Мэри-Джейн: – Я терпеливо жду, малютка.

– Ах, да, – сказала она. – Познакомьтесь. Гретхен Джордах – Вилли Эббот.

– Я просто счастлив, что судьба завела меня сегодня в приемную Николса, – сказал Эббот.

– Здравствуйте. – Гретхен привстала со стула. Все-таки он капитан.

– Вы, наверное, тоже актриса.

– Пытаюсь ею стать.

– Ужасная профессия, – заметил Эббот. – Играть Шекспира за кусок хлеба!

– Не кокетничай, Вилли, – сказала Мэри-Джейн.

– Из вас получится великолепная жена и отличная мать, мисс Джордах. Попомните мои слова. Но почему я раньше нигде вас не встречал?

– Она в Нью-Йорке недавно, – ответила за нее Мэри-Джейн. Это прозвучало предупреждением: не лезь, куда не просят. Ревность?

– О, эти девушки, недавно приехавшие в Нью-Йорк! – воскликнул Эббот. – Можно я посижу у вас на коленях?

– Вилли! – возмутилась Мэри-Джейн.

Гретхен рассмеялась, а за ней и Эббот. У него были очень белые, ровные мелкие зубы.

– Я в детстве мало видел материнской ласки.

Из кабинета вышла секретарша Николса и объявила:

– Мисс Джордах, мистер Николс просит вас зайти. Остальные могут расходиться.

Гретхен встала, нервно разглаживая складки на юбке.

Кабинет Николса был ненамного больше приемной. Голые стены, письменный стол завален рукописями пьес в папках из искусственной кожи, возле стола – деревянные кресла. Окна покрыты пылью. И вообще вся комната производила унылое впечатление: казалось, у ее владельца дела идут из рук вон плохо и первого числа каждого месяца он с трудом наскребает денег, чтобы заплатить за аренду помещения.

Когда Гретхен вошла, Николс встал, жестом пригласил ее сесть, затем сел сам и долго молча изучал ее с кислым выражением лица, точно ему предложили картину, в подлинности которой можно усомниться. Гретхен так нервничала, что ей казалось, у нее дрожали колени.

– Вероятно, вы хотите знать, есть ли у меня опыт работы в театре, – начала она. – Мне особенно нечем похвастаться, но...

– Нет, – прервал он ее. – В данном случае это не важно. Мисс Джордах, роль, на которую я хочу вас попробовать, честно говоря, абсурдна. – Он печально покачал головой, словно ему было прискорбно сознавать, на какие нелепые поступки толкает его выбранная им профессия. – Вы согласились бы играть в купальнике? Вернее, в трех купальниках.

– Ну, видите ли... – она неопределенно улыбнулась. – Это зависит от ряда причин. – Идиотка! От чего это зависит?! От размера купальника? От размера роли? От размера ее бюста? Она подумала о своей матери. Та ни разу не была в театре. Счастливица!

– К сожалению, эта роль без слов. Девушка просто проходит по сцене три раза, по разу в каждом акте, и каждый раз в другом купальнике.

– Понимаю, – сказала Гретхен. Она злилась на Николса. Из-за него Вилли Эббот ушел с Мэри-Джейн. Попробуй найди его теперь. Капитан, капитан... В городе шесть миллионов жителей! Человек закрывает за собой дверь лифта, и он уже потерялся навсегда. А тут – пройти по сцене! К тому же почти голой.

– В пьесе эта девушка – символ. Так по крайней мере утверждает драматург. Она символизирует молодость, красоту и чувственность, – продолжал Николс зауспокойным голосом. – Извечная женская тайна. Я цитирую автора. Каждый мужчина в зале должен почувствовать все это, когда она проходит по сцене, и подумать: «Боже, зачем я женился?». Я опять цитирую. У вас есть купальник?

– Да... кажется.

– Вы можете прийти в театр «Беласко» в пять часов с купальником? Там будут режиссер и ар.

– Хорошо, в пять, – кивнула Гретхен. Прощай, Станиславский! Она почувствовала, что краснеет. Ханжа. Работа есть работа.

Выйдя из подъезда, она сразу увидела Эббота и Мэри-Джейн. Гретхен улыбнулась. Пусть в городе живет шесть миллионов, но эти двое все-таки ждали ее!

– Как насчет того, чтобы пообедать вместе? – спросил Вилли.

– Я просто умираю с голоду, – ответила Гретхен.

Она стояла в театральной уборной в черном купальнике, критически разглядывая себя в зеркало. В дверь постучали, и раздался голос помощника режиссера:

– Мисс Джордах, если вы готовы, мы вас ждем.

Зардевшись, она открыла дверь. К счастью, света на сцене было мало, и никто не заметил, что она покраснела.

– Просто пройдите туда и обратно несколько раз, – сказал помощник режиссера.

В неосвещенном зале примерно в десятом ряду темнели чьи-то фигуры.

Пол на сцене был не подметен, голые кирпичи задней стены навевали мысли о римских развалинах.

– Мисс Гретхен Джордах, – выкрикнул помощник режиссера в темную бездну зала, словно бросил бутылку с запиской в полночные волны моря. Вот я и поплыла. Ей захотелось убежать.

Гретхен прошла через всю сцену. Ей показалось, будто она взбирается на гору. Привидение в купальнике.

В зале стояла тишина. Гретхен прошла обратно. Ни звука. Она прошла туда и обратно еще два раза, боясь, что занозит босые ноги.

– Благодарю вас, мисс Джордах, – послышался унылый голос Николса. – Прекрасно. Завтра зайдете ко мне, и мы заключим контракт.

Оказывается, все так просто. Она сразу же перестала краснеть.

Вилли сидел один за стойкой в маленьком полутемном баре «Алгонквин» и пил виски. Он сразу заметил ее и повернулся на крутящемся табурете.

– Наша красавица похожа на красавицу, только что получившую в театре «Беласко» роль, раскрывающую извечную женскую тайну. Я цитирую. – За обедом он и Мэри-Джейн долго хохотали, когда Гретхен пересказала им свой разговор с Николсом.

Она села рядом на табурет.

– Ты угадал. Перед тобой будущая Сара Бер.

– Она бы никогда не справилась с такой ролью. У нее была деревянная нога. Будем пить шампанское?

– А где Мэри-Джейн?

– Ушла. У нее свидание.

– В таком случае пьем шампанское. – И они оба рассмеялись.

– У нас сегодня большой выбор, – сказал Вилли. – Мы можем остаться здесь и пить всю ночь. Можем где-нибудь поужинать. Можем заняться любовью. Можем пойти в компанию. Ты любишь вечеринки?

– Не знаю. Мне редко приходилось на них бывать, – ответила Гретхен, пропуская мимо ушей предложение заняться любовью. Вилли все обращал в шутку, и трудно было сказать, когда он говорит серьезно. Наверное, даже во время войны он умудрялся находить что-то смешное в рвущихся снарядах и самолетах, падающих вниз с горящими крыльями.

– В таком случае решено. Идем в компанию, – заявил Вилли. – Но торопиться некуда. Там будут гулять всю ночь, поэтому, прежде чем ринемся в безумный водоворот удовольствий, я бы хотел кое-что о тебе узнать. – Он налил себе еще шампанского. Рука у него слегка дрожала, и бутылка, стучаясь о край бокала, выбивала мелодичную дробь.

– Что именно ты хочешь узнать?

– Начнем с самого начала. Место жительства?

– Общежитие Христианской ассоциации молодых женщин.

– Боже мой, – простонал он. – Как ты думаешь, если я надену женское платье, у меня есть шанс сойти за юную христианку и снять комнату рядом с твоей? Я ведь маленький и к тому же блондин – когда небрит, щетина почти

незаметна. А мой отец всегда мечтал о дочери.

– Боюсь, ничего не выйдет. Старуха, которая выдает нам ключи, может за милую отличить парня от девушки.

– Так. Пойдем дальше. Как у тебя с мужчинами?

– В настоящий момент я одна, – после некоторого колебания ответила Гретхен. – А ты?

– По Женевской конвенции военнопленный обязан сообщить только свою фамилию, ранг и личный номер. – Он улыбнулся и положил свою руку на ее. – Но я скажу тебе все. Я обнажу свою душу. Я расскажу тебе о том, как еще в колыбели хотел убить своего отца; как до трех лет меня не отнимали от материнской груди; расскажу, что мы с мальчишками вытворяли за амбаром с дочкой соседа. – Неожиданно лицо его посерьезнело. Он откинул волосы с высокого выпуклого лба. – И кстати, уж лучше тебе об этом узнать сейчас, чем потом. Я женат.

Шампанское обожгло ей горло.

– Пока ты шутил, ты мне больше нравился.

– И самому себе тоже, – серьезно сказал он. – Но все не так безнадежно. Я сейчас пытаюсь с ней развестись. Мамочка нашла себе другие развлечения, пока папочка играл в солдаты.

– А где она... твоя жена? – Ей было трудно произнести это. – Как нелепо, – подумала она. – Я знакома с ним всего несколько часов.

– В Калифорнии, в Голливуде. Похоже, я равнодушен, к актрисам.

– И давно ты женат?

– Пятый год.

– Кстати, а сколько тебе лет?

– А ты обещаешь, что не бросишь меня, если я скажу тебе правду?

– Какие глупости. Ну сколько?

– Целых двадцать девять. О господи!

– При дневном свете я дала бы тебе года двадцать три, – удивленно покачала головой Гретхен. – А чем ты занимался до войны? Откуда ты знаешь Николса?

– Помогал ему в двух постановках. Я – зенитная артиллерия. Занимаюсь рекламой. Самое противное занятие в мире. Хочешь, чтобы твой портрет попал в газету, девочка? – Отвращение в его голосе было неподдельным. – Уходя в армию, я надеялся наконец-то отделаться от этой работы, но начальство ознакомилось с моим личным делом и определило меня в службу информации. Меня следует арестовать за то, что я ношу офицерское звание. Хочешь еще шампанского? – Вилли налил им обоим. Горлышко бутылки жалобно зазвенело льдинкой о бокалы. Пожелтевшие от никотина пальцы дрожали.

– Но ты же был за границей... Ты же летал, – настаивала Гретхен. За обедом он рассказывал о своих полетах в Англию.

– Всего несколько вылетов, достаточных для того, чтобы получить медаль, благодаря которой я не чувствовал себя в Лондоне раздетым. Я летал пассажиром и восхищался тем, как воюют другие.

– Но как бы там ни было, тебя тоже могли убить. – Гретхен хотелось

вывести его из этого мрачного состояния. – Когда ты собираешься увольняться из армии?

– А я и так уже в бессрочном отпуске. Форму ношу просто потому, что в ней бесплатно пускают на спектакли. Кроме того, мне надо два раза в неделю ездить в госпиталь лечить спину, а без формы никто не поверит, что я капитан.

– Лечить спину? Ты был ранен?

– Не совсем. Мы слишком энергично приземлились, и нас тряхнуло. Пришлось потом перенести небольшую операцию. Лет через двадцать я буду всем рассказывать, что этот шрам у меня от шрапнели.

Вилли расплатился, и они вышли из бара.

Стоявшая весь день невыносимая жара спала. Дул слабый ветерок. Над небоскребами высоко в угасающем небе плыл бледный фарфоровый месяц. Они шли по улицам, держась за руки.

Остановились перед книжным магазином. На витрине были выставлены новые пьесы. Одетс, Хеллман, Шервуд, Кауфман и Гарт.

– Литературная жизнь, – вздохнул Вилли. – Должен признаться в одном грехе. Я пишу пьесу. Как и все остальные зенитчики-рекламщики.

– И когда-нибудь твоя пьеса будет лежать на витрине, – сказала она.

– Дай-то бог! А ты хорошая актриса?

– Я актриса одной роли... Извечная женская тайна.

– Цитирую, – подхватил он, и оба рассмеялись.

Вечеринка устраивалась на Пятьдесят пятой улице между Лексингтон– и Парк-авеню. Когда они проходили через Парк-авеню, из-за угла выскочило такси. Из него вышла Мэри-Джейн и бегом устремилась к стоящему неподалеку пятиэтажному дому.

– Мэри-Джейн, – сказал Вилли. – Ты видела?

– Ага.

Они замедлили шаг. Вилли внимательно посмотрел на Гретхен.

– Знаешь, у меня идея. Давай не пойдем ни в какую компанию, а устроим свою собственную вечеринку.

– Я ждала, когда ты это предложишь, – призналась Гретхен.

– Рота, кру-у-гом! – скомандовал он, ловко повернулся и щелкнул каблуками. Они зашагали обратно, в сторону Пятой авеню.

В баре «Дубовый зал» они выпили мятного джулепа из холодных оловянных кружек. Потом вышли на улицу и сели в двухэтажный автобус, идущий в цр. Они устроились на верхнем этаже. Вилли снял пилотку. Ветер тут же растрепал ему волосы, и он стал выглядеть еще моложе. Гретхен хотелось притянуть его, положить его голову себе на грудь и поцеловать в макушку, но вокруг было слишком много людей.

Сойдя на Восьмой улице, зашли в ресторан «Бревурт» и уселись за столик на открытой веранде. Вилли заказал мартини. «Для аппетита», – пояснил он, потом они ели дыню, жареного цыпленка и пили калифорнийское красное вино. Почти всю бутылку он выпил сам. Он много выпил за этот день, но казалось, выпитое никак на него не действует. Глаза у него оставались такими же ясными, язык не заплетался.

Они молчали и глядели друг на друга. Если я его срочно не поцелую, думала Гретхен, меня увезут в сумасшедший дом.

После кофе Вилли заказал по рюмке коньяку. Сколько же он истратил за сегодняшний день? Гретхен прикинула в уме – никак не меньше пятидесяти долларов!

– Ты богатый? – спросила она, когда он расплачивался.

– Духовно. – Вилли перевернул бумажник дном вверх. На стол выпали шесть бумажек – две по сто долларов и четыре по пять. – Все состояние Вилли Эббота, – сказал он. – Хочешь, чтобы я не забыл о тебе в своем завещании?

Двести двадцать долларов! Гретхен была потрясена. Даже у нее самой на счету в банке лежало больше – то, что осталось от бойлановских восьмисот долларов, – и тем не менее она никогда не позволяла себе пообедать больше чем на девяносто пять центов. Неужто она вся в отца? От этой мысли ей стало не по себе. Вилли собрал деньги и небрежно сунул их в карман.

– Война показала мне, чего они стоят.

– А родители у тебя богаты? – снова спросила Гретхен.

– Отец служил таможенником на канадской границе, – ответил Вилли. – К тому же он был честным. Нас было шестеро детей. Мы жили как короли. Мясо три раза в неделю!

– А меня деньги волнуют, – призналась Гретхен. – Я видела, во что бедность превратила мою мать.

– Пей спокойно. Ты не пойдешь по ее стопам, – успокоил ее Вилли. – Скоро я снова начну строчить на своей золотоносной пишущей машинке...

Они допили коньяк. У Гретхен слегка кружилась голова, но пьяной она себя не чувствовала. Нет, нет, она ничуть не пьяна.

Они спустились с веранды. Вилли остановил такси и открыл ей дверцу.

– Отель «Стэнли», Седьмая авеню, – сказал он шоферу, усаживаясь в машину.

Они поцеловались. Шампанское, виски из Шотландии, мята джулепа из Кентукки, красное вино из долины Напа в испанской Калифорнии, коньяк – дар Франции... Гретхен прижала его голову к своей груди и уткнулась лицом в густые шелковистые волосы.

– Мне весь день хотелось это сделать, – шепнула она.

Фасад отеля «Стэнли» производил внушительное впечатление. Архитектор, по-видимому, бывал в Италии или видел Дворец дождей на фотографиях.

Вилли пошел за ключом, а Гретхен осталась ждать в вестибюле. Пальмы в кадках. Темные деревянные стулья в псевдоитальянском стиле. Снующие мимо женщины с лицами сержантов полиции и с крашеными светлыми кудряшками, как у дешевых кукол. По углам кучки мужчин, обсуждающих, на какую лошадь поставить на следующих скачках. Приехавшие по делам военные. Две длинноногие девицы – статистки с наклеенными ресницами, какая-то старуха в мужских рабочих ботинках, коммивояжеры, недовольные неудачным днем, детективы, бдительно глядящие в оба, чтобы вовремя разоблачить порок...

Гретхен с независимым видом подошла к лифту и даже не взглянула на

Вилли, когда он появился с ключом в руке.

– Седьмой, – сказал Вилли лифтеру.

На седьмом этаже в интерьерах уже не чувствовалось и намека на любовь архитектора к Италии. Вдохновение зодчего, вероятно, иссякло шестью этажами ниже. Узкие коридоры, металлические двери – темно-коричневая краска на них облупилась, некогда белые кафельные полы без ковров. *Простите*, ребята, мы больше не можем вас дурачить. Лучше уж вам знать правду: вы в Америке.

Вилли открыл дверь, и они вошли в нр.

– Я не буду зажигать свет – так тебе будет здесь уютнее, – сказал он. – Комната жуткая, но это единственное, что мне удалось найти. Да и то разрешили остановиться всего на пять дней. Гостиницы в городе переполнены.

Но сквозь облезлые жалюзи сияющий электричеством Нью-Йорк достаточно освещал номер, чтобы Гретхен поняла, где она оказалась. Крохотная комнатуха, узкая односпальная кровать, жесткий деревянный стул, раковина, ванной нет, на бюро темнеет груда офицерских рубашек.

Он начал неторопливо раздевать ее. Сначала развязал красный пояс, потом расстегнул верхнюю пуговку на платье, потом вторую, третью... Она считала их, следя за движениями его пальцев. Он стоял на коленях. Седьмая, восьмая... одиннадцатая!

– Здесь работы на целый день, – сказал Вилли. Он снял с нее платье и аккуратно повесил на спинку стула. Сбросив туфли, Гретхен подошла к кровати и откинула покрывало вместе с одеялом и верхней простыней. Белье было далеко не первой свежести. Она легла, наблюдая, как он развязывает галстук и расстегивает пуговицы. Когда Вилли снял рубашку, она увидела, что на нем высокий медицинский корсет, с крючками и шнурками. Так вот почему так прямо держится этот молодой капитан! Мы слишком энергично приземлились, и нас потрянуло, вспомнила она его слова.

– Это временно. Еще пару месяцев, и все. По крайней мере так уверяет мой врач, – смущенно сказал Вилли, взясь со шнурками.

– Включить свет?

– Ни в коем случае.

На тумбочке у кровати зазвенел телефон. Они замерли. Снова зазвонил. Вилли снял трубку.

– Алло!

– Капитан Эббот? – спросил удрученный мужской голос. Вилли держал трубку далеко от уха, и Гретхен было все слышно. – Насколько нам известно, в вашей комнате находится молодая дама, а у вас номер на одного человека.

– Хорошо, дайте мне двойной нр.

– К сожалению, все номера заняты. Свободных не будет до ноября.

– Тогда давайте сделаем вид, будто он двойной. Впишите это в мой счет.

– К сожалению, я не могу этого сделать, – ответил голос. – Боюсь, что даме придется покинуть отель.

– Дама здесь не живет. Она просто пришла ко мне в гости, – сказал Вилли. – К тому же она моя жена.

– У вас есть брачное свидетельство, капитан?
– Дорогая, – громко сказал Вилли, держа трубку над головой Гретхен, – ты захватила с собой брачное свидетельство?
– Нет, оно дома, – почти в трубку ответила Гретхен.
– Я же тебя предупреждал, чтоб ты никуда без него не ездила! – сказал Вилли тоном раздраженного супруга.
– Прости, дорогой, – кротко ответила Гретхен.
– Она оставила его дома, – сказал он в трубку. – Завтра мы его вам предъявим. Я попрошу срочно его прислать.
– Капитан, в нашем отеле не разрешаются визиты женщин к мужчинам, – заявил голос.
– С каких это пор? – разозлился Вилли. – Эта дыра известна до самого Бангкока именно как притон сутенеров, букмекеров, карманников, торговцев наркотиками и скупщиков краденого. Один честный полицейский мог бы заполнить вашими постояльцами всю нью-йоркскую тюрьму.
– У нас сменилась администрация, – настаивал голос. – Теперь мы входим в число респектабельных отелей и хотим создать нашей гостинице другую репутацию. Так что, капитан, если через пять минут дама не покинет ваш номер, мне придется к вам подняться.
– Иди ты к черту, – огрызнулся Вилли, бросил трубку и начал свирепо зашнуровывать корсет. – Вот так, воюй за этих гадов! И ведь в этом проклятом городе сейчас ни за какие деньги не найдешь ни одного свободного номера.
Гретхен рассмеялась. Вилли уставился на нее, затем тоже расхохотался.
– В следующий раз, ради бога, не забудь захватить брачное свидетельство.

8

Клотильда мыла ему голову. Окутанный паром, он сидел в большой ванне дяди Харольда и тети Эльзы, глаза его были закрыты, и он дремал, словно разомлевшая на солнце ящерица. Дядя Харольд, тетя Эльза и обе их дочери уехали отдыхать в Саратогу, где они обычно каждый год проводили две недели, и Том с Клотильдой, остались одни в целом доме. Было воскресенье, и гараж был закрыт.

– Теперь руки.

Клотильда опустилась на колени рядом с ванной и начала щеткой отчищать черную въевшуюся в кожу грязь на ладонях и под ногтями. Волосы Клотильды были распущены и свободно падали вниз, закрывая ее полную крепкую грудь. Даже стоя на коленях, Клотильда не походила на служанку.

– Встань.

Он поднялся на ноги, и она начала намыливать ему плечи.

Смуглая, со слегка приплюснутым носом, высокими скулами и длинными прямыми черными волосами, она напоминала ему картинку из школьного учебника, на которой индейские девушки приветствовали в лесу первых белых поселенцев. На правой руке у нее белел шрам – полумесяц с рваными краями. Это еще давно, в Канаде, муж ударил ее горящим поленом. Она не любила

говорить о муже. Когда Томас смотрел на нее, в горле у него что-то сжималось и он сам не понимал, хочется ли ему смеяться или плакать.

– Теперь ноги, – сказала Клотильда.

Кончив мыть ему ноги, она оценивающе посмотрела на его порозовевшее, блестящее от пара тело и серьезно заметила – она никогда не шутила:

– Ты похож на святого Себастьяна, только без стрел.

Для него было новостью, что его тело может представлять собой какую-то ценность, помимо его прямого предназначения. Он был сильным, ловким, хорошо играл во все игры и дрался, но ему и в голову никогда не приходило, что кому-нибудь приятно просто смотреть на него.

Клотильда принялась мыть ванну, а Томас прошел в спальню Джордахов и лег на чистые накрахмаленные простыни. За один такой день он сжег бы тысячу крестов.

Она вошла, шлепая босыми пятками по полу. На ее лице застыло то мягкое, отстраненное и сосредоточенное выражение, которое он так любил и ждал. Она легла рядом с ним.

Он овладел ею нежно, ласково. Между оконными стеклами с жужжанием возились пчелы. Он думал, что ради нее готов на что угодно. Он сделает все, что она попросит.

– Полежи пока, – сказала она, целуя его в шею. – Я позову, когда все будет готово, – и ушла на кухню.

Том лежал и глядел на потолок. Он испытывал чувство огромной благодарности, но ему было невыносимо горько. Он ненавидел себя за то, что ему всего шестнадцать лет и он ничего не в силах для нее сделать. Она щедро дарила ему себя, по ночам он незаметно проскальзывал в ее комнатушку, но не мог даже пойти с ней погулять в парк или подарить хотя бы косынку, потому что тут же начались бы сплетни, а острый глаз тети Эльзы сразу заметил бы яркую обновку в ящике старого комода в каморке за кухней. Не мог увезти ее из этого ужасного дома, где она жила в рабстве. Было бы ему двадцать лет...

На кухонном столе между двумя приборами стояли цветы. Флоксы. Темно-голубые. В этом доме она работала и за садовника. Она знала, как ухаживать за цветами.

«Наша Клотильда – чистое золото, – говорила тетя Эльза. – В этом году розы у нас в два раза крупнее, чем в прошлом».

– Тебе бы иметь свой сад, – сказал Том, садясь за стол. Пусть он сделает ей подарок хоть в мечтах. Линолеум приятно охлаждал его босые ступни. Темно поблескивали еще влажные, тщательно зачесанные тугие кудри. Клотильда любила, чтобы все вокруг было чистым, аккуратным и начищенным до блеска, будь то кастрюли, сковородки, стол, прихожая или парни. Хотя бы в этом он мог доставить ей радость.

Она поставила перед ним большую тарелку густой рыбной похлебки, а сама села напротив.

За рыбой последовала нежная баранья ножка с молодым жареным картофелем, посыпанным свежей петрушкой, миска молодого горошка в масле, хрустящий салат со свежими помидорами. Сбоку на столе стояло блюдо с

только что испеченными горячими булочками и большим куском сливочного масла, а рядом – кувшин холодного молока.

Клотильда сосредоточенно наблюдала за ним и улыбалась, когда он протягивал тарелку для добавки. Пока Джордахи всей семьей отдыхали в Саратогге, она каждое утро ездила на автобусе за продуктами в соседний город. Продавцы в Элизиуме наверняка немедленно доложили бы миссис Джордах, что в ее отсутствие служанка покупала лучшие куски мяса и отборные фрукты.

– Клотильда, почему ты здесь работаешь? – спросил Том.

– А где же мне работать? – удивилась она.

– Да где угодно. В магазине или на фабрике. Но не прислугой.

– Мне нравится домашняя работа. Нравится готовить, – ответила она. – Твоя тетя хорошо со мной обращается. Она меня ценит. И спасибо ей, что она взяла меня к себе, когда я приехала сюда два года назад. Я ведь тогда никого в городе не знала, и у меня за душой не было ни цента. Что мне делать в магазине или на фабрике? Считаю я медленно, а станков просто боюсь. Мне нравится работать по дому.

– Но это чужой дом. – Том приходил в бешенство от мысли, что две эти жирные свиньи помыкают ею как хотят.

– На эту неделю – это наш дом, – сказала Клотильда, ласково касаясь его руки.

Следующим вечером, проезжая после работы мимо библиотеки, он неожиданно для себя остановился, прислонил велосипед к решетке и вошел в здание. Он почти никогда ничего не читал, даже спортивные новости в газетах. Возможно, это было своего рода протестом – его брат и сестра вечно сидели уткнувшись носом в книгу, и головы у них забиты смехотворными возвышенными идеями.

Тишина в читальном зале и негостеприимный изучающий взгляд, которым библиотекаря окинула его грязную, засаленную одежду, смутили Тома. Оробев, он неуверенно бродил между полками, заставленными тысячами книг, и не знал, какая из них содержит нужные ему сведения. В конце концов все же пришлось обратиться к библиотекарше.

– Извините, мэм, мне хотелось бы найти что-нибудь о святом Себастьяне.

– А что вас о нем интересует?

– Да так, вообще, – сказал он, жалея, что пришел сюда.

– Посмотрите в Британской энциклопедии в справочном зале.

– Большое спасибо, мэм.

Он решил, что с завтрашнего дня после работы будет переодеваться в чистое прямо в гараже и постарается отмывать хотя бы верхний слой грязи, въедающийся в кожу. Сейчас к тебе относятся как к собаке, а ведь можно этого избежать. Да и Клотильде будет приятно.

Ему потребовалось целых десять минут, чтобы разыскать нужный том энциклопедии. Он положил его перед собой на стол и начал листать. Вот оно. Себастьян, св. – христианский мученик. Всего один абзац. Значит, он не такая уж важная птица.

«Когда лучники оставили его умирать, – читал Том, – набожная женщина

Ирина пришла ночью и забрала его тело, чтобы похоронить, но увидев, что он еще жив, принесла к себе домой и стала врачевать его раны. Еще не успев выздороветь, Себастьян поспешил вновь предстать перед императором. Тот велел тут же схватить его и заporоть насмерть. – (Дважды! О господи! – подумал Том. – Эти католики – ненормальные.) – Молодой красивый воин, святой Себастьян – излюбленный образ религиозной живописи. Как правило, его изображают нагим и пронзенным стрелами. Он истекает кровью от тяжелых, но не смертельных ран».

Том задумчиво закрыл книгу. Молодой красивый воин... его изображают нагим... Теперь все ясно. Клотильда. Удивительная женщина. Она не умела говорить о своей любви словами, но ее любовь находила выражение в образах ее религии, в том, как она для него стряпала, в том, как ласкала его.

Он поставил книгу на место и собрался уже уходить, как вдруг ему пришло в голову, что имя Клотильды тоже принадлежит какой-то из святых. Имея уже некоторый опыт, он быстро нашел нужный том энциклопедии. «Клотильда, св. – дочь бургундского короля Хильперика, супруга Хлодвига, короля франков».

Том вспомнил, как Клотильда, обливаясь потом, стоит у духовки в кухне или стирает грязное белье дяди Харольда, и помрачнел. Дочь бургундского короля Хильперика, супруга Хлодвига, короля франков... Родители определенно не думают о будущем, давая ребенку имя.

Проходя мимо стола библиотекаря, он остановился.

– Спасибо, мэм, – а затем неожиданно спросил: – Скажите, пожалуйста, я могу записаться в эту библиотеку?

Она удивленно взглянула на него, но все же достала карточку и вписала в нее фамилию, возраст и адрес Тома.

Они ужинали на кухне, изредка перебрасываясь словом. Когда Клотильда начала убирать со стола, он подошел к ней, обнял и сказал:

– Клотильда – дочь бургундского короля Хильперика, супруга Хлодвига, короля франков.

– Что, что? – спросила она, взглянув на него расширившимися от удивления глазами.

– Мне захотелось узнать, откуда произошло твое имя, – сказал он. – Я зашел в библиотеку и посмотрел в энциклопедии. Ты королевская дочь и жена короля.

Клотильда долго смотрела на него, потом поцеловала в лоб. Словно благодарила за подарок.

В соломенной корзинке уже пестрели на мокром папоротнике две рыбины. Как и говорил Бойлан, форель в ручье действительно водилась в изобилии.

Рудольф был в старых вельветовых брюках и резиновых сапогах, какие носят пожарные. Сапоги он купил уже поношенные, к тому же они были ему здорово велики.

Накануне всю ночь лил дождь, и даже сейчас, в конце дня, серый воздух был по-прежнему насыщен влагой. В мутной воде форель клевала плохо, но уже одно то, что вокруг ни души и ни звука – только плеск воды о камни, –

доставляло ему наслаждение.

Он стоял у одного из двух декоративных мостиков, перекинутых через ручей. Послышались чьи-то шаги. Намотав леску на катушку спиннинга, он замер в ожидании. На мостике появился Бойлан без шляпы, в замшевой куртке, с пестрым шарфом и в брюках для верховой езды.

– Добрый день, мистер Бойлан, – поздоровался Рудольф, чувствуя себя немного неловко и волнуясь, что вдруг тот уже забыл о своем приглашении или сказал это тогда просто из вежливости.

– Ну, как успехи?

– Да вот, пока только две.

– Не так уж плохо для такого денька, как сегодня, – заметил Бойлан, взглядываясь в мутную воду. – Не буду тебе мешать. Я просто вышел прогуляться. Обрато пойдю этой же дорогой и, если ты будешь еще здесь, надеюсь, не откажешься выпить рюмочку в моем доме.

И, помахав ему рукой, пошел дальше.

Рудольф сменил блесну. Ему пришлось забрасывать удочку трижды, прежде чем рыба клюнула. Он осторожно подтягивал леску, стараясь обойти камни и водоросли. Дважды рыба чуть не сорвалась. Наконец, когда она устала, Рудольф взял сачок и вошел в ручей. Ледяная вода тут же хлынула ему за голенища. Только когда рыба была уже в сачке, он заметил, что Бойлан вернулся и снова стоит на мостике, внимательно за ним наблюдая.

– Bravo, – сказал он, когда, хлюпя сапогами, Рудольф вышел на берег. – Чистая работа.

Рудольф прикончил форель и положил ее в корзинку.

– Я никогда не мог бы это сделать, – заметил Бойлан. – Убить собственными руками... – Он был в перчатках.

Рудольф с удовольствием снял бы сапоги и вылил из них воду, но носки у него были заштопаны, и ему совсем не хотелось демонстрировать Бойлану грубые толстые стежки – материнское рукоделие.

Словно читая его мысли, Бойлан сказал:

– Мне кажется, тебе следует разуться и вылить воду из сапог. Вода, должно быть, холодная.

– Это точно, – согласился Рудольф, стягивая сапоги. Бойлан, казалось, ничего не заметил. Он оглядывал густой лес, который стал собственностью его семьи сразу после окончания гражданской войны.

– Раньше отсюда просматривался дом. Этих зарослей тогда не было. Круглый год здесь работало десять садовников, а сейчас не нанять ни одного... Впрочем, в этом нет и смысла... Да, кстати, у меня, кажется, где-те валяются болотные сапоги. Не помню уж, когда я их купил. Если они тебе как раз, можешь взять. Зайдем в дом, ты их померишь.

Рудольф хотел прямо с ручья вернуться домой. До автобусной остановки было далеко, и нужно было спешить, родители Джули пригласили его на ужин, а потом они с Джули собирались пойти в кино. Но болотные сапоги... Новые они стоят не меньше двадцати долларов.

– Спасибо, сэр, – сказал он.

– Не называй меня «сэр». Я и без того чувствую себя достаточно старым. Давай я понесу корзинку.

– Она не тяжелая.

– Позволь. Может, хоть тогда мне будет казаться, что я сегодня сделал что-то полезное.

А ведь он несчастный, удивленно подумал Рудольф. Такой же несчастный, как моя мать. Он отдал Бойлану корзинку, и тот повесил ее себе на плечо.

Огромный дом на холме весь зарос плющом – бесполезная крепость из нетесаного камня, призванная защищать ее обитателей от рыцарей в доспехах и колебаний на бирже.

– Смехотворно, не правда ли? – пробормотал Бойлан.

– Да.

– А ты словоохотливый собеседник, – рассмеялся Бойлан, открывая массивную дубовую дверь. – Входи.

В эту дверь проходила моя сестра, подумал Рудольф; мне следует повернуться и уйти.

Но он не ушел.

Они оказались в большом темном холле с мраморным полом и широкой винтовой лестницей, ведущей наверх. Тотчас появился пожилой слуга в сером шерстяном пиджаке и галстук «бабочкой».

– Добрый вечер, Перкинс, – сказал Бойлан. – Это мистер Джордах, наш молодой друг.

Перкинс едва заметно поклонился. Он чем-то походил на англичанина. У него было лицо преданного королю и отчизне вассала. Он взял у Рудольфа его потрепанную фетровую шляпу и возложил ее на длинный стол у стены, как венок на королевскую могилу.

– Перкинс, вы не будете так любезны сходить в оружейную и поискать там мои старые болотные сапоги? Мистер Джордах – рыбак. Вот, полюбуйте, – и он открыл корзинку. – Отнесите поварихе. Может, она из них что-нибудь приготовит на ужин. Ты ведь останешься поужинать, Рудольф, не так ли?

Рудольф заколебался. Ему придется пропустить свидание с Джули. Но ведь он ловил рыбу в ручье Бойлана да еще получит сапоги.

– А можно мне от вас позвонить? – спросил он.

– Конечно. – И Бойлан снова повернулся к Перкинсу: – Принесите, пожалуйста, мистеру Джордаху пару приличных теплых носков и полотенце. Он промочил ноги. Сейчас он молод и не обращает на это внимания, но, когда лет через сорок будет, как мы с вами, страдать от ревматизма и с трудом добираться до камина, он еще вспомнит этот день.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Перкинс и вышел. То ли в кухню, то ли в эту таинственную оружейную.

– Тебе, пожалуй, лучше снять сапоги здесь. Ты будешь чувствовать себя удобнее, – заметил Бойлан, вежливо намекая этим, что будет не в восторге, если Рудольф наследит по всему дому. Рудольф стянул сапоги; штопаные носки – немой укор самолюбию.

Из холла они прошли в гостиную. Рудольфу никогда в жизни не

приходилось бывать в такой огромной комнате. Высокие окна наглухо закрыты бордовыми бархатными занавесями. На стенах ряды полок с книгами. Много картин: нарумяненные дамы в нарядах девятнадцатого столетия, внушительного вида бородатые пожилые мужчины, большие, писанные маслом пейзажи в паутине трещин. На рояле разбросаны переплетенные в альбомы ноты, у соседней стены – бар. Просторный мягкий диван, несколько кожаных кресел, столик с кипой журналов. Неимоверных размеров светлый персидский ковер, очевидно, сотканный сотни лет назад, неискушенному глазу Рудольфа показался просто выцветшим и потертым. К их приходу Перкинс разжег огонь в большом камине. Поленья на толстой железной решетке уютно потрескивали, лампы – их в гостиной было шесть или семь – струили мягкий вечерний свет. Рудольф немедленно решил, что когда-нибудь и он будет жить в такой вот комнате.

– Замечательная комната, – искренне восхитился он вслух.

– Слишком велика для одного человека, – сказал Бойлан. – Я налью нам обоим виски.

– Спасибо. – Его сестра в баре на вокзале заказывала тоже виски. Сейчас она в Нью-Йорке из-за этого человека. Может, это и к лучшему? Она написала, что наконец-то нашла работу. Играет в театре. Ей платят шестьдесят долларов в неделю.

– Ты хотел позвонить, – напомнил Бойлан, наливая виски. – Телефон на столе у окна.

Рудольф снял трубку.

Он надеялся, что Джули не будет дома, но она сама подошла к телефону.

– Руди! – радостно воскликнула она. Рудольф почувствовал угрызения совести.

– Джули... я насчет сегодняшнего вечера... Кое-что изменилось.

– Что изменилось? – спросила Джули ледяным тоном. Удивительно, как такая симпатичная девушка, умеющая петь, словно жаворонок, в то же время могла говорить таким металлическим, скрипучим голосом.

– Я не могу сейчас тебе объяснить, но...

– Почему же ты не можешь сейчас объяснить?

– Не могу, и все. – Рудольф взглянул на Бойлана, но тот стоял к нему спиной. – В общем, давай отложим на завтра. В кино будет та же картина, и...

– А ну тебя к черту! – И она бросила трубку.

С минуту Рудольф стоял молча, потрясенный. Как девушка могла быть такой... такой решительной?

– Вот и хорошо, Джули, – сказал он в немую трубку, – значит, до завтра. Пока. – Сыграно неплохо. Он повесил трубку.

– Вот твое виски, – подал голос Бойлан с другого конца комнаты, никак не отреагировав на телефонный разгр.

Рудольф подошел к нему и взял стакан.

– Твое здоровье! – сказал Бойлан, поднося виски к губам.

Рудольф не мог заставить себя сказать за ним «ваше здоровье», но от выпитого ему сразу стало тепло, и виски не показалось ему таким уж

противным.

– Спасибо, что остался. Не люблю пить один, а сейчас мне было просто необходимо выпить. У меня сегодня был ужасно скучный день. Да ты садись, – он указал на большое кресло возле камина. Рудольф сел, а он встал напротив, облокотившись на каминную доску. – Приходили страховые агенты по поводу этого нелепого пожара в день победы. Ты видел, как горел крест?

– Я слышал об этом.

– Странно, почему выбрали именно мое поместье?. Я не католик, не негр и не еврей. Куклуксклановцев явно ввели в заблуждение. Страховые агенты интересовались, нет ли у меня врагов. Наверняка есть, только они себя не афишируют. Им следовало бы поставить крест ближе к дому, чтобы этот мавзолей тоже сгорел, – я был бы счастлив. Мой дед строил его на века, и я теперь вынужден здесь жить. – Бойлан рассмеялся. – Извини, я слишком разговорчив. Но так редко выпадает возможность поговорить с кем-нибудь, кто бы хоть чуть-чуть понимал, о чем ты говоришь.

– Тогда почему вы здесь живете? – с юношеской логикой спросил Рудольф.

– Я обречен, – ответил Бойлан мелодраматичным тоном. – Я прикован к этой скале, и орел клюет мою печень. Ты знаешь, откуда этот образ?

– Прометей.

– Скажите пожалуйста! Вы что, проходили это в школе?

– Да. – Ему хотелось добавить: «Я еще и не то знаю, мистер».

– Бойтесь семейного могущества! – воскликнул Бойлан. Он уже допил свое виски и подошел к бару налить себе еще. – На тебя давит бремя обязательств перед семьей, Рудольф? У тебя есть предки, чаяния которых ты не смеешь не оправдать?

– У меня нет предков.

– Настоящий американец, – заметил Бойлан. – А вот и сапоги.

В комнату вошел Перкинс, неся высокие болотные сапоги, полотенце и пару светло-голубых шерстяных носков. Он поставил сапоги возле Рудольфа, полотенце повесил на ручку кресла, а носки положил рядом на край стола.

Рудольф снял свои мокрые заштопанные носки и хотел сунуть их в карман, но Перкинс тут же забрал их у него. Вытерев ноги полотенцем, пахнувшим лавандой, Рудольф надел принесенные ему носки. Мягкая шерсть. Он встал и натянул сапоги. На одном колене зияла треугольная дырка.

– Точно по мне. – Пятьдесят долларов, подумал он. Не меньше. В этих сапогах он чувствовал себя почти д'Артаньяном.

– Я купил их, кажется, еще до войны, – сказал Бойлан. – Когда от меня ушла жена. Я думал, что начну рыбачить... Для компании завел собаку, огромного ирландского волкодава. Отличный пес. Он у меня пять лет был. Мы друг к другу необыкновенно привязались. А потом кто-то его отравил. Да, у меня, должно быть, есть враги. А может, он просто гонялся за чьими-нибудь курами.

Рудольф снял сапоги и держал их, словно не зная, что с ними делать.

– Боже, да они, кажется, порваны, – заметил Бойлан.

– Ничего, я отдам их в починку, – поспешно сказал Рудольф.

– Нет, я попрошу Перкинса, и он сам приведет их в порядок. – Бойлан подошел к столу и добавил себе виски. – Хочешь посмотреть дом?

– Да, – ответил Рудольф. Ему было любопытно, что Бойлан называет оружейной.

– Идем. Это поможет тебе, когда ты сам станешь предком. Будешь знать, как досадить своим потомкам.

В холле стояла большая бронзовая скульптура: тигрица, вцепившаяся когтями в спину буйвола.

– Искусство, – задумчиво сказал Бойлан. – Будь я патриотом, мне следовало бы отдать ее переплавить на пушку. – Он распахнул створки огромной двери, украшенной резными купидонами и гирляндами. – Бальный зал.

– И он включил там свет.

Комната была, пожалуй, не меньше гимнастического зала в их школе. С высокого потолка свисала закутанная в простыню огромная хрустальная люстра. Вдоль отделанных темными деревянными панелями стен стояли ряды стульев, накрытых чехлами.

– Отец мне рассказывал, что мать однажды пригласила сюда на бал семьсот человек. Оркестр играл вальсы. Двадцать пять вальсов подряд. Ничего себе, правда? – Он погасил свет, и они прошли в глубь дома. Бойлан приоткрыл дверь в громадную комнату с множеством книг. Здесь пахло кожей и пылью. – Библиотека, Вольтер и так далее. Киплинг... А вот оружейная. – Бойлан распахнул следующую дверь и включил свет.

В застекленных витринах красного дерева стояли дробовики и охотничьи ружья. Стены увешаны трофеями – олени рога, чучела фазанов с длинными яркими хвостами. Ружья поблескивали свежей смазкой. Чистота необыкновенная, нигде ни пылинки.

– Ты умеешь стрелять? – спросил Бойлан, усаживаясь верхом на кожаный стул в форме седла.

– Нет. – У Рудольфа чесались руки от желания потрогать эти изумительные ружья.

– Если хочешь, я тебя научу. У меня где-то валяется старый учебный стенд для стрельбы по тарелкам. Сейчас, правда, здесь уже не на что охотиться. Разве на кроликов, да иногда попадет олень. – Он обвел комнату взглядом. – Подходящее место для самоубийства. Да, когда-то в этих владениях устраивали отличную охоту. Перепела, куропатки, олени. Но это было так давно! Я уж и не помню, когда последний раз выстрелил из ружья. Может, если буду учить тебя, и сам вспомню молодость. Это мужской спорт. Мужчина по природе своей – охотник. Может быть, когда-нибудь в будущем тебе поможет репутация хорошего стрелка. В колледже я учился с парнем, который женился на одной из самых богатых наследниц в Северной Каролине, и только потому, что у него был меткий глаз и твердая рука. Его звали Ривз. Из бедной семьи, но с прекрасными манерами. Это и помогло. А тебе хотелось бы быть богатым?

– Да.

– Чем ты намерен заняться после колледжа?

– Пока не знаю. Там видно будет.

– Я бы посоветовал тебе стать юристом, – сказал Бойлан. – Америка – страна юристов. И год от года потребность в них растет. По-моему, твоя сестра говорила мне, что ты капитан команды в школьном дискуссионном клубе. Это так?

– Так. – Упоминание о сестре насторожило его.

– Мы с тобой могли бы как-нибудь съездить в Нью-Йорк и навестить твою сестру. – Они вышли из оружейной. – Я прикажу Перкинсу отыскать на этой неделе учебный стенд и купить несколько голубей. Когда все будет готово, я тебе позвоню.

– У нас нет телефона.

– Ах да! Помню, я как-то раз пытался найти его в телефонной книге и не нашел. В таком случае напишу. Кажется, я помню твой адрес. – Он задумчиво скользнул взглядом по ступенькам мраморной лестницы. – Там, наверно, ничего интересного. Гостиная моей матери и спальни. Большинство комнат закрыто... Если ты не возражаешь, я на минуту поднимусь переодеться к ужину. Чувствуй себя как дома. – И он стал подниматься на второй этаж, который не мог представлять никакого интереса для его молодого гостя, разве что тому было любопытно увидеть кровать, на которой его сестра потеряла невинность.

Рудольф вернулся в гостиную и наблюдал, как Перкинс накрывает к ужину стол у камина.

– Я позвонил насчет сапог, сэр, – сказал Перкинс. – Их починят к среде.

– Спасибо, мистер Перкинс.

– Рад быть вам полезным, сэр.

Сэр! И два раза подряд!

Рудольф потягивал виски, чувствуя, что алкоголь уже действует на него. Может быть, в один прекрасный день он вернется сюда и купит этот дом вместе с Перкинсом и всем остальным. В конце концов, он живет в Америке!

Вошел Бойлан. Он всего лишь сменил замшевую куртку на вельветовый пиджак.

– Я уж не стал принимать ванну, чтобы не заставлять тебя ждать. Надеюсь, ты меня извинишь, – сказал он, подходя к бару. От Бойлана пахло каким-то одеколоном. – В столовой было бы холодно, – заметил он, глядя на стол перед камином. – Когда-то там ужинал президент Тафт. Стол был накрыт на шестьдесят персон – все высокопоставленные лица. – Он подошел к роялю, сел на табурет, поставил стакан рядом с собой и взял несколько аккордов. – Ты случайно не играешь на скрипке?

– Нет.

– Ни на чем, кроме трубы?

– В общем-то нет. Могу, конечно, что-нибудь подобрать на рояле.

– Обидно. Мы могли бы разучить с тобой какие-нибудь дуэты. К сожалению, я ни разу не слышал о дуэтах для фортепьяно и трубы.

Бойлан начал играть. Рудольфу пришлось признать, что играет он хорошо.

- Узнаешь, что это такое?
  - Нет.
  - Шопен. Ноктюрн ре-бемоль мажор.
- В комнату вошел Перкинс.
- Ужин подан, сэр.

Рудольф пожалел, что остался. У него было ощущение, что Бойлан пытается заманить его в ловушку.

Сложный он, этот Бойлан. И тебе Шопен, и болотные сапоги, и виски, и философия, и оружейная, и сожженный крест, и отравленная собака... Рудольф чувствовал, что не подготовлен ко всему этому и с Бойланом ему не справиться. Теперь он понимал, почему Гретхен решила, что ей необходимо бежать от этого человека.

Бойлан перестал играть, встал, вежливо взял Рудольфа за локоть и повел к столу. Перкинс наполнял бокалы белым вином. В центре стола в глубоком медном блюде лежала отварная форель в каком-то соусе. Рудольф был разочарован – он предпочитал форель жареную.

Они сели друг против друга. Перед каждым три разных бокала и целый набор ножей и вилок. Перкинс переложил форель на серебряное блюдо с отварным молодым картофелем и, подойдя к Рудольфу, остановился сбоку. Рудольф осторожно взял с блюда кусок форели и пару картофелин. Он растерялся от обилия столового серебра, но старался не выказывать своего замешательства. Некоторое время они ели молча. Рудольф внимательно следил, как Бойлан действует ножом и вилкой. Меткий стрелок, прекрасные манеры...

– Она уже нашла работу? – спросил Бойлан, словно они не прерывали начатый разгр. – Она говорила мне, что хочет стать актрисой.

– Не знаю. Я давно не получал от нее писем, – соврал Рудольф, не желая делиться с Бойланом своими сведениями.

– Ты считаешь, она может иметь успех? – продолжал Бойлан. – По-твоему, у нее талант?

– Думаю, да. Что-то в ней есть. Когда в школе она выходила на сцену, все сразу прекращали кашлять. – Бойлан рассмеялся, и Рудольф сообразил, что сказал это по-детски. – Я хочу сказать, чувствовалось, что зрители начинали смотреть только на нее, следить за ней – не так, как за другими актерами. Наверное, это и есть талант.

– Согласен. – Бойлан утвердительно кивнул. – Она необыкновенно красивая девушка. Но ты, как брат, вероятно, не признавал этого.

– Почему же, признавал.

– Правда? – безразличным тоном сказал Бойлан. Казалось, он уже утратил интерес к разговору. Махнув Перкинсу, чтобы тот убрал грязные тарелки, он встал, подошел к большой радиоле и поставил Второй фортепьянный концерт Брамса. Музыка звучала так громко, что десерт они ели в полном молчании.

Ужин кончился. Бойлан налил себе рюмку коньяку и поставил пластинку с какой-то симфонией. Рудольф устал после целого дня рыбалки. От двух бокалов вина в глазах у него зарябило, и он чувствовал, что его клонит ко сну. Бойлан держался вежливо, но отчужденно. Рудольф догадывался, что он

разочаровал Бойлана, ничего не рассказав про Гретхен.

Погрузившись в кресло, прикрыв глаза и потягивая коньяк, Бойлан весь ушел в музыку. С таким же успехом он мог бы сидеть один или со своим ирландским волкодавом. Может, он собирается предложить мне должность своей собаки, обиженно подумал Рудольф.

На пластинке была царапина, и, когда послышалось щелканье, Бойлан раздраженно поморщился, встал и выключил радиолу.

– Ты хочешь, чтобы я отвез тебя домой сейчас?

– Да, пожалуйста, – вставая, с облегчением сказал Рудольф.

Бойлан взглянул на его ноги.

– Но ты же не можешь так идти. А сапоги у тебя наверняка еще сырые. Подожди, я что-нибудь тебе найду. – Он вышел из гостиной и поднялся по лестнице. Вскоре он вернулся, неся в руках небольшую дорожную сумку и пару темно-бордовых мокасин. – Примерь, – предложил он.

Мокасины были старые, но идеально вычищенные. С кожаной бахромой, подошва толстая. Рудольфу они пришлись точно по ноге.

– Дня через два я завезу их, – пообещал он.

– Можешь не беспокоиться, – ответил Бойлан. – Им сто лет. Я их давно не ношу.

Удочка, корзинка и сачок уже лежали на заднем сиденье «бьюика», а на полу стояли мокрые сапоги Рудольфа. Бойлан небрежно бросил сумку рядом с рыболовным снаряжением, сел в машину и включил радио. Полились звуки джаза. Всю дорогу до Вандерхоф-стрит они молчали.

– Ну, вот мы и приехали, – сказал Бойлан, остановив машину перед булочной.

– Большое спасибо за все, – поблагодарил Рудольф.

– Это тебе спасибо, – ответил Бойлан. – Я получил истинное удовольствие.

Когда Рудольф взялся за ручку дверцы, собираясь выйти, Бойлан дотронулся до его локтя.

– Извини, я могу попросить тебя об одном одолжении?

– Конечно.

– В этой сумке... – Бойлан кивнул через плечо на заднее сиденье, – кое-что для твоей сестры. Мне бы очень хотелось, чтобы она это получила. Не мог бы ты как-нибудь передать ей сумку?

– Откровенно говоря, я не знаю, когда ее увижу, но при первой же возможности обязательно выполню вашу просьбу, – пообещал Рудольф.

– Очень любезно с твоей стороны. – Бойлан взглянул на часы. – Еще не так поздно. Может, мы зайдем куда-нибудь выпьем? Ужасно не хочется возвращаться в мой мрачный дом.

– К сожалению, завтра мне очень рано вставать, – сказал Рудольф. Ему хотелось побыть одному, разобраться в своих впечатлениях и определить, к чему может привести знакомство с этим человеком.

– Рано – это во сколько? – спросил Бойлан.

– В пять утра.

– В пять утра? Невероятно! Интересно, что может делать человек в такую

рань.

– Я развожу на велосипеде булочки отцовским покупателям, – ответил Рудольф.

– Понимаю, – кивнул Бойлан. – Действительно, кто-то должен доставлять булочки. – Он рассмеялся. – Просто ты совсем не похож на доставщика булочек.

– Это не основное мое предназначение, – заметил Рудольф.

– А какое основное? – Бойлан рассеянно включил фары. В подвале булочной свет не горел – отец еще не приступил к ночной выпечке. Интересно, если бы задать этот вопрос ему, что бы он ответил? Что его основное предназначение – печь булочки?

– Пока не знаю, – сказал Рудольф и в свою очередь агрессивно спросил: – А ваше?

– Тоже не знаю. Пока. А как тебе кажется?

– Трудно сказать, – неуверенно ответил Рудольф. Этот человек – беспорядочно рассыпанная мозаика. Будь Рудольф постарше, возможно, он сумел бы сложить из разрозненных квадратиков целостную картину.

– Жаль. А я думал, острый глаз юности разглядит во мне нечто такое, чего сам я увидеть не способен.

– Между прочим, а сколько вам лет? – спросил Рудольф. Бойлан так много говорил о прошлом, точно жил еще во времена индейцев и президента Тафта, и Рудольфу только сейчас пришло в голову, что он не столько стар, сколько старомоден.

– Попробуй угадать, – весело предложил тот.

– Не знаю... – Рудольф заколебался. Все мужчины старше тридцати пяти лет казались ему одного возраста, за исключением, конечно, явно дряхлых седобородых старцев, которые ковыляли, опираясь на палки. И он никогда не испытывал удивления, натываясь в газетах на сообщения о смерти тридцатипятилетних.

– Пятьдесят?

– Твоя сестра была добрее, – рассмеялся Бойлан. – Гораздо добрее. Мне недавно исполнилось сорок. У меня еще вся жизнь впереди. – И иронически добавил: – Увы.

Нужно быть чертовски самонадеянным, подумал Рудольф, чтобы позволить себе это «увы».

– А каким ты будешь в сорок? Таким, как я?

– Нет, – твердо ответил Рудольф.

– Очень мудро. Насколько я понял, ты не хочешь походить на меня. Интересно, почему?

– Мне хочется жить в такой же комнате, как у вас. Иметь столько же денег, книг и такую же машину. Так же хорошо говорить, как вы, столько же знать, ездить в Европу...

– Но...

– Но вы одинокий. И несчастный.

– Значит, по-твоему, когда тебе исполнится сорок, ты не будешь

чувствовать себя одиноким и разочарованным? У тебя будет красивая любящая жена, симпатичные умные дети, которые тоже будут любить тебя и которых ты проводишь на следующую войну... – Бойлан говорил таким тоном, словно рассказывал сказку малышам.

– Я не собираюсь жениться, – прервал его Рудольф.

– Вот как? Ты успел прийти к каким-то собственным выводам о браке? Я в твоём возрасте был другим. Знал, что женюсь. Мечтал, что мой пустынный замок наполнится детским смехом... Но, как ты, вероятно, заметил, я не женат, и в моём доме почти никогда не слышно смеха. Впрочем, ещё не все потеряно. – Он достал из золотого портсигара сигарету и щелкнул зажигалкой. В свете пламени волосы его казались совсем седыми, а тени легли на лицо глубокими складками. – Я делал твоей сестре предложение. Она тебе говорила об этом?

– Да.

– А она объяснила, почему мне отказала?

– Нет.

– Она сказала тебе, что была моей любовницей?

– Да, сказала.

– Ты меня осуждаешь?

– Да.

– Почему?

– Вы для неё слишком старый.

– Отказав мне, она ничего не потеряла. А я – потерял... Когда увидишь её, скажи, что мое предложение остается в силе. Скажешь?

– Нет.

Бойлан, казалось, пропустил его «нет» мимо ушей.

– Открою тебе секрет. В тот вечер я не случайно оказался в «Джек и Джилл». Сам понимаешь, такие места не для меня. Но я решил, что непременно узнаю, где ты играешь. Когда вы с Джули вышли из дансинга, я специально пошел следом. Возможно, подсознательно я надеялся найти в брате что-нибудь от его сестры...

– Ну, мне пора спать, – жестко сказал Рудольф и вышел из машины.

– Не забудь сумку, – напомнил Бойлан.

Рудольф взял свою удочку, корзинку и сумку. Она была совсем легкая, как будто пустая.

– Ещё раз спасибо за прекрасный вечер, – сказал Бойлан. – Боюсь, я один получил от него удовольствие. И всего лишь за пару рваных сапог, которые мне все равно не нужны. Я дам тебе знать, когда стенд для стрельбы будет установлен. А теперь иди, молодой неженатый доставщик булочек. Я буду думать о тебе в пять часов утра.

Он включил мотор, и машина рванула с места.

Клотильда лежала, укрывшись одеялом, волосы её разметались по подушке, лицо светилось нежной улыбкой. Томас поцеловал её, пожелал спокойной ночи и вышел, бесшумно закрыв за собой дверь.

По узкой лестнице он неслышно поднялся на чердак, открыл дверь в свою

комнату и зажег свет. На его кровати сидел в полосатой пижаме дядя Харольд.

Щурясь от яркого света, дядя Харольд улыбался беззубым ртом – у него были вставные зубы, и на ночь он их вынимал.

– Добрый вечер, Томми, – прошепелявил он. – Уже довольно поздно. Почти час ночи. Интересно, какие развлечения задержали тебя?

– Я просто бродил по городу, – ответил Томас.

– Томми, тебе ведь хорошо у нас живется, верно? – брызгая слюной, спросил дядя Харольд.

– Конечно.

– И кормим мы тебя хорошо, как своего, да?

– Конечно. – Томас старался говорить тихо, чтобы не разбудить тетю Эльзу. Не хватало еще, чтобы она присутствовала при этом разговоре.

– Ты живешь в чистоте, в порядочном доме. Мы относимся к тебе как к члену семьи, – не унимался дядя Харольд. – У тебя есть свой велосипед.

– Я ни на что не жалуясь.

– У тебя хорошая работа, и ты получаешь столько же, сколько взрослые. Когда позвонил твой отец и попросил меня взять тебя к себе, я сделал это без всяких разговоров. Ведь в Порт-Филипе у тебя были какие-то неприятности, да? Но дядя Харольд никогда не задавал тебе вопросов, мы с тетей Эльзой просто взяли тебя к себе. – Его пижамная куртка расстегнулась, обнажив толстые розовые складки выпирающего живота. – Разве я требую за все это чего-то невозможного? Благодарности? Нет. Совсем немногого: молодой человек должен хорошо себя вести и вовремя ложиться спать. В свою собственную постель, Томми.

Вот оно что, подумал Томас. Этот гад все знает!

– Мы порядочные люди, Томми. Нашу семью уважают. Твою тетю принимают в лучших домах. Ты бы удивился, если б я сказал тебе, какой мне предоставлен в банке кредит. Мне даже предлагали баллотироваться от республиканской партии в Законодательную ассамблею штата Огайо, хотя я родился не в Америке. Мои дочери одеваются... Лучше их, пожалуй, ни одна девушка не одевается. Они примерные ученицы. Каждую неделю я сам отвожу их на машине в воскресную церковную школу. И эти два чистых, невинных ангела спят сейчас в этом самом доме прямо под твоей комнатой.

– Все ясно, – сказал Томас. Пусть старый дурак выговорится.

– Ты не бродил по городу до часу ночи, Томми, – скорбно продолжал дядя Харольд. – Я знаю, где ты был. Мне захотелось пить, я пошел на кухню взять из холодильника бутылку пива и услышал шум. Мне даже стыдно об этом говорить, Томми. В твои-то годы, в доме, где живут мои дочери...

– Ну и что? – угрюмо буркнул Томас. Он представил себе, как дядя Харольд подслушивал за дверью, и его затошнило от этой мысли.

– Ну и что! – повторил за ним дядя Харольд. – И это все, что ты можешь мне сказать? «Ну и что?»

– А что я должен вам сказать? – Ему хотелось крикнуть: «Я люблю Клотильду! Это самое замечательное, что произошло за всю мою поганую жизнь. Клотильда тоже меня любит. Будь я постарше, я забрал бы ее из этого

проклятого порядочного дома, из этой уважаемой семьи». Но, конечно, он не мог этого сказать. Он вообще не мог ничего сказать. Он задыхался от бессилия.

– Я хочу, чтобы ты сказал, что тебе стыдно за грязную связь, в которую ты позволил себя втянуть этой невежественной хитрой крестьянке, – прошипел дядя Харольд. – Ты должен обещать мне никогда больше не дотрагиваться до нее. Ни в этом доме, ни где-нибудь еще.

– Я ничего не обещаю.

– Хорошо. Ты ничего не обещаешь, – подхватил дядя Харольд. – И не надо. Когда я уйду от тебя, я спущусь к ней, уж она-то пообещает многое, уверяю тебя.

– Это вы так думаете, – возразил Том, но даже ему самому слова эти показались пустыми, детскими.

– Я не думаю, я знаю, Томми, – шепотом сказал дядя Харольд. – Она пообещает все, чего я захочу. Ей некуда деваться. Если я ее уволю, куда она пойдет? Вернется в Канаду к своему пьянице мужу, который уже два года ее разыскивает, чтобы избить до смерти?

– Она найдет себе другую работу. Ей совсем не обязательно возвращаться в Канаду.

– Это ты так считаешь. Ишь какой специалист по международному праву! Тебе кажется, все так просто? Ты думаешь, я не обращаюсь в полицию?

– А при чем тут полиция?

– Ты еще ребенок, Томми. Она развратила малолетнего. Тебе всего шестнадцать. Это преступление, Томми. Серьезное преступление. Америка – цивилизованная страна, и дети здесь оберегаются законом. Если ее и не посадят в тюрьму, то, конечно, вышлют как иностранку, которая в чужой стране развращает малолетних. У нее нет гражданства, и ей придется вернуться в Канаду. Об этом напечатают в газетах, и муж будет поджидать ее. О да, она пообещает все, – повторил дядя Харольд вставая. – Мне жаль тебя, Томми. Ты не виноват. Это у тебя в крови. Твой отец всегда шлялся по проституткам. Мне было стыдно здороваться с ним на улице. А твоя мать, если ты этого еще не знаешь, незаконнорожденная. Ее воспитали монахини в сиротском приюте. Спроси как-нибудь, знает ли она, кто ее родители. А теперь ложись спать. – Он похлопал Томаса по плечу. – Ты неплохой парень, я был бы рад сделать из тебя человека, которым гордилась бы семья. Я хочу тебе добра. Ладно, спи. – И дядя Харольд, пивная бочка в бесформенной полосатой пижаме, сознавая свою власть, вышел из комнаты, неслышно ступая босыми ногами.

Томас погасил свет, лег на кровать и изо всей силы ткнул кулаком в подушку.

На следующее утро он встал пораньше, чтобы до завтрака успеть поговорить с Клотильдой, но, когда спустился вниз, дядя Харольд уже сидел за обеденным столом и читал газету.

– Доброе утро, Томми, – поздоровался он, шумно прихлебывая кофе.

В комнату вошла Клотильда со стаканом апельсинового сока для Томаса. Она даже не взглянула на него. Лицо ее было хмурым и замкнутым.

После завтрака Том, как всегда, ушел на работу, решив вернуться днем,

когда дома никого, кроме Клотильды, не будет.

Ему удалось уйти из гаража только в четыре часа. Тетя Эльза в этот день ездила с дочерьми к зубному врачу. Обе девочки носили шины. Дядя Харольд – Том знал это наверняка – сейчас находился в демонстрационном зале. Клотильда должна быть дома одна.

Когда он подъехал на велосипеде к дому, Клотильда поливала из шланга лужайку под окнами. На Клотильде был белоснежный халат. Тете Эльзе нравилось, чтобы ее прислуга походила на медсестер. Это было своего рода рекламой идеальной чистоты. Мол, в моем доме можно хоть с пола есть.

– Клотильда, зайдём в дом, надо поговорить, – сказал Томас.

– Мне некогда. – Она направила струю на клумбу с петуньями.

– Он вчера ночью приходил к тебе?.. Дядя?

– Ну, заходил.

– Ты его впустила?

– Он в доме хозяин, – мрачно ответила Клотильда.

– Ты обещала ему что-нибудь? – Он почти кричал, но ничего не мог с собой поделать.

– Я обещала никогда больше не оставаться с тобой наедине, – отрезала она.

– Но это, конечно, несерьезно? – взмолился Томас.

– Нет, серьезно. – Она вертела в руках наконечник шланга. На пальце поблескивало обручальное кольцо. – Между нами все кончено.

– Нет! – Томасу хотелось схватить ее и встряхнуть. – К черту этот дом! Найди другую работу. Я тоже уйду и...

– Не говори глупости, – резко оборвала его Клотильда. – Ты же знаешь о моем *преступлении*, – передразнила она дядю Харольда. – Он добьется, чтобы меня выслали из страны. – И грустно добавила: – Мы не Ромео и Джульетта. Ты школьник, а я кухарка. Возвращайся в гараж.

– Неужели ты ничего не могла ему сказать? – Томас был в отчаянии. Он боялся, что разрыдается прямо здесь, на глазах у Клотильды.

– А чего говорить? Он дикий человек. Он ревнует, а когда мужчина ревнует, говорить с ним – все равно что со стеной или с деревом.

– Ревнует?.. – не понял Томас.

– Он уже два года меня домогается, – спокойно сказала Клотильда. – Каждую ночь, как только его жена заснет, приходит и скребется у меня под дверь, словно кот.

– Жирная сволочь! В следующий раз я его подкараулю.

– Нет, ты не сделаешь этого, – возразила Клотильда. – В следующий раз я впусти его. Уж лучше тебе знать об этом.

– Впустишь его? Его?!

– Я служанка, – сказала она. – И живу, как положено служанке. Я не хочу потерять работу, оказаться в тюрьме или вернуться в Канаду. Забудь обо всем. Alles Kaput!⁴ Это были славные две недели. Ты славный мальчик. Извини, что

---

⁴ Всему конец! (нем.).

я втянула тебя в неприятности...

– Хватит! Хватит! – закричал он. – Теперь я больше не дотронусь ни до одной женщины, пока не...

У него сдавило горло, и, не договорив, он вскочил на велосипед и поехал, не разбирая дороги. Он ни разу не обернулся и поэтому не видел отчаяния и слез на смуглом лице Клотильды.

9

Выйдя из метро на Восьмой улице, Гретхен вначале купила шесть бутылок пива, а потом зашла в химчистку за костюмом Вилли. На землю опустились сумерки, ранние ноябрьские сумерки, воздух дышал морозцем. Люди были одеты в пальто и шагали торопливо. Впереди Гретхен шла, зябко нахохлившись, девушка в брюках и шинели. Голова у нее была покрыта шарфом. У девушки был такой вид, словно она только что встала с постели, хотя был уже шестой час пополудни. Впрочем, в этом и заключалась прелесть Гринич-Виллидж: люди здесь поднимались с постели в любое время дня и ночи. И другая приятная особенность – в этой части города в основном жила молодежь.

Девушка в шинели зашла в гриль-бар «Коркоран», хорошо знакомый Гретхен, как и десяток других баров по соседству: сейчас значительная часть ее жизни проходила в барах.

Она прибавила шагу. Бумажная сумка с бутылками тяжело оттягивала руку. Гретхен возвращалась с только что закончившейся репетиции, а к восьми часам ей надо было снова быть в театре. Пьеса пользовалась скромным успехом, но, без сомнения, должна была продержаться до июня. Каждый вечер Гретхен трижды проходила в купальнике через всю сцену. Ей несколько раз приносили странные письма и телеграммы с приглашением на ужин, а два раза она даже получила от кого-то розы.

Гретхен взбежала по лестнице на третий этаж. Дверь квартиры открывалась прямо в гостиную.

– Вилли! – крикнула она. Квартирка была маленькая, всего две комнаты, и кричать не имело смысла. Но Гретхен нравилось произносить вслух его имя.

На ободранном диване сидел Рудольф со стаканом пива в руке.

– Привет. – Он встал и поцеловал ее в щеку.

– Руди! Что ты здесь делаешь? – воскликнула она, ставя сумку с пивом на пол и вешая костюм Вилли на спинку стула.

– Я позвонил, и твой друг впустил меня, – ответил тот.

– Твой друг одевается, – подал голос Вилли из соседней комнаты. Он часто целыми днями ходил по комнате в халате.

– Я так рада тебя видеть. – Гретхен сняла пальто и крепко обняла брата. Затем отступила на шаг назад, чтобы как следует разглядеть его. Раньше, видя его каждый день, она не сознавала, насколько он красив: смуглый, стройный, в

голубой рубашке и спортивном пиджаке, подаренном ею в день его рождения. Задумчивые ясные зеленоватые глаза. – Ну садись, – потянула она его за рукав, – рассказывай, как там дома. Господи, до чего же я рада тебя видеть! – Ей показалось, что голос ее звучит несколько неестественно. Если бы она знала, что он придет, она сообщила бы ему о Вилли. Как ни говори, парню всего семнадцать... Ни о чем не подозревая, приехал навестить сестру и вдруг узнает, что она живет с каким-то мужчиной.

– Дома все по-прежнему, – сказал Рудольф. Если он и был смущен, то не показал виду. Ей стоило поучиться у него выдержке. – Сейчас, оставшись один, я несу бремя всеобщей любви.

Гретхен рассмеялась. Глупо волноваться. Она просто его недооценивала – он же совсем взрослый.

– Как мама?

– По-прежнему читает «Унесенных ветром», – ответил он. – Болеет. Врачи сказали ей, что у нее флебит.

– А кто же работает в булочной?

– Некая миссис Кудэхи. Вдова. Мы платим ей тридцать долларов в неделю.

– Папа, конечно, от этого в восторге, – заметила Гретхен.

– Да, это его не очень радует.

– А как он сам?

– Сказать по правде, меня не удивит, если окажется, что он болен гораздо серьезнее, чем мама. С тех пор как ты уехала, он даже на реку ни разу не ходил.

– А что с ним? – Гретхен с удивлением почувствовала, что ее это и в самом деле волнует.

– Трудно сказать. Ты же его знаешь. Он никогда ничего не говорит.

– Они хоть вспоминают обо мне?

– Нет, ни словом.

– А о Томасе?

– И думать позабыли. Я так и не имею представления, что же все-таки тогда произошло. Он, разумеется, не пишет.

– Ну и семейка, – сказала Гретхен. Оба затихли, словно почтив минутой молчания клан Джордахов.

– Ладно, – стряхнула с себя оцепенение Гретхен. – Как тебе нравится наше жилище?

Они с Вилли сняли эту квартиру уже обставленной. Мебель выглядела так, точно ее притащили с чердака, но Гретхен купила несколько горшков с цветами, а на стены наклеила вырезки из журналов и рекламные плакаты туристических агентств. Индеец в сомбреро на фоне живописной деревеньки. Посетите Нью-Мексико!

– Очень мило, – мрачно ответил Рудольф.

– Ужасно убого, конечно, но есть одно потрясающее преимущество – это не Порт-Филип.

В комнату, причесываясь на ходу, вошел Вилли. Гретхен не видела его всего пять часов, но, если бы они были одни, бросилась бы к нему на шею, словно они не виделись несколько лет. Вилли склонился над диваном и

поцеловал Гретхен в щеку. Рудольф вежливо встал.

– Садись, садись, Руди. Я для тебя не старший по званию. А-а! – Он увидел пиво и принесенный из чистки костюм. – Знаешь, в первый же день, как мы познакомились с твоей сестрой, я предсказал ей, что она будет великолепной женой и отличной матерью. – И, с улыбкой обращаясь к Гретхен, продолжал: – Мы можем ничего не скрывать. Я уже все ему объяснил. Руди знает, что мы только формально живем во грехе. Я сказал ему, что сделал тебе предложение, но ты отказала, хотя, надеюсь, не окончательно.

Это было правдой. Он делал ей предложение несколько раз. И она была почти уверена, что у него действительно вполне серьезные намерения.

– А ты сказал, что ты женат? – спросила Гретхен. Ей не хотелось, чтобы у Руди оставались какие-либо сомнения.

– Конечно. Я никогда ничего не скрываю от братьев моих возлюбленных. Моя женитьба – мальчишество. Мимолетность. Облачко, растаявшее от первого дуновения ветра. Руди – умный парень и все понимает. Он далеко пойдет. Он еще попляшет на нашей свадьбе. И будет заботиться о нас в старости. Как ты думаешь, Руди, я гожусь тебе в шурины?

– Трудно сказать, – серьезно изучая его своими задумчивыми зеленоватыми глазами, ответил Рудольф. – Я вас совсем не знаю.

– Правильно, Руди, никогда не открывайся полностью. В этом моя беда: я слишком откровенный. Что у меня на уме, то и на языке. – И снова повернулся к Гретхен: – Да, я обещал взять его сегодня в театр на твой спектакль, а после пойдем в ресторан и вместе поужинаем.

– К сожалению, сегодня я занят. Как-нибудь в другой раз, – ответил Рудольф. – Гретхен, в этой сумке кое-что для тебя. Меня просили передать.

– Что это? От кого?

– От человека по имени Бойлан.

– О! – Она встала с дивана и подошла к сумке. – Подарок? Как мило! – Подняв сумку, она поставила ее на стол и открыла. Увидев, что внутри, она поняла, что догадалась с самого начала. – Боже, я совсем забыла, какое оно красное, – спокойно заметила она, приложив к себе платье.

– Ну и ну!.. – восхищенно воскликнул Вилли.

Рудольф внимательно наблюдал за ними.

– Напоминание о моей развратной юности, – сказала Гретхен и похлопала Рудольфа по руке. – Не беспокойся, Вилли все знает о мистере Бойлане.

– О, я пристрелю его как собаку. Как только увижу. Жаль, что я уже сдал свой пистолет.

– Мне его оставить, Вилли? – с сомнением спросила Гретхен.

– Разумеется. Если, конечно, на тебе оно сидит лучше, чем на Бойлане.

– А каким образом и почему он передал его через тебя? – спросила она, кладя платье на стол.

– Мы с ним случайно познакомились и с тех пор иногда встречаемся, – ответил Рудольф. – Он просил меня дать ему твой адрес, но я не дал.

– Передай, я очень ему благодарна и каждый раз, надевая это платье, буду его вспоминать.

– Если хочешь, можешь сама сказать ему об этом. Он меня сюда привез и сейчас ждет в баре на Восьмой улице.

– Действительно, почему бы нам всем вместе не пойти туда и не выпить с этим типом? – сказал Вилли.

– Я не хочу с ним пить, – сказала Гретхен.

– Так ему и передать? – спросил Рудольф.

– Да, так и передай.

Рудольф встал.

– Пожалуй, мне пора.

– Не забудь сумку, – напомнила Гретхен и с любопытством посмотрела на брата. – Руди, ты часто с ним встречаешься?

– Раза два в неделю.

– Он тебе нравится?

– Не знаю. Я многому у него научился.

– Будь осторожен, – предупредила она.

– Не волнуйся. – Рудольф протянул Вилли руку. – До свиданья. Спасибо за пиво.

– Ну, теперь ты знаешь к нам дорогу. Приезжай в любое время. Буду рад тебя видеть. – Вилли тепло пожал ему руку.

Гретхен открыла ему дверь. Он замешкался, словно хотел сказать что-то еще, но потом просто помахал им и ушел.

– У тебя славный брат. Мне бы хотелось быть на него похожим, – сказал Вилли.

– Ты и так ничего.

– Для своего возраста он ужасно взрослый.

– Пожалуй, даже слишком, – сказала Гретхен. – Он чересчур расчетливый... О чем вы говорили до моего прихода?

– Он интересовался моей работой. Полагаю, ему показалось странным, что приятель его сестры сидит днем дома, а сестра в это время зарабатывает на хлеб насущный. Надеюсь, я сумел его успокоить.

Вилли работал в новом журнале, который недавно организовал один его знакомый. Журнал публиковал материалы, посвященные радио, основная работа Вилли заключалась в том, чтобы слушать дневные передачи, и он предпочитал делать это дома, а не в маленькой прокуренной редакции, битком набитой народом. Ему платили девяносто долларов в неделю, и с теми шестьдесятю, которые зарабатывала Гретхен, им в общем-то вполне хватало, однако к концу недели они неизменно оставались без гроша, так как Вилли любил рестораны и допоздна засиживался в барах.

– Ты сказал ему, что ты еще и драматург? – спросила Гретхен.

– Нет. Пусть потом сам узнает.

Вилли до сих пор не показал ей свою пьесу. У него было пока написано всего полтора акта, и он собирался все переделывать заново.

– Надень платье. Давай посмотрим, как оно на тебе выглядит, – предложил он, подавая ей платье. Гретхен пошла в спальню. Уходя на работу, она аккуратно убирала кровать, но сейчас постель была в беспорядке: Вилли любил

поспать после обеда. Они жили вместе немногим больше двух месяцев, но Гретхен успела досконально изучить его привычки. Его вещи были разбросаны по всей комнате, а корсет валялся на полу у окна. Гретхен улыбнулась. Детская неряшливость Вилли была ей симпатична. Она получала удовольствие, убирая за ним.

С трудом застегнув молнию на платье, она критически оглядела себя в зеркале. Вырез на груди, пожалуй, был слишком глубоким. Женщина в красном платье, смотревшая на нее из зеркала, казалась старше, чем она, – настоящая жительница Нью-Йорка, уверенная в своей привлекательности, женщина, которая, не боясь конкуренции, может войти в любую дверь. Когда она вернулась в гостиную, Вилли, открывавший следующую бутылку пива, восхищенно присвистнул:

– Ты разишь наповал!

– Я в нем не слишком голая?

– Любой мужчина, увидев на тебе это платье, захочет немедленно его с тебя снять. – Он подошел и расстегнул молнию у нее на спине. – А что, собственно, мы делаем в этой комнате?

Они прошли в спальню и быстро разделись. В тот единственный раз – когда она мерила это платье при Бойлане – получилось точно так же. Но близость с Вилли была совсем другой: нежной, ласковой, безгрешной – естественной и неотделимой частью их совместной жизни.

Вилли осторожно перекатился на спину, и они лежали молча, держась за руки, как дети. В комнате было темно. Свет пробивался лишь из открытой двери гостиной.

– А теперь, когда ты испытала на мне свою власть, может, поговорим? Как у тебя прошел сегодня день? – закуривая, спросил он.

Гретхен заколебалась. Не сейчас, потом, подумала она.

– Как обычно. Гаспар снова ко мне приставал. – Гаспар играл в пьесе главную роль. – Тебе не кажется, что ты должен поговорить с ним? Сказать, чтобы он оставил твою девушку в покое. А может, просто дать ему по морде.

– Он меня убьет! – нисколько не стесняясь, сказал Вилли. – Он здоровый как бык.

– Я полюбила труса. – Гретхен поцеловала его в ухо. – Если бы кто-нибудь к тебе приставал, я бы ее тут же убила.

– Это уж точно, – рассмеялся Вилли.

– Сегодня в театр приходил Николс. Он обещал в следующем году дать мне роль в новой пьесе. Большую роль.

– Ты станешь звездой, – сказал Вилли. – Твое имя будет светиться на афишах, и ты выбросишь меня, как старый башмак.

«Не все ли равно, когда он об этом узнает – сейчас или потом», – подумала она.

– В следующем сезоне я, по-видимому, вообще не смогу работать.

– Как так? – Приподнявшись на локте, он с удивлением посмотрел на нее.

– Я была сегодня утром у врача, – сказала она. – Я беременна.

Вилли сел и потушил сигарету в пепельнице.

– Схожу попить. – Он неловко поднялся с кровати и, накинув старый халат, прошел в гостиную. Гретхен услышала, как он наливает себе пива. Она лежала в темноте и чувствовала себя брошенной. «Не надо было говорить ему, – подумала она. – Теперь все кончено». И тут же решила: если начнет возражать, скажу, что сделаю аборт. Она знала, что никогда не решится на аборт, но сказать – скажет.

Вилли вернулся в спальню. Она включила свет у кровати. Этот разговор должен состояться при свете: выражение его глаз скажет ей больше, чем слова.

– Слушай. Слушай очень внимательно, – садясь на край кровати, сказал Вилли. – Я или получу развод, или убью эту стерву. Потом мы поженимся, и я поступлю на курсы молодых матерей, научусь пеленать и кормить младенцев. Вы меня поняли, мисс Джордах?

Гретхен внимательно посмотрела ему в лицо. Он не шутил.

– Я поняла тебя, – тихо ответила она.

Когда с сумкой в руке Рудольф вошел в бар, Бойлан в твидовом пальто стоял у стойки, глядя в свой стакан.

– Почему ты с сумкой? – спросил он.

– Она ее не взяла.

– А платье?

– Платье взяла.

– Что будешь пить?

– Пиво.

– Пожалуйста, одно пиво, – подозвал Бойлан бармена. – А мне еще виски.

– Бойлан кинул взгляд на свое отражение в зеркале на стене. Брови у него стали еще светлее, чем на прошлой неделе. Лицо было покрыто густым загаром, точно он несколько месяцев провел на пляже где-нибудь на юге. Рудольф уже знал, что этот загар достигается с помощью кварцевой лампы. «Я слежу за тем, чтобы всегда выглядеть как можно лучше, даже если ни с кем не встречаюсь по нескольку недель. Из своего рода самоуважения», – как-то объяснил ему Бойлан. Рудольф и так был очень смуглым, поэтому он считал, что может уважать себя, даже не пользуясь кварцем.

Бармен поставил перед ними пиво и виски. Когда Бойлан взял свой стакан, пальцы его слегка дрожали. «Интересно, сколько же он успел выпить?» – подумал Рудольф.

– Ты сказал ей, что я здесь? – спросил Бойлан.

– Да.

– Она придет?

– Нет. Ее друг хотел пойти и познакомиться с вами, но она была против.

– Скрывать правду не имело смысла.

– Они случайно не женаты?

– Нет. Он все еще женат на другой.

Бойлан снова посмотрел на свое отражение в зеркале.

– А что он за человек? Тебе понравился?

– Молодой, довольно симпатичный и все время шутит.

– Шутит... – повторил Бойлан. – Впрочем, почему бы ему и не шутить?.. У

них хорошая квартира?

– Двухкомнатная, меблированная в доме без лифта.

– У твоей сестры романтическое пренебрежение к богатству. Когда-нибудь она пожалеет об этом, как и о многом другом.

– Мне показалось, что она счастлива, – заметил Рудольф. Ему были неприятны предсказания Бойлана, и он не хотел, чтобы Гретхен о чем-нибудь пожалела.

– Ты передал ей, что мое предложение остается в силе?

– Нет. По-моему, вам лучше сделать это самому. Кроме того, не мог же я сказать ей это в присутствии ее парня.

– А почему бы и нет?

– Тедди, вы слишком много пьете.

– Да? Возможно. Значит, ты не хочешь сходить к ним еще раз? Со мной?

– Вы же знаете, я не могу этого сделать.

– Да, знаю. В вашей семье никто ни на что не способен.

– Вот что. Я могу сесть в поезд и вернуться домой. Прямо сейчас.

– Извини, Рудольф, – Бойлан слегка дотронулся до его руки. – Все это время я стоял здесь и думал: «Вот сейчас она войдет вместе с тобой». А она не пришла. Прости мне мою бестактность – я просто расстроился. Извини. Ты, конечно, никуда один не поедешь. Мы с тобой свободные люди, так давай воспользуемся этим и устроим себе веселую ночь в Нью-Йорке. Здесь недалеко есть неплохой ресторан. С него и начнем.

После ужина, который, как заметил Рудольф, поглядев на счет, стоил больше двенадцати долларов, они зашли в ночной клуб, расположенный в каком-то подвале. Там было полно молодежи, большей частью негров, но за приличные чаевые Бойлан немедленно получил столик, стоявший вплотную к маленькой танцевальной площадке. Музыка была оглушительна и прекрасна. В восторге от оркестра Рудольф, подавшись всем телом вперед, не спускал глаз с негра-трубача, а Бойлан откинулся на спинку стула, весь ушел в себя, курил и пил виски. Рудольф тоже заказал виски – надо же было что-то заказать, – но даже не притронулся к своему стакану: Бойлан столько выпил за сегодняшний день, что обратно машину придется вести ему, Рудольфу, и надо быть абсолютно трезвым.

– Тедди! – перед их столиком остановилась женщина в коротком вечернем платье с голыми руками и плечами. – Тедди Бойлан! А я думала, ты уже умер.

– Привет Сисси, – ответил Бойлан, вставая. – Как видишь, я не умер.

Женщина обняла его за шею и поцеловала в губы. Бойлан с раздражением отвернулся. Рудольф нерешительно поднялся со стула.

– Где ты прятался все это время? – Она отступила на шаг, продолжая держать Бойлана за рукав. Драгоценности, которыми она был увешана, как новогодняя елка, сверкали, переливаясь. Рудольф не мог определить, настоящие они или подделка. То и дело поглядывая на Рудольфа, она улыбалась. – Я тебя сто лет не видела, – продолжала она, не дожидаясь ответа и по-прежнему беззастенчиво глядя на Рудольфа. – Ходили просто невероятные слухи! Идем за наш столик. Там собралась вся наша компания. Сузи, Джек,

Карен... Они жаждут тебя увидеть. Ты выглядишь просто замечательно. Совсем не постарел. Идем, и захвати своего обворожительного приятеля. Я что-то не расслышала, как его зовут, дорогой.

– Разреши представить тебе мистера Рудольфа Джордаха, – сухо сказал Бойлан. – Рудольф – это миссис Сайке.

– Друзья зовут меня просто Сисси, – вставила женщина и снова повернулась к Бойлану. – Он само очарование! Теперь понятно, почему ты нам изменил.

– Не будь большей идиоткой, чем тебя создал бог, Сисси, – раздраженно сказал Бойлан.

– А ты все такой же противный, Тедди, – хихикнула женщина. – Обязательно подойди к нашей компании. – Игриво помахав рукой, она повернулась и сквозь лабиринт столиков направилась в конец зала.

Бойлан опустился на стул и показал Рудольфу, чтобы тот тоже сел. Щеки Рудольфа пылали, но, к счастью, в зале было темно.

– Глупая женщина, – сказал Бойлан, допивая виски. – У меня с ней был роман до войны. Она очень постарела. – И, не глядя на Рудольфа, предложил:

– Давай уйдем отсюда. Здесь очень шумно и слишком много чернокожих братьев. Все это напоминает мне рабовладельческое судно после успешного бунта рабов.

Миссис Сайке была единственной из знакомых Бойлана, кому он представил Рудольфа, и, если все его знакомые походили на нее, неудивительно, что он предпочитал жить на холме в полном одиночестве.

Выйдя на Четвертую улицу, они зашагали туда, где Бойлан оставил машину. Шли мимо темных витрин магазинов, мимо баров, откуда доносились музыка и громкие голоса.

– Нью-Йорк истеричен, – сказал Бойлан. – Он похож на неудовлетворенную психопатку. Боже, сколько времени я потерял здесь зря... Извини за эту ведьму. – Встреча в баре явно вывела его из равновесия. – Люди – скоты... Когда в следующий раз поедем в Нью-Йорк, захвати свою девушку. Ты слишком впечатлительный, чтобы окунаться в такую грязь.

– Хорошо, я приглашу ее, – ответил Рудольф, хотя знал, что Джули никогда не согласится. Она не желала поддерживать с Бойланом дружеских отношений, называла его «хищником» и «пергидролевым блондином».

Прислонясь спиной к стене гаража и жуя травинку, Томас сидел на расшатанном стуле и глядел на дровяной склад напротив. День был ясный, солнечный, и осенние листья отливали медью. До двух часов нужно было успеть сменить масло в машине одного клиента. Но Томас не торопился. Накануне вечером он подрался на школьном балу. Тело у него ныло, руки распухли.

Дядя Харольд вышел из своей маленькой конторы позади заправочной станции. Томас знал, что дяде неоднократно жаловались на него и доносили про драки, но дядя Харольд ни разу не говорил с ним об этом. С некоторых пор он вообще не делал Томасу никаких замечаний. Последние дни дядя Харольд выглядел плохо. Пухлое розовое лицо его пожелтело и обвисло, и на нем

застыло опасливое выражение, словно он в любую минуту ждал взрыва бомбы. Этой бомбой был Томас. Ему достаточно было лишь намекнуть тете Эльзе об отношениях между дядей и Клотильдой – и в доме Джордахов надолго замолкли бы дуэты Тристана и Изольды. Томас, конечно, не собирался ничего сообщать тетке, но и не посвящал дядю Харольда в свои намерения. Пусть помучается.

Томас перестал брать с собой завтраки из дому. Три дня подряд он оставлял лежать на кухонном столе пакет с фруктами и бутербродами, приготовленными Клотильдой. Она ничего ему не говорила, но через три дня поняла, в чем дело, и пакет с завтраком больше на столе не появлялся. Теперь Томас ел в столовой недалеко от гаража. Это было ему по средствам: дядя Харольд повысил ему зарплату на десять долларов. Скотина.

– Если меня спросят, я в демонстрационном зале, – сказал дядя Харольд. Томас продолжал молча глядеть через дорогу. Дядя Харольд вздохнул, сел в машину и уехал.

Вскоре к бензоколонке подкатил «форд» миссис Дорнфилд. Томас нехотя подошел к нему.

– Привет, Томми, полный бак, пожалуйста, – попросила миссис Дорнфилд, пухленькая блондинка лет тридцати с разочарованными, по-детски голубыми глазами. Ее муж работал кассиром в банке, и это было крайне удобно, потому что миссис Дорнфилд всегда знала наверняка, где он в рабочее время. – Было бы очень мило, если бы ты нанес мне сегодня визит. – Она неизменно именовала это визитом. Говорила она ужасно жеманно.

– Если я смогу освободиться, – ответил Томас, не зная, какое у него будет настроение после обеда. Иногда за такие «визиты» он получал от нее десять долларов. По-видимому, мистер Дорнфилд почти совсем не давал жене денег.

После «визитов» к миссис Дорнфилд на воротничке у него всегда оставались следы губной помады, и он нарочно не отмывал их, чтобы Клотильда, собирая белье в стирку, увидела. Но это не помогало. И вообще – ничто не помогало. Ни миссис Дорнфилд, ни миссис Берримэн, ни близнецы... Свиньи они все, и больше ничего. Ни одна из них не могла заставить его забыть Клотильду. Том был уверен: Клотильде известно о его похождениях – в этом вонючем городке ничего не скроешь – и надеялся, что она страдает так же, как и он. Но если она и страдала, то виду не показывала.

Томас куском хлеба подбирал соус с тарелки, когда в столовую вошел полицейский Джо Кунц.

– Томас Джордах? – спросил он, подойдя к Томасу.

– Привет, Джо, – ответил Томас. Раза два в неделю Кунц обязательно заглядывал в гараж. Он вечно грозился, что уйдет из полиции – там очень мало платили.

– Ты признаешь, что ты Томас Джордах? – официальным тоном спросил Кунц.

– Ты, по-моему, знаешь, как меня зовут. Что за шутки?

– Идем со мной, сынок. У меня ордер на твой арест. – Он взял Томаса за локоть.

– У меня еще заказан пирог и кофе. Убери лапы, Джо, – огрызнулся Том.
– Заплати, сынок, и не поднимай шума.
– Ладно, ладно, – Томас положил на стойку восемьдесят пять центов и встал. – Черт побери, Джо, ты мне так руку сломаешь!

– Ты обвиняешься в изнасиловании несовершеннолетних, – сказал сержант Хорвас. – Я сообщу твоему дяде. Он может нанять тебе адвоката. Уведите его.

Кунц, подталкивая Томаса в спину, вывел его в коридор и препроводил в камеру. Там уже был один заключенный – заросший недельной щетиной худой мужчина лет пятидесяти, в лохмотьях. Его арестовали за браконьерство. Он подстрелил оленя. Его двадцать третий раз за это сажают, сказал он Томасу.

Харольд Джордах нервно расхаживал по платформе. Как назло именно сегодня поезд опаздывал. Всю ночь Харольд не сомкнул глаз. Эльза плакала и твердила, что они опозорены на всю жизнь, что ей теперь стыдно будет показаться в городе, что он был круглым дураком, согласившись взять в дом этого скота.

Она права. Он действительно идиот. А все потому, что доброе сердце. Ну и что из того, что они родственники, – в тот день, когда Аксель позвонил, ему следовало отказаться. Харольд вспомнил о том, что Томас там, в тюрьме, точно обезумев, без всякого стыда и совести признавался во всем и называл фамилии. Кто знает, что он еще расскажет? Этот маленький негодяй ненавидит его. Как можно поручиться, что он не разболтает о покупке талонов на бензин на черном рынке, о продаже подержанных автомашин с коробками передач, которые не выдержат больше ста миль, о спекуляции новыми машинами в обход закона о контроле цен и о «ремонте» поршней и клапанов в автомобилях, где всего лишь засорился бензопровод? А если он и про Клотильду расскажет? Стоит впустить такого парня в дом, и ты у него в руках. Харольд даже вспотел, хотя на вокзале было холодно и дул сильный вр.

Он надеялся, что Аксель привезет с собой достаточно денег. И метрику Томаса. Он послал Акселю телеграмму с просьбой позвонить ему – у Аксея телефона не было. Для пущей уверенности составил телеграмму так, чтобы она звучала как можно тревожнее, и все же почти удивился, когда его телефон зазвонил и на другом конце провода раздался голос брата.

Наконец поезд прибыл, из вагонов вышли несколько человек и торопливо зашагали прочь. Харольда на мгновение охватила паника. Аксея нигде не было видно. Это вполне в духе Аксея – взвалить все сложности на него одного. Вообще Аксель странный отец: он ни разу не написал ни Томасу, ни ему. И мать Томаса, эта тощая высокомерная кляча, шлюхино отродье, тоже не написала сыну ни строчки, как, впрочем, и двое других ее детей. От такой семейки всего можно ожидать.

И вдруг он увидел Аксея: крупный мужчина в драповом пальто и кепке, прихрамывая, шагал к нему по платформе. «Не мог одеться получше», – подумал Харольд. Он был рад, что уже стемнело и вокруг мало народу.

– Ну вот. Я приехал, – сказал Аксель. Он даже не протянул брату руку.
– Здравствуй. Я уже боялся, ты не приедешь. Привез деньги?
– Пять тысяч.

– Надеюсь, этого хватит.

– В любом случае больше у меня нет, – отрезал Аксель. Он очень постарел и выглядел больным, а его хромота стала еще заметнее.

– Ты ужинал? У Эльзы найдется что-нибудь в холодильнике.

– Не будем терять времени, – сказал Аксель. – Кому я должен отдать деньги?

– Отцу. Абрахаму Чейсу. Он один из самых влиятельных людей в городе. Надо же было твоему сыну так влипнуть. Фабричные девчонки ему, видите ли, не по вкусу, – сокрушенно покачал головой Харольд. – Чейсы – одна из старейших семей в городе. Практически все здесь принадлежит им. Тебе повезет, если он возьмет у тебя деньги.

– Это точно.

Они сели в машину и поехали к дому Чейса.

– Я звонил ему, – продолжал Харольд. – Сказал, что ты приедешь. Он буквально вне себя. И его можно понять. Когда человек приходит домой и вдруг узнает, что его дочь беременна, уже мало хорошего, но когда беременны сразу *обе* !.. А они у него к тому же близнецы... Но это еще не все. Томас успел избить в Элизиуме человек десять. – Слухи о драках Томаса докатились до Харольда уже в несколько преувеличенном виде. – Странно, что его до сих пор не сажали. Все его боятся. И вполне естественно, что, когда случился этот скандал, все свалили на него. А кто из-за этого пострадал? Я и Эльза.

– Откуда известно, что виноват именно мой сын? – спросил Аксель, пропуская мимо ушей последнюю реплику брата.

– Близнецы сами сказали об этом своему отцу. Вообще-то они переспали почти со всеми парнями в городе, даже взрослых мужчин не пропускали. Всем это известно. Но когда нужно было решить, кто виноват, естественно, первым всплыло имя твоего сына. Никто ведь не скажет, что виноват симпатичный сыночек соседа, или полицейский Кунц, или парнишка из Гарвардского университета, чьи родители два раза в неделю играют с Чейсами в бридж. Они хитрые, эти две сучки. А твой Томас, чтобы пустить девчонкам пыль в глаза, сказал, что ему девятнадцать. Мой адвокат говорит, что парня младше восемнадцати не могут посадить за изнасилование несовершеннолетних.

– Тогда в чем же дело? Я привез его свидетельство о рождении.

– К сожалению, все не так просто, – сказал Харольд. – Мистер Чейс клянется, что упечет его в тюрьму как малолетнего преступника и он будет там сидеть, пока ему не исполнится двадцать один год. И это в его силах. А Томас к тому же все себе портит, утверждая, будто лично знает по крайней мере человек двадцать, которые спали с этими девицами, да еще называет фамилии. Это всех только злит. Он ослабил весь город, и даром ему это не пройдет...

– У тебя хорошие отношения с этим Абрахамом? – прервал его Аксель.

– Чисто деловые. Он купил у меня «линкольн». Но в общем-то мы вращаемся в разных кругах... Проклятая война. Если бы ты знал, чего мне стоило эти четыре года удержаться на поверхности. И вот сейчас, когда я наконец-то вздохнул спокойнее, надо же было такому случиться.

– Похоже, дела у тебя идут не так уж плохо, – заметил Аксель.

– Одна видимость, – ответил Харольд. Если брат собирается занять у него денег, то он обратился не по адресу.

– А где гарантия, что Абрахам, взяв у меня деньги, не отправит парня в тюрьму? – спросил Аксель.

– Мистер Чейс – человек слова. Перед ним весь город на цыпочках ходит – и полицейские, и судьи, и мэр. Если он тебе скажет, что дело замнут, значит, так и будет.

Братья подъехали к белому особняку с большими колоннами и вылезли из машины, Харольд позвонил в дверь. Он снял шляпу и прижал ее к груди, точно присутствовал при торжественном поднятии флага. Аксель остался в кепке.

Дверь открылась. На пороге стояла горничная.

– Мистер Чейс ждет вас, – сказала она.

В дверях камеры появился Кунц.

– Выходи, Джордах, – сказал он. С тех пор как Томас рассказал адвокату, нанятому дядей Харольдом, что Кунц тоже был в числе тех, кто спал с сестрами-близнецами, полицейский не проявлял к Томасу особого дружелюбия. Кунц был женат и имел троих детей.

Аксель, дядя Харольд и адвокат ожидали его в кабинете Хорваса. Том сразу заметил, какой больной вид у отца. Даже в тот день, когда отец его ударил, Аксель выглядел лучше.

– Томас, – обратился к нему адвокат, – я рад сообщить тебе хорошую новость. Все решилось как нельзя лучше. Ты свободен.

– Вы хотите сказать, что никто меня здесь не держит? – спросил Томас, с сомнением оглядев сидящих в кабинете мужчин. Лица у всех них были отнюдь не радостными.

– Совершенно верно, – ответил адвокат.

– Пошли. Я уже и без того потерял достаточно времени в этом вонючем городе. – Аксель резко повернулся и, прихрамывая, вышел. На улице ярко светило солнце. В камере окон не было, и, сидя там, невозможно было определить, какая на улице погода. Отец и дядя Харольд шли по обе стороны от Томаса, и он по-прежнему чувствовал себя под арестом.

В машине Аксель уселся спереди рядом с братом, Томас в одиночестве сидел на заднем сиденье. Он ни о чем не спрашивал.

– Если тебе интересно знать, я тебя выкупил, – сказал Аксель. Он даже не повернулся к Томасу и говорил, уставившись прямо перед собой. – Отдал этому Шейлоку пять тысяч за его фунт мяса. Наверно, еще никто не платил таких денег за полчаса с девкой. Надеюсь по крайней мере ты получил тогда удовольствие.

Томасу хотелось сказать отцу, что он жалеет о случившемся и когда-нибудь постарается вернуть отцу эти деньги, но у него не поворачивался язык.

– Только не думай, что я сделал это ради тебя или ради Харольда... – продолжал Аксель. – Помри вы оба хоть сегодня, у меня бы даже аппетит не испортился. Я сделал это ради единственного стоящего человека в семье – ради твоего брата Рудольфа. Я не хочу, чтобы он начинал взрослую жизнь, имея

вместо приданого брата-каторжника. Мы с тобой сегодня видимся последний раз. Я не желаю больше тебя знать. Сейчас я сяду на поезд, уеду домой, и между нами все кончено. Ясно?

– Ясно, – ответил Томас.

– Ты тоже сегодня же уедешь из города, – дрожащим голосом подхватил дядя Харольд. – Это условие мистера Чейса, и я с ним полностью согласен. Я отвезу тебя сейчас домой, ты соберешь свои вещи и больше ни одной ночи не останешься под моей крышей. Это тебе тоже ясно?

– Да, да, – раздраженно сказал Томас. Пусть он катится вместе со своим городом ко всем чертям. Кому нужна эта дыра?

Больше они не разговаривали. Дядя Харольд подвез Аксея к вокзалу, где тот вышел и, не сказав ни слова и даже не закрыв за собой дверцу, захромал прочь.

В комнатке на чердаке на его кровати лежал старый, потрепанный чемодан. Томас узнал его. Чемодан принадлежал Клотильде. Простыни с кровати были сняты, а матрас скатан, точно тетя Эльза боялась, что племянник решит вздремнуть несколько минут перед отъездом.

Томас быстро побросал в чемодан свои немногочисленные пожитки: несколько рубашек, нижнее белье, носки, вторую пару туфель и свитер. Затем снял рабочий комбинезон, в котором его арестовали, и переделся в новый серый костюм, купленный ему тетей Эльзой на день рождения. Закрыв чемодан, он спустился вниз и пошел на кухню – ему хотелось поблагодарить Клотильду за чемодан, но ее в кухне не было.

В столовой стоял дядя Харольд и доедал большой кусок яблочного пирога, запихивая его в рот дрожащими пальцами. Он всегда ел, когда нервничал.

– Если ты ищешь Клотильду, не трать силы попусту, – сказал дядя Харольд. – Я отправил ее в кино вместе с девочками и Эльзой.

Что ж, подумал Томас, по крайней мере она хоть кино посмотрит. Нет худа без добра.

– У тебя есть деньги? – спросил дядя Харольд, с жадностью глотая пирог.

– Я не хочу, чтобы тебя арестовали за бродяжничество и все началось сначала.

– Есть, – сказал Томас. У него был двадцать один доллар и мелочь.

– Прекрасно. Давай сюда ключи.

Томас достал из кармана ключи и положил их на стол. Ему хотелось бросить остатки пирога в физиономию дяде Харольду. Но что бы это изменило?

Они глядели друг на друга в упор. На подбородке у Харольда повисли крошки пирога.

– Поцелуйте за меня Клотильду, – сказал он и вышел из дома.

На вокзале он купил билет за двадцать долларов, чтобы уехать от Элизиума как можно дальше.

холодный взгляд смущал Рудольфа: он чувствовал себя неуверенно, когда кому-то не нравился, пусть даже кошке.

Он пытался завоевать ее расположение: лишний раз подливал в миску молока, гладил, приговаривал: «Хорошая киса, хорошая», но кошка знала, что все это притворство, и, свернувшись в клубочек, обдумывала план убийства.

Отец уехал три дня назад. Из Элизиума не поступало никаких известий, и Рудольф не знал, сколько еще ночей ему придется спускаться в подвал, стоять у раскаленной печи в мучной пыли и ворочать немеющими руками тяжеленные противни с булочками. Он не понимал, как отец мог выносить это всю свою жизнь год за годом. Уже после трех ночей в пекарне Рудольф совершенно обессилел, лицо у него осунулось, под глазами появились синяки. Утром ему по-прежнему приходилось вставать в пять часов и на велосипеде развозить булочки покупателям. А после этого еще школа... Завтра экзамен по математике, а у него даже не было времени к нему подготовиться.

Весь потный, в муке, сражаясь с огромными жирными противнями, Рудольф превратился в призрачное подобие собственного отца, он шатался под бременем наказания, которое его отец покорно сносил шесть тысяч ночей. Хороший, преданный сын... Плевать ему на это. Он горько сожалел, что по праздникам, когда работы в пекарне бывало особенно много, помогал отцу и почти выучился его профессии. Томас куда умнее – пусть семья катится ко всем чертям. И какие бы у него ни были неприятности – получив телеграмму из Элизиума, Аксель ничего не объяснил Рудольфу, – Томасу все-таки сейчас лучше, чем его брату, покорно выполняющему сыновний долг в пышущем жаром подвале.

А уж про Гретхен и говорить нечего – шестьдесят долларов за то, чтобы просто пройтись по сцене три раза в неделю...

Рудольф подсчитал, какой приблизительно доход приносила Джордаху пекарня и оказалось, что за вычетом арендной платы и прочих расходов, включая тридцать долларов вдове, торговавшей сейчас в булочной вместо заболевшей матери, прибыль составляла всего шестьдесят долларов в неделю. Он тут же вспомнил, как в Нью-Йорке Бойлан только за один их ужин в ресторане заплатил двенадцать долларов. А сколько еще за выпитое ими в тот день!

С остервенением он сунул в духовку следующий противень.

Его разбудили голоса. Он застонал. Неужели уже пять часов? Так быстро? Машинально поднялся с кровати и с удивлением заметил, что одет. Он тупо потряс головой – как это так? Мутными глазами взглянул на часы – четверть шестого. Только теперь до него дошло – сейчас не утро, а вечер. Вернувшись из школы, он бросился на кровать, чтобы немного отдохнуть перед ночной работой, и не заметил, как уснул. Послышался голос отца. Значит, тот вернулся, пока он спал. У него тотчас мелькнула эгоистическая мысль: сегодня ночью работать не придется. Он снова лег.

Снизу доносились голоса. Один высокий, возбужденный, другой низкий, пытающийся что-то объяснить. Мать с отцом ругались. Он слишком устал, и ему все было безразлично, но заснуть он уже не мог и невольно стал

прислушиваться.

Мэри Пейс Джордах перебиралась в комнату Гретхен. С трудом переставляя больные ноги, она выносила из спальни, которую ненавидела двадцать лет, все свои вещи и сваливала их на кровать, где когда-то спала Гретхен.

– Хватит, – бубнила она свой нескончаемый монолог, – с этой комнатой покончено. Я, конечно, опоздала на двадцать лет, но теперь уж наконец избавилась. Никому нет до меня никакого дела. С сегодняшнего дня буду жить, как захочу. Больше не собираюсь плясать под дудку дурака, который – подумать только! – ездил через всю страну, чтобы отдать совершенно незнакомому человеку пять тысяч долларов! Сбережения всей жизни! *Моей жизни*. Я гнула спину день и ночь. Во всем себе отказывала. Чтобы скопить эти деньги, состарилась раньше времени. Мой сын собирался поступать в колледж, стать джентльменом. А теперь он никуда не поступит и никем не станет, потому что моему распрекрасному муженьку приспичило показать свое благородство и отдать миллионерам в Огайо тысячи долларов, чтобы его драгоценный братец с толстухой женой не краснели, отправляясь в оперу на своем «линкольне».

– Я сделал это не ради своего брата и не ради его толстухи, – сказал Аксель Джордах. Он сидел на кровати, бессильно свесив руки между колен. – Я уже объяснял тебе, я сделал это для Руди. Какой ему смысл поступать в колледж, если потом вдруг выяснится, что у него брат в тюрьме?

– А ему там самое место. Если ты намерен отдавать по пять тысяч долларов каждый раз, когда его хотят посадить в тюрьму, бросай пекарню и займись лучше нефтяным бизнесом или стань банкиром. Ты наверняка думал, что делаешь доброе дело, когда отдал этому человеку деньги! Небось еще и *гордился*! Как же! Твой сын. Яблочко от яблони... Весь в отца. Одной девушки ему мало! Нет, он же сын Акселя Джордаха! Ему подавай сразу двоих! Что ж, если Аксель Джордах хочет показать, что он великолепный мужчина в постели, пусть лучше подыщет себе пару девочек-близнецов. В этом доме ему больше ничего не перепадет. Моя Голгофа кончилась.

– Господи, – вздохнул Рудольф. – Голгофа?

– Мерзость! Скотство! – взвизгнула Мэри. – Из поколения в поколение. Твоя дочь тоже хороша – шлюха! Я видела деньги, которые она получила от мужчины за свои услуги. *Восемьсот долларов*! Я их видела собственными глазами. Она прятала их в книге. Восемьсот долларов! Твои дети продают себя задорого! Ничего, я теперь тоже назначу себе цену. Если тебе от меня что-нибудь нужно, если хочешь, чтобы я торговала в булочной или пускала тебя к себе в постель, – плати! Мы платим этой вдове тридцать долларов в неделю, а она выполняет только половину моей работы – ночью она спит у себя дома. Так вот, моя цена – тридцать долларов в неделю! И это еще по-божески. Но только сначала верни мне то, что ты уже задолжал. По тридцать долларов в неделю за двадцать лет – это тридцать тысяч. Когда положишь эти тридцать тысяч мне на стол, тогда и буду с тобой разговаривать, не раньше. – Она схватила последние узлы со своими вещами, стремительно вошла в комнату

Гретхен и с шумом захлопнула за собой дверь.

Джордах покачал головой, встал и, хромая, поднялся к сыну. Тот лежал на кровати, глядя в потолок.

– Ты, наверно, все слышал? – спросил Джордах.

– Да.

– Извини, – не глядя на него, сказал отец. – Ну ладно. Я схожу в булочную, посмотрю, как там дела.

– Я вечером спущусь тебе помочь, – сказал Рудольф.

– Не надо, спи. Там тебе делать нечего. – И он вышел из комнаты.

11

Лампочки в подвале у Бадди Вестермэна горели тускло. Ребята сделали из подвала что-то вроде клуба и часто устраивали там вечеринки. Сегодня собралось человек двадцать девушек и парней. Одни танцевали, другие обнимались в темных углах, третьи просто слушали музыку.

Посреди комнаты, тесно прижавшись друг к другу, покачивались в танце Алекс Дейли и Лайла Белкамп. Все знали – в июне, после окончания школы, они собираются пожениться. Рудольф жалел, что не записал на пленку речь матери в тот вечер, когда отец вернулся из Элизиума, – стоило бы дать послушать Алексу. Такую речь следовало бы давать слушать всем женихам. Может, тогда они не спешили бы идти под венец.

Рудольф сидел на старом поломанном кресле в углу, а Джули устроилась у него на коленях. Кое-кто из девушек тоже сидели на коленях у парней, но Рудольфу не хотелось, чтобы это делала Джули. Ему было неприятно, что его видят в такой ситуации и еще наверняка строят догадки насчет того, какие он испытывает ощущения. Есть вещи слишком интимные, и их нельзя позволять себе при людях. Он не мог себе представить Тедди Бойлана, сидящего при посторонних с девушкой на коленях. Но если бы он намекнул на это Джули, она бы тут же взорвалась.

Джули подала заявление в Барнардский колледж и была уверена, что поступит. Она отлично училась. Рудольфа она убеждала идти в Колумбийский университет. Тогда они были бы в Нью-Йорке совсем рядом. Рудольф делал вид, что пока не решил, в какой университет подавать – Гарвардский или Йельский, у него не хватало мужества признаться Джули, что он вообще не будет никуда поступать.

Джули прижалась к нему, касаясь головой его подбородка, и мурлыкнула. Будь они дома, он бы рассмеялся. Он глядел поверх ее головы на ребят, собравшихся у Бадди Вестермэна. Наверное, он здесь единственный еще ни разу не переспал с женщиной. Бадди, Дейли, Кесслер, как, впрочем, и большинство остальных, конечно, уже прошли через это, хотя, может быть, кое-кто и врал. Но он отличался от всех них не только этим. Интересно, пригласили бы его на эту вечеринку, если бы знали, что его отец убил двоих людей, брат побывал в тюрьме за изнасилование, сестра беременна – она написала ему об этом, чтобы избавиться от неприятного сюрприза, – и живет с

женатым человеком, а мать согласна лечь в постель с отцом, только если тот заплатит ей тридцать тысяч долларов?

Да, Джордахи необычная семья. В этом сомневаться не приходится.

Почти у всех присутствовавших здесь ребят были четкие планы на будущее. У отца Кесслера была своя аптека, и Кесслер собирался окончить фармацевтическую школу, чтобы затем унаследовать дело отца. Отец Смаррета занимался куплей-продажей недвижимого имущества, и сын намеревался поступить в Гарвардский университет, а потом на коммерческие курсы. Семья Лоусонов владела промышленным концерном, и Лоусон-младший решил изучать инженерное дело. Даже у туповатого Дейли все было уже распланировано: вместе со своим отцом он займется поставкой санитарно-технического оборудования.

Рудольф почувствовал жгучую зависть ко всем своим друзьям. С пластинки слетали серебряные кружева кларнета – играл Бенни Гудмен. Рудольф завидовал ему тоже. Пожалуй, больше, чем всем другим.

Сейчас он понимал тех, кто грабил банки.

Ему захотелось уйти отсюда. Все эти дни он страшно уставал. Вдова не могла больше работать полный день, так как ей надо было приглядывать за детьми, и Рудольф теперь не только развозил по утрам булочки, но сразу после школы с четырех дня до семи вечера стоял за прилавком. Спортивные тренировки, конечно, пришлось бросить, как и дискуссионный клуб. Учить уроки не хватало сил, и отметки у него стали хуже. Ко всему прочему он после рождества простудился, и простуда до сих пор не проходила.

– Джули, пошли домой, – предложил он.

Она удивленно выпрямилась у него на коленях.

– Почему? Еще совсем рано, и такая удачная вечеринка.

– Знаю, знаю, – нетерпеливо сказал Рудольф. – Мне просто хочется уйти отсюда.

– Твое дело, я тебя не держу. До дома меня кто-нибудь проводит, – рассердилась она и вскочила с его колен.

Рудольфа подмывало излить ей все, что накопилось у него на душе. Может, тогда бы она поняла.

– Господи! – сказала Джули. На глазах у нее заблестели слезы. – Мы с тобой первый раз за столько месяцев куда-то выбрались, и, едва вошли, ты уже хочешь уйти.

– Просто я отвратительно себя чувствую, – ответил он, вставая.

– Странно. Именно в те вечера, когда ты со мной, ты себя отвратительно чувствуешь. Я уверена, с Тедди Бойланом ты чувствуешь себя прекрасно.

– Оставь Бойлана в покое, Джули. Я с ним уже бог знает сколько не виделся.

– А что случилось? У него кончились запасы пергидроля?

– Очень остроумно, – устало сказал Рудольф.

Джули повернулась и отошла к группе ребят, собравшихся возле проигрывателя.

Рудольф надел пальто и, ни с кем не прощаясь, вышел за дверь. На улице

лил дождь. С реки дул холодный февральский вр. Рудольф закашлялся, поднял воротник, чувствуя, как за шиворот текут капли, и медленно пошел домой. Ему хотелось плакать.

Из оконца подвала пробивался свет. Вечный огонь. Аксель Джордах – неизвестный солдат. «Догадается ли кто-нибудь потушить в подвале свет, если отец умрет?» – подумал Рудольф.

С того вечера, как мать произнесла свой безумный монолог про тридцать тысяч долларов, Рудольф жалел отца. Отец теперь ходил по дому медленно и тихо, как человек, только что вышедший из больницы после тяжелой операции, как человек, услышавший первый зов смерти. Раньше он всегда казался Рудольфу сильным, очень сильным. Голос его гремел по всему дому. Двигался он резко, уверенно. Сейчас же все больше молчал, движения стали робкими, и было что-то тревожное в том, как он с виноватым видом раскладывает перед собой газету или варит себе кофе, стараясь не производить лишнего шума. Неожиданно Рудольф подумал, что отец готовится к смерти. Задумчиво стоя в прихожей, Рудольф впервые за многие годы задал себе вопрос: любит ли он отца или нет?

Он спустился в подвал.

Аксель сидел на скамейке, уставившись взглядом в печь. Рядом с ним на полу стояла бутылка виски. В углу, свернувшись, лежала кошка.

– Привет, пап, – поздоровался Рудольф.

Отец медленно обернулся и кивнул.

– Я зашел узнать, может, тебе нужно помочь?

– Нет, – ответил отец, взял бутылку и сделал маленький глоток. – Ты весь промок. Сними пальто.

Рудольф снял пальто и повесил на крючок.

– Как дела, пап? – Он никогда раньше не задавал отцу подобного вопроса. Джордах тихо хохотнул, но не ответил, а снова приложился к бутылке. Потом сказал:

– Сегодня у меня был гость. Мистер Гаррисон.

Мистер Гаррисон был владельцем дома и каждый месяц третьего числа приходил лично собирать арендную плату.

– Но ведь сегодня не третье, – удивился Рудольф. – Что ему надо?

– Дом собираются сносить. Здесь будут строить новый квартал. Первые этажи пойдут под магазин. Порт-Филип разрастается. Прогресс есть прогресс, как сказал мистер Гаррисон.

– И что ты собираешься теперь делать?

– Не знаю, – пожал плечами Аксель. – Может, пекари нужны в Кельне... Если бы мне посчастливилось встретить у реки какого-нибудь пьяного англичанина в дождливую темную ночь, я, наверное, сумел бы вернуться в Германию.

– Ты это о чем? – настороженно спросил Рудольф.

– А я именно так приехал в Америку. В Гамбурге в одном баре в районе Сан-Паули какой-то пьяный англичанин размахивал пачкой денег. На улице я пошел за ним, догнал и пригрозил ножом. Он начал драться. Тогда я всадил в

него нож, забрал деньги, а его самого спихнул в канал.

– Мне кажется, тебе не следует рассказывать об этом на всех углах, – заметил Рудольф.

– Ты что, собрался сдать меня в полицию? Ну как же. Я совсем забыл – у тебя ведь высокие принципы.

– Пап, ты должен забыть об этом. Какой смысл после стольких лет ворошить прошлое?

– О, я помню не только это. – Аксель рассеянно поднес бутылку ко рту. – Я помню, как наклал в штаны во время отступления на Маас; помню, как воняла моя нога на вторую неделю в госпитале; помню, как в Гамбургском порту таскал мешки с какао, каждый весом сто фунтов, и рана на ноге открылась и кровоточила; я помню, как англичанин, когда я спихивал его в канал, кричал: «Ты не сделаешь этого!». Помню выражение лица человека по имени Абрахам Чейс в Огайо, когда я выложил перед ним на стол пять тысяч долларов, чтобы ему легче было перенести позор своих дочерей. – Аксель снова глотнул виски. – Двадцать лет я работал, и все ушло на то, чтобы вызволить из тюрьмы твоего брата. По мнению твоей матери, я поступил неправильно. Ты тоже так считаешь?

– Нет.

– Теперь тебе будет трудно, Руди, очень трудно. Прости меня. Я старался сделать все, что в моих силах.

– Ничего, как-нибудь выкарабкаюсь, – ответил Рудольф, хотя далеко не был в этом уверен.

– Делай деньги, – продолжал Аксель. – Не позволяй себя дурачить. Не верь всей этой газетной болтовне о других ценностях. Богачи беднякам читают проповеди о ничтожности денег лишь для того, чтобы загребать эти деньги самим и не дрожать за свою шкуру. Будь таким, как Абрахам Чейс. Сколько у тебя сейчас в банке?

– Сто шестьдесят долларов.

– Не расставайся с ними. Не давай ни цента никому. Даже если я приползу к тебе на коленях, умирая с голоду, и попрошу на кусок хлеба. Не давай мне и десяти центов.

– Ты зря так себя разбередил, папа. Пойди приляг. Я поработаю здесь за тебя.

– Нет, тебе здесь не место. Можешь заходить ко мне поболтать, но к противням не прикасайся. У тебя есть дела поинтересней. Учи уроки. Выучивай все! И обдумывай каждый свой шаг, Руди... Грехи отцов!.. Скольким же поколениям страдать? Я ничего не смогу тебе завещать, кроме грехов, но уж их-то больше чем достаточно. Два мертвеца. Все шлюхи, с которыми я спал. И то, что я сделал с твоей матерью. И то, что позволил Томасу расти как сорная трава. Да и кто знает, что теперь делает Гретхен? Похоже, матери кое-что о ней известно. Ты видишься с сестрой? Чем она занимается?

– Тебе лучше не знать об этом.

– Значит, как я и думал, – сказал отец. – Бог все видит. Я не хожу в церковь, но я знаю: бог все видит!

– Ну что ты такое говоришь, – сказал Рудольф. – Ничего он не видит. – Его атеизм был непоколебим! – Просто тебе не повезло. Завтра все может измениться.

– Расплачивайся за свои грехи. Вот что говорит бог.

Рудольфу показалось, что отец уже забыл о нем и, если бы его не было сейчас в подвале, все равно говорил бы то же самое, тем же глухим, отрешенным голосом.

– Плати, грешник, – повторил Аксель. – Я накажу тебя и детей твоих за деяния твои. – Он сделал большой глоток виски и зябко передернул плечами.

– Иди ложись. Мне надо еще поработать.

– Спокойной ночи, пап, – сказал Рудольф и снял пальто с крючка. Отец молча сидел с бутылкой в руках, глядя прямо перед собой невидящим взглядом.

Господи, подумал Рудольф, поднимаясь по лестнице, а я-то считал, что сошла с ума мать.

Аксель глотнул виски и принялся за работу. Он поймал себя на том, что напевает какой-то мотив, но не мог узнать его, и это вызвало у него беспокойство. И вдруг вспомнил: эту песню напевала его мать, возясь на кухне.

Он тихо запел:

Schlaf, Kindlein, schlaf,
Dein Vater hut die Schlaf,
Die Mutter hut die Ziegen,
Wir wollen das Kindlein wiegen.⁵

Родной язык... Далеко же забросила Аксея судьба. А может, недостаточно далеко?

Поставив на стол последний противень с булочками, он подошел к полке и достал жестяную банку с нарисованными на ней черепом и костями. Зачерпнул маленькую ложку порошка, взял наугад булочку, раскатал ее, замесил в тесто порошок, и снова слепил шарик, положил его на противень и сунул в печь. Мое последнее послание этому миру, подумал он.

Подойдя к раковине, он снял с себя рубашку, вымыл лицо, руки, ополоснул грудь. Вытерся куском мешка из-под муки и снова оделся. Потом сел на скамейку и поднес к губам почти пустую бутылку.

Глядя на печь, он мурлыкал себе под нос мотив песни, которую пела его мать на кухне, когда он был еще совсем маленьким.

Точно в положенное время Джордах вытащил противень. Все булочки выглядели одинаково. Он выключил в печи газ, надел пальто и кепку, вышел на улицу и заковылял к реке.

Подойдя к сараю, отомкнул замок и зажег внутри свет. Подхватил лодку и перенес ее на шаткие мостки пристани. Река была беспокойной, волны бежали белыми барашками и, чмокая, ударились о берег. Аксель спустил лодку на воду, легко спрыгнул с мостков на корму, вставил весла в уключины и оттолкнулся от берега.

Течение тут же подхватило лодку и понесло. Он начал выгребать на середину реки. Волны перехлестывали через борт, а в лицо бил дождь. Вскоре лодка глубоко осела. Он продолжал мерно грести. Река мягко несла его к Нью-Йорку, к заливам, к океану.

На следующий день лодку обнаружили у Медвежьей горы. Тело Акселя Джордаха так и не нашли.

Часть вторая

1

1949 год.

Доминик Джозеф Агостино сидел за маленьким письменным столом в комнатке позади гимнастического зала и читал заметку о себе в спортивной колонке газеты.

Три часа, в зале пусто. Самое прекрасное время дня. Члены клуба, в основном пожилые бизнесмены, стремящиеся похудеть, собирались только в пять.

Доминик родился в Бостоне и в свое время был известен среди боксеров под кличкой Бостонский красавчик. Он никогда не обладал сильным ударом, и, чтобы остаться в живых, ему приходилось плясать по всему рингу. В конце двадцатых и начале тридцатых годов он одержал несколько блестящих побед в легком весе, и спортивный обозреватель, слишком молодой, чтобы помнить Доминика на ринге, не пожалел красок, расписывая его поединки со знаменитыми боксерами тех лет. Дальше в заметке сообщалось, что Доминик сейчас в хорошей форме – хотя и это не совсем соответствовало действительности, – и цитировалось его шутовское замечание о том, что некоторые молодые члены клуба уже «достают» его на тренировках и он подумывает взять себе помощника или надеть маску, чтобы сохранить красоту. Заметка была выдержана в дружелюбном тоне, и Доминик представал перед читателями ветераном золотого века спорта, за многие годы, проведенные на ринге, научившимся подходить к жизни философски. Еще бы – он потерял все до последнего цента, и ему оставалось только философствовать. Об этом он, правда, не сказал автору заметки.

На столе зазвонил телефон. Швейцар сообщил, что какой-то парень хочет видеть мистера Агостино. Доминик велел пропустить его.

Парнишке на вид было лет девятнадцать-двадцать. Линялый голубой свитер, кеды. Блондин с голубыми глазами и детским лицом. В руки вьелось машинное масло, хотя было видно, что он постарался отмыться.

– Что тебе надо? – разглядывая его, спросил Доминик.

– Я вчера читал газету.

– Ну и что? – Доминик всегда был приветлив и улыбочив с членами клуба, зато отводил душу на посторонних.

– Там написано, что в вашем возрасте стало трудновато работать с молодыми членами клуба и еще всякое, – сказал парень.

– Ну и что?

– Я подумал, мистер Агостино, может, вам нужен помощник...

– Ты боксер?

– Не совсем. Но мне бы хотелось стать боксером. Я что-то часто дерусь.

– Он улыбнулся. – Почему бы не получать за это деньги?

– Идем. – Доминик отвел парня в раздевалку, дал ему старый спортивный костюм и пару туфель и, пока тот переодевался, внимательно рассматривал его. Длинные ноги, широкие, слегка покатые плечи, мощная шея. Вес фунтов сто пятьдесят – сто пятьдесят пять. Одни мышцы. Никакого жира.

В гимнастическом зале, где в углу лежали маты, Доминик бросил пареньку боксерские перчатки.

– Посмотрим, на что ты способен.

Он нанес несколько довольно увесистых ударов, но парнишка был подвижным, и ему удалось дважды ударить Доминика так, что тот это почувствовал. Без всякого сомнения, парень – боец. Но какой? Этого Доминик пока не знал.

– Ладно, хватит. – Доминик опустил руки. – А теперь слушай. Это не бар, а клуб джентльменов. Они приходят сюда не для того, чтобы получать синяки. Их цель – держать себя в форме и попутно обучаться мужественному искусству самообороны. Стоит тебе начать молотить их, как сейчас меня, и через день ты отсюда вылетишь.

– Понимаю, – сказал парень. – Мне просто хотелось показать, на что я способен.

– Пока не на многое. Но у тебя быстрая реакция, и ты хорошо двигаешься. Где ты работаешь?

– В гараже. Но мне бы хотелось найти такую работу, чтобы руки были чистые.

– Сколько ты там получаешь?

– Пятьдесят долларов в неделю.

– Я буду платить тебе тридцать пять. Но ты можешь поставить раскладушку в массажном кабинете и спать там. Будешь помогать чистить бассейн, пылесосить маты и делать прочую подсобную работу.

– Согласен.

– В таком случае считай, что ты принят. Как тебя зовут?

– Томас Джордах.

– Главное, не впутывайся ни в какие истории, – сказал Доминик.

Довольно долго все шло хорошо. Работал он быстро, был со всеми почтителен и помимо основных обязанностей охотно выполнял мелкие поручения Доминика и членов клуба. Он взял за правило всем улыбаться и

быть особенно внимательным к пожилым джентльменам. Дружеская атмосфера в клубе, сдержанность и неброское богатство посетителей нравились ему.

Доминик не интересовался прошлым Тома, а тот не считал нужным рассказывать о месяцах, проведенных им на дорогах, о ночлежках в Цинциннати, Кливленде и Чикаго, о работе на заправочных станциях или о том времени, когда он был посыльным в гостинице в Сиракузах. Там он неплохо зарабатывал, приводя в номера проституток, пока однажды ему не пришлось вырвать нож из рук сутенера, полагавшего, что его девушки дают смазливому парню с детской физиономией слишком большие комиссионные. Томас ничего не рассказал Доминику и про то, как обирал пьяных клиентов и воровал деньги из номеров; он делал это не ради самих денег – к ним он был в общем-то равнодушен, – просто ему нравилось рисковать.

Иногда, когда никого из членов клуба вокруг не было и у Доминика просыпалось честолюбие, он надевал перчатки и отрабатывал с Томасом комбинации и учил его различным приемам. Через несколько недель из Томаса получился неплохой боксер, и, если случалось, кто-нибудь из менее важных членов клуба оставался без партнера, Томас выходил на ринг. Проигрывая, он не огорчался, а выигрывать старался не сразу, чтобы не обидеть противника. К концу недели у него набегало долларов двадцать – тридцать чаевых. Он сдружился с клубным поваром, найдя надежных поставщиков приличной марихуаны, и за это повар бесплатно кормил его.

У него хватало такта не вступать в разговоры с членами клуба. Это были в основном адвокаты, маклеры, банкиры и чиновники судоходных и промышленных компаний. Он научился аккуратно записывать то, что по телефону просили им передать их жены и любовницы, делая вид, будто ни о чем не догадывается.

Он не был любителем выпить, и члены клуба, сидя после тренировки со стаканом виски, похвально отзывались и об этом его качестве.

Его поведение не диктовалось какими-то определенными планами. Просто он понимал, что лучше, если солидные люди, посещающие клуб, будут относиться к нему хорошо. И потом, ему надоело бродяжничать и попадать в неприятные истории, неизменно кончавшиеся дракой и бегством дальше по бесконечным дорогам Америки. Он радовался покою, надежному крову клуба и благожелательности посещавших его людей.

Конечно, не все они нравились ему, но он старался со всеми держаться ровно и приветливо. Не стоило ни с кем связываться – достаточно с него неприятностей в прошлом.

Доминик же одинаково ненавидел всех членов клуба, без исключения, только потому, что у них были деньги, а у него – нет. «Вон идет самый крупный мошенник в Массачусетсе, – шептал он Томасу, показывая глазами на входившего в раздевалку важного седого джентльмена, и тотчас громко говорил: – Наконец-то, сэр. Рады снова вас видеть. Нам вас очень нехватало.»

Томас за всем наблюдал, все наматывал на ус, участь у Доминика полезному лицемерию. Ему нравился этот в душе жестокий бывший боксер, несмотря на все свои льстивые речи исповедовавший анархию и насилие.

Еще Томасу нравился мистер Рид, добродушный, веселый президент текстильного концерна, предпочитавший боксировать с Томасом, даже когда вокруг хватало свободных членов клуба, ожидавших своей очереди. Риду было лет сорок пять. Уже довольно полный, он тем не менее до сих пор был приличным боксером, и его поединки с Томасом по большей части кончались вничью. Как правило, в первых раундах преимущество бывало на стороне Рида, но к концу он выдыхался и начинал проигрывать. «Молодые ноги, молодые ноги», – смеясь, повторял он, шагая с Томасом в душевую и вытирая полотенцем пот с лица. После каждого боя Томас получал от него пять долларов. У Рида была одна причуда – в правом кармане пиджака он всегда носил аккуратно сложенную стодолларовую бумажку. «Однажды стодолларовая ассигнация спасла мне жизнь», – объяснил он Томасу. Как-то раз, когда Рид был в одном ночном клубе, там случился пожар, и погибло много народу. Лежа у дверей под грудой мертвых тел, Рид не мог ни двинуться, ни позвать на помощь. Услышав, что пожарники разгребают тела, он, собрав последние силы, полез в карман, вытащил стодолларовую бумажку, с трудом высвободил руку и слабо помахал ею. Пожарник заметил, взял деньги и вызволил его. Рид две недели пролежал в больнице. Он надолго потерял речь, но выжил. Выжил с твердой верой в могущество стодолларовой ассигнации. Томасу он тоже советовал при возможности всегда иметь в кармане стодолларовую бумажку. А еще он советовал копить деньги и вкладывать их в акции, потому что молодые ноги постепенно перестают быть молодыми.

Неприятность случилась, когда он проработал в клубе уже три месяца.

Войдя после душа в раздевалку и открыв свой шкафчик, Томас увидел приколотую к внутренней стороне дверцы записку, написанную почерком Доминика: *«Зайди ко мне после закрытия. Д. Агостино»*.

Ровно в десять вечера, как только клуб закрылся, Томас вошел в кабинет Доминика. Тот сидел за столом, медленно читая «Лайф». Подняв глаза на Томаса, он отложил журнал, встал, выглянул в коридор – проверить, нет ли там кого, и закрыл дверь.

– Садись, малыш.

– В чем дело? – спросил Томас.

– Именно это мне хотелось бы знать, – ответил Доминик. – Ладно, я не буду ходить вокруг да около, малыш. Кто-то таскает деньги из кошельков наших клиентов. Эти жирные сволочи настолько богаты, что большинство из них не имеет представления, сколько у них в кармане денег, а если когда и хватятся какой-нибудь десятки или двадцатки, то думают, что потеряли или неправильно сосчитали в прошлый раз. Но есть среди них один тип, который уверен, что не ошибается. Я имею в виду этого гада Грининга. Он заявил, будто вчера вечером, пока он разогревался со мной, кто-то свистнул у него из шкафчика десять долларов. Сегодня он целый день обзванивал других членов клуба, и все вдруг тоже стали утверждать, что последние несколько месяцев их постоянно обворовывают.

– А при чем здесь я? – спросил Том, уже все поняв.

– Грининг считает, это началось с того времени, как ты здесь появился.

– Вот ведь дерьмо! – с горечью сказал Томас. Грининг, человек лет тридцати, с холодными глазами, работал в конторе биржевого маклера и боксировал с Домиником. В юности он выступал в полутяжелом весе за какой-то западноамериканский колледж и до сих пор был в хорошей форме. Доминика он безжалостно избивал четыре раза в неделю. Обычно они проводили три двухминутных раунда, и Доминик, не осмеливаясь отвечать на удары Грининга в полную силу, сходил с ринга измученным и в синяках.

– Да, он дерьмо, это точно, – согласился Доминик. – Он заставил меня сегодня обыскать твой шкафчик, но, к счастью, у тебя там не оказалось ни одной десятки. Тем не менее он хочет вызвать полицию, чтобы тебя взяли на учет как подозреваемого.

– А вы что на это сказали?

– Я попросил его не делать этого и сказал, что поговорю с тобой... Скажи, это твоя работа?

– Нет. Вы мне верите?

Доминик устало пожал плечами:

– Не знаю. Но кто-то же действительно спер у него деньги.

– За день в раздевалке бывает много народу... Почему валить на меня?

– Я объяснил тебе. Это началось с того времени, как ты здесь появился.

– Чего вы от меня хотите? Чтоб я уволился?

– Да нет, – покачал головой Доминик. – Просто будь осторожен. Старайся все время быть на виду. Может, обойдется... Ох уж мне этот чертов Грининг и его проклятая десятка... Пошли, я угощу тебя пивом. Ну и денек!

Когда Томас вернулся с почты, куда его посылали с пакетом, в раздевалке было пусто. Все собрались наверху, где проходил межклубный матч. Все, кроме одного. Синклер, молодой член клуба, входил в команду, но его бой был еще впереди. Стройный, высокий Синклер недавно получил диплом юриста в Гарварде. Он был из очень богатой семьи, часто упоминавшейся в газетах. Молодой Синклер работал в адвокатской конторе своего отца. Томас не раз слышал, как пожилые члены клуба говорили, что Синклер-сын – блестящий адвокат и далеко пойдет.

Но сейчас, когда Томас неслышно вошел в раздевалку, Синклер стоял перед открытым шкафчиком, осторожно извлекая из кармана пиджака бумажник. Томас не мог определить, чей это шкафчик, но знал точно – только не Синклера, потому что шкафчик Синклера был рядом с его собственным. Обычно приветливое, розовощекое лицо Синклера было бледным и напряженным, на лбу выступили капельки пота.

С минуту Томас колебался, гадая, сумеет ли улизнуть незамеченным. В это время Синклер наконец достал бумажник, поднял глаза и увидел Тома. Уходить было поздно. Томас быстро подошел к нему и схватил за руку. Синклер часто и тяжело дышал, словно пробежал немалое расстояние.

– Лучше положите бумажник обратно, сэр, – шепотом сказал Томас.

– Хорошо, – сказал Синклер. – Положу. – Он тоже говорил шепотом.

Продолжая держать его за руку, Томас лихорадочно соображал: если он разоблачит Синклера, то обязательно потеряет работу. Члены клуба не

потерпят присутствия в клубе служащего, который опозорил человека их круга. Если же промолчать... Томас старался выиграть время.

– Вам известно, сэр, что все подозревают меня?

– Извини, – сказал Синклер. Его била дрожь, но он не вырывался.

– Вы сделаете три вещи. Вы положите бумажник обратно и пообещаете никогда больше этого не делать...

– Я обещаю. Том. Я очень благодарен...

– Вы докажете мне, насколько вы благодарны, – сказал Том. – Вы сию же минуту напишете мне долговую расписку на пять тысяч долларов и в трехдневный срок передадите их мне наличными. Мы встретимся в четверг в одиннадцать вечера в баре отеля «Турэн». Это будет вечер платежа.

– Я приду, – еле слышно прошептал Синклер.

Томас отпустил его руку, достал из кармана маленький блокнот, где записывал свои мелкие расходы при выполнении различных поручений, открыл его на чистой странице и протянул Синклеру карандаш. Конечно, будь у Синклера нервы покрепче, ему ничего не стоило повернуться и уйти. И если Томасу вздумалось бы потом рассказать кому-нибудь об этом случае, Синклер мог бы просто отшутиться. К счастью, нервы у Синклера оставляли желать лучшего. Он взял блокнот и написал расписку.

Без пяти одиннадцать в костюме и в галстуке – сегодня ему хотелось выглядеть джентльменом – Томас вошел в бар отеля «Турэн» и уселся за столик в углу, откуда хорошо просматривался вход в зал. Когда появился официант, Томас заказал бутылку пива. «Пять тысяч долларов, – думал он, – пять тысяч! Ровно столько они взяли у его отца, а теперь он отбирает эти деньги у них». Томас ничего не имел против Синклера. Тот был симпатичным молодым человеком с дружелюбными глазами, тихим голосом и хорошими манерами. Если бы стало известно, что он страдает kleptomанией, его карьера мгновенно кончилась бы крахом. Но тут уж ничего не поделаешь – такова жизнь.

В три минуты двенадцатого дверь открылась и вошел Синклер. Он неуверенно вглядывался в темный зал. Томас поднялся.

– Добрый вечер, сэр, – поздоровался он, когда тот подошел к его столику. – Что будете пить?

– Виски с водой, пожалуйста, – вежливо ответил Синклер и с жадностью выпил, когда официант поставил перед ним стакан. – К твоему сведению, я брал эти деньги не потому, что они мне нужны.

– Я знаю.

– Я болен, – сказал Синклер. – Это болезнь. Я хожу к психиатру.

– И правильно делаете.

– Тебе не стыдно, что ты так поступаешь с больным человеком?

– Нет, сэр.

– А ты, сукин сын, не промах.

– Надеюсь, что так, сэр.

Синклер расстегнул пиджак, вытащил из кармана толстый длинный конверт и положил его на банкетку – между собой и Томасом.

– Вот. Здесь полная сумма. Можешь не пересчитывать.

– Я в этом уверен, сэр. – Томас сунул конверт в боковой карман пиджака.

– Я жду, – сказал Синклер.

Томас вынул расписку и положил ее на стол. Синклер взглянул на нее, разорвал и бросил в пепельницу.

– Спасибо за виски, – поблагодарил он, встал и вышел из бара.

Томас медленно допил пиво, расплатился, потом прошел в вестибюль отеля и снял номер на одну ночь.

Он отлично выспался на широкой двуспальной кровати, а утром позвонил Доминику и сказал, что по семейным делам вынужден поехать в Нью-Йорк и вернется только в понедельник. За три месяца работы в клубе Том не брал ни одного выходного, и Доминику пришлось согласиться, но он велел Тому в понедельник утром обязательно быть на работе.

Когда он вышел из поезда, моросил мелкий осенний дождь, что отнюдь не делало Порт-Филип более привлекательным.

Том мог взять такси, но после стольких лет отсутствия предпочел пройти пешком. Улицы родного города исподволь подготовят его... к чему? Это было ему не совсем ясно.

По дороге он не встретил ни одного знакомого, никто с ним не поздоровался. Люди с чужими, замкнутыми лицами торопливо шагали под дождем. Вот оно – триумфальное возвращение, восторженная встреча...

За эти годы Вандерхоф-стрит очень изменилась. На улице появилось новое огромное здание, похожее на тюрьму. В нем размещалась какая-то фабрика. Многие мелкие магазины были заколочены, а на тех, что работали, висели вывески с незнакомыми фамилиями. Чтобы дождь не лил в глаза, Томас шел, опустив голову, и, когда наконец поднял ее, остолбенел: на месте, где стояла булочная, где был дом, в котором он родился, построили большой продовольственный магазин.

Томас неуверенно двинулся дальше. Гараж, находившийся когда-то возле булочной, был перестроен, и на вывеске красовалось имя нового владельца... Но, подходя к углу, он увидел, что зеленая лавка Джардино осталась на прежнем месте. Он вошел и стоял, дожидаясь, пока миссис Джардино кончит торговаться с какой-то старухой, желавшей купить горох подешевле. Наконец старуха ушла, и миссис Джардино повернулась к нему. У этой маленькой бесформенной женщины был хищный крючковатый нос, а на нижней губе торчала бородавка, из которой росли два длинных толстых волоса.

– Что вам угодно?

– Миссис Джардино, – Томас опустил воротник пиджака, чтобы выглядеть более уважаемым, – вы, вероятно, меня не помните... Но я был... ну, можно сказать, вашим соседом. У нас тут была булочная... Моя фамилия Джордах.

– Вы который из них? – спросила миссис Джардино, вглядываясь в него близорукими глазами.

– Младший.

– А, помню. Маленький гангстер.

Томас попытался улыбкой задобрить миссис Джардино, но она оставалась

сурова.

– Ну и чего тебе надо?

– Я давно здесь не был. Приехал вот навестить родных, а булочной уже нет.

– Ее несколько лет как нет, – раздраженно пожала плечами миссис Джардино, раскладывая яблоки так, чтобы не было видно темных пятнышек. – Тебе что, родственники об этом не сообщали?

– Я о них уже довольно давно ничего не слышал. Вы не знаете, где они сейчас?

– Откуда мне знать? Они никогда не разговаривали с грязными итальяшками. – Она демонстративно отвернулась от него и стала перебирать пучки сельдерея.

– Ну что ж, большое спасибо. Извините. – Томас направился к двери.

– Подожди-ка, – окликнула его миссис Джардино. – Когда ты уезжал, твой отец был еще жив?

– Да.

– Так вот, он умер. – В голосе ее звучало явное удовлетворение. – Утонул. В реке. После этого твоя мать уехала, а дом, где вы жили, снесли, и сейчас... Сейчас на его месте построили этот огромный магазин, который скоро нас разорит, – с горечью закончила она.

По дороге на вокзал Томас зашел в банк, арендовал сейф и положил туда четыре тысячи девятьсот долларов, оставив сотню себе. Он подумал, что можно заглянуть на почту, и там, вероятно, ему дадут новый адрес матери и брата, но потом решил не делать этого. Он приезжал сюда не к ним, а к отцу. Чтобы расплатиться.

2

1950 год.

Одетый со взятые напрокат черную мантию и шапочку, Рудольф сидел среди других выпускников колледжа.

– Сейчас, в тысяча девятьсот пятидесятом году, в самой середине столетия, мы, американцы, должны задать себе несколько вопросов. Что у нас есть? Чего мы хотим? В чем наша сила и в чем наша слабость? Что ждет нас впереди? – Оратор, крупный правительственный чиновник, приехал из Вашингтона (в знак уважения) к президенту колледжа, с которым они когда-то вместе учились в Корнелле.

«Сейчас, в самой середине столетия, – думал Рудольф, беспокойно ерзая на стуле, – что у меня есть? Чего я хочу? В чем моя сила и в чем моя слабость? Что ждет меня впереди? У меня есть диплом бакалавра, четыре тысячи долга и умирающая мать на руках. Я хочу быть богатым, свободным и любимым. Моя сила? Я могу пробежать двести двадцать ярдов за двадцать три и восемь десятых секунды. Моя слабость? Я честный человек. – Глядя на Большого Человека из Вашингтона, он про себя улыбнулся. – Что меня ждет впереди? А ну скажи мне, приятель».

Деятель из Вашингтона явно принадлежал к пацифистам.

– Во всем мире растет волна милитаризма, – заявил он торжественным голосом. – Единственный оплот мира – это военная мощь Соединенных Штатов. Для предотвращения войны Соединенные Штаты должны увеличить и укрепить свои вооруженные силы настолько, чтобы они, располагая возможностью нанести контрудар, служили фактором, сдерживающим военные устремления других.

Рудольф скользнул взглядом по рядам выпускников. Половина из них участвовала во второй мировой войне. Многие успели жениться, и их жены, по случаю торжества побывавшие в парикмахерской, сидели в задних рядах, некоторые с младенцами на руках, потому что их не с кем было оставить: почти все они жили в автофургонах или снимали комнаты в шумном общежитии, пока их мужья боролись за вручаемые сегодня дипломы. Рудольфу было интересно, что они думают о растущей волне милитаризма.

Рядом с Рудольфом сидел Брэдфорд Найт, круглолицый цветущий молодой человек из Талсы. Войну Найт, в ту пору пехотный сержант, провел в Европе. Он был лучшим другом Рудольфа по колледжу; несмотря на оклахомскую манеру медленно растягивать слова, он был энергичным, общительным парнем, циничным и хитроватым. Они с Рудольфом ходили на рыбалку и выпили вместе немало пива. Брэд уговаривал Рудольфа поехать в Талсу и вместе с ним и отцом заняться нефтяным промыслом. «К двадцати пяти годам ты уже станешь миллионером, сынок, – говорил Брэд. – В тех краях нефть всюду. Будешь менять „кадиллаки“ как перчатки». Отец Брэда стал миллионером в двадцать четыре года, но сейчас едва сводил концы с концами. «Временные затруднения», – говорил Брэд. Его отец не смог даже позволить себе приехать на церемонию вручения дипломов.

Тедди Бойлан тоже не присутствовал на этой церемонии, хотя Рудольф послал ему приглашение. «Я не расположен катить за пятьдесят миль в чудесный июньский день ради того, чтобы выслушать речь какого-то демократа в захудалом сельскохозяйственном колледже». Бойлан до сих пор не мог простить Рудольфу, что, когда в сорок шестом году он предложил платить за его обучение, тот отказался даже попытаться поступить в какой-нибудь из старейших университетов Новой Англии.

«Однако, – писал Бойлан в своем письме, – в любом случае надо отметить такое событие. Когда все это занудство кончится, приезжай ко мне, выпьем шампанского и поговорим о твоём будущем».

Рудольф выбрал колледж в Уитби не случайно. Во-первых, поступи он в Йельский или Гарвардский университет, его долг Бойлану составил бы гораздо больше четырех тысяч, а во-вторых, происхождение и безденежье заставили бы его чувствовать себя чужаком среди юных лордов американского общества. В Уитби же бедности была обычным явлением. Редко кому из студентов не приходилось летом работать, чтобы осенью было чем заплатить за учебники и одежду.

Он выбрал Уитби еще и потому, что колледж находился недалеко от Порт-Филипа и по воскресеньям Рудольф мог навещать мать, которая теперь

почти никуда не выходила из своей комнаты. Он не имел права оставлять ее без присмотра – одинокая, подозрительная, полусумасшедшая, она погибла бы без него.

Летом после первого курса, начав вечерами и по субботам работать в универмаге Колдервуда, он подыскал себе в Уитби дешевую двухкомнатную квартиру с кухней и перевез мать туда. Там она сейчас и ждала его. Она сказала, что не приедет на церемонию, так как неважно себя чувствует, а кроме того, не хочет позорить его своим видом.

Позорить – пожалуй, слишком сильное слово, подумал Рудольф, оглядывая аккуратно одетых серьезных родителей своих сокурсников, но, уж конечно, она никого бы здесь не ослепила своей красотой и туалетом. Одно дело – быть хорошим сыном, и совсем другое – не смотреть правде в глаза.

Итак, Мэри Пэйс Джордах, вытянув распухшие и уже едвадвигающиеся ноги, сидела сейчас в качалке у окна их убогой квартиры, курила, осыпая шаль сигаретным пеплом, и не видела, как ее сыну вручают свернутый в трубочку диплом на искусственном пергаменте.

– Мощь военных кругов устрашающа, – гремел в динамиках голос оратора, – но на нашей стороне одно великое преимущество – стремление всех простых людей земного шара к миру...

Если Рудольф относится к простым людям, то правительственный чиновник, естественно, имел в виду и его. Наслышавшись в колледже о войне, он уже не завидовал предшествующему поколению.

В конце речи оратор, как обычно, восславил Америку – страну великих возможностей. Половине присутствовавших здесь молодых людей недавно представлялась реальная возможность быть убитыми за Америку. Но оратор сейчас смотрел не в прошлое, а в будущее и говорил о возможностях в таких областях, как наука, коммунальное обслуживание, о помощи тем народам, «которым повезло меньше, чем нам». Наверное, он был неплохим человеком, этот чиновник из Вашингтона, но его высказывания о возможностях в Америке на тысяча девятьсот пятидесятый год представлялись несколько выпренными, евангелическими и чисто вашингтонскими. Все это, конечно, вполне подходило для торжественной речи на выпускном вечере, но вряд ли соответствовало земным устремлениям трехсот с лишним сыновей бедняков, сидевших перед ним в черных мантиях; ожидая вручения дипломов об окончании маленького, финансово немого сельского колледжа, они с беспокойством гадали, каким образом с завтрашнего дня начнут зарабатывать себе на жизнь.

В первом ряду, отведенном для преподавателей, профессор Дентон – заведующий кафедрой истории и экономики, – повернувшись на стуле, прошептал что-то на ухо профессору Ллойд. Рудольф улыбнулся, представив себе, как профессор Дентон комментирует ритуальное витийство члена правительства. Дентон, невысокий, желчный, седеющий человек, был разочарован в жизни, ибо уже понял, что должность заведующего кафедрой – высшая ступенька в его научной карьере. На занятиях со студентами он немало времени тратил на тирады о том, как – по его словам – крупные финансисты и бизнесмены еще во времена Гражданской войны предали американскую

экономическую и политическую систему. «Американская экономика – это шулерская игра в кости, – говорил он в аудитории. – Законы тщательно продуманы таким образом, чтобы богатым выпадали только семерки, а всем остальным – только двойки».

По крайней мере раз в семестр он обязательно напоминал студентам, что в 1932 году Морган не заплатил ни одного цента подоходного налога. «Обратите внимание, джентльмены! – с горечью повторял он. – А мне, получавшему обычную преподавательскую зарплату, в том же самом году пришлось заплатить федеральному правительству пятьсот двадцать семь долларов и тридцать центов».

Однако, как заметил Рудольф, слова профессора Дентона производили совсем не тот эффект, на который профессор рассчитывал. Вместо того чтобы гореть негодованием и желанием немедленно объединиться в борьбе за преобразования, многие студенты, в том числе и сам Рудольф, мечтали о времени, когда и они достигнут вершин богатства и власти, чтобы, как Морган, избавиться от ярма или, по выражению профессора Дентона, от «узаконенного порабощения избирателей».

Рудольф прослушал у Дентона три курса и отлично сдал экзамены, после чего тот предложил ему место преподавателя на кафедре истории.

Несмотря на свое внутреннее несогласие с позициями Дентона, которые казались ему наивными, Рудольф уважал его больше всех других преподавателей и считал, что за время учебы в колледже только у него и научился чему-то полезному.

Помянув напоследок бога, оратор закончил речь. Раздались аплодисменты. Затем выпускники один за другим стали получать дипломы.

Вернув взятые напрокат мантию и шапочку, Рудольф и Брэд поспешили на автостоянку к старому, довоенного выпуска «шевроле» Брэда.

– Давай проедем мимо магазина, – сказал Рудольф. – Я обещал Колдервуду заглянуть.

Небольшой универмаг Колдервуда находился на самом бойком углу главной торговой улицы Уитби. Он стоял здесь еще с девяностых годов прошлого века. Сначала это была просто лавка, удовлетворяющая немудреные запросы жителей сонного городка, студентов и зажиточных фермеров из округа. Городок рос и менялся, а вместе с ним расширялся и менял свой облик магазин. Сейчас на витринах двухэтажного универмага красовалось немало разнообразных товаров. Рудольф вначале работал кладовщиком в те месяцы, когда торговля шла особенно оживленно, но так добросовестно относился к своим обязанностям и внес столько разумных, дельных предложений, что Дункан Колдервуд, потомок первого владельца магазина, повысил его в должности. Но магазин по-прежнему оставался сравнительно небольшим, и один человек мог управляться здесь за нескольких. Теперь Рудольф выполнял работу продавца, декоратора витрин, автора реклам, консультанта по закупке новых товаров, и летом, когда он работал полный день, Колдервуд платил ему пятьдесят долларов в неделю.

Дункан Колдервуд, худощавый немногословный мужчина лет пятидесяти,

женился поздно, но успел обзавестись тремя дочерьми. Кроме магазина, ему принадлежало много земли в самом городе и за его пределами. Сколько именно – это уж его дело. Он не любил болтать языком и знал цену деньгам.

Брэд остановил машину, и Рудольф вошел в магазин.

Главный торговый зал уютно гудел женскими голосами, слегка пахло одеждой, кожей, духами – все это всегда нравилось Рудольфу. Он шел через весь магазин в кабинет Колдервуда, продавцы улыбались ему, дружелюбно махали рукой. Кто-то даже сказал «поздравляю», и он помахал в ответ. Все его любили, особенно пожилые. Они не знали, что с ним советуются, когда кого-то увольняют или принимают на работу.

Дверь в кабинет Колдервуда, как всегда, была открыта. Колдервуд любил быть в курсе того, что происходит в магазине. Сидя за столом, он писал какое-то письмо. У него была секретарша – ее комната находилась рядом с его кабинетом, – но некоторые дела он не доверял даже ей. Каждый день он писал от руки четыре-пять писем, сам наклеивал марки и сам бросал письма в почтовый ящик.

Несмотря на открытую дверь, Колдервуд не любил, когда его отвлекали от дел. Рудольф остановился на пороге.

Колдервуд дописал предложение, перечитал его, потом поднял глаза и, положив письмо чистой стороной кверху, сказал:

– Входи, Руди. – Голос у него был сухой и бесстрастный.

– Добрый день, мистер Колдервуд.

Неожиданно для Рудольфа Колдервуд встал, обошел вокруг стола и пожал ему руку.

– Ну как все прошло?

– Без неожиданностей, – ответил Рудольф.

– Присаживайся. – Колдервуд снова сел за стол на деревянный стул с прямой спинкой, а Рудольф устроился на таком же стуле справа от стола. – В Америке большинство людей, сумевших сколотить огромное состояние или уже стоящих на подступах к нему, обошлись без образования. Тебе это известно?

– Да.

– Ученых они себе нанимают, – почти с угрозой сказал Колдервуд. Сам он не окончил даже средней школы.

– Я постараюсь, чтобы мое образование не помешало мне разбогатеть, – сказал Рудольф.

Колдервуд рассмеялся, коротко и сухо.

– Уверен, это тебе удастся, Руди, – дружелюбно сказал он, открыл ящик стола, вынул оттуда бархатную коробочку и положил перед Рудольфом. – Вот тебе.

Рудольф открыл коробочку: красивые швейцарские часы на замшевом ремешке.

– Это очень любезно с вашей стороны, сэр, – поблагодарил Рудольф, стараясь скрыть свое удивление.

– Ты заслужил их. – Колдервуд смущенно поправил узкий галстук:

щедрость давалась ему нелегко. – Ты много сделал для магазина, – продолжал он. – У тебя хорошая голова и настоящий талант к торговле.

– Спасибо, мистер Колдервуд, – сказал Рудольф. Вот это настоящая речь. Не то что вашингтонская чепуха насчет растущей волны милитаризма и помощи нашим менее удачливым братьям.

Колдервуд в раздумье откашлялся, встал и подошел к висевшему на стене календарю, словно перед рискованным предприятием решил в последний раз уточнить число.

– Руди, что ты скажешь, если я предложу тебе работать у меня на полной ставке?

– Это зависит от рода работы, – осторожно ответил Рудольф. Он ожидал этого предложения и для себя уже решил, на каких условиях согласится.

– Работа та же, что и раньше, только ее будет больше. Будешь заниматься всем понемногу. Тебе что – нужна определенная должность?

– Это зависит от должности.

– Зависит, зависит... – передразнил Колдервуд, но все же рассмеялся. – Тебя устроит должность помощника управляющего?

– Для начала – да.

– Наверное, мне следует просто вышвырнуть тебя из кабинета, – сказал Колдервуд. Его светлые глаза мгновенно превратились в льдинки.

– Мне не хочется казаться неблагодарным, – сказал Рудольф, – но я должен знать, на что могу рассчитывать в будущем. У меня есть другие предложения, и...

– По-видимому, тебя, как и всех других дураков, подмывает броситься в Нью-Йорк, немедленно покорить его и шататься с вечеринки на вечеринку.

– Это не совсем так, – сказал Рудольф. Он пока не чувствовал себя готовым для Нью-Йорка. – Мне нравится жить в этом городе.

– И полагаю, не без оснований, – снова садясь, почти со вздохом облегчения, сказал Колдервуд. – Послушай, Руди. Я уже далеко не молод. Доктора считают, мне Надо поменьше работать. У меня нет сыновей... С тех пор как умер мой отец, все здесь делалось моими руками. Кто-то должен прийти мне на смену. – Он наклонил голову и пытливо посмотрел на Рудольфа из-под густых черных бровей. – Поначалу будешь получать сто долларов в неделю, а через год посмотрим. По-твоему, это справедливо?

– Вполне, – ответил Рудольф. Он рассчитывал всего на семьдесят пять.

– У тебя будет свой кабинет. Переоборудуем под него старый отдел упаковок на втором этаже. На дверь повесим табличку «Помощник управляющего». Но в рабочее время ты должен быть в торговом зале. Если согласен – по рукам. – Рудольф протянул руку, и Колдервуд пожал ее. – Но сначала, наверное, тебе захочется немного отдохнуть. Я понимаю. Сколько времени тебе надо? Две недели? Месяц?

– Завтра в девять утра я буду на работе, – вставая, ответил Рудольф.

Колдервуд улыбнулся, блеснув явно искусственными зубами:

– Надеюсь, я в тебе не ошибся. До завтра.

Мэри Пэйс Джордах сидела у окна и глядела вниз на улицу, поджидая

Рудольфа. Он обещал приехать сразу после церемонии и показать ей свой диплом. Конечно, было бы неплохо устроить для него что-нибудь вроде вечеринки, но у нее не было на это сил. Кроме того, она не знала никого из его друзей. И не потому, что их у него не было. Телефон часто звонил, и молодые голоса говорили: «Это Чарли» или «Это Брэд, Руди дома?». Но почему-то он никогда не приглашал никого домой. Впрочем, оно и лучше. Разве это дом? Две темные комнаты над магазином тканей на улице без единого дерева. Видно, она обречена всю жизнь жить над магазинами. Через улицу прямо напротив них жила негритянская семья, и из окна на нее все время глазели черные лица. Похотливые дикари. В приюте она узнала о них все.

Она закурила и дрожащими руками стряхнула с шали пепел от предыдущих сигарет.

Итак, несмотря ни на что, Рудольф добился своего. Дай бог здоровья Теодору Бойлану. Она никогда не встречалась с ним, но Рудольф рассказывал, какой он умный и щедрый. Во всяком случае, ее сын заслуживал этого. С его манерами и умом... Людям было приятно помогать ему. Что ж, теперь он встал на ноги. И хотя не говорил ей о своих планах, она знала, они у него есть. У него всегда были планы. Конечно, если его не зацапает и не женит на себе какая-нибудь девчонка. Мэри Пэйс поежилась. Рудольф – хороший мальчик, другого такого заботливого сына не найдешь. Если бы не он, бог знает, что бы с нею стало после того, как Аксель исчез в ту ночь. Но стоит на горизонте появиться девчонке, и парни точно с цепи срываются, даже лучшие из них жертвуют всем: домом, родителями, карьерой... Мэри Пэйс Джордах никогда не видела Джули, но знала, что та учится в Барнардском колледже, и знала, что Рудольф каждое воскресенье ездит к ней в Нью-Йорк – столько миль в оба конца, возвращается чуть ли не среди ночи, бледный, под глазами синяки, взвинченный, замкнутый. И тем не менее он встречается с Джули уже пять лет! Ему пора завести себе другую. Надо поговорить с ним. Сейчас еще самое время пожить для себя. Сотни девушек будут просто-счастливы броситься ему на шею.

Из-за угла на большой скорости, скрипя тормозами, вылетела машина. Мэри увидела Рудольфа: черные волосы разметались на ветру, ну прямо юный принц!

Машина остановилась, и Рудольф выпрыгнул из нее. Ловкий, изящный. В отличном синем костюме. С его фигурой можно красиво одеваться: стройный, широкоплечий, с длинными ногами. Мэри Джордах отодвинулась от окна. Рудольф никогда не говорил ей об этом, но она знала: ему не нравится, что она целыми днями сидит у окна, глядя на улицу.

С трудом поднявшись, она вытерла глаза уголком шали и проковыляла к обеденному столу. На лестнице послышались его шаги, она быстро сунула сигарету в пепельницу.

– Вот, полюбуйся, – сказал Рудольф, входя в комнату, и развернул перед ней на столе пергаментный свиток. – Это по-латыни.

Мэри разобрала его фамилию, написанную готическим шрифтом, и на глаза у нее навернулись слезы.

– Если бы я знала адрес твоего отца... Ему бы сейчас увидеть, чего ты достиг без всякой его помощи.

– Мам, – мягко сказал Рудольф, – отец умер.

– Это ему хочется, чтобы люди так думали. Но я-то знаю его лучше. Он не умер, а сбежал. И сейчас, в эту самую минуту, смеется над всеми. Ведь тело так и не нашли, правда?

– Думай как хочешь, – вздохнул Рудольф. – Мне надо собрать сумку. Я останусь ночевать в Нью-Йорке. – Он прошел к себе в комнату и бросил в сумку бритву, кисточку, пижаму и чистую рубашку. – Тебе что-нибудь надо? – крикнул он матери. – Как у тебя с ужином?

– Открою консервы, – ответила Мэри и, кивнув в сторону улицы, спросила:

– Ты поедешь с этим парнем? Мне не нравится, как он водит. Лихач. Ты хоть иногда думаешь, что я буду делать, если с тобой что-нибудь случится? Меня выбросят на помойку как собаку.

– Мам, у нас ведь сегодня праздник. Надо радоваться.

– Я закажу рамку для твоего диплома. Что ж, развлекайся. Ты это заслужил. Только не слишком задерживайся. Где ты остановишься? Дай мне телефон на всякий случай.

– Ничего не случится.

– И все-таки.

– Я буду у Гретхен.

– Блудница! – Они никогда не говорили о Гретхен, но Мэри знала, что Рудольф с ней видится.

– О господи, – вздохнул Рудольф.

Мэри, конечно, перегнула палку и сама это знала, но не хотела сдавать позиций.

– Ты ничего не сказал о своих планах, – заметила Мари. – Теперь ведь у тебя начинается настоящая жизнь. Я думала, ты найдешь минутку, посидишь со мной, расскажешь... Хочешь, я приготовлю чай...

– Завтра, мам. Завтра я обо всем тебе расскажу, не беспокойся. – Он еще раз поцеловал ее и исчез, легко сбежав по лестнице. Мэри Джордах встала, проковыляла к окну и села в свою качалку – старуха, проводящая все время у окна. Пусть видит.

Машина покатила прочь. Он так и не взглянул наверх.

Они все ее бросают. Все как один. И даже лучший из них.

Машина, сопя, вскарабкалась на холм и въехала в знакомые каменные ворота.

Даже в этот солнечный июньский день от обрамляющих подъездную дорожку тополей падали темные, скорбные тени. Окруженный неухоженными цветочными клумбами дом постепенно, но неуклонно ветшал.

– Падение дома Эшеров, – сказал Брэд, разворачивая машину и направляя ее во двор. Рудольф так часто бывал здесь, что у него подобных ассоциаций не возникало. Для него это был просто дом Тедди Бойлана. – Кто здесь живет? Дракула?

– Один хороший знакомый, – ответил Рудольф. Он никогда не рассказывал Брэду о Бойлане. – Друг семьи. Он помог мне получить образование. Идем, я познакомлю тебя с ним. Нас ждет шампанское.

Дверь открыл Перкинс.

– Добрый день, сэр, – поздоровался он. Из гостиной доносились звуки рояля. Рудольф узнал сонату Шуберта. – Мистер Джордах и его друг, – объявил Перкинс, распахивая дверь в гостиную.

Бойлан доиграл пассаж и встал. На столе стояла бутылка шампанского в ведерке со льдом, рядом два высоких узких бокала.

– Добро пожаловать. – Он с улыбкой протянул Рудольфу руку. – Рад тебя видеть. – Бойлан два месяца провел на юге и сильно загорел, его волосы и прямые брови совсем выгорели. На секунду Рудольфу показалось, что в лице его что-то изменилось, но он пока не мог определить, что именно.

– Разрешите представить вам моего друга Брэдфорда Найта. Мы учились в одной группе.

– Здравствуйте, мистер Найт. – Бойлан пожал ему руку. – Насколько я понимаю, вас тоже можно поздравить.

– Полагаю, да, – улыбнулся Брэд.

– Нам нужен еще один бокал, Перкинс, – сказал Бойлан, крутя бутылку в ведерке со льдом, и спросил: – Ну как, речь демократа была поучительной? Он упомянул о тяготах богатства?

– Он говорил об атомной бомбе, – ответил Рудольф.

– А он не сказал, на кого мы теперь собираемся ее сбросить?

– Кажется, ни на кого. – Рудольф сам не понимал почему, но ему захотелось встать на защиту члена правительства. – В общем-то в его словах было много здравого смысла.

– Да ну? Может, он скрытый республиканец? – ехидно заметил Бойлан.

Неожиданно Рудольф понял, что изменилось в лице Бойлана. Под глазами больше не было мешков. Наверно, он как следует отоспался на юге.

Бойлан наполнил бокалы.

– Итак, за будущее, – сказал он. – За эту опасную и неопределенную временную категорию.

– У этого, пожалуй, вкус иной, чем у кока-колы, – сказал Брэд. Рудольф чуть нахмурился. Брэд нарочно изображал деревенщину – его коробила элегантность и рафинированность Бойлана.

– А что, если нам пойти в сад и допить бутылку на солнце? – предложил Бойлан, повернувшись к Рудольфу. – В этом всегда есть что-то праздничное – выпить на свежем воздухе.

– Спасибо, но у нас мало времени, – отказался Рудольф.

– Вот как? – удивленно поднял брови Бойлан. – А я полагал, мы вместе поужинаем. Вы тоже приглашены, мистер Найт.

– Благодарю вас, но все зависит от Руди.

– Нас ждут в Нью-Йорке, – объяснил Рудольф.

– Понимаю. Вечеринка, молодые люди... – Бойлан налил себе еще шампанского. – Все это вполне естественно в такой день... Ты с сестрой

увидишься?

– Да, мы собираемся у нее. – Рудольф не имел обыкновения врать.

– Передай ей от меня привет, – попросил Бойлан. – Я надеялся, за ужином мы сможем спокойно поговорить обо всем, но раз вы торопитесь... Конечно, в такой вечер вам хочется быть среди своих сверстников. Тем не менее не уделишь ли ты мне сейчас несколько минут?

– Если хотите, я пока погуляю, – сказал Брэд.

– Вы очень деликатны, мистер Найт, – в тоне Бойлана на мгновение прозвучала насмешка, – но нам с Рудольфом нечего скрывать. Так, Рудольф?

– Не знаю, – холодно ответил Рудольф. Он не собирался участвовать в непонятной игре, затеянной Бойланом.

– Я сделал следующее, – деловым тоном начал Бойлан. – Я купил тебе билет на круиз вокруг Европы на «Куин Мэри». Отплываешь через две недели, так что у тебя достаточно времени повидать друзей, получить паспорт и закончить все необходимые дела. Я думаю, тебе следует посмотреть Лондон, Париж, Рим и прочее, как полагается. Собственно, настоящее образование начинается после окончания колледжа.

– Я не смогу, – ставя бокал, сказал Рудольф.

– Почему? – удивился Бойлан. – Ты всегда мечтал побывать в Европе.

– Когда мне это будет по средствам.

– О, дело только в этом? – покровительственно рассмеялся Бойлан. – Ты неправильно меня понял. Это мой подарок. Мне кажется, путешествие пойдет тебе на пользу. Избавишься от некоторой провинциальности – только не обижайся. Может быть, в августе я присоединюсь к тебе где-нибудь на юге Франции.

– Спасибо, Тедди, но я не могу.

– Жаль, – пожал плечами Бойлан. – Впрочем, умный человек сам знает, когда принять подарок, а когда отказаться. Конечно, если у тебя более интересные планы...

– С завтрашнего дня я начинаю работать у Колдервуда на полной ставке.

– Бедняга, тебя ожидает скучное лето, – заметил Бойлан. – Меня удивляют твои вкусы. Ты предпочитаешь продавать кастрюли и сковородки неряшливым домохозяйкам в захолустном городке, вместо того чтобы съездить во Францию. Впрочем, тебе виднее. А что после лета? Ты решил заняться правом, как я тебе советовал, или постараться попасть на дипломатическую службу?

Вот уже больше года Бойлан уговаривал Рудольфа выбрать одну из этих профессий. Сам Бойлан отдавал предпочтение юриспруденции. «Молодому человеку, наделенному лишь сильным характером и умом, – писал он Рудольфу, – юриспруденция открывает дорогу к власти и богатству. Америка – страна юристов. Часто хороший адвокат держит в руках компанию, которая его наняла, и постепенно становится ее хозяином. Мы живем в сложное время, и чем дальше, тем оно сложнее. Юрист, хороший юрист – единственный надежный проводник, который помогает нам пробраться сквозь дебри наших сложностей, и за это он получает соответствующее вознаграждение. Даже в политике... Посмотри, сколько юристов занимают кресла в сенате. Почему бы

и тебе не сделать подобную карьеру? Видит бог, стране выгоднее пользоваться услугами человека с твоим интеллектом и характером, чем содержать на Капитолийском холме некоторых из этих клоунов-проходимцев. Или подумай о службе в госдепартаменте. Нравится нам или нет, но мы правим миром или хотя бы стремимся к этому. Мы должны поставить своих лучших людей на посты, дающие им возможность влиять на деятельность наших друзей и наших врагов».

– Ты не ответил на мой вопрос, – настаивал Бойлан. – Что же ты выбрал?

– Ни то, ни другое, – ответил Рудольф. – Я обещал Колдервуду проработать у него по крайней мере год.

– Ясно. Насколько я понимаю, ты не метишь высоко, – разочарованно сказал Бойлан.

– Нет, это не так. Но я иду своим путем.

– Что ж, значит, твоя поездка в Европу отменяется, – сказал Бойлан. – Не смею больше задерживать. Вас ждут друзья. Рад был с вами познакомиться, мистер Найт. – Он допил шампанское и вышел из комнаты.

Брэд заговорил, когда они уже выехали за ворота:

– У этого типа что-то странное с глазами. Не могу понять. Такое впечатление, будто кожу вокруг глаз... – он замолчал, подбирая подходящее сравнение, – как будто кожу... подтянули, что ли. Ха, знаешь что? Спорим, он только что сделал пластическую операцию.

«Точно, – подумал Рудольф. – Ну конечно. Вовсе он не отсыпался на юге».

– Возможно, – сказал он. – От Тедди Бойлана жди чего угодно.

– Все на кухне, – весело объявила Гретхен вновь прибывшей паре, а сама, оглядывая маленькую гостиную, подумала: кто эти люди? Зачем они здесь?

В комнате набилось человек тридцать, и из них она знала только половину. А сколько еще придет? Этого она никогда не могла сказать заранее. Иногда у нее возникало такое впечатление, что Вилли приглашал первых попавшихся на улице людей. Мэри-Джейн распоряжалась на кухне, заменяя бармена. У Мэри-Джейн был сейчас трудный период – она оправлялась после второго развода, – и ее надо было приглашать на все сборища.

Гретхен поморщилась, заметив, как кто-то из гостей стряхнул пепел прямо на ковер, а потом бросил тут же окурок и раздавил его каблуком.

Рудольф с Джонни Хитом, как всегда, забились вдвоем в угол и о чем-то оживленно беседовали. Говорил в основном Джонни, а Рудольф слушал. Двадцатипятилетний Хит уже был партнером в одной из маклерских фирм на Уолл-стрит и, по слухам, успел сколотить себе на бирже целое состояние. Он был обаятельным молодым человеком, скромным, уравновешенным, с живыми глазами и тихим голосом. Гретхен знала, что, приезжая в Нью-Йорк, Рудольф часто ужинает с ним и ходит на бейсбол. Когда бы ей ни доводилось случайно услышать их разговор, они говорили об одном и том же: биржевые сделки, слияние компаний, создание новых фирм, прибыли, способы снижения налогов. Ей все это представлялось ужасно скучным, но Рудольфа, кажется, безумно увлекало. Однажды она спросила его, почему из всех людей, бывающих в ее доме, он выбрал в друзья именно Джонни. Рудольф совершенно серьезно

ответил: «Он единственный из твоих приятелей, кто может чему-то меня научить».

Кто поймет ее брата? Тем не менее Гретхен не собиралась устраивать в честь брата такую вечеринку. Но почему-то все вечеринки в их доме оказывались именно такими. Состав гостей периодически менялся: актеры, актрисы, молодые режиссеры, журналисты, манекенщицы, девушки из журнала «Тайм», продюсеры с радио, молодой человек из рекламного агентства, женщины вроде Мэри-Джейн, которые, едва разведясь, рассказывали всем, что их бывшие мужья – гомосексуалисты; похожие на мошенников молодые люди с Уолл-стрит, аппетитная секретарша, после третьей рюмки начинавшая флиртовать с Вилли; бывший пилот из эскадрильи Вилли, неизменно затевавший с Гретхен разговор о Лондоне; чей-то неудовлетворенный муж, который вначале пытался ухаживать за ней, а под конец наверняка уйдет с Мэри-Джейн...

Да, состав гостей периодически менялся, но разговоры велись все те же. Устраивать такой вечер раз в месяц еще куда ни шло. Даже два раза в месяц, если бы они не засыпали пеплом всю комнату. В общем-то все они были красивыми, образованными молодыми людьми. У всех откуда-то были деньги, и все хорошо одевались. Живя в Порт-Филипе, Гретхен мечтала как раз о таких друзьях. Но они окружали ее уже почти пять лет... И эта толчея на кухне. Бесконечные вечеринки.

С решительным видом она прошла сквозь толпу к лестнице и поднялась в комнату на чердаке, где спал Билли. Кроме его кровати и игрушек, здесь был еще большой стол, за которым Гретхен работала.

На столе стояла пишущая машинка, высились кипы книг, газет и журналов. Гретхен любила работать рядом с сыном, а тому нисколько не мешал стрекот машинки.

Она включила настольную лампу и увидела, что он не спит. Он лежал в пижаме на своей кровати – рядом на подушке тряпичный жираф, – медленно водил руками по воздуху, точно рисовал какие-то узоры в сигаретном дыму, плывшем сюда снизу. Гретхен почувствовала себя виноватой. Но не запретишь же людям курить, потому что наверху спит четырехлетний ребенок, которому это может не нравиться. Она нагнулась и поцеловала сына в лоб. После ванны от малыша пахло мылом и чистой детской кожей.

– Когда я вырасту, – сказал он, – не буду никого приглашать в гости.

Не в отца пошел, подумала Гретхен. Хотя и точная его копия: светловолосый, на щеках ямочки. Ничего от Джордахов. Впрочем... Наверное, Томас в детстве был таким же.

– Спи, Билли. – Гретхен склонилась над кроватью и поцеловала его еще раз. Потом подошла к столу и взяла попавшуюся под руку книгу – «Основы психологии». Она ходила на вечерние курсы при Колумбийском университете. Ее угнетало ощущение своей необразованности и она стеснялась просвещенных друзей Вилли, а порой и его самого.

Когда родился Билли, Гретхен ушла из театра. Вернусь туда позже, когда он подрастет и я не буду нужна ему целый день, убеждала она себя тогда. Но

теперь уже твердо знала, что никогда не будет актрисой. Не велика потеря. Ей пришлось подыскивать работу, которой можно было бы заниматься дома, и, к счастью, она нашла ее без труда. Она стала помогать Вилли: когда ему надоедало или он был занят другими делами, писала за него рецензии на радиопостановки, а затем и на телепрограммы. Поначалу он подписывался под ее статьями, но вскоре ему в редакции предложили административную работу с повышением жалованья, и с этих пор она ставила под рецензиями свою подпись. Редактор с глазу на глаз сказал ей, что она пишет гораздо лучше Вилли, но она к тому времени уже сама поняла, чего стоит литературное дарование мужа. Однажды, разбирая старый чемодан, она наткнулась на первый акт его пьесы. Полное убожество. То, что казалось умным и смешным, когда Вилли рассказывал, на бумаге превращалось в пошлость. Конечно, она не сказала ему о своем впечатлении, как не сказала, что вообще прочла его пьесу, но стала настойчиво склонять перейти на административную работу.

Она взглянула на лист желтой бумаги, вставленный в машинку. Сверху карандашом был выведен вариант заголовка «Песнь песней коммерсанта», и Гретхен скользнула глазами по странице. «Доверчивость, – писала она, – которая считается национальной чертой всех американцев, с выгодой используется коммерсантами, обманом или угрозами навязывающими нам свои товары независимо от того, полезны они нам, нужны или, наоборот, опасны. Нас смешат, чтобы мы покупали суповые концентраты, пугают, чтобы всучить джем для завтрака, цитируют „Гамлета“, предлагая нам автомобили, несут околесицу, чтобы мы приобретали слабительное...»

Гретхен поморщилась. Недотянуто. К тому же бесполезно. Кто будет ее слушать и тем более что-то предпринимать? Американцам кажется, что они покупают то, что хотят. Большинство ее гостей там, внизу, в той или иной мере наживаются именно на том, что их хозяйка осуждает здесь, наверху. Она вытащила лист из машинки и бросила в мусорную корзинку – все равно эту статью никто никогда не напечатает. Об этом позаботится даже сам Вилли.

На лестнице послышались шаги. Вилли открыл дверь.

– А я-то думал, куда ты подевалась.

– Я пыталась прийти в себя.

– Гретхен, – укоризненно сказал он. Лицо его слегка разрумянилось от выпитого, а на верхней губе выступили капельки пата. – Они не только мои друзья, но и твои.

– Ничьи они не друзья, – отрезала Гретхен. – Просто любят выпить, вот и все.

– Что же, по-твоему, я должен сделать? Выгнать их?

– Да, выгнать.

– Ты же знаешь, что это невозможно. Пошли вниз, дорогая. Они бог знает что могут о тебе подумать.

– Скажи, что у меня вдруг возникло дикое желание покормить ребенка грудью. В некоторых племенах женщины кормят детей грудью до семи лет. Они там, внизу, все знают. Посмотрим, знают ли и это.

– Родная. – Вилли подошел и обнял ее. На нее пахнуло запахом джина. –

Успокойся, прошу тебя. Ты стала ужасно нервной.

– О, так ты это заметил?

– Конечно, заметил. – Он поцеловал ее в щеку. «Пустой поцелуй», – подумала Гретхен. Он не спал с ней две недели. – Ты себя совсем не жалеешь. Ребенок, работа, учеба... – Вилли все время пытался уговорить ее бросить занятия. – Что ты хочешь этим доказать? Я и так знаю, что ты самая умная женщина в Нью-Йорке.

– Я не делаю и половины того, что следует. Мне, пожалуй, стоит спуститься и подцепить подходящего кандидата в любовники. Чтобы успокоить нервы. – Она вырвалась из его объятий, повернулась и вышла из комнаты.

Рудольф, наговорившись с Джонни Хитом, стоял в углу с Джули. Вероятно, Джули приехала, пока Гретхен была наверху.

Гретхен махнула рукой Рудольфу, но не сумела привлечь его внимание. Она уже шла к нему и Джули, когда ее остановил директор одного рекламного агентства, слишком хорошо одетый и слишком красиво причесанный.

– Дорогая хозяйка, – сказал человек, похожий на английского актера. Его звали Алек Лир. Он начал свою карьеру посыльным в радиоконпании Си-Би-Эс, но это было давным-давно. – Разрешите вас поздравить. Вечер удался на славу.

– Вы – подходящий кандидат? – глядя ему прямо в глаза, спросила Гретхен.

– Что? – Листер с недоумением взял стакан в другую руку. Он не привык, чтобы с ним говорили загадками.

– Ничего, – ответила Гретхен. – Поток сознания. Рада, что вам нравится мой зверинец.

– Очень нравится, – без колебаний одобрил он. – Очень. А еще мне нравится состав гостей и ваши статьи. Если вы позволите мне высказать свое мнение, – продолжал он, зная, что может спокойно высказывать свое мнение по любому поводу, – статьи прекрасные, но... на мой взгляд, излишне колючие. В них чувствуется некоторая враждебность. Должен признаться, это придает им приятную остроту, однако их общая направленность против всего рекламного бизнеса...

– О, значит, и вы это заметили? – невозмутимо сказала Гретхен.

– Да, заметил, – сухо сказал Листер, равнодушно глядя на нее. Вся сердечность его исчезла, и лицо в одну секунду стало официальным, холодным. – И не только я. В наши дни, когда действия почти каждого расследуются и рекламодатели чертовски осторожны, чтобы не заплатить деньги людям, чьи позиции могут оказаться неприемлемыми...

– Вы меня предостерегаете?

– Можете считать, да, – сказал он. – По дружбе.

– Очень мило с вашей стороны, дорогой, – легко коснувшись его плеча и нежно улыбаясь, сказала Гретхен. – Но боюсь, уже немного поздно. Я воинствующая коммунистка на содержании у Москвы.

– Не обращай на нее внимания, Алек, – сказал Вилли, подойдя к ним, и крепко взял Гретхен за локоть. – Она сегодня на всех бросается. Идем на

кухню, выпьем чего-нибудь.

– Спасибо, Вилли, – ответил Листер, – но мне пора идти; Я обещал заглянуть еще в два дома сегодня. – Он поцеловал Гретхен в щеку почти воздушным поцелуем. – До свиданья, дорогая. Надеюсь, вы запомнили, что я вам сказал.

– Я ваши слова высеку на мраморе, – сказала она.

Невозмутимый и равнодушный, он пошел к выходу, по пути поставив свой стакан на книжный шкаф. Потом на полировке останется пятно.

– В чем дело? – тихо спросил Вилли. – Ты ненавидишь деньги?

– Я ненавижу его. – Гретхен отодвинулась от мужа и, сияя улыбкой, стала проталкиваться в угол, где Рудольф разговаривал с Джули. Казалось, Джули вот-вот заплачет, а у Рудольфа был сосредоточенный, упрямый вид.

– По-моему, это ужасно, – говорила Джули. – Да, я так считаю.

– Ты сегодня изумительно выглядишь, Джули. Просто роковая женщина, – прервала ее Гретхен.

– Во всяком случае, я себя ею не чувствую, – голос Джули дрожал.

– А что произошло?

– Он собирается постоянно работать у Колдервуда. С завтрашнего дня.

– Ничто не постоянно, – сказал Рудольф.

– Хочет на всю жизнь застрять за прилавком в захолустном городишке, – не слушая его, продолжала Джули. – Стоило ли ради этого кончать колледж?

– Я объяснял тебе, что нигде не собираюсь застревать на всю жизнь, – возразил Рудольф.

– Нет, ты уж расскажи сестре все, – не унималась Джули.

– А что еще? – спросила Гретхен. Признаться, ее тоже разочаровал выбор Рудольфа. В то же время она в душе вздохнула с облегчением: работая у Колдервуда, он будет продолжать заботиться о матери.

– Мне хотели сделать подарок. Лето в Европе, – ровным голосом сказал Рудольф.

– Кто это тебе предложил? – спросила Гретхен, хотя знала ответ.

– Тедди Бойлан. Я уверена, родители разрешили бы мне с ним поехать, – сказала Джули. – Это было бы самое замечательное лето в нашей жизни.

– У меня нет времени на самое замечательное лето в нашей жизни, – отчеканивая каждое слово, заявил Рудольф.

– Руди, по-моему, ты заслужил отдых после такой напряженной работы, – сказала Гретхен.

– Европа никуда не денется. Я поеду туда, когда почувствую, что созрел для этого.

– Гретхен, – подошел к ней молодой человек, – мы хотели поставить пластинку, но похоже, проигрывателю капут.

– Мы потом еще поговорим, – сказала Гретхен Рудольфу и Джули. – Что-нибудь придумаем. – И вместе с молодым человеком направилась к проигрывателю.

Когда спустя некоторое время она взглянула в их сторону, то обнаружила, что они уже ушли. Больше в этом доме целый год не будет никаких вечеров,

решила Гретхен и прошла на кухню, где Мэри-Джейн налила ей виски.

Они шли к Пятой авеню. Джули шагала на расстоянии от Рудольфа. Ее полные губы были обиженно сжаты.

– У тебя там есть женщина, – сказала она наконец. – Поэтому ты и хочешь остаться в этой дыре.

Рудольф рассмеялся.

– Можешь смеяться, все равно меня не обманешь, – с горечью продолжала Джули. – Тебе вскружила голову какая-нибудь продавщица из галантерейного отдела, или кассирша, или еще кто-то. Ты спишь с ней, я знаю.

Он снова рассмеялся над ее беспочвенными обвинениями.

– А если нет, значит, ты какой-то неполноценный. Мы встречаемся уже пять лет, ты говоришь, что любишь меня, но мы только целуемся.

– Ты ничем не намекала, что ждешь большего.

– Что ж. Вот и намекнула. Жду. Сейчас. Сегодня. Я остановилась в «Сент-Морице», номер девятьсот двадцать три.

– Нет, – сказал Рудольф.

– Или ты мне врешь, или ты неполноценный.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Можем пожениться хоть на следующей неделе.

– И где же мы проведем наш медовый месяц? В отделе дачной мебели универмага Колдервуда? Я предлагаю тебе свое белое непорочное тело, – насмешливо продолжала она. – И не требую взамен никаких обязательств. Кому нужна свадьба? Я свободная, эмансипированная, чувственная американка! Ты хочешь похоронить меня вместе с собой в унылом провинциальном городишке. А я-то всегда считала, что ты умный, что у тебя впереди блестящее будущее. Хорошо, я выйду за тебя замуж. На следующей неделе. Но при условии, что летом мы поедem в Европу, а осенью ты начнешь изучать право. Впрочем, последнее не обязательно. Мне не важно, чем ты будешь заниматься, но мы должны жить в Нью-Йорке. Я тоже буду работать. Я хочу работать. А что мне делать в Уитби? Весь день думать, какой надеть фартук к твоему приходу домой?

– Я обещаю, что через пять лет мы будем жить в Нью-Йорке или в любом другом месте, где ты пожелаешь.

– Ты обещаешь! Обещать легко. Но я не собираюсь вычеркнуть из своей жизни целых пять лет. Я тебя просто не понимаю. Ну скажи на милость, что это тебе даст?

– Я начинаю работать на два года раньше всех, с кем я учился. И я знаю, что я делаю. Колдервуд мне доверяет. А Колдервуд скоро будет ворочать крупными делами. Магазин лишь первый шаг, можно сказать: трамплин. Колдервуд этого не знает, но я знаю. И когда я перееду в Нью-Йорк, то буду не просто никому не известным молодым человеком, только что окончившим колледж и обивающим пороги в поисках работы. Я не буду стоять в прихожих и держать шляпу в руках, дожидаясь, пока меня примут. Когда я приеду в Нью-Йорк через пять лет, меня будут радушно встречать уже у дверей. Я слишком долго был бедным, Джули, и сделаю все, чтобы никогда не быть

бедным снова.

– Ты – дитя Бойлана. Он погубил тебя. Деньги!.. Неужели они так много для тебя значат? Только деньги... Даже если так... если бы ты решил стать юристом...

– Я не могу больше ждать, – сказал он. – Я ждал слишком долго. И с меня хватит учебы. Нужен мне будет юрист, я найму его. Если хочешь быть со мной – прекрасно. Если нет... – Но он не мог заставить себя продолжать и виновато повторил: – Если нет... Джули, я не знаю... Я думал, что все знаю, все понимаю. Но я не понимаю тебя.

– Я обманывала родителей, чтобы только быть с тобой. – Она уже плакала.

– Но ты не тот Рудольф, которого я любила. Ты марионетка в руках Бойлана. Я не хочу больше с тобой говорить.

Безудержно рыдая, она махнула проходившему мимо такси, вскочила в него и хлопнула дверцей.

Застыв на месте, он глядел вслед удалявшейся машине. Затем повернулся и медленно побрел обратно к дому сестры. У него там осталась сумка. Гретхен постелет ему на диване в гостиной.

3

1950 год.

Томас набрал нужную комбинацию цифр в замке и открыл свой шкафчик. Вот уже несколько месяцев на всех шкафчиках в раздевалке висели замки. Это было сделано по настоянию Брюстера Рида после того, как у него пропала из кармана знаменитая стодолларовая ассигнация.

Томас в ту злополучную субботу находился в Порт-Филипе. В понедельник, когда Томас вернулся в клуб, Доминик с удовольствием сообщил ему эту новость. «По крайней мере теперь эти гады знают, что ты ни при чем, и не будут обвинять меня, что я нанял на работу вора», – сказал Доминик. Более того, он даже добился, чтобы клуб повысил Томасу зарплату на десять долларов в неделю.

Когда Томас вошел в зал, Доминик и Грининг надевали перчатки. Доминик был простужен, а кроме того, накануне вечером слишком много выпил. Глаза у него были красные, двигался он медленно. Тренировочный костюм висел на нем мешком. Доминик выглядел старым, сквозь растрепанные волосы поблескивала лысина. Грининг, слишком высокий для своей весовой категории, нетерпеливо расхаживал по залу. В ярком свете ламп глаза его казались выцветшими, а коротко подстриженные белокурые волосы – почти платиновыми. Розовощекий, с прямым носом, решительным подбородком и тяжелой челюстью, он, бесспорно, был красив и, если бы не вышел из богатой семьи, пренебрежительно относившейся к профессии актера, наверняка мог бы стать звездой в ковбойских фильмах. С того дня, как Грининг обвинил Томаса в краже десяти долларов, он ни разу не заговаривал с ним и сейчас, когда тот вошел в зал, даже не взглянул в его сторону.

– Помоги мне, малыш, – попросил Доминик. Томас зашнуровал ему

перчатки.

Доминик взглянул на большие часы над дверью зала, чтобы засечь время и ни в коем случае не боксировать более двух минут без отдыха, потом поднял руки к груди и шагнул к Гринингу.

– Если вы готовы, можем начинать, сэр.

И Грининг немедленно двинулся на него. Он боксировал в традиционной, академической манере. Длинные руки позволяли ему посылать неожиданные удары в голову Доминику. Простуда и похмелье быстро дали себя знать – Доминик начал задыхаться. Пытаясь выйти из круга ударов, он уперся головой Гринингу в подбородок и без особого энтузиазма наносил ему вялые удары в живот. Внезапно Грининг шагнул назад и правой рукой нанес молниеносный апперкот, который пришелся Доминику прямо в зубы.

«Дрянью», – подумал Томас, но вслух не сказал ничего, и выражение его лица не изменилось.

Доминик сел на мат и непроизвольно поднес огромную перчатку к окровавленным губам. Грининг даже не двинулся с места, чтобы помочь ему встать. Он отступил на шаг и равнодушно смотрел на Доминика, ожидая, когда тот поднимется. Доминик протянул руку в перчатке к Томасу.

– Сними их с меня, малыш, – хрипло сказал он. – Мне на сегодня хватит.

В полной тишине Томас нагнулся, расшнуровал перчатки и снял их с Доминика. Он знал, что старый боксер не захочет, чтобы ему помогли встать, и поэтому не предложил руку для опоры. Доминик медленно поднялся на ноги и вытер окровавленный рот рукавом.

– Извините, сэр, – сказал он Гринингу. – Я, кажется, сегодня не в форме.

– Мне такой разминки мало, – недовольно заметил Грининг. – Вам следовало сразу сказать, что вы плохо себя чувствуете. Я тогда не стал бы раздеваться. А как ты, Джордах? – повернулся он к Томасу. – Хочешь размяться со мной несколько минут?

Томас вопросительно взглянул на Доминика, в темных опухших глаза которого вспыхнула сицилийская ненависть.

– Ну что ж, Том, если мистер Грининг изъявляет такое желание, – тихо сказал он, сплевывая кровь, – я думаю, ты можешь оказать ему услугу.

Томас надел перчатки, и Доминик молча зашнуровал их. Томас ощутил знакомое напряженное чувство: страх, удовольствие, нетерпение. По рукам и ногам словно пробежал электрический ток. Он заставил себя весело, по-мальчишески улыбнуться Гринингу, который наблюдал за ним с каменным лицом. Доминик отступил в сторону.

– Порядок, – сказал он.

Грининг, прикрывая подбородок правой рукой, а левую выставив вперед, двинулся на Томаса. Тот легко отбил удар его левой руки и тотчас уклонился от метнувшейся к нему правой. Грининг был выше его, но всего на восемь-девять фунтов тяжелее. Однако двигался быстрее, чем Томас ожидал, и следующий удар пришелся Томасу повыше виска. Томас давно не дрался по-настоящему, и вежливые разминки с мирными джентльменами, тренировавшимися в клубе, были недостаточной подготовкой к такому поединку. Грининг сделал

обманный выпад и нанес левой хук Томасу в голову. «Сукин сын, не шутит», – подумал Томас, пригнулся, ударил левой Грининга в бок и послал удар правой ему в подбородок. Грининг вошел в клинч, стал молотить его по ребрам правой. Он был сильным, очень сильным. В этом не приходилось сомневаться.

Томас бросил быстрый взгляд на Доминика, ожидая какого-нибудь сигнала, но тот бесстрастно стоял в стороне. «Ну что ж, прекрасно, – решил Томас, – тогда начнем. Черт с ним, будь что будет...»

Грининг дрался расчетливо и грубо, пользуясь преимуществом своего роста и веса, а Томас вкладывал в свои меткие удары всю ту злобу, которую так долго держал под спудом. «Вот тебе, капитан, – говорил он про себя, пуская в ход все известные ему приемы. – Получай, богатый красавчик. Вот тебе, полицейский, на все твои десять долларов».

У обоих уже текла кровь из носа и изо рта, когда Томас наконец нанес удар, который, он знал, будет началом конца. Глупо улыбаясь, Грининг отступил назад, слабо размахивая поднятыми руками. Томас обошел вокруг него, готовясь к последнему решающему удару, но в этот момент Доминик встал между ними.

– Пока хватит, джентльмены, – сказал он. – Это была хорошая разминка.

Грининг быстро пришел в себя и холодно уставился на Тома.

– Снимите с меня перчатки, Доминик, – коротко сказал Грининг. Он даже не подумал вытереть кровь с лица. Доминик расшнуровал ему перчатки, и Грининг, держась очень прямо, вышел из зала.

– Прощай моя работа в клубе, – сказал Томас.

– Очень может быть, – согласился Доминик. – Но такой бой стоит этого. По крайней мере для меня. – И он улыбнулся.

Прошло три дня, но ничего не случилось. Ни Доминик, ни Томас не сказали о поединке с Гринингом никому из членов клуба. Возможно, Грининг был слишком сконфужен тем обстоятельством, что его побил двадцатилетний мальчишка, уступавший ему и ростом и весом, и не решался устроить скандал.

Каждый вечер перед закрытием клуба Доминик говорил:

– Пока все тихо, – и стучал по дереву.

Но на четвертый день Чарли; уборщик раздевалки, подошел к Томасу.

– Доминик вызывает тебя к себе, – сказал он. – Иди немедленно.

Доминик сидел за письменным столом, пересчитывая лежащие перед ним деньги – девяносто долларов десятками. Когда Томас вошел в кабинет, Доминик печально взглянул на него.

– Вот тебе зарплата за две недели вперед, малыш, – сказал он. – Сегодня днем было собрание клубного комитета. Ты уволен.

– Вам следовало разрешить мне нанести тот последний удар, – заметил Томас.

– Да, наверно.

– У вас тоже будут неприятности?

– Возможно, – ответил Доминик и добавил: – Береги себя. Запомни мой совет: никогда не доверяй богачам.

1954 год.

Он проснулся ровно без четверти семь. Он никогда не заводил будильник. Обходился без него.

В комнате было холодно. На открытом окне ветер шевелил шторы, и сквозь них пробивался бледный свет раннего зимнего утра.

День сегодня должен быть необычным. Вчера перед закрытием он зашел к Колдервуду и положил ему на стол толстый конверт.

– Мне бы хотелось, чтобы вы прочли это, когда у вас будет время.

– Очередная сумасбродная идея? – спросил тот. – Снова хочешь меня на что-то подбить?

– Ага, – улыбнулся Рудольф.

– Знаешь что, молодой человек, с тех пор как ты начал работать в магазине, у меня повысился холестерин. Значительно повысился!

– Миссис Колдервуд просила меня убедить вас взять отпуск.

– Вот как? – фыркнул Колдервуд. – Она просто не знает, что я не должен оставлять тебя одного в магазине даже на десять минут.

Тем не менее, уходя домой, он захватил с собой конверт. Рудольф был уверен: стоит Колдервуду начать читать то, что лежало в конверте, он не остановится, пока не дочитает до конца.

Откинув одеяло, Рудольф встал, быстро подошел к окну и закрыл его. Стараясь не дрожать от холода, снял пижаму и надел теплый спортивный костюм, шерстяные носки и теннисные туфли. Потом накинул на плечи клетчатое драповое пальто, осторожно закрыл за собой дверь, чтобы не разбудить мать, и вышел на улицу.

Внизу у подъезда его ждал Квентин Макговерн, тоже в спортивном костюме, поверх которого был надет толстый свитер. На голове шерстяная вязаная шапочка, натянутая по самые уши. Четырнадцатилетний Квентин был старшим сыном негритянской пары, жившей в доме напротив. Каждое утро Рудольф и Квентин вместе бегали.

– Привет, Квент, – поздоровался Рудольф.

– Привет, Руди, – ответил тот. – Ужасно холодно. Мать считает, что мы оба ненормальные.

– Ничего, она заговорит по-другому, когда ты привезешь ей золотую медаль с Олимпийских игр.

Рудольф открыл дверь гаража, вывел свой мотоцикл, сел и включил мотор. Квентин забрался на заднее сиденье, обхватил Рудольфа за пояс, и они помчались по улице. Холодный ветер бил им в лицо, глаза слезились.

До университетского спортивного поля было всего несколько минут езды – колледж в Уитби теперь стал университетом. Рудольф остановил мотоцикл, слез, снял пальто и бросил его поверх сиденья.

– Лучше сними свитер, если не хочешь простудиться на обратном пути, – сказал он Квентину.

Во время учебы в колледже у Рудольфа никогда не оставалось времени на

спорт. Его немного забавляло, что теперь он, занятой деловой человек, находит время шесть раз в неделю бегать утром по полчаса. Он делал это, чтобы держаться в форме, а кроме того, ему доставляли наслаждение тишина раннего утра, запах земли, ощущение перемен в природе, упругость беговой дорожки... Начал он бегать один, но как-то раз, выйдя из дому, увидел Квентина, стоявшего у его подъезда в спортивном костюме.

– Мистер Джордах, – обратился к нему мальчик, – я давно заметил, что вы каждое утро тренируетесь. Не возражаете, если я буду бегать вместе с вами?

Рудольф уже собирался ответить отказом – ему нравилось с утра побыть одному, прежде чем потом на целый день окунуться в людскую толчею в магазине, – но Квентин, точно угадав его мысль, добавил: – Я выступаю за нашу школу на дистанции четыреста сорок ярдов. Если я буду ежедневно тренироваться всерьез, то непременно улучшу свой результат. Вам совсем не обязательно со мной разговаривать, мистер Джордах. Просто разрешите бегать рядом.

Говорил он застенчиво и тихо. Рудольф понимал, каких усилий стоило мальчику собрать всю свою храбрость, чтобы обратиться с такой просьбой к взрослому белому человеку, который до этого всего лишь мимоходом здоровался с ним. Отец Квентина работал в магазине Колдервуда шофером на грузовике.

– Хорошо, – сказал Рудольф. – Пошли.

Квентин, долговязый, с длинными худыми ногами, бегал в ровном, подходящем темпе. Рудольф был доволен, что они тренируются вместе: с Квентином он бегал быстрее, чем один.

Пробежав напоследок еще два круга, они, разгоряченные и потные, оделись, сели на мотоцикл и поехали домой по просыпающимся улицам.

Рудольфу нравился парнишка, и он решил на время летних каникул подыскать ему какую-нибудь работу в магазине: наверняка семье Квентина не помешают дополнительные деньги.

Когда он вошел в квартиру, мать уже встала.

– Как на улице? – спросила она.

– Холодно, – ответил он. – Ты ничего не потеряешь, если сегодня посидишь дома. – Они оба, упорно поддерживая иллюзию, вели себя так, будто мать, как все другие женщины, каждый день выходит по делам.

Он вошел в ванную, принял душ: сначала пустил горячую воду, потом – ледяную. Все тело его горело. Вытираясь, он слышал, как мать включила соковыжималку, чтобы приготовить ему стакан апельсинового сока, потом принялась варить кофе. Ему были слышны ее грузные, шаркающие шаги – казалось, кто-то тащит по полу тяжелый мешок.

Рудольф надел серые шерстяные брюки, мягкую голубую рубашку, темно-красный галстук и коричневый твидовый пиджак. Получив должность помощника управляющего, он первый год ходил в темных строгих костюмах, но теперь, по мере того как его влияние росло, стал одеваться менее строго. Он был молод для занимаемого им поста и следил за тем, чтобы не выглядеть нарочито важным. Поэтому же он купил себе не машину, а мотоцикл. Когда он

с ревом подкатывал к магазину, в любую погоду без шляпы, с разметавшимися на ветру волосами, никто не мог сказать, что молодой помощник управляющего много о себе мнит. Нужно действовать по-умному, чтобы тебе завидовали как можно меньше.

Он прошел на кухню, пожелал матери доброго утра и поцеловал ее. Она радостно, по-девичьи, улыбнулась. Когда он забывал поцеловать ее, за завтраком ему приходилось выслушивать длинный монолог о том, что она плохо спала и что лекарства, прописанные врачом, совсем не помогают – выброшенные деньги. Он не говорил матери, сколько зарабатывает. Не говорил и что вполне может позволить себе снять квартиру гораздо приличнее, чем эта: он не собирался принимать дома гостей, а деньги нужны ему были для других целей.

Он сел за кухонный стол, выпил сок и кофе, съел бутерброд. Мать ограничилась чашкой кофе. Волосы у нее висели прямыми жидкими прядями, под глазами были огромные фиолетовые мешки. И тем не менее Рудольфу казалось, что она выглядит сейчас ничуть не хуже, чем последние три года, и, вполне возможно, проживет лет до девяноста. Впрочем, он ничего не имел против этого. Благодаря ей он был освобожден от службы в армии: единственный кормилец, на руках мать-инвалид. Последний и самый дорогой материнский подарок – он спас его от холодных окопов в Корее.

– Ночью видела во сне Томаса, – сказала она. – Он выглядел, как когда ему было восемь лет. Вошел ко мне в комнату и сказал: «Прости меня, прости меня...». – Она задумчиво отпила кофе. – Я никогда раньше не видела его во сне. Ты о нем что-нибудь знаешь?

– Нет.

– А ты ничего от меня не скрываешь?

– Нет. Зачем что-то скрывать?

– Хотелось бы мне взглянуть на него перед смертью. Все-таки он моя плоть и кровь.

– Тебе рано думать о смерти, – заметил Рудольф.

– Может быть, – согласилась Мэри. – Весной, мне почему-то кажется, я буду чувствовать себя лучше. Мы снова сможем ходить на прогулки.

– Вот это другой разговор, – улыбнулся Рудольф, допил кофе и встал. – Я сегодня сам приготовлю ужин. По дороге домой что-нибудь куплю.

– Только не говори что, – кокетливо сказала она. – Пусть будет для меня сюрприз.

– Ладно, сделаю тебе сюрприз. – Он поцеловал ее на прощание и вышел.

В кабинете у Рудольфа стояло два письменных стола – за вторым сидела мисс Джайлс, его секретарша, энергичная старая дева. Вдоль стен на широких полках висели симметричные стопки журналов: «Вог», «Севентин», «Гламур», «Харперс базар», «Эсквайр», «Хаус энд гарден». Из них Рудольф черпал идеи для совершенствования универмага. Уитби менялся на главах, люди, приезжавшие сюда из Нью-Йорка, были состоятельными и тратили деньги не задумываясь. Коренные обитатели городка жили теперь гораздо лучше, чем раньше, и постепенно перенимали изощренные вкусы приезжих.

Зазвонил телефон. Рудольф снял трубку.

– Джордах? Это профессор Дентон. Простите, что я вас беспокою, но не могли бы вы уделить мне сегодня несколько минут? – Голос Дентона звучал как-то странно. Казалось, он пытается говорить шепотом, словно боится, что его подслушивают.

– Что за вопрос, профессор, разумеется, – ответил Рудольф. Он виделся с Дентоном довольно часто, когда заходил в библиотеку колледжа за книгами по делопроизводству и экономике. – Я в магазине весь день.

– А если мы встретимся где-нибудь на нейтральной территории, не в магазине? Вы могли бы со мной пообедать? – сдавленным голосом попросил Дентон.

– У меня на обед всего сорок пять минут...

– Вот и прекрасно. Мы увидимся где-нибудь поблизости от магазина, – почти задыхаясь торопливо предложил Дентон. В аудитории он всегда говорил медленно и отчетливо. – Может быть, в «Рипли»? Это за углом от вас.

– Хорошо, – согласился Рудольф, удивленный его выбором. «Рипли» больше походил на пивную, чем на ресторан. Туда в основном приходили рабочие, и не поесть, а выпить. Не совсем подходящее место для пожилого профессора истории и экономики. – Вас устроит в четверть первого?

– Вполне. Спасибо, Джордах, большое спасибо. Это очень любезно с вашей стороны. В четверть первого я буду там, – поспешно сказал Дентон. – Я даже не могу выразить, насколько я благодарен... – Он повесил трубку, не закончив фразы.

Рудольф начал первый за день обход-магазина. Он шел медленно, улыбаясь продавцам; замечая какие-либо упущения, не останавливался и делал вид, что не обратил внимания. Позднее, вернувшись в кабинет, он продиктует секретарше вежливые служебные записки заведующим соответствующими отделами: галстуки, продающиеся по сниженным ценам, разложены на прилавке недостаточно аккуратно, у мисс Кейл в парфюмерном отделе слишком ярко накрашены глаза, в кафетерии душно, следует улучшить вентиляцию.

Особое внимание он уделял отделам, открывшимся в универмаге совсем недавно и по его инициативе, в частности маленькой секции, торговавшей дешевой бижутерией, итальянскими свитерами, французскими шарфами и меховыми шапками, – секция приносила удивительно большую прибыль: кафетерию, который не только давал доход, но стал излюбленным местом встреч многих домохозяек, не уходивших после этого из магазина с пустыми руками; и лыжной секции в отделе спортивных товаров.

Отдел пластинок тоже был его идеей и привлек в магазин юнцов, соривших родительскими деньгами. Колдервуд, не переносивший шума и крайне недоброжелательно относившийся к поведению большинства молодых людей (его собственные три дочери – две уже взрослые, а третья, бледная, худосочная девица, еще школьница – отличались унылой викторианской чопорностью), очень противился созданию этого отдела, но Рудольф, познакомив его со статистическими данными ежегодных расходов

американской молодежи на пластинки, пообещал установить в зале звуконепроходимые кабины, и Колдервуд уступил. Он часто сердился на Рудольфа, но тот неизменно был со стариком вежливым и терпеливым и в большинстве ситуаций знал, как им вертеть. В кругу друзей Колдервуд хвастался своим мальчишкой-помощником и тем, что вовремя сообразил выбрать из толпы именно его. Он даже удвоил ему зарплату, хотя Рудольф никак не побуждал его к этому, а на рождество вручил премию – три тысячи долларов. «Он не только модернизирует магазин, – говорил Колдервуд, когда Рудольфа не было поблизости. – Этот сукин сын модернизирует и меня самого. Впрочем, если на то пошло, я для этого и нанимал молодого».

Раз в месяц он приглашал Рудольфа к себе домой на мрачный пуританский ужин, за которым дочери Колдервуда разговаривали, только когда к ним обращались, а самым крепким напитком был яблочный сок. Пруденс, старшая и самая хорошенькая из дочерей, не раз просила Рудольфа сходить с ней на танцы в загородный клуб. Вдали от родительского дома Пруденс забывала о викторианских приличиях, но Рудольф не позволял себе с ней никаких вольностей. В его планы не входила такая опасная банальность, как женитьба на дочери босса.

Он пока вообще не собирался жениться. С этим можно подождать. Три месяца назад он получил приглашение на свадьбу Джули. Она выходила замуж в Нью-Йорке за некоего Фицджеральда. Рудольф на свадьбу не поехал, но, когда он составлял поздравительную телеграмму, в глазах у него были слезы. Он презирал себя за эту слабость и, с головой окунувшись в работу, умудрился почти выкинуть Джули из памяти.

Он сторонился всех других девушек. Проходя по универмагу, он ловил на себе кокетливые взгляды продавщиц, которые были бы счастливы завязать с ним роман. Конечно, это не оставляло его равнодушным, но он подавлял в себе искушение и со всеми держался одинаково любезно и бесстрастно.

Он проглядывал новые эскизы оформления витрин, когда ему позвонил Колдервуд.

– Руди, зайди ко мне на минутку. – Голос Колдервуда звучал необычно сдержанно и не выдавал никаких эмоций.

Как всегда, дверь в кабинет Колдервуда была открыта.

– Входи, Руди, и закрой за собой дверь. – Перед ним на столе лежали бумаги, врученные ему Рудольфом в конверте прошлым вечером. – Должен признаться, – мягко продолжал Колдервуд, – ты самый удивительный молодой человек из всех, кого мне приходилось встречать на своем веку.

Рудольф молчал.

– Кто еще читал все это? – спросил Колдервуд, показывая на бумаги.

– Никто.

– А кто печатал? Мисс Джайлс?

– Нет, я сам, дома.

– Откуда тебе известно, что мне принадлежит тридцать акров земли рядом с озером? – спросил Колдервуд, переходя к делу.

Официально участок числился за некой нью-йоркской корпорацией.

Джонни Хиту пришлось пустить в ход всю свою изворотливость, чтобы установить, что подлинный владелец земли Дункан Колдервуд.

– К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос, – сказал Рудольф.

– Руди, у меня до сих пор ни разу не было повода подозревать тебя во лжи, и мне бы не хотелось, чтобы ты соврал мне сейчас.

– Я не собираюсь врать.

Колдервуд ткнул пальцем в бумаги на столе:

– Что это? Хитрый ход, чтобы прибрать меня к рукам?

– Нет, сэр. Это просто рекомендация – как вам с максимальной выгодой использовать ваше положение и вашу собственность. Как приноровиться к росту города, расширить круг ваших коммерческих интересов. Как извлекать выгоду из налоговых законов и при этом оставить после себя крупное состояние жене и детям.

– Сколько тут страниц? – спросил Колдервуд. – Пятьдесят? Шестьдесят?

– Пятьдесят три.

– Ничего себе рекомендация, – фыркнул Колдервуд. – Ты все это сам придумал?

– Да. – Рудольф не собирался рассказывать, как в течение многих месяцев методически консультировался с Джонни Хитом, благодаря которому внес в свой проект ряд новых разделов. – Но если позволите, сэр, я вам дам совет. Мне кажется, вам не мешает съездить в Нью-Йорк и обсудить это с вашими юристами и банкирами.

– Хорошо, предположим, изучив все это более тщательно, я соглашусь и затею эту кутерьму в точности как ты предлагаешь: организую акционерную компанию, выпущу акции, возьму займы в банках и как идиот построю на берегу озера этот проклятый торговый центр, да еще и театр в придачу. Допустим, я все это сделаю, Но какая от этого выгода тебе?

– Мне хотелось бы стать председателем правления компании, президентом которой будете вы, и, естественно, получать соответствующую этому положению зарплату, а также иметь возможность приобрести часть пакета акций в последующие пять лет. Я взял бы себе заместителя, чтобы он командовал здесь, когда я буду занят другими делами. – Он уже написал в Оклахому Брэду Найту о возможной вакансии.

– Ты, я вижу, все предусмотрел, Руди. – В голосе Колдервуда звучала откровенная враждебность.

– Я работал над этим проектом больше года и старался предугадать все возможные проблемы, – спокойно сказал Рудольф.

– А если я скажу «нет», что ты тогда будешь делать?

– Боюсь, что в таком случае к концу года мне придется подыскать для себя более перспективную работу, мистер Колдервуд, – твердо ответил Рудольф.

– Хорошо, можешь идти. Я сообщу тебе о своем решении.

Проект Рудольфа был очень сложен и продуман до мелочей. Город расширялся, постепенно подступая к озеру. Росло население и в Сидартоне, городке, расположенном в десяти милях от Уитби и недавно соединенном с ним автострадой. По всей Америке возникали загородные торговые центры, и

люди уже привыкли делать там основные покупки. Тридцать акров Колдервуда были идеально удобным местом для будущего торгового центра, который мог бы полностью обеспечить нужды обоих городков. Если Колдервуд сам не воспользуется такой возможностью, через год-два инициативу, несомненно, перехватят предприимчивые бизнесмены или какая-нибудь корпорация, в результате чего резко снизятся прибыли Колдервуда и его универмага в Уитби.

В своем проекте Рудольф настаивал также на постройке хорошего ресторана и театра, чтобы привлекать покупателей к торговому центру и в вечернее время. После закрытия летнего сезона в театре можно показывать кинофильмы.

Профессор Дентон чувствовал себя в баре явно не в своей тарелке – судя по виду здешних завсегдатаев, ни один из них никогда в жизни даже близко не подходил к колледжу.

– Спасибо, спасибо, что вы пришли, Джордах, – торопливым шепотом сказал он. – Себе я взял виски. А вам заказать что-нибудь?

– Я днем не пью, – отказался Рудольф и тотчас пожалел о сказанном: его слова можно было истолковать как упрек Дентону.

– И правильно делаете, – заметил тот. – Голова должна быть ясной. Обычно я тоже не пью в это время, но... Может, мы лучше сядем? Я понимаю, вам нужно скоро возвращаться. – Он положил деньги на стойку и повел Рудольфа к столику в последней из кабинок, тянувшихся вдоль стены напротив бара. Они сели лицом друг к другу и стали изучать засаленное меню.

– Пожалуйста, суп, рубленый бифштекс и чашку кофе, – сказал Дентон официантке. – А вы что возьмете, Джордах?

– То же самое, – сказал Рудольф.

– У вас отлично идут дела, Джордах, – заметил Дентон, согнувшись над столом и глядя на Рудольфа беспокойными глазами, увеличенными до огромных размеров толстыми стеклами в стальной оправе. – Я об этом от многих слышал, в том числе и от миссис Дентон. Она ходит в ваш магазин три раза в неделю. Говорит, универмаг просто процветает. Масса новых товаров! Что ж, людям нравится покупать. И похоже, нынче у всех есть деньги. Кроме профессоров. Но это к делу не относится. Я пришел сюда не для того, чтобы жаловаться. Бесспорно, Джордах, вы правильно сделали, что отказались от места на кафедре... Научный мир! – с Горечью воскликнул он. – Кругом зависть, интриги, предательство, неблагодарность... Приходится следить за каждым своим шагом. Мир бизнеса куда лучше. Ты мне, я тебе. Слабого сжирают. По крайней мере...

– Это не совсем так... – возразил Рудольф. – Я имею в виду бизнес.

– Конечно, нет, – согласился Дентон. – Все зависит от человека. Не стоит слепо верить в теорию. Тогда теряется реальное представление о жизни. Во всяком случае, я рад вашему успеху и уверен, вы добились его без, каких-либо компромиссов.

Официантка принесла суп. Когда она ушла, Дентон продолжал:

– Если бы мне пришлось все начинать сначала, я сторонился бы увитых плющом стен колледжа, как чумы. Эти стены превратили меня в

ограниченного, озлобленного человека, неудачника, труса...

– Я бы ничего подобного о вас не сказал. – Рудольф был поражен характеристикой, которую дал себе Дентон. Раньше Рудольфу всегда казалось, что профессор весьма Доволен собой.

– Я живу в постоянном страхе и трепете. – Дентон шумно хлебнул суп и повторил: – В страхе и трепете.

– Если я могу вам чем-то помочь, профессор, – начал Рудольф, – я бы...

– У вас доброе сердце, Джордах, доброе сердце. Я сразу же выделил вас из всех. Другие легкомысленны и жестоки, а вы – серьезный, участливый. Вы учились, стремясь к знаниям, а другие – только чтобы сделать карьеру. Да, все эти годы я внимательно наблюдал за вами. Вы далеко пойдете, поверьте моему слову. Я преподаю в колледже больше двадцати лет. Через мои руки прошли тысячи молодых людей. Я изучил их вдоль и поперек и сразу могу определить, на что они способны. – Дентон доел суп и приступил к бифштексу. – Чтобы добиться успеха, вы не пойдете по трупам. Я знаю вас, ваш ум, характер. У вас твердые принципы, вы человек благородный, утонченный и требовательный к себе. У меня наметанный глаз, я все вижу.

Рудольф молча ел, дожидаясь, когда кончится поток похвал, и понимая, что Дентон собрался попросить его о большом одолжении – иначе он не стал бы так рассыпаться.

– До войны, – продолжал Дентон, жуя бифштекс, – было больше молодых людей вашего типа: проникательных, порядочных, честных. Многих из них сейчас нет в живых – они погибли, и мы уже даже не помним, в каких краях настигла их смерть. Теперешнее же поколение... – он безнадежно пожал плечами, – хитрые, расчетливые, лицемерные. Только и думают, как бы что-нибудь урвать, не прилагая никаких усилий. Вы не поверите, сколько студентов пытается обмануть меня на экзаменах. Будь у меня деньги, я уехал бы из этой страны куда-нибудь подальше и поселился бы на каком-нибудь острове. – Дентон с беспокойством посмотрел на часы и заговорщически оглядел зал. Соседняя с ними кабина была пуста, и только у бара ближе к выходу стояли несколько мужчин, но они не могли услышать их разговор. – Пожалуй, я перейду к сути дела. – Дентон понизил голос и перегнулся через стол. – У меня неприятности, Джордах. *Большие* неприятности. Со мной хотят разделаться.

– Кто?

– Мои враги. – Дентон снова окинул зал внимательным взглядом, словно выискивал своих врагов, переодетых в рабочие спецовки.

– Когда я учился, мне казалось, все прекрасно к вам относятся, – сказал Рудольф.

– О, у нас полно своих подводных течений, о которых не подозревают студенты. Интриги, кругом интриги! В аудиториях, в кабинетах начальства, в кабинете самого президента колледжа! Моя беда в том, что я слишком прямолинеен и наивен. Я верил в миф об академической свободе. Мои враги выжидали подходящего момента. Мне много лет назад следовало уволить моего заместителя – как ученый он полная бездарность, – но я вечно жалел его

и не увольнял. Непростительная слабость! Он метил на мое место и давно вел на меня досье. Записывал пьяные сплетни, отдельные фразы, вырванные вне контекста из моих лекций. Теперь меня собираются принести в жертву, Джордах. Они отыскивали свою ведьму. Ею оказался я.

– Я не совсем понимаю.

– Охота на ведьм, – сказал Дентон. – Вы наверняка читаете газеты «Гоните коммунистов из школ!».

– Вы же не коммунист, профессор, – рассмеялся Рудольф. – И вы сами это знаете.

– Говорите тише, мой мальчик. – Дентон беспокойно огляделся по сторонам. – О таких вещах не кричат во все горло.

– По-моему, вы напрасно тревожитесь, профессор, – сказал Рудольф. Он решил, что постарается обратить все в шутку. – А я-то боялся, здесь что-нибудь посерьезнее. Думал, может, какая-нибудь студентка забеременела с вашей помощью.

– Вы можете смеяться, – сказал Дентон. – Вы молоды, но сейчас ни в колледжах, ни в университетах давно никто не смеется. Мне предъявлены нелепейшие обвинения: мол, в тридцать восьмом году пожертвовал пять долларов на какую-то сомнительную благотворительность и ссылаясь в некоторых своих лекциях на Карла Маркса. Но боже мой, разве можно читать курс экономических теорий девятнадцатого века, не упоминая Карла Маркса! Нет, вы ничего не знаете, мой мальчик! Вы просто ничего не знаете! Университет в Уитби ежегодно получает от штата субсидию для сельскохозяйственного факультета. И вот какой-то болван из законодательной ассамблеи произносит речь, создает комиссию и требует расследования ради того, чтобы его имя попало в газету. Патриот! Защитник веры! Ха! В университете – но это сугубо между нами, Джордах, – создана специальная комиссия по расследованию обвинений, выдвинутых против ряда преподавателей. Они готовы принести несколько жертв – со мной во главе, – только бы законодательная ассамблея штата не лишила университет субсидий. Теперь, надеюсь, вам ясно?

– Боже мой! – только и мог произнести Рудольф.

– Вот именно, – подхватил Дентон. – Боже мой! Я не знаю, каковы ваши политические убеждения...

– Я не занимаюсь политикой.

– Прекрасно, прекрасно! – похвалил Дентон. – Хотя было бы лучше, если бы вы состояли в республиканской партии. И подумать только, я голосовал за Эйзенхауэра! – Он глухо рассмеялся. – Мой сын воевал в Корее, а Эйзенхауэр обещал покончить с войной. Впрочем, чего только не наобещаешь перед избирательной кампанией!

– Чем конкретно я могу вам помочь, профессор? – спросил Рудольф.

– Сейчас мы подошли к этому, – сказал Дентон, допивая кофе. – Комиссия будет рассматривать мое дело ровно через неделю, то есть в следующий вторник, в два часа дня. Я знаю о выдвинутом против меня обвинении только в общих чертах – пожертвования в тридцатых годах в пользу организации,

которая якобы служила вывеской, прикрывавшей нелегальную деятельность коммунистов; атеистические и левые фразы на лекциях; рекомендация книг сомнительного характера для домашнего чтения студентов. Когда в стране царит такое настроение, как сейчас, когда этот Даллес орет на весь мир о ядерной войне, когда видных вашингтонских деятелей поливают клеветой и выгоняют из Белого дома, как проштрафившихся мальчишек на побегушках, карьеру простого университетского преподавателя может погубить одно лишь сказанное шепотом слово. К счастью, у них, в университете, сохранилась совесть – хотя сомневаюсь, что им ее хватит на весь год, – и мне должны дать возможность как-то оправдаться и пригласить свидетелей, которые за меня поручатся...

– Что же вы хотите, чтобы я сказал? – прервал его Рудольф.

– Все, что сочтете нужным, мой мальчик, – ответил Дентон упавшим голосом. – Я не собираюсь вас специально натаскивать. Скажите то, что обо мне думаете. Вы прослушали три моих курса, мы с вами не раз беседовали вне аудитории, вы бывали у меня дома. Вы умный молодой человек, и вас не проведешь. Говорите то, что считаете нужным. У вас безукоризненная репутация, в колледже о вас были самого высокого мнения, вы – подающий большие надежды, ничем себя не скомпрометировавший молодой бизнесмен, и ваши показания будут иметь вес.

– Да, конечно, – сказал Рудольф. Это предвестие неприятностей, пронеслось у него в голове. Начнутся нападки. И что скажет Колдервуд? Втягиваю магазин в прокоммунистическую политику. – Конечно, я выступлю в вашу защиту. – Сейчас абсолютно не подходящее время для этого, подумал он с раздражением.

– Я не сомневался в вас, Джордах. – Дентон с чувством пожал ему руку. – Знали бы вы, сколько людей, двадцать лет называвших себя моими друзьями, отказали мне – увиливают, малодушничают! У нас теперь не страна, а логовище побитых собак. Если хотите, я поклянусь вам, что никогда не был коммунистом.

– Что за нелепость, профессор! – Рудольф посмотрел на часы. – Извините, но мне пора в магазин. На следующей неделе во вторник в два часа я буду на комиссии. – Он полез в карман за деньгами. – Позвольте, я за себя заплачу.

Дентон жестом остановил его.

– Я пригласил вас, вы мой гость. Идите, дорогой, идите. Не буду вас задерживать. – Он встал, в последний раз огляделся по сторонам и, убедившись, что никто за ними не наблюдает, снова горячо пожал ему руку.

Рудольф медленно шел по улице. Все вокруг было как обычно, и прохожие ничем не напоминали побитых собак. Бедняга Дентон! Он вспомнил, что именно на лекциях Дентона впервые получил представление, как стать преуспевающим капиталистом. Про себя он даже рассмеялся. Да, старый дурак Дентон! Ему теперь не до смеха.

В кабинете на его столе лежало короткое письмо: *«Надеюсь, ты скоро приедешь в Нью-Йорк. У меня неприятности. Хочу с тобой посоветоваться. Целую. Гретхен»*.

– О боже, – сказал он вслух, смял письмо и бросил его в корзинку.

Когда в четверть седьмого он вышел из магазина, накрапывал дождь. Только дождя мне сегодня не хватало, с досадой подумал он, лавируя между машинами на своем мотоцикле. Уже почти подъехав к дому, он вспомнил о своем обещании матери купить что-нибудь на ужин. Чертыхнувшись, он повернул назад, в деловую часть города, где магазины работали до семи вечера. Сюрприз, вспомнил он просьбу матери. Через две недели твоего любящего сына выкинут на улицу, мамочка. Как тебе понравится такой сюрприз?

Он зашел в первый попавшийся магазин, купил курицу, картофель, банку горошка и половину яблочного пирога на десерт. Проталкиваясь между домохозяйками, вспомнил разговор с Колдервудом и мрачно ухмыльнулся: вундеркинд-финансист, окруженный восхищенными поклонницами, по дороге на изысканно приготовленный ужин в своем фамильном особняке, хорошо знакомом нашим читателям по фотографиям в журналах «Лайф» и «Хаус энд гарден». После недолгого колебания он купил бутылку виски. В такой вечер необходимо выпить.

Он лег раньше обычного, слегка захмелев, и, засыпая, подумал: единственное приятное за весь сегодняшний день – утренняя пробежка с Квентином.

Неделя прошла без всяких событий. При встрече в магазине Колдервуд, ни словом не упоминая о проекте Рудольфа, говорил с ним только о текущих делах.

Когда Рудольф позвонил Гретхен и сообщил, что сможет приехать в Нью-Йорк лишь в конце следующей недели, она, казалось, была огорчена, но не захотела объяснять по телефону, в чем дело. Это может подождать, сказала она. Рудольф немного успокоился. Если это может подождать, значит, все не так уж плохо.

Его волновало предстоящее выступление перед комиссией по расследованию дела Дентона. Не исключено, что у комиссии имеются против Дентона факты, о которых самому ему неизвестно или которые он скрыл. В таком случае Рудольф будет выглядеть его сообщником, или лжецом, или просто дураком. Но больше всего его беспокоило, что члены комиссии, твердо намеренные разделаться с Дентоном, естественно, враждебно отнесутся ко всякому, кто выступит в его защиту. Всю свою жизнь Рудольф стремился завоевывать симпатии людей, располагать их к себе, особенно пожилых и с солидным положением. И сейчас уже одна мысль о том, что ему придется предстать перед целой группой ученых мужей, которые будут смотреть на него с неодобрением, тревожила его.

Всю неделю он мысленно произносил речи, стараясь достойно защитить Дентона и в то же время очаровать судей. К концу недели он совсем потерял сон.

В понедельник, после того как он сделал обход магазина, Колдервуд пригласил его к себе.

– Итак, Руди, – начал он, – я внимательно изучил твой проект и посоветовался кое с кем в Нью-Йорке. Завтра утром мы туда едем и в два часа

встретимся с моими юристами в их конторе на Уолл-стрит. Тебе хотят задать несколько вопросов. Поедем электричкой в одиннадцать ноль пять. Я ничего тебе пока не обещаю, но те, с кем я разговаривал, по-моему, находят твоё предложение небезынтесным. – Он внимательно поглядел на него и недовольно сказал: – А ты как будто и не рад этому?

– О, я очень рад, сэр, очень. – Рудольф постарался улыбнуться. – В два часа во вторник, – думал он. Я обещал Дентону в два часа во вторник предстать перед комиссией. – Это замечательная новость, сэр. Просто немного неожиданно, и я растерялся. – Он снова улыбнулся, стараясь казаться веселым и простодушным.

Позднее, днем, в его кабинете зазвонил телефон; трубку сняла мисс Джайлс.

– Я узнаю, на месте ли он. А кто его просит? – И, закрыв трубку ладонью, сказала: – Профессор Дентон.

Поколебавшись секунду, Рудольф взял трубку.

– Добрый день, профессор, – сердечно приветствовал он Дентона. – Как дела?

– Джордах, – прохрипел Дентон, – я в «Рипли». Вы не могли бы подойти сюда на несколько минут? Мне надо с вами поговорить.

– Хорошо, профессор, сейчас буду, – ответил Рудольф. Какая разница, когда он ему скажет? Наверно, даже лучше сделать это сейчас.

Войдя в бар, он не сразу нашел Дентона. Тот сидел опять в последней кабине. Он был в пальто и шляпе. Согнувшись над столом, он держал стакан в обеих руках. Небритый, помятый, грязные стекла очков запотели. Рудольфу неожиданно пришло в голову, что профессор похож на старого алкоголика, тупо ожидающего на скамейке в парке, пока его подберет полиция.

– Здравствуйте, профессор. – Рудольф проскользнул в кабинку и сел напротив Дентона. – Рад вас видеть. – Он улыбнулся, словно пытаясь уверить Дентона, что тот ни в чем не изменился.

Дентон безразлично взглянул на него и даже не протянул руки. Его обычно румяное лицо было сейчас серым.

– Выпейте чего-нибудь, – предложил он глухим голосом. Сам он, судя по всему, уже успел выпить. И немало.

– Виски, пожалуйста.

– Виски с содовой для моего друга, а мне еще раз бурбон, – сказал Дентон подошедшей официантке.

Дентон молча, не отрываясь, смотрел на зажатый в руках стакан. По дороге сюда Рудольф решил, как он поступит. Он скажет, что завтра в два часа дня никак не сможет появиться перед комиссией, но готов сделать это в любой другой день, если комиссия согласится отложить разбор дела. Если же заседание не отложат, он вечером пойдет к президенту университета и скажет то, что собирался. Если Дентона это не устраивает, он может сегодня же написать свое выступление в его защиту, чтобы Дентон сам зачитал текст перед комиссией. Рудольф с ужасом ждал той минуты, когда он должен будет высказать Дентону свои предложения, но о том, чтобы завтра в одиннадцать

ноль пять не выехать с Колдервудом в Нью-Йорк, не могло быть и речи.

– Мне неудобно, что я отрываю вас от работы, Джордах, – не поднимая глаз, невнятно пробормотал Дентон, – но неприятности делают человека эгоистом. Проходя мимо кинотеатра, я увидел длинную очередь за билетами на комедию и подумал: неужели они не знают, что со мной происходит? Как они могут идти сейчас в кино? – Дентон уныло рассмеялся. – Абсурд. С тридцать девятого по сорок пятый год в Европе было убито пятьдесят миллионов человек, а я в то время ходил в кино по два раза в неделю. – Низко склонившись над столом, он жадно глотнул из стакана, держа его двумя руками. Руки его дрожали.

– Скажите, что произошло? – мягко спросил Рудольф.

– Ничего. Впрочем, это не так. Многое... Все кончено.

– Я вас не понимаю. – Рудольф пытался скрыть в своем голосе радость. Значит, все это пустяки, буря в стакане воды. В конце концов, не могут же люди быть такими уж идиотами. – Вы хотите сказать, они прекратили дело?

– Я хочу сказать, что это я прекратил дело, – ответил Дентон, поднял голову и с тоской посмотрел на Рудольфа из-под полей старой коричневой фетровой шляпы. – Я сегодня подал в отставку.

– Не может быть! – воскликнул Рудольф.

– И тем не менее. Они сами предложили мне это, обещая тогда прекратить дело. Я просто не мог бы появиться завтра перед комиссией. И это после двадцати лет работы в колледже!.. Я слишком стар. Слишком. Вероятно, будь я моложе... Молодые проще относятся к абсурду. Они верят в возможность справедливости. Моя жена плачет уже целую неделю. Говорит, что умрет от такого позора. Конечно, это гипербола, но, когда на твоих глазах женщина плачет семь дней и семь ночей подряд, это ослабляет твою волю. Так что все кончено. Мне просто хотелось поблагодарить вас и сказать, что вам не надо приходить завтра в два часа.

– Я был бы рад все сказать им, – ответил Рудольф, про себя вздыхая с облегчением. – А что же вы собираетесь теперь делать?

– Мне предложили спасительный вариант, – без энтузиазма сказал Дентон.

– Один мой приятель работает в Женевской международной школе. Он пригласил меня работать с ним. Естественно, получать я буду меньше, но все-таки хоть какая-то работа. К тому же, как мне кажется, в Женеве поменьше маньяков. Да и город, говорят, милый.

– Но ведь это всего лишь средняя школа, а вы всю жизнь преподавали в колледжах, – запротестовал Рудольф.

– Я хочу уехать из этой проклятой страны, – мрачно сказал Дентон.

Рудольф никогда не слышал, чтобы кто-нибудь называл Америку проклятой страной, и его потрясла горечь в словах Дентона.

– Она не такая плохая, как вам кажется, – заметил он.

– Она даже хуже.

– Все забудется, и вас пригласят обратно.

– Никогда! – воскликнул Дентон. – Я не вернусь, даже если меня будут умолять об этом на коленях.

– Могу я вам чем-то помочь? – спросил Рудольф. – Вам нужны деньги?..
Дентон отрицательно покачал головой.

– На первое время нам хватит. Мы продаем дом. Цены на недвижимость сильно поднялись с того времени, как мы его купили. Страна процветает!.. – Он сухо рассмеялся, потом резко встал. – Ну, мне пора домой. Каждый день я даю жене уроки французского языка.

Он позволил Рудольфу расплатиться. На улице Дентон поднял воротник пальто и стал еще больше похож на старого алкоголика.

– Я буду писать вам из Женевы. – Он вяло пожал Рудольфу руку. – Самые нейтральные письма. Бог его знает, кто нынче вскрывает письма. – И, шаркая ногами, он двинулся прочь. Согбенный старый ученый в толпе граждан своей проклятой страны.

5

– Зачем ты каждый раз приходишь за мной? – недовольно ворчал Билли, когда они шли домой. – Что я, маленький, что ли?

– Скоро уже будешь всюду ходить сам, – сказала она, машинально беря его за руку у перехода.

– Когда?

– Скоро.

– Когда?

– Когда тебе исполнится десять лет.

– Черт побери!

– Ты ведь знаешь, что нельзя так говорить.

– А папа говорит.

– Ты не папа.

– Ты тоже иногда так говоришь.

– Ты не я. И я тоже зря так говорю.

– Тогда почему все-таки говоришь?

– Потому что сержусь.

– А я тоже сейчас сержусь. Все ребята ходят домой одни, и мамы не встречают их у калитки, как маленьких.

Гретхен знала, что это правда, и понимала, что она слишком беспокойная мать и когда-нибудь поплатится за это, но ничего не могла с собой поделать. Ей страшно было даже подумать, как Билли будет ходить по Гринич-Виллидж, где столько машин.

– Когда? – снова упрямо спросил Билли, пытаясь вырвать свою ручку из ее руки.

– Когда тебе будет десять лет, – повторила она.

– Целый год еще! – захныкал Билли. – Это бесчеловечно.

Она рассмеялась, нагнулась и поцеловала его в макушку.

Билли тут же отпрянул в сторону:

– Сколько раз я просил тебя не целовать меня при всех!

У дома их встретили Рудольф и Джонни Хит. Оба держали в руках по

бумажному пакету, откуда торчала бутылка.

Последние шесть месяцев Рудольф часто приезжал в Нью-Йорк. Между Колдервудом и конторой Джонни Хита велись какие-то дела, но, как Рудольф ни старался объяснить ей их суть, она так и не могла до конца понять. Кажется, все это было каким-то образом связано с решением создать корпорацию «Д.К. Энтерпрайсиз» – двумя первыми буквами название было обязано инициалам Дункана Колдервуда. Ясно было одно: в результате ее брат станет богатым человеком, развяжется с универмагом и по крайней мере полгода будет проводить вне Уитби. Он уже попросил ее подыскать ему в Нью-Йорке небольшую меблированную квартиру.

Рудольф и Джонни выглядели возбужденными, точно уже успели выпить. По обернутым золоченой фольгой горлышкам бутылок Гретхен догадалась, что они принесли шампанское.

– Привет, мальчики, – поздоровалась она. – Почему вы не предупредили меня, что придете?

– А мы и сами не знали, – ответил Рудольф. – Это экспромт. Решили кое-что отпраздновать. – Он поцеловал ее в щеку. От него не пахло вином.

В гостиной царил беспорядок. Теперь Гретхен работала здесь, предоставив комнату наверху в полное распоряжение сына. На столах и даже на диване валялись книги, блокноты, исписанные листы бумаги. Гретхен не отличалась педантизмом в работе, а ее редкие попытки навести порядок лишь увеличивали царящий в комнате хаос. Она стала заядлой курильщицей, и все пепельницы были полны окурков. Даже Вилли, сам далеко не аккуратный, периодически жаловался: «Это не дом, черт побери, а редакция какой-то паршивой газетенки!».

Гретхен заметила, как Рудольф окинул комнату неодобрительным взглядом. Может быть, он осуждает свою сестру, сравнивает ее с той чистюлей, какой она была в девятнадцать лет? Ее вдруг охватила беспричинная злость на педантичного, отутюженного брата. Я веду хозяйство и еще зарабатываю на жизнь, не забывай об этом, братец.

– Билли, иди наверх и делай уроки, – сказала она, с подчеркнутой аккуратностью, вешая свое пальто и шарф на вешалку.

– Ну-у... – притворяясь разочарованным, протянул тот, хотя сам был рад поскорее уйти к себе в комнату.

Гретхен достала три бокала.

– Что же вы празднуете? – спросила она Рудольфа, открывавшего шампанское.

– Мы добились своего, – сказал Рудольф. – Сегодня наконец было подписание. Теперь мы можем всю оставшуюся жизнь пить шампанское утром, днем и вечером.

– Замечательно, – без всякого выражения сказала Гретхен. Ей было непонятно, почему Рудольф целиком отдает себя работе, и только работе.

Они чокнулись.

– Итак, за процветание корпорации «Д.К. Энтерпрайсиз» и за ее председателя правления, новоиспеченного магната, – провозгласил Джонни, и

мужчины рассмеялись. Нервы у них все еще были натянуты до предела. Они походили на людей, случайно оставшихся в живых после катастрофы и теперь истерически поздравлявших друг друга со спасением.

Рудольф не мог сидеть на месте. Он безостановочно бродил по комнате с бокалом в руке, открывал книги, в беспорядке лежащие на письменном столе, листал газету. За последнее время он сильно похудел и выглядел нервным, глаза блестели, а щеки ввалились.

В противоположность ему Джонни, больше привыкший к деньгам и неожиданным поворотам судьбы, круглолицый, сдержанный и невозмутимый, теперь почти с сонным видом спокойно сидел на диване.

– Если у Вилли есть голова на плечах, – сказал Джонни, – ему следует выпросить, занять или просто украсть приличные деньги и вложить их в «Д.К. Энтерпрайзиз». Я говорю совершенно серьезно. У этой компании огромное будущее.

– Вилли слишком горд, чтобы попрошайничать, слишком известен, чтобы одалживать, и слишком труслив, чтобы красть, – сказала Гретхен. На столе зазвонил телефон. – Наверное, это он. Спешит сообщить, что не сможет прийти к ужину. – И, сняв трубку, заранее обиженным голосом произнесла: – Алло? – Затем озадаченно передала трубку брату. – Это тебя.

– Меня? – удивился Рудольф. – Никто не знает, что я здесь.

– Попросили мистера Джордаха.

– Да, я слушаю, – сказал он, беря трубку.

– Джордах? – Голос был хриплый и таинственный.

– Да.

– Это Эл. Я поставил за тебя на сегодняшний вечер пятьсот долларов. Хорошие ставки – семь к пяти.

– Одну минутку... – начал Рудольф, но на другом конце провода уже повесили трубку. – Очень странно... Какой-то Эл. Говорит, поставил за меня пятьсот долларов на сегодняшний вечер при ставках семь к пяти. Уж не играешь ли ты потихоньку на бегах, Гретхен?

– Я не знаю никакого Эла, и у меня нет пятисот долларов. К тому же спросили мистера Джордаха, а не мисс Джордах. – Гретхен печаталась под девичьей фамилией, и в телефонной книге ее телефон тоже числился под фамилией Джордах. – Наверное, перепутали номер.

– Маловероятно, – заметил Рудольф. – Сколько может быть Джордахов в Нью-Йорке? Ты когда-нибудь встречала других Джордахов?

Гретхен отрицательно покачала головой. Рудольф взял телефонную книгу и открыл ее на букву «Д».

– Джордах Т. Девяносто третья улица. – Он медленно закрыл справочник и положил его на стол. – Джордах Т. – Он повернулся к Гретхен: – Ты думаешь, это он?

– Надеюсь, нет, – ответила она.

– В чем дело, в конце концов? – спросил Джонни.

– У нас есть брат, Томас Джордах, – сказал Рудольф.

– Самый младший ребенок в семье. Тот еще ребенок! – криво усмехнулась

Гретхен.

– Мы не виделись с ним десять лет, – сказал Рудольф.

– Джордахи на редкость дружная семья, – заметила Гретхен. После утомительного дня шампанское мгновенно подействовало на нее, и она легла на диван.

– А что он делает, этот ваш братец? – поинтересовался Джонни.

– Не имею ни малейшего понятия, – ответил Рудольф.

– Если из него выросло то, что должно было вырасти, наверное, скрывается от полиции, – съязвила Гретхен.

– Я все-таки выясню. – Рудольф снова открыл справочник и набрал номер. Ему ответила женщина. Судя по голосу, молодая. – Добрый вечер, мэм, – вежливо и официально сказал Рудольф. – Могу я поговорить с мистером Томасом Джордахом?

– Нет, не можете, – отрезала женщина. У нее было высокое, почти визгливое сопрано. – А кто его просит? – В голосе звучало подозрение.

– Его друг, – ответил Рудольф. – Мистер Джордах дома?

– Он спит, – рассердилась женщина. – У него вечером матч. Ему некогда разговаривать по телефону. – И она бросила трубку.

Во время разговора Рудольф держал трубку далеко от уха, а женщина на другом конце провода говорила громко, так что Гретхен и Джонни все слышали.

– Похоже, это наш Томас, – сказала Гретхен.

Рудольф взял с кресла возле стола «Нью-Йорк таймс» и открыл на спортивной странице.

– Вот оно что, оказывается. – И он прочитал вслух: – «Гвоздь вечерней программы – поединок Томми Джордаха с Вирджилом Уолтерсом, средняя весовая категория, десять раундов, Саннисайд-гарденз». Я пойду.

– Зачем? – удивилась Гретхен.

– Как-никак он мой брат.

– Я прожила без него десять лет и проживу еще двадцать, – сказала Гретхен. Снова зазвонил телефон. Рудольф поспешно снял трубку, но это был Вилли.

– Привет, Руди. – Судя по шумному фону, он звонил из бара. – Нет, не зови ее. Просто передай, что, к сожалению, у меня сегодня деловой ужин и я приду поздно. Пусть не дожидается и ложится спать.

– Можешь не передавать, о чем он говорил, – улыбнулась Гретхен с дивана и повернулась к Джонни. – Как ты думаешь, не пора ли нам открыть вторую бутылку?

Пока они распивали вторую бутылку, Гретхен позвонила и вызвала приходящую няню, и они выяснили, где находится Саннисайд-гарденз, потом Гретхен причесалась и переделалась в темное шерстяное платье, хотя была не совсем уверена, что это *comme il faut*⁶ для боксерского матча.

---

⁶ Здесь: подходящий туалет (фр.).

Когда они приехали в Саннисайд-гарденз, состязания уже начались. Билетер провел их к местам в третьем от ринга ряду. Гретхен заметила, что в зале очень мало женщин и нет ни одной в черном платье.

Она до этого ни разу не была на боксе и выключала телевизор, когда передавали репортажи с рингов. Сама мысль о том, что взрослые люди могут бессмысленно мордовать друг друга за деньги, казалась ей скотской. У людей, окружавших ее сейчас в зале, были лица, вполне подходящие для любителей подобных зрелищ. Гретхен была уверена, что никогда в жизни не видела столько уродов сразу.

Во втором поединке противник разбил боксеру бровь и оба мужчины вымазались в крови. При виде крови толпа взвыла, и от этого воя Гретхен чуть не вырвало. К моменту, когда объявили главный поединок, она сидела бледная, едва сдерживая тошноту. Сквозь слезы и застилавший глаза сигаретный дым она увидела, как на ринг ловко поднялся мужчина в красном халате, и узнал Томаса.

Удивительно, но Томас внешне почти не изменился. Разве что литые тренированные мышцы выдавали в нем бойца-профессионала. А лицо оставалось все тем же: чистым, привлекательным, мальчишеским. Пока рефери объявлял условия боя, Томас непрестанно улыбался, но Рудольф видел, как он раза два нервно облизнул губы.

Его противник, поджарый негр, был значительно выше Томаса, и руки у него были гораздо длиннее. Он переминался с ноги на ногу, будто отплясывал боевой танец, и кивал своему тренеру, нашептывавшему ему на ухо последние советы.

С застывшей на лице страдальческой гримасой Гретхен не сводила глаз с брата. За его мальчишеской улыбкой она угадывала скрытую злобу, желание причинить боль, предвкушение удовольствия от страданий другого – все то, что отталкивало ее от Томаса, когда они жили в Порт-Филипе. Конечно, думала она, этого и следовало ожидать. Именно так он и должен был кончить – зарабатывать на жизнь кулаками.

Оба были сильными, оба одинаково быстро двигались. Негр действовал менее агрессивно, но длинные руки помогали ему лучше защищаться. Томас постоянно наступал, наносил удар за ударом, заставляя негра пятиться, а загнав в угол и прижав к канатам, просто избивал.

«Убей черномазого!» – кричали из задних рядов всякий раз, когда Томас наносил подряд серию ударов. Гретхен морщилась – ей было стыдно находиться здесь, стыдно за всех, кто сидел в этом зале. Ах, Арнольд Симс, ты, что ковылял в больничном халате и говорил: «У вас красивые ноги, мисс Джордах», ах, Арнольд Симс, мечтавший о Корнуолле, прости меня за сегодняшний вечер!

Матч продлился не десять, а всего восемь раундов. У Томаса текла кровь из носа и была разбита бровь, но он не отступал и, неуклонно надвигаясь на противника, как бездушный, жестокий робот, выматывал негра. В восьмом раунде негр уже едва шевелил руками. Сильным ударом в лоб Томас бросил его на пол. Когда судья досчитал до восьми, негр, шатаясь, еле поднялся на ноги, и

Томас – лицо в крови, но на губах улыбка – тотчас снова безжалостно бросился вперед и обрушил на негра град ударов. Гретхен показалось, что он успел ударить его в эти считанные секунды по меньшей мере раз пятьдесят. Негр свалился лицом вниз под оглушительный рев зала. Он попытался подняться, даже привстал на одно колено. Томас, чуть пригнувшись, ждал в углу, настороженный, окровавленный, неутомимый. Казалось, он хочет, чтобы противник поднялся, хочет продолжить бой, и Гретхен готова была поклясться, что в глазах Томаса мелькнуло разочарование, когда негр беспомощно рухнул на пол и рефери досчитал до конца.

Ее тошнило. Прижав ко рту платок, она с удивлением ощутила аромат духов, такой чуждый в Пропитанном зловонием зале. Съежившись и глядя в пол, она сидела не в силах поднять глаза. Ей было страшно, что она упадет в обморок и тем самым объявит всему миру о своем роковом родстве со зверем, одержавшим победу на ринге.

Рудольф на протяжении всего матча не произнес ни слова, и только губы у него порой неодобрительно кривились – грубая кровавая драка, ни стиля, ни красоты.

Боксеры покинули ринг. Негру, замотанному в полотенце и халат, помогли пролезть между канатами. Том ушел, улыбаясь и победоносно махая зрителям рукой. Окружавшие его люди одобрительно похлопывали его по спине.

Публика начала расходиться, но Гретхен и Рудольф продолжали молча сидеть, избегая смотреть друг на друга. Наконец, все еще боясь поднять глаза, Гретхен глухо сказала:

– Идем отсюда.

– Мы должны сходить к нему.

– Зачем?

– Мы пришли сюда, мы видели его на ринге, мы обязаны с ним встретиться, – твердо сказал Рудольф.

– Он не имеет к нам никакого отношения. – Она сама знала, что говорит неправду.

Томас, обмотанный вокруг пояса полотенцем, сидел на грязном топчане для массажа. Врач накладывал ему швы на разбитую бровь. Рядом стояло несколько мужчин – Рудольф узнал их: они окружали Томаса в его углу на ринге. Какая-то молодая женщина в плотно облегающем крутые бедра платье тихонько вздыхала каждый раз, как врач вонзал иголку в кожу. У нее были абсолютно черные волосы. На полных ногах – черные нейлоновые чулки. Выщипанные высокие брови – две тонкие, словно нарисованные карандашом ниточки – придавали лицу удивленное кукольное выражение. В комнате висел застоявшийся запах пота, массажной мази, сигарного дыма и мочи – дверь из раздевалки в уборную была открыта.

– Ну, вот и все, – сказал врач, отступая назад, и, склонив голову набок, полюбовался своей работой. – Через десять дней снова можешь драться.

– Спасибо, док, – ответил Томас и открыл глаза. Он увидел Рудольфа и Гретхен. – Господи Иисусе! – Он криво усмехнулся. – А вам какого черта здесь надо?

– Сегодня днем мне позвонил какой-то Эл и сообщил, что поставил за тебя на сегодняшний вечер пятьсот долларов при ставках семь к пяти, – сказал Рудольф.

– Молодец старина Эл, – буркнул Томас и с беспокойством взглянул на крутобедрую брюнетку, точно хотел скрыть от нее это известие.

– Поздравляю с победой, – сказал Рудольф, шагнул вперед и протянул руку. Секунду Томас колебался, затем улыбнулся и тоже протянул брату свою покрасневшую, опухшую руку.

– Я рада за тебя. Том, – сказала Гретхен. Она не могла заставить себя произнести «поздравляю».

– Да? Спасибо, – с веселым удивлением глядя на нее, ответил Томас. – Давайте-ка я вас всех познакомлю... Это мой брат Рудольф и моя сестра Гретхен. А это моя жена Тереза, мой менеджер Шульц, тренер Пэдди... ну и все остальные, – он небрежно махнул в сторону собравшихся мужчин.

– Очень приятно познакомиться, – сказала Тереза. В ее голосе звучало подозрение, как и днем, когда она отвечала Рудольфу по телефону.

– А я и не знал, что у тебя есть родственники, – удивился Шульц.

– До сегодняшнего дня я и сам не был в этом уверен, – ответил Томас. – Как говорится, наши пути разошлись.

– Ну что ж, вероятно, у вас есть о чем поговорить, обменяться новостями. Пошли, ребята, – Шульц надел пиджак, с трудом застегнул пуговицу на выпиравшем животе. – Ты сегодня отлично работал, Томми, – сказал он напоследок, выходя за дверь вместе с врачом и остальными.

– Итак, милая семейка вновь воссоединилась, – улыбнулся Томас. – Полагаю, такое великое событие надо отпраздновать. Как по-твоему, Тереза?

– Ты никогда не говорил мне, что у тебя есть брат и сестра, – визгливым обиженным голосом ответила Тереза.

– Я просто как-то забыл о них за эти несколько лет, – сказал Томас и спрыгнул с топчана. – А теперь, если дамы выйдут, я оденусь.

Женщины вышли в корр. Гретхен была рада уйти из душной, смрадной комнаты.

– Если дамы выйдут, – передразнила Тереза, на ходу сердито надевая старое манто из рыжей лисицы. – Можно подумать, я никогда не видела его голым. – Она с явной враждебностью оглядела строгое черное платье Гретхен, ее туфли на низком каблуке и простое спортивное пальто с поясом. Она, вероятно, сочла туалет Гретхен вызовом собственному стилю – своим крашеным волосам, обтягивающему платью, слишком чувственным и слишком полным ногам, броско намазанному лицу. – Я и не знала, что Томми вышел из такой благородной семьи, – ехидно заметила она.

– Мы не такие уж благородные, не беспокойтесь, – ответила Гретхен, направляясь к единственному стулу, в надежде прекратить этот разговор. – Если вы не возражаете, я присяду. Я очень устала. – Тереза раздраженно повела плечами под рыжей лисой, потом начала нервно расхаживать по коридору. Ее высокие каблуки-шпильки нетерпеливо цокали по бетонному полу.

Томас одевался медленно. Время от времени он с улыбкой поглядывал на

брата и, удивленно качая головой, повторял: «Черт возьми».

– Как ты себя чувствуешь, Томми? – спросил Рудольф.

– Нормально. Правда, завтра утром буду мочиться кровью. Этот мерзавец два раза здорово саданул меня по почкам. А в общем-то матч прошел неплохо, как ты думаешь?

– Да, – сказал Рудольф. У него не хватило духу признаться, что, на его взгляд, это была заурядная, грубая драка.

– Я с самого начала знал, что уложу его. Хотя ставили не на меня, – продолжал Томас. – Семь к пяти! Недурно. Я на этом заработал семьсот долларов. – Он сейчас походил на хвастливого мальчишку. – Жаль, правда, что ты сказал об этом при Терезе. Теперь она знает, что у меня завелись деньги, и вцепится мне в горло мертвой хваткой.

– Вы давно женаты? – спросил Рудольф.

– Официально два года. Она забеременела, и я решил: черт с ним, женюсь. Она вообще-то ничего. Немного глуповата, но ничего. Зато парень получился мировой! – Он недоброжелательно взглянул на Рудольфа. – Может, я пошлю мальчишку к дяде Руди, чтобы тот сделал из него джентльмена, а то вырастет нищим, тупым боксером вроде отца.

– Мне бы хотелось на него взглянуть, – сухо сказал Рудольф.

– Пожалуйста, приходи к нам в любое время, – ответил Томас, натягивая черный свитер. – А ты женат?

– Нет.

– Как всегда, самый мудрый в семье. А Гретхен замужем?

– Давно. Ее сыну уже девять лет.

– Этого следовало ожидать, – кивнул Томас. – Она и должна была выскочить замуж рано. Сногшибательная дамочка! Стала еще красивее. И все такая же дрянь, как раньше?

– Не надо, Том, – попросил Рудольф. – Она была замечательной девушкой и стала очень хорошей женщиной.

– Вероятно, в этом я должен положиться на твое слово, – рассмеялся Томас, тщательно причесываясь перед треснувшим зеркалом на стене. – Откуда мне знать? Я всегда был в семье чужим.

– Ты никогда не был чужим.

– Кому ты это рассказываешь, братишка?! – Томас положил расческу в карман и в последний раз критически взглянул в зеркало на свое опухшее, в синяках и шрамах лицо с заклеенной пластырем бровью. – Да, я сегодня красив. Если б я знал, что ты придешь, обязательно бы побрился. – Он отошел от зеркала и надел поверх свитера светлый твидовый пиджак. – Судя по твоему виду, Руди, у тебя дела – порядок. Ты похож на какого-нибудь вице-президента банка.

– Не жалуясь, – сказал Рудольф, хотя ему не понравилось сравнение с вице-президентом.

– Да, между прочим, – продолжал Томас, – несколько лет назад я ездил в Порт-Филип и узнал, что отец умер.

– Он покончил жизнь самоубийством.

– Знаю. Мне рассказала миссис Джардино из овощной лавки. Наш дом снесли. В подвале свет не горел, и никто не встречал блудного сына, – добавил он насмешливо. – А как мама, еще жива?

– Да. Она живет со мной.

– Тебе повезло, – усмехнулся Томас.

Пока брат одевался, Рудольф следил за неторопливыми движениями его прекрасного, наводящего страх своей силой тела и испытывал странное чувство, сочетавшее в себе жалость и любовь, желание каким-то образом спасти этого смелого, мстительного человека, еще почти мальчишку, от других таких вот вечеров, от стервы жены, от орущей толпы, от бодрых врачей, накладывающих швы, – от всех этих случайных людей, окружающих его и живущих за его счет.

Дверь широко распахнулась, и в комнату ворвалась Тереза. Ее покрытое толстым слоем грима лицо дышало злобой.

– Вы что, намерены здесь всю ночь трепаться? – сердито осведомилась она.

– Сейчас, сейчас, дорогая, мы уже готовы, – ответил Томас и, повернувшись к Рудольфу, добавил: – Мы собирались где-нибудь поужинать. Может, вы с Гретхен присоединитесь к нам?

– Мы идем в китайский ресторан. Я обожаю китайскую кухню, – заявила Тереза.

– Боюсь, сегодня не получится, Том. Гретхен надо домой, чтобы отпустить няньку, – сказал Рудольф и, заметив, как Томас покосился на жену, понял – он думает: брату стыдно показываться на людях с моей женой.

– Ничего не поделаешь, – Томас добродушно пожал плечами, – как-нибудь в другой раз. – И уже в дверях вдруг резко остановился, точно что-то вспомнил: – Да, завтра случаем ты не будешь в городе около пяти?

– Томми, – громко сказала его жена, – мы идем ужинать или нет?

– Помолчи, – оборвал ее Томас. – Так как, Руди?

– Да, – ответил Рудольф. Завтра ему предстояла встреча с архитекторами и юристами. – Я буду у себя в гостинице. Отель «Уорвик» на...

– Я знаю, где это, – сказал Томас. – Я приду.

Они вышли в корр. У Гретхен было бледное, напряженное лицо, и Рудольф на какое-то мгновение пожалел, что привел ее с собой. Но жалость тотчас исчезла. В конце концов, она взрослый человек, подумал он, нельзя же ей вечно прятаться от всего. Достаточно уже того, что она умудряется десять лет избегать встреч с матерью.

Проходя мимо дверей другой раздевалки, Томас снова остановился.

– Мне надо заглянуть сюда на минутку, попрощаться с Вирджилом. Пойдем со мной, Руди. Скажи, что ты мой брат, и похвали его. Ему станет немного легче.

– Мы, кажется, никогда не уйдем из этого проклятого места, – буркнула Тереза.

Томас, не обращая на нее внимания, открыл дверь и пропустил Рудольфа вперед. Негр все еще не переоделся.

Свесив руки между колен, он понуро сидел на топчане, а рядом на складном стуле молча сидела хорошенькая цветная девушка, вероятно, его жена или сестра. Белый ассистент-угловой осторожно прикладывал пузырь со льдом к огромной шишке над глазом боксера. Глаз совсем заплыл.

– Как ты себя чувствуешь, Вирджил? – спросил Томас, участливо обнимая своего противника за плечи.

– Да не очень, – ответил тот. Рудольф увидел, что ему не больше двадцати лет.

– Вирджил, познакомься с моим братом Руди. Он пришел сказать тебе, что ты отлично дрался.

– Да, это был замечательный бой, – подтвердил Рудольф, пожимая негру руку и преодолевая желание сказать: «Бедняга, никогда больше не надевай боксерские перчатки».

– Он ужасно сильный, этот ваш брат, – заметил Вирджил.

– Просто мне повезло, – сказал Томас. – Здорово повезло. Пришлось наложить на бровь пять швов.

– Я не нарочно, Томми. Честное слово, не нарочно...

– Конечно. Я знаю, – успокоил его Томас. – Никто и не говорит, что нарочно. Я просто заглянул попрощаться с тобой и убедиться, что у тебя все в порядке. – Он снова крепко обнял его за плечи.

– Спасибо, большое спасибо, – сердечно поблагодарил Вирджил.

– Проклятые менеджеры! – выходя в коридор, выругался Томас. – Ты заметил, этого мерзавца не было в раздевалке. Он даже не подождал, чтобы узнать, куда отправят Вирджила – домой или в больницу! Бокс – дерьмовая профессия!

На улице остановили такси. Гретхен настояла, чтобы сесть рядом с шофером, а Тереза устроилась сзади между Томасом и Рудольфом. От нее исходил сильный запах духов, но, когда Рудольф опустил стекло, она запротестовала:

– Ради бога! Ветер испортит мне прическу.

Рудольф извинился и поднял стекло.

Они молча ехали в сторону Манхэттена. Тереза то и дело подносила к губам руку Томаса и целовала ее, словно закрепляя этим свое право собственности.

Когда они пересекли мост, Рудольф сказал:

– Мы выйдем здесь. Том.

– Вы правда не можете с нами поужинать? – снова неуверенно спросил Томас.

– Там лучшие китайские блюда в городе, – сказала Тереза. Поездка прошла спокойно, она больше не чувствовала никакой опасности и могла позволить себе быть гостеприимной: кто знает, может, в будущем ей это пригодится. – Вы просто не понимаете, какого удовольствия себя лишаете.

– Мне надо домой, – заявила Гретхен. Голос ее дрожал, она была на грани истерики. – Я обязательно должна вернуться домой.

Если бы не Гретхен, Рудольф остался бы с братом. После такого шумного

триумфа было жаль, что Томас вынужден ужинать в печальном одиночестве с болтливой женой там, где никто его не знает, никто не будет приветствовать. Надо как-нибудь непременно возместить этот день.

Шофер остановил машину, и Гретхен с Рудольфом вышли.

– Пока, родственнички, – засмеялась Тереза.

– Значит, завтра в пять, Руди, – сказал Томас, и Рудольф утвердительно кивнул.

– Спокойной ночи, – еле слышно прошептала Гретхен. – Береги себя.

Когда такси отъехало, Гретхен схватила Рудольфа за руку, точно боялась упасть. Рудольф остановил другое такси и сказал шоферу адрес. В машине Гретхен не выдержала, прижалась к Рудольфу и разрыдалась. У него на глаза тоже навернулись слезы. Он крепко обнял сестру и гладил ее по голове.

Наконец, перестав плакать, Гретхен выпрямилась и вытерла платком слезы.

– Извини. Нельзя быть таким жутким снобом, как я... Бедный мальчик, бедный мальчик...

Когда они вошли, проходящая нянька спала на диване в гостиной. Вилли еще не было. Никто не звонил, сказала нянька, а Билли читал, пока не заснул, тогда она тихонько поднялась к нему, стараясь не разбудить, и погасила свет.

Гретхен налила в два стакана виски с содовой и села на диван, поджав под себя ноги. Рудольф устроился в большом кресле. Горела только одна настольная лампа. Измученные, они медленно пили, благословляя тишину.

– Ему это *доставляло удовольствие*, – наконец нарушила молчание Гретхен. – Тот парень был уже совсем беспомощным, когда он ударил его еще столько раз подряд... Раньше я думала, что это просто несколько необычный способ зарабатывать на жизнь – не более того... Но сегодня все было совсем не так, правда?

– Да, это необычная профессия, – согласился Рудольф. – Трудно понять, о чем думает человек, когда он дерется на ринге.

– А тебе не было стыдно?

– Я бы сказал, что мне не было радостно. Но в Америке по меньшей мере десять тысяч боксеров. И каждый из них *чей-то* сын, брат.

– А мне почему-то кажется, это мы виноваты: ты, я, наши родители – в том, что он варится в этом котле... Боже, как все запуталось! Как мы все запутались! Да, все. И ты тоже. Скажи, хоть что-нибудь в жизни доставляет тебе удовольствие?

– У меня другой подход к жизни.

– Ты монах-коммерсант, – резко сказала Гретхен. – Вместо обета нищеты ты дал обет богатства. В конечном счете так, наверное, лучше, да?

– Не говори глупостей. – Рудольф теперь жалел, что поднялся с ней в квартиру.

– А два других обета, – продолжала Гретхен, – обет целомудрия и обет послушания. Целомудрия во имя нашей девы-матери, так, что ли? А послушания – Дункану Колдервуду, преподобному настоятелю торговой палаты Уитби?

– Теперь все будет иначе, – ответил Рудольф, хотя ему было неприятно защищать себя и что-то объяснять.

– Ты хочешь сбежать из монастыря, святой отец? Собираешься жениться, погрязнуть во грехе и послать Дункана Колдервуда ко всем чертям?

– Глупо срывать на мне свое раздражение, Гретхен, – стараясь говорить спокойно, заметил Рудольф и встал.

– Прости, – извинилась Гретхен, но голос ее был по-прежнему жестким. – Я гораздо хуже всех в нашей семье. Я живу с человеком, которого презираю, я занимаюсь сволочной, мелкой и бесполезной работой, я самая доступная женщина во всем Нью-Йорке... Тебя это шокирует, братец?

– Мне кажется, ты незаслуженно присвоила себе этот титул.

– Шутка. Тебе нужен список? Начнем с Джонни Хита. По-твоему, он так хорошо относится к тебе только за твои прекрасные глаза?

– А что обо всем этом думает Вилли? – спросил Рудольф, пропуская мимо ушей ее колкость. Не важно, как и почему начались их отношения – сейчас Джонни Хит его друг.

– Вилли не думает ни о чем. Ему бы только ходить по барам да изредка побарахтаться в постели с какой-нибудь пьяной девицей. Он довольствуется в этой жизни минимумом работы и минимумом порядочности. Если бы у него каким-то образом оказались скрижали с текстом десяти заповедей, первое, о чем бы он подумал, – это какому туристическому агентству можно загнать их подороже для рекламы экскурсий на гору Синай.

Рудольф расхохотался. Гретхен тоже невольно рассмеялась:

– Неудачный брак, как ничто другое, развивает в человеке красноречие.

– А Вилли знает твое мнение о нем?

– Да, и полностью согласен. В том-то и весь ужас! По его собственным словам, никто и ничто в этом мире не вызывает у него восхищения, а меньше всего он сам.

– Почему же ты тогда живешь с ним? – напрямик спросил Рудольф.

– Помнишь, я как-то послала тебе письмо, просила приехать в Нью-Йорк? В то время я почти решила развестись и хотела спросить у тебя совета.

– Что же заставило тебя передумать?

Гретхен пожала плечами.

– Заболел Билли. В общем-то пустяк. Вначале врач думал, у него аппендицит. Мы с Вилли просидели у его постели всю ночь. И когда я увидела, как Билли лежит бледный и страдает, а Вилли суетится вокруг него, и поняла, как он любит мальчика, мне вдруг стало страшно. Я не могла вынести мысли, что и мой сын попадет в эту печальную графу статистических исследований – несчастный ребенок из разбитой семьи, вечно тоскующий по нормальному дому, в будущем неизбежно вынужденный обратиться к психоаналитикам. Но... – голос ее вновь стал сухим, – этот очаровательный приступ материнской сентиментальности прошел. Если бы наши родители разошлись, когда мне было девять лет, возможно, я была бы лучше, чем сейчас...

– Короче говоря, сейчас ты решила развестись?

– Если суд оставит Билли со мной, – ответила Гретхен. – Но именно на это

Вилли никогда не согласится.

Рудольф помолчал, отпил виски.

– Ты хочешь, чтобы я узнал, можно ли его как-то заставить? – Он никогда не стал бы вмешиваться, если бы не видел сегодня, как она рыдала в такси.

– Если ты думаешь, что это поможет, – пожала плечами Гретхен. – Я хочу спать с одним мужчиной, а не с десятью. Мне хочется быть честной и делать что-нибудь полезное, нужное.

Где-то вдалеке часы пробили час ночи.

– Что же, – сказала Гретхен, – наверняка Томми и та особа уже доели свой китайский ужин. Неужели в истории Джордахов этот брак окажется первым счастливым? Неужели он и его жена любят, уважают и лелеют друг друга, преломляя вместе китайский хлебец и согревая своими телами пышное брачное ложе?

Щелкнул замок входной двери.

– А-а, – протянула Гретхен, – увешанный медалями ветеран вернулся домой.

– Привет, дорогая. – Держась подчеркнуто прямо, Вилли вошел в комнату и поцеловал Гретхен в щеку. – А как поживает наш принц коммерции? – Он помахал Рудольфу рукой.

– Поздравь его, – сказала Гретхен. – Он сегодня подписал соглашение.

– Поздравляю. – Вилли, прищурившись, оглядел гостиную. – Боже, какая темень! О чем вы тут говорили? О смерти? О могилах? О черных делах, совершаемых в ночи? – Он подошел к бару и налил себе виски. – И как же вы провели сегодняшний вечер?

– У нас была семейная встреча, – сказала Гретхен с дивана. – Мы ходили на бокс.

– Что? – недоуменно спросил Вилли. – О чем она говорит, Руди?

– Она тебе потом расскажет. – Рудольф встал. – Мне пора идти. – Он чувствовал себя неловко в присутствии Вилли, и ему не хотелось притворяться, словно этот вечер ничем не отличается от других, делать вид, что Гретхен ничего ему не сказала. Он нагнулся над диваном и поцеловал сестру. Вилли пошел проводить его до дверей.

– Спасибо, что зашел и составил компанию моей старушке, – сказал он, – я теперь чувствую себя не таким дерьмом – как ни говори, оставил ее одну на весь вечер, Но, понимаешь, это было просто необходимо.

Рудольф слышал, как Вилли закрыл за ним дверь на цепочку, и ему хотелось сказать: «Опасность не снаружи, Вилли. Ты запираешь ее сейчас в квартире вместе с собой».

6

Утром он помочился кровью, но больно не было. Когда электричка шла через тоннель, он взглянул на свое отражение в окне. Повязка под глазом придавала ему несколько зловещий вид, но в общем-то, подумалось ему, он ничем не отличается от любого другого человека, направляющегося в банк.

Тереза устроила ему скандал за то, что он ничего не сказал ей про поставленные в тотализаторе деньги и про своих, как она выразилась, спесивых родственников.

«Эта твоя сестра смотрела на меня как на какую-нибудь мразь, а твой воображала братец открыл окно, точно от меня воняло, как от лошади. И еще забился в угол – можно подумать, если бы он до меня дотронулся, то немедленно подхватил бы триппер. Не видели родного брата десять лет и даже не пожелали выпить с ним чашку кофе! А ты, великий боксер, не мог сказать им ни слова, будто так и полагается!»

Ее слова всю ночь звенели у него в ушах, и он плохо спал. Но самое ужасное, что она права. Ведь он уже совсем взрослый человек, но стоило появиться брату и сестре, и в их присутствии он опять почувствовал себя как в детстве – противным, глупым, никчемным и дрянным мальчишкой.

На секунду ему в голову пришла сумасбродная мысль. Может, не сходить с электрички до Олбани, а там пересесть на другой поезд и поехать в Элизиум к той единственной в мире, которая прикасалась к нему с любовью, к той, с кем он чувствовал себя настоящим мужчиной, хотя ему было тогда всего шестнадцать лет, – к Клотильде, горничной дяди.

Но когда поезд остановился в Порт-Филипе, Томас вышел и, как собирался, направился в банк.

Колин Берк жил на Пятьдесят шестой улице, между Мэдисон и Парк-авеню.

Она вошла в знакомый белый вестибюль и нажала кнопку звонка. Сколько раз она уже приходила сюда? Сколько раз нажимала в полдень эту кнопку? Двадцать? Тридцать? Шестьдесят? Когда-нибудь она сосчитает.

Автоматический замок щелкнул, она толкнула дверь, прошла к лифту и поднялась на четвертый этаж.

Он стоял в дверях – босиком, поверх пижамы наброшен халат. Они коротко поцеловались – не надо, не надо торопиться.

В большой захлавленной гостиной на столике, заваленном папками с пьесами, стояла тарелка с остатками завтрака и недопитая чашка кофе. Берк был театральным режиссером и жил по театральному расписанию – он редко ложился спать раньше пяти утра.

Их познакомил на каком-то обеде редактор журнала, в котором она иногда печаталась. Предполагалось, что она напишет о Берке статью, так как похвально отозвалась о поставленной им пьесе. Тогда, на обеде, он ей не понравился, показался заносчивым, догматиком и слишком самоуверенным. Статью она так и не написала, но спустя три месяца, после нескольких случайных встреч, отдалась ему – то ли потому, что ей этого хотелось, то ли чтобы отомстить Вилли, то ли от скуки, то ли на нервной почве, а может, потому, что просто случайно ей было все равно... Она давно уже бросила анализировать причины.

Берк, стоя, медленно пил кофе и глядел на нее ласковыми темно-серыми глазами ив-под густых черных бровей. Ему было тридцать пять лет. Он был невысоким, ниже ее, но его всегда напряженное, умное, волевое и открытое

лицо – сейчас заросшее черной щетиной – заставляло собеседников забывать о его малом росте. Профессия режиссера приучила его командовать сложными и тонкими людьми, и властность чувствовалась во всем его облике. Настроение у него быстро менялось, и иногда даже с ней он говорил резко. Берк мучительно переживал как собственное несовершенство, так и несовершенство людей вообще, легко обижался и порой пропадал на несколько недель, не сказав никому ни слова. Он развелся с женой и слыл бабником. Вначале Гретхен чувствовала, что нужна ему лишь для удовлетворения простейшей и вполне понятной потребности, но сейчас, глядя на этого худого, невысокого мужчину в мягком синем халате, она знала наверняка, что любит его и никого другого ей не надо – она готова пойти на любые жертвы, лишь бы всю свою жизнь быть рядом с ним.

– Прекрасная Гретхен, восхитительная Гретхен, – сказал он, отнимая чашку от губ. – О, если бы ты каждое утро входила ко мне, неся на подносе завтрак!..

– Подумать только! У себя сегодня хорошее настроение.

– Не совсем. – Колин Берк поставил чашку на стол, подошел к Гретхен, и они обнялись. – У меня впереди кошмарный день. Час назад позвонил мой театральный агент – в два тридцать я должен быть в компании «Коламбия». Мне предлагают поехать на Запад и снять фильм.

– Вот как! – Она рассеянно закурила сигарету. – Я думала, в этом году ты собираешься ставить пьесу.

– Брось сигарету, – сказал Берк. – Когда плохой режиссер хочет показать зрителю, что отношения персонажей становятся напряженными, он непременно заставляет актеров закуривать.

Она засмеялась и потушила сигарету.

– Пьеса еще не готова и, судя по тому, в каком темпе автор ее переписывает, не будет готова раньше чем через год. А все другое, что мне пока предложили, – ерунда... Ну, не смотри же на меня так грустно.

– Нет, ничего. Просто мне хотелось лечь с тобой в постель, и вот я разочарована.

Теперь засмеялся он.

– Ну и лексикон у нашей Гретхен. Все в лоб, без обиняков... Я вел переговоры с «Коламбия пикчерс» больше месяца. Они дают мне полную свободу: сценарий, какой я захочу, автор диалогов – по моему усмотрению, никакого контроля, все съемки на натуре, право на окончательный вариант монтажа – в общем, все, с условием, что я не превышу смету, а смета вполне приличная. Если фильм получится у меня хуже, чем постановки на Бродвее, то в этом буду виноват только я сам. Приезжай на премьеру. Мне будет нужна твоя поддержка.

Она улыбнулась, но улыбка получилась вымученной.

– Ты не говорил мне, что все это так серьезно. А сам вел переговоры больше месяца.

– Я не люблю трепаться, – сказал он. – И я не хотел тебе говорить, пока ничего не было известно наверняка.

Она закурила сигарету, чтобы чем-то отвлечь себя. Наплевать на режиссерские штампы с напряженной ситуацией.

– А как же я? Буду сидеть здесь и ждать? – выпуская дым, спросила она, хотя знала, что не нужно было задавать этот вопрос.

– Как ты? – переспросил он, задумчиво глядя на нее. – Самолеты летают каждый день...

– Если я прилечу туда с Билли, мы сможем жить у тебя? – осторожно спросила она.

Он подошел к ней, обхватил ее голову обеими руками и поцеловал в лоб. Ей пришлось слегка нагнуться.

– Ну, мне пора бриться и одеваться. Я уже опаздываю.

Она ждала, пока он брится, принимал душ и одевался, потом они поехали на такси на Пятую авеню, где находилась дирекция кинокомпании. Он так и не ответил на ее вопрос, но попросил позвонить ему вечером – он расскажет ей, чем кончился разговор в «Коламбия пикчерс».

К концу дня он очень устал. Все утро он провел с юристами, а они, как выяснилось, самые нудные и утомительные люди на свете. После них пришли архитекторы и тоже отняли у него немало сил. Он работал над проектом торгового Центра, и его номер был завален чертежами. По совету Джонни Хита он заключил контракт с фирмой молодых архитекторов, которые уже получили несколько почетных премий за свои работы, но еще горели энтузиазмом. Они, бесспорно, были талантливыми и увлеченными, но работали в основном в больших городах и привыкли облекать свои идеи в стекло и сталь или пористый цемент. Рудольф знал, что они считают его безнадежным консерватором, но настаивал на более традиционных формах и материалах. Сам он тоже предпочитал более современные варианты, но понимал, что традиционная архитектура будет больше импонировать вкусам людей, которые станут покупателями в новом центре, ну и, конечно, только традиционный стиль мог заслужить одобрение Колдервуда.

Зазвонил телефон. Рудольф взглянул на часы – почти пять. Том обещал прийти в это время. Он снял трубку. Но это был Хит.

– Я выяснил то, о чем ты просил. У тебя есть под рукой карандаш? Записывай. – Он продиктовал адрес и название частного детективного агентства. – По моим сведениям, они заслуживают доверия. – Он не поинтересовался, зачем Рудольфу понадобился частный детектив. По-видимому, догадывался.

Повесив трубку, Рудольф почувствовал себя еще более усталым и решил отложить звонок детективам на завтра. Никогда раньше он так не уставал к пяти часам. Может быть, возраст? Он рассмеялся. Ему недавно исполнилось двадцать семь. Взглянул на себя в зеркало. В гладко зачесанных черных волосах ни намек на седину. Никаких мешков под глазами. Чистая смугловатая кожа, не испорченная никакими излишествами или скрытыми болезнями. Если он и перенапрягается, это никак не сказывается на его молодом, гладком, сдержанном лице.

Снова зазвонил телефон. На этот раз швейцар.

– К вам пришел ваш брат, мистер Джордах.

– Попросите его подняться. – Рудольф торопливо закинул в шкаф все эскизы архитекторов. Ему не хотелось производить на брата впечатление важного человека, ворочающего большими делами.

Раздался стук в дверь, и он открыл. Что ж, по крайней мере надел галстук, ехидно подумал Рудольф, небось решил не ударить лицом в грязь перед портье и швейцаром. Он пожал брату руку.

– Проходи, садись. Выпить хочешь? У меня здесь есть бутылка виски, но, если хочешь что-нибудь другое, могу позвонить и попросить принести.

– Не надо. Меня вполне устраивает виски, – ответил Том. Он сидел напряженно, свесив между коленями руки. Пальцы у него были уже деформированные, шишковатые. Пиджак туго обтягивал мощные плечи.

– В утренней газете были хорошие отзывы о вчерашнем бое, – заметил Рудольф.

– Угу. Я читал... Знаешь, давай не будем терять времени, Руди. – Он вынул из кармана толстый конверт, встал, подошел к кровати и, открыв конверт, перевернул его. Посыпались стодолларовые купюры. – Здесь пять тысяч. Они твои.

– Не понимаю, о чем ты. Ты ничего мне не должен.

– Это за обучение в колледже, которого я лишил тебя, когда пришлось заплатить тем подлецам в Огайо. Мне хотелось отдать деньги отцу, но он умер. Теперь они твои.

– Тебе они слишком дорого достаются, чтобы так ими швыряться, – сказал Рудольф, вспоминая вчерашнюю кровавую драку.

– Эти деньги я не заработал, – ответил Томас. – Мне они достались легко. Я их отнял, как когда-то их отняли у отца. Шантажом. Это было давно. Несколько лет они пролежали в сейфе. Не беспокойся, я за это не сидел.

– Это же дурацкий жест.

– А я дурак и веду себя по-дурацки. Возьми их. Теперь я с тобой в расчете. – Он отвернулся от кровати и залпом допил виски. – Ладно, я пошел.

– Подожди минутку. Сядь. – Рудольф слегка толкнул его в плечо и даже при этом мимолетном прикосновении почувствовал силу железных мышц. – Мне они не нужны. Я хорошо зарабатываю. Я только что заключил одну крупную сделку и скоро стану богатым... Я...

– Рад за тебя, – прервал его Томас, – но это к делу не относится. Я хочу вернуть долг моим поганым родственникам, вот и все.

– Я не возьму их. Том. Положи их в банк, хотя бы на имя своего сына.

– О нем я как-нибудь позабочусь, не волнуйся. – В его голосе прозвучала злоба.

– Но это не мои деньги, – беспомощно сказал Рудольф. – Что мне с ними делать, черт побери?

– Спусти их в сор. Просади на баб. Пожертвуй на благотворительность. Я их обратно не возьму.

– Да сядь же ты наконец. Нам надо поговорить. – Рудольф снова подтолкнул брата к креслу, на этот раз более уверенно. Наполнил стаканы и сел

напротив. – Послушай, Том, – начал он, – мы уже не те дети, которые спали в одной кровати и действовали друг другу на нервы. Мы взрослые люди, и мы братья.

– Где же ты был все эти десять лет, брат? Ты и принцесса Гретхен? Вы даже открытки мне ни разу не прислали.

– Прости меня, – сказал Рудольф. – Если ты будешь говорить с Гретхен, она тоже попросит у тебя прощения. Вчера вечером, глядя на тебя на ринге, мы вдруг поняли, что мы – одна семья и наш долг – думать друг о друге.

– Мой долг – пять тысяч долларов. Вот они, на кровати. А больше никто никому ничего не должен. – Томас сидел, опустив голову, почти касаясь подбородком груди.

– Что бы ты ни говорил, что бы ни думал о том, как я вел себя все эти годы, сейчас я хочу тебе помочь.

– Мне не нужна ничья помощь.

– Нет, нужна, – упрямо сказал Рудольф. – Послушай, Том, я, конечно, не специалист, но видел достаточно матчей, чтобы разбираться в возможностях того или иного боксера. Когда-нибудь тебя побьют, здорово побьют. Ты – любитель. Одно дело – быть чемпионом среди любителей, и совсем другое – драться с профессионалами, тренированными, способными, честолюбивыми боксерами. Придет день, и тебя превратят в котлету. Я уж не говорю о травмах: сотрясениях мозга, увечьях, отбитых почках...

– Я плохо слышу на одно ухо, – прервав его, неожиданно признался Том. Профессиональный разговор расположил его к откровенности. – Вот уже больше года. Ну и черт с ним, я не музыкант.

– Дело не только в травмах, – продолжал Рудольф, – рано или поздно ты начнешь больше проигрывать, чем побеждать, или неожиданно почувствуешь, что выдохся навсегда, и тут-то тебя побьет какой-нибудь юнец. Тебе это известно лучше, чем мне. И что тогда? Как ты будешь зарабатывать себе на жизнь? В тридцать – тридцать пять лет начнешь все сначала?

– Не каркай.

– Я просто трезво смотрю на вещи. – Рудольф встал и снова наполнил стакан Томаса, чтобы подольше задержать брата.

– Ты все тот же, прежний Руди. Всегда счастлив дать дельный практический совет младшему брату, – усмехнулся Том.

– Сейчас я стою во главе большой корпорации, – сказал Рудольф. – Я буду набирать работников. Вакансий много, и я мог бы подыскать для тебя какую-нибудь постоянную работу...

– Какую? Водить грузовик за пятьдесят долларов в неделю?

– Нет, лучше. Ты не дурак и мог бы в конце концов стать заведующим сектором или отделом, – сказал Рудольф, сам не зная, лжет он или верит в то, что говорит. – Все, что для этого требуется, – немного здравого смысла и желание научиться.

– У меня нет здравого смысла и нет желания ничему учиться. Разве ты не знаешь? – отрезал Том, вставая. – Ну ладно, хватит. Мне пора идти. Меня семья ждет.

– Что ж, поступай как знаешь. Может, наступит время и ты передумаешь...
– Я не передумаю.
– Послушай, может, я сегодня вечером заеду к вам посмотреть на твоего сынишку, а потом приглашу тебя с женой куда-нибудь поужинать? Что ты на это скажешь?

– Я на это скажу – шиш! – открывая дверь, ответил Томас. – Приходи как-нибудь снова посмотреть меня на ринге. Прихвати с собой Гретхен. Болельщики мне не помешают. Но не затрудняйте себя и не заходите ко мне в раздевалку.

– И все же подумай о моем предложении. Ты знаешь, где меня найти, – устало сказал Рудольф. – Кстати, ты мог бы приехать в Уитби и навестить мать. Она спрашивала о тебе.

– А что она спрашивала? Не повесили ли меня еще? – криво усмехнулся Томас.

– Она говорила, что хочет хотя бы раз увидеть тебя перед смертью.

– Маэстро, пусть вступают скрипки! – саркастически сказал Томас.

Рудольф написал на листке бумаги свой адрес в Уитби и номер телефона.

– На случай, если ты передумаешь, вот наш адрес.

Томас секунду колебался, потом небрежно сунул листок в карман.

– Увидимся через десять лет, братик... может быть... – Он вышел и захлопнул за собой дверь.

Рудольф уставился на закрытую дверь. Сколько живет ненависть? В семье, наверное, вечно. Он подошел к кровати, собрал деньги в конверт и заклеил его. Завтра он вложит эти деньги в акции «Д.К. Энтерпрайсиз» на имя своего брата. Придет время, в Томасу они понадобятся, но тогда их будет уже не пять тысяч, а гораздо больше.

7

«Дорогой сын, – читал Томас строчки, написанные круглым детским почерком. – Рудольф дал мне твой нью-йоркский адрес, и я решила воспользоваться возможностью, чтобы после стольких лет восстановить связь с моим пропавшим мальчиком».

В комнату вошла Тереза. Она была в фартуке, покрытое тоном лицо слегка блестело от пота. Следом за ней на четвереньках полз малыш.

– Письмо получил, – проворчала она. После того как он сообщил, что его пригласили поехать выступать в Англию и она поняла, что ее он с собой не возьмет, она была настроена не слишком дружелюбно. – Почерк женский.

– Господи, это от моей матери.

– Так я тебе и поверила.

– На, посмотри сама, – он сунул письмо ей под нос.

– Теперь у тебя еще и мать объявилась. Твоя семья растет не по дням, а по часам. – И, взяв ребенка на руки, она ушла на кухню.

Назло Терезе Томас решил дочитать письмо до конца и узнать, что надо старой ведьме.

«Рудольф рассказал, при каких обстоятельствах вы встретились, и, должна признаться, я была очень огорчена твоим выбором профессии. Впрочем, учитывая характер твоего отца, в этом нет ничего удивительного. Во всяком случае, это, вероятно, честный способ зарабатывать на жизнь. Твой брат говорит, ты остепенился, женат, и у тебя есть ребенок. Надеюсь, ты счастлив.

Рудольф не рассказал мне, какая у тебя жена, но я надеюсь, что ты с ней живешь лучше, чем жила я с твоим отцом. Не знаю, говорил ли тебе Рудольф, но твой отец в один прекрасный вечер взял и куда-то исчез. Вместе с кошкой. Я болею, и, по-видимому, дни мои сочтены. Хотела бы съездить в Нью-Йорк поглядеть на моего сына и маленького внука, но мне такая поездка не под силу. Если бы Рудольф счел нужным купить машину, а не мотоцикл, может, я бы и приехала. Была бы у него машина, он, может, иногда возил бы меня по воскресеньям в церковь, и я смогла бы постепенно искупить свою вину за годы, прожитые в безбожии, на которое меня обрек твой отец. Впрочем, мне грех сетовать. Рудольф очень добр, заботиться обо мне и даже купил для меня телевизор, который помогает мне кое-как коротать длинные дни. Рудольф так много работает над своим проектом, что почти не бывает дома. Приходит только ночевать. Судя по всему, особенно по тому, как он одевается, дела у него идут хорошо. Но он всегда умел хорошо одеваться и всегда умудрялся иметь карманные деньги.

Не буду кривить душой – я не мечтаю о воссоединении всей нашей семьи, так как я выбросила твою сестру из своего сердца. Для этого у меня было достаточно веских причин. Но если бы я снова увидела обоих моих сыновей вместе, то заплакала бы от радости.

Всю жизнь я очень много работала, ужасно уставала и не уделяла тебе достаточно внимания. Но сейчас, на закате моих дней, может быть, мы сумеем восстановить между нами мир.

Насколько я поняла, ты не очень-то был приветлив со своим братом. Наверно, у тебя есть на то основания. Он превратился в довольно холодного человека, хотя я не могу жаловаться на его невнимание ко мне. Если тебе не хочется с ним встречаться, я сообщу, когда его не будет дома – а это случается все чаще и чаще, – и нам никто не помешает.

Поцелуй за меня моего внука.

Любящая тебя мама».

«Боже милостивый, – подумал Томас, – голос с того света».

Он долго сидел неподвижно, глядя в пространство и не слыша, как на кухне его жена бранит за что-то ребенка. Он вспоминал те годы, когда они все вместе жили над булочной, и он ощущал себя сосланным в изгнание – ощущал это даже в большей степени, чем когда его действительно выслали из города и велели никогда не возвращаться обратно. Кто знает, может, стоит съездить навестить старуху и послушать запоздалые жалобы на ее дорогого Рудольфа, ее любимчика.

Он возьмет у Шульца машину и свозит мать в церковь. Да, вот именно. Пусть они все увидят, как заблуждались на его счет.

Бывший полицейский, а ныне частный детектив мистер Маккенна положил на стол перед Рудольфом отчет и заметил:

– Я абсолютно уверен, что здесь собрана вся необходимая информация об интересующем вас субъекте. Любой компетентный адвокат без труда добьется развода для истицы. Совершенно очевидно, что именно она – потерпевшая сторона.

Рудольф с отвращением взглянул на аккуратно отпечатанные страницы. Похоже, нынче подслушать телефонный разговор так же просто, как купить буханку хлеба. За какие-нибудь пять долларов гостиничный портье разрешит вам установить микрофон в любом номере. За приглашение в ресторан секретарши выудят из мусорной корзинки клочки любовных писем и аккуратно их склеят. Отвергнутые любовницы с готовностью выдадут все секреты своих бывших любовников. Архивы полиции и секретные показания свидетелей за небольшую сумму доступны каждому.

Рудольф снял трубку и позвонил Вилли.

– Привет, принц коммерции. Чему обязан такой честью? – весело спросил тот. Судя по его голосу, он уже успел выпить по крайней мере три мартини.

– Вилли, ты должен немедленно ко мне приехать.

– Послушай, дружище, я, можно сказать, на приколе...

– Вилли, предупреждаю: тебе же будет лучше, если ты сразу приедешь.

– Хорошо, – послушно ответил Вилли. – Закажи мне чего-нибудь выпить.

Вилли, расположившись в том самом кресле, где недавно сидел бывший полицейский, внимательно читал отчет детектива.

– Получается, я не терял зря времени, – заметил он и, похлопав по папке, спросил: – Что ты собираешься с этим делать?

Рудольф протянул руку, взял подколотые вместе страницы, разорвал на мелкие клочки и бросил в мусорную корзинку.

– Что это значит? – удивился Вилли.

– Это значит, что я не могу дать ход этим сведениям. Никто больше этого не увидит и не будет ничего знать. Если твоя жена хочет получить развод, ей придется добиваться его как-то иначе.

– Ах, вот в чем дело. Значит, это идея Гретхен?

– Не совсем. Она сказала мне, что собирается уйти от тебя, но хочет, чтобы ребенок остался с ней, и я предложил ей помочь.

– Интересно, во сколько же это тебе обошлось?

– В пятьсот пятьдесят долларов.

– Жаль. Тебе следовало обратиться ко мне. Я бы дал тебе всю эту информацию за полцены. Ты хочешь, чтобы я возместил твои расходы?

– Не надо. Я ничего не подарил тебе на свадьбу. Считай, что это мой свадебный подарок, – ответил Рудольф.

Томас вошел в слабо освещенный вестибюль и нажал на кнопку звонка над табличкой «Джордах». Несколько дней назад он по телефону сообщил матери, когда приедет. Она обещала быть дома. Подождав некоторое время, он снова позвонил. Никаких признаков жизни. Вероятно, в последнюю минуту Рудольф попросил ее приехать в Нью-Йорк почистить ему ботинки или сделать еще

что-нибудь в том же роде, и она, вне себя от радости, помчалась на его зов, с горечью подумал Томас.

Он уже повернулся, чтобы уйти, почти довольный, что все так получилось – по правде говоря, он не горел желанием встретиться с ней, – когда вдруг услышал щелчок замка. Он толкнул дверь и прошел из вестибюля на лестницу. Мать стояла на площадке второго этажа. На вид ей было лет сто. Она сделала несколько шагов к нему, и только тогда он понял, почему ему пришлось так долго ждать: судя по тому, с каким трудом она передвигалась, ей понадобилось минут пять, чтобы добраться до двери. По щекам ее уже текли Слезы.

– Мой сын, мой сын, – повторяла она, обнимая Томаса худыми, как тростинки, руками. – Я уж и не надеялась тебя увидеть.

От нее сильно пахло каким-то одеколоном. Томас осторожно поцеловал ее в мокрую щеку, сам не понимая, что же он чувствует.

Опираясь на его руку, она провела его в квартиру. Крошечная темная гостиная была обставлена мебелью, которую Томас помнил еще с тех пор, когда они жили на Вандерхоф-стрит. Уже тогда она была старой и потертой, а сейчас вообще просто разваливалась. Сквозь открытую дверь в соседнюю комнату он увидел узкую кровать, письменный стол и бесчисленное множество книг. Если Рудольф позволяет себе покупать столько книг, то наверняка мог бы купить и новую мебель, подумал Томас.

– Садись, садись, – взволнованно сказала мать, подводя его к единственному ветхому креслу. – Какой замечательный день. – Голос у нее был тонкий и пронзительный от многолетней привычки жаловаться. Распухшие бесформенные ноги обуты в широкие мягкие тапочки, какие носят инвалиды. Передвигалась она так, словно много лет назад попала в автомобильную катастрофу. – Ты выглядишь великолепно, просто великолепно! Я боялась, что у моего мальчика все лицо изуродовано, а ты, оказывается, красивый. В тебе больше моей породы. На ирландца похож, сразу видно. Не то что те двое. – Томас неподвижно сидел в кресле, а мать медленно, неуклюже ходила взад-вперед. Широкое цветастое платье висело на ее худом теле мешком. – Какой симпатичный костюм, – продолжала она, дотрагиваясь до его рукава. – Как у настоящего джентльмена. Я боялась, ты по-прежнему ходишь в свитерах.

– Мать весело рассмеялась: теперь его детство было в ее глазах окутано романтической дымкой. – О, я знала, судьба не может быть жестока ко мне настолько, чтобы не дать перед смертью хоть разок взглянуть на моего сыночка. Покажи-ка мне моего внука. У тебя наверняка есть с собой его карточка. Я уверена, что ты носишь ее в бумажнике, как любой счастливый отец.

Томас вынул фотографию сына.

– Как его зовут? – спросила мать.

– Уэсли.

Мэри со слезами на глазах долго смотрела на фотографию, затем поцеловала ее.

– Милый, прелестный малыш.

Томас не помнил, чтобы мать когда-нибудь целовала его, когда он был

ребенком.

– Ты должен свозить меня посмотреть на него, – сказала она.

– Обязательно. Когда вернусь из Англии.

– Из Англии? Мы только нашли друг друга, а ты уже собираешься уезжать на край света!

– Всего на пару недель.

– Ты, должно быть, хорошо зарабатываешь, если можешь позволить себе такое путешествие, – заметила мать.

– Я еду туда работать. – Томас умышленно избегал слова «бокс». – Дорогу мне оплачивают. – Ему не хотелось, чтобы у матери создалось впечатление, что он богат: во-первых, это не соответствовало действительности, а во-вторых, в семье достаточно одной женщины, которая прибирает к рукам все до последнего цента.

– Надеюсь, ты откладываешь деньги на черный день? – тревожно спросила мать. – При твоей профессии...

– Конечно, – сказал он. – Не беспокойся за меня. – И, обведя взглядом комнату, добавил: – А уж Руди-то копит наверняка.

– Ты это про квартиру? Да, она у нас не слишком шикарная, но я не жалуюсь. Руди платит одной женщине, которая ежедневно убирается в квартире и ходит в магазин в те дни, когда мне трудно подняться по лестнице. Он говорит, что уже подыскивает квартиру побольше и на первом этаже, чтобы мне было полегче. Он почти ничего мне не рассказывает про свою работу, но в прошлом месяце о нем была статья в газете, о том, что он один из самых предприимчивых и многообещающих молодых бизнесменов в городе, так что, полагаю, дела у него идут неплохо. Но он правильно делает, что экономит. Деньги – причина всех несчастий в нашей семье. Из-за них я раньше времени превратилась в старуху. – Она вздохнула от жалости к себе. – Твой отец был помешан на деньгах. Без скандала я не могла получить от него и десяти долларов на самое необходимое. Когда будешь в Англии, поспрашивай, не видел ли его кто там. Этот человек может оказаться где угодно. Ведь он сам родом из Европы, так что, вполне естественно, мог вернуться туда и сейчас там скрывается.

Совсем помешалась, подумал он. Несчастливая старуха. Руди не подготовил его к этому.

– Обязательно поспрашиваю, – все же ответил он.

– Ты хороший, – сказала она. – В глубине души я всегда знала, что ты хороший. Просто на тебя дурно влияли твои приятели... Будь у меня больше свободного времени, я могла бы быть хорошей матерью и уберегла бы тебя от многих неприятностей. Ты должен быть строгим со своим сыном. Люби его, но воспитывай в строгости. Твоя жена хорошая мать?

– Ничего, – сказал он. Ему не хотелось говорить о Терезе. Он взглянул на часы. Этот разговор и темная квартира тяготили его. – Знаешь, уже почти два часа. Давай поедем и где-нибудь пообедаем. У меня внизу стоит машина.

– Пообедаем? В ресторане? Это просто замечательно, – радостно, словно маленькая девочка, воскликнула Мэри. – Мой взрослый сильный сын повезет

свою старую мать обедать в ресторан!

– Мы поедем в лучший ресторан города, – заверил ее Томас.

Возвращаясь на машине Шульца обратно в Нью-Йорк, он вспоминал прошедший день и думал, захочется ли ему еще раз навестить мать. Его юношеское представление о ней как о ворчливой, вечно чем-то недовольной, суровой женщине, фанатически любящей одного сына в ущерб другому, сейчас изменилось. Теперь мать казалась ему безобидной, жалкой старухой, плачевно одинокой, радующейся малейшему знаку внимания и жаждущей сыновней любви.

За обедом он заказал ей коктейль, и она, слегка опьянев, хихикнула:

– Я чувствую себя ужасной озорницей!

После обеда он повозил ее по городу, удивляясь тому, что, прожив здесь уже несколько лет, она почти не знала Уитби и даже не видела университета, в котором учился ее сын.

– Я и не думала, что город такой красивый, – то и дело повторяла она, проезжая мимо универмага Колдервуда, воскликнула: – Какой большой! Знаешь, я ни разу в нем не была. И подумать только, ведь это Руди всем здесь заведует!

Томас поставил машину на стоянку и, медленно пройдя с матерью по первому этажу универмага, купил ей замшевую сумку за пятнадцать долларов. Она попросила продавщицу положить ее старую сумку в бумажный пакет, а новую, пока они ходили по магазину, с гордостью носила на руке.

В тот день она болтала без умолку. Впервые рассказала ему о своей жизни в приюте, о том, как работала официанткой и как стыдилась, что была незаконнорожденной, как посещала вечернюю школу в Буффало, чтобы получить образование, и даже о том, что до замужества ни разу ни с кем не целовалась. А еще о своей мечте открыть маленький уютный ресторан и о надеждах, которые она возлагала на своих детей...

Когда он привез ее домой, она попросила его дать ей фотографию его сына. Чтобы вставить в рамку и держать на тумбочке в спальне, сказала она. Когда он дал ей карточку сына, она проковыляла к себе в комнату и вынесла оттуда старое пожелтевшее от времени фото: она в возрасте девятнадцати лет – стройная серьезная красивая девушка в длинном белом платье.

– А это тебе. – Она молча смотрела, как он аккуратно кладет ее фотографию в бумажник, туда, где раньше лежала карточка сына. – Знаешь, ты мне почему-то ближе. Мы с тобой одинаковые. Мы – простые. Не то что твоя сестра или брат. Я люблю Руди. Во всяком случае, мне так кажется. И должна любить. Но я не понимаю его, а иногда просто боюсь. А ты... – Мэри засмеялась. – Ты такой большой и сильный. Зарабатываешь на жизнь кулаками... С тобой мне легко, будто мы ровесники, будто ты мой брат. И сегодня... Сегодня все было так замечательно. Я чувствую себя как человек, который долго сидел в тюрьме и наконец вышел на свободу.

Томас обнял ее и поцеловал. Она на секунду доверчиво прижалась к нему.

– Знаешь, с той минуты, как ты пришел, я не выкурила ни одной сигареты.

По дороге домой Томас оставил машину, зашел в закусочную и заказал

виски. Вытащил из бумажника фотографию и долго смотрел на молодую девушку, превратившуюся в его мать. Он был рад, что навестил ее. Сейчас, сидя в одиночестве в пустом баре, он испытывал необычное для себя чувство умиротворения: с сегодняшнего дня людей, которых он должен ненавидеть, стало на одного меньше.

Часть третья

1

Утро было довольно приятным, если не считать смога, жидким серым супом наполнявшего чашу низины, в которой лежал Лос-Анджелес. Босиком, в ночной рубашке, проскользнув между занавесями, Гретхен вышла на веранду и взглянула вниз на закопченный, но залитый солнцем город, на поблескивавшее вдали неподвижное море. Она глубоко вдохнула утренний сентябрьский воздух, напоенный запахами влажной травы и раскрывающихся цветов. Сюда, на гору, не доносился городской шум, и тишину раннего утра нарушало лишь квохтанье куропаток, бродивших по лужайке.

Насколько здесь лучше, чем в Нью-Йорке, в который раз подумала она. Гораздо лучше.

Будить сына было еще слишком рано, к тому же его ждет необычный день. И уж конечно, не стоит сейчас поднимать Колина. Когда она оставила его одного в их широкой кровати, он спал на спине: брови нахмурены, руки скрещены на груди – словно во сне ему показывали спектакль, который он при всем желании не мог похвалить.

С удовольствием ступая босыми ногами по мокрой от росы траве, Гретхен обогнула дом. В калитку была воткнута свернутая в трубку свежая газета.

На первой странице красовались портреты Никсона и Кеннеди, суливших своим избирателям исполнение всех их желаний.

Мысленно она напомнила себе, что надо взять открепительные талоны – они с Колином в ноябре будут в Нью-Йорке, а каждый голос против Никсона очень важен. Вообще-то с тех пор, как она перестала писать статьи, политика не слишком ее волновала. Период маккартизма уменьшил ее веру в значимость личной Правоты и внушил страх к публичным выступлениям. Колин вообще не имел определенных политических убеждений и в зависимости от того, с кем в данный момент спорил, объявлял себя то отчаявшимся социалистом, то нигилистом, то сторонником системы единого налогообложения, то даже монархистом. Но каждый раз все кончалось тем, что он голосовал за демократов. Ни он, ни Гретхен не участвовали в бурной политической деятельности Голливуда: не чествовали кандидатов, не подписывали петиции и не ходили на коктейли, устраиваемые для сбора денег в фонды избирательной кампаний. Да и вообще они почти нигде не бывали. Колин пил мало и не выносил пьяных пустых разговоров на голливудских сборищах. После многих лет безалаберной богемной жизни с Вилли Гретхен радовалась этим

заполненным домашними заботами дням и нежным спокойным ночам с Колином, ее вторым мужем.

Отказ Колина, как он говорил, «выходить на люди» не отражался на его карьере. «Только бездарности вынуждены плясать под дудку Голливуда», – утверждал он. Его талант проявился уже в первой его картине. Вторым фильмом он подтвердил свое дарование, а сейчас, когда снимал третью за пять лет картину, считался одним из самых блестящих режиссеров своего поколения. Единственной его неудачей была постановка пьесы в Нью-Йорке, куда он вернулся после съемки своей первой картины. Спектакль был показан всего восемь раз. Когда пьесу сняли, Колин исчез на три недели. Объявившись снова, казался замкнутым, молчаливым, и потребовалось несколько месяцев, прежде чем он почувствовал, что может взяться за новую работу. Он был не из тех, кто в состоянии смириться с неудачей, и он заставлял Гретхен страдать вместе с ним, хотя она заранее предупредила его, что пьеса еще не готова для постановки. Однако Колин продолжал спрашивать ее мнение о всех своих работах, требуя абсолютной искренности. Как раз сейчас ее немного беспокоил один эпизод в его новом фильме, который вчера вечером они просматривали вместе с режиссером по монтажу Сэмом Кори. Что-то в этом эпизоде было не так, но что именно? После просмотра ста ничего не сказала Колину, но знала, что за завтраком он обязательно будет расспрашивать, и теперь методически, кадр за кадром, пыталась восстановить эпизод в памяти.

Накинув халат, Гретхен прошла в гостиную, надела очки и села за стол досматривать газету. Она уже собралась отложить ее, как вдруг на спортивной странице увидела фотографию двух боксеров на тренировке. Господи, опять он, подумала Гретхен. Под фотографией было написано: «Генри Куэйлс со своим спарринг-партнером Томми Джордахом готовится к матчу, который состоится на следующей неделе».

С того вечера в Нью-Йорке, когда они с Рудольфом зашли к Томасу в раздевалку, Гретхен ничего не слышала о брате и не видела его. Хотя она почти совсем не разбиралась в боксе, ей все же было понятно, что, раз Томас стал чьим-то партнером для тренировки, значит, его спортивная карьера пошла под уклон. Она аккуратно сложила газету, встала и пошла будить сына.

Билли, скрестив ноги, сидел на кровати и тихо перебирал струны гитары. Очень светлые волосы, задумчивые глаза и покрытые пушком румяные щеки, нос – слишком большой на еще детском лице, тонкая мальчишеская шея, длинные, как у жеребенка, ноги... Сосредоточенный, улыбочивый, родной.

Рядом с ним на стуле лежал тщательно уложенный чемодан – несмотря на безалаберность своих родителей, а может быть, как раз потому, что постоянно видел в доме беспорядок, Билли вырос большим аккуратистом.

Гретхен поцеловала его в макушку. Никакой реакции. Ни враждебности, ни любви. Он взял последний аккорд и спросил:

– Ну, ты готова?

– Все упаковано, – ответила она. – Осталось только закрыть чемоданы. – У Билли была почти патологическая боязнь опоздать куда бы то ни было: в школу, на поезд, на самолет, на вечеринку; Гретхен знала об этом и всегда

старалась все подготовить заранее.

Билли встал и отправился в ванную, а она пошла будить Колина. Тот беспокойно ворочался и что-то бормотал во сне. Она поцеловала его за ухом. Он проснулся, открыл глаза, минуту-другую лежал неподвижно, уставившись невидящим взглядом в потолок, и наконец сказал:

– Господи, еще совсем ночь! – Гретхен снова поцеловала его. – Ладно, ладно, уже утро, – проворчал он, взъерошил волосы, попытался встать, но опять со стоном повалился на спину и протянул руки к жене. – Помоги бедному старику подняться. – Гретхен взяла его за руку и потянула. Колин сел на край кровати, потер глаза, затем вдруг настороженно взглянул на нее. – Послушай, вчера на просмотре тебе что-то не понравилось в предпоследней части.

Не мог дождаться завтрака, подумала она.

– Я ничего такого не говорила.

– А тебе и не обязательно что-то говорить, – заметил Колин. – Достаточно того, как ты начинаешь дышать.

– Ну хорошо, мне действительно кое-что не понравилось, правда, тогда я не могла разобраться, в чем дело.

– А теперь?

– Теперь, кажется, понимаю.

– Выкладывай.

– Это в том эпизоде, когда он получает известие и начинает верить, что это его вина... Понимаешь, у тебя он ходит по дому и поглядывает то в одно зеркало, то в другое: в ванной, в большое зеркало в шкафу, в темное – в гостиной, в увеличительное зеркальце для бритвы, наконец, в лужицу на крыльце...

– Все очень просто, – раздраженно перебил ее Колин. – Он изучает себя. Если говорить банально, заглядывает себе в душу – при разном освещении с различных точек, – чтобы понять... Короче, что же тебе не понравилось?

– Две вещи, – спокойно сказала она. – Во-первых, темп. До этого момента все события в картине разворачиваются быстро, динамично – это общий стиль фильма. И вдруг, словно только для того, чтобы показать зрителю, что наступил кульминационный момент, ты резко снижаешь темп. Это слишком очевидно.

– Так и задумано, – отчетливо выговаривая каждое слово, сказал Колин. – И должно быть очевидно.

– Если ты будешь злиться, я ничего больше не скажу.

– Я уже разозлился, так что лучше говори. Ты сказала «две вещи». Какая же вторая?

– Ты безумно долго показываешь его крупным планом, и предполагается – зритель должен видеть, что он мучается, сомневается, запутался...

– Слава богу, хоть это до тебя дошло...

– Мне продолжать или пойдем завтракать?

– В следующий раз ни за что не женюсь на такой умной бабе. Продолжай.

– Так вот, ты думаешь, что этот эпизод показывает, как он мучается и сомневается, и актер тоже, вероятно, думает, что передает сомнения и

страдания, но зритель-то видит совсем другое – красивый молодой человек любит себя в зеркалах и обеспокоен лишь тем, удачно ли подсвечиваются его глаза.

– Черт! Ты стерва. Мы над этим эпизодом корпели четыре дня.

– На твоём месте я бы его вырезала, – сказала она.

– В таком случае следующую картину снимать будешь ты, а я останусь дома готовить обед. – Колин спрыгнул с кровати и зашагал в ванную. Подойдя к двери, он обернулся. – Все женщины, которых я знал, всегда считали, что все, что я делаю, великолепно, а я взял и женился на тебе.

– Они так не считали, – ласково сказала она. – Просто говорили. – И, подойдя к нему, поцеловала в щеку.

– Мне будет недоставать тебя, – прошептал Колин. – Ужасно. – Затем он резко оттолкнул ее. – А теперь иди, и чтоб кофе был действительно черным!

Бреясь, он что-то весело напевал. Чтобы Колин пел утром – неслыханно! Но она понимала: его тоже с самого начала беспокоил этот эпизод, а теперь, зная, в чем кроется неудача, он испытывает облегчение и сегодня же с огромным удовольствием вырежет из фильма этот эпизод – результат напряженной четырехдневной работы, обошедшейся студии в сорок тысяч долларов.

В аэропорт они приехали рано, и, когда их чемоданы скрылись за багажной стойкой, с лица Билли исчезло напряжение.

На Билли был серый твидовый костюм, розовая, рубашка и голубой галстук. Волосы тщательно приглажены, кожа чистая, без юношеских прыщиков. Гретхен подумалось, что ее сын очень привлекательный парень и выглядит сейчас намного старше своих четырнадцати лет. Ростом он был уже с нее и, значит, выше Колина.

Всю дорогу до аэропорта Гретхен пришлось держать себя в руках, потому что манера Колина водить машину нервировала ее. Пожалуй, это единственное, что он делает плохо, подумала она. То он ехал очень медленно, точно во сне, углубившись в свои мысли, то вдруг начинал обгонять всех подряд и ругал других водителей, проскакивая у них перед носом или не давая им вырваться вперед. Но каждый раз, как она не выдерживала и предупреждала его об опасности, он огрызался: «Не будь типично американской женой!». Сам он был убежден, что водит машину превосходно.

– У нас еще масса времени, – сказал Колин. – Пойдем выпьем кофе.

В ресторане она и Колин заказали по чашке кофе, а Билли – кока-колу, которой он запил таблетку драмина, чтобы не тошнило в самолете.

– Меня до восемнадцати лет укачивало в автобусе, – наблюдая за мальчиком, сказал Колин, – но стоило мне первый раз переспать с девушкой, как это кончилось.

Билли бросил на него короткий оценивающий взгляд. Колин всегда разговаривал с ним как со взрослым, и Гретхен иногда сомневалась, правильно ли это. Она не знала, любит Билли своего отца или просто терпит. А может, ненавидит. Билли никогда не проявлял своих эмоций. Колин же вроде и не прилагал особых усилий, чтобы завоевать симпатию мальчика. Порой бывал с

ним резок, порой проявлял большой интерес к его школьным делам и помогал готовить уроки, иногда играл с ним и был очень ласков, а иногда вел себя отчужденно. Колин же платил за обучение пасынка, так как Вилли Эббот переживал трудные времена и сидел без денег. Колин запретил Гретхен говорить Билли, кто платит за его учебу, но Гретхен была уверена, что сын сам давно догадался.

– В твоём возрасте, – продолжал Колин, – меня тоже отправили учиться в другой город. Всю первую неделю я ревел. Весь первый год ненавидел школу. На второй год стал относиться к ней терпимо. На третий – уже был редактором школьной газеты и впервые испытал приятное чувство власти и, хотя никому в этом не признавался, полюбил школу. А в последний год я плакал, потому что не хотел с ней расставаться.

– Я ничего не имею против, – сказал Билли.

– Вот и прекрасно. Это хорошая школа, если, конечно, таковые вообще сейчас существуют. В худшем случае ты выйдешь из нее, зная, как написать по-английски простое, нераспространенное предложение. На, – он протянул мальчику конверт, – спрячь его и ни в коем случае не говори матери, что внутри.

– Спасибо, – поблагодарил Билли, засовывая конверт во внутренний карман пиджака.

Самолет еще только начинали загружать, когда они второй раз подошли к выходу на посадку.

– Иди садись, Билли, – сказала Гретхен. – Я хочу попрощаться с Колином.

– Если что-нибудь понадобится, позвони мне. За мой счет. – И Колин крепко пожал Билли руку.

Пока Колин разговаривал с ее сыном, Гретхен смотрела на лицо мужа и видела за резкими чертами искреннюю нежность и заботу. Грозные глаза под густыми черными бровями ласково светились любовью. «Нет, я не ошиблась в нем», – подумала она.

Билли сдержанно улыбнулся и направился к самолету, неся гитару как винтовку.

– Не беспокойся, – глядя ему вслед, сказал Колин. – У него все будет в порядке.

– Надеюсь, – ответила Гретхен. – В конверте деньги?

– Несколько долларов, – небрежно сказал Колин. – На мелкие расходы. Чтобы учиться было не так тяжело. Бывают моменты, когда мальчишке не выжить без лишнего молочного коктейля или свежего номера «Плейбоя». Вилли вас встретит?

– Да.

– Вы вместе повезете парня в школу?

– Да.

– Наверное, это правильно, – решительно заявил Колин. – При важных событиях в жизни подростка должны присутствовать оба родителя. Ну что ж, увидимся в Нью-Йорке через две недели. Без меня не развлекайся и никуда не ходи.

– Об этом можешь не беспокоиться, – улыбнулась Гретхен, целуя его в щеку.

Вилли Эббот стоял в небольшой толпе встречающих рейс из Лос-Анджелеса. Он был в темных очках. День выдался пасмурный и влажный, и, едва увидев Вилли, Гретхен догадалась, что всю ночь накануне он пил и темные очки предназначались для того, чтобы скрыть от нее и от сына покрасневшие, воспаленные глаза. «Хоть бы раз удержался, – подумала она, – хоть бы один вечер не пил перед приездом сына, которого не видел несколько месяцев». Но она подавила в себе раздражение. Дружеские безмятежные отношения между разведенными родителями в присутствии своего отпрыска – вынужденное лицемерие неудавшейся любви.

Заметив отца, Билли бросился к нему навстречу, обнял и поцеловал. Гретхен нарочно шла медленно, чтобы не мешать им.

– Привет, дорогая, – поздоровался Вилли, целуя ее в щеку и продолжая обнимать Билли за плечи. Он широко (глупо?) улыбался, довольный продемонстрированной сыном любовью.

Во время развода Вилли вел себя во всех отношениях прекрасно, и она не могла сейчас не позволить ему называть ее «дорогая» или лишить права на жалкий поцелуй. Она не сказала ни слова о его темных очках и сделала вид, что не чувствует запаха перегара. Одет он был аккуратно и строго, как и полагалось отцу, собирающемуся представить своего сына директору хорошей школы в Новой Англии. Завтра, когда они поедут в школу, она сумеет как-нибудь удержать его от выпивки.

Она сидела одна в маленькой гостиной номера люкс. За окном светились огни вечернего Нью-Йорка, и с улицы доносился знакомый будоражающий шум большого города. Она наивно полагала, что сын переночует в отеле вместе с ней, но еще по дороге из аэропорта Вилли сказал ему:

– Надеюсь, ты согласишься лечь на диване? У меня только одна комната, но там есть диван. Правда, пара пружин лопнула, но, думаю, в твоём возрасте это не мешает выспаться. Так как? Согласен?

– Конечно! – отозвался Билли. В его тоне не было и намека на фальшь. Он даже не обернулся, даже не посмотрел на мать. А впрочем, что она могла бы ему сказать?

В отеле ей вручили записку от Рудольфа. Накануне она телеграфировала ему о своем приезде и просила поужинать с ней. Брат сообщал, что сегодня очень занят и позвонит ей завтра утром.

У себя в номере она распаковала вещи, приняла ванну и начала думать, что ей надеть. В конце концов просто накинула халат – она понятия не имела, как ей убить этот вр. Все, кого она знала в Нью-Йорке, были либо друзьями Вилли, либо ее бывшими любовниками, либо случайными людьми, с которыми ее мимоходом познакомил Колин три года назад, когда она приезжала на премьеру его потерпевшего фиаско спектакля. Разумеется, никому из них она звонить не собиралась.

Она была уже готова позвонить Вилли: можно сделать вид, что она волнуется о самочувствии сына – несмотря на драматизм, его тошнило в

самолете, – и Вилли, наверно, пригласил бы ее поужинать вместе с ними. Она уже даже подошла к телефону, но вовремя остановила себя: «Брось свои женские штучки. Имеет же право сын провести хотя бы один спокойный вечер с отцом, не чувствуя на себе ревнивого взгляда матери!».

Она беспокойно расхаживала по маленькой, старомодно обставленной комнате. Подумать только, ведь когда-то, приехав в Нью-Йорк впервые, она чувствовала себя здесь такой счастливой. Каким привлекательным и заманчивым казался тогда ей этот город. Она была молода, бедна, одинока, и Нью-Йорк принял ее радушно – свободно и без страха бродила она по его улицам. Сейчас же, став мудрее, старше и богаче, она чувствовала себя здесь узницей. Муж – за три тысячи миль от нее, сын – за несколько кварталов, но оба связывают ее невидимыми путями. По крайней мере она может спуститься вниз и поужинать в ресторане отеля. Что ж, еще одна женщина будет сидеть над рюмкой за маленьким столиком, стараясь не прислушиваться к чужим разговорам, и, постепенно пьянея, будет слишком громко и слишком много разговаривать с метрдотелем. Боже, до чего иногда утомительно быть женщиной.

Гретхен пошла в спальню и, вынув из шкафа свое самое скромное черное платье – это произведение модельера стоило, пожалуй, чересчур дорого и абсолютно не нравилось Колину, – начала одеваться. Небрежно накрасившись и проведя щеткой по волосам, она уже собиралась выйти, когда зазвонил телефон.

Она почти бегом вернулась. Если это Вилли, подумала она, наплевать на все – поужинаю с ним. Но это был не Вилли, а Джонни Хит.

– Привет, – сказал он. – Рудольф говорил, что ты остановишься здесь, а я сейчас как раз проходил мимо и подумал, может, тебя застану...

«Врун, – подумала она, – никто вечером без четверти девять не проходит просто так мимо гостиницы „Алгонквин“». Но вслух радостно воскликнула:

– Джонни! Какой приятный сюрприз!

– Я здесь, внизу, и если ты еще не ужинала... – Его голос звучал эхом прежних лет.

– Видишь ли, – сказала она уклончиво и в то же время презирая себя за притворство, – я не одета и собиралась заказать ужин в нр. Я ужасно устала в самолете, а завтра мне равно вставать...

– Жду тебя в баре, – сказал Джонни и повесил трубку.

«Холеный, самоуверенный уолл-стритский подонок», – подумала она. Потом пошла в спальню и переделалась в другое платье. Она заставила его ждать в баре целых двадцать минут.

– Рудольф ужасно огорчен, что не может сегодня с тобой увидеться, – сказал Джонни.

Они сидели в маленьком французском ресторане на Пятидесятой улице. Народу было мало. «Осторожный, – подумала Гретхен, – в таком месте вряд ли встретишь знакомых. Идеально подходит для ужина с замужней женщиной, которая когда-то была твоей любовницей». Как только они вошли, метрдотель приветливо улыбнулся им и посадил за столик в углу, чтобы никто не

подслушивал их разговор.

– Он очень к тебе привязан, – продолжал Джонни. Сам он за всю свою жизнь ни к кому не испытал настоящей привязанности. – Ты единственная женщина, которую он боготворит, и не исключено, именно из-за тебя до сих пор не женат: он восхищается тобой и не может найти себе женщину, похожую на тебя.

– Он так мною восхищается, что даже не мог уделить мне одного вечера после того, как мы не виделись почти год.

– На следующей неделе он открывает новый торговый центр в Порт-Филипе. Один из самых крупных; Разве он ничего не писал тебе об этом?

– Писал, – призналась она. – Наверно, я просто не обратила внимания на дату.

– В последнюю минуту у него, как всегда, еще тысяча дел. Он работает по двадцать четыре часа в сутки. Не представляю, как только Руди это выдерживает. Да ты сама знаешь, какой он, когда дело касается работы.

– Да, знаю, – согласилась Гретхен. – Работа у него на первом месте. Он просто одержим ею.

– А разве твой муж не такой? Разве он меньше работает? Наверно, он тоже восхищается тобой, но я что-то не вижу, чтобы он выкроил время приехать в Нью-Йорк.

– Он будет здесь через две недели. К тому же у него совсем другая работа.

– Конечно, снимать картину – святое дело, и женщина может гордиться, когда ее приносят этому в жертву. А большой бизнес – занятие презренное и омерзительное, и человек должен с радостью бросить всю эту грязь и кинуться в Нью-Йорк, чтобы встретить у трапа свою одинокую, невинную, чистую сестричку и повести ее ужинать.

– Ты защищаешь не Рудольфа, а себя, – сухо сказала Гретхен.

– Обоих, – ответил Джонни. – И его, и себя. Впрочем, мне незачем кого-либо защищать. Если художник считает себя единственным ценным продуктом современной цивилизации – это его дело. Но ожидать, что такой ничтожный, развращенный деньгами, тупица, как я, согласится с ним, по меньшей мере идиотизм. Искусство – хорошая приманка для девиц и приводит многих начинающих художников и будущих Толстых к ним в постель. Но меня не проведешь. Держу пари, если бы я работал не на Уолл-стрит, в офисе с кондиционером, а на какой-нибудь мансарде в Гринич-Виллидж, ты вышла бы за меня замуж задолго до того, как познакомилась с Берком.

– А вот и не угадал, – усмехнулась Гретхен. – Налей мне еще вина. – Она протянула ему бокал.

Хит наполнил ее бокал почти до краев, потом подозвал официанта и заказал еще бутылку. Он сидел молча, погружившись в свои мысли. Гретхен была удивлена его недавней вспышкой – это было совсем на него не похоже.

– Я дурак, – наконец тихо сказал он. – Мне следовало сделать тебе предложение.

– Ты, вероятно, забыл, что в то время я уже была замужем, – заметила Гретхен.

– А ты, вероятно, забыла, что, когда познакомилась с Колином Берком, тоже была замужем, – ответил Джонни.

– Тогда был совсем другой год, а он – совсем другой человек, – пожалала плечами Гретхен.

– Послушай, – Джонни слегка дотронулся до нее своей мягкой рукой с гладкими круглыми пальцами, – ответь мне на один вопрос: чем ты, удивительная женщина, созданная для Нью-Йорка, ухитряешься заполнять свои дни в такой дыре, как Лос-Анджелес?

– Большую часть времени возношу богу молитвы, благодарю его за то, что я не в Нью-Йорке.

– А остальное время? Пожалуйста, не говори мне, будто тебе нравится сидеть дома и заниматься хозяйством в ожидании, когда папочка вернется из студии и расскажет, что Сэм Голдвин сказал за обедом.

– Если хочешь знать, – его слова задели ее, и она повысила голос, – я очень мало расслаиваюсь. Я – часть жизни человека, перед которым преклоняюсь, я помогаю ему, и это гораздо лучше того, чем я занималась здесь, напуская на себя важный вид, тайком изменяя мужу, печатая статьи в журналах и живя с человеком, который три раза в неделю напивался в стельку.

– О, новый вариант женской революции: церковь, дети, кухня... Боже мой, уж кто-кто, но ты...

– Если отбросить церковь, твое описание моей жизни абсолютно правильно. Ты доволен? – Она встала и направилась к выходу.

– Гретхен! – крикнул он ей вслед. В голосе его звенело искреннее удивление. То, что сейчас произошло, было совершенно невероятным и не допускалось четко установленными правилами знакомых ему норм. Но Гретхен, даже не обернувшись, вышла из ресторана.

Она быстро зашагала в сторону Пятой авеню, по мере того как остывал ее гнев, пошла медленнее. Глупо принимать это близко к сердцу, решила она. Собственно, какое ей дело до того, что думает Джонни Хит о ее жизни? Он делает вид, что ему нравятся так называемые «свободные» женщины, потому что с ними он тоже может вести себя свободно. Разве ему понять, что значит для нее проснуться утром и увидеть в постели рядом с собой Колина? Да, она не свободна от мужа, а он – от нее, и именно поэтому они оба стали только лучше и счастливее. Все эти разговоры о свободе – ерунда!

На следующее утро ее разбудил телефон. Звонил Вилли.

– Через полчаса мы за тобой заедем. Мы уже позавтракали, – сказал он.

Главное здание школы было колониальным особняком из красного кирпича с белыми колоннами. Чуть поодаль от него были раскиданы старые деревянные домики – общежития учеников. Густые деревья, спортивные площадки.

Они поднялись по лестнице в актовый зал, где уже собрались родители и школьники. За столом, приветливо улыбаясь, пожилая женщина зарегистрировала новеньких. Она дала Билли цветной жетон, который он должен был приколоть к лацкану пиджака, и, повернувшись к группе мальчиков постарше, крикнула: «Дэвид Крофорд!» Высокий паренек лет восемнадцати, в

очках, быстро подошел к столу.

– Уильям, это Дэвид, – сказала женщина. – Он проводит тебя в твою комнату. Если сегодня или вообще в течение учебного года у тебя возникнут какие-либо сложности, обращайся прямо к нему.

– Совершенно верно, Уильям, – авторитетным голосом старшеклассника подтвердил Крофорд. – Я всегда к твоим услугам. Где твои вещи? Пошли, я провожу тебя.

– Уильям, – прошептала Гретхен, следуя рядом с Вилли за сыном и Дэвидом. – Вначале я даже не поняла, к кому она обращается.

– Это хороший признак, – ответил Эббот. – Когда я поступил в школу, все называли друг друга только по фамилии. Нас тогда готовили к армии.

Комната, отведенная Билли, была небольшой. В ней стояло две кровати, два небольших письменных стола и два платяных шкафа.

– Твой сосед по комнате уже приехал. Ты с ним еще не познакомился? – спросил Крофорд.

– Нет, – ответил Билли таким сдержанным, необычным даже для него тоном, что Гретхен вдруг почувствовала себя совершенно беспомощной: жизнь сына больше не зависела от нее.

Раздался звонок на обед.

– Столовая в главном здании, где ты регистрировался, Уильям, – сказал Крофорд. – А теперь, если не возражаешь, я пойду мыть руки. И помни: если что, обращайся ко мне. – Подтянутый и вежливый, в цветном фланелевом пиджаке и потрепанных за три года пребывания в школе белых ботинках, он вышел в корр.

– Видно, очень симпатичный мальчик, – сказала Гретхен.

– Посмотрим, каким он будет, когда вы уедете, – заметил Билли.

– Ну, тебе пора идти обедать, – сказал Эббот.

– Мы проводим тебя до столовой, – подхватила Гретхен. К горлу у нее подступал ком, но она не имела права расплакаться при Билли.

Не доходя до главного здания, Гретхен остановилась. Пришло время прощаться, а ей не хотелось делать это в толпе родителей и школьников. Билли обнял мать и быстро поцеловал. Она сумела даже улыбнуться. Потом он пожал руку отцу.

– Спасибо, что привезли меня, – сказал он, повернулся и неторопливо направился к ступенькам, ведущим в здание школы. Он слился с толпой других мальчишек и исчез из виду. Худенькая долговязая детская фигурка безвозвратно ушла из-под материнской опеки, чтобы присоединиться к братству, мужчин, до которых теперь только издали будут доноситься материнские голоса, что когда-то утешали, баюкали и предостерегали.

Гретхен смотрела ему вслед сквозь пелену слез. Вилли обнял ее за плечи, и, благодарные друг другу за теплоту, они молча пошли к машине.

Она сидела на переднем сиденье, сосредоточенно глядя прямо перед собой, и вдруг услышала какие-то странные звуки. Вилли резко остановил машину. Он всхлипывал, не пытаясь сдержаться, и Гретхен тоже больше не могла держать себя в руках. Она потянулась к нему, и они обнялись, оплакивая Билли, его

будущее, себя, свою любовь, все свои ошибки и прежнюю неполучившуюся жизнь.

– Не обращайтесь на меня внимания, – повторяла Рудольфу обвешанная фотоаппаратами девушка, когда Гретхен и Джонни Хит, выйдя из машины и пройдя через стоянку, приблизились к тому месту, где под огромным плакатом с надписью «Колдервуд» стоял Рудольф. Был день открытия нового торгового центра на северной окраине Порт-Филипа – Гретхен прекрасно знала этот район, так как через него проходила дорога к поместью Бойлана.

Гретхен и Джонни пропустили церемонию открытия, потому что Хит освободился только к обеденному перерыву. Джонни всячески старался загладить свою вину перед Гретхен как за опоздание, так и за недавний разговор в ресторане, и, пока они ехали в Порт-Филип, между ними почти восстановились дружеские отношения. В машине в основном говорил Джонни – но не о себе и не о Гретхен. Он подробно и с восхищением объяснял ей, каким образом Рудольф превратился в неуспевающего менеджера и предпринимателя. По словам Джонни, Рудольф намного лучше остальных бизнесменов его возраста разбирался в сложной механике современного предпринимательства.

Увидев сестру и Джонни, Рудольф широко улыбнулся и шагнул им навстречу. Человек, ворочающий миллионами, жонглирующий пакетами акций, знающий, как распорядиться страховым капиталом, он был для Гретхен просто ее братом, загорелым, красивым молодым человеком в отлично сшитом скромном костюме. И Гретхен снова поразились тому, насколько они разные – ее брат и ее муж. Из рассказов Джонни ей было понятно, что Рудольф во много раз богаче Колина и Колину не снилась та реальная власть над огромным числом людей, которую сосредоточил в своих руках Рудольф, – но при всем этом Колина даже родная мать не могла бы упрекнуть в скромности. Он выделялся в любой компании, держался самоуверенно и заносчиво, легко наживая себе врагов. Рудольф же в любом обществе был своим и мягкостью обращения и доброжелательностью располагал к себе всех.

– Отлично, – делая один снимок за другим, приговаривала девушка-фотограф, присевшая на корточки возле Рудольфа. – Прекрасно.

– Разрешите вас познакомить, – повернулся к ней Рудольф. – Моя сестра миссис Берк, мой коллега мистер Хит, а это... э-э, мисс... Ради бога, извините.

– Прескотт. Можно просто Джин. Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания. – Девушка застенчиво улыбнулась и выпрямилась. Она была маленького роста, с прямыми длинными каштановыми волосами, собранными в свободный узел на затылке. Лицо в веснушках, никакой косметики. Несмотря на висевшие на плече три фотоаппарата и тяжелую сумку с пленками, двигалась она легко и свободно.

Рудольфа повсюду останавливали, пожимали ему руки, поздравляли, восхищенно говорили, что он сделал для города большое дело. Он скромно улыбался, отвечал: «Очень рад, что вам все понравилось», при этом демонстрировал блестящую память, называя всех по имени, а мисс Прескотт неумоимо щелкала фотоаппаратом.

– Похоже, сегодня здесь собрался весь город, – заметила Гретхен.

– Почти, – ответил Рудольф и добавил: – Кто-то мне сказал, что даже Тедди Бойлан приехал. Мы, наверно, его увидим. – И он внимательно посмотрел на сестру.

– Тедди Бойлан, – повторила Гретхен без всякого выражения. – Он еще жив?

– По крайней мере так утверждают. Сам я давно с ним не встречался. Подождите меня здесь минутку, я поговорю с дирижером. Они играют слишком мало старых мелодий.

Вернулся он вместе со стройной, очень хорошенькой молодой блондинкой в накрахмаленном белом полотняном платье и с лысеющим плотным мужчиной в мятом полосатом костюме. Мужчина был несколько старше Рудольфа.

– Вирджиния Колдервуд, младшая дочь моего босса, – представил Рудольф девушку. – И ты, Гретхен, конечно, помнишь Брэдфорда Найта?

– Помните, я приезжал к вам вместе с Руди после окончания колледжа и выпил тогда у вас все вино? – сказал Брэд.

И тут Гретхен его вспомнила: бывший сержант с оклахомским акцентом, тот, что ухаживал в ее квартире за всеми женщинами подряд. Акцент у него за это время немного стерся, и, к сожалению, бывший сержант начал лысеть. Она вспомнила также, как несколько лет назад Рудольф пригласил его в Уитби и сделал помощником директора в универмаге Колдервуда. Рудольфу этот человек нравился, хотя сейчас, глядя на Найта, она не понимала, чем он привлекает ее брата. Рудольф говорил ей, что Брэд Найт умен, прекрасно ладит с людьми и выполняет все приказания с неукоснительной точностью.

– Конечно, я вас помню, Брэд, – сказала Гретхен. – Я слышала, вы незаменимый человек.

– Вы заставляете меня краснеть, мэ, – ответил Найт.

– Мы все незаменимые люди, – улыбнулся Рудольф.

– Нет, не все, – серьезно возразила девушка, не отрывая взгляда от Рудольфа. Гретхен было понятно выражение в ее глазах.

Все, кроме девушки, рассмеялись. Бедняжка, подумала Гретхен, лучше бы тебе смотреть так на кого-нибудь другого.

– А где же ваш отец? – спросил Рудольф у Вирджинии. – Я хочу представить ему мою сестру.

– Он уехал домой, – сказала девушка. – Ему не понравилось что-то в речи мэра. Мэр говорил только о вас и ни слова – о нем.

– Просто я родился здесь, и, по-видимому, мэр считает это своей заслугой, – пошутил Рудольф.

– И потом, ему не понравилось, что она все время снимает только вас, – Вирджиния махнула рукой в сторону мисс Прескотт, которая, отойдя на несколько шагов, сосредоточенно снимала их группу. – Вам лучше позвонить ему и успокоить.

– Позвоню позже, если будет время, – беспечно сказал Рудольф. – Кстати, мы все собираемся через часок пойти куда-нибудь выпить. Может, вы с Брэдом составите нам компанию?

– Мне нельзя появляться в барах, вы же знаете, – сказала Вирджиния.

– Пошли, Вирджиния, – сказал Найт, – я угощу тебя апельсиновой шипучкой, бесплатно предлагаемой фирмой твоего отца.

Очень неохотно Вирджиния позволила Найту увести себя.

– Он мужчина не ее мечты, это совершенно очевидно, – глядя им вслед, заметила Гретхен.

– Не вздумай заикнуться об этом Брэду, – сказал Рудольф. – Он спит и видит, как бы жениться, на ней, войти в их семью и создать новую империю... Так как, мы пойдем выпить?

– Боюсь, мне придется отказаться. – Гретхен взглянула на часы. – В восемь позвонит Колин и страшно рассердится, если меня не будет в отеле. Джонни, ты не против, если мы поедем сейчас?

– К вашим услугам, мэм, – галантно ответил тот.

Когда она открывала дверь в свой номер, там уже всюду заливался телефонный звонок. Звонили из Калифорнии, но это был не Колин. Звонил директор студии, чтобы сообщить, что сегодня в час дня Колин погиб в автомобильной катастрофе. Ее муж уже полдня как мертв, а она ничего не знала об этом...

Она сдержанно поблагодарила директора за его несвязные соболезнования, повесила трубку и долго сидела одна в номере, не зажигая света.

2

1960 год.

Прозвучал гонг, возвестивший начало последнего раунда тренировочного матча, и Шульц крикнул: «Постарайся побольше прижимать его к канатам, Томми». Боксер, с которым Куэйлс должен был встретиться через пять дней, славился тем, что прижимал противника к канатам, и Томасу, как спарринг-партнеру, полагалось имитировать его стиль. Но Куэйлса не так-то легко было прижать к канатам. Быстрый и неуловимый, он почти танцевал на ринге и, молниеносно работая руками, наносил короткие, точные удары. Предстоящий матч собирались показывать по телевидению, на всю страну, и за участие в нем Куэйлс получал двадцать тысяч, а Томасу, как его спарринг-партнеру, причиталось шестьсот долларов. Ему хотели заплатить меньше, но Шульц, будучи менеджером обоих боксеров, нажал на организаторов матча. Встречу негласно финансировала мафия, а мафиози не увлекаются благотворительностью.

Из-под кожаного шлема со злого, плоского лица Куэйлса смотрели на Томаса холодные бесцветные глаза. Когда Куэйлс тренировался с Томасом, на губах его всегда играла насмешливая улыбка, точно само присутствие Томаса на одном с ним ринге было абсурдом. За все время тренировок с Томасом Куэйлс не сказал ему ни слова, даже не здоровался с ним. Во всей этой ситуации Томаса утешало только то, что он регулярно спал с женой Куэйлса и собирался в один прекрасный день рассказать ему об этом.

Спарринг-партнерам не полагалось наносить травмы основным

участникам встречи, но шел последний раунд тренировочного матча, и Томас, не думая о ждущем его наказании, упорно наступал, чтобы нанести хотя бы один хороший удар и посадить мерзавца на пол. Куэйлс догадался об этом намерении, и улыбка его стала еще более надменной. Он резко уходил в сторону, в воздухе отбивал удары Томаса, не давая им достигнуть цели, и к концу раунда даже не вспотел, а на теле его не было ни одного синяка, хотя Томас все две минуты упорно пытался «достать» его.

– Ты должен заплатить мне за урок бокса, бездельник, – сказал Куэйлс, когда прозвучал гонг.

– Надеюсь, в пятницу тебя убьют, дешевка, – ответил Томас, перелез через канаты и пошел в душевую, а Куэйлс еще попрыгал через скакалку, сделал несколько гимнастических упражнений и поработал с легкой тренировочной грушей. Этот негодяй никогда не уставал, работал как одержимый, и, судя по всему, его в конце концов ждал титул чемпиона в среднем весе и миллион на счете в банке.

Получив от Шульца конверт с пятьюдесятью долларами за два раунда, Томас быстро протиснулся сквозь толпу и вышел в палящую жару Лас-Вегаса. После прохлады оборудованного кондиционерами театра жара казалась искусственной и зловещей, словно какой-то маньяк-ученый специально поджаривал город, чтобы уничтожить его самым болезненным способом.

После тренировки Томасу страшно хотелось пить, и, пройдя через раскаленную улицу, он вошел в какой-то большой отель. В вестибюле был прохладный полумрак. Дорогие проститутки прохаживались в ожидании клиентов, пожилые дамы стояли у игорных автоматов. Он прошел в бар мимо столов, за которыми играли в рулетку и кости, и заказал пива. Вес у него сейчас в норме, а Шульца рядом нет, значит, вопить никто не будет. Впрочем, Шульцу стало на него наплевать с тех пор, как появился Куэйлс, верный претендент на чемпионский титул.

Выпив еще пива, Томас встал и направился к выходу, но задержался посмотреть, как играют в кости. Игра шла по-крупному. Томас вынул из кармана конверт с деньгами и купил фишек. Через десять минут от его денег осталось всего десять долларов, и у него хватило здравого смысла на этом остановиться.

Он вернулся в обшарпанную гостиницу. Куэйлс жил в фешенебельном отеле «Сэндз», где останавливались все кинозвезды. Его жена целый день загорала у бассейна, но неизменно улучала полчаса, чтобы тайком заскочить к Томасу. У нее страстная натура, объясняла она Томасу, а Куэйлс спит отдельно, потому что он серьезный боксер и ему предстоит важный матч. Томас больше не был серьезным боксером, и ему не предстояли важные матчи, так что он мог позволить себе все.

В гостинице его ждало письмо от Терезы, но он даже не стал его распечатывать. Он и так знал содержание – очередное требование выслать деньги. Тереза теперь работала и зарабатывала больше, чем он, но это ее не останавливало. Она устроилась в какой-то ночной клуб – продавала там сигареты, виляя задом и демонстрируя ноги, оголенные до еще допустимого

законом предела, и получала щедрые чаевые. Она заявила, что ей обрыдло сидеть с ребенком дома, когда муж все время в разъездах, и она желает сделать собственную карьеру. В ее представлении торговля сигаретами в ночном клубе была чем-то вроде шоу. Сына она спланировала своей сестре в Бронкс и, даже когда Томас бывал в Нью-Йорке, возвращалась домой в пять-шесть утра с сумочкой, набитой двадцатидолларовыми бумажками. Бог знает как она их зарабатывала. Но Томаса это уже не волновало.

Он поднялся к себе, в номер и лег на кровать. Ему нужно было придумать, как на десять долларов дотянуть до следующей пятницы. Кожа на скулах саднила от недавних ударов Куэйлса. Кондиционер в комнате почти не работал, и от жары Томас обливался потом.

Он закрыл глаза и заснул тяжелым, нездоровым сном. Ему снилась Франция. Там прошло лучшее в его жизни время, и ему часто снилась та короткая пора на берегу Средиземного моря, хотя все это было почти пять лет назад и яркость воспоминаний стерлась.

Он проснулся, все еще продолжая видеть свой сон, и, когда море и белые здания скрылись, перестали маячить перед его мысленным взором, тяжело вздохнул, поглядев на окружавшие его потрескавшиеся стены захудалой гостиницы в Лас-Вегасе.

На Лазурный берег он приехал после победы на матче в Лондоне. Победа была легкой, а следующий матч, о котором договорился Шульц, должен был состояться в Париже через месяц, и возвращаться в Нью-Йорк на такой короткий срок не имело смысла. – Том подцепил в Лондоне лихую девчонку, которая сказала, что знает отличный укромный отель в Канне, а так как после победы Томас впервые купался в деньгах и возомнил, будто теперь ему ничего не стоит уложить любого боксера в Европе одной рукой, он покатил с ней на два дня в Канн. Два дня растянулись на десять. Шульц слал отчаянные телеграммы, а Томас валялся на пляже, много ел, успел полюбить местное розовое вино и прибавил лишних пятнадцать фунтов. Когда он наконец добрался до Парижа, французский боксер чуть не убил его на ринге. Впервые в жизни Томас был нокаутирован, и неожиданно выяснилось, что больше его никто не приглашает выступать в Европе. Почти все деньги, полученные за предыдущий матч, он просадил на лихую лондонскую девчонку, которая помимо своих прочих достоинств отличалась любовью к драгоценностям, и Шульц, когда они летели в Нью-Йорк, с ним не разговаривал.

Французский боксер лишил Томаса чего-то, что уже было не восполнить, и теперь матчи предлагались ему все реже, а платили за них все меньше.

Лежа на измятой постели в душевной комнате, он раздумывал обо всем этом, и на память ему пришли слова, сказанные его братом в тот далекий день в отеле «Уорвик». Если Рудольф следил за его карьерой, то, наверно, сейчас он говорит их надменной сестрице: «Я предупреждал его, что так и будет».

А, плевать ему на брата!

Кто знает, может, в следующий раз у него появится прежний задор и он одержит блестящую победу. Вокруг него снова начнут увиваться, и он вернет былую славу. Бывало же такое с многими другими боксерами, даже гораздо

старше его.

От этой мысли у Томаса улучшилось настроение, и он уже собрался спуститься вниз и на последние десять долларов поиграть в кости, как вдруг зазвонил телефон.

Звонила Кора, жена Куэйлса. Истерически рыдая, она визжала в трубку как оглашенная:

– Ему все известно! Все известно! – повторяла она. – Какой-то продажный коридорный донес ему. Он чуть меня не убил. Кажется, сломал мне нос. Тебе лучше смыться из города. Сию же минуту! Он поехал к тебе. Один бог знает, что он сделает с тобой, а потом и со мной! Но я не собираюсь ждать! Я сейчас же еду в аэропорт и беру себе билет. Советую тебе сделать то же самое. Ты его не знаешь. Он убийца!..

Томас, не дослушав ее панические визги, повесил трубку. Потом подошел к двери проверить, открыта ли она. Он никогда не уклонялся от драк, а эта, кажется, доставит ему самое большое удовольствие в его боксерской жизни. Маленький гостиничный номер не позволит противнику плясать по углам и уворачиваться от ударов.

Он надел кожаную куртку, застегнул молнию до конца и поднял воротник, чтобы защитить горло. Через минуту в коридоре послышались шаги, затем дверь распахнулась, и в комнату ворвался Куэйлс.

– Привет, – сказал Томас.

Куэйлс закрыл за собой дверь и повернул ключ в замке.

– Я все знаю про это, Джордах, – сказал Куэйлс.

– Про что? – невинно спросил Томас, глядя Куэйлсу на ноги, чтобы не пропустить первого выпада.

– Про тебя и мою жену.

– А-а... да-да, – сказал Томас. – Я иногда сплю с ней. Разве я тебе не говорил об этом?

Он был готов к его нападению и чуть не засмеялся, когда Куэйлс, этот денди ринга, этот приверженец стильного бокса, вслепую стрельнул в него правой – типичный удар неопытного соплика. И именно потому, что Томас ждал этого, он, с легкостью ускользнув от удара, перешел в ближний бой. Рядом не было рефери, растащить их было некому, и Томас избивал Куэйлса со сладостной, неистовой яростью. Старый уличный боец, знающий все приемы, он припер Куэйлса к стене и, отступив немного назад, нанес жестокий апперкот, а потом снова прижал его и бил локтями, коленями, головой, бил, прислонив его к стене, держа его левой рукой за горло, чтобы тот не упал, а правой наносил зверские удары по лицу. Когда он наконец шагнул назад, Куэйлс свалился на забрызганный кровью ковер и остался лежать вниз лицом, без сознания.

В дверь заколотили, и раздался голос Шульца. Томас отпер дверь и впустил его. Шульц с первого взгляда оценил ситуацию.

– Болван, – сказал он. – Я видел эту его припадочную жену, и она мне все рассказала. Я думал, что успею. Ты великий боксер, Томми, когда бой идет при закрытых дверях, а? За деньги ты не сумел бы побить и собственную бабушку,

а за бесплатно готов развернуться во всей красе и мощи. – Он встал на колени у неподвижного тела Куэйлса, перевернул его, внимательно осмотрел разбитый лоб, затем ладонью провел по его подбородку. – Кажется, ты сломал ему челюсть. Два идиота! Теперь он не сможет выйти на ринг не только в пятницу, но и через тридцать пятниц. Да, кое-кому это очень понравится. Очень! Ребята поставили немалые деньги на эту лошадиную задницу. – Шульц свирепо пнул ногой неподвижное тело Куэйлса. – Вот уж они обрадуются, узнав, как ты его разделал. Мой тебе совет: сейчас же, не теряя ни минуты, убирайся отсюда поскорее, пока я не доставил этого... этого *мужа* в больницу. На твоём месте я бежал бы без оглядки до океана, а добежав, тотчас пересек бы его, и, если бы мне была дорога жизнь, я бы не возвращался сюда минимум лет десять. Кстати, не вздумай никуда лететь самолетом: как только ты сойдешь с него где бы то ни было, тебя уже будут поджидать, и, конечно, не с розами.

– Что же ты мне предлагаешь? Идти пешком? – спросил Томас. – У меня всего десять долларов.

– Давай выйдем в корр. – Шульц с беспокойством поглядел на шевельнувшегося Куэйлса, вынул ключ из замка, а когда они вышли в коридор, закрыл за собой дверь на ключ. – Ты, конечно, заслужил, чтобы тебя изрешетили пулями, но мы проработали вместе слишком долгое время, и... – Он нервно огляделся по сторонам, затем достал бумажник, вытащил из него деньги и протянул их Томасу. – Вот. Все, что у меня при себе. Здесь сто пятьдесят долларов. Возьмешь мою машину. Она внизу. Оставишь ее на стоянке в аэропорту в Рено, а оттуда поезжай автобусом на восток. Я скажу, что ты украл машину. Ни в коем случае не вступай в контакт с женой. За ней будут следить. Я сам ей позвоню. Скажу, что ты сбежал неизвестно куда и пусть не ждет от тебя вестей. И я не шучу, тебе действительно нужно убраться из этой страны подальше. Здесь, в Соединенных Штатах, где бы ты ни был, за твою жизнь никто не даст и цента. – Шульц сосредоточенно нахмурил обезображенные шрамами брови. – Самое безопасное для тебя – это наняться на какой-нибудь пароход. Когда доберешься до Нью-Йорка, зайди в гостиницу «Эгейский моряк». Там полно греческих матросов. Спроси администратора. У него какое-то длинное греческое имя, но все зовут его Пэппи. Скажешь, что это я прислал тебя и прошу как можно скорее вывезти тебя из Америки. Он не будет ни о чем спрашивать. Когда-то во время войны я служил в торговом флоте и оказал ему большую услугу. И не считай, что ты всех умней, не думай, что тебе удастся подзаработать боксом где-нибудь в Европе или Японии, даже под другой фамилией. Запомни, с этой минуты ты просто матрос, и больше никто. Ясно?

– Ясно, Шульц, – ответил Томас.

– И я не желаю никогда больше ничего о тебе знать. Понял?

– Понял. – Томас шагнул к двери своего номера.

– Ты куда?! – остановил его Шульц.

– У меня там остался паспорт. Он мне может понадобиться.

– Где он?

– В верхнем ящике тумбочки.

– Подожди здесь, – сказал Шульц, – я сам его принесу. – Он открыл дверь, вошел в комнату и через минуту вернулся с паспортом. – Вот, бери и постарайся в дальнейшем думать головой, а не тем, что нравилось жене Куэйлса. А теперь убирайся. Мне надо заново собрать по частям этого идиота.

3

Они договорились встретиться в одиннадцать, но Джин позвонила и предупредила, что на несколько минут опоздает.

Рудольф сказал, что это не страшно – ему все равно надо сделать несколько звонков. Было субботнее утро. Всю неделю у него было столько дел, что он не сумел позвонить сестре, и его мучила совесть. После возвращения из Калифорнии с похорон он обычно звонил сестре по меньшей мере два-три раза в неделю. Он предложил Гретхен переехать в Нью-Йорк и жить в его квартире – в основном квартира была бы целиком в ее распоряжении, так как Колдервуд отказался перевести контору в Нью-Йорк и Рудольф жил в городе всего около десяти дней в месяц. Но Гретхен решила, что пока ей необходимо быть в Калифорнии. Берк не оставил завещания – во всяком случае, пока никто не сумел его найти, – и его бывшая жена через суд требовала большую часть его недвижимого имущества и пыталась выселить Гретхен из дома.

Заказав междугородный разговор, Рудольф сел за стол в маленькой гостиной и попытался докончить разгадывать кроссворд в «Таймс», не решенный им за завтраком.

Эту меблированную квартиру, безвкусно выкрашенную в яркие тона и обставленную металлическими угловатыми стульями, он снял временно. Главным ее достоинством была маленькая хорошая кухня с холодильником, где не иссякал лед. Рудольфу нравилось стряпать самому и есть в одиночестве, читая газету. Иной раз приходила Джин и готовила завтрак на двоих. Она никогда не соглашалась остаться на ночь и никогда не объясняла почему.

Зазвонил телефон. Рудольф снял трубку, но звонила не Гретхен, в трубке раздался невыразительный старческий голос Колдервуда.

– Руди, – сказал он, как обычно без всяких вежливых предисловий, – ты сегодня к вечеру вернешься в Уитби?

– Откровенно говоря, не собирался, мистер Колдервуд, – ответил Рудольф.

– У меня здесь есть кое-какие дела в выходные, а в понедельник намечено совещание, и...

– Мне срочно нужно тебя видеть, – раздраженно продребезжал Колдервуд. С годами он становился все более нетерпеливым и вспыльчивым.

– Я буду в конторе во вторник утром, мистер Колдервуд. Это дело может подождать до вторника?

– Нет, не может. И я хочу видеть тебя не в конторе, а у себя дома. – Голос у него был резким и напряженным. – Жду тебя завтра после ужина.

– Хорошо, мистер Колдервуд, – сказал Рудольф, и Колдервуд, даже не попрощавшись, бросил трубку.

Рудольф хмуро посмотрел на телефон. На воскресенье он купил два билета

на футбол, для себя и Джин, а теперь из-за срочного вызова Колдервуда придется пропустить матч. Пора бы уже старику лечь в постель и спокойно умереть.

Он позвонил Гретхен. После смерти Берка живость, звонкость и мелодичность, отличавшие ее голос с юности, куда-то пропали. Чувствовалось, что она рада слышать Рудольфа, но это была вялая радость – так больные разговаривают со знакомыми, навещающими их в больнице.

Она сказала, что у нее все в порядке, что она разбирает бумаги Колина, отвечает на бесконечные соболезнования и консультируется с юристами по вопросам наследства. Поблагодарила за чек, который он послал ей на прошлой неделе, и сказала, что, как только тяжба о наследстве будет улажена, полностью вернет все деньги, которые он ей то и дело переводит.

– Об этом не беспокойся, – сказал Рудольф. – Не надо ничего мне возвращать.

– Хорошо, что ты позвонил, – продолжала Гретхен, словно не слыша его. – Я сама собиралась позвонить тебе и попросить еще об одном одолжении. Вчера я получила письмо от Билли. И мне не понравилось настроение, с которым оно написано. Вроде бы ничего особенного в письме нет, ни к чему не придерешься, но Билли ведь вообще такой: никогда не скажет прямо, что его беспокоит. И все же у меня возникло ощущение, что Билли в отчаянии. Не мог бы ты выкроить время и съездить к нему, выяснить, в чем дело?

Рудольф замялся. Едва ли племянник благоволит к нему настолько, чтобы откровенно в чем-то признаться. Как бы своим визитом в школу не сделать только хуже.

Раздался звонок в дверь.

– Подожди минутку, – попросил Рудольф. – Кто-то пришел. – И поспешил к двери.

– Я говорю по телефону, – сказал он вошедшей Джин и снова взял трубку.

– Да, Гретхен. Я, пожалуй, сделаю так: завтра с утра съезжу к нему, поведу куда-нибудь пообедать и попробую во всем разобраться.

– Мне очень неприятно тебя беспокоить, – сказала Гретхен, – но письмо такое... такое мрачное.

– Наверняка какие-нибудь пустяки. Может, он просто занял только второе место на соревнованиях, или завалил экзамен по алгебре, или еще что-нибудь в этом роде. Ты знаешь, как это бывает у ребят.

– Да, но не у Билли, – ответила Гретхен. – Я говорю тебе, он в отчаянии. – Чувствовалось, что она едва сдерживает слезы.

– Хорошо, я позвоню тебе завтра вечером, после того как повидаюсь с ним, – пообещал Рудольф. – Ты будешь дома?

– Да, буду.

Он медленно повесил трубку и представил себе, как сестра ждет телефонного звонка в пустом доме, разбирая бумаги покойного мужа. Он тряхнул головой. Об этом подумаем завтра. И улыбнулся Джин, которая скромно сидела на стуле с жесткой деревянной спинкой. На ногах у нее были красные шерстяные чулки и мокасины. Гладко зачесанные волосы,

перехваченные чуть ниже затылка черной бархоткой, свободно свисали вдоль спины. Лицо ее, как всегда, казалось тщательно вымытым, и вся она походила на школьницу. Хрупкое тело утопало в просторном спортивном пальто из верблюжьей шерсти. Джин было двадцать четыре года, но в такие минуты, как сейчас, ей нельзя было дать больше шестнадцати. Она пришла прямо с работы, и на полу возле двери лежали небрежно брошенные ею фотоаппараты и сумка с пленками.

– Ты сейчас похожа на ребенка. Я, наверно, должен предложить тебе стакан молока и пирожное, – улыбнулся Рудольф.

– Можешь предложить мне что-нибудь покрепче. Я на ногах с семи утра, и все время на улице.

Он подошел к ней и поцеловал в лоб. Она наградила его улыбкой.

Потягивая виски, Джин проглядывала в воскресном «Таймс» список картинных галерей. Когда Рудольф бывал свободен в субботу, они обычно ходили по музеям. Она была «вольным» фотографом и часто выполняла заказы журналов по искусству и издателей каталогов.

– Надень туфли поудобнее, – сказала она. – Нам сегодня предстоит много ходить. – Для ее роста у нее был необычно низкий, слегка хрипловатый голос.

– За тобой – на край света, – шутливо ответил он.

Они уже выходили, когда зазвонил телефон. Звонила мать Рудольфа из Уитби. По тому, каким тоном она произнесла его имя, он понял, что разговор будет не из приятных.

– Рудольф, я не хочу портить тебе выходной, – Мэри была убеждена, что он ездил в Нью-Йорк только ради тайных порочных развлечений, – но отопление не работает, я замерзаю и погибаю от сквозняков в этой продуваемой насквозь развалине.

Три года назад Рудольф купил на окраине Уитби фермерский домик восемнадцатого века, довольно милый, с уютными низкими потолками, но мать называла его не иначе как «этот старый темный погреб» или «эта продуваемая насквозь развалина».

– А Марта не может ничего сделать? – спросил Рудольф. Прислуга Марта жила вместе с ними, вела все хозяйство, готовила и ухаживала за матерью; Рудольф понимал, что за такую работу он ей должен был бы платить гораздо больше.

– Марта! – возмущенно фыркнула мать. – Я готова уволить ее сию же минуту.

– Мам...

– Да-да. Когда я велела ей спуститься в котельную и посмотреть, что случилось, она отказалась наотрез. – Голос матери поднялся на пол-октавы.

– Она, видите ли, боится подвалов! Вместо этого она посоветовала мне надеть свитер. Будь ты с ней поостроже, она не позволяла бы себе давать мне советы, уверяю тебя. Сама-то она так растолстела на наших харчах, что не замерзнет и на Северном полюсе. Когда вернешься домой, если вообще соизволишь вернуться, я прошу тебя, поговори с этой женщиной.

– Завтра днем я буду в Уитби и поговорю с ней, – сказал Рудольф. Он

заметил, что Джин смотрит на него со злорадной усмешкой. Еще бы! Ее родители жили где-то далеко на Среднем Западе, и она не видела их уже два года. – А пока что позвони нам в контору. Сегодня там дежурит Брэд Найт. Скажи ему, что я прошу прислать к нам какого-нибудь техника.

– Ты даже не представляешь себе, как здесь холодно, – не унималась мать. – Ветер дует из всех щелей. Не понимаю, почему мы не можем жить в приличном новом доме, как все нормальные люди.

Это была старая песня, и Рудольф не счел нужным отвечать. Когда мать наконец поняла, что он много зарабатывает, у нее вдруг прорезалась необузданная тяга к роскоши. Каждый месяц, получая из универмага счета за ее покупки, он невольно морщился.

– Скажи Марте, чтобы затопила камин в гостиной и закрыла дверь, – посоветовал Рудольф. – Тогда тебе сразу станет тепло.

– Чтобы Марта затопила камин?! – повторила мать. – Если она снизойдет до этого. Ты завтра приедешь к ужину?

– Боюсь, что нет. Я должен поехать к Колдервудам. – Это была полуложь: он не собирался ужинать у него, но встретиться с ним действительно собирался. В любом случае ужинать с матерью ему не хотелось.

– Колдервуд, Колдервуд! Иногда мне кажется, я просто закричу, если еще хоть раз услышу это имя.

– Мам, я должен идти, меня ждут, – сказал Рудольф и, вешая трубку, услышал, как мать заплакала.

– Пора уже старушкам лечь в постель и умереть, – сказал он Джин. – Пошли скорее, пока еще кто-нибудь не позвонил.

Выйдя за дверь, Рудольф с радостью заметил, что Джин оставила свои фотоаппараты в квартире. Это означало, что она намерена вернуться сюда сегодня. Заранее предсказать ее поведение было просто невозможно. Иногда она после их походов возвращалась вместе с ним, точно это само собой разумелось. В другие разы, ничего не объясняя, брала такси и уезжала к себе в квартиру, которую снимала вместе с одной девушкой. А порой появлялась у него без всякого предупреждения, когда вообще было мало вероятности застать его дома.

Джин жила своей собственной жизнью, и жила так, как ей нравилось. Он ни разу не был у нее дома. Они встречались либо у него, либо в каком-нибудь баре. Почему ей так было удобнее, она не объясняла. Несмотря на молодость, она производила впечатление вполне уверенного в себе и независимого человека. Работала она, как убедился Рудольф, увидев снимки, сделанные на открытии торгового центра в Порт-Филипе, очень профессионально, и ее фотографии поразили его смелой манерой, несколько неожиданной для застенчивой молоденькой девушки, какой она показалась ему при первой встрече.

Джин не принадлежала к категории девиц, которые немедленно обрушивают на любовника подробности своей биографии. Он знал о ней очень мало. Она родилась в каком-то западном штате. У нее были плохие отношения с родными. Ее старший брат работал в принадлежавшей семье фирме,

занимавшейся, кажется, производством лекарств. В двадцать лет она окончила колледж. Специализировалась в социологии. Фотографией увлекалась с детства. Чтобы чего-то добиться, надо начинать в Нью-Йорке, поэтому она и приехала в этот город.

В ее жизни были и другие мужчины. На эту тему она не распространялась. Прошное лето посвятила морским круизам. Названия пароходов она не сообщала. Побывала и в Европе. Ей понравился какой-то югославский остров, и она не прочь посетить его еще раз.

Одевалась она по-молодежному и выбирала неожиданные цвета, которые на первый взгляд никак не сочетались, но стоило присмотреться к ним, и становилось ясно, что они отлично дополняют друг друга. У нее не было дорогих вещей, и уже после первых трех встреч с ней Рудольф был уверен, что видел весь ее гардероб.

Она разгадывала кроссворды в воскресной «Нью-Йорк Таймс» быстрее его. Почерк у нее был мужской, без завитушек. Любила современную живопись, которую Рудольф не понимал. «А ты все равно смотри на эти картины, – говорила она, – и наступит день, когда барьер рухнет».

Она не ходила в церковь. Никогда не плакала в кино. Джонни Хит не произвел на нее никакого впечатления. Она не обращала внимания на дождь и не боялась испортить прическу. Никогда не жаловалась на погоду или пробки на улицах. Никогда не говорила: «Я люблю тебя».

– Я люблю тебя, – сказал он. Они лежали рядом на кровати, натянув одеяло до подбородка. Было семь часов вечера, и в комнате стоял полумрак. Они обошли двадцать картинных галерей. Никакой барьер в его восприятии не рухнул. Потом поужинали в итальянском ресторанчике, владелец которого ничего не имел против девушек в красных шерстяных чулках. За обедом Рудольф сказал ей, что не сможет завтра пойти с нею на футбол, и объяснил почему. Джин приняла это спокойно и взяла у него билеты. Она сказала, что пойдет с одним знакомым, который когда-то играл полузащитником в команде «Колумбия».

Когда они вернулись после долгих хождений по городу, оба почувствовали, что продрогли – декабрьский день выдался пронзительно-холодный. Рудольф поставил чайник, и они выпили по чашке горячего чая с ромом. Потом легли в постель. Им было хорошо друг с другом.

– Таким и должен быть субботний вечер зимой в Нью-Йорке, – сказала она, когда, устав от ласк, они умиротворенно лежали рядом. – Искусство, спагетти, постель.

– Я люблю тебя, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Минуту она лежала молча, потом отодвинулась от него, откинула одеяло, встала и начала одеваться. «Я все испортил», – подумал он.

– Ты что?

– Эту тему я никогда не обсуждаю голой, – серьезно ответила она.

Рудольф рассмеялся, но ему было далеко не весело. Сколько же раз эта красивая, уверенная в себе девушка, со своими собственными загадочными правилами поведения, обсуждала вопрос о замужестве? И со сколькими

мужчинами? Никогда раньше он не испытывал ревности. Бесплезное, нерентабельное чувство.

Он вылез из постели и быстро оделся. Джин сидела в гостиной и настраивала приемник. Голоса дикторов звучали исключительно доброжелательно, вежливо и сладко. Произнеси такой голос: «Я люблю тебя» – никто бы не поверил.

– Налей чего-нибудь, – сказала она не поворачиваясь.

Он налил ей и себе виски. Она пила, как мужчина. Какой предыдущий любовник научил ее этому?

– Ну так как? – Он стоял перед ней, чувствуя, что положение складывается не в его пользу и он похож на просителя. Он пришел из спальни босиком, без пиджака и без галстука. Не самый подходящий вид для мужчины, делающего предложение.

– У тебя на голове настоящий ералаш, – сказала она. – Ты гораздо симпатичнее такой взъерошенный.

– Может, у меня и в словах ералаш? Или ты не поняла, что я сказал в спальне?

– Почему же, поняла. Ты хочешь на мне жениться.

– Совершенно верно.

– Давай пойдем в кино. Тут за углом идет картина, которую мне хочется посмотреть.

– Не уваливай.

– Завтра ее показывают последний день, а тебя завтра здесь не будет.

– Я жду ответа.

– Я должна быть польщена? Ну что же, я действительно польщена. А теперь пошли в кино.

– Если ты скажешь «нет», это меня убьет.

– Ты в этом убежден? – Наклонив голову, она смотрела в свой стакан и помешивала виски пальцем. Ему была видна только ее макушка и поблескивающие в свете лампы распущенные по плечам волосы.

– Да.

– А если правду?

– Отчасти, – сказал он. – Я отчасти убежден. Меня это отчасти убьет.

Теперь рассмеялась она:

– По крайней мере ты будешь честным мужем.

– Я жду ответа, – настаивал Рудольф. Он взял ее за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза. В ее взгляде было сомнение и испуг, маленькое личико побледнело.

– В следующий раз, когда приедешь в Нью-Йорк, позвони мне, – сказала она.

– Это не ответ, – заметил Рудольф.

– В какой-то мере – ответ, мне надо подумать.

– Почему?

– Потому что я позволила себе нечто отнюдь не делающее мне чести и теперь должна сообразить, как сделать, чтобы я вновь могла себя уважать.

– Что же ты такого наделала? – Он не был уверен, что ему хочется узнать правду.

– Когда мы познакомились с тобой, у меня был роман. Он до сих пор продолжается. И все это время я думаю: «Что же это такое? Впервые в моей жизни я сплю сразу с двумя мужчинами!». И тот тоже хочет на мне жениться.

– Ты поэтому никогда не приглашала меня к себе? Он живет с тобой?

– Нет.

– Но он бывал у тебя? – Рудольф с удивлением почувствовал, что это его глубоко ранило, и тем не менее ему хотелось разбередить в себе эту рану еще больше.

– Знаешь, что делало тебя особенно милым? – сказала Джин. – То, что ты был слишком уверен в себе и поэтому не задавал никаких вопросов. Если любовь меняет тебя в худшую сторону, то уж лучше не люби никого.

– Что за паршивый день, – пробормотал Рудольф.

– Насколько я понимаю, вот все и решилось. – Джин встала и осторожно поставила стакан на стол. – Кино отменяется.

Он смотрел, как она надевает пальто. Если она сейчас уйдет, подумал он, я больше никогда ее не увижу. Он подошел к ней, обнял и поцеловал.

– Ты ошибаешься. Кино не отменяется.

Она улыбнулась ему, но губы ее дрожали, словно улыбка далась ей с трудом.

– Тогда поскорее одевайся. Терпеть не могу опаздывать к началу.

На следующее утро, ведя машину по мокрому от дождя шоссе, Рудольф думал не о Билли, к которому сейчас ехал, а о Джин. Они сходили в кино. Картина оказалась отвратительной. Потом ужинали в забегаловке на Третьей авеню и говорили о вещах, едва ли интересных им обоим: о только что виденном фильме, о других фильмах, о спектаклях, о книгах, о журнальных статьях, о политических сплетнях. Это был разговор плохо знакомых между собой людей. Оба избегали упоминать о женитьбе и о любви втроем. Пили больше обычного. Когда они доели бифштекс и выпили напоследок по рюмке коньяку, он с облегчением посадил ее в такси, а сам пошел домой пешком. Спал он тяжело, а когда, проснувшись, вспомнил вчерашний вечер и дела, ожидающие его сегодня, грязный декабрьский дождь за окном показался ему вполне соответствующим оформлением воскресного утра.

Он остановил машину у главного здания школы, вышел и неуверенно огляделся, не зная, где искать племянника. Из стоявшей неподалеку часовни доносились молодые голоса, дружно певшие: «Вперед, вперед, воинство Христово».

Воскресенье. Обязательное присутствие на церковной службе, подумал он. Неужели в частных школах это до сих пор сохранилось? Когда ему было столько же лет, сколько Билли, от него требовали лишь каждое утро отдавать салют флагу и клясться в верности Соединенным Штатам. Вот оно, преимущество бесплатного обучения – церковь отделена от государства.

Рядом с ним остановился шикарный «линкольн-континенталь». Школа дорогая. Здесь воспитываются будущие правители Америки. Сам он приехал на

«шевроле». Интересно, что бы говорили о нем в учительской среде, если бы он приехал на мотоцикле, который у него до сих пор сохранился, но теперь по большей части стоял без дела в гараже. Из «линкольна» вышел важного вида мужчина в элегантном плаще, его спутница осталась сидеть в машине. Судя по манерам, мужчина был по крайней мере президентом какой-нибудь компании – румяный, энергичный, в хорошей спортивной форме. Рудольф уже давно научился распознавать этот тип людей.

– Доброе утро, сэр, – поздоровался Рудольф тем голосом вежливого автомата, каким обычно обращался к президентам компаний. – Не скажете ли вы, где «Силлитоу-холл»?

– Доброе утро, доброе утро, – приветливо ответил тот, широко улыбаясь и показывая прекрасные искусственные зубы, стоимостью в пять тысяч долларов.

– Сейчас я вам его покажу. Мой сын жил там в прошлом году. Это, пожалуй, лучший дом на всей территории школы. Вон там. – Он махнул рукой на коттедж, стоявший примерно в четырехстах ярдах от них. – Вы можете к нему подъехать. Езжайте по этой же дороге.

Переступив порог погруженного в тишину коттеджа, Рудольф увидел девочку лет четырех в голубом комбинезончике. Она ездил на трехколесном велосипеде по просторному холлу. Бегавший вокруг девочки большой сеттер залаял на него. Рудольф был немного озадачен. Он не ожидал увидеть в мужской школе четырехлетнюю девочку.

Дверь открылась, и в холл вошла миловидная круглолицая молодая женщина.

– Замолчи, Бонни, – приказала она собаке и улыбнулась Рудольфу. – Не бойтесь, он не кусается. Вы чей-нибудь отец?

– Не совсем, – ответил он. – Я дядя Билли Эббота. Я звонил сегодня утром. На приятном круглом лице появилось странное выражение. Сочувствие?.. Подозрение?.. Облегчение?..

– Да-да, он вас ждет. Я – Милли Фервезер, жена старшего воспитателя. Мальчики должны вот-вот вернуться из часовни. Может, вы пока зайдете к нам и чего-нибудь выпьете?

– Мне не хочется доставлять вам беспокойство, – сказал Рудольф, но все же последовал за ней.

Гостиная была просторной и уютной. Старая мебель, множество книг.

– Мой муж тоже в часовне, – объяснила миссис Фервр. – По-моему, у меня где-то осталось немного хереса. – Из другой комнаты донесся детский плач. – Это мой младший о себе напоминает, – сказала она и торопливо налила Рудольфу рюмку хереса. – Извините, я сейчас. – Она вышла, и плач тотчас стих. Вернувшись, она поправила волосы и налила себе хереса. – Да вы присаживайтесь.

Наступила неловкая пауза. Глядя на эту женщину, Рудольф подумал, что, хотя миссис Фервезер познакомилась с Билли всего несколько месяцев назад, она должна знать мальчика гораздо лучше, чем он, приехавший сюда в полном неведении с поручением спасти племянника.

– Билли очень хороший мальчик, – наконец нарушила молчание миссис

Фервр. – Такой красивый и воспитанный. У нас здесь есть и сорвиголовы, поэтому мы ценим тех, кто умеет себя вести.

– Его мать очень о нем беспокоится... – начал Рудольф.

– Правда? – Ее реакция была слишком быстрой. Значит, неладное почувствовала не только Гретхен.

– На этой неделе она получила от него письмо. Конечно, матери склонны преувеличивать... однако у нее сложилось впечатление, что Билли в полном отчаянии. – Не имело смысла утаивать цель своего приезда от этой явно рассудительной и доброжелательно настроенной женщины. – Слово «отчаяние» мне лично кажется слишком сильным, но я все же приехал выяснить, в чем дело. Его мать живет в Калифорнии, и... – он замялся. – В общем, она недавно вышла замуж, второй раз.

– О, в нашей школе этим никого не удивишь, – рассмеялась миссис Фервр. – Родители многих наших учеников разводятся и женятся по второму разу.

– Ее муж несколько месяцев тому назад погиб.

– Вот оно что, – сочувственно сказала миссис Фервр. – Какое горе. Может, поэтому Билли... – Она замолчала на полуслове.

– Вы тоже заметили, что с ним что-то происходит? – спросил Рудольф.

– Пожалуй, вам лучше побеседовать об этом с моим мужем. – Она неуверенно провела рукой по коротко остриженным волосам. – Это, как говорится, по его части.

– Я знаю, вы не скажете ничего такого, с чем ваш муж не согласился бы, – заметил Рудольф. Он не сомневался, что в отсутствие мужа она будет держаться менее настороженно и не станет так уж выгораживать школу, если школа в чем-то виновата. – У него плохие отметки? Или, может, кто-нибудь из ребят почему-то над ним издевается?

– Нет, – ответила миссис Фервезер, наливая ему вторую рюмку хереса, – занимается он хорошо, и, по-моему, учеба не представляет для него трудностей. И мы никогда не разрешаем здесь ребятам издеваться друг над другом. Просто... – она пожала плечами, – он необычный мальчик. Мы с мужем пытались понять, в чем дело, но безуспешно. Он... он очень замкнутый. У него ни с кем нет контакта – ни с ребятами, ни с учителями. Его сосед по комнате попросил перевести его в другой коттедж...

– Они дерутся?

– Нет, – отрицательно покачала головой миссис Фервр. – Он утверждает, будто Билли с ним совсем не разговаривает. Никогда! Ни о чем! Он аккуратно убирает свою половину комнаты, в положенные часы готовит уроки, ни на что не жалуется, но, когда с ним заговаривают, отвечает только «да» или «нет». Физически он хорошо развит, но не участвует ни в каких играх. По субботам мы проводим спортивные соревнования с другими школами и все ребята собираются на стадионе, а он сидит в своей комнате и читает. – Голос миссис Фервезер звучал сейчас так же тревожно, как голос Гретхен. – Будь он взрослым, я бы, пожалуй, сказала, что он страдает меланхолией. Я понимаю, это ничего не объясняет... – Она виновато улыбнулась. – Это лишь описание

симптомов, а не диагноз, но это единственный вывод, к которому пришли мы с мужем. Если вам удастся узнать что-нибудь более определенное, что-то такое, чему школа может помочь, мы будем очень признательны.

– Могу я пройти в комнату Билли? – спросил Рудольф. – Я подожду его там. – Может, что-нибудь в комнате подскажет мне, как вести себя с мальчиком?

– Пожалуйста. Она на третьем этаже. Последняя дверь налево.

Казалось, комната разделена пополам невидимой стеной. С одной стороны – измятая постель, заваленная пластинками. Рядом на полу – куча книг, а на стене – вымпелы и фотографии девушек и спортсменов, вырезанные из журналов. На другой половине комнаты кровать была тщательно заправлена, а стена совершенно голая. Только на письменном столе две фотографии: Гретхен и Берка. Гретхен на снимке сидела в шезлонге в саду своего калифорнийского дома, а фотография Берка была вырезана из какого-то журнала. Карточки Вилли Эббота на столе не было.

Если исключительная аккуратность считается признаком юношеской неврастении, то Билли был явным неврастеником. Рудольф помнил, каким аккуратным был он сам в этом возрасте, но никто тогда не считал это ненормальным.

И все же комната произвела на него угнетающее впечатление. Ему не хотелось встречаться с соседом Билли, и поэтому он спустился вниз и встал у входа в коттедж. Солнце сейчас светило ярче, из часовни шли группами причесанные и умытые ребята, и все вокруг утратило ту тюремную мрачность, которая вначале неприятно поразила Рудольфа. Большинство мальчиков были гораздо выше, чем в их же возрасте одноклассники Рудольфа. Американцы прибавляют в росте. Все считали само собой разумеющимся, что это хороший признак. Но так ли это? Им будет легче смотреть на тебя сверху вниз, приятель.

Билли он увидел издали. Единственный из всех, Билли шагал совершенно один. Он шел медленно и вполне непринужденно, с высоко поднятой головой. В его виде не было ничего вызывающего или отталкивающего. Рудольф вспомнил, как сам в этом возрасте отрабатывал походку, стараясь не двигать плечами и ходить легкими скользящими шагами, чтобы казаться старше и изящнее своих сверстников.

– Привет, Руди, – без улыбки поздоровался Билли. – Спасибо, что приехали навестить меня.

– К вечеру я должен быть в Уитби, – сказал Рудольф, – а так как это по пути, я решил заскочить к тебе, чтобы вместе пообедать.

Билли бесстрастно смотрел на него, и Рудольф был уверен: парень знает, что этот визит вовсе не случаен.

– Здесь поблизости есть какой-нибудь приличный ресторан? Я умираю от голода.

– Отец в прошлый раз водил меня обедать в довольно пристойное место.

– Когда это было?

– Месяц назад. Он собирался снова приехать на прошлой неделе, но потом написал, что в последнюю минуту человек, у которого он обычно берет

машину, должен был срочно выехать за город.

Вероятно, фотография Эббота вначале стояла на столе рядом с карточками Гретхен и Колина, подумал Рудольф; скорее всего Билли убрал ее оттуда после этого письма.

– Тебе надо сообщить кому-нибудь, что ты поедешь обедать со своим дядей?

– Мне никому ничего не надо сообщать, – сухо ответил Билли.

Только сейчас Рудольф обратил внимание, что ребята, смеясь и дурачась, шагают мимо них, но Билли ни с кем даже не заговаривает и никто не подходит к нему. «Наверно, все действительно так, как предполагает Гретхен, – подумал он, – а может быть, и хуже».

– Тогда поехали. Покажешь мне дорогу. – Рудольф обнял его за плечи, но племянник, казалось, остался к этому равнодушен.

– Я знаю, почему тот человек отказался одолжить отцу машину, – сказал Билли, уплетая бифштекс. – В прошлый раз, выезжая со стоянки, он врезался в дерево и помял крыло. Он перед обедом выпил три мартини, а после обеда – две рюмки коньяку и бутылку вина.

Нетерпимая юность. Рудольф был рад, что пьет сейчас только воду.

– Может, отец был чем-нибудь расстроен? – сказал он. Не для того он сюда приехал, чтобы разрушить любовь, возможно, существующую между сыном и отцом.

– Наверно. Он всегда чем-нибудь расстроен, – заметил Билли, продолжая жевать. Если он и страдал от чего-то, это никак не отражалось на его аппетите.

– В школе хорошо кормят? – спросил Рудольф, просто чтобы нарушить затянувшуюся паузу.

– Прилично.

– А как ребята, хорошие?

– Ничего. А... впрочем, не такие уж они и хорошие. Слишком любят хвастаться: мол, отец у меня большая шишка, обедает с самим президентом и дает ему советы, как управлять страной, а я на каникулы летом езжу не куда-нибудь, а в Ньюпорт, а у нас собственная конюшня, а у меня родители бухнули двадцать пять тысяч на бал по случаю совершеннолетия моей сестры...

– А ты что говоришь в таких случаях?

– Я молчу. – Билли посмотрел на него с неприязнью. – Что я должен говорить? Что мой отец живет в однокомнатной квартире и за последние два года его три раза увольняли? Или, может, мне рассказать, как он замечательно водит машину после обеда? – Все это он произнес ровным, обычным тоном, слишком по-взрослому.

– Ты бы мог рассказать им про твоего отчима.

– А что он? Его уже нет. И даже когда он был жив, во всей школе не нашлось бы и шести парней, которые слышали о нем. Они здесь считают тех, кто пишет пьесы или снимает кино, вроде как придурками.

– А как учителя? – спросил Рудольф, тщетно надеясь, что хоть что-то в школе Билли нравится.

– Какое мне до них дело? – ответил мальчик, намазывая маслом печеную картофелину. – Я готовлю, что задают, и все.

– В чем дело. Билли? – Пришло время спросить напрямик. Он слишком плохо знал племянника, чтобы подходить к этому вопросу окольными путями.

– Это мать просила вас приехать ко мне, да? – Билли смотрел на него пытливо и вызывающе.

– Если тебе непременно нужно это знать, да.

– Зря я ее встревожил. Мне не нужно было посылать то письмо.

– Нет, ты совершенно правильно сделал. Так все же. Билли, в чем дело?

– Я сам не знаю. – Билли перестал есть. Рудольф видел, как он старается держать себя в руках и говорить спокойно. – Все плохо. У меня такое чувство, что я умру, если останусь здесь.

– Ничего ты не умрешь, – резко сказал Рудольф.

– Да, конечно, наверно, не умру. Просто у меня такое чувство. Это место не для меня. Мне совсем не хочется стать таким, какими станут все эти парни. Я видел их отцов. Многие из них двадцать пять лет назад тоже учились в этой школе. Они такие же, как их дети, только старше – указывают президенту, что делать, но не понимают, что Колин Берк был великим человеком, и даже не знают, что он умер. Я здесь чужой, Руди. И мой отец здесь чужой. Колин Берк тоже был бы здесь чужим. Если я тут останусь, то к концу четвертого года буду таким же, как все они, а я не хочу этого. В общем, не знаю... – Он уныло покачал головой, и прядь светлых волос упала на высокий лоб, унаследованный им от отца. – Вы, наверно, считаете, что я говорю чепуху. Наверно, думаете, я просто соскучился по дому, или расстроен оттого, что меня не выбрали капитаном команды, или еще что-нибудь в этом роде...

– Я совсем так не думаю. Билли. Не знаю, прав ты или нет, но у тебя определенно есть свои причины, – сказал Рудольф. – Соскучился по дому, – мысленно повторил он слова Билли. – Но по какому дому?

– Ходить на службы в часовню обязательно, – продолжал Билли. – Семь раз в неделю притворяться, будто я христианин. А я не христианин. Моя мама не христианка, отец не христианин. Колин тоже им не был. Почему я должен отдуваться за всю семью и выслушивать эти бесконечные проповеди? «Будь честным, гони прочь нечистые помыслы, не думай о сексе. Господь наш Иисус Христос умер во искупление грехов наших...» Вам понравилось бы семь раз в неделю слушать всю эту дребедень?

– Нет, не очень, – согласился Рудольф.

– А деньги? – Мимо прошла официантка, и Билли понизил голос, но говорил все так же горячо: – Откуда возьмутся деньги на мое шикарное уважаемое образование сейчас, когда Колин умер?

– Об этом не беспокойся, – сказал Рудольф. – Я уже говорил твоей матери, что это я беру на себя.

Билли взглянул на него со злостью, словно Рудольф признался, что готовит против него заговор.

– Вы мне недостаточно нравитесь, дядя Рудольф, чтобы я мог принять от вас такой подарок.

Рудольф был потрясен, но постарался не показать виду: как бы там ни было, а Билли еще совсем ребенок, ему лишь четырнадцать лет.

– А почему я тебе недостаточно нравлюсь? – спокойно спросил он.

– Потому что эта школа для таких, как вы. Можете посылать сюда своего собственного сына.

– На это я, пожалуй, отвечать не буду.

– Извините, что я так сказал, но я действительно так думаю. – Окаймленная длинными ресницами голубизна влажно заблестела. Глаза Эббота.

– Я уважаю тебя за прямоту, – сказал Рудольф. – В твои годы ребята обычно уже умеют скрывать свои истинные чувства от богатых дядюшек.

– Как я могу здесь оставаться, когда на другом конце страны моя мать сидит совершенно одна в пустом доме и каждую ночь плачет? – Билли говорил торопливо, захлебываясь. – Погиб такой человек, как Колин, а я, значит, должен орать во всю глотку на идиотских футбольных матчах или слушать, как какой-то бойскаут в черном костюме сообщает, что спасение в Иисусе Христе? Так, что ли? – По его щекам текли слезы, и он вытирал их платком, не прекращая свой гневный монолог. – Я вот что вам скажу. Если вы не заберете меня отсюда, я сбегу и уж как-нибудь сумею добраться домой к матери и постараюсь помочь ей, чем смогу.

– Хорошо, – сказал Рудольф. – Хватит об этом. Я пока не знаю, что мне удастся сделать, но обещаю что-нибудь предпринять. Это тебя устраивает?

Билли с несчастным видом кивнул, еще раз вытер слезы и положил платок в карман.

– А сейчас давай разделаемся с обедом, – сказал Рудольф. Сам он почти не ел, просто смотрел, как Билли подчистил свою тарелку, заказал себе яблочный пирог и так же успешно с ним расправился. Четырнадцать лет – всеядный возраст. Слезы, смерть, жалость, яблочный пирог и мороженое перемешиваются без угрызений совести.

После обеда, когда они ехали в школу, Рудольф сказал:

– Иди к себе в комнату. Собери вещи и жди меня внизу в машине.

Он позвонил в квартиру Фервезеров. Дверь открыл высокий сутуловатый мужчина. На лоб его падал завиток волос, чистое розовое лицо светилось приветливой улыбкой. Какие же нервы должен иметь человек, чтобы жить среди мальчишек?!

– Мистер Фервезер, простите, что я вас беспокою, но это всего на несколько минут. Я дядя Билли Эббота и...

– А, да-да. – Фервезер протянул ему руку. – Жена мне говорила, что вы к нам заходили перед обедом. Проходите, пожалуйста. – Он провел Рудольфа в гостиную. – Прошу вас, садитесь. Хотите кофе?

– Нет, спасибо. Кофе я только что пил, и я всего на минутку, – сказал Рудольф, чувствуя себя неловко оттого, что он не отец, а лишь дядя Билли.

– Я поговорил с ним, мистер Фервр. Не знаю, насколько этот разговор мне удался. Но я хочу забрать Билли отсюда. По крайней мере на несколько дней. На мой взгляд, это совершенно необходимо.

– Неужели действительно все так плохо?

– Да, плохо.

– Мы пытались сделать все, что в наших силах, – сказал Фервр. По его тону чувствовалось, что он не собирается оправдываться.

– Я в этом не сомневаюсь. Просто Билли не совсем обычный мальчик, и за последнее время, притом очень короткое, в его жизни произошло много не совсем обычных событий... Сейчас нет смысла говорить об этом.

– Значит, вы хотите его забрать? И надолго?

– Трудно сказать. Может, на несколько дней, может, на месяц, а может, и насовсем.

– Казалось бы, спокойная у нас, учителей, профессия, а сколько бывает поражений, – вздохнул Фервр. – Скажите Билли, что мы всегда готовы принять его обратно. Он способный мальчик и легко нагонит пропущенное. Надеюсь, через день-два вы сообщите нам о своем решении?

– Обязательно, – ответил Рудольф. – Спасибо вам за все.

Когда они выехали за ворота школы. Билли, сидевший рядом с Рудольфом на переднем сиденье, сказал:

– Я больше никогда сюда не вернусь. – Он даже не спросил, куда они едут.

В Уитби они приехали в половине шестого. Уличные фонари уже горели в ранних зимних сумерках. Добрую часть пути Билли спал. Рудольф со страхом думал о той минуте, когда ему придется представить матери ее внука. С присущей ей изысканностью слога мать вполне могла сказать что-нибудь вроде: «Отродье блудницы!».

На секунду ему в голову пришла мысль отвезти Билли в гостиницу, но он тотчас отказался от этой идеи: было бы слишком жестоко после такого дня оставить мальчика одного. К тому же это было бы еще и трусостью. Нет, придется наконец поставить старуху на место.

И все же Рудольф, проведя Билли за собой в дом, почувствовал облегчение, когда увидел, что в гостиной матери нет. Он скользнул взглядом по коридору – дверь в ее комнату была закрыта. Вероятно, она поскандалила с Мартой и сейчас дуется. Так лучше, теперь он сможет поговорить с ней наедине и подготовит к первой встрече с внуком.

Они с Билли прошли на кухню. Из духовки пахло чем-то вкусным. Марта сидела за столом и читала газету. Она вовсе не была толстой, как злословила о ней мать; Угловатая, худая пятидесятилетняя старая дева, она знала, что в этой жизни добра ждать не от кого, и всегда была готова платить за свои обиды той же монетой.

– Марта, – сказал он, – это мой племянник Билли. Он поживет с нами несколько дней. Он устал с дороги, ему надо приготовить ванну и покормить чем-нибудь горячим. Вы могли бы это сделать? Спать он будет в комнате рядом с моей.

– Она ничего не говорила мне ни о каком племяннике, – сказала Марта, свирепо кивнув в ту сторону, где была комната матери.

– Она еще сама о нем не знает, – ответил Рудольф, стараясь говорить бодро, чтобы Билли ничего не понял.

– Сегодня ей только не хватает выяснить, что у нее есть внучек, – заметила Марта.

Билли молча стоял в стороне. Он не понимал, в чем дело, но все это ему уже не нравилось. Марта встала из-за стола. На лице у нее было неодобрение, но такое лицо у нее было всегда. Правда, откуда об этом знать Билли?

– Идем, молодой человек, – сказала она. – Думаю, у нас хватит места для такого тощенького, как ты.

Рудольф был поражен: на языке Марты это означало почти любезное приглашение.

Он налил себе виски, бросил в стакан побольше льда и уселся в мягкое кресло.

Пил он не спеша – его не прельщала сцена, ожидавшая его впереди. Наконец допив, заставил себя вылезти из кресла, прошел по коридору и постучал в дверь. Комната матери была на первом этаже, чтобы старухе не приходилось подниматься по лестнице. Впрочем, сейчас, после двух операций – первая избавила ее от флебита, а вторая от катаракты, – она передвигалась вполне свободно.

– Кто там? – резко спросила она из-за двери.

– Это я, мам, ты не спишь?

– Теперь уже не сплю.

Он открыл дверь.

– Разве тут уснешь, когда по дому словно стадо слонов топает, – сказала она с кровати. Мэри сидела, откинувшись на подушки в кружевных наволочках. На ней была розовая ночная кофта, отделанная чем-то вроде розоватого меха, на глазах – очки с толстыми стеклами, прописанные врачом после операции. Она могла теперь читать, смотреть телевизор и ходить в кино, но очки придавали ее увеличенным до огромных размеров глазам ненормальное, тупое и бездушное выражение.

За время, прошедшее с их переезда в новый дом, врачи сумели сделать с ней чудеса. Еще когда они жили над магазином, Рудольф уговаривал ее согласиться на операции – он видел, что ей это необходимо, – но она категорически отказывалась. «Не хочу лежать в палате для бедных, чтобы на мне экспериментировали медики-недоучки, которых нельзя подпускать с ножом и к собаке», – говорила она, пропуская все доводы Рудольфа мимо ушей. Пока они жили в убогой квартире, ее невозможно было убедить, что она не бедна и ей не грозит судьба бедняков, доверившихся бездушной заботе благотворительных больниц. И, только переехав в новый дом, только после того, как Марта прочитала ей вслух, что пишут газеты об успехах Руди, только прокатившись на купленной сыном новой машине, она наконец позволила себя уговорить и, предварительно удостоверившись, что ее будут оперировать самые лучшие и самые дорогие хирурги, смело вошла в операционную.

Вера в деньги буквально возродила ее, вернула с края могилы. Рудольф рассчитывал, что заботы опытных врачей помогут матери сносно дожить ее последние годы. А она, можно сказать, обрела вторую молодость. Теперь, когда машина бывала ему не нужна, за руль мрачно садилась Марта и возила мать,

куда той вздумается. Она часто ездила в парикмахерскую и салоны красоты (волосы у нее теперь были завиты и выкрашены в почти голубой цвет); стала завсегдатаем городских кинотеатров; не думая о расходах, вызывала такси; посещала службу в церкви; два раза в неделю играла в бридж со своими новыми знакомыми из церковного прихода; когда Рудольфа не было дома, приглашала на ужин священников; купила себе новое издание «Унесенных ветром».

Ее шкаф ломился от платьев, костюмов и шляпок на все случаи жизни, а заставленная мебелью комната походила на антикварный магазин: позолоченные столики, шезлонг, трельяж с десятком флаконов разных французских духов. Впервые в жизни она стала ярко красить губы. Рудольфу казалось, что с намалеванным лицом, в кричаще безвкусных туалетах мать похожа на страшное привидение, хотя, бесспорно, жизни в ней было куда больше, чем раньше. Но если таким образом она восполняла лишения своего беспросветного детства и долгие мучения замужества, он был не вправе лишать мать ее игрушек.

Одно время он подумывал снять ей квартиру в городе и перевезти ее туда вместе с Мартой, но отказался от этой мысли, представив себе, какое будет у матери лицо, когда он в последний раз выведет ее за порог дома; как она будет потрясена неблагодарностью сына, которого любила больше всего на свете, которому по ночам, отстояв на ногах двенадцать часов в булочной, гладила рубашки, ради которого пожертвовала своей молодостью, мужем, друзьями и двумя другими детьми.

И потому она оставалась здесь. Рудольф был не из тех, кто забывает платить долги.

– Кто там наверху? Ты привел в дом женщину? – осуждающе спросила она.

– Ты знаешь, я никогда не приводил, как ты говоришь, в дом женщину, хотя не понимаю, почему, если бы мне захотелось, я не мог бы это себе позволить, – ответил Рудольф.

– В тебе течет кровь твоего отца, – сказала мать. Ужасное обвинение.

– Там твой внук. Я привез его из школы.

– Шестилетние дети так не топают, – сказала она. – Я еще не глухая.

– Это ребенок не Томаса. Это сын Гретхен.

– Слышать не хочу этого имени, – мать заткнула уши пальцами: сидение у телевизора обогатило ее жестикуляцию.

Рудольф сел на край кровати. Осторожно взял мать: за руки и опустил их вниз. «Я был слишком слабохарактерным, – подумал он, продолжая держать ее руки в своих. – Этот разговор должен был состояться еще много лет назад».

– А теперь послушай меня, мам, – начал он. – Билли хороший мальчик. Сейчас у него неприятности и...

– Я не потерплю в своем доме ублюдка этой шлюхи, – заявила мать.

– Гретхен не шлюха, и ее сын не ублюдок, – сказал Рудольф. – А этот дом не твой.

– О, я знала, что придет день и ты все-таки скажешь мне эти слова.

Рудольф оставил без внимания эту прелюдию к мелодраме.

– Мальчик поживет у нас всего несколько дней. Он сейчас нуждается в заботе и душевной теплоте. Я, Марта и ты дадим ему это.

– Не желаю терпеть его присутствия рядом с собой, – сказала она, цитируя какую-то из своих любимых книг. – Я запру эту дверь, и пусть Марта приносит мне еду сюда на подносе.

– Поступай как знаешь, мама, – спокойно сказал Рудольф, – но если ты так сделаешь – все, конец. Не будет тебе больше ни машины, ни вечеров за бриджем, ни кредита в магазинах, ни салонов красоты, ни ужинов с отцом Макдоннеллом. Подумай об этом. – Он встал. – А сейчас мне пора идти. Марта собирается кормить Билли ужином. Советую тебе пойти к ним.

Когда он выходил из комнаты, по щекам матери текли слезы. «Дешевый это трюк – пугать старуху, – подумал он. – Ну почему бы ей просто не умереть? Достоинно. Незавитой, ненадушенной, ненарумяненной».

Когда Рудольф позвонил, дверь открыл сам Колдервуд. Он провел его в мрачную комнату, отделанную дубовыми панелями, которую называл кабинетом. Здесь стояли письменный стол красного дерева и несколько кожаных кресел с потрескавшимися дубовыми ручками. Застекленные книжные шкафы были битком набиты папками с оплаченными счетами и протоколами деловых операций.

– Садись, Руди, – пригласил он, указав на одно из кресел, и скорбно заметил: – Я вижу, ты уже успел выпить. Мои зятья, к сожалению, тоже пьют.

– Две старшие дочери Колдервуда уже вышли замуж, и одна жила теперь в Чикаго, а другая – в штате Аризона. Рудольф подозревал, что обеих девушек побудила к замужеству не столько любовь, сколько география: лишь бы уехать подальше от отца. – Но я пригласил тебя не за тем, чтобы беседовать на эту тему, – продолжал Колдервуд. – Мне хочется поговорить с тобой как мужчина с женщиной... Миссис Колдервуд и Вирджинии нет дома. Они пошли в кино, так что мы можем говорить свободно. – Такие долгие предисловия были не в характере старика. Держался он несколько смущенно, что тоже было на него не похоже. – Рудольф, – он зловеще откашлялся, – признаться, меня удивляет твое поведение.

– Мое поведение? – на секунду у Рудольфа мелькнула нелепая мысль, что Колдервуд каким-то образом пронюхал о нем и Джин.

– Да, твое поведение, – повторил Колдервуд и огорченно продолжал: – Это на тебя совсем не похоже. Ты для меня был все равно что сын. Больше чем сын. Я всегда считал тебя честным, открытым и полностью доверял тебе. И вдруг на тебя как будто что-то нашло. Ты начал действовать за моей спиной, притом без всяких на то оснований. Ты ведь знаешь, что мог просто позвонить в дверь моего дома, и я бы с радостью тебя принял.

– Простите, мистер Колдервуд, но я не понимаю, о чем вы говорите, – сказал Рудольф. Старость есть старость. Значит, и Колдервуд не исключение.

– Я говорю о чувствах моей дочери Вирджинии, Руди. И не отрицай!

– Но, мистер Колдервуд...

– Ты играешь ее чувствами. Неизвестно зачем. Ты украл там, где имел

право требовать, – гневно закончил Колдервуд.

– Уверяю вас, мистер Колдервуд, я...

– Не в твоём характере лгать, Руди.

– Я не лгу. Я просто не знаю...

– Хорошо, в таком случае я должен сообщить тебе, что она во всем призналась! – прогремел Колдервуд.

– Да ведь ей не в чем признаваться! – Рудольф чувствовал свою беспомощность, но в то же время его разбирал смех.

– А моя дочь говорит совсем другое. Она объявила матери, что любит тебя и собирается ехать в Нью-Йорк учиться на секретаршу, чтобы вы могли свободно встречаться.

– Господи помилуй!

– В этом доме не упоминают имя господине всеу, Руди.

– Мистер Колдервуд, мои отношения с Вирджинией исчерпываются тем, что я приглашал ее перекусить или угощал лимонадом и мороженым, когда случайно сталкивался с ней в магазине.

– Ты ее околдовал, – сказал Колдервуд. – Она из-за тебя плачет пять раз в неделю. Невинная молодая девушка не станет так себя вести, если она не попала в силки, искусно расставленные мужчиной. Так вот, молодой человек, я хочу знать, что ты намерен теперь делать?

Когда Колдервуд произносил «молодой человек», это было уже опасно. Рудольф лихорадочно соображал, чем ему это грозит. У него твердое положение в компании, и все же основная власть в руках Колдервуда. Можно бороться, но в конечном счете тот, вероятно, победит. Ну и дура же эта Вирджиния!

– А что, по-вашему, я должен сделать, сэр? – спросил Рудольф, пытаюсь выиграть время.

– Все очень просто, – сказал Колдервуд. Было очевидно, что он обдумывал эту проблему с того самого момента, как миссис Колдервуд сообщила ему «счастливую» новость о позоре их дочери. – Женись на Вирджинии. Я сделаю тебя своим полноправным партнером. А в завещании, после того как должным образом позабочусь о миссис Колдервуд и дочерях, оставлю тебе основную часть моих акций, корпорация будет у тебя в руках. Об этом разговоре мы забудем, и я никогда не буду тебя упрекать. Руди, для меня большое счастье, что такой парень, как ты, станет членом моей семьи. Я мечтал об этом много лет, и мы с миссис Колдервуд были разочарованы тем, что, бывая в нашем гостеприимном доме, ты внешне не проявлял никакого интереса к моим дочерям, хотя они по-своему миловидны, хорошо воспитаны и, позволю себе заметить, вполне обеспечены. И мне совершенно непонятно, почему, сделав выбор, ты не мог прямо сказать мне обо всем.

– Никакого выбора я не сделал! – в смятении воскликнул Рудольф. – Вирджиния очаровательная девушка, и я уверен, она будет кому-нибудь прекрасной женой. Но я и понятия не имел, что нравлюсь ей.

– Руди, – сурово сказал Колдервуд, – я знаю тебя много лет. Ты один из самых умных людей, с которыми мне довелось встречаться. И сейчас у тебя

хватает наглости сидеть здесь и утверждать...

– Да, хватает! – К черту бизнес, – подумал он. – Я скажу вам, что я сейчас сделаю. Я буду сидеть здесь с вами, пока не вернутся миссис Колдервуд и Вирджиния, и тогда при вас и вашей жене спрошу Вирджинию в лоб, ухаживал ли я за ней когда-нибудь и пытался ли хотя бы поцеловать. Если она скажет «да», она солжет, но мне на это наплевать. Я тут же встану и уйду, и вы можете делать что хотите с вашей чертовой корпорацией, вашими чертовыми акциями и вашей чертовой дочерью!

– Руди! – Колдервуд был явно шокирован, но Рудольф заметил, что уверенность старика в прочности своих позиций поколебалась.

– Если бы она догадалась раньше признаться мне в своей любви, – продолжал Рудольф, искусно используя возникшее преимущество и уже не думая о последствиях, – из этого, возможно, что-нибудь и получилось бы. Мне она действительно нравится. Но сейчас слишком поздно. Вчера я сделал предложение другой девушке.

– Я вижу, ты говоришь правду. Не знаю, что нашло на эту дуреху, – раздраженно отодвигая в сторону пепельницу, сказал Колдервуд. – Хм, представляю, что будет говорить мне жена: «Ты ее неправильно воспитал, из-за тебя она выросла слишком застенчивой, ты ее слишком берег!». Знал бы ты, какие бои приходилось мне выдерживать с этой женщиной! Нет, в мое время было иначе. Девушки не докладывали матерям, что они влюблены в мужчин, которые на них и не смотрят. Это все из-за вина. У женщин оно последний ум отшибает. Ладно, можешь их не дожидаться. Я сам улажу. Иди. Мне нужно успокоиться.

Рудольф встал, и Колдервуд тоже поднялся на ноги.

– Хотите, я вам дам совет? – сказал Рудольф.

– Ты только и знаешь, что давать мне советы, – раздраженно буркнул Колдервуд. – Я даже во сне вижу, как ты нашептываешь мне на ухо советы. И уже сколько лет подряд. Иногда я жалею, что ты вообще появился в моем магазине в то лето. Какой еще совет?

– Отпустите Вирджинию в Нью-Йорк, пусть она выучится на секретаря и год-другой поживет там одна.

– Прекрасный совет, – горько сказал Колдервуд. – У тебя нет дочерей, тебе легко советовать. Идем, я провожу тебя до двери.

Когда Рудольф открыл входную дверь, из кухни доносились голоса. Он тихо прошел через гостиную и столовую и, остановившись у двери кухни, прислушался.

– Ты растешь и должен есть как следует. Я люблю, когда у мальчиков хороший аппетит, – говорила мать. – Марта, положи ему еще кусок мяса и добавь салата. Не возражай. Билли! В моем доме все дети едят салат.

Господи помилуй, подумал Рудольф.

– Хотя я уже стара, – продолжала мать, – и мне пора бы забыть о такой женской слабости, но я люблю, когда мальчики красивы и хорошо воспитаны. – Голос ее звучал кокетливо и игриво. – Знаешь, на кого ты, по-моему, похож? Я, конечно, никогда не говорила ему этого в глаза, боясь испортить – нет ничего

хуже тщеславного ребенка, – так вот, ты напоминаешь мне твоего дядю Рудольфа. А он, как все считали, был самым красивым мальчиком в городе, да и теперь он самый красивый молодой человек.

– Все говорят, что я похож на отца, – заявил Билли с прямою четырнадцатилетнего, но без враждебности. Судя по его тону, он чувствовал себя как дома.

– К сожалению, я не имела счастья познакомиться с твоим отцом. – В голосе матери почувствовался холодок. – Но, конечно, у тебя наверняка должно быть какое-то сходство с ним, хотя в основном в тебе больше от нашей линии, в особенности ты похож на дядю Рудольфа. Правда ведь. Марта? Такие же глаза, такой же волевой рот. Только волосы другие. Но я считаю, что волосы – это второстепенная деталь. Они почти не отражают характер человека.

Рудольф толкнул дверь и вошел в кухню. Билли сидел в конце стола, а женщины – по обе стороны от него. С гладко зачесанными и еще мокрыми после ванны волосами, он, казалось, блестел от чистоты. Довольно улыбаясь, Билли уплетал за обе щеки. Мать в скромном коричневом платье разыгрывала роль доброй бабушки. Марта выглядела менее сердитой, и губы ее не были, как обычно, поджаты – казалось, ей было приятно, что в доме повеяло юностью.

– Все в порядке? – спросил Рудольф. – Они хорошо тебя покормили?

– Ужин – блеск, – ответил Билли. На лице его не осталось и следа от недавних переживаний.

– Надеюсь, ты любишь шоколадный пудинг. Билли? – спросила мать, лишь мельком глянув на стоявшего в дверях сына. – Марта готовит изумительно вкусный шоколадный пудинг.

– Ага, – кивнул Билли. – Очень люблю.

– Рудольф в детстве тоже его любил больше всего. Правда, Рудольф?

– Э... да, – согласился он, хотя не помнил, чтобы ел его чаще раза в год, и уж тем более не припоминал, чтобы когда-нибудь хвалил. Но не стоило сейчас мешать полету мамашиной фантазии. Чтобы лучше войти в роль бабушки, она даже не стала румянить щеки – за это ее тоже следовало похвалить. – Билли, – повернулся он к мальчику, – я разговаривал с твоей мамой.

Билли мрачно и с опаской поглядел на него, словно ожидая удара.

– Что она сказала?

– Она ждет тебя. Во вторник или в среду я посажу тебя на самолет.

– А какое у нее настроение? – дрожащим голосом спросил Билли.

– Она счастлива, что увидит тебя, – ответил Рудольф.

– Бедная девочка. Боже, что у нее была за жизнь: столько ударов судьбы! – вздохнула мать. Рудольф старался не смотреть на нее. – Но как это неудачно, Билли, – продолжала она, – мы только что нашли с тобой друг друга, а ты не можешь даже немного побыть со своей старой бабушкой. Впрочем, сейчас, когда первый шаг сделан, я, наверно, смогу навестить тебя в Калифорнии. Это было бы замечательно, правда, Рудольф?

– Разумеется, – подтвердил он.

– Калифорния, – мечтательно произнесла мать. – Мне всегда хотелось побывать там. Я слышала, это настоящий рай. Прежде чем я умру... Марта,

пожалуй, пора дать Билли пудинга.

– Сейчас, мэм, – сказала Марта, поднимаясь из-за стола.

– Ну а мне пора спать. – Мать тяжело встала. – В моем возрасте надо рано ложиться. Но я надеюсь, после ужина ты зайдешь поцеловать свою бабушку на сон грядущий, да, Билли?

– Да, мэм, – ответил он.

– Бабушка, – поправила его мать.

– Да, бабушка, – послушно повторил Вилли.

И Мэри, бросив торжествующий взгляд на сына, вышла из кухни.

4

Задергивай шторы, когда заходит солнце. Не сиди по вечерам на веранде и не смотри на огни распростертого внизу города. Колин любил сидеть рядом с тобой и смотреть на город с балкона. Он говорил, что этот вид нравится ему больше всего на свете, потому что Америка прекрасна ночью.

Не одевайся в черное. Траур – не в одежде.

Не пиши взволнованных писем в ответ на соболезнования друзей и незнакомых и не употребляй в письмах слова наподобие «гений», «незабвенный», «щедрый», «сильный духом». Отвечай вежливо и кратко. Не более.

Не плачь в присутствии сына.

Не принимай приглашений на ужин от друзей или коллег Колина, желающих избавить тебя от одиноких страданий.

Когда возникнет какая-нибудь трудность, не протягивай руку к телефону, чтобы позвонить Колину на студию. Его кабинет там заперт.

Не поддавайся искушению и не подсказывай людям, заканчивающим его последнюю картину, как ему хотелось ее сделать.

Не давай интервью и не пиши статей. Не будь источником биографических подробностей. Не становись вдовой великого человека. Не гадай, как бы он поступил в том или ином случае, если бы он был жив.

Не отмечай его дни рождения и годовщины вашей свадьбы.

Не ходи ни на какие просмотры или премьеры.

Когда низко над головой пролетают самолеты, поднявшиеся с аэродрома, не вспоминай ваши совместные путешествия.

Не пей в одиночестве или в компании, как бы тебе этого ни хотелось. Избегай спиртного. Сноси все молча.

Убери со стола в гостиной все книги и сценарии. Теперь это выглядит фальшью.

Оставь в доме лишь одну, любительскую фотографию мужа. Все остальные собери, сложи в коробку и спрячь в подвал.

Когда готовишь ужин, не выбирай блюда, которые любил твой муж.

Одеваясь, не стой у шкафа, не гляди на свои платья и не говори себе: «Он любил меня больше в этом».

С сыном держись спокойно и просто. Не льни к нему и не позволяй ему

лнуть к тебе. Когда его приглашают друзья в бассейн, или на бейсбол, или в кино, говори: «Конечно, иди. У меня ужасно много дел по дому, и одна я управлюсь быстрее».

Не пытайся заменить ему отца. То, чему положено учиться у мужчин, он должен узнать от мужчин. Не старайся развлекать его, боясь, что ему скучно одному с убитой горем женщиной, здесь, в этом доме на холме, вдали от тех мест, где веселится молодежь.

Не думай о сексе. Не удивляйся, если будешь об этом думать.

Ни в коем случае не попадись на удочку, когда позвонит твой бывший муж и в порыве сострадания предложит снова на тебе жениться. Если даже когда вы любили друг друга, ваш союз был так недолог, то брак, в основе которого лежит смерть, будет катастрофой.

Работай в саду, загорай, мой посуду, аккуратно веди хозяйство, помогай сыну готовить уроки, не подавай виду, что ты ждешь от него больше, чем другие родители от своих детей. Не целуй его слишком часто.

Будь снисходительной к собственной матери, которую сын собирается навестить на летних каникулах. Говори себе: «До лета еще далеко».

Старайся все время чем-то заниматься. Но чем?..

– Вы абсолютно уверены? Вы всюду посмотрели, миссис Берк? – спросил мистер Гринфилд, адвокат, к которому ее направил агент Колина.

– Я перевернула весь дом, мистер Гринфилд, – ответила Гретхен. – Нашла сотни рукописей, сотни счетов, многие из которых еще не оплачены, но никакого завещания.

– Со своей стороны мы тоже предпринимали тщательный розыск, – вздохнул Гринфилд. – Это совершенно невероятно, но у вашего мужа даже не было своего постоянного юриста. Все контракты ему составлял его агент, и, как этот агент утверждает, ваш муж зачастую даже не читал условия контрактов. А во время развода со своей первой женой он позволил ее адвокату составить бракоразводное соглашение.

Гретхен никогда не приходилось встречаться с бывшей миссис Берк, но сейчас, после смерти Колина, она узнала о ней немало. Когда-то та была стюардессой, потом манекенщицей. Страшно любила деньги, но зарабатывать их считала не женским и отвратительным занятием. После развода она получала от Колина двадцать тысяч долларов в год, а незадолго до его смерти затеяла судебную тяжбу с целью добиться увеличения алиментов до сорока тысяч, так как доходы Колина, с тех пор как он начал работать в Голливуде, резко возросли. Много времени проводила за границей, а в Америке сожительствовала с каким-то молодым человеком, живя с ним то в Нью-Йорке, то в Палм-Бич, то в Солнечной долине. Замуж за своего любовника выходить не собиралась, и это было разумно: единственный пункт, который Колину удалось вставить в контракт о разводе, предусматривал автоматическое прекращение выплаты алиментов в случае ее второго замужества. Судя по всему, она и ее адвокаты отлично разбирались в законах, и сразу же после похорон, на которые она не приехала, на счет Колина в банке и на его недвижимое имущество был наложен арест, чтобы воспрепятствовать Гретхен

продать дом.

Поскольку у Гретхен не было отдельного счета в банке – при необходимости она брала деньги у Колина, а его секретарь оплачивал счета, – она осталась без единого цента и полностью зависела от Рудольфа. Колин не был застрахован, он считал американские страховые компании величайшими грабителями, поэтому Гретхен не получила после его смерти страховки. Катастрофа произошла исключительно по вине Колина – он врезался в дерево из-за собственной небрежности, – поэтому Гретхен не могла возбудить судебного дела и потребовать компенсации. Более того, власти округа Лос-Анджелес собирались предъявить иск за сломанное дерево.

– Мне необходимо уехать из этого дома, мистер Гринфилд, – сказала Гретхен. Особенно тяжело ей было здесь по вечерам: неясные шорохи в темных углах, смутная надежда, что в любую минуту откроется дверь и войдет Колин, на ходу ругая какого-нибудь актера или оператора.

– Я хорошо вас понимаю, – ответил мистер Гринфилд. Он действительно оказался порядочным человеком. – Но если вы освободите дом, если просто перестанете здесь жить, бывшая жена мистера Берка наверняка сумеет найти какой-нибудь удобный для нее параграф в законе и въедет сюда. У нее хорошие адвокаты. Очень хорошие. И если существует какая-то лазейка, они непременно ее отыщут. А в законах – стоит только как следует покопаться – почти всегда можно найти удобную лазейку.

– Удобную только не для меня, – безнадежно сказала Гретхен.

– Это вопрос времени, дорогая миссис Берк. Дело слишком запутанное. Дом записан на имя вашего мужа. По закладной деньги за него полностью пока не выплачены. Размеры состояния не определены и, возможно, еще много лет не будут определены. Мистер Берк получал солидные, весьма солидные проценты с доходов от проката поставленных им трех фильмов, его авторские права предусматривали долгосрочное участие в прибылях кинокомпании, гонорары за прокат его картин за границей, а также за возможную экранизацию пьес, к которым он имел непосредственное отношение.

Гретхен поднялась с кресла.

– Спасибо вам за все, мистер Гринфилд, – сказала она. – Извините, что отняла у вас столько времени.

– Ну что вы, – с положенной адвокату любезностью ответил мистер Гринфилд. – Я, естественно, буду держать вас в курсе дел.

5

На палубе было холодно, но Томасу нравилось стоять здесь в одиночестве и глядеть на гряды серых волн Атлантики. Даже когда была не его вахта, он часто приходил сюда и в любую погоду молча стоял рядом с вахтенным, часами наблюдая, как нос парохода то резко зарывается в воду, то вздымается ввысь в белом кружеве пены, – Томас чувствовал себя умиротворенным, не думая ни о чем, и не испытывал ни желаний, ни необходимости о чем-либо думать.

Судно плавало под либерийским флагом, но за два рейса ни разу даже близко не подходило к берегам Либерии. Пэппи, администратор гостиницы «Эгейский моряк», как и обещал Шульц, очень помог Томасу. Он снабдил его одеждой и сумкой старого норвежского матроса, умершего в этой гостинице, и устроил на принадлежавший греческой компании пароход «Эльга Андерсон», который возил грузы из Хобокена в Роттердам, Альхесирас, Геную, Пирей. Все те восемь дней, что Томас оставался в Нью-Йорке, он просидел в своем номере, и Пэппи приносил ему еду, так как Томас заявил, что не желает, чтобы его видела прислуга – ему были ни к чему расспросы. Накануне отплытия «Эльги Андерсон» Пэппи отвез его в порт Хобокена и оставался на пирсе до тех пор, пока Томас не поднялся на палубу. По-видимому, услуга, которую Шульц в годы войны, служа в торговом флоте, оказал Пэппи, действительно была немаловажной.

«Эльга Андерсон» (водоизмещение десять тысяч тонн, класс «Либерти») была построена в 1943 году и знавала лучшие времена. Судно переходило из рук в руки; его часто менявшихся владельцев интересовала быстрая нажива, и о ремонте никто не думал – делалось лишь самое необходимое, чтобы посудина держалась на воде и хоть как-то двигалась. Корпус оброс ракушками, механизмы скрипели и тарахтели, судно много лет не красили, все покрывала ржавчина; кормили на «Эльге Андерсон» отвратительно, капитаном был старый религиозный маньяк, который в шторм опускался на колени прямо на своем мостике и молился и которого во время войны списали на берег за симпатии к нацистам. Офицеры с документами, выданными в десяти разных странах, были уволены с других кораблей – кто за профессиональную непригодность, кто за пьянство, кто за воровство. Команда – пестрый сброд почти из всех стран, омываемых Атлантическим океаном и Средиземным морем: греки, югославы, норвежцы, итальянцы, марокканцы, мексиканцы, американцы – документы большинства из них при проверке наверняка оказались бы фальшивыми. В кают-компании, где ни на минуту не прекращалась игра в покер, чуть ли не каждый день затевались драки, но офицеры предпочитали не вмешиваться.

Томас за покер не садился, в драки не ввязывался, разговаривал только в случае необходимости, ни на какие вопросы не отвечал, и у него было спокойно на душе. Он чувствовал, что нашел свое место на планете: ни забот о том, чтобы не набрать лишний вес, ни крови в моче по утрам, ни судорожных поисков денег в конце каждого месяца. Когда-нибудь он вернет Шульцу те сто пятьдесят долларов, которые получил от него в Лас-Вегасе. Вернет с процентами.

Он услышал позади себя шаги, но не обернулся.

– Ночка будет тяжелая, – сказал подошедший к нему человек. – Плыдем прямо навстречу шторму.

Томас хмыкнул. Он узнал голос Дуайера, парня родом со Среднего Запада. Иногда в его интонациях проскальзывало что-то немужское. Зубы у Дуайера торчали вперед, и на судне за ним закрепилась кличка Кролик.

– Надеюсь, что хоть не в очень сильный шторм попадем, – сказал Дур.

– А то многие посудины, вроде нашей, класса «Либерти», в шторм просто раскалываются пополам. К тому же загрузили нас будь здоров. Ты заметил, какой у нас крен на левый борт?

– Нет.

– Чертова галоша! Я нанялся сюда только потому, что мне тут кое-что светит.

Томас знал: Дуайер хочет, чтобы он спросил его, что тот имеет в виду, но молчал, вглядываясь в темнеющий горизонт.

– Знаешь, – продолжал Дуайер, поняв, что Томас не собирается поддерживать разговор, – у меня диплом третьего помощника. На американских судах мне пришлось бы ждать повышения много лет. А на корыте вроде этого, глядишь, кто-нибудь из наших подонков по пьянке свалится за борт или в каком-нибудь порту угодит в полицию, и вот тут-то у меня появится шанс, ясно?

Томас промычал в ответ что-то невразумительное. Он ничего не имел против Дуайера, но и не испытывал к нему особой симпатии.

– Ты тоже собираешься сдать на помощника, да? – спросил Дур.

– Я об этом не думал, – нехотя ответил Томас.

– Это единственный стоящий вариант. Я это понял сразу, как только вышел в море в первый раз. Простой матрос остается ни с чем. Пока плавает, живет как собака, а в пятьдесят лет уже развалина. Даже на американских пароходах, где тебе и профсоюзы, и еще не знаю что, и свежие фрукты. Большое дело – свежие фрукты! Надо думать о будущем. Офицерская нашивка на погонах не помешает. После этого рейса я поеду в Бостон держать экзамен на второго помощника.

Томас взглянул на него с любопытством. На Дуайере была белая матросская шапочка, натянутая поверх желтой зюйдвестки, и высокие тяжелые рабочие сапоги на резиновой подошве. Он был небольшого роста и походил на мальчика, нарядившегося на карнавал в новый аккуратный костюмчик матроса дальнего плавания. От морского ветра его лицо приобрело розоватый оттенок, но не такой, как у людей, проводящих целые дни на воздухе, а скорее как у непривычной к холоду девушки, разругавшейся на морозе. Длинные темные ресницы окаймляли мягкие черные глаза, в которых застыло почти просительное выражение. Рот у него был слишком большой, а беспокойные губы – слишком пухлые. Дуайер то совал руки в карманы, то вынимал их.

Черт, подумал Томас, он неспроста поднялся ко мне на палубу и заговорил. И вообще, чего это он всегда улыбается мне, когда проходит мимо? Лучше сразу показать ему, что не на того напал.

– Если ты такая образованная шишка с дипломом помощника в кармане и все такое, чего ради торчишь тут с нами, простыми матросами? – грубо сказал Томас. – Может, твое место на шикарном теплоходе? Нацепил бы офицерский белый китель и танцевал бы с какой-нибудь богатой наследницей!

– Я нисколько не задаюсь, Джордах, – виновато сказал Дур. – Честное слово, не задаюсь. Просто иногда хочется с кем-нибудь поговорить, а ты вроде одного со мной возраста, к тому же американец, и потом – знаешь себе цену, я

это сразу заметил. Все остальные на этом пароходе – просто скоты. Вечно надо мной насмеются. А я не такой, как они, у меня есть честолюбие. Я не играю с ними в их шулерский пр. Ты наверняка это заметил.

– Ничего я не заметил, – сказал Томас.

– Они думают, что я гомик. Ты и этого не заметил?

– Нет, не заметил, – ответил Томас. В кают-компании он бывал только во время завтрака, обеда и ужина.

– Это будто проклятье какое, – сказал Дур. – Куда бы я ни пришел наниматься третьим помощником, всюду повторяется одно и то же. Сначала проверяют мои документы и рекомендации, потом пару минут со мной разговаривают, потом начинают этак странно на меня поглядывать и говорят, что вакансий нет. А я уже наперед знаю, что вот сейчас опять на меня так посмотрят. Но только я вовсе не гомик, Джордах! Клянусь тебе!

– Тебя никто не заставляет ни в чем клясться, – сказал Томас. От этого разговора ему стало не по себе. Он не желал ничего знать о чужих секретах и неприятностях. Ему хотелось просто выполнять свою работу, заходить на судне в разные порты и плавать по морям, ни о чем не думая.

– Да у меня, черт побери, невеста есть! – крикнул Дуайер, вытащил из заднего кармана брюк бумажник и вынул из него фотографию. – На, посмотри.

– Он сунул фотографию Томасу под нос. – Это моя девушка и я прошлым летом.

– На снимке очень хорошенькая пухлая девушка со светлыми кудряшками стояла рядом с Дуайером, невысоким, но поджарым и мускулистым, как боксер в весе петуха.

Волна, ударившись о нос судна, обдала фотографию брызгами.

– Спрячь лучше, – сказал Томас. – А то от воды испортится.

Дуайер достал носовой платок, вытер карточку и убрал ее в бумажник.

– Я просто хотел, чтоб ты знал, – сказал он, – что, если я иногда подхожу к тебе поговорить, в этом ничего такого нет.

– Ладно, – сказал Томас. – Буду знать.

– Главное, чтоб была ясность, – почти враждебно сказал Дур. – Вот и все. – Он резко повернулся и зашагал прочь.

Томас тряхнул головой, почувствовав на лице холодные брызги. У всех свои заботы. Полный пароход забот. Но если каждый будет рассказывать тебе о том, что его гложет, в пору сигануть за борт.

Они были уже в Средиземном море и шли через Гибралтар, но погода стояла – хуже некуда. Капитан, без сомнения, возносил на мостике молитвы господу богу и Адольфу Гитлеру. Никто из офицеров не свалился по пьянке за борт, и Дуайер пока не получил повышения. Он и Томас сидели за металлическим столом, привинченным к палубе в кубрике на корме. Шторм был настолько сильным, что судно бросало с волны на волну и гребной винт то и дело выныривал из воды, а корма моталась из стороны в сторону и трещала – Дуайеру и Томасу приходилось хватать разложенные на столе бумаги, книги и карты, чтобы все это не свалилось на пол. Они занимались каждый день по меньшей мере часа по два, и Томас, никогда не утруждавший себя в школе,

удивлялся, как быстро он схватывает объяснения Дуайера о правилах навигации, о работе с секстантом, о звездных картах, о погрузке – все это Томас должен знать как свои пять пальцев, когда будет сдавать экзамен на третьего помощника. А еще его удивляло, какое удовольствие доставляют ему эти занятия. Размышляя об этом, лежа на своей узкой койке и прислушиваясь к храпу двух других матросов, спавших с ним в одной каюте, он чувствовал, что понимает, почему в нем произошла такая перемена. Дело не только в возрасте. Он по-прежнему ничего не читал, даже газеты, даже спортивные колонки. Но морские карты, технические проспекты, чертежи двигателей и формулы обещали ему помочь найти выход из этой гнусной жизни. Долгожданный выход.

Дуайер за свою жизнь успел поработать и палубным Матросом, и в машинном отделении, и у него было, может, не слишком глубокое, но достаточное представление о корабельной технике, а Томасу опыт работы в гараже помогал легче улавливать, о чем ведет речь Дур.

Он никогда не расспрашивал Томаса о его прошлом, а сам Томас предпочитал помалкивать. Благодарность за уроки Дуайера постепенно зарождала в Томасе симпатию к этому человеку.

Эта мысль пришла Томасу в Марселе. Было около полуночи. Они с Дуайером только что поужинали в рыбном ресторанчике в Старом порту. Томас вспомнил, что они не где-нибудь, а на южном Побережье Франции, и они вдвоем выдули три бутылки розового вина. А почему бы и нет – они все-таки на южном побережье Франции, хоть Марсель и не назовешь туристским курортом. «Эльга Андерсон» должна была сняться с якоря в пять утра, и, если они к тому времени успеют вернуться на борт, об остальном можно не беспокоиться.

После ужина они побродили по городу, ненадолго заходя то в один бар, то в другой, и сейчас напоследок заглянули в маленький темный бар неподалеку от набережной. Играл музыкальный автомат, несколько толстых проституток у стойки поджидали, когда им предложат выпить. Томас не отказался бы переспать с девчонкой, но у этих был слишком замызганный вид, к тому же не исключено, что они могут наградить триппером, да и вообще они не соответствовали его представлению о женщинах, с которыми приятно развлечься на южном побережье Франции.

Попивая вино за столиком у стены и поглядывая затуманенными глазами на толстые ноги одетых в яркие вискозные платья проституток, Томас вспомнил десять лучших дней в его жизни, те десять дней, что он провел в Канне с лихой англичанкой, любившей драгоценности.

– Слушай, – сказал он Дуайеру, который, сидел напротив него и пил пиво.

– У меня есть идея.

– Какая еще идея? – Дуайер настороженно косился на девиц у стойки, боясь, что какая-нибудь из них подсядет за их столик и положит руку ему на колено.

– Давай наплюем на эту проклятую посудину.

– Ты с ума сошел! Какого черта мы будем делать в Марселе? Нас тут же

упекут в тюрьму.

– Никто никуда нас не упечет. Я же не предлагаю удрать с парохода навсегда. У него следующий заход в какой порт? В Геную, если я не ошибаюсь. Так?

– Ну, так, – неохотно подтвердил Дур.

– В Генуе мы его и нагоним. Скажем, напились и проспали отплытие. Что они нам сделают? Ну, вычтут деньги за несколько дней. У них все равно не хватает рабочих рук.

– Хорошо, а что мы все это время будем делать? – с беспокойством спросил Дур.

– Путешествовать. Устроим себе грандиозное турне! Сядем на поезд и махнем в Канн. В этот приют миллионеров, как любят писать в газетах. Я однажды там был. Лучшее время в моей жизни. Будем валяться на пляже, найдем себе женщин. Деньги мы еще не истратили...

– Я коплю деньги, – сказал Дур.

– В кои-то веки можно позволить себе пожить по-человечески, – нетерпеливо перебил Томас. Сейчас, когда Канн был, так близок и доступен, он не представлял себе, как можно вернуться к тоскливой жизни на обшарпанном суденышке, стоять вахты и есть помои, которыми там кормили матросов.

– У меня с собой нет даже зубной щетки, – сказал Дур.

– Куплю я тебе зубную щетку! Разве ты сам не прожужжал мне все уши, какой ты замечательный моряк и как ты еще мальчишкой гонял плоскодонку по озеру Верхнему?..

– Какое отношение имеет Верхнее к Канну?

– Какое? – переспросил Томас. – Я тебе объясню какое. Значит, если тебе верить, ты отлично водил парусники по Верхнему...

– Бога ради, Томми, – взмолился Дур. – Я же никогда не говорил, что я Христофор Колумб или еще какой-нибудь великий мореплаватель. Просто в детстве я действительно плавал на плоскодонке и катерах и...

– Короче, ты умеешь с ними обращаться, так или нет? – настаивал Томас.

– Да, конечно, умею, – признал Дур. – Но я пока не понимаю...

– В порту в Канне можно взять напрокат яхту, – прервал его Том. – Мне хочется собственными глазами поглядеть, на что ты годишься. По части теории, карт и книг ты дока. А вот как у тебя дело обстоит на практике? Или я должен просто принять твои слова на веру? Ты мог бы поучить меня. Я хочу перенять опыт настоящего специалиста. А впрочем, черт с тобой. Если ты такой трус, я поеду один. Возвращайся, как паинька, на судно.

– Ладно, пусть будет по-твоему, – сказал Дур. – Я никогда в своей жизни ничего подобного не делал, но я согласен. Хрен с этим пароходом! – И он залпом осушил кружку пива.

Все было не так замечательно, как в запомнившуюся ему далекую пору, потому что на этот раз рядом с ним был Дуайер, а не та лихая англичанка. Но тем не менее это было хорошо. И уж куда лучше, чем стоять вахту на «Эльге Андерсон», жрать всякую дрянь и спать в вонючей каюте с двумя храпящими марокканцами.

Они сняли номер в маленькой дешевой, но не слишком плохой гостинице и пошли купаться, хотя еще стояла весна и вода была такой холодной, что долго в ней не просидишь. Но белые здания были такими же, как и тогда; такое же розовое вино; такое же голубое небо, а в порту, как и тогда, замерли на воде роскошные яхты.

Они взяли напрокат маленький парусник. Дуайер не врал – он действительно умел управлять мелкими суденышками. За два дня Томас многому у него научился и уже почти уверенно ставил парусник на якорь, спускал паруса, плавно подходил к причалу и швартовался.

Но большую часть времени они проводили в порту: медленно бродили по пирсам и молча восхищались застывшими у причалов и отдраенными к предстоящему летнему сезону парусниками, шхунами, большими яхтами и катерами.

– Подумать только, в мире такая уйма денег, а нам ничего не перепало, – качал головой Томас.

Они облюбовали бар на набережной Сен-Пьер, куда часто заходили матросы и капитаны прогулочных катеров. Среди них были англичане, а многие знали английский. Том и Дуайер при любой возможности вступали с моряками в разговоры.

Одним из постоянных посетителей бара был невысокий загорелый седой англичанин Дженнингс, во время войны служивший в британском флоте, а сейчас владевший – на самом деле владевший – яхтой с пятью каютами. Яхта старая и капризная, сказал им англичанин, но он знает ее как свои пять пальцев, ходит на ней по всему Средиземноморью: на Мальту, в Грецию, на Сицилию – куда угодно. Ему просто повезло, сказал он. Бывший владелец этой яхты, у которого когда-то работал Дженнингс, ненавидел свою жену и перед смертью, назло ей, завещал яхту Дженнингсу.

Дженнингс самодовольно потягивал пастис. Его яхта «Гертруда II», приземистая, но чистенькая и удобная, стояла на якоре, как раз напротив бара, и, попивая пастис, Дженнингс ласково глядел на нее – все, что доставляло ему удовольствие, было, можно сказать, под рукой.

– Когда у человека своя яхта – это совсем другая жизнь, – сказал Дженнингс. – Признаюсь вам, я здесь живу отлично. Мне не приходится за пару монет в день надрываться на погрузке в доках Ливерпуля или обливаться кровавым потом, смазывая двигатели на каком-нибудь корыте в Северном море в зимние штормы. Не говоря о том, что здесь и налоги ниже. А уж климат, – он махнул рукой, показывая на раскинувшийся за окном бара порт, где мягкое солнце ласково поглаживало мачты качавшихся на якоре судов, – погода для богатых. Да-а, погода для богатых.

– Скажи, Дженнингс, сколько может стоить приличная яхта, скажем, такая, как у тебя? – спросил Томас. Дженнингс пил за его счет, и он имел право задавать ему вопросы.

Дженнингс не торопясь раскурил трубку.

– На этот вопрос трудно ответить, янки, – после некоторого раздумья сказал он. – Яхты – они как женщины. Одни стоят дорого, другие – дешево, но

цена еще не гарантирует, что ты испытаешь настоящее наслаждение. – Дженнингс рассмеялся, довольный собственной мудростью.

– Назови минимум, – настаивал Томас. – Самый минимум.

Дженнингс почесал в затылке и допил свой пастис. Томас тут же заказал еще.

– Все дело случая. Как повезет, – сказал Дженнингс. – Допустим, человек купит хорошее небольшое судно за двадцать – тридцать тысяч фунтов. А потом оказывается, его жена страдает морской болезнью, или целый год плохо идут дела и кредиторы наступают на пятки, или им заинтересуются налоговые инспектора: может, он не сообщил, что купил яхту на деньги, тайно положенные в какой-нибудь швейцарский банк, – и тут он понимает, что дело плохо. В этих случаях ему надо срочно избавиться от судна, а на этой неделе как назло никто не собирается покупать яхты... Ты понимаешь, к чему я веду, янки?.. Итак, он в отчаянии. Может, ему нужно к понедельнику во что бы то ни стало добыть пять тысяч гиней, иначе пиши пропало. И если в это время ему подвернешься ты и у тебя есть пять тысяч гиней...

– Гиней – это сколько? – спросил Дур.

– Пять тысяч гиней – это пятнадцать тысяч долларов, – сказал Томас, – так?

– Приблизительно, – ответил Дженнингс и продолжал: – Или вы, например, услышали, что с аукциона продается какое-то военное судно или судно, конфискованное таможенниками за перевоз контрабанды. Конечно, потребуется его переоборудовать. Но если все делать своими руками, а не платить этим грабителям, которые сшиваются вокруг верфи, то за каких-нибудь восемь – десять тысяч фунтов ты покупаешь яхту, приводишь ее в порядок и можешь выходить в море.

– Восемь-десять тысяч фунтов, – повторил Дур. – Для нас это все равно что восемь-десять миллионов долларов...

– Замолчи, – оборвал его Томас. – Есть разные способы заработать деньги.

– Да? Интересно.

– Способы есть. Как-то раз я за один вечер зашиб три тысячи долларов.

– Как? – От удивления у Дуайера перехватило дыхание.

Томас впервые с тех пор, как покинул «Эгейского моряка», обмолвился о своем прошлом и теперь жалел, что сказал это.

– Неважно как, – резко ответил он и снова повернулся к Дженнингсу: – Послушай, ты можешь сделать мне одно одолжение?

– Все, что в моих силах. При условии, что мне это не будет стоить денег, – ухмыльнулся тот.

– Если услышишь что-нибудь... Только чтоб хорошая яхта и дешевая... Дай нам знать, ладно?

– Буду рад помочь, – сказал Дженнингс. – Оставь мне свой адрес.

Томас заколебался. У него был единственный адрес – гостиница «Эгейский моряк», и знала этот адрес только мать. До драки с Куэйлсом он довольно регулярно навещал старуху, когда был уверен, что не столкнется с Рудольфом. Потом он писал ей из портов, куда заходил их пароход, и посылал открытки,

притворяясь, будто дела у него идут хорошо.

– Оставь мне адрес, приятель, – повторил Дженнингс.

– Дай ему твой адрес, – сказал Томас Дуайеру.

– Ты когда-нибудь выкинешь из головы всякие пустые мечты? – сказал Дур.

– Делай, что я тебе говорю.

Дуайер пожал плечами и написал Дженнингсу свой адрес.

– Буду глядеть в оба и держать ухо востро, – пообещал Дженнингс, кладя клочок бумаги с адресом в старый потертый кожаный бумажник.

Томас расплатился, и они с Дуайером зашагали вдоль причала, внимательно разглядывая суда.

– Сколько у тебя денег? – неожиданно спросил Томас. – Я имею в виду в банке. Ты говорил, что копишь.

– Две тысячи двести долларов, – неохотно ответил Дур. – Послушай, Томми, перестань фантазировать. Все равно нам никогда...

– Главное, помалкивай, – сказал Томас. – В один прекрасный день у нас с тобой будет собственная яхта. И она будет швартоваться в этом порту. А здесь погода для богатых. Деньги мы как-нибудь раздобудем.

– Я не собираюсь шутить с законом, – в голосе Дуайера звучал испуг. – Я за всю жизнь не совершил ни одного преступления и не хочу становиться на такой путь.

– А кто говорит о преступлении? – сказал Томас, хотя у него и мелькнула такая мысль. За время своей боксерской карьеры он встречал немало людей, которых Дуайер назвал бы преступниками, – они ходили в дорогих костюмах, ездили в роскошных автомобилях, разгуливали под ручку с шикарными девками, и все вокруг обращались с этими людьми почтительно, их были рады видеть и полицейские, и политики, и бизнесмены, и кинозвезды. Они почти ничем не отличались от других людей. Ничего особенного в них не было. Преступление – лишь один из способов зарабатывать на жизнь. Может быть, более легкий, чем остальные. Но ему не хотелось отпугивать Дуайера. По крайней мере пока. Если когда-нибудь его мечта сбудется, Дуайер ему пригодится – он будет водить яхту. Одному не справиться. Так что пока он не будет его отпугивать. Он не такой идиот.

На следующий день они рано утром сели на поезд и поехали в направлении Генуи. Они оставили в запасе один день, потому что хотели по дороге остановиться в Монте-Карло. Может, им повезет в казино?

Если бы Томас прошел в другой конец платформы, то увидел бы, как из парижского экспресса вышли с многочисленными новенькими чемоданами его брат Рудольф и стройная хорошенькая девушка.

6

Носильщик погрузил вещи в машину, сказал «мерси», получив чаевые, и улыбнулся, хотя сразу было видно, что она американцы. Судя по американским газетам, в этом году французы не улыбались американцам.

Рудольф еще в Париже купил карту Приморских Альп, и, изучив ее, они проехали в открытом «пежо» под ласковыми лучами средиземноморского солнца через белый город, вдоль; кромки моря, через Гольф-де-Жуан, где некогда высадился Наполеон, через Жуан-де-Пэн с его еще погруженными в предсезонный сон большими отелями к роскошному кремовому отелю «Дю Кап», расположившемуся среди сосен на пологом холме.

Их женитьба чуть было вообще не расстроилась. Джин долго колебалась, не говоря ни да, ни нет, и он каждый раз, когда они виделись, был почти готов предъявить ей ультиматум – виделись же они безумно редко. Большую часть времени у него отнимала работа в Уитби и Порт-Филипе, а когда он наконец вырывался в Нью-Йорк, его нередко ожидала там записка от Джин, в которой сообщалось, что она уехала снимать очередной репортаж за город. Однажды вечером он видел ее в ресторане в компании худосочного молодого человека с маленькими, круглыми, как бусинки, глазами, длинными спутанными лохмами и недельной давности темной щетиной на подбородке. Пор следующей встрече он спросил ее, кто это такой, и она призналась, что он – тот самый парень, с которым у нее был роман. А когда Рудольф спросил, продолжает ли она с ним спать, она ответила, что это не его дело.

Рудольфу было унижительно сознавать, что его соперник так неказист собой, и, когда Джин сказала, что парень считается одним из лучших рекламных фотографов страны, это ничуть его не утешило. В тот вечер он хлопнул дверью и ушел, решив ждать, пока она сама ему позвонит, но она не звонила, и в конце концов, когда ему стало совсем невмоготу, он позвонил ей, мысленно клянясь, что будет с ней только спать, но ни за что на ней не женится.

Джин существенно поколебала его представление о себе, и лишь в постели, где им было так хорошо друг с другом, пропадало гложущее его смутное ощущение, что вся эта ситуация для него оскорбительна.

Все знакомые мужчины уверяли, что все знакомые им девушки только и думают, как бы окрутить парня и выйти замуж. Какой же изъян в его характере, какой недостаток в нем как любовнике, какая вообще неприятная черта в нем заставила обеих девушек, которым он рискнул сделать предложение, отвергнуть его?

История с Вирджинией Колдервуд ничуть не улучшила его настроения. Старый Колдервуд последовал его совету и отпустил дочь в Нью-Йорк, где она поступила на курсы секретарей. Но если Вирджиния теперь и занималась стенографией и машинописью, то у нее было по меньшей мере странное расписание, потому что каждый раз, как Рудольф приезжал в Нью-Йорк, он обязательно видел ее возле своего дома: она или пряталась в парадном напротив, или делала вид, что случайно проходит мимо. Она звонила ему среди ночи, иногда по три, а то и по четыре раза, чтобы сказать: «Руди, я люблю тебя. Я люблю тебя! Я хочу тебя!».

Все это отражалось на его работоспособности: с удивлением он обнаружил, что ему приходится по несколько раз перечитывать простые отчеты, прежде чем до него доходит смысл. Спал он беспокойно и просыпался

разбитым. Впервые в жизни у него появились прыщики на подбородке.

Он звонил ей целый день, десять раз, двадцать, но никто не снимал трубку. Ну еще, последний раз, решил он, уныло сидя в гостиной своей нью-йоркской квартиры. Еще последний, самый последний раз, и пойду напьюсь до чертиков, буду приставать к девкам и с кем-нибудь подерусь в баре, вернусь домой, если увижу в подъезде Вирджинию Колдервуд, приведу ее сюда, пересплю с ней, а потом позвоню в психиатричку, чтобы приехали со смирительными рубашками и забрали нас обоих.

Гудки, гудки – он уже собирался повесить трубку, как вдруг на другом конце провода раздался тихий, по-детски вкрадчивый голос Джин.

– Алло?

– У тебя был испорчен телефон? – спросил он.

– Не знаю. Меня весь день не было дома.

– Может, тебя не будет дома и всю ночь?

После паузы она ответила:

– Нет.

– Мы увидимся? – Он был готов бросить трубку, если она скажет «нет». Однажды он сказал ей, что она вызывает у него только два чувства; либо ярость, либо восторг.

– А ты хочешь?

– Значит, в восемь? Не пей ничего дома. Приедешь и выпьешь у меня. – Он выглянул в окно – Вирджинии Колдервуд нигде не было видно.

– Я должна принять ванну, и мне не хочется никуда лететь сломя голову. Может, ты приедешь ко мне?

– Звонят литавры, трубят фанфары! – сказал он.

– Пожалуйста, не пытайся блистать красноречием, – сказала она, но фыркнула.

– Какой этаж?

– Четвертый. Лифта нет. Побереги свое сердце. – Она повесила трубку.

Он принял душ и переоделся. Руки у него дрожали, и, бреясь, он здорово порезался. Кровь долго не останавливалась, и лишь в пять минут девятого он нажал кнопку ее звонка в доме на Восточной Сороковой улице.

Дверь открыла незнакомая ему девушка в джинсах и свитере.

– Привет. Меня зовут Флоренс, – сказала она и крикнула: – Джинни, кавалер прибыл.

– Спасибо, Флоренс, – поблагодарил Рудольф и прошел в комнату Джин. Она совершенно голая сидела за столом перед маленьким зеркалом и красила ресницы. Он никогда даже не догадывался, что она красит ресницы. Но ничего не сказал ей. Ни о ее ресницах, ни о том, что она сидит голая. Он в изумлении оглядывал комнату. Стены почти сплошь были оклеены его фотографиями: Рудольф улыбающийся, хмурящийся, щурящийся, что-то пишущий в блокноте. Некоторые снимки маленькие, другие увеличены до невероятных размеров. И на всех он был в самом выгодном ракурсе. «Все позади, – благодарно подумал он. – Все позади. Она решилась».

– Я откуда-то знаю этого человека, – сказал он.

– Я так и думала, что ты его узнаешь, – сказала Джин. Изысканная в своей упругой розовой наготе, она продолжала спокойно красить ресницы.

За ужином они говорили о свадьбе. К тому времени, когда принесли десерт, они чуть было не решили все отменить.

– Мне лично, – горько сказал Рудольф, – нравятся девушки, которые знают, чего они хотят.

– Что ж, я знаю, чего я хочу, – сказала Джин. Во время их спора она все больше мрачнела. – Мне кажется, я уже знаю, как проведу выходные, – продолжала она. – Я останусь дома, обдери эти фотографии все до одной и побелю стены.

Прежде всего она упорно настаивала на том, чтобы об их женитьбе никто не знал. Он хотел немедленно сообщить о свадьбе всем, но она покачала головой.

– Никакой огласки.

– Но у меня есть сестра и мать, – сказал Рудольф. – А кстати, еще и брат.

– В этом-то все и дело. У меня есть отец и брат. И я не позову обоих. Если они узнают, что своим ты сообщил, а им я ничего не сказала, они будут целых десять лет метать громы и молнии. А после того, как мы поженимся, я не хочу иметь никаких отношений с твоей родней и не хочу, чтобы ты общался с моими родственниками. Никакой родни. Семейные обеды в День благодарения у очага! Только этого не хватало!

Рудольф согласился, не особенно сопротивляясь. Его женитьба не будет таким уж счастливым событием для Гретхен, всего несколько месяцев назад потерявшей мужа. А мысль о присутствии на свадьбе всхлипывающей матери в каком-нибудь невообразимом платье из тех, в которых она ходила в церковь, тоже не наполняла его радостью. И конечно же, он вполне мог обойтись без сцены, которую закатит Вирджиния Колдервуд, едва до нее донесется эта новость. Но в то же время, если он утаит свое намерение от Джонни Хита и Брэда Найта, это может вызвать осложнения на работе, тем более что он собирается немедленно после женитьбы уехать в свадебное путешествие. Они с Джин пришли к соглашению о том, что не будет никакого званого вечера, что они тотчас уедут из Нью-Йорка, что обойдутся без венчания в церкви и что медовый месяц проведут в Европе.

Но им не удалось прийти к соглашению о том, как они будут жить после возвращения из Европы. Джин отказывалась бросить работу и отказывалась жить в Уитби.

– Я не домоседка и не люблю маленькие города, – упрямо заявила она. – Здесь у меня есть работа, есть перспективы. И я не собираюсь от всего этого отказываться только потому, что кто-то хочет на мне жениться.

– Джин, – предостерегающе сказал он.

– Хорошо, хорошо. Только потому, что я хочу выйти замуж.

– Это уже лучше, – сказал он.

– Я больше буду тебе нравиться, если мы не будем все время жить вместе.

– Нет, наоборот.

– Ну хорошо, ты мне тогда будешь больше нравиться.

Он согласился и на это. Но неохотно.

– Это моя последняя уступка, – сказал он.

День ото дня становилось все теплее. Они подолгу лениво лежали на солнце. Оба сильно загорели, и волосы Джин от солнца и соленой воды стали совсем светлыми. Она давала ему уроки тенниса на кортах отеля и говорила, что он способный. Она очень серьезно относилась к этим урокам и, когда он допускал ошибки, делала ему резкие замечания. Она научила его кататься на водных лыжах. Он не переставал удивляться, как много разных вещей она умела делать отлично.

Куда бы они ни шли. Джин брала с собой фотоаппараты и без конца снимала его на фоне мачт, крепостных валов, пальм, волн. «Я хочу сделать из твоих фотографий обои для нашей спальни в Нью-Йорке», – говорила она.

Они собирались посетить Италию, когда им надоест Антибский мыс. На карте они обвели кружками Ментону, Сан-Ремо, Милан (там надо будет посмотреть «Тайную вечерю»), Рапалло, Санта-Маргериту, Флоренцию (там Микеланджело и Боттичелли!), Болонью, Сиену, Ассизи, Рим. Эти названия звенели на солнце как колокольчики. Джин уже всюду там побывала. Раньше. Пройдет еще много времени, пока он узнает о ней все.

Им не надоедало на Антибском мысе.

Они послали телеграмму Колдервуду, что задержатся на неопределенное время.

В отеле они не заговаривали ни с кем, кроме одной итальянской киноактрисы, которая была так красива, что с ней нельзя было не заговорить. Джин потратила целое утро, фотографируя актрису, и отослала снимки в «Вог» в Нью-Йорк. Из «Вога» пришла телеграмма, что фотографии будут опубликованы в сентябрьском номере.

Этот месяц не могло омрачить ничто.

И хотя Антибский мыс им еще не надоел, они сели в машину и поехали на юг посмотреть те города, что обвели кружками на карте. И нигде не испытали разочарования.

Они сидели в кафе на вымощенной бульжником площади в Портофино и ели шоколадное мороженое, лучшее шоколадное мороженое в мире, и разглядывали женщин, продававших туристам открытки, кружева и вышитые скатерти, а еще она смотрела на яхты, стоявшие на якоре в порту.

Среди них выделялась одна – изящная, белая, футов шестьдесят в длину, с прекрасными, чистыми, типично итальянскими линиями.

– Тебе хотелось бы иметь такую? – спросила Джин, ковыряя ложечкой мороженое.

– А кому бы не хотелось?

– Я куплю ее тебе, – сказала она.

– Спасибо, – ответил он. – А может, в придачу и «феррари», и пальто на норковой подкладке, и дом из сорока комнат на Антибском мысе, если уж ты такая щедрая.

– Нет, я не шучу, – продолжая есть мороженое, сказала Джин. – Если ты действительно хочешь.

Он внимательно посмотрел на нее. Она была спокойна и серьезна.

– Что-то не понимаю, – сказал он. – «Вог» платит тебе не такие деньги.

– Я и не рассчитываю на «Вог». Я жутко богата. После смерти матери мне осталось совершенно неприличное количество ценных бумаг. Ее отец владел одной из крупнейших фармацевтических фирм в США.

– Как называется фирма? – с подозрением спросил Рудольф.

Она сказала, и он, присвистнув, отложил ложку.

– Пока мне не исполнится двадцать пять лет, отец и брат считаются моими опекунами и я не распоряжаюсь всем своим состоянием, но даже сейчас мой годовой доход по крайней мере в три раза больше твоего. Надеюсь, я не испортила тебе настроения на весь день?

Рудольф разразился хохотом.

– Черт побери! Вот это медовый месяц!

В тот день они пошли на компромисс: она купила ему не яхту, а рубашку пронзительно-розового цвета, которую выбрала в сомнительном магазинчике вблизи у порта.

Позднее, когда Рудольф поинтересовался, почему она раньше не сказала ему об этом, Джин не ответила на его вопрос прямо.

– Я ненавижу разговоры о деньгах, – сказала она. – В нашей семье только о них и говорили. Уже в пятнадцать лет я пришла к выводу, что деньги растлевают душу, если думать о них все время. Я ни разу не приезжала домой на летние каникулы с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать. После окончания колледжа я не потратила ни одного цента из оставленных матерью денег. Я разрешила отцу и брату пустить их в дело. Они хотят, чтобы я позволила им распоряжаться доходами с моего капитала, когда я выйду из-под их опеки, но их ожидает большой сюрприз. Они постараются надуть меня при первой возможности, а я не хочу, чтобы меня надували. И уж тем более они.

– Хорошо, ну а что ты собираешься делать с этими деньгами?

– Ты будешь распоряжаться ими в моих интересах, – сказала она, но тут же поправилась: – Извини, в наших. Делай с ними все, что сочтешь нужным. Но только не говори со мной об этом. И не трать их на то, чтобы превратить нашу жизнь в ленивое, роскошное бесполезное существование.

– Между прочим, последние несколько недель мы живем довольно роскошно, – заметил Рудольф.

– Мы тратим твои деньги, заработанные твоим собственным трудом. К тому же это медовый месяц, а не настоящая жизнь, – возразила Джин.

В отеле в Риме Рудольфа ожидала телеграмма от Брэдфорда Найта: *«Твоя мать в больнице тчк Доктор опасается ей осталось недолго тчк Полагаю тебе нужно срочно вернуться»* .

Рудольф протянул телеграмму Джин. Они только что сдали паспорта администратору и еще стояли в вестибюле. Джин молча прочла телеграмму и вернула ее Рудольфу.

– Надо выяснить, если ли вечером рейс в Нью-Йорк, – сказала она. В отель они прибыли, когда было уже почти пять часов.

– Нет, – сказал Рудольф. – Мы не будем выяснять, есть ли вечером рейс.

Старухе не удастся вытащить меня из Рима сегодня. Полетим завтра. Один день проживем для себя. Мать продержится до моего приезда. Она ни за что на свете не лишит себя удовольствия умереть на моих глазах.

7

Стоило ему в Генуе вновь подняться на борт «Эльги Андерсон», как он тотчас понял, что его ждет стычка с Фальконетти.

Фальконетти, здоровенный бугай, с красными, как ветчина, ручищами и маленькой, похожей на редьку головой, в свое время отсидел срок за вооруженное ограбление, а на судне держал в страхе всю команду. Он передергивал в карты, но, когда однажды смазчик из машинного отделения уличил его в этом, Фальконетти, пока остальные матросы, находившиеся в кубрике, оттаскивали его, чуть не задушил беднягу. Он взял за правило в начале каждого рейса, придравшись к какому-нибудь пустяку, жестоко избивать нескольких матросов, чтобы ни у кого не оставалось сомнения, кто хозяин в кубрике. Когда он сидел там, никто не осмеливался прикоснуться к радиоприемнику, и все, нравилось им это или нет, слушали те передачи, которые выбирал Фальконетти. В команде был один негр, по имени Ренвей, который, завидев входящего Фальконетти, тотчас выбирался из кубрика. «Я не намерен сидеть в одной комнате с черномазым, – объявил Фальконетти, впервые увидев Ренвея в кубрике. Ренвей промолчал, но не двинулся с места. – Эй, черномазый, ты что, оглох?» – сказал Фальконетти, подошел к нему, схватил под мышки и, донеся до двери, шваркнул о переборку. Никто ничего не сказал и не сделал. На «Эльге Андерсон» каждый заботился лишь о себе.

Фальконетти занимал деньги у половины команды. Теоретически он брал в долг, но никто не надеялся получить их обратно. Когда кто-нибудь отказывался дать ему пять – десять долларов, он вначале никак на это не реагировал, но дня через два-три обязательно затевал драку, и потом люди ходили с подбитым глазом, сломанным носом или с выбитыми зубами.

Фальконетти ни разу не затевал ссор с Томасом, хотя был намного крупнее его. А Томас не напрашивался на неприятности и сторонился Фальконетти, но, хотя он вел себя спокойно и держался особняком, в нем было нечто такое, что заставляло Фальконетти выбирать жертвы попроще.

Однако в первый же вечер после отплытия из Генуи, когда Томас с Дуайером вошли в кают-компанию, Фальконетти, сдававший в это время карты, сказал:

– А, вот и наши любовнички! – И чмокнул губами, изображая поцелуй.

За столом рассмеялись, так как было опасно не смеяться шуткам Фальконетти. Дуайер покраснел, а Томас спокойно налил себе кофе, взял лежавшую на столе газету и принялся читать.

– Вот что, Дуайер, – продолжал Фальконетти, – хочешь, я буду твоим импресарио? Домой мы вернемся еще не скоро, и многие из наших парней могли бы воспользоваться твоими услугами в часы одиночества. Так ведь,

ребята?

Томас как ни в чем не бывало читал и пил кофе. Он чувствовал на себе умоляющий взгляд Дуайера, но, пока дело не зашло слишком далеко, он не собирался лезть в Драку.

– Какой смысл ублажать кого-то задаром, когда на этом можно хорошо подзаработать и к тому же осчастливить многих, – не унимался Фальконетти.

– Я буду брать с тебя десять процентов, как обычный голливудский агент. Что ты на это скажешь, Дуайер?

Дуайер вскочил на ноги и выбежал из кают-компании. Матросы за столом снова рассмеялись. Томас продолжал читать, хотя у него дрожали руки. Он должен сдерживать себя. Если он избежит такого верзилу, как Фальконетти, который в течение нескольких лет терроризировал всю команду, матросы могут заинтересоваться им и тем, откуда он научился так драться, и наверняка кто-нибудь вспомнит, что когда-то видел его на ринге. А в портах полно всякого сброда и прихлебателей, готовых броситься к гангстеру поважнее с такой новостью.

– Эй, любовничек, – Фальконетти снова влажно чмокнул губами, – неужто ты допустишь, чтоб твой приятель одиноко уснул в слезах?

Томас аккуратно свернул газету и положил ее на место. Затем, держа в руке чашку с кофе, медленно двинулся через кубрик, Фальконетти следил за ним из-за стола улыбаясь. Томас выплеснул кофе ему в лицо. Фальконетти даже не пошевелился. В кубрике повисла мертвая тишина.

– Если ты еще так же чмокнешь губами, – сказал Томас, – каждый раз, как я буду проходить мимо тебя, ты будешь получать по зубам. И так до самого Хобокена.

Фальконетти встал.

– С тобой хоть на край света, любимый, – сказал он и снова чмокнул.

– Я жду тебя на палубе, – сказал Томас. – Одного.

– А мне помощь не нужна, – ответил Фальконетти.

Томас повернулся и пошел на корму. Там хватит места для драки. Не стоит схватываться с таким здоровяком, как Фальконетти, в тесном кубрике.

Море было спокойное, воздух чистый, в небе ярко светили звезды. Мои чертовы кулаки, простонал про себя Томас, вечно все решают мои кулаки.

Фальконетти вышел на палубу. Он был один.

Может, обойдется, подумал Томас. Никто не увидит, как я с ним справлюсь.

– Шевелись, жирная скотина, – крикнул он. – Я не собираюсь ждать всю ночь.

– Ладно, сам напросился, Джордах, – сказал Фальконетти и тут же бросился на него с кулаками, замахиваясь, как в уличной драке. Томас отступил в сторону и, вложив в кулак всю силу, нанес ему удар правой под ложечку. Фальконетти, судорожно охнув, точно его душили, отпрянул назад. Томас шагнул вперед и снова ударил его в живот. Фальконетти упал и забился в судорогах на палубе. В горле у него что-то клокотало. Он не потерял сознания, и его глаза с ненавистью смотрели на стоящего над ним Томаса, но он был не в

силах произнести ни слова.

Сработано чисто и быстро, с удовлетворением подумал Томас. На верзиле не останется никаких следов, и, если он не проболтается, никто из команды никогда не узнает, что произошло на палубе. Сам Томас, естественно, будет молчать, а Фальконетти получил хороший урок, и не в его интересах трепать языком.

– Ладно, скотина, – сказал Томас. – Теперь ты знаешь, что к чему, и впредь держи свою помойку закрытой.

Фальконетти неожиданно рванулся вперед, и Томас почувствовал, как огромная ручища схватила его за щиколотку и потянула вниз. В другой руке Фальконетти что-то блеснуло. Томас увидел нож. Томас резко упал на колени, придавил лицо Фальконетти и начал выкручивать руку, державшую нож. Фальконетти все еще задыхался, и пальцы, сжимавшие рукоятку ножа, быстро ослабели. Томас, прижав коленями обе руки Фальконетти, выхватил у него нож и отбросил в сторону. Потом минуты две методично месил кулаками физиономию распластанного на палубе противника.

Наконец он выпрямился, Фальконетти лежал неподвижно. Вокруг его головы по залитой звездным светом палубе темным пятном растекалась кровь. Томас подобрал нож и выбросил за борт.

Он тяжело дышал, но не от усталости, а от возбуждения. Черт побери, подумал он, а я ведь получил истинное удовольствие.

Он вошел в кубрик. Игра в покер тут же прекратилась.

Томас взял кофейник и налил себе кофе.

– У меня полчашки пропало, – сказал он, сел и снова развернул газету.

С заработанными деньгами в кармане и с болтающейся через плечо сумкой покойного норвежца он спустился по трапу. Дуайер шел следом. Никто не попрощался с Томасом. С той ночи, когда во время шторма Фальконетти выбросился за борт, матросы перестали разговаривать с Томасом. Ну и черт с ними! Фальконетти сам виноват. Он обходил Томаса стороной, но, когда раны на лице зажили, начал срывать злость на Дуайере, если Томаса не было поблизости. Дуайер говорил, что Фальконетти при каждой встрече с ним непременно чмокает губами, а однажды, возвращаясь с вахты, Том услышал из каюты Дуайера крик. Дверь была не заперта, и, войдя, Томас увидел, что Дуайер лежит на полу, а Фальконетти стаскивает с него брюки. Томас двинул Фальконетти кулаком в нос, а затем пинком в зад вышвырнул из каюты.

– Я предупреждал тебя, – сказал он. – Теперь лучше не попадайся мне на глаза. Потому что всякий раз, как я увижу тебя, будешь получать еще порцию.

– Господи, Томми, – со слезами на глазах сказал Дур. – Я никогда не забуду, что ты для меня сделал! Тысячу лет буду помнить!

– Не распускай нюни! Больше он тебя не тронет, – ответил Томас.

Фальконетти больше не задевал никого. Он всячески старался избегать Томаса, но хотя бы раз в день им все равно приходилось где-нибудь сталкиваться. И каждый раз Томас говорил: «Подойди-ка сюда, скотина»; лицо у Фальконетти нервно дергалось, волоча ноги, он послушно подходил к Томасу, и тот с силой бил его под дых. Делал он это нарочито демонстративно

на виду у матросов, но ни в коем случае не в присутствии офицеров. Скрывать что-то от команды не имело смысла: увидев, во что в тот вечер он превратил физиономию Фальконетти, матросы обо всем догадались. Более того, Спинелли, палубный матрос, как-то сказал Томасу: «А я все думал, где я тебя раньше видел?» – «А ты меня раньше и не видел», – возразил Томас, хотя знал, что отрицать уже бесполезно. «Говори, говори, – сказал Спинелли. – Лет пять-шесть назад я видел, как ты нокаутировал одного негрита на ринге в Куинсе». – «Я ни разу в жизни не был в Куинсе». – «Это твое дело, – примирительно замахал руками Спинелли, – меня это не касается».

Томас не сомневался, что Спинелли расскажет команде о своем открытии, а в профессиональном боксерском журнале «Ринг мэгэзин» любой без труда отыщет сведения о его карьере, но в открытом море ему беспокоиться не о чем. А вот на берегу надо держать ухо востро. Пока же он с удовольствием продолжал морально уничтожать Фальконетти. Как ни парадоксально, матросы, которых еще недавно Фальконетти терроризировал и которые теперь презирали его, возненавидели Томаса за его обращение с итальянцем. Им было унижительно сознавать, что они долгое время терпеливо сносили выходки ничтожества, с которого за десять минут сумел сбить всю спесь человек, достававший многим из них лишь до плеча и за два рейса ни разу не повысивший голоса.

Фальконетти старался не заходить в кубрик, если знал, что Томас там. Однажды, когда он не сумел вовремя улизнуть, Томас не ударил его, но сказал:

– Сиди здесь, скотина. Я приведу тебе компанию.

Он спустился в каюту Ренвея. Негр был один.

– Идем со мной, – сказал Томас.

Напуганный Ренвей последовал за ним. Увидев Фальконетти, он попятился назад, но Томас втолкнул его в кубрик.

– Мы просто посидим как воспитанные джентльмены рядом с этим джентльменом и послушаем музыку, – сказал Томас. В кубрике играло радио.

Томас сел справа от Фальконетти, а Ренвей – слева. Фальконетти не шелохнулся. Тупо сидел, опустив глаза на неподвижно лежащие на столе здоровенные ручки.

– Ну ладно, на сегодня хватит. Теперь можешь идти, скотина, – наконец сказал Томас.

Фальконетти встал, не глядя на наблюдавших за ним матросов, вышел на палубу и прыгнул за борт. Второй помощник капитана, который находился в ту минуту на палубе, видел это, но был слишком далеко и не мог помешать ему. Судно развернулось, и с полчаса они без особого усердия кружили на месте в поисках, но море было слишком бурным, а ночь слишком темной, и найти Фальконетти не удалось.

У пирса Томас и Дуайер взяли такси. «Угол Бродвея и Девяносто шестой», – сказал Томас шоферу. Он сказал первое, что ему пришло в голову, но, когда они уже подъезжали к тоннелю, он сообразил, что угол Бродвея и Девяносто шестой совсем рядом с домом, где он когда-то жил с Терезой и сыном. Его совершенно не волновало, что он, быть может, больше никогда в

жизни не встретится с Терезой, но тоска по сыну подсознательно заставила его дать шоферу этот адрес – а вдруг он случайно увидит мальчика!

Пока они ехали по Бродвею, Томас вспомнил, что Дуайер собирается остановиться в общежитии Христианской ассоциации молодых людей на Шестьдесят шестой улице и будет там ждать от него вестей. Томас ничего не говорил Дуайеру про гостиницу «Эгейский моряк».

– Ты ведь скоро сообщишь о себе, Томми, да? – беспокойно спросил Дуайер, вылезая из такси.

– Не знаю, это не от меня зависит. – И Томас захлопнул дверцу машины. Ему сейчас было не до Дуайера с его слюнявыми благодарностями.

Выйдя на углу Парк-авеню и Девяносто шестой улицы, Томас подождал, пока машина скроется из виду, поймал другое такси и велел шоферу остановиться на перекрестке Восемнадцатой улицы и Четвертой авеню. Когда они туда прибыли, он прошел один квартал, повернул за угол, затем возвратился назад и только после этого зашагал к гостинице.

Пэппи стоял за конторкой. Увидев Томаса, он ничего не сказал, а просто дал ему ключ. Томас быстро поднялся на третий этаж в номер, указанный на ключе, бросил на пол сумку, лег на продавленную кровать, застланную горчичного цвета покрывалом, и уставился на трещины в потолке.

Через десять минут раздался стук в дверь. Так стучал только Пэппи. Томас встал и открыл ему.

– Есть какие новости? – спросил он.

Пэппи пожал плечами. За темными очками, которых он не снимал ни днем, ни вечером, трудно было определить выражение его глаз.

– Кому-то известно, что ты здесь, – сказал Пэппи. – Вернее, кто-то пронюхал, что ты останавливаешься здесь, когда бываешь в Нью-Йорке.

Кольцо замыкалось. У Томаса пересохло в горле.

– Ты это о чем, Пэппи? – хрипло спросил он.

– Дней семь-восемь назад сюда приходил какой-то тип. Спрашивал, не здесь ли ты.

– Что ты ему сказал.

– Сказал, что в первый раз о тебе слышу.

– А он?

– А он сказал, что знает, что ты останавливаешься здесь. И еще сказал, что он твой брат.

– Как он выглядит?

– Выше тебя, стройный, брюнет, коротко пострижен, глаза зеленоватые, кожа смуглая, загорелый, отличный костюм, разговаривает как образованный, маникюр...

– Точно, это мой чертов братец, – сказал Томас. – Наверняка адрес ему дала мать. Она поклялась никому не говорить. Ни единой душе. Хорошо еще, что-пока не весь город знает. Чего моему брату было надо?

– Хотел поговорить с тобой. Я сказал: что передать, если-сюда заглянет кто-нибудь с такой фамилией? Он оставил свой телефон. Живет в каком-то Уитби.

– Да, это он, – повторил Томас. – Ладно, позвоню, когда сочту нужным. У меня пока есть другие дела. А от него я еще ни разу не слышал хороших новостей. Я хочу тебя кое о чем попросить, Пэппи.

Пэппи молча кивнул. За те деньги, которые ему платили в таких случаях, он готов был всегда услужить.

– Первое – принеси мне бутылку виски, – сказал Томас. – Второе – раздобудь пистолет. Третье – свяжись с Шульцем и спроси от моего имени, держится ли накал. Заодно узнай, могу ли я, по его мнению, рискнуть повидаться с сыном. Четвертое – устрой мне девчонку. Сделай все именно в этой последовательности.

– Сто долларов, – лаконично сказал Пэппи.

Томас достал бумажник и дал Пэппи две ассигнации по пятьдесят долларов. Потом протянул ему бумажник.

– Положи в сейф. – Когда он напьется и незнакомая девка будет шарить по карманам, не надо, чтобы там лежали все деньги, заработанные им в море.

Пэппи взял бумажник и вышел. Он открывал рот только тогда, когда это действительно требовалось, и его молчаливость вполне себя окупала. На пальцах у него блестели два бриллиантовых кольца, а на ногах были туфли из крокодиловой кожи. Томас закрыл за ним дверь, снова лег и не вставал до тех пор, пока Пэппи не вернулся с бутылкой виски, тремя банками пива, тарелкой с бутербродами и английским армейским пистолетом «смит-вессон» со спиленным серийным номером.

– Случайно оказался у меня под рукой, – сказал он, передавая пистолет Томасу. У Пэппи немало чего «случайно» оказывалось под рукой. – Только не пускай его в ход в гостинице.

Виски не помогало, хотя он прикладывался к бутылке поминутно. Перед глазами неотступно стояли лица матросов, молча застывших у поручней палубы, наблюдая, как они с Дуайером спускались по трапу. Глаза их горели ненавистью. Может, они и правы? Поставить на место распущенного крикуна и бывшего уголовника – это одно, а довести его до самоубийства – совсем другое. В глубине души Томас понимал, что человек, если он считает себя человеком, обязан знать, когда надо остановиться и оставить другому место под солнцем. Конечно, Фальконетти был настоящей свиньей и заслуживал, чтобы его проучили, но этот урок должен был кончиться где угодно, только не на дне Атлантического океана.

Он снова глотнул виски, чтобы забыть, какое было лицо у Фальконетти, когда Томас сказал ему: «Теперь можешь идти, скотина», забыть, как Фальконетти, поднявшись из-за стола, вышел из кубрика, провожаемый взглядами матросов.

Виски не помогало.

В детстве ему было горько и обидно, когда брат называл его зверюгой, а сейчас, назови его кто-нибудь так, имеет ли он право обидеться? Он действительно верил, что, если бы люди оставили его в покое, он бы тоже их не трогал. Его душа жаждала покоя. Ему казалось, что море освободило его от бремени жестокости; будущее, о котором мечтали они с Дуайером, должно

было быть спокойным и безупречным: мягкое море, мягкие люди... А вместо этого у него на совести смерть человека и он прячется с пистолетом в убогом гостиничном номере – изгнанник в собственной стране. Господи, почему он не умеет плакать?

Когда Пэппи снова постучал в дверь, бутылка была пуста уже наполовину.

– Я говорил с Шульцем, – сказал Пэппи. – Накал еще держится, и тебе лучше поскорее убраться отсюда.

– А он не сказал, могу я хоть издали взглянуть на своего сына?

– Он не советует, – ответил Пэппи. – В этот раз не стоит.

– Он не советует, – повторил Томас. – Эх, старина Шульц. Конечно, это ведь не его ребенок. Обо мне ходят какие-нибудь разговоры?

– В гостиницу только что въехал один грек с «Эльги Андерсон». Много болтает. Рассказывает, как ты убил какого-то Фальконетти. Ему известно, что ты бывший бор. Пока я не устрою-тебя на какой-нибудь пароход, лучше не высовывай носа из комнаты.

– А я никуда и не собираюсь. Где девчонка, о которой я просил?

– Будет через час.

Томас никуда не выходил из номера всю неделю. За это время Пэппи принес ему шесть бутылок виски. Девочек Томас больше ему не заказывал. Он потерял вкус к шлюхам. Для тренировки заряжал и разряжал пистолет. Старался не вспоминать лицо Фальконетти. Целыми днями ходил из угла в угол, как заключенный по камере. У него был с собой учебник по навигации, который ему одолжил Дуайер, и он заставлял себя часа по два в день читать. Сам стелил кровать и сам прибирал в комнате, чтобы его не видела горничная. Он платил Пэппи десять долларов в день – в эту сумму входило все, кроме, конечно, спиртного, – и его ресурсы приближались к концу. Орал на Пэппи, ругал его за то, что тот до сих пор не устроил его ни на какое судно, но Пэппи лишь пожимал плечами и говорил, что сейчас не сезон и надо набраться терпения. Пэппи хорошо говорить про терпение – сам-то свободный человек, ходит куда хочет.

Пэппи постучал к нему в три часа. Это было неурочное время для его визитов. Обычно он заходил всего три раза в день: приносил завтрак, обед и ужин.

– Сейчас здесь был твой брат, – сообщил Пэппи.

– Что ты ему сказал?

– Сказал, что, кажется, знаю, где тебя найти. Он вернется через полчаса. Ты хочешь его видеть?

Томас немного подумал, потом сказал:

– А почему бы и нет? Если это доставит сукину сыну удовольствие, то пожалуйста.

Пэппи кивнул:

– Я приведу его к тебе, когда он придет.

Полчаса тянулись долго.

В дверь постучали, но стучал явно не Пэппи.

– Кто там? – прошептал Томас.

– Это я, Руди.

Томас отпер дверь. В комнату вошел Рудольф, и Томас, прежде чем пожать брату руку, снова закрыл дверь на ключ. Он не предложил брату сесть. На Рудольфе был хорошо отутюженный костюм из легкой полосатой ткани – в эти дни потеплело. Наверное, ему из прачечной каждый раз присылают счет длиной в целый ярд, подумал Томас.

Рудольф натянуто улыбнулся.

– Этот человек внизу, когда я спрашивал о тебе, вел себя весьма загадочно.

– Он знает свое дело, – сухо ответил Томас.

– Я Уже заходил сюда недели две назад.

– Я знаю.

– Ты мне не звонил?

– Нет.

Рудольф с любопытством оглядел комнату. У него было странное выражение лица: точно он не вполне верил собственным глазам.

– Насколько я понимаю, ты от кого-то скрываешься?

– Я отказываюсь комментировать этот вопрос, как пишут в газетах.

– Могу я чем-нибудь тебе помочь?

– Нет. – Что он мог сказать своему брату? Иди поищи человека по имени Фальконетти, долгота двадцать шесть градусов двадцать четыре минуты, Широта тридцать восемь градусов тридцать одна минута, глубина десять тысяч футов? Поди скажи гангстеру из Лас-Вегаса, у которого в багажнике машины спрятан обрез, что, дескать, Томас жалеет, что избил Генри Куэйлса, и больше не будет так делать?

– Я рад видеть тебя, Том, хотя в общем-то пришел не просто с визитом, – сказал Рудольф.

– Это я уже понял.

– Мама умирает. Она хочет увидеть тебя.

– Что значит умирает? Умрет сегодня? Через неделю? Через пару лет?

– Это может случиться в любую минуту. У нее было уже два инфаркта.

– Господи! – Томасу никогда не приходило в голову, что мать может умереть. У него в сумке даже лежал для нее подарок – шарф, который он купил в Канне. На шарфе была изображена древняя карта Средиземного моря. Трехцветная. Люди, которым везешь подарки, не умирают.

– Я знаю, что ты иногда виделся с ней, – продолжал Рудольф, – и написал ей несколько писем. Понимаешь, она стала очень набожной и хочет перед смертью со всеми помириться. Она просила, чтобы Гретхен тоже приехала.

– Ей нечего со мной мириться, – сказал Томас. – Я ничего против нее не имею. Она была ни при чем. Я сам доставил ей немало горя. А уж от нашего милого папочки...

– Короче, ты хочешь поехать со мной? Моя машина стоит у гостиницы.

Томас утвердительно кивнул.

– Прихвати с собой сумку с самым необходимым, – сказал Рудольф. – Никто не знает, сколько дней это может продлиться, и...

– Дай мне десять минут, – перебил Томас, – и не жди меня у входа. Поезди

пока где-нибудь вокруг. А через десять минут выезжай на Четвертую авеню и двигайся на ср. Я буду идти в этом же направлении по краю тротуара. Если меня не увидишь, вернись на два квартала назад, потом снова поезжай по Четвертой авеню. Проверь, чтобы дверь с правой стороны была открытой. Старайся ехать медленно. Какая у тебя машина?

– Зеленый «шевроле» шестидесятого года.

Томас открыл дверь.

– В гостинице ни с кем не разговаривай.

Заперев за братом дверь, Томас положил в несессер бритву и зубную щетку. У него не было чемодана, поэтому он взял пакет, в котором Пэппи принес ему последнюю бутылку виски, и запихнул туда две рубашки, кое-какое нижнее белье, носки и шарф, завернутый в тонкую папиросную бумагу. Чтобы успокоить нервы, сделал еще глоток. Подумав, оставшиеся полбутылки положил в другой пакет: в дороге может понадобится. Затем повязал галстук и надел синий костюм, купленный в Марселе. Когда умирает твоя мать, надо быть одетым должным образом. Он вынул из тумбочки «смит-вессон», проверил предохранитель, засунул пистолет за ремень под пиджак и отпер дверь. Выглянул в коридор, там никого не было. Вышел из комнаты, запер ее и опустил ключ в карман.

На улице солнце ослепило его, и он заморгал. Шел он быстро, но так, чтобы не создалось впечатления, будто он пытается от кого-то скрыться.

Он прошел по Четвертой авеню всего полтора квартала, когда сзади подъехал «шевроле». Быстро оглядевшись по сторонам, он впрыгнул в машину.

Как только они выехали за город, у него поднялось настроение и он уже испытывал удовольствие от поездки. Дул свежий ветерок, за окнами мелькала молодая зелень полей. Он достал из пакета бутылку и предложил Рудольфу, но тот отрицательно покачал головой. Говорили они мало. Рудольф рассказал, что Гретхен вторично вышла замуж и что ее второй муж недавно погиб в автомобильной катастрофе. Еще он сказал Томасу, что сам тоже женился. Джордахов могила исправит, – подумал Томас.

Они шли со скоростью семьдесят миль в час, когда вдруг сзади завывла сирена.

– Черт возьми, – ругнулся Рудольф, останавливая машину на обочине.

К ним подошел полицейский.

– Добрый день, сэр, – сказал он. Рудольф относился к разряду людей, которым полицейские обязательно говорили: «Добрый день, сэр». – Ваши права, пожалуйста, – попросил полицейский, но прежде, чем проверить права, пристально взглянул на бутылку, лежавшую на переднем сиденье между Рудольфом и Томасом. – Вы ехали со скоростью семьдесят миль в зоне, где запрещено превышать пятьдесят, – сказал он, холодно глядя на красное, обветренное лицо Томаса, на его перебитый нос и на синий марсельский костюм.

– Боюсь, вы правы, – сказал Рудольф.

– Вы, молодые люди, пили. – Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

– Я не пил ни капли, – сказал Рудольф. – А машину веду я.

– Кто он? – полицейский махнул зажатými в руке правами на Томаса.

– Мой брат, – ответил Рудольф.

– У вас есть какие-нибудь документы? – резко и подозрительно спросил полицейский Томаса. Томас вытащил из кармана паспорт. Полицейский раскрыл его с такой осторожностью, словно паспорт мог взорваться.

– Почему вы носите с собой паспорт?

– Я моряк.

Полицейский вернул Рудольфу права, а паспорт Томаса сунул в карман.

– Это я пока оставлю у себя. И это я тоже возьму, – он показал на бутылку, и Рудольф отдал ее ему. – А теперь разворачивайтесь и поезжайте за мной.

– Послушайте, – сказал Рудольф, – может, вы просто оштрафуете меня за превышение скорости и отпустите нас. Нам совершенно необходимо...

– Я сказал: разворачивайтесь и поезжайте за мной, – оборвал его офицер и зашагал к своей машине, где за рулем сидел второй полицейский.

Им пришлось повернуть обратно. До полицейского участка было больше десяти миль. Томасу удалось незаметно от Рудольфа вытащить пистолет из-под пиджака и сунуть его под сиденье. Если полицейские обыщут машину, можно загреметь на срок от шести месяцев до года. Соккрытие незаконно приобретенного оружия.

Задержавший их полицейский объяснил в участке сержанту, что они превысили скорость, а кроме того, повинны и в другом нарушении – в машине обнаружена начатая бутылка спиртного, и поэтому необходимо сделать экспертизу на степень опьянения. Рудольф явно произвел впечатление на сержанта, с ним он говорил почти заискивающе, но тем не менее попросил обоих подышать в пробирку, а Томаса заставил сдать мочу на анализ.

Уже стемнело, когда они наконец вышли из полицейского участка, оставив там виски, получив квитанцию на уплату штрафа за превышение скорости. Сержант пришел к выводу, что ни один из них не был пьян, однако задержавший их полицейский, прежде чем вернуть паспорт, долго и внимательно изучал его. Томаса это насторожило – немало полицейских связано с мафией. Но тут уж ничего не поделаешь.

– Ты должен был сообразить, что не стоит брать меня с собой, – сказал Томас, когда они отъехали от участка. – Меня арестовывают уже за одно то, что я дышу.

– Ерунда, – коротко сказал Рудольф и нажал на газ.

В больницу они пришли в начале десятого.

У входа Рудольфа остановила медсестра и что-то ему зашептала.

– Спасибо, – сказал ей Рудольф каким-то, странным, чужим голосом, потом подошел к Томасу; – Мама умерла час назад.

– Последние ее слова, – рассказывала Гретхен, – были: «Передай отцу, где бы он ни был, что я его простила». Потом она впала в состояние комы и больше уже не приходила в себя.

– У нее был сдвиг на эту тему, – сказал Томас. – Она просила меня поискать отца в Европе.

Был уже поздний вечер, они втроем сидели в гостиной дома, в котором Рудольф жил с матерью последние несколько лет. Билли спал в комнате наверху, а Марта сидела на кухне и плакала, скорбя о смерти женщины, которая тиранила и мучила ее изо дня в день. Билли упросил мать разрешить ему тоже поехать в Уитби, чтобы в последний раз взглянуть на бабушку, и Гретхен, решив, что знакомство со смертью поучительно, взяла его с собой. Незадолго перед тем, как Мэри положили в последний раз в кислородную палатку, она простила дочь.

Рудольф уже отдал все необходимые распоряжения насчет похорон. Он поговорил с отцом Макдоннеллом и согласился устроить «весь этот дурацкий фарс», как он потом сказал Джин, позвонив ей в Нью-Йорк. Надгробное слово, заупокойная месса – в общем, все как полагается. Но закрывать в доме все окна и опускать занавески – увольте. Он не собирался баловать мать чрезмерно. Джин мрачно сказала, что, если он хочет, она приедет, но он сказал, что это ни к чему.

Телеграмма, заставшая их в Риме, вывела ее из равновесия. «Родня! – повторяла она. – Всегда эта чертова родня!» В тот вечер и потом, в самолете, она много пила. Если бы он не поддержал ее, она наверняка свалилась бы с трапа. Когда он уезжал из Нью-Йорка, она лежала в постели – хрупкая и обессиленная. Сейчас, сидя с братом и сестрой в замершем доме, где он столько лет жил с покойной, Рудольф был рад, что его жена не с ним.

– После всего, что было, – горько сказал Томас, – у тебя умирает мать, а ты в это время сдаешь мочу на анализ полицейскому! – Томас один из всех пил, но не пьянел.

В больнице Гретхен поцеловала его и обняла; в своем горе она была сердечной, любящей, близкой и уже не казалась той важной и высокомерной дамой, какой он ее помнил. Томас чувствовал: наступит время, когда они забудут прошлое и наконец помирятся. У него и без родственников хватало в этом мире врагов.

– Извините, я сейчас. – Он вышел из гостиной и поднялся в комнату, отведенную ему и Билли.

– Он, пожалуй, изменился, да? – сказала Гретхен, когда они с Рудольфом остались наедине.

– Да.

– Как-то присмирел. Словно его побили.

– Во всяком случае, это только к лучшему, – заметил Рудольф.

Услышав на лестнице шаги брата, они замолчали. Томас вошел в гостиную, держа в руке что-то мягкое, завернутое в папиросную бумагу.

– Это тебе, – сказал он, протягивая сверток Гретхен.

Она развернула подарок – шарф со старинной картой Средиземного моря. В три цвета.

– Спасибо, – сказала она. – Какая прелесть! – Встала и поцеловала его. Этот поцелуй почему-то странно на него подействовал. Он почувствовал, что может сейчас выкинуть какую-нибудь глупость: разреветься, что-нибудь сломать или пойти наверх, схватить пистолет и начать палить из окна в луну.

– Я купил его в Канне, для мамы.

– В Канне? – переспросил Рудольф – Когда ты был в Канне?

Томас сказал, и они, прикинув, выяснили, что были там примерно в одно время.

– До чего все это нелепо, – заметил Рудольф. – Родные братья проходят мимо друг друга как чужие. Впредь мы не должны терять друг друга из виду, Том.

– Ага, – ответил Томас. Ему действительно хотелось видеться с Гретхен, но Рудольф... это совсем другое дело. Из-за Рудольфа ему пришлось слишком много страдать.

– Конечно, – сказал он. – Я велю своей секретарше посылать тебе перечень моих планов и маршрутов. – Он встал. – Ну ладно, я пошел спать. Сегодня я с раннего утра на ногах.

Он поднялся на второй этаж. Нет, он вовсе не так уж и устал. Просто ему не хотелось быть в одной комнате с Рудольфом. Если б он знал, где установлен гроб с телом матери, то сбежал бы сейчас отсюда и всю ночь просидел бы возле покойницы. Он не помнил, чтобы хоть раз в жизни обнял мать.

На похороны пришел Тедди Бойлан. Вообще пришло много народу. Газеты Уитби и Порт-Филипа сочли смерть матери такого выдающегося человека, как Рудольф Джордах, важным событием и поместили некролог на видном месте. О Мэри Джордах писать было почти нечего, но газеты компенсировали это перечислением достижений и титулов ее сына. Председатель правления корпорации «Д.К. Энтерпрайсиз», сопредседатель торговой палаты Уитби, выпускник «cum laude»⁷ университета Уитби, член совета попечителей университета, член комиссии по благоустройству Уитби и Порт-Филипа, энергичный и многообещающий коммерсант и бизнесмен.

Бедная мама, подумал Рудольф, оглядывая переполненную церковь, она была бы на вершине блаженства, если бы видела, сколько людей пришло почтить ее память.

На кладбище в ветвях деревьев щебетали птицы, радуясь натиску лета. Когда гроб под всхлипывания партнерш Мэри по бриджу опускали в могилу, Рудольф, Томас и Гретхен стояли рядом. Гретхен держала за руку Билли.

Бойлан нагнал их, когда они уже подходили к выстроившимся в ряд черным лимузинам.

– Извините за назойливость, – сказал он, – но мне просто хочется выразить вам свое сочувствие. Совсем еще молодая женщина...

Рудольф на минуту растерялся. Ему мать казалась древней старухой, да она и была древней. Она была старухой уже в тридцать, а умирать начала и того раньше. Сейчас впервые до него дошло, что ей было всего пятьдесят шесть лет, почти столько же, сколько Бойлану. Неудивительно, что он сказал «совсем еще молодая».

– Спасибо, Тедди, – поблагодарил он и пожал Бойлану руку. Судя по виду,

---

⁷ С отличием (лат.)

Бойлан пока не собирался умирать. Волосы его были того же цвета, что и всегда, лицо загорелое, без морщин, держался он все так же прямо, туфли по обыкновению начищены до блеска.

– Как дела, Гретхен? – спросил он.

– Очень хорошо, Тедди, спасибо, – ответила она.

– Насколько я понимаю, это твой сын. – Бойлан улыбнулся насупившемуся Билли.

– Билли, это мистер Бойлан, – сказала Гретхен, – наш старый приятель.

– Рад с тобой познакомиться, Билли. – Бойлан пожал мальчику руку. – Надеюсь, в следующий раз мы с тобой встретимся при более радостных обстоятельствах.

Билли ничего не ответил. Томас, прищурившись, рассматривал Бойлана. Как показалось Рудольфу, он прятал под полуопущенными веками желание расхохотаться. Может, он вспомнил тот вечер, когда видел, как Бойлан расхаживал голым по дому на холме и наливал в стакан виски, чтобы отнести его Гретхен, лежавшей в постели наверху. О чем только не думают люди на кладбище.

– Мой брат, – представил Рудольф Томаса.

– А, да-да. – Бойлан мельком взглянул на Томаса, но не протянул ему руки и снова повернулся к Рудольфу: – Если у тебя при всей твоей многообразной деятельности найдется время, Руди, позвони. Мы могли бы как-нибудь вместе поужинать. Должен признаться, ты был прав, выбрав себе эту карьеру. И захвати с собой Гретхен, если она будет свободна.

– Я уезжаю в Калифорнию, – сказала Гретхен.

– Какая жалость. Ну ладно, не буду вас больше задерживать. – Он чуть заметно поклонился и направился к своей машине, изящный, холеный и даже в темном костюме – белая ворона в унылой похоронной процессии жителей маленького провинциального города.

Гретхен была почти потрясена, неожиданно сообразив, насколько Рудольф и Бойлан походят друг на друга – не внешностью, конечно, и, она надеялась, не характером, а отношением к людям, манерой говорить, жестами, стилем одежды, походкой. Ей было интересно, понимает ли Рудольф, как многим он обязан этому человеку, и будет ли брату приятно, если она упомянет об этом.

Приехав домой, они все решили, что им необходимо выпить. Билли, побледневший и осунувшийся, пожаловался на головную боль и ушел наверх. Марта, не переставая всхлипывать, пошла на кухню приготовить что-нибудь перекусить.

Рудольф смешал себе и Гретхен по мартини, а Томасу налил виски со льдом. Томас снял тесный в плечах пиджак, расстегнул воротничок и сидел на жестком деревянном стуле, немного подавшись вперед и свесив руки между коленями. Где бы и на чем бы он ни сидел, подумал Рудольф, передавая брату стакан с виски, всегда кажется, будто он примостился на табурете в углу ринга.

– Что ты собираешься делать с домом? – спросила Гретхен Рудольфа.

Рудольф пожал плечами:

– Наверно, оставлю себе. Мне все равно часто придется бывать в Уитби.

Конечно, для меня одного дом слишком велик... Может, ты хотела бы переехать сюда жить?

Гретхен отрицательно покачала головой. Спорам с адвокатами не видно было конца.

– Я прикована к Калифорнии.

– А как ты? – спросил Рудольф Томаса.

– Я? – удивился тот. – Какого дьявола я буду здесь делать?

– Ты мог бы найти себе работу. – Рудольф намеренно не сказал: «Я тебя устрою». – Ты ведь не станешь отрицать, что этот дом лучше, чем гостиница, в которой ты остановился в Нью-Йорке.

– Нет, я не собираюсь здесь задерживаться. И вообще, это место не для меня. Люди тут глазят на меня, как на обезьяну в зоопарке.

– Ты преувеличиваешь, – сказал Рудольф.

– Твой дружок Бойлан не захотел даже подать мне руку. Если тебе на кладбище не подадут руки, то чего еще ждать?

– Ну, он особый случай.

– Это уж точно. – Том засмеялся. Смех был негромкий, но от него в комнате почему-то стало тревожно.

– Чему ты смеешься? – спросил Рудольф, а Гретхен озадаченно посмотрела на Томаса.

– В следующий раз, когда увидишь его, скажи, что он правильно сделал, не пожав мне руку.

– О чем это ты. Том?

– Спроси, помнит ли он День победы в Европе, тот вечер, когда в его поместье подожгли крест и потом начался пр.

– Ты хочешь сказать... это сделал ты? – резко спросил Рудольф.

– Я и один мой приятель.

– Почему ты это сделал? – спросила Гретхен.

– Мальчишеский азарт. Мы ведь только что победили.

– Но почему ты выбрал именно его?

Томас-помолчал и, не поворачиваясь к Гретхен, ответил:

– У него тогда был роман с одной девушкой, которую я в то время хорошо знал. И мне это не нравилось. Сказать, как звали эту девушку?

– В этом нет необходимости, – спокойно ответила Гретхен.

– Кто был твой приятель? – спросил Рудольф.

– Какая разница?

– Его звали Клод. Не помню сейчас его фамилии. Ты часто шатался с ним по городу. Так это был он, да?

Томас улыбнулся, но не ответил.

– Сразу после этого он куда-то исчез, – сказал Рудольф. – Я теперь припоминаю.

– Да, он исчез, а вслед за ним исчез и я. Это ты тоже припоминаешь?

– Значит, кто-то узнал, что это сделали вы?

– Да, кое-кто узнал, – иронически кивнул Томас.

– Тебе еще повезло, что ты не загремел в тюрьму, – сказала Гретхен.

– Именно на это намекал отец, когда выставил меня из города. Да, ничто так, как похороны, не заставляет людей вспоминать старые добрые времена.

– Том, ты теперь ведь не такой, правда? – сказала Гретхен.

Томас подошел к ней, наклонился и нежно поцеловал в лоб.

– Надеюсь, что не такой. – Он выпрямился и продолжал: – Я поднимусь наверх, посмотрю, как там Билли. Хороший он парень. Ему, наверно, станет полегче, если он будет не один.

Рудольф снова смешал себе и Гретхен по мартини. Он был рад чем-то занять себя.

С таким человеком, как его брат, нелегко. Даже после того, как Томас вышел из гостиной, в комнате висело тревожное напряжение.

– Господи, – наконец нарушила тишину Гретхен, – неужели у всех нас одни и те же гены?

– Кто же из нас тот урод, без которого не бывает семьи? Кто? Ты, я, он?

– Мы были чудовищами, Руди, и ты, и я.

Рудольф пожал плечами.

– Наша мать была чудовищем. Наш отец был чудовищем. Ты знаешь, почему они были такими, или по крайней мере раньше думала, что знаешь, – но разве это что-то меняло? Я стараюсь не быть чудовищем.

– Тебя спасает твое везение, – заметила Гретхен.

– Я много работал, – запальчиво сказал Рудольф.

– Колин тоже. Но ты не Колин, ты никогда не врежешься в дерево.

– В таком случае извини меня, что я еще жив. – В голосе его звучала обида.

– Пожалуйста, не пойми меня превратно. Я рада, что в нашей семье есть человек, который никогда не врежется в дерево. Этот человек не Том. И уж конечно, не я. Я наверно, хуже вас всех. Я одна решила судьбу всей нашей семьи. Не окажись я как-то раз в субботу на одном из шоссе близ Порт-Филипа, у нас всех жизнь сложилась бы совершенно иначе. Знал ли ты это?

– О чем ты?

– О Тедди Бойлане, – сказала Гретхен таким тоном, словно это разумелось само собой. – Он тогда подцепил меня, и я стала тем, что я есть, в основном из-за него. Мужчины, с которыми я спала, попадали в мою постель из-за него. В Нью-Йорк я убежала из-за него. Из-за Тедди Бойлана я встретила Вилли Эббота, которого в конце концов стала презирать, потому что он мало чем отличался от Тедди Бойлана, и я любила Колина, потому что он был полной противоположностью Тедди Бойлана. Мои гневные статьи, которые все считали такими умными, были выпадами против Америки, потому что она породила таких, как Тедди Бойлан, и дала им легкую жизнь.

– У тебя навязчивая идея... Судьба семьи! Может, тебе сходить к цыганке, выпросить ее о себе, повесить на шею амулет и наконец успокоиться?

– Мне не нужно ходить ни к какой цыганке. Если бы я не познакомилась с Тедди Бойланом и не переспала с ним, по-твоему, Том поджег бы крест на холме? По-твоему, его выслали бы как преступника, если бы на свете не было Тедди Бойлана? По-твоему, он бы стал тем, что он есть, если бы остался в

Порт-Филипе и жил бы дома?

– Может быть, и не стал бы, – признал Рудольф. – Но тогда случилось бы что-нибудь другое.

– И тем не менее случилось то, что случилось. Был Тедди Бойлан, который спал с его сестрой. Что же касается тебя...

– О себе я сам все знаю, – прервал ее Рудольф.

– Так ли? Ты думаешь, ты бы окончил колледж, если бы Тедди Бойлан не одолжил тебе денег? Одевался так, как сейчас, если бы не он? И был бы так же помешан на успехе и деньгах и так же ломал бы себе голову над тем, как достигнуть вершины кратчайшим путем?

Она допила второй martini.

– Ладно, – сказал Рудольф. – Я воздвигну монумент в его честь.

– Кстати, может быть, тебе и следует это сделать. При деньгах твоей жены ты вполне можешь это себе позволить.

– Это уже удар ниже пояса, – сердито сказал Рудольф. – Ты ведь знаешь, что я и понятия не имел...

– Об этом-то я и говорила. Твое вечное везение превратило твое джордаховское уродство во что-то другое.

– А как насчет твоего собственного джордаховского уродства?

Гретхен вдруг переменилась: ее голос утратил резкость, лицо стало печальным, мягким и молодым.

– Когда я была с Колином, я не была чудовищем, – сказала она. – Мне никогда уже не найти второго Колина.

Он ласково дотронулся до ее руки – весь гнев Рудольфа улетучился, стоило ему почувствовать, как безутешна сестра в своем горе.

– Ты ведь не поверишь мне, если я скажу, что найдешь?

– Не поверю.

– А как же ты собираешься жить дальше? Сидеть дома и всю жизнь носить траур?

– Нет.

– А что же ты решила делать?

– Пойду учиться.

– Учиться? – поражение переспросил Рудольф. – В твоём-то возрасте?

– Поступлю на вечерние курсы Калифорнийского университета, там же, в Лос-Анджелесе, тогда я смогу жить дома и приглядывать за Билли. Я уже заходила туда, разговаривала. Меня примут.

– И чему же ты будешь учиться?

– У Билли в классе есть один мальчик. Его отец психиатр. Он-то и подал мне эту идею. Несколько раз в неделю он по совместительству работает в клинике с непрофессиональными психоаналитиками. У них нет диплома врача, но они прослушали курс по психоанализу, сдали экзамен и имеют право браться да случаи, не требующие слишком глубоких знаний психиатрии. Они применяют групповую терапию, занимаются детьми, почему-то не желающими учиться читать и писать, детьми, ведущими себя намеренно агрессивно, замкнутыми детьми из распавшихся семей, негритянскими и мексиканскими

детьми, которые начинают ходить в школу позже других, не могут догнать остальных учеников и теряют веру в себя...

– Короче говоря, – нетерпеливо прервал ее брат, – вооружившись клочком бумаги, который тебе выдадут после окончания университета, ты собираешься в одиночку решить целую кучу проблем: и негритянскую, и мексиканскую, и...

– Я буду пытаться решить хоть одну проблему или, может быть, две, может, и сотню, – сказала Гретхен. – И при этом я буду решать свою собственную проблему. Я буду занята и кому-то полезна.

К отелю «Алгонквин» они подъехали в начале восьмого вечера. Гретхен и Билли остановились там, потому что в квартире Рудольфа, где его ждала Джин, была только одна спальня.

Томас вылез из машины следом за Билли, обнял мальчика за плечи.

– У меня тоже есть сын, Билли, – сказал он. – Гораздо младше тебя. Если он вырастет хоть в чем-то похожим на тебя, я буду им гордиться.

Впервые за эти три дня мальчик улыбнулся.

– Том, я еще увижу тебя когда-нибудь? – спросила Гретхен.

– Конечно, – ответил он. – Я знаю, как тебя найти. Я позвоню.

Гретхен и Билли вошли в гостиницу, носильщик нес за ними два чемодана.

– Я поеду дальше на такси, Руди, – сказал Томас. – Ты наверняка спешишь домой, к жене.

– Я бы не прочь чего-нибудь выпить, – сказал Рудольф. – Давай зайдем в бар и...

– Спасибо, мне некогда, – отказался Том. Через плечо брата он поглядывал на поток машин, двигавшихся по Шестой авеню.

– Том, мне надо с тобой поговорить, – настаивал Рудольф.

– По-моему, мы уже обо всем переговорили. Ты уже все мне сказал.

– Да? Ты так думаешь? – со злостью сказал Рудольф. – А если я скажу, что у тебя сейчас есть около шестидесяти тысяч долларов? Может, тогда передумаешь?

– Ты большой шутник, Руди, – ухмыльнулся Томас.

– Я не шучу. Зайдем в бар.

Томас пошел за ним следом.

– Ну что ж, послушаем, – сказал Том, когда официант подал им виски.

– Помнишь те злосчастные пять тысяч долларов, которые ты мне тогда дал? – спросил Рудольф.

– Те проклятые деньги? Конечно, помню.

– Ты тогда заявил, что я могу распоряжаться ими как захочу. Я даже помню твои слова: «Спусти их в сортир, посади на баб, пожертвуй на благотворительность...»

– Да, это на меня похоже, – снова ухмыльнулся Томас.

– Так вот, я вложил их в акции моей компании. На твоё имя. Теперь твой пай стоит приблизительно шестьдесят тысяч долларов.

Томас залпом выпил виски, зажмурился и потер глаза. Рудольф продолжал:

– Два последних года я регулярно пытался связаться с тобой, но в

телефонной компании мне сообщили, что твой телефон отключен, а письма возвращались обратно со штампом «адресат выбыл». Мама же, пока на попала в больницу, не говорила мне, что вы переписываетесь. Я просматривал в газетах спортивные разделы, но о тебе нигде не было ни слова – ты словно провалился.

– Я выступал перед избирателями западных штатов, – сказал Томас, открывая глаза. Все было как в тумане.

– Вообще-то я был даже рад, что не мог найти тебя, – продолжал Рудольф.

– Я знал, что курс наших акций будет подниматься, и не хотел, чтобы ты, не удержавшись, продал их до времени. И, кстати говоря, я считаю, что сейчас тебе тоже не следует их продавать.

– Ты хочешь сказать, что, если завтра я пойду и заявлю, что у меня есть акции, которые я хочу сбыть, мне дадут за них шестьдесят тысяч долларов *наличными* .

– Да, только я не советую тебе...

– Руди, ты мировой парень, просто мировой парень, и, может, я был не прав, плохо думая о тебе все эти годы, но сейчас я не собираюсь выслушивать ничьи советы. Все, что мне от тебя нужно, – это адрес того человека, который ждет меня, чтобы вручить шестьдесят тысяч наличными.

Рудольф понял, что спорить бесполезно. Он написал на листке адрес конторы Джонни Хита и отдал Томасу.

– Иди туда завтра, – сказал Рудольф. – Я позвоню Хиту, и он будет тебя ждать. Только, пожалуйста, Том, веди себя разумно.

– Не беспокойся обо мне, Руди. С сегодняшнего дня я буду таким разумным, что ты меня просто не узнаешь.

Томас заказал себе и Рудольфу еще виски. Когда он поднял руку, чтобы позвать официанта, пиджак его распахнулся, и Руди увидел засунутый за ремень пистолет. Но он ничего не сказал. Он сделал для брата все, что мог, остальное не в его силах.

– Подожди меня здесь минутку, ладно? Мне нужно позвонить.

Томас вышел в холл, нашел автомат, позвонил в справочную аэропорта и спросил о завтрашних рейсах на Париж.

Потом позвонил в общежитие Христианской ассоциации молодых людей и попросил позвать Дуайера. Тот долго не подходил, и Томас уже был готов повесить трубку, когда на другом конце провода раздалось:

– Алло, кто говорит?

– Это я. Том. Слушай...

– Том! – радостно воскликнул Дур. – А я все жду твоего звонка. Господи! Я уже начал волноваться. Думал, может, ты умер...

– Ты когда-нибудь закроешь рот?! – оборвал его Томас. – Слушай меня. Завтра в восемь вечера из аэропорта Айдлуайлд летит самолет в Париж. Жди меня в шесть вечера у кассы предварительного заказа. С вещами.

– Хорошо, Том, я понимаю.

– Главное, не опаздывай.

– Буду вовремя, можешь не сомневаться.

Томас повесил трубку.

Вернувшись в бар, он настоял на том, что заплатит за выпивку, а когда они вышли на улицу, прежде чем сесть в подъехавшее такси, пожал брату руку.

– Слушай, Том, – сказал Рудольф, – давай пообедаем вместе на этой неделе. Я хочу познакомить тебя с моей женой.

– Отличная мысль. Я позвоню тебе в пятницу, – ответил Томас. Сев в такси, он сказал шоферу: – Угол Четвертой авеню и Восемнадцатой.

Он сидел на заднем сиденье, вальяжно развалившись, и держал на коленях бумажный пакет со своими пожитками. Когда у человека заводятся шестьдесят тысяч долларов, его все приглашают пообедать. Даже собственный брат.

Часть четвертая

1

1963 год.

Когда она подъехала к дому, шел дождь – бурный тропический калифорнийский ливень, – он приминал цветы, серебряными пулями отскакивал от черепичных крыш, размывал оставленные бульдозерами кучи земли на склоне холма и нес эту землю в сады и бассейны соседей. Прошло два года с тех пор, как умер Колин, но она машинально заглянула в открытый гараж, чтобы посмотреть, не там ли его машина.

Оставив учебники в своем стареньком «форде», она побежала к входной двери, и, хотя до нее было всего несколько ярдов, дождь вымочил ей волосы насквозь. Войдя в дом, она сбросила плащ и тряхнула мокрой головой. Было только полпятого, но дом тонул в темноте, и она включила в холле свет. Билли ушел с друзьями на выходные в горы, и она надеялась, что в горах погода лучше, чем здесь, на побережье.

Она сунула руку в почтовый ящик. Какие-то счета, рекламы и письмо из Венеции – почерк Рудольфа.

Она прошла в гостиную, на ходу включая всюду свет. Скинула мокрые туфли, плеснула в стакан чуть-чуть виски, разбавила содовой и, забравшись на диван, поджала под себя ноги, с удивлением ощущая тепло освещенной комнаты. Ей удалось одержать победу над бывшей женой Колина, и она намеревалась остаться жить в этом доме. Суд постановил, чтобы до окончательного определения размеров состояния Колина ей выплачивалось временное пособие в счет ее доли, и теперь она уже не зависела от Рудольфа.

Она распечатала письмо. Длинное. Живя в Америке, он предпочитал звонить по телефону, но сейчас, путешествуя по Европе, писал ей письма. Надо полагать, у него масса свободного времени, потому что писал он часто.

«Дорогая Гретхен, – читала она, – в Венеции идет дождь. Джин ушла фотографировать. Она говорит, что в дождь можно наиболее удачно поймать настроение Венеции – и снизу вода, и сверху вода. Я же уютно устроился в нашем номере и не испытываю никакой тяги к прекрасному. А еще

Джин готовит тематические серии фотографий и снимает людей в самых плачевных обстоятельствах. Она утверждает, что лишения и старость, а желательно и то и другое вместе, особенно хорошо раскрывают характер людей и страны. Я даже не пытаюсь с ней спорить. Сам-то я предпочитаю красивых молодых людей и солнечный свет, но я ведь всего лишь ее муж-обыватель.

Бесконечно наслаждаюсь чудесными плодами праздности. После всех этих лет суеты и напряженной работы я обнаружил, что я ленив и мне для счастья более чем достаточно посмотреть за день два шедевра, бесцельно бродить по чужому городу, а то и часами сидеть за столиком в кафе, точно я какой-нибудь француз или итальянец, или делать вид, будто я понимаю толк в искусстве, и торговаться в картинных галереях, закупая полотна новых художников, о которых никто никогда не слышал и чьи работы скорее всего превратят мою гостиную в Уитби в комнату ужасов.

Джин – самая прелестная женщина на свете, а я – жутко любящий муж и потому ношу за ней ее фотоаппараты, лишь бы каждую минуту быть рядом. Конечно, когда нет дождя. У Джин удивительно острый глаз, и за шесть месяцев, проведенных с ней в Европе, я узнал больше, чем узнал бы за шестьдесят лет, путешествуя в одиночку. У нее нет никакого вкуса к литературе, она даже газеты не читает, а театр наводит на нее скуку, так что эту сферу жизни я беру на себя. А еще она отлично водит наш маленький „фольксваген“, и у меня есть возможность любоваться природой, видами Альп и долиной Роны, не боясь свалиться в пропасть. Мы с ней заключили соглашение: она водит машину с утра, а за обедом выпивает бутылку вина и после этого машину возжу я, трезвый.

Мы теперь не останавливаемся в фешенебельных местах, как делали во время медового месяца, потому что – так говорит Джин – „сейчас у нас уже настоящая жизнь“. Нам не бывает плохо и тоскливо. Она очень общительная, и с помощью моего французского, ее итальянского, а также нашего родного английского, на котором говорят почти все, мы неожиданно для себя заводим знакомства с самыми разными людьми: с виноградарем из Бургундии, с массажистом с биаррицкого пляжа, с регбистом из Лурда, с художником-абстракционистом, с многочисленными священниками, рыбаками, актером, снимающимся в эпизодах во французских фильмах, со старыми англичанками, путешествующими в туристских автобусах, с бывшими десантниками английской армии, с американскими солдатами, размещенными на базах в Европе, и даже с членом парижской палаты депутатов, который утверждает, что единственная надежда мира – это Джон Фицджералд Кеннеди. Если случайно увидишься с Кеннеди, не забудь ему это передать.»

Зазвонил телефон, Гретхен отложила письмо, встала с дивана и сняла трубку. Звонил Сэм Кори – старый режиссер по монтажу, работавший вместе с Колином над всеми его тремя картинами. Сэм, преданная душа, звонил ей по меньшей мере, три раза в неделю, и иногда она ходила с ним в студию на просмотры новых фильмов, которые, по его мнению, могли ее заинтересовать.

Сэму было пятьдесят пять, он был давно и счастливо женат, и она чувствовала себя с ним легко и просто. Он был единственным человеком из окружения Колина, с кем она продолжала поддерживать отношения.

– Гретхен, – сказал Сэм, – сегодня мы смотрим очередную ленту *Nouvelle Vague*.⁸ Только что получили из Парижа. А потом я приглашаю тебя поужинать.

– Извини, Сэм, но я не смогу пойти. Ко мне сегодня должен приехать заниматься один на моих сокурсников.

– Занятия, занятия, – проворчал Сэм. – Старые добрые школьные годы. – Он бросил школу в девятом классе и не испытывал никакого благоговения перед высшим образованием.

– Как-нибудь в другой раз, Сэм, хорошо?

– Что за разговор, конечно, – ответил он. – Твой дом еще не смыло с холма?

– Почти.

– Чего еще ждать от Калифорнии.

– В Венеции сейчас тоже дождь, – сказала Гретхен.

– Откуда ты достаешь такую сверхсекретную информацию?

– Я сижу и читаю письмо от брата. Он сейчас в Венеции. И там дождь.

Сэм познакомился с Рудольфом, когда тот вместе с Джин гостил неделю у Гретхен. Когда они уехали, Сэм сказал, что Рудольф хороший парень, только слишком уж помешан на своей жене.

– Будешь писать ему, – сказал Сэм, – спроси, не хочет ли он вложить пять миллионов в одну дешевую картину, которую я собираюсь поставить.

Сэм, много лет враставшийся в обществе невероятно богатых голливудских дельцов, был убежден, что люди, у которых на счету в банке больше ста тысяч долларов, существуют лишь для того, чтобы их доили другие. Исключение составляли лишь богачи, наделенные талантом. А талант бывает только один, считал Сэм, – снимать кино.

– Уверена, что он будет просто счастлив это сделать, – сказала Гретхен.

– Ладно, смотри там не промокни, – сказал Сэм и повесил трубку.

После смерти Колина Сэм долго беседовал с Гретхен и предупредил ее, что, если она будет просто крутиться в Голливуде, ничего не делая, оставаясь всего лишь вдовой, ей грозит жалкая участь. Он достаточно хорошо познакомился с ней за время съемок трех фильмов и знал, что Колин очень считался с ее мнением, и не без оснований. Сэм предложил ей поработать с ним и обещал научить ее всему, что знал сам. «В этом городе для одинокой женщины самое лучшее место – монтажный стол в студии. Ты не будешь целыми днями предоставлена сама себе, не будешь неприкаянной, а будешь работать методично, аккуратно и будешь видеть результаты своей работы – это все равно что каждый день выпекать по пирогу».

Гретхен ответила ему тогда: «Спасибо, нет», потому что не желала даже в

---

⁸ «Новой волны» (фр.) – течение во французской кинематографии начала 60-х годов.

мелочах извлекать выгоду из репутации своего покойного мужа, а кроме того, уже подала заявление в университет. Однако после этого каждый раз, когда она разговаривала с Сэмом, у нее возникало сомнение – не поспешила ли она с ответом? Люди, окружавшие ее в университете, были слишком молоды, жили в слишком стремительном темпе, интересовались вещами, которые ей казались бесполезными, схватывали на лету и мгновенно переваривали массу информации, в то время как ей приходилось неделями мучительно сражаться с одним и тем же материалом.

Она вернулась на диван и снова взяла письмо Рудольфа. Он в Венеции. В Венеции, с красивой молодой женой, которая совершенно случайно оказалась к тому же богатой. Вечное везение Рудольфа.

«Из Уитби доносится недовольное ворчание, – читала она. – Старик Колдервуд весьма неодобрительно относится к моему затянувшемуся турне по Европе, и даже Джонни, скрывающий за внешностью холеного развратника пуританскую совесть, деликатно намекает мне, что я устроил себе слишком долгий отпуск. А я вовсе не считаю это отпуском, хотя никогда до сих пор не проводил время с таким удовольствием. Эта поездка для меня – продолжение моего образования, то самое продолжение, которое я не мог себе позволить, когда окончил колледж, потому что был слишком беден и должен был начать постоянно работать в универмаге.»

По возвращении домой мне придется многое для себя решить, и уже сейчас я размышляю обо всех этих вещах, даже когда гляжу на полотна Тициана во Дворце дождей или пью кофе на площади Святого Марка. Боюсь, что это прозвучит выпренне, но прежде всего я должен решить, как строить свою жизнь дальше. Мне тридцать пять лет, и у меня достаточно денег – я имею в виду и основной капитал, и годовой доход, – чтобы жить прекрасно до конца моих дней. Даже если бы мои вкусы отличались крайней экстравагантностью и даже если бы Джин была бедна, нам бы все равно хватило с лихвой. В Америке, если уж ты разбогател, надо быть гением или патологически алчным, чтобы вновь вернуться к нищете. Мне претит мысль о том, чтобы остаток своей жизни посвятить купле-продаже и стремиться увеличить мой более чем солидный капитал.

Конечно, я мог бы заняться филантропической деятельностью и раздавать деньги заслуживающим того беднякам или заслуживающим того художникам или ученым, но, хотя я и сейчас, как мне кажется, делаю щедрые пожертвования в различные фонды, я не представляю себя в роли арбитра, решающего, кому следует помогать, а кому – нет. Да и, кроме того, этот вид деятельности никак нельзя превратить в основной и единственный – по крайней мере мне это не подходит.

Тебе, наверно, смешно, впрочем, мне и самому смешно: кто-то из Джордахов волнуется, что у него много денег, но зигзаги жизни в Америке слишком непредсказуемы – вот я и попал именно в такую ситуацию.

И еще одно осложняющее обстоятельство – я люблю свой дом в Уитби, да и сам этот городок. Мне действительно не хочется жить ни в каком другом месте. Джин недавно призналась, что ей тоже там нравится, и

сказала, что, если у нас когда-нибудь будут дети, она предпочла бы воспитывать их в Уитби, а не в Нью-Йорке. Ну что ж, постараюсь, чтобы у нас были дети или хотя бы один ребенок. Но в Уитби нельзя жить, ничего не делаю. Соседи немедленно решают, что я ненормальный, и город теряет для меня привлекательность. Я не хочу превратиться в какого-нибудь Тедди Бойлана.

Может, быть, вернувшись в Америку, я куплю свежий номер „Таймс“ и просмотрю объявления о найме на работу.

Только что пришла Джин, насквозь промокшая, счастливая и чуточку пьяная. Дождь загнал ее в какое-то кафе, и два учтивых венецианца накачали ее там вином. Она передает тебе привет. Письмо получилось длинное и абсолютно эгоистичное. Жду от тебя такого же. Отправляй его в Париж. Пока не знаю, когда мы там будем, но будем обязательно, наверно, недели через две. Целую тебя и Билли.

Рудольф.

P.S. Пишет ли тебе Том? Со дня похорон мамы я ничего от него не получал.»

Гретхен подошла к окну и посмотрела вниз. Дождь все лил и лил. Город у подножия холма растворился в воде.

Она размышляла о письме брата. В письмах они относились друг к другу теплее, чем при встречах.

В письмах Рудольф обнаруживал те черты, которые ему обычно удавалось скрывать: какую-то неуверенность, отсутствие честолюбия и самонадеянности. Сквозь строчки проступала широта его натуры, готовность все простить, и это качество было особенно привлекательным – ведь он его не афишировал и никогда не намекал, что знает о проступках, которые следует простить. Билли рассказал ей о том, как оскорбил Рудольфа, когда тот приехал к нему в школу, но Рудольф ни разу и словом не обмолвился об этом эпизоде и относился к мальчику тепло и заботливо. В каждом письме обязательно в конце писал: «Целую тебя и Билли».

Я должна научиться душевной щедрости, подумала она, глядя на дождь.

Она не знала, как ей ответить Рудольфу про Тома. Том писал ей не часто, но держал в курсе своих дел. Так же как в свое время с матери, он взял с нее слово не давать его адреса Рудольфу. Сейчас, именно в этот день, Том тоже был в Италии. Правда, на другом конце полуострова и значительно южнее, но в Италии. Всего несколько дней назад она получила от него письмо из города Порто-Санто-Стефано на Средиземном море, южнее Рима. Том и его приятель, некто Дуайер, наконец подыскали устраивающую их яхту за приемлемую цену и всю осень и зиму возились с ней на верфи, чтобы к первому июня подготовить ее к плаванию.

«Мы все делаем сами, – писал Том крупным детским почерком на линованной бумаге. – Перебрали дизели, и теперь они как новые. Сменили всю электропроводку, очистили корпус и законопатили щели, отрегулировали гребные винты, починили генератор, сделали новый камбуз, покрасили корпус и каюты, купили подержанную мебель и тоже покрасили ее. У Дуайера

обнаружился настоящий талант декоратора – ты бы только посмотрела, как теперь выглядят салон и каюты! Мы работаем без выходных по четырнадцать часов в день, но это себя оправдывает. Чтобы не тратить деньги на гостиницу, живем на яхте, хотя она сейчас стоит на опорах на земле. И Дуайер и я никудышные повара, но мы не голодаем. Когда начнем ходить в рейсы, придется взять повара. Я прикинул и решил, что команда будет всего из трех человек, считая меня и Дуайера. Если Билли захочет, пусть приезжает к нам на лето. Ему найдется место, работы всегда хватит. Когда я его видел, мне показалось, что ему будет полезно как следует поработать летом на воздухе. В плавании капитаном будет Дуайер, хотя судно купили на мои деньги. У него есть диплом третьего помощника, и он умеет водить яхту. Но он меня учит, и в тот день, когда я сам без всякой помощи сумею завести яхту в порт, ни на что не наткнувшись, капитаном стану я.

Еще раз напоминаю тебе о твоём обещании ничего не рассказывать Руди. Он лопнет от злости, если узнает, что я не придумал ничего лучше, чем купить на сколоченные им для меня деньги дырявую посудину на Средиземноморье. Он ведь считает, что деньги существуют для того, чтобы их хранили в банке. Что ж, каждому свое. Когда у нас все наладится и я начну делать деньги, приглашу его с женой в круиз. Бесплатно. Пусть тогда сам увидит, такой ли уж болван у него брат.

Ты мне пишешь о себе не слишком подробно, но из твоих писем у меня сложилось впечатление, что жизнь у тебя не особо веселая. Сочувствую. Может, тебе бросить то, чем ты сейчас занимаешься, и взяться за что-нибудь совершенно новое? Если бы мой приятель Дуайер больше походил на мужчину, я бы попросил тебя выйти за него замуж и стать нашей поварихой. Шутка!

Если у тебя есть какие-нибудь богатые знакомые, которым захочется этим летом поплавать по Средиземному морю, порекомендуй им меня. Это уже не шутка.

Когда окажешься в Нью-Йорке, сделай одолжение, попробуй выяснить, где моя жена, чем она занимается и как там мой сынишка. Я не скучаю по милой родине со всеми ее прелестями, но очень скучаю по сыну.

Пишу тебе такое длинное письмо, потому что дождь льет как из ведра и мы пока не можем второй раз покрасить рубку (она у нас будет голубая). Не верь, когда тебе скажут, что на Средиземноморье не бывает дождей.

Дуайер готовит обед и кричит, чтобы я шел есть. Не представляешь себе, как жутко воняет его стряпня.

Люблю, целую. Том» .

Всюду дождь. Дождь в Порто-Санто-Стефано, дождь в Венеции, дождь в Калифорнии. Джордахам не везет с погодой... Но по крайней мере двоим из их семьи везет со всем остальным, пусть даже это везение продлится недолго.

– Самое паршивое время суток – пять часов дня, – вслух сказала Гретхен. Чтобы избавиться от жалости к себе, она задернула шторы и налила в стакан еще виски.

На следующее утро она не пошла на две воскресные лекции. Вместо этого позвонила в студию Сэму Кори и спросила, можно ли приехать к нему поговорить.

2

Хотя Джин была беременна, она каждое утро обязательно спускалась вниз, чтобы позавтракать вместе с ним.

«Я хочу к концу дня устать не меньше, чем ты, – говорила она. – Не желаю быть похожей на тех американских жен, которые весь день валяются в постели, а когда мужья возвращаются с работы, каждый вечер обязательно вытаскивают бедняг из дому, потому что самим некуда девать энергию. В большинстве случаев семьи распадаются не из-за измен, а именно из-за отсутствия „энергетической“ гармонии».

В окно струилось бледное апрельское солнце. Они сидели за столом, ожидая, когда Марта принесет кофе. После смерти его матери Марта просто преобразилась. Ела она ничуть не больше, чем раньше, но заметно пополнила, стала степенной и домовитой. Резкие складки на лице разгладились, на губах, прежде нервно поджимавшихся, играло какое-то подобие улыбки. От смерти тоже бывает польза, подумал Рудольф, наблюдая, как Марта осторожно поставила кофейник перед Джин. В былые времена она бы этот кофейник бухнула на стол, как обычно проклиная свою несчастную судьбу.

Беременность округлила лицо Джин, и она уже не походила на упрямую школьницу, твердо решившую любой ценой стать первой в своем классе. Умиротворенное и женственное, ее лицо мягко светилось под лучами солнца.

– Ты сегодня похожа на святую, – сказал Рудольф.

– Конечно, станешь святой, если два месяца ни с кем не грешишь, – ответила она.

– Надеюсь, ребенок будет стоять этого.

– Да уж хотелось бы.

– Как он себя сегодня ведет?

– Хорошо. Правда, что-то растопался и, по-моему, топает в тяжелых сапогах, а в остальном – хорошо.

– А что, если будет девочка?

– Тогда придется мне внушить ей, что нельзя заводить роман сразу с двумя, – сказала Джин. Оба рассмеялись.

– Что ты собираешься сегодня делать? – спросил Рудольф.

– Придет наниматься няня, и мне надо с ней поговорить. Потом привезут мебель для детской, и мы с Мартой будем ее расставлять. Потом я должна принять витамины, потом взвеситься... одним словом, дел много. А у тебя какие планы?

– Мне надо съездить в университет. Там сегодня совет попечителей. Еще нужно заглянуть в контору...

– Надеюсь, ты не позволишь этому старому чудовищу Колдервуду снова ворчать на тебя?

С тех пор как Колдервуд узнал о намерении Рудольфа в июне уйти из бизнеса, он при каждой встрече брюзжал: «Кто уходит на покой в тридцать шесть лет?».

«Я», – однажды ответил ему Рудольф, но старик не желал в это верить. По натуре очень мнительный, Колдервуд подозревал, что Рудольф на самом деле хитрит, чтобы добиться полного контроля над деятельностью корпорации; вот почему старик неоднократно намекал ему, что, если Рудольф никуда не уйдет, все будет, как он хочет. Больше того, Колдервуд даже предлагал перевести их центральную контору в Нью-Йорк, но Рудольф сказал, что давно уже не собирается жить в Нью-Йорке. Джин сейчас полностью разделяла его привязанность к старому фермерскому дому в Уитби и обсуждала с архитектором планы его расширения.

Дорога в административный корпус университета вела мимо спортплощадки, и Рудольф увидел там Квентина Макговерна. Одетый в серый тренировочный костюм, Квентин бежал разминочным шагом по дорожке. Рудольф затормозил и вышел из машины. Квентин подбежал к нему – высокий серьезный молодой человек с блестящим от пота лицом. Рудольф пожал ему руку.

– У меня занятия начинаются в одиннадцать, – сказал Квентин, – а сегодня отличный день. Грех не побегать, особенно после того, как всю зиму просидел с учебниками в четырех стенах.

Они больше уже не бегали вдвоем по утрам. После женитьбы Рудольф, чтобы сделать приятное Джин, начал заниматься теннисом.

– Ну как успехи, Квентин?

– Неплохо. Двести двадцать ярдов бегаю за двадцать две и восемь десятых секунды. Тренер обещает попробовать меня на дистанции в четыреста сорок ярдов, а заодно и в эстафете.

– Что же теперь по этому поводу говорит твоя мать?

Квентин улыбнулся, вспомнив те холодные зимние утра.

– Говорит, чтобы я не слишком задавался. Матери, они все одинаковы.

– А как занятия? – спросил Рудольф.

– Наверно, получилась какая-то ошибка. Меня включили в список лучших студентов.

– Что же говорит твоя мать по этому поводу?

– Говорит, это потому, что я цветной и администрации хочется продемонстрировать свою либеральность. – Квентин едва заметно улыбнулся.

– Если мать и дальше будет тебя пилить, скажи ей, чтобы позвонила мне.

– Обязательно, мистер Джордах.

– Ну, мне пора ехать. Передай привет отцу.

– Мой отец умер, мистер Джордах, – спокойно сказал Квентин.

– Прости. – Рудольф сел в машину. Черт возьми, подумал он. Отец Квентина работал у Колдервуда по крайней мере лет двадцать пять. Кто-то должен был сообразить и оповестить начальство о его смерти.

После разговора с Квентином утро уже не казалось ему таким чистым и приятным.

Все места на автостоянке перед административным корпусом были заняты, и Рудольфу пришлось поставить машину в стороне, почти в пятистах ярдах от здания. Он проверял, захлопнулся ли замок двери, когда вдруг услышал:

– Привет, Джордах!

Его окликнул Леон Гаррисон, член совета попечителей, направлявшийся на совещание. Гаррисон был высоким, представительным мужчиной лет шестидесяти, с благородной сенаторской сединой и обманчивой сердечностью в обращении. Он издавал местную газету, которую унаследовал от своего отца вместе с большими участками земли как в самом Уитби, так и в его окрестностях. Рудольф знал, что газета Гаррисона постепенно хиреет, но ничуть не жалел об этом. Редакция газеты состояла из горстки низкооплачиваемых опустившихся пьяниц, которых вышибли из газет других городов. Рудольф взял за правило не верить ни одному слову в этой газете, даже сообщениям о погоде.

– Как дела, дружище? – спросил Гаррисон, обнимая Рудольфа за плечи и шагая вместе с ним к административному корпусу. – По обыкновению приготовились подложить взрывчатку под нас, старых консерваторов? – Он громко рассмеялся, показывая, что настроен вполне мирно.

– У меня все те же стандартные предложения, – ответил Рудольф. – Например, сжечь здание факультета естественных наук и таким образом отделаться от профессора Фредерика.

Фредерикс был деканом факультета, но Рудольф знал, что может позволить себе этот выпад: преподавание естественных наук велось хуже, чем в любом другом университете того же уровня. Фредерикс и Гаррисон были закадычными приятелями, и Фредерикс часто публиковал в газете Гаррисона свои научные статьи, читая которые Рудольф краснел от стыда за университет.

По меньшей мере трижды в год на первой полосе газеты появлялись статьи Фредерикса, сообщавшие, что найден новый метод лечения рака.

– Ох уж эти мне бизнесмены, – сокрушенно вздохнул Гаррисон. – Вам никогда не оценить роль чистой науки. Вам важно одно – каждые шесть месяцев получать прибыль со своих капиталовложений. Вы ждете, что из каждой пробирки вам тут же посыплются доллары.

Когда это его устраивало, Гаррисон помнил о своих обширных земельных участках и о своем капитале в банке и действовал как заправский хладнокровный бизнесмен. В других ситуациях, будучи всего лишь издателем и разбираясь разве что в типографской краске, он выступал как просветитель-литератор, протестовал против отмены выпускных экзаменов по латыни и ополчался на новую программу по английской литературе, потому что она предусматривала слишком поверхностное знакомство с творчеством Чарльза Диккенса.

Дорлэкер, новый президент университета, был моложавым энергичным человеком с гарвардским дипломом. Он не давал воли совету попечителей и не плясал под его дудку. С Рудольфом его связывали хорошие дружеские отношения, и Дорлэкер часто приезжал с женой к Джордахам и вел с Рудольфом вполне откровенные разговоры, не скрывая своего желания

отделаться от большинства членов совета попечителей. Дорлэкер терпеть не мог Гаррисона.

Совещание проходило по давно заведенному порядку. Председатель финансовой комиссии сообщил, что, хотя денежные пожертвования растут, расходы растут еще быстрее, и рекомендовал повысить плату за обучение, а также ограничить число стипендий. Окончательное решение было отложено до более глубокого изучения вопроса.

Гаррисон высказал беспокойство по поводу редакционной статьи в студенческой газете, призывавшей провести демонстрацию с требованием запретить испытания ядерного оружия. На редактора следует наложить дисциплинарное взыскание, заявил он, за вовлечение студентов в политику и за неуважение к правительству Соединенных Штатов Америки. Дорлэкер сказал, что, как ему кажется, университет не самое подходящее место для попрания свободы в Америке. Голосованием постановили не налагать на редактора никакого дисциплинарного взыскания.

– Совет уклоняется от выполнения своих обязанностей, – прорычал Гаррисон.

Рудольф был самым молодым членом совета попечителей и на заседаниях говорил тихо и почтительно. Тем не менее благодаря дружбе с Дорлэкером и умению выбивать пожертвования из бывших выпускников университета и различных организаций (ему даже Колдервуда удалось убедить внести пять тысяч долларов на пристройку нового крыла к библиотеке), а также благодаря своей осведомленности о жизни Уитби и о взаимоотношениях между городком и университетом пользовался наибольшим влиянием в совете и сам знал об этом.

– Вам известно, – тем временем говорил Дорлэкер, – что сегодня мы должны рассмотреть вопрос о кандидатах на вакантные должности на следующий учебный год. Пока что не занята должность декана экономического факультета. Мы долго подыскивали подходящего человека, советовались с сотрудниками факультета и сейчас хотим вынести на ваше одобрение кандидатуру человека, некогда возглавлявшего в бывшем колледже в Уитби объединенную кафедру истории и экономики, человека, который в течение нескольких последних лет работал в Европе и накопил там ценный опыт. Я имею в виду профессора Лоуренса Дентона. – Произнося имя профессора, Дорлэкер как бы случайно повернулся к Рудольфу и едва заметно подмигнул. Рудольф переписывался со своим старым учителем и знал, что Дентон мечтает вернуться в Америку. Судьба не заставила его превратиться в человека без родины. Рудольф рассказал Дорлэкеру все о Дентоне, и Дорлэкер принял это близко к сердцу. Дентон же укрепил свои позиции, так как за время пребывания в Европе написал получившую высокие отзывы книгу о возрождении немецкой экономики.

– Дентон... – сказал Гаррисон. – Я помню это имя. Его выставили за прокоммунистическую деятельность.

– Я внимательно просмотрел его досье, мистер Гаррисон, – сказал Дорлэкер, – и обнаружил, что профессору никогда не предъявлялось никаких

обвинений и его деятельность не подвергалась официальному расследованию. Профессор Дентон подал в отставку, чтобы поработать в Европе.

– Он был коммунистом или что-то вроде этого, – упрямо заявил Гаррисон.

– В университете и без того хватает всяких оголтелых крикунов, и нечего еще выписывать их из-за границы.

– В те времена, – мягко сказал Дорлэкер, – над страной висела тень маккартизма и немало уважаемых людей пострадало безвинно. К счастью, все это уже далеко позади и мы теперь можем судить о человеке просто по его способностям. Лично я буду счастлив доказать, что университет Уитби руководствуется лишь строго академическими соображениями.

– Если вы примете сюда этого человека, моя газета не станет молчать, – пригрозил Гаррисон.

– Я считаю ваше замечание недостойным, мистер Гаррисон, – спокойно сказал Дорлэкер, – и уверен, что, поразмыслив, вы откажетесь от этого намерения. А теперь, если никто не хочет ничего добавить, я полагаю, можно перейти к голосованию.

– Джордах, – нахмурился Гаррисон, – надеюсь, ты не имеешь никакого отношения к этому делу?

– Откровенно говоря, имею, – ответил Рудольф. – Когда я здесь учился, лекции профессора Дентона были самыми интересными. Кроме того, я считаю его последнюю книгу просто блестящей.

– Ну что же, голосуйте, голосуйте, – буркнул Гаррисон. – Не понимаю, чего ради я вообще хожу на эти заседания.

Гаррисон был единственным, кто проголосовал против, и Рудольф решил сразу же после заседания послать изгнаннику телеграмму в Женеву.

В дверь постучали.

– Войдите, – сказал Дорлэкер.

Вошла его секретарша.

– Простите, что я вас отрываю, – сказала она, – но мистера Джордаха просят к телефону. Я сказала, что идет заседание, но...

Рудольф вскочил со стула и вышел к телефону в приемную.

– Руди, пожалуй, тебе лучше приехать домой. И быстро. У меня начались схватки. – Голос Джин звучал радостно и спокойно.

– Сейчас буду, – ответил он, положил трубку и повернулся к секретарше.

– Извинитесь за меня перед президентом Дорлэкером и членами совета: я должен отвезти жену в больницу. Кстати, будьте добры, позвоните туда, пусть они сообщат доктору Левину, что миссис Джордах приедет через полчаса.

Весь этот долгий день он просидел в больнице у постели Джин, держа ее за руку. Рудольф не мог даже представить себе, откуда у нее силы терпеть. Доктор Левин был спокоен. Это в порядке вещей при первых родах, сказал он. Доктор время от времени заглядывал в палату Джин с таким видом, словно наносил светский визит. Когда он предложил Рудольфу спуститься вниз в кафетерий и поужинать, Рудольф был шокирован. Неужели доктор думает, что он может оставить жену мучиться, а сам пойдет чревоугодничать?!

– Я отец, а не акушер, – с негодованием ответил он.

– Между прочим, отцы тоже едят. Они обязаны поддерживать свои силы, – рассмеялся Левин.

Сукин сын, бесчувственный материалист. Если когда-нибудь им взбредет в голову дикая мысль завести второго ребенка, они наймут настоящего врача, а не робота.

Ребенок родился почти в полночь. Девочка. Когда доктор Левин вышел из родильного отделения сообщить, что мать и ребенок чувствуют себя хорошо, Рудольфу захотелось объяснить ему в любви.

На улице было холодно. Утром, когда Рудольф уезжал из дома, было тепло, и он не взял с собой пальто. Пока он дошел до машины, его начала бить дрожь.

Он чувствовал, что слишком возбужден, и знал, что не заснет. Хотелось позвонить кому-нибудь и отпраздновать свое отцовство, но был уже второй час ночи, и он не мог позволить себе будить кого-либо.

Он включил в машине обогреватель и успел согреться, пока доехал до дому. В окнах горели огни – Марта оставила ему свет. Шагая через лужайку к входной двери, он заметил, что в тени крыльца кто-то пошевелился.

– Кто здесь? – резко спросил он.

Фигура медленно вышла на свет. Вирджиния Колдервуд. Серое, отороченное мехом пальто, на голове – шарф.

– О господи, Вирджиния! – удивился он. – Что вы здесь делаете?

– Я уже все знаю. – Она подошла совсем близко. С ее бледного худого хорошенького лица на него пристально глядели большие темные глаза. – Я несколько раз звонила в больницу. Я сказала, что я твоя сестра. Я все знаю. Она родила. Моего ребенка.

– Вирджиния, вам лучше пойти домой. – Рудольф отступил назад, чтобы она не могла дотронуться до него. – Если ваш отец узнает, что вы бродите здесь ночью, он...

– Мне наплевать, кто что узнает, – сказала она. – Мне не стыдно.

– Давайте я отвезу вас домой, – предложил Рудольф. Пусть уж ее собственная семья разбирается, в своем ли она уме. Не его забота. Да еще в такую ночь. – Вам сейчас нужно как следует выспаться, и вы...

– У меня нет дома, – прервала его Вирджиния. – Я принадлежу тебе, и мое место здесь, рядом с тобой.

– Нет, ваше место не здесь, Вирджиния, – с отчаянием сказал Рудольф. Привыкший во всем руководствоваться рассудком, он был сейчас беспомощен. – Я живу здесь со своей женой.

– Она соблазнила тебя и украла у меня. Разбила настоящую любовь. Я молилась, чтобы она сегодня умерла в больнице.

– Вирджиния! – До этого Рудольфа никогда по-настоящему не пугали ни ее слова, ни поведение. Она могла раздражать его, смешить или вызывать жалость, но это уже переходило все границы. Впервые он понял, что она опасна. Как только он придет домой, надо позвонить в больницу и предупредить, чтобы Вирджинию не подпускали к отделению новорожденных и к палате Джин.

– Послушайте, – сказал он мягко, – садитесь в мою машину, и я отвезу вас домой.

– Не обращайтесь со мной как с ребенком, – сказала она. – Я давно не ребенок. У меня тут рядом стоит моя собственная машина, и мне не нужно, чтобы меня куда-то отвозили.

– Вирджиния, я страшно устал и должен хоть немного поспать, – сказал он. – Если вы на самом деле хотите о чем-то со мной поговорить, позвоните мне завтра утром.

– Я хочу спать с тобой, – заявила она, не двигаясь с места и держа руки в карманах. На вид обычная, нормальная девушка, хорошо одетая. – Я хочу сегодня быть с тобой. И знаю, ты тоже этого хочешь. Я с самого начала прочла это в твоих глазах. – Она говорила торопливым монотонным шепотом. – Ты просто не осмеливался. Как и остальные, ты боишься моего отца. Возьми меня. Не пожалеешь. Ты думаешь, я все та же маленькая девочка, какой ты увидел меня в первый раз у нас дома. Не волнуйся, я давно не девочка. Я успела кое-чему научиться. Может быть, конечно, у меня меньше опыта, чем у твоей драгоценной супруги, водившей шашни с тем фотографом... О, ты удивлен, что я об этом знаю?! Я все знаю и могу тебе еще не то рассказать.

Но он уже открыл дверь, захлопнул ее за собой и запер на замок, оставив Вирджинию на крыльце. Она стучала в дверь кулаками. Войдя в дом, он запер все двери и окна на первом этаже. Когда он вернулся к парадной двери, яростный стук маленьких женских кулачков уже смолк. К счастью. Марта так и не проснулась. Он выключил свет над крыльцом. Потом позвонил в больницу и устало поднялся наверх в их с Джин спальню.

«С днем рождения, дочка, ты родилась в тихом уважаемом городке», – подумал он, уже засыпая.

Бар загородного клуба пустовал, так как была суббота и большинство членов клуба еще не вернулись с гольфа и тенниса. Рудольф в одиночестве пил пиво. Джин переодевалась в женской раздевалке. Она вышла из больницы всего пять недель назад, но уже сумела выиграть у него два сета в теннис. Рудольф улыбнулся, вспомнив, с каким ликующим, победоносным видом она уходила с корта.

Поджидая жену, он взял лежавший на стойке свежий номер «Уитби сентинел» и тут же пожалел об этом. На первой странице газеты была напечатана статья о приглашении в университет профессора Дентона, изобиловавшая все теми же инсинуациями и сфабрикованными ссылками на пожелавших остаться неизвестными лиц, которые выражали беспокойство в связи с тем, что впечатлительная молодежь университета подвергается весьма сомнительному влиянию.

– Ну и сукин ты сын, Гаррисон, – вслух сказал Рудольф.

– Вам что-нибудь подать, мистер Джордах? – спросил бармен, читавший газету в другом конце бара.

– Пожалуйста, еще пива, Хэнк, – сказал Рудольф. Он отбросил газету прочь. И в эту самую минуту к нему пришло решение: если удастся, он перекупит у Гаррисона его газету. Это будет его лучшей услугой всему городу.

Кстати. Перекупить ее довольно просто. Уже по меньшей мере три года газета не приносила Гаррисону никакой прибыли, и если он не будет знать, что газету хочет купить именно Рудольф, то с удовольствием продаст ее за сходную цену. Надо в понедельник поговорить о технических деталях этой операции с Джонни Хитом.

Он потягивал пиво, решив не думать о Гаррисоне, когда в бар вошел вернувшийся с гольфа Брэд Найт со своими тремя партнерами. При виде его оранжевых штанов Рудольф поморщился.

– Ты что, записался в участники женского турнира? – спросил он Брэда, когда мужчины подошли к стойке.

Найт хлопнул его по плечу и рассмеялся:

– Природа, Руди, всегда наделяет самцов более ярким оперением, чем самок, а по выходным дням я сливаюсь с природой, – и, обратившись к бармену, объявил: – Всех угощаю я, Хэнк. Сегодня я в большом выигрыше.

Один из партнеров Брэда, Эрик Сандерлин, возглавлял в клубе спортивный комитет и сейчас, оседлав любимого конька, уже рассказывал о своем проекте расширения и улучшения площадки для гольфа. К территории клуба прилегал большой лесистый, участок земли, на котором стояла заброшенная ферма, и Сандерлин распространял среди членов клуба письмо с предложением выпустить заем и купить этот участок.

– Тогда наш клуб попадет в разряд первоклассных, – говорил Сандерлин. – Мы могли бы даже замахнуться на участие в турнире АПГ.⁹ Число членов клуба наверняка бы удвоилось.

В Америке все всегда стремится «удвоиться» и попасть в разряд повыше, неприязненно подумал Рудольф. И тем не менее он был рад, что в баре говорят о гольфе, а не о статье в «Сентинел».

– А ты, Руди? Подпишешься на заем вместе с нами? – спросил Сандерлин.

– Я еще не думал об этом, – ответил Рудольф. – Дай мне недельки две на размышление.

– А чего, собственно, тут размышлять? – агрессивно сказал Сандерлин.

– Старина Руди не принимает поспешных решений, – вмешался Брэд. – Даже если ему надо постричься, он обдумывает этот шаг две недели.

– Будет очень кстати, если нас поддержит такая видная фигура, как ты, – настаивал Сандерлин. – Я от тебя так просто не отстану.

– В этом я не сомневаюсь, Эрик, – заметил Рудольф. Сандерлин засмеялся этому признанию своей напористости и вместе с двумя другими мужчинами пошел в душ.

Брэд остался в баре и заказал себе еще виски. Лицо у него всегда было красным, непонятно, то ли от солнца, то ли от спиртного.

– Такая видная фигура, как ты, – повторил Брэд. – В Уитби все говорят о тебе так, будто ты ростом с каланчу.

– Поэтому-то я и прижился в этом городе, – сказал Рудольф.

---

⁹ Ассоциация профессиональных игроков в гольф.

– Ты собираешься остаться здесь и после того, как уйдешь из бизнеса? – спросил Брэд, не глядя на Рудольфа, и кивнул Хэнку, поставившему перед ним стакан с виски.

– А кто говорит, что я решил уйти из бизнеса? – Рудольф не посвящал Брэда в свои планы.

– Ходят слухи.

– Кто тебе это сказал?

– Но ты ведь действительно собрался выйти из игры?

– Кто тебе сказал?

– Вирджиния Колдервуд.

– А-а.

– Она слышала, как ее отец говорил об этом с матерью. Мы с Вирджинией последние два месяца часто встречаемся. Хорошая она девушка.

– М-да-а.

– Вы со стариком уже обсудили, кого поставить вместо тебя?

– Да, у нас был разговор.

– Ну и кто же это будет?

– Мы еще не решили.

– Ладно! – Брэд улыбнулся, но лицо его покраснело больше обычного. – Надеюсь, ты сообщишь об этом своему старому однокашнику хотя бы за десять минут до того, как узнают все?

– Обязательно. А что еще говорила тебе мисс Колдервуд?

– Ничего особенного, – небрежно сказал Брэд. – Говорила, что любит меня. И всякое другое в том же роде. Ты ее давно видел?

– Давно. – Рудольф не видел ее с той ночи, когда родилась Инид. Шесть недель – это давно.

– Мы с ней все смеемся! У нее обманчивая внешность. Она очень веселая.

Новые грани в характере этой особы. Любит смеяться. Бурно веселится в полночь под чужими дверями.

– Откровенно говоря, я собираюсь на ней жениться, – сказал Брэд.

– Почему? – спросил Рудольф, хотя догадывался почему.

– Надоело шататься по бабам, – сказал Брэд. – Мне скоро стукнет сорок, и я уже не тот, что раньше.

«Нет, ты мне говоришь не все, – подумал Рудольф. – Нет, мой друг, это далеко не все».

– А может, на меня подействовал твой пример, – продолжал Брэд. – Если женитьба пришлась по вкусу даже такой фигуре; как ты, – он ухмыльнулся, здоровый, краснолицый, – то, думаю, мне тоже будет неплохо. Рай супружеского счастья!

– Первый раз ты в этом раю, кажется, недолго задержался.

– Это точно, – согласился Брэд. Его первый брак – он женился на дочери одного нефтепромышленника – продлился всего полгода. – Но тогда я был моложе. К тому же моя первая жена была не из такой приличной семьи, как Вирджиния. Ну и потом, может, на этот раз мне повезет.

Рудольф глубоко вздохнул.

– Нет, Брэд, тебе не повезет, – спокойно заметил он. Потом рассказал ему все о Вирджинии Колдервуд. О ее письмах к нему, о телефонных звонках, о засадах у его дома, о последней отвратительной сцене шесть недель тому назад.

Брэд слушал молча, а потом сказал только:

– Наверно, просто здорово, когда тебя так любят, дружище.

Через две недели Рудольф с утренней почтой получил приглашение на бракосочетание мисс Вирджинии Колдервуд с мистером Брэдфордом Найтом. Церковный орган заиграл свадебный марш, и Вирджиния под руку с отцом двинулась по проходу между скамьями. В белом подвенечном платье она казалась хорошенькой, нежной, хрупкой и спокойной. Проходя мимо Рудольфа, она не взглянула на него, хотя он и Джин стояли в первом ряду. Жених, потный и красный от июльской жары, ждал у алтаря вместе с Джонни Хитом – тот был шафером. Все вокруг удивлялись, почему Брэд не выбрал шафером Рудольфа, но сам Рудольф этому не удивлялся.

«Это все дело моих рук, – думал Рудольф, рассеянно слушая мессу. – Я пригласил его сюда из Оклахомы. Я ввел его в корпорацию. Я отказался от невесты. Все дело моих рук. Но несу ли я за это ответственность?»

Свадьбу справляли в загородном клубе. На длинном столе под тентом стояли закуски, а по всей лужайке под яркими зонтами – маленькие столики. На террасе, где играл оркестр, жених и невеста, уже переодевшиеся к отъезду в свадебное путешествие, танцевали свой первый танец, вальс.

После венчания, как и полагалось, Рудольф поцеловал невесту. Вирджиния улыбнулась ему точно так же, как улыбалась всем остальным. «Может быть, все теперь позади, – подумал он. – Может, теперь она угомонится».

Рудольф и Джин подошли к столу, взяли по бокалу шампанского и заговорили с отцом Брэда, приехавшим на свадьбу из Техаса. На нем была широкополая фетровая шляпа. Худощавый, с обветренным лицом и глубокими морщинами на загорелой шее, он никак не походил на человека, который приобретал и терял целые состояния: он скорее напоминал снимающегося в эпизодах актера, которого пригласили на роль шерифа в ковбойском фильме.

– Брэд много рассказывал о вас, сэр, – сказал старый Найт Рудольфу. – Да, мистер Джордах, мой сын перед вами в неоплатном долгу, и не думайте, что он сам этого не знает. Когда вы позвонили и предложили ему здесь работу, он едва сводил концы с концами в Оклахоме. Я сам в то время, чего уж тут скрывать, был в крайне стесненном положении, не мог наскрести денег даже на ржавую буровую вышку, чтобы помочь моему мальчику. Сейчас я, скажу без ложной скромности, снова стою на ногах, а тогда было похоже, что бедному старику Питу Найту – крышка. Мы с Брэдом жили в одной комнате и для поддержания сил ели жгучий перец три раза в день. И вдруг как гром среди ясного неба – звонок от его друга Руди. Когда Брэд вернулся из армии, я сказал ему: «Послушай меня, воспользуйся тем, что предлагает правительство, и поступай в колледж, пока для демобилизованных льготы, потому что теперь в нашей стране такое время, что, если человек без образования, всем на него наплевать». Брэд, он у меня хороший парень, у него хватило ума послушаться старика отца, а теперь поглядите-ка на него.

– Он с сияющей улыбкой посмотрел в ту сторону, где его сын, Вирджиния и Джонни Хит пили шампанское с группой гостей помоложе. – Хорошо одет, пьет шампанское, впереди у него прекрасное будущее, женат на красивой молодой женщине, которую ждет большое наследство. И если он когда-нибудь станет отрицать, будто всем этим обязан своему другу Руди, его старый отец первым назовет его лжецом.

Брэд, Вирджиния и Джонни подошли засвидетельствовать свое почтение Найту, и старик тут же повел Вирджинию танцевать, а Брэд пригласил Джин.

– В понедельник Гаррисон даст ответ, – сказал Джонни, когда они с Рудольфом остались одни. – Думаю, он согласится и ты получишь свою игрушку.

Рудольф кивнул, хотя у него вызвало раздражение, что Джонни, не понимавший, как можно сделать большие деньги на газете «Сентинел», называет ее игрушкой. Но независимо от своего отношения Джонни тем не менее, как всегда, сумел все устроить. Он нашел некоего Хэмлина, который надумал прибрать к рукам газеты в нескольких мелких городах и согласился купить «Сентинел», а через три месяца перепродать газету Рудольфу. Хэмлин, прожженный делец, потребовал за свои услуги три процента от покупной стоимости газеты, но он сумел так сбить первоначальную цену, запрошенную Гаррисоном, что стоило пойти на его условия.

У стойки бара Рудольфа хлопнул по плечу Сид Гроссет, который до последних выборов был мэром Уитби, каждые четыре года ездил делегатом на съезд республиканцев. Добродушный, дружелюбный человек, по профессии адвокат, он успешно пресек слухи о том, что, занимая пост мэра, берет взятки, но затем все-таки предпочел не выставлять свою кандидатуру на последних выборах. И правильно сделал, говорили в городе.

– Привет, молодой человек, – сказал Гроссет. – О вас нынче много говорят.

– Хорошее или плохое? – спросил Рудольф.

– Никто никогда не слышал ничего плохого о Рудольфе Джордахе, – сказал Гроссет. – Политическая карьера научила его дипломатии.

– Вот она, истина, – улыбнулся Джонни Хит.

– Привет, Джонни. – Гроссет всегда был готов подать руку любому. Впереди будут еще выборы. – Из авторитетного источника, – продолжал Гроссет, – мне стало известно, что вы в конце месяца уходите из «Д.К. Энтерпрайсиз».

– Кто же этот источник?

– Мистер Дункан Колдервуд.

– По-видимому, волнения сегодняшнего дня отразились на рассудке бедного старика, – сказал Рудольф. Ему не хотелось говорить о своих делах Гроссету и отвечать на вопросы о дальнейших планах.

– В тот день, когда у Дункана Колдервуда какие-нибудь волнения отразятся на рассудке, кликните меня, и я тут же прибежу, – улыбнулся Гроссет. – Он утверждает, будто ему ничего не известно о ваших планах на будущее. Более того, говорит, что не знает, есть ли у вас вообще какие-нибудь планы. Но в этом случае, если вы ждете каких-либо предложений... Может

быть, нам имеет смысл поговорить на днях?

– На следующей неделе я буду в Нью-Йорке.

– Впрочем, зачем нам играть в прятки? Вам никогда не приходило в голову заняться политикой?

– Когда мне было лет двадцать, я подумывал об этом, – сказал Рудольф. – Но сейчас я уже старый и мудрый...

– Не говорите ерунды, – резко оборвал его Гроссет. – Политикой мечтают заниматься все. И особенно такие люди, как вы. Вы богаты, пользуетесь популярностью, добились огромного успеха, у вас красивая жена. Такие люди стремятся завоевать новые миры.

– Только не говорите мне, что вы хотите, чтобы я выдвинул свою кандидатуру в президенты, раз Кеннеди уже нет в живых.

– Я понимаю, что вы шутите, – серьезно сказал Гроссет, – но как знать, будет ли это шуткой лет через десять – двенадцать. Нет, Руди, вы должны начать свою политическую карьеру на местном уровне, здесь, в Уитби, где вы всеобщий любимчик. Я прав, Джонни? – Он обернулся за поддержкой к шаферу.

– Точно. Всеобщий любимчик, – кивнул Джонни.

– Родом из бедной семьи, окончил колледж в этом же городе, красивый, образованный, интересуется общественной жизнью...

– Мне всегда казалось, что я больше интересуюсь своей личной жизнью, – сказал Рудольф, чтобы оборвать поток восхвалений.

– Хорошо, можете шутить дальше, – продолжал Гроссет. – Но достаточно вспомнить все бесчисленные комиссии, в которые вы входите. И у вас нет ни одного врага.

– Не оскорбляйте меня, Сид. – Рудольф получал удовольствие, поддразнивая этого настойчивого низкорослого человечка, но слушал его внимательнее, чем могло показаться со стороны.

– Я знаю, что я говорю.

– Вы даже не знаете, демократ я или республиканец. А если вы спросите Леона Гаррисона, то он скажет вам, что я коммунист.

– Леон Гаррисон – старый болван, – сказал Гроссет. – Моя бы воля, я бы объявил подписку и на собранные деньги купил бы у Гаррисона его газету.

Рудольф не удержался и подмигнул Джонни Хиту.

– Я знаю, что вы собой представляете, – наседал на него Гроссет. – Вы республиканец типа Кеннеди. А это беспроигрышный вариант. Нашей партии нужны именно такие люди.

– Раз уж вы воткнули в меня булавку с ярлыком, Сид, можете теперь поместить меня под стекло. – Рудольф не любил, когда его относили к какому-либо разряду, неважно к какому.

– Я хочу поместить вас в муниципалитет Уитби, – сказал Гроссет. – В кресло мэра. И готов поспорить, что мне это по силам. Как бы вы к этому отнеслись? А потом вы зашагаете наверх, ступенька за ступенькой. Вам, наверно, совсем не хочется стать сенатором? Сенатором от Нью-Йорка? Это, наверно, задело бы ваше самолюбие, да?

– Сид, я вас просто дразнил, – мягко сказал Рудольф. – Я польщен вашим предложением. Действительно польщен. На следующей неделе я обязательно к вам заеду, обещаю. А сейчас нам не мешает вспомнить, что мы на свадьбе, а не в прокуренном гостиничном номере. Я иду танцевать с невестой.

Он поставил стакан, дружелюбно похлопал Гроссета по плечу и пошел искать Вирджинию. Он еще не танцевал с ней, и, если хоть раз не пригласит ее, наверняка пойдут сплетни. Уитби – маленький городок, и тут все быстро замечают.

Преданный приверженец партии демократов, потенциальный сенатор, он приблизился к невесте. Скромная и радостная, она стояла под тентом, ласково и изящно положив руку на плечо своему новоявленному супругу.

– Могу я просить оказать мне честь? – спросил Рудольф.

– Все мое – твое, – сказал Брэд. – И ты это знаешь.

Рудольф вышел с Вирджинией на террасу. Она танцевала с достоинством целомудренной невесты, ее прохладные пальцы неподвижно застыли в его руке, ее прикосновение к плечу было невесомо, воздушно, голова гордо откинута назад – Вирджиния знала, что все на нее смотрят: девушки завидуют ей, мужчины – ее мужу.

– Желаю вам счастья. Много, много лет счастья, – сказал Рудольф.

Она тихо засмеялась.

– Я буду счастлива, – сказала она и чуть прижалась к нему бедром. – Не сомневайся. Брэд будет мне мужем, а ты – любовником.

– О господи, – вздохнул Рудольф.

Она укоризненно прижала к его губам пальчик, и они дотанцевали в молчании. Подводя ее обратно к Брэду, он уже понимал, что был излишне оптимистичен. Эта история никогда не кончится. Даже через миллион лет.

Рудольф не бросал рис вместе с другими гостями вслед новобрачным, когда те отбыли на машине Брэда в свадебное путешествие. Он стоял на ступеньках клуба рядом с Колдервудом. Тот тоже не бросал рис. Старик хмурился – то ли от собственных мыслей, то ли от бившего в глаза солнца. Гости вернулись к столу выпить перед уходом по бокалу шампанского, но Колдервуд остался на ступеньках, вглядываясь в затуманенную летней дымкой даль, в которой исчезла его последняя дочь со своим мужем. В начале свадьбы Колдервуд сказал Рудольфу, что хочет с ним поговорить, и сейчас Рудольф махнул рукой Джин: мол, я подойду к тебе потом, и она оставила мужчин наедине.

– Ну, что скажешь? – наконец нарушил молчание Колдервуд.

– Прекрасная свадьба.

– Я не о том.

– Трудно сказать, как у них сложится совместная жизнь, – пожал плечами Рудольф.

– Он рассчитывает занять твое место.

– Это вполне естественно.

– Я ему не до конца доверяю, – покачал головой Колдервуд. – Мне крайне неприятно говорить так о человеке, который честно работал у меня и к тому же

женился на моей дочери, но я не могу избавиться от этого предубеждения.

– За все время с тех пор, как он у нас работает, он не сделал ни одного неверного шага, – сказал Рудольф.

«Кроме одного, – мысленно добавил он. – Не поверил мне, когда я рассказал ему все про Вирджинию. Или еще хуже – поверил, но все равно женился».

– Конечно, он твой друг, – продолжал Колдервуд. – И хитер как лиса. Ты знаешь его много лет, и, уж если ты вызвал его сюда и поручил большой, важный, ответственный пост, значит, ты в нем достаточно уверен, но есть в нем что-то такое... – Колдервуд снова покачал своей большой головой. На его угрюмом желтоватом лице уже лежала печать приближающейся смерти. – Он пьет, он бабник – не возражай, Руди, я знаю, что говорю, – он любит азартные игры, он родом из Оклахомы...

Рудольф хмыкнул.

– Понятно, я стар и у меня есть свои предрассудки. Тут уж ничего не поделаешь. Наверно, ты меня избаловал, Руди. Никому в жизни я не доверял так, как тебе. Даже когда ты склонял меня поступать вопреки голосу моего разума – а ты бы удивился, узнав, как часто это бывало, – я верил, ты никогда не сделаешь ничего такого, что, по твоему мнению, повредит моим интересам, или попахивает интригой, или невыгодно отразится на моей репутации.

– Спасибо, мистер Колдервуд, – сказал Рудольф.

– Мистер Колдервуд, мистер Колдервуд, – брюзгливо передразнил его старик. – Ты что, так и будешь называть меня мистером Колдервудом, пока я не лягу в гроб?

– Спасибо, Дункан. – Это далось Рудольфу с трудом.

– Теперь я должен передать дело всей моей жизни в руки этого человека... – В надтреснутом голосе Колдервуда звучала старческая обида. – Даже если это случится после моей смерти, мне все равно это не нравится. Но если ты так считаешь... – Он сокрушенно замолчал, не закончив фразы.

Рудольф вздохнул. Всегда приходится кого-то предавать, подумал он.

– Я так не считаю, – сказал он спокойно. – В нашем юридическом отделе работает один молодой юрист. Его фамилия Мэтерс.

– Знаю я его, – прервал Колдервуд. – Такой бледный, в очках. У него двое детей. Он из Филадельфии.

– До того, как он поступил на юридический в Гарвард, он окончил Уортонскую школу бизнеса. У нас он работает уже больше четырех лет. Знает дело как свои пять пальцев. В любой юридической конторе Нью-Йорка он мог бы зарабатывать гораздо больше, но ему нравится жить здесь.

– Хорошо, – сказал Колдервуд. – Объяви ему эту новость завтра.

– Я бы предпочел, чтобы вы сделали это сами, Дункан. – Он второй раз в жизни назвал Колдервуда по имени.

– Как всегда, мне не хочется делать того, что ты советуешь, но я, как всегда, знаю, что ты прав. Я скажу ему сам. А сейчас пойдем, выпьем еще шампанского. Видит бог, я заплатил за него немало и вполне имею право тоже выпить.

О новом назначении было объявлено накануне возвращения молодоженов из свадебного путешествия.

Брэд принял новость спокойно, как и подобает джентльмену, и не выспрашивал Рудольфа, кто принял такое решение. Однако спустя три месяца ушел из корпорации и вместе с Вирджинией уехал в Талсу, где отец взял его в партнеры в свою нефтяную компанию.

Брэд регулярно писал Рудольфу. Бодрые, шутливые, дружеские письма. Дела у него идут хорошо, писал он, зарабатывает он больше, чем когда-либо раньше. В Талсе ему нравится: тут играют в гольф по-крупному, и три субботы подряд он выигрывал по тысяче долларов с лишним. Вирджинию все здесь любят, и у нее уже масса друзей. Она тоже увлеклась гольфом. Брэд советовал Рудольфу вложить вместе с ним кое-какие деньги в нефть. «Дело беспроигрышное. Будешь стричь купоны, как цветочки», – писал он. По его словам, он хотел как-то отплатить Рудольфу за все, что тот для него сделал, и это была подходящая возможность.

Чувствуя себя виноватым перед Брэдом – Рудольф не мог забыть тот разговор с Дунканом Колдервудом на ступеньках загородного клуба, – он стал приобретать акции нефтяной компании «Питер Найт и сын». Джонни Хит навел соответствующие справки и, установив, что у компании «Питер Найт и сын» высокая кредитоспособность, вложил в ее акции ровно такую же сумму, что и Рудольф.

3

1965 год.

Сидя на корточках на палубе и что-то тихонько насвистывая, Томас драил до блеска медную катушку якорной лебедки. Хотя июль только начался, было уже тепло, и он работал босиком и без рубашки. Плечи и спина у него загорели до черноты, и он стал не менее смуглым, чем самые смуглые итальянцы, служившие на пароходах в порту Антиба. Тело его уже не было таким жилистым, как раньше, когда он занимался боксом. Мышцы не выпирали буграми, а стали более мягкими и сглаженными. Если он, как сейчас, покрывал шапочкой облысевшую макушку, то выглядел моложе, чем два года назад.

Снизу, из машинного отделения, доносился стук молотка – Пинки Кимболл и Дуайер чинили насос. Завтра яхта выходила в первый в этом сезоне рейс, а во время пробного запуска левый двигатель перегрелся. Пинки, работавший механиком на «Веге», самом большом судне в порту, предложил разобраться, в чем загвоздка. Небольшие неполадки Дуайер и Томас исправляли сами, но, когда был необходим сложный ремонт, им приходилось обращаться к кому-нибудь за помощью. К счастью, Томас зимой завязал дружбу с Кимболлом, и тот помог им привести «Клотильду» в порядок и подготовить ее к летнему сезону. Томас не стал объяснять Дуайеру, почему решил так назвать яхту, когда они в Порто-Санто-Стефано переименовали ее из «Пенелопы» в «Клотильду».

Про себя он тогда подумал, что, если яхта должна носить женское имя,

почему бы ей не быть «Клотильдой»? Во всяком случае, называть ее «Терезой» он не собирался.

Они уже успешно отплавали на «Клотильде» два сезона, и, хотя ни Томас, ни Дуайер не стали богачами, у обоих на счету в банке были кое-какие деньги на черный день. Предстоящий сезон обещал быть даже удачнее, чем те два, и Томас, надраивая бронзовую катушку и видя в ней отражение солнца, испытывал умиротворение. До того как-он связал свою жизнь с морем, ему и в голову не приходило, что простая, бездумная работа – например, начищать до блеска какую-то медяшку – может доставлять ему удовольствие.

Впрочем, все, что приходилось делать на судне, доставляло Томасу удовольствие. Он, который не вымыл в своей жизни ни одной тарелки, теперь часами скреб в камбузе кастрюли и сковороды, следил за тем, чтобы в холодильнике была безукоризненная чистота, мыл конфорки и духовку. Когда на борту были пассажиры, Томас, Дуайер и нанятый на рейс повар ходили в светло-коричневых шортах и белоснежных теннисках с оттиснутым на груди синими буквами названием яхты. По вечерам или в холодную погоду команда носила одинаковые толстые темно-синие матросские свитеры. Он научился готовить коктейли и подавал их, как полагалось, – со льдом, в чуть запотевших красивых бокалах. Сам он пил редко, в основном пастис и иногда пиво. Когда арендовавшие яхту пассажиры поднимались на борт, он встречал их в капитанской фуражке с позолоченной кокардой. Он чувствовал, что это добавляет круизам морской экзотики.

Он выучил несколько фраз по-французски, по-итальянски и по-испански, так что мог объясниться во время прохождения портовых формальностей, но, конечно, его знаний не хватало, когда возникали какие-то споры. Дуайеру языки давались легче, и он всю болтал с кем угодно.

Томас послал Гретхен фотографию «Клотильды», в облаке брызг взлетающей на волну, и Гретхен писала, что поставила снимок на камин в гостиной. «Когда-нибудь, – написала она, – я приеду в Антиб и попутешествую вместе с тобой». Она сообщала, что очень занята какой-то работой на киностудии. Она подтвердила, что держит свое слово и не говорит Рудольфу, ни где Томас, ни чем он занимается. Гретхен одна связывала Томаса с Америкой, и, когда ему было тоскливо, когда он скучал по сыну, он писал только ей. Он уговорил Дуайера написать в Бостон той девушке, на которой Дуайер, если ему верить, по-прежнему собирался жениться, и попросить ее при случае съездить в Нью-Йорк в гостиницу «Эгейский моряк» и встретиться с Пэппи. Но девушка пока не ответила.

Скоро, через год-два, несмотря ни на что, он сам поедет в Нью-Йорк и попытается разыскать сына.

После поединка с Фальконетти он еще ни разу ни с кем не подрался, Фальконетти по-прежнему продолжал сниться ему по ночам. Томас уже не слишком переживал давнюю историю, но ему было жаль, что Фальконетти погиб, и, хотя прошло немало времени, он не избавился от сознания вины в смерти этого человека.

Стук в машинном отделении прекратился, и вскоре из люка появилась

рыжая голова Кимболла, вслед за ним вылез на палубу и Дур. Кимболл вытер руки и выбросил пучок ветоши за борт.

– Теперь все должно быть в порядке, капитан.

У Кимболла, туповатого англичанина, было веснушчатое лицо, которое никогда не загорало и все лето оставалось ярко-розового цвета. Кимболл, как он сам говорил, был слабоват по части выпивки. Напиваясь, он становился задиристым и затевал ссоры в барах. Он неизменно скандалил с начальством и редко задерживался на одном пароходе больше года, но, поскольку был отличным судовым механиком, без труда находил новую работу.

С Томасом они поладили с самого начала – встречаясь на набережной, приветливо здоровались, угощали друг друга пивом в маленьком баре при въезде в порт. Кимболл догадался, что Томас бывший боксер, и Томас рассказал ему о нескольких своих матчах, о том, каково быть профессионалом, о победе в Лондоне и о последующих двух поражениях и даже о своей последней схватке с Куэйлсом в номере лас-вегасского отеля – эта история особенно пришлась по душе драчливому Кимболлу. Но Томас ничего не рассказал ему о Фальконетти, а у Дуайера хватило ума, чтобы тоже об этом помалкивать.

Дружбу Томаса и Кимболла скрепил случай, происшедший однажды вечером в небольшом портовом баре в Ницце. Дуайер и Томас забрели в этот бар совершенно случайно. У стойки никто не толпился, поскольку там занял оборону пьяный Кимболл и что-то громко орал, обращаясь к группке французских матросов и крикливо одетых молодых людей с бандитскими физиономиями. Томас давно научился распознавать подобных субъектов и избегал их – это были мелкие хулиганы и гангстеры низкого пошиба, выполнявшие на Лазурном берегу работу для шефов крупных банд, чьи штаб-квартиры находились в Марселе. Инстинкт подсказал Томасу, что они, вероятно, вооружены – если не пистолетами, то по крайней мере ножами.

Пинки Кимболл орал им что-то на ломаном французском, и Томас не понимал его, но по тону Кимболла и по мрачным лицам парней было ясно, что Пинки их оскорбляет.

Кимболл в пьяном виде терял всякое уважение к французам. Когда он напивался в Италии, то терял уважение к итальянцам. Когда напивался в Испании, то начинал оскорблять испанцев. А кроме того, напившись, он, казалось, напрочь забывал простую арифметику, и тот факт, что он один, а против него – по меньшей мере пятеро, лишь подзадоривал его, и он еще пуще давал волю своему красноречию.

– Он доиграется. Его сегодня прирежут, – прошептал Дуайер, понимавший большую часть из того, что орал Кимболл. – И нас тоже, если узнают, что мы его приятели.

Том крепко схватил Дуайера за руку и потащил за собой к тому месту, где стоял Кимболл.

– Привет, Пинки, – бодро сказал он.

Пинки резко повернулся, готовый встретить новых врагов.

– А, это вы. Очень хорошо. Я вот тут решил кое-что растолковать этим

maquereaux¹⁰ для их же пользы...

– Кончай, Пинки, – оборвал его Томас и повернулся к Дуайеру. – Я хочу сказать пару слов этим джентльменам. А ты переведешь. Четко и вежливо. – Он дружелюбно улыбнулся остальным посетителям бара, стоявшим зловещим полукругом. – Как вы уже поняли, господа, этот англичанин – мой друг. – Он подождал, пока Дуайер, нервничая, перевел его слова. Выражение лиц окружавших стойку французов несколько не изменилось. – К тому же он пьян, – продолжал Томас. – Естественно, никому не хочется, чтобы его друг пострадал, пьяный он или трезвый. Я постараюсь заставить его не произносить здесь больше никаких речей, и неважно, что он сейчас говорит или говорил до этого, – сегодня здесь не будет никаких скандалов. Сегодня я – полицейский в этом баре и буду следить за порядком. Пожалуйста, переведи, – приказал он Дуайеру.

Дуайер, заикаясь, перевел, а Пинки брезгливо заявил:

– Что за дела, капитан?! Перед кем приспускаешь флаг?!

– Более того, – снова заговорил Томас, – я хочу сейчас угостить всех присутствующих. Бармен, прошу! – Он улыбнулся, но чувствовал, как напрягаются его мышцы, и был готов в любой момент броситься на самого здорового из всей компании – корсиканца с квадратной челюстью, одетого в черную кожаную куртку.

Те, к кому он обращался, неуверенно переглянулись. Но ведь они пришли в бар не драться! И, слегка поворчав, они по очереди подошли к стойке и выпили за счет Томаса.

– Тоже мне боксер, – презрительно фыркнул Пинки. – У вас, у янки, все войны состоят только из перемирий. – Но через десять минут спокойно разрешил увести себя из бара.

Придя на следующий день на «Клотильду», он принес бутылку пастиса.

– Спасибо, Томми. Если бы не ты, через две минуты они раскроили бы мне череп. Не понимаю, что на меня находит, стоит мне пропустить пару стаканчиков. И ведь не то чтобы я когда-нибудь побеждал... За мою храбрость меня наградили одними шрамами – с головы до пят. – Он рассмеялся.

Томас не знал, какое событие в жизни Пинки повлияло на него так, что стоило ему выпить, и из дружелюбного, пусть и неотесанного, но приветливого человека он превращался в свирепого зверя. Может, когда-нибудь Пинки сам расскажет ему о себе.

Пинки вошел в рубку, поглядел на приборы, придирчиво послушал тархтение дизелей.

– Ну, вот вы и готовы к летнему сезону, – сказал он. – На своем собственном судне. И я вам завидую.

– Готовы, да не совсем, – ответил Томас. – У нас нет повара.

– Как? – удивился Пинки. – А где тот испанец, которого ты нанял на прошлой неделе?

---

¹⁰ Сутенерам, сводникам (фр.).

У испанца были хорошие рекомендации, и он, нанимаясь на «Клодильду», запросил немного. Но однажды вечером, когда испанец сходил на берег, Томас увидел, как он засовывает себе в сапог нож. «А это зачем?» – спросил Том.

– «Чтобы меня уважали», – ответил испанец. На следующий день Томас уволил его. Ему не нужен был на борту человек, который носит в сапоге нож, «чтобы его уважали».

– Я списал его на берег, – сказал Том Кимболлу и объяснил почему. – Мне снова нужен повар-стюард. Две недели это терпит. Моим пассажирам яхта будет нужна только днем, и они сами будут приносить еду. Но на лето понадобится пр.

– А ты не думал нанять женщину? – спросил Пинки.

Томас поморщился.

– Кроме стряпни и прочей ерунды на «Клотильде» немало тяжелой работы.

– Можно взять сильную женщину, – сказал Пинки.

– Большинство неприятностей у меня в жизни произошло именно из-за женщин, – заметил Томас. – И из-за сильных, и из-за слабых.

– Ты подумал, сколько дней ты теряешь каждое лето в разных тухлых портах, ожидая, пока постирают и погладят белье пассажирам, а они в это время ворчат, что зря тратят свое драгоценное время?

– Да, это большое неудобство, – согласился Томас. – У тебя есть кто-нибудь на примете?

– Так точно. Она работает горничной на «Веге», и ей это уже осточертело. Она помешана на море, а все лето видит только стиральную машину.

– Хорошо, – неохотно сказал Томас, – приведи ее, я поговорю с ней. Но предупреди, чтобы она оставила свой нож дома.

В шесть часов он увидел Пинки на причале с какой-то женщиной. Невысокая, плотно сбитая. Волосы заплетены в две косы. На ней были джинсы, синий свитер и сандалии на веревочной подошве. Перед тем как подняться по трапу, она сбросила сандалии.

– Это Кейт, – представил женщину Пинки. – Я рассказал ей о тебе.

– Привет, Кейт. – Томас протянул руку, и она пожала ее. У нее была слишком мягкая рука для женщины, работающей в прачечной и готовой выполнять тяжелую работу на судне. Как и Пинки, она была англичанкой, родом из Ливерпуля. На вид лет двадцать пять. Рассказывая о себе, говорила тихо. Сказала, что умеет готовить, стирать и может помогать в любой другой работе на борту. Говорит по-французски и итальянски – «не бог весть как», сказала она улыбаясь, – но понимает метеосводки на обоих этих языках. Может стоять за штурвалом и держать курс, готова нести вахты. Умеет водить автомобиль – вдруг понадобится. Согласна работать за ту же плату, что и уволенный испанец с ножом. Ее нельзя было назвать красавицей, но она была налитой, цветущей, приятно смуглой женщиной и смотрела собеседнику прямо в глаза. Зимой, если ее списывали на берег, она возвращалась в Лондон и устраивалась работать официанткой. Она не была замужем, не была помолвлена и хотела, чтобы к ней относились просто как к члену команды, не хуже и не лучше.

– Она у нас дикая английская роза, – сказал Пинки. – Правда, Кейт?

– Брось свои шуточки. Пинки, – ответила девушка. – Я хочу здесь работать. Мне надоело мотаться по Средиземному морю в накрахмаленной белой форме и белых чулках, точно сестра милосердия, и откликаться на «мисс» или «мадемуазель». Я давно поглядывала на вашу яхту, Том. И она мне нравится – не слишком большая, не то что у этих воображал из Британского королевского яхт-клуба. Зато чистая и симпатичная. И-у ж конечно, на борту не будет избытка дам, и мне не придется целый день в Монте-Карло маяться, наглаживая их бальные платья, чтобы они вечером могли щеголять в них на балу во дворце.

– Как знать, – попытался защитить репутацию своих пассажиров Томас. – Мы в общем-то возим не бедняков.

– Вы понимаете, о чем я говорю, – сказала девушка. – Кстати, я не хочу, чтобы вы покупали кота в мешке. Вы уже поужинали?

– Нет.

Дуайер в это время уныло возился в камбузе, пытаясь что-то приготовить из рыбы, которую он купил утром, но Томас по шуму, доносящемуся из камбуза, легко определил, что пока ничего еще не готово.

– Я приготовлю вам ужин, – сказала девушка. – Прямо сейчас. Если вам понравится, возьмете меня на «Клотильду». Я схожу на «Вегу», заберу свои вещи и сегодня же перейду к вам. А не понравится, вы все равно ничего не потеряете. Если останетесь голодными, сходите в город, в ресторан – они открыты допоздна. Пинки, оставайся, поужинаешь с нами.

Они ужинали на корме, за рубкой. Кейт накрыла стол, и почему-то он выглядел красивее, чем у Дуайера. Она откупорила две бутылки вина и поставила их в ведерке со льдом на стул. Она приготовила тушеную рыбу с картошкой, луком, чесноком, помидорами, тмином, белым вином и ломтиками бекона. Мужчины умылись, побрились, переоделись в чистое и, пока сидели на палубе, вдыхая аромат, несущийся из камбуза, выпили по две рюмки пастиса.

Кейт принесла большую миску с рыбой. Хлеб и масло уже стояли на столе рядом с салатом. Положив всем рыбы, она села за стол, спокойная и уверенная. Томас на правах капитана разлил вино по рюмкам.

Томас, первым начавший есть, сосредоточенно жевал. Кейт, опустив голову, тоже принялась за еду.

– Пинки, – сказал Томас, – ты настоящий друг. Ты задумал сделать из меня толстяка? Кейт, ты принята на работу.

Она подняла глаза и улыбнулась. Они выпили за нового члена команды.

Даже кофе был похож на кофе.

После ужина, пока Кейт мыла посуду, мужчины сидели на палубе, вбирая в себя тишину вечера, и, покуривая сигары, принесенные Кимболлом, смотрели, как из-за лиловых складок приморских Альп поднимается луна.

– Дуайер, – сказал Томас, откинувшись на спинку стула и вытягивая ноги, – это и есть то, о чем мы мечтали.

Дуайер не стал возражать.

Дуайер переселился в каюту Томаса, где была вторая койка, а в своей

бывшей каюте постелил для Кейт чистые простыни. Томас по ночам храпел – на ринге ему перебили нос. Но Дуайеру пришлось с этим смириться. По крайней мере временно.

Неделю спустя он снова вернулся в свою каюту, потому что Кейт перешла к Томасу. Она сказала, что храп ей не мешает.

Гудхарты, пожилая супружеская чета, каждый год в июне жили в отеле «Дю Кап», Гудхарт владел несколькими текстильными фабриками в Северной Каролине, но уже передал все дела сыну. Гудхарт был высоким крупным мужчиной с копной седоватых волос. Он держался прямо, двигался медленно и походил на полковника в отставке. Седовласая миссис Гудхарт была немного моложе своего мужа, и фигура еще позволяла ей носить брюки. В прошлом году Гудхарты зафрахтовали «Клотильду» на две недели, и поездка им так понравилась, что еще в начале зимы они списались с Томасом и договорились повторить двухнедельный отдых на его яхте в этом году.

Гудхарты были весьма непритязательными пассажирами. Каждый день ровно в десять часов утра Томас ставил яхту на якорь как можно ближе к берегу, напротив отеля, и Гудхарты подплывали на катере. Они привозили с собой массу всякой еды из ресторана отеля и корзины с завернутыми в салфетки бутылками вина. Том заводил «Клотильду» в какой-нибудь узкий пролив между Леренскими островами, лежащими в четырех тысячах ярдов от побережья, и бросал там якорь на весь день. В этих местах почти всегда было безветренно, глубина не превышала двенадцати футов, и вода была настолько прозрачна, что можно было разглядеть, как на дне шевелятся водоросли. Гудхарты надевали купальные костюмы и загорали на надувных матрасах, читали или дремали, иногда ныряли и плавали.

И мистер и миссис Гудхарт говорили тихо и были чрезвычайно вежливы друг с другом и со всеми остальными.

Ровно в половине второго Томас смешивал им по коктейлю. Их вкус не отличался разнообразием – они всегда заказывали «Кровавую Мэри». Потом Дуайер натягивал над палубой тент, и Гудхарты обедали тем, что привозили с собой из отеля. Обычно на стол ставились холодные лангусты, ростбиф, рыбный салат или холодная рыба с приправой из зелени, дыня с копченой ветчиной, сыр и фрукты. Они всегда привозили так много провизии, что, даже когда с ними обедали их друзья, еды оставалось вдоволь и для команды – не только на обед, но и на ужин.

Единственным хлопотным делом для Томаса было приготовление кофе, но с тех пор, как на яхте появилась Кейт, эта проблема перестала существовать. В первый же день рейса, когда она вышла из камбуза с кофейником, в белых шортах и белой, туго обтягивавшей ее пышную грудь тенниске с выведенным на ней синими буквами словом «Клотильда» и Томас представил ее, мистер Гудхарт одобрительно заметил: «Капитан, на вашем корабле плавание с каждым годом все приятнее».

Однажды Гудхарт спросил:

– Капитан, в этих краях много людей с фамилией Джордах?

– Я, честно говоря, не знаю. А что?

– Вчера я упомянул вашу фамилию в разговоре с помощником управляющего отелем, и он сказал, что в «Дю Кап» иногда гостит некий Рудольф Джордах с супругой.

– Это мой брат, – нехотя ответил Томас. Он чувствовал, что Гудхарт смотрит на него с любопытством, и догадывался, о чем тот думает. – Наши дороги с ним разошлись, – сказал он коротко. – В нашей семье он всегда считался самым умным.

– Как знать, – задумчиво сказал Гудхарт. – Может быть, именно вы оказались самым умным. Я работал всю свою жизнь и, только когда состарился и ушел на покой, могу позволить себе провести недельки две как сейчас. – Он печально усмехнулся. – Между прочим, меня в семье тоже считали самым умным.

Круиз в Испанию прошел неплохо, хотя у мыса Крус они попали в шторм и им пришлось простоять в порту целых пять дней.

«Клотильду» зафрахтовали два пузатых парижских бизнесмена с двумя молоденькими женщинами, определенно не их женами. Пары то и дело перетасовывались, но Томас обосновался на Лазурном берегу не для того, чтобы учить французских бизнесменов хорошему поведению. До тех пор пока они платят деньги и не разрешают своим дамам расхаживать на высоких шпильках, оставляющих вмятины на палубе, он не собирался препятствовать их развлечениям. Женщины загорали лишь в трусиках. Кейт это не очень нравилось, но у одной из француженок действительно была потрясающая грудь, а кроме того, это не слишком мешало «Клотильде», идти своим курсом, хотя, если бы на пути встретились рифы и если бы за рулем стоял Дуайер, они, скорее всего, сели бы на мель.

Девушка с потрясающим бюстом недвусмысленно дала понять Томасу, что не прочь наведаться ночью к нему на палубу и слегка позабавиться, пока ее Жюль храпит в каюте. Но Томас сказал ей, что арендована только яхта и его услуги не предусмотрены. И без того хватает нервов от этих пассажиров.

Из-за вызванной штормом задержки обе французские пары высадились в Марселе, чтобы успеть на поезд в Париж. Бизнесмены должны были в Париже забрать поджидающих их жен и остаток лета провести в Довилле.

Они возвращались в Антиб без заходов в порты, и Дуайер нес ночью восьмичасовую вахту, чтобы Томас и Кейт отоспались. В Антиб они прибыли до полудня. Томаса ждало два письма – одно было от брата, а второе написано незнакомым почерком. Вначале он распечатал письмо Рудольфа.

«Дорогой Том, – читал он. – Наконец-то я кое-что узнал о тебе, и, судя по всему, дела у тебя идут хорошо. Несколько дней назад мне позвонил мистер Гудхарт и рассказал, что плывал на твоей яхте. Как выяснилось, у нас с его фирмой есть кое-какие общие дела, и, полагаю, ему было любопытно узнать, что представляет собой твой брат. Они с женой пригласили нас к себе на коктейль. Как ты сам знаешь, Гудхарты очень милая пожилая пара. Они очень тепло отзывались о тебе, восторженно говорили о твоей яхте и о твоей жизни на море. Не исключено, что ты сделал лучшее капиталовложение река,

так употребив деньги, вырученные за акции корпорации „Д.К.“. Не будь я слишком занят – а похоже, я дам себя уговорить и выставлю этой осенью свою кандидатуру на выборах в мэры Уитби, – я, не задумываясь, взял бы с собой Джин, сел в самолет и прилетел бы поплавать на твоей яхте по синему морю. Может, в следующем году мне это удастся. А пока что я прошу тебя сдать на один рейс „Клотильду“ (как видишь, Гудхарты рассказали мне все, и я знаю даже название твоей яхты) моему другу, который скоро женится и хотел бы провести медовый месяц на Средиземном море. Ты, наверное, его помнишь – Джонни Хит. Если он будет действовать тебе на нервы, посади его на надувной плот, и пусть себе путешествует сам.

Ну а говоря серьезно, я очень рад за тебя и хотел бы, чтоб ты написал мне. Если я чем-нибудь могу быть тебе полезен, пиши без всяких колебаний.

Любящий тебя Рудольф» .

Прочитав письмо, Томас нахмурился. Ему не понравилось, что Рудольф напомнил ему, кому он обязан покупкой «Клотильды». Однако письмо было дружелюбным, погода стояла прекрасная, летний сезон проходил отлично, и глупо было портить себе настроение, вспоминая старые обиды. Он аккуратно сложил письмо и положил его в карман.

Второе письмо было от друга Рудольфа. Хит интересовался, может ли он рассчитывать на «Клотильду» с пятнадцатого по тридцатое сентября. Сезон подходил к концу, других предложений у Томаса не было, и еще один рейс был весьма кстати. Хит писал, что хочет поплавать вдоль побережья между Монте-Карло и Сен-Троpezом. Два пассажира на борту, короткий круиз – конец сезона будет нехлопотным.

Томас сел за стол и написал Хиту, что встретит его пятнадцатого либо в аэропорту в Ницце, либо на вокзале в Антибе.

Узнав, что стараниями Рудольфа у них будет еще один рейс, Кейт заставила Томаса написать брату благодарственное письмо. Томас уже собрался запечатать конверт, когда вспомнил, что брат предлагал ему писать без колебаний обо всех своих нуждах. А почему бы и нет? – подумал он. – От этого никто не пострадает. И в постскриптуме приписал: *«Ты можешь оказать мне одну услугу? По ряду причин я до сих пор не могу вернуться в Нью-Йорк, но, возможно, эти причины отпали. Несколько лет я не получаю никаких известий о своем сыне и даже не знаю, где он, как и не знаю, женат ли я вообще. Мне очень хотелось бы увидеть его и, если это возможно, на какое-то время взять к себе сюда. Может быть, ты помнишь тот вечер, когда вы с Гретхен зашли ко мне после матча? Тогда в раздевалке был мой менеджер, я еще представил его тебе. Его имя Герман Шульц. По моим последним сведениям, он жил в отеле „Бристоль“ на Восьмой авеню, но, возможно, он там больше не живет. Если ты спросишь в конторе на Гарден, как тебе его найти, они выяснят, жив ли он еще и в Нью-Йорке ли. Он должен что-нибудь знать про Терезу и моего парня. Ты ему пока не говори, где я. Просто спроси, „держится ли накал“. Он все поймет. Если разыщешь его, сообщи мне, что он тебе скажет. Этим ты окажешь мне по-настоящему большую услугу, и я буду тебе очень благодарен» .*

В отеле «Бристоль» никто не помнил Германа Шульца, но в бюро рекламы и информации на Мэдисон-Сквер-Гарден кому-то все же удалось разыскать его адрес – меблированные комнаты на Пятьдесят третьей Западной улице.

Облупившуюся дверь цвета высохшей крови открыл шаркающий ногами согбенный старик в съехавшем набок парике. Даже на расстоянии от старика пахло плесенью и мочой.

– Мистер Шульц дома? – спросил Рудольф.

– Четвертый этаж, в конце коридора. – Старик отступил, пропуская Рудольфа в дом.

Поднимаясь по лестнице, Рудольф понял, что запах, исходивший от старика, пропитал весь дом.

Дверь в комнату в конце коридора на четвертом этаже была открыта. Здесь, под самой крышей, стояла гнетущая жара. Рудольф узнал человека, которого Томас представил ему когда-то как Шульца. Шульц сидел на краю незастланной кровати, на грязных простынях, неподвижно уставившись в стену напротив.

Рудольф постучал о дверной косяк. Шульц медленно, с трудом повернул голову.

– Что вам надо? – спросил он. Голос его звучал резко и враждебно.

Рудольф вошел в комнату и протянул руку:

– Я брат Томаса Джордаха.

Шульц быстро спрятал свою руку за спину. На нем была грязная спортивная рубашка с потеками под мышками. Живот выпирал баскетбольным мячом. Шульц с трудом пошевелил губами, точно во рту у него были плохо подогнанные вставные челюсти. Он был совершенно лыс и выглядел больным.

– Я не пожимаю руки, – сказал он. – Из-за артрита.

Он не пригласил Рудольфа сесть, да, впрочем, и сесть-то, кроме кровати, было некуда.

– Сукин сын, – сказал Шульц. – Не хочу о нем слышать.

Рудольф достал бумажник и вытащил две ассигнации по двадцать долларов:

– Он просил меня передать вам это.

– Положите на кровать. – Злобное, змеиное выражение, застывшее на лице Шульца, нисколько не изменилось. – Он должен мне сто пятьдесят.

– Я заставлю его завтра же послать вам остальные, – сказал Рудольф.

– Давно пора. Что ему теперь от меня надо? Он что, опять кого-нибудь измордовал?

– Нет. У него больше нет никаких неприятностей.

– Жаль, – ядовито заметил Шульц.

– Он просил меня спросить вас, держится ли накал по-прежнему? – Произнося эти слова, он почувствовал, как странно они звучат.

Лицо у Шульца стало хитрым, таинственным, и он искоса взглянул на

Рудольфа.

– А вы уверены, что он завтра пришлет мне остальные деньги?

– Безусловно.

– Что ж, – сказал Шульц, – в таком случае можете ему передать, что накал спал. Все давно позади. Этот лопух Куэйлс после того, как ваш вонючий братец избил его, не сумел ни разу выиграть бой. А я-то рассчитывал хорошо на нем заработать. Он был моим единственным шансом. Да, все уже позади. Все спокойно. Кто сыграл в ящик, кто в тюрьме. Никто теперь и не помнит вашего чертова брата. Так ему и скажите. И еще скажите: то, что я для него сделал, стоит гораздо больше ста пятидесяти долларов.

– Я обязательно ему это скажу, – пообещал Рудольф, стараясь говорить так, словно понимает, что имеет в виду старик. – У меня к вам еще один вопрос от него.

– За эти деньги он задает слишком много вопросов.

– Он хотел бы знать, как там его жена.

Шульц фыркнул:

– Это та шлюха? – Он произнес это слово, четко разделив его на два слога. – Ее фотография появлялась в газетах. В «Дейли ньюс». Дважды. Ее дважды арестовывали за то, что она приставала к мужчинам в барах. Она утверждала, что ее зовут Тереза Лаваль. Говорила, что она француженка. Но я сразу узнал эту стерву. Француженка, как же! Они все шлюхи, все до единой. Я мог бы вам немало порассказать, мир...

– Вы знаете, где она живет? – Рудольфа не прельщала перспектива провести полдня в душной, зловонной комнате, выслушивая мнение Шульца о женщинах. – И где сейчас мальчик?

– Да, кто теперь что знает? – покачал головой Шульц. – Я вот даже не знаю, где я живу. Тереза Лаваль. Француженка. – Он снова фыркнул. – Тоже мне, француженка!

– Большое спасибо, мистер Шульц, – сказал Рудольф. – Не буду вас больше беспокоить.

– Да какое же это беспокойство? Приятно было поболтать. А вы точно перешлете мне завтра эти деньги?

– Я вам гарантирую.

– На вас отличный костюм, – сказал Шульц, – но это еще не гарантия.

С телеграммой Рудольфа в кармане он сошел с самолета в аэропорту имени Кеннеди и вместе с сотнями других пассажиров миновал стойки санитарной и иммиграционной инспекции. Когда он здесь был в последний раз, аэропорт еще назывался Айдлуайлд. Пуля в голову – слишком дорогая плата за то, чтобы твоим именем назвали аэропорт.

Здоровенный ирландец со значком «Иммиграционная инспекция» посмотрел на него так, словно ему была неприятна даже сама мысль о том, чтобы пустить Томаса обратно в страну. Он долго листал большую черную книгу, отыскивая фамилию Джордах, и, казалось, был разочарован, когда не обнаружил ее там.

Томас прошел в зал таможенного досмотра и стал ждать свой багаж.

Сколько народу! Как будто вся Америка возвращается из отпуска, проведенного в Европе. И откуда только у людей берутся деньги?!

Наверху, на застекленной галерее, толпились встречающие. Он отправил Рудольфу телеграмму с номером рейса и временем прибытия, но брата в толпе на галерее не было видно. На мгновение в нем вскипела досада. Не для того он сюда прилетел, чтобы кататься по Нью-Йорку в поисках брата.

Когда он вернулся в Антиб после плавания с Хитом, его уже неделю ждала телеграмма от Рудольфа. *«Дорогой Том, – прочитал он. – Можешь спокойно прилетать тчк Надеюсь очень скоро узнаем адрес твоего сына тчк Целую тчк Рудольф»*.

Увидев наконец свой чемодан, он подхватил его и встал в очередь к стойке таможенника. Инспектор заставил его открыть чемодан и долго в нем рылся. Томас не вез никому никаких подарков, и его благополучно пропустили.

Отказавшись от услуг носильщика, он сам понес свой чемодан к выходу. Стоявший в толпе Рудольф – он был одет, пожалуй, легче всех: без шляпы, в спортивных брюках и легком пиджаке – помахал ему. Они обменялись рукопожатием, и Рудольф хотел взять у него чемодан, но Томас не позволил.

– Хорошо долетел? – спросил Рудольф, когда они вышли из здания аэропорта.

– Нормально.

– Я поставил машину тут поблизости. Подожди меня здесь. Я мигом.

Когда Рудольф зашагал прочь, Томас заметил, что у брата все та же скользящая походка и он, как и в юности, при ходьбе совсем не двигает плечами.

Он расстегнул воротничок и ослабил узел галстука. Хотя было уже начало октября, стояла удушливая жара, пропитанная влажным смогом, пахнущая отработанным бензином. Он уже успел забыть, какой в Нью-Йорке климат. И как только люди здесь живут?!

Через пять минут Рудольф подъехал в голубом «бьюике». Том бросил чемодан на заднее сиденье и сел рядом с братом. В машине работал кондиционер и было прохладно.

– Ну, какие новости? – спросил Томас.

– Я разыскал Шульца, – ответил Рудольф. – Тогда-то и послал тебе телеграмму. Он сказал, что накал давно спал. Кто в тюрьме, кто умер. Я не стал спрашивать, что он имеет в виду.

– А что слышно о Терезе и о парне?

Рудольф подвигал рычажки кондиционера, нахмурился.

– Даже не знаю, как начать.

– Говори, не бойся. Я крепкий, выдержу.

– Шульц не знает, где они. Но он сказал, что видел в газетах фотографию твоей жены. Дважды.

– Чего это вдруг?! – На мгновение Томас растерялся. Может, эта психопатка в конце концов действительно сделала карьеру на сцене или в ночном клубе?

– Ее задерживали за проституцию в барах. Дважды, – сказал Рудольф. –

Мне очень неприятно, что именно я вынужден тебе об этом сказать.

– Да плюнь ты, – грубо сказал Томас. – Этого и следовало ожидать.

– Шульц сказал, что она назвала репортерам другую фамилию, но он все равно ее узнал. Я навел справки. Это точно она. В полиции мне дали ее адрес.

– А как парнишка?

– Он в военной школе. Я узнал об этом только два дня назад.

– Всю жизнь мечтал, чтобы мой сын стал солдатом!.. Как ты узнал все эти радостные новости?

– Нанял частного детектива.

– Он говорил с этой сучкой?

– Нет.

– Значит, никто не знает, что я здесь?

– Никто. Кроме меня. Я предпринял еще один шаг. Надеюсь, ты не будешь против?

– Что ты еще затеял?

– Я поговорил с одним знакомым адвокатом. Не называя никаких имен. Ты сможешь без труда развестись и забрать сына к себе. Из-за двух приводов Терезы.

– Хорошо бы ее заперли в тюрьму, а ключ выкинули.

– Слушай, – после паузы сказал Рудольф. – Мне сегодня надо вернуться в Уитби. Хочешь, поедем со мной, или можешь оставаться здесь, в моей квартире. Там сейчас никто не живет. Каждое утро приходит горничная и вытирает пыль.

– Спасибо, я останусь здесь, в квартире. Ты не можешь устроить мне завтра утром встречу с этим твоим адвокатом?

– Конечно.

– Значит, у тебя есть ее адрес и ты знаешь название этой военной школы?

Рудольф кивнул.

– Отлично. Больше мне ничего и не надо.

– Сколько ты думаешь пробыть в Нью-Йорке?

– Ровно сколько, сколько потребуется, чтобы уладить насчет развода и забрать парня с собой в Антиб.

– Джонни Хит писал мне, что очень доволен поездкой. Его невесте страшно понравилось у тебя на яхте, – заметил Рудольф.

– Как это она успела хоть что-то разглядеть, – с сомнением покачал головой Томас. – Она только и делала, что каждые пять минут переодевалась. У нее, наверно, было чемоданов тридцать. Хорошо, что на яхте не было других пассажиров. Мы заняли ее багажом две пустые каюты.

– Она из очень богатой семьи, – улыбнулся Рудольф.

– Сразу видно. Из нее богатство так и прет. А он, твой Друг, в общем ничего. Не жаловался на плохую погоду и задавал столько вопросов, что к концу второй недели сам мог бы сгонять на «Клотильде» чуть не до Туниса. Он говорил, что собирается предложить тебе с женой отправиться вместе с ним в круиз на будущее лето.

– Если только у меня будет время.

– Ты что, действительно собираешься баллотироваться в мэры этой дыры? – спросил Томас.

– Уитби вовсе не дыра, – сказал Рудольф. – А чем тебе не нравится эта идея?

– Да я бы и гроша ломаного не дал за самого распрекрасного политика в этой стране.

– Быть может, мне удастся изменить твое мнение.

– В кои веки был у нас один хороший человек, так, естественно, его застрелили.

– Всех не перестрелять.

– Кому надо, попытаются, – упрямо сказал Томас.

– Том, неужели ты никогда не скучаешь по Америке?

– А что она для меня сделала? Вот сейчас покончу со всеми делами, уеду и думать о ней забуду.

– Ужасно, что ты так говоришь.

– Одного патриота на нашу семью достаточно.

– А как же твой сын?

– Что мой сын?

– Сколько ты собираешься его держать в Европе?

– Всю жизнь, – сказал Томас. – Разве что тебя изберут президентом и ты наведешь в этой стране порядок, посадишь в тюрьму всех жуликов, генералов, полицейских, судей, конгрессменов и дорогих адвокатов, да если к тому же тебя при этом не застрелят, может, тогда я пошлю его сюда погостить.

– А как же он получит образование?

– В Антибе тоже есть школы. И получше всяких вонючих военных школ.

– Но он же американец.

– Ну и что?

– А то, что он не француз.

– Он и не будет французом. Он будет Уэсли Джордахом.

– Он останется без родины.

– А где, по-твоему, *моя* родина? Здесь? – Томас рассмеялся. – Родина моего сына будет на яхте в Средиземном море. Он будет плавать от одной страны, где делают вино и оливковое масло, до другой, где тоже делают вино и оливковое масло.

Рудольф не стал продолжать этот разговор, и остальную часть дороги до Парк-авеню, где была его квартира, они ехали молча. Швейцар подозрительно оглядел Томаса: воротничок расстегнут, галстук свободно болтается, синий костюм с широкими брюками, зеленая шляпа с коричневой лентой, купленная в Генуе.

– Твоему швейцару не понравилось, как я одет, – усмехнулся Томас, когда они поднимались в лифте. – Скажи ему, что я одеваюсь в Марселе, а всем известно, что Марсель – величайший центр мужской моды в Европе.

– Пусть тебя не волнует мнение швейцара, – сказал Рудольф, открывая Томасу дверь в квартиру.

– Ты недурно устроился, – заметил Томас, останавливаясь посреди

огромной гостиной с камином и длинным, обитым бледно-золотистым вельветом диваном, по обеим сторонам которого стояло по удобному мягкому креслу. На столах в вазах – свежие цветы, пол устлан светло-бежевым ковром, на темно-зеленых стенах – картины абстракционистов. Окна выходили на запад, и сквозь занавеси в гостиную лилось солнце. Мягко жужжал кондиционер, и в комнате стояла приятная прохлада.

– Мы приезжаем в Нью-Йорк реже, чем нам бы хотелось. Джин снова в положении и эти два месяца чувствует себя очень неважно, – сказал Рудольф, открывая буфет. – Вот тут бар. Лед в холодильнике. Если хочешь обедать не в ресторане, а здесь, скажи завтра утром горничной. Она отлично готовит.

Рудольф налил себе и Томасу виски с содовой и, пока они пили, достал бумаги, полученные в полиции, и отчет частного детектива и передал все это брату. Потом позвонил адвокату и договорился, что тот примет Томаса на следующее утро в десять часов.

– Так, – сказал он, когда они покончили с виски, – что я еще могу для тебя сделать? Если хочешь, я съезжу вместе с тобой и школу.

– Со школой я справлюсь сам, не беспокойся.

– Как у тебя с деньгами?

– Куры не клюют. Спасибо.

– В случае чего, звони мне в Уитби, – сказал Рудольф.

– Договорились, господин мэр, – улыбнулся Том.

Они пожали друг другу руки, и Рудольф ушел, оставив Томаса у стола, где лежали бумаги из полиции и отчет детектива.

Военная школа «Хиллтоп»¹¹ действительно стояла на вершине холма, и в том, что школа военная, сомневаться не приходилось. Ее, как тюрьму, окружала высокая стена из серого камня, и, проехав в ворота, Томас из окна взятой напрокат машины увидел мальчиков в серо-голубой форме, маршировавших строем на пыльном плацу.

Он подъехал до вьющейся вверх по холму дороге к каменному зданию, похожему на небольшой замок.

Территория школы была ухоженной, аккуратные цветочные клумбы, подстриженные газоны, остальные постройки – больше, солиднее и из того же камня, что и замок.

«Тереза наверняка дерет с клиентов большие деньги за свои услуги, если может позволить себе держать парня в такой школе», – подумал Томас.

Он вылез из машины и вошел в здание. В облицованном гранитом холле было темно и холодно. На стенах висели флаги, мечи, скрещенные ружья и мраморные доски с именами выпускников, погибших в испано-американской войне, в Мексиканской кампании, в первой и второй мировых войнах и в Корее. Холл походил на выставочный зал фирмы, рекламирующей свою продукцию. По лестнице спускался коротко подстриженный паренек с множеством затейливых нашивок на рукаве.

---

¹¹ Вершина холма (англ.).

– Сынок, где здесь кабинет начальника? – обратился к нему Томас.

Парень вытянулся по стойке «смирно», словно Томас был генералом Макартуром:

– Сюда, сэр.

В военной школе «Хиллтоп» ученикам явно прививали уважение к старшим. Может, поэтому-то Тереза и определила Уэсли сюда. Ей было бы очень кстати, если бы сына заставили ее уважать.

Мальчик открыл дверь в большую комнату. За столами, огороженными небольшим барьером, сидели две женщины.

– Пожалуйста, сэр, – сказал паренек и, щелкнув каблуками, ловко повернулся кругом и вышел в корр. Томас подошел к ближайшему столу. Женщина подняла глаза от лежавших перед ней бумаг.

– Что вам угодно, сэр?

– У меня здесь учится сын, – сказал Томас. – Моя фамилия Джордах. Мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь из начальства.

Женщина странно поглядела на него, точно его фамилия говорила ей о чем-то не слишком приятном. Потом поднялась.

– Я доложу о вас полковнику Бейнбриджу, сэр. Посидите пока. – Она указала на скамейку у стены и прошла к двери в другом конце комнаты. Женщина была тучная. На вид лет пятидесяти. Чулки на ногах перекручены. В военной школе «Хиллтоп» не искушали молодых солдат женскими прелестями.

Через несколько минут женщина вернулась, открыла в барьере небольшую дверцу и сообщила:

– Полковник Бейнбридж ждет вас, сэр. – Она провела его в конец комнаты и, когда он вошел в кабинет, закрыла за ним дверь. В кабинете полковника Бейнбриджа по стенам тоже висели флаги, а еще висели фотографии генерала Петтона, генерала Эйзенхауэра и самого Бейнбриджа, сурового воина в походном мундире, с биноклем на груди, в каске и с пистолетом. По-видимому, снимок был сделан во время второй мировой войны. Полковник, поднявшийся из-за стола, чтобы позвать руку Томасу, был сейчас в обычной военной форме. Он выглядел худее, чем на фотографии, был почти совсем лысый, носил очки в серебряной оправе, на нем не было ни оружия, ни бинокля, и вообще он походил на актера, играющего в пьесе про войну.

– Добро пожаловать в «Хиллтоп», мистер Джордах, – сказал Бейнбридж. Хоть он и не стоял по стойке «смирно», но создавалось именно такое впечатление. – Присаживайтесь. – На лице у него было несколько странное выражение, пожалуй, такое же, как у швейцара в доме Рудольфа.

«Если я задержусь в Нью-Йорке надолго, мне, наверно, придется сменить портного», – подумал Томас.

– Не хочу отнимать у вас много времени, полковник. Я приехал повидать своего сына Уэсли.

– Да, конечно, понимаю, – сказал Бейнбридж, слегка запинаясь. – Сейчас будет перерыв в занятиях, и мы за ним пошлем. – Он смущенно откашлялся. – Очень приятно наконец-то увидеть в нашей школе кого-нибудь из семьи этого молодого человека. Я правильно понял, вы его отец?

– Да, – ответил Томас. – Я именно так и сказал вашей секретарше.

– Простите мой вопрос, мир... мистер Джордах, – в замешательстве полковник глядел на портрет Эйзенхауэра, – но в заявлении о приеме Уэсли в школу было ясно сказано, что его отец умер.

«Дрянь, – подумал Томас, – подлая ничтожная дрянь!»

– Как видите, я жив, – сказал он.

– Да, я вижу, – нервно ответил Бейнбридж. – Вероятно, вкралась какая-то ошибка, хотя непонятно как...

– Несколько лет я жил за границей, – перебил его Томас. – У нас с женой плохие отношения.

– Даже если так... – Бейнбридж суетливо похлопал ладонью по маленькой бронзовой пушке, стоявшей на столе. – Конечно, не полагается вмешиваться в семейные дела... Я не имел чести познакомиться с миссис Джордах... Мы с ней только переписываемся. Но она ведь та самая миссис Джордах, да? – безнадёжно спросил Бейнбридж. – Та, что занимается антиквариатом? В Нью-Йорке?

– Возможно, среди ее клиентов есть и антиквары, я не знаю, – ответил Томас. – Короче, мне хотелось бы повидать сына.

– Через пять минут занятия кончатся, – сказал Бейнбридж. – Я уверен, он будет рад вас видеть. Очень рад. При сложившихся обстоятельствах... встреча с отцом, я полагаю, это как раз то, что ему нужно...

– Какие обстоятельства?

– Он трудный мальчик, мистер Джордах, очень трудный. У нас с ним много хлопот.

– А именно?

– Он чрезвычайно... мм... неуживчивый. – Казалось, Бейнбридж обрадовался, найдя подходящее слово. – Постоянно ввязывается в драки. С кем угодно, независимо от возраста и роста. В прошлом семестре он даже ударил одного преподавателя, и тот целую неделю не мог вести занятия. Ваш сын... он очень ловко... э-э... как бы это сказать... владеет кулаками. Конечно, в такой школе, как наша, мы лишь приветствуем, когда парень проявляет, так сказать, естественную агрессивность, но Уэсли... – Бейнбридж вздохнул, – его агрессивность выливается не в простые мальчишеские драки, а... Нам пришлось нескольких ребят госпитализировать. Старшеклассников... Буду с вами предельно откровенным. У него, ну... в нем какая-то – я не могу подобрать другого слова – взрослая злоба, и мы, педагоги, считаем это очень опасным.

«Кровь Джордаха, – горько подумал Томас, – проклятая кровь Джордаха».

– К сожалению, должен вам сообщить, мистер Джордах, что в этом семестре Уэсли дан испытательный срок – и без всяких снисхождений.

– Что ж, полковник, в таком случае у меня для вас есть хорошая новость, – сказал Томас. – Я намерен сам заняться Уэсли и всеми его делами.

– Рад слышать, мистер Джордах, что вы берете дело в свои руки. Мы неоднократно писали его матери, но она, видно, настолько занята, что даже не ответила.

– Я намерен забрать его из школы сегодня же, – сказал Томас. – Вы можете о нем больше не беспокоиться.

Рука Бейнбриджа, поглаживавшая бронзовую пушку, задрожала.

– Я не вижу необходимости в таких радикальных мерах, сэр, – сказал он уверенно. Битвы в Нормандии и на Рейне остались давно позади, и он был просто стариком, нарядившимся в военную форму.

– Да, но зато я вижу в них необходимость, – заметил Томас, вставая. Бейнбридж тоже поднялся из-за стола.

– Но это... это против наших правил. Нам необходимо получить письменное разрешение от его матери. Как бы там ни было, все дела мы вели с ней, и она заплатила вперед за полный учебный год. К тому же мы должны быть уверены в подлинности вашего родства с мальчиком.

Томас достал бумажник и выложил на стол перед Бейнбриджем свой паспорт. Полковник медленно открыл зеленую книжицу.

– Да, конечно, ваша фамилия Джордах. И тем не менее... Поверьте, сэр, я обязан связаться с матерью мальчика.

– Чтобы не отнимать у вас больше времени, полковник, – Томас вынул из внутреннего кармана пиджака справку полиции о Терезе Джордах-Лаваль и протянул ему, – прочитайте это, пожалуйста.

– Бейнбридж прочитал, снял очки и устало протер глаза.

– Боже мой! – Он вернул бумагу Томасу, словно боялся, что если она еще минуту полежит на его столе, то навсегда попадет в школьную документацию.

– Вы по-прежнему хотите держать парня у себя? – спросил напрямик Томас.

– Конечно, это меняет дело, – сказал Бейнбридж. – Существенно меняет.

Спустя полчаса они выехали за ворота военной школы. На заднем сиденье лежал солдатский сундучок Уэсли, а сам он, все еще в форме, сидел впереди, рядом с Томасом. Паренек был не по возрасту рослый, бледный и прыщавый. Мрачные глаза и широкий решительный рот придавали ему сходство с Акселем Джордахом. Он был похож на деда, как сын бывает похож на отца. Когда его привели в кабинет полковника и он увидел там Томаса, он не проявил никаких эмоций; не менее безразлично отнесся он к сообщению, что его забирают из школы, и даже не спросил Томаса, куда тот его везет.

– Завтра, – сказал Томас, когда школа исчезла за их спиной, – оденем тебя как человека. И запомни, больше ты драться не будешь.

Уэсли молчал.

– Ты меня слышал?

– Да, сэр.

– Не надо называть меня так. Я тебе не сэр, а отец, – сказал Томас.

5

1966 год.

За работой Гретхен на какое-то время совсем забыла, что сегодня ей исполнилось сорок лет. Она сидела на высоком стальном табурете перед

звукомонтажным аппаратом, нажимала рычажки и внимательно смотрела на экран, совмещая звуковую дорожку с изображением. На руках у нее были заляпаные эмульсией грязные белые перчатки.

Она работала над монтажом уже третьей картины. Сэм Кори вначале взял ее к себе ассистентом, а затем, как следует обучив, расхвалил ее режиссерам и продюсерам и благословил на самостоятельную работу. Обладая высоким профессионализмом и творческой индивидуальностью и при этом отнюдь не стремясь стать режиссером и тем самым вызвать зависть окружающих, Гретхен была в студии нарасхват и могла сама выбирать себе работу.

Картина, которую она сейчас монтировала, снималась в Нью-Йорке, и после замкнутой, тесной, почти семейной атмосферы Голливуда, где все знали все обо всех, Нью-Йорк пленил ее своей раскованностью и многоликостью. В свободные часы она пыталась продолжать политическую деятельность, которой отдавала много времени в Лос-Анджелесе после гибели Колина. Со своей ассистенткой Идой Коэн она ходила на митинги, где люди выступали с требованиями прекратить войну во Вьетнаме и либерализовать школы. Она подписывала десятки разных обращений и старалась заполучить подписи влиятельных деятелей кинематографии. Все это помогало ей простить себя за то, что она бросила университет в Калифорнии. Кроме того, Билли уже достиг призывного возраста, и сама мысль о том, что ее сына могут убить во Вьетнаме, была для нее невыносимой. И она и Ида носили на блузках и лацканах пальто значки с лозунгом «Долой бомбу!».

По вечерам, когда не было никаких митингов, она часто ходила в театр, после стольких лет перерыва снова влекший ее к себе. Иногда она ходила вместе с Идой, безвкусно одевавшейся, язвительной маленькой женщиной, иногда с Эвансом Кинселлой, режиссером – с ним у нее был сейчас роман, – а иногда с Рудольфом и Джин, если они приезжали в Нью-Йорк, или с кем-нибудь из актеров, с которыми познакомилась на съемках.

Гретхен смотрела на маленький экран и морщилась. Кинселла снял картину так, что было трудно придать эпизоду ту тональность, которая, как ей казалось, была тут необходима. Если ей не удастся исправить дело с помощью изобретательного монтажа или если сам Кинселла не подскажет какую-нибудь новую идею, в конце концов придется переснимать целую сцену заново.

Гретхен прервала работу и закурила. Коробки из-под пленки, заменявшие им с Идой пепельницу, всегда были полны окурков. Там и тут стояли пустые бумажные стаканы из-под кофе со следами губной помады по краям.

«Сорок лет», – затягиваясь, подумала она.

Никто сегодня пока не поздравил ее. А с чем, собственно, поздравлять? Тем не менее она заглянула в почтовый ящик в отеле, надеясь найти там телеграмму от Билли. Но в ящике было пусто. Иде она о своем дне рождения не сказала. Иде самой уже перевалило за сорок – не стоило лишний раз травить человеку душу. И конечно же, она ничего не сказала Эвансу. Ему тридцать два. Сорокалетние женщины не напоминают тридцатидвухлетним любовникам о своих днях рождения.

Открылась дверь, и в комнату вошел Кинселла. Поверх вельветовых брюк,

красной спортивной рубашки и тонкого шерстяного свитера на нем был белый плащ с поясом. Плащ был мокрый. Она уже несколько часов не выглядывала в окно и не знала, что на улице дождь.

– Привет, девочки, – сказал Эванс, высокий худощавый мужчина с взъерошенной черной шевелюрой. Подбородок у него отливал синевой, и от этого казалось, что он всегда плохо выбрит. Его недоброжелатели утверждали, что он похож на волка. Он уже сделал шесть картин, и три из них имели большой успех.

Он поцеловал в щеку сначала Иду, потом Гретхен. Одну из своих картин он снял в Париже и там привык целоваться при встрече со всеми подряд.

– Ты готова? – спросил он Гретхен.

– Почтя, – ответила она. Ей было досадно, что за работой она не заметила, как быстро пролетело время. Не мешало бы перед его приходом причесаться и подкраситься.

Они прошли в маленький просмотрный зал. Уселись в темноте и начали просматривать кадры, отснятые накануне, – один и тот же эпизод в разных ракурсах, снова и снова. Гретхен уже в который раз подумала, что необычный, чуть сумасшедший талант Эванса явно ощущается в каждом метре пленки. Мысленно она прикинула, как начнет монтировать готовый материал.

Затем они просмотрели эпизод, над которым она работала сегодня целый день. На большом экране он показался Гретхен еще хуже, чем на монтажном столе. Однако, когда зажегся свет, Эванс заметил:

– Прекрасно. Мне нравится.

Гретхен работала с ним два года и уже сделала одну его картину до этого. Она давно поняла, что он нетребователен к себе.

– Я в этом не совсем уверена, – сказала она. – Мне хотелось бы еще немного повозиться с этим куском.

– Потеря времени, – отрезал Эванс. – Уверяю тебя, все прекрасно.

– Не знаю, но мне эпизод кажется немного затянутым.

– Именно этого я и добивался, – сказал он. – Я и хочу, чтобы он был затянутым. – Он спорил как упрямый ребенок.

– Все эти люди то входят, то выходят, – осторожно продолжала Гретхен, – за ними тянутся тени, а ничего зловещего так и не происходит...

– Не пытайся сделать из меня Колина Берка. – Эванс резко встал. – Не забывай, что меня зовут Эвансом Кинселлой. Пожалуйста, запомни.

– Перестань вести себя как ребенок, – огрызнулась Гретхен.

– Где мой плащ? Где я оставил этот чертов плащ? – раздраженно и громко сказал он.

– Ты оставил его в монтажной.

В монтажной Эванс небрежно накинул плащ. Ида размечала пленку, с которой они сегодня работали. Эванс уже направился к двери, но вдруг остановился и вернулся к Гретхен.

– Я собирался пригласить тебя поужинать со мной, а потом сходить в кино. Ты можешь? – Он миролюбиво – улыбнулся. Он не выносил, если кому-то не нравился даже минуту.

– Извини, не смогу. За мной заедет брат, и мы поедем на выходные к нему в Уитби.

У Эванса был подавленный вид. Настроение у него менялось каждую секунду.

– А я на выходные свободен как птица. Я думал, что мы с тобой... – Он взглянул на Иду, надеясь, что она выйдет из комнаты. Но Ида продолжала невозмутимо работать.

– Я вернусь в воскресенье как раз перед ужином, – сказала Гретхен.

– Ладно. Мне остается только смириться. Привет твоему брату. И поздравь его от моего имени.

– С чем?

– А ты что, не видела его портрет в «Лук»? Он стал всеамериканской знаменитостью на эту неделю.

– А, ты вот о чем!

В журнале была опубликована статья под названием «Десять восходящих политических звезд, которым еще не перевалило за сорок». Две фотографии: Рудольф и Джин в гостиной их дома и Рудольф за столом в муниципалитете. «Молодой, красивый мэр Уитби, женатый на прелестной богатой молодой женщине, – писал журнал, – быстро завоевывает авторитет во влиятельных республиканских кругах. Умеренный либерал, энергичный администратор, он не принадлежит к числу политиков-теоретиков; всю свою жизнь он работал за жалованье. На посту мэра он проводит четкий курс, борясь с дискриминацией в жилищном строительстве, активно выступая против загрязнения окружающей среды отходами промышленных предприятий; он посадил за взятки бывшего начальника полиции и троих полицейских; выпустил заем для строительства новых школ; пользуясь своим влиянием в совете опекунов университета Уитби, способствовал введению совместного обучения. Дальновидный преобразователь города, он провел эксперимент, запретив по субботам во второй половине дня и вечером движение транспорта в центре города, чтобы горожане могли свободно прогуливаться, попутно заходя в магазины. Издаваемую им газету „Уитби сентинел“ он превратил в рупор довольно резких выступлений, призывая органы как местного, так и национального управления работать честно. На съезде мэров в Атлантик-Сити выступил с яркой речью, которая вызвала бурные аплодисменты. В составе немногочисленной делегации мэров был на тридцать минут принят в Белом доме».

– Читая эту статью, можно подумать, будто он сделал в Уитби все и ему осталось только воскресить мертвых, – заметила Гретхен. – Не иначе это писала женщина, безумно в него влюбленная. Мой брат умеет очаровывать.

– Твои симпатии и привязанность к родным и близким несколько не затуманивают ясность твоих суждений о них, – рассмеялся Эванс.

– Просто я надеюсь, мои родные и близкие не верят во всю ту чушь, которую о них пишут, – ответила Гретхен.

Рудольф не сказал ей «с днем рождения», когда они вместе спустились в лифте и вышли на Бродвей. Гретхен ему не напоминала. Рудольф нес маленький чемодан, который она упаковала с утра. Все еще лил дождь, такси

нигде не было видно, и они двинулись пешком к Парк-авеню. Утром дождя не было, и она не захватила с собой зонтик. Когда они дошли до Шестой авеню, она уже промокла до нитки.

– Нью-Йорку нужны по крайней мере еще тысяч десять такси, – сказал Рудольф. – Жить в этом городе – просто безумство.

– Энергичный администратор, умеренный либерал, дальновидный преобразователь города... – процитировала Гретхен.

– А-а, ты читала эту статью? Абсолютная галиматья, – рассмеялся Рудольф, но ей показалось, он доволен.

Они шли по Пятьдесят второй улице, и дождь лил еще сильнее, чем раньше. Поравнявшись с рестораном «Двадцать один», Рудольф взял ее за руку:

– Давай заглянем сюда и чего-нибудь выпьем. Потом швейцар поймает нам такси.

– Добрый вечер, мистер Джордах, – наперебой здоровались с Рудольфом швейцары, гардеробщицы, администратор, метрдотель и бармен. Было пожато немало рук.

– Как Джин? – спросила Гретхен в баре.

Вторая беременность Джин кончилась выкидышем, и Джин тяжело это переживала. Она выглядела подавленной, отрешенной, неожиданно резко прекращала начатый разговор, а иногда, не закончив фразы, вставала и уходила из комнаты. Забросила фотографию, и, когда однажды Гретхен спросила ее, собирается ли она снова начать фотографировать. Джин в ответ лишь неопределенно покачала головой.

– Джин? Ей лучше, – коротко ответил Рудольф.

Подошел бармен. Рудольф заказал себе виски, а Гретхен – мартини.

Рудольф поднял свой стакан:

– С днем рождения.

Оказывается, он помнил.

– Не жалею меня, – сказала она, – а то я заплачу.

Он достал из кармана продолговатую кожаную коробочку и положил ее на стойку перед Гретхен.

– Примерь.

На коробочке стояло название фирмы «Картье». Внутри лежали красивые золотые часы. Она сняла свои тяжелые металлические часы и защелкнула на запястье изящный золотой браслет. Единственный подарок за весь день. Едва сдерживая слезы, она поцеловала брата в щеку. Я должна заставить себя лучше думать о нем, решила она.

– Что еще тебе сегодня подарили? – спросил Рудольф.

– Ничего.

– Билли звонил? – Он задал этот вопрос слишком нарочито небрежно.

– Нет.

– Два дня назад я случайно встретил его возле университета и напомнил ему.

– Он ужасно занят, – попыталась оправдать сына Гретхен.

– Может, он рассердился, что я напомнил ему о твоём дне рождения и

посоветовал позвонить? Он не слишком жалуется своего дядю Рудольфа.

– Он никого не жалуется, – заметила Гретхен.

Билли поступил в университет в Уитон, потому что после окончания средней школы в Калифорнии заявил, что намерен поехать учиться в какой-нибудь восточный штат. Гретхен хотелось, чтобы он поступил в университет в Лос-Анджелесе или Южной Калифорнии и по-прежнему жил дома, но сын недвусмысленно дал ей понять, что жить дома больше не желает. Он был очень умным парнем, но занимался мало, и его отметки не позволяли ему поступить в какой-либо престижный колледж на востоке США. Гретхен попросила брата использовать свое влияние, чтобы Билли приняли в университет Уитби. Билли писал ей редко – иногда она ничего не получала от него месяца по два. А когда наконец приходило письмо, оно бывало коротким: он перечислял предметы, которыми занимался, и писал о своих планах на летние каникулы – он всегда предпочитал проводить их подальше от дома. Уже больше месяца Гретхен работала в Нью-Йорке, всего в нескольких часах езды от Уитби, но сын ни разу не навестил ее. До сих пор гордость не позволяла ей самой съездить к нему, но сейчас ей было уже невозможно.

– Что с мальчиком происходит? – спросил Рудольф.

– Он меня наказывает.

– За что?

– За Эванса. Я старалась ничем себя не выдавать. Эванс никогда не оставался у нас ночевать, и я сама всегда возвращалась вечером домой, ни разу никуда не уезжала с ним на выходные, но Билли, конечно, все равно немедленно обо всем догадался и стал со мной очень холоден.

– Это у него пройдет. Обычная детская ревность, ничего больше.

– Дай бог. Он презирает Эванса. Называет его мыльным пузырем.

– А это на самом деле так?

Гретхен пожала плечами.

– Трудно сказать, до Колина ему далеко, но ведь и мне – тоже.

– Эванс не собирается на тебе жениться?

– В Голливуде преуспевающие тридцатидвухлетние режиссеры не женятся на сорокалетних вдовах, разве что те богаты или знамениты или и то и другое вместе. Я же ни то, ни другое.

– Он тебя любит?

– Откуда я знаю?

– А ты его любишь?

– Также не знаю. Мне хорошо с ним в постели. Мне нравится с ним работать. Я к нему привязалась. Я обязательно должна быть привязана к какому-нибудь мужчине и чувствовать, что я ему нужна, так что Эвансу просто повезло. Предложи он мне выйти за него замуж, я согласилась бы не задумываясь. Но он не предлагает.

Войдя в квартиру, они услышали сильные удары молотка по металлу. Рудольф, а за ним и Гретхен вбежали в гостиную. Джин сидела на полу посреди комнаты, раздвинув ноги, как ребенок, играющий в кубики. В руках у нее был молоток, и она с методичным упорством крушила им лежавшую перед ней

грудю фотоаппаратов и объективов. На Джин были брюки и грязный свитер, невымытые волосы прядями падали на лицо, когда она нагибалась, нанося очередной удар.

– Джин! – крикнул Рудольф. – Ты что, с ума сошла? Что ты делаешь?

Джин подняла голову и лукаво посмотрела на него сквозь свисавшие сосульками волосы.

– Достопочтенный мэр хочет знать, что делает его прелестная богатая молодая жена? Что ж, я могу объяснить достопочтенному мэру. Его прелестная богатая молодая жена превращает все это в кучу мусора. – Язык у Джин заплетался, она была пьяна. Она грохнула молотком по большому широкоугольному объективу, и он разлетелся вдребезги.

Рудольф выхватил у нее молоток. Она не сопротивлялась.

– Достопочтенный мэр забрал молоток у своей прелестной богатой молодой жены, – сказала Джин. – Ничего, дорогая куча мусора, не волнуйся. Можно найти и другой молоток. Ты будешь расти все выше и выше, и наступит день, когда ты станешь одной из величайших и прекраснейших в мире куч мусора, и достопочтенный мэр объявит тебя городским парком, созданным на радость жителей Уитби.

Не выпуская из рук молотка, Рудольф бросил взгляд на сестру. В его глазах были стыд и испуг.

– Господи, Джин, – сказал он жене, – ты разбила аппаратуры по крайней мере на пять тысяч долларов.

– Достопочтенной жене мэра она больше не нужна, – сказала Джин. – Пусть теперь фотографируют меня. Пусть фотографией занимаются бедняки. И талантливые люди. О-ля-ля, – она грациозно, по-балетному взмахнула руками.

– Принесите же мне молотки! Руди, дорогой, тебе не кажется, что ты обязан дать своей прелестной богатой молодой жене чего-нибудь выпить?

– Ты уже достаточно выпила.

– Рудольф, – сказала Гретхен, – я, пожалуй, уйду. Все равно сегодня мы уже не поедим в Уитби.

– Прекрасный Уитби! – продолжала Джин. – Город, где прелестная богатая молодая жена достопочтенного мэра с одинаковой улыбкой встречает и демократов и республиканцев; где она открывает благотворительные базары и неизменно появляется под руку со своим мужем на банкетах и политических митингах; где ее все должны видеть на выпускных церемониях, на празднике Четвертого июля, на соревнованиях студенческих футбольных команд, на торжественном открытии новых лабораторий, на закладке новых жилых районов с настоящими уборными для цветных...

– Прекрати, Джин! – резко оборвал ее Рудольф.

– Нет, мне действительно лучше уйти, – повторила Гретхен. – Я тебе позвоню и...

– Сестра достопочтенного мэра, куда вы так спешите? – повернулась к ней Джин. – Кто знает, может быть, когда-нибудь ему понадобится и ваш голос. Оставайтесь, и мы уютно, по-семейному посидим и выпьем. Оставайтесь и послушайте. Это может оказаться для вас поуч... поучительным. – Она

заикалась. – Всего за сто уроков вы можете узнать, как превратиться в до... в до... в довесок к собственному мужу. Я закажу себе визитные карточки: миссис Джордах, некогда профессиональный фотограф, а ныне довесок. Один из десяти самых многообещающих довесков в Соединенных Штатах. Специализируется на паразитизме и лицемерии. Читает курс лекций на тему: «Как успешно превратиться в довесок». – Она хихикнула. – Любой чистокровной американке гарантирован диплом.

Гретхен повернулась и тихо вышла из комнаты. Рудольф ее не удерживал. Он неподвижно стоял в мокром плаще, держал в руке молоток и пристально глядел на пьяную жену.

Вернувшись в «Алгонквин», она позвонила Эвансу, но никто не подошел к телефону. Она попросила телефонистку на коммутаторе передать Эвансу, что миссис Берк никуда не поехала на выходные и весь вечер будет у себя в отеле. Потом она приняла горячую ванну, переоделась, спустилась в ресторан и поужинала.

Рудольф позвонил ей на следующий день в девять утра. Она была одна. Эванс так и не объявился. Рудольф сказал, что вскоре после того, как она ушла. Джин легла спать, а наутро со стыдом вспоминала о случившемся. Сейчас все уже в порядке, они собираются в Уитби и ждут Гретхен.

Одеваясь, Гретхен раздумывала над вчерашней сценой и вспоминала не такое буйное, но не менее странное поведение Джин во время предыдущих встреч. Все постепенно прояснялось. Раньше Джин удавалось скрывать это от Гретхен, потому что они не часто виделись. Но теперь все было понятно – Джин алкоголичка. Понимает ли это Рудольф? И что он намерен делать?

Было уже без четверти десять, а Эванс так и не позвонил, Гретхен спустилась в лифте и вышла на залитую солнцем Сорок восьмую улицу. Она зашагала вперед – высокая стройная женщина с красивыми ногами. Мягкие черные волосы, прекрасная светлая кожа. Твидовый костюм и шелковая блузка – именно то, что следует надевать, когда едешь отдохнуть на Выходные за город. Лишь значок «Долой бомбу!», приколотый, как брошка, к лацкану отлично сшитого жакета, намекал, что в это солнечное весеннее утро 1966 года в Америке не все так благополучно, как кажется.

Светловолосая пухленькая Инид – ей было уже два года – ждала их. Она бросилась к матери, и они долго обнимались и целовались. Рудольф, неся за сестрой ее чемодан, поднялся в отведенную ей комнату.

– Руди, – понизив голос, сказала Гретхен, – мы не должны сегодня пить.

– Почему? – В его голосе звучало удивление.

– Не надо соблазнять Джин. Даже если она сама не будет пить... Когда рядом пьют другие...

– О, меня это не беспокоит, – беспечно сказал Рудольф. – Вчера она просто была немного взвинчена...

– Она пьет, Руди. Это алкоголизм, – осторожно сказала Гретхен.

Рудольф отмахнулся:

– Не устраивай мелодрам, это на тебя не похоже. Время от времени она позволяет себе лишнее, вот и все. Так же, как ты и я.

– Нет, не так же, – возразила Гретхен. – Ей нельзя пить ни капли. Даже глотка пива. И ей не стоит встречаться с людьми, которые любят выпить. Руди, я знаю, о чем говорю. В Голливуде полно женщин вроде нее. Таких, которые, как и она, пока в начальной стадии, и таких, которые зашли слишком далеко. А последующие стадии просто ужасны. И это ее ждет. Ты должен уберечь ее.

Внизу зазвонил телефон, потом раздался голос Джин:

– Гретхен! Это тебя. Билли.

– Прошу, послушайся меня, – сказала Гретхен Рудольфу.

– Иди вниз, поговори со своим сыном, – холодно ответил он.

По телефону у Билли был очень взрослый голос.

– Привет, мать! Это здорово, что ты приехала. – Он стал говорить ей «мать» с тех пор, как в ее жизни появился Эванс. Раньше он называл ее мамочкой. Тогда ей казалось, что это звучит слишком по-детски в устах такого большого мальчика, но сейчас, услышав его голос, она поняла, как ей не хватает этого ласкового «мамочка». – Слушай, мне очень неудобно, – сказал Билли. – Извинись, пожалуйста, прошу тебя, за меня перед Рудольфом, ладно? Он пригласил меня на обед, а у нас здесь в час будет бейсбол, и я стою на подаче, так что, боюсь, уже не выберусь.

– Хорошо, я извинюсь за тебя, – ответила Гретхен. – А когда мы увидимся?

– Понимаешь, сейчас мне трудно сказать. – В голосе Билли чувствовалась явная растерянность. – После игры мы собираемся у одного парня. Будет грандиозный вечер с пивом и...

– Где вы играете? Я приду посмотреть. Мы сможем поговорить в перерывах.

– Ну, вот ты уже и надулась.

– Я вовсе не надулась, как ты выражаешься. Где вы играете?

– В восточной части студенческого городка. Там спортплощадки идут одна за другой. Найдешь.

После обеда Гретхен взяла машину брата и поехала в студенческий городок Уитби.

В бейсбол играли на трех площадках. Сына она увидела на той площадке, где игра шла из рук вон плохо и почти половину игроков составляли девушки. Одна из девушек сидела на траве и читала книгу, отрываясь, только когда товарищи по команде кричали ей, чтобы она бежала за мячом. Игра началась, вероятно, уже давно, потому что, когда Гретхен подошла к линии первой защиты, там спорили, какой счет: девятнадцать – шестнадцать или восемнадцать – пятнадцать. Было совершенно очевидно, что, если бы Билли не играл, это ничего бы не изменило. Билли, одетый в выцветшие джинсы с бахромой на штанинах и в серую тенниску, подавал мяч. Девушкам он легонько кидал, зато парням посылал резкими, сильными бросками.

Билли не сразу заметил Гретхен, и какое-то время она наблюдала, как лениво и изящно он двигался. Слишком длинные волосы падали ему на лицо, а лицо было красивое, улучшенный вариант лица Билли Эббота – чувственное, сильное, недовольное. Лоб такой же выпуклый и высокий, глаза темнее и посажены глубже, нос длиннее, с трепещущими широкими ноздрями, на правой

щеке, когда он улыбался, появлялась, нарушая симметрию, ямочка; зубы ровные, по-юношески ослепительно белые.

«Если бы только он и характером был так же хорош», – подумала Гретхен, а ее сын в это время послал мяч хорошенькой пухлой девушке, которая подпрыгнула, промахнулась и с деланным отчаянием закричала: «Нет, у меня ничего не получится!»

В перерыве Билли заметил Гретхен, стоящую за чертой, и подошел к ней.

– Привет, мать, – целуя ее щеку, сказал он. Когда он увидел значок «Долой бомбу!», в глазах у него вспыхнули насмешливые искорки. – Я же говорил, что ты легко меня найдешь.

– Надеюсь, я не помешала? – спросила она, понимая, что взяла неправильный тон: люби меня, я твоя мать.

– Нет, что ты, – ответил он и крикнул: – Эй, ребята! Кто-нибудь поиграйте за меня, у меня гостя. – Он никому ее не представил. – Может, мы с тобой пройдемся? Я покажу тебе городок.

– Рудольф и Джин огорчились, что ты не пришел на обед, – сказала Гретхен, когда они отошли от площадки. Опять не тот тон.

– Правда? – безразлично сказал Билли. – Мне очень жаль.

– Рудольф говорит, что он уже не первый раз тебя приглашает. Но ты так у него и не был.

– Да знаешь, как это бывает. Всегда то одно, то другое.

– Мне было бы приятно, если бы ты все же заходил к нему.

– Как-нибудь зайду. Мы потолкуем с ним об отчуждении поколений. Или о том, почему все в университете курят марихуану. Его газета здорово пишет о таких вещах.

– А ты куришь марихуану?

– Мать, дорогая, спустись с небес в двадцатый век.

– Как ты со мной разговариваешь? – резко сказала она.

– Сегодня чудесный день. Мы давно не виделись. Давай не будем ссориться.

– Твоя девушка тоже играла с вами?

Он как-то писал ей, что ему нравится одна девушка на их группы.

– Нет. К ней на выходные приехали родители, и она должна сейчас делать вид, что меня не существует. Ее отец терпеть меня не может, а я – его. Он говорит, что я оказываю на его дочь аморальное, развращающее влияние. Он у нее питекантроп.

– Ты хоть о ком-нибудь можешь сказать что-то хорошее?

– Конечно. Об Альбере Камю. Но его нет в живых. Кстати, как поживает другой поэт, Эванс Кинселла?

– Жив, – сказала Гретхен.

– Да ну? Вот это новость! Сенсационная новость.

Если бы Колин не погиб, он бы не был таким, подумала Гретхен. Да, он был бы совсем другим. Рассеянный, очень занятой человек садится за руль, наезжает на дерево, а его смерть оставляет свой след на других поколениях...

– Как у тебя с занятиями?

Билли скорчил гримасу.

– По словам Рудольфа, дела у тебя идут весьма неважно. Он говорит, что тебя могут даже исключить.

– Наверно, в этом городишке мэру совсем нечего делать, если у него есть время выяснять, сколько лекций я прогуливаю каждый семестр.

– Если тебя выгонят, ты загремишь в армию. Тебе что, этого хочется?

– Какая разница? – беспечно ответил он. – В армии не может быть скучнее, чем здесь на многих занятиях.

– А ты хоть когда-нибудь думаешь обо мне? – Абсолютно неправильный прием. Классическая материнская ошибка. Но что сказано, то сказано. – Каково, по-твоему, мне будет, если тебя отправят во Вьетнам?

– Мужчины воюют, женщины плачут, – сказал Билли. – Почему у нас должно быть иначе?

– А ты что-нибудь делаешь, чтобы это изменить? Например, чтобы прекратить войну? Масса студентов по всей стране день и ночь...

– Чудаки, – перебил ее Билли. – Зря тратят время. Война – слишком удобная кормушка для очень многих крупных воротил. Плевать они хотят на то, что кричит горстка нервных молокососов. Конечно, если ты хочешь, я могу нацепить твой значок. Великое дело! Пентагон, конечно, задрожит от страха, узнав, что Билли Эббот выступает за запрещение испытаний ядерного оружия!

– Билли, – Гретхен остановилась и посмотрела ему в глаза, – тебя вообще что-нибудь в жизни интересует?

– Пожалуй, нет, – спокойно ответил он. – А что, это плохо?

– Надеюсь, это просто позерство. Глупое мальчишеское позерство.

– Это не позерство, – сказал он. – И я не мальчишка, если ты до сих пор этого не заметила. Я уже вполне взрослый человек, и, на мой взгляд, все вокруг прогнило. На твоём месте я постарался бы на некоторое время обо мне забыть. Если тебе трудно посылать мне деньги на обучение, не посылай. Тебе не нравится, каким я стал, и ты винишь себя за то, что я таким стал, – что ж, может, ты и вправду в этом виновата, а может – нет. Прости, что я так говорю, но уж кем бы мне не хотелось стать, так это лицемером. По-моему, ты будешь гораздо счастливее, если перестанешь обо мне беспокоиться. Так что возвращайся к моему дорогому дяде Рудольфу и к своему дорогому Эвансу Кинселле, а я пойду играть в бейсбол. – Он повернулся и, широко шагая, пошел по тропинке к спортивной площадке.

Гретхен долго смотрела ему вслед, пока он не превратился в далекую маленькую серо-голубую фигуру, потом медленно и тяжело пошла туда, где оставила машину.

Теперь ей не было смысла оставаться в Уитби еще на день. Она тихо поужинала с Рудольфом и Джин, а рано утром села на электричку и уехала обратно в Нью-Йорк.

В отеле ее ждала записка. Эванс сообщал, что не сможет сегодня с ней поужинать.

1967 год.

Самолет летел рейсом Нью-Йорк – Даллас. Джонни Хит, сидевший рядом с Рудольфом, просматривал бумаги, которые доставал из туго набитого портфеля. Рудольф занимался тем же. Ему надо было представить муниципалитету бюджет на следующий год, и он хмурился, перелистывая толстую смету, подготовленную муниципальным финансистом. Цены на все неуклонно росли, и давно пора было повысить зарплату полицейским, пожарникам, учителям государственных школ, служащим; угрожающе возрастало число лиц, нуждающихся в пособиях, особенно среди негритянского населения Уитби; планами предусматривалось строительство нового водоочистительного коллектора; вместе с тем все боролись против увеличения налогов, финансовая помощь от штата и федерального правительства сохранялась на прежнем уровне. «Ну вот, – подумал он, – даже на высоте тридцати тысяч футов я снова ломаю голову, откуда взять деньги».

Джонни Хит тоже сейчас беспокоился о деньгах, по крайней мере о собственных деньгах и деньгах Рудольфа. Брэд Найт после смерти отца перевел контору из Талсы в Даллас, и Рудольф и Джонни летели туда, чтобы обсудить судьбу своих капиталовложений в акции «Питер Найт и сын». В последнее время удача изменила Брэду, и Джонни с Рудольфом, как выяснилось, вкладывали деньги в одну пустую скважину за другой. И даже если где-то обнаруживалась нефть, эксплуатация скважин осложнялась то грунтовыми водами, то бесконечными обвалами, то непредугаданными твердыми геологическими породами, пробурить которые стоило немало денег. Джонни Хит осторожно навел справки и пришел к выводу, что Брэд уже давно дает в отчетах ложную информацию и просто присваивает себе их деньги.

Когда они прилетели в Даллас, Брэд их не встретил. Вместо себя он прислал своего помощника, высокого дородного мужчину в соломенной шляпе, узком галстук и полосатом пиджаке. Он извинился (у мистера Найта совещание, сказал он) и по вьющейся в мареве жары дороге отвез их на оснащенном кондиционером «кадиллаке» в отель в центре города, где Брэд снял им номер с гостиной и двумя спальнями.

На длинном столе вдоль стены стояли выстроенные рядами по шесть бутылок в каждом пшеничное и шотландское виски, джин, водка, бутылка вермута, ведро с колотым льдом, несколько дюжин бутылок кока-колы и содовой, корзинка с лимонами, огромная ваза с роскошными фруктами и множество бокалов и стаканов разных размеров.

– Пиво и шампанское в холодильнике, – сказал помощник Брэда. – Если, конечно, вы это любите. Все за счет мистера Найта. Вы его гости.

– Мы улетаем уже завтра, – заметил Рудольф.

– Мистер Найт просил меня устроить вас с комфортом. Вы не где-нибудь, а в Техасе. Мистер Найт почти наверняка освободится к пяти часам. Если вам что-нибудь понадобится, без стеснения звоните мне в контору, – сказал он, уходя.

– Втирают очки, – сказал Джонни, окинув взглядом номер и уставленный

бутылками стол.

Рудольф почувствовал, что Джонни, с его вечными подозрениями, раздражает его.

– Мне надо сделать несколько звонков, – сказал Рудольф. – Дай мне знать, когда придет Брэд. – Он прошел в свою спальню и закрыл за собой дверь.

Прежде всего он позвонил домой. Он старался звонить Джин по меньшей мере три раза в день. В конце концов он последовал совету Гретхен-и теперь не держал в доме спиртного; впрочем, в Уитби достать выпивку не проблема – в городе полно винных магазинов и баров. Но сегодня можно было не волноваться: Джин разговаривала с ним бодрым тоном и была вполне в форме. Она собиралась везти Инид на ее первый детский праздник. Два месяца назад она села за руль пьяной – Инид сидела сзади – и разбила машину, но и она сама и Инид отделались лишь царапинами.

– Как тебе Даллас? – спросила Джин.

– Техасцам, я думаю, здесь живется неплохо. Но для остальных – мука мученическая.

– Когда ты вернешься?

– Сразу же как освобожусь.

– Не задерживайся, – сказала она. Он не объяснил ей, зачем ему и Джонни понадобилось лететь в Техас. А когда она не была пьяна, ее обычно терзали сомнения.

Потом он связался со своим секретарем в муниципалитете. Это был несколько женоподобный, но всегда невозмутимый молодой человек. Однако сегодня он утратил свою невозмутимость. Утром перед зданием редакции «Сентинел» студенты устроили демонстрацию, протестуя против напечатанной в газете передовой статьи за сохранение в университете факультета вневоинской подготовки офицеров запаса. Рудольф сам одобрил эту публикацию, потому что статья была написана в умеренных тонах и в ней отнюдь не предлагалось сделать военную подготовку обязательным предметом. В статье говорилось только, что военный факультет предназначен для обучения студентов, решивших посвятить себя военной карьере, а также и для тех, кто считает, что надо на всякий случай быть готовым к защите родины. Но сладкий голос разума не охладил пыл студентов. В окно редакции был брошен камень, и пришлось вызвать полицию. Секретарь сообщил, что в муниципалитет позвонил президент университета Дорлэкер и сказал (дословно): «Если он мэр, то почему его нет на месте?» Заходил начальник полиции Отмен. Очень встревоженный. Сказал, что у него крайне важное дело к мэру. Так что лучше бы мэр срочно вернулся. Дважды звонили из Олбани. Делегация представителей негритянского населения Уитби вручила петицию – что-то насчет плавательного бассейна.

– Этого достаточно, Уолтер, – устало сказал Рудольф. Повесил трубку и лег на кровать, прямо на небесно-голубое скользкое шелковое покрывало. Как мэр Уитби он получал десять тысяч долларов в год и всю эту сумму жертвовал на благотворительность. Служение обществу...

Он поднялся с кровати, злорадно заметив, что на шелковом покрывале

остались грязные пятна от его тубель, и вышел в гостиную. Джонни сидел без пиджака за огромным письменным столом и копался в своих бумагах.

– Я уже несколько не сомневаюсь, Руди, – сказал Джонни, – что этот сукин сын облапошил нас, как младенцев.

– Об этом позже, – сказал Рудольф. – В данный момент у самоотверженного и преданного слуги общества и так хлопот полон рот.

Он положил в стакан несколько кубиков льда, плеснул сверху кока-колы и, подойдя к окну, посмотрел на раскинувшийся внизу Даллас.

Потом он вернулся в спальню и заказал телефонный разговор с начальником полиции Уитби. Дожидаясь звонка, рассматривал себя в зеркале. Интересно, когда у него будет первый инфаркт?

Когда его соединили с Отменом, шеф полиции, судя по голосу, был в весьма мрачном расположении духа.

– Мы выпустили червей из банки, господин мэр, – сказал Отмен. – Лейтенант Слэттери сегодня в половине девятого утра арестовал в кафетерии первокурсника, который курил марихуану. Это только подумать – в половине девятого утра! При нем нашли больше унции марихуаны. Пока его не посадили, он болтал, не закрывая рта. Сказал, что у них в общежитии минимум пятьдесят человек курят гашиш и марихуану. Сказал, что если мы туда наведаемся, то найдем по меньшей мере фунт «травки». Мне недавно позвонил Дорлэкер и посоветовал держаться подальше от студенческого городка, но ведь скоро об этом узнает весь город, и если я буду сидеть сложа руки, то что обо мне подумают? Университет же не в Гаване и не в Буэнос-Айресе, черт возьми, а в черте Уитби, и закон есть закон. Если вы мне запретите принять необходимые меры, можете считать, мэр, что я уже подал в отставку.

– Хорошо, – сказал Рудольф, – позвоните Дорлэкеру. Скажите, что вы говорили со мной и я распорядился в восемь вечера произвести обыск в общежитии университета. Ордер на обыск получите у судьи Сэттери, и пусть ваши парни не берут с собой дубинки. Я не хочу, чтобы были неприятные инциденты. Слух об обыске быстро распространится, и, может быть, у студентов хватит ума выкинуть «травку», прежде чем вы туда нагрянете.

– Вы не знаете нынешнюю молодежь, господин мэр, – скорбно сказал Отмен.

– У них не хватает ума даже на то, чтобы утереть себе нос.

Рудольф дал ему номер своего телефона в Далласе и велел позвонить сразу после обыска. Положив трубку, он допил кока-колу. В самолете их накормили скверно, и его мучила изжога.

Телефон опять зазвонил.

– Руди, – услышал он голос Гретхен.

– Да? – С того дня, когда Гретхен сказала ему, что Джин – алкоголичка, отношения между ними стали натянутыми. Гретхен оказалась права, но от этого их взаимное отчуждение лишь усилилось.

– Я бы тебе не позвонила, но я просто схожу с ума!

– В чем дело?

– Это касается Билли. Ты знаешь, что месяц назад его исключили из

университета?

– Нет. Он никогда не делился со мной своими секретами.

– Он сейчас живет в Нью-Йорке. С какой-то девушкой.

– Гретхен, дорогая, – сказал Рудольф, – полмиллиона парней в эту самую минуту живут с девушками. Лучше благодари бога, что он не живет с каким-нибудь мальчиком.

– Я не об этом. Он ведь больше не студент, и его призвали в армию.

– Ну и что ж, это может пойти ему на пользу, за два года армия сделает из него человека.

– У тебя дочь, и тебе легко говорить. А у меня сын. Единственный. Не думаю, что, если ему всадят пулю в лоб, он станет человеком.

– Ну и чем же я могу тебе помочь?

– У тебя масса знакомств в Вашингтоне.

– Если парень бросил учебу и у него хорошее здоровье, никто не освободит его от армии. Даже люди из Вашингтона.

– Я понимаю, на это трудно рассчитывать, судя по тому, что говорят и пишут. Но я не прошу тебя избавить его от военной службы.

– Тогда что же я должен сделать?

– Постарайся использовать свои связи, чтобы его не послали во Вьетнам.

Рудольф тяжело вздохнул. Да, правда, в Вашингтоне он знал людей, которые могли бы это сделать и, наверно, охотно сделали бы, если бы он попросил об этом. Но именно такого рода мелкие взаимные услуги по знакомству, распространенные в политических кругах, он презирал больше всего на свете. Это противоречило его моральным принципам и извращало истинные причины, побудившие его избрать политическую карьеру. В мире бизнеса вполне в порядке вещей, когда к тебе приходит человек с просьбой устроить его племянника или двоюродного брата на какую-нибудь выгодную должность. В зависимости от того, насколько ты обязан этому человеку или что рассчитываешь получить от него в будущем, а иногда и просто в зависимости от того, нравится он тебе или нет, ты не раздумывая помогаешь его родственнику или не помогаешь. Но использовать власть, данную тебе твоими избирателями, которым ты обещал служить честно и строго блюсти законы, использовать свое положение, чтобы уберечь сына своей сестры от угрозы смерти, в то же время открыто или молчаливо одобряя отправку на смерть тысяч других ребят его возраста, – это совсем другое дело.

– Гретхен, может, ты попытаешься найти какой-нибудь другой путь...

– Вот что, – она уже истерически кричала, – если ты ничего не сделаешь, я поеду в Нью-Йорк, заберу Билли и увезу его в Канаду или Швецию. И обещаю тебе, будет большой скандал, когда я громогласно расскажу, почему я так сделала!

– Господи, Гретхен, что с тобой? Начинается климакс или?.. – Он услышал, как на другом конце провода бросили трубку.

«Семья», – невесело подумал он. Он всегда, сам не зная почему, оберегал свою семью. Он работал вместо отца в пекарне и развозил булочки; он заботился о матери, пока она была жива. Он не побрезговал иметь дело с

частным детективом, выдержал неприятную сцену с Вилли Эбботом, помог Гретхен получить развод и тепло принял ее второго мужа. Благодаря ему у Томаса появились деньги и тот сумел покончить с той страшной жизнью, которая его чуть было не засосала. Это он помчался на другой конец континента на похороны Колина Берка, чтобы поддержать сестру в самые тяжелые минуты ее горя. Он решился забрать из школы неблагодарного и дерзкого Билли, когда мальчику стало там невмоготу, и он же устроил Билли в университет Уитби, хотя у Билли были такие отметки, что он не смог бы поступить даже в техническое училище; и он же, заботясь о душевном покое матери, разыскал Томаса в гостинице «Эгейский моряк», а потом узнал адрес Шульца, вернул ему деньги и нанял адвоката, чтобы помочь Тому воссоединиться со своим сыном и развестись с проституткой...

Он не ждал за все это благодарности, и никто его толком не поблагодарил. Ну и пусть. Он ведь делал это не ради благодарности. Зато он был чист перед собственной совестью. Он сознавал свои обязанности перед самим собой и перед другими, и совесть не позволяла ему поступать иначе. А обязанности никогда не кончаются. В этом-то все и дело.

Подойдя к телефону, он заказал разговор с Калифорнией. Когда сестра сняла трубку, он сказал:

– Хорошо, Гретхен, я на обратном пути остановлюсь в Вашингтоне и постараюсь что-нибудь сделать. Можешь не волноваться.

– Спасибо, Руди, – тихо сказала она. – Я знала, что ты поможешь.

Брэд появился в их номере в половине шестого. От тexasского солнца и тexasской выпивки лицо его стало еще краснее. Он располнел и был само радушие. На нем был темный в полоску летний костюм и голубая модная рубашка с огромными жемчужными запонками.

– Извините, что я не смог вас встретить, но, надеюсь, мой помощник сделал все как надо. – Он налил себе виски и лучезарно улыбнулся друзьям.

– Вам, ребята, давно пора было навестить меня и самим посмотреть, откуда к вам текут денежки. Мы сейчас бурим новую скважину, и, может быть, завтра я арендую самолет и мы слетаем посмотреть, как там идут дела. Жалко, Вирджинии сейчас здесь нет. Она жутко огорчится, когда узнает, что вы приезжали в ее отсутствие. Она сейчас на севере, у своего папочки. Я слышал, он прихварывает. Надеюсь, ничего серьезного. Я к этому старикану очень хорошо отношусь.

– Перестань, пожалуйста, Брэд, – оборвал его Рудольф. – Мы прекрасно знаем, почему она уехала. И дело не в том, что ей понадобилось, как ты говоришь, навестить папочку.

Две недели назад к Рудольфу зашел Колдервуд и рассказал, что Вирджиния бросила Брэда, потому что он связался с какой-то киноактрисой, по три раза в неделю мотается из Далласа в Голливуд и запутался с деньгами. Именно после визита Колдервуда Рудольф начал подозревать неладное и поделился своими опасениями с Джонни.

– Дружище, – Брэд отпил виски, – не понимаю, о чем ты? Я только что разговаривал с женой по телефону, она вернется со дня на день, и...

– Ты с ней не разговаривал, и она не собирается возвращаться, Брэд. Ты сам это знаешь, – сказал Рудольф.

– Как знаешь и многое другое, – добавил Хит, – и мы тоже это знаем.

– Черт побери, ребята, не будь мы столько лет друзьями, я мог бы подумать, что вы меня недолюбливаете. – Несмотря на то что в номере работал кондиционер, Брэд вспотел, и на голубой рубашке выступили темные пятна. Он снова налил себе виски, и, когда он клал в стакан лед, его короткие толстые пальцы с наманикюренными ногтями дрожали.

– Давай выкладывай, не тяни время, – сказал Джонни.

– Ну что ж, – Брэд рассмеялся, вернее, попытался рассмеяться, – может, я иногда действительно позволял себе погулять на стороне. Но ты ведь меня знаешь, Руди. Я – не ты. Характер у меня слабый, и, когда какая-нибудь цыпочка начинает строить мне глазки, я не могу отказать себе в маленьком удовольствии. А Вирджиния все это принимает слишком близко к сердцу, она...

– Нас не интересуют твои отношения с Вирджинией, – перебил его Джонни.

– Нас интересует, куда делись наши деньги. Мы кое-что проверили, и получается, что за последний год ты украл у каждого из нас приблизительно по семьдесят тысяч долларов.

– Бросьте меня разыгрывать, ребята, – сказал Брэд. Лицо у него стало почти багровым. На нем, точно припечатанная, застыла улыбка, а воротник взмок от пота. – Вы ведь шутите, правда? – неуверенно повторил он. – Это же розыгрыш. Сто сорок тысяч долларов! Господи Иисусе!

– Брэд! – предостерегающе остановил его Рудольф.

– Ладно! – вздохнул Брэд. – Как я понимаю, вы не шутите. – Он тяжело опустился на пестрый диван. Тучный, усталый человек с покатыми плечами уныло сидел на обитом яркой тканью шикарном диване в самом шикарном номере самого шикарного отеля Далласа. – Я расскажу вам, в чем дело.

А дело было в том, что, когда Брэд год назад поехал в Голливуд на поиски новых денежных людей, которые могли бы вложить капитал в его компанию, он познакомился с молодой актрисой Сандрой Дилсон. «Очаровательное невинное создание», как сказал Брэд. Он, по его словам, мгновенно втюрился в нее, но она долго не разрешала ему к себе прикоснуться. Чтобы произвести на нее впечатление, он начал покупать ей драгоценности. «Вы себе не представляете, какие там цены на камушки! – сказал Брэд. – Можно подумать, люди сами печатают себе деньги». Когда они с мисс Дилсон бывали на скачках, Брэд, чтобы произвести на нее большее впечатление, делал колоссальные ставки. «Если хотите знать, – сказал Брэд, – сейчас благодаря мне на девушке драгоценностей тысяча на четыреста. Но иногда в постели она вытворяла такое, что я не жалел ни о центе, – добавил он вызывающе. – Я люблю ее, я потерял голову и даже горжусь этим и готов держать ответ».

Чтобы добыть деньги, Брэд начал фальсифицировать ежемесячные отчеты. В графу «нефтеразведка и эксплуатация» он вписывал давно заброшенные или пустые скважины, завышал стоимость закупаемого оборудования в десять –

пятнадцать раз. Один из его бухгалтеров был в курсе дела, но Брэд платил ему за молчание и помощь. Кое-кто из вкладчиков компании пытался наводить справки, но пока что Брэду удавалось втирать людям очки.

– Сколько у тебя на сегодня вкладчиков? – спросил Джонни.

– Пятьдесят два.

– Пятьдесят два идиота! – с горечью заметил Хит.

– Тебе придется сесть за решетку, Брэд, – сказал Рудольф.

– Но ты ведь не сделаешь этого, правда, Руди? Ты не поступишь так со своим лучшим другом, который сидел с тобой рядом на выпускном вечере.

– Именно так я и поступлю.

– Одну минутку, – вмешался Джонни. – Подождем пока с разговорами про тюрьму. Нам сейчас гораздо важнее попробовать каким-то образом получить обратно наши деньги, чем сажать этого болвана в тюрьму.

– Вот это другой разговор, – воспрянул Брэд. – Тут нужно действовать с умом.

– Сколько у тебя денег в активе? В данную минуту?

– Вот это другой разговор, – повторил Брэд. – Теперь мы действительно перешли к делу. Не думайте, что я конченный человек. Мне еще дают в кредит.

– Когда ты выйдешь из этой комнаты, – сказал Рудольф, – тебе уже ни один банк в США не даст в кредит ни цента. Я об этом позабочусь. – Он с трудом скрывал свое отвращение к этому человеку.

– Ты не ответил на мой вопрос, – продолжал Хит. – Сколько у тебя сейчас в активе?

– Ну... бухгалтерская документация выглядит не слишком... э-э... радужно. – В улыбке Брэда проглянула надежда. – Но иногда мне удавалось кое-что откладывать, так сказать, на черный день. Эти деньги у меня в сейфах в разных банках. Со всеми вкладчиками я, конечно, расплатиться не смогу, но вам, ребята, сумею вернуть довольно много.

– Это что, деньги Вирджинии? – спросил Рудольф.

– Ха! – фыркнул Брэд. – Ее старик держит выделенные ей деньги такой мертвой хваткой, что я не смог бы купить на них и сосиску, даже если б подышал с голоду.

– Он оказался гораздо умнее нас, – заметил Рудольф.

– Бога ради, Рудольф, – жалобно сказал Брэд, – не сыпь соль на рану. Мне и без того худо.

– Сколько у тебя наличными? – спросил Джонни.

– Ты ведь понимаешь, Джонни, что эти деньги нигде не учтены и компании о них ничего не известно.

– Я все понимаю. Сколько?

– Около ста тысяч. Я мог бы дать каждому из вас почти по пятьдесят тысяч. И я вам гарантирую, что позже выплачу все полностью.

– Каким это образом? – резко спросил Рудольф.

– Ну, ведь еще остаются скважины, где есть нефть... – неуверенно пробормотал Брэд. Рудольф видел, что он лжет. – И потом, я мог бы съездить к Сандре, объяснить, что временно сижу на мели, и попросить у нее обратно

драгоценности и...

Рудольф скептически покачал головой.

– Неужели ты веришь, что она их отдаст?

– Она отличная девчонка, Руди. Я тебя с ней должен обязательно познакомить.

– Господи, ты когда-нибудь повзрослеешь или нет?!

– Подожди здесь, – сказал Джонни Брэду. – Мне надо поговорить с Руди наедине. – Он демонстративно взял со стола свои бумаги и направился к спальне Рудольфа.

– Вы не возражаете, ребята, если я пока немного выпью? – заискивающе спросил Брэд.

Когда они с Рудольфом вошли в спальню, Джонни прикрыл дверь.

– Нам надо принять решение, – сказал он. – Если, как он утверждает, у него наличными почти сто тысяч, мы можем взять их и в какой-то мере возместить наши убытки. Если же мы не берем их, надо обо всем сообщить кредиторам, созвать совещание кредиторов и, вероятно, объявить его банкротом. Или даже возбудить судебное дело. Все кредиторы будут иметь равные права на сто денег, или их разделят пропорционально размерам капиталовложений или пропорционально фактической задолженности Брэда каждому из кредиторов.

– А он имеет право заплатить нам и не заплатить другим? – спросил Рудольф.

– Ну, он еще не банкрот, – ответил Джонни. – И думаю, никто в суде не сможет ни к чему придраться.

– Нет, так не пойдет, – сказал Рудольф. – Пусть бросит эти сто тысяч в общий котел. И давай сегодня же заберем у него ключи от его сейфов, чтобы он не успел вынуть оттуда деньги.

– Я знал, что ты так скажешь, – вздохнул Хит. – Не перевелись еще рыцари.

– Если он мошенник, то это еще не значит, что я тоже должен стать мошенником, лишь бы возместить свои убытки.

– Я же сказал, что в суде вряд ли к чему-то смогут придраться, – напомнил Джонни.

– Все равно. Меня это не устраивает.

Джонни изучающе посмотрел на Рудольфа.

– А что ты сделаешь, если я сейчас пойду к нему и скажу: «Ладно, я забираю свою половину и выбываю из игры»?

– Я сообщу это на собрании акционеров, – ровным голосом сказал Рудольф.

– И предложу возбудить против тебя судебное дело.

– Сдаюсь, мой дорогой. Кто же может сладить с честным политиком?!

Они вернулись в гостиную. Брэд стоял у окна с полным стаканом в руке. Джонни объявил ему их решение. Брэд молча кивал, не совсем понимая.

– Завтра в девять утра ты должен быть здесь, – сказал Рудольф. – До того, как откроются банки. Мы обойдем с тобой все сейфы, о которых ты говорил, и

возьмем на себя заботу о твоих деньгах. Выдадим тебе расписку. Если без одной минуты девять тебя здесь не будет, я вызову полицию и объявлю тебя мошенником.

– Руди, – жалобно протянул Брэд.

– И если хочешь сберечь свои жемчужные запонки, – продолжал Рудольф, – лучше спрячь их подальше, потому что в конце месяца шериф опишет за долги все твое имущество, включая и эту голубенькую рубашечку.

– Эх вы, – удрученно сказал Брэд. – Вам, ребята, не понять, что это такое. Вы богатые, у вас жены миллионерши, у вас есть все, что вы хотите. Вы не знаете, что такое быть в моем положении...

– Не пытайся нас разжалобить, – грубо оборвал его Рудольф. Он еще ни на кого в жизни не был так зол. Ему приходилось сдерживать себя, чтобы не броситься на этого человека с кулаками. – Будь здесь завтра в девять утра.

– Буду, – сказал Брэд. – Насколько я понимаю, вы вряд ли захотите со мной поужинать?

– Убирайся отсюда, пока я тебя не убил, – не выдержав, закричал Рудольф. Брэд двинулся к дверям.

– Ну что ж, желаю вам хорошо провести время в Далласе. Замечательный город. И не забудьте, – он обвел рукой номер и выстроенные на столе бутылки, – все это за мой счет. – И вышел из комнаты.

На следующее утро ровно в девять, как ему и было велено, Брэд пришел со связкой ключей от сейфов в различных далласских банках. Глаза у него были красные, и он выглядел так, словно не спал всю ночь.

Визит к юристу и поездки по банкам заняли большую часть утра, и Рудольфу пришлось спешить, чтобы успеть на самолет, вылетающий из Далласа в Вашингтон в полдень.

В самолете он отказался от завтрака и двух положенных пассажирам первого класса коктейлей. Достал из портфеля проект сметы и хотел поработать, но не мог сосредоточить внимание на цифрах. Из головы не выходил Брэд – обреченный, опозоренный, банкрот, которого ждет тюрьма. А все из-за чего? Из-за алчной голливудской девки. Мерзко. Брэд сказал, что любит ее и ни о чем не жалеет. Любовь... Пятый всадник Апокалипсиса. По крайней мере в Техасе. Невозможно представить себе, что Брэд испытывает какие-то высокие чувства. Брэд был человеком – теперь Рудольф убедился в этом, – словно созданным для кабаков и борделей. Может быть, Рудольф давно знал это, но не хотел себе в этом признаться. Почему-то всегда трудно верить, что другие тоже умеют любить. Быть может, его отказ признать тот факт, что Брэд способен чувствовать любовь, не что иное, как высокомерие? Он ведь сам любит Джин, подумал Рудольф, но готов ли он погубить себя ради нее? Нет. Пожалуй, нет. Что же, тогда, значит, он легковеснее, чем этот болтливый, потный человек в нелепой голубой рубашке? И не он ли виноват в том, что для его друга пришел этот черный день и впереди его ждет еще много таких дней?

Конечно, было бы проще, сославшись на свою занятость в Уитби, отправить Джонни Хита одного в Даллас улаживать это дело. Откровенно говоря, у него мелькнула такая мысль, но он отверг ее как трусость. Он

отправился в Даллас, чтобы сохранить уважение к себе. Уважение к себе? Но, быть может, это то же самое тщеславие? Быть может, постоянная удача притупила его чувства, сделала его самодовольным, уверенным в собственной непогрешимости?

Когда Брэда окончательно признают банкротом, решил Рудольф, надо будет как-то его поддержать. Может, тайком посылать ему пять тысяч в год? Так, чтобы на эти деньги не наложили лапу ни кредиторы Брэда, ни правительство. Но можно ли этими деньгами – а Брэду они будут нужны позарез, и он будет не в силах от них отказаться – покрыть цену боли и унижения, которые испытывает Брэд, принимая деньги от человека, отвернувшегося от него в трудную минуту?

Засветилось табло «Пристегните ремни». Самолет начал снижаться. Рудольф сложил бумаги в портфель, вздохнул и пристегнул ремень.

В отеле «Мэйфлауэр» его ожидала телефонограмма от секретаря с просьбой срочно позвонить в Уитби. Рудольф звонил два раза, но линия была занята, и он решил было вначале связаться с одним сенатором, который, скорее всего, сумел бы помочь ему оградить Билли от опасностей, грозящих солдату США.

Однако после третьей попытки ему наконец удалось дозвониться до своего секретаря.

– Извините, господин мэр, – устало сказал Уолтер, – но мне кажется, вам лучше вернуться сюда немедленно. Вчера, после того как я уже ушел домой, началось бог знает что. Я узнал об этом только сегодня утром, иначе постарался бы связаться с вами раньше.

– В чем дело? Что произошло? – нетерпеливо спросил Рудольф.

– Все так запутано. Я не уверен, что смогу восстановить последовательность событий. В общем, когда Отмен приехал в общежитие, студенты забаррикадировали вход и не пустили его. Дорлэкер пытался убедить Отмена отозвать полицейских, но гот отказался. Когда же полицейские снова попытались войти, студенты начали швырять в них чем попало. Отмену угодили в глаз. Говорят, ничего серьезного, но он сейчас в больнице, и полиция временно отступила. Потом другие студенты организовали массовую демонстрацию... перед вашим домом. Я только вернулся оттуда. Газон перед домом в ужасном состоянии. Миссис Джордах дали успокоительное и...

– Остальное расскажете, когда я буду в Уитби. Я вылетаю первым же самолетом.

– Я так и думал, что вы это сделаете, – сказал Уолтер, – и уже позволил себе послать Скэнлона с вашей машиной. Он будет ждать вас в «Ла Гардиа».

Толстый Скэнлон, разговаривая, сипел и задыхался. Он числился в полиции, хотя ему было уже почти шестьдесят и его вот-вот должны были отправить на пенсию. Он страдал ревматизмом, и то, что его определили в шоферы к Рудольфу, было поистине милосердием.

– Если бы мне пришлось все начинать сначала, – задыхаясь, сказал Скэнлон, – клянусь, я ни за что не пошел бы служить в полицию города, где есть студентки или чернозадые.

– Скэнлон, ради боса! – одернул его Рудольф. Он с первого дня безуспешно пытался выправить лексикон Скэнлона. Рудольф сидел на переднем сиденье рядом со старым полицейским, который вел машину так медленно, что это действовало на нервы. Но Скэнлон бы обиделся, если бы Рудольф сам сел за руль.

– Я серьезно, сэр, – сказал Скэнлон. – Они просто дикари, звери и закон уважают не больше, чем стая гиен. А над полицией и вообще смеются. Конечно, не мое дело вам указывать, но на вашем месте я обратился бы прямо к губернатору и попросил прислать войска...

– Это еще успеется, – сказал Рудольф.

– Попомните мои слова. Дойдет и до этого. Знаете ведь, что они наделали в Нью-Йорке и в Калифорнии.

– Уитби не Нью-Йорк и не Калифорния.

– Все равно. У нас полно студентов и чернозадых, – упрямо сказал Скэнлон и замолчал. Потом опять заговорил: – Были бы вы вчера у себя дома, сэр, тогда, может, и поняли бы, о чем я толкую.

– Да, я слышал, – сказал Рудольф. – Они вытоптали газон.

– Если бы только это. Я сам там не был, но Руберти мне все рассказал. – Руберти тоже был полицейским. – То, что они творили, богомерзко! Руберти так и сказал. Богомерзко! Они требовали, чтобы вы вышли, и пели похабные песни. Молоденькие девушки, а ругались, как грузчики. Потом повыдергивали в вашем саду все цветы и кусты, а когда миссис Джордах открыла дверь...

– Она открыла дверь? – с ужасом переспросил Рудольф. – Зачем?

– Понимаете, они стали бросать в дом камни, комья грязи, банки из-под пива и кричали: «Пусть выйдет это г...!» Стыдно сказать, сэр, но это они так о вас. Из полиции там были только Руберти и Циммерман. Все остальные полицейские уехали в университет, а что могли двое сделать против ревущей толпы этих диких индейцев? Их там собралось человек триста. Ну и, как я уже сказал, миссис Джордах открыла дверь и начала на них кричать.

– О господи, – выдохнул Рудольф.

– Вам лучше услышать это сейчас от меня, чем потом от кого-нибудь другого, – сказал Скэнлон. – Когда миссис Джордах открыла дверь, она была пьяна. И совершенно голая. Там оказался фотограф из студенческой газеты, и он сделал несколько снимков со вспышкой. Руберти бросился за ним, но другие студенты загородили ему дорогу, и фотограф успел скрыться. Не знаю, что они собираются делать с этими снимками, но снимки у них в руках.

Рудольф приказал Скэнлону ехать прямо в университет. Главный административный корпус был ярко освещен. Из окон студенты выбрасывали разорванные в клочья документы и осыпали громкой бранью окружающих здание полицейских – полицейских было тревожно мало, но они были уже с дубинками. Подъезжая к стоявшей под деревом машине Отмена, Рудольф увидел, какое применение студенты нашли фотографии его жены. Увеличенная до гигантских размеров, фотография голой Джин свисала из окна второго этажа.

Когда Рудольф вылез из машины, несколько студентов узнали мэра и

приветствовали его диким торжествующим воплем.

Отмен стоял возле своей машины. Голова и глаз были у него забинтованы, и полицейская фуражка держалась на затылке. Только шестеро из полицейских были в касках. Рудольф вспомнил, как полгода назад сам наотрез отказал Отмену в его просьбе купить полиции еще две дюжины касок – тогда Рудольфу казалось, что это будет лишним расходом.

Без всякого предисловия Отмен сказал:

– Ваш секретарь сообщил, что вы прибудете, и мы не предпринимали пока никаких действий. Они держат заложниками Дорлэкера и двух профессоров. Здание было захвачено сегодня, в шесть вечера.

Рудольф кивнул, шаря глазами по фасаду корпуса. В одном из окон цокольного этажа он увидел Квентина Макговерна. Макговерн был уже аспирантом и работал ассистентом на химическом факультете. Квентин улыбался из окна. Рудольф был уверен, что Квентин видит его, и чувствовал: улыбка адресована именно ему.

– Что бы еще сегодня ни случилось. Отмен, – сказал он, – я хочу, чтобы вы непременно арестовали вон того негра, в третьем окне слева на цокольном этаже. Его зовут Квентин Макговерн. Если не сумеете взять его здесь, возьмите дома.

Отмен кивнул.

– Они хотят с вами говорить, сэр. Хотят, чтобы вы пошли к ним обсудить ситуацию.

– Нам нечего обсуждать, – отрицательно покачал головой Рудольф. Он не собирался ни с кем вести никаких переговоров под фотографией голой жены. – Идите и очистите здание.

– Это легче сказать, чем сделать, – ответил Отмен. – Я уже трижды приказывал им выйти, но они только смеются.

– Я сказал, очистите здание. – В душе у Рудольфа клокотала ярость. Холодная ярость. Он знал, что делает.

– Каким образом? – спросил Отмен.

– У вас есть оружие.

– Вы же не хотите сказать, чтобы мы открыли огонь? – не веря своим ушам, сказал Отмен. – Насколько нам известно, ни один из них не вооружен.

Рудольф секунду колебался.

– Нет, – сказал он, – стрелять не надо. Но у вас есть дубинки и слезоточивый газ.

– Может быть, нам все же лучше просто подождать, пока им это не надоест и они не устанут? А если ничего не изменится, вы сможете вызвать войска, – неуверенно предложил Отмен.

– Нет, я не собираюсь сидеть и ждать, – заявил Рудольф. Он умолчал о том, что Отмен и сам прекрасно понимал: ему хотелось немедленно сорвать со стены фотографию Джин. – Прикажите вашим ребятам начать со слезоточивого газа.

– Господин мэр, – медленно сказал Отмен. – Я прошу вас отдать этот приказ в письменном виде, с вашей подписью.

– Дайте мне ваш блокнот.

Отмен протянул ему блокнот, и Рудольф, положив его для опоры на капот машины, написал приказ, стараясь, чтобы каждая буква получилась разборчиво. Подписав его, он вернул блокнот Отмену.

Когда первая граната со слезоточивым газом попала в окно первого этажа, оттуда раздался испуганный крик. Затем полетели еще гранаты, и лица студентов исчезли. Помогая друг другу, полицейские начали карабкаться в окна. Но полицейских было слишком мало, и большинству студентов удалось ускользнуть через заднюю дверь. Рудольф стоял и смотрел вверх, туда, где по-прежнему висела фотография Джин. В окне показался полицейский, сорвал фотографию и вместе с ней скрылся в корпусе.

Все кончилось очень быстро. Арестовано было только около двадцати студентов. Трое получили ранение в голову, а одного унесли на носилках. Он прижимал руку к глазам. Какой-то полицейский сказал, что парень ослеп, но, вероятно, это лишь временная слепота.

На улицу вышли Дорлэкер и два профессора. Глаза их слезились. Рудольф подошел к Дорлэкеру.

– Как вы? – спросил он.

Дорлэкер прищурился, чтобы разглядеть, кто к нему обращается.

– Я с вами не разговариваю, Джордах. Завтра я сделаю заявление для репортеров, и, если вы завтра вечером купите вашу же газету, вы узнаете, что я о вас думаю. – Он сел в чью-то машину и уехал.

Когда они выезжали с территории студенческого городка, навстречу им неслись, завывая сиреной, машины «скорой помощи». Следом мчался школьный автобус, который вызвали для перевозки арестованных.

– Скэнлон, – сказал Рудольф. – По-моему, с сегодняшнего вечера я уже не мэр, да?

Скэнлон долго не отвечал. Он хмурился, глядя на дорогу, а когда нужно было повернуть, закричал по-стариковски.

– Да, мистер Джордах, – наконец сказал он. – Я так думаю, вы правы.

7

1968 год.

На этот раз, когда он сошел с самолета в аэропорту имени Кеннеди, никто его не встречал. На нем были темные очки, и двигался он неуверенно. Он не сообщил Рудольфу о своем приезде, потому что из письма Гретхен знал, что у Рудольфа хватает собственных неприятностей, и не хотел прибавлять ему забот о полуслепом брате. Этой зимой, когда «Клотильда» стояла в порту в Антибе и они готовили ее к летнему сезону, оборвался лень и хлестнул его по лицу. На следующий день у него начались головокружения и стало двоиться в глазах. Чтобы не волновать Кейт и Уэсли, он делал вид, будто ничего не случилось. Написал мистеру Гудхарту письмо с просьбой порекомендовать хорошего нью-йоркского окулиста, а получив ответ, объявил Кейт, что едет в Нью-Йорк для окончания бракоразводных дел. Кейт настаивала на женитьбе, и он вполне

понимал ее. В октябре они ждали ребенка, а сейчас уже была середина апреля.

– Частично повреждена сетчатка, – сказал врач. Осмотр был долгий, тщательный и болезненный. – К сожалению, мне придется направить вас к хирургу.

Томас кивнул. Очередная травма.

– Сколько это будет стоить? Я человек рабочий и не могу платить бешеные деньги.

– Понимаю, – ответил врач. – Я объясню это хирургу Холлиуэллу.

Три недели спустя он вышел из больницы. Лицо у него было бледное, ни кровинки, и врач предупредил, что он должен длительное время избегать резких движений и тяжелой работы. За три недели он похудел почти на пятнадцать фунтов, и костюм висел на нем как на вешалке. Но видел он теперь нормально, и когда поворачивал голову, она не кружилась и дурнота не подступала.

За операцию и пребывание в больнице с него взяли чуть больше тысячи двухсот долларов, но результат того стоил.

Он остановился в отеле «Парамаунт» и сразу же позвонил брату. К телефону подошел сам Рудольф.

– Руди, – сказал Том. – Как дела?

– Кто это?

– Том.

– Том?! Ты где?

– Здесь, в Нью-Йорке. В «Парамаунте». С тобой можно увидеться?

– О чем разговор, конечно. – По голосу чувствовалось, что Рудольф искренне рад. – Приезжай ко мне прямо сейчас. Адрес ты знаешь.

Когда лифт поднялся, Рудольф уже ждал его в коридоре.

– Господи, Том, – сказал он, пожимая брату руку. – Я так удивился, когда услышал твой голос. – Отступив на шаг, он окинул Томаса придирчивым взглядом: – Что с тобой стряслось? Ты что, болел?

Томас мог бы сказать, что Рудольф и сам выглядит не слишком хорошо, но он промолчал.

– Я тебе все расскажу, если дашь мне выпить, – ответил он. Врач предупреждал, что с выпивкой тоже следует быть поосторожнее.

Рудольф провел его в гостиную, где все было так же, как в прошлый раз, когда Томас сюда приезжал. Уютная, просторная комната. Здесь должны происходить приятные, незначительные события, но уж никак не катастрофы.

– Виски? – спросил Рудольф.

Томас утвердительно кивнул. Брат выглядел гораздо старше, чем при их последней встрече. Вокруг глаз и на лбу залегли глубокие морщины. Двигался он медленно, почти неуверенно.

– Садись, рассказывай, что привело тебя в Нью-Йорк. Ты давно здесь?

– Уже около трех недель.

– Что же ты до сих пор мне не звонил? – обиженно спросил Рудольф.

– Мне пришлось лечь на операцию, – ответил Том. – Была неприятность с глазами. Когда я болен, предпочитаю быть один.

– Я тебя понимаю. – Рудольф сел напротив него в мягкое кресло. – Я и сам такой.

– Сейчас все в порядке. Какое-то время надо быть поосторожнее, вот и все. Ну, твое здоровье. – Томас поднял свой стакан.

– Твое здоровье, – отозвался Рудольф и внимательно посмотрел на брата.

– Ты больше не похож на боксера, Том.

– А ты – на мэра, – сказал Томас и тотчас пожалел о сказанном.

Но Рудольф только рассмеялся.

– Гретхен говорила, что писала тебе обо всем. Да, мне слегка не повезло.

– Она писала, что ты продал свой дом в Уитби.

– Не имело смысла застревать там. – Рудольф задумчиво покрутил лед в стакане. – Нам вполне достаточно этой квартиры. Инид с няней в парке. Она скоро вернется, сможешь на нее взглянуть. Как твой мальчик?

– Отлично. Ты бы слышал, как он говорит по-французски! И яхтой управляет уже лучше меня.

– Я рад, что все обошлось. А Билли, сын Гретхен, служит в армии в Брюсселе. В войсках НАТО.

– Знаю. Она мне писала. И писала, что это ты устроил его туда.

– Одна из моих последних официальных акций или, вернее, полуофициальных, – Рудольф говорил теперь тихим, размеренным голосом, точно не хотел, чтобы его слова звучали слишком категорично.

– Досадно, что все так получилось, Руди, – сказал Томас. Впервые в жизни ему было жалко брата.

Рудольф пожал плечами.

– Могло быть хуже. Тот парнишка мог и умереть, а он отделался лишь слепотой.

– Чем ты думаешь теперь заниматься?

– О, дела найдутся. В Нью-Йорке прекрасно жить в свое удовольствие. А когда вернется Джин, мы с ней, вероятно, отправимся путешествовать.

– А где она?

– В санатории, – ответил Рудольф, позвякивая кубиками льда в стакане. – Вернее, это не санаторий, а клиника, где отучают людей пить. Они там излечивают почти всех. Она уже второй раз там. После первого раза почти шесть месяцев не брала в рот ни капли. Мне не полагается ее навещать – идиотское предписание какого-то врача, – но я поддерживаю связь с директором клиники, и он говорит, что Джин молодцом. – Виски попало ему не в то горло, и он закашлялся. – Может быть, мне тоже не мешает подлечиться, – улыбаясь, заметил он, когда кашель отпустил его. – Ну а ты? Теперь, когда с глазами в порядке, какие у тебя планы?

– Мне надо получить развод, Руди, – сказал Томас. – В прошлый раз я спешил, хотелось поскорее увезти парня из этой страны. Застрянь я в Нью-Йорке, мне пришлось бы объяснить Уэсли причину. А я не хочу, чтобы он знал, что я разошелся с его матерью из-за того, что она шлюха. К тому же, если бы я стал тогда разводиться в Нью-Йорке, это заняло бы слишком много времени и пропала бы значительная часть летнего сезона, а я не могу себе это

позволить. А теперь я непременно должен развестись самое позднее к октябрю.

– Почему?

– В общем... Я живу с одной женщиной. Она англичанка. Замечательный человек. В октябре у нас должен родиться ребенок.

– Все ясно, – сказал Рудольф. – Поздравляю. Племя Джордахов растет. Может быть, нам не хватает именно английской крови. Чем я могу тебе помочь?

– Я не хочу встречаться с Терезой. Если я ее увижу, то могу не сдержаться и бог знает что с ней сделаю. Хотя прошло уже столько времени. Может, тебе или кому-то другому удастся уговорить ее поехать в Рено или другой город, где легко развестись...

Рудольф аккуратно поставил стакан на стол.

– Конечно, – сказал он. – Я с удовольствием помогу. – В дверях раздался шум. – А вот и Инид. – И он позвал: – Иди сюда, маленькая.

В комнату вприпрыжку вбежала Инид в красном пальто. Увидев рядом с отцом незнакомого мужчину, она застыла на месте. Рудольф взял ее на руки и поцеловал.

– Поздоровайся со своим дядей. Дядя Томас живет на яхте.

Три дня спустя Рудольф позвонил Томасу и договорился пообедать с ним в ресторане на Третьей авеню.

Когда он вошел в бар, Томас уже поджидал его.

– Итак, – сказал Рудольф, усаживаясь рядом с братом на высокий табурет, – мадам уже в пути. Летит в Неваду.

– Ты шутишь, – сказал Томас.

– Я сам отвез ее в аэропорт и оставался там до тех пор, пока самолет не взлетел.

– Ну, Руди, ты просто чудотворец!

– В общем-то это оказалось не так уж трудно, – сказал Рудольф и заказал мартини, чтобы как-то развеять тягостные воспоминания о целом утре, проведенном с Терезой. – Она тоже собирается начать семейную жизнь второй раз, – солгал он, – и понимает, что будет разумнее, если ее, как она говорит, доброе имя не будут трепать по судам в Нью-Йорке.

– Она с тебя много содрала? – спросил Томас. Он знал свою жену.

– Нет, – снова солгал Рудольф. – Она заявила, что хорошо зарабатывает и легко может позволить себе эту поездку.

– Что-то на нее не похоже, – с сомнением покачал головой Томас.

– Может быть, жизнь в конце концов ее смягчила.

Рудольф препирался с Терезой целых два дня и наконец согласился взять на себя все ее дорожные расходы, включая авиабилет первого класса в оба конца, счет за пребывание в отеле в Рено в течение шести недель плюс пятьсот долларов в неделю (за простой, как выразилась Тереза). Половину всей суммы ему пришлось дать ей вперед, а вторую половину он обещал заплатить, когда она вернется и вручит ему свидетельство о разводе.

Рудольф и Томас отлично пообедали, выпили по бутылке вина. Томас, захмелев, расчувствовался и повторял, что он благодарен Рудольфу по гроб

жизни и что все эти годы он был просто дураком, не понимал, какой у него замечательный брат.

За коньяком он сказал:

– Слушай, ты на днях говорил, что, когда твоя жена выйдет из клиники, вы собираетесь путешествовать. В июле первые две недели моя яхта свободна. Я оставлю это время для вас. Приезжай с женой ко мне, и мы совершим небольшой круиз. Если Гретхен сможет, возьмите с собой и ее. Ты обязательно должен познакомиться с Кейт. Черт побери, я ведь к тому времени уже получу развод, так что вы попадете как раз на свадьбу. Договорились, Руди? И не вздумай отказываться.

– Это зависит от Джин, – неуверенно сказал Рудольф. – Не знаю, как она будет себя чувствовать...

– Ей это пойдет только на пользу, – настаивал Томас. – На борту не будет ни бутылки. Руди, ты просто обязан приехать.

– Хорошо, – согласился Рудольф. – Жди нас первого июля. Может, действительно нам обоим полезно на время уехать за границу.

У мэра через плечо была надета лента. Невеста в васильковом платье ничуть не походила на беременную. Инид в белых перчатках держала мать за руку и, хмурясь, следила за таинственными играми, в которые играли взрослые, говорящие на непонятном ей языке. Томас загорел и снова выглядел здоровым и сильным. Он опять набрал в весе, и воротничок белой рубашки туго облегал его мускулистую шею. За спиной отца стоял Уэсли, высокий стройный пятнадцатилетний парень, в костюме, рукава которого были ему уже коротки. Лицо его покрывал темный загар, а волосы от средиземноморского солнца стали совсем светлыми. Гретхен смотрится великолепно, подумалось Рудольфу. Гладко зачесанные темные волосы, едва тронутые сединой, обрамляли худое лицо с огромными прекрасными глазами. Величественна, как королева, благородна и печальна. Свадьба пробуждает в людях поэтический дар. Сам Рудольф – и он знал это, – проведя неделю на море, стал выглядеть гораздо моложе, чем в тот день, когда сошел с самолета в Ницце. Джин, вернувшись из клиники, не брала в рот ни капли и казалась необыкновенно красивой и хрупкой среди портовых друзей Томаса, здоровых мужиков, с чьими обветренными, темными, грубыми лицами никак не вязались надетые по торжественному поводу пиджаки и галстуки.

Лишь Дуайер, то и дело поправлявший белую гвоздику в петлице, был сегодня печален. Томас рассказал брату историю Дуайера, и Рудольф думал, что, может быть, счастье друга заставило Дуайера пожалеть о том, что он променял ждавшую его в Бостоне девушку на «Клотильду».

Когда Рудольф познакомился с Кейт, его вначале разочаровал выбор брата. Ему самому нравились хорошенькие женщины, а Кейт, с ее плоским смуглым простым лицом и крепко сбитой фигурой, никак не соответствовала принятым эталонам красоты. Она напоминала ему таитянок с картин Гогена. Ее ливерпульский выговор, медленная и не слишком грамотная речь вначале тоже резали ему ухо.

Но уже дня через два, наблюдая, как Кейт вместе с Томом и Уэсли

безропотно выполняет на яхте самую тяжелую работу, видя, с какой искренней светлой любовью и ненавязчивой заботой она относится и к мужу и к его сыну, Рудольф почувствовал стыд за свои поспешные выводы. Том – счастливчик. Он так ему и сказал. И Том серьезно с ним согласился.

Мэр закончил речь, новобрачные обменялись кольцами, и жених поцеловал невесту.

Рудольф и Гретхен вслед за молодыми расписались в книге регистрации. Поколебавшись, Рудольф подошел к Кейт и поцеловал ее. В баре «Феликс-о-Порт» их ждало шампанское, дыня и рыба в белом вине. Играл аккордеон. Мэр поднял тост за невесту. Пинки Кимболл – за жениха. Рудольф произнес тост за новобрачных по-французски, чем вызвал всеобщее удивление и бурю аплодисментов. Джин привезла с собой фотоаппарат и щелкала пленку за пленкой. Она впервые взяла в руки фотокамеру с тех пор, как разбила всю свою аппаратуру. Причем это не было идеей Рудольфа. Джин сама захотела фотографировать.

Обед кончился в четыре, и гости – многие уже нетвердо стояли на ногах – проводили молодоженов до «Клотильды». На корме стоял большой ящик, перевязанный красной лентой, – свадебный подарок Рудольфа. Он распорядился, чтобы его доставили на яхту, пока все были в мэрии.

– Это еще что за чертовщина? – удивился Том, прочитав поздравительную открытку.

– Открой и узнаешь, – улыбнулся Рудольф.

Дуайер сходил за молотком и зубилом, а жених разделся до пояса и в окружении гостей открыл ящик. Внутри был великолепный радар фирмы «Бендикс». Перед отъездом из Нью-Йорка Рудольф позвонил Гудхарту и спросил, что бы больше всего хотелось Томасу иметь на яхте. Мистер Гудхарт посоветовал купить рр.

В глазах Томаса стояли слезы. Он, понятное дело, был немного пьян.

– Радар! Я о нем столько лет мечтал!

По плану намечалось сразу после свадьбы отплыть в Портофино. Они собирались идти дальше вдоль берега мимо Монте-Карло, Ментоны и Сан-Ремо, затем ночью пересечь Генуэзский залив и утром причалить где-нибудь в Италии. Метеосводка была хорошей, и весь круиз, по словам Томаса, должен был занять не больше пятнадцати часов.

Дуайер и Уэсли не позволили Томасу и Кейт ничего делать и усадили их на корме, а сами подняли якорь. С судов, стоявших в порту, раздались гудки – салют в честь новобрачных. До бакена у выхода из порта за «Клотильдой» следовал рыбачий катер, полный цветов, и двое матросов бросали их им вслед.

Гретхен с Рудольфом сидели в шезлонгах на палубе, любуясь заходом солнца. Джин внизу укладывала Инид. Жених отсыпался после шампанского. Дуайер и Кейт готовили в камбузе ужин. Рудольф был против того, чтобы Кейт сегодня занималась стиркой, и пригласил всех поужинать в Ницце или Монте-Карло, но Кейт настояла на своем. «Для меня это будет только удовольствие в такой день», – сказала она. Уэсли в синем свитере – к вечеру стало прохладнее – стоял за штурвалом. Он ходил по яхте босиком и все делал

уверенно, словно и родился на море.

Гретхен и Рудольф тоже были в свитерах.

– Это настоящая роскошь – прохлада в июле, – сказал Рудольф.

– Ты рад, что приехал? – спросила Гретхен.

– Очень.

– Семья воссоединилась. Нет, больше того – сплотилась! Впервые в жизни. И все благодаря Тому. Кто бы мог подумать!

– Он понял в жизни что-то такое, чего мы до сих пор не сумели понять до конца, – заметил Рудольф.

– Это точно. Ты обратил внимание, где бы он ни появлялся, его всюду окружает любовь. Его жена, Дуайер, все его друзья на свадьбе. Даже его сын. – Гретхен усмехнулась.

Она уже рассказала Рудольфу о том, что перед приездом в Антиб навестила Билли в Брюсселе, и Рудольф знал, что скрывалось за этой усмешкой. Билли, отбывавший воинскую службу вдали от всех опасностей, сидел за пишущей машинкой в армейской канцелярии. Он, как сказала Гретхен, стал очень циничным, напрочь лишился честолюбия, ни к чему не стремился и просто отбывал срок, высмеивая все и всех на свете, включая собственную мать. Его не трогали сокровища Старого Света, он путался с разными глупыми девчонками в Брюсселе и Париже, курил марихуану, а теперь, может, уже перешел на более сильные наркотики, рискуя попасть в тюрьму – что, впрочем, было ему так же безразлично, как и исключение из университета. К матери он относился по-прежнему очень холодно. Во время их последнего ужина, когда в конце концов они заговорили об Эвансе Кинселле, Билли пришел в ярость. «Я знаю все о людях вашего возраста, – заявил он. – У вас якобы высокие идеалы, вы восторгаетесь книгами, пьесами и политиками, которые вызывают у моего поколения только хохот. Вы болтаете о спасении мира, молитесь то на одного бездарного художника, то на другого – и все ради того, чтобы казалось, будто вы еще молодые, чтобы создать впечатление, будто нацистам дали отпор только что и где-то совсем рядом – за углом, в следующем баре или в следующей постели – вас ждет „прекрасный новый мир“.»

«В какой-то мере он, наверно, прав, – говорила Гретхен Рудольфу. – Он жесток, но прав, утверждая, что миром правит лицемерие. Ты ведь знаешь меня лучше, чем кто-либо другой. Когда настал критический момент, я же не сказала сыну „иди в тюрьму“ или „дезертируй“. Я просто позвонила моему влиятельному брату и спасла шкуру своего сына; пусть другие матери убеждают своих сыновей садиться в тюрьму, или дезертировать, или отправляться за смертью в джунгли».

Рудольф ничего не мог на это ответить. Он был ее сообщником, обвинения Билли относились в равной степени к ним обоим.

Но неделя на море была такой целительной, а свадьба такой веселой и внушавшей надежды, что он сознательно выбросил из головы все другие мысли. Ему было досадно, что, наблюдая за стоящим у штурвала загорелым и проворным Уэсли, они с сестрой неизбежно задумывались о судьбе Билли.

– Посмотри на него, – сказала Гретхен, глядя на Уэсли. – Мать –

проститутка. Отец не окончил даже средней школы, его били, преследовали, унижали; с шестнадцати лет он жил среди подонков. Когда он решил, что пришло время, он забрал своего сына, увез его в другую страну, заставил выучить другой язык и ввел в среду грубых, неотесанных людей, едва умеющих читать и писать. В том возрасте, когда Билли еще просил по субботам два доллара на кино, сын Тома уже работал. Что же касается прелестей семейной жизни... – Гретхен засмеялась. – Каюта парня отделена лишь тонкой перегородкой от кают деревенской бабы, любовницы его отца, зачавшей в грехе. И что же? Парень пышет здоровьем, работает на славу, вежлив. И он так предан своему отцу, что Тому даже не приходится повышать на него голос. Ему достаточно просто *указать*, и мальчик тут же беспрекословно все выполняет... Черт возьми, по-моему, пора переписать заново все книги о воспитании детей! И уж конечно, этому парню нечего бояться, что какая-нибудь призывная комиссия отправит его во Вьетнам. Его отец не допустит этого. Вот что я тебе скажу, Руди. На твоём месте, как только Инид подрастет и сможет расхаживать по яхте без риска свалиться за борт, я бы прислала ее сюда, к Тому, на воспитание... Господи, я бы сейчас с удовольствием чего-нибудь выпила. Наверняка у Тома где-нибудь припрятана бутылка.

– Вполне вероятно, – сказал Рудольф. – Я спрошу его.

Он встал и прошел в камбуз. Дуайер мыл в раковине салат, а Кейт, уже в обычной рабочей одежде, поливала жиром кусок мяса в духовке.

– Кейт, – сказал Рудольф, – у Тома на всякий случай не припрятана где-нибудь бутылка?

Кейт закрыла духовку, выпрямилась и тревожно взглянула на Дуайера.

– Я думала, он обещал вам, что, пока вы с нами, мы пить не будем.

– Не беспокойся, – сказал Рудольф. – Джин с малышкой в каюте. Это для меня и Гретхен. Мы с ней сидим на палубе, а уже становится довольно прохладно.

– Кролик, – Кейт повернулась к Дуайеру, – сходи принеси.

Дуайер пошел к себе в каюту и вскоре вернулся с бутылкой джина. Рудольф налил джин в два стакана и добавил немного тоника. Он поднялся на палубу и протянул сестре стакан.

– Если Джин выйдет на палубу, мы можем сделать вид, что это просто тоник. Он отбивает запах джина.

– Надейся, надейся.

Они сделали по глотку.

– Эванс обожает джин, – заметила Гретхен. – Мы и в этом разные.

– Как у тебя с ним?

– Все так же, – небрежно ответила она. – Год от года чуть хуже, но в общем все так же. Мне, наверно, надо его бросить, но я нужна ему. Он не так уж меня и любит, но нуждается во мне. Возможно, в моем возрасте это даже лучше, когда ты не слишком любима, зато нужна.

На палубе появилась Джин в плотно облегающих розовых брюках и бледно-голубом мягком свитере. Она покосилась на стаканы, но ничего не сказала.

– Как Инид? – спросил Рудольф.

– Спит сном ангела. Она меня спрашивала, должны ли Кейт и дядя Томас сохранить кольца, которыми они обменялись. – Джин поежилась. – Я зябну. – И она прижалась к плечу Рудольфа. Он поцеловал ее в щеку. – Ля-ля-ля! – смешливо протянула она. – Чую английский дух! – Тоник не обманул ее. Она мгновенно все поняла и покраснела. – Дай капельку.

Рудольф заколебался. Будь он один, он не выпустил бы стакан из рук. Но Гретхен сидела рядом и смотрела на них. Он не мог позволить себе унижить жену в присутствии своей сестры. Он дал Джин стакан. Она отпила маленький глоток и отдала стакан обратно.

Дуайер вышел на палубу и начал накрывать на стол. На яхте ужинали обычно при свечах, на столе лежали плетеные соломенные салфетки, посреди стояла небольшая ваза с цветами и деревянная миска с салатом.

Вдруг что-то глухо ударилось о корпус судна и забарабанило под кормой, и, прежде чем Уэсли успел выключить двигатель, внизу послышался металлический лязг. Дуайер подбежал к перилам и стал вглядываться в светлую пену, тянущуюся за яхтой в черной воде.

– Вот дьявол! Мы ударились о бревно! – крикнул он, показывая куда-то пальцем. – Видите?

На палубу выбежал Томас. Он был босиком и без рубашки, но в руках держал свитер. За ним по пятам бежала Кейт.

Натянув свитер, Томас прошел в рубку и встал за штурвал. «Клотильда» потеряла управление и медленно покачивалась на волнах под слабым ветром. Томас включил левый двигатель. Он работал нормально, и винт крутился как положено. Но когда Томас включил правый двигатель, снова внизу раздался металлический лязг, и «Клотильду» начало потряхивать.

– Поврежден гребной винт, а возможно, и вал тоже, – сказал Томас.

Уэсли чуть не плакал:

– Па, извини, я не заметил бревно.

Томас похлопал сына по плечу.

– Ты не виноват, Уэс, поверь мне. Спустишь-ка в машинное отделение, посмотри, нет ли в трюме воды, – сказал он и ухмыльнулся: – Свадебный подарок от Средиземного моря. – Он набил трубку, раскурил ее и, обняв жену за плечи, спокойно ждал возвращения Уэсли.

– Там сухо, – сказал Уэсли, поднявшись на палубу.

– Старушка «Клотильда» у нас крепкая, – сказал Томас. Тут он заметил стаканы у Рудольфа и Гретхен. – Что, продолжаем праздновать?

– Всего по глотку, – ответил Рудольф.

Томас кивнул.

– Уэсли, – повернулся он к сыну, – становись за штурвал. Мы возвращаемся в Антиб. На одном двигателе.

Рудольф догадывался, что Томас предпочел бы встать за штурвал сам, но ему хочется, чтобы Уэсли не чувствовал себя виноватым в случившемся.

Они шли со скоростью всего четыре узла в час, и, когда прибыли в Антиб, порт был безмолвен и погружен в темноту.

Тихий, но настойчивый стук вторгся в его сон, и, просыпаясь, Томас подумал: «Это Пэппи пришел». Он открыл глаза и увидел, что лежит у себя в каюте, а рядом спит Кейт.

Стук продолжался.

– Кто там? – спросил он шепотом, боясь разбудить Кейт.

– Это я, Пинки, – прошептал голос за дверью. – Пинки Кимболл.

– Сейчас. – Не зажигая света, Томас оделся. Кейт, уставшая за день, крепко спала.

Босиком, в брюках и свитере Томас осторожно открыл дверь и вышел в коридор, где его ждал Пинки. От Кимболла разило перегаром, но в коридоре было слишком темно, и Том не мог определить, насколько Пинки пьян.

– Какого черта тебе надо? – раздраженно спросил Томас.

– Я только что из Канна, – сипло сказал Пинки.

– Ну и что? Ты всегда будишь людей, возвращаясь из Канна?

– Ты, приятель, лучше меня послушай. Я в Канне видел твою невестку.

– Ты пьян, Пинки, – брезгливо сказал Томас. – Иди проспись.

– Она в розовых брюках. Чего бы я стал говорить зря? Не настолько я пьян, чтобы не узнать женщину, которую видел целый день. Я еще удивился, подошел к ней, говорю: «А я думал, вы уже на полпути к Портофино». А она говорит: «Нет, ни в какое Портофино мы не добрались, потому что у нас была авария, и нам чертовски хорошо в Антибском порту».

– Она не могла сказать «чертовски хорошо», – заметил Томас, отказываясь верить, что Джин сейчас не у себя в каюте на «Клотильде», а где-то далеко.

– Это я так, для смака, – сказал Пинки. – Но я ее видел.

– А где именно в Канне? – Томасу приходилось сдерживать себя и говорить тихо, чтобы не разбудить других.

– В одном заведении со стриптизом, называется «Розовая дверь». Это на улице Бивуак Наполеона. Она сидела в баре с одним громилой. То ли югослав, то ли кто еще. В общем, в габардиновом костюме. Я его и раньше видал в этих краях. Он сутр. Отсидел срок.

– Черт! Она была пьяная?

– В стельку. Я предложил отвезти ее в Антиб, но она сказала: «Когда надо будет, этот джентльмен довезет меня до дома».

– Подожди здесь. – Томас спустился вниз и прошел через салон в коридор, мимо кают Гретхен и Инид. Оттуда не доносилось ни звука. Когда он приоткрыл дверь в большую каюту, то в щель увидел, что Рудольф спит в пижаме на широкой кровати один.

Томас тихонько закрыл дверь и вернулся к Пинки.

– Да, это была она.

– Что ты собираешься делать? – спросил Пинки.

– Поеду и привезу ее обратно.

– Хочешь, я поеду с тобой? Там одни головорезы.

– Нет, не надо, – отрицательно покачал головой Томас. От Пинки и в трезвом состоянии было мало толку, а в пьяном тем более. – Спасибо. Иди спать. Увидимся утром. – Пинки начал протестовать, но Том, легонько

подталкивая его, сказал: – Иди, иди, ложись.

Затем он вернулся в свою каюту, пройдя на цыпочках мимо каюты, где спали Дуайер и Уэсли. Он разбудил Кейт, дотронувшись до плеча.

– Только тихо, – сказал он. – Я не хочу перебудить всю яхту. – И он рассказал ей о том, что сообщил Пинки. – Я должен поехать и привезти ее обратно.

– Один?

– Чем меньше людей об этом узнают, тем лучше. Я привезу ее сюда, уложу в постель к мужу, а утром он скажет, что у нее болит голова и ей надо денек полежать, так что никто ни о чем не догадается. Я не хочу, чтобы Уэсли и Дуайер видели ее пьяной.

Помимо всего прочего, ему не хотелось, чтобы Уэсли и Дуайер оказались рядом, если вдруг завяжется драка.

– Я поеду с тобой, – сказала Кейт. Она уже собралась встать с кровати, но он толкнул ее обратно.

– А еще я не хочу, чтобы она знала, что ты видела ее пьяной в компании сутенера. Нам ведь надо всю оставшуюся жизнь прожить в дружбе.

– Будь осторожен, хорошо?

– Конечно, не беспокойся, – сказал он и поцеловал ее. – Спи, дорогая.

«Любая другая на ее месте подняла бы крик, – подумал он, выходя на палубу. – Но не Кейт».

Ее не было в баре, когда он вошел в «Розовую дверь». И никакого югослава в габардиновом костюме там тоже не было. У стойки несколько мужчин смотрели стриптиз, рядом сшивались две проститутки. За столиком недалеко от входа в компании одной из исполнительниц сидели трое мужчин, чья внешность весьма не понравилась Томасу. Стриптиз только что начался. Под громкую музыку оркестра рыжеволосая женщина в вечернем платье расхаживала в лучах прожектора, покачивая бедрами и медленно снимая длинную, доходившую почти до плеча перчатку.

Томас заказал виски с содовой. Когда бармен поставил перед ним стакан, он сказал по-английски:

– Я ищу американку, которая недавно была здесь. Каштановые волосы. Одета в розовые брюки. Она была с мужчиной в габардиновом костюме.

– Не видеть никакая американка, – ответил бармен.

Томас положил на стойку сто франков.

– Кажется, начинай вспоминать, – сказал бармен.

Томас положил еще сто франков. Бармен быстро огляделся вокруг. Деньги тут же исчезли. Он взял стакан и начал усердно протирать его. Говорил он, не глядя на Томаса. Оркестр играл очень громко, и можно было не бояться, что кто-нибудь подслушает.

– За туалетами, – скороговоркой сказал бармен, – будете найти un escalier, лестница, в подвал. Там спать после работы наш dishwasher, посудомойка. Может быть, вы найдете там то, что искать. Этого человека зовут Данович. Sal

туре.¹² Будьте осторожны. У него есть друзья.

Томас наблюдал, как женщина сняла один чулок, помахала им и принялась стягивать подвязку со второй ноги. Делая вид, что продолжает с интересом следить за стриптизом, Томас неторопливо направился к светящемуся в конце зала табло «Туалеты. Телефон». Все вокруг смотрели только на раздевавшуюся девицу, и он был почти уверен, что никто не обратил внимания, как он прошел в арку под табло. Миновав двери, откуда неслась вонь уборных, он увидел ступеньки, ведущие в подвал. Он быстро спустился вниз. Лестница, освещенная тусклой лампочкой, упиралась в тонкую фанерную дверь. Сквозь шум оркестра он услышал за дверью истерический умоляющий женский голос, который вдруг резко оборвался, точно женщине зажали рот рукой. Томас толкнул дверь, но она была заперта. Тогда он отступил назад и с силой ударил в дверь плечом. Прогнившее дерево и хилый замок подались одновременно, и он влетел в подвал. Джин силилась подняться с раскладушки посудомойки. Спутанные волосы ее свисали на лицо. Один рукав у свитера был почти оторван. Мужчина в габардиновом костюме, Данович, стоял рядом с ней лицом к двери. В свете лампы, одиноко свисавшей на проводе с потолка, Томас разглядел батареи пустых винных бутылок, верстак и разбросанный в беспорядке плотничный инструмент.

– Том! – крикнула Джин. – Уведи меня отсюда! – От страха она уже протрезвела, а может, и раньше не была такой пьяной, как вообразил Пинки. Она попыталась встать, но Данович грубо толкнул ее обратно.

– Тебе что надо? – спросил он Томаса. Данович говорил по-английски, но язык у него заплетался. Он был приблизительно того же роста, что и Томас, с широкими массивными плечами. Одна щека у него была обезображена шрамами от удара ножом или бритвой.

– Я пришел, чтобы отвезти эту даму домой, – сказал Томас.

– Я сам отвезу даму домой, когда сочту нужным. Fous-moile camp,¹³ янки! – И он толкнул Джин ладонью в лицо, когда она вновь попробовала подняться.

Томас сделал шаг к раскладушке.

– Не устраивай скандала, – спокойно сказал он Дановичу. – Дама поедет со мной.

– Если она тебе так нужна, попробуй забери ее. – Данович неожиданно отступил назад, схватил с верстака молоток и поднял его над головой.

Черт возьми, подумал Томас, всюду свой Фальконетти.

– Умоляю, Том! Умоляю! – всхлипывала Джин.

– Даю тебе пять секунд, чтобы ты убрался. – Данович двинулся к Томасу, держа молоток на уровне его лица.

Томас понимал: в любом случае надо уберечь голову от молотка. Если

---

¹² Мерзкий тип (фр.).

¹³ Убирайся (искаж. фр.).

молоток заденет его даже скользящим ударом, все будет кончено.

– Ладно, ладно, – сказал он, слегка отступая и миролюбиво подняв руки.

– Я не собираюсь драться. – И, как только молоток метнулся в воздухе, бросился под ноги Дановичу и изо всей силы боднул Дановича головой в пах. Молоток ударил его по плечу, и оно сразу онемело. Данович потерял равновесие, упал на спину, и Томас, обхватив руками его колени, уселся на него верхом. Падая, Данович, вероятно, ударился головой, так как на секунду перестал сопротивляться. Томас воспользовался моментом и схватил его за голову. Данович замахнулся молотком и ударил Томаса по локтю, который тот выставил вперед, защищая лицо. Томас потянулся к молотку, другой рукой ткнув Дановича в глаза. Но он не сумел ухватить молоток и тут же почувствовал резкую боль в колене. На этот раз он изловчился и поймал молоток, не обращая внимания на удары, которые Данович наносил ему безоружной рукой; он выкручивал молоток, пока тот не выпал из кулака Дановича и не отлетел в сторону на цементный пол. Отпихнув Дановича коленями, Томас бросился к молотку и схватил его. И он и Данович поднялись на ноги, но Томас из-за поврежденного колена двигался с трудом, и ему пришлось переложить молоток в левую руку – правое плечо у него совсем онемело.

Сквозь гром оркестра и собственное тяжелое дыхание он слышал, как кричит Джин, но ее крики доносились до него приглушенно, словно издалека.

Данович, зная, что Томас получил травму, попытался зайти сзади. Томас заставил себя повернуться. Данович прыгнул на него, и Томас ударил его молотком повыше локтя. Рука Дановича повисла плетью, но он продолжал размахивать левой. Как только он оставил голову без прикрытия, Томас ударил его по виску – не прямым, а боковым ударом, но и этого оказалось достаточно. Данович пошатнулся и упал на спину. Томас тут же оседлал его и занес молоток над его головой. Данович, задыхаясь, заслонил здоровой рукой лицо. Том трижды ударил его молотком – по плечу, по кисти, по локтю, и все было кончено. Обе руки Дановича бесполезно замерли вдоль туловища. Томас поднял молоток, чтобы прикончить его. Глаза Дановича помутнели от страха, с виска по бледнеющему лицу стекала темная струйка крови.

– Нет! – закричал он. – Нет! Не убивай меня! Пожалуйста! – Его голос сорвался на визг.

Томас лежал сверху на Дановиче, пытаясь отдышаться. Левая рука по-прежнему держала молоток над головой. Если кто-нибудь и заслуживал, чтобы его убили, то это именно Данович. Да, но Фальконетти тоже заслуживал, чтобы его убили. Пусть это сделает кто-нибудь другой. Томас перевернул молоток и запихнул его рукояткой в судорожно дергающийся рот Дановича. Он чувствовал, как ломает ему передние зубы. Сейчас Томас уже не был способен убить этого человека, но страдания Дановича его мало трогали.

– Помоги мне встать, – сказал он Джин. Она сидела на раскладушке, прижав руки к груди, и тяжело дышала, словно тоже участвовала в драке. Медленно, неуверенно поднявшись, она подошла к нему, подхватила под мышки и потянула. Томас поднялся на ноги и, шагнув в сторону от дрожавшего

на полу тела, чуть было не упал снова. Голова у него кружилась, и комната плыла перед глазами, но мысли не путались. Увидев на спинке единственного в подвале стула белое пальто Джин, он сказал:

– Надень его.

Свитер на Джин был порван, и они не могли пройти через зал. А сможет ли он вообще идти? Ему пришлось обеими руками переставлять поврежденную ногу шаг за шагом, пока они поднимались по лестнице. Дановича они оставили лежать на цементном полу. Из его разбитого рта торчал молоток и, пузырясь, текла кровь.

Шоу в «Розовой двери» шло без перерыва. К счастью, в зале было темно, если не считать луча света, направленного на готовившуюся раздеваться девушку в черной амазонке, в котелке, сапогах и с кнутом. Тяжело опираясь на плечо Джин, Томас умудрился не слишком хромать, и они уже почти выходили из клуба, но тут один из троицы, сидевшей возле двери, заметил их. Он встал и крикнул:

– Allo! Vous la. Les Americains. Arretez. Pas si vite.¹⁴

Но они уже вышли за дверь и кое-как зашагали вперед. Мимо ехало такси, Томас остановил его. Джин еле втащила Томаса в машину, потом забралась сама, и такси уже мчалось в Антиб, когда человек, окликнувший их в зале, вышел на улицу и стал их искать.

В такси Томас обессиленно откинулся на спинку сиденья. Джин, кутаясь в белое пальто, забила в угол подальше от Томаса. Он не обиделся на нее за это – ему самому был отвратителен исходящий от него запах пота, смешавшегося с запахом Дановича, крови и сырого подвала. На какое-то время он не то потерял сознание, не то задремал и открыл глаза, когда машина уже приближалась к порту Антиба. Джин плакала навзрыд в своем углу, но Томас мог сегодня уже не беспокоиться о ней. Когда они подъехали к причалу, у которого стояла «Клотильда», он засмеялся.

Его смех подействовал на Джин как удар кнута. Она тотчас перестала плакать.

– Над чем ты смеешься, Том? – спросила она.

– Я вспомнил врача в Нью-Йорке, – ответил он. – Он советовал мне подольше избегать резких движений и любого перенапряжения. Видел бы он меня сегодня!

С трудом самостоятельно выбравшись из машины, Том расплатился с таксистом и, хромя, стал подниматься по трапу следом за Джин. У него снова закружилась голова, и он чуть не свалился в воду.

– Помочь тебе дойти до каюты? – спросила Джин, когда они наконец были на палубе.

– Не надо, – отмахнулся он. – Иди к себе и скажи мужу, что ты вернулась. Придумай какое-нибудь объяснение.

Она наклонилась и поцеловала его в губы.

---

¹⁴ Эй! Вы там! Американцы! Стойте! Не спешите! (фр.).

– Клянусь, больше до смерти не возьму в рот ни капли.

– Ну что ж, – сказал он, – в таком случае этот вечер все-таки не пропал даром. – И, чтобы смягчить сказанное, легонько похлопал ее по нежной, как у ребенка, щеке.

Кейт не спала, и в каюте горел свет. Увидев его, она охнула.

– Тсс, – предостерегающе произнес Томас.

– Что случилось? – шепотом спросила она.

– Чудо! Мне удалось не убить человека. – Он обессиленно упал на койку.

– А сейчас оденься и съезди за врачом.

Он проснулся рано, разбуженный шипением воды – Дуайер и Уэсли поливали из шланга палубу. Колено у него было плотно забинтовано, а двигая плечом, он каждый раз морщился от боли. Но могло быть и хуже. Врач сказал, что переломов нет, однако сильно повреждено колено и, вероятно, связки.

Опираясь на здоровую руку, Том слез с койки и встал на одной ноге перед маленьким зеркалом. Лицо его было изуродовано. Там, в подвале, он не почувствовал этого, но когда он бросился на Дановича, то ударился лицом о цементный пол, и сейчас нос у него распух, губа вздулась, на лбу и скулах темнели глубокие ссадины. Врач промыл ему царапины спиртом, и лицо болело у него меньше, чем все остальное, тем не менее он боялся, что Инид, взглянув на него, в ужасе закричит «мама!».

Он стоял перед зеркалом голый – грудь и плечи были покрыты черно-синими кровоподтеками. Чтобы надеть брюки, ему пришлось потратить пять минут, а рубашку он так и не сумел натянуть. Он взял ее с собой и, прыгая на здоровой ноге, двинулся в камбуз. Кофейник уже стоял на плите. Кейт выжимала апельсины. Как только врач сказал ей, что с Томасом не случилось ничего страшного, она немедленно успокоилась и стала прежней, деловитой и хозяйственной. Когда врач ушел, Томас, ложась спать, рассказал ей обо всем.

– Хочешь поцеловать своего красавца жениха? – спросил он.

Она улыбнулась, нежно поцеловала его и помогла надеть рубашку.

– Кто-нибудь уже знает?

– Я ничего не говорила ни Уэсли, ни Кролику, а остальные еще спят, – ответила она.

– Если спросят – я подрался с пьяным у «Ле Камео», – сказал Томас. – Это послужит наглядным уроком тем, кто решит напиться на собственной свадьбе.

Кейт кивнула.

– Ну ладно, – сказал он. – Я, пожалуй, уже могу идти на палубу и начинать врать.

Когда Дуайер и Уэсли увидели его, Дуайер всполошился:

– Боже мой, что ты с собой сделал?

А Уэсли охнул:

– Па!..

– Я расскажу, когда мы соберемся все вместе, – сказал Томас. – Повторять эту историю сто раз я не намерен.

Рудольф с дочерью поднялись на палубу, и Томас по его лицу понял, что Джин рассказала ему всю правду или почти всю правду о вчерашней ночи.

Инид сказала лишь:

– Дядя Том, ты сегодня такой смешной!

– Это уж точно, милая, – улыбнулся Том.

Рудольф вскользь заметил, что у Джин болит голова и она осталась лежать в постели, а он после завтрака отнесет ей апельсиновый сок. Когда они сели за стол, на палубу поднялась Гретхен.

– Господи, Том, что с тобой случилось? – в ужасе спросила она.

– Я ждал, когда кто-нибудь задаст мне этот вопрос, – ответил Томас. Затем он рассказал историю о драке с пьяным у «Ле Камео». Только тот пьяный оказался не таким пьяным, как он сам, смеясь, заметил он.

– Ах, Том, – рассеянно сказала Гретхен, – а я думала, ты бросил драться.

– Я тоже так думал, но тот пьяный думал иначе, – ответил он.

– Ты тоже там была, Кейт? – укоризненно спросила Гретхен.

– Я спала, – спокойно ответила та. – Он ускользнул потихоньку. Мужчины, они ведь такие, сама знаешь.

– По-моему, это просто стыдно, – сказала Гретхен. – Чтобы большие, взрослые мужчины дрались!..

– Я тоже так думаю, – кивнул Томас. – И особенно стыдно, когда избивают тебя самого. А теперь давайте завтракать.

Позже, тем же утром, Томас и Рудольф сидели вдвоем на палубе.

– Джин все мне рассказала. Я не знаю, как тебя благодарить, Том, – сказал Рудольф.

– Брось ты. Ничего особенного. Просто Джин, с ее воспитанием, все это могло показаться страшнее, чем на самом деле.

– Вчера все целый день пили, – горько сказал Рудольф. – А потом еще мы с Гретхен перед ужином уселись пить на палубе. Ей просто было невозможно устоять. Алкоголики порой бывают такими хитрыми. Не представляю себе, как она сумела встать с постели, одеться и улизнуть с «Клотильды», не разбудив при этом меня... – Он покачал головой. – Последнее время она так хорошо себя вела, что я перестал беспокоиться. А стоит ей выпить рюмку-другую, и она уже собой не владеет. Становится просто другим человеком. Надеюсь, ты не думаешь, что она и в трезвом виде шатается по ночам бог знает где и ловит мужчин?

– Конечно же нет, Руди.

– Почему ты не разбудил меня и не взял с собой?

– Такие поездки не для тебя, Руди.

– Да, но я ее муж, черт возьми.

– И поэтому тоже тебя не следовало будить.

– Но он мог убить тебя.

– Да, был момент, когда это вполне могло случиться, – признался Томас.

– И ты мог его убить.

– Во всей этой истории был один-единственный прекрасный момент, – сказал Томас. – Я вдруг понял, что не могу убить человека.

Он сидел в одиночестве на палубе, с наслаждением вдыхая воздух тихого позднего вечера. Кейт была в каюте внизу, а все остальные уехали на машине в

двухдневную поездку по Италии. Вот уже пятый день «Клотильда» стояла в порту на якоре в ожидании, когда из Голландии привезут новый гребной винт и вал. Рудольф сказал, что, пока есть время, маленькая вылазка на машине будет очень кстати. С той бурной ночи Джин тревожно притихла. Рудольф всячески пытался отвлечь ее от тяжелых мыслей. Он просил Кейт и Томаса тоже поехать с ними, но Томас сказал, что молодожены предпочитают побыть вдвоем.

В порту стояла тишина, на большинстве яхт огни уже погасли. Томас зевнул, потянулся, встал. И вдруг он увидел, как вдоль пирса быстро скользит машина с выключенными фарами. Она остановилась напротив «Клотильды». Обе дверцы с обращенной к нему стороны открылись, и из автомобиля вылезли двое мужчин. Потом еще двое. Последний вышел Данович. С рукой на перевязи.

Если бы Кейт не было на яхте, он нырнул бы в воду, и тогда им пришлось бы долго ловить его. Но сейчас он мог только стоять и смотреть на них. На соседних яхтах не было ни души. Данович остался внизу, а трое поднялись на борт.

– Итак, господа, – сказал Томас, – чем могу быть вам полезен?

Что-то тяжело ударило его по голове.

Он ненадолго пришел в сознание всего один раз. Уэсли и Кейт были в больничной палате возле его постели.

– Больше никогда... – произнес он и снова впал в коматозное состояние.

Рудольф вызвал из Нью-Йорка известного нейрохирурга, и тот был на пути в Ниццу, когда Томас умер. У него был проломлен череп, объяснил хирург Рудольфу, и произошло обширное кровоизлияние в мозг.

Рудольф перевез Гретхен, Джин и Инид в отель и велел сестре не оставлять Джин ни на минуту.

Он сообщил полиции все, что ему было известно; полицейские стали расспрашивать Джин, у нее через полчаса началась истерика, и она не утаила ничего. Она рассказала им про «Розовую дверь», и Дановича задержали, но свидетелей не нашлось, а у Дановича оказалось неопровержимое алиби на всю ночь.

Наутро после кремации Рудольф и Гретхен съездили на такси в крематорий, и им выдали металлическую урну с прахом брата. Из крематория они поехали в Антиб, в порт, где их ждали Кейт, Уэсли и Дур. Джин и Инид остались в отеле. Рудольф решил, что Кейт было бы слишком тяжело стоять в этот день рядом с Джин. «А если Джин и напьется, то сегодня у нее на это есть все основания», – думал он.

Гретхен, как и все остальные, уже знала правду.

Кейт, Уэсли и Дуайер, одетые в обычную рабочую одежду, стояли в ожидании на палубе. У Дуайера и Уэсли были заплаканные, покрасневшие глаза, но на лице Кейт, застывшем от горя, не было ни следа слез. Рудольф поставил урну в рубку, Дуайер взялся за штурвал и включил один двигатель.

Они около часа плыли на юг, удаляясь от побережья. На одном двигателе им было не отойти далеко в открытое море, и береговая линия четко просматривалась за кормой.

Ровно через час Дуайер развернул яхту и заглушил двигатель. В пределах видимости не было ни одного судна, а море застыло в таком глубоком покое, что не слышалось ни всплеска. Рудольф вынес из рубки урну и открыл ее. Кейт принесла снизу огромный букет белых и красных гладиолусов. Все встали в ряд на корме лицом к бескрайнему пустынному морю. Уэсли взял у Рудольфа урну. Слезы на его глазах уже высохли. На мгновение он неподвижно застыл, потом медленно высыпал прах отца в море. Это заняло лишь одну короткую минуту. Вода подхватила пепел и понесла его с собой вдаль, пылинки таяли на голубой глади Средиземного моря.

Женственным плавным движением мягкой загорелой руки Кейт бросила в воду цветы.

Уэсли кинул за борт урну. Она тотчас затонула; Потом Уэсли вошел в рубку и запустил двигатель. Теперь они плыли к берегу, и он направил яхту точно в узкий вход порта.

Кейт спустилась вниз, а Дуайер прошел на нос яхты, оставив мертвенно-бледных Рудольфа и Гретхен на корме.

Подставив себя летящему навстречу легкому бризу, Дуайер стоял на носу яхты и смотрел, как приближаются залитые ослепительным светом утреннего солнца белые особняки, старые крепостные стены и зеленые сосны.

«Погода для богатых», – вспомнилось ему.

Нищий, вор

Посвящается Джиму и Глории

Часть первая

1

Из записной книжки Билли Эббота (1968):

«По словам Моники, я пустое место. Правда, говорит она это не на полном серьезе. Что же касается меня, то я не считаю Монику пустым местом. Но раз уж я в нее влюблен, то быть объективным трудно. Подробнее об этом дальше.

Однажды она поинтересовалась, что я пишу в этой записной книжке. Я ответил, что поскольку, как неустанно твердит наш полковник, мы здесь, в НАТО, на огневом рубеже цивилизации, то грядущим поколениям будет любопытно узнать, что означало быть на огневом рубеже цивилизации в Брюсселе во второй половине двадцатого века. Вдруг какой-нибудь покрытый атомной пылью ученый, роясь в руинах города, наткнется на обугленную по краям, покрытую пятнами засохшей крови (моей собственной) записную книжку и будет благодарен У. Эбботу-младшему за его старания поведать потомкам о жизни простого американского солдата, защищавшего цивилизацию в этой части Европы, рассказать о цене на устрицы в ту пору, о

форме и объеме бюста его возлюбленной, о доступных ему развлечениях вроде постельных утех и кражи армейского бензина и так далее.

„И часто ты занимаешься такой ерундой?“ – спросила Моника.

„А чем мне еще заниматься?“ – возразил я.

„Разве у тебя нет никаких убеждений?“ – полубопытствовала она.

„Почему же? – сказал я. – Я убежден, например, что плыть надо только по течению. А поэтому, если идет по улице процессия, я поскорее становлюсь в строй и, шагая с другими в ногу, приветствую толпу независимо от того, друзья это или враги“.

„В таком случае продолжай свое сочинительство, – сказала Моника. – Только не забудь написать, что ты не истинный представитель своего поколения“.

Слово „сочинительство“, пожалуй, как нельзя лучше подходит для определения того, чем я занимаюсь. Я вышел из литературной среды. Мои отец и мать, так сказать, труженики пера или, скорей, были тружениками пера. Отец работал на рекламу, то есть творил в той области, которая не пользуется большим уважением ни у писателей, ни у издателей. Тем не менее, каковы бы ни были числившиеся за ним свершения или неудачи, он пришел к ним, сидя за пишущей машинкой. Сейчас он живет в Чикаго и часто, особенно когда пьян, пишет мне. Я незамедлительно отвечаю. Мы большие друзья, поскольку нас разделяют четыре тысячи миль.

Моя мать – общаемся мы предельно мало – раньше сочиняла критические статьи для каких-то безвестных журнальчиков. Сейчас она подвизается в кино. Я вырос под стук пишущих машинок, поэтому мне проще простого фиксировать свои нынешние мысли на бумаге. Развлечений здесь мало, хотя Брюссель лучше, чем Вьетнам, как говорит наш полковник.

Я играю с полковником в теннис и хвалю его за отличную подачу, хотя в этом он отнюдь не силен. Зато таким манером тоже можно делать карьеру.

Если русские не нанесут по НАТО упреждающего удара, как грозит наш полковник, я сумею продолжить свое „сочинительство“. Будет чем заняться, когда затихает жизнь у нас в гараже, которым я заправляю.

Интересно, чем занят сейчас, когда я это пишу, начальник гаража при штабе войск Варшавского пакта, а?»

Журналист Александр Хаббел работал в парижском отделении журнала «Тайм». Правда, на этой неделе он мог бы и не вспоминать про работу, потому что взял отпуск и вместе с женой приехал в Антиб. После обеда жена прилегла отдохнуть в номере гостиницы, а он пошел в полицию. Уже три дня ему не давала покоя фамилия, увиденная в «Нис-матэн», – Джордах. В антибском порту на шестой день после вступления в брак был убит американец по фамилии Джордах. Убийца или убийцы разыскиваются. Пока неясны и мотивы преступления. Джордах, владелец стоявшей у причала в антибском порту яхты под названием «Клотильда», погиб на палубе собственного судна от удара по голове чем-то тяжелым.

Хаббел гордился профессиональной памятью, и его раздражало, что он

никак не может вспомнить, почему фамилия убитого кажется ему знакомой. Наконец – слава богу! – вспомнил. Когда он работал еще в Нью-Йорке, в одном из номеров «Лайфа» были помещены фотографии десяти восходящих звезд на политическом небосклоне Америки, в том числе некоего Джордаха – Хаббел забыл, как его зовут, – мэра города Уитби, в ста милях от Нью-Йорка. Потом припомнилось еще кое-что. Уже после выхода в свет этого номера «Лайфа» в Уитби разразился скандал: во время студенческих беспорядков, когда демонстранты пришли к дому мэра, его жена появилась в дверях пьяная и совершенно голая. Ее удалось сфотографировать, и снимок долго ходил по редакции из рук в руки.

Ясное дело, человек, жена которого не постеснялась выйти голой к толпе улюлюкающих студентов, вполне мог от нее избавиться и жениться на другой, более скромных нравов.

Да и убитый, возможно, просто однофамилец того Джордаха, решил Хаббел, остановившись у светофора. Что общего между яхтой в антибском порту и городом Уитби в штате Нью-Йорк? Однако поинтересоваться стоит. Если это тот самый подававший надежды политический деятель, можно сочинить недурную историю. Хаббел уже пять дней был в отпуске и начал скучать.

В пустой приемной с обшарпанными стенами клевавший носом полицейский сразу оживился, когда Хаббел на отличном французском языке объяснил ему, что он журналист и хотел бы разузнать кое-какие подробности насчет убийства. Полицейский вышел в соседнюю комнату и, вернувшись через минуту, сказал, что шеф готов его принять. По-видимому, в тот день полиция Антиба не была перегружена работой.

Шеф оказался смуглым, сонным, невысокого роста человеком в голубой трикотажной рубашке и помятых хлопчатобумажных брюках. Передний зуб у него сверкал золотом.

– Чем могу служить, мсье? – спросил он.

Хаббел объяснил, что американскую общественность, несомненно, заинтересуют подробности смерти во Франции их соотечественника, особенно если убитый тот самый Джордах, которого он имеет в виду, личность довольно приметная у себя в стране. Он, Хаббел, и его редакция будут весьма признательны шефу, если тот поможет прояснить обстоятельства дела.

Шеф привык иметь дело с французскими журналистами, которые не сомневались, что это убийство – обычное сведение счетов между обитателями порта. Появление же пронырливого с виду сотрудника влиятельного журнала, расследующего гибель своего соотечественника на средиземноморском курорте, куда американцы любят приезжать отдыхать, – это нечто иное. Конечно, шефу было бы много приятнее, если бы преступника уже арестовали и посадили за решетку, но на данный момент ничего подобного не произошло.

– Имеются ли какие-либо сведения, – спросил Хаббел, – о личности убийцы или мотивах преступления?

– Мы тщательно разрабатываем все версии, – ответил шеф. – Трудимся

круглые сутки.

– Есть ли какие-нибудь улики?

Шеф задумался. В кино репортеры всегда отыскивают улики, мимо которых проходит полиция. Кажется, этот американец – человек сообразительный. Может, он и в самом деле сумеет чем-нибудь помочь.

– Невестка мсье Джордаха рассказала мне, – заговорил шеф, – что ночью после своего бракосочетания мсье Джордах был вовлечен в ссору – случилось это в баре «Розовая дверь» в Канне, – в очень бурную ссору с человеком, который известен полиции. Это иностранец, югослав по фамилии Данович. Мы его допросили. У него полное алиби, но нам хотелось бы поговорить с ним еще раз. К сожалению, он куда-то исчез. В данный момент мы заняты его поисками.

– В бурную ссору, – повторил Хаббел. – То есть в драку?

– Исключительно жестокую, – подтвердил шеф. – По словам его невестки.

– Причина драки известна?

– Невестка говорит, что югослав пытался ее изнасиловать, но ему помешал мсье Джордах.

– Понятно, – протянул Хаббел. – Джордах имел привычку драться в барах?

– Никогда об этом не слышал, – ответил шеф. – Я был лично знаком с мсье Джордахом. Мы с ним иногда выпивали рюмку-другую. По-моему, он был человек уравновешенный. К нему здесь хорошо относились. Врагов у него, насколько нам известно, не было. Однако поверить в то, что в Штатах он был человеком влиятельным, как вы только что сказали, довольно трудно.

– «Нис-матэн» утверждает, что он был владельцем яхты, – возразил Хаббел. – Это одно уже свидетельствует о том, что человек он был влиятельный, – усмехнулся он.

– Это была рабочая яхта, – пояснил шеф. – Ее фрахтовали для круизов. Мсье Джордах этим и зарабатывал.

– Понятно, – повторил Хаббел. Да, трудно представить себе, чтобы один из десяти наиболее многообещающих политических деятелей принялся зарабатывать на хлеб насущный перевозкой пассажиров по Средиземному морю, сколько бы раз его жена ни появлялась перед публикой в голем виде. Хаббел начал терять интерес к этой истории. – А не замешана ли тут политика? – с надеждой спросил он.

– Сомневаюсь. Мсье Джордах не занимался политикой. Мы имеем обыкновение собирать сведения о людях, связанных с политикой.

– Наркотики?

– Вряд ли. И в этой области у нас есть информация. Или по крайней мере подозрения.

– В таком случае как вы лично могли бы его охарактеризовать? – не сдавался Хаббел, больше по привычке.

– Работяга. Приличный человек. – Очевидно, шеф хотел сказать «славный малый». В устах французского «фараона» эта сдержанная похвала прозвучала чуть снисходительно. – Честный, насколько известно, – продолжал шеф. – Но подружиться мы не успели. Он плохо говорил по-французски. Гораздо хуже вас, мсье. – Хаббел кивком головы поблагодарил за комплимент. – Что же

касается моего английского, то он, к сожалению, оставляет желать лучшего. – Шеф смущенно улыбнулся. – Так что долгих и откровенных разговоров мы вести не могли.

– Известно, чем он занимался до приезда сюда?

– Служил в торговом флоте. – Шеф помолчал. Однажды, за стаканом вина, шеф обратил внимание на сломанный нос Джордаха и бесчисленные шрамы, и тот рассказал ему, что был боксером. Но попросил шефа об этом никому не говорить. В портовых кабаках разбушевавшиеся от алкоголя здоровяки имели обыкновение проверять свою мускулатуру именно на бывших боксерах. «Я поселился во Франции не для того, чтобы драться, – сказал тогда Джордах. – В этой стране мне не везет. Один раз меня здорово побили на ринге в Париже». И он засмеялся. А после осмотра тела шеф пришел к выводу, что и в последней драке ему тоже порядком досталось.

Собственно говоря, подумал шеф, а почему бы и не рассказать об этом журналисту? Джордаху это не повредит – ему ведь больше не придется пить в портовых кабаках.

– По-видимому, Джордах занимался и профессиональным боксом, – добавил он. – Даже как-то выступал в Париже. Дошел до финала. Где его и нокаутировали.

– Был боксером? – Хаббел снова оживился. Может, удастся дать материал на пару сотен слов в колонке спорта. Если убитый выступал в парижском финале, значит, он был боксером с именем. Публике небезынтересно узнать про убийство американского боксера во Франции. По телексу он передаст в редакцию информацию, которую сумеет собрать здесь, а сведения о прошлом Джордаха пусть раскопают в архиве. Все равно в Нью-Йорке любую статью перекраивают на свой лад. – Джордах? – переспросил Хаббел. – Что-то я не помню такого боксера.

– Он выступал на ринге под другой фамилией, – ответил шеф, беря себе на заметку, что ему тоже следует поинтересоваться этим периодом из жизни Джордаха. Профессиональный бокс – это бизнес, куда вечно лезут гангстеры. Может, там и отыщется мотив: нарушенное обещание, несостоявшаяся сделка. Как это он раньше не догадался! – На ринге он был Томми Джорданом.

– А! – отозвался журналист. – Теперь вспомнил. Ну конечно! Я даже помню, что о нем писали в газетах. Его считали многообещающим.

– Мне об этом ничего неизвестно, – сказал шеф. – Но, услышав про встречу в Париже, я заглянул в «Экип». По их мнению, он не оправдал надежд. – Нужно поскорее позвонить в Марсель одному менеджеру, у которого связи с milieu.¹⁵ – Извините, но мне пора вернуться к своим обязанностям, – добавил он. – Если вас еще что-то интересует, побеседуйте с членами его семьи. С женой, с братом, с сыном.

– С братом? Он здесь?

– Здесь вся семья, – ответил шеф. – Они были вместе в круизе.

---

¹⁵ Здесь: с этой средой (фр.).

– Вы случайно не знаете, как зовут брата?

– Рудольф. Они из немцев.

Рудольф! Хаббел вспомнил. Того, из «Лайфа», звали Рудольф Джордах.

– Но это было не его бракосочетание? – спросил он.

– Нет, – нетерпеливо ответил шеф.

– А его жена тоже здесь?

– Да. Она как невестка погибшего сумеет рассказать вам гораздо больше меня...

– Невестка? – вставая, переспросил Хаббел. – Значит, это она была в баре?

– Да. Советую вам поговорить с ней, – сказал шеф. – И если вы услышите что-нибудь такое, что окажется нам полезным, не считите за труд посетить нас еще раз. А сейчас, к сожалению, я...

– Где ее искать?

– Она живет в отеле «Дю Кап». – Шеф потребовал, чтобы Джин Джордах временно не покидала Антиба, и забрал у нее паспорт. Она может понадобиться следствию, когда найдут Дановича. Если найдут. На допросе она была в истерике и не совсем трезвой, поэтому ее рассказ получился запутанным и бессвязным. А потом этот идиот доктор заявил, что она человек неуравновешенный, хроническая алкоголичка, что, если шеф будет продолжать свои расспросы, он за нее не ручается, и сделал ей укол снотворного. – Все остальные сейчас, по-моему, на «Клотильде», которая стоит в гавани. Благодарю вас за проявленный интерес, мсье. Надеюсь, вы не напрасно потратили время. – Он протянул руку.

– Merci, bien, monsieur, ¹⁶ – сказал Хаббел. Он узнал все, что мог, и направился к выходу.

А шеф сел за стол и, подняв телефонную трубку, начал набирать марсельский номер.

Залитое лучами послеполуденного солнца, шло, покачиваясь на средиземноморской волне, небольшое белое судно. Далекий берег казался сложенной из кубиков картинкой – расположившиеся у воды и на холмах бело-розовые особняки на фоне зеленых сосен, оливковых деревьев и пальм. Дуайер, приземистый, мускулистый, с добрыми темными глазами, стоял на носу яхты и плакал. На его белоснежном свитере красовалось название яхты: «Клотильда». Из-за торчащих верхних зубов его на всю жизнь прозвали Кроликом. И, несмотря на его мускулы и матросскую форму, в нем было что-то неискоренимо женственное. «Я не гомик», – сразу же после знакомства сказал он покойному, прах которого только что высыпали в море. Затуманенными от слез глазами смотрел он на берег. «Погода для богатых», – вспомнилось ему.

Верно, думал Дуайер. Во всяком случае, такая погода не для нас с ним. Мы сделали ошибку. Не нужно было сюда приезжать.

---

¹⁶ Большое спасибо, мсье (фр.).

А в рубке, в таких же, как у Дуайера, хлопчатобумажных штанах и белоснежном свитере, держа руку на руле из полированного дуба и меди, стоял Уэсли Джордах. Он не сводил глаз с клочка земли, на котором возвышалась антибская крепость. Он был не по возрасту высокий, худой, кожа да кости, но сильный, с бронзовым от загара телом и светлыми волосами, которые от яркого солнца и соленой воды местами стали совсем белыми. Как и Дуайер, он думал о человеке, прах которого сам высыпал в море, о человеке, который был его отцом.

– Эх ты, бедняга! – с горечью вырвалось у него.

Ему вспомнился тот день, когда отец, которого он не видел много лет, приехал забрать его из военной школы на Гудзоне, где он с какой-то слепой, необъяснимой, бессмысленной яростью ввязывался в драки с половиной воспитанников независимо от их возраста и роста.

«Запомни, больше ты драться не будешь», – сказал ему тогда отец.

Уэсли молчал.

«Ты меня слышал?» – сурово спросил отец.

«Да, сэр».

«Не надо называть меня так. Я тебе не сэр, а отец».

«Себе самому нужно было запретить драться», – думал юноша, не сводя глаз с крепости, в которой, как ему рассказывали, провел ночь Наполеон, арестованный после бегства с острова Эльбы.

На корме, возле поручня, стояли, одетые в траур, никак не вязавшийся с ослепительным сиянием воды и солнца Рудольф Джордах и Гретхен Берк, дядя и тетка юноши, брат и сестра убитого, городские жители, непривычные к морю, но зато свыкшиеся с трагедиями. Эти двое в черном на фоне залитого солнцем горизонта стояли поодаль друг от друга, не разговаривали и старались не встречаться взглядами. Оставшееся недосказанным не нужно было ни объяснять, ни извинять, ни оплакивать.

Женщина – лет сорока с небольшим – была высокой, изящной и стройной, ее черные волосы развевались на ветру, обрамляя матово-бледное, еще не тронутое возрастом, но уже утратившее краски молодости лицо. Красивая в юности, она была красива – только по-другому – и сейчас; горе и чувственность, отражавшиеся на этом лице, были не временным, а постоянным его выражением. Ее чуть прищуренные из-за яркого солнца глаза того синего цвета, который с переменной освещенностью порой становится фиолетовым, были сухи.

Этому суждено было случиться, думала она. Неминуемо. И нам следовало это понимать. Он-то, наверное, понимал. Пускай подсознательно, но понимал. Все это насилие могло кончиться только насилием. Он был истинным сыном своего отца, единственным блондином в семье, не похожим на своих темноволосых брата и сестру, хотя все трое были зачаты на одном и том же ложе.

Мужчина тоже был худощавым и аристократически стройным: это была не

природная стройность, а приобретенная ценою долгих усилий и тщательно поддерживаемая. Сейчас она еще подчеркивалась превосходно сшитым темным, словно для дипломатического приема, американского покроя костюмом. Он был всего на два года младше сестры, а выглядел гораздо моложе. Что-то обманчиво юношеское было в лице и манерах этого человека, речь и движения которого всегда были рассчитанными и продуманными, – человека, который пользовался большим авторитетом, всю жизнь боролся, одерживал победы и терпел поражения, брал на себя ответственность в любой ситуации, вышел из бедной семьи и сосредоточил в своих руках большое состояние, умел, когда нужно, быть безжалостным, когда полезно – хитрым, строгим к себе и другим, но когда представлялась возможность – по-своему великодушным. Обида на судьбу, вынудившую его уйти от дел, проявлялась или, скорей, угадывалась в крепко сжатых губах и настороженном взгляде. Он чем-то напоминал еще полного юношеского задора генерала военно-воздушных сил, которого отстранили от командования за допущенную подчиненными офицерами ошибку, в чем его вины, возможно, и не было.

Он пошел один, думал Рудольф Джордах. Отворил дверь ко мне в каюту, увидел, что я сплю, тихо закрыл дверь и ушел – ушел, чтобы найти свою смерть. Он презрел мою помощь, пренебрег мною, забыв, что я тоже мужчина, ибо решил, если вообще размышлял об этом, что для данной ситуации у меня не хватит мужества.

А внизу собирала свои вещи Кейт Джордах. Сборы были короткими. Поверх других вещей она положила белый свитер с оттиснутым на нем названием судна – Томас расхохотался, увидев впервые, как растянулись буквы на ее полной груди, – и васильковое платье, которое он купил ей к свадьбе всего неделю назад.

Она заставила Томаса жениться на ней. Именно заставила. Они были счастливы, но когда она, добропорядочная англичанка, воспитанная, как и полагается низшему сословию, в духе послушания, поняла, что беременна... Отсюда и свадьба. А не будь свадьбы, у этой расфуфыренной, болтливой бабы, жены Рудольфа, не было бы повода напиться и связаться с сутенером-югославом, попытавшимся содрать с нее шикарные розовые брюки; никому не пришлось бы ее защищать, и человек, которому муж этой суки и в подметки не годится, был бы нынче жив и здоров.

«Перестань, – велела себе Кейт. – Прекрати сейчас же».

Она с силой захлопнула крышку чемодана, уселась на краю койки, сложив на коленях свои быстрые ловкие руки – в ее крепком загорелом теле уже было заметно присутствие ребенка, – и в последний раз оглядела тесную каюту, за открытым иллюминатором которой привычно шипела вода.

Томас, думала она. Томас. Томас.

«Кого звали Клотильдой?» – как-то спросила она.

«Королеву Франции. И еще женщину, которую я знал, когда был мальчишкой. У вас кожа пахнет одинаково».

Джин не было на яхте, державшей курс к французскому берегу. Она сидела в саду при отеле и смотрела, как ее дочь играет с молоденькой няней, которую Рудольф нанял ухаживать за ребенком, пока она, Джин, как выразился Рудольф, не придет в состояние, позволяющее ей самой заниматься Инид. «Когда это будет? – спрашивала себя Джин. – Через два дня, через десять лет, а может, и никогда?».

Она была в брюках и свитере. Подходящего платья у нее с собой не оказалось, и Рудольф облегченно вздохнул, когда она сказала, что не поедет на похороны. А она даже представить себе не могла, как снова ступит на борт «Клотильды» и выдержит осуждающие взгляды жены, сына и близкого друга убитого.

Утром она посмотрела на себя в зеркало и была потрясена, увидев, как изменилось за последние несколько дней ее хорошенькое девичье личико.

Казалось, вся ее кожа натянута до предела, словно на каком-то невидимом барабане, и вот-вот лопнет, а нервы обнажатся и начнут сыпать искрами и рваться, как электрические провода.

Доктор дал ей валиум, но валиум уже давно не помогал. Если бы не ребенок, она бы влезла на скалу и бросилась в море.

И, сидя на скамье в тени деревьев, где пряно пахло хвоей и нагретой солнцем лавандой, она сказала себе: «Я разрушаю все, к чему прикасаюсь».

Хаббел сидел в кафе на центральной площади и размышлял над тем, что узнал от начальника полиции. Разумеется, начальник рассказал далеко не все, что знал, но на полную откровенность рассчитывать не приходится, особенно когда полиция имеет дело с запутанным убийством. «Невестка погибшего сумеет рассказать вам гораздо больше меня», – сказал начальник. Невестка. Голая жена многообещающего молодого мэра. Ей-то наверняка найдется место в журнале. А гавань пока подождет.

Он расплатился за кофе, подошел к стоянке такси, сел в машину и велел ехать в отель «Дю Кап».

Мадам Джордах в номере нет, сказал портье. Он видел, что она вышла в сад вместе с ребенком и няней. Хаббел спросил, есть ли в отеле телекс, и узнал, что есть. Нельзя ли попозже им воспользоваться, спросил он, на что портье после минутного замешательства ответил, что можно. Его замешательство Хаббел справедливо истолковал как нежелание оказать услугу бесплатно. Ничего, заплатим, «Тайм» от этого не обеднеет. Он поблагодарил портье и пошел на террасу, откуда был выход к длинной аллее, ведущей через сад к пляжу и ресторану. Вспомнив комнату в небольшой шумной гостинице на шоссе, где сейчас отдыхала его жена, он испытал укол зависти. «Тайм» платил неплохо, но на отель «Дю Кап» этих денег не хватало.

Он спустился по ступенькам в благоухающий сад и сразу же увидел маленькую девочку в белом купальном костюме, которая перебрасывалась большим цветным мячом с какой-то девицей. А поодаль на скамье сидела женщина в брюках и свитере. Подобная идиллия плохо вязалась с убийством.

Остановившись на секунду будто полюбоваться клумбой с цветами, он

медленно приблизился к ним и улыбнулся ребенку.

– Bonjour, – сказал он. – Добрый день!

– Bonjour, – ответила девочка, но женщина на скамье промолчала.

Хаббел заметил, что она прехорошенькая, с отличной спортивной фигурой, но лицо у нее заплаканное и бледное, а под глазами темнеют круги.

– Миссис Джордах? – обратился он к ней.

– Да? – Глухой и равнодушный голос, тупой взгляд.

– Я из журнала «Тайм». – Он предпочитал говорить правду и не стал прикидываться приятелем ее мужа или убитого, а то и просто американским туристом, который, услышав про их беду, пожелал по-американски откровенно выразить ей свое участие. Пусть этими фокусами занимаются, расталкивая друг друга локтями, начинающие репортеры. – Меня прислали написать статью о вашем девере. – Тоже, разумеется, ложь, но, согласно его кодексу чести, позволительная. Если работа поручена, люди часто считают себя обязанными хоть чем-нибудь да помочь.

Женщина молча смотрела на него потухшими глазами.

– Начальник полиции сказал, что вы можете сообщить мне кое-какие подробности о случившемся. Дать, так сказать, закулисную информацию.

Слово «закулисная» таило в себе некий туманный намек на то, что информация эта ни в коем случае не будет опубликована, что она нужна лишь для того, чтобы помочь достойному всяческого доверия журналисту избежать ошибок при написании статьи.

– Вы беседовали с моим мужем? – спросила Джин.

– Я еще не имел чести с ним познакомиться.

– «Не имел чести познакомиться», – повторила Джин. – Хорошо бы и мне в свое время не иметь такой чести. И он, держу пари, думает точно так же.

От того, с какой яростью это было произнесено, Хаббел растерялся не меньше, чем от смысла сказанного.

– В полиции вам объяснили, почему именно я могу дать эти сведения? – хриплым голосом резко спросила женщина.

– Нет, – снова солгал Хаббел.

Джин вдруг встала.

– Тогда расспросите моего мужа, расспросите всю его чертову семейку! Только оставьте меня в покое.

– Позвольте задать вам один лишь вопрос, миссис Джордах, – сказал Хаббел. В горле у него застрял комок. – Вы намерены привлечь к судебной ответственности человека, который напал на вас?

– А что от этого изменится? – тупо спросила она и тяжело опустилась на скамью, не сводя глаз с ребенка, бегавшего за мячом по залитой солнцем поляне. – Уходите. Прошу вас, уходите.

Хаббел вылез из такси и вошел на территорию порта. Не очень-то подходящее место для смерти, подумал он, направляясь в контору начальника порта, чтобы узнать, у какого причала швартуется «Клотильда». Начальник порта, выдавший виды старик, с трубкой в зубах, нежился в лучах послеполуденного солнца.

Он показал трубкой на медленно входившую в порт белую яхту.

– Вот она. Придется ей некоторое время постоять. Поврежден гребной винт и вал. Вы американец?

– Да.

– Жуть что случилось, а?

– Да, – согласился Хаббел.

– Его прах только что высыпали в море, – объяснил начальник. – Недурное место для погребения моряка! Сам бы не возражал, чтоб меня похоронили в море. – Даже в разгар сезона начальник порта не спешил закончить беседу.

Поблагодарив его, Хаббел обошел территорию порта и уселся на опрокинутую плоскодонку возле того причала, куда входила «Клотильда». На корме стояли две фигуры в черном, позади них трепетал на ветру американский флаг. На носу колдовал над цепью приземистый мускулистый человек, а рослый светловолосый юноша крутил в рубке рулевое колесо, и судно кормой медленно приближалось к причалу. Как только затих стук двигателя, юноша, выбежав на корму, бросил канат матросу на берегу, а приземистый тоже выскочил на корму, ловко прыгнул на причал и поймал брошенный ему юношей второй канат. Когда яхта была надежно привязана, приземистый одним прыжком вновь оказался на палубе, где они с юношей без единого слова умело и проворно установили сходни. Двое в черном, чтобы не мешать, ушли с кормы.

Понаблюдав за такой кипучей деятельностью, чувствуя себя неуклюжим и тяжеловесным, Хаббел поднялся с плоскодонки и зашагал вверх по сходням. Юноша, насупясь, смотрел на него.

– Мне хотелось бы поговорить с мистером Джордахом, – сказал Хаббел.

– Я Джордах, – ответил парень. У него был по-взрослому низкий голос.

– По-моему, мне нужен вон тот джентльмен, – возразил Хаббел, указывая на Рудольфа.

– Слушаю. – Рудольф подошел к сходням.

– Мистер Рудольф Джордах?

– Да. – Коротко.

– Я из журнала «Тайм»... – Хаббел увидел, что лицо его собеседника застыло. – Я очень сожалею о случившемся...

– Да? – нетерпеливо и вопрошающе.

– Не хотелось бы обращаться к вам в такую минуту, но... – Хаббел почувствовал себя неловко из-за того, что приходилось разговаривать на расстоянии, да еще пробиваясь сквозь невидимую стену явной неприязни со стороны юноши, а теперь к тому же и мужчины. – Но не позволите ли вы мне задать вам несколько вопросов относительно...

– Поговорите с начальником полиции. Это дело в его ведении.

– Я уже разговаривал с ним.

– Значит, вам известно столько же, сколько и мне, сэр, – сказал Рудольф и ушел. На лице юноши играла холодная улыбка.

Хаббел постоял еще с минуту, раздумывая, не ошибся ли он когда-то в выборе профессии, затем, пробормотав в пространство «извините», ибо не был

способен на большее, повернулся и пошел к выходу из порта.

Когда он возвратился к себе в гостиницу, его жена, сидя на балконе, усердно загорала. Он ее очень любил, но не мог не заметить, как нелепо она выглядит в бикини.

– Где ты был весь день? – спросила она.

– Сбирал материал для статьи.

– А я-то надеялась, что ты наконец отдохнешь, – вздохнула она.

– Я тоже, – сказал он, вынул портативную пишущую машинку и, сняв пиджак, принялся за работу.

2

Из записной книжки Билли Эббота (1968):

«Телеграмма от матери пришла на войсковое почтовое отделение. „Погиб дядя Том, – говорилось в телеграмме. – Постарайся приехать в Антиб на похороны. Мы с дядей Рудольфом остановились в отеле „Дю Кап“, Целую. Мама“.

Дядю Тома я видел один раз в жизни, когда еще мальчишкой прилетел из Калифорнии в Уитби на похороны бабушки. Похороны, оказывается, очень способствуют знакомству с родственниками. Жаль, что дядя Том погиб. В ту ночь, что нам довелось провести вместе в доме дяди Рудольфа, он мне понравился. На меня произвело большое впечатление, что у него был при себе пистолет. Он, думая, что я сплю, вынул пистолет из кармана и положил в ящик ночного столика. Чем дал мне пищу для размышлений во время похорон на следующий день.

Если уж моему дяде суждено было погибнуть, то я предпочел бы, чтобы погиб Рудольф. Во-первых, мы с ним никогда не дружили, а как только я стал старше, он вежливо дал мне понять, что не одобряет ни моего поведения, ни моих взглядов на общество, которые, между прочим, с той поры не очень-то изменились. „Выкристаллизовались“, – сказал бы мой дядюшка, если бы дал себе труд их изучить. Во-вторых, он богат и, вполне возможно, не забыл бы про меня в своем завещании, если и не по причине особой привязанности ко мне, то из братской любви к моей матери. Что же касается Томаса Джордаха, то, судя по всему, он не из тех, от кого после смерти остается состояние.

Я показал телеграмму полковнику, и он разрешил мне поехать на десять дней в Антиб. В Антиб я не поехал, но послал телеграмму, в которой выразил свое соболезнование и сообщил, что на похороны меня не отпускают».

– К сожалению, нам пора побеседовать о том, о чем мы пока избегали говорить, – сказал Рудольф. – О наследстве. Как ни тягостны разговоры о деньгах, надо решить, что делать дальше.

Они все собрались в кают-компании «Клотильды». На Кейт было темное платье, явно старое и теперь тесное, у ног ее стоял потрепанный чемодан из искусственной кожи. Стены кают-компания были выкрашены в белый цвет с голубой каймой, иллюминаторы прикрыты голубыми занавесками, а на

переборках висели старинные гравюры с изображением парусников – Томас купил их в Венеции. Все не сводили глаз с чемодана, но никто не проронил о нем ни слова.

– Кейт, Кролик, – обратился к ним Рудольф, – вы не знаете. Том оставил завещание?

– Мне он об этом ничего не говорил, – ответила Кейт.

– И мне тоже, – сказал Дуайер.

– А тебе, Уэсли?

Уэсли молча покачал головой.

Рудольф вздохнул: Том до конца остался верен себе. Семейный человек, сын, беременная жена – и не удосужился составить завещание. Он, Рудольф, первое свое завещание отнес в адвокатскую контору двадцати одного года от роду и с тех пор переписывал его раз пять-шесть, в последний раз – когда родилась Инид. А теперь, поскольку Джин все больше и больше времени проводит в клиниках, лечась от алкоголизма, он обдумывает новый вариант.

– А сейфа в банке он не арендовал?

– Я об этом не слышала, – отозвалась Кейт.

– А вы. Кролик?

– Точно – нет.

– У него были ценные бумаги?

Кейт и Дуайер недоуменно переглянулись.

– Ценные бумаги? – переспросил Дуайер. – А что это такое?

– Акции, облигации. – На каком свете живут эти люди?

– А! – отозвался Дуайер. – Том считал это одним из способов обманывать трудовой люд. – «Пусть такими делами занимается мой паразит братец», – добавлял он, но было это еще до того, как в семье воцарился мир.

– Значит, ценных бумаг тоже нет, – подытожил Рудольф. – Тогда куда же он девал деньги? – Он старался не показывать своего раздражения.

– У него были вклады в двух банках, – ответила Кейт. – Здесь, в Антибе, на обычном вкладе – франки, а в Женеве на срочном вкладе – доллары. Он предпочитал, чтобы ему платили в долларах. Правда, поскольку мы жили во Франции, он не имел права открывать счет в Швейцарии, но беспокоиться об этом не стоит. Никто этим никогда не интересовался.

Понятно, кивнул Рудольф. Оказывается, его брат был не совсем лишен практической сметки.

– Сберегательную и чековую книжки и последние отчеты из местного банка вы найдете в ящике под его койкой, – сказала Кейт. – Уэсли, сходи, пожалуйста...

Уэсли вышел из кают-компании.

– Кролик, – обратился Рудольф к Дуайеру, – скажите, как Томас вам платил?

– А он мне не платил, – ответил Дуайер. – Мы были партнерами и в конце года всю выручку делили пополам.

– Ваш договор, или соглашение, существовал на бумаге?

– Нет, – ответил Дуайер. – А зачем нужны были бумаги?

– Кому принадлежит яхта? Только ему или вам обоим? Или ему и Кейт?

– Мы поженились всего пять дней назад, Руди, – сказала Кейт. – Для серьезных дел у нас еще времени не было. «Клотильда» принадлежит Тому. Документы в том же ящике. Вместе со страховым полисом на судно и прочими бумагами.

– Я был у адвоката... – снова вздохнул Рудольф.

Еще бы, думала Гретхен. Она стояла у двери, смотрела на палубу и размышляла над телеграммой от Билли. Телеграмма была краткой, сухой и почти официальной, словно ее послал вежливый, но совершенно посторонний человек. Она, конечно, плохо разбиралась в армейских порядках, но не сомневалась, что солдату положен отпуск на похороны. Она звала Билли и на свадьбу Тома с Кейт, но он ответил, что слишком занят организацией передвижения армейских и штабных машин по дорогам Бельгии к Армагеддону, чтобы танцевать на свадьбах полузабытых родственников. Она тоже, наверное, пришла ей в голову горькая мысль, входит в число этих полузабытых родственников. «Ладно, пусть веселится в Брюсселе. Достойный сын своего отца». И попыталась снова сосредоточить внимание на брате, терпеливо старавшемся распутать клубок людских судеб. Еще бы, конечно, Руди тут же побежал к адвокату. Смерть – это уже по части законников.

– ...у французского адвоката, – продолжал Рудольф, – который, к счастью, хорошо говорит по-английски. Мне рекомендовал его управляющий нашего отеля. Адвокат разъяснил мне, что, хотя вы все живете во Франции, тем не менее, поскольку ваш дом на воде, а не на суше – согласно французскому праву, плавающее под американским флагом судно является территорией Америки, – то лучше всего обратиться к американскому консулу в Ницце. Есть ли на этот счет возражения?

– Действуйте, как находите нужным, Рудольф, – откликнулась Кейт.

– Я тоже на все согласен, – сказал Дуайер. Голос у него был тоскливый, как у мальчишки, которого вызвали к доске решать задачу в ту минуту, когда за окном идет игра в бейсбол.

– Сегодня же постараюсь поговорить с консулом, – пообещал Рудольф. – Посмотрим, что он посоветует.

Вошел Уэсли, принес сберегательную и чековую книжки и банковские отчеты за последние три месяца.

– Можно мне взглянуть? – спросил Рудольф у Кейт.

– Вы его брат.

Вечно люди стараются переложить всю ответственность на Руди, подумала Гретхен. Рудольф взял у Уэсли книжки и бумаги. Проглядел баланс местного банка. На счету оставалось немногим более десяти тысяч франков. Около двух тысяч долларов, пересчитал Рудольф. Потом открыл сберегательную книжку.

– Одиннадцать тысяч шестьсот двадцать два доллара, – объявил он. Его удивило, что Томас сумел накопить такую сумму.

– Больше я ни о чем не знаю, – сказала Кейт. – По-моему, это все его, так сказать, состояние.

– И еще яхта, – напомнил Рудольф. – Что будем делать с ней?

На минуту в каюте воцарилось молчание.

– Что касается меня, – мягко и спокойно отозвалась Кейт, поднимаясь с места, – то я, например, знаю, что буду делать. Я ухожу с яхты. Сейчас же. – Она одернула подол старого, тесного платья, стараясь прикрыть пухлые, в ямках, загорелые колени.

– Подождите, Кейт, – запротестовал Рудольф, – мы должны что-то решить.

– Я заранее согласна со всем, что решите вы, – сказала Кейт. – Но оставаться на яхте еще одну ночь не намерена.

Милая простая женщина, которая крепко стоит на земле обеими ногами, думала Гретхен. Навечно распрощалась с мужем и уходит, не желая извлекать пользу из яхты, которая служила ей кровом, кормила и поила ее, стала местом, где она обрела свое счастье.

– Куда вы уходите? – спросил Рудольф.

– Для начала в гостиницу, – ответила Кейт. – А там будет видно. Уэсли, помоги мне, пожалуйста, донести чемодан до такси.

Уэсли молча взял чемодан.

– Я позвоню вам из гостиницы, Руди, как только буду в силах разговаривать, – сказала Кейт. – Спасибо за все. Вы человек хороший. – Она поцеловала его в щеку – безмолвный жест благодарности и прощения одновременно – и вслед за Уэсли прошла мимо Гретхен и вышла из кают-компания.

Рудольф опустил на стул и устало потер глаза. Гретхен подошла к нему и ласково тронула его за плечо. Ласка, давно знала она, не исключает ни осуждения, ни даже презрения.

– Не расстраивайся так, Руди, – сказала она. – За один день чужую судьбу не решишь.

– Я говорил с Уэсли, – раздался голос Дуайера. – Кейт предупредила его, что уезжает. Он хочет остаться со мной на «Клотильде». На первое время по крайней мере. Хотя бы до тех пор, пока мы не приведем в порядок гребной вал и винт. Я за ним присмотрю, не беспокойтесь.

– Пусть остается, – согласился Рудольф. Он встал, чуть ссутулившись, словно взвалил себе на плечи тяжелую ношу. – Уже поздно. Попробую-ка я добраться до Ниццы, пока в консульстве еще работают. Тебя довезти до отеля, Гретхен?

– Нет, спасибо, – отказалась Гретхен. – Я еще немного побуду здесь, мы с Кроликом выпьем. Может, и не по стаканчику, а по два. – Не стоит в такой день оставлять Дуайера одного.

– Как угодно, – отозвался Рудольф. Он положил чековую и сберегательную книжки на стол. – Если увидишь Джин, скажи ей, что я не вернусь к ужину.

– Хорошо, – пообещала Гретхен.

Разговаривать с Джин Джордах в такой день тоже не стоит, подумала она.

– Посидим лучше на палубе, – предложила Гретхен Дуайеру, когда Рудольф ушел. Кают-компания, еще недавно казавшаяся уютной, вдруг обернулась зловещей бухгалтерией, где человеческие судьбы были занесены в

гроссбухи, где живые люди превратились в цифры, в кредит и дебет.

Ей уже довелось пережить нечто подобное. Когда в автомобильной катастрофе погиб ее муж, завещания тоже не нашли. Вполне возможно, что Колин Берк, который за всю свою жизнь никого не ударил, жил в окружении книг, пьес и сценариев, был вежлив и тактичен в общении со сценаристами и актерами, с которыми ему приходилось работать и которых он часто ненавидел лютой ненавистью, – вполне возможно, что он имел гораздо больше общего с ее полуграмотным и не знавшим управы братом, чем на первый взгляд могло показаться. А поскольку завещания не было, то, когда начали делить оставленное Колином наследство, возникла неразбериха. Появилась бывшая жена, получавшая до той поры алименты, выяснилось, что на дом существует закладная, под гонорары взят аванс. Вмешались адвокаты, на банковский счет наложили арест. И вот тогда, как и сейчас и как всегда, все уладил Руди.

– Пойду налью, – сказал Дуайер. – Спасибо, что не ушли. Очень уж трудно оставаться одному после всего, что нам с Томом довелось пережить. А теперь нет и Кейт. Говорят, от женщины на судне одна беда. В особенности когда мужчины столько лет были друзьями и партнерами. Ан нет, только не от Кейт. – У Дуайера чуть заметно дрожали губы. – Наша Кейт – человек что надо, верно?

– Лучше не бывает, – отозвалась Гретхен. – Налейте мне чего-нибудь покрепче, Кролик.

– Виски?

– И побольше льда, пожалуйста. – Она прошла вперед, туда, где за кают-компанией и рулевой рубкой их не было видно с набережной. Ей уже порядком надоели скорбные физиономии портовых приятелей Тома, Дуайера и Кейт, которые считали своим долгом подняться к ним на борт и выразить соболезнование. Эти люди были искренне огорчены. В собственном же огорчении она, по правде говоря, сомневалась.

На носу, где медь была начищена до блеска, палуба из тикового дерева отмыта добела, а канаты сложены аккуратно, ей открылась привычная картина, заморозившая ее еще в тот первый день: гавань, лес мачт, тысячи людей – каждый неторопливо и добросовестно занимается своим делом, одним из тех, что составляют круг повседневных обязанностей человека, который не представляет себе жизни без моря. Даже теперь, после всего, что случилось, она не могла налюбоваться спокойной красотой этого зрелища.

Сзади, бесшумно ступая босыми ногами, подошел Дуайер. В руках он держал два стакана. Один стакан он протянул ей. Хмуро улыбнувшись, она подняла стакан, словно провозглашая тост. Весь день она ничего не пила и не ела, и сейчас от первого глотка у нее защипало язык.

– Я обычно пью что-нибудь полегче, – сказал Дуайер, – но, может, действительно сейчас лучше всего виски. – Он делал маленькие глотки, привыкая к новому вкусу. – Я хотел сказать вам, – продолжал он, – что ваш брат Руди – человек необыкновенный. Видать, за что ни возьмется, обязательно доведет до конца.

– Пожалуй, – согласилась Гретхен. Подобная характеристика тоже имеет

основание.

– Без него мы бы совсем увязли...

Ни в чем бы мы не увязли, подумала Гретхен, если бы Руди давал жене меньше воли и сидел бы с ней в другом полушарии.

– Без него нас обвели бы вокруг пальца, – настаивал Дуайер.

– Кто?

– Законники, – неопределенно ответил Дуайер. – Судовые маклеры, адвокаты. Все кому не лень.

Вот человек, думала Гретхен, который, когда в море разыгрывается шторм, несет свои обязанности, не ведая страха даже на исходе сил; он сумел выжить в обществе жестоких и буйных людей, но при виде клочка бумаги, при упоминании о власти имущих на суше чувствует себя совершенно беспомощным, словно явился с другой планеты. Сама Гретхен всю свою сознательную жизнь провела среди людей, которые имели дело с бумагами и в конторах чувствовали себя так же уверенно и твердо, как индеец в лесу. А ее покойный брат, по-видимому, с самого рождения тоже принадлежал к инопланетянам.

– Меня беспокоит только Уэсли, – сказал Дуайер.

Не собственная судьба, думала она, беспокоит этого человека, который не понимает, зачем должен существовать договор на бумаге, когда можно просто разделить все поровну, и который даже не имеет права стоять сейчас на этой отмытой добела палубе красивой яхты, где он трудился много лет.

– Пусть Уэсли вас не волнует, – сказала она. – Руди о нем позаботится.

– А может, Уэсли не захочет? – спросил Дуайер, делая очередной глоток. – Он мечтает быть таким, как его отец. Порой, когда смотришь на него, становится просто смешно – так он старается подражать походке отца, его речи, манерам. – Он отхлебнул побольше, вздохнул и продолжал: – По ночам, в море мы или в порту, они забирались в рубку и беседовали. Уэсли задавал вопросы, а Том не спеша, обстоятельно отвечал. Один раз я спросил у Тома, о чем они так подолгу беседуют. Том засмеялся: «Парень выспрашивает у меня про мою жизнь, а я рассказываю. Наверное, хочет наверстать те годы, когда некого было расспрашивать. Старается понять, что я собой представляю. Я тоже когда-то интересовался своим отцом, только вместо ответа получил пинок в зад». Из слов Тома, – сдержанно добавил Дуайер, – я понял, что между ним и вашим отцом большой любви не было, а?

– Пожалуй, – согласилась Гретхен. – Он был не очень ласковый человек, наш отец. И не умел любить. Если и была в нем любовь, то лишь к Рудольфу.

– Ох, уж эти семьи! – вздохнул Дуайер.

– Да, семьи, – повторила Гретхен.

– Я спросил у Тома, какие же вопросы задает ему Уэсли, – продолжал Дуайер. – «Обычные, – сказал мне Том. – Каким я был в детстве? Что представляли собой мои брат и сестра?» То есть вы и Руди. «Как я стал боксером, а потом матросом в торговом флоте? Когда впервые переспал с девицей? Что собой представляли другие женщины, с которыми я имел дело, в том числе и его чертова мамаша...» Я спросил у Тома, говорит ли он парню

правду. «Только одну правду, – ответил Том. – Я современный отец. Рассказываю, откуда берутся дети, и все такое прочее». Он был не без юмора, наш Том.

– Могу себе представить, – усмехнулась Гретхен.

– «Скроешь правду – испортишь ребенка», – как-то сказал мне Том. Порой он вдруг говорил так, будто когда-то чему-то учился. Хотя на самом деле был человеком невежественным и к образованию относился с большим недоверием. Может, мне не следовало бы говорить вам об этом, – сумрачно добавил Дуайер, встряхивая остатки льда в стакане, – но он обычно приводил в пример вашего брата Руди. «Посмотри на Руди, – говорил он. – Он получил все образование, какое способен впитать в себя человеческий мозг, а чем кончил? Выжат как лимон, стал посмешищем в своем городе после того, что выкинула его пьяная жена, а теперь сидит и не знает, как провести остаток жизни».

– Я, пожалуй, выпью еще, – сказала Гретхен.

– Я тоже, – отозвался Дуайер. – Виски начинает мне нравиться. – Он взял у нее стакан и пошел на корму в кают-компанию.

Гретхен задумалась над услышанным. Оно больше говорило о самом Дуайере, чем о Томе или Уэсли. Вся его жизнь, по-видимому, была связана с Томом. Он, наверное, сумел бы слово в слово повторить все, что Том ему говорил с начала и до конца их знакомства. Будь Дуайер женщиной, можно было бы предположить, что он влюблен в Тома. Бедный Дуайер, ему, вероятно, суждено горевать больше всех. Судьба Уэсли, по правде говоря, ее не очень беспокоила. Когда она впервые поднялась на борт яхты, он показался ей здоровым юношей, умеющим себя прилично вести, и только. После смерти отца он замкнулся, искал уединения, а лицо у него сделалось непроницаемым. Руди позаботится о нем, сказала она Дуайеру. Но теперь она была не очень-то уверена, что Руди или кто-либо другой способен это сделать.

Вернулся Дуайер. Выпитое виски давало себя знать. Чуть кружилась голова, все заботы куда-то отодвинулись. Такое состояние куда приятней, чем те ощущения, которые владели ею в последнее время. Может, Джин со своими припрятанными бутылками не так уж и глупа. И Гретхен с наслаждением отпила из вновь наполненного стакана.

А вот Дуайер выглядел, наоборот, озабоченным. Он стоял, прислонившись к поручням, и, словно решая какую-то трудную проблему, возникшую перед ним в кают-компании, пока он наполнял стаканы, терзал нижнюю губу торчащими вперед зубами.

– Может, мне не следовало бы говорить это вам, миссис Берк...

– Просто Гретхен.

– Спасибо, мэм. Но мне кажется, что с вами можно быть откровенным. Руди – прекрасный человек. Я восхищаюсь им, в нашей ситуации лучшего друга не пожелаешь... но он не из тех, с кем можно поговорить. Поговорить по-настоящему. Вы меня понимаете?

– Да, – ответила она, – понимаю.

– Он прекрасный человек, как я уже сказал, – неловко продолжал Дуайер. Рот у него дергался. – Но он не такой, как Том.

– Не такой, – согласилась Гретхен.

– Уэсли говорил со мной. Он не желает иметь ничего общего с Руди. И с его женой. Что, принимая во внимание случившееся, вполне естественно для простого смертного, правда?

– Пожалуй, – подтвердила Гретхен. – Принимая во внимание случившееся.

– Если Руди начнет нажимать на парня – с самыми лучшими намерениями, не сомневаюсь, – будет беда. Большая беда. Трудно даже сказать, на что парень способен.

– Верно, – согласилась Гретхен. Раньше ей это и в голову не приходило, но, услышав слова Дуайера, она тотчас поняла, что он прав. – Но что можно сделать? Кейт ему не мать, да у нее и своих забот хватает. Остаются только вы.

– Я? – грустно усмехнулся Дуайер. – Я не знаю, где буду завтра. Единственное, в чем я разбираюсь, – это в судах. И потому на следующей неделе могу очутиться в Сингапуре. А через месяц – в Вальпараисо. Какой из меня отец...

– Что же вы предлагаете?

– Я внимательно наблюдал за вами, – сказал Дуайер, – хотя вы и проявили ко мне не больше интереса, чем к неодушевленному предмету...

– Перестаньте, Кролик, – смутилась Гретхен, потому что почти такая же мысль пришла ей в голову несколько минут назад.

– Я не обижаюсь на вас и не собираюсь делать из этого никаких выводов, мэм...

– Гретхен, – механически поправила она.

– Гретхен, – послушно повторил он. – Но после того, как все это случилось... И теперь, когда вы остались со мной и позволили мне трепать языком... Я увидел, что вы человек настоящий. Я не хочу сказать, что Руди не человек, – поспешно добавил Дуайер, – просто он не из тех, кого Уэсли считает людьми. А его жена... – Дуайер замолчал.

– Не будем говорить про его жену.

– Если бы вы подошли к Уэсли и прямо и честно сказали ему: «Поедем со мной», он бы согласился. Он понял бы, что вы такая женщина, которая может заменить ему мать.

Это что-то новое, подумала Гретхен: сыновья выбирают матерей. Неужели эволюция никогда не завершится?

– Вот меня-то уж никак нельзя считать образцовой матерью, – сухо сказала она. Мысль об ответственности за этого долговязого угрюмого подростка, унаследовавшего, конечно, необузданный нрав Тома, напугала ее. – Нет, Кролик, боюсь, из этого ничего не выйдет.

– А я-то надеялся, – сразу остыв, сказал Дуайер. – Уж очень мне не хотелось оставлять Уэсли без призора. Что бы он сам про себя ни думал, а по правде говоря, он еще совсем ребенок и один жить не может. Уэсли Джордачу суждено пережить еще немало треволнений.

Она не могла не улыбнуться слову «треволнений».

– Пинки Кимболл, механик с «Веги», – продолжал Дуайер, – тот самый, который встретил миссис Джордах с югославом в ночном баре, сказал мне, что

Уэсли прямо преследует его. Просит помочь найти этого югослава... Я, может, ошибаюсь, но мне кажется, и Пинки со мной согласен, что Уэсли задумал отомстить за смерть отца.

– О господи! – вырвалось у Гретхен.

– Когда смотришь на все это, – и Дуайер решительным жестом обвел притихшую гавань, зеленые холмы, старую крепость с ее полуразвалившимися живописными стенами, – то невольно думаешь о том, какие здесь царят мир и благодать. А на самом деле в этих краях, от Ниццы до Марсея, не меньше убийц, чем в любом другом месте на земном шаре. Из-за проституток, наркоманов и казино с рулеткой здесь такая стрельба и поножовщина, что деваться некуда, да и молодчиков, готовых за десять тысяч франков или просто так прикончить родную мамашу, тоже хватает. Со слов Пинки Кимболла я понял, что этот малый, с которым Томас подрался, тоже из их числа. Вдруг Уэсли начнет его разыскивать, и когда найдет, то нетрудно угадать, чем это кончится. В той военной школе, где Уэсли учился, его приходилось силой отдирать от других ребят. Нет, это была не тренировка – не будь рядом взрослых, он бы всех поубивал. Раз он просит Пинки Кимболла показать ему этого югослава, значит, хочет его убить.

– О господи! – повторила Гретхен. – К чему вы это говорите, Кролик?

– К тому, что в любом случае парня из Франции надо увезти. А Рудольф Джордах не тот человек, который сумеет это сделать. Вот я и окосел, – объявил он. – А то не болтал бы об этом. Но я говорю всерьез. Пьяный или трезвый, а я от своих слов не отказываюсь.

– Спасибо за откровенность. Кролик – сказала Гретхен. Она уже жалела, что осталась с ним на яхте. Не ее это проблема, возмущалась она, да ей тут и не решить ничего. – Я поговорю с братом, – добавила она. – Может, что-нибудь и придумаем. Как вы считаете, подождать мне сейчас Уэсли, чтобы мы поужинали все втроем?

– Разрешите ответить откровенно?

– Разумеется.

– По-моему, вы Уэсли нравитесь. По правде говоря, я знаю, что нравитесь, он мне сам говорил. Но сегодня ему, наверное, не хочется быть в компании ни с кем из Джордахов. Лучше мы с ним вдвоем куда-нибудь сходим. Нам есть о чем поговорить.

Она никак не решалась поставить стакан. У нее было такое чувство, что стоит ей уйти, как Дуайер не выдержит и, сев на палубу, расплачется. Ей не хотелось, чтобы Уэсли, вернувшись, застал его в слезах.

– Сейчас допью и...

– Хотите еще? Я пойду налью.

– Спасибо, хватит.

– Итак, я начал пить виски, – заявил Дуайер. – Как вам это нравится? – Он затряс головой. – Вы верите в сны? – вдруг спросил он.

– Иногда. – Интересно, слышал ли Дуайер про Фрейда?

– Вчера ночью мне приснилось, – сказал Дуайер, – что Том лежит на полу – не помню, где это было, – неподвижно, как мертвый. Я поднял его и решил

куда-нибудь отнести. На руках я его тащить не мог, поэтому взвалил на спину. А так как он был гораздо выше меня ростом, ноги его волочились по земле. Я скрестил его руки у себя на груди, ухватился за них и пошел. Он был жутко тяжелый, я был весь в поту, но шел, потому что обязан был его отнести. – И Дуайер заплакал. – Извините меня, миссис Берк.

На этот раз она не поправила его, не сказала, чтобы он называл ее просто Гретхен.

Она протянула ему руку. Он крепко схватил ее своими сильными пальцами, быстрым безотчетным движением поднес к губам и поцеловал. Потом опустил руку и отвернулся.

– Извините... Я не хотел...

– Не нужно ничего объяснять. Кролик, – ласково сказала она. Время само залечит раны. Она была в замешательстве, не знала, как утешить его.

Рука, в которой она все еще держала стакан с виски, заледенела. Гретхен поставила стакан.

– Мне пора, – сказала она. – Еще многое предстоит решить. Передайте Уэсли, если ему что-нибудь понадобится, пусть звонит мне.

– Передам, – пообещал Дуайер. Он не смотрел на нее. Губы у него дрожали, а глаза были обращены в гавань. – Вызвать вам такси?

– Нет, спасибо. Я лучше пройдусь.

Она ушла, а он, босой, в белоснежном свитере, еще долго стоял на носу «Клотильды» с двумя пустыми стаканами в руках.

По узкой улочке, уже погруженной в неприветливый мрак, она медленно поднималась от порта в центр города. Взглянула на витрину антикварной лавки. Ее внимание привлек медный корабельный фонарь. Хорошо бы купить его, привезти домой и повесить где-нибудь в углу. Но тут она вспомнила, что у нее нет своего дома, а есть лишь снятая на полгода квартира в Нью-Йорке, и фонарь-то ей повесить негде.

Она шла по городу, кругом люди что-то покупали и продавали, читали газеты за столиками в кафе, бранили детей, а потом угощали их мороженым, и никому не было дела до смерти. Ей попала на глаза афиша кинотеатра, из которой она узнала, что вечером здесь идет американский фильм, дублированный на французский. Она решила поужинать в городе, а потом пойти в кино.

Она прошла мимо собора, остановилась полюбоваться им и чуть было не зашла внутрь. А если бы зашла, то увидела бы, что на скамье в глубине пустого зала сидит Уэсли и шепчет слова молитвы, которые так и не выучил в школе.

3

Из записной книжки Билли Эббота (1968):

«Моему отцу довелось побывать в Париже сразу после войны, когда его выпустили из госпиталя. Еще до встречи с матерью. Ничего не помнит. Говорит, все три дня был так пьян, что не отличил бы Парижа от Дейтона, штат

Огайо. Отец не любит рассказывать про войну, что весьма выгодно отличает его от других ветеранов, с которыми меня сталкивала судьба. Но порой в те субботы и воскресенья, что мне пришлось провести с ним согласно условиям развода, он здорово напивался – обычно с утра – и начинал иронизировать по поводу своей службы в армии. Утверждал, что его интересовали только девицы из Красного Креста да собственная безопасность, а в воздушном флоте он, мол, служил и летал на военных самолетах лишь для того, чтобы добывать для американских газет материал про наших храбрых парней.

Однако в армию он пошел добровольцем и, возвращаясь с боевого задания, был в самом деле не то ранен, не то контужен. Способен ли я на такое? Служба в армии, судя по тому, что я вижу сам и что пишут о Вьетнаме, – занятие мрачное. Правда, все говорят, что та война была не чета этой. При полковнике я держусь весьма воинственно, но, если в Европе и вправду вспыхнет война, я, наверное, при первом же выстреле дезертирую.

В НАТО полно немцев, все они прикидываются дружелюбными, держатся как товарищи по оружию и не очень отличаются от прочего зверья. Моника тоже немка, но о ней особый разговор».

Когда Рудольф вышел из здания консульства, уже почти стемнело. Консул оказался человеком любезным, вызвал помощника, слушал внимательно, даже что-то записывал, обещал сделать все возможное, но предупредил, что, во-первых, на это потребуется время, а во-вторых, он должен позвонить в Париж посольскому юрисконсульту, ибо не уверен, что адвокат из Антиба, посоветовавший Рудольфу не обращать внимания на французов, прав, поскольку для получения документов на передачу «Клотильды» новым владельцам и размораживание банковских счетов необходимо разрешение местных властей. Смерть американца за границей всегда чревата кучей осложнений, сказал консул, и в его тоне слышался намек на то, что человека, совершившего столь ответственный акт не в своей, а в чужой стране, можно считать чуть ли не предателем. В тот же день, подумал Рудольф, сотни американцев погибли во Вьетнаме – это ведь тоже не своя, а чужая страна, но их смерть почему-то не была чревата для американских консулов кучей осложнений.

Передача состояния Томаса Джордаха его наследникам будет делом нелегким, предупредил консул. За один день с ним не управиться. Рудольф вышел из консульства, чувствуя полную беспомощность, он попал в густую паутину правовых положений, и чем сильнее старался высвободиться, тем больше запутывался. Опять я завяз в чужих бедах, подумал он, и ему стало жаль себя.

Что делали исконные жители Америки, думал Рудольф, когда в бою погибал вождь племени? Кому доставались жены, дети, вампум, вигвам, уборы из перьев, копыта и стрелы? Кто из мудрецов – не воин, нет, а шаман или знахарь – брал на себя роль душеприказчика и толкователя воли покойного?

Свою машину он оставил почти на берегу, перед входом в отель «Негреско» на Английском бульваре, чтобы не заблудиться на улицах

незнакомого города, и в консульство поехал на такси. И сейчас шел по направлению к «Негреско», не ведая, где идет, не думая об этом и не обращая внимания на спешивших домой людей. Внезапно он остановился. У него были мокрые щеки. Он провел рукой по глазам. Он плачет. Он даже не заметил, что плачет, пока шел наугад в сторону моря. Господи, подумал он, надо же было лететь из Америки в Ниццу, чтобы заплакать, – между прочим, впервые с тех пор, как он перестал быть мальчишкой. Прохожие, по-видимому, не замечали его слез; удивленных взглядов не было. А может, французы привыкли видеть на улицах плачущих мужчин? Может, у них такая традиция – лить слезы? После всего, что Франции довелось пережить со времен Людовика Шестнадцатого, им есть о чем плакать.

Уже совсем стемнело, когда он наконец отыскал свою машину. Он прошел много переулков, поворачивал то налево, то направо. *Bella Nizza*,¹⁷ вспомнил он. Во время второй мировой войны итальянцы вернули ее себе. Но ненадолго. И сейчас в итальянском Пентагоне, наверное, вынашивается план захвата Ниццы в будущей драке. Добрые соседи! Нынче на полях сражений в ожидании новой войны сажают жасмин и розы. Бедные, но не утратившие надежд итальянские генералы! Стоит ли игра свеч? Стоит ли Ницца костей одного-единственного калабрийского крестьянина? Теперь это уже не *Bella Nizza*, а современный торговый центр с джунглями облупленных многоквартирных домов, с мусором, с оглушительной рок-музыкой, несущейся из дверей музыкальных магазинов, – город, повествующий о своем былом величии лишь в полных лжи буклетах для туристов. Все постепенно приходит в упадок.

На Английском бульваре горели фонари, отражаясь в крышах бесконечного потока машин и поблескивая на мелкой грязной волне, которая с тихим шепотом набегала на узкую полосу прибрежной гальки. В беседе с ним консул упомянул, что назначение в Ниццу считается у дипломатов удачей. Наверное, консулу известно о Ницце нечто такое, чего невооруженным глазом не усмотришь. Конечно, если раньше он служил в Конго или в Вашингтоне, тогда Ницца должна казаться ему раем. А вдруг, подумал Рудольф, на пути от консульства к берегу навстречу ему прошел убийца Тома? Вполне возможно. В Ницце полиция то и дело хватает каких-то убийц. А как, например, он бы поступил, если бы в кафе сидящий рядом с ним человек, узнав его, спокойно сказал: «*Bonjour, monsieur*, может быть, вам небезынтересно будет узнать, что это сделал я»?

Он открыл дверцу, но не садился в машину, думая о вечере, который ему предстоит, если вернуться в Антиб. Сначала надо будет объяснить Джин, что им придется задержаться в этом страшном для них обоих месте, потом сказать Кейт, Уэсли и Дуайеру, что ничего еще не решено, все в подвешенном состоянии, а потому им остается только сидеть и ждать. Он захлопнул дверцу машины. Нет, он не в состоянии выдержать то, что ждет его в Антибе. Пусть

---

¹⁷ Красавица Ницца (ит.).

Ницца ему не по душе, но лучше провести вечер здесь, чем там.

Одурманенный запахами выхлопных газов, которые, по свидетельству ученых его родины, смертельно опасны для человечества, он, осторожно лавируя между машинами, пересек Английский бульвар, вошел в кафе, сел за столик на террасе и заказал виски с содовой – испытанное временем средство, успокаивающее нервы и мгновенно разрешающее самые запутанные проблемы. Когда виски принесли, он принялся пить не спеша, радуясь, что рядом нет Джин, ибо при ней об этом нельзя и подумать. Иногда ему казалось, что и дышать в ее присутствии тоже нельзя. Над этим придется поразмыслить, решил он, делая очередной глоток.

И вдруг он почувствовал голод. Он с самого утра ничего не ел, да и утром-то только кофе с булочкой. Он расплатился за виски, дошел по набережной до «Негреско» и спросил у швейцара, где лучший в Ницце ресторан. А потом быстро зашагал в указанном направлении. Глаза у него были сухие.

В лучшем из ресторанов Ниццы горели свечи, на столиках рдели букеты роз, а из кухни доносился еле уловимый вкусный аромат. Посетителей было немного, но они производили впечатление людей преуспевающих. В зале стояла тишина, царила атмосфера серьезности, старший официант, улыбчивый итальянец с ослепительными зубами, говорил по-английски. Наверное, итальянский шпион, решил Рудольф, каждую ночь переходит границу, пряча за пазухой планы порта, которые микрофильмирует его сообщник.

Рудольф уселся за столик, накрытый белоснежной скатертью, разломил пополам хрустящую булочку и намазал маслом. Пожалуй, напрасно он решил, что этот город не стоит костей одного-единственного калабрийского крестьянина. Тем более что в Калабрии он никого не знает.

Когда принесли еду, выяснилось, что швейцар совершенно прав в оценке кухни этого ресторана. Рудольф неторопливо ел и пил, чувствуя, как с каждым куском, с каждой каплей в нем растут силы. Иногда два часа стоят целого месяца отдыха.

Покончив с клубникой, он попросил счет. Он был сыт, теперь ему захотелось пройтись, ни о чем не думая, в одиночестве посидеть в кафе, выпить кофе с коньяком. Он не поспешил на чаевые метрдотелю и официантам и неторопливо вышел. Вечерний воздух благоухал розами. Через несколько минут Рудольф очутился на берегу моря. Первое море, ставшее известным людям. Улисс переплыл его и остался в живых. Матросы привязали его к мачте, а себе заткнули воском уши, чтобы не слышать пения сирен. Много храбрецов спит на дне этого моря. Теперь среди них и Том. Рудольф стоял на выложенной камнем дорожке, а в нескольких шагах от него кружевной пеной омывала землю Франции легкая волна. Вечер был безлунный, но звезды светили ярко, и линию берега окаймляли гирлянды блестящих огоньков горевших в домах ламп.

Будь Рудольф мальчишкой, он пробежался бы по берегу, по самой его кромке, ловко увертываясь от набегающей под ноги волны. Но в его возрасте, да еще в темном костюме, вряд ли уместно привлекать к себе внимание

гуляющих по набережной.

Он вернулся на бульвар, вошел в ярко освещенное кафе и сел так, чтобы видеть фланирующих по мостовой мужчин и женщин, которые, завершив рабочий день или выполнив свои туристские обязанности, теперь наслаждались теплым вечером, возможностью обменяться взглядами, не спеша пройтись по воздуху рука об руку с любимым или любимой.

Кафе было полупустым. Через столик женщина в голубом платье читала журнал, наклонив голову так, что ему не было видно ее лица. Когда он вошел, она подняла глаза, но тут же вновь принялась за чтение. Перед ней стоял бокал с белым вином. Он заметил, что у нее темные волосы и красивые ноги.

Он ощутил совсем иной голод.

Осторожно, не порти себе вечера!

Объясняясь с официантом по-английски, он заказал коньяк и кофе. Когда он заговорил, женщина снова подняла глаза. По ее лицу – или ему показалось? – пробежала улыбка. Уже не первой молодости, примерно его возраста, на вид ей лет тридцать семь – тридцать восемь, тщательно подкрашена, особенно глаза. Для проститутки старовата, но тем не менее не лишена привлекательности.

Официант принес ему кофе и коньяк вместе со счетом из кассы и вернулся к бару в глубине кафе. Рудольф отхлебнул крепкого черного кофе. Потом взял рюмку с коньяком и понюхал его. Едва он собрался сделать глоток, как женщина, словно чокаясь с ним, подняла свой бокал. На этот раз сомневаться не приходилось: она улыбалась. У нее были четко очерченные пунцовые губы и темно-серые глаза. Рудольф из учтивости тоже приподнял свою рюмку, потом немного отпил.

– Вы американец, верно? – Она говорила с едва заметным акцентом.

– Да.

– Я сразу поняла, как только вы вошли, – сказала она. – По вашему костюму. Вы приехали сюда отдыхать?

– Отчасти, – ответил он.

Стоит ли продолжать разговор? Он не умел общаться с незнакомыми людьми, а особенно с женщинами. Она не походила на нью-йоркских проституток, но он во Франции, а не в Америке – кто знает, как одеваются и ведут себя французские проститутки. Кроме того, к нему вообще редко приставали женщины. Джонни Хит, его приятель и адвокат, утверждал, что в Рудольфе чувствуется какая-то суровость, их отпугивающая. К самому Джонни приставали повсюду – на улице, в баре, на вечеринках. В нем никакой суровости, по-видимому, не было.

Еще в юности Рудольф научился держаться отчужденно и сухо, считая, что таким образом заявляет о своей принадлежности не к тем, среди кого он вырос – людям легким на знакомство, по-плебейски шумным, веселым и общительным, – а совсем к другому классу. «Не перегнул ли я на этот раз палку?» – размышлял он, глядя на женщину за соседним столиком.

– Вам нравится в Ницце? – спросила женщина. Голос у нее был низкий, даже с хрипотцой, но приятный.

– Более или менее, – ответил он.

– Вы остановились в отеле?

– Нет, – сказал он. – Я здесь проездом, – добавил он. А почему бы и нет? Иногда полезно вспомнить, что ты мужчина. Он улыбнулся женщине. Улыбаться было приятно. – Разрешите вас угостить?

Он ни разу в жизни не приглашал выпить незнакомого человека, будь то мужчина или женщина.

– Я один, – рискнул признаться он. – По-французски говорю плохо. Был бы рад с кем-нибудь познакомиться. С кем-нибудь, кто владеет английским. – Как будто нельзя было обойтись без этой лицемерной фразы, подумал он.

Женщина посмотрела на часы, делая вид, будто принимает решение.

– Что ж, – согласилась она, – можем познакомиться. – И улыбнулась ему. Улыбаясь, она становится хорошенькой, заметил он. У нее были белые зубы и прелестные морщинки вокруг темно-серых глаз. Она сложила журнал, взяла свою сумку, встала и прошла три шага, разделявшие их столики. Он тоже встал, отодвинул для нее стул, и она, поблагодарив его, села.

– Я пользуюсь любой возможностью говорить по-английски, – объяснила она. – Я прожила три года в Вашингтоне среди американцев и даже стала чувствовать к ним симпатию.

Разыгрывает гамбит, подумал Рудольф, но мысль эта не отразилась на его лице. Будь я швед или грек, она сказала бы, что привыкла к обществу шведов и греков. Интересно, чем она занималась эти три года в Вашингтоне? За плату развлекала чиновников и конгрессменов в номерах мотелей?

– Я тоже – к некоторым, – отозвался он.

Она чуть усмехнулась, как и подобает благовоспитанной даме. Нет, она определенно не похожа на расфранченных девиц, бродящих в поисках добычи по улицам Нью-Йорка. Он слышал, что в Америке тоже есть благовоспитанные шлюхи, которые берут сто долларов в час, а то и больше и которых можно вызвать только по телефону: не занятые в спектаклях актрисы, манекенщицы, элегантные домашние хозяйки, зарабатывающие себе на норковую шубу, – но ему никогда не доводилось видеть их воочию. По правде говоря, он ни разу не произнес, обращаясь к проститутке, больше трех слов: «Спасибо, не надо».

– А французы вам нравятся? – спрашивала женщина.

– Более или менее, – ответил он. – А вам?

– Некоторые, – снова усмехнулась она.

Появился официант. Лицо его ничего не выражало – такие переходы от столика к столику он видел и раньше.

– La meme chose? Un vin blanc?¹⁸ – спросил Рудольф у женщины.

– А! – сказала она. – Вы говорите по-французски?

– Un petit peu,¹⁹ – отозвался Рудольф. Он слегка захмелел и был настроен

---

¹⁸ То же самое? Белое вино? (фр.).

¹⁹ Немного (фр.).

игриво. Сегодня вечер удовольствий, забав, красивых французских игрушек. Как бы ни развернулись события, дама убедится, что она имеет дело не с обычным американским туристом. – Je l'ai etudie a l'ecole.²⁰ В средней школе. Как это сказать по-французски?

– College? Lycee?²¹

– Lycee, – с удовольствием подтвердил он.

Официант переступил с ноги на ногу, деликатно намекая, что вовсе не обязан весь вечер стоять и слушать, как американец пытается вспомнить, чему его учили в школе на уроках французского, чтобы поразить подцепившую его дамочку.

– Monsieur? – сказал официант. – Encore un cognac?²²

– S'il vous plait,²³ – с достоинством отозвался Рудольф.

После этого они заговорили сразу на двух языках и вместе хохотали над французскими фразами, которые Рудольф с трудом выкапывал в памяти, рассказывая о пышногрудой учительнице французского языка у них в школе, о том, как считал себя влюбленным в нее, как по-французски писал ей о своей страсти, как однажды нарисовал ее обнаженной и как она отобрала у него этот рисунок. Женщина слушала его с удовольствием, поправляла ошибки, хвалила, когда он произносил без запинки больше трех слов подряд. Если все французские шлюхи похожи на нее, подумал Рудольф, тогда понятно, почему проституция считается такой уважаемой профессией во французском обществе.

Затем женщина (он спросил, как ее зовут, оказалось – Жанна) посмотрела на часы и стала вдруг серьезной.

– Уже поздно, – сказала она по-английски, взяв в руки свою сумочку и журнал. – Я должна идти.

– Сожалею, если утомил вас, – отозвался он. Язык у него еле ворочался, и он с трудом выговаривал слова.

– Мне было очень приятно с вами, Джимми. – Она встала. Он сказал, что его зовут Джимми. Прикрылся чужим именем, чтобы его нельзя было выследить. – Но я жду звонка.

Он поднялся попрощаться. Теперь ему не придется спать с ней. При мысли об этом он почувствовал и облегчение, и сожаление. Поднимаясь, он пошатнулся и уронил стул.

– Чудес... Чудесно провел время, – запинаясь, произнес он.

– Где ваш отель? – нахмурилась она.

Где его отель? На мгновение перед глазами, как в тумане, возникла карта Франции.

---

²⁰ Я учил его в школе (фр.).

²¹ В коллеже? В лицее? (фр.).

²² Еще коньяку? (фр.).

²³ Пожалуйста (фр.).

– Где... мой отель? – Язык у него совсем не ворочался. – В Антибе.

– Вы на машине?

– Да.

– В таком состоянии нельзя садиться за руль.

Он сконфуженно наклонил голову. Наверное, сейчас она с презрением думает об американцах: вот приезжают во Францию, а сами напиваются так, что не в состоянии править машиной. И вообще ни на что не годятся.

– Я, собственно, не пью, – сказал он виновато. – Просто у меня был трудный день.

– Наши дороги опасны, особенно в темноте, – предупредила она.

– Особенно в темноте, – согласился он.

– Может, вы поедете со мной? – спросила она.

Наконец-то, подумал он. Как человек деловой, он должен был бы спросить ее, во сколько это ему обойдется, но после дружеской беседы за вином и коньяком подобный вопрос прозвучал бы неуместно. Еще успеется. И сколько бы ни стоило, он, в конце концов, может позволить себе провести ночь с европейской куртизанкой. Он был доволен, что припомнил такое слово – «куртизанка». И вдруг в голове у него прояснилось.

– Volontiers,²⁴ – сказал он на ее языке, желая доказать, что владеет собой. И, громко позвав официанта: – Garçon! – вынул из кармана бумажник. Бумажник он держал так, чтобы ей не было видно, сколько в нем денег. В подобных ситуациях, о которых он знал только понаслышке, следует быть осторожным.

Подошел официант и по-французски сказал, сколько с него причитается. Рудольф не понял и, смутившись, обратился к женщине:

– Что он сказал?

– Двести пятнадцать франков, – ответила она.

Он вынул из бумажника три купюры по сто франков и отмахнулся от слабых попыток официанта дать ему сдачу.

– Не надо давать на чай так много, – шепнула она, выводя его из ресторана.

– Американцы благородны и щедры.

Она засмеялась и прижалась к нему.

Показалось такси, и он залюбовался грацией, с какою она подняла руку, стройностью ее ног, мягкой линией груди.

Ехали они недолго. Она держала его за руку – больше ничего. В такси пахло духами, мускусом, еле уловимо – цветами. Машина остановилась перед невысоким многоквартирным домом на темной улице. Она расплатилась с шофером, потом снова взяла Рудольфа за руку и повела в дом. Они поднялись на один марш. Она отперла дверь,пустила его в темную прихожую, потом в комнату и щелкнула выключателем. Его поразила величина комнаты и вкус, с каким она обставлена, хотя при свете затененной абажуром лампы он мог разглядеть далеко не все. У этой женщины, наверное, щедрая клиентура,

---

²⁴ Охотно (фр.).

подумал он: арабы, итальянские промышленники, немецкие стальные бароны.

– А теперь... – начала она, но в эту секунду зазвонил телефон. Она не лгала, подумал он, ей действительно должны были звонить. Она медлила, словно не решаясь поднять трубку. – Будьте добры... – Она показала на дверь. – Я хотела бы остаться одна.

– Разумеется.

Он вышел в соседнюю комнату, закрыл за собой дверь и зажег свет. Это была небольшая спальня с двуспальной кроватью, уже разобранной. Из-за двери доносился ее голос. Ему показалось, что она сердится на своего собеседника, хотя слов он не различал. Он задумчиво посмотрел на большую кровать. Последняя возможность уйти. Плевать, решил он и разделся. Он в беспорядке швырнул одежду на стул, но переложил бумажник в другой карман. Потом лег и натянул на себя одеяло.

Он, должно быть, заснул, потому что вдруг почувствовал рядом теплое надушенное тело. В комнате было темно, на нем лежала гладкая упругая нога, на животе шевелилась мягкая рука, а уха касались губы, шептавшие что-то неразборчивое.

Он не знал, сколько было времени, когда он наконец замер в неподвижности, кончиками пальцев касаясь теперь уже знакомого тела, доставившего ему такое наслаждение. Он чувствовал покой и приятную теплоту. Пуританин низвергнут, а его пуританские заповеди осмеяны – и слава богу! Он поднял голову, приподнялся на локте и ласково поцеловал женщину в щеку.

– Уже, наверное, очень поздно, – прошептал он. – Мне пора.

– Будь осторожен за рулем, *cheri*,²⁵ – сонно и блаженно отозвалась женщина.

– Не беспокойся, – сказал он. – Я совсем протрезвел.

Женщина повернулась и зажгла лампу на ночном столике. Он встал с кровати, гордясь своей наготой. «Юношеское тщеславие», – усмехнулся он про себя и быстро оделся. Женщина тоже встала. Лучше бы она не включала свет и не вставала. Тогда он мог бы оставить ей сто, нет, тысячу франков на камине, и темнота скрыла бы его провинциальное американское невежество в подобных делах: она бы спала, а он бы украдкой выскользнул из квартиры и из дома, и все было бы кончено. Но свет горел, женщина следила за ним, улыбаясь. Ждет?

Ничего не поделаешь. Он вынул бумажник.

– Тысячи франков достаточно? – спросил он, чуть запнувшись на последнем слове.

Она с удивлением посмотрела на него, улыбка исчезла с ее лица. И вдруг она начала смеяться. Сначала тихо, потом принялась хохотать. Она согнулась, обхватила руками голову – густые блестящие волосы темным каскадом упали на лицо – и смеялась, не в силах остановиться. Он напряженно смотрел на нее – и уже жалел, что побывал в ее постели, что пригласил ее к своему столику, что

---

²⁵ Дорогой (фр.).

был в Ницце, жалел, что вообще очутился во Франции.

– Извини, – начал оправдываться он, – я просто не привык...

Она подняла голову, и он увидел ее смеющееся лицо. Она встала, подошла к нему и поцеловала его в щеку.

– Бедняжка, – сказала она, переводя дыхание. – А я и не знала, что так дорого стою.

– Если ты хочешь больше... – неловко произнес он.

– Гораздо больше, – ответила она. – Столько, сколько никто не может дать. Да ничего мне не нужно! Милый ты мой! Думал, что я проститутка, и был таким вежливым и ласковым. Будь все клиенты такие, как ты, мы все стали бы шлюхами. Мне и раньше нравились американцы, но теперь я люблю их еще больше.

– Господи, Жанна! – вырвалось у него. – Это случилось со мной впервые, – признался он, боясь, что она снова начнет смеяться.

– Интересно, куда смотрят американки? – удивилась она. Она пересела на край кровати и похлопала по матрасу рукой. – Иди сюда, сядь рядом, – сказала она.

Он сел рядом с ней. Она взяла его за руку, теперь уже как сестра.

– Если тебе от этого станет легче, cheri, – сказала она, – то могу признаться, что и со мной это случилось впервые. Мне было так одиноко, так тоскливо... Разве ты не понял?

– Нет, – признался он. – По правде говоря, я плохо разбираюсь в женщинах.

– «Плохо разбираюсь в женщинах», – ласково передразнила его она. – И не пьешь. Именно такой мужчина мне и нужен был сегодня. Позволь рассказать немного о себе. Я замужем. Мой муж служит в армии. Он майор и был помощником военного атташе в Вашингтоне.

Вот откуда она знает английский, подумал он. Значит, не было ни чиновников, ни конгрессменов, ни мотелей.

– А сейчас он временно служит в Париже. В Высшей военной школе, – продолжала она. – Временно. – Она коротко и резко рассмеялась. – Он там уже три месяца. Здесь, в Ницце, у меня ходят в школу двое детей. Сегодня они у бабушки.

– Но у тебя нет обручального кольца, – сказал он. – Я посмотрел.

– Я его сняла. – Лицо ее помрачнело. – Сегодня мне не хотелось быть замужем. Днем я получила телеграмму от мужа, в которой он сообщал, что будет звонить; я сразу поняла, что он мне скажет. Он скажет, что у него много работы и он снова не может приехать. У него уже три месяца много работы. По-видимому, там, в Высшей военной школе, они готовятся к чему-то необыкновенному, если бедный майор в течение трех месяцев не может даже на день слетать в Ниццу повидаться с женой. Я-то хорошо знаю, к какой войне мой муж готовится в Париже. Ты слышал, как я сказала ему по телефону...

– Нет, – ответил Рудольф. – Я не слышал, что ты говорила... Я только понял, что ты сердишься.

– Да, наша беседа была далеко не дружеской, – согласилась Жанна. – Мы

ссорились. Теперь ты понимаешь, почему я очутилась в кафе без обручального кольца на руке?

– Более или менее, – ответил Рудольф.

– Когда ты вошел и сел, я собиралась расплатиться и идти домой, – тихо сказала она. – Двое мужчин уже подходили ко мне. Напыщенные позы с опытом, любители... Как это говорится в Америке? Однодневных?..

– Однодневных гастролей, – подсказал Рудольф.

– Именно.

– Они по крайней мере не приняли тебя за шлюху, – уныло возразил он. – Прости меня.

Она погладила его по руке.

– Прощать нечего, – сказала она. – Это только внесло комическую ноту в наш вечер. Когда ты вошел и сел, я увидела твою добропорядочную и почтенную физиономию и решила не уходить. – Она улыбнулась. – Во всяком случае, не сразу. И оказывается, не ошиблась. Больше никогда не будь застенчивым. – Она снова как сестра похлопала его по руке. – Уже поздно. Ты сказал, что тебе пора... Запишешь мой телефон? Мы увидимся еще?

– Мне, наверное, тоже следует рассказать немного о себе, – заговорил Рудольф. – Прежде всего меня зовут не Джимми. Не знаю почему... – Он пожал плечами и улыбнулся. – Я стеснялся. Считал, что плохо поступаю. А если я назовусь чужим именем, то половина вины с меня вроде бы снимается. А может, из осторожности: вдруг мы когда-нибудь встретимся и я буду не один, ты скажешь: «Здравствуй, Джимми!», а я смогу ответить: «Извините, мадам, вы меня с кем-то путаете».

– Если бы я вела дневник, – сказала Жанна, – я бы описала все, что сегодня случилось. Во всех подробностях.

– Меня зовут Рудольф, – продолжал он. – Мне никогда не нравилось мое имя. Мальчишкой я считал, что оно звучит не по-американски, хотя трудно сказать, что звучит по-американски и что нет. И какое кому до этого дело. Но в школе ты начинен книгами, где героев зовут Гекльберри Финн, Дэниел Бун, Стаде Лониган... Имя Рудольф напоминало мне какое-то тяжелое немецкое блюдо. Особенно во время войны. – Он никогда никому не говорил о своем отношении к собственному имени, даже сам для себя никогда не формулировал его так четко и теперь удивился тому, что рассказывает об этом красивой, чужой или почти чужой женщине, – рассказывает легко и даже с удовольствием. Он сидел в полумраке на кровати, и ему хотелось побыть подольше с этой женщиной, под каким-нибудь предлогом отложить уход, сказать, что до зари еще далеко, хотя уйти все равно придется.

– Рудольф, – повторила Жанна. – Имя как имя, не очень красивое, но и не плохое. А если называть тебя Родольфо? Пожалуй, лучше, а?

– Гораздо лучше.

– Отлично, – засмеялась она. – Отныне я буду называть тебя Родольфо.

– Родольфо Джордах, – повторил он. Это имя придало ему в собственных глазах какую-то лихость. – Моя фамилия Джордах. Я остановился в отеле «Дю Кап». – Мосты сожжены. Имя и адрес известны. Теперь они во власти друг

друга. – И еще одно. Я женат.

– Я так и думала, – сказала Жанна. – Но это твое личное дело. Как и мой брак – мое личное дело.

– Моя жена со мной в Антибе. – Ему не хотелось признаваться, что они с Джин тоже в натянутых отношениях. – Дай мне твой телефон.

Она встала, подошла к столику, где лежали ручка и бумага, и, написав номер телефона, протянула ему листок; он аккуратно сложил его и спрятал в карман.

– В следующий раз, – сказала она, – тебе придется снять номер в отеле. Дети будут дома.

В следующий раз...

– А теперь я вызову такси, – сказала она. Они перешли в гостиную, она набрала номер, что-то быстро сказала, подождала немного, согласилась: «Tres bien»²⁶ – и положила трубку. – Такси приедет через пять минут, – сказала она. У двери они поцеловались долгим, благодарным, целительным поцелуем. – Спокойной ночи, Родольфо, – сказала она и улыбнулась. Он понял, что долго будет помнить ее улыбку.

Такси уже стояло у подъезда, когда он вышел на улицу.

– В отель «Негреско», – сказал Рудольф, садясь в машину.

Когда такси тронулось, он оглянулся на дом. Надо запомнить его, чтобы найти снова, чтобы вспоминать во сне. Они доехали до «Негреско», и он, поглядев налево и направо, перешел улицу в том месте, где стояла его машина. Усевшись за руль, он медленно и осторожно поехал по пустому приморскому шоссе к Антибу.

Поравнявшись с портом, он поехал еще медленнее, затем круто свернул на стоянку, вылез и пошел по набережной туда, где у безмолвного причала покачивалась «Клотильда». На «Клотильде» было темно. Ему не хотелось будить Уэсли и Кролика. Сняв туфли, он спрыгнул с палубы в стоявшую рядом плоскодонку, отвязал канат, сел и бесшумно вложил весла в ключины. Без единого звука он отплыл от яхты, выгреб на середину гавани, налег на весла и направил лодку в море. От воды сильно пахло дегтем, с берега доносился аромат цветов.

Он действовал почти автоматически, не думая, зачем он это делает. Каждый взмах веслами доставлял ему физическое удовольствие, а плеск срезаемой носом волны о борта плоскодонки казался музыкой, достойной завершить эту ночь.

Лодка приближалась к красным и зеленым огням, обозначающим выход в море, и неясные тени Антиба с редкими огоньками медленно уходили вдаль. Он греб, наслаждаясь радостным ритмом своих движений. Сколько раз эти самые весла были в руках его брата! Рудольф с трудом удерживал гладкое

---

²⁶ Очень хорошо (фр.).

дерево, отполированное сильными руками Тома. Утром ладони, наверное, покроются волдырями. Это приятно.

«Томас, Томас!» – прошептал он. Лодка вышла в открытое море и закачалась на тихой волне. Он греб и вспоминал те случаи, когда они, родные братья, не оправдывали ожиданий друг друга, и конец, когда они позабыли свои распри или по крайней мере простили их друг другу.

Он подумал о своем отце, обезумевшем и жалком старике, который тоже шел на веслах во тьме, выбрав для своего последнего путешествия штормовую ночь. У отца хватило сил на самоубийство, и в смерти он обрел покой, который не мог обрести в жизни. Он же на это не способен. Он совсем другой человек, у него другие обязанности. Он глубоко вздохнул, повернул плоскодонку назад и поплыл обратно к «Клотильде». Руки у него горели.

Бесшумно привязав лодку к корме «Клотильды», он поднялся по веревочному трапу на палубу, спустился на берег. Надел туфли – обряд совершен, служба окончена, – сел в машину и включил зажигание.

Он подъехал к отелю в четвертом часу. Кроме ночного портье за конторкой, зевавшего во весь рот, в вестибюле не было никого. Он взял свой ключ и уже направился к лифту, когда портье окликнул его:

– Мистер Джордах! Миссис Берк просила сразу же позвонить ей, как только вы придете. Она сказала, что это очень важно.

– Спасибо, – устало отозвался Рудольф. Ничего, Гретхен подождет до утра.

– Миссис Берк просила и меня позвонить ей, когда вы появитесь. В любой час.

Догадалась, что он постарается уклониться от встречи, и приняла меры предосторожности.

– Понятно, – вздохнул Рудольф. – Позвоните ей, пожалуйста, и скажите, что я зайду, как только повидаюсь с женой. – Нужно было остаться на всю ночь в Нице. Или сидеть до утра в лодке. Чтобы встретиться с тем, что его ждет, при дневном свете.

– И еще, – добавил портье, – вас тут искал один джентльмен. Некий мистер Хаббел. Из журнала «Тайм». Он пользовался нашим телексом.

– Если он придет снова и будет меня спрашивать, скажите, что меня нет.

– Ясно. *Bonne nuit, monsieur.*²⁷

Рудольф нажал кнопку лифта. Он собирался позвонить Жанне, пожелать ей спокойной ночи, попытаться объяснить, как она помогла ему, вслушаться в ее низкий, хрипловатый чувственный голос и заснуть, вспоминая о прошедшем, чтобы увидеть во сне что-нибудь приятное. Теперь об этом нечего было и думать. Тяжело ступая и чувствуя себя старым, он вошел в кабину лифта, поднялся на свой этаж и почти бесшумно отворил дверь в номер. Свет горел и в гостиной, и в комнате Джин. После убийства Тома она боялась спать в темноте.

– Рудольф? – окликнула она его, когда он проходил мимо ее двери.

---

²⁷ Спокойной ночи, мсье (фр.).

– Да, дорогая, – вздохнул Рудольф. Он так надеялся, что она спит. Он вошел в комнату. Джин сидела в постели и смотрела на него. Автоматически он перевел взгляд на стол в поисках стакана или бутылки. Ни стакана, ни бутылки, и по лицу видно, что она не пила. Старой она выглядит, подумал он, старой. Изможденное лицо, погасшие глаза и кружевная ночная сорочка – такой она должна бы стать через добрых сорок лет.

– Сколько сейчас времени? – резко спросила она.

– Четвертый час. Тебе пора спать.

– Четвертый час? Не кажется ли тебе, что рабочий день консульства в Ницце несколько растянут?

– Я решил сегодня вечером отдохнуть, – сказал он.

– От чего?

– От всего, – ответил он.

– От меня, – с горечью констатировала она. – Это уже вошло в привычку, правда? Стало образом жизни?

– Может, мы отложим обсуждение до утра? – спросил он.

Она потянула носом.

– От тебя пахнет духами. Это мы тоже обсудим утром?

– Если угодно, – ответил он и направился к выходу. – Спокойной ночи.

– Не закрывай дверь! – крикнула она. – Пусть все пути к бегству будут открыты.

Он не закрыл дверь. Плохо, что он не чувствует к ней жалости.

Через гостиную он прошел к себе и закрыл за собой дверь. Потом отворил дверь, ведущую из его комнаты в коридор, и вышел. Ему не хотелось объяснять Джин, что он должен повидаться с Гретхен по делу, которое его сестра считает неотложным.

Номер Гретхен был дальше по коридору. Рудольф шел мимо тувель, выставленных для чистки. Европа, того и гляди, станет коммунистической, а бедняки по-прежнему каждую ночь с двенадцати до шести чистят чужую обувь.

Не успел он постучать, как Гретхен тотчас открыла. На ней был светло-голубой махровый халат, почти такого же цвета, как платье Жанны. Маленькое бледное лицо, темные волосы и сильное стройное тело делали ее удивительно похожей на Жанну. Как все в мире одинаково. Эта мысль пришла ему в голову впервые.

– Входи, – сказала она. – Если бы ты знал, как я беспокоилась! Где ты был?

– Долго рассказывать, – ответил он. – Может, подождем до утра?

– Нет, не подождем, – ответила она и, закрыв дверь, тоже потянула носом. – От тебя божественно пахнет, братец, – усмехнулась она. – И вид у тебя такой, будто ты только что переспал с женщиной.

– Я джентльмен, – сказал Рудольф, стараясь обратить ее слова в шутку. – А джентльмены подобные вещи не обсуждают.

– А дамы обсуждают, – сказала она. Есть в Гретхен все-таки что-то вульгарное.

– Хватит об этом, – сказал он. – Я хочу спать. Что у тебя такое важное?

Гретхен упала в большое кресло, словно ноги у нее подкосились от

усталости.

– Час назад мне звонил Дуайер, – ровным тоном объявила она. – И сказал, что Уэсли в тюрьме.

– Что?

– Уэсли в тюрьме в Канне. Он затеял драку и чуть не убил человека пивной бутылкой. А потом ударил полицейского, и полиции пришлось его утихомирить. Ну как, достаточно это для тебя важно, братец?

4

Из записной книжки Билли Эббота (1968):

«Сегодня в Брюсселе были волнения и рвались бомбы. И все из-за того, что, по мнению фламандцев, их дети должны обучаться на родном языке, а не на французском и что названия улиц должны быть написаны на обоих языках. В наших армейских подразделениях негры тоже поговаривают о том, чтобы устроить мятеж, если им не разрешат носить традиционную африканскую прическу. Люди готовы ПО ЛЮБОМУ ПОВОДУ растерзать друг друга. По этой причине, как ни грустно такое констатировать, я и ношу военную форму, хотя не имею ни малейшего желания причинить кому-либо вред, и, на мой взгляд, люди могут говорить на любом языке: на фламандском, баскском, сербскохорватском или на санскрите. Я только скажу „превосходно“.

Может, у меня не хватает характера?

Наверное. Если ты человек сильной воли, то тебе хочется подчинить все и всех вокруг себя. А тех, кто не говорит на твоём языке, подчинить трудно, и человек с характером начинает сердиться, как, например, американские туристы в Европе, которые принимаются кричать, когда официант не понимает, чего от него требуют. В политике же вместо крика используются полиция и слезоточивый газ.

Моника знает немецкий, английский, французский, фламандский и испанский. Говорит, что умеет читать и по-гэльски. Насколько я могу судить, в душе она такая же пацифистка, как и я, но ведь она – переводчица в НАТО, и по долгу службы ей приходится изрыгать страшные угрозы одних воинственно настроенных деятелей в адрес других воинственно настроенных деятелей.

Мы провели целый день в постели.

Время от времени мы это делаем».

Когда Рудольф подъехал на такси к зданию каннской префектуры, Дуайер уже ждал его. Лучше приехать на такси, решил Рудольф, чем на собственной машине. Он боялся, что, если явится в полицейский участок и начнет требовать освобождения племянника, у него могут взять пробу на алкоголь. Дуайер стоял, прислонившись к стене, и, несмотря на свой толстый свитер, дрожал, а лицо у него было зеленовато-бледным в жидком свете горевших перед входом в префектуру фонарей. Рудольф вылез из такси и посмотрел на часы. Пятый час. Улицы Канна были пусты – все, кроме него, либо закончили свои дела, либо отложили их до утра.

– Слава богу, вы здесь, – сказал Дуайер. – Ну и ночка, черт бы ее побрал!

– Где он? – сдержанно спросил Рудольф, стараясь успокоить Дуайера, который, судя по его лицу и по тому, как он тер костяшки пальцев одной руки о ладонь другой, мог в любой момент впасть в истерику.

– Там у них. В камере, наверное. Они не дали мне с ним повидаться. Я туда войти не могу. Они предупредили, что, если я еще раз туда сунусь, меня тоже посадят. Говорить с французской полицией – все равно что с Гитлером, – горько заключил Дуайер.

– Как он? – спросил Рудольф. Глядя на съездившегося от холода Дуайера, он тоже почувствовал озноб. Он был в том же костюме, что и днем, и, уходя из отеля, позабыл захватить с собой пальто.

– Как сейчас – не знаю, – ответил Дуайер. – Когда его притащили, он был почти в порядке, но ведь он ударил полицейского, и, что они потом с ним сделали, одному богу известно.

Нет ли тут поблизости кафе, подумал Рудольф. Просто чтоб было светло и можно было погреться. Но на узкой улице он увидел только неяркие пятна фонарей.

– Не беспокойтесь. Кролик, – мягко сказал он. – Я сейчас попробую все уладить. Но сперва расскажите мне, что произошло.

– Мы решили поужинать в городе, – начал Дуайер таким тоном, словно Рудольф его обвинял и требовал доказательств его невиновности. – Разве можно было в такой вечер оставить парня одного, как по-вашему?

– Конечно, нет.

– Мы выпили. Уэсли обычно пил вино с нами, с отцом и со мной. Отец наливал ему как взрослому, мы забывали, что он еще мальчишка... Вы ведь знаете, во Франции... – Он замолк, словно из-за этой бутылки вина, выпитой вместе с Уэсли в антибском ресторане, его опять принялись обвинять во всех смертных грехах.

– Знаю, – сказал Рудольф, стараясь не выказывать раздражения. – И что потом?

– Потом парень попросил коньяку. Двойную порцию. А почему бы и нет, решил я. В день похорон отца... Даже если он напьется, мы рядом с портом, дотащить его до яхты труда не составит. Только он не захотел возвращаться. Он вдруг встал из-за стола и говорит: «Я еду в Канн». Я его спрашиваю: «Зачем, черт побери, тебе в Канн в такую поздноту?» Он говорит: «Хочу побывать в ночном баре». Точные его слова. Побывать. Я хочу побывать в «Розовой двери». Одному богу известно, что у него с головой сделалось от коньяка и от всего вместе. Я уж его и так и эдак упрашивал. Чего только не говорил. А он меня послал подальше. Первый раз в жизни. Тут я понял: его и бульдозером с места не сдвинешь. Он говорит: «Я тебя не прошу ехать со мной. Иди спи и набирайся сил». Я догнал его уже на улице, схватил за руку. Не мог же я отпустить его одного в этот проклятый бар. Верно?

– Конечно, – устало отозвался Рудольф. – Вы поступили совершенно правильно. – Интересно, а что он сам сделал бы на месте Дуайера? Наверное, отпустил бы.

– Мы взяли такси и поехали в «Розовую дверь». – То ли от горя, то ли от страха, то ли от бессилия Дуайер разговорился и остановиться уже не мог. – Уэсли молчал всю дорогу. Ни одного слова не проронил. Сидел и смотрел в окно, как турист. Поди догадайся, что он задумал. Я не психолог, детей у меня никогда не было, да и вообще в чужую душу не влезешь. – Он снова начал оправдываться, словно кто-то сомневался в его искренности. – Я решил, что он просто распахивался. А кто бы на его месте не распахивался в такой день? Наверное, вбил себе в голову, что его долг перед отцом поехать и посмотреть, где все это началось. Он видел конец, сам высыпал прах в море, должен же он увидеть и начало тоже.

Начало, думал Рудольф, вспоминая необузданный нрав брата. Начало было не в ночном баре в Канне. Для этого нужно вернуться назад. На много лет назад.

– А что, думаю, может, это и не такая уж плохая мысль, – продолжал Дуайер. – Во всяком случае, одно ясно: югослава, с которым Том подрался, там не будет. Его ищет полиция, он исчез бесследно на второй день после убийства, едва его допросили. Кроме того, мы с Уэсли его ни разу не видели и не узнаем, даже если он окажется рядом с нами прямо под лампой. Радости, конечно, мало, но и вреда тоже не будет – выпьем по рюмке-другой и поедим спать, разве только голова завтра поболит малость.

– Все понятно. Кролик, – дрожа от холода, согласился Рудольф. – В данных обстоятельствах вы не могли поступить иначе.

Дуайер энергично закивал.

– А из-за чего началась драка? – спросил Рудольф. Дуайеровские оправдания можно отложить до другого раза. Пятый час утра, холодно. Уэсли в участке, и вполне возможно, что как раз в данную минуту над ним трудятся полицейские. – Кто виноват? Уэсли?

– Виноват? Разве в драке определишь, кто виноват? – У Дуайера дрожали губы. – Мы постояли в баре, помолчали, выпили две, а может, три порции виски, а рядом с нами стоял здоровый англичанин, с какого-то судна в порту, сразу видно – моряк. Он пил пиво и громко рассказывал своей девице про американцев. Наверное, что-то не очень приятное, потому что Уэсли вдруг повернулся к нему и тихо сказал: «А ну, паразит, заткни пасть и кончай тявкать про американцев!»

О господи, подумал Рудольф, нашел время и место для проявления патриотизма.

– Англичанин распространялся насчет того, что им, англичанам, пришлось-де воевать не только за себя, но и за американцев. Уэсли тогда еще и на свете-то не было, что ему за дело до этого, черт побери? Господи, да начни хоть десять англичан кричать, что все американцы трусы, сутенеры и развратники, его собственный отец ни за что не полез бы в драку. А Уэсли полез. Я ни разу не видел его в деле, но Том мне рассказывал про него: я понял, что будет, схватил его за руку и говорю: «Пошли, парень. Нам пора». Но тут этот англичанин – лет тридцати, а весу в нем, наверное, фунтов двести, да и пива он налакался порядком – повернулся к нему и говорит: «А ну-ка, сынок,

повтори, что ты сказал». И Уэсли все так же тихо и вежливо повторил: «Заткни пасть, паразит, и кончай твякать про американцев!» И даже тогда все могло кончиться тихо и мирно, потому что девица схватила англичанина за рукав и стала уговаривать: «Пойдем домой, Арнольд». Но он вырвался и спрашивает: «Ты с какого судна, приятель?» И потихоньку тянется за пивной бутылкой на стойке. «С „Клотильды“», – отвечает Уэсли, а я чувствую: он весь напрягся. «Поищи себе место на другом судне, сынок, – засмеялся англичанин. – Не думаю, что на „Клотильду“ теперь будет спрос». По-моему, этот смех Уэсли и доконал. Он вдруг рванулся, первым схватил бутылку и как шарахнет англичанина по башке. Англичанин упал, весь в крови, вокруг поднялся крик, а Уэсли – видели бы вы тогда его физиономию – принялся бить англичанина ногами. И где он научился так драться! Лупит ногами, подумать только! И хохочет как чокнутый. Я повис на нем, стал его оттаскивать, а он-то, наверное, даже не заметил. Рядом со столиком сидели двое полицейских в штатском, они его и схватили, но он одному двинул – тот с копыт. Тогда второй полицейский вытащил дубинку, саданул Уэсли по затылку, и на этом драка закончилась. Они выволокли Уэсли из бара и посадили в полицейскую машину; меня в машину не пустили, поэтому я со всех ног побежал в участок, а навстречу мне на полной скорости, с включенной сиреной и мигалкой промчалась «скорая помощь». В каком там виде сейчас этот англичанин? – вздохнул Дуайер. – Вот и все, – устало заключил он. – Пожалуй, все. Теперь вы понимаете, почему я позвонил вам в отель?

– Спасибо, что позвонили, – тоже вздохнул Рудольф. – Подождите здесь. Сейчас узнаю, как обстоит дело.

– Я бы пошел с вами, – сказал Дуайер, – только они еще больше разозлятся.

Расправив плечи, Рудольф вошел в полицейский участок. Глаза обожгло ярким светом, но зато там было тепло. Жаль, что он в мятом костюме, небрит и, по словам Гретхен, выглядит так, будто только что переспал с женщиной, а то бы он чувствовал себя куда уверенней. Он помнил также, что от него по-прежнему пахнет духами. Не так ты одет и не тем пахнешь, подумал он, подходя к высокой конторке, за которой, мрачно взирая на него, восседал толстый полицейский с выбритыми до синевы скулами.

Как расширяют кругозор путешествия, думал Рудольф, улыбаясь или надеясь, что улыбается полицейскому: любишься соборами, спишь с женой европейского офицера, плаваешь над судами, затонувшими во время войны, знакомишься с иноземными обычаями, чужими товарами и напитками, полицейскими участками, крематориями...

– Моя фамилия Джордах, – медленно произнес он по-французски. – Я американец... – Слышал ли полицейский о Лафайете, плане Маршалла, дне высадки союзников во Франции? Тогда можно рассчитывать на благодарность. Если, конечно, она существует. – По-моему, у вас здесь мой племянник Уэсли Джордах.

Полицейский ответил так быстро, что Рудольф его не понял.

– Говорите помедленнее, пожалуйста, – попросил он. – Я не силен во

французском.

– Приходите к восьми утра, – медленно произнес полицейский.

– Я бы хотел повидать его сейчас, – настаивал Рудольф.

– Я сказал – к восьми утра, – нарочито медленно повторил полицейский и для большей наглядности показал восемь пальцев.

Нет, ни о Лафайете, ни о дне высадки союзников полицейский явно не слышал.

– Может, ему нужна медицинская помощь? – спросил Рудольф.

– Он обеспечен самой лучшей медицинской помощью, – снова так же медленно ответил полицейский. – Приходите в восемь утра. По французскому времени. – И засмеялся.

– Здесь кто-нибудь говорит по-английски?

– Это полицейский участок, мсье, – сказал полицейский. – Вы не в Сорбонне.

Рудольфу хотелось спросить, нельзя ли взять племянника под залог, но он не знал, как это сказать по-французски. Ежегодно в Канн приезжают тысяч пятьдесят американских и английских туристов; неужели ни один из этих мерзавцев не мог взять на себя труд выучить английский язык?

– Я хотел бы поговорить с вашим начальником, – упорствовал он.

– В данный момент он отсутствует.

– Тогда с кем-нибудь еще.

– Кто-нибудь еще – это я. – Полицейский снова расхохотался. Потом нахмурился и сразу стал выглядеть более естественно. – Прошу вас уйти, мсье, – строго сказал он. – Будьте добры очистить помещение.

Не дать ли ему взятку? – подумал Рудольф. Но он уже этой ночью допустил ошибку, предложив деньги не там, где полагалось. Вторая ошибка может оказаться куда серьезнее.

– Идите, идите, мсье, – нетерпеливо взмахнул толстой рукой полицейский. – Я занят.

Потерпев поражение, Рудольф вышел на улицу.

– Ну что? – вскинулся Дуайер.

– Ничего, – ответил Рудольф. – Велели прийти в восемь утра. Пойдемте в какую-нибудь гостиницу. Нет смысла возвращаться в Антиб на два часа.

– Да, но я боюсь оставлять «Клотильду», – сказал Дуайер. – Сейчас, знаете, мало ли что... – Он не закончил мысли. – А утром я буду здесь.

– Как угодно, – отозвался Рудольф.

Он был так измочален, словно пробежал марафонскую дистанцию. Рано утром он позвонит антибскому адвокату. Он вспомнил старого Тедди Бойлана, семья которого владела кирпичным заводом в Порт-Филипе, где Рудольф родился. Тедди Бойлан, можно сказать, подружился с ним и в каком-то смысле помог ему получить образование. Тедди Бойлан советовал ему идти в адвокаты. «Миром правят адвокаты», – утверждал Бойлан. Отличный, наверное, совет для тех, кто стремится править миром. Когда-то и он был одним из них. Но теперь нет. Последуй он совету Бойлана и займись адвокатской практикой, разве посмел бы этот полицейский с синими щеками смеяться над ним и выставить

его из участка! И Уэсли не сидел бы сейчас за решеткой во власти полицейского, которого ударил в пьяной драке. А может, и Том был бы жив или по крайней мере умер при других, более приличных обстоятельствах. Ну и мысли лезут в голову в четыре часа утра!

Рудольф шел не спеша по пустынным улицам, на которых сейчас не было ни проституток, ни шулеров, ни машин «скорой помощи», в сторону отеля «Карлтон». Там он снимет номер и поспит несколько часов. А Дуайер найдет такси и доедет до «Клотильды».

Вот так, наверное, сотни раз чувствовал себя отец, когда его избивали и от боли он не мог пошевелиться, думал Уэсли, лежа на откидных нарах в камере. Мысль эта была чем-то ему приятна, она сближала его с отцом, чего не смогла сделать молитва в соборе. Он успокоился, остыл. Он был рад, что его оторвали от англичанина, и надеялся, что не убил этого сукина сына.

Если этот сукин сын не подойдет, дядя Руди вытащит его отсюда. Мистер Руди Джордах умеет улаживать любые неприятности. Уэсли поневоле улыбнулся, хотя улыбаться было жутко больно.

Однако улыбка быстро исчезла. Слишком уж недолго он знал своего отца. Кончились длинные беседы во тьме рубки. Они наверстывали упущенное за те годы, когда мать Уэсли, сбежав вместе с ним, перекидывала его из одной жуткой школы в другую и при этом рассказывала, что отец бросил их, удрал с какой-то дешевой шляхой, а может, уже и погиб, да это и немудрено, если жить так, как он, – пить, гулять, развратничать, драться, сорить деньгами и наживать себе врагов. Его мать за многое в ответе.

А сам он? Будь он тогда внимательнее, они не ударились бы о то плавающее бревно и им не пришлось бы возвращаться в Антиб на ремонт; шли бы сейчас вдоль побережья Италии, мимо Портофино, Эльбы, Сицилии, все внизу бы спали, а отец хриплым басом рассказывал бы ему про Клотильду Деверо, в честь которой названа их яхта, служанку в доме его дяди – толстого немца Харольда.

А если бы он, Уэсли, не спал как младенец, то услышал бы шаги на палубе – отец их слышал сквозь любой сон, как бы ни устал и как бы крепко ни спал, – и, поднявшись, увидел бы, что отец один отправляется спасать Джин Джордах; он пошел бы вместе с ним, а может, заставил бы отца вызвать полицию или по крайней мере был рядом – тогда югослав понял бы, что драться бессмысленно.

Кого я обманываю? – думал Уэсли. Не случись это здесь, случилось бы в Портофино, на Эльбе или на Сицилии. Все равно Джин Джордах впуталась бы в какую-нибудь историю и втянула бы остальных. Она с самого начала ему не понравилась, он так и сказал отцу. А отец ответил: «Верно, человек она нелегкий. Я бы на ней не женился, но Руди мыслит по-иному. Она богатая, красивая, неглупая. – Он пожал плечами. – Наверное, приходится расплачиваться за то, что имеешь богатую, красивую, неглупую жену». Только расплачиваться-то пришлось его отцу. Отец не боялся за собственную жизнь, был чересчур уверен в себе. «Мне самому много досталось из-за женщин. – И, чуть грустно усмехнувшись в темноте, рассказал сыну про близняшек из

Элизиума, штат Огайо, которые утверждали, что забеременели от него, когда его посадили в тюрьму по обвинению в изнасиловании несовершеннолетних. – Теперь-то я думаю, – философски добавил Том, – может, это было и поделом, хотя в ту пору я так не считал. Мне, наверное, следовало предостеречь тебя, но ты бы вряд ли стал слушать, а, Уэсли?»

«Да я более или менее осторожен», – ответил Уэсли. Он уже в двух плаваниях имел дело с дамами, мужья которых тоже были на борту, о чем, он не сомневался, отец прекрасно знал.

«По-моему, тебе это дело нравится», – сухо заметил Том.

«Как всякому», – отозвался Уэсли.

«Мне тоже», – признался Том. Потом он стал вспоминать о мальчике, вместе с которым поджег крест на лужайке у дома Бойлана и который потом его выдал; о своем менеджере Шульце; о человеке, у которого он шантажом выманил пять тысяч долларов в Ревир-клубе; о Фальконетти, которого он высмеял в присутствии двадцати семи членов команды судна и довел до самоубийства. Он рассказывал о них обо всех, чувствуя, что подросток, истосковавшийся по отцу и наконец обретший его, может составить о нем ложное, идеализированное представление, которому он, Том, не в силах соответствовать, а потому должен скорректировать его, чтобы избавить сына от неизбежного и горького разочарования.

Его советы отличались практичностью: «Ты любишь море, вот и свяжи с ним свою жизнь. Тут и работа, и можно отдохнуть, и разнообразие, а не одно и то же все время, и ты на свежем воздухе. Рано или поздно у тебя будет „Клотильда“, а то и что-нибудь получше. И ты уже будешь знать про свое судно все-все и с удовольствием за ним ухаживать, как мы с Дуайером. И я советую тебе не путаться с пассажирками. – Том усмехнулся. Может, отцу и не положено говорить о таких вещах, но он не мог промолчать, видя повышенный интерес Уэсли к сексу. – Действуй самостоятельно, потому что нет хуже западни, чем вкалывать на другого. Изучи все. Сверху донизу. Тебе есть у кого учиться: у меня, у Кролика, у Кейт. Не экономь на оборудовании. Если тебе по какой-либо причине не по душе человек, которого ты нанял, ссади его в первом же порту. Если ты нашел у пассажира наркотики, выбрось их за борт без разговоров. По возможности не пей с пассажирами. Захочешь – вполне сможешь выпить на свои. Не жмотничай. Это сразу становится известно. Если тебе не нравится, как выглядит море, иди в порт и не слушай, что кто-то там опаздывает в Рим, Канн или Афины на важную деловую встречу или на свидание с девицей. Не ввязывайся в склоки. Не отступай, но сам на рожон не лезь...»

Надо было записать все это на пленку, подумал Уэсли, и каждый вечер перед сном прослушивать.

«Держи на борту оружие. На всякий случай. Под замком. Вдруг пригодится». Вот оно – завещание отца: «Не экономь на оборудовании и держи оружие при себе».

А где держат оружие на «Клотильде»? Кролик, наверное, знает, но черта с два скажет. Когда оно понадобилось, его под рукой не оказалось.

Отец продолжал что-то говорить во тьме, отгороженной решеткой. Голос его был спокойным, даже веселым, но слова стали неразборчивыми.

В затылке у Уэсли застучало, голос отца стихал, как звук буя, оставшегося в тумане за кормой, и он заснул.

5

Из записной книжки Билли Эббота (1968):

«У меня слабость к моему отцу, ибо он в свою очередь человек слабый. Его я простил. А вот к матери я слабости не испытываю, ибо она сильная женщина, и ее я не прощаю. Пусть археолог, которому суждено раскапывать руины Брюсселя в следующем столетии, поразмыслит над этим. Мы все часто думаем о своих родителях. А я – о своих двух отцах. Уильям Эббот, мой родной отец, был и, наверное, поныне остается веселым и очаровательным бездельником.

Колин Берк, второй муж моей матери, был блестящим, эгоистичным, талантливым человеком; он умел заставить актеров работать в полную силу, и экран у него полыхал огнем. Я любил его, восхищался им и мечтал, когда вырасту, стать таким же, как он. Не получилось. Я вырос похожим, к сожалению, на Вилли Эббота, хотя и лишен некоторых присущих ему привлекательных качеств. Его я тоже любил.

Сколько раз я укладывал его в постель пьяным.

Сегодня я на пари сыграл пять партий в теннис и все выиграл».

Он снова съездил в Ниццу в консульство, дважды побывал в тюрьме в Грасе, куда перевели Уэсли, и трижды ходил к адвокату. Консул смущался, но не мог посоветовать ничего определенного, а адвокат кое в чем помог. Чего не скажешь об Уэсли – этот молчал, раскаяния не испытывал, физически чувствовал себя неплохо и больше интересовался не собственной участью, а участью соседей по камере, один из которых воровал драгоценности, другой предъявлял краденые чеки, а третий занимался подделкой произведений искусства. Со времени ареста Уэсли не брился, оброс светлой густой щетиной и стал похож на волка; среди преступников он нисколько не выделялся. Когда он вошел, в маленькой комнате, где Рудольфу разрешили с ним побеседовать, запахло как в клетке у дикого зверя, которую плохо чистят. Этот запах перенес Рудольфа в прошлое, в комнату над пекарней, в постель, которую он делил с Томом, когда оба были подростками и когда Том являлся домой за полночь после драк на улице. Он вынул носовой платок и сделал вид, что сморкается; Уэсли, усмехаясь углом рта, уселся напротив него за некрашенным, поцарапанным столом старой провансальской работы, любезно предоставленным в их распоряжение полицией славящегося своими цветами города Граса.

Рудольф сделал серьезное лицо, чтобы мальчишка понял всю нешуточность своего положения. Полиция через адвоката дала Рудольфу знать, что случай этот непростой – пивную бутылку можно считать и опасным

орудием – и что Уэсли в лучшем случае придется просидеть в тюрьме не меньше нескольких недель.

Рудольф также не раз звонил в Нью-Йорк своему адвокату Джонни Хиту, который сказал, что если он сумеет отделаться от французов, то дела Тома, по всей вероятности, можно будет уладить в Нью-Йорке – последнем, насколько известно, местожительстве покойного в Соединенных Штатах, – но что на это потребуется немало времени.

Нам суждено утонуть в бумагах, думал Рудольф. Он слушал разглагольствования Джонни Хита о том, что, скорее всего, суд назначит Кейт Джордах, жену покойного, несмотря на ее английское подданство, администратором наследства и что одна треть состояния, по всей вероятности, достанется ей, а две трети – сыну, хотя ее беременность осложняет дело, – и ему представлялось, как «Клотильда» со всеми пассажирами на борту идет ко дну в океане судебных документов, постановлений и распоряжений. Сыну, поскольку он несовершеннолетний, до восемнадцати лет положен опекун, и почему бы Рудольфу, как самому старшему и близкому из родственников мужского пола, не взять на себя эту обязанность? Имущество покойного, вероятно, придется ликвидировать, чтобы заплатить налог на наследство, а это значит, что в течение года «Клотильда» должна быть продана. Но, предупредил Хит, пока он ничего определенного сказать не может, необходимо кое с кем проконсультроваться.

Рудольф не сказал Уэсли о своих беседах с Хитом. Он просто спросил, не обижают ли его и что ему нужно. Уэсли равнодушно ответил, что к нему относятся как ко всем и что ему ничего не нужно. Непонятный молодой человек, возмущался Рудольф, и всегда он почему-то враждебно настроен. Из-за этого свои визиты в тюрьму Рудольф старался по возможности сократить.

Но когда он, усталый, возвращался в отель, его ждал не лучший прием. Даже худший, по правде говоря. Джин совсем перестала сдерживаться. Она рвалась домой, требовала, чтобы ее, как она выражалась, выпустили на свободу – вероятно, впервые за всю историю отель «Дю Кап» назвали тюрьмой. Почему-то она вбила себе в голову, что ее отъезд задерживается по вине Рудольфа, и, сколько он ни твердил ей, что ее паспорт в полиции, а не у него, она по-прежнему билась в истерике.

– Черт бы побрал твоего кретина брата! – кричала она во время последней ссоры. – Чего он полез в чужие дела? Ну изнасиловали бы меня. Подумаешь! Не первый случай с американкой во Франции. Зато я уже давно была бы дома.

От ее пронзительного голоса у него зазвенело в ушах, а перед глазами на мгновение предстала та Джин, какой она была, когда они только поженились: живая, хорошенькая, неистовая в любовных утехах, которым они предавались после полудня в выходившей на море комнате (не в той ли самой комнате она спит и сейчас?). Рудольф вспомнил, как Джин призналась, что она, которую он до свадьбы считал бедной труженицей, гораздо богаче его, и предложила купить ему яхту... Нет, лучше не вспоминать.

Узнав, что Уэсли чуть не убил человека. Джин окончательно решила, что

причина всей трагедии не в ее пьянстве и психической неуравновешенности, а в присущей всем Джордахам тяге к насилию.

– Так или иначе, – визжала она, – со мной или без меня, с такими характерами оба они, твой братец и его сын, с самого начала были обречены. Это у них в крови.

Гретхен, вспомнилось ему, сказала почти то же самое, и он из-за этого с ней поругался. Он видел Уэсли в тюрьме. В жилах Уэсли текла кровь не одних только Джордахов. Он вспомнил Терезу – его мать, вечно хмурую, с жестким взглядом и соблазнительной фигурой. Кто знает, от каких сицилийских бандитов унаследовано это зловоние, эта волчья ухмылка? Вину, если это и вправду вина, следует разделить по справедливости.

– И про твоего отца-психопата я знаю, – кричала Джин, вспоминая и его запятнанных преступлением предков-немцев. – Удивительно, как это тебе и твоей любимой сестрице удалось так долго продержаться на этом свете. Кстати, о твоей сестре – как умер ее муж?! Его тоже убили!..

– Он погиб в автомобильной катастрофе, – попытался вставить Рудольф. – Пятьдесят тысяч человек в год...

– Убили, – упорствовала Джин. – Страшно даже подумать, какая жизнь ждет ребенка, у которого такой отец, как ты...

Ее нападки делали Рудольфа беспомощным. Он чувствовал себя уверенно, когда мог рассуждать логически, но отсутствие логики вселяло в него страх, смущало его, обезоруживало. Когда он вышел из комнаты. Джин бросилась лицом вниз на кушетку и, как ребенок, колотя кулаками по подушкам, зарыдала:

– Хочу домой, хочу домой...

Гретхен молчала, но тоже становилась все более и более беспокойной. Ее ждала работа, ей звонил из Нью-Йорка мужчина, красоты Лазурного берега давно утратили для нее свою привлекательность, и Рудольф понимал, что она не уезжает только из добрых чувств. Еще один долг.

Как-то раз, когда они остались одни, она тихо спросила:

– Руди, а тебе не приходило в голову просто выйти из игры?

– То есть?

– Бросить все. Ведь ты тут ни при чем. Собраться и уехать. А они, так или иначе, и без тебя не пропадут.

– Нет, – рассердился он, – мне это не приходило в голову.

– Восхищаюсь тобой, братец, – сказала Гретхен, но в тоне ее никакого восхищения не слышалось. – Восхищаюсь тобой и удивляюсь.

– Ты ведь тоже, между прочим, можешь уехать.

– Знаю, – отозвалась она. – И вовсе не намерена оставаться здесь до скончания века. А ты, если нужно, наверное, останешься.

– Если нужно. – Его не ждала работа, никто не звонил ему из Нью-Йорка.

– И еще – мне жаль тебя, братец, – добавила Гретхен. – А теперь пойду-ка я лучше к морю, понежусь на солнышке.

Кейт пока не звонила ему из своего отеля, и Рудольф был благодарен ей за это. Но он со страхом ждал минуты, когда придется пойти к ней и рассказать, что следует делать и что это для нее означает.

Бедный Кролик Дуайер, думал он, в очередной раз медленно шагая по узким улочкам старого города к конторе адвоката. Бывший компаньон, бывший партнер – ему ничего не полагается ни по закону, ни по обычаю: дружба и многолетняя совместная работа весят меньше пушинки на весах Фемиды.

Единственное, что поддерживало душевное равновесие Рудольфа, – это два вечера, проведенных в отеле с Жанной. Никаких проблем, никаких железных оков любви или долга – только бездумное наслаждение, позволяющее забыться в полумраке комнаты, снятой на час-другой в чужом городе.

Не из-за этих ли двух необыкновенных вечеров в Ницце он на самом деле готов остаться здесь навсегда? Из-за игры в двойной адюльтер? И не потому ли им восхищаются и его жалеют, что он способен на ложь?

По мере приближения к конторе адвоката поступь его делалась тяжелее, а от яркого солнца он весь взмок.

Контора адвоката помещалась в его собственном доме у крепостного вала, где из двух скромных каменных жилищ, в которых некогда обитали антибские рыбаки, был сооружен великолепный современный особняк; нынешним его хозяевам ни разу не приходилось забрасывать сеть, садиться на весла или бороться со штормом. Вот пример того, думал Рудольф, как вопреки распространенной экономической доктрине не бедность следует за богатством, а наоборот. Во всяком случае, богатые нынче захватывают хорошие участки, случайно доставшиеся беднякам в те далекие времена, когда они были первыми гражданами города, отражали набеги пиратов, вражеский огонь и натиск стихии.

Кабинет адвоката выглядел внушительно: шкафы со сводами законов в переплетах из телячьей кожи, навощенная элегантная темная мебель восемнадцатого века и широкое окно, смотревшее прямо на море, плещущееся о стены крепостного вала. Адвокат не уступал во внушительности своему кабинету. Это был превосходно одетый пожилой, но еще прямо державший спину лысый человек с большим носом, острым подбородком и грустными глазами. Крупные ухоженные руки были испещрены коричневыми пятнами. Можно понять его грусть, думал Рудольф, пожимая руку старика, если представить себе, через что ему пришлось пройти, прежде чем он стал хозяином этого кабинета.

– У меня для вас весьма важные новости, – сказал адвокат, когда Рудольф уселся напротив него за большим полированным письменным столом. Он говорил по-английски медленно, но правильно. Он провел годы войны в Англии, о чем не преминул сообщить Рудольфу. Голос у него был сочный. – Прежде всего относительно вашей супруги. Ее паспорт у меня. – Он открыл ящик стола, слегка нагнулся, вынул паспорт и толкнул по столу в сторону Рудольфа. – Полиция нашла Дановича, человека, которого им хотелось

допросить более подробно. Меня уверили, что допрос был проведен... э-э... с пристрастием. Полиция неоднократно арестовывала Дановича за различные преступления, но, к сожалению, ни разу до суда дело не доходило. Кроме того, его алиби оказалось неопровержимым. Весь день он провел в Лионе у зубного врача. Что подтверждается записью в книге регистрации пациентов.

– И что это значит?

– Это значит, – пожал плечами адвокат, – пока полиция не докажет, что либо зубной врач лжет, либо у Дановича были сообщники, которым он поручил, приказал или с которыми сговорился совершить убийство, арестовать его нельзя. На данный момент улики против него нет. Полиции, разумеется, хотелось бы продолжить допрос, но в настоящее время у них нет оснований для задержания Дановича. Если, конечно... – Он умолк.

– Если что?

– Если ваша супруга не пожелает обвинить его в попытке изнасилования.

Рудольф застонал. Он знал, что Джин ни за что не пойдет на это.

– У моей жены одно желание, – сказал он. – Уехать домой.

– Я ее вполне понимаю, – кивнул адвокат. – И кроме того, у нее нет свидетелей.

– Единственным свидетелем был мой брат, – сказал Рудольф, – но его уже нет в живых.

– В таком случае, по-моему, вашей супруге лучше как можно скорее уехать домой. Могу представить себе, каким испытанием...

Нет, не можешь, старина, подумал Рудольф, даже на минуту не можешь. Он думал скорее о себе, чем о Джин.

– Кроме того, при обвинении в изнасиловании виновность очень трудно доказуема, – заметил адвокат. – Особенно во Франции.

– В Америке тоже, – отозвался Рудольф.

– Это одно из тех преступлений, где закон не всегда оказывается на высоте, – улыбнулся старик. Он уже давно привык к несправедливости.

– Она завтра же улетит отсюда, – сказал Рудольф.

– Теперь... – адвокат любовно погладил сверкающую поверхность стола, в которой его белая рука отражалась бледным пятном; с одной проблемой было тактично покончено, – по поводу вашего племянника. – Он искоса взглянул на Рудольфа; вокруг его бесцветных глаз бугрилась желтоватая сморщенная кожа. – Он не отличается общительностью. По крайней мере со мной. И, по правде говоря, с полицией тоже. На допросе отказался объяснить причину своего нападения на человека в баре. Может, он вам что-нибудь сказал? – Снова тот же хитрый стариковский взгляд искоса.

– Мне – нет, – ответил Рудольф. – Кое-что я знаю, но... – Он пожал плечами. – Но на суде это не будет иметь никакого значения.

– Итак, защиты нет. Смягчающие вину обстоятельства отсутствуют. А нападение с применением силы во французском законодательстве рассматривается как весьма серьезное преступление. – Адвокат тяжело дышал. Либо астма, подумал Рудольф, либо таким манером он выражает свою гордость за цивилизацию во Франции, где удар пивной бутылкой считается чрезвычайно

серьезным преступлением, в то время как американцы, по примеру первых поселенцев, до сих пор лупят друг друга чем попало, притом безнаказанно. – К счастью, – продолжал адвокат, отдышавшись, – англичанин вне опасности. Через несколько дней он выйдет из больницы. У него тоже было несколько стычек с местной полицией, потому вряд ли он обратится к правосудию. Кроме того, *juge d'instruction*,²⁸ приняв во внимание возраст юноши и недавно постигшую его утрату, по соображениям гуманности распорядился в течение восьми дней доставить его либо к ближайшей границе, либо в аэропорт. Извините, так говорится по-французски, это значит в течение недели. – Адвокат снова улыбнулся, не чая души в своем родном языке. – Не спрашивайте меня почему. – Он опять погладил стол, Рудольф услышал легкое сухое шуршание. – Если юноша пожелает вернуться во Францию, чтобы продолжить образование, например... – Он негромко засопел в носовой платок, тем самым вежливо давая понять, что, по его мнению, спрос на образование в Америке не так уж велик. – Через год-другой, я уверен, все это забудется, и я помогу ему получить разрешение на въезд.

– Рад слышать, – отозвался Рудольф. – По словам его отца и мистера Дуайера, ему здешняя школа нравилась, и он очень хорошо учился.

– Ему следовало бы продолжать образование в лицее, пока он по крайней мере не получит *baccalaureat*.²⁹ Без этого в наши дни не обойтись.

– Я подумаю об этом. И, конечно, поговорю с мальчиком.

– Превосходно, – сказал старик. – Надеюсь, мой друг, вы согласитесь, что я служил вам верой и правдой и, позволю себе заметить, употребил то небольшое влияние, которым пользуюсь в этой... этой... – он впервые не сумел припомнить английского слова, – в этом *rayon*,³⁰ в этом районе побережья, на благое дело.

– Очень вам признателен, метр, – поблагодарил его Рудольф. По крайней мере он хоть знает теперь, как полагается обращаться к французскому адвокату. – А как это все будет осуществлено? Каким образом его доставят на границу? – Он нахмурился. – Я спрашиваю потому, что никого из моих знакомых еще никогда не доставляли на границу.

– Пустяки, – отмахнулся старик. Для него это было самое обычное дело. – Если вы ровно через неделю явитесь в аэропорт Ниццы с билетом для юноши, то его привезут туда в сопровождении инспектора полиции, который и поможет посадить его в самолет, отбывающий за границу. Если угодно, в Соединенные Штаты. Поскольку инспектор будет в штатском, то никакого любопытства это не вызовет – его примут за дядю или за друга семьи, который пришел

---

²⁸ Судебный следователь (фр.).

²⁹ Степень бакалавра (фр.).

³⁰ Крае (фр.).

проводить мальчика и пожелать ему *bon voyage*.³¹

– Мальчику сказали об этом? – спросил Рудольф.

– Я лично поставил его в известность сегодня утром, – ответил адвокат.

– Что он сказал?

– Как всегда, ничего.

– Он выглядел довольным или огорченным? – допытывался Рудольф.

– Ни довольным, ни огорченным.

– Понятно.

– Я взял на себя смелость поинтересоваться расписанием американских авиакомпаний, которые обслуживают Ниццу. Самым удобным, по-моему, был бы самолет, вылетающий в десять тридцать утра.

– Я буду в аэропорту, – сказал Рудольф. Он взял паспорт Джин и положил его в карман.

– Я должен сделать вам комплимент, мсье Джордах, – добавил старик. – Я восхищен тем, как спокойно, по-джентльменски уравновешенно вы держались во время этих ужасных событий.

– Благодарю вас. – Стоит мне выйти из его красивого кабинета, думал Рудольф, как я утрачу все свое спокойствие и сразу перестану быть по-джентльменски уравновешенным. Он начал подниматься и вдруг почувствовал, что у него кружится голова и он вот-вот потеряет сознание. Чтобы не упасть, ему пришлось опереться рукой о стол.

– Чересчур плотный обед? – удивленно посмотрел на него старик.

– Я еще не обедал. – Он не обедал уже семь дней.

– За здоровьем нужно следить, – сказал старик, – особенно за границей.

– Дать вам мой адрес в Соединенных Штатах, – спросил Рудольф, – чтобы вы могли прислать мне счет за оказанные услуги?

– В этом нет необходимости, мсье, – спокойно ответил старик. – Мой клерк уже все сделал, счет ждет вас в приемной. И не утруждайте себя возней с франками. Меня устроят и доллары, если вы будете любезны переслать чек в женеvский банк, адрес которого указан в счете.

Старый адвокат, чья внешность внушала почтение, а профессиональные качества заставляли снять перед ним шляпу, владелец кабинета с мебелью восемнадцатого века и видом на море, а также не подлежащего обложению налогом счета в швейцарском банке, медленно, помня о своих преклонных летах, поднялся с места, пожал Рудольфу руку и проводил его до дверей со словами:

– *Enfin*³² позвольте мне еще раз выразить соболезнование вам лично и вашей семье. Я надеюсь, что все случившееся не помешает вам в будущем вновь посетить этот прекрасный уголок земного шара.

---

³¹ Счастливого пути (фр.).

³² И в заключение (фр.).

Начнем с самого главного, думал Рудольф. Он вышел из конторы адвоката и зашагал к порту. Путь его лежал вдоль крепостного вала, мимо музея Гримальди с картинами Пикассо. Прежде всего надо покончить с дурными новостями, то есть повидать Дуайера и Кейт. Он обязан рассказать им о вчерашней беседе с Хитом. Хорошо бы сразу обоим, чтобы не было никаких недоразумений, никаких подозрений в тайном сговоре. А потом он пойдет к Джин и Гретхен с хорошими новостями, объявит им, что они могут ехать домой. Перспектива встречи со всеми этими людьми его не радовала. Потом придется еще раз побывать в тюрьме – следует решить, где, как и с кем Уэсли будет жить в Америке. Эта беседа – самая трудная. Хорошо бы мальчишка побрился. И принял душ.

Рудольф остановился и посмотрел на море. На другой стороне залива Ангелов лежала Ницца. Залив Ангелов. Французы не очень-то раздумывают при выборе названий. Например, Антиб. Греческие поселенцы назвали его Антиполис, то есть «Напротив города». Какого города? До Афин нужно было плыть тысячу миль на галере. Может, греки скучали по дому? Он сам ни по какому дому не скучал. Счастливые греки! Какие были тогда законы? Что, по мнению тогдашних неподкупных судей, было бы справедливым наказанием мальчишке, который в таверне ударил человека по голове пивной бутылкой?

Вокруг него даже на узкой, выложенной камнем дороге, идущей вдоль крепостного вала, бурлило движение. Когда-то Антиб был сонным, позабытым богом и людьми городишком, теперь же стал прибежищем фаворитов или жертв двадцатого века, убежавших от зимы в теплые края, чтобы жить здесь и работать, а не только играть в рулетку. Цветы и легкая промышленность. Он сам был человеком севера, но не отказался бы провести несколько лет на юге. Не случись то, что случилось, он мог бы уютно здесь устроиться и жить тихо и незаметно, с облегчением, как это делают некоторые, удалившись от дел в неполные сорок лет. Элементарное знание французского языка у него есть – с Жанной-то он разговаривает, мог бы еще подзаняться, научился бы читать Виктора Гюго, Жида, Кокто, новых писателей, стоящих того, чтобы их читали, ездил бы в Париж в театры. Мечты. Он может жить в любом месте, но только не в этом прекрасном уголке, где все будет напоминать о случившемся.

Он снова зашагал вдоль крепостного вала по направлению к порту. Он попросит Дуайера найти Кейт, и они посидят в кафе, потому что Кейт сказала, что больше не хочет видеть «Клотильду». Может, конечно, теперь она передумала, ибо не отличалась сентиментальностью, но уж он-то, во всяком случае, ее принуждать не будет.

Как раз у входа в порт было небольшое кафе для моряков. За крошечным столиком на террасе сидели Дуайер и спиной к Рудольфу какая-то женщина. Он окликнул Дуайера, женщина повернулась, и он узнал Кейт. Она похудела, а может, так кажется из-за черного платья. Ореховый загар ее поблек, волосы причесаны небрежно. Он почувствовал приступ гнева или чего-то похожего. Знает же, что он изо всех сил старается ей помочь, и даже не потрудились известить его, где живет, а теперь сидит с Дуайером на солнышке – точно муж с женой обсуждают свои дела. Она встала, чтобы поздороваться, и Рудольф

смутился.

– Можно присесть к вам на минутку? – спросил он. Разные бывают минутки.

Дуайер молча придвинул стул от соседнего столика. Он был, как всегда, в белом свитере с короткими рукавами и названием яхты на груди, на загорелых руках боксера легчайшего веса играли мускулы. Траур был у него в душе.

– Что будете пить? – спросил Дуайер.

– А вы что пьете?

– Пастис.

– Нет, это не для меня, – отказался Рудольф. – Можно мне рюмку коньяку?

Дуайер пошел в кафе за коньяком. Рудольф посмотрел на Кейт. Она сидела напротив него неподвижно, с бесстрастным лицом. Словно мексиканская крестьянка, подумал Рудольф, которая, покончив с делами, присела на солнце у стены хижины в ожидании возвращения мужа с поля. Кейт опустила глаза, не хотела смотреть на него, окружила свои несложные мысли глинобитной стеной. Он ощутил ее неприязнь. Не был ли прощальный поцелуй перед ее уходом с «Клотильды» лишь насмешкой? Или он был искренним, от всего сердца, и потом она об этом пожалела?

– Как Уэсли? – спросила она, по-прежнему не поднимая взгляда. – Кролик мне обо всем рассказал.

– Ничего. Ему разрешили через неделю покинуть Францию. Скорей всего, он вернется в Штаты.

Она кивнула.

– Так я и думала. – Голос ее был тихим и безучастным. – Для него это лучше. Нечего ему здесь болтаться.

– Напрасно он затеял эту драку, – заметил Рудольф. – Такая глупость! Не понимаю, что на него нашло.

– Может, он прощался с отцом, – предположила Кейт.

Рудольфу стало стыдно за свои слова, и он промолчал. Он чувствовал себя так, как в тот день, когда, выйдя из консульства, плакал прямо на улице. Не мокрые ли у него щеки и сейчас?

– Вы знаете его лучше меня, – наконец отозвался он и решил переменить тему. – А вы-то сами как? – спросил он, стараясь говорить с участием.

Она сердито хмыкнула.

– Неплохо, насколько это возможно, – ответила она. – Кролик составляет мне компанию.

Может, им пожениться, подумал Рудольф. Они люди одного толка. Прошли одну и ту же суровую школу. Составляют друг другу компанию, как она выразилась.

– А я надеялся, что вы позвоните, – солгал он.

Она подняла глаза, посмотрела на него.

– Я знала, где вас разыскать, – ровным тоном сказала она, – если б хотела с вами попрощаться.

Кролик принес коньяк и еще два пастиса. Рудольф смотрел, как они подливают в рюмки воду и пастис становится желтовато-молочным.

– Выпьем за... – Рудольф машинально поднял рюмку. Замолчал, неуверенно рассмеялся. – Нет, пожалуй, не за что. – Коньяк оказался крепким, и Рудольф чуть ойкнул, почувствовав, как ему обожгло горло. – Есть новости, о которых, мне представляется, вам следует знать... – Перестань говорить так, будто выступаешь перед членами правления, укорил он себя. – Хорошо, что я застал вас обоих вместе... – И постарался как можно доступнее объяснить значение того, что сказал ему Хит. Они слушали вежливо, но равнодушно. Он чуть не закричал: «Неужели вас не интересует ваше собственное будущее?»

– Мне не хочется быть этим, как его... – тихо сказала Кейт.

– Администратором наследства. – Хит предупредил его, что выбор судьи падет, по-видимому, именно на нее.

– Администратором наследства, – повторила Кейт. – Я в этом ничего не понимаю. И кроме того, я собираюсь вернуться в Англию. В Бат. Там у меня мама, я смогу получить на ребенка пособие, а когда устроюсь на работу, мама будет его нянчить.

– На какую работу? – спросил Рудольф.

– Я была официанткой в ресторане, пока не откликнулась на зов моря, – усмехнулась Кейт. – Официантки всегда нужны.

– Когда дела покойного будут улажены, – заметил Рудольф, – останутся деньги. Вам не обязательно работать.

– А что мне тогда делать? – спросила Кейт. – Весь день смотреть телевизор? Нет, я не умею зря копить небо. – Тон ее был вызывающим, она явно намекала, что считает и его самого, и его женщин такими небокопителями. – А если останутся кое-какие деньги – не думаю, что много, после всех этих адвокатов и прочих, – я отложу их на образование ребенка. Получит образование, так ей, если будет девочка, может, не придется, как ее мамаше, прислуживать за столом или гладить дамам платья в судовой прачечной.

Спорить с ней было бесполезно.

– Если вам что-нибудь понадобится, – уже ни на что не надеясь, предложил он, – пожалуйста, дайте мне знать.

– Мне ничего не понадобится, – сказала она, снова опустив глаза и вертя в руках рюмку.

– Как знать, – отозвался Рудольф. – Вдруг вам захочется побывать в Америке?

– Меня Америка не интересует, – упорствовала она. – В Америке надо мной будут смеяться.

– А повидаться с Уэсли?

– Пожалуй, – согласилась она. – Но если ему захочется меня видеть, из Америки в Лондон каждый день летают самолеты.

– Тем не менее, – продолжал Рудольф, стараясь, чтобы в его голосе не было слышно умоляющих ноток, – пока наследственные дела не закончены, вам наверняка понадобятся деньги.

– Нет, – отрезала Кейт. – У меня есть сбережения. Я заставляла Тома платить мне жалованье, как и прежде, хотя мы уже спали в одной постели и

решили пожениться. Я ему говорила: любовь – это одно, а работа – другое. – После этой гордой декларации своего понимания жизни она наконец подняла рюмку и сделала несколько глотков.

– Как угодно. – Рудольф не мог скрыть раздражения. – Вы так говорите, будто я ваш злейший враг.

Она уставилась на него пустыми глазами мексиканской крестьянки.

– Разве я сказала вам что-нибудь такое, из чего можно заключить, что я считаю вас своим врагом? Вот Кролик не даст соврать.

– Я, по правде говоря, не очень-то прислушивался, – смущенно отозвался Дуайер. – И ничего сказать не могу.

– А вам? – Рудольф повернулся к нему. – Вам тоже не нужны деньги?

– Я всегда умел экономить, – ответил Дуайер. – Том часто дразнил меня жмотом и сквалыгой. Спасибо, но деньги у меня есть.

Потерпев полное поражение, Рудольф допил коньяк.

– Дайте мне хоть свой адреса, – попросил он. – Чтобы я мог поддерживать с вами контакт.

– Оставьте здесь, в порту, адрес Уэсли, – сказала Кейт. – Я буду сюда писать время от времени, и ему перешлют открытку. Должна же я сообщить ему – брату него или сестра.

– Я еще не знаю, где будет Уэсли, – сказал Рудольф. Он охрип. У него саднило в горле от коньяка и от усилий, которые пришлось приложить для беседы с этими упрямыми. – Пишите на мой адрес, а я постараюсь передать письмо ему.

Кент долго смотрела на него, потом снова поднесла рюмку ко рту и сделала несколько глотков.

– Мне бы не хотелось, чтобы ваша жена читала мои письма, – заявила она, ставя рюмку на стол.

– Моя жена не вскрывает адресованных мне писем, – ответил Рудольф. Он уже с трудом сдерживался.

– Слава богу, хоть на это у нее хватает порядочности, – отозвалась Кейт, и в глазах у нее зажегся зловещий огонек. Или ему показалось?

– Я пытаюсь лишь помочь, – устало сказал Рудольф. – Я чувствую себя обязанным... – Он замолчал, но было уже поздно.

– Очень вам признательна, – ответила Кейт, – но мне вы ничем не обязаны.

– Пожалуй, не стоит говорить об этом, мистер... Руди, – вмешался Дуайер.

– Ладно, не будем. Я пробуду в Антибе еще по меньшей мере неделю. Когда вы возвращаетесь в Англию, Кейт?

Кейт разгладила платье на коленях.

– Как только соберу вещи.

Рудольфу вспомнился ее единственный потрепанный чемодан из искусственной кожи, который вынес с «Клотильды» Уэсли. Чтобы собрать вещи, ей, наверное, потребуется минут пятнадцать, не более.

– Сколько, по-вашему, это займет времени? – терпеливо переспросил Рудольф.

– Трудно сказать, – ответила Кейт. – Неделю. Две. Мне нужно кое с кем

попрощаться.

– Но у меня по крайней мере должен быть ваш адрес, – не сдавался Рудольф. – Вдруг понадобится подписать у нотариуса какую-нибудь бумагу...

– Кролик знает, где я живу, – ответила она.

– Кейт, – тихо сказал Рудольф, – я хочу быть вашим другом.

– Дайте мне время, – кивнув, сурово отозвалась она.

Тогда, в кают-компании «Клотильды», она просто ничего не чувствовала, а потому и поцеловала его на прощание. За эту неделю она озлобилась. Но разве она виновата?

– А вы? – повернулся Рудольф к Дуайеру. – Сколько вы пробудете в Антибе?

– Вам это лучше знать, Руди, – ответил Дуайер. – Я буду на «Клотильде», пока меня не прогонят. На днях привезут новый вал и новый винт, потом ей придется постоять в доке дня три, самое меньшее, если, конечно, к тому времени выплатят страховку... Знаете что: если хотите сделать доброе дело, помогите получить страховку, а? На них надо нажать, иначе они будут тянуть без конца. А вы лучше меня умеете с ними разговаривать. Поэтому если...

– Идите вы к черту с вашей страховкой, – не выдержал наконец Рудольф. – Сами ею занимайтесь.

– Не к чему кричать на Кролика, – спокойно заметила Кейт. – Он просто хочет привести судно в порядок, чтобы, когда будете продавать, оно не казалось трухлявой посудинной.

– Извините, – сказал Рудольф. – У меня за это время было столько всего...

– Конечно, конечно, – согласилась Кейт. По тону не поймешь, всерьез она говорит или иронизирует.

– Мне пора в отель, – Рудольф встал. – Сколько я должен?

– Да что вы, что вы? – заспешил Дуайер. – Я заплачу.

– Буду держать вас в курсе дела, – пообещал Рудольф.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответил Дуайер. – Мне бы хотелось повидаться с Уэсли перед отъездом.

– Тогда вам придется приехать в аэропорт, – сказал Рудольф. – Его привезут туда прямо из тюрьмы. В сопровождении полицейского.

– Французские полицейские! – усмехнулся Дуайер. – Из их рук нелегко выбраться. Передайте Уэсли, что я буду в аэропорту.

– Всего вам хорошего, – попрощался Рудольф. – Будьте здоровы.

Они ничего не ответили, сидели молча – рюмки стояли на столе, – теперь уже в тени, потому что солнце, уходя на запад, скрылось за зданием на другой стороне улицы. Рудольф помахал им рукой и зашагал к туристскому агентству, чтобы купить три билета на завтрашний рейс.

Муж с женой – им и вправду следовало бы пожениться. «Что со мной такое? – с горечью размышлял он, проходя мимо антикварных магазинов, сырных лавок и газетных киосков. – Откуда у меня такая уверенность, что я могу обо всех заботиться? Решительно обо всех. Я похож на глупую гончую на собачьих бегах. Как только я чую ответственность – мою, не мою, любого человека, – я начинаю гнаться за ней, как собака гонится за механическим

зайцем, даже если заранее знает, что не может его поймать. Какой болезнью я заразился еще в молодости? Суетностью? Тщеславием? Боязнью не понравиться окружающим? Это что, вместо религии? Хорошо, что мне не пришлось участвовать в войне: меня убили бы в первый же день собственные солдаты, застрелили бы за то, что помешал им отступить или вызвался пойти за боеприпасами для попавшего в засаду орудия. В следующем году, – наказал он себе, – надо будет научиться посылать всех и каждого подальше».

6

Из записной книжки Билли Эббота (1968):

«Моника меня сегодня сбила с толку. Она проверяла текст речи, которую переводила с французского на английский, и вдруг, подняв глаза, сказала: „Я только что заметила, что и в английском и во французском языках, да и в большинстве других тоже, глаголы „иметь“, „быть“, „идти“ и „умереть“ все неправильные. Из них лишь глагол „умереть“ спрягается более или менее по правилам. А это значит, что человечество чувствует себя неуверенно в самых своих основных действиях: существовании, обладании, движении, смерти. Что оно пытается отказаться, избавиться, уйти от наиболее активной деятельности. А вот глагол „убивать“ – правильный глагол. Тут все ясно и определено. Как по-твоему, есть в этом смысл?“

Я сказал: хорошо, что я не переводчик. Но ее мысль меня заставила задуматься, и я полночи не спал, размышляя о себе и о своем отношении к языкам».

Вернувшись в отель, Рудольф застал Гретхен в баре. Она пила коктейль и беседовала с молодым человеком в теннисном костюме. В последние дни она довольно много пьет, что для нее вовсе не характерно, и заговаривает с первыми попавшимися мужчинами, что, с усмешкой подумал Рудольф, для нее весьма характерно. Действительно ли он слышал ночью за дверью тихие шаги в сторону ее номера? Но, вспомнив Ниццу, он подумал, что вряд ли имеет право упрекать ее. Собственно, а почему бы ей и не искать развлечений, если они помогают избавиться от одиночества?

– Позвольте представить вам моего брата Рудольфа Джордаха, – сказала она, когда Рудольф подошел к столику, за которым они сидели. – Бэзил... Я забыла вашу фамилию, милый.

Наверное, выпила уже не меньше трех коктейлей, подумал Рудольф, если называет «милым» человека, чью фамилию не в силах вспомнить.

Молодой человек встал. Он был высокий, стройный, похожий на актера, с крашеными волосами, довольно смазливый.

– Берлинг, – чуть поклонившись, отрекомендовался молодой человек. – Ваша сестра рассказывала мне о вас.

Берлинг, Бэзил Берлинг, думал Рудольф, кивнув в ответ. Кто этот Бэзил Берлинг? Англичанин, вероятно, судя по произношению.

– Не присядете ли с нами? – спросил Бэзил Берлинг.

– Только на минуту, – не слишком любезно отозвался Рудольф. – Нам с сестрой нужно кое-что обсудить.

– Мой брат – большой любитель обсуждений, – вставила Гретхен. – Не вздумайте с ним что-либо обсуждать.

Нет, не три, а четыре коктейля, решил Рудольф.

Подошел официант.

– Что вы будете пить, сэр? – почтительно спросил Бэзил Берлинг, член английского профсоюза актеров; он, несомненно, много работал над речью, понимая, что кончил посредственную школу.

– То же, что и вы, – ответил Рудольф.

– Три раза то же самое, – сказал Бэзил Берлинг официанту.

– Он хочет меня споить, – пожаловалась Гретхен.

– Вижу.

– Рудольф – главный трезвенник в нашей семье, – скорчила гримасу Гретхен.

– Кому-то ведь надо им быть.

– О господи, сейчас начнется, – вздохнула Гретхен. – Бэзил... Как, вы сказали, ваша фамилия, милый?..

Она больше притворяется, подумал Рудольф. Чтобы позлить меня. Я сегодня у всех на прицеле.

– Берлинг, – так же почтительно повторил молодой человек.

– Мистер Берлинг – актер, – сказала Гретхен. – Подумать только, какое совпадение, – полунаивно-полупьяно восхищалась она, – совершенно случайно встретились здесь, в баре, на краю света, и выясняется, что мы оба работаем в кино, а? – Передразнивая молодого человека, она старалась говорить на английский манер, но он, по-видимому, и не думал обижаться.

– Нет, серьезно? – В голосе англичанина звучало удивление. – В самом деле? Как же я сам не догадался.

– Ну, не комплимент ли это! – Гретхен игриво дотронулась до руки Рудольфа, словно забыв, что он ее брат. – Я должна открыть вам страшную тайну, – улыбнулась она Бэзилу Берлингу и сделала очередной глоток. – Я не кинозвезда.

– Не может быть! – с наигранным удивлением воскликнул Берлинг.

Пора от него отделаться, подумал Рудольф, не то придется просить помощи у швейцара.

– Да, – продолжала Гретхен, – я за кадром. Я из девочек с трауром под ногтями. По уши в ацетатной пленке. Я занимаюсь монтажом. Вот моя тайна и открыта. Я обычный, скромный монтажёр.

– Вы делаете честь своей профессии, – сказал Бэзил Берлинг.

Избави бог оказаться свидетелем чужого ухаживания, подумал Рудольф, когда Гретхен сказала: «Вы очень любезны» – и погладила Берлинга по руке. Любопытно, как она ведет себя в постели, много ли у нее было мужчин и сколько сейчас. Если спросить, она скажет.

– Гретхен, – обратился к ней Рудольф, когда она, склонив голову, уж слишком нежно смотрела на актера. – Я должен подняться наверх и сказать

Джин, что она может собираться. Ее паспорт у меня, она, наверное, захочет улететь завтра же. Но сначала мне нужно поговорить с тобой.

Гретхен скорчила гримасу. Рудольф чуть не дал ей пощечину. После всех сегодняшних событий он еле сдерживался.

– Допейте, милый, – сказала Гретхен Берлингу. – Мой брат – человек деловой, пчелка, трудолюбиво перелетающая с цветка на цветок.

– Разумеется. – Актер встал. – Надо, пожалуй, переодеться. Я сыграл три партии в теннис, и не миновать мне простуды, если я не переоденусь.

– Спасибо за угощение, – поблагодарила его Гретхен.

– Да что вы, что вы!

Дуайер тоже сказал: «Да что вы!» – вспомнил Рудольф. Все сегодня чересчур вежливо, кисло подумал он. Кроме меня.

– Вечером увидимся, Гретхен? За ужином? – спросил Берлинг; высокий, но ноги тонкие и жилистые, заметил Рудольф. Я лучше выгляжу в теннисных шортах, мстительно подумал он.

– Наверное, – ответила Гретхен.

– Рад был познакомиться с вами, сэр, – обратился Берлинг к Рудольфу.

Рудольф пробурчал что-то в ответ. Раз его называют «сэром», словно он уже стоит на краю могилы, то можно позволить себе быть раздражительным, как и положено в таком возрасте.

Брат и сестра смотрели вслед актеру, ступавшему по паркету пружинистым, энергичным шагом.

– Господи, Гретхен, – взмолился Рудольф, когда актер скрылся из вида, – и где ты только их находишь?

– В это время года не очень-то приходится выбирать, – сказала Гретхен. – Хватаешь, что подворачивается под руку. А какую неприятность ты так торопился мне сообщить? – Рудольф видел, что она вовсе не пьяна.

– Насчет Инид, – ответил он. – Мне хотелось бы, чтобы ты полетела завтра вместе с Джин и Инид и приглядела за ней. Или, скорей, за ними обеими.

– О господи, – простонала Гретхен.

– Я не могу доверить Джин мою дочь, – угрюмо продолжал Рудольф.

– А ты сам не летишь?

– Нет. У меня еще масса дел. И когда вы прилетите в Нью-Йорк, поживи с ними в моей квартире. Миссис Джонсон в Сент-Луисе, ее не будет еще с неделю.

– Господи помилуй, Руди, – взмолилась Гретхен, – я уже не в том возрасте, чтобы ходить в няньках.

– После всего, что я для тебя сделал... – рассердился Рудольф.

Гретхен откинула голову и закрыла глаза, чтобы удержаться от грубости.

– Незачем ежедневно напоминать мне, что ты для меня сделал, – не открывая глаз, процедила она.

– Ежедневно? – уцепился за ее слова Рудольф. – Когда я тебе это говорил в последний раз?

– Не обязательно вслух, дорогой братец. – Она открыла глаза и выпрямилась. – Ладно, не будем спорить. – Она встала. – Считаю, что няньку ты

нанял. Во всяком случае, я рада вернуться туда, где убийства бывают только в газетах, а не в лоне собственной семьи. Когда летит самолет?

– В одиннадцать тридцать. Твой билет у меня.

– Ты все продумал, да?

– Да. Все.

– Что бы я без тебя делала, братец? – сказала Гретхен. – Ладно, пойду собираться. – Она улыбнулась, но он заметил, что улыбка далась ей нелегко. – Мир?

– Мир, – ответил он.

По пути к лифту он остановился возле портье взять ключ.

– Пока вас не было, мистер Джордах, – сказал портье, – заходила дама и оставила для вас письмо.

Он протянул Рудольфу ключ и конверт. На конверте женским почерком, который показался ему знакомым, была написана только его фамилия. В лифте он разорвал конверт и вынул из него листок бумаги.

Письмо было от Жанны.

«Милый мой американец!

Пожалуйста, не звони мне. Ты, наверное, понимаешь почему. Я сама позвоню тебе, как только смогу. Через неделю, а то и две. Может случиться так, что в Париже навсегда откажутся от войны. Надеюсь, что ты проводишь время в Антибе весело и не спешишь с отъездом. Я очень скучаю без тебя. Если захочешь мне написать, пиши до востребования на Главный почтамт Ниццы. Надеюсь, что в письме нет ошибок.

Будь осторожен за рулем.

Жанна».

Он смял письмо, сунул его в карман, вышел из лифта, подошел к двери номера и, приняв достойный вид, вставил ключ в замочную скважину.

Джин стояла у окна и смотрела на море. Когда он вошел, она не повернулась. Ее юная и стройная фигура в полотняном летнем платье, заключенная в рамку открытого окна, темным силуэтом вырисовывалась на фоне вечернего неба. Она напомнила ему девушек из колледжа, которые танцевали на университетских балах, где он, чтобы подработать, играл в оркестре на трубе. Стоя в дверях и видя эту иллюзию незащищенной молодости, он вдруг почувствовал непрощенный, ненужный прилив жалости.

– Добрый вечер, Джин, – сказал он и шагнул к ней.

Она медленно повернулась. Он заметил, что ее мягкие, до плеч волосы уложены, лицо подкрашено. Пожилая женщина, какой она когда-нибудь станет, исчезла.

– Добрый вечер, – печально ответила она. Голос ее тоже стал обычным; впрочем, нет – обычно он был хриплым от алкоголя, злости или самобичевания.

– Вот, пожалуйста, – он протянул ей паспорт. – Сегодня его вернули

адвокату.

– Спасибо, – сказала она.

– Я взял билеты на завтрашний самолет. Можешь лететь домой.

– Спасибо, – снова поблагодарила она. – А ты?

– Я пробуду здесь еще самое меньшее неделю.

Она кивнула, открыла паспорт, посмотрела на свою фотографию и, грустно покачав головой, бросила паспорт на стол.

– Самое меньшее неделю... – повторила Джин. – Ты, наверное, устал.

– Ничего.

Он опустил в кресло. Только сейчас он почувствовал настоящую усталость. Спал он плохо, среди ночи его будили плохие сны.

– Как Инид? – спросил он.

– Ничего, – ответила Джин. – Я возила ее сегодня в Жуан-ле-Пэн и купила ей детскую тельняшку. Она в ней очаровательна и не отходит от зеркала. Она сейчас ужинает вместе с няней.

– Я попозже зайду пожелать ей спокойной ночи, – сказал он. Он расстегнул воротничок, распустил галстук. – Гретхен полетит вместе с вами, – добавил он.

– Это вовсе не обязательно, – отозвалась Джин, но без тени недовольствия. – Она, наверное, предпочла бы задержаться. Погода превосходная, и я видела, что ее провожал с пляжа красивый молодой человек.

– Ей нужно побыстрее в Нью-Йорк, – сказал он. – Я попросил ее пожить с тобой и Инид, пока миссис Джонсон не вернется из Сент-Луиса.

– Ей будет с нами тоскливо, – возразила Джин. – Я могу и сама присмотреть за Инид. Мне все равно нечего делать. – И снова спокойно, без тени недовольствия или вызова.

– По-моему, лучше если рядом будет Гретхен, – осторожно сказал он.

– Как хочешь. Хотя ты знаешь, неделю я могу не пить.

– Знаю, – подтвердил он. – Но, как говорится, береженого бог бережет.

– Я тут думала о нас, – снова спокойно, без враждебности сказала она. – О том, через что нам пришлось пройти.

– Почему бы не забыть о том, через что нам пришлось пройти? – спросил Рудольф. У него не было настроения выслушивать подготовленные заранее речи.

– Я думала о нас, – ровно, без враждебности повторила она. – Ради твоего блага и ради блага Инид мы должны развестись.

Наконец-то, подумал он. Хорошо, что не он первым произнес это слово.

– Почему бы нам не повременить с этим разговором? – ласково спросил он.

– Как хочешь. От меня тебе толку мало. Да и ей тоже. Я тебе больше не нужна... – Джин подняла руку, хотя он вовсе не собирался перебивать ее. – Ты уже целый год не заходил ко мне в спальню. А здесь у тебя кто-то есть, я знаю. Пожалуйста, не отрицай.

– Я и не собираюсь, – сказал он.

– Ты ни капельки не виноват, милый, – сказала она. – Я уже много лет

мешаю тебе. Другой бы на твоём месте давным-давно бросил меня. И никто бы его не осудил. – Она криво улыбнулась.

– Может, нам подождать, пока мы не вернемся домой, в Америку... – начал он, хотя чувствовал, что тяжкий груз сваливается у него с плеч.

– Я предпочитаю поговорить сегодня, – возразила она, впрочем не слишком настойчиво. – Я весь день думала о нас, больше недели я не брала в рот ни капли спиртного, и в таком здравом уме и твердой памяти, как сейчас, я, наверное, никогда больше не буду. Неужели тебе не интересно узнать, о чем я думаю?

– Мне не хотелось бы, чтобы ты потом жалела о сказанном.

– Жалела! – Она неловко взмахнула рукой, словно отгоняя осу. – Я всегда жалею о сказанном. И почти всегда о сделанном. Послушай внимательно, милый. Я алкоголичка. Я себя ненавижу, но я алкоголичка и такой останусь навсегда. Вылечиться от этого невозможно.

– До сих пор мы не очень старались, – сказал он. – В тех заведениях, где ты была, по-видимому, недостаточно внимательно к тебе подошли. Существуют другие клиники, в которых...

– Можешь отправить меня в любую клинику в Америке, – сказала она. – Пусть любой психиатр копается в моих снах. Пусть мне дают антабус, от которого меня рвет до изнеможения. Все равно я буду пить. И орать на тебя как мегера, и позорить тебя... Помнишь, как я это делала, и не раз... Буду просить прощения и снова делать то же самое, буду садиться за руль пьяная и подвергать опасности жизнь моей дочери, буду, ничего не помня, искать новую бутылку, и так до тех пор, пока не умру в один прекрасный день. Хорошо бы он наступил поскорее, потому что у меня не хватает духу покончить с собой, и за это я тоже ненавижу себя...

– Прошу тебя, Джин, не говори так, – сказал он. Он встал и подошел к ней, но она отступила, словно боясь его прикосновения.

– Сейчас я не пьяная, – сказала она, – я не пила уже больше недели, поэтому давай воспользуемся этим прекрасным, неожиданным моментом, посмотрим на вещи трезво и сделаем трезвые, на удивление всему свету, выводы. Я уеду куда-нибудь подальше, с глаз долой, например в Мексику. Достаточно далеко, а? В Испанию? Знаешь, я ведь говорю по-испански. В Швейцарию? Там, мне сказали, есть необыкновенные больницы, где за два-три месяца добиваются отличных результатов.

– Хорошо, – согласился он. – Уезжай периодически на два-три месяца. Независимо от того, разведемся мы или нет.

– И не будем делать вид, что я в состоянии работать. – Ничто не могло остановить этот монотонный голос – голос человека, одержимого навязчивой идеей. – Правда, благодаря покойному папочке я могу жить, ни в чем себе не отказывая, даже расточительно. Только помоги мне перевести капитал на имя Инид и оформить опеку, потому что вдруг я буду пьяная, а мне повстречается какой-нибудь красавчик итальянец, который захочет хитростью выманить у меня все мое состояние. А чтобы ты не терзался из-за того, что пренебрег мною и отпустил одну бродить по этому темному и опасному миру, я найму

какую-нибудь славную, полную сил молодую женщину, которая составит мне компанию и будет рядом, когда я напьюсь до бесчувствия... Или найдет мне, когда нужно, мужчину.

– Замолчи! Хватит! – перебил он.

– Не сердись, милый мой пуританин, – засмеялась она. – Истина в том, мой дорогой, что я устала бороться. Даже солдаты армии конфедератов и те в конце концов сдались. Я не способна больше маневрировать. Дошла до своего Аппоматокса. Как видишь, кое-что я еще помню. Я в отчаянии. Я больше не могу сражаться. Не могу бороться с тобой, с алкоголем, с чувством вины и с нашим браком, что бы это слово ни значило сейчас для нас обоих. Время от времени, когда я буду в нормальном состоянии, я буду появляться в сопровождении моей компаньонки и навещать Инид. Тебе не обязательно при этом присутствовать. Сегодня, пожалуйста, ничего не говори, но утром, когда будешь сажать меня в самолет, помни, что я предложила, и восхищайся моим самоотречением. Соглашайся, пока я не передумала, не то я всю жизнь буду висеть камнем у тебя на шее.

– Послушай, – начал он, – когда ты уедешь отсюда, вырвешься из этой мрачной атмосферы, ты...

– Между нами говоря, мы и твою жизнь вконец испоганили, – продолжала она. – А ты ведь не молодеешь. Ты не должен сидеть перед камином и глядеть в огонь еще пятьдесят лет, ты должен действовать. Скажи сегодняшнему дню спасибо. Хватайся за мое предложение. Неизвестно, долго ли оно останется в силе. А сейчас я знаю: у тебя был длинный и трудный день, ты хочешь побриться, принять горячий душ, переодеться, выпить мартини и поужинать. Пока ты будешь мыться, я закажу тебе мартини. Не бойся, до приезда в Нью-Йорк я и капли в рот не возьму. У меня бывают приливы сверхчеловеческой силы воли. А потом, пожалуйста, пригласи меня поужинать. Мы будем вдвоем, только ты и я, и будем говорить о разных вещах, например о том, как тебе жить дальше, где должна учиться Инид, на какой женщине тебе в конце концов следует жениться и с кем ты спишь здесь на Лазурном берегу. А когда уже станет поздно и мы оба устанем, мы вернемся в наш прекрасный, безумно дорогой номер в отеле и ты позволишь мне лечь с тобой в твою постель, потому что завтра я улетаю в Америку, а ты, пока погода не испортилась, останешься здесь распутывать те узлы, что я навязала.

Он встал, подошел к ней и обнял. Ее била дрожь. Лицо у нее пылало, она горела как в лихорадке.

– Извини меня, – прошептала она и, уткнувшись лицом ему в грудь, обхватила его руками. – Мне, наверное, следовало сказать все это давным-давно... может, еще до нашей свадьбы, только, по-моему, я тогда была совсем другая.

– Тес, – беспомощно прошептал он. – Вот приедешь домой, и все представится тебе в ином свете.

– Когда я приеду домой, – ответила она, – изменится только то, что я стану на день старше. – Она высвободилась из его рук и с трудом улыбнулась. – От чего никак нельзя испытывать большую радость. А теперь иди под душ. Когда

ты выйдешь, я несколько утрачу свое красноречие, зато на столе, напоминая тебе о том, что не все потеряно, будет стоять мартини. Я составлю тебе компанию, но буду пить только кока-колу.

Под душем он позволил себе заплакать. В какой-то момент их совместной жизни ее, по-видимому, еще можно было спасти. Но он был слишком занят, слишком озабочен другими делами, чтобы уловить этот момент и прийти ей на помощь, когда путь к спасению еще оставался открытым.

Почему-то никак не удавалось отрегулировать воду. Она получалась то чересчур горячей, то ледяной.

Он вылез, растерся мохнатым полотенцем, глядя на себя в большое зеркало и стыдясь своего сильного, мускулистого тела, виновного в нарушении супружеской верности.

Он медленно оделся. Прикосновение дорогой, превосходно сшитой одежды было ему приятно. Тонизирующее средство для тела. Он надел тонкую шерстяную рубашку, мягкие кашемировые носки, хорошо отутюженные брюки из фланели, удобные, начищенные до блеска мокасины (спасибо беднякам в ночных коридорах), отлично пригнанный пиджак в полоску. Сейчас Гретхен не могла бы сказать, что он недавно переспал с женщиной.

Когда он снова вошел в гостиную, мартини был на столике возле кушетки, а Джин стояла у окна, глядя в благоухающий ароматом мрак, простроченный ярким пунктиром разноцветных огней, уходивших на запад от Антибского полуострова. Горела только одна лампа. В руке у Джин был стакан с кока-колой. Она обернулась на звук его шагов.

– Пока ты был в душе, звонила Гретхен. Я сказала ей, что мы будем ужинать одни. Ты не против?

– Конечно, нет.

– Ее пригласил на ужин какой-то приятель – так она по крайней мере сказала.

– Я его видел, – отозвался Рудольф.

– Выпьем за... – Она подняла стакан. – За что же мы выпьем? – Она улыбнулась. В полумраке комнаты она казалась красивой и молодой. – Скажем, за развод! – И отпила из стакана.

Рудольф поставил рюмку на стол.

– Я выпью позже, – сказал он. – Пойду пожелаю Инид спокойной ночи.

– Иди, – отозвалась Джин. – Знаешь, по-моему, француженке следует приплатить. Она такая мягкая и терпеливая и отлично смотрела за Инид.

– Ты не пойдешь со мной?

– Нет, – ответила Джин. – Я еще должна подкраситься.

– Я быстро, – пообещал он.

– Не спеши, – отозвалась она. – У нас вся ночь впереди.

Инид в полосатой тельняшке уже доедала ужин. Когда Рудольф вошел в комнату, девочка смеялась. Няня не говорила по-английски, тем не менее они, по-видимому, умудрялись превосходно понимать друг друга. Этот дар исчезнет, с болью подумал Рудольф, как только Инид начнет учиться. Он

поцеловал ее в макушку, поздоровался с няней.

– Извините нас за эту рубашку, мсье. Инид уже выкупалась, но не захотела надеть пижаму. Она говорит, что сегодня будет спать в этой рубашке. Надеюсь, вы ничего не имеете против? Я не стала настаивать...

– Конечно, нет. – Француженка понимает, где следует уступить. – Зато она будет лучше спать. – Потом он попросил ее собрать утром вещи девочки, так как она улетает в Нью-Йорк. К тому времени, когда я покончу здесь со своими делами, я научусь говорить по-французски даже с полицейским-корсиканцем. Что ж, нет худа без добра.

– *Bien, monsieur*,³³ – ответила няня.

Рудольф внимательно посмотрел на дочь. Она выглядела здоровой и довольной, щеки у нее порозовели от пребывания на солнце. Что ж, подумал он, еще один плюс. Хоть кому-то наше путешествие пошло на пользу. Она ела весело, словно это была еще одна игра, а потом вдруг схватила няню за руку, и Рудольф решил по приезде в Нью-Йорк рассчитать миссис Джонсон. Миссис Джонсон всем хороша, но ей за пятьдесят и уже не до игр.

Он еще раз поцеловал Инид в макушку и наклонился; она сказала: «Спокойной ночи, папа» – и чмокнула его в щеку, размазав по ней овсяную кашу. От Инид пахло мылом и тальком; не будь рядом няни, он поднял бы дочь со стула и крепко обнял.

– Спокойной ночи, мой морячок, приятного тебе сна, – сказал он вместо этого и вышел из комнаты.

Ужин оказался превосходным, над морем сияла луна, ресторан был почти пуст, и официанты увлеченно суетились вокруг их столика. Джин потребовала, чтобы он добавил к заказанному бутылку вина – только для себя, – и он согласился. Выяснилось, что им есть о чем побеседовать, все это были темы веселые и незначительные, поэтому разговор тек непринужденно, без неловких пауз. Джин нагнулась над тарелкой, и Рудольф, любуясь ее мягкими волосами, подумал: «Мы все резиновые – вытягиваемся из своего облика, а потом – по крайней мере внешне – снова такие же, как прежде, или почти такие же».

Сидя возле огромного окна, выходившего на темное море, по которому к еле видимым вдали островам бежала серебряная дорожка дрожащего лунного света, они не спеша пили кофе и казались – он не сомневался – довольными собой и друг другом.

Потом они медленно пошли в отель, и, когда добрались до своего номера. Джин сказала:

– Ложись, милый. Я сейчас приду.

Он разделся и лежал во тьме, ожидая. Дверь тихо открылась, послышался шорох – это Джин сняла халат, – и она легла рядом с ним. Он обнял ее, тело ее было теплым, и она не дрожала. Они лежали неподвижно и вскоре оба уснули.

---

³³ Хорошо, мсье (фр.).

А в номере дальше по коридору беспокойно ворочалась Гретхен. Она спала одна – после вкусного ужина с обильными возлияниями. Молодой человек, почти самый красивый в зале, был внимателен, потом стал настойчив. Она чуть не сказала «да». Но все-таки не сказала. Прежде чем заснуть, она подумала: не ляпни мой чертов братец: «И где ты только их находишь?», я бы определенно не была сейчас одна.

7

Из записной книжки Билли Эббота (1968):

«Случайно наткнулся на свежий номер европейского издания журнала „Тайм“. И вдруг в разделе „Преступления“ мне попадает заметка о Джордах – малоприятная история нашего семейства и фотография обнаженной женщины. Короткое, но впечатляющее повествование о крахе, убийстве и позоре.

Я вырезал эту заметку и прилагаю ее к моим запискам. Она послужит моим потомкам, если таковые появятся, краткой иллюстрацией к их генеалогическому дереву».

«Где, по-вашему, можно встретить троих детей эмигрировавшего в свое время из Германии и впоследствии покончившего жизнь самоубийством пекаря из маленького городка на Гудзоне? Представьте себе: на яхте возле Ривьеры. После того как недавно в антибском порту был убит Томас Джордах, более известный в прошлом как боксер среднего веса *Томми Джордан*, из досье французской уголовной полиции всплыло на поверхность еще несколько имен, в том числе: сорокалетний *Рудольф Джордах*, брат Тома, миллионер, бывший мэр города Уитби, штат Нью-Йорк; сын Джордана – *Уэсли*; *Джин Прескотт Джордах*, жена Рудольфа и наследница Прескоттовской фармацевтической империи на Среднем Западе; *Гретхен Берк*, сестра обоих Джордахов и вдова театрального и кинорежиссера *Колина Берка*.

Согласно сведениям из антибских источников, Джордан скончался от побоев вскоре после своей свадьбы и после того, как вырвал свою подвыпившую невестку из лап портового бандита в весьма подозрительном ночном баре Канна.

По словам Джин Джордах, которая живет в роскошном отеле „Дю Кап“, на нее напали, когда она зашла в бар выпить. Появившийся затем Джордан зверски избил приставшего к ней человека. На следующий день Джордан был убит у себя на яхте.

Представители французской полиции заявляют, что у них на подозрении целый ряд лиц».

«К счастью, обо мне в заметке ни слова. Так что вряд ли кто-нибудь

догадается о моем родстве с миссис Берк, вдовой известного режиссера и бывшей женой ничем не прославившегося сочинителя рекламы по фамилии Эббот. Моника, конечно, догадалась бы, потому что я много рассказывал ей о матери, но, к счастью, Моника не читает „Тайм“. Этот журнал, по ее мнению, предназначен только для развлечения публики, поэтому правды в нем нет.

Я иногда думаю: а почему бы мне не попытаться стать журналистом? Я любопытен и хитер, а это два немаловажных качества для журналиста.

Моники дома нет. На столе записка. Ее не будет несколько дней. Моника считает, что женщинам позволено больше, чем мужчинам.

Я по ней уже скучаю».

Багаж перенесли в лимузин, который заказал для них портье. Гретхен, Джин и Инид разместились на заднем сиденье. Инид – со слезами на глазах, потому что ей предстояло расставание со своей французской няней. Рудольф в третий раз проверил, на месте ли билеты, и шофер распахнул перед ним переднюю дверцу, но тут к дверям отеля подъехала машина. Из машины вылезла небольшого роста, полная, неряшливо одетая женщина с седеющими волосами, а из-за руля – маленький полный мужчина.

– Вы Рудольф Джордах? – спросила женщина, направляясь к нему.

– Да. – В женщине было что-то знакомое.

– Ты, наверное, меня не помнишь, – сказала женщина. Она повернулась к маленькому полному мужчине. – Я говорила тебе, что он меня не вспомнит.

– Да, говорила, – согласился мужчина.

– А я тебя помню, – сказала женщина Рудольфу. – Очень хорошо помню. Я жена Тома, мать Уэсли. Я приехала за своим сыном. – Она нырнула в висевшую у нее на руке большую сумку и, вытащив экземпляр «Тайма», помахала им перед носом Рудольфа.

– О господи! – простонал Рудольф. Он совсем забыл про журналиста и про телекс. А вот журналист, по-видимому, не забыл про него. Бедный Уэсли, его имя уже неделю как стало достоянием миллионов, и еще много лет на него будут смотреть с любопытством и, где бы он ни очутился, подходить и спрашивать: «Извините, не вы ли такой-то?»

– Разрешите взглянуть, что там написано, – потянулся за журналом Рудольф. Журналист приходил до того, как Уэсли попал в тюрьму, но мог, разумеется, не успокоиться и довести свою историю до конца. Рудольф нахмурился, представив себе, в каких красках «Тайм» способен расписать драку Уэсли с англичанином, оказавшимся в больнице с сотрясением мозга.

Тереза отступила и спрятала журнал за спину.

– Иди и сам купи себе журнал, – заявила она. – Судя по тому, что здесь написано, ты вполне можешь себе это позволить. Ты и твоя полоумная голая жена.

О господи, они раскопали старую фотографию! Вот было бы счастье для человечества, если бы в один прекрасный день сгорели дотла архивы всех газет на земном шаре!

– Здесь все написано, – злорадно констатировала Тереза. – На сей раз тебе

не удалось с помощью денег выручить моего бывшего муженька, а? Наконец-то он получил по заслугам!

– Извините, Тереза, – сказал Рудольф. Совершенно непонятно, как Том мог на ней жениться. Наверное, в момент бракосочетания он был либо пьян в стельку, либо очумел от наркотиков. Когда Рудольф видел ее в последний раз – три года назад в конторе Хита: он дал ей денег, чтобы она могла поехать в Рино и получить развод, – она была платиновой блондинкой и весила фунтов на двадцать меньше. Но и тогда выглядела не лучше и не хуже, чем сейчас. – Извините, что не узнал вас. Вы изменились.

– Ты меня не очень-то и запомнил. – Она не скрывала своего злорадства. – Познакомься с моим мужем, мистером Крейлером.

– Добрый день, мистер Крейлер.

Мужчина что-то хрюкнул в ответ.

– Где мой сын? – резким голосом спросила Тереза.

– Руди, – окликнула его из машины Гретхен, – мы можем опоздать. – Его разговора с этими людьми она не слышала.

Рудольфа бросило в жар, хотя утро было довольно прохладным.

– Извините меня, миссис Крейлер, – сказал он, – но мы спешим в аэропорт...

– Вам не удастся улизнуть от нас, мистер Джордах, – парировала Тереза, тыча ему в лицо скрученным в трубку журналом. – Не для того я проделала весь путь через океан, чтобы ты улетел у меня из-под носа.

– Я никуда не улетаю, – тоже повысил голос Рудольф. – Я провожу свою семью и вернусь. Через два часа мы можем встретиться здесь.

– Я хочу знать, где мой сын, – настаивала Тереза, держа его за рукав и не давая сесть в машину.

– Если угодно, он в тюрьме.

– В тюрьме! – взвизгнула Тереза и трагически поднесла руку к горлу. По ее реакции Рудольф понял, что об этом в журнале не было написано.

– Возьмите себя в руки! – резко сказал Рудольф. – Ничего серьезного не произошло.

– Ты слышишь, Эдди? – не унималась она. – Мой сын за решеткой, а он говорит, что ничего серьезного не произошло.

– Я слышал, что он сказал, – отозвался мистер Крейлер.

– Вот это семейка! Отдай ребенка им в руки, – продолжала Тереза так же визгливо, – и не успеешь оглянуться, он уже попал в полицию. Счастье, что его папашу пришили, а то бы мне не узнать, где он находится, и одному богу известно, во что бы его там превратили. А знаешь, кто должен сидеть в тюрьме... – Она отпустила Рудольфа, отступила на шаг и, театрально вытянув грозный указующий перст, с дрожью в голосе выкрикнула: – Ты с твоими махинациями, взятками и грязными деньгами!

– Когда вы успокоитесь, – сказал Рудольф, делая попытку сесть в машину, – я вам все объясню. – И обратился к шоферу: – Allons-y.³⁴

---

³⁴ Поехали (фр.).

Она рванулась вперед и снова схватила его за рукав:

– Нет, так легко вам не отделаться, мистер.

– Пустите, глупая вы женщина, – рассердился Рудольф. – У меня сейчас нет времени говорить с вами. Самолет ждать не будет, как бы громко вы ни кричали.

– Эдди! – взвизгнула Тереза. – Неужели ты позволишь ему смыться?

– Послушайте, мистер Джордах... – начал мужчина.

– Я вас не знаю, сэр, – ответил Рудольф, – и прошу не вмешиваться. Если вам угодно поговорить со мной, подождите, пока я вернусь. – Он довольно грубо стряхнул руку Терезы со своего рукава, и портье, который вышел попрощаться, с угрожающим видом двинулся в ее сторону.

Рудольф быстро сел в машину, захлопнул дверцу и защелкнул предохранитель. Шофер поскорее втиснулся за руль и включил зажигание. Когда они выезжали из ворот, Тереза стояла, гневно размахивая журналом.

– Что там такое? – спросила Гретхен. – Мы не слышали, о чем эта женщина говорила.

– Не имеет значения, – отрезал Рудольф. – Это мать Уэсли.

– Как она изменилась! – заметила Гретхен. – И не к лучшему. Что ей нужно?

– Если она верна себе, – ответил он, – значит, ей нужны деньги. – Придется отвести Гретхен в сторону и попросить ее проследить, чтобы к Джин не попал журнал «Тайм».

С открытой галереи аэровокзала Рудольф смотрел, как взлетает самолет. Попрощались они спокойно. Он обещал вернуться в Нью-Йорк при первой же возможности. Он старался не сравнивать сегодняшнее скромное прощание с праздничным весельем, царившим в аэропорту, когда они прилетели и Том встречал их вместе со своей невестой, а в гавани стояла готовая к выходу в море «Клотильда», которой предстояло, пройдя по каналу между островами, доставить их в Канн на купанье и торжественный обед.

Самолет скрылся из виду. Рудольф вздохнул и прошел через здание аэровокзала, борясь с искушением купить в газетном киоске «Тайм». Что бы там ни говорилось, рассказ этот, совершенно очевидно, радости ему не принесет. Интересно, думал он, как удастся людям, о которых пишут постоянно – политическим деятелям, министрам, актерам, например, – заставить себя взять утром в руки газету.

Вспомнив, что в отеле его ждут полная седеющая женщина и ее толстый маленький муж, он снова вздохнул. Как этой жуткой особе удалось найти себе мужа? Да еще второго. Между прочим, если этот человек из «Тайма» все еще в Антибе, нужно попросить его разыскать газетный снимок, на котором Терезу – под вымышленным именем, разумеется, – забирает полиция после облавы в публичном доме. Одна фотография стоит другой. Бедный Уэсли.

Чтобы оттянуть встречу, он попросил шофера отвезти его в Ниццу. Они

проехали на улицу, где жила Жанна. Улица как улица. Он не знал, что станет делать, если она случайно выйдет из дома с детьми или с мужем-офицером. Ничего, наверное. Но она не вышла.

– Поехали в отель, – сказал Рудольф. – Кружным путем, вдоль моря.

При въезде в Антиб они проехали мимо порта. Рудольф увидел «Клотильду», на палубе копошилась крошечная фигурка – Дуайер. Рудольф не попросил шофера остановиться.

– Я свои права знаю, – настаивала Тереза. Они втроем расположились на небольшой полянке в парке отеля, где никто не мог слышать их разговора. Когда Рудольф вошел в вестибюль отеля, он застал супругов в напряженном ожидании. Они сидели лицом к лицу, с явным неодобрением косясь по сторонам и всем своим видом выражая молчаливый укор праздным постояльцам отеля, которые в поисках развлечений шли мимо них на теннисный корт или в плавательный бассейн. По пути в парк Рудольф спокойно, кратко и бесстрастно рассказал им, из-за чего Уэсли попал в руки полиции и теперь должен отбыть в Америку. Они угрюмо выслушали его, и Тереза сообщила:

– В Индианаполисе, где мы с мистером Крейлером живем, мы побывали у адвоката, и мне известны мои материнские права. – Голос Терезы терзал слух Рудольфа, как скрип мела по грифельной доске. – Уэсли еще несовершеннолетний, а поскольку отец его умер, то, по словам адвоката, я его законная опекуна. Правда, адвокат это говорил, Эдди?

– Да, адвокат так говорил, – подтвердил мистер Крейлер. – Именно так.

– Когда я заберу его из тюрьмы, – продолжала Тереза, – я увезу его в приличный дом, где он вырастет истинным христианином.

– Вам не кажется, что после той жизни, какую вы вели, было бы уместнее оставить религию в покое?

– Можешь не стесняться, говори откровенно. Мистеру Крейлеру известно, какую я вела жизнь. Правда, Эдди?

– Правда, – закивал головой Эдди, и его пухлый двойной подбородок затрясся в такт кивкам.

– Я была шлюхой, и не боюсь в этом признаться, – почти с гордостью заявила Тереза. – Но я прозрела. На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся... – Она помолчала. – Дальше знаешь сам, не сомневаюсь, хотя и ты, и вся ваша семейка давным-давно забыли про бога.

– К сожалению, – с невинным видом солгал Рудольф, – я не помню, что там говорится дальше.

– Не имеет значения, – быстро парировала она. – Мистер Крейлер – мормон, и благодаря ему я приняла их веру и вернулась в лоно церкви. К твоему сведению, я больше не крашу волосы, как ты мог бы заметить, если бы хоть раз соизволил обратить на меня внимание, и не пью ни спиртных напитков, ни кофе, ни чая.

– Поздравляю вас, Тереза, – сказал Рудольф. Он где-то читал, что секта мормонов растет гораздо быстрее других христианских сект, но, приняв Терезу

в свои ряды, мормоны неминуемо почувствуют, что раскинули сети чересчур широко. Он представил себе, с каким содроганием взирали на Терезу Джордах старейшины христовой церкви «святых последнего дня» в молитвенном доме в Солт-Лейк-Сити, принимая ее в свою благодетельную компанию. – Но я не совсем понимаю, какое это имеет отношение к Уэсли.

– Прямое. Он вернется на стезю добродетели. Я знаю вашу семью. Я знаю Джордахов, можешь не сомневаться. Вы все погрязли в блуде и грехе.

Словарь Терезы, констатировал про себя Рудольф, заметно изменился с переходом в новую веру. Но к лучшему ли?

– Не думаю, что причина заключения Уэсли в тюрьму на несколько дней за драку в ночном баре кроется в моем атеизме, – сказал он. – И к вашему сведению, – добавил он, не удержавшись, – если я и погряз в блуде и грехе, то это не основное мое занятие.

– Я никого не обвиняю, – заявила Тереза, хотя в каждом ее слове и в каждом жесте сквозило обвинение, – но не станешь же ты отрицать, что он был на твоём попечении как дяди и главы семьи, когда чуть не убил человека...

– Ладно, ладно, – устало отозвался Рудольф. Ему хотелось, чтобы она ушла, исчезла вместе со своим низеньким и толстым мужем-праведником с поджатыми губами, но, когда он вспомнил, что Уэсли может оказаться во власти этой парочки из Индианаполиса, ему стало страшно. Он не представлял себе, как этому помешать, но тем не менее был намерен сделать все, что в его силах. – Чего вы хотите? – Он уже объяснил им, что Уэсли через шесть дней посадят на американский самолет, но скрыл, что принял решение поместить его на год в хорошую школу-интернат, а потом отправить для продолжения образования назад во Францию и что сам он (из эгоистических соображений или из родственного великодушия?) тоже вернется во Францию и будет приглядывать за парнем.

– Чего я хочу? – повторила Тереза. – Я хочу, чтобы он вырос приличным человеком, а не диким зверем из джунглей, каким был его отец.

– Вам, конечно, понятно, – сказал Рудольф, – что если он останется в Соединенных Штатах, то не пройдет и двух лет, как он будет призван в армию, может попасть во Вьетнам и погибнуть.

– На все воля господня, – отозвалась Тереза. – Ты согласен со мной, Эдди?

– Все в руках божьих, – подтвердил мистер Крейлер. – Мой сын тоже в армии, и я горжусь этим. От судьбы мальчику не уйти, как и всем людям на свете.

– Моему сыну не нужны поблажки, – заявила Тереза.

– Вам не кажется, что прежде всего следует спросить у самого Уэсли, чего он хочет?

– Он мой сын, – ответила Тереза, – и мне незачем его спрашивать. Я приехала сюда проследить за тем, чтобы его не надули и не утащили у него законную долю, которая ему положена при разделе отцовского состояния. – А, подумал Рудольф, вот это уже ближе к делу. – Как только продадут эту роскошную яхту, о которой написано в журнале, – тем же визгливым голосом продолжала Тереза, – я уж все силы приложу, чтобы моего сына не обошли,

можешь не сомневаться. А наш адвокат каждую бумажку прочешет, будьте спокойны, мистер Джордах.

– В таком случае, – Рудольф встал, – дальнейший разговор мне представляется бесполезным. Мачеха Уэсли, которая, по всей вероятности, будет назначена администратором наследства, тоже найдет адвоката, и эти два адвоката сумеют между собой договориться. А мне некогда. Всего хорошего.

– Подожди минутку, – испугалась Тереза. – Куда ты вдруг сорвался?

– Хочу прилечь, – сказал Рудольф. – Я с самого утра на ногах.

– Почему ты не спрашиваешь, где мы остановились? – крикнула она. Победа, одержанная с такой подозрительной легкостью – наверняка это военная хитрость противника, – вдруг стала ускользать из ее рук. – И наш адрес в Америке? Мистера Крейлера очень уважают в Индианаполисе. У него свой бизнес. Он занимается разливом безалкогольных напитков. У него работают триста человек. Дай ему свою визитную карточку, Эдди.

– Не утруждайте себя, мистер Крейлер, – сказал Рудольф. – Мне не нужен ваш адрес ни здесь, ни в Индианаполисе. Я не желаю вас видеть, – не сдержался он.

– Мне хочется навестить моего мальчика, – заныла Тереза. – Я хочу посмотреть, что они сделали там, в тюрьме, с моим бедным сыночком.

– Обязательно, – сказал Рудольф. – Конечно, посмотрите. – Почему-то в конторе Хита, когда он давал ей деньги на развод, материнский инстинкт Терезы был значительно слабее, ибо при виде выписанного на ее имя чека она, не раздумывая, поставила свою подпись под документом, лишившим ее прав на сына.

– Я намерен усыновить его по всем правилам, – вмешался мистер Крейлер. – Миссис Крейлер хочет, чтобы он забыл фамилию Джордах.

– Это должны решать он и его мать, – сказал Рудольф. – Однако я при очередном свидании могу передать ему ваше желание.

– Когда ты пойдешь в тюрьму? – спросила Тереза. – Я не хочу, чтобы ты разговаривал с ним с глазу на глаз, вливал яд в его душу... Я пойду с тобой.

– Нет, со мной вы никуда не пойдете, – ответил Рудольф. – В тюрьмы я обычно хожу без сопровождающих.

– Но я не умею говорить по-французски, – захныкала она. – И я не знаю, где тюрьма. А если полицейские не поверят, что я его мать?

– Это уж ваши проблемы, миссис Крейлер, – сказал Рудольф. – Я не хочу больше видеть ни вас, ни вашего мужа. Передайте своему адвокату, пусть он свяжется с юридической конторой «Хит, Берроуз и Гордон» на Уолл-стрит. Вы, по-моему, уже бывали там, миссис Крейлер.

– Мерзавец! – не совсем по-мормонски высказалась Тереза.

– Всего хорошего, – улыбнулся Рудольф. Он кивнул им и ушел, а они – толстые, маленькие, сердитые – остались вдвоем на поляне среди сосен. Рудольфа трясло от злости, к которой примешивалось и ощущение полной безысходности и тревоги за бедного мальчишку, сидящего в грасской тюрьме, но в эту минуту он ничем не мог ему помочь. Чтобы вырвать Уэсли из материнских объятий, требовалась специальная операция невиданных

масштабов, а сегодня он не был в состоянии придумать даже первого своего шага. Хоть миссис Тереза Крейлер и стала ревностной христианкой, едва в воздухе запахло деньгами, как она тотчас припомнила нормы поведения, присущие ее прежней профессии. О боже, теперь ведь еще нужно предупредить Кейт о том, что ее ждет.

Он быстро уложил вещи. Портье заказал ему номер в «Коломб д'Ор» в Сен-Поль-де-Вансе. Отель в Грасе был бы ближе к тюрьме, куда он ходил почти ежедневно. Сен-Поль-де-Ванс ближе к Жанне. Он выбрал Сен-Поль-де-Ванс. Остаться в отеле «Дю Кап» теперь незачем, зато выехать есть все основания. Он попросил портье пересылать приходящую на его имя почту, но ни в коем случае никому не говорить, где он живет. Он известил Жанну о своем новом местопребывании письмом, адресованным на Главный почтамт Ниццы до востребования.

Спустившись вниз, чтобы расплатиться – чемоданы его уже укладывали в машину, – он с облегчением убедился, что Крейлеры ушли. Потом взял счет и ахнул. На Лазурном берегу даже несчастье стоит дорого. Пусть это один из лучших отелей в мире, больше он сюда ни ногой. И не только из-за цены.

Сначала он поехал в порт. Над о, чтобы Дуайер и Кейт знали, где его искать. Когда Рудольф поднялся на борт яхты, Дуайер драил медяшку на носу. Увидев Рудольфа, он выпрямился и протянул ему руку.

– Как дела? – спросил Рудольф.

– Неважно, – пожал плечами Дуайер. – Винта с валом так и нет. Их купили в Италии, а итальянцы, пока счет не оплачен, не дают разрешения на провоз через границу. Я каждый день веду по телефону переговоры со страховой компанией, но они не спешат. Они никогда не спешат. Только присылают мне для заполнения все новые и новые бланки, – обиженно добавил он. – И требуют, чтобы их подписал Том. Итальянцы, видно, считают, что во Франции никто и умереть не может. Да еще надо все переводить на их язык. Хорошо у меня в городе есть приятельница-официантка, которая знает итальянский язык, только она ничего не понимает в нашем деле, и ей приходится спрашивать у других, как будет по-итальянски разное там снаряжение, ходовые огни, морские сажени, плавающие обломки и тому подобное. Я прямо с ума схожу от всего этого.

– Ладно, Кролик, – сказал Рудольф, еле удерживаясь от стога. – Пришлите все бумаги мне. Я сам займусь этим делом.

– Большое вам спасибо, Руди, – с облегчением вздохнул Дуайер.

– Я переселяюсь в Сен-Поль-де-Ванс, – сказал Рудольф. – В отель «Коломб д'Ор».

– Правильно делаете. Ваш отель, должно быть, стоит кучу денег. Смотришь вокруг на все эти огромные яхты, на дорогие отели и диву даешься, откуда у людей деньги. Я по крайней мере понять не могу.

– Кролик, – сам не зная почему, вдруг принялся оправдываться Рудольф, – в молодости я ведь был, пожалуй, беднее любого из ваших знакомых.

– Да. Том мне говорил. Вы вкалывали как лошадь. Я вовсе не против тех,

кто сам выбился в люди. Я ими восхищаюсь. По-моему, вы имеете право на все, что у вас есть.

– От многого из того, что у меня есть, – ответил Рудольф, – я бы с радостью отказался.

– Я понимаю, о чем вы.

На мгновенье воцарилось неловкое молчание.

– Я надеялся застать у вас Кейт, – сказал Рудольф. – Произошло одно осложнение, о котором ей следует знать. Как она?

Дуайер задумался, потом нерешительно проговорил:

– Она уехала. Сегодня утром улетела в Англию.

– У вас есть ее адрес?

– Да, есть, – осторожно ответил Дуайер.

– Дайте-ка мне его, – сказал Рудольф. И коротко сообщил Дуайеру о визите Крейлеров, о юридических проблемах, с которыми Кейт придется столкнуться или которые по крайней мере предстоит решить от ее имени.

– Том рассказывал мне про эту свою жену, – медленно кивнул Дуайер. – Жуткая скандалистка, да?

– Это не главное ее достоинство, – ответил Рудольф. Он видел, что Дуайер не решается дать ему адрес Кейт. – Кролик, – сказал он, – я хочу задать вам один вопрос. Вы верите, что я стараюсь сделать все возможное для Кейт, для Уэсли и, между прочим, для вас тоже?

– Мне ничего не нужно, – отозвался Дуайер. – Что же касается Кейт... – Он странно, почти по-женски развел руками, словно ему было трудно объяснить Рудольфу ситуацию. – В тот день она разговаривала с вами грубо, я знаю. Нет, она вовсе не злится на вас, нет. Я бы сказал, что она... – Снова тот же жест. – Просто она... – Он не мог найти подходящего слова. – Ей причинили боль. Но она разумная женщина. Она справится. Особенно теперь, когда она вернулась домой, в Англию. У вас есть чем записать?

Рудольф вынул из кармана записную книжку и ручку. Дуайер продиктовал ему адрес.

– Телефона нет, – сказал Дуайер. – Насколько я понимаю, ее родственники в золоте не купаются.

– Я ей напишу, как только что-нибудь узнаю, – сказал Рудольф. Он бросил взгляд вокруг, увидел отмытую добела палубу, сверкающие перила и медь. – На яхте полный порядок, – заметил он.

– Порядок порядком, а всех дел не переделаешь, – ответил Дуайер. – Я договорился поставить ее на ремонт ровно через две недели. К тому времени должны прибыть из Италии эти чертовы штуки.

– Кролик, – спросил Рудольф, – сколько, по-вашему, стоит «Клотильда»? Сколько за нее дадут?

– Сколько она стоит и сколько за нее дадут – это разные вещи, – отозвался Дуайер. – Если сложить вместе ее первоначальную стоимость да всю нашу с Томом работу, все усовершенствования да новый радар, что вы подарили ему на свадьбу, – его еще надо установить, правда, – выйдет что-нибудь около ста тысяч долларов. Но если надо продать быстро, как вы сказали, когда объясняли

нам про раздел имущества, еще в этом месяце, а сезон уже почти на исходе, и никому ведь неохота целую зиму платить за содержание яхты, их обычно покупают в конце весны, – так вот, если надо продать быстро, и в межсезонье, и людям известно, что вы спешите сбыть ее с рук, тогда, естественно, они возьмут вас за горло и в лучшем случае вы получите тысяч пятьдесят. Но я не собираюсь вас уговаривать. Вы должны походить, осмотреться, поговорить с маклерами здесь, в Канне и в Сен-Тропезе. Понимаете? Может, у них есть желающие приобрести яхту по сходной цене.

– А к вам еще никто не обращался? – перебил его Рудольф.

– Нет, – покачал головой Дуайер. – Думаю, что в Антибе и не обратятся. После убийства и всего прочего. По-моему, лучше вообще дать ей новое название и перегнать в другую гавань. А то и в другую страну. В Италию, Испанию или еще куда-нибудь. Может, даже в Пирей, это в Греции... Люди суеверны, когда дело касается судна.

– Кролик, – сказал Рудольф, – вы только не сердитесь, но я хочу поговорить с вами вот о чем. Кто-нибудь должен постоянно находиться на судне, пока оно не продано...

– Конечно.

– И этому человеку надо платить, так?

– Да, – нехотя согласился Дуайер.

– Сколько обычно платят в таком случае?

– Это зависит, – уклончиво ответил Дуайер, – от порученной работы, от квалификации человека и тому подобного.

– Ну, например, сколько бы получали вы, если б были на другом судне?

– Видите ли, если бы меня наняли раньше – сейчас уже все команды укомплектованы, – мне бы платили, наверное, долларов пятьсот в месяц.

– Отлично, – обрадовался Рудольф. – Вы будете получать пятьсот долларов в месяц.

– Я на это не напрашивался, – посуровел Дуайер.

– Я знаю, что не напрашивались. Но получать будете.

– Только помните, что я не напрашивался. – Дуайер протянул руку, и Рудольф пожал ее. – Жаль, – добавил Дуайер, – что Тому не узнать, как вы заботитесь о нас с Кейт, о парне и о «Клотильде».

– Я на такой комплимент тоже не напрашивался, – улыбнулся Рудольф.

– На борту, кажется, еще осталось немного виски, – намекнул Дуайер.

– Давайте выпьем, – согласился Рудольф.

– Пить виски меня научила ваша сестра, миссис Берк... Гретхен... – сказал Дуайер, когда они перешли на корму. – Она вам не рассказывала?

– Нет. Она держит ваш роман в тайне.

Но, заметив, что Дуайер не улыбнулся, он больше ни слова не сказал про Гретхен.

Они зашли в рулевую рубку и выпили теплого виски. Дуайер извинился за отсутствие льда.

Перед уходом Рудольф сказал:

– Если мы не встретимся раньше, значит, я увижу вас в аэропорту, когда

будет улетать Уэсли. Не забыли?

– У меня все записано, – ответил Дуайер. – Я соберу его вещи и привезу их с собой. – Он помолчал, кашлянул. – У него целая папка фотографий. Снимки яхты, портов, куда мы заходили, фотографии его и отца, мои и Кейт... Разные снимки. Их тоже положить вместе с его вещами? – Он поднес стакан к губам и, закрыв глаза, выпил с таким видом, словно это ему ничего не стоило.

– Положите, – ответил Рудольф. – Воспоминания причиняют боль, но они необходимы.

– Хотите еще выпить?

– Нет, благодарю, – отозвался Рудольф. – Я еще не обедал. Может, пообедаем вместе?

– Спасибо, Руди, – покачал головой Дуайер, – но я уже ел. – У Дуайера своя норма, понял Рудольф. Он позволяет себе принять одно одолжение в день. Не больше.

Дуайер аккуратно вытер тряпкой оставшиеся на столе от стаканов мокрые круги и отправился на нос драить медь. А Рудольф сошел с «Клотильды» на берег.

Зарегистрировавшись в новом отеле, Рудольф пообедал на террасе с видом на долину, словно сошедшую с картины Ренуара, а затем позвонил в Антиб старику адвокату, сообщил, что «Клотильда» продается, и попросил адвоката представлять интересы владельцев яхты.

– Если вам не предложат больше ста тысяч долларов, дайте мне знать. Я сам куплю ее.

– Очень благородно с вашей стороны, – заметил адвокат.

Из-за помех его было плохо слышно.

– Чисто деловой подход.

– Понятно, – отозвался адвокат. Оба знали, что это ложь. Не имеет значения.

Затем Рудольф позвонил в Нью-Йорк Джонни Хиту и долго с ним разговаривал.

– Ну и дела! – сказал Хит. – Ладно, приму меры. И с нетерпением буду ждать письма от адвоката Крейлеров.

Потом Рудольф надел купальные трусы и сорок раз переплыл бассейн туда и обратно. В голове у него не было ни одной мысли, а тело, когда он вылез из воды, ломило от приятной усталости.

Он долго сидел на краю бассейна, потягивая холодное пиво. Ему было так хорошо, что он чувствовал себя в чем-то виноватым. Интересно, думал он, сердясь на себя за эту мысль, что бы он делал, если бы вдруг его позвали к телефону и сообщили, что самолет с его семьей на борту упал в море?

8

Из записной книжки Билли Эббота (1968):

«Семья тоже предмет для размышлений. Это любовь и разрушение. Не

всегда. Но довольно часто. Согласно Фрейд, это подмостки, на которых разыгрывается греческая трагедия: кровосмешение, отцеубийство и прочие радости. Страшно даже вообразить, что представляла собой семейная жизнь славного доктора из Вены.

Интересно, а Юнг был более снисходительным? Нужно спросить у Моники. Она у нас кладезь премудрости. Между прочим, она почему-то никогда не говорит о своей семье. Под каждой крышей свои мыши.

Ни разу не встречался с Уэсли Джордахом. Бедный мальчик! Жертва очередной перетасовки карт судьбы. Интересно, окажет ли убийство отца положительное влияние на его духовный рост? Когда мой дед утонул, Рудольф и моя мать были сравнительно молоды, однако на их духовный рост это никак не повлияло.

Я любил бабушку за то, что она не чаяла во мне души. Однако к моей матери она относилась довольно прохладно, и потому даже в день похорон бабушки мать держалась в стороне. Интересно, будет ли мать держаться в стороне в день моих похорон. У меня есть предчувствие, что я умру молодым. Мать – железный человек, она будет жить вечно и переживет всех своих мужчин.

Оскорбляет ли меня ее похотливость? Да.

А моя собственная похотливость и похотливость Моники меня оскорбляют? Нет. Несправедливость – это монета, которой младшее поколение расплачивается со старшим.

Мать неразборчива в связях. Отец, когда был молод и энергичен, тоже, по его словам, разборчивостью в связях не отличался. А я – нет. Я, как сын алкоголика, держусь подальше от отцовского порока.

Сыновья бунтуют. Дочери сбегают. Я же не сделал ни того, ни другого. Я спрятался. Что оказалось нетрудным благодаря призыву в армию. Интересно было бы встретиться с моим двоюродным братом Уэсли, с которым я пока не знаком, сравнить наши мысли – ведь в наших жилах течет одна кровь.

Хиппи в своих коммунах полностью извратили понятие о семье. Я не мог бы жить в такой коммуне. Там полное отсутствие гигиены в отношениях между полами. Дикий эксперимент, обреченный на провал. Родовой строй давно в прошлом. Если я читаю, бреюсь или лежу с женой в постели, а рядом вертится чужой ребенок – радость небольшая.

Интересно, буду ли я лет этак через десять жить в пригороде, играть в бридж и всю субботу и воскресенье не отрываясь смотреть по телевизору футбол? Ездить в город на работу? Меняться женами? Голосовать за очередного Никсона?

Поздно. Я скучаю по Моники».

Уэсли, чисто выбритый и аккуратно одетый – костюм ему привез с «Клотильды» Рудольф, – сидел и ждал ажана, которому надлежало доставить его в аэропорт. Этот костюм ему купил отец больше года назад, и теперь он был тесен в груди, а руки торчали из рукавов. Как Уэсли и ожидал, дядя Рудольф все уладил. Хотя и не лучшим образом, раз предстоит улететь из

Франции. В Америке он никогда не был счастлив, а во Франции он был счастлив – по крайней мере до того дня, когда погиб отец.

В грасской тюрьме оказалось не так уж плохо. Полицейский, которого он ударил, служил в Канне, в Грасе не появлялся и к нему не приставал, а для караульных и juge d'instruction, который его допрашивал, он даже стал своего рода знаменитостью благодаря обстоятельствам смерти отца, знанию французского языка и тому, что он побил англичанина, который у местной полиции пользовался репутацией драчуна. Кроме того, Уэсли держался вежливо и никого не задирали. Оказали немалое влияние и деньги, которые дядя время от времени совал караульным, и организованный им же звонок из американского консульства.

В дяде Рудольфе одно было хорошо: он ни разу даже не намекнул, что ждет от Уэсли благодарности. Уэсли с удовольствием проявил бы благодарность, если бы знал, как это сделать. Придумаю что-нибудь потом, решил он. А пока ему не о чем было говорить с дядей, которого, по-видимому, смущало, что Уэсли сидит за решеткой, словно это случилось по его, дядиной, вине.

Один из караульных сумел даже стащить из полицейских архивов фотографию Дановича. Теперь, если Уэсли встретит этого подонка, он его непременно узнает.

Об этом он никому не рассказывал. Он и прежде-то не отличался откровенностью – даже с отцом ему было нелегко говорить о себе, хотя отец про свою жизнь рассказал ему почти все, отвечал на все вопросы. А теперь Уэсли и вовсе замкнулся. Над ним нависла какая-то угроза, он это чувствовал, но не мог понять, что ему угрожает. Что бы там ни было, прежде всего нужно помалкивать. Он понял это много лет назад, когда мать определила его в проклятую военную школу.

С матерью тоже следует держать ухо востро. Она тут визжала и рыдала, кричала на него, а потом сюсюкала, обещала, что у него начнется другая жизнь, когда она вместе со своим очередным мужем увезет его в Индианаполис. На черта ему эта другая жизнь? Он спросил у дяди, обязан ли он ехать в Индианаполис, и Рудольф с грустным видом ответил: «Пока ты несовершеннолетний – да». Это имеет какое-то отношение к деньгам, но какое, он не понимал. Плевать. Поедет посмотрит, а если не понравится – удерет.

Ему сообщили, когда он должен улететь.

Он скучал по школе. Учебный год уже начался, а вместе с ним в сентябре начинаются и баскетбольные соревнования. В прошлом году он был лучшим игроком в команде и знал, что в этом году они тоже на него рассчитывают. Хорошо бы они побольше проигрывали, тогда поняли бы, как им туго без него. Странно, что его заботят такие пустяки, когда только что погиб отец, но школа занимала важное место в его жизни, и он не мог отмахнуться от нее только потому, что сейчас взрослые не придали бы этому обстоятельству никакого значения. Он чувствовал, что отец, в отличие от всех других, понял бы его.

В школе некоторые ребята смеялись над ним из-за того, что он американец и плохо говорит по-французски. У него просто руки чесались их отлупить, но

он терпел, потому что знал: если отцу пожалуются, что он дерется, его ждет жуткая трепка. Теперь некого бояться, мрачно констатировал он. Вместе с тоской по отцу появилось и новое ощущение свободы. Теперь я сам буду делать ошибки, сказал он себе, и пусть люди либо прощают их, либо катятся ко всем чертям. А вот отцовскую ошибку простить очень нелегко. Он молился за отца, но будь он проклят, если простит его. Решил порисоваться, поиграть в великодушие, а он, Уэсли, теперь сидит в дерьме. В самом настоящем дерьме, думал он, одетый во все чистое.

Щелкнул замок, и в камеру вошел ажан, которому предстояло проводить его в аэропорт. Несмотря на штатский костюм – легкие брюки и спортивная куртка, – сразу было видно, что это полицейский. С таким же успехом он мог надеть и балетное трико.

А как пахло на улице! Уэсли уже забыл, каким бывает свежий воздух.

Они сели в обычную, не полицейскую машину. Уэсли поместился на переднем сиденье. Пузатый ажан, пыхтя, с трудом втиснулся за руль. Уэсли взглянул на его перебитый нос и хотел спросить, доставалось ли ему хоть раз пивной бутылкой по голове и приходилось ли убивать человека, но потом решил, что лучше поговорить о чем-нибудь другом.

Ажан опустил в машине все стекла и медленно поехал по петляющей горной дороге.

– Погодка-то какая, а? – заметил он. – Сейчас мы с тобой отлично прокатимся. – Задание предстояло нетрудное, и он старался извлечь из него максимум удовольствия. Час был ранний, но от ажана уже пахло вином. – Итак, с Францией ты прощаешься. Очень жаль. В следующий раз будешь знать, что драться надо без свидетелей, – засмеялся он своей же шутке. – Что ты собираешься делать в Америке?

– Держаться от полиции подальше, – ответил Уэсли.

– Вот это молодец, – похвалил его ажан. – Жена все пристаёт: «Поедем в Америку, поедем в Америку!» На полицейское-то жалованье, представляешь? – Он искоса взглянул на Уэсли. – А твой дядя – человек состоятельный? – спросил он.

– Миллионер.

– Сразу видно. – Полицейский вздохнул, посмотрел на свою помятую куртку. – Мне нравится, как он одет. И чувствуется, что человек влиятельный. Потому тебя и отправляют домой.

Домой – это сильно сказано, подумал Уэсли.

– Ничего, скоро приедешь к нам туристом и будешь сорить деньгами, – добавил ажан.

– Если у вас до тех пор не будет революции, – сказал Уэсли. В тюрьме он познакомился с двумя людьми, которые заявили, что они коммунисты и что скоро начнется революция.

– Насчет этого помалкивай, – угрюмо предупредил его ажан. – Особенно в Америке. Не то они отвернутся от нас. – И, озабоченный плохим мнением американцев о французах, добавил: – Уж не собираешься ли ты дома рассказать газетчикам, каким пыткам подвергали тебя во французской полиции, чтобы

заставить сознаться?

– Мне не в чем было сознаваться, – ответил Уэсли. – Все видели, как я ударил *salaud*.³⁵ Хотя, конечно, можно рассказать, как один из ваших приятелей задал мне трепку в машине по пути в префектуру, – усмехнулся он. Ему было радостно после проведенных за решеткой недель ехать по сельской местности, мимо увешанных плодами деревьев и покрытых цветами полей. А неторопливая беседа с дружелюбным ажаном давала возможность не думать о том, что ждет его в аэропорту и в Индианаполисе.

– А ты чего хотел? – обиженно спросил ажан. – Тебя при всем честном народе какой-то сопляк одним ударом посылает в нокдаун, и чтоб ты потом ехал с ним в темной машине и не поквитался?! Все мы люди.

– Ладно, – великодушно согласился Уэсли, – буду молчать.

– Ты парень неплохой, – сказал ажан. – В Грасе о тебе хорошо отзываются. Я видел типа, с которым поссорился твой отец. Он выглядел так, будто побывал под поездом. – Ажан кивнул как человек, знающий толк в этом деле. – Твой отец лихо его разукрасил. Очень лихо. – Он снова искоса взглянул на Уэсли. Лицо его было серьезно. – Этот тип известен полиции. С плохой стороны, – добавил он. – Но пока ему удастся уходить от наказания, которое он давным-давно заслужил. Он связан с опасными людьми. Тебя высылают отсюда не только ради поддержания порядка во Франции, но и ради твоей безопасности.

– Странно, – заметил Уэсли, – все знают, что он убийца, а он на свободе.

– Забудь про то, что знают все, друг мой, – строго отозвался ажан. – Забудь, поезжай домой и веди себя как следует.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Уэсли, припоминая во всех подробностях лицо на фотографии: глаза-щелочки, высокие острые скулы, тонкие губы и темные курчавые волосы. Ему хотелось сказать: «Лучше вы забудьте про человека, который убил моего отца. Просто возьмите и забудьте». Но он сдержался. – У меня есть к вам одна просьба.

– Какая? – В голосе ажана появилась профессиональная подозрительность.

– Мы не можем проехать мимо порта? Мне хотелось бы еще раз взглянуть на яхту.

– Почему бы и нет, – согласился ажан, взглянув на часы. – Еще рано, времени у нас достаточно.

– Очень любезно с вашей стороны, сэр, – поблагодарил его Уэсли. По-французски: «*C'est tres gentil de votre part, monsieur*». Одна из первых фраз, которым обучил его отец, когда привез в Антиб. Сам отец почти не говорил по-французски. Но сказал: «Есть два выражения, которые лягушатники очень любят. Первое: „*S'il vous plait*“, что означает „пожалуйста“. И „*C'est tres gentil de votre part*“. Запомнил? Повтори».

Уэсли не забыл отцовского урока.

– У меня сын твоего возраста, – сказал ажан. – Тоже с ума сходит по

---

³⁵ Негодяя (фр.).

кораблям. Все свободное время торчит в порту. Я его предупредил: станешь моряком – знать тебя не желаю. Не будь здесь всех этих судов, полиции было бы нечего делать. Кто только сюда не тянется, – мрачно продолжал он. – Алжирцы, югославы, греки, корсиканцы, сицилийцы, нудисты, малолетние преступники из Англии, сбежавшие из дома девчонки, богатые бездельники, которые не могут жить без наркотиков... – Он качал головой, перечисляя эти не слишком приятные для полиции дары моря. – А теперь каждый вонючий городишко на побережье строит себе порт. Здесь вся французская gendarmerie³⁶ не справится. Возьмем, к примеру, твой случай. – И он сердито погрозил Уэсли пальцем, вспомнив, что везет преступника, которого выдворяют из Франции. – Ты думаешь, то, что с тобой произошло, могло бы произойти, если бы ты жил, например, в Клермон-Ферране?

– То, что произошло со мной, – дело случая, – отозвался Уэсли; он уже жалел, что попросил проехать мимо порта.

– Все так говорят. А кому потом наводить порядок? Полиции.

– А кем бы вы хотели видеть своего сына? – Уэсли решил, что пора переменить тему.

– Адвокатом. Вот у кого деньги-то, дружок. Мой тебе совет: возвращайся в Америку и учись на адвоката. Ты когда-нибудь слыхал, чтобы адвокат сидел в тюрьме?

– Я тоже об этом думал, – сказал Уэсли, надеясь тем самым вернуть полицейского в прежнее благодушное настроение.

– Подумай всерьез.

– Обязательно, – пообещал Уэсли, мечтая, чтобы полицейский заткнулся.

– И никогда не носи при себе оружия. Понял?

– Да, сэр.

– Послушай совета человека, который повидал жизнь и небезразличен к судьбе молодого поколения.

Теперь Уэсли было ясно, почему именно этому полицейскому поручили отвезти его в аэропорт. Чтобы хоть на время выставить его из участка и избавиться от нравоучений.

Полицейский пробормотал что-то невразумительное и закурил сигарету, на мгновение убрав руки с руля. Машина опасно вильнула в сторону. От дыма Уэсли закашлялся. Ни отец, ни Кролик не курили.

Когда они подъехали к порту, Уэсли увидел «Клотильду». На палубе никого не было. А он почему-то все ждал, что из рубки вот-вот выйдет отец и проверит канат. Отца вечно беспокоило, как бы вдруг не разразился шторм – тогда канаты не выдержат. «Перестань, – сам себе сказал Уэсли, – перестань, он больше никогда не выйдет на палубу». А что, если открыть дверцу машины, выпрыгнуть и убежать? В минуту можно скрыться от толстого полицейского, спрятаться, а с наступлением темноты пробраться на «Клотильду», вывести ее в открытое море и взять курс на Италию, потому что до Италии ближе, чем до

---

³⁶ Жандармерия (фр.).

любой другой страны. Будет ли полицейский стрелять? Из-под куртки у него торчала кобура пистолета. Нет, рискованно. Нельзя. Сегодня, во всяком случае, он должен вести себя разумно. Он еще вернется в Антиб.

– Корабли! – с презрением сказал полицейский и нажал на акселератор.

Уэсли закрыл глаза. Он больше не хотел видеть «Клотильду».

Рудольф с Дуайером ждали его возле регистрационной стойки. У ног Дуайера стоял отделанный искусственной кожей рюкзак Уэсли, а в руках он держал большой желтый конверт.

– Твоя мать и ее муж, – сказал Рудольф, – уже прошли паспортный контроль и ждут тебя. Они летят тем же самолетом.

Уэсли кивнул. Он боялся расплакаться.

– Все будет в порядке, мсье Джордах, – почтительно обратился к Рудольфу ажан. – Я пройду вместе с ним и посажу его в самолет.

– Мерси, – поблагодарил Рудольф.

– Вот твои вещи, – показал на рюкзак Дуайер. – Тебе придется поставить его на весы. – По случаю проводов Дуайер надел костюм. Уэсли ни разу не видел Дуайера в костюме, даже на свадьбе он был без пиджака. Уэсли показалось, что Дуайер стал меньше ростом и сильно постарел; на лбу и вокруг рта у него все было иссечено тонкими морщинками. – А здесь – фотографии, – добавил Дуайер, протягивая ему конверт, – ты их сохрани. Вдруг когда-нибудь захочется на них взглянуть. – Он говорил как-то рассеянно, словно издалека.

– Спасибо, Кролик, – Уэсли взял конверт.

Рудольф протянул ему листок бумаги.

– Тут два адреса: мой домашний и на всякий случай – вдруг я куда-нибудь уеду – адрес конторы моего приятеля Джонни Хита. Если тебе что-нибудь будет нужно... – Его голос тоже звучал неуверенно.

Не привык видеть, чтобы члена его семьи провожал из одной страны в другую полицейский, подумал Уэсли, сложил листок и сунул в карман.

– Береги себя, – сказал Дуайер, пока Рудольф предъявлял девушке за стойкой билет Уэсли и следил, как взвешивают его багаж.

– Не беспокойся за меня, старина, – ответил Уэсли, стараясь говорить бодро.

– А чего беспокоиться-то? – улыбнулся Дуайер, но улыбка вышла какая-то кривая. – Еще увидимся, а?

– Конечно. – Улыбнуться Уэсли не сумел.

– Пора, – по-французски сказал полицейский.

Уэсли пожал руку дяде, у которого был такой вид, будто через час-другой они снова увидятся, и Дуайеру, который, наоборот, смотрел на него так, словно они прощаются навсегда.

Не оглянувшись, Уэсли прошел в сопровождении ажана через паспортный контроль. Ажан предъявил чиновнику свое удостоверение и подмигнул.

Мать и ее муж, которого Уэсли прежде никогда не видел, ждали его у выхода на поле, словно боялись, что он может убежать.

– Ты что-то побледнел, – заметила мать. Волосы у нее растрепались. Она выглядела так, словно попала в десятибалльный шторм.

– Я чувствую себя нормально, – отозвался Уэсли. – Это мой друг, – показал он на ажана. – Он из полиции и по-английски не говорит.

Ажан чуть поклонился. Пока все шло хорошо, и он мог позволить себе быть галантным.

– Объясни им, что я обязан посадить тебя в самолет, – сказал он по-французски.

Уэсли объяснил. Мать отпрянула, словно ажан был болен заразной болезнью.

– Познакомься с твоим новым отцом, – сказала мать. – Это мистер Крейлер.

– Приветствую вас, – провозгласил мистер Крейлер тоном телевизионного ведущего и протянул Уэсли руку.

– Уберите руки, – спокойно заметил Уэсли.

– Не обращай внимания, Эдди, – заспешила мать. – Он сегодня взволнован. Что вполне естественно. Со временем он научится держать себя. Может, ты хочешь попить, малыш? Кока-колы или апельсинового сока?

– Виски, – сказал Уэсли.

– Послушайте, молодой человек, – начал мистер Крейлер.

– Он шутит, – поспешно вмешалась мать. – Правда, Уэсли?

– Нет.

Женский голос из громкоговорителей объявил о начале посадки на самолет. Ажан взял Уэсли за руку.

– Мне приказано посадить тебя на самолет, – сказал он по-французски.

Эх, надо было рискнуть, когда мы проезжали мимо порта, думал Уэсли, направляясь к выходу. Мать с мужем шли за ними по пятам.

Рудольф подвез Дуайера в Антиб. За всю дорогу они не проронили ни слова. Перед въездом в порт Дуайер сказал:

– Я выйду здесь. Мне надо кое с кем повидаться. – Оба знали, что он пойдет в кафе и напьется и что ему хочется остаться одному. – Вы еще не уезжаете?

– Пока нет, – ответил Рудольф. – Неделя, наверное, уйдет на всякие дела.

– Тогда, значит, увидимся, – сказал Дуайер и вошел в кафе. Он расстегнул воротничок рубашки, сорвал с себя галстук и, скомкав, сунул в карман.

Рудольф включил зажигание. В кармане у него лежало письмо от Жанны. Она приедет в «Коломб д'Ор» к обеду и может встречаться с ним на этой неделе ежедневно. В Париже снова заняты войной, писала она.

Когда погасло табло «Пристегните ремни» и самолет, пролетая над Монте-Карло, взял курс на запад, Уэсли достал из конверта фотографии и принялся их рассматривать. Он не заметил, как мать перешла через проход и склонилась над ним. Увидев в его руках фотографии, она нагнулась и выхватила их.

– Тебе они больше не понадобятся, – заявила она. – Бедный малыш, как много тебе предстоит забыть.

Он не хотел ссориться с ней – еще слишком рано, – потому ничего не ответил и только смотрел, как она рвет фотографии, роняя клочки на пол. Она, видно, любительница поскандалить. Значит, в Индианаполисе скучать не придется.

Он взглянул в иллюминатор и увидел, как внизу медленно отодвигается, уходя в синее море, его любимый зеленый Антибский мыс.

Часть вторая

1

Из записной книжки Билли Эббота (1969):

«В НАТО много говорят о перемещенных лицах: о польских немцах, о восточных и западных немцах, о палестинцах, об армянах, о евреях из арабских стран, об итальянцах из Туниса и Ливии, о французах из Алжира. А будут говорить, несомненно, еще больше. О чем беседовать военным, которые спят и видят, как бы развязать войну?

Мне пришло в голову, что я принадлежу к перемещенным лицам, ибо нахожусь далеко от дома, начинен сентиментальными и, несомненно, приукрашенными временем и расстоянием воспоминаниями о счастливой и радостной жизни на родине, не испытываю лояльности к обществу (то есть к армии Соединенных Штатов), в котором проходят годы моей ссылки, хотя оно кормит и одевает меня, а также платит мне куда больше, чем я при моих весьма скромных способностях и полном отсутствии честолюбия сумел бы заработать в своей родной стране.

У меня нет привязанностей, а это значит, что я вполне способен на подлость. Моя привязанность к Монике – чувство в лучшем случае временное. Случись перемена места службы – полковника, к примеру, переводят в часть, расквартированную в Греции или на Гуаме, а ему желательно и там иметь хорошего партнера по теннису; либо по приказу из Вашингтона, где и понятия не имеют о моем существовании, происходит передислокация воинских подразделений, либо, наконец, Монике предлагают более высокооплачиваемую работу в другой стране, – и все будет кончено.

Кстати, наши отношения могут прекратиться и сами по себе. В последнее время Моника стала раздражительной. Все чаще и чаще приглядывается ко мне, что ничего хорошего не сулит. Только абсолютно слепой эгоист может надеяться, что это пристальное внимание вызвано грустью при мысли о возможности меня потерять.

Если мы с Моникой расстанемся, я заберусь в постель к жене полковника».

Билли Эббот, в штатском костюме, вышел под руку с Моникой из ресторана на Гранд-плас в центре Брюсселя, где они только что превосходно поужинали. Настроение у него было отличное. Правда, заплатить пришлось порядочно – во всех путеводителях ресторан этот значился как один из

лучших, – но на такой ужин не жалко потратиться. К тому же днем в паре с полковником он выиграл на корте шестьдесят долларов. Полковник обожал теннис, старался играть каждый день не меньше часа и, как подобает выпускнику Уэст-Пойнта, проигрывать не любил.

Полковник видел игру Билли, когда Билли был всего лишь капралом, и ему пришлось по душе его манера. Билли действовал так хладнокровно и хитроумно, что побеждал противников, обладающих куда более сильным ударом. Кроме того, подвижный Билли в парной игре мог контролировать три четверти площадки, а именно такой партнер и требовался сорокасемилетнему полковнику. Поэтому теперь Билли был уже не капралом, а старшим сержантом и заведовал гаражом, что давало ему немалую прибавку к сержантскому жалованью, которая складывалась из чаевых, получаемых иногда от благодарных офицеров за предоставление машин для неслужебных дел, и из более регулярных доходов от тайной продажи армейского бензина по ценам, благоразумно умеренным. Полковник часто приглашал Билли ужинать. Ему, по его словам, хотелось знать, о чем думают солдаты, а жена полковника считала Билли очаровательным молодым человеком, ничуть не хуже офицера, особенно когда он был в штатском. Жена полковника тоже любила теннис и жила в надежде на то, что в один прекрасный день полковника ушлют куда-нибудь на месяц-другой и Билли останется при ней.

Армия, конечно, стала совсем не та, порой признавался полковник, но надо шагать в ногу со временем. Пока в командирах у Билли был полковник, отправка во Вьетнам ему не угрожала.

Билли знал, что от удручающего грохота вражеской канонады он с самого начала был избавлен стараниями дяди Рудольфа в Вашингтоне, и дал себе обещание когда-нибудь выказать ему свою благодарность. Как раз сейчас у него в кармане лежало письмо от дяди вместе с чеком на тысячу долларов. Из матери Билли уже выжал все, что можно, поэтому Моника, узнав о богатом дядюшке, заставила Билли попросить у него денег. Объясняя, зачем ей нужны деньги, она явно чего-то недоговаривала, но Билли уже давно привык к этой недоговоренности. Он ничего не знал ни о ее семье в Мюнхене, ни о том, почему в восемнадцатилетнем возрасте она вбила себе в голову, что ей необходимо учиться в Тринити-колледже в Дублине. Она часто уходила на какие-то таинственные встречи, но все остальное время была очень уживчивой и покладистой. При переезде в его уютную квартирку в центре города она поставила условие, что он не будет задавать ей никаких вопросов, даже если она исчезнет не только на целый вечер, но и на целую неделю. У членов делегаций в НАТО бывали такие совещания и переговоры, о которых не полагалось рассказывать. Но он и не отличался любопытством, когда дело не касалось его лично.

Моника была темноволосой, всегда растрепанной, носила туфли на низком каблуке и плотные чулки – словно нарочно старалась выглядеть похуже; зато когда она улыбалась, ее большие голубые глаза освещали все лицо. Но эти плюсы и минусы ничего не стоили рядом с ее чудесной фигуркой. Именно фигуркой, а не фигурой – для Билли это имело значение, потому что при его

росте в сто шестьдесят восемь сантиметров и хрупком телосложении высокие женщины вызывали у него комплекс неполноценности.

Если бы его сегодня спросили, чем он собирается заняться после армии, он бы, вполне возможно, ответил, что останется на сверхсрочной службе. Моника довольно часто его ругала за отсутствие честолюбия. А он с обаятельной улыбкой слушал и соглашался: чего нет, того нет. Ценность этой улыбки неизмеримо возрастала в сочетании с его печальными глазами под густыми черными ресницами, ибо всякий видел, что человек, чьей душой владеет грусть, все же самоотверженно старается если не развеселить, то хотя бы немного развлечь собеседника. Но Билли ею не злоупотреблял – он знал себя достаточно хорошо.

Сегодня Монике как раз предстояла одна из ее таинственных встреч.

Выйдя из ресторана, они остановились полюбоваться площадью, где в лучах прожекторов поблескивали позолотой фасады и оконные переплеты домов.

– Ложись спать, меня не жди, – сказала она. – Я приду поздно, а может, и вовсе не приду до утра.

– Так я скоро стану импотентом, – пожаловался он.

– Ладно, не прибедняйся! – возразила она. После Тринити-колледжа и нескольких лет в НАТО она говорила по-английски так, что и англичане и американцы принимали ее за соотечественницу.

Он нежно поцеловал ее в губы и стал смотреть, как она садится в такси. Она вскочила в машину, словно была не на улице, а в секторе для прыжков в длину. Он снова восхитился брызжущей из нее энергией. И снова не расслышал адреса, который она назвала шоферу. Когда бы он ни сажал ее в такси, ни разу ему не довелось услышать, куда она едет.

Пожав плечами, он направился в кафе. Домой еще рано, а больше в этот вечер ему никого не хотелось видеть.

В кафе он заказал пива и вынул из кармана конверт с дядиным письмом и чеком. После того как на глаза Билли попался журнал «Тайм» с заметкой о смерти Тома Джордаха и с жуткой фотографией голой жены Рудольфа, между ними произошел обмен довольно теплыми письмами. Разумеется, Билли ни словом не обмолвился об этой фотографии и выразил Рудольфу вполне искренние соболезнования. Дядя Рудольф подробно изложил все семейные новости. Чувствовалось, что он одинок и не знает, чем заняться; он с грустью, но сдержанно писал о своем разводе и о том, что кузена Уэсли забрала его мамаша из Индианаполиса. Рудольф умолчал о том, что мать Уэсли значится в полицейских досье как уличная проститутка, но зато Гретхен не поскупилась на детали. Письма ее были суровыми и наставительными. Она не простила сыну, что он попал в армию, она бы предпочла, чтобы он сел в тюрьму – тогда ей досталась бы почетная роль мученицы. Кому что нравится, обиженно думал он. Вот ему, например, – играть в теннис с сорокасемилетним полковником и жить в относительной роскоши в цивилизованном Брюсселе с умной, стройной,

владеющей несколькими языками и, честно говоря, любимой им Fraulein.³⁷

Письмо к дяде с просьбой о деньгах было составлено в изящных, неназойливых и печальных выражениях. Билли намекал на карточный проигрыш, сообщал о том, что разбил машину и теперь должен купить новую... Судя по ответу, полученному сегодня утром, дядя Рудольф отнесся к бедам племянника с полным пониманием, хотя и не скрывал, что дает деньги в долг.

Моника просила приготовить ей наличные на следующее утро, так что предстояло еще сходить в банк. Интересно, зачем они ей! А черт с ними, плюнул он, это всего лишь деньги, да и то чужие. И заказал еще пива.

Утром он узнал, зачем ей деньги. Явившись на заре домой, она разбудила его, подняла, сварила ему кофе и объяснила, что деньги пойдут одному сержанту со склада оружия и боеприпасов, чтобы он пропустил туда людей, с которыми она связана – она их не назвала и ничего о них не рассказала, – на американском армейском грузовике (грузовик даст он. Билли, из своего гаража) и позволит им вывезти сколько сумеют автоматов, гранат и патронов. Сам Билли в этом деле участвовать не будет. Ему только придется ночью вывезти из гаража грузовик с заполненным по всем правилам путевым листом и проехать с полмили по дороге, где его будет ждать человек в форме лейтенанта военной полиции США. Грузовик вернется в гараж до рассвета. Все это она говорила спокойно, а он молча пил кофе и думал, не спятила ли она окончательно от наркотиков. Тем же ровным тоном, точно в Тринити-колледже на семинаре, посвященном творчеству какого-нибудь малоизвестного ирландского поэта, она сообщила Билли, что он был выбран ею в любовники из-за своей должности начальника гаража, хотя с тех пор, призналась Моника, она очень, очень к нему привязалась.

– А для чего вам оружие? – помолчав, спросил он слегка дрожащим голосом.

– Этого я не имею права сказать, милый, – ответила она, ласково поглаживая его по руке. – Да тебе и самому лучше об этом не знать.

– Ты террористка, – догадался он.

– Что ж, это определение не хуже других, – пожалала она плечами. – Я лично предпочитаю называться идеалисткой, борцом за справедливость, врагом тирании или просто защитником самого обычного, истерзанного жизнью, подвергнутого идеологической обработке человека. Выбирай по вкусу.

– А если я сейчас пойду в НАТО и расскажу там про тебя? Про вашу идиотскую затею? – До чего глупо сидеть в маленькой кухоньке, в одном халате на голое тело, дрожа от холода, и рассуждать о взрывах и убийствах.

– Я бы не стала делать этого, милый, – улыбнулась она. – Во-первых, тебе никогда не поверят. Я скажу, что объявила тебе о своем уходе и ты решил мне отомстить таким странным способом. Кроме того, некоторые из моих приятелей отличаются весьма скверным характером...

---

³⁷ Девушкой (нем.).

– Ты мне угрожаешь, – сказал он.

– Называй это как хочешь.

По ее взгляду он видел, что она не шутит. Он похолодел от страха. Впрочем, он никогда и не считал себя храбрецом и в жизни не участвовал в драке.

– Если я пойду на это, то только один раз, – сказал он, стараясь говорить спокойно, – и больше мы с тобой никогда не увидимся.

– Как угодно, – тем же ровным тоном отозвалась она.

– В полдень я скажу тебе, что я решил, – сказал он, лихорадочно обдумывая, как в течение этих шести часов удрать от нее и ее приятелей с их бредовыми планами, улететь в Америку, спрятаться в Париже или Лондоне.

– Что ж, банки открыты и после обеда, – согласилась Моника. – Времени у нас хватит. Но ради твоей же безопасности предупреждаю: за тобой будут следить.

– Что ты за человек! – вскричал он срывающимся голосом.

– Если бы ты не был таким легкомысленным, беспечным и самоуверенным, – ответила она, по-прежнему не повышая тона, – то, прожив со мной столько времени, ты мог бы об этом и не спрашивать.

– Не понимаю, что легкомысленного и самоуверенного в нежелании убивать людей, – парировал он, уязвленный ее характеристикой. – Нечего задирать нос!

– Каждое утро ты надеваешь солдатскую форму, – сказала она. – А ведь тысячи парней твоего возраста, одетые в такую же форму, ежедневно убивают сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Вот что я считаю легкомыслием. – Глаза у нее потемнели от гнева.

– И ты решила этому помешать? – возвысил он голос. – Ты и горстка твоих приятелей-террористов?

– Мы пытаемся. Мы много чего пытаемся сделать, в том числе и это. По крайней мере будем утешаться тем, что пытались. А чем утетишься ты? – усмехнулась она. – Тем, что играл в теннис, пока это все происходило? Что на свете не осталось ни одного человека, который испытывал бы к тебе уважение? Что ты сидел сложа руки, пока люди, чьи сапоги ты лижешь с утра и до вечера, договаривались взорвать земной шар? Когда весь мир взлетит на воздух, ты, умирая, будешь гордиться тем, что жрал, пил и спал с женщинами, пока все это готовилось? Проснись! Нет такого закона, который требует, чтобы ты ползал как червяк!

– Все это слова, – огрызнулся он. – А что вы делаете? Угоняете израильский самолет, бьете стекла в посольстве, стреляете в полицейского регулировщика? Так, по-вашему, можно спасти мир?

– При чем тут израильцы? У нас, в нашей группе, на этот счет разные мнения, потому можешь не беспокоиться за своих приятелей-евреев... да и моих тоже.

– Спасибо, – насмешливо поклонился он, – за твою типично немецкую снисходительность к евреям.

– Негодяй! – Она попыталась было дать ему пощечину, но он успел

схватить ее за руку.

– Ты это брось! – пригрозил он. – С автоматом ты, может, и справляешься, но боксера из тебя не выйдет. Бить себя я не позволю. Ты тут орала и угрожала, требуя от меня того, за что я могу получить пулю в лоб либо сесть в тюрьму на весь остаток жизни, но так и не удосужилась ничего объяснить. – Позабыв о страхе, он перешел в наступление: – Если я и решусь помочь вам, то вовсе не из боязни и не за деньги. Ладно, давай договоримся. Ты права: нет такого закона, который требует, чтобы я ползал как червяк. Ты меня убедила, я – с вами. А теперь сядь, держи свои руки и угрозы при себе и, не трепыхаясь, объясни все по порядку. И только так, а не иначе. Ясно?!

– Пусти руку, – угрюмо сказала она.

Он отпустил ее. Она смотрела на него с ненавистью. И вдруг рассмеялась.

– Знаешь, Билли, а ведь ты, честно говоря, рассуждаешь здраво. Кто бы мог подумать? По-моему, нам надо сварить еще кофе. И ты замерз. Пойди оденься, натяни свитер, и за завтраком мы потолкуем о том, как чудесно в двадцатом веке быть живым.

В спальне, пока он одевался, его снова начало знобить. Но, даже дрожа, он чувствовал необыкновенный подъем. Впервые он не отступил, не ускользнул, не уклонился. А речь шла о жизни или смерти – это ясно. С Моникой шутки плохи. В газетах каждый день пишут об угоне самолетов, о взрывах бомб, об убийствах политических деятелей, о массовых кровопролитиях, и все это замышляют и осуществляют люди, которые сидят за соседним письменным столом, едут с тобой в одном автобусе, ложатся в твою постель, обедают вместе с тобой. Уж так ему повезло, что и Моника оказалась из их числа, а он и вправду ни о чем даже не подозревал. Она причинила ему жестокую боль, нанесла оскорбление. Одно дело – знать, что ты человек никчемный, но совсем другое – услышать это от женщины, которой ты восхищался, более того, которую ты любил и верил в ее любовь!

Ее смех в конце беседы был данью уважения, и он принял эту дань с благодарностью. Теперь в глазах Моника он стал достойным противником, с которым следовало и обращаться соответственно. До сих пор он не старался переделать мир и был доволен тем, что занял в нем теплый военный уголок. Теперь его оттуда вытащили, и ему придется на это реагировать. Хочет он или нет, а во что-то его уже втянули. И он сразу же понял, что вся жизнь его коренным образом изменилась.

Черт бы ее побрал!

Когда он снова вошел в кухню, кофе был уже готов. Моника сбросила туфли и ходила по кухне в одних чулках, растрепанная – ни дать ни взять домашняя хозяйка, только что вставшая с супружеского ложа, чтобы приготовить завтрак мужу. Странно говорить в кухне о терроре, рассуждать о кровопролитии возле горячей плиты, выбирать жертву под стук кастрюль и сковородок! Он сел за исцарапанный деревянный стол, добытый на какой-то бельгийской ферме, и Моника налила ему кофе. Кофе она варит отлично, как

всякая немецкая Hausfrau.³⁸ Он с удовольствием сделал первый глоток. Она налила кофе себе, ласково улыбнулась. Женщина, объяснившая ему, что его выбрали ей в любовники только потому, что он распоряжается гаражом, где можно брать грузовики для выполнения опасных заданий, исчезла. На некоторое время. На десять минут этого прохладного утра, думал он, глотая обжигающий кофе.

– Ну, с чего мы начнем? – спросил он и посмотрел на часы. – Давай побыстрее. Мне пора на работу.

– Начнем с начала, – ответила она. – С того, что творится в мире. А в мире все вверх дном. Кругом фашисты...

– И в Америке?.. – спросил он. – Брось, Моника.

– В Америке они пока действуют тайно, – раздраженно ответила Моника. – Не вылезают на поверхность. А кто снабжает их оружием, деньгами, помогает скрываться? Богачи из Вашингтона, Нью-Йорка, Техаса. Впрочем, если ты бережешь невинность, то нам не о чем разговаривать.

– Ты как будто цитируешь книгу.

– Ну и что? – удивилась она. – Чем это плохо? Вообще читать книги очень полезно, и тебе тоже не помешало бы кое-что почитать. А если ты так печешься о своей любимой родине, то могу тебя обрадовать: в Америке мы сейчас не действуем – наша группа, во всяком случае. За других я не отвечаю. Бомбы рвутся везде, и в Америке тоже, а будет их еще больше, обещаю тебе. Америка – это основание пирамиды, и потому именно она главная наша мишень. Ты глазам своим не поверишь, когда увидишь, как легко она рухнет, ведь построена-то она на песке – на лжи, безнравственности, ворованном богатстве, порабощении, а под этим ничего нет, пустота!

– Опять цитата? – усмехнулся он. – Может, проще взять книгу в библиотеке и дать ее мне почитать?

– И наша задача, – продолжала Моника, не обращая внимания на его насмешку, – показать это всему миру.

– И как же вы собираетесь действовать! Силами спятивших с ума гангстеров?

– Я запрещаю тебе употреблять это слово, – прошипела она.

– Называй их как хочешь. Бандиты. Наемные убийцы.

– Мы будем атаковать все чаще и чаще. Власти начнут тревожиться, почувствуют неуверенность и в конце концов испугаются. А страх заставит их делать одну ошибку за другой, и последствия с каждым разом будут все более роковыми. Примутся закручивать гайки, потом пойдут на губительные уступки, и люди, поняв, что их правители близки к поражению, поднимутся на новые схватки, пробьют новые бреши в стене.

– Может, сменишь пластинку, а? – сказал он.

– Сначала убьют президента правления банка, – вещала она в экстазе, – потом похитят посла, страну парализует забастовка, наступит девальвация.

---

³⁸ Домашняя хозяйка (нем.).

Откуда последует очередной удар, никто знать не будет, но будут знать, что он непременно последует. И тогда начнется такое закручивание гаек, что все взлетит на воздух. Тут не нужны армии... Требуется лишь горстка людей, безоговорочно верящих в идею...

– Вроде тебя? – спросил он.

– Да, а что? – вызывающе ответила она.

– А что потом, после вашей победы? – спросил он. – Восторжествует Россия? Этого вы добиваетесь?

– Дойдет очередь и до России, – ответила она. – Неужели ты считаешь меня такой душой?

– Тогда чего же ты добиваешься?

– Чтобы земной шар перестали отравлять, чтобы мы не были обречены на вымирание, чтобы не существовало ни солдат, ни шпионов, чтобы не поднимались в воздух бомбардировщики с атомными бомбами на борту, чтобы не было продажных политиканов и убийств ради денег... Люди страдают, и я хочу, чтобы они узнали, кто заставляет их страдать и какой это приносит доход.

– Понятно, – сказал он. – Все это прекрасно, а теперь поговорим о деле. Предположим, я достану вам грузовик, предположим, вы добудете гранаты, бомбы, автоматы. Что вы конкретно собираетесь с ними делать?

– Конкретно, – ответила она, – мы намерены высадить все стекла в одном здешнем банке, подложить бомбу в испанское посольство и разделаться с одним немецким судьей – самой большой свиньей в Европе. Больше я тебе ничего не могу сказать. Ради твоей же собственной безопасности.

– Я вижу, ты готова на многое ради моей безопасности, – иронически поклонился он. – Выражаю тебе благодарность от имени моей матери, полковника и от себя лично.

– Хватит болтать, – осадил его она. – И брось этот тон.

– А у тебя такой тон, будто ты вот-вот меня прикончишь, милая моя террористочка, – ответил он, поддразнивая ее, чтобы обрести смелость.

– Я еще никого не убила, – сказала она. – И не собираюсь. У меня другие обязанности. А чтобы тебя не мучила совесть, могу тебе сообщить, что здесь, в Бельгии, мы решили обходиться без жертв. Наши действия носят чисто символический характер. Мы просто хотим лишить их спокойствия, напугать.

– Это в Бельгии, – отозвался он. – А в других местах?

– Не твое дело, – ответила она. – Тебе незачем об этом знать. Позже ты, если разделишь наши взгляды и захочешь принять более активное участие в наших действиях, пройдешь курс обучения и будешь присутствовать при обсуждениях. А сейчас от тебя требуется сходить в банк, получить деньги по чеку твоего дяди и в один прекрасный вечер дать нам на несколько часов грузовик. Черт возьми, – вдруг разозлилась она, – что тут для тебя нового? Ты же сам берешь взятки! Думаешь, я не знаю, откуда у тебя столько денег при твоем-то сержантском жалованье? И бензином ты торгуешь...

– Боже мой, Моника, – удивился он, – неужели ты не видишь разницы между мелким жульничеством и тем, о чем ты меня просишь?

– Вижу, – ответила она. – Первое – занятие вульгарное и дешевое, а второе

– благородное. Ты живешь в каком-то трансе. Ты сам себе не по душе, и, судя по тому, что ты рассказывал мне про свою семью – про мать, отца, дядю, – про тех, с кем ты работаешь, ты презираешь и всех окружающих. Не отрицай, пожалуйста. – Она подняла руку, не давая ему заговорить. – На тебе словно шоры надеты. Никто еще ни разу не потребовал от тебя, чтобы ты посмотрел самому себе в лицо, распрямился, увидел, что происходит. Так вот, сейчас я этого требую.

– Одновременно намекая, что, если я не пойду вам навстречу, меня ждут большие неприятности? – сказал он.

– Именно так, дружок, – ответила она. – И пока будешь на работе, поразмысли над всем этим.

– Обязательно. – Он встал. – Мне пора.

– К обеду я зайду за тобой, – пообещала она.

– Я так и понял, – усмехнулся он и вышел.

Первая половина дня прошла как в тумане. Проверая путевые листы, предписания, накладные, ордера, Билли принимал одно решение за другим, всесторонне их обдумывал, отвергал, принимал новые и их тоже отвергал по зрелом размышлении. Трижды он брался за телефон, чтобы позвонить полковнику, рассказать ему обо всем, попросить совета, помощи, но тут же опускал трубку на рычаг. Он просмотрел расписание самолетов, решил сходить в банк получить деньги по дядиному чеку и ночным самолетом улететь в Нью-Йорк. В Вашингтоне он пойдет в ЦРУ, объяснит, в какой попал переplet, и, провожаемый восхищенными взглядами, засадит Монику за решетку. Восхищенными ли? А может, сотрудники ЦРУ, поднаторевшие в убийствах, организации подпольной борьбы, свержении правительств, поздравят его, а в душе будут презирать за трусость? Или еще хуже – превратят в двойного агента, прикажут вернуться в Брюссель, вступить в банду, к которой принадлежит Моника, и еженедельно докладывать о ее действиях? И он правда хочет засадить Монику за решетку? Даже сегодня утром он, честно говоря, не мог бы утверждать, что не любит ее. Любит? А что такое любовь? С большинством женщин ему было скучно. Как правило, после близости с женщиной он спешил встать и уйти домой. С Моникой же все было по-другому. Такого наслаждения он никогда еще не испытывал, и, какими бы жаркими ни были их объятия ночью, он с вожделением ждал возможности лечь с ней в постель и днем.

Он не хочет умирать. Он знал это, как знал и то, что не хочет расставаться с Моникой. И было нечто возбуждающее, глубоко волнующее в мысли о том, что у него хватит смелости ночью спать с женщиной, которая, как ему известно, способна отдать приказ о его казни в полдень.

Во что превратится его жизнь, если он скажет ей: «Я с вами»? Придется вести двойное существование? Играть с полковником в теннис и, услышав поблизости шум взрыва, думать, что ты сам его подготовил? Пройти мимо банка дяди Рудольфа и тайком положить на его порог бомбу, которая взорвется утром перед открытием? Познакомиться с мечущимися из страны в страну фанатиками – в учебниках по истории о них, быть может, напишут как о героях,

а пока что они убивают людей с помощью яда и голыми руками; они посвятят его в свои тайны и помогут забыть, что он всего сто шестьдесят восемь сантиметров ростом.

Он так и не позвонил полковнику, не получил деньги по чеку, не договорился насчет грузовика и не поехал в аэропорт.

Все утро он провел в каком-то оцепенении, и, когда полковник позвонил ему и пригласил в пять тридцать на игру, он сказал: «Есть, сэр, приду непременно», хотя отчетливо понимал, что к тому времени его уже может не быть в живых.

Выйдя из гаража, он обнаружил, что она ждет его у ворот. На сей раз она была причесана, и это его обрадовало, потому что все поглядывали на них понимающе – хотя и скрывали усмешку из уважения к начальству, – а ему было бы неприятно, если бы его подчиненные решили, что он связался с какой-то неряхой.

– Ну? – спросила она.

– Пошли обедать, – вместо ответа сказал он.

Он повел ее в дорогой ресторан, куда, как он знал, вряд ли пойдут его сослуживцы, даже если им надоела еда в американской столовой. Он чувствовал себя более уверенно там, где кругом хрустящие скатерти, цветы на столиках, внимательные официанты, где нет и намек на крушение мира, на помешанных заговорщиков, на рушащиеся пирамиды. Он сделал заказ для них обоих. А она прикинулась, будто ее вовсе не интересует, что она будет есть, даже не взяла меню в руки. Он злобно усмехнулся про себя, зная причину ее нежелания посмотреть меню. Чтобы прочитать названия блюд, ей пришлось бы надеть очки с толстыми линзами, а она стеснялась показываться в общественном месте с такими очками на носу. Но когда еду принесли, она ела с гораздо большим аппетитом, нежели он. Интересно, как ей удастся сохранять фигуру?

За обедом они негромко и спокойно беседовали о погоде, об открывающейся на следующий день конференции, в которой ей предстояло участвовать в качестве переводчицы, о его встрече с полковником на корте в пять тридцать, о приезжающем в Брюссель театре, спектакли которого ей хотелось посмотреть. Об их утреннем разговоре не было сказано ни слова, и, только когда принесли кофе, она спросила:

– Так что же ты решил?

– Ничего, – ответил он. В уютном ресторане было не просто тепло, а жарко, но его снова затрясло. – Утром я отправил чек обратно дяде.

– Разве это не решение? – холодно улыбнулась она.

– В известной мере, – согласился он. Он лгал. Чек лежал у него в бумажнике. Он не собирался ничего такого говорить. Слова вырвались сами собой, словно у него в голове нажали кнопку. Но теперь, произнеся их, он понял, что в самом деле отправит чек назад, поблагодарит дядю и объяснит, что его финансовые дела неожиданно улучшились и в данный момент он не нуждается в помощи. Зато удобнее будет обратиться к Рудольфу в другой раз,

когда действительно они ему позарез понадобятся.

– Ладно, – спокойно сказала она. – Если ты боишься, что твои деньги могут засесть, я тебя понимаю. – Она пожала плечами. – Не так уж это важно. Добудем деньги в другом месте. А как насчет грузовика?

– Я пока этим не занимался.

– У тебя еще есть вся вторая половина дня.

– Я ничего не решил.

– Не беда, – сказала она. – Притворись, что ничего не видишь, и все.

– Этого я тоже не собираюсь делать, – сказал он. – Я должен как следует подумать, прежде чем на что-то решиться. Если твои друзья задумают меня убить, – добавил он со злостью, но не повышая голоса, потому что к ним подходил официант с кофейником в руках, – передай им, что я буду вооружен. – Ему довелось однажды поупражняться с пистолетом. Он научился разбирать его и собирать, но в стрельбе по мишени выбил очень мало очков. Перестрелка в корралле, только в брюссельском! – подумал он. Кто там играл? Джон Уэйн? Интересно, как бы поступил на моем месте Джон Уэйн? Он засмеялся.

– Чего ты смеешься? – рассердилась она.

– Вспомнил один старый фильм, – ответил он.

– Да, пожалуйста, – сказала она по-французски официанту, который выжидающе стоял над ней с серебряным кофейником в руках. Официант наполнил их чашки.

– Можешь оставить пистолет дома, – криво усмехнулась она, когда официант ушел. – Никто в тебя стрелять не собирается. Ты не стоишь и одного патрона.

– Приятно слышать, – поклонился он.

– Интересно, тебя что-нибудь трогает? Производит на тебя впечатление?

– К следующей нашей встрече я приготовлю целый список и передам тебе.

Если встреча состоится.

– Состоится, – сказала она.

– Когда ты съезжаешь с квартиры? – спросил он.

Она подняла на него удивленные глаза. Он не мог понять, в самом деле она удивлена или притворяется.

– Я не собиралась съезжать. А ты хочешь, чтобы я съехала?

– Не знаю, – ответил он. – Но после сегодняшнего разговора...

– Давай на некоторое время забудем наш разговор, – сказала она. – Мне нравится жить с тобой. Я пришла к выводу, что политику и секс не надо смешивать. Кое-кто, возможно, считает иначе, но я в этом убеждена. Мне с тобой хорошо. С другими мужчинами у меня так не получается, даже с единомышленниками, а мы давно уже знаем, что в постели удовольствие должен получать не только мужчина, но и женщина. Ты, мой милый, послан господом богом бедной девушке в ответ на ее молитвы – уж извини за откровенность. Кроме того, мне нравится, как кормят в ресторанах, куда ты так любезно меня водишь. Поэтому... – Она закурила сигарету. Она курила одну сигарету за другой, и все пепельницы в квартире вечно были полны окурков.

Его это раздражало, потому что сам он не курил и с полной серьезностью относился к статистике о росте смертности среди курящих. Но не станет же террористка, постоянно живущая в ожидании ареста, беспокоиться о том, что может умереть от рака легких в шестьдесят лет. – Поэтому, – продолжала она, выпустив дым через нос, – я разграничу свою жизнь. Для секса, омаров и *pate de foie gras*³⁹ будешь ты, для менее серьезных дел, вроде убийства немецкого судьи, – другие. Ну, скажи, разве я не умница?

Она режет меня на куски, думал он, на крошечные кусочки.

– Отстань, – пробурчал он.

– Не смотри так мрачно, дружок, – сказала она. – Помни, от каждого по способностям. Между прочим, у меня вся вторая половина дня свободна. Ты можешь улизнуть на часок-другой?

– Могу. – Он уже давно довел систему уходов, приходов и отлучек до совершенства.

– Вот и хорошо. – Она погладила его по руке. – Пойдем домой и заберемся в постель.

Кляня себя за неспособность устоять, швырнуть на стол деньги и уйти из ресторана с гордо поднятой головой, он сказал:

– Мне нужно вернуться в гараж минут на десять. Встретимся дома.

– Жду не дождусь, – улыбнулась она, и на ее баварско-ирландском лице засияли огромные голубые глаза.

2

Из записной книжки Билли Эббота (1969):

«В ближайшее время я ничего писать не буду.

О Монике лучше помолчать.

Кругом ищейки. В любой момент могут нагрянуть так называемые „грабители“. В Брюсселе это обычное дело.

Моника злая как ведьма.

Я ее люблю. Но она мне не верит».

Сидни Олтшелер стоял у окна в своем кабинете на одном из верхних этажей небоскреба «Тайм» – «Лайф» и смотрел на огни в соседних зданиях. Настроение у него было мрачное, потому что ему предстояло трудиться и в субботу и в воскресенье.

В дверь тихо постучали, вошла его секретарша.

– Вас хочет видеть некий Уэсли Джордах.

– Джордах? – нахмурился Олтшелер. – Не знаю никакого Джордаха. Скажите, что я занят, пусть напишет мне письмо.

Секретарша уже собралась выйти, но тут он вспомнил.

– Подождите минуту, – сказал он. – Пять или шесть месяцев назад мы

---

³⁹ Печеночного паштета (фр.).

напечатали заметку об убийстве. Убили человека по фамилии Джордах. Пусть войдет. У меня есть пятнадцать минут свободных, пока не пришел Тэтчер с переделанной статьей. Вдруг у этой истории про Джордаха есть какое-нибудь продолжение, которое можно использовать? – Он отвернулся к окну и, глядя на огни, которые завтра гореть не будут, потому что в субботу вице-президенты, клерки, бухгалтеры, курьеры – словом, все-все имеют право наслаждаться отдыхом, снова принялся мрачно размышлять о предстоящем трудовом уик-энде.

В дверь опять постучали, и секретарша впустила юношу в костюме, из которого он явно вырос.

– Входите, входите, – пригласил Олтшелер, усаживаясь за стол. У стола стоял еще один стул, и он указал на него юноше.

– Я вам нужна? – спросила секретарша.

– Если понадобится, я позову. – Он посмотрел на юношу лет шестнадцати-семнадцати, но рослого для своих лет. Худое красивое лицо, глаза как буравчики. Похоже, занимается спортом.

– Чем могу быть вам полезен, мистер Джордах? – весело спросил он.

Юноша протянул ему вырванную из «Тайма» страницу.

– Вы напечатали заметку про моего отца, – сказал он низким звучным голосом.

– Да, помню. – Олтшелер помолчал. – А кто ваш отец? Мэр?

– Нет, – ответил юноша. – Мой отец был убит.

– Понятно, – отозвался Олтшелер, стараясь говорить с участием. – Как вас зовут, молодой человек!

– Уэсли.

– Нашли убийцу?

– Нет. – Уэсли помолчал, потом добавил: – То есть формально не нашли.

– Я так и думал. В печати ничего больше не появлялось.

– В общем, я хотел увидеть человека, который написал эту заметку. Я так и сказал внизу, но они куда-то позвонили и выяснили, что ее писал человек по фамилии Хаббел и что он до сих пор во Франции. Поэтому я купил «Тайм» и увидел вашу фамилию.

– Понятно, – повторил Олтшелер. – А зачем вам понадобился мистер Хаббел? По-вашему, в заметке есть нечто обидное для вас или допущены ошибки?

– Нет. Дело совсем не в этом.

– Или с тех пор произошло что-нибудь, о чем, по-вашему, нам следует знать?

– Нет. Просто я хотел поговорить с мистером Хаббелом о моем отце и о семье моего отца. Об этом в заметке много написано.

– Ясно. Но мистер Хаббел ничем не мог бы вам помочь. Все это было написано здесь. Материал разыскали в нашем архиве.

– Я плохо знал отца, – продолжал Уэсли. – Он уехал, когда я был совсем маленьким, а встретились мы только два года назад. Мне хотелось бы узнать о нем больше.

– Я вас понимаю, Уэсли, – мягко согласился Олтшелер.

– В заметке было гораздо больше, чем я знал. Я составил список людей, с которыми мой отец встречался в разное время его жизни, и «Тайм» тоже вошел в этот список – вот и все.

– Понятно. – Олтшелер позвонил, тут же вошла секретарша. – Мисс Прентис, выясните, пожалуйста, кто готовил материал для заметки о Джордахе. По-моему, если я не ошибаюсь, мисс Ларкин. Отведите молодого человека к ней. Передайте ей, что я прошу помочь мистеру Джордаху. – Он встал. – Извините, но мне пора за работу. Спасибо, что зашли, Уэсли. Желаю удачи.

– Благодарю вас, сэр. – Уэсли встал и вышел вслед за секретаршей.

Олтшелер снова подошел к окну. Вежливый и грустный юноша. А что бы он сам стал делать, если бы убили его отца и он был уверен, что знает, кто убийца? В Йельском университете, где он получил степень бакалавра, такие проблемы не обсуждались.

Мисс Ларкин занимала маленькую комнатку без окон, с дневным светом. Это была невысокая молодая женщина в очках, немодно одетая, но хорошенькая. Она кивала головой, робко поглядывая на Уэсли, пока мисс Прентис объясняла цель его визита.

– Посидите здесь, мистер Джордах, – сказала она, – а я схожу в архив. Вы сможете прочитать все, что я раскопала.

Она спохватилась и вспыхнула, но было уже поздно. Разве можно говорить «раскопала», когда перед тобой юноша, отец которого убит? И архивный материал надо еще раз просмотреть, прежде чем показывать ему. Она очень хорошо помнила, как работала над этой историей, – в основном потому, что все это очень уж отличалось от ее собственной жизни. Она никогда не бывала на Ривьере – собственно, она вообще не выезжала из Америки, – но, пока училась в колледже, много читала, и юг Франции запечатлелся в ее воображении как место, где непрерывно происходят любовные истории и трагедии: Скотт Фицджеральд носился там по Бриллиантовому поясу Лазурного берега с одного приема на другой, отчаянный Дик Дайвер веселился на сверкающем в лучах солнца пляже, а впереди их ждали беда и полный крах. Она даже сохранила свои записи по курсу литературы, точно предчувствуя, что в один прекрасный день займется изучением литературной географии. Она посмотрела на юношу, который побывал там и столько пережил, а сейчас стоял перед ней в своем тесном костюме, и ей захотелось расспросить его, узнать, что ему известно обо всем этом.

– Не хотите ли пока кофе? – спросила она.

– Спасибо, мэм, нет, – ответил он.

– Дать вам полистать новый журнал?

– Спасибо, я купил его внизу.

– Я сейчас же вернусь, – весело сказала она. Бедный мальчик, подумала она, выйдя из комнаты. И такой красивый. Даже в этом нелепом костюме. Она была романтична, увлекалась поэзией. Сейчас он представился ей во всем черном, точно молодой Йетс на ранних фотографиях.

Когда она вернулась, держа в руках папку с архивными материалами, он сидел сгорбившись, упершись локтями в колени и свесив кисти рук, как футболист на скамье запасных.

– Здесь все, – сказала она оживленно. Она долго думала: оставить или убрать снимок голый Джин Джордах, но в конце концов решила оставить. Фотография ведь была напечатана в журнале, и он наверняка ее видел.

– Можете не торопиться, – сказала она. – У меня есть другие дела... – Она показала на кучу вырезок. – Но вы мне не мешаете. – Ей было приятно его присутствие. Не так тоскливо.

Уэсли смотрел на папку, не решаясь открыть ее, а мисс Ларкин занялась работой – что-то резала, писала. Время от времени она поглядывала на него. Наконец он это заметил, что ее порядочно смутило. Ничего, думала она, ища оправдания самой себе, пора ему привыкать ко взглядам девушек. Они за ним будут бегать табунами.

Он вынул из папки первую фотографию. Она увидела, что это фотография его отца в боксерских трусах. Отец готовился нанести удар, выражение лица у него было свирепое. Здесь он совсем молодой, наверное моих лет, подумал Уэсли. На груди и руках отчетливо была видна каждая мышца. Противники, наверно, боялись его до смерти.

Мисс Ларкин тоже обратила внимание на эту фотографию. Ей красивый боксер показался хулиганом, от которого лучше держаться подальше. Она предпочитала мужчин с интеллигентной внешностью. Юноша же впился в фотографию, забыв обо всем, и мисс Ларкин принялась откровенно рассматривать его. Он удивительно похож на отца, только в нем нет ничего хулиганского. Ему, наверное, лет девятнадцать, можно пригласить его вниз в бар. В наши дни девятнадцатилетний юноша – уже вполне зрелый мужчина. Ей самой всего двадцать четыре, не такая уж большая разница в возрасте.

Фотография была вырезана из журнала «Ринг» вместе с небольшой заметкой, в которой говорилось: «Том Джордан, многообещающий боксер второго среднего веса, одержавший победы в четырнадцати поединках, из них восемь нокаутом, едет в Лондон, где выступит в Альбертхолле против Сэмми Уэльса, претендента на звание чемпиона Англии в среднем весе. Артур Шульц, менеджер Джордана, утверждает, что еще четыре-пять поединков – и Томми будет непобедим в своей категории».

На листке, прикрепленном к фотографии, было напечатано на машинке: «Поединок в Лондоне выигран нокаутом. Через три недели дерется в Париже с Рене Бадо. Нокаут в седьмом раунде. После этого сведения нерегулярны, выступает значительно хуже. Нанят спарринг-партнером для Фредди Куэйлса из Лас-Вегаса, штат Невада. Куэйлс – основной претендент на звание чемпиона в среднем весе. Ссора между Куэйлсом и Джорданом. Репортер из Лас-Вегаса сообщил, что, по слухам, в номере отеля была драка из-за жены Куэйлса, впоследствии статистки в Голливуде. Найден свидетель, видевший Куэйлса в больнице сильно избитым. Куэйлс не сумел восстановить форму, покинул ринг, сейчас служит продавцом в магазине спортивных товаров в Денвере, штат Колорадо. Т.Джордан исчез из Лас-Вегаса. Был выдан ордер на его арест по

обвинению в краже автомобиля. С тех пор нигде не появлялся».

Вот и все. В нескольких строчках изложена целая жизнь, а итог в шести словах: «С тех пор нигде не появлялся». Очень даже появлялся – в Антибе, с горечью подумал Уэсли. Он вынул ручку и на листке бумаги записал: «Артур Шульц, Фредди Куэйлс».

Потом снова принялся рассматривать фотографию отца: левая рука выдвинута вперед, правая прикрывает подбородок, плечи подняты, свирепое выражение на молодом лице; по словам человека сведущего, еще четыре-пять поединков – и он был бы непобедим. И нигде больше не появлялся.

Уэсли посмотрел на мисс Ларкин.

– Я бы, наверное, не узнал его, если бы он сейчас вот такой вошел сюда. – Он усмехнулся. – Хорошо, что при таких плечах он не был сторонником телесных наказаний для детей.

Мисс Ларкин поняла, что Уэсли гордится мускулистым телом и задиристым нравом отца, которому тут немногим больше, чем ему самому сейчас.

– Если хотите взять эту фотографию, – сказала она, – я дам вам большой конверт, чтобы она не помялась.

– Правда? – не поверил Уэсли. – Можно ее забрать.

– Конечно.

– Вот здорово-то! – обрадовался Уэсли. – А то у меня нет его фотографий. Было несколько, но более поздних... Тогда он уже выглядел по-другому. Нет, он выглядел неплохо, – поспешно добавил он, словно испугавшись, как бы мисс Ларкин не решила, что он дурно отзывается об отце или что отец превратился в толстого лысого старика. – Только по-другому. Наверное, из-за выражения лица. Нельзя же всю жизнь выглядеть на двадцать лет.

– Разумеется, – согласилась мисс Ларкин. Она каждое утро со страхом смотрела в зеркало в поисках морщинок вокруг глаз.

Уэсли снова полез в папку и вытащил листок с собранными мисс Ларкин биографическими данными членов семьи.

Он быстро просмотрел написанное. Все это уже известно: ранний успех дяди и скандал в колледже, два замужества тетки, карьера его отца в общих чертах. Одну строку он прочитал дважды: «Когда в тридцать пять лет Рудольф Джордах ушел от дел, он считался владельцем многомиллионного состояния». Многомиллионного! Сколько бы раз его отцу пришлось выступить на ринге, сколько сезонов проплавать по Средиземному морю, чтобы заработать хоть один миллион?

Он с любопытством посмотрел на сидевшую за столом хорошенькую девушку в очках. По воле случая именно ей довелось изучить историю его семьи. Интересно, что бы она ответила, если бы он спросил ее мнение о Джордах? Она писала, что история Рудольфа – типично американская история о том, как бедный юноша стал миллионером. Интересно, а про его отца она тоже скажет, что это типично американская история о том, как бедный юноша не сумел преуспеть в жизни?

Он фыркнул и чуть не засмеялся.

– Больше ничего нет. В этой папке все, – подняла на него глаза мисс Ларкин. – Не слишком-то много, к сожалению.

– Нет-нет, все очень хорошо, – заверил ее Уэсли. Ему не хотелось, чтобы эта милая молодая женщина сочла его неблагодарным. Он вернул ей папку и встал. – Большое вам спасибо. Мне, пожалуй, пора.

Мисс Ларкин тоже встала. Она смотрела на него странным взглядом, словно на что-то решаясь.

– Я тоже почти закончила на сегодня свои дела, – сказала она. – Может, сходим вместе в бар? – Она словно просила его, только он не мог понять о чем. – Позже у меня свидание... – Даже ему было ясно, что она лжет. – И целый час... мне некуда деваться.

– Меня не пустят в бар, – ответил Уэсли. – Мне еще нет восемнадцати.

– Правда? – вспыхнула она. – В таком случае спасибо за визит. Если придете сюда снова, вы знаете, где я сижу. А если я чем-нибудь могу вам помочь...

– Спасибо, мэм, – сказал он.

Она проводила его взглядом. Пиджак был ему явно узок в плечах. Нет восемнадцати, вспомнила она. Ну и дура же я!

Некоторое время она сидела, уставившись на разбросанные по столу бумажки. Ей почему-то стало казаться, что с ней происходит или произойдет что-то необычное. Она перечитала заметку. Убийство, богатый брат, интеллигентная сестра, ввязавшийся в драку профессиональный боксер убит, убийца не найден. Красивый сын, еще совсем мальчик, со странным, трагическим взглядом, добивается – чего? Мести?

Она писала роман о девушке, выросшей в разбитой семье и очень похожей на нее – одинокой, наделенной воображением; о ее влюбленности в учителей, о первой любви, о первом разочаровании, о переезде из маленького провинциального городка в Нью-Йорк. Теперь она думала о своем творчестве с презрением. Все это уже тысячу раз написано.

А история этого мальчика – чем не роман? Между прочим, Драйзера навела на мысль об «Американской трагедии» заметка в газете. Никого ни в драйзеровской семье, ни среди его знакомых не убивали, но все равно он написал великое произведение. А с ней в комнате всего несколько минут назад сидел красивый мальчик с трудной судьбой, несущий на своих плечах – это было почти зримо – ношу раскаяния и печали и собирающийся с силами, думала она, сладко замирая, чтобы совершить акт мести. Гамлет в обличье американского мальчика. А почему бы и нет? Месть – одна из старейших литературных традиций. Подставь другую щеку, сказано в Библии, но в ней же сказано и про око за око. Ее отец, неистовый ирландец, изрыгал страшные проклятия по адресу англичан, когда читал, что они до сих пор творят в Ирландии, но в их гостиной в годы ее детства висел портрет Парнелла.

Месть живет в наших душах, думала она, как в теле кровь. Мы любим делать вид, что слишком цивилизованны для этого в двадцатом веке, но человек из Вены, который всю свою жизнь посвятил выслеживанию нацистов, пользовался всеобщим уважением. Ее отец называл его последним героем

второй мировой войны.

Жаль, что она не догадалась спросить у мальчика, где он живет. Она бы разыскала его, изучила, описала в своем романе со всем его гневом, сомнениями молодости. Конечно, это бездушно, сказала она себе, но либо ты писательница, либо нет. Если он когда-нибудь снова придет сюда, она постарается разузнать про него все-все.

Мисс Ларкин была радостно взволнована, словно нашла клад, и даже ощутила прилив вдохновения. Она осторожно сложила все бумаги обратно в папку и пошла в архив поставить ее на место.

А потом с нетерпением стала ждать минуты, когда, очутившись дома, швырнет шестьдесят страниц написанного ею романа в огонь.

3

Когда в дверь позвонили, Рудольф сидел за пианино и пытался подобрать песенку «В погожий день». Миссис Бэртон, уже в пальто и шляпе, пошла открывать. Она обычно проводила у них день, а к вечеру отправлялась домой в Гарлем кормить собственную семью. Из кухни доносился смех Инид – она ужинала там с няней. Рудольф никого не ждал, а потому продолжал подбирать мелодию. Хорошо, что в доме есть пианино. Ему пришло в голову купить инструмент, когда он услышал, как новая няня тихо напевает, убаюкивая Инид. Она сказала, что немного играет на фортепьяно, и Рудольф решил, что Инид пойдет только на пользу, если у них в доме зазвучит живая музыка. Может, у девочки есть способности, тогда тем более хорошо, если рядом окажется человек, который умеет играть, а не проигрыватель, делающий Баха и Бетховена обыденными и привычными, как электричество. Но через несколько дней он сам уселся за пианино и принялся подбирать мелодии. Он радовался любой возможности отвлечься и уже почти решил брать уроки музыки.

Он услышал шаги миссис Бэртон.

– Мистер Джордах, пришел молодой человек, который говорит, что он ваш племянник. Впустить его?

С тех пор как Рудольф переехал на новую квартиру, занимавшую два верхних этажа небольшого особняка без швейцара, миссис Бэртон в страхе перед ворами и грабителями постоянно держала дверь на цепочке.

Рудольф встал.

– Пойду взгляну, – сказал он. В письме, пришедшем из Брюсселя неделю назад. Билли ничего не писал о приезде в Америку. Судя по письмам, племянник, по-видимому, стал приятным и неглупым молодым человеком; и в приливе родственных чувств Рудольф послал ему тысячу долларов, которую тот попросил. Может, у Билли случилась какая-нибудь неприятность по службе и он дезертировал? Тогда понятно, зачем ему понадобились деньги. Что же касается Уэсли, то после отъезда из Ниццы – почти девять месяцев назад – он как в воду канул.

Миссис Бэртон вышла вслед за ним в холл. За приоткрытой дверью на тускло освещенной площадке стоял Уэсли.

– Все в порядке, миссис Бэртон, – сказал Рудольф и открыл дверь. – Входи, Уэсли. – Он протянул ему руку, и Уэсли, чуть помедлив, пожал ее.

– Я вам сегодня больше не нужна? – спросила миссис Бэртон.

– Спасибо, нет.

– Тогда я ухожу. Всего хорошего, мистер Джордах.

– Всего хорошего, миссис Бэртон. – Она ушла, и Рудольф закрыл за ней дверь. Уэсли стоял молча – копия своего отца в отрочестве: такое же худое, бледное и безучастное лицо, настороженный и колючий взгляд. Он был в том самом костюме, в котором вышел из грасской тюрьмы, и костюм этот стал ему сейчас еще теснее, чем тогда. С тех пор Уэсли вроде даже вырос и раздался в плечах. И подстригся, с удовольствием отметил Рудольф.

– Рад тебя видеть, – сказал Рудольф, когда они прошли в гостиную. – Выпить хочешь?

– Пива, если можно, – ответил Уэсли.

– Располагайся поудобнее. – Рудольф пошел на кухню, где вместе с няней ужинала Инид. Няня, крупная и полная женщина лет сорока, удивительно мягко управлялась с девочкой.

– Инид, к нам приехал твой кузен Уэсли, – сказал Рудольф, вынимая из холодильника бутылку пива. Он хотел было после ужина позвать девочку в гостиную поздороваться с Уэсли, но потом решил, что не стоит. Неизвестно еще, зачем Уэсли приехал. Может, у него какие-нибудь душевные переживания или разочарования, как бывает в этом возрасте; тогда появление Инид только усложнит обстановку. Он поцеловал девочку в макушку, взял бутылку и стакан и вернулся в гостиную. Уэсли неловко топтался на том же месте, где Рудольф оставил его. Рудольф налил ему пива.

– Спасибо, – поблагодарил Уэсли. – А вы сами ничего не будете пить?

– Я выпью вина за ужином. Да ты садись.

Уэсли подождал, пока сел Рудольф, после этого уселся на стул лицом к нему и стал жадно пить.

– Ну, как поживаешь? – спросил Рудольф. – Каким ветром тебя занесло в Нью-Йорк?

– Я искал вас по старому адресу, – сказал Уэсли, оставив его вопрос без ответа. – Швейцар не хотел говорить мне, куда вы переехали. Не верил, что я ваш племянник. Пришлось показать ему мой библиотечный билет. – У него был обиженный тон, словно Рудольф переехал на четыре квартала к северу специально, чтобы Уэсли не мог его найти.

– Разве ты не получил моего письма? – спросил Рудольф. – Я сообщил тебе новый адрес, как только снял эту квартиру.

– Никаких писем не получал, – покачал головой Уэсли. – Нет, сэр, ни одного письма.

– В том числе и того, где я писал, что вопрос о наследстве почти улажен и что тебе причитается...

– Ничего не получил. – Уэсли отпил еще пива.

– Что же происходит с твоей почтой? – Рудольф старался говорить спокойно.

– Вероятно, мать считает, что мне незачем получать письма. Так я думаю.

– Ты уже поужинал?

– Нет.

– За ужином я расскажу тебе, о чем писал в письме.

– Я не ради разговоров о деньгах добирался на попутках из Индианаполиса в Нью-Йорк, дядя Руди, – тихо сказал Уэсли. – Я приехал... Считайте, что я приехал просто в гости.

– Мать знает, что ты в Нью-Йорке?

Уэсли покачал головой.

– Мы с матерью не часто разговариваем.

– Ты случайно не сбежал из дому?

– Нет. Сейчас пасхальные каникулы. Я оставил записку, что приеду к началу занятий.

– Слава богу, – сухо сказал Рудольф. – Ты хорошо учишься?

– Ничего. По французскому лучше всех. – Он усмехнулся. – Уже научил ребят ругаться.

– Это им когда-нибудь пригодится, – улыбнулся Рудольф. И более серьезным тоном спросил: – А почему тебе пришлось добираться на попутных машинах?

– Из-за отсутствия денег, – ответил Уэсли.

– Твоя мать каждый месяц получает на твое содержание довольно приличную сумму, – сказал Рудольф – Во всяком случае, на один автобусный билет до Нью-Йорка раз в год этих денег вполне хватит.

– Она мне не дает ни цента, – сказал Уэсли. – Но я не жалуясь. Я после школы работаю. Мне хватает.

– Да? – усомнился Рудольф. – Это у тебя единственный костюм?

– Костюм? Да. Но у меня есть несколько свитеров и джинсов и еще одежда для школы и для работы. А зимой мне дают старый плащ сына мистера Крейлера – он солдат и сейчас во Вьетнаме, – так что я не мерзну.

– Придется, пожалуй, написать твоей матери, – заметил Рудольф. – Она не имеет права тратить твои деньги на себя.

– Не стоит поднимать шум, дядя Руди, – отозвался Уэсли и осторожно поставил стакан на пол. – И без того у нас хватает разговоров. Мать говорит, что отдаст мне все до последнего цента, если я буду ходить с ней и мистером Крейлером в церковь, как и подобает истинному христианину.

– Понятно, – заметил Рудольф. – Вот теперь картина начинает проясняться.

– Еще та картинка, а? – Уэсли снова усмехнулся. – Настоящая испанская инквизиция в Индианаполисе!

– Я, пожалуй, выпью, – сказал Рудольф. Он встал, подошел к бару, приготовил себе мартини. – Еще пива, Уэсли?

– Спасибо. – Уэсли поднял стакан с пола, встал и протянул его Рудольфу.

– Хочешь повидаться с Инид? Она на кухне. – Он заметил замешательство Уэсли. – Ее матери здесь нет. Я ведь писал тебе, что мы развелись. – Он раздраженно тряхнул головой. – Или ты и этого письма не получил?

– Нет.

– Черт побери! Теперь я буду писать тебе до востребования. Неужели тебя не удивляло, что тебе никто не пишет?

– Я как-то не задумывался.

– А ты сам писал Кролику или Кейт?

– Писал раза два, – ответил Уэсли. – Но ответа не получил и бросил писать. Вам что-нибудь про них известно?

– Конечно, – ответил Рудольф. Каждый месяц Дуайер присылал ему отчет по расходам на «Клотильду»; он, разумеется, знал, что ее купил Рудольф. Согласно распоряжению судебных властей, яхта была оценена – стоимость ее определили в сто тысяч долларов. Значит, Дуайер не ошибся. Но ни один покупатель не предложил ничего хотя бы приближавшегося к этой сумме. Дуайер отвел яхту на зиму в Сен-Троpez и поставил у причала. – У них все в порядке. Кейт родила тебе брата. Точнее говоря, единокровного брата.

– Бедный парень! – вздохнул Уэсли, но все же несколько повеселел. Род продолжается, подумал Рудольф. – Будете писать Кейт, – сказал Уэсли, – напишите, что я как-нибудь смотаюсь в Англию и навещу ее. Получается, что только у моего отца из всей нашей семьи больше одного ребенка. А он мне говорил, что хотел бы иметь пятерых. Знаете, он здорово умел управляться с детьми. – Уэсли смущенно повертел в руках стакан. – Не люблю хвастаться, дядя Руди, но вы посмотрите, что отец сделал из меня. Я, конечно, и сейчас ничего собой не представляю, но, пока он не вытащил меня из военной школы, я же был полным психом.

– Да, сейчас тебя психом не назовешь.

– Самое главное, – сказал Уэсли, – что я сам себя не чувствую психом. А это уже хорошо.

– Еще бы.

– Раз мы уже заговорили о детях – можно мне взглянуть на Инид?

– Конечно, – обрадовался Рудольф.

– Она по-прежнему много болтает?

– Да, – ответил Рудольф и повел его на кухню. – Даже больше, чем прежде.

Но на этот раз Инид застенчиво молчала, поэтому Уэсли сказал:

– Здравствуй, Инид! Я твой кузен Уэсли. Узнала меня?

Инид равнодушно посмотрела на него и отвернулась.

– Уже поздно, – принялась оправдываться няня. – В это время она начинает капризничать.

– Я как-нибудь зайду к вам утром, – сказал Уэсли. В маленькой кухне его по-взрослому низкий голос звучал громко и резко, и Инид закрыла уши руками.

– Мисс, ведите себя как следует, – сделала ей замечание няня.

– Это я, наверное, слишком громко говорю, – виновато заметил Уэсли, идя вслед за Рудольфом в гостиную. – На судне привыкаешь – приходится перекрикивать и ветер, и море.

В гостиной Рудольф налил себе еще martini, выжал в него ломтик лимона и вдруг почувствовал, как он рад, что Уэсли пришел к нему в гости и захотел повидаться с Инид. Может быть, когда-нибудь в далеком будущем мы снова

станем единой семьей. У меня почти нет личной жизни, с грустью подумал он, и ему стало жаль себя. Надо держаться своей семьи. Он одинок, не связан брачными узами – эпизод с Жанной ушел в прошлое и почти забылся, дочь – под надежным присмотром, к тому же она еще в таком возрасте, когда он видит в ней всего лишь прелестную игрушку, так что, едва он начнет общаться со своими племянниками, они станут ему нужнее, чем он им. И все-таки пусть это случится поскорее.

– Какая бы причина ни привела тебя в Нью-Йорк, – сказал он взволнованно и приподнял стакан в знак приветствия, – я страшно рад тебя видеть.

– Спасибо. – Уэсли, немного смущенный, тоже поднял свой стакан.

– Надеюсь, больше в барах не дерешься, – улыбнулся Рудольф.

– Не беспокойтесь, – сдержанно отозвался Уэсли. – Я с этим покончил. Хотя, бывает, кулаки так и чешутся. В нашей школе много черных, и они часто дерутся с белыми, а белые – с ними. Меня, наверное, считают трусом. Ну и плевать – переживу. Я получил хороший урок. И потом, когда отец забирал меня из военной школы, я дал ему обещание не драться. И нарушил это обещание только раз. Причем при особых обстоятельствах. – Уэсли мрачно смотрел в стакан: сейчас он казался старше своих лет. – Всего раз. Говорят, каждая собака имеет право один раз кого-нибудь укусить. В память об отце я должен держать свое обещание. Это самое малое, что я... – Он замолк, стиснул зубы. Рудольф испугался, что парнишка вот-вот расплачется.

– Конечно, должен, – поспешно сказал он. – А где ты остановился?

– В общежитии Христианской ассоциации молодых людей. Там совсем неплохо.

– Послушай, – сказал Рудольф, – завтра утром я увожу Инид в Монток к ее матери, а вернусь в воскресенье один. Хочешь прокатиться со мной, подышать морским воздухом?.. – Он замолчал, заметив встревоженный взгляд Уэсли.

– Спасибо, – поблагодарил его Уэсли. – С удовольствием, но в другой раз. Мне пора обратно в Индианаполис.

– Тебе не придется голосовать. Я дам тебе денег на самолет. – Когда наконец я перестану предлагать людям деньги вместо того, что им на самом деле нужно? – с отчаянием подумал он.

– Не стоит, – отказался Уэсли. – По правде говоря, мне даже нравится голосовать. Каких только людей не встретишь!

– Нет так нет, – обиженно сказал Рудольф, но осуждать мальчика за нежелание встретиться с Джин и заново пережить в памяти все события он не мог. – Но если хочешь переночевать, – добавил он, – я могу устроить тебя здесь на диване. Комнаты для гостей у нас нет, но мешать тебе никто не будет. – Гостеприимство по-родственному, а не доллары.

– Спасибо, – отозвался Уэсли, стараясь не обидеть дядю, – я неплохо устроился в общежитии.

– В следующий раз, когда соберешься в Нью-Йорк, предупреди заранее. Тут рядом есть очень приличные отели, и тебе будет там удобно. Сходим в театр или еще куда-нибудь... – Он не договорил. Чего доброго, парень решит,

что он подлизывается...

– Обязательно, – неуверенно согласился Уэсли. – В следующий раз. А в этот раз, дядя Руди, я хочу поговорить с вами об отце. – Он испытующе взгляделся в Рудольфа. – Мне не довелось близко знать отца. Я встретился с ним мальчишкой, может, я и сейчас мальчишка, но мне хочется узнать, что он был за человек... Понимаете, о чем я говорю?

– Пожалуй.

– Я составил список людей, знавших отца в разные периоды его жизни, и вы с тетей Гретхен стоите первыми в этом списке. А как же иначе?

– Да, конечно. Как же иначе. – Рудольф боялся вопросов, которые ему могут задать, боялся ответов, которые вынужден будет дать этому высокому серьезному юноше.

– Когда мы с ним познакомились, – продолжал Уэсли, – я сразу стал смотреть на него как на героя, чуть ли не святого, потому что он так относился ко мне, к Кейт и Дуайеру, и от каждого умел добиться всего, что нужно, ни разу не повысив голоса, и, что бы ни случилось, оставался хозяином положения. Но он ведь не всегда был такой. Я смотрел на него глазами ребенка. Я хочу понять его по-настоящему. Для своего же блага. Это поможет мне понять себя. Каким я хочу стать, что делать в жизни... Извините меня, я совсем запутался... – Он раздраженно передернул широкими плечами.

– Не так уж ты далек от истины, – ласково ответил Рудольф. – Я все тебе расскажу... все, что помню. Но сначала нам следует, по-моему, пойти поужинать. – Первая заповедь цивилизации: прошлое подождет.

– Против хорошего ужина я не возражаю, – поднимаясь, согласился Уэсли. – В пути я ел что попало, а дома меня кормят... – Он скорчил гримасу. – Мать помешана на растительной пище. Но я же не белка. Дядя Руди, – улыбнулся он, – я только и слышу о том, какой вы богатый. Может, вы угостите меня бифштексом?

– На это, пожалуй, моего богатства хватит, – засмеялся Рудольф. – Во всяком случае, несколько раз в году я могу позволить себе такую роскошь. Подожди, я только попрощаюсь с Инид и надену пиджак.

Когда он вытаскивал пиджак из стеного шкафа, раздался телефонный звонок. Он поднял трубку.

– Алло!

– Руди... – услышал он голос Гретхен. – Ты где ужинаешь? – От смущения она всегда становилась довольно резкой и прямолинейной. Они давно не разговаривали, и он меньше всего ожидал ее звонка в пятницу вечером.

– Видишь ли... – Он был в нерешительности. – У меня неожиданный гость. Уэсли. Он приехал из Индианаполиса на попутных машинах. Я веду его ужинать. Пойдешь с нами?

– Ему нужно о чем-то с тобой поговорить? – разочарованно спросила Гретхен.

– Да нет. Во всяком случае, никакого секретного разговора, насколько я знаю, не предвидится.

– Мне не хотелось бы мешать вам...

– Не говори глупостей, Гретхен. Может, тебе самой нужно о чем-то со мной поговорить? – В прошлый раз, когда они вместе ужинали, Гретхен была расстроена и дала ему понять, что это из-за голливудского режиссера, у которого она работает и с которым то сходится, то расходится. Как его зовут? Кинселла. Эванс Кинселла. Надменный голливудский сукин сын. Только один раз Гретхен повезло с мужчиной, и надо же ему было врезаться на машине в дерево. Она, наверное, и звонит-то из-за этого Кинселлы, но если ей уж так приспичило излить душу, то это можно сделать и после того, как они проводят Уэсли до общежития.

– Я позвонила, – сказала Гретхен, – потому что мне сегодня вечером нечего делать. Мой приятель меня обманул. Для разнообразия. – Она невесело рассмеялась. – Вот я и вспомнила, что у меня есть родственники. Хорошо повидаться с родственниками, когда нет других занятий. А как Уэсли?

– Ничего, – ответил Рудольф. – Вырос. И такой же серьезный. Даже еще более серьезный.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

– Не страшнее, чем у нас с тобой, – весело ответил он.

– А как он отнесется к моему появлению?

– Прекрасно. Он сказал, что мы с тобой первые в списке тех, кого он хочет видеть.

– Что это значит? – встревожилась она.

– После ужина я тебе все объясню. Парень просит бифштекс. – Он назвал ей ресторан, положил трубку и, надев пиджак, спустился вниз. Уэсли стоял посреди гостиной и осматривался по сторонам.

– Знаете, – усмехнулся он, – вот таким, по-моему, и должен быть дом истинного христианина.

По дороге к ресторану Рудольф заметил, что Уэсли ходит точь-в-точь как отец: так же горбится, так же угрожающе поводит плечами. В детстве Рудольф думал, что Том нарочно так ходит: пусть все знают, что перед ними вырвавшийся на свободу опасный хищник, и держатся подальше. Повзрослев, Рудольф увидел в этой походке способ самозащиты. Так брат давал понять, чтобы его оставили в покое.

Узнав, что Гретхен тоже придет в ресторан, Уэсли обрадовался:

– Здорово! Она – блеск, настоящая леди. Не то что эти дамочки, которых мы катали. Деньги у них прямо из ушей сыпались... – Он смешно затряс головой. – Они день и ночь разгуливали полуголые и на всех... плевать хотели. – После двух стаканов пива у него слегка развязался язык. – Знаете, я иногда не могу понять: вот некоторые женщины за всю свою жизнь пальцем не пошевелили, а держатся так, будто им принадлежит весь мир.

– Они репетируют перед зеркалом, – сказал Рудольф.

– Репетируют перед зеркалом! – расхохотался Уэсли. – Надо запомнить. А тетя Гретхен работает, правда?

– Еще как, – ответил Рудольф.

– В этом, по-моему, все и дело. Кто не работает, тот дерьмо. Извините за

выражение, – спохватился он.

– Ничего.

– Отец и покрепче выразался, – сказал Уэсли. – Вот некоторые говорят так, будто у них в заднице якорь сидит. Он таких не любил. Он говорил, что крепкие словечки – это одно дело, а похабщина – совсем другое.

– Правильно он говорил. – Интересно, подумал Рудольф, который так и не преодолел детской неприязни к ругательствам и всегда тщательно следил за своей речью, а я тоже вхожу в эту категорию людей с якорем в заднице?

– Знаете, – продолжал Уэсли. – Кролик очень высокого мнения о вашей сестре. Он сказал мне, что вам следовало бы жениться на ней.

– Тут возникли бы определенные затруднения, – возразил Рудольф, – поскольку мы брат и сестра, а я не египетский фараон.

– Как это? – не понял Уэсли.

– В Древнем Египте у фараонов было принято жениться на сестрах.

– Понятно, – отозвался Уэсли. – Я, знаете, не очень-то силен в науках.

– Ты еще молодой.

– Ага-а, – протянул Уэсли, задумавшись над своей молодостью.

Нет, в мальчишке определенно есть хорошие задатки, а теперь Крейлеры получили законное право искоренять и губить их. Это же настоящее преступление! Завтра нужно будет еще раз спросить у Джонни Хита – он и его жена едут с ними в Монток, – нет ли какой-нибудь возможности вырвать мальчишку из рук матери.

– Кстати, об образовании, – сказал Рудольф, – ты собираешься в колледж?

– Мать говорит, это пустая трата денег, – пожал плечами Уэсли. – Я много читаю, но не то, что велят в школе. Я тут заинтересовался мормонами. Наверное, хотел узнать, почему мать и мистер Крейлер такие – потому, что они мормоны, или сами по себе. – Он усмехнулся. – Я думаю, они мерзкие по природе, а от религии вся дрянь из них так и полезла. Но, – добавил он серьезнее, – религия эта необычная. Мормоны определенно были людьми храбрыми, они пошли наперекор всем Соединенным Штатам, пересекли в своих фургонах половину страны, поселились в пустыне, и пустыня, говорят, зацвела. Но эти их женщины! Смотрю я на свою мать и, клянусь вам, не понимаю, зачем люди женятся! Послушаешь ее десять минут – и всю жизнь просидишь холостяком. И вообще, брак... – Он нахмурился. – Наша семья, например. Вы развелись. Тетя Гретхен развелась, мой отец тоже... В чем тут дело, а?

– Не ты первый об этом спрашиваешь, – сказал Рудольф. – Может быть, просто такое сейчас время. Мы меняемся, стараемся приспособиться друг к другу, притереться, и ничего не получается. Наверное, мы к этому не совсем готовы.

– У нас в школе есть одна девчонка, – снова нахмурился Уэсли, – хорошенькая, постарше меня. Мы... Ну, мы с ней дурачились в машине на заднем сиденье и у нее дома, когда родителей не было... Раза два... И она уже начала поговаривать о свадьбе. Вижу, ее на этом прямо заклинило. Ну, тогда я перестал с ней встречаться. А вы женитесь еще раз? – И он подозрительно

установился на Рудольфа, словно ожидая, что вот-вот услышит звон свадебных колоколов.

– Трудно сказать, – ответил Рудольф. – Пока не собираюсь.

– Смешная вещь – религия, – вдруг ни с того ни с сего сказал Уэсли; должно быть, разговор о браке смутил его, и он решил поскорее переменить тему. – Я хочу верить в бога, – серьезно продолжал он. – Кто-то же ведь все это создал, правда? Откуда мы здесь взялись, чем заняты, как все происходит – например, откуда берется воздух, которым мы дышим, вода, которую пьем, пища, которую едим? За последние месяцы я прочитал всю Библию от корки до корки. Ответов там нет – по крайней мере я их не нашел.

Милый мой племянник, хотелось сказать Рудольфу, когда твоему дяде было шестнадцать лет, он тоже читал Библию в поисках ответов. И тоже не нашел их.

– Во что же верить? – спросил Уэсли. – Вот мормоны говорят, будто бы Джозеф Смит нашел эти медные пластинки и никому не показал. Вы верите? Неужели люди способны верить в такую чушь?

– Еще говорят, будто бы Моисей спустился с горы Синай и принес с собой десять заповедей, высеченных богом на камне, – сказал Рудольф, обрадованный тем, что Уэсли не спросил его прямо, верит ли он в бога. – И в течение тысячелетий многие люди верили в эту легенду.

– А вы верите?

– Нет.

– И в школе нас тоже учат таким вещам, от которых просто смех берет. Часами, например, талдычат, что между черными и белыми нет никакой разницы, но стоит только выйти за дверь и пройти один квартал – и оказывается, все совсем не так. Во Франции было по-другому. А может, я сам был другим во Франции. Во Франции мне жилось весело, хотя с языком приходилось нелегко, а в Индианаполисе... – Он пожал плечами. – Большинство учителей, на мой взгляд, законченное дерьмо. Ребята на уроках орут, стреляют шариками из жеваной бумаги, бывает, и ножиками пыряются, а учителя только и делают, что их утихомиривают. Если в колледже то же самое, тогда ну его... – Он вопросительно посмотрел на Рудольфа. – А вы что думаете про колледж? Идти мне туда?

– Смотри чем ты хочешь потом заниматься, – осторожно ответил Рудольф, тронутый наивной словоохотливостью Уэсли и верой в то, что дядя не предаст его миру взрослых.

– Откуда я знаю? – сказал Уэсли. – То есть я знаю, чего хочу, но я пока не могу об этом никому рассказать. – Тон его вдруг стал холодным.

– Например, – продолжал Рудольф, не обращая внимания на эту перемену, – ты кое-что знаешь о море. Тебе оно нравится, правда?

– Нравилось, – невесело ответил Уэсли.

– Ты можешь пойти в торговый флот.

– Кролик говорит, собачья жизнь.

– Не обязательно. Неужели работа на «Клотильде» была для Кролика собачьей жизнью?

– Нет.

– И совсем это не собачья жизнь, если служишь офицером на приличном судне, если станешь капитаном...

– Пожалуй.

– Здесь, в Нью-Йорке, есть училище торгового флота. По окончании его сразу получаешь офицерское звание.

– Понятно, – задумчиво отозвался Уэсли. – Может, стоит об этом поразмыслить.

– А я тем временем наведу справки, – сказал Рудольф, – и напишу тебе, о чем узнаю. Только не забудь: теперь я буду писать до востребования.

В ожидании Гретхен Рудольф выпил мартини и решил, что теперь самое время поговорить с Уэсли о наследстве.

– После уплаты всех налогов и гонорара адвокатам, – сказал Рудольф, – должно остаться немногим более ста тысяч долларов, которые подлежат дележу. – Уэсли и Кейт незачем знать, что это те деньги, которые он заплатил за «Клотильду». – Одна треть причитается самой Кейт, вторая треть – ей же как опекунше собственного ребенка... – Он умолчал о том, сколько времени спорили между собой адвокаты, прежде чем удалось достичь компромисса. Крейлеры упорно боролись за то, чтобы Тереза, как мать Уэсли, была назначена администратором наследства. Их притязания имели некоторую юридическую силу, поскольку Кейт – британская подданная, постоянно проживающая в Англии. Пришлось напомнить Терезе, что она дважды была осуждена за проституцию и на этом основании Хит может возбудить против нее дело и не позволит ей – из соображений морали – стать опекуншей Уэсли, пусть даже она его родная мать. Конечно, Рудольф никогда не допустил бы ничего подобного, чтобы не травмировать Уэсли, но все же угроза подействовала. Крейлеры сдались и согласились, чтобы администратором наследства назначили Рудольфа; теперь ему ежемесячно предстояло отвечать на длинный перечень язвительных вопросов о каждом истраченном центре. Кроме того, Крейлеры то и дело грозили подать на него в суд за неумышленно или умышленно допущенные нарушения закона при защите интересов Уэсли. Какой черт дернул Тома сделать предложение этой бабе?!

– Остается примерно одна треть... – Он умолк. – Уэсли, ты меня слушаешь?

– Конечно, – отозвался Уэсли. Прошел официант с блюдом, на котором еще шипел огромный кусок жареного мяса, и Уэсли проводил его голодным взглядом. Что бы про него ни говорили, подумал Рудольф, избалованным его не назовешь.

– Я сказал, – продолжал Рудольф, – что тебе остается приблизительно тридцать три тысячи долларов, которые следует положить в банк. Проценты с этой суммы составят около тысячи девятисот долларов в год, которые твоя мать должна тратить на твое содержание. Когда тебе исполнится восемнадцать лет, ты вступишь во владение основным капиталом и сможешь им распорядиться по своему усмотрению. Я советую тебе его не трогать. Проценты будут

по-прежнему небольшими, но они помогут тебе заплатить за обучение в колледже, если ты захочешь учиться дальше. Это понятно?

Мальчишка опять не слушал его. Он с нескрываемым восхищением смотрел на яркую блондинку в норковом манто, появившуюся в сопровождении двух пузатых седых мужчин во фраках. Рудольф знал, что это любимый ресторан наиболее преуспевающих мафиози, а их спутницы вполне могут составить конкуренцию ресторанной кухне.

– Уэсли, – в отчаянии воскликнул Рудольф, – я веду разговор о деньгах!

– Знаю, – виновато отозвался Уэсли. – Но ведь тут есть на что посмотреть, а?

– Для этого и нужны деньги, Уэсли, – сказал Рудольф. Племянник должен уяснить истинную ценность денег. – Тысяча девятьсот долларов в год для тебя, возможно, не такая уж значительная сумма, но мне в твоём возрасте... – Он понял, что если закончит фразу, то напыщенно-назидательного тона не избежать. – Ладно, черт с ними, я напишу тебе обо всем в письме.

В эту минуту в зал вошла Гретхен. Он помахал ей, и, когда она подошла к их столику, оба встали. Рудольфа она клюнула в щеку, а Уэсли обняла и крепко поцеловала.

– Очень рада тебя видеть, – сказала она, и голос ее, к удивлению Рудольфа, дрогнул. Когда он увидел ее рядом с мальчиком и заметил, как она всматривается в его лицо, борясь с непонятным волнением, ему вдруг стало ее жаль. Наверное, вспоминает собственного сына, потерянного ею, отвергающего ее и под всякими предлогами не позволяющего навестить его в Брюсселе. – Ты чудно выглядишь, – добавила Гретхен, не выпуская мальчика из объятий. – Хотя новый костюмчик тебе не помешал бы.

И оба засмеялись.

– Если ты пробудешь в Нью-Йорке до понедельника, – продолжала Гретхен, разжав наконец объятия и усаживаясь, – мы сходим с тобой в «Сакс», посмотрим, нет ли там чего-нибудь подходящего.

– К сожалению, я завтра уезжаю, – ответил Уэсли.

– Неужели ты приехал всего на один день? – не поверила Гретхен.

– У него дела, – вмешался Рудольф. Ему не хотелось выслушивать гневные тирады Гретхен, которыми она, несомненно, разразится, если узнает о том, какое условие выдвинули Крейлеры относительно денег, принадлежащих Уэсли. – Ну, давайте заказывать, я ужасно проголодался.

За едой Уэсли приступил к расспросам об отце.

– Я сказал дяде Руди, – начал он, управившись с огромным куском мяса, – почему я хочу знать... должен знать, каким на самом деле был мой отец. Он сам много рассказал мне, а Кролик добавил... Но общего представления у меня пока нет. Отец рассказывал, как его боялись и ненавидели, когда он был еще подростком, а потом – постарше, в какие переделки он попадал... Как его ненавидели и как он ненавидел других. И вас с дядей Руди в том числе... – Он угрюмо посмотрел сначала на Гретхен, а потом на Рудольфа. – Но когда вы приехали к нам, у него ненависти уже не было. Он... я должен вам это сказать,

он вас любил. Он мне говорил, что почти всю жизнь был несчастлив, а потом – он сам это сказал – он научился забывать врагов... быть счастливым. Вот и я тоже хочу научиться быть счастливым. – Мальчишка плакал, не стыдясь слез, и в то же время поглощал один за другим громадные куски бифштекса с таким зверским аппетитом, будто несколько недель голодал.

– Все дело в Руди, – медленно сказала Гретхен, кладя на стол вилку и нож. – Ты уж извини, если я выскажусь, Руди.

– Пожалуйста. Говори что хочешь. Если я найду, что ты не права, я тебя поправлю. – Как-нибудь в другой раз он расскажет мальчишке, каким образом и когда его отец научился быть счастливым. Расскажет о том дне, когда Том узнал, что Рудольф втайне от него вложил в дело пять тысяч долларов, которые Том получил, шантажируя адвоката-клептомана в Бостоне. Том вернул «проклятые деньги», которые пришлось заплатить их отцу, чтобы вытащить Тома из тюрьмы, куда его засадили по обвинению в изнасиловании. Он швырнул стодолларовые купюры на кровать в отеле и сказал Рудольфу: «Я хочу вернуть долг моим поганым родственникам... вот и все. Спусти их в сортир. Просади на баб. Пожертвуй на благотворительность. Я их обратно не возьму». Эти пять тысяч благодаря умелому обращению превратились в шестьдесят – хотя в те годы Рудольф понятия не имел, где Том, жив он или умер, – и в конце концов помогли Тому купить яхту, которую он назвал «Клотильдой». «Твоего отца, – скажет Рудольф когда-нибудь, – сделали счастливым преступления, случай и деньги, и у него хватило ума всем этим воспользоваться». Конечно, это едва ли поможет Уэсли. К преступлению у парня нет ни малейшей склонности, случай пока обходит его стороной, а к деньгам он равнодушен.

– В нашей семье, – тем временем говорила Гретхен, – любимчиком был Руди. Поэтому вся любовь, на какую были способны наши родители, принадлежала ему. Я не говорю, что он ее не заслуживал: именно он помогал в лавке, он получал самые высокие оценки в школе, он был лучшим в спортивной команде, он должен был пойти в университет, никто в этом не сомневался. Но только он получал подарки, его поздравляли с днем рождения, ему подавали свежесглаженную рубашку, когда он собирался куда-нибудь пойти, ему купили дорогую трубу, чтобы он играл в оркестре. Он один был надеждой нашей семьи. Что же касается нас с Томом... – Она пожала плечами. – Мы были париями. Мне в университет? Как бы не так! Сразу после школы меня послали работать, и почти все жалованье я должна была отдавать семье. Когда Рудольф отпрашивался на свидание, мать давала ему карманные деньги. А когда у меня появился мужчина, она назвала меня шлюхой. Ну а Том... Родители всегда утверждали, что он кончит тюрьмой. Разговаривая с ним – а делали они это как можно реже, – они не говорили, а рычали. Вот он, наверно, и сказал себе: «Раз так, я и буду таким». По правде говоря, я его даже боялась. Меня пугала его неуравновешенность. Я его избегала. Если шла по улице с кем-нибудь из приятелей, я делала вид, что не замечаю его. И когда он исчез из города, я обрадовалась. Много лет даже не вспоминала о нем. Теперь-то я понимаю, что была не права. Мы вдвоем должны были образовать коалицию,

выступить единым фронтом против остальных. Но в ту пору я по молодости этого не понимала и боялась, что он потащит меня за собой. Снобизма во мне было хоть отбавляй – правда, меньше, чем в Руди, – и я считала Тома хулиганом и невеждой. Я приехала в Нью-Йорк, какое-то время играла на сцене, потом писала для журналов и вечно тряслась при мысли, что он может разыскать меня и я потеряю всех своих друзей. И когда Руди однажды повел меня на его матч, я пришла в ужас от него и от твоей матери. Они казались мне пришельцами из другого мира. Из мира ужасов. Мне было стыдно, что они мои родственники. Может, тебе все это неприятно слышать, Уэсли...

– Да, неприятно, – кивнул Уэсли, – но я сам попросил вас. Мне не нужны сказки...

– Надеюсь, я не слишком обидела тебя, Руди, рассказом о нашем счастливом детстве? – повернулась к нему Гретхен.

– Нет, – ответил Рудольф. – «Правда всегда прекрасна...» – дальше ты сама помнишь. Я был тупым и самодовольным, – продолжал он, растравляя старые раны, – ты, Уэсли, по-моему, об этом уже догадался. Во всяком случае, если ты так считаешь, я на тебя не обижаюсь. Твой отец, конечно, вряд ли сказал бы так. Все, что я делал, заявил бы он, поразмыслив как следует, было сплошное притворство, ибо делал я это не для себя, а чтобы произвести впечатление на других, в основном на людей солидных и влиятельных. Сейчас, оглядываясь назад, я называю себя тупым и самодовольным, но тогда я вел себя подобным образом, чтобы вырваться из того мира, в котором, как в силках, бились наши отец и мать. – Он печально улыбнулся. – И самое смешное, что мне действительно удалось вырваться.

– Вы слишком суровы к себе, дядя Руди, – тихо сказал Уэсли. – Почему бы вам хоть раз в жизни не похвалить себя за что-нибудь? Отец сказал, что вы спасли ему жизнь.

– Серьезно? – удивился Рудольф. – Мне он этого ни разу не говорил.

– Он считал, что людей нельзя хвалить в лицо, – ответил Уэсли. – Меня он тоже, честно говоря, редко хвалил... – Он улыбнулся, обнажив ровные белые зубы. Улыбка совершенно преобразила его худое, задумчивое лицо – оно стало ребячливым и открытым. Ему полезно улыбаться, подумал Рудольф. – И Кролика, и даже Кейт тоже не очень-то нахваливал... Ну, Кейт, он, конечно, хвалил за стряпню, да и то не столько хвалил, сколько подшучивал, потому что она ведь англичанка. Иногда я замечал, даже в первое время, когда еще только начал его узнавать, как он стоит один и думает, что никто его не видит, и такой грустный, будто у него в жизни было много плохого, о чем он не в силах забыть. Но что вы спасли ему жизнь, он правда, сказал.

– Я только отдал ему его же собственные деньги, – ответил Рудольф. – Надеюсь, ты понял, что Гретхен пыталась объяснить тебе, как и почему твой отец был таким в молодости. Таким его сделала семья.

– Понял, – ответил Уэсли.

– Все это верно, – продолжал Рудольф, – и в то же время не совсем. Я хочу сказать несколько слов в свое оправдание. Я не виноват в том, что оказался старшим сыном в семье, что мой отец был невежественным, неуправляемым

человеком, да еще со страшным прошлым, в котором он тоже не был виноват. Не моя вина, что наша мать была истеричкой, помешанной на своем «благородном» происхождении. Не я виноват и в том, что Гретхен оказалась сентиментальной и эгоистичной дурочкой... Прости меня, – обратился он к Гретхен. – Все это я говорю не ради нас с тобой, а ради Уэсли.

– Я понимаю, – ответила Гретхен, склонившись над тарелкой так, что лица ее почти не было видно.

– В конце концов, – продолжал Рудольф, – мы все трое унаследовали одинаковые гены и воспитывались одинаково. Только что Гретхен призналась, что боялась твоего отца. А в действительности ее пугал не он, а то, что она видела в нем, ибо то же самое она видела и в себе. И старалась от этого уйти. А я видел в нем нашего отца, человека жестокого, прикованного к ненавистному занятию, патологически боявшегося умереть в нищете – настолько, что он предпочел покончить жизнь самоубийством, лишь бы не оказаться лицом к лицу с такой возможностью. Я тоже старался уйти. Только навстречу деньгам, респектабельности.

Уэсли понимающе кивнул.

– Может, и хорошо, что сын Крейлера сейчас во Вьетнаме. Не то нам с ним каждый вечер пришлось бы ужинать вместе, и тогда...

– И до твоего отца были младшие сыновья в семьях еще хуже нашей, – продолжал Рудольф. – Однако они не старались погубить все, к чему прикасались. Не хотелось бы говорить этого, Уэсли, но до похорон нашей матери я твердо верил, что твой отец по природе своей разрушитель. И его главная радость в жизни – уничтожать, разрушать, губить все, в том числе и самого себя.

– В конце концов так оно и вышло, – горько заметил Уэсли.

– Его поступок той ночью в Канне, – сказал Рудольф, – достоин восхищения. С его точки зрения. И, честно говоря, с моей тоже. Не забывай этого.

– Я постараюсь не забыть, – ответил Уэсли. – Постараюсь. Только, по-моему, все, что он тогда сделал, было зря. Никому не нужно.

– Ну, кажется, – вздохнул Рудольф, – мы рассказала тебе все, что могли, и старались не кривить душой. Забавные случаи отложим до другого раза. Ты, наверное, устал. Я пришлю тебе список людей, с которыми стоит поговорить, они могут оказать тебе большую помощь, чем мы. А теперь доедай, и я отвезу тебя в общежитие.

– Не нужно, – довольно резко отказался Уэсли. – Я пройду через парк.

– Теперь вечером в Нью-Йорке никто через парк в одиночку не ходит, – возразила Гретхен.

– А я хожу. – Уэсли холодно посмотрел на нее.

О боже, подумал Рудольф, глядя, как мальчишка управляется с последним куском бифштекса, до чего же он похож на своего отца! И внешне и говорит так же. Помоги ему, господи!

Рудольф, Инид и няня стояли на залитом утренним солнцем тротуаре и ждали Джонни Хита и его жену; Хиты тоже ехали в Монток и должны были захватить Рудольфа и Инид на своем «линкольне-континентале». У ног няни стоял чемодан. Она на целую неделю уезжала к себе в Нью-Джерси. И почему это, от нечего делать подумал Рудольф, ни одна няня не живет в том же штате, где работает?

Накануне вечером, распрощавшись с Уэсли, Рудольф проводил Гретхен до дома. Он предложил ей поехать с ним и с Хитами. Она сделала большие глаза, и он вспомнил, что у нее когда-то был роман с Хитом.

– А без свидетелей ты со своей бывшей женой уже встретиться не можешь? – спросила она.

Он не задумывался над этим прежде, но теперь, после ее слов, понял, что в них есть правда. Джин один раз приезжала к нему в сопровождении дородной массажистки, которую сделала своей компаньонкой еще в Рино. Встреча получилась неудачной, хотя Джин была совершенно трезвой, уравновешенной и тихой, даже когда играла с Инид. Она сказала, что купила себе домик в Монтоке и живет там скромно и незаметно. В Мексике она не задержалась. Климат там благоприятствует пьянству, это не для нее. Она теперь совсем не пьет и даже снова занялась фотографией. Правда, в журналы пока не обращалась. Снимает для себя. И руки у нее больше не дрожат. Если забыть о постоянном присутствии массажистки, Джин снова стала той женщиной, на которой он женился и которую так долго любил, – живой и юной, с блестящими волосами, нежным цветом лица, и Рудольф уже не знал, правильно ли поступил, согласившись на развод. Он жалел Джин, но ему было жаль и себя. Поэтому, когда несколько дней назад она попросила отпустить к ней Инид на неделю, он не стал отказывать.

Он боялся не за Инид, а за себя, боялся остаться наедине с Джин в уютном, по ее словам, домике, наполненном неуютным грохотом океана. Она сказала, что он может занять комнату для гостей, но он заказал себе номер в ближайшем мотеле. А подумав, решил пригласить и Хитов. Он боялся, что вечер, проведенный перед горящим камином в тишине, нарушаемой лишь рокотом волн, вызовет у него желание вернуться к семейному очагу. Нет, прошлое ворошить незачем. Отсюда и появление Хитов. Отсюда и вопрос Гретхен.

– Нет, свидетели мне не нужны, – ответил он. – Нам с Джонни есть о чем поговорить, а идти к нему в контору мне не хочется.

– Понятно, – не очень веря, отозвалась Гретхен и переменяла тему разговора. – Как тебе Уэсли?

– Думающий парень, – сказал Рудольф. – Склонен к самоанализу, пожалуй, даже слишком... А что с ним будет дальше, целиком зависит от того, сумеет ли он выдержать мать и ее мужа до своего восемнадцатилетия.

– А ты заметил, какой он красивый? – спросила Гретхен.

– Как-то не обратил внимания.

– Такие лица любят снимать в кино, – заметила Гретхен. – Высокие скулы, приятная улыбка, ласковый взгляд и в то же время вызывает впечатление

человека большой моральной силы.

– Ты, по-видимому, более наблюдательна, чем я, – только и сказал Рудольф.

– Или более ранима, – улыбнулась она.

– Когда ты позвонила, мне показалось, что ты хочешь со мной о чем-то поговорить, – вспомнил он. – Что-нибудь случилось?

– Не больше, чем всегда. – Она снова улыбнулась. – Поговорим, когда ты вернешься.

Возле дома он поцеловал ее и подождал, пока она не вошла в охраняемый швейцаром ярко освещенный вестибюль – элегантная, эффектная, способная постоять за себя. Но не всегда, подумал он. Не всегда.

Подъехал «линкольн-континентал»; Джонни Хит сидел за рулем, его жена Илейн – рядом. Няня поцеловала Инид на прощанье.

Илейн Хит вышла из машины, помогла усадить Инид на заднем сиденье и сама села рядом. Илейн была высокая, с красиво уложенными волосами, твердым и умным взглядом, как и подобает супруге владельца одной из наиболее преуспевающих контор на Уолл-стрит. Детей у Хитов не было.

Рудольф сел возле Джонни. Инид помахала рукой няне, оставшейся на тротуаре с чемоданом в руках, и они тронулись.

– Ну, вперед, к мысу Монток! – воскликнул Джонни. – Будем ловить омаров и устраивать оргии на берегу.

Лицо у него было круглое, с расплывшимися чертами, глаза – обманчиво кроткие, руки, лежавшие на руле, – белые, пухлые, а под спортивным пиджаком в крупную клетку уже намечался животик. Машину он вел умело и энергично. Другие водители вынуждены были уступать ему дорогу, подобно тому как другие адвокаты пасовали перед его напористостью на заседаниях совета директоров или в зале суда. Рудольф теперь редко виделся с Джонни. После женитьбы Хита они почему-то разошлись, и всякий раз, когда им доводилось встречаться – а между встречами проходило несколько месяцев, – Рудольф без всякого сожаления неизменно констатировал: вот и я выглядел бы, наверное, так же.

Позади радостно щебетала Инид. Илейн что-то прошептала ей на ухо, и Инид засмеялась в ответ. На первый взгляд казалось, что Илейн едва ли решится обнять ребенка, побоится, что девочка помнет или испачкает ее красивый твидовый костюм. Но, оглянувшись, Рудольф увидел, что Инид растрепала превосходно уложенные волосы Илейн, а та только радостно улыбается. Внешность обманлива, подумал Рудольф, глядя на дорогу. Они ехали по мосту Трайборо – вдоль реки тянулся в лучах по-весеннему яркого солнца Нью-Йорк: небоскребы, стекло, дымящиеся трубы. В такие вот минуты, видя этот огромный до неправдоподобия город во всем его суровом величии, Рудольф снова испытывал былое, как в молодости, волнение, снова с удовлетворением сознавал, что он тоже житель Нью-Йорка.

Внизу на воде отважно сражалась с течением небольшая яхта. Может, и я, подумал он, этим летом пойду на «Клотильде» к берегам Италии. Хоть польза

будет от нее. Они ведь и тогда шли в Портофино, но так до него и не добрались. Не надо вспоминать прошлое. Уговорю Жанну на две недели удрать от мужа и детей, будем плыть со скоростью двенадцать узлов и пить местное вино из запотевшего на солнце графина где-нибудь в кафе на Лигурийском побережье. Нельзя раньше времени превращаться в старика. *Fantasia Italiana*.⁴⁰

– Джонни, – вернулся он в настоящее, – о чем ты хотел со мной поговорить?

– У меня есть один клиент, – сказал Джонни. – Сам он, по правде говоря, умер, но вопрос о его наследстве еще не улажен. – Джонни, мысленно усмехнулся Рудольф, зарабатывает на покойниках гораздо больше, чем все похоронные бюро города, вместе взятые. Ох уж эти адвокаты! – Наследники, как водится, перегрызлись, – добавил Джонни, – но этим-то тебя не удивишь.

– Я уже сделался профессионалом, – отозвался Рудольф.

– Чтобы избежать тяжбы, – продолжал Джонни, – решено продать часть имущества по весьма сходной цене. Огромное ранчо в Неваде. Налог там весьма умеренный, ты и сам знаешь.

– Да, знаю, – сказал Рудольф.

– В Нью-Йорке дел у тебя нет, – продолжал Джонни. – Вид у тебя скверный и отнюдь не счастливый. Не представляю себе, чем ты занят целыми днями, черт побери!

– Играю на пианино, – ответил Рудольф.

– Что-то я не видел твоей фамилии на афишах у Карнеги-холла.

– Еще увидишь, – отозвался Рудольф.

– Ты погибаешь прямо на глазах, – продолжал Джонни. – Никуда не ходишь. Ни на одной вечеринке тебя не увидишь.

– А как в Неваде с вечеринками?

– Там веселятся вовсю, это один из наиболее процветающих штатов, – принялся убеждать его Джонни. – Миллионеры растут как грибы. Чтобы ты поверил, что я не шучу, я готов войти с тобой в долю – устрою закладные, помогу найти людей, которые занялись бы хозяйством. Не думай, старик, мною движет не альтруизм, мне нужно место, куда я мог бы время от времени прятаться. И с налогами на золотом Западе мне тоже будет легче. Ранчо это я сам не видел, но документы держал в руках. Оно весьма жизнеспособно. А если туда еще кое-что вложить по-умному, то даже более чем жизнеспособно. На нем стоит большой дом – если его немного подремонтировать, будет не дом, а мечта. И для детей лучшего места не найдешь: воздух чистый, про наркотики никто и не слышал, до ближайшего города сто миль. Политикой там занимаются люди надежные, так что все будет шито-крыто, и ты будешь там себя чувствовать как рыба в воде. Про Уитби они ничего не знают. Да и вообще ту историю все давно забыли, несмотря на дурацкую заметку в «Тайме». Через десять лет станешь сенатором. Ты меня слушаешь, Руди?

– Конечно. – На самом деле последние несколько секунд он слушал

---

⁴⁰ Итальянская фантазия (ит.).

вполуха. Когда Джонни сказал, что это превосходное место для детей, он заинтересовался. Он обязан заботиться об Инид, но есть еще и Уэсли и Билли. Как-никак кровная родня. О них тоже надо подумать. Билли – парень неприкаянный, еще мальчиком, в школе, был циничным, лишенным честолюбия насмешником и отщепенцем. Уэсли, судя по всему, никакими талантами не блещет, а то образование, которое уготовано ему судьбой, вряд ли увеличит его шансы на почетное место в жизни. На современном же ранчо, где идет вечная борьба с засухой, наводнениями, с истощением почвы, где требуются умение и хватка, чтобы управлять машинами и работниками и иметь рынок сбыта, обоим найдется дело, а если они займутся делом, можно уже за них не беспокоиться. Рано или поздно у них самих появятся семьи. Да и он, между прочим, тоже может еще жениться – почему бы и нет? – и завести детей. – Мечта патриарха, – произнес он вслух.

– Что? – недоуменно спросил Джонни.

– Ничего. Это я сам с собой. Вообразил себя окруженным детьми и внуками.

– Не думай, что ты будешь отрезан от цивилизации, – сказал Джонни, по ошибке приняв тон Рудольфа за иронический. – На ранчо есть взлетно-посадочная полоса. Захочешь, купишь себе самолет.

– Американская мечта, – заметил Рудольф. – Собственная взлетно-посадочная полоса.

– А что тут плохого? – рассердился Джонни. – Что плохого, если человек хочет быть мобильным? Сел в самолет – и через час ты уже в Рино или в Сан-Франциско. Тут масса преимуществ, причем это совсем не уход на покой. Это включение в активную деятельность, только в новую...

– Я подумаю, – ответил Рудольф.

– Знаешь что? Давай-ка мы с тобой слетаем туда на следующей неделе и посмотрим, – предложил Джонни. – Вреда от этого не будет, а у меня, кроме того, появится уважительная причина не показываться в эту проклятую контору. Даже если ранчо никуда не годится, мы по крайней мере проветримся. Можешь захватить с собой пианино.

Очень остроумно, подумал Рудольф. Он знал, что Джонни считает его уход от дел глупым капризом, ранним проявлением старческого маразма. Сам Джонни отправится на покой только ногами вперед. Они вместе выбрались наверх, вместе заработали кучу денег, ни разу не подвели друг друга, с полуслова друг друга понимали, и Рудольф знал, что Джонни считает своей обязанностью расшевелить его.

– Ладно, – согласился Рудольф. – Я всю жизнь мечтал скакать верхом по пустыне.

– Это не пустыня, – огрызнулся Джонни. – Это ранчо. Оно расположено у подножия гор. По его территории бежит ручей, где водится форель.

– Давай съездим на этой неделе, – сказал Рудольф. – Денька на два, пока Инид будет у Джин. Ты сможешь?

– Я беру билеты, – ответил Джонни.

Они ехали мимо нескончаемых кладбищ Лонг-Айленда, куда нью-йоркцы

поколение за поколением укладывают на вечный покой своих ближних. Рудольф закрыл глаза и предался мечтам о холмах и горах серебряного штата Невада.

Обычно Гретхен любила работать в монтажной по субботам, когда в безлюдном молчаливом здании они были вдвоем – она и ее помощница Ида Коэн. Но сегодня Ида видела, что Гретхен явно не в своей тарелке. Она без конца прокручивала пленку, резко щелкала ножницами, насвистывая что-то мрачное или горько вздыхая. Ида знала, почему Гретхен с утра в плохом настроении. Эванс Кинселла, их режиссер, снова принялся за старое: снимал как бог на душу положит, часто являлся на площадку с похмелья и позволял актерам валять дурака в надежде, что Гретхен чудом сумеет отыскать рациональное зерно в ворохе пленки, которую он ей швырнул. Да и в пятницу Ида была в монтажной, когда Кинселла позвонил и сказал, что не может пойти с Гретхен в ресторан, как обещал.

Ида, всей душой преданная подруге, презирала Кинселлу с такой страстью, какую у нее вызывало только Движение за освобождение женщин: она добросовестно посещала все собрания и выступала на них с пламенными, хотя и не совсем логичными речами.

Ида, некрасивая сорокапятилетняя женщина, у которой не было ни мужа, ни любовника, способных сделать ее жизнь невыносимой, считала, что красивая и талантливая Гретхен позволяет мужчинам эксплуатировать себя. Ида уговорила Гретхен пойти с нею на два собрания, но Гретхен быстро надоели истерические вопли ораторов, и она ушла, сказав: «Когда пойдете на баррикады, можете рассчитывать на меня. Не раньше».

«Но нам нужны такие женщины, как ты», – вымолвила Ида.

«Может быть, – отозвалась Гретхен. – Зато мне они не нужны».

И Ида, потеряв надежду, горестно вздохнула – это непростительное политическое равнодушие, сказала тогда она Гретхен.

Гретхен в то утро беспокоило не только качество фильма, над которым она работала. Несколько дней назад Кинселла подбросил ей очередной сценарий, попросив прочитать и высказать свое мнение. Имя молодого автора ничего не говорило им обоим, но его литературный агент убедил Кинселлу познакомиться с текстом.

Гретхен прочла сценарий и пришла в полный восторг, о чем и сказала Кинселле, когда он позвонил ей в пятницу. «В восторг? – переспросил он. – А по-моему, обычное дерьмо. Отдай его моей секретарше, пусть вернет». И повесил трубку. До двух ночи Гретхен перечитывала сценарий. Он был написан мужчиной, но рассказывалось в нем об энергичной женщине из рабочей среды: она жила в маленьком унылом городишке среди утративших всякую надежду людей, но, единственная из всех своих сверстников, сумела благодаря уму и смелости выбраться из этого окружения и стать такой, как ей хотелось.

Гретхен верила, что из этого сценария можно сделать фильм, который внесет живую струю в поток появившихся за последнее время фильмов; в противовес голливудским сказкам со счастливым концом, так долго

державшимся на экране, это были фильмы о людях, живущих бесцельно и бездумно, иногда восстающих против своей участи, но затем вновь теряющих надежду и погружающихся в апатию, – посмотрев такое, зритель и повеситься может. Если старые голливудские фильмы с их надуманным слащавым оптимизмом были насквозь пропитаны фальшью, размышляла Гретхен, то не менее лживы и сегодняшние равнодушные панихиды. Герои возникают ежедневно. Если верно, что они не рождаются вместе со своим классом, то они и не гибнут вместе с ним.

Перечитав сценарий, она убедилась, что первое впечатление не обмануло ее; если Кинселла тряхнет стариной и будет работать как в прежние время, он сделает превосходный фильм. Она позвонила ему прямо в половине третьего ночи, но никто не ответил. Все это, словно кольцо пленки на монтажном столе, многократно повторяясь, крутилось у нее в голове, пока она корпела над дрянным материалом, отснятым Кинселлой за последнюю неделю.

Внезапно она выключила аппарат.

– Ида, я хочу попросить тебя об одном одолжении.

– Слушаю. – Ида оторвалась от работы.

Сценарий лежал в большой сумке на длинном ремне, с которой Гретхен всегда ходила на студию. Она достала его и протянула Иде.

– Я отправлюсь на часок-другой в музей, – сказала она. – А ты брось всю эту муру и почитай. Когда я вернусь, мы пойдем с тобой обедать – вдвоем, больше никого, – и ты мне скажешь, как он тебе показался.

Ида нерешительно посмотрела на Гретхен, но сценарий взяла. Гретхен никогда не уходила в середине рабочего дня. Самое большее, что она себе позволяла, – это выпить чашку кофе.

– Ладно, – согласилась Ида и, поправив очки на носу, с такой опаской посмотрела на сценарий, будто он мог взорваться.

Гретхен надела пальто и, спустившись вниз, попала в людской водоворот, который бурлил на Седьмой авеню, где помещалась их студия. Она быстро добралась до центра и вошла в Музей современного искусства с единственным намерением, как она уверяла себя, успокоить нервы созерцанием произведений подлинного искусства. Но вышла из музея такая же взбудораженная. Теперь, после общения с Пикассо, Ренуаром и Генри Муром, она даже думать не могла о том, чтобы вернуться обратно к монтажному столу, а поэтому позвонила на студию и предложила Иде встретиться прямо в ресторане.

– Подкрасься и подтяни чулки, – безжалостно распорядилась она. – Это шикарный ресторан с французской кухней. Угощаю я, потому что у меня неприятности.

В ожидании Иды она выпила виски у стойки бара. Обычно днем она не пила, но, в конце концов, законом это не запрещено. И кроме того, сегодня суббота.

Увидев Гретхен возле стойки, Ида насторожилась:

– Что ты пьешь?

– Виски.

– Значит, у тебя и вправду неприятности. – Ида считала, что находится на

переднем крае современной мысли, но в повседневной жизни она оставалась сухой пуританкой.

– Два виски, пожалуйста, – сказала Гретхен бармену.

– Ты же знаешь, что я, если выпью, работать не могу, – запрочитала Ида.

– На сегодня твоя работа кончена, – заявила Гретхен. – И моя тоже. Ты сама, по-моему, кричала, что женщин заставляют трудиться до седьмого пота. Особенно по субботам. Разве не ты утверждала, что в нашей стране необходима двадцатичасовая рабочая неделя?

– Теоретически да, – осторожно призналась Ида, с явным отвращением поглядывая на стакан, который поставил перед ней бармен. – Лично я предпочитаю работать больше.

– Но не сегодня, – твердо сказала Гретхен. Она подозвала метрдотеля. – Столик на двоих, пожалуйста. И пусть туда перенесут наши стаканы. – Величественным жестом она положила на стойку два доллара.

– Зачем ты ему столько дала за три виски? – прошептала Ида, когда они вслед за метрдотелем шли в глубь ресторана.

– Размер чаевых, – ответила Гретхен, – уравнивает нас с мужчинами.

Метрдотель усадил их за столик рядом с кухней.

– Видишь... – Ида обвела зал взглядом. – Ресторан почти пустой, а он сажает нас возле кухни. Только потому, что мы без мужчин.

– Пей лучше виски, – посоветовала Гретхен. – Мы отомстим им на том свете.

Ида сделала глоток и скривилась.

– Раз уж ты заказываешь, – сказала она, – то могла бы выбрать что-нибудь послаще.

– На баррикадах сладкого не подадут, – ответила Гретхен. – А теперь расскажи, как тебе понравился сценарий.

Ида просияла. Она искренне радовалась, увидев удачно снятую сцену в фильме, прочитав пришедшуюся по душе страницу в книге.

– Сценарий чудесный, – сказала она. – Знаешь, какую из него можно сделать картину!

– Беда только в том, что никто вроде не собирается ее снимать, – сказала Гретхен. – По-моему, этот сценарий уже многим показывали, и наш ненаглядный Эванс Кинселла был последней надеждой агента.

– Эванс его уже читал?

– Да, – ответила Гретхен. – И назвал дерьмом. Велел отдать сценарий секретарше, чтобы она его вернула.

– Высочка! – взорвалась Ида. – А еще считается фигурой! Во сколько обойдется теперешняя картина?

– В три с половиной миллиона.

– Не только в кино, но и вообще в мире что-то неладно, – заметила Ида, – если такому идиоту дают три с половиной миллиона, с которыми он может поступать, как ему заблагорассудится.

– За последние три года он сделал две очень нашумевшие картины, – возразила Гретхен.

– Случайность, – отозвалась Ида. – Счастливая случайность.

– Ну, не только, – снова возразила Гретхен. – У него иногда бывают взлеты.

– Но они не стоят трех с половиной миллионов, – не сдавалась Ида. – И чего ты к нему липнешь, не понимаю. Черт знает как он с тобой обращается. И не только на работе.

– Да ладно! – воскликнула Гретхен с притворной беспечностью. – Мазохизм в небольших дозах еще никогда не приносил вреда женщине.

– Иногда с тобой можно спятить, честное слово, – поджала губы Ида.

Возле них появился официант, держа наготове блокнот и карандаш.

– Давай заказывать, – предложила Гретхен. Она пробежала глазами меню. – У них есть жареная утка с маслинами. Порции большие, одной хватит на двоих. Возьмем?

– Возьмем, – согласилась Ида. – Тем более что маслины я не люблю. Можешь их съесть все.

Гретхен заказала утку и бутылку «Пуи фюме».

– Зачем нам целая бутылка? – запротестовала Ида. – Я больше полбокала не выпью.

– Бутылку, – повторила Гретхен официанту, не обращая внимания на Иду.

– Ты напьешься, – предупредила ее Ида.

– И хорошо, – ответила Гретхен. – Мне надо принять серьезные решения, а на трезвую голову это у меня может и не выйти.

– У тебя сегодня странные глаза, – заметила Ида.

– А ты как думаешь?! – Гретхен залпом проглотила вторую порцию виски.

– Что ты затеяла? – встревожилась Ида. – Опомнись. Ты разозлилась, а виски ты уже выпила столько...

– Правильно, разозлилась, – подтвердила Гретхен. – Но виски я выпила чуть-чуть, а вот вина, если ты мне не поможешь, выпью целую бутылку. А потом... – Она умолкла.

– Что потом?

– Что потом, не знаю, – ответила Гретхен и засмеялась. Смех ее звучал так странно, что Ида больше не сомневалась: Гретхен опьянела. – Потом я поговорю с Эвансом Кинселлой. Если разыщу его, в чем не совсем уверена.

– И что ты ему скажешь? – забеспокоилась Ида.

– Для начала несколько слов – невежливых, но зато чистой правды.

– Ты с ума сошла! – воскликнула Ида. – В каких бы отношениях вы ни были, помни: он твой босс.

– Ида, тебе никогда не говорили, что у тебя патологическое уважение к начальству?

– Вовсе не патологическое, – обиделась Ида.

– А какое? Непомерное, подхалимское, восторженное?

– Самое обычное, если тебе уж так хочется знать. И давай забудем на время обо мне. Что ты собираешься ему сказать?

– Что картина, над которой мы работаем, – дрянь. Но это будет только увертюра, – ответила Гретхен.

– Прошу тебя, Гретхен... – Ида протянула руки, словно пытаюсь удержать ее от ложного шага.

– Пора кому-нибудь купить тебе кольца, – заметила Гретхен. – У тебя красивые руки, и кольца их только бы украсили. Если мы не найдем этого негодяя Кинселлу, тогда, может, потратим остаток дня на поиски колец.

Ида встревоженно огляделась. Ресторан был уже почти полон, и рядом с ними сидели двое мужчин.

– Тебя могут услышать.

– Пусть слушают, – пожалала плечами Гретхен. – Умное слово всем на пользу.

У столика вновь появился официант и принялся ловко разделявать утку. Вино было в ведерке со льдом.

– Мне без маслин, – сказала Ида. – Положите их все этой даме.

Гретхен с восхищением смотрела, как умело официант делит утку на порции.

– Держу пари, что вот он не пьет во время работы, – заметила она. Все знали, что за Кинселлой водится подобная слабость.

– Тсс, – остановила ее Ида и улыбнулась официанту, словно прося извинения за свою эксцентричную приятельницу.

– Пьете? – спросила Гретхен у официанта.

– Нет, мэм, – ответил официант. – Но не отказался бы, если бы угостили, – усмехнулся он.

– Утром первым делом пошлю вам бутылку, – пообещала Гретхен.

– Гретхен, – сказала Ида, – я тебя никогда такой не видела. Что на тебя нашло?

– Бунт, – ответила Гретхен. – Я взбунтовалась. – Она попробовала утку, с удовольствием причмокнула и отпила большой глоток вина.

– На твоём месте, – заметила Ида, отщипывая маленькие кусочки, – я не стала бы этого делать в субботу или воскресенье.

– Бунт нельзя откладывать. Таков девиз нашей семьи, – сказала Гретхен. – Особенно в выходные дни. В понедельник утром нелегко бунтовать. К этому следует готовиться целую неделю.

– Кинселла никогда не простит тебе, – заметила Ида.

– А после увертюры, – продолжала Гретхен, не обращая внимания на слова Иды, – мы перейдем к самой опере. Я скажу ему, что согласилась работать над этой дрянью, которую он стряпает, только ради того, чтобы спать с ним.

– Гретхен, – с упреком воскликнула Ида, – ты же говорила мне, что любишь его! – Ей, старой деве, любовь представлялась чем-то необыкновенным.

– Когда-то любила, – согласилась Гретхен.

– Он жутко разозлится.

– Это мне и нужно, – сказала Гретхен. – А затем я объясню ему, что прочитала сценарий, который он велел вернуть агенту, и что, по-моему, это оригинальное, умное произведение, чересчур хорошее для таких, как он. Но поскольку он единственный режиссер, с которым я в данный момент нахожусь,

можно считать, в сожительстве, и, несомненно, единственный из близко знакомых мне режиссеров, который может под одно свое имя получить деньги на постановку фильма, я скажу ему, что если у него еще сохранился разум, которым природа наградила его от рождения, то он завтра же купит этот сценарий – хотя бы просто потому, что об этом прошу я.

– Ты же знаешь, что он откажет, – сказала Ида.

– Возможно.

– И тогда как ты поступишь? Расплачешься и будешь просить прощения?

Гретхен посмотрела на нее с удивлением. Сарказмом Ида никогда не отличалась. Значит, разговор этот ее по-настоящему взволновал.

– Ида, милая, – ласково сказала Гретхен, – не нужно так нервничать. Ведь это мне, а не тебе придется воевать.

– Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности, – ответила Ида.

– Бывает, что их не избежать. Сейчас как раз такой случай. Ты спросила меня, что я буду делать, если он откажется.

– *Когда* он откажется.

– Я скажу ему, что немедленно уйду из его группы.

– Но у тебя же контракт! – воскликнула Ида.

– Пусть подает на меня в суд. Может заодно потребовать, чтобы меня заставили вернуться к нему в постель.

– Тебе известно, что, если ты уйдешь, я тоже уйду, – сказала Ида, и голос ее задрожал от сдержанной гордости.

– На войне, – сурово заметила Гретхен, – порой приходится жертвовать солдатами.

– Но это не война, – возразила Ида, – а всего лишь кинофильм, каких тысячи.

– Вот именно, – сказала Гретхен. – Я не хочу всю жизнь работать над фильмами, каких тысячи. – Она увидела, что ласковые темные глаза Иды наполняются слезами и она вот-вот зарыдает. – Ты вовсе не обязана расплачиваться за мои поступки, Ида, – сказала она, – тебе незачем уходить вместе со мной.

– Не будем больше об этом говорить, – сказала Ида.

– Ладно, – согласилась Гретхен. – Значит, вопрос закрыт. А теперь займись уткой. Ты ничего не съела. Тебе не нравится?

– Очень... нравится, – всхлипнула Ида.

Некоторое время они ели молча. Гретхен подлила себе вина. По тому, как исказилось пухлое и мягкое, точно у ребенка, лицо Иды, она поняла, что та с трудом сдерживает слезы, и на секунду пожалела, что заставила Иду прочитать сценарий и обременила ее своими проблемами. Но она знала абсолютную честность и взыскательный вкус Иды и должна была услышать от нее подтверждение своей оценки. Без этого Гретхен никогда бы не рискнула выступить против Кинселлы. А Эвансу Кинселле суждено пережить нелегкие минуты, угрюмо размышляла она. Если он, конечно, дома.

Наконец Ида заговорила.

– Я считаю, – сказала она почти робко, – что можно поступить и

по-другому. Ты ведь не обязана действовать в открытую, правда?

– Вероятно. Однако действовать скрытно я, к сожалению, не очень умею.

– Да уж, – усмехнулась Ида. – Но, может, на этот раз ты послушаешься меня. Мы обе знаем, что он ни за что не согласится. Особенно если ты начнешь с ним спорить.

– Откуда ты его так хорошо знаешь? – с шутливой подозрительностью спросила Гретхен. – Не завели ли вы роман у меня за спиной?

Ида громко рассмеялась.

– Как можно! – сказала она. – Ведь он другой веры.

Они обе засмеялись. Затем лицо Иды стало серьезным.

– Я предлагаю вот что: закончи монтаж картины.

– О господи!

– Тихо! Сначала послушай. Я ведь *тебя* слушала, правда?

– Еще как, – согласилась Гретхен.

– Не заговаривай с ним о сценарии. Сделай вид, что ты об этом начисто забыла.

– Но я не забыла. Он мне уже снится. Я даже сейчас вижу кадр за кадром...

– Я сказала: «Сделай вид», – рассердилась Ида. – Найди кого-нибудь, кто согласился бы дать тебе денег, и купи сценарий сама.

– Допустим, я достану деньги, – сказала Гретхен, тотчас вспомнив про беднягу Руди. – А что потом?

– А потом, – с торжеством провозгласила Ида, – сама поставь его.

Гретхен откинулась на спинку кресла. От Иды она ждала чего угодно, только не этого.

– Боже мой! – сказала она. – Ну и придумала!

– А почему нет? – с жаром спросила Ида, совсем уже забыв про еду. – В старое время многие режиссеры выходили из монтажной.

– Это было давно, – возразила Гретхен. – И все они были мужчины.

– Ты же знаешь, что я не люблю таких разговоров, – укоризненно заметила Ида.

– Извини. Я забыла. Но просто ради шутки, Ида, назови мне двадцать пять режиссеров-женщин.

– В прежние дни даже в армии не было двадцати пяти женщин. – На собраниях Движения за освобождение женщин Ида научилась спорить аргументированно. – На наши собрания ты не ходишь, брошюры не читаешь, но ты своим фильмом принесла бы нам гораздо большую пользу, чем присутствием на всех собраниях. А если у тебя есть сомнения, то позволь сказать тебе, что ты разбираешься в режиссуре куда лучше, чем Эванс Кинселла когда-либо разбирался или будет разбираться.

– Да, это мысль, – задумчиво согласилась Гретхен, – теперь я уже успокоилась и могу сказать: это – мысль.

– Такая картина обойдется очень дешево, – быстро продолжала Ида. – Небольшой городок – в основном натура и простенький павильон, народу немного, больше молодежь. На такие роли ты не найдешь актеров с именем, даже если у тебя будут деньги. Я тоже знаю людей, которые вкладывают деньги

в кино, и могу к ним обратиться. А ты попросишь своего брата...

Бедняга Руди, снова подумала Гретхен.

– Во сколько обошлась первая картина Эванса Кинселлы?

– В сто двадцать пять тысяч, – не задумываясь, ответила Гретхен. Кинселла часто хвастался тем, что его первая картина, имевшая огромный коммерческий успех, стоила студии сущие гроши, и никогда не забывал сказать, сколько именно.

– В сто двадцать пять тысяч, – повторила Ида. – А теперь ему дают три с половиной миллиона.

– Кино есть кино, – заметила Гретхен.

– Времена меняются, и за сто двадцать пять тысяч сегодня картину не сделаешь. Но за семьсот пятьдесят, я уверена, можно сделать. Многие актеры согласились бы работать за почасовую оплату, а исполнители главных ролей могли бы вообще согласиться на процент от проката. Тогда почти все деньги пошли бы на съемки, и никуда больше.

– Дорогая Ида, – сказала Гретхен, – ты уже стала рассуждать как киномагнат.

– Только ты должна дать мне одно обещание, – потребовала Ида.

– Какое? – насторожилась Гретхен.

– Что ты не будешь звонить Кинселле ни сегодня, ни завтра. Обдумай все как следует по крайней мере до понедельника.

– Ладно, – помолчав, согласилась Гретхен. – А я уже приготовилась к захватывающему сражению.

– Лучше представь себе, какой будет у Кинселлы вид, когда на экраны выйдет наш фильм. У тебя к тому времени уже пропадет охота сказать ему, какое он ничтожество.

– Ладно, обещаю, – сказала Гретхен. – А теперь давай закажем на десерт что-нибудь сладкое-пресладкое. И весь остаток дня будем предаваться удовольствиям. Ты сколько раз смотрела «Земляничную поляну»?⁴¹

– Четыре раза.

– И я четыре, – сказала Гретхен. – Давай сегодня прогуляем работу и для ровного счета посмотрим «Поляну» еще раз.

По забитой машинами, как всегда к вечеру в воскресенье, дороге Хиты и Рудольф возвращались домой; Джонни сидел за рулем, Илейн – рядом с мужем, а Рудольф на заднем сиденье размышлял о том, как они провели время в Монтоке. В общем удачно, решил он. Домик Джин оказался уютным, как она и говорила, с чудесным видом на океан. Массажистка выглядела вполне благопристойно, а к тому же выяснилось, что она превосходно готовит. Голыми по берегу они не скакали, несмотря на предсказания Джонни, но зато все вместе подолгу гуляли вдоль кромки воды по утрамбованному отливом песку, и Инид держала мать за руку. Они обе искренне радовались друг другу, и Рудольф

---

⁴¹ Фильм известного шведского режиссера Ингмара Бергмана.

подумал, что, может, Инид лучше жить у матери и ходить в маленькую загородную школу, чем подвергаться опасностям на улицах Нью-Йорка. Он может видаться с ней в выходные дни и в школьные каникулы. Но если отнестись всерьез к дикой невадской затее Джонни, то ездить к ней ему будет трудно. Правда, будет это не завтра и не на следующей неделе, а может, и не в следующем году.

У Джин был здоровый и бодрый вид. Вместе с массажисткой она каждое утро проделывала уйму всяких гимнастических упражнений, а потом часами бродила по берегу в поисках объектов для фотографирования. Она казалась довольной, чуть сонной, говорила мало и походила на ребенка, который проснулся после приятного сна. Она приветливо встретила Хитов и, судя по всему, была рада провести два дня в их обществе. Ни она, ни массажистка, которую звали Лорейн, ни разу не пытались поговорить с ним наедине. Если Джин и завела себе друзей по соседству, то никто из них не появился ни в субботу, ни в воскресенье. Когда Рудольф попросил ее показать последние работы, она ответила: «Я еще не готова. Может, через месяц».

Удобно расположившись на заднем сиденье роскошной машины, мчавшейся к городу, он с некоторой грустью констатировал, что в течение этих двух дней Джин выглядела более радостной, чем, пожалуй, за всю их совместную жизнь.

К столу подавали вино, но крепких напитков не было. Джин не тянулась к бутылке, и Рудольф не заметил, чтобы Лорейн предостерегающе поглядывала на нее.

Она, по-видимому, несколько успокоилась, решил Рудольф. О себе он этого сказать не мог.

Они въезжали в город по тому же мосту; на западе на фоне живописного заката зубчатой стеной вздымались небоскребы. В окнах уже горел свет, и мигающие остроконечные огоньки были похожи на свечи в амбразурах цитадели. Он любил такой Нью-Йорк и это время суток – улицы, по которым они ехали, были пустынными, чистыми и приветливыми. Будь всегда воскресенье, никто не стал бы уезжать из Нью-Йорка.

Когда машина остановилась перед его домом, он предложил Хитам подняться к нему, но Джонни сказал, что они и так уже опаздывают в гости. Руди поблагодарил Джонни за поездку и, наклонившись, поцеловал Илейн в щеку. После двух дней, проведенных вместе, он чувствовал к ней гораздо большее расположение, чем прежде.

– Ты весь вечер будешь один? – спросила Илейн.

– Да.

– Тогда садись обратно в машину, – предложила она. – Поедешь с нами на коктейль, а потом поужинаем в «Джино».

Ему хотелось поехать с ними, но предстояло над многим поразмыслить, а для этого лучше побыть одному. Он не мог признаться, что там, в Монтоке, его раздражало то, что вокруг были люди. Это, конечно, скоро пройдет...

– Спасибо, – поблагодарил он, – но мне нужно ответить на кучу писем. Давайте лучше пообедаем вместе как-нибудь на неделе. Мы втроем – и никого

больше.

– Я позвоню тебе завтра, – предупредил Джонни, – как только закажу билеты в Неваду.

– Я весь день буду дома, – пообещал Рудольф. Машина тронулась; он смотрел им вслед и ругал себя за эти слова. Теперь, наверное, кто-нибудь из Хитов говорит: «Он будет весь день дома, потому что не знает, чем себя занять».

С чемоданом в руках он поднялся по ступенькам к входной двери. Она опять оказалась незапертой. Из-за нижних соседей. Придется с ними поговорить. Он вошел в полутемный вестибюль и услышал мужской голос:

– Стоять на месте, и чтоб ни звука. Ты у меня под прицелом.

Входная дверь хлопнулась у него за спиной.

– В какой квартире ты живешь? – спросил тот же голос.

Он ответил не сразу. Будь Инид дома, он вообще бы не ответил. Слава богу, она у матери, более чем в ста милях отсюда. И няня в Нью-Джерси. Дома никого нет. Его чем-то тронули под ребро, должно быть пистолетом.

– Тебе задали вопрос, – сказал тот же голос.

Рудольф почувствовал, что рядом стоит второй человек.

– На третьем этаже, – ответил он.

– Поднимайся! – приказал голос.

Рудольф начал подниматься по лестнице. Света из-под квартиры на втором этаже не было видно. Никого нет дома. «Воскресный вечер», – подумал он, машинально шагая по ступенькам и слыша сзади тяжелые шаги двух пар ног.

Дрожащими руками он достал ключ и отпер дверь.

– Зажги свет, – приказал тот же голос.

Рудольф не сразу-нашел выключатель. Загорелась лампа в передней, и он повернулся – перед ним было двое мужчин, которые подстерегли его в вестибюле. Оба – черные, молодые, один высокий, другой среднего роста, оба хорошо одеты. На их худых, напряженных лицах читалась ненависть. Наркоманы, подумал он. Высокий держал в руках нацеленный на него пистолет, иссиня-черный, тускло мерцавший в свете лампы.

– В гостиную, – приказал высокий.

Они прошли вслед за ним в гостиную, где второй человек включил свет. Загорелись сразу все лампы. В комнате было уютно и чисто, занавеси на окнах задернуты. Няня перед отъездом навела порядок. На камине громко тикали часы. Они показывали половину шестого.

– Давай бумажник, – сказал высокий, – и чтоб без фокусов.

Рудольф вынул из кармана пиджака бумажник. Человек с пистолетом выхватил бумажник у него из руки, кинул его напарнику.

– Посмотри, что там есть, – сказал он.

Второй заглянул в бумажник.

– Тридцать долларов, – ответил он, держа в руке деньги.

Человек с пистолетом выругался.

– А в штанах есть что-нибудь?

Рудольф вынул несколько долларов и две монеты по двадцать пять центов.

Теперь второй, протянув руку, выхватил у него деньги.

– И здесь не лучше, – сказал он. – Всего восемь долларов. – Монеты он бросил на пол.

– Какой хитрый, а? Разъезжает в «линкольне», а при себе всего-навсего тридцать восемь долларов! – заметил человек с пистолетом. – Боишься, что тебя ограбят, мистер Рокфеллер?

– Извините, – ответил Рудольф, – но больше у меня ничего нет. Только кредитные карточки. – Кредитные карточки разлетелись по полу.

– Наше заведение не принимает кредитных карточек, верно, Элрой? – заметил высокий.

– К сожалению, нет, – ответил Элрой, и оба хрипло расхохотались.

Рудольфу казалось, будто все это происходит не с ним, а с каким-то крошечным, оцепеневшим от страха человечком где-то далеко-далеко.

– Где у тебя деньги? – спросил высокий с пистолетом. – Открывай сейф!

– Я не держу в доме денег, – ответил Рудольф. – И сейфа у меня нет.

– Смотри, какой хитрый! – повторил высокий и свободной рукой с силой ударил Рудольфа по глазам. Рудольф, отшатнувшись, мгновенно ослеп от слез. – Это чтобы научить тебя говорить правду, мистер, – добавил он.

– Ищите сами, – упорствовал Рудольф.

– Последний раз говорю тебе – покажи, где деньги, – пригрозил человек.

– Извините, ничем помочь вам не могу.

Человек с пистолетом дышал тяжело и нервно, глаза его метались из стороны в сторону, отражая свет многочисленных ламп.

– Что скажешь, Элрой? – спросил он.

– Дай ему как следует, – ответил Элрой.

Человек с пистолетом, мгновенно переместив оружие на ладонь, ударил Рудольфа в висок. Рудольф рухнул на пол, но ему показалось, что он медленно летит в пространстве. Ковер принял его в свои объятия, как чудесная мягкая постель. Прошло еще несколько секунд, и откуда-то издали тот же голос произнес:

– «Хватит, Элрой! Ты что, хочешь прикончить эту сволочь, что ли?».

Ему снился сон. Но даже во сне он понимал, что это ему лишь снится. Он был на берегу и искал Инид. Ревели волны. Почему-то прямо на пляже стояли автобусы, из них вылезали люди, которых он не знал и не узнавал, которые не обращали на него внимания, которые то возникали у него на пути, то куда-то исчезали, пока он проталкивался среди них, взывая: «Инид! Инид!». Он знал, что это сон, но мучился по-настоящему, понимая, что не найдет ее. Чувство утраты было невыносимым.

Потом он очнулся. По-прежнему горели лампы. Яркий свет колот ему глаза. Он лежал на полу, все у него болело, ломило голову, саднило в паху. Он не мог повернуться. Лицо у него было мокрым. Он вытер его рукой и увидел на руке кровь.

В комнате царил полный разгром. Обивка на креслах и диване изрезана в клочья, ковер засыпан снежными хлопьями поролон. Возле камина – разбитые

вдребезги часы. Из письменного стола, шкафа и буфета выдернуты все ящики, и их содержимое разбросано по комнате. Вместо зеркала над камином торчат одни зазубренные осколки. Деревянные стулья, журнальный столик и маленькая тумбочка разбиты вдребезги каминной кочергой, а сама кочерга изогнута каким-то фантастическим образом. Бутылки из буфета били об стену, поэтому в комнате стоял запах виски и повсюду валялись осколки. Передняя стенка от пианино лежала возле дивана, а порванные струны торчали и висели над клавиатурой, словно выпущенные кишки. Он попробовал посмотреть на часы, чтобы определить, сколько времени он пролежал без сознания, но часы оказались срезанными с его руки – вместо них на кисти был глубокий порез, из которого сочилась кровь.

Он заставил себя подползти к телефону. Поднял трубку с рычага, прислушался. Работает. Слава богу. Он не сразу вспомнил номер Гретхен. С трудом набрал. Раздались длинные гудки. Он лежал на полу, прислонив трубку к щеке. Наконец на другом конце провода сняли трубку, и он услышал голос Гретхен.

– Алло!

– Гретхен, – сказал он.

– Где ты был? – спросила она сердито. – Я звонила тебе в пять. Ты сказал, что вернешься к...

– Гретхен, – хрипло повторил он, – приезжай. Немедленно. Если дверь заперта, вызови полицию взломать дверь. Я... – Он почувствовал, что снова теряет сознание. Он больше не мог говорить. Он лежал на полу и слышал, как Гретхен кричит: «Руди! Руди! Ты меня слышишь, Руди?..» Потом наступила тишина.

Он позволил себе расслабиться и снова потерял сознание.

Он провел в больнице две недели и так и не съездил в Неваду с Джонни Хитом.

Часть третья

1

Он привез миссис Уэрфем заказанные ею в супермаркете продукты на сумму в семнадцать долларов, и она пригласила его выпить чашку кофе. Мистер Уэрфем работал на разливочном заводе, принадлежавшем мистеру Крейлеру, и это обстоятельство, подумал Уэсли, вероятно, уничтожало в ее глазах пропасть, разделявшую зажиточную домохозяйку и шестнадцатилетнего парня, доставляющего продукты на дом. Он охотно согласился – доставка была последней, а в доме у Крейлеров кофе никогда не пили.

После кофе миссис Уэрфем, смущенно хихикая, заметила, что он очень красивый молодой человек, и пригласила его к себе в постель. В доме Крейлеров под запретом был не только кофе, а миссис Уэрфем была роскошно

сложенной крашеной блондинкой. И это приглашение он тоже принял.

Кофе был хорошим, но секс еще лучше. Правда, ему пришлось торопиться, так как велосипед с ящиком для продуктов между передними колесами – собственность магазина – остался на улице, где было полно мальчишек, готовых стащить все, что ни подвернется под руку, в том числе и велосипед, на ящике которого огромными буквами значилось название магазина.

Это было ровно месяц назад. С тех пор он отвез миссис Уэрфем уже десять заказов. Доставка продуктов в дом Уэрфемов зависела от приливов и отливов жизненной энергии миссис Уэрфем.

На этот раз, когда он одевался, миссис Уэрфем уже сидела в халатике и улыбалась, словно только что съела огромное пирожное с кремом.

– Да, ты здорово сложен, – сказала она восхищенно. – Мог бы поднять моего мужа одной рукой.

– Благодарю вас, мэм, – ответил Уэсли, натягивая свитер. У него не было никакого желания поднимать одной рукой мистера Уэрфема.

– Я ведь никогда себе ничего такого не позволяю, – продолжала миссис Уэрфем, вероятно забыв, что Уэсли умеет считать, – но... – Она вздохнула. – Это ведь вносит в жизнь какое-то разнообразие, правда?

– Да, мэм.

– В следующий раз, когда повезешь заказ, добавь к нему какой-нибудь небольшой подарочек себе – ветчину или еще что-нибудь. Между тремя и пятью я всегда дома.

– Да, мэм, – неопределенно проговорил Уэсли. Больше миссис Уэрфем его не заполучит. – Мне пора. У меня там на улице велосипед.

– Я знаю. Так не забудешь про ветчину?

– Нет, мэм.

Велосипед был в целости и сохранности. Налегая на педали, он покатил к почте. Он испытывал к себе отвращение. Ветчина. Она считает, что его можно купить за какой-то кусок ветчины. Это было унижительно. Он чувствовал, что наступил решительный момент, когда все должно пойти по-другому. Больше он не польстится на то, что ему предлагают. В Америке полно славных девушек. Хотя бы та приятная и застенчивая девушка из «Тайма», пусть она и не первой молодости. Хватит довольствоваться всякой дрянью. Где-то за пределами Индианаполиса должна же быть девушка, с которой можно поговорить, посмеяться, которой можно восхищаться, рассказать об отце и о себе, – девушка, которую можно любить, которой можно гордиться и которая не заставит его чувствовать себя свиньей, когда он встанет из ее постели. А пока он будет просто ждать.

На почте его ждало два письма: одно – от Кролика, другое – от дяди Рудольфа. Теперь, когда по совету дяди ему писали не домой, а до востребования и он сам стал ходить на почту, он регулярно получал письма от Кролика и Кейт. Их письма делали его жизнь в Индианаполисе почти сносной. Не читая, он запихнул письма в карман, потому что управляющий магазином мистер Сайтрон всегда подозрительно на него поглядывал, стоило ему задержаться хотя бы на пять минут, а миссис Уэрфем и так уже слегка выбила

его из графика. У мистера Сайтрона, думал Уэсли, невинно улыбаясь управляющему, наверное, в голове секундомер. «Нет ничего хуже, чем вкалывать на другого», – говорил ему отец.

В складском помещении за магазином он вынул письма из кармана. Первым он распечатал письмо Кролика. Твердый, четкий почерк создавал впечатление, что писал его человек, весивший не меньше двухсот фунтов.

«Дорогой Уэсли!

Хочу сообщить, что „Клотильду“ продали за сто десять тысяч долларов. Прибавится деньжат и тебе, и Кейт с малышом. Так что поздравляю. Теперь я наконец могу тебе сказать, что настоящим ее владельцем был не Джонни Хит, как записано в бумагах, а твой дядя Рудольф. Наверное, у него были свои причины это скрывать. А я уже боялся, что мы никогда ее не продадим. Я уговаривал твоего дядю поменять ее название, но он ничего и слышать не хотел. У него все принципы – может, даже слишком много принципов. Купили ее немцы, очень приятные люди; они знают о том, что произошло, но это их как будто не беспокоит. Наверно, немцы народ не суеверный. Новая хозяйка сказала, что она влюбилась в „Клотильду“ с первого взгляда. Они хотели, чтобы я остался на ней капитаном, но я не согласился. На это есть много причин, и мне незачем их тебе перечислять.

В Сен-Тропезе я познакомился с одной американской семьей – муж, жена и двое мальчиков, одиннадцати и девяти лет. У них яхта длиной в 43 фута, и они предложили мне ею заняться. Вся команда – один я, но ребята обещают помогать в уборке, а их мать говорит, что согласна готовить еду. Отец вроде умеет читать карту и может стоять за штурвалом. Посмотрим. Так что я остаюсь на добром старом Средиземном море. Надеюсь, что все будет в порядке. Хорошо, когда на борту двое ребяташек.

Недавно получил весточку от Кейт. Она устроилась барменшей в кабачке недалеко от дома и все свободное время проводит с ребенком. Ты, наверно, знаешь, что она назвала его Томасом. Томас Джордах.

Жаль, что ты попал в такую передрагу в Индианаполисе. Но когда тебе стукнет восемнадцать, ты можешь от них уйти. До восемнадцати ждать осталось не так уж долго, а время бежит быстро, так что потерпи и не выкидывай никаких фокусов.

Мое новое судно называется „Долорес“ – в честь хозяйки – и приписано к Сен-Тропезу, поэтому пиши, как и прежде, на имя начальника порта для передачи мне.

Вот какие у меня новости, дружок. Если вдруг окажешься в

наших местах, загляни повидать меня.»

Кролик

Уэсли аккуратно сложил письмо и сунул его обратно в конверт. Он уже дважды спрашивал у Кролика, не слышал ли тот чего-нибудь о Дановиче, но Кролик ни разу и словом о нем не обмолвился. Он пишет, что время бежит быстро. Может, на Средиземном море оно и так, но не здесь. В Индианаполисе ему мало что нравилось. Разве что пропитанное запахом свежееиспеченного хлеба большое здание старого рынка с его высокими потолками и прилавками, заваленными фруктами и овощами. Оно напоминало портовый рынок в Антибе, и он ходил туда, как только выдавалась возможность.

Когда он вскрыл письмо от дяди, из конверта выпали две бумажки по двадцать долларов. Он поднял их и положил в карман. Он не просил денег – ни разу, – но был благодарен, когда они приходили. У дяди была привычка в самое неожиданное время оказывать всем помощь. Хорошо, когда можешь это себе позволить. А дядя Рудольф, видимо, мог. Так что нечего переживать по этому поводу. Он развернул письмо и прочел:

«Дорогой Уэсли!

Обрати внимание на адрес в верхней части страницы – я наконец-то расстался с Нью-Йорком. После того как на меня напали, город утратил для меня значительную часть своей привлекательности и я начал беспокоиться – наверное, чересчур – по поводу безопасности Инид. Здесь, в Бриджгемптоне, на Лонг-Айленде, я арендовал дом сроком пока на год. Это тихое, очаровательное место, за исключением летних месяцев, когда сюда приезжает множество народу, в основном писатели, художники и артисты. Мой дом недалеко от пляжа и минутах в пятнадцати езды от дома моей бывшей жены. Инид всю неделю живет у нее, а субботу и воскресенье проводит у меня, и при таком распорядке ей больше не нужна няня. Девочке нравится жить за городом, и ради нее стоило сюда переехать.

Я полностью оправился после двух пластических операций и, хотя, когда бегаю по пляжу, из-за повреждений в носоглотке хриплю, как старая, заигранная пластинка, в основном чувствую себя прекрасно. Врачи предлагали сделать мне еще одну операцию „для красоты“, но я решил, что от добра добра не ищут. Гретхен говорит, что с расплюснутым носом я стал больше похож на твоего отца.

Гретхен, кстати, избрала себе новое поле деятельности. На следующей неделе она заканчивает монтаж картины Кинселлы и собирается сама заняться режиссурой: она приобрела один очень понравившийся ей сценарий. Я его прочитал, и мне он тоже понравился. Дело в том, что мне надо куда-то вложить свои деньги, и я решил финансировать

картину Гретхен, а теперь деликатно даю ей советы по деловой стороне этого предприятия. Будь осмотрителен, когда в следующий раз ее увидишь. Она считает, что ты мог бы с успехом сыграть одну из главных ролей в ее картине. В нашей семье были люди почти всех профессий, за исключением кинозвезд, и я не уверен, что их появление хорошо скажется на репутации Джордахов.

К сожалению, из-за сумятицы, сопутствовавшей нападению на меня, я забыл выполнить свое обещание и послать тебе список людей, которые могут рассказать о твоём отце. Это, во-первых, конечно, Джонни Хит, который вместе с женой плавал на „Клотильде“. Я не помню, был ли ты уже в то время на яхте. Потом Гудхарты, которые тоже фрахтовали яхту несколько сезонов подряд. Я прилагаю их адреса на отдельном листке. В те далекие времена, когда твоему отцу было столько лет, сколько тебе сейчас, в Порт-Филипе был юноша – теперь уже, естественно, взрослый человек, – которого звали Клод Тинкер. Он был соучастником некоторых приключений твоего отца. Семья Тинкеров, я слышал, по-прежнему живет в Порт-Филипе. Потом есть еще человек по имени Теодор Бойлан – сейчас, должно быть, уже глубокий старик, – который был тесно связан с нашей семьей.

Как профессионального боксера я видел твоего отца всего один раз – он выступал против цветного парня по имени Вирджил Уолтерс, которому, вероятно, тоже есть о чем вспомнить. У твоего отца был менеджер по имени Шульц, и однажды, когда мне понадобилось связаться с твоим отцом, я разыскал этого Шульца через журнал „Ринг“.

Если я вспомню еще какие-то фамилии, то сразу же тебе напишу. Очень жаль, что летом ты не смог навестить меня, но я надеюсь, что тебе это еще удастся сделать.

Прилагаю к письму маленький подарок в связи с наступлением нового учебного года. Если вдруг тебе понадобятся деньги, сразу же дай мне знать.

Обнимаю тебя, Рудольф».

Уэсли сложил письмо и сунул его обратно в конверт, точно так же, как сделал это с письмом Кролика. Пишет, будто у него в заднице якорь, подумал Уэсли. Ведь на Самом-то деле он совсем не такой, просто между тем, какой он есть и каким кажется, лежит пропасть. Уэсли хотелось бы, чтобы дядя вызывал у него больше симпатии.

Оба письма Уэсли отдал Джимми, чернокожему пареньку, работавшему вместе с ним на доставке продуктов. У Джимми хранилась фотография его отца в боксерских трусах, которую дала ему та женщина из «Тайма», и все полученные им письма, так как мать, по крайней мере два раза в неделю,

перерывала все его вещи в поисках следов греха и всего прочего, что могло ей попасться. Письма от дяди, от Кейт и от Кролика явились бы в этом случае уликами грандиозного заговора с целью отнять у нее привязанность сына, о которой она так любила распространяться. А ему трудно было выносить периодические вспышки ее материнской любви. Она принималась целовать и обнимать его, называла его «малышом», говорила, что если бы он подстригся, то стал бы очень красивым мальчиком, а уж если бы вошел в лоно церкви, то осчастливил бы ее по гроб жизни, и что нет ничего на свете, чего бы они с мистером Крейлером для него тогда не сделали. Мать не притворялась – Уэсли знал, что она на самом деле его любит и хочет, чтобы он был счастлив, только счастье они понимали по-разному. Ее бурные проявления любви вызывали у него неловкость и смущение, и он с тоской вспоминал Кейт.

Он никогда не рассказывал Джимми ни о своей матери, ни о мистере Крейлере, хотя Джимми в этом городе был его единственным другом.

Ему не хотелось идти домой обедать – во-первых, потому, что еда, он знал, будет отвратительной, а во-вторых, дом, и так достаточно мрачный, теперь, после того как мистер Крейлер получил извещение, что его сын Макс убит во Вьетнаме, стал вообще похож на могилу. Тело Макса должны были вот-вот привезти, и время, проходившее в ожидании этого момента, напоминало затянувшиеся похороны.

Уэсли пригласил Джимми пообедать вместе.

– Сегодня я могу кутнуть, – сообщил он Джимми. – Мой богатый дядюшка кое-что мне подкинул.

Они поели в маленьком ресторане недалеко от супермаркета, где за полтора доллара давали кусок жареного мяса и не спрашивали свидетельства о рождении, когда заказываешь пиво.

Джимми увлекался рок-музыкой, он иногда приглашал Уэсли в гости и играл для него на кларнете под аккомпанемент пианино, за которым сидела одна из его сестер, в то время как другая угощала их пивом. Тесный дом Джимми, где царила дружеская атмосфера, оживляемая присутствием двух хорошеньких смеющихся девушек, был еще одним местом в Индианаполисе, которое Уэсли любил. В Индианаполисе, с его заводами и толпами рабочих на улицах в утренние и вечерние часы, с его как две капли воды похожими друг на друга рядами одинаковых домов и грязными тротуарами, Антиб вспоминался как райское местечко.

Уэсли не рассказывал матери про Джимми. Она была вежлива с черными, но считала, что они должны соблюдать дистанцию, как она выражалась. Так, по-видимому, полагалось у мормонов.

После ужина Уэсли попросил Джимми с завтрашнего дня доставлять миссис Уэрфем ее покупки, но почему – не объяснил, а Джимми и не стал спрашивать. Еще одна черта, говорившая в пользу Джимми: он не задавал глупых вопросов.

Домой Уэсли шел медленно. В доме царило негласное правило: если он возвращается домой к девяти часам, то никто не устраивает никаких сцен,

сопровождаемых истерическими воплями по поводу того, что он шляется по городу и позорит семью, как в свое время его отец. Обстановка в доме и так была гнетущей, а всякие сцены, особенно поздним вечером, настолько его изматывали, что он потом долго не мог заснуть. Он все чаще подумывал о побеге, но ему хотелось дать матери еще один шанс. Должно же в ней хоть что-то быть. Ведь когда-то отец любил ее.

Когда он добрался домой, мистер Крейлер рыдал в гостиной, держа в руках фотографию сына. На фотографии Макс Крейлер был снят в солдатской форме. У него было худое лицо и такие печальные глаза, словно он знал, что его убьют прежде, чем ему исполнится двадцать один год. Мать встретила Уэсли в коридоре. Мистеру Крейлеру сообщили, прошептала она, что тело Макса привезут через два дня, и он всю вторую половину дня был занят приготовлениями к похоронам.

– Не обижай его, пожалуйста, – сказала она. – Он очень любил сына. Он хочет, чтобы ты завтра подстригся и сходил со мной в магазин – надо купить тебе темный костюм на похороны.

– Мои волосы и так в порядке, – возразил Уэсли. – И стричься я не собираюсь.

– В такой час, – шепотом продолжала мать, – ты мог бы проявить уважение хотя бы к умершему.

– Я могу проявить уважение к умершему и с длинными волосами.

– Неужели тебе трудно сделать такой пустяк, чтобы доставить удовольствие матери? – И она тоже начала плакать.

– Мне мои волосы и так нравятся. И никто, кроме тебя и его, – он сделал жест в направлении гостиной, – никогда ко мне по этому поводу не пристаёт.

– Ты просто упрямый и жестокий мальчишка, – сказала она, давая волю слезам. – Неужели ты никогда и ни в чем не можешь уступить?

– Могу, когда в этом есть какой-то смысл.

– Если ты не подстрижешься, мистер Крейлер не разрешит мне купить тебе новый костюм.

– Пойду в старом. Максу это безразлично.

– Так не шутят. – Она снова заплакала.

– Я и не думал ни над кем шутить.

– Этот старый костюм и волосы как у дикого индейца – мы же в церкви все сгорим от стыда.

– Пожалуйста, могу не ходить в церковь. И на кладбище не пойду. Я Макса сроду не видел. Какой во всем этом смысл?

– Мамочка, – позвал из гостиной мистер Крейлер, – поди сюда на минутку.

– Иду, дорогой, – откликнулась Тереза. Она бросила разгневанный взгляд на Уэсли и, размахнувшись, дала ему пощечину.

Уэсли ничего не сказал, он просто замер на месте. Мать вышла в гостиную, а он медленно поднялся к себе в комнату.

На этом дело и закончилось. Когда Макса Крейлера хоронили, Уэсли развозил по домам заказы.

Капрал Хили, который тоже служил во Вьетнаме, но сына мистера Крейлера не знал, сопровождал тело в Индианаполис. Мистер Крейлер, сам ветеран войны в Корее, предложил капралу, как товарищу по оружию, остановиться у него, и Уэсли пришлось спать с ним на одной кровати, потому что в комнате для гостей расположилась замужняя дочь мистера Крейлера, Дорис, которая приехала из Чикаго. Дорис, маленькая тихая молодая женщина, по мнению Уэсли, была очень похожа на мистера Крейлера.

Хили был невысокий, довольно приятный на вид парень лет двадцати трех; на рубашке у него висела медаль «Пурпурное сердце» с двумя ленточками, свидетельствовавшими о том, что он был награжден медалью дважды. Мистер Крейлер, который во время корейской войны был всего лишь делопроизводителем квартирмейстерской службы в Токио, целый день рассказывал Хили о том, как он воевал. Хили вежливо слушал, однако дал понять Уэсли, что хотел бы куда-нибудь сбежать. Воспользовавшись одной из пауз мистера Крейлера, Хили сказал, что ему хотелось бы немного пройтись, и спросил, не будут ли они против, если Уэсли пойдет с ним, на тот случай, чтобы ему не заблудиться. Мистер Крейлер тоном бывалого солдата ответил: «Разумеется, нет, капрал», и Тереза тоже кивнула. После сцены в коридоре она не сказала Уэсли ни слова, и Уэсли был благодарен Хили за то, что он дал ему возможность уйти из дому.

– Ну и ну! – сказал Хили, когда они шли по улице. – В этом доме служба не из легких. А что из себя представляет эта сестрица, как ее, Дорис?

– Не знаю, – ответил Уэсли. – Я сам только вчера в первый раз ее увидел.

– Она все время мне подмигивает. Как ты думаешь, просто так или со смыслом?

– Откуда мне знать?

– Иногда эти простенькие на вид маленькие куколки, когда доходит до дела, оказываются очень привлекательными. Ты не будешь возражать, если я займусь ею, а?

– А чего мне возражать? Только будь осторожен. Мать охраняет дом, как хорошая сторожевая собака.

– Ладно, посмотрим, как сложится ситуация, – сказал Хили. Он был родом из Виргинии, говорил мягко и нараспев. – А ваш мистер Крейлер – это что-то! Послушать его, так подумаешь, что в Токио каждый день шли рукопашные бои. А как он развесил уши, когда я рассказывал о том, как меня ранило! Одно, во всяком случае, я знаю твердо: в члены Американского легиона я вступать не намерен. Я свое отвоевал и не желаю ничего слышать ни об этой, ни о какой другой войне. Где нам с тобой тут можно выпить пивка?

– Тут неподалеку есть одно местечко. Я так и думал, что тебе захочется выпить.

– Когда сопровождаешь тело, – жаловался Хили, – то обычно выставляют угощение, чтобы все хоть немного взбодрились. А тут, прости господи, даже чашки кофе и той не дали.

– Они ведь мормоны.

– Скучная, видать, у них вера, – отозвался Хили. – Я тоже, если могу, каждое воскресенье хожу в церковь, но я ведь не плюю в лицо людям. В конце концов, бог создал виски, пиво, вино. Даже кофе и чай и то он сотворил. Для чего, по-ихнему, все это создано?

– Спроси у мистера Крейлера.

– Да-а, – печально протянул Хили.

Они сидели за столиком в ресторане, где Уэсли обедал с Джимми, и пили пиво. Уэсли объяснил Хили, что это единственное место, где его не спрашивают, исполнилось ли ему восемнадцать лет.

– Рослый ты малый, – заметил Хили. – Приятно, наверное, быть таким рослым – никто к тебе особенно не привяжется. Не то что к человеку моего роста. Нам порядком достается.

– Привязываться можно по-разному, – отозвался Уэсли, – и от роста это не зависит.

– Это верно, – согласился Хили. – Я сразу заметил, что мистер Крейлер и твоя мать не пылают к тебе особой любовью и нежностью.

– А мне-то что? – пожал плечами Уэсли. – Я посмеиваюсь и терплю.

– Между прочим, сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– А по виду все двадцать один.

– Я этим и пользуюсь.

– Что же ты думаешь делать, когда тебе исполнится восемнадцать и тебя призовут?

– Еще не решил.

– Хочешь послушать совет человека, который там побывал и чуть не остался навсегда? – спросил Хили. – Делай что хочешь, но на призывной пункт не ходи. Война – не развлечение, Уэсли.

– А что же тогда делать?

– Все что угодно. Только не дай им забрать тебя в армию. Ты и представить себе не можешь, сколько там потерявших надежду и веру людей. В них стреляют, они подрываются на минах, умирают от всевозможных болезней, заживо гниют в джунглях, и никто из них не знает, зачем он там находится... Хочешь верь, хочешь нет, Уэсли, а я пошел добровольцем. Черт побери, понимаешь – *добровольцем* !

– Отец когда-то говорил мне, – сказал Уэсли, – что ни на какие войны не надо идти добровольцем.

– Твой отец знал, что говорил. Армия умеет выбить из человека патриотизм, и я, парень, тоже его лишился не по милости противника. Последний аккорд во всей этой музыке прозвучал, когда мы с приятелем сошли с самолета в Сан-Франциско, начищенные, в парадной форме, при всех регалиях. Впереди нас шли две хорошенькие девочки, мы ускорили шаг, и, поравнявшись с ними, я спросил: «Девочки, что вы делаете сегодня вечером?» Они остановились и посмотрели на меня так, словно перед ними была змея. Они и слова не проронили, а та, что была поближе, взяла и преспокойно

плюнула мне в морду. Ты только представь себе! Плюнула! Затем они повернулись и пошли дальше. – Хили покачал головой. – Всего десять минут назад мы прибыли домой с фронта, у обоих награды за ранение – «Пурпурное сердце», и чем же нас встретили! Победителям-героям, ура! – Он горько усмехнулся. – Ради таких людей, Уэсли, садиться в огонь задницей не стоит. Переезжай с одного места на другое, делай что хочешь, но только чтобы они не смогли тебя заполучить. Ребята говорят, что легче всего затеряться в Европе. Париж – точка номер один. Даже если придется зарегистрироваться в посольстве, то оттуда не станут тебя выкуривать.

Беседа у походного костра, подумал Уэсли. Старые битвы и полные любви воспоминания о доме.

– Я был в Европе, – сказал он. – И довольно хорошо говорю по-французски.

– Я бы на твоём месте слишком долго не медлил, Уэсли. Свой восемнадцатый день рождения, приятель, встречай в веселом Париже, – сказал Хили и заказал еще два пива. Гроб, который он сопровождал в Индианаполис, и в церкви, и на кладбище был накрыт национальным флагом. Мистер Крейлер принял этот флаг и за обедом сказал, что повесит его в комнате Макса, в которой теперь жил Уэсли.

Когда они вернулись, дом был погружен в темноту – и за это спасибо. Если бы мать не легла, то, учуяв исходящий от сына запах пива, опять бы зарыдала и устроила скандал.

Они тихо поднялись наверх и только начали раздеваться, как сначала раздался тихий стук, а потом дверь отворилась и вошла Дорис. Она была босиком и в ночной сорочке, сквозь которую просвечивало тело. Осторожно закрывая за собой дверь, она улыбнулась и приложила палец к губам:

– Я слышала, мальчики, как вы поднялись, и подумала, что хорошо бы немного посидеть вместе, чтобы, так сказать, получше познакомиться, – сказала она. – Ни у кого из вас нет случайно сигаретки? – Говорила она жеманно и вместе с тем застенчиво, словно в школе привыкла сюсюкать и до сих пор не разучилась. Уэсли старался на нее не смотреть, но все же заметил, что у нее обвислые груди и толстый, низко посаженный зад. Если бы я так выглядел, подумал он, я бы в таком одеянии нигде не ходил, разве что в крошечной темноте. Но Хили заулыбался, и в его глазах появился какой-то новый блеск. Он уже снял рубашку и теперь стоял обнаженный до пояса. У него тоже сложение не ахти какое, отметил про себя Уэсли.

– Пожалуйста, моя дорогая, – сказал Хили, изображая виргинского джентльмена. – У меня в кармане целая пачка. – Он прошел через комнату, где на спинке стула висела его рубашка, вынул сигареты и спички, затем начал снимать рубашку со стула.

– Для Дорис вам одеваться не надо, – сказала Дорис. Она передернула худыми плечиками и томно улыбнулась Хили. – Я замужем и знаю, как выглядят мужчины.

Значит, она *об этом* думала, решил Уэсли, когда днем подмигнула Хили.

Хили галантно поднес Дорис спичку. Он предложил закурить и Уэсли. Уэсли сигареты не нравились, но он все же решил закурить – только потому, что находился в доме мистера Крейлера.

– Боже мой, – сказала Дорис, затягиваясь и выпуская дым кольцами. – Я снова в царстве живых. Бедный Макс. Он ничего особенного собой не представлял, и, чтобы испытать свой единственный миг славы, ему надо было появиться здесь мертвым. Да-а, епископу пришлось потрудиться, чтобы изобразить Макса героем. – Она сочувственно покачала головой, а затем в упор посмотрела на Уэсли. – А ты на самом деле такой плохой, как они о тебе говорят?

– Чистый дьявол, – сказал Уэсли.

– Могу себе представить. С такой внешностью. Говорят, ты гроза замужних женщин.

– Что?

– Просто хочу тебе посоветовать, потому что ты, по-моему, славный парень: скажи-ка некой миссис У., чтобы она сама вынимала по утрам письма из почтового ящика, а не ждала, когда это сделает ее муж.

– О чем это ты? – спросил Уэсли, хотя догадаться было нетрудно. Местные сплетники, должно быть, давно уже заметили велосипед с ящиком для продуктов перед домом миссис Уэрфем и сообщили об этом его матери.

– Пока вы ходили гулять по городу, ты был предметом семейного обсуждения, – сказала Дорис. – Во-первых, говорили о том, насколько ты отличаешься от Макса, причем не в лучшую сторону, могу тебе доложить.

– Еще бы, – отозвался Уэсли.

– Что касается твоего отца, то у твоей матери для него тоже не нашлось добрых слов, – продолжала Дорис. – Он, очевидно, был настоящим чудовищем, если хотя бы половина того, что она говорила, правда. А ты идешь по его стопам, сказала она, и во Франции был даже арестован за то, что по пьяной лавочке чуть не убил человека.

– Ого! – сказал Хили. – Неплохо, приятель.

– Дальше, – продолжала Дорис, – что ты, как и твой папочка, самый настоящий сексуальный маньяк. Взять хотя бы эту отвратительную миссис Уэрфем, которая годится тебе в матери, и один господь бог знает, в скольких домах ты еще бываешь и скольких хозяек обеспечиваешь не только продуктами. – Она захихикала, и ее обвислые груди запрыгали под прозрачной ночной рубашкой.

– А знаете, меня осенила блестящая мысль, – сказал Уэсли. Он чувствовал, что задыхается в этой комнатенке, полной табачного дыма, в обществе кокетничающей полуголой злобной девки и ухмыляющегося солдата. – Вам двоим, наверно, есть о чем поговорить друг с другом...

– Молодец, Уэсли, – заметил Хили.

– Мне спать не хочется, – сказал Уэсли, – и я с удовольствием подышу воздухом, а что-нибудь через час вернусь. – Он их предупредил. Ему не хотелось застать их в постели, когда он вернется.

– А я выкурю еще одну сигарету, – сказала Дорис. – Мне что-то не хочется

спать.

– Как и мне, – отозвался Хили.

Уэсли начал тушить свою сигарету, как вдруг дверь распахнулась. На пороге с каменным выражением лица стояла его мать. В наступившей тишине Тереза посмотрела сначала на него, потом на Хили, затем ее взгляд задержался на Дорис. Дорис хихикнула.

– Уэсли, – сказала мать, – я не отвечаю за поведение мистера Хили или дочери мистера Крейлера – она замужняя женщина. Однако за твое поведение я несу ответственность. – Она говорила свистящим шепотом. – Я не хочу будить мистера Крейлера, так что я очень вас прошу: говорите и ведите себя тихо. А тебя, Уэсли, я попрошу спуститься со мной вниз.

Такой официальный тон был еще хуже, чем истерика. Он пошел за ней по темной лестнице вниз, в гостиную. Флаг, накрывавший утром гроб, лежал на столе.

Она повернулась к нему, лицо ее исказилось.

– Позволь мне кое-что тебе сказать, Уэсли, – проговорила она все тем же свистящим шепотом. – Ничего более мерзкого я не видела за всю свою жизнь. Кто позвал туда эту проститутку – ты? Кто собирался спать с ней первый – ты или этот солдат? – От ярости она забыла все свои благочестивые эвфемизмы. – И это в ту самую ночь, когда сын ее отца и ее брат, отдавший жизнь за родину, только что предан земле... Расскажи я мистеру Крейлеру, что творится в его доме, он тебя выпорет.

– Я ничего не собираюсь объяснять, мама, – сказал Уэсли. – А мистеру Крейлеру можешь передать, что, если он посмеет до меня дотронуться, я его убью.

Она отпрянула, словно он ее ударил.

– Я не ослышалась? Ты сказал «убью», правильно?

– Правильно.

– У тебя всегда была душа убийцы. Мне надо было оставить тебя гнить во французской тюрьме. Там твое настоящее место.

– Не передергивай, – осадил ее Уэсли. – К тому, чтобы вытащить меня из тюрьмы, ты не имела никакого отношения. Это сделал мой Дядя.

– Пусть твой дядя и берет на себя ответственность за все последствия. – Она подалась всем телом вперед, лицо ее было искажено. – Я сделала все, что от меня зависело, и потерпела неудачу. С этой секунды чтоб ноги твоей в этом доме не было. Никогда.

– Прекрасно. Как раз вовремя.

– И я предупреждаю тебя, что мой адвокат приложит все силы к тому, чтобы ты не получил ни единого цента из грязных денег твоего отца. При твоем прошлом совсем нетрудно будет убедить судью в том, что нет никакого смысла отдавать целое состояние в руки законченного убийцы. Прочь, убирайся отсюда, иди к своим проституткам и бандитам. Твой отец может тобой гордиться.

– Подавись ты этими деньгами!

– И это последнее слово, которое ты говоришь матери? – спросила она

театрально.

– Да. Мое последнее слово.

Он вышел, а она продолжала стоять посреди гостиной, тяжело дыша, словно у нее вот-вот начнется сердечный приступ. Не постучав, он вошел в свою комнату. Дорис уже не было. Хили полулежал на высоко взбитых подушках. Он курил, по-прежнему без рубашки, но в брюках.

– Черт побери, – сказал он, – твоя мамаша ворвалась сюда в самый неподходящий момент.

– Да-а, – буркнул Уэсли, швыряя вещи в небольшую сумку.

Хили с любопытством наблюдал за ним.

– Куда это ты собрался, приятель?

– Куда глаза глядят. Прочь отсюда, – ответил Уэсли. Он заглянул в бумажник, чтобы убедиться, что список, к которому он постепенно добавлял все новые фамилии с тех пор, как вышел из тюрьмы, на месте. Он никогда не расставался с бумажником, чтобы мать не могла его обнаружить.

– Прямо ночью?

– Сию минуту.

– Да-а, я тебя понимаю. За завтраком здесь утром будет весело. – Он засмеялся. – В следующий раз, когда меня пошлют сопровождать гроб, я потребую полные биографические данные на всех членов семьи. Если будешь в Александрии, разыщи меня.

– Разыщу, – сказал Уэсли. Он огляделся, проверяя, не забыл ли что-нибудь важное. Вроде ничего не забыл. – Будь здоров, Хили.

– Будь здоров, приятель. – Хили стряхнул пепел сигареты на пол. – Не забудь, что я тебе говорил насчет Парижа.

– Не забуду. – Застегнув молнию на старой куртке, чтобы не замерзнуть на улице, он молча вышел из комнаты, спустился по темной лестнице и закрыл за собой дверь дома.

Подгоняемый ветром, он шел с сумкой через плечо по темной улице и вспоминал слова отца о том, что одним из лучших дней его жизни был тот день, когда он понял, что перестал ненавидеть мать. Но это наступило не сразу, сказал тогда отец.

И у меня это наступит не сразу, подумал Уэсли.

А через день он был уже в Чикаго. В ту ночь он сидел в закуской на окраине Индианаполиса, когда там появился шофер грузовика, сказавший девушке за стойкой, что едет в Чикаго. Можно начать и с Чикаго, подумал Уэсли, и спросил шофера, не возьмет ли он его с собой. Шофер ответил, что будет рад компании, и, если не считать того, что Уэсли пришлось выслушать рассказ водителя о том, как он мучается со своей семнадцатилетней дочерью, оставшейся дома в Нью-Джерси, Уэсли получил от поездки удовольствие.

Водитель высадил его недалеко от Ригли-филд, и, заглянув в свой список, Уэсли увидел адрес Уильяма Эббота. Начну отсюда, подумал он, и направился по этому адресу. Был уже почти полдень, однако Эббот все еще разгуливал в пижаме и потрепанном купальном халате. Его жалкая однокомнатная квартира

была завалена бутылками, пластмассовыми стаканчиками из-под кофе; возле пишущей машинки валялись газеты и скомканные листы бумаги.

Уильям Эббот, делавший вид, что знает о Томасе Джордахе больше, чем знал на самом деле, не произвел на Уэсли благоприятного впечатления, и он постарался как можно скорее уйти.

Следующие два дня он пытался найти какую-нибудь работу в супермаркетах, но им никто не требовался, да к тому же его всюду просили предъявить профсоюзную карточку. Деньги у Уэсли были на исходе, и он решил, что Чикаго не для него. Он позвонил за счет абонента дяде в Бриджгемптон предупредить, что едет к нему, потому что больше ехать было некуда.

Рудольф говорил с ним по телефону как-то странно, натянуто, словно боялся, что их подслушивают.

– В чем дело? – спросил Уэсли. – Если вы не хотите, чтобы я приезжал, я не приеду.

– Не в этом суть. – Рудольф был явно обеспокоен. – Два дня назад сюда звонила твоя мать, интересовалась, нет ли тебя здесь. У нее ордер на твой арест.

– *Что-о?*

– На твой арест, – повторил Рудольф. – Она думает, что я тебя где-то прячу.

– На арест? За что?

– Она говорит, что, уходя из дома, ты украл полтора доллара из кувшина, что стоит над плитой на кухне и где она держит деньги на хозяйство. Грозится тебя проучить. А ты действительно взял эти деньги?

– Уж лучше бы я их взял, – с горечью отозвался Уэсли. Проклятый Хили, подумал он. Научился в армии пользоваться случаем. Или нет, наверно, эта дешевка Дорис.

– Я так или иначе все это улажу, – успокоительным тоном сказал Рудольф. – Но сейчас лучше тебе, пожалуй, не приезжать сюда. Тебе нужны деньги? Дай мне знать, где ты находишься, и я тебе переведу по почте.

– Да нет, ничего, – смутился Уэсли. – Если я буду в Нью-Йорке, я вам позвоню. – И не успел Рудольф что-либо сказать, как он повесил трубку.

Вот этого кувшина в Индианаполисе мне только и не хватало, подумал он.

И тогда он решил отправиться в Нью-Йорк. В Нью-Йорке кроме Рудольфа у него еще были знакомые. Он припомнил славную девушку из журнала «Тайм», которая сказала ему, что, если ему понадобится помощь, он может обратиться к ней. И никому не придет в голову искать его в журнале «Тайм».

На следующее утро он был уже в пути.

2

После телефонного звонка из Чикаго он не разговаривал с дядей около двух месяцев.

Приехав в Нью-Йорк, он сразу же направился в редакцию к Элис Ларкин. После дней, проведенных в дороге, выглядел он, наверно, ужасно, потому что,

когда он вошел к ней в тот закуток, она ахнула, словно кто-то вылил на нее ведро холодной воды. Несколько дней он почти ничего не ел, спал в кабинах грузовиков, был небрит, воротник его рубашки обтрепался, а брюки были в масляных пятнах после того, как он помогал одному шоферу под Питтсбургом менять колесо на огромном трайлере; в кармане у него оставалось сорок пять центов.

Оправившись от изумления, мисс Ларкин явно обрадовалась ему и сразу же потащила его в кафетерий, хотя он даже не успел сказать, зачем он к ней пришел.

Поев и почувствовав себя вновь человеком, он рассказал ей почти обо всем. Он старался делать вид, что все происшедшее с ним не имеет столь уж большого значения, шутил над своими злоключениями: ему не хотелось, чтобы эта милая девушка считала его великовозрастным младенцем. Разговаривать с ней было легко: глаза ее за стеклами очков смотрели внимательно.

Она не прерывала его, только время от времени вздыхала или качала головой в знак сочувствия или возмущения.

– И что ты намерен делать? – спросила она, когда он закончил свой рассказ.

– Я ведь говорил вам еще в прошлый раз, когда здесь был, – сказал он, – что мне уже давно хочется разыскать людей, которые знали моего отца, и понять, каким он им казался, ну, я имею в виду – разным людям в разные периоды его жизни. Я-то знал его меньше трех лет. – Он сейчас говорил очень серьезно, не стараясь казаться ни ироничным, ни взрослым. – И поэтому у меня в голове как бы пустота в том месте, которое он должен был бы занимать... вот я и хочу по мере возможности заполнить эту пустоту. Наверное, это все очень глупо звучит...

– Нет, – возразила она, – вовсе не глупо.

– Я говорил вам, что у меня есть список людей... – Он вынул из кармана бумажник и положил на стол мятый, протершийся на сгибах листок бумаги с фамилиями. – Журнал, наверное, может отыскать любого, кто им нужен, – сказал он, – вот я и подумал, что если это вас не слишком затруднит, то, может быть, в свободное время...

– Мы совсем не так всесильны, как тебе... – Она замолчала, заметив растерянность на его лице. – Я хочу сказать, не так все хорошо знаем, как ты думаешь, но разыскивать людей мы умеем. – Она заглянула в его список. – На это потребуется время, и не могу ручаться, что я их всех найду, однако... – Она посмотрела на него с любопытством. – А ты остаешься в Нью-Йорке?

– Собираюсь.

– Где?

Он заерзал на стуле.

– Я пока еще нигде не остановился. Я, как приехал, пришел прямо сюда.

– Уэсли, – спросила мисс Ларкин, – ты можешь мне честно сказать, сколько у тебя денег?

– А какая вам разница? – насторожился он.

– Ты похож на огородное пугало, – ответила она. – А ел ты так, словно

целую неделю у тебя и крошки во рту не было. Так сколько у тебя денег?

– Сорок пять центов, – растерянно улыбнулся он. – Наследник состояния Джордаха. Конечно, – поспешно добавил он, – я всегда могу позвонить дяде, и он мне поможет, просто сейчас мне не хочется к нему обращаться.

– Ты не будешь против, если я возьму этот список? – спросила мисс Ларкин. – Тебе, разумеется, придется сказать мне, кто эти люди и где приблизительно их можно найти...

– Пожалуйста.

– На это может уйти не одна неделя.

– Я не тороплюсь.

– И все это время ты собираешься жить на сорок пять центов? – сердито спросила она, точно он был в чем-то виноват.

– Что-нибудь подвернется, – ответил он неопределенно. – Не одно, так другое.

– А ты не обидишься, если я скажу, что кое-что уже подвернулось? – Неизвестно почему она покраснела.

– Что именно?

– Я, – сказала она неожиданно громко. – Подвернулась я. А теперь слушай внимательно. У меня две комнаты с маленькой кухней. Есть вполне удобный диван, на котором ты можешь спать. Готовлю я не очень хорошо, но с голоду ты не умрешь...

– Я не могу на это пойти.

– Это почему же?

– Не могу – и все. – Он снова растерянно улыбнулся.

– У тебя есть какая-нибудь другая одежда?

– Есть чистая рубашка, пара носков и кое-какое белье. Я оставил их внизу у вахтера.

Она строго кивнула.

– Есть чистая рубашка, – повторила она. – Насколько я могу судить, эти люди в твоём списке разбросаны по всей стране...

– Правильно. Мой отец не сидел на месте.

– И ты намерен разъезжать по всем Соединённым Штатам, заходить в дома этих людей и задавать им самые интимные вопросы, имея за душой лишь одну чистую рубашку?

– Я об этом особенно не раздумывал, – сказал он, защищаясь.

– Считаю себя счастливым, если тебе в таком виде удастся пройти хотя бы мимо собаки, – сказала она. – Не могу понять, как тебя сюда-то пропустили.

– Последние несколько дней я не смотрел на себя в зеркало, – признался он.

– Я тебе сейчас скажу, что я собираюсь с тобой делать, – заявила она с уверенностью, которой вовсе не испытывала. – Ты остановишься у меня, и я одолжу тебе денег, чтобы ты купил себе приличную одежду и...

– Я не могу вам это позволить.

– Безусловно можешь, – сказала она твердо. – Ты слышал, я сказала «одолжу»?

– Одному богу известно, когда я получу свои деньги и вообще получу ли.

– Я могу подождать.

Он глубоко вздохнул. Она видела, какое облегчение он почувствовал.

– Не понимаю, почему вы ко мне так относитесь. Вы ведь меня почти не знаете...

– Знаю достаточно, чтобы так к тебе относиться. – Она тоже вздохнула. – Я хочу быть честной с тобой и потому открою тебе один секрет. Я поступаю так вовсе не из соображений благотворительности. У меня есть на то особая причина. Чисто личная, эгоистическая причина поступать таким образом, и лучше, если ты о ней узнаешь сразу же. Я только надеюсь, что ты не обидишься.

– Как я могу обижаться на человека, который готов приютить меня и пристойно одеть?

– Я тебе все скажу. Когда ты ушел в прошлый раз... Нет, лучше я начну с самого начала. Как почти все, кто работает в нашем журнале, я тоже хочу писать. Я считаю, мой жанр – это роман. Когда я тебя встретила, у меня было написано шестьдесят страниц романа. А когда ты ушел, я отправилась домой и порвала их.

– Почему? И какое это имеет ко мне отношение?

– Самое непосредственное. После всех моих розысков и твоего рассказа я поняла, что пишу сплошную чепуху. Все это поверхностно и вторично. И я решила написать о молодом парне, у которого убили отца...

– Ничего себе, – проговорил Уэсли. Теперь он смотрел на нее уже настороженно.

– Этот молодой парень, – продолжала она, избегая его взгляда и опустив глаза, – хочет узнать, кто это сделал, почему, как прожил свою жизнь его отец... Он не знал отца, потому что его родители развелись, когда он был еще ребенком, и отец уехал. Можешь не беспокоиться: убийство происходит не в Европе, я о Европе ничего не знаю, ни разу там не была. Но, в общем, сюжет не очень отличается от того, что ты...

– Понятно.

– Так что теперь ты знаешь, в чем заключается моя особая причина.

– Ясно.

– Ты будешь рядом, я смогу тебя изучать, а также помогу тебе найти всех людей. Словом, это можно рассматривать как взаимную помощь. Это будет тебе неприятно?

– Не думаю, – пожал плечами Уэсли. – Хотя я не очень-то представляю себя героем какой-нибудь книги.

– А от тебя этого и не требуется, – сказала мисс Ларкин. – Я буду рассматривать тебя как литературный образ и брать только те черты, которые мне нужны и которые я смогу использовать.

– А что, если окажется, что я не стою всех ваших хлопот?

– Риск невелик.

– А чем кончится ваша книга? – с любопытством спросил Уэсли. – Он найдет убийцу?

- В конечном счете да.
- И что он тогда сделает?
- Он отомстит за отца.
- В книге получается все просто, правда? – грустно усмехнулся Уэсли.
- Нет, тоже непросто.
- А что дальше будет с этим парнем?

Она снова вздохнула.

- Его убивают.

Уэсли, не глядя на нее, с отсутствующим видом постукивал пальцами по столу.

- Звучит логично, – сказал он.

- Но это же вымысел.

- Ничего себе вымысел!

– Если ты имеешь дело с писателем, – сказала она серьезно, – или хотя бы с человеком, который считает себя писателем, надо быть готовым к тому, что у тебя попытаются украсть частицу твоей души.

- А я и не знал, что у меня есть душа, – отозвался Уэсли.

– Об этом позволь судить мне, – заявила Элис. – Слушай, если все это кажется тебе неприятным и глупым, ты не обязан соглашаться.

- Но вы же все равно будете писать эту книгу?

- Попытаюсь.

– Тогда какая разница. – Он улыбнулся. – Если у меня действительно есть душа, я могу пожертвовать какой-то ее частицей, чтоб хватило на несколько страничек книги.

– Вот и отлично, – сказала она деловым тоном, хотя руки ее дрожали. Она покопалась в сумочке. – Мне надо приниматься за работу. Вот тебе моя кредитная карточка в магазине «Блумингдейл». Он на углу Пятьдесят девятой улицы и Лексингтон-авеню. – Говоря это, она писала что-то на бланке «Тайма». – Предъявишь эту записку вместе с карточкой, чтоб они знали, что я дала тебе право ею пользоваться. Купи себе пару рубашек и фланелевые брюки. Покупки пусть доставят ко мне домой, чтобы было ясно, что это мой заказ. В таком виде ты не можешь ходить. К шести часам возвращайся, и я отвезу тебя к себе. Да, тебе ведь нужны деньги на автобус. – Она снова порылась в сумочке и дала ему пять долларов, долларовыми бумажками и мелочью.

– Спасибо. И не забудьте: все, что вы мне даете, – это только займы. Когда мне стукнет восемнадцать, я получу тысяч тридцать долларов.

- Не забуду.

- Нет, вы запишите. Пять долларов и число.

Она скорчила гримасу.

– Пожалуйста, если хочешь. – Она взяла ручку и записную книжку. Затем через стол толкнула книжку к нему. – Удовлетворен?

Он серьезно посмотрел на открытую страницу записной книжки.

- Порядок.

Она положила записную книжку обратно в сумочку.

- Теперь, когда я стал литературным образом, должен ли я как-то

по-особому себя вести? Следить за тем, как я выражаюсь, или, может быть, спасти попавших в беду девиц, или что-нибудь еще делать?

– Можешь вести себя как хочешь, – сказала она. Поняв, что он шутит, она засмеялась. – Только не старайся казаться умнее, чем ты есть.

Сейчас он ехал в Порт-Филип. Можно начать там, откуда все пошло, сказал он Элис, когда она выяснила, что Теодор Бойлан еще жив и по-прежнему живет в Порт-Филипе. Отец говорил Уэсли, что Бойлан был связан с их семьей, а Порт-Филип находится всего лишь в двух часах езды поездом от Нью-Йорка.

Теперь Уэсли был хорошо одет: фланелевые брюки, спортивный пиджак и отличные коричневые ботинки из «Блумингдейла». Элис настояла на том, чтобы он подстригся – пусть не коротко, но подровнял волосы. Она, как видно, была довольна, что он крутится в ее маленькой квартирке в Западной части города, неподалеку от Сентрал-парка. Она говорила, что ей уже стало тоскливо жить одной, а теперь, после работы, она спешит домой, зная, что он там. Когда за ней заходили молодые люди, чтобы вместе куда-нибудь пойти, она представляла его как приехавшего на несколько недель кузена со Среднего Запада.

В ожидании, пока Элис раздобудет для него нужные сведения, Уэсли с наслаждением бродил по городу. Он посмотрел много фильмов, побывал в «Радио-Сити» и в здании Организации Объединенных Наций, окунулся в пеструю, бьющую ключом жизнь Бродвея. Иногда Элис водила его в театр, который открыл для него новый мир: он никогда раньше не видел настоящего, живого представления.

Когда она в своей комнате стучала на машинке, он старался ей не мешать. Она никогда не предлагала ему прочитать то, что она написала, а он в свою очередь не задавал ей никаких вопросов. Порой, читая какой-нибудь журнал, прислушиваясь к стуку пишущей машинки, он испытывал странное чувство – ведь кто-то рядом писал о нем или по крайней мере придумывал человека, очень на него похожего. Иногда Элис выходила из комнаты и долго молча на него смотрела, словно изучала его, стараясь проникнуть в ход его мыслей, а затем возвращалась к себе и снова садилась за машинку.

Каждый раз, когда они ходили в театр или в кафе, он заставлял ее записывать истраченную на билеты или на ужин сумму.

Поезд с грохотом мчался вдоль Гудзона на север. Был ясный, солнечный день, река казалась прозрачной и чистой, и Уэсли думал о том, как хорошо было бы иметь маленькую яхту и плыть по этим просторам вверх, мимо зеленых отвесных скал, маленьких сонных городков, подходить ночью к причалу, высаживаться и смотреть, как там живут люди.

В Оссининге он увидел тяжелую, мрачную громаду тюрьмы Синг-Синг, и сердце его сжалось от ощущения близости с томящимися там людьми, которые смотрят в зарешеченные окна вниз, на великую свободную реку, и ведут счет годам. Никогда, подумал он, никогда так не будет со мной. Что бы ни случилось.

Приехав в Порт-Филип, он взял на станции такси и сказал: «В особняк Бойлана». Водитель, включая зажигание, посмотрел с любопытством на него в зеркальце.

– Я туда уже лет десять никого не возил. Собираешься там работать?

– Нет, – ответил Уэсли. – Еду в гости.

Таксист издал какой-то неопределенный звук. Трудно было понять, то ли он кашлянул, то ли хмыкнул.

Когда они проезжали через город, Уэсли смотрел в окно. Городок был обветшалый, улицы грязные, словно, убедившись в безнадежности попыток хоть немного приукрасить город, жители давным-давно махнули на него рукой. Почему-то город привел ему на ум бродяг, которые спят на скамейках в парке, а стоит их растормошить, говорят как люди, окончившие колледж.

Ворота во владения Бойлана были сломаны и сорваны с петель, дорога, ведущая по холму вверх к дому, вся в рытвинах, лужайки заросли высокой травой, живые изгороди не подстрижены. А сам дом показался Уэсли уменьшенной копией Синг-Синг.

– Подождите минуту, – попросил он водителя, выходя из такси и расплачиваясь с ним. – Еще неизвестно, впустят ли меня. – Он нажал кнопку звонка у парадной двери. В доме стояла мертвая тишина; он подождал, затем снова позвонил. Ожидая у двери, он огляделся. Сорняки на лужайке доходили почти до пояса, лозы дикого винограда оплели стены сада.

Прошло еще минуты две, и он уже собрался вернуться к такси, когда дверь открылась. С порога на него смотрел сгорбленный старик в полосатом жилете дворецкого.

– Что вам угодно?

– Мне хотелось бы поговорить с мистером Бойланом, – ответил Уэсли.

– Как прикажете доложить?

– Мистер Джордах.

Подавшись всем телом вперед, чтобы лучше его разглядеть, старик настороженно смотрел на него.

– Я узнаю, дома ли мистер Бойлан, – сказал он и закрыл дверь.

Таксист нетерпеливо посигналил.

– Подождите, пожалуйста, еще минуту, – крикнул Уэсли.

Вскоре дверь снова отворилась.

– Мистер Бойлан сейчас вас примет, – сказал старик.

Уэсли взмахом руки отпустил таксиста, и машина, рванувшись с места, промчалась по изрезанному рытвинами кругу перед домом и понеслась вниз с холма к городу.

Старик провел Уэсли по длинному темному холлу и открыл дверь.

– Прошу вас, сэр, – сказал он, пропуская его вперед.

Уэсли вошел в большую комнату, в которой тоже было темно, потому что окна были закрыты тяжелыми занавесями, хотя стоял прекрасный солнечный день. В глубоком кожаном кресле сидел человек и читал книгу. За столиком возле одного из выходивших на террасу окон, куда проникали слабые лучи солнечного света, друг против друга с картами в руках расположились две

молодые женщины. Когда Уэсли вошел, они с любопытством на него посмотрели. Хотя время близилось к полудню, они были в ночных рубашках и наброшенных сверху пеньюарах со множеством рюшей.

Человек в кожаном кресле медленно встал и аккуратно положил книгу переплетом вверх на подлокотник.

– Мистер Джордах? – Голос у него был тонкий и сухой.

– Да, сэр.

– Джордах, – повторил мужчина. – Эта фамилия мне известна. – Он как-то неприятно хихикнул. – Я – Теодор Бойлан. Присаживайтесь. – Он указал на такое же кресло с подлокотниками, стоявшее напротив того, в котором он сидел. Руки он не протянул. У него были очень светлые волосы, которые он явно красил, морщинистое лицо, на котором дрожала каждая мышца, острый нос и мутные глаза.

Уэсли сел, испытывая неловкость под взглядами этих двух женщин и мысленно желая, чтобы их здесь не было.

– Чье же это ты отродье? – спросил Бойлан, снова усаживаясь. – Принца торговли или отпетого головореза?

– Мой отец – Томас Джордах.

– Ныне покойничек, – кивнул Бойлан, словно выражая одобрение такому ходу событий. – Недолго пожил в этом мире. Так ему на роду было написано. Убит, – он обращался теперь к женщинам у окна, – в прекраснейшей из стран. – Он злобно прищурился, глядя на Уэсли. – Что тебе здесь надо?

– Видите ли, – начал Уэсли, – мне сказали, что вы хорошо знали нашу семью...

– Очень хорошо знал, – ответил Бойлан. – Слишком хорошо. – И он снова обратился к женщинам у окна: – Тетка этого молодого человека, когда я ее встретил, была девственницей. А когда от меня ушла, то уже ею не была. И можете себе представить, был такой момент, когда я предлагал ей руку и сердце. Она мне отказала. – Он повернулся к Уэсли. – Она тебе об этом рассказывала?

– Нет.

– Они тебе о многом, наверное, не рассказывали. Твоя тетка и твой дядя, бывало, с большим удовольствием навевались в этот дом. Тогда он был в лучшем состоянии. Да и я тоже. – Он снова хихикнул. – Я научил их многому, когда они были молоды и голодны. Свои первые уроки они получили вот в этом доме. И ни разу за многие годы не пришли навестить старика. Все же, как видите, молодой человек, у меня тут есть компания... – Он махнул рукой в сторону двух женщин, которые снова занялись картами. – Молодые красотки, – ухмыльнулся он, – вот оно, преимущество богатства: можно купить молодость. Приходят и через два-три месяца уходят, отбирает их для меня моя старинная приятельница – хозяйка одного из заведений в Нью-Йорке, которая не перестает удивляться их рассказам о неутолимом аппетите старика.

– Да брось ты, Тедди, – сказала одна из них, тасуя карты.

– Девочки, – сказал Бойлан, – я был бы вам очень признателен, если бы вы на некоторое время оставили мужчин.

– Пойдем, Элли, – сказала все та же, вставая, – его опять понесло.

Другая женщина тоже поднялась, и они обе направились к двери, покачивая бедрами и постукивая по паркету каблучками туфель без задников.

– В наемном труде есть одно огромное преимущество, – сказал Бойлан, когда женщины вышли, затворив за собой тяжелую дверь. – Те, кто на тебя работают, проявляют покорность. А когда становишься старым, то ценишь это качество выше всех остальных. Итак, молодой человек, вас интересуют корни вашей благородной семьи...

– По сути дела, – сказал Уэсли, – меня интересует главным образом мой отец...

– Он мне известен лишь своими поступками, – перебил его Бойлан, – но Гретхен и Рудольфа я знал, пожалуй, слишком хорошо. Твой дядя Рудольф с самого младенческого возраста страдал от широко распространенной в Америке болезни – его интересовали только деньги. Я пытался руководить им, я указал ему путь к достижению высокого положения, к пониманию прекрасного в жизни, но у него в крови бушевала страсть к всемогущему доллару. Я предупреждал его, что он губит себя, но болезнь его была неизлечимой... – Бойлан потер средним пальцем руки о большой. – Звон монет был в его ушах божественной музыкой. Не удовлетворившись состоянием, которое он нажил сам, он женился на больших деньгах, и в конце концов это его и прикончило. Его судьба была предрешена, я предостерегал его, но он слышал лишь звуки золотой арфы. – Он ликующе рассмеялся, а затем, немного успокоившись, продолжал более сдержанным тоном: – Он был человеком, у которого отсутствовало одно из основополагающих качеств – чувство благодарности. Ему пришлось заплатить за это дорогой ценой, но мне его не жаль.

– Послушайте, мистер Бойлан, – холодно сказал Уэсли, – я пришел сюда не...

– А что касается Гретхен, – продолжал Бойлан, словно не слыша его слов, – она была самой хорошенькой девушкой в городе. Расцвела, словно пион на навозной куче. Застенчивая была такая, глазки опущены, скромница. Вначале. А потом нет. Могла бы вести безбедную жизнь, пользоваться уважением, путешествовать; я готов был предложить ей все что угодно. Однажды я купил ей ярко-красное платье. И когда она входила, отбрасывая вокруг красные блики, у всех, кто ее видел, дыхание перехватывало. – Он пожал плечами. – Мое предложение она отвергла с презрением. Ей нужны были легкие победы над молодыми людьми, красивые слова и постель, постель... Своей необузданной чувственностью она себя погубила. Если увидишь ее, пожалуйста, не забудь передать ей все, что я сказал, слово в слово.

Маразм, думал Уэсли, полный маразм и потрясающее умение болтать языком. Он старался выкинуть из головы образ своей тетки Гретхен, входящей в комнату в красном платье, купленном этим сумасшедшим стариком.

– Я пришел сюда, – упрямо опять начал Уэсли, – чтобы узнать, что мой отец...

– Твой отец, – сказал Бойлан презрительно, – преступник и поджигатель, и

место ему было за решеткой. Он приходил сюда шпионить за своей сестрой. Он установил на холме крест и поджег его, потому что в один из своих приходов он обнаружил, что сестра его находится наверху в моей постели, а я в этой самой комнате, голый, наливаю для нее виски. Горящий крест! Символ фанатизма и невежества! – Бойлан выплевывал слова, вновь переживая оскорбление, нанесенное ему у порога собственного дома. – Все это, конечно, выяснилось много лет спустя: мальчишка, который был его сообщником – его зовут Клод Тинкер, и он теперь уважаемый человек в городе, – сам признался мне в этом за превосходным обедом в моем же доме. Твой отец! – Бойлан сморщил длинный, тонкий, по-старчески багровый нос. – Счастливо избавился, я бы сказал. Я следил за его карьерой. Как и следовало ожидать, ему ничего не удалось, даже остаться живым.

Уэсли встал.

– Весьма благодарен вам, мистер Бойлан, – сказал он, чувствуя страшную ненависть к этому человеку. – С меня достаточно. Я ухожу.

– Как вам угодно, – безразличным тоном сказал Бойлан. – Вы знаете, где выход. Я полагал, что вы хотите услышать правду – в вашем возрасте правда часто является лучшим наставником. Я слишком стар, чтобы лгать или нянчиться с молодым забулдыгой только потому, что когда-то проявил участие к его родственникам. – Он взял книгу и снова принялся за чтение.

А Уэсли, выйдя из комнаты и направляясь быстрыми шагами к входной двери, думал: отцу не то что крест, а все это проклятое место поджечь следовало. Вместе с этим сукиным сыном.

Несколько миль до станции он прошел пешком и как раз успел к поезду.

Элис ждала его с ужином. Она видела, как стиснуты его губы, напряжен подбородок. Они поели молча. Она не спросила его, как прошла поездка в Порт-Филип.

Элис сообщила ему, что тот самый Доминик Джозеф Агостино, который в двадцатые – тридцатые годы выступал на ринге под именем Джо Агоса и имел кличку Бостонский красавчик, а затем был тренером в спортивном клубе, когда там работал Томас Джордах, еще жив и трудится на прежнем месте. Том Джордах говорил Уэсли, что Доминик хорошо к нему относился, не уволил его с работы, когда его обвинили в воровстве в раздевалке клуба, и даже убедил выступать на любительских рингах. Поэтому он ничуть не жалел, рассказывал Томас сыну, что занялся боксом, несмотря даже на то, что в конце концов из-за этого превратился в бродягу. «Я получал удовольствие от бокса, – говорил Томас сыну. – Да к тому же за это еще и платили. Во всяком случае, первое время». По словам отца, у Доминика была одна замечательная черта. С членами клуба, с которыми он боксировал, он был вежлив, как горничная какой-нибудь леди. Он всегда говорил им комплименты, объяснял, как хорошо у них все получается и как растет их умение в том, что он величал Искусством. При этом он умудрялся ни на секунду не выдать своего сокровенного и давнишнего желания – взорвать этот клуб вместе со всеми его членами, роскошными помещениями и написанными маслом портретами старой бостонской

аристократии.

«Вот кто умел себя вести, – говорил Томас восторженно, – и он многому научил меня».

Уэсли взял билет на рейс из аэропорта Ла Гардия в Бостон и обратно – тридцать шесть долларов в оба конца, как он записал в заведенную им теперь книжечку, чтобы проверить, не обсчитывает ли себя Элис, одалживая ему деньги. Полет был бы весьма приятным, если бы не сидевший рядом с ним бывший парашютист, который, едва самолет вырулил на взлетную полосу, начал потеть и впивался ногтями себе в ладони, а когда они взлетели, без конца приставал к Уэсли:

– Прислушайся к звуку левого двигателя. Мне этот звук не нравится, мы непременно разобьемся, а они там, в кабине пилота, и в ус не дуют.

Чем больше о чем-нибудь знаешь, думал Уэсли, тем меньше испытываешь от этого удовольствия.

Самолет не разбился, и, как только они оказались на земле, бывший парашютист перестал потеть, а когда они выходили из самолета, уже ничем не отличался от остальных пассажиров.

В клубе «Ревир» сидевший у входа старик довольно странно посмотрел на Уэсли, когда тот спросил, не может ли он поговорить с мистером Агостино.

– Я и есть мистер Агостино, – представился старик. Он говорил сиплым шепотом, и сам он был маленький и костлявый, униформа швейцара висела на нем как мешок, и на жилистой шее вверх и вниз ходил большой кадык.

– Тот самый, что работал в спортивном зале?

– Тот самый. – Старик подозрительно его рассматривал. – Я уже лет пятнадцать там не работаю. Стар стал, черт подери. К тому же еще и артрит. Вот и сделали меня швейцаром. По сердечной доброте. А о чем ты хочешь поговорить с Агостино?

Уэсли назвал свою фамилию.

– Сын Томми Джордана? – сухо сказал Агостино. – Подумать только! Я его помню. Его вроде убили? Я где-то об этом читал. – В сиплом шепоте с сильным южнобостонским акцентом не было никаких эмоций. Если эта фамилия и пробудила какие-то приятные воспоминания в лысой голове, украшенной несколькими тонкими седыми волосками, то он этого не выдал. – Ищешь работу? – спросил он осуждающе и взглядом профессионала окинул Уэсли. – Хорошо сложен. Хочешь пойти на ринг или еще чем заняться?

– Я не боксер, – ответил Уэсли.

– Ну и хорошо. В нашем клубе боксом больше не занимаются. Решили, что для джентльменов это не спорт, когда в нем появились черные и все прочие. Теперь, когда надо разрешить спор, судятся друг с другом. – Он засмеялся, выпуская со свистом воздух сквозь щербатые зубы.

– Мне просто хотелось поговорить с вами несколько минут об отце, – сказал Уэсли, – если у вас есть время.

– Твой отец... м-м-м. У него был хороший удар правой. А левую ему можно было привязать за спину – толку от нее не было. Один раз я видел, как

он выступал на профессиональном ринге. Уложил противника нокаутом. Но после боя я ему сказал: «Первоклассным боксером ты не станешь, пока не научишься работать левой». Наверно, он так и не научился. Хотя сейчас мог бы изрядно подзаработать, потому что белый. Он был неплохой парень, твой отец. Была в нем, я подозревал, какая-то воровская жилка, не то чтобы я ставил это ему в укор – в этом заведении стены все равно что долларовыми бумажками оклеены. После того как он ушел, рассказывали тут всякие истории. Будто бы он шантажировал одного из членов клуба, адвоката, чтоб он сдох, и получил от него пять тысяч долларов. Папаша адвоката про это разнюхал и всем рассказывал, что его сынок болен, страдает kleptomанией. В клубе то и дело пропадали деньги, и я думаю, твой отец однажды застукал этого адвоката и заставил заплатить за молчание. Отец твой когда-нибудь об этом рассказывал?

– Рассказывал, – ответил Уэсли. – Он говорил, что это был его счастливый день.

– Неплохие деньги, пять тысяч, а? Куда же он их дел?

– Купил акции, – сказал Уэсли. – Вернее, его брат купил. И в конце концов приобрел на них яхту.

– Об этом я тоже читал в журнале, – вспомнил Агостино. – Яхта! Подумать только! Недурно иметь такого брата. Подонки подонком, а оказался владельцем яхты! – Он покачал головой. – Я отлично с ним ладил, угощал его пивом! Я и не очень удивился, когда его убили. Да-а, я охотно с тобой поболтаю, если только, кроме этого, тебе от меня ничего не нужно... – В голосе его появились нотки подозрительности. – Но ни в какой фонд памяти Тома Джордана я жертвовать не собираюсь, если ты за этим сюда явился.

– Да нет, мне ничего не надо. Я хочу только немного поговорить.

– Пожалуйста, – кивнул Агостино. – У меня сейчас будет пятнадцатиминутный перерыв. Меня здесь подменит один официант из нашего ресторана. Тут рядом есть пивная. Вот там и встретимся. Ты угощаешь.

К столику подошел полный джентльмен в черном пиджаке с бархатным воротничком.

– Добрый день, Джо. Есть для меня какие-нибудь письма? – спросил он.

– Добрый день, мистер Сондерс, – ответил Агостино, слегка кланяясь. – Очень приятно видеть вас здесь снова. Вы уже теперь совсем выписались из больницы?

– Да, до следующего раза, – ответил полный джентльмен и засмеялся.

Агостино хрипло засмеялся вместе с ним.

– Возраст, Джо, возраст, – сказал джентльмен.

– Печально, но правда, – подтвердил Агостино. Он повернулся к стене с открытыми ячейками и протянул руку к отделению, помеченному буквой «С», а Уэсли направился к выходу.

Они сидели за стойкой в глубине темного бара и пили пиво.

– Больше всего мне запомнился день, – рассказывал Агостино, – когда я разминался с одним из членов клуба – здоровый такой парень, молодой, лет двадцати пяти – двадцати шести, из старой, чтоб они, гады, провалились, бостонской семьи. – В голосе его, в его все еще горящих, черных как уголь

глазах уроженца Сицилии была неподдельная ненависть. – Победитель какого-то чемпионата этих ихних колледжей. Красивый парень по фамилии Грининг. До сих пор помню эту фамилию. Так вот, этот Грининг считал, что сильнее его никого нет, был он в полутяжелом весе, а я в ту пору все еще весил сто тридцать шесть – сто тридцать восемь фунтов. И этот сукин сын – с лица у него никогда не сходило выражение превосходства, – этот сукин сын со всей силы апперкотом дает мне в подбородок. Я думал, челюсть всмятку. Я в тот день был сильно простужен, но работал в зале, соблюдая, как всегда, осторожность. Ведь если, черт побери, ударишь какого-нибудь члена клуба посильнее, чем гладишь кошку, не успеешь и глазом моргнуть, как вылетишь отсюда. А уж если из их благородных носов вытечет хоть капля крови!.. А этот сукин сын свалил меня с ног, чуть зубы все не выбил – во рту кровь, дышать не могу, а он потом будет смеяться в баре с другими такими же пижонами-кровососами, ублюдками проклятыми. – Агостино покачал головой – на лысине взлетели жалкие остатки волос – и провел рукой по костлявой челюсти, словно снова хотел убедиться, не сломана ли она; его скрипучий и возмущенный старческий голос на мгновение смолк.

Глядя теперь на него, Уэсли не мог представить себе, что этот человек был когда-то молодым, легко двигался по рингу, наносил удары. Одно я знаю точно, думал он, наблюдая, как Агостино с шумом втягивает в себя пиво, ни за что на свете не хочу быть таким старым.

– Но после этого, – продолжал Агостино, – я получил истинное наслаждение. Грининг разозлился, что тренировка сорвалась, заявил, что зря только разделся, и спросил твоего отца, не хочет ли он провести с ним раунд-другой. Я подал твоему отцу знак, и он надел перчатки. Ну, парень, на это было любо смотреть. Правда, сначала твой отец получил пару крепких ударов в голову, прежде чем с ним справился. Этот засранец и его хотел разделать. Но потом Томми просто принялся молотить Грининга, они позабыли про раунды и схватились всерьез. И тут я почувствовал, что твой отец мстит за меня, за всю мою вшивую жизнь. И в конце концов он так ему врезал, что отпрыск старой бостонской семьи стал ходить по кругу с остекленевшими глазами, словно пьяный комик. Том уже готовился прикончить его, но тут я вмешался. Я не беспокоился за Тома, он знал, что делает, а мне приходилось думать о своей работе. И вот мистер Грининг, сэр, вернулся в царство живых, его паршивая гарвардская рожа была вся в крови. Он просто вышел и даже не сказал «спасибо». У твоего отца не было никаких сомнений. «Прощай моя работа в клубе», – сказал он. «Очень может быть, – сказал я ему. – Но такой бой стоит этого. По крайней мере для меня». – Агостино весело засмеялся при воспоминании об этих далеких счастливых минутах. – А через четыре дня мне велели его уволить. Помню, я сказал ему напоследок: «Никогда не доверяй богачам», так ему и сказал. – Он взглянул на часы над стойкой. – Мне пора. Приятно было с тобой познакомиться, сынок. Спасибо за пиво. – Он взял со стойки форменную фуражку и очень прямо надел ее. Она была ему велика, и его бледное худое лицо под ней походило на личико отощавшего от голода ребенка. Он уже было направился к двери, но тут же вернулся. – Я тебе вот что

скажу, сынок: многих следовало бы убить, прежде чем очередь дошла бы до твоего отца.

Он потащился к выходу, шаркая ногами, – сгорбленный, страдающий артритом старый боксер, – чтобы занять свое место за конторкой в клубе, где он будет до конца дней своих раздавать почту и подобострастно улыбаться, а в своей сицилийской душе вынашивать мечты о мести и уничтожении.

Когда Уэсли вечером вернулся в Нью-Йорк, Элис сразу увидела, что он совсем в другом настроении, чем после визита к Бойлану в Порт-Филип.

– Этот Агостино, – рассказывал он ей, помогая в кухне готовить ужин, что заключалось главным образом в том, что он ставил на стол тарелки и раскладывал вилки и ножи, – удивительный, чудаковатый старик. Ради него стоило туда съездить. – А потом пересказал ей как можно точнее все, что узнал от старого боксера. Она несколько раз заставила его повторить отдельные фразы – «прямо слово в слово, если можно, Уэсли», – как будто пыталась их запомнить, услышать голос старика, ритм его речи и представить себе его.

– Дома, в Сицилии, – сказала она, – он, вероятно, сжигал бы поля и похищал principessas.⁴² Бедняга застрял в Бостоне, выдает почту. А я сегодня раздобыла для тебя еще кое-какие новости. Я послала в Элизиум, штат Огайо, письмо одному старому газетчику, который для нас пишет, когда в тех местах происходит что-нибудь интересное, и он разыскал Клотильду.

– Каким же образом он это сумел? – спросил Уэсли, хотя, после того как Элис обнаружила местопребывание Доминика Джозефа Агостино, он начал верить, что от журнала «Тайм» никому не-укрыться.

– Дело в том, что несколько лет назад в Элизиуме был громкий бракоразводный процесс, – сказала Элис, – уважаемого бюргера Харольда Джордаха – фамилия, я полагаю, тебе знакомая?..

– Ну и что было дальше?

– Его жена потребовала развода, потому что она застала его в постели со служанкой. В Элизиуме это было крупное событие, и наш корреспондент – его фамилия Фаррелл, ты сможешь разыскать его там, если у тебя останется время, – писал об этом для местной газеты. Фаррелл сказал, что жена отхватила все: дом, половину дела, алименты, – а той женщине досталось лишь презрение общества этого маленького богобоязненного городишка. Во всяком случае, ты можешь догадаться, кто была эта женщина, застигнутая *in flagrante delicto*.⁴³

– Кто? – спросил Уэсли, хотя уже догадался, как зовут женщину и даже что значит *in flagrante delicto*.

– Клотильда, – победоносно произнесла Элис. – Клотильда Деверо. У нее прачечная как раз на той улице, где находится газета Фаррелла. Я записала адрес.

---

⁴² Принцесс (ит.).

⁴³ На месте преступления (лат.).

– Завтра я уезжаю в Огайо.

Он стоял на сонной улочке перед прачечной. С автобусной станции он позвонил в гараж Джордаха, предполагая повидаться с Харольдом Джордахом, своим дальним родственником, прежде чем начать разыскивать Клотильду Деверо. Тогда с неприятной частью его путешествия будет покончено. Когда Харольд Джордах наконец подошел к телефону и Уэсли сказал ему, кто он такой, Харольд закричал в трубку:

– И дела с тобой не желаю иметь. И вообще ни с кем из вашей семьи. – Он говорил как-то странно, следы немецкого акцента из-за высокого тембра голоса стали заметнее. – На всю жизнь хватит с меня неприятностей от этих проклятых Джордахов, даже если я до девяноста лет доживу. И близко не смей подходить к моему дому, не то натравлю на тебя полицию. И вообще я не хочу иметь ничего общего с сыном человека, который опозорил мой дом. Единственно, что я могу сказать хорошего о твоём отце, – это то, что он умер. Ты меня слышишь?

– Слышу, – сказал Уэсли и повесил трубку. Он вышел из телефонной будки, покачивая головой. Его поразила аккуратность и чистота городка – подстриженные газоны, беленькие домики в стиле Новой Англии, деревянные церкви с тонкими шпилями, и он подумал о том, как в таком приятном месте человек может так долго копить злобу. Направляясь к прачечной, адрес которой дала ему Элис, он не спеша размышлял над тем, смогли бы поладить между собой его мать и этот его родственник Харольд Джордах.

Прачечная ничем не отличалась от любой другой стандартной прачечной самообслуживания – огромное зеркальное окно, за ним ряды стиральных машин и складные стульчики, на которых сидели женщины, ожидая, когда их белье постирается.

Он стоял возле прачечной и не решался войти. В голосе отца, рассказывавшего о Клотильде, о ее красоте и мягком характере, звучали такие грустные нотки тоски и сожаления, что он не мог вот так просто пройти мимо жужжавших машин и сплетничавших женщин к прилавку, где стояла коренастая, небольшого роста женщина, раскладывавшая чужое белье, и сказать: «Я сын своего отца. Он рассказывал мне, что много лет назад, когда был в моем возрасте, очень вас любил».

Но не затем же он проделал весь путь от Нью-Йорка до Огайо, чтобы глазеть в окно. Он выпрямился и вошел, не обращая внимания на любопытные взгляды.

Женщина стояла к нему спиной, укладывая на полки пакеты с чистым бельем. Ее смуглые руки были обнажены, и он заметил, какие они сильные и полные. Черные как смоль волосы, небрежно заколотые на макушке, открывали шею, и, когда она брала и клала на полку очередной пакет с бельем, он видел, как напрягались крепкие мышцы. На ней было свободное пестрое платье, в котором ее спина и плечи казались шире, чем они, по-видимому, были на самом деле. Он ждал, когда она кончит раскладывать белье и обернется.

– Слушаю вас, – любезно сказала она. Лицо у нее было широкое, с

высокими скулами и почти медного цвета, что вместе с глубоко сидящими черными глазами и угольно-черными волосами делало ее похожей на женщину из индейского племени. Уэсли вспомнил: отец говорил ему, что в ней, наверное, течет кровь какого-то индейского племени с просторов Канады. Она показала ему очень старой.

– Я ищу миссис Деверо. Миссис Клотильду Деверо, – сказал он.

Она пристально смотрела на него, не улыбаясь, немного нахмурившись, как будто стараясь что-то вспомнить.

– Я знаю тебя, – сказала она. – Ты сын Тома Джордаха, верно?

– Да.

– Господи! – воскликнула она. – А я уж было подумала, что вижу привидение. – Она улыбнулась. – Привидение в прачечной. – Она засмеялась глубоким грудным смехом, и он вдруг почувствовал к ней симпатию, однако по-прежнему не видел в этой стареющей полной женщине даже следов той красоты, о которой говорил его отец. – Нагнись, пожалуйста, немного, – попросила она.

Он наклонился над прилавком, и она, взяв его лицо в свои гладкие и твердые ладони, какое-то мгновение пристально на него смотрела, а затем поцеловала в лоб. Он услышал, как позади одна из женщин хихикнула.

Она опустила руки, и он снова выпрямился, все еще ощущая прикосновение ее мягких губ. Клотильда улыбалась тихой, почти мечтательной, печальной улыбкой.

– Боже мой, сын Тома здесь, в этом городе! – Она принялась развязывать тесемки надетого поверх платья фартука. – Мы сейчас пойдем. Здесь и поговорить-то нельзя. Сара! – крикнула она кому-то позади стоек с бельем. – Подойди, пожалуйста, сюда.

К прилавку подошла молодая женщина со светлыми растрепанными волосами, и Клотильда сказала:

– Сара, я уйду и сегодня уже не вернусь. Все равно до закрытия остался час, а у меня важная встреча. Закроешь тут как следует, хорошо?

– Хорошо, мэм, – ответила женщина.

Клотильда повесила фартук, сделала что-то со своими волосами, и они вдруг упали ей на плечи. Так она стала еще больше похожа на индианку. Она толкнула дверцу и вышла из-за прилавка. У нее были широкие бедра, большая грудь, плотные, без чулок, сильные ноги, и он внезапно почувствовал почти щемящую боль – так сильно она напомнила ему Кейт.

Она взяла его за руку, когда они проходили мимо сидевших женщин, которые сейчас откровенно глазели на них, гаденько ухмыляясь. Когда они вышли, Клотильда сказала:

– После той истории в суде все они смотрят на меня так, словно я блудница вавилонская. – Она по-прежнему держала его за руку, и они пошли по улице. – Боже мой, – глубоко вздохнув, сказала она, – хорошо выйти на свежий воздух после того, как весь день напролет нюхаешь грязное белье. – Она искоса на него посмотрела. – Ты слышал об этом скандале?

– Да, – ответил он. – Благодаря ему я и сумел вас найти.

– Дурная слава разносится далеко, – согласилась она. – Я знаю, что твоего отца нет в живых. – Она сказала это так просто, словно давно справилась с чувствами, вызванными этим известием. – В той же заметке я прочла, что он был дважды женат. Он был счастлив?

– Во втором браке да.

Она покачала головой.

– Я боялась, что он никогда снова не найдет счастья. Они все продолжали его травить, как...

– У него была яхта, – сказал Уэсли. – На Средиземном море. Он очень любил море.

– Подумать только, – сказала она мечтательно. – Том на Средиземном море. Мне всегда хотелось путешествовать, но... – Она не договорила.

– Он назвал эту яхту «Клотильда».

– Боже мой, – воскликнула она, – «Клотильда»! – И тут он увидел, что она плачет. Слезы текли из ее темных глаз, поблескивая на густых черных ресницах.

– Когда его спрашивали, почему он выбрал для яхты такое название, он говорил, что так звали одну французскую королеву. Но мне он сказал правду.

– После всех этих лет, – не без удивления промолвила она, – после всего, что произошло. Он тебе об этом тоже рассказывал? – резко спросила она.

– Рассказывал, – ответил Уэсли. – Как его дядя узнал, что вы и отец... ну... были вместе, и пригрозил, что вас вышлют обратно в Канаду за растление малолетних...

– И про остальное рассказывал? – Голос ее стал совсем резким.

– Да. Про вас и его дядю – про то, что обнаружилось на суде и о чем писали газеты, – смущенно признался Уэсли.

– Мерзкий старик, – яростно прошептала Клотильда. – Я была служанкой в его доме. Вернуться в Канаду я не могла, мой муж убил бы меня. Я пыталась заставить Тома это понять. Но он не желал слушать. Он хотел, чтобы мы вместе убежали. Шестнадцатилетний мальчик... – Она засмеялась, смех ее звучал грустно на солнечной, обсаженной деревьями улице.

– В конце концов он понял, – сказал Уэсли. – Он говорил мне. И название яхты ведь это доказывает, правда?

– Наверно. – Она смахнула слезу тыльной стороной ладони и помолчала. – А он рассказывал тебе, как я однажды положила ему в сэндвич записку, когда он пошел на работу?

– Что-то не помню.

– Я написала: «Я тебя люблю». Вот так все и началось. – Она внезапно засмеялась. – Боже мой, какой у него был аппетит! Я никогда не видела человека, который мог бы столько съесть. А какую еду я ему готовила! Ростбифы, свежие овощи, все самое лучшее, когда его дядя со своей гадкой семьей уехал в Саратогу и мы остались в доме одни. По вечерам я ждала его и пела, стоя у плиты. Эти две недели я буду помнить до последних дней своей жизни. – Она вдруг остановилась, как будто ее схватила чья-то невидимая рука, и повернулась к нему. – Зачем ты сюда приехал? Тебе что-нибудь от меня

нужно?

– Мне ничего не надо. Я приехал только ради того, что вы сейчас делаете, – поговорить о нем.

Какое-то мгновение ее глаза словно что-то искали в его лице, а затем она снова поцеловала его в лоб.

– Ты так похож на него – даже жуть берет. Он был очень красивый. Я однажды сказала ему, что он похож на святого Себастьяна. Тогда он пошел в библиотеку посмотреть про него в энциклопедии. Там он узнал и откуда происходит мое имя. Трудно было даже представить себе, чтоб такой необузданный малый рылся в энциклопедии. – Ее лицо смягчилось, и Уэсли подумал, что у нее, наверное, было такое же выражение, когда его отец вернулся из библиотеки и рассказал ей, что он там узнал.

– Ты разочарован? – спросила она.

– Чем?

– После всего, что отец, наверно, рассказал тебе обо мне и назвал в мою честь яхту... Подумать только – королева Франции. – Она коротко рассмеялась. – А ты встречаешь старую толстую тетку, стоящую за прилавком в прачечной.

– Нет, я не разочарован. – Он не был вполне уверен, что говорит правду. В молодости она, наверное, была совсем другой, подумал он.

– Ты хороший мальчик, – сказала она, когда они снова двинулись по улице. – Надеюсь, что тебе живется легче, чем твоему отцу.

– Ничего живется.

– После того как мы... ну... можно сказать, расстались, хотя продолжали жить в одном доме и я видела его каждый день и подавала ему вместе со всеми еду, мы больше не сказали друг другу ни слова, за исключением «до свидания». Он словно озверел. Вечерами приходил домой весь в крови после драк, люди стали относиться к нему как к бездомной опасной собаке, он спал с каждой девкой в городе. Я, конечно, об этом слышала. Наверно, это было что-то вроде мести, но я его не винила, хотя и понимала, что в таком мерзком, лицемерном городишке добром это не кончится. Его посадили в тюрьму за изнасилование – подумать только, за изнасилование, когда все девки и бабы бегали за ним, как ребятишки за пожарной машиной. Про это он тебе рассказывал?

– Да.

– А про сестер-близняшек, в изнасиловании которых его обвинили? Их отец и подал на него в суд.

– Тоже рассказывал.

– Он, должно быть, очень тебя любил, если рассказывал такие вещи.

– Наверно, да. Он любил мне рассказывать. – Уэсли вспомнил ночи под звездным небом на палубе или во тьме штурвальной рубки.

– Конечно, они его и схватили – при такой репутации его можно было в чем хочешь обвинить, – сказала Клотильда с горечью в голосе. – Эти близняшки могли выбирать отца своим детям по крайней мере из полсотни людей! Включая и того полицейского, который Тома арестовал. Я видела их – этих близняшек, они по-прежнему живут здесь, теперь уже взрослые женщины.

Вот их я не советую тебе разыскивать. Один из парней выглядит так, словно он твой брат. – Клотильда весело рассмеялась. – Наконец-то в этом городе хоть у кого-то в жилах течет частица порядочной крови. Иногда ночами, – тихо произнесла она, – я думаю: как все было бы, если бы я послушалась его безумных уговоров и убежала с ним – двадцатипятилетняя служанка и шестнадцатилетний мальчик, и оба без гроша в кармане... Разве имела я право совершить такую подлость по отношению к нему? – спросила она, словно стараясь найти себе оправдание.

– Наверное, нет, – ответил Уэсли.

– А я все говорю и говорю. Только о себе. О том, что было когда-то. А как ты? Как ты-то живешь?

– Неплохо.

– Ты доволен тем, как у тебя все получается?

– Этого я, пожалуй, не сказал бы.

– Тем не менее у тебя ухоженный вид – ты хорошо одет и выглядишь как молодой джентльмен.

– Мне просто некоторым образом повезло, – сказал Уэсли. – Кое-кто обо мне заботится.

– Ты расскажешь мне все за ужином. Ты ведь не торопишься уехать из города?

– Не особенно, – ответил Уэсли. – Я хотел уехать завтра.

– Я приготовлю тебе свинину под яблочным соусом с картошкой и красной капустой. Это было самое любимое блюдо твоего отца. – Она помолчала. – Только знаешь, Уэсли, – проговорила она неуверенно, – я ведь живу не одна. У меня есть друг, он хороший человек, мастер на мебельной фабрике. Но мы с ним не женаты. У него жена и двое ребят – они католики... Он тоже будет ужинать. Ты не против? – спросила она с тревогой.

– Это ни меня, ни отца не касается.

– Люди ведь бывают разные, никогда не знаешь, что они подумают. – Она вздохнула. – Женщина не может жить одна. По крайней мере я. Я живу двумя жизнями сразу: одна – каждодневная, когда мужчина приходит домой, садится вечером за свою газету, пьет пиво и ничего такого особенного тебе не говорит, а другая – воспоминания о чудесных днях молодости, проведенных с необузданным мальчишкой. Я должна сказать тебе, Уэсли, твой отец был самым нежным, самым ласковым мужчиной, о таком женщина может только мечтать в своих странствиях по этой земле. И у него была такая нежная кожа, словно шелк. Ничего, что я тебе все это рассказываю, а?

– Мне только это и нужно, – сказал Уэсли, чувствуя, как к глазам подступают слезы жалости – не к себе или к своему мертвому отцу, а к шедшей рядом с ним коренастой, смуглой, как индианка, стареющей женщине, на чью долю выпали лишь работа и тяжелые разочарования.

– Ты пьешь вино за ужином? – спросила Клотильда.

– С удовольствием бы выпил, – ответил Уэсли. – Я ведь долго жил во Франции.

– Мы сейчас зайдем в магазин, – оживленно сказала Клотильда, – и купим

бутылку отличного красного вина, чтобы отпраздновать приезд к старой женщине красавца сына ее возлюбленного. Фрэнк – так зовут моего мастера с мебельной фабрики – может по такому случаю отказаться от своего пива.

Старик Шульц, бывший менеджер его отца, жил, как сообщила ему Элис, в доме для престарелых в Бронксе.

– Это вон тот толстый старик, который сидит в холле в котелке и в пальто, точно собрался гулять, – сказал Уэсли служитель. – Только он никуда не выходит. Сидит вот так каждый божий день и молчит. Не знаю, станет ли он с вами разговаривать.

Уэсли прошел по пустынному вестибюлю к тому месту, где на простом деревянном стуле, уставившись полузакрытыми глазами на противоположную стену и со свистом дыша, сидел невероятно толстый, буквально выпиравший из костюма и пальто человек в котелке.

– Вы мистер Шульц? – обратился к нему Уэсли. – Можно с вами поговорить?

Морщинистые веки старика слегка приподнялись, хотя голова в котелке не изменила своего положения.

– Какая вам разница, Шульц я или не Шульц? – пробормотал старик. Голос его исходил словно из подземелья, вставные челюсти клацали.

– Меня зовут Уэсли Джордах. Много лет назад вы были менеджером моего отца. Тома Джордана.

– Том Джордан, – повторил старик. – И слышать не желаю эту фамилию. Мне говорили, что он-таки достукался – убили его. Только не надейтесь услышать, что старый Шульц о нем жалеет. Это у него в крови было – умчаться куда-нибудь и плюнуть на все. Провел две недели с английской шлюхой, ел, пил как свинья, а ведь я столько сил потратил, чтобы сделать из него боксера. И потом, когда он очутился на мели, нашел ему заработок в Лас-Вегасе. Он получал пятьдесят долларов в день, работал спарринг-партнером Фредди Куэйлса – этот парень был единственным шансом в моей менеджерской жизни заполучить чемпиона. И что, вы думаете, сотворил Том? Переспал с женой Куэйлса, а когда Куэйлс пошел к нему в номер выяснять отношения, так его разделал, что после этого Куэйлс не мог бы и мою мамочку побить... Если бы я над этим идиотом Томом не сжалился и не одолжил ему свою машину, чтобы он мог выбраться из Лас-Вегаса, его бы на кусочки изрезали. У твоего отца не было ничего, чем можно гордиться на ринге, парень, но зато уж в гостиничном номере он показывал класс. Только ведь, чтобы денежки иметь, надо выступать на ринге в двадцать четыре фута на двадцать четыре, да еще чтоб был там рефери. Вот если бы твоему отцу дали выступать в стенном шкафу, он бы до сих пор был чемпионом мира, сукин он сын. А мой единственный шанс, Фредди Куэйлс, двигался как танцор и пропал из-за бабы. Хочешь, чтобы я рассказал тебе о твоем отце? Так я тебе расскажу о нем: его тоже сгубили бабы.

– Но вы ведь знали его и до этого случая. Было же что-то и другое...

– Бабы его сгубили, – повторил старик, клацая вставными челюстями и уставившись в стену перед собой. – Я сказал свое слово. А теперь убирайся,

мне некогда с тобой болтать.

Уэсли хотел сказать что-то еще, но понял, что это безнадежно. Он пожал плечами и вышел, предоставив старику в пальто и котелке смотреть на стену.

Не зная, плакать ему или смеяться, Уэсли рассказал Элис о визите к Шульцу.

– Может быть, мне и не стоит ни с кем встречаться, по крайней мере здесь, в Америке, – сказал он. – Может, есть такие вещи, которые сын и не должен слышать о своем отце. Зачем позволять, чтобы при мне его поливали грязью? В Америке, он, наверно, был совсем другим, потому что между тем человеком, которого я знал, и тем, о котором мне здесь рассказывают, нет ничего общего. Если еще кто-нибудь скажет мне, каким он был мерзавцем и как они рады, что его убили, я вернусь в Индианаполис, и пусть мать ведет меня в парикмахерскую, а потом в церковь, и я навсегда о нем забуду... – Он замолчал, увидев на лице Элис неодобрение.

– Это значит плюнуть на все.

– Может быть, к тому и идет.

– Клотильда о твоём отце так не говорила, – сказала Элис; глаза ее за стеклами очков сердито поблескивали.

– Толстая тетка из прачечной, – злобно вставил Уэсли.

– Сейчас же возьми свои слова обратно, – словно наставляя ученика, сказала Элис.

– Беру, – равнодушно отозвался Уэсли. – Извините. Но у меня такое чувство, что я понапрасну трачу время и деньги. Мое время, – криво усмехнулся он, – и ваши деньги.

– О моих деньгах можешь не беспокоиться.

– Герой вашей книги, наверно, приятный и честный человек, он никогда не впадает в отчаяние и в конце концов выясняет, что его отец был одним из благороднейших людей на свете, который при жизни только и делал, что совершал добрые поступки, помогал бедным, был вежлив со старушками и никогда не спал с женами друзей...

– Заткнись, – перебила его Элис. – Хватит. И, пожалуйста, не говори мне о том, что я пишу. Когда книга выйдет, если ей суждено выйти, можешь ее купить, и тогда расскажешь мне, что собой представляют действующие лица. Но не раньше.

Они были в гостиной; Элис сидела в кресле, а он стоял у окна и смотрел на темную улицу. Элис уже оделась, чтобы идти в гости, и теперь ждала молодого человека, который должен был за ней зайти.

– Ненавижу этот проклятый город, – сказал Уэсли, глядя вниз на пустынную улицу. – Быть бы сейчас за тысячу миль отсюда, на море! – Он отошел от окна и плашмя бросился на диван. – Господи, если бы я только мог оказаться снова во Франции, хоть на одну ночь, с людьми, которых я люблю и которые, я знаю, любят меня...

– Убери ноги в ботинках с дивана, – резко сказала Элис, – ты не в конюшне.

– Простите. – Он опустил ноги на пол. – Меня не учили хорошим манерам. Все об этом только и твердят.

И тут он услышал, что она плачет. Он вскочил и бросился к ее креслу; она сидела, закрыв лицо руками, плечи ее вздрагивали. Он стал на колени и обнял ее. В своем нарядном черном платье она казалась маленькой и очень хрупкой.

– Простите меня, – тихо сказал он. – Это я просто так сказал, честное слово. Разозлился сам на себя, вот и вырвалось. Я вам очень благодарен за все, что вы для меня делаете, я не хотел вас обидеть, так уж получилось...

Элис подняла голову, лицо ее покраснело от слез.

– Прости, что я заплакала, – сказала она. – Ненавижу женщин, которые плачут. У меня сегодня тоже был тяжелый день – все на меня кричали. Можешь лежать на диване в ботинках сколько тебе вздумается. – Она засмеялась сквозь слезы.

– Я больше никогда не буду лежать на диване в ботинках, – сказал он, все еще обнимая ее, радуясь, что она засмеялась; ему так хотелось защитить ее от разочарований и от кричащих на нее весь день людей, защитить от всего города и своего нелегкого характера.

Они молча смотрели друг на друга; за стеклами очков ее ясные мокрые глаза казались еще больше; она робко ему улыбнулась. Он нежно притянул ее к себе и поцеловал. Она прильнула к нему. Губы у нее были удивительно мягкие – он и не представлял себе, что бывают такие губы. Наконец она его оттолкнула. Слезы ее высохли.

– Так вот, значит, что надо делать, чтобы тебя поцеловали, – засмеялась она.

Внизу у входной двери раздался звонок. Она вскочила.

– Это мой кавалер. Займи его, я приведу себя в порядок. Он археолог.

И она скрылась в ванной.

В дверь постучали, и Уэсли пошел открывать. Перед ним стоял высокий худощавый молодой человек с куполообразным лбом и в очках в стальной оправе.

– Здравствуйте, – сказал молодой человек. – Элис дома?

– Она будет готова через минуту, – ответил Уэсли, закрывая за ним дверь. – Я должен вас развлекать, пока она не соберется. Моя фамилия Джордах. Я – ее двоюродный брат.

– Робинсон, – представился молодой человек. Они пожали друг другу руки.

Чем бы его развлечь, подумал Уэсли.

– Хотите послушать радио? – спросил он.

– Не особенно. Разрешите присесть?

– Конечно.

Робинсон сел, скрестив длинные ноги, и достал из кармана сигареты.

– Курите? – спросил он, протягивая Уэсли пачку.

– Нет, спасибо. – Робинсон закурил. О чем говорят с человеком, который занимается археологией? – Я был во Франции и видел там кое-какие

развалины, – начал Уэсли в надежде завязать разговор. – Амфитеатры в Ниме и Арле и тому подобное.

– Да? – сказал Робинсон, выдыхая дым. – Очень интересно.

Интересно! Интересно, останется ли он таким равнодушным, если ему сказать, что как раз перед его приходом Уэсли поцеловал Элис Ларкин – девушку, с которой у этого типа сегодня свидание, – на том самом месте, где он сейчас сидит, а перед тем довел ее до слез. С чувством снисходительного превосходства он поглядывал на долговязого парня в мешковатых брюках и пестром твидовом пиджаке с кожаными заплатами на локтях – хотя, может, именно так одеваются все археологи и, может, такая униформа обеспечивает уважение в их кругу.

– А где вы копали? – внезапно спросил он.

– Главным образом в Сирии. И немного в Турции.

– И что вы нашли?

– В основном черепки.

– Понятно.

– Вас интересует археология?

– Умеренно.

Наступило молчание; Уэсли показалось, что Робинсон скучает.

– А как выглядит Сирия?

– Мрачная страна. Мрачная и красивая. Вам следует там когда-нибудь побывать.

– Я тоже так считаю, – согласился Уэсли.

– А в какой колледж вы поступаете?

– Я пока еще не принял окончательного решения.

– Я бы на вашем месте поступил в Стэнфорд. Конечно, если удастся.

Поразительные там люди.

– Я это учту.

Робинсон, близоруко сощурившись, взглянул на него сквозь очки.

– Значит, вы двоюродный брат Элис?

– Да.

– Не знал, что у нее есть двоюродный брат. Где вы живете?

– В Индианаполисе, – не раздумывая ответил Уэсли.

– Жуткий город. А что вы делаете в Нью-Йорке?

– Приехал навестить Элис.

– Понятно. И где же вы остановились?

– Здесь, – ответил Уэсли, чувствуя себя так, словно теперь он сам превратился в объект раскопок.

– Да? – Робинсон мрачно оглядел маленькую комнатку. – Немного тесновато.

– Нет, ничего.

– Хотя, конечно, удобно: рядом Линкольн-центр и все остальное. – Робинсон явно приуныл. – А где вы спите?

– На диване.

Робинсон потушил сигарету и закурил другую.

– Да-а, – протянул он подавленно. – Я полагаю... Двоюродные...

В комнату вошла Элис, свежая как бутон. Она сменила очки на контактные линзы, чтобы, как она не раз говорила Уэсли, отправляясь на свидания, не выглядеть канцелярской крысой рядом со своими кавалерами.

– Ну, – спросила она весело, – вы тут приятно поболтали?

– Неплохо, – мрачно отозвался Робинсон, вставая. – Уже поздно. Нам пора.

Элис, видно, не очень везет, подумал Уэсли, если лучше Робинсона ей ничего не удалось найти. Всю жизнь копается в черепках. Вот было бы ему сейчас двадцать семь лет! Хорошо, что он не услышит, как Элис будет объяснять археологу, какие они двоюродные брат и сестра.

– Уэсли, – сказала Элис, – в холодильнике два сэндвича с мясом и пиво, если проголодаешься. Да, совсем забыла: через Национальный союз моряков я нашла адрес и телефон человека, которого ты ищешь, мистера Ренвея, он плавал с твоим отцом. Я звонила ему сегодня, и он сказал, что с удовольствием с тобой встретится. Когда он не уходит в море, он живет у брата, тут рядом, на Девяностых улицах. По телефону он был исключительно вежлив. Ты сходишь к нему? Он завтра целый день дома.

– Не знаю, какое у меня завтра будет настроение, – не очень любезно отозвался он, и Элис укоризненно на него взглянула.

Робинсон подал Элис пальто и уже в дверях сказал:

– Не забудьте про Стэнфорд.

– Не забуду, – ответил Уэсли, подозревая, что Робинсон так настаивает на Стэнфорде только из-за того, что этот университет за три тысячи миль от Элис Ларкин.

Накрывшись одеялом, он заснул на диване и проснулся от шепота за дверью, совершенно не понимая, который час. Затем послышался звук вставляемого в замок ключа, и Элис одна тихо вошла в комнату. Он почувствовал, что она на него смотрит, но не открыл глаз, притворяясь спящим. Она вздохнула и отошла. Дверь ее комнаты закрылась, а немного погодя раздался стук пишущей машинки.

Интересно, что ей было от меня нужно? – подумал он, снова засыпая.

Калвин Ренвей напоминал Кролика Дуайера: невысокого роста, сухой и узкий в кости, с резко обозначенными мышцами рук и кожей почти такого же кофейного цвета, как у Кролика, когда тот все лето работал на солнце.

– Сегодня у нас радостный день, – сказал он, здороваясь с Уэсли в дверях дома своего брата; чувствовалось, что мягкий голос его звучит всегда вот так же учтиво. – В гости пришел сын Тома Джордаха. Входи, мальчик, входи. Дама, которая говорила со мной по телефону, сказала, что ты обязательно придешь. – Он провел Уэсли в гостиную и придвинул ему самое большое кресло. – Устраивайся, мальчик, поудобнее. Принести тебе пива? Полдень уже прошел, самое время выпить пивка.

– Нет, спасибо, мистер Ренвей.

– Называй меня просто Калвин, – сказал Ренвей. – Ну и удивился же я,

когда эта дама позвонила и сказала, что ты меня ищешь... Столько лет я твоего отца не видел... Плаваешь с человеком, – который уже для тебя больше чем просто приятель, а потом каждый идет своим путем, как корабли в море, так сказать... и вдруг к тебе приходит молодой человек... ах ты, господи, как время-то летит... Я никогда не был женат, и сына у меня, к сожалению, нет, жизнь моряка – это один порт за другим, ухаживать за женщинами некогда, а тех, которые и так готовы за тебя выскочить, – он весело засмеялся, сверкнув белыми зубами, – тебе не хотелось бы видеть мать своих детей: будешь потом всю жизнь гадать, отец ты им или нет. Понятно, о чем я говорю? По поводу тебя-то никаких сомнений быть не может. Сразу видно – сын Тома Джордаха. Да, сэр. Держу пари, отец гордится тобой...

– Мистер Ренвей... Калвин, – неловко произнес Уэсли, – разве та дама не сказала вам по телефону...

– О чем? – удивился Ренвей. – Она только спросила: «Вы тот самый мистер Ренвей, который когда-то плывал на грузовом судне с Томом Джордахом?» И когда я ответил: «Да, мэм, тот самый», она сказала, что сын Тома Джордаха сейчас в Нью-Йорке и хотел бы поговорить со мной. Вот и все. И еще она спросила, живу ли я по тому адресу, который ей дали в Союзе моряков.

– Калвин, – сказал Уэсли, – отца больше нет в живых. Его убили в Антибе.

– О господи! – прошептал Ренвей и отвернулся к стене, чтобы скрыть боль. Длинные темные кисти его рук непроизвольно сжимались и разжимались. – Убили, – тихо повторил он, наконец снова повернувшись к Уэсли. – Да, самых хороших людей убивают в первую очередь. Не рассказывай мне об этом, мальчик. Как-нибудь в другой раз. Подробности подождут, мне не к спеху. Главное, ты пришел и сказал мне, что случилось... А то я бы жил и не знал, пил бы пиво в каком-нибудь баре в Марселе или в Новом Орлеане и рассказывал бы, как мы вместе ходили на «Эльге Андерсон» – наверно, самой мерзкой посудине, бороздившей Атлантику, – и как он, образно выражаясь, спас мне жизнь, а кто-нибудь бы равнодушно сказал: «А-а, Том Джордах, да он умер давным-давно». Уж лучше узнать так, как сейчас, и я тебе очень благодарен. Я понимаю, тебе хочется поговорить о нем, мальчик, ты за этим пришел...

– Если вы не против, – сказал Уэсли.

– Тогда были другие времена. Во всяком случае, на флоте. В ту пору со словом «мистер» никто к нам не обращался, мы были «ниггеры» и никогда об этом не забывали. Твой отец не был ни каким-то особым другом черных, ни проповедником, но, когда он проходил мимо меня утром, я всегда слышал: «Привет, приятель, как жизнь?» Обычное человеческое приветствие, но на этом мерзком судне, где почти все меня презирали, оно было как музыка. Отец называл тебе когда-нибудь такую фамилию – Фальконетти?

– Кое-что о нем рассказывал.

– Хуже его ни среди белых, ни среди черных я никого не встречал, – продолжал Ренвей. – Настоящий зверь в человеческом обличье, терроризировал всю команду, избивал людей только для своего скотского удовольствия и от низости души. И вот этот Фальконетти говорит, что не намерен сидеть в одном кубрике с ниггером, а я был единственным черным на борту, и, значит, как он

войдет, мне надо было вставать и уходить, даже если я не съел и половины обеда. Тогда твой отец, единственный из всей команды в двадцать восемь человек, у кого достало мужества, устроил ему – не из-за меня, Фальконетти приставал и к Кролику, Дуайеру – такую трепку, какой он в жизни не видал. Может, Том перегнул палку, как говорили в команде, а он позорил этого Фальконетти каждый день. Стоило им повстречаться, как твой отец говорил: «Подойди-ка сюда, скотина» – и бил его под дых, этот буйвол так и скрючивался, а все стояли и смотрели.

Однажды вечером в кубрик пришел Фальконетти, тихий, как ягненок, а там играет радио. Твой отец приводит меня туда и говорит: «Мы просто посидим как воспитанные джентльмены рядом с этим джентльменом и послушаем музыку». Я сел рядом с Фальконетти – сердце у меня стучало, клянусь тебе, я его все еще боялся, – но никто и бровью не повел. Так мы посидели немного, а потом твой отец говорит ему: «Теперь можешь идти, скотина». Фальконетти встал, вышел из кубрика, поднялся на палубу и прыгнул за борт.

Твоему отцу это среди команды популярности не принесло – они говорили: мол, одно дело – проучить человека, а другое – толкнуть его на смерть. Знаешь, Уэсли, я не мстительный, но я не был с ними согласен: я не мог забыть, как я сидел рядом с этим отвратительным человеком и играла музыка, а он молчал и не сказал мне ни слова, и что я тогда чувствовал. Это был лучший день в моей жизни, и я до сих пор вспоминаю о нем с удовольствием. Им я обязан твоему отцу и об этом никогда не забуду.

Ренвей говорил нараспев, глаза его были полузакрыты, словно перед ним снова разворачивалась вся эта история и был он сейчас не в аккуратной, чистенькой гостинной на одной из Девяностых улиц, а в притихшем кубрике среди замолкших матросов, еще раз переживая момент высшего наслаждения под надежной защитой человека, сын которого сидел сейчас перед ним.

– Я тебе вот что скажу, мальчик. – Он открыл глаза и задумчиво посмотрел на Уэсли. – Если ты станешь хоть наполовину таким, каким был твой отец, тебе надо будет каждый день благодарить бога. Подожди-ка минутку. – Он встал и направился в дальний конец гостинной. Уэсли слышал, как он выдвинул ящик, потом снова задвинул. Вернулся Ренвей, держа в руках какой-то предмет, завернутый в папиросную бумагу. Он развернул ее, и Уэсли увидел маленькую, обтянутую кожей шкатулку с золотым тиснением.

– Я купил эту шкатулку в Италии, во Флоренции. Там они такими вещами славятся. Это – тебе. – Ренвей протянул Уэсли шкатулку. – Бери.

– Я не могу взять такую вещь. Она, наверное, стоит огромных денег, и зачем вам дарить мне ее, когда вы до вчерашнего дня даже не знали о моем существовании.

– А я тебе говорю, бери, – повысил голос Ренвей. – Пусть у сына человека, который сделал для меня то, что он сделал, будет дорогая для меня вещь. – И он осторожно вложил шкатулку в руку Уэсли.

– Какая красивая, – сказал Уэсли. – Спасибо.

– Пока не за что. А теперь я одеваюсь, мы идем на Сто двадцать пятую

улицу, и я угощаю тебя самым лучшим обедом, какой можно заказать в Гарлеме.

Обед был сытный – жареные цыплята со сладким картофелем; они выпили пива, и Ренвей, забыв на время свою печаль, рассказывал Уэсли о Глазго, Рио-де-Жанейро, Пирее, Триесте и о своем брате, который все время уговаривает его оставить море, но стоит ему представить себе, что он будет жить на суше и никогда не увидит поднимающихся из воды новых городов, как ему становится ясно, что никогда он не сможет расстаться со странствиями – на хороших ли, на плохих ли судах – по океанским просторам.

На прощание Ренвей взял с Уэсли клятву, что как только Уэсли узнает о его появлении в городе, то навестит его и снова с ним пообедает.

Спускаясь в подземку, Уэсли решил выбросить свой список. После таких слов об отце уже нет смысла встречаться еще с кем-то, подумал он и почувствовал облегчение, словно с души у него свалился камень.

3

Рудольф сидел на террасе арендованного им дома и смотрел на открывавшуюся за высокими дюнами полосу белого песка и набегавшие на нее волны Атлантического океана. Было мягкое сентябрьское утро, солнце приятно припекало, отражаясь от сценария Гретхен, который он перечитывал. Рядом, вытянувшись на надувном матрасе, лежала в купальном костюме Элен Морисон. Дом ее находился немного поодаль, но она несколько дней в неделю проводила у Рудольфа. Она была разведена и однажды на вечеринке у соседней сама подошла к нему и представилась, сказав, что много слышала о нем. Она была приятельницей Гретхен. Познакомились они на собрании участниц Движения за освобождение женщин, организованном Идой Коэн. По словам Гретхен, ироническая деловитость, с которой Элен излагала факты и намечала программу деятельности, разительно контрастировала с неистовыми выпадами Иды, направленными против мужского коварства. У Элен, как успел заметить Рудольф, враждебности к мужскому полу не наблюдалось. «Совсем наоборот», – сказал он ей однажды, и она, засмеявшись, согласилась. Тот факт, что она жила на алименты от мистера Морисона и посылала, также за счет мистера Морисона, своего тринадцатилетнего сына в привилегированную епископальную школу для мальчиков, казалось, ее совершенно не беспокоило. Рудольф, знавший, как часто его собственные действия противоречат его же убеждениям, никогда не обсуждал с ней этой темы.

Она была высокой стройной женщиной, с лицом, которое даже во сне не теряло четкости очертаний. Она отлично обходилась без лифчика, а темные, красновато-каштановые волосы только вечером, когда он заходил за ней, чтобы идти с ней в ресторан ужинать, закалывала на макушке. Окруженная соседями-республиканцами, она активно занималась делами демократической партии и потеряла из-за этого много друзей. Она принадлежала к числу тех женщин, на которых в тяжелую минуту можно положиться больше, чем на

мужчин.

Утром она уже успела поплавать, хотя воздух был прохладным и вода в океане с каждой ночью становилась все холоднее. Она не забывала о требованиях своего тела и не делала никакого секрета из своих отношений с Рудольфом.

Он к ней очень привязался. Возможно, даже больше чем привязался. Но он не принадлежал к тем людям, которые стремятся сразу же проявить свои чувства или делают опрометчивые заявления, – наступит время, можно будет дать волю и словам и чувствам.

А сейчас его мысли занимал фильм, который намеревалась поставить Гретхен. При повторном чтении сценарий понравился ему еще больше. Он назывался «Комедия реставрации»; это была игра слов, ибо сюжет сводился к тому, что молодая героиня сначала с помощью просьб и уговоров, а затем путем запугивания и угроз пытается заставить вымирающий городок в Пенсильвании под вымышленным названием Лондстон заняться реставрацией прекрасных старинных особняков на пяти улицах, пришедших в полное запустение после того, как закрыли единственную в городке фабрику. В сценарии энергичная девушка, используя женское коварство, красоту, кокетство и безграничное чувство юмора, а иногда и обман, на который она смотрела с чисто женской прагматичностью, сумела объединить циничных банкиров, бесчестных политиканов, голодающих молодых архитекторов, одиноких секретарш, закоснелых бюрократов, разорившихся подрядчиков и заставила студентов колледжа стать чернорабочими во имя создания отвечающего эстетическим требованиям, экономически независимого пригорода, где благодаря новым дорогам могли бы поселиться работающие в Филадельфии и Кэмдене люди. И хотя все в сценарии от начала до конца было вымыслом и подобного места на самом деле не существовало, Рудольфу, расчетливому и трезвому бизнесмену, сама идея восстановления города показалась практически осуществимой.

Однако его смущали два обстоятельства: во-первых, само название, по его мнению, несколько отдавало курсом английской литературы и, во-вторых, он не был уверен, что у Гретхен хватит способностей сделать картину. И все же он не из одной лишь братской снисходительности согласился взять на себя треть расходов и проводил бесчисленные совещания с Джонни Хитом, чтобы защитить интересы Гретхен при заключении контрактов. Ида Коэн и сама Гретхен нашли людей, предоставивших им недостающие средства, и, будь у них больше времени, могли бы вообще обойтись без его финансовой помощи.

Но он получал от этого удовольствие. Он охотно ездил два раза в неделю в Нью-Йорк и теперь уже не говорил друзьям, что они могут звонить ему в любое время, так как он целый день дома.

За несколько месяцев Рудольф хорошо познакомился с кинопромышленным бизнесом. Не все здесь ему понравилось, но ведь Гретхен обратилась к нему не как к ангелу-хранителю, а как к «человеку с идеями», потому что, когда они думали о том, где найти подходящую натуру, он полусуто предложил их родной городок Порт-Филип – там уже более двадцати

лет в полном запустении находился целый квартал некогда прекрасных старых домов. Гретхен съездила туда с архитекторами и с художником, и все они утверждали, что место исключительно подходящее; Гретхен уже вступила в переговоры с мэром и муниципалитетом, чтобы заручиться их помощью во время съемок. Рудольф не был уверен, что найдет в себе силы посетить группу на натуре. О Порт-Филипе и прилегающем к нему Уитби у него сохранились не самые приятные воспоминания.

Он дочитал сценарий и довольно улыбнулся.

– Он тебе по-прежнему нравится? – спросила Элен.

– Даже больше, чем раньше.

По мнению Элен, в сценарии не хватало четкости позиции. Так же расценивала она и политические взгляды самого Рудольфа.

– Твой ум и сердце отравлены «холодной войной», – сказала она, – а затем к этому добавились коррупция в Вашингтоне, Вьетнам и общий атеросклероз. Когда ты последний раз принимал участие в выборах?

– Не помню, – ответил он, хотя прекрасно помнил: голосовал за Джонсона в 1964 году. После этого выборы стали казаться ему бессмысленными.

– Позор. – Элен принимала активное участие во всех выборах. Атеросклероза у нее, безусловно, не было. – Как ты считаешь, не нужен ли Гретхен консультант по политическим вопросам? Я могла бы поработать бесплатно.

– По-моему, не нужен. Даже бесплатный, – усмехнулся Рудольф.

– В конечном счете я заставлю тебя переменить взгляды.

– В какую же сторону?

– В сторону джефферсоновской демократии. Какова бы она ни была.

– Прошу тебя, избавь меня от джефферсоновской демократии, какова бы она ни была.

– Вот где надо говорить о политике, – засмеялась Элен. – На пляже, на солнышке и после хорошего заплыва. Тогда никаких войн не было бы.

Он наклонился и поцеловал ее. Почему после Жанны у него так долго не было женщины? Но теперь, когда Элен рядом, незачем пересекать океан.

– По-своему, – небрежно заметил он, – ты восхитительна.

– Ты хоть раз сказал женщине комплимент без такого вот добавления, которое сводит его на нет?

– Не помню. И вообще не помню никаких других женщин.

– Когда я завтра поеду в Нью-Йорк, надеть мне на грудь алую букву? – насмешливо спросила она.

– Не забудь захватить и монашеское покрывало.

– Как ты думаешь, если мы займемся любовью прямо здесь – я вся соленая и в песке, а ты весь в мыслях о деньгах и контрактах, – соседи будут шокированы?

– Они – нет, я буду.

– Ну, тебе еще многое надо преодолеть, – заметила она.

– Это точно. Только я ничего преодолевать не собираюсь.

– А после обеда? В моем приготовлении.

– А что на обед?

– Что-нибудь легкое, питательное и возбуждающее, – сказала она. – Например, суп из моллюсков. Посмотрим, как ты будешь себя чувствовать к двум часам дня. Телефон! – У нее был на удивление острый слух, и его всегда изумляло, как она в разгар оживленной беседы на одну из своих любимых тем слышит и может повторить слово в слово разговоры, которые в это время шепотом ведутся в другом конце комнаты и состоят главным образом из злобных замечаний в ее адрес. – Подойти? Я скажу, что это говорит дворецкий, а ты делаешь упражнения по системе йогов и тебя нельзя сейчас беспокоить.

– Я сам подойду, – сказал он. Ему становилось неловко, когда Элен брала трубку и довольно определенно давала понять, что она в его доме не посторонняя. – Только не уходи, я сейчас вернусь.

– Не уйду. От солнца меня клонит в сон.

От встал и вошел в дом. Женщины, которая три раза в неделю наводила порядок в доме, сегодня не было. Миновав большие стеклянные двери гостиной, выходящие на океан, он, как всегда, с удовольствием окинул взглядом удобные, обтянутые вельветом диваны со спинками из светлого дерева и широкие старые доски до блеска натертого пола.

– Рудольф, – сказала Гретхен, – у меня неприятность. Ты сейчас не занят?

Он подавил вздох. У Гретхен по крайней мере раз в неделю случались неприятности, по поводу которых она ему звонила. Будь она замужем, подумал он, ее телефонные счета были бы в два раза меньше. На прошлой неделе неприятности касались дяди Иды Коэн, бывшего голливудского продюсера, который после инсульта отошел от дел. Этот хитрый старик хорошо знал кинобизнес и, когда Ида показала ему сценарий, согласился с ними работать. Сидя в маленькой конторе в Нью-Йорке, он помогал в подборе исполнителей, занимался организацией проката будущего фильма, а также выполнял всю повседневную черную работу: сражался с агентами актеров, подписывал контракты с одними и вежливо отклонял предложения других. Но он уже в течение трех дней был болен, Гретхен боялась, что его хватил второй удар, и спрашивала, что ей теперь с ним делать. Рудольф посоветовал поговорить с врачом, и Гретхен выяснила, что у старика всего-навсего простуда.

Затем были неприятности с Билли Эбботом, которые ужасно взволновали Гретхен, и она разбудила Рудольфа среди ночи. Оказывается, из Чикаго ей позвонил отец Билли.

– На этот раз совершенно трезвый, – заметила Гретхен, подчеркивая серьезность ситуации. – Билли написал ему, что собирается остаться в армии еще на один срок. Вилли же против этого, как и я. Профессиональный солдат! Это как раз то, о чем мы мечтали для своего сына! Вилли хочет, чтобы мы вместе поехали в Брюссель и отговорили его, но ты же знаешь, я сейчас не могу ни на минуту уехать из Нью-Йорка. Тогда Вилли посоветовал взять Билли в мою картину – третьим помощником режиссера или что-нибудь в этом роде. Но Билли ведь и понятия не имеет, как делаются фильмы... наверное, и в кино-то был не больше трех раз... в наше время для молодого человека это просто ненормально... кроме того, он ленив и на него нельзя положиться... а если он

согласится работать, то это будет как раз типичный случай протекции, которая погубила старые голливудские студии. К тому же, если ему платить, пусть немного, это все равно будет означать, что мы крадем деньги у тех, кто нас финансирует, в том числе и у тебя. Я сказала Вилли, что не могу дать Билли работу и не могу поехать в Брюссель и почему бы ему самому не отправиться туда и не разобраться на месте. И знаешь, что он мне ответил? Что у него нет денег и не смогу ли я одолжить ему на дорогу! Одолжить! Ха! У меня все до последнего цента вложено в картину. Тогда он сказал – почему бы мне не взять денег у тебя, и я сказала, что запрещаю ему к тебе обращаться. – По мере приближения начала съемок Гретхен говорила все торопливее, а голос ее становился все выше и напряженнее. Плохой признак, подумал Рудольф, не миновать ей нервного срыва.

– Ну а ты? – спросила тогда Гретхен, поколебавшись. – Тебе ни за чем не надо в Европу?

– Нет, не надо. На некоторое время я с ней покончил. Ну а что тут такого страшного, если твой сын останется в армии?

– Тебе не хуже моего известно, что рано или поздно начнется очередная война.

– Но вряд ли мы с тобой в состоянии ее предотвратить, – сказал Рудольф. – Не так ли?

– Тебе легко говорить, – возразила она. – У тебя дочь. – И повесила трубку.

Потом был звонок по поводу того, кому дать роль младшего брата героини – ту самую, на которую Гретхен хотела попробовать Уэсли. По сценарию это был красивый, печальный и циничный юноша, который то и дело охлаждал восторги своей сестры, а в конце каждой фразы любил повторять: «Тут уж ничего не попишешь!»; не по летам развитой и разносторонне способный, он намеренно себя губил, презирая всех и каждого, работал грузчиком в местном аэропорту, играл по воскресеньям в полупрофессиональный футбол и водился с самыми отпетыми бездельниками и головорезами. Гретхен говорила, что Уэсли удивительно подходит для этой роли, даже по внешним данным, к тому же от него не требуется умения играть, и что ни один из тех, кого она приглашала на пробы, ее не устраивает. Она много раз писала Уэсли, но все письма возвращаются с почтамта в Индианаполисе невостребованные, без указания нового адреса... так вот, не знает ли Рудольф, где сейчас Уэсли. Рудольф сказал, что после телефонного звонка из Чикаго он не имел от Уэсли никаких вестей. Он не стал говорить Гретхен о выданном в Индианаполисе ордере на арест Уэсли, так как был уверен, что Уэсли рано или поздно объявится сам, а Гретхен сейчас это сообщение ни к чему. Да и потом, Рудольф не был уверен, что из Уэсли получится актер. Если он чем-то и отличался от других, так это сдержанностью в проявлении чувств, что отнюдь не предвещает блистательной карьеры кинозвезды. Вообще Рудольф по отношению к актерской братии был неисправимым снобом, хотя никак этого не проявлял. В глубине души он считал актеров самовлюбленными людьми, которые за очень большие деньги играют в детские игры.

Стоя возле телефона, он видел, как Элен поднялась с надувного матраса и

медленно начала делать сложные упражнения, вытягиваясь и изгибаясь, словно балерина. В трубке звучал, терзая его слух, пронзительный голос Гретхен.

– Сейчас это в самом деле очень серьезно. – Каждый раз она говорила то же самое, но Рудольф не стал ей об этом напоминать. – Сегодня утром позвонил Эванс Кинселла – он вчера вечером прилетел из Калифорнии. Он передумал и теперь хочет сам ставить «Комедию реставрации». Он говорит, что у него есть два миллиона на постановку, преимущественные права на прокат и два знаменитых актера на главные роли. Он готов возместить нам все расходы, а тем, кто финансирует картину, выплатить еще десять процентов.

– Сукин сын, – сказал Рудольф. – И что ты ему ответила?

– Что мне надо подумать. Мы встречаемся у него в отеле через полчаса.

– Поговори с ним и перезвони мне. Если хочешь, можно сразу отказаться, но согласия не давай, не поговорив предварительно со мной. – Он повесил трубку. Десять процентов прибыли всего через два месяца, подумал он. Совсем неплохо. Однако эта мысль его не обрадовала. Элен продолжала упражнения. После звонка Гретхен ему захотелось поскорее сесть за обед, который восстанавливает силы и возбуждает.

Гретхен тщательно подкрасилась, взбила волосы, выбрала свой самый красивый костюм и надушилась духами «Фам», которые, как когда-то сказал Эванс, ей очень подходят. Ида Коэн наверняка осудила бы меня за эти старания, подумала Гретхен, ведь предстоящая встреча будет чисто деловой и к тому же довольно неприятной. В моем возрасте, думала Гретхен, глядя на себя в большое зеркало, все труднее и труднее быть привлекательной. Последнее время она плохо спала. Она теперь часто принимала снотворное, и это было заметно. Пошел он к черту, этот Кинселла. И она еще раз брызнула на себя духами.

Чисто выбритый Эванс ждал ее в своем номере в отеле «Ридженси» на Парк-авеню. Он был в пиджаке и галстук, хотя обычно встречал ее просто в рубашке или в халате. На этот раз он, по-видимому, решил пустить в ход все свое обаяние. Он поцеловал Гретхен на парижский манер – сначала в одну щеку, затем в другую, и она почувствовала побежавшие по спине мурашки. Она сейчас ненавидела свое тело.

В вычурно обставленной гостиной вместе с ним сидел Ричард Сэнфорд, молодой автор «Комедии реставрации», – как всегда, в шерстяной рубашке с расстегнутым воротом, в куртке, джинсах и высоких нечищенных сапогах. Он словно выставлял напоказ свою бедность и равнодушие к условностям. Интересно, подумала Гретхен, как он будет одеваться в Голливуде после своей третьей картины? Сэнфорд был приятный молодой человек с широкой улыбкой; в общении с Гретхен он неизменно проявлял дружелюбие и почтительность. Хотя они виделись почти каждый день, он ни разу и словом не обмолвился, что знает Эванса Кинселлу. Заговор, пронеслось у Гретхен в голове.

Но сегодня от дружелюбия Ричарда Сэнфорда не осталось и следа – это она почувствовала сразу. Да, он в Калифорнии далеко пойдет, этот Ричард

Сэнфорд.

Держись подальше от молодых мужчин, думала Гретхен, глядя на них. Хотя Эванса Кинселлу, который в свои тридцать три года уже столькому научился, столько из чужих фильмов позаимствовал и просто украл, вряд ли можно назвать молодым человеком. Для равновесия надо было взять с собой Иду Коэн, но этот маленький вулкан тотчас начал бы извергаться. К тому же она не сказала Иде о звонке Кинселлы. Еще успеется.

– Хочешь выпить? – Кинселла указал на столик, где аккуратно были расставлены бутылки, стаканы и лед. В отелях такого класса, должно быть, есть специальный официант, эксперт в своей области, который, как только приходит телекс, извещающий о прибытии очередного магната из новой аристократии, бежит в номер расставлять бутылки, численность и качество которых строго соответствуют тому, какое место на этот момент занимает данное лицо в табели о рангах у администратора. Не без злорадства Гретхен мысленно отметила, что бар у Кинселлы самый средний. Его последняя картина провалилась, и администратор отеля в своем тайном «Almanach de Gotha»⁴⁴ не преминул это зафиксировать. – Мы с нашим молодым гением уже немножко выпили, – сказал Кинселла. – По-скромному. Чтобы к твоему приходу быть в праздничном настроении. Что даме угодно?

– Спасибо, ничего, – ответила Гретхен. – Для работающей женщины еще немного рано. – Она собиралась сохранять этот легкий и спокойный тон, пусть внутри у нее все кипит от возмущения. – Значит, молодой гений, – улыбнулась она Сэнфорду, – Эванс, как видно, изменил свое мнение о вас.

– Просто я перечитал сценарий, – торопливо сказал Кинселла. – В первый раз я, должно быть, читал его в очень неудачное время.

– Насколько я помню, – сказала Гретхен медовым голосом, – ты тогда назвал этот сценарий кучей дерьма. – Она с удовлетворением отметила, что Сэнфорд покраснел, поставил стакан и устремил взгляд на Кинселлу.

– Людям искусства свойственно ошибаться. Дик, – сказал Кинселла. (Ах, вот что, уже Дик, подумала Гретхен.) – Нас ведь буквально рвут на части. Извини меня. – Он повернулся к Гретхен и заставил себя улыбнуться. – Помимо всех прочих причин, наше маленькое совещание объясняется еще и тем, что мы с Диком, обсудив сценарий, решили внести в него некоторые изменения, причем довольно существенные. Так ведь, Дик?

– Да, – сказал Сэнфорд. Лицо у него было по-прежнему красное.

– Два дня назад, – обратилась к нему Гретхен, – вы говорили мне, что можно начинать работу и что вы не собираетесь менять ни единого слова.

– Эванс указал мне на несколько моментов, которые я упустил, – пояснил Сэнфорд тоном мальчишки, понимающего, что его могут наказать за упрямство. Заговор возник, по-видимому, уже много недель назад, а может, и месяцев.

---

⁴⁴ «Готский альманах» – периодически выпускаемый в Германии сборник данных обо всех королевских и титулованных семействах Европы.

– Давай говорить прямо, Гретхен, – сказал Кинселла. – При двух миллионах на постановку Сэнфорд получит в три раза больше, чем ты ему предлагаешь. Он небогатый человек, как тебе известно. У него жена и ребенок...

– Маэстро, – перебила его Гретхен, – тут скрипке полагается играть tremolo.

Кинселла бросил на нее злой взгляд.

– Ты забыла, что значит быть бедным и выбиваться из сил, добывая деньги, чтобы каждый месяц платить за квартиру, моя дорогая? У тебя-то при богатом братце всегда подстелена соломка. Ну а у Дика такой подстилки нет.

– А тебе не мешало бы забыть, Эванс, что у меня есть брат. Богатый или бедный. Что же до вас, Ричард... – она сделала ударение на имени, – я просила бы не забывать, что у вас заключен со мной контракт.

– Об этом я и хотел поговорить, – сказал Кинселла. Он уже взял себя в руки. – Я никоим образом не намерен отстранять от участия в картине тебя или твою приятельницу Иду, эту еврейскую Жанну д'Арк. Я с самого начала собирался предложить тебе быть директором картины, со всеми вытекающими финансовыми последствиями, конечно. Иду же сделать режиссером по монтажу. Ну что может быть справедливее? – И лицо его расплылось в улыбке.

– Я полагаю, Ричард, – сказала Гретхен, – что вы полностью согласны с Эвансом? Мне бы хотелось, чтобы вы сами об этом сказали. Вам также, безусловно, приятно слышать, что Иду Коэн, которая день и ночь гнула спину, чтобы довести ваш сценарий до экрана, называют еврейской Жанной д'Арк?

– Нет, с этим я не согласен, – снова вспыхнул Сэнфорд. – Но с тем, что, имея два миллиона, картину можно сделать лучше, чем имея семьсот пятьдесят тысяч, – с этим я согласен. И пока вы не предложили мне с вами работать, скажу вам честно, мне никогда не приходило в голову, что эту картину может поставить женщина...

– А теперь?

– Ну-у... – Он был в растерянности. – Я знаю, вы умная женщина и у вас большой опыт... но ведь не режиссера-постановщика. Это моя первая картина, Гретхен, и мне будет спокойнее, если такой человек, как Эванс Кинселла, с его репутацией режиссера, поставившего удачные фильмы...

– От его репутации несет дерьмом, – обрезала его Гретхен. – Для тех, кто понимает. Как я, например. А если он сделает еще одну картину в том же духе, как его последняя, ему в Калифорнии даже камеры напрокат не дадут.

– Видишь, Дик, – вмешался Кинселла, – я говорил тебе, она будет вести себя как самая обычная мстительная баба. Она была замужем за режиссером, которого считала вторым Станиславским. Я видел его картины, но, если бы не видел, тоже ничего бы не потерял. И поскольку он умер, она хочет получить свое с кем угодно, с каждым режиссером, и превратилась в самую большую шлюху двадцатого века. А старушка Ида, которая не может заставить ни одного мужика дотронуться до себя даже трехметровым шестом, вбивает ей в голову, что она призвана проложить женщинам-режиссерам путь к высшей награде Академии искусств.

– Мерзавец, интриган! – обрушилась на него Гретхен. – Ради одного того, чтобы посмотреть, как ты превратишь картину в ту самую кучу дерьма, с которой ты сравнивал сценарий, стоило бы отдать его тебе.

– Когда я ее нанял, – продолжал Кинселла, потеряв уже всякое самообладание, – один приятель сказал мне: никогда не нанимай богатых. Особенно богатую бабу. И ни в коем случае не спи с ней. Она тебе никогда не простит, если ты только взглянешь на другую. Убирайся отсюда, ты, сука, – завизжал он. – Я приду к тебе на премьеру и хорошо посмеюсь.

– Гретхен... – жалобно начал Сэнфорд. У него был испуганный вид, он, наверно, жалел, что вообще когда-то сел за пишущую машинку. – Пожалуйста...

– Ричард, – спокойно сказала Гретхен, чувствуя себя удивительно очистившейся и свободной до головокружения, – когда мы начнем съемки, можете поступать как вам захочется: хотите – приходите, не хотите – не надо. Всего хорошего, джентльмены. – И она с достоинством вышла из заполненной цветами, бутылками и злобой гостиной.

В лифте она улыбалась и плакала, не обращая внимания на стоявших рядом людей. Подожди, пока я расскажу все это Иде! – думала она.

А на улице она приняла твердое решение: никаких молодых людей. Отныне и впредь, если она выберет какого-нибудь мужчину, он будет старше ее, будет испытывать к ней благодарность, а не ожидать благодарности от нее. Она, правда, не знала, что скажет Ида Коэн, но ее это мало беспокоило.

Они сидели за столом и ели приготовленный Элен обед – суп-пюре из моллюсков и горячие сдобные булочки.

– Приятно готовить для человека, которому не надо следить за своим весом, – сказала Элен, и тут в дверь позвонили. Элен чертыхнулась.

Обед уже и так прерывался телефонным звонком Гретхен, которая в течение пятнадцати минут рассказывала Рудольфу об утренней встрече с Кинселлой. Она не сомневалась, что Рудольф одобрит ее действия. Однако вопреки ее ожиданиям он особого восторга не проявил.

А теперь звонок в дверь. Рудольф встал из-за стола и пошел открывать. Перед ним залитый лучами сентябрьского солнца, отражавшегося в океане, стоял Уэсли, аккуратно одетый, в фланелевых брюках и спортивном пиджаке, подстриженный и причесанный, немного похудевший, с выпирающими скулами и, как всегда, утомленным и загадочным выражением глаз.

– Здравствуй, Уэсли, – сказал Рудольф. – Я знал, что ты рано или поздно появишься. Как раз к обеду. Проходи, пожалуйста.

4

Билли с интересом наблюдал, как Джордж осторожно собирает на столе часовой механизм для бомбы. На самом деле Джорджа звали вовсе не Джордж, и Билли это было хорошо известно. Моника, которую Джордж называл Хейди, стояла по другую сторону стола. Лицо ее над ярким клином света от рабочей

лампы было в тени.

– Ты внимательно следишь, Джон? – спросил Джордж по-английски с сильным испанским акцентом, бросив взгляд на Билли.

Джон – это имя ему дали в группе, и Моника в присутствии членов группы тоже так его называла. Все это напоминало ему игры в тайные общества, в которые он мальчишкой играл во дворе своей школы в Гринич-Виллидж. Только сейчас он имел дело не с детьми. Одна улыбка, подумал он, и они меня убьют.

Из других приятелей Джорджа и Моника-Хейди он встречал только двоих, но в этот полдень в маленькой комнатке трущобного района Брюсселя, где Джордж собирал бомбу, их не было. Билли никогда не видел Джорджа в одном и том же месте дважды. Из отдельных слов в разговоре он сделал вывод, что группы, аналогичные этой, членом которой он теперь являлся, существуют и в других городах Европы, но о том, где они находятся и чем занимаются, он пока никакого представления не имел. Несмотря на то что в интересах собственной безопасности он не особенно стремился узнать больше, чем ему сообщали, его возмущало, что к нему все еще относятся как к не проверенному в деле и почти не пользующемуся доверием постороннему, хотя он уже дважды давал им из гаража машину, а в ту ночь, когда Джордж подкладывал бомбу в испанское туристическое агентство в Амстердаме, даже сам сидел за рулем. Он не знал, в каких еще операциях принимали участие Джордж и Моника, но в газетах прочитал о взрыве в отделении Американского банка в Брюсселе и около здания компании «Олимпик эйруэйз». И если эти взрывы были делом рук Моника и Джорджа, то Моника сдержала свое обещание: ни один человек в Брюсселе, ни в Амстердаме не пострадал.

– Ну как, сможешь, если понадобится, сам это собрать? – спросил его Джордж.

– Наверно, смогу.

– Вот и хорошо, – сказал Джордж. Это был чернявый, невысокого роста парень с ласковыми печальными глазами и размеренными движениями. Говорил он всегда тихо и казался совершенно безобидным. Глядя на себя в зеркало, Билли думал, можно ли и его причислить к разряду опасных людей.

Вот Моника – совсем другое дело. Волосы у нее всегда растрепаны, а глаза сверкают, особенно когда она сердится. Но он жил с Моникой, боялся ее и любил больше прежнего. Моника велела ему остаться в армии еще на один срок. А когда он сказал, что сыт армией по горло, она в ярости набросилась на него и заявила, что это приказ, а не предложение и что она уйдет от него, если он не будет ее слушаться.

– В следующий раз, – продолжал Джордж, – я дам тебе попробовать – просто для практики.

Джордж снова приступил к работе, его тонкие маленькие руки осторожно двигались над проводами. Ни он, ни Моника не сказали Билли, где, когда и с какой целью предполагается использовать эту бомбу, а он теперь уже знал, что спрашивать бессмысленно.

– Ну вот, – сказал Джордж. – Вот и готово. – Маленькая пластиковая бомба

с часовым механизмом и детонатором невинно лежала на столе, освещенная резким светом лампы. – На сегодня урок закончен. Ты теперь уходи, Джон, а Хейди еще побудет со мной. Иди к автобусу и езжай в противоположном от твоего дома направлении. Когда проедешь восемь остановок, выйди из автобуса, пройди еще три квартала пешком, затем бери такси. Дай водителю адрес отеля «Амиго». Войди в отель. Выпей в баре. А после этого иди пешком домой.

– Хорошо, Джордж, – сказал Билли. Этим и ограничивалось его участие в разговоре с Джорджем. – Ты придешь ужинать? – спросил он у Моники.

– Это зависит от Джорджа.

– От Джорджа?

– Не забудь, – напомнил Джордж, – по крайней мере десять минут в отеле «Амиго».

– Хорошо, Джордж, – сказал Билли.

Сидя в автобусе, который шел в противоположном от его дома направлении, в окружении женщин, спешивших с покупками домой, чтобы приготовить ужин, детей, возвращавшихся из школы, стариков, погруженных в вечерние газеты, он мысленно усмеялся. Знали бы они, чем занимался на одной из маленьких улочек их города этот невысокий приятный молодой американец в аккуратном скромном костюме... Хотя он и старался казаться спокойным, наблюдая за работой Джорджа, собиравшего бомбу, пульс его участился от волнения. Теперь же, придя в себя и холодно глядя на окружавшую его в тряском автобусе повседневную жизнь, он, пожалуй, назвал бы это ощущение другим словом – удовольствие. Он уже испытал это странное чувство в Амстердаме, когда, оставив позади туристическое агентство, мчался куда глаза глядят и в шести кварталах позади себя услышал отдаленный взрыв.

В отличие от Моники он не верил в непрочность существующей системы и не считал, что взрыв случайной бомбы то в одном, то в другом месте покончит с ней, но зато теперь он по крайней мере уже не чувствовал себя всего лишь незначительным, легкозаменяемым винтиком в этой отвратительной, бесчеловечной машине. Его действия подвергались изучению, важные лица пытались определить, кто он такой, какова его цель и где он нанесет удар в следующий раз. Он теперь с иронией относился к презрению товарищей по оружию, считавших его любимчиком полковника, – эта ирония доставляла ему тем большее удовольствие, что они не могли даже и предположить, чем он на самом деле занимается. Моники тоже пришлось признать, что она ошибалась, когда говорила, что он ничего не стоит. В конечном счете они вложат ему в руки оружие и прикажут убивать. И он будет убивать. А на следующий день, прочитав утренние газеты и втайне гордясь, будет скромно являться на службу. Он не верил, что Моники, и Джордж, и их сообщники-призраки когда-либо достигнут своих призрачных целей. Но это и не важно. Зато он теперь уже не плыл по течению, не зависел от мелких повседневных случайностей жизни солдата, вынужденного, чтобы заработать свой хлеб, покорно твердить: «Да, сэр», «Слушаюсь, сэр». Теперь он сам был судьбой, готовым воспламениться

бикфордовым шнуром, человеком, который что-то значит.

Автобус тащился все дальше, и Билли считал остановки. На восьмой он вышел. Под морозящим дождем он быстро прошел еще три квартала, как велел ему Джордж, приветливо улыбаясь попадавшимся навстречу прохожим. На углу третьего квартала стояло такси, словно заранее специально для него заказанное. Он удобно устроился на заднем сиденье и с удовольствием доехал до отеля «Амиго».

Когда вошла Моника, он сидел в полутемном баре, где не было никого, кроме двух блондинов за угловым столиком, разговаривавших, по-видимому, на иврите, и допивал свое пиво.

Она забралась на соседний табурет и заказала водку со льдом.

– Тебе Джордж велел сюда прийти? – спросил Билли.

– У меня сейчас потребность пообщаться с людьми.

– Ты Моника или Хейди?

– Заткнись.

– Ты сказала, что хочешь пообщаться с людьми. Но ты же врешь. Тебя послали проверить, выполнил ли я инструкции.

– Здесь все понимают по-английски, – прошептала она. – Говори о погоде.

– О погоде, – повторил он. – Сегодня днем было довольно тепло, как ты считаешь?

– Довольно тепло. – Бармен поставил перед ней стакан, и она улыбнулась ему.

– А что ты будешь делать, если меня отправят обратно в Америку? – Билли вертел в руках кружку, где оставалось еще немного пива.

– Тебя куда-нибудь переводят? – насторожилась Моника. – Ты что-то от меня скрываешь?

– Да нет. Просто мой полковник последнее время разнервничался. Он здесь уже давно. Кроме того, в армии никогда ничего не знаешь заранее...

– Воспользуйся связями, – сказала она. – Устройся где-нибудь в Германии.

– Это не так-то просто, – возразил он.

– Но вполне возможно, – сказала она решительно. – И ты не хуже меня это знаешь.

– Тем не менее, – продолжал он, – ты не ответила на мой вопрос. Что ты тогда будешь делать?

Она пожала плечами.

– Это будет зависеть от многого.

– От чего?

– Я же говорю – от многого. Куда тебя пошлют. Что ты там будешь делать. Где я буду нужна.

– А как же любовь?

– Никак.

– На глупый вопрос получаешь глупый ответ, – засмеялся он.

– Есть более важные вещи, Джон, – сказала она, не без иронии подчеркивая его новое имя. – Мы не должны забывать о своих первоочередных

задачах, правда?

– Еще бы. – Он заказал еще кружку пива. – Возможно, на следующей неделе я поеду в Париж.

Она снова внимательно на него посмотрела.

– Возможно? Или точно?

– Почти точно. Полковник считает, что ему надо ехать, и если он поедет, то возьмет и меня с собой.

– Тебе бы пора научиться заранее говорить мне о таких вещах, – сказала она.

– Я сам узнал только сегодня утром.

– Как только будешь знать наверняка, сразу же мне сообщи. Ясно?

– О господи, перестань, пожалуйста, разговаривать со мной как ротный командир!

Она пропустила его замечание мимо ушей.

– Я говорю не просто так. На следующей неделе в Париж надо доставить один пакет. Как ты полетишь? Обычным самолетом?

– Нет. Военным. Начальство летит в Версаль на какую-то церемонию.

– Прекрасно.

– А что будет в этом пакете?

– Узнаешь, когда придет время.

Он вздохнул и выпил еще пива.

– Я всегда был равнодушен к приятным, простым и неискушенным девушкам.

– Я попробую тебе такую подыскать – лет через пять-шесть.

Он мрачно кивнул. Сидевшие в углу два блондина теперь заговорили громче – по-видимому, начали спорить.

– Это иврит? – спросил он.

Она прислушалась.

– Нет, финский.

– Они что, очень похожи – иврит и финский?

– Нет, не похожи. – Она засмеялась и поцеловала его в щеку. Он понял, что теперь она уже не Хейди, а Моника.

– Итак, – сказал он, – рабочий день окончен.

– На сегодня – да.

– На сегодня, – повторил он и допил пиво. – Ты знаешь, чего бы мне сейчас хотелось?

– Чего?

– Отправиться домой и лечь с тобой в постель.

– О дорогой, – сказала она манерно, – что за солдатские разговоры!

– В результате послеобеденной деятельности мне захотелось любви.

Она засмеялась и прошептала:

– Мне тоже. Расплачивайся и пошли.

Когда они добрались до своей улицы, уже совсем стемнело. Они остановились на углу, чтобы посмотреть, не следят ли за ними. Вроде никого. Они медленно пошли – не по той стороне, где находился дом Билли, а по

противоположной. Перед домом Билли стоял какой-то человек и курил сигарету. Дождь моросил по-прежнему, и шляпа у человека была нахлобучена на самый лоб. В темноте они не могли определить, попался ли он им раньше.

– Не останавливайся, – тихо сказала Моника.

Они прошли мимо дома, завернули за угол и вошли в кафе. Билли очень хотелось выпить еще пива, но Моника заказала два кофе.

Минут через пятнадцать они вышли. Человек стоял на прежнем месте и курил.

– Ты иди дальше, – сказала Моника. – А я пройду мимо него и поднимусь наверх. Через пять минут возвращайся. Если все будет в порядке, я зажгу свет, и ты войдешь.

Билли кивнул, поцеловал ее в щеку, словно прощаясь, и пошел дальше. Дойдя до угла, он оглянулся. Профессиональный риск, подумал он. Вечные подозрения. Человек все еще стоял перед домом, но Моника исчезла. Билли снова зашел в кафе и выпил пива, на которое Моника наложила запрет. Выйдя из кафе, он быстро свернул на свою улицу. Свет в квартире горел. Не останавливаясь и опустив голову, он перешел на другую сторону, где перед домом стоял тот человек, и начал подниматься по ступенькам, доставая из кармана ключи.

– Здравствуй, Билли, – произнес человек.

– Господи! Отец! – От удивления он уронил ключи, и они с Уильямом Эбботом чуть не столкнулись лбами, одновременно нагнувшись, чтобы их поднять. Оба рассмеялись. Отец подал ему ключи, и они обнялись. Билли про себя отметил, что не почувствовал запаха джина, который у него с детства ассоциировался с отцом.

– Ну пошли, – сказал Билли. – Сколько времени ты меня тут ждешь?

– Часа два.

– Наверно, промок насквозь?

– Это неважно, – сказал Эббот. – Зато было время кое о чем поразмыслить.

– Пошли наверх, – сказал Билли, отворяя дверь подъезда. – М-м... только знаешь, отец, мы будем не одни. Там еще девушка, – добавил он, поднимаясь впереди отца по лестнице.

– Постараюсь воздержаться от крепких выражений, – отозвался Эббот.

Билли отпер дверь, они вошли в маленькую переднюю, и он помог отцу сбросить мокрый плащ. Когда Эббот снял шляпу. Билли увидел седеющие волосы и одутловатое, с желтизной лицо. Он вспомнил фотографию отца в форме капитана. Красивый молодой человек, темноволосый и смуглый, весело улыбался какой-то шутке. Теперь красивым его не назовешь. Ссутулился, обмяк, отрастил брюшко. Ни за что не стану таким в его возрасте, думал Билли, вводя отца в гостиную.

В маленькой захламленной гостиной сидела Моника и читала книгу. Она не особенно утруждала себя уборкой и не занималась хозяйством. При виде двух мужчин она встала.

– Моника, – сказал Билли, – это мой отец.

Моника улыбнулась, глаза ее приветливо засияли, и лицо осветилось.

Настроение у нее меняется в одну секунду, подумал Билли, глядя, как Моника здороваются с отцом за руку.

– Добро пожаловать, сэр, – сказала она.

– А я видел, как вы входили в подъезд, – заметил Эббот. – Вы на меня так странно посмотрели.

– Моника всегда довольно странно смотрит на мужчин, – вмешался Билли. – Садись, папа. Хочешь чего-нибудь выпить?

– После такого ожидания это не помешает. – Эббот потер руки и поежился.

– Я сейчас принесу стаканы и лед, – сказала Моника и вышла на кухню.

– Уютно, – заметил Эббот, с одобрением оглядев комнату. – Тебе неплохо живется в армии, а. Билли?

– Пожалуй.

– А это временно или постоянно? – Эббот сделал жест в сторону кухни.

– Временно-постоянно.

Эббот засмеялся и сразу словно помолодел, несмотря на седые волосы и отечное лицо.

– Вечная история в семье Эбботов.

– А что привело тебя в Брюссель, папа?

– Да надо кое-что разузнать. – Эббот задумчиво посмотрел на сына. – Поговорим об этом потом, ладно?

– Конечно.

– А чем занимается молодая дама?

– Она переводчица в НАТО, – сказал Билли. Он не считал себя обязанным рассказывать отцу, что Моника также организует заговоры с целью уничтожения капиталистической системы и почти наверняка принимала участие в недавнем убийстве судьи в Гамбурге.

Моника вернулась с тремя стаканами, льдом и бутылкой шотландского виски. Билли заметил, с какой жадностью Эббот посмотрел на бутылку.

– Мне, пожалуйста, немного, – сказал Эббот. – После перелета через океан да еще бесконечного дня, проведенного в хождении по Брюсселю, я чувствую себя так, словно не спал уже несколько недель.

Билли видел, как дрожала отцовская рука, когда он брал у Моника стакан. Сердце его кольнула щемящая жалость к этому маленькому человеку, который, по его воспоминаниям, был и выше, и увереннее в себе.

– За отцов и детей. – Эббот поднял стакан. Он грустно улыбнулся и покрутил лед в стакане, но пить не спешил. – Сколько же лет мы с тобой не виделись?

– Шесть, может, семь...

– Давненько, а? Я уж избавлю вас от необходимости выслушивать избитые фразы. – Он медленно потянул виски из стакана и глубоко, благодарно выдохнул. – Эти годы на тебе не сказались. Билли, ты в прекрасной форме.

– Я много играю в теннис.

– Превосходно. С грустью должен признаться, что я в последнее время теннис забросил... – Он снова отпил из стакана. – Это моя ошибка. Но за шесть-семь лет можно наделать ошибок. Разной степени тяжести. – Он

поглядел на Билли, прищурившись, словно человек, потерявший очки. – Ты изменился. Это естественно. Повзрослел, наверно, лучше сказать. Появилась сила в лице и все такое прочее. Весьма привлекателен, как вы считаете, Моника?

– Умеренно, – засмеялась Моника.

– В детстве он был очень хорошенький, – сказал Эббот, – только уж слишком серьезный. Жаль, я не захватил с собой его детских фотографий. Когда мы познакомимся поближе, я как-нибудь отведу вас в сторонку и попрошу рассказать, какого он мнения о своем отце. Просто из любопытства. Отцам всегда кажется, что у сыновей о них неверное представление. Удел отцовства, так сказать.

– Билли всегда говорит о вас с любовью, – сказала Моника.

– Преданная у тебя подружка. Билли. Как я уже говорил, людям свойственно ошибаться, и возможности для этого у них безграничны. – Он сделал еще глоток виски. – Насколько я понимаю, Моника, вы влюблены в моего сына.

– Пожалуй, да, – осторожно ответила Моника. Билли видел, что отец не произвел на нее благоприятного впечатления.

– Он, несомненно, говорил вам, что собирается остаться в армии еще на один срок. – Эббот снова покрутил стакан.

– Говорил.

А-а, подумал Билли, вот что привело его в Брюссель.

– Американская армия – это благородная и нужная организация, – сказал Эббот. – Я сам когда-то служил, если память мне не изменяет. Вы одобряете его намерение продлить свое пребывание в рядах этой нужной и благородной организации?

– Это его личное дело, – уклончиво ответила Моника. – Я уверена, у него есть на то свои причины.

– Могу я полюбопытствовать, Моника, воспользовавшись правом отца, которому небезразличен выбор сына... я надеюсь, вы не обидитесь...

– Конечно нет, мистер Эббот. Билли все обо мне знает, правда. Билли?

– Даже слишком много, – усмехнулся Билли, чувствуя, что разговор принимает какое-то совершенно ненужное направление.

– Так вот, – продолжал Эббот, – могу я полюбопытствовать... мне кажется, я уловил в вашей речи крохотный акцент... скажите, из каких вы мест? То есть откуда родом?

– Из Германии. Родилась в Мюнхене.

– А-а, Мюнхен. Однажды мне пришлось находиться в самолете, который бомбил Мюнхен. К счастью, вы настолько молоды, что не могли тогда находиться в этом прекрасном городе. Это было в начале сорок пятого.

– Я родилась в сорок четвертом.

– Прошу прощения, – сказал Эббот.

– Эти события не сохранились в моей памяти, – коротко ответила она.

– Как прекрасно иметь возможность сказать: не сохранились в моей памяти.

– Папа, – вмешался Билли, – война давно кончилась.

– Все так говорят. – Эббот медленно сделал еще один глоток. – Должно быть, это правда.

– Билли, – сказала Моника, ставя на стол недопитый стакан, – я надеюсь, ты и твой очаровательный отец извините меня. Я должна вас покинуть. У меня деловая встреча...

Эббот поднялся галантно, хотя и не без труда – так страдающий ревматизмом старик утром встает с постели.

– Надеюсь, дорогая, мы будем иметь удовольствие вместе поужинать.

– Боюсь, что нет, мистер Эббот. У меня сегодня вечер занят.

– Не обязательно сегодня...

– Конечно, – сказала Моника.

Билли вышел вместе с ней в переднюю и подал плащ. Она накинула на спутанные волосы шарф.

– Ты еще вернешься? – прошептал он.

– Скорее всего, нет. И не слушай отца, а то он тебя отговорит. Ты же знаешь, зачем он приехал.

– Знаю, не беспокойся. И возвращайся в любое время. Я тебе обещаю, что буду в форме.

Она засмеялась, поцеловала его в щеку, и дверь за ней закрылась. Он беззвучно вздохнул, изобразил на лице улыбку и пошел обратно в гостиную. Отец наливал себе виски – на этот раз изрядную порцию.

– Интересная девушка, – сказал Эббот. Его рука, когда он разбавлял виски содовой, уже не дрожала. – А она когда-нибудь причесывается?

– Ее такие вещи не интересуют.

– Я так и понял, – сказал Эббот, снова усаживаясь в кресло. – Я ей не доверяю.

– Да перестань, папа. Ты и видел-то ее ровным счетом десять минут. Почему? Только из-за того, что она немка?

– Совсем не потому. Я знаю много хороших немцев, – сказал Эббот. – Я так говорю, потому что так принято говорить, хотя это и неправда. Я никого из немцев не знаю и не питаю к ним никаких чувств – ни хороших, ни плохих. Однако к женщинам я питаю вполне определенные чувства и знаю их гораздо лучше, чем немцев. Когда она проходила в дом, она бросила на меня такой странный взгляд, что мне стало не по себе.

– Ну, на меня она никаких странных взглядов не бросает.

– Вполне возможно. – Эббот оценивающе посмотрел на Билли. – Жаль, что ростом ты в меня, а не в мать, однако с твоими красивыми глазами и умением держаться ты, наверно, вызываешь немалый интерес у женщин.

– Который они умудряются скрывать в моем присутствии, – заметил Билли.

– Восхищаюсь твоей скромностью, – засмеялся Эббот. – Я в твои годы был менее скромн. А мать пишет тебе?

– Пишет. Она прислала мне письмо после того, как ты сообщил ей, что я собираюсь остаться в армии еще на один срок. Я не знал, что вы поддерживаете

такой тесный контакт.

– Ты ее сын, – сказал Эббот, и лицо его стало серьезным, – как и мой. И ни один из нас этого не забывает, несмотря на то что об очень многом мы умудряемся забывать. – Он сделал большой глоток виски.

– Пожалуйста, папа, не напивайся сегодня.

Эббот задумчиво посмотрел на стакан и вдруг бросил его в камин. Стакан разлетелся вдребезги, и на кирпичах осталось от виски темное пятно. Какое-то время они сидели молча, и в тишине Билли слышал громкое, неровное дыхание отца.

– Прости меня, Билли, – сказал Эббот. – Я не сержусь на тебя за то, что ты сказал. Совсем наоборот. Это слова заботливого и хорошего сына. Я тронут твоим беспокойством о моем здоровье. Если я на кого сержусь, то на себя. – В его голосе зазвучали горькие нотки. – Мой сын собирается совершить огромную и, возможно, непоправимую ошибку. Я занял деньги на поездку из Чикаго в Брюссель у единственного в мире человека, которого еще удастся иногда уговорить одолжить мне доллар-другой. Я приехал сюда, чтобы попытаться убедить тебя... ну... передумать. Я сегодня целый день мотался под дождем, перебирая доводы, которые могли бы изменить твое решение. Я сумел удержаться и не выпил ни капли во время перелета через океан, потому что хотел появиться перед тобой в наилучшем виде. – Он криво усмехнулся. – И что я делаю? Восстанавливаю своего сына против себя из-за девушки – которой, как ты правильно заметил, я совсем не знаю, – только потому, что она странно посмотрела на меня возле подъезда, и начинаю с двойной порции виски, что должно неминуемо напомнить тебе все тягостные уик-энды, когда мать отдавала тебя отцу на субботу. Ну вот, Вилли Эббота опять понесло. – Он неожиданно встал. – Пойдем поужинаем. Обещаю тебе не брать в рот ни капли, пока ты не отвезешь меня в гостиницу. А там уж я напьюсь до потери сознания. Завтра я буду не в самой блестящей форме, но трезвым быть обещаю. Где тут у тебя уборная? Я целую вечность простоял под дождем, и мочевого пузыря у меня вот-вот лопнет. Ради тебя и армии Соединенных Штатов я не стал справлять нужду на улице, чтоб меня не обвинили в неуважении к почтенным бургерам Брюсселя.

– Надо пройти через спальню, – сказал Билли. – Там, правда, жуткий беспорядок. Мы с Моникой уезжаем на работу рано утром и чаще всего возвращаемся лишь к ужину. – Ему не хотелось, чтобы отец подумал, что Моника неряха, хотя сам он изредка упрекал ее за хаос, в котором они живут. В учениях Маркса, Мао и Че Гевары, недавно сказал он ей, ничего не говорится о том, что настоящие революционеры должны швырять белье на пол, чтоб оно так там и лежало. – Мы убираем квартиру по субботам, – сказал он отцу.

– Я не собираюсь делать никаких замечаний о том, как вы живете, – отозвался Эббот. – Я сам не принадлежу к числу аккуратных людей, но, как это ни парадоксально, очень ценю аккуратность в женщине. Однако все это не имеет значения. Мы довольствуемся тем, что нам достается. – Он вопросительно посмотрел на Билли. – Послушай, солдат, а как это получается: ты служишь в благородной и нужной армии Соединенных Штатов и не носишь

форму?

– Вне службы нам разрешают ходить в штатском.

– В мои времена было по-другому. Я не ходил в штатском четыре года. Ну ладно, войны теперь уже не те. – Он твердой походкой направился в уборную. Когда он вернулся. Билли подумал: костюм на нем по крайней мере десятилетней давности. Разрешит ли он мне купить ему новый?

За ужином отец много говорил на самые разные темы. Он настоял, чтобы Билли заказал себе вина, но, когда официант хотел налить и ему, перевернул свой бокал. Он сказал, что еда первоклассная, однако едва к ней притронулся. Он то принимал покровительственный тон, то оправдывался и выражал сожаление; его цинизм и агрессивность тут же сменялись верой и надеждой на лучшее будущее, он то ругал себя, то безудержно хвастался.

– Не считай меня человеком конченным, – говорил он, – хотя на вид, может, именно так и представляется. У меня миллион идей. Если бы я не прикладывался к бутылке, я был бы первым в сфере информации и рекламы. Так мне говорили все лучшие специалисты Чикаго в этой области... мне предлагали работу, за которую готовы были платить шестизначную сумму, если только я вступлю в общество трезвенников... но я просто не представляю себе, как это я стану публично каяться перед сборищем людей, сделавших покаяние своей профессией. Вот если бы ты отказался от своей безумной идеи остаться в армии... у меня просто в голове не укладывается, честное слово, такой блестящий молодой человек, образованный и даже не офицер... ну, что ты там целый день делаешь – выпускаешь машины из гаража, как девчонка-диспетчер, которая вызывает такси по радио? Вот если бы ты поехал со мной в Чикаго, мы могли бы организовать агентство – «Уильям Эббот и сын». Я ведь помню твои письма... я все время держу их при себе... первое, что я беру при переезде с одного места на другое, – это коробка, в которой я их храню... так вот, скажу я тебе, ты здорово пишешь. Мне бы твой талант, и в моем письменном столе не валялась бы куча незаконченных пьес, нет, сэр, уж такого бы не случилось. Мы бы их поразили... я ведь знаю эту механику и мог бы взять на себя всю техническую сторону дела, у нас отбою не будет от заказов на рекламу. Ты не думай, что Чикаго какая-то дыра. Реклама и родилась-то в Чикаго.

Я знаю, что ты думаешь о рекламном бизнесе, – продажная девка потребительского общества и все такое прочее. Но как ни крути, мы живем в этом обществе, и по закону джунглей либо ты глотаешь других, либо они проглотят тебя. Посвяти рекламе два года жизни, и потом сможешь делать все что твоей душе угодно. Хочешь, пиши книгу, хочешь – пьесу. Когда я вернусь в Чикаго, я сниму копии с твоих писем и пришлю их тебе, ты будешь поражен, когда прочтешь их все вместе. Послушай, твоя мать зарабатывала себе на жизнь – и совсем недурно – статьями для разных журналов, а в твоих письмах, написанных за несколько минут, есть нечто большее... как бы это сказать? Больше настроения, больше души, больше понимания, чем у нее даже в лучшие времена. А ведь ее многие умные люди очень высоко ставили... издатели

всегда заказывали ей статьи... непонятно, почему она все это бросила. То, что она писала, нравилось издателям, нравилось публике, только ей не нравилось. Она мечтала достичь совершенства... смотри, чтоб с тобой этого не случилось... и в конце концов перестала писать. Господи, должен же хоть кто-то из семьи выбиться в люди! Она жалуется, что ты почти ей не пишешь. Я, конечно, рад, что мне ты часто пишешь, но ведь она тебе мать, и ничего с тобой не случится, если время от времени ты черкнешь ей пару строчек. Я знаю, что вел себя по отношению к ней как последняя скотина и не оправдал ее надежд, оказался плохим мужем. Она была слишком хороша для меня... во всех отношениях... и физически, и умственно, и морально. Она поглотила меня, но это не мешает мне столько лет спустя оценивать ее по достоинству. Вполне возможно, что, если бы рядом был другой человек или ей чуть больше повезло, она бы далеко пошла... А Колин Берк погиб...

Возьми ты этих Джордахов: старик покончил с собой, Томаса убили, святошу Рудольфа тоже чуть не прикончили в его же собственной квартире. Умри он, твоя мать совсем бы пала духом. Трое из троих. Два сына и муж. Каков процент? А этот парень Уэсли... я, кажется, писал тебе, что он приезжал в Чикаго и разыскал меня. Хотел, чтобы я рассказал ему про его отца... прошлое отца не дает ему покоя... дух Эльсинора... его, конечно, нельзя за это винить... но он точно привидение, и взгляд у него жуткий... одному богу известно, чем он кончит. Я с его отцом и знаком-то не был, но начал говорить, что слышал о нем много хорошего, и, наверно, хватил через край, потому что паренек вскочил на середине фразы и сказал: «Спасибо, сэр. Мне кажется, мы напрасно теряем время».

Ты наполовину Джордах... а может, и больше, чем наполовину... если женские гены вообще берут верх, то Гретхен Джордах – это именно тот случай... так что будь осторожен и не думай, что удача досталась тебе по наследству: унаследовать тебе ее было не от кого...

Я тебе вот что скажу: кончай ты с этой проклятой армией, приезжай в Чикаго, будем работать вместе, и, клянусь тебе, я никогда больше в жизни не возьму в рот ни капли. Я знаю, ты меня любишь... мы взрослые люди, можем называть вещи своими именами... ты имеешь возможность, какая редко выпадает на долю сына, – спасти жизнь своего отца. Ты сейчас ничего не говори, но по возвращении в Чикаго я хотел бы получить письмо, в котором ты сообщаяешь о своем приезде. Я буду там примерно через неделю. Завтра я уезжаю в Страсбург повидаться с одним человеком. Довольно щепетильные переговоры по поводу старого долга. Химическая компания. Я должен прощупать француза – возьмет ли он плату, ну, гонорар... а попросту говоря, взятку, чтобы перевести дела моего клиента в свою фирму. Не буду говорить тебе, какие деньги с этим связаны, – ты просто ахнешь, назови я цифру. И если все пройдет удачно, я получу свою долю. Это, конечно, не самый приятный способ зарабатывать на жизнь, но только на таких условиях мне удалось занять денег, чтобы приехать сюда. Не забывай, что я тебе говорил о законе джунглей.

Время позднее, твоя девушка уже заждалась, да и я порядком устал. Итак, если тебе не совсем безразлично, как твой отец проведет остаток жизни, то,

вернувшись в Чикаго, я найду твое письмо. Это, конечно, шантаж, не думай, что я не понимаю. И последнее: за ужин плачу я.

Посадив отца в такси. Билли медленно пошел домой по мокрому городу, освещенному туманным светом уличных фонарей. Войдя в квартиру, он сел за письменный стол и уставился на пишущую машинку.

Безнадежен, думал он, совершенно безнадежен. Бедный, жалкий фантазер – и такой любимый. И я так и не сказал, что мне хотелось бы купить ему новый костюм.

В постель он лег один.

Моника в эту ночь не пришла.

Она явилась утром, когда он уже собирался уходить на работу, и принесла пакет, который ему предстояло доставить на улицу Гро-Кайю в Седьмом округе Парижа. Пакет был сравнительно безобидный: всего-навсего десять тысяч французских франков в потертых купюрах и американский автоматический пистолет с глушителем.

Пистолет и запасные обоймы лежали в его теннисной сумке, когда в двадцать минут четвертого он вылез из такси на углу авеню Боске и улицы Святого Доминика. Он предварительно нашел на карте Парижа улицу Гро-Кайю, которая находилась между улицами Святого Доминика и Гренель, недалеко от Высшей военной школы. Конверт с десятью тысячами франков лежал во внутреннем кармане его пиджака.

Он пришел слишком рано. Моника сказала, что его будут ждать в три тридцать. Про себя он повторил адрес, который она заставила его заучить наизусть. Он шел не торопясь, разглядывая витрины магазинов в надежде, что его принимают за праздного американского туриста, у которого есть несколько свободных минут до встречи с партнерами по теннису. Когда до арки, за которой начиналась нужная ему улица, оставалось метров тридцать, по улице Святого Доминика против движения с воем пронеслась полицейская машина и остановилась, загородив вход на Гро-Кайю. Из нее выскочили пятеро полицейских с пистолетами в руках и бросились в арку. Билли ускорил шаг и прошел мимо арки. Перед одним из зданий уже стояли трое полицейских, подбежавших с другого конца улицы. Он услышал крики и увидел, как эти трое бросились в подъезд. Раздались выстрелы.

Он повернул обратно к авеню Боске, заставляя себя идти медленно. День был не холодный, но его трясло словно в лихорадке, и в то же время он обливался потом.

На углу улицы он увидел банк и зашел в него. Все что угодно, только не оставаться на улице. За конторкой у входа сидела девушка, и он сказал, что хотел бы арендовать сейф, с трудом выговорив по-французски «Coffre-fort». Девушка встала и подвела его к клерку, который попросил предъявить документы. Он показал свой паспорт, и клерк заполнил несколько бланков. Когда клерк спросил у него адрес, он, мгновение подумав, назвал отель, где они останавливались с Моникой, когда вместе приезжали в Париж. На этот раз он

жил в другом отеле. Он заплатил вперед за год и расписался на двух карточках. Подпись показалась ему самому странной. Затем клерк отвел его в подвал и вручил ключ от сейфа охраннику у входа. Охранник подвел Билли к ряду сейфов в задней части хранилища, открыл один замок ключом Билли, а другой своим и отошел, оставив Билли одного. Билли открыл теннисную сумку и положил пистолет, патроны и конверт с десятью тысячами франков в сейф. Он закрыл дверцу и позвал охранника, который снова запер сейф и отдал Билли его ключ.

Билли поднялся наверх. Никто вроде бы не обращал на него внимания, и он решился выйти на улицу. Выстрелов больше не было слышно, полиция исчезла. Его отец, как выяснилось, был излишне пессимистичен, когда советовал ему не полагаться на наследственное везение. За прошедшие десять минут ему повезло, как никому и никогда в жизни.

Он остановил такси и дал водителю адрес своего отеля неподалеку от Елисейских полей.

Войдя в отель, он спросил, нет ли для него каких-либо писем или сообщений. Ничего не было. Он поднялся к себе в номер и, сняв трубку, назвал телефонистке номер своей квартиры в Брюсселе. Через несколько минут телефонистка сообщила, что номер не отвечает.

Полковник отпустил его на весь день, и он оставался в номере – звонил в Брюссель каждые полчаса до двенадцати ночи, когда коммутатор заканчивал работу. Но его номер так и не ответил.

Он попытался заснуть, но, едва задремав, тут же проснулся, весь мокрый от пота.

В шесть утра он снова позвонил в Брюссель, но ответа по-прежнему не было.

Он вышел на улицу и купил утренние газеты: «Фигаро» и «Геральд трибюн». За завтраком в кафе на Елисейских полях он прочел о том, что произошло. В обеих газетах об этом сообщалось мимоходом. В Седьмом округе был убит неизвестный, подозреваемый в торговле наркотиками и оказавший сопротивление полиции, которая продолжает работу по установлению его личности.

Да, они ведут себя осторожно, подумал Билли. Не сообщают в печати об известных им фактах.

Из отеля он снова позвонил в Брюссель. Ответа не было.

Через два дня он вернулся в Брюссель. Квартира была пуста, и все, что принадлежало Монике, исчезло. Никакой записки оставлено не было.

Когда несколько недель спустя полковник спросил его, собирается ли он остаться в армии, он ответил:

– Нет, сэр, я решил этого не делать.

После яркого солнечного света, заливавшего прибрежную полосу, Уэсли, проходя вслед за дядей в дом, с трудом различал предметы. Перед огромным зеркальным окном с видом на дюны и Атлантический океан за накрытым на двоих столом сидела женщина. Против света он еще плохо видел черты ее лица, и ему вдруг показалось, что это бывшая жена дяди Рудольфа. Он пожалел, что пришел. Он не видел ее со дня смерти отца и с тех пор приложил немало усилий, пытаясь ее забыть. Но когда его глаза привыкли к свету, он увидел, что это не Джин Джордах, а какая-то незнакомая высокая женщина с длинными рыжевато-каштановыми волосами. Рудольф его представил.

Женщина приветливо улыбнулась, встала и ушла в кухню. Она вернулась с подносом, на котором стоял стакан, тарелки, серебряный прибор, и накрыла стол на третью персону. От запаха, шедшего из большого глиняного горшка, и аромата только что испеченных булочек кружилась голова. Он выехал из города в семь утра, затем добирался на попутных машинах, прошел пешком две-три мили от шоссе до пляжа и еще не ел. Ему приходилось то и дело сглатывать слюну.

Женщина была в купальном костюме, очень загорелая и несколько не походила на миссис Уэрфем. Густой суп из моллюсков так понравился Уэсли, что он старался есть помедленнее. Элис кормила его вполне прилично, но в основном тем, что попадалось под руку, когда она неслась после работы домой, – на большее у нее не хватало времени. Приятные воспоминания о пиршествах, которые устраивала Кейт на «Клотильде», тонули в потоке салатов с тунцом и сандвичей с холодным мясом, которыми кормила его Элис. Он был благодарен ей за гостеприимство; конечно, она много работает и в редакции и дома, сидя до глубокой ночи за своей машинкой, но ее интересы не распространялись на область кухни, и он частенько думал, что уж лучше бы она написала что-нибудь толковое, потому что у плиты ей славы не добиться.

Когда он съел суп и четыре булочки, из которых буквально сочилось масло, миссис Морисон подлила ему еще и принесла несколько горячих булочек.

– Да, вовремя я пришел, – усмехнулся Уэсли, управляясь со второй тарелкой супа.

За обедом Рудольф не задавал ему никаких серьезных вопросов, а только спросил, как он добрался до Бриджгемптона и как нашел дом. Сам Уэсли ничего о себе не рассказывал. Он ответит на все вопросы, когда они останутся одни.

– Мы собирались обойтись без десерта, – сказала миссис Морисон, – но для молодого члена семьи, я думаю, в холодильнике что-нибудь найдется. У меня тоже есть сын, и я знаю, какой у вас аппетит. От вчерашнего вечера, кажется, остался пирог с черникой, а в морозилке лежит мороженое.

Уэсли решил, что женщина ему нравится и что жизнь дяди сложилась бы совсем иначе, если бы он встретился с ней раньше и женился бы на ней, а не на той, другой.

После обеда женщина накинула пляжный халат и сказала, что ей надо идти. Рудольф пошел проводить ее до машины; Уэсли остался в доме.

– До чего красивый мальчик, – сказала Элен, садясь в машину.

– Гретхен считает, что он похож на молодого принца с картины одного флорентийского художника. Она хочет попробовать его на одну роль в своей картине.

– А как он к этому относится?

– Я еще его не спрашивал. В нашей семье только киноактера не хватало.

– Пришел он, к сожалению, не совсем вовремя.

– Ты права. Обед и вправду возбуждающий, как и было обещано.

– Всегда есть завтра, – засмеялась Элен.

– А почему нельзя сегодня вечером?

– Я занята. Подрываю устои республиканской партии. Да и мальчик, наверно, захочет обстоятельно поговорить с дядей. Он приехал в такую даль вовсе не ради обеда. – Она высунулась из машины, поцеловала Рудольфа и включила мотор. Он задумчиво наблюдал, как она отъезжала – женщина, имеющая цель в жизни. Интересно, появится ли и в его жизни снова какая-то цель? Он вздохнул и пошел обратно в дом.

Уэсли стоял перед окном и смотрел на океан.

– Если я когда-нибудь осяду, – сказал он, – то вот в таком месте – весь океан перед тобой.

– Мне повезло с этим домом, – сказал Рудольф.

– Да-а, определенно повезло. А какой был обед! Она приятная женщина, правда?

– Очень приятная, – сказал Рудольф. Подробности его отношений с Элен Морисон и оценка ее качеств могут и подождать. – Хочешь поплавать? Купальные трусы я тебе найду – их тут гости оставляют в большом количестве... – Он понимал, что ищет предлога оттянуть разговор, ради которого, несомненно, и приехал Уэсли. – Вода довольно прохладная, зато весь океан в твоем распоряжении.

– Поплавать – это здорово! – сказал Уэсли.

Они вышли на дощатый настил перед домом и спустились по ступенькам в маленькую кабину, где висело штук пять купальных трусов.

Наконец Уэсли в купальных трусах и с полотенцем вокруг шеи вышел из кабины, и Рудольф проводил его до самой воды. Уэсли бросил полотенце на песок и несколько секунд постоял в нерешительности. У него были мощные покатые плечи, плоский живот атлета и длинные мускулистые ноги. Лицо у него более интеллигентное, чем у отца, подумал Рудольф, а вот фигура – копия отцовской, только повыше. Может быть, думал Рудольф, когда мальчик стремительно бросился навстречу надвигающейся волне, может быть, Гретхен и права насчет него. Уэсли нырнул в волну, затем легко поплыл вперед. А вот Инид все еще боится океана и осторожно плещется у берега. Он и не пытался привить ей смелость. Он не станет одним из тех отцов, которые за неимением сына пытаются воспитывать дочь как мальчика. Ему доводилось встречать таких девиц с чересчур развитой мускулатурой, и он знал: что бы они ни говорили про своих отцов, в глубине души они их проклинали.

Уэсли плыл все дальше и дальше, и теперь голова его в голубой блестящей

дали казалась маленькой точкой. Рудольф начал беспокоиться. А вдруг мальчик приехал сюда с единственной целью – утопиться в его присутствии? К нему вернулось прежнее чувство неловкости, которое он всегда испытывал при разговоре с племянником, чувство, что в любой момент мальчик может сделать или сказать что-либо совершенно непредсказуемое, опасное или по крайней мере вызывающее замешательство. Если бы они проводили вместе больше времени, может быть, он сумел бы преодолеть ощущение, что мальчик взвешивает каждое его слово, судит о нем по каким-то одному ему известным меркам. Бесполезно махать руками и кричать, чтобы он возвращался. Рудольф резко повернулся и пошел к дому.

В полукилометре от берега Уэсли лежал на спине, глядя в безоблачное голубое небо, и испытывал почти чувственное удовольствие от того, как волны то поднимали, то опускали его. Он погрузился в мечты – ему казалось, что рядом с ним Элис, что, целуясь, они опускаются вниз, невесомые и окутанные, словно кружевом, каскадами воды, потом снова поднимаются на поверхность и глядят друг другу в лицо – возбужденные прикосновением океана, они объявляют всему миру о своей любви. После того единственного поцелуя, когда он, нагрубив, заставил ее заплакать, они не коснулись друг друга, и какое-то новое напряжение, какая-то застенчивая отчужденность, возникшие между ними, изменили их взаимоотношения – и не в лучшую сторону.

Но теперь, поднимаясь и опускаясь на ласковых волнах, он думал об Элис с желанием, в котором не посмеет ни ей, ни кому бы то ни было признаться.

Если бы сейчас на пляже вместо Рудольфа стоял его отец, он не решился бы заплывать так далеко, потому что отец не посмотрел бы, что он отлично плавает, и задал бы ему хорошую трепку. «Никогда не рискуй только ради того, чтобы всем показать, какой ты замечательный, – говорил отец. – На риск надо идти, только если в нем есть смысл».

Уэсли стало холодно, он повернулся и поплыл назад. Начался отлив, и он изо всех сил старался доплыть до того места, где волны разбивались друг о друга. Одна из них подхватила его, опрокинула в вихре пены и выбросила на гладкий и твердый песок. Собрав все силы, он поднялся и вышел из воды. Он стоял, вытирая лицо и тело полотенцем, и смотрел на уходящий до самой линии горизонта океан, на котором не было ни единого корабля. Как бы в конце концов ни сложилась у меня жизнь, подумал он, она непременно будет связана с морем.

Приняв в кабине душ и одевшись, он поднялся на террасу и вошел в дом. В гостиной дядя разговаривал по телефону: «...если он не уплыл в Португалию». Дядя ему улыбнулся и сказал в трубку:

– Подожди минутку, вот он пришел. Просолился насквозь. – Он протянул трубку Уэсли. – Это твоя тетя Гретхен. Хочет с тобой поздороваться.

Уэсли взял трубку.

– Добрый день! Как вы живете?

– Занята по горло, – ответила Гретхен. – Хорошо, что ты наконец объявился. Я несколько месяцев тебя ищу. Где ты был?

– В разных местах.

– Послушай, Уэсли! Рудольф завтра утром едет в город, мы с ним должны встретиться. Ты можешь с ним приехать? Мне необходимо тебя увидеть. Он тебе объяснит почему.

– Понимаете ли... – сказал Уэсли. – Он не предлагал мне остаться ночевать.

– Можешь считать, что предложил, – сказал Рудольф.

– Хорошо, попытаюсь.

– Не пытайся, а приезжай. Не пожалеешь.

– Передать трубку Рудольфу?

– Времени нет. До свидания, дорогой.

Уэсли положил трубку.

– А я не испорчу вам вечер? – спросил он Рудольфа.

– Наоборот, – сказал Рудольф. – Я с удовольствием проведу его с тобой.

– Она сказала, что вы должны мне что-то объяснить. Что-нибудь случилось?

– Нет, все в порядке. Давай сядем поудобнее.

Они сели друг против друга за стол у окна. При ярком свете перемены в лице Рудольфа были особенно заметны. Сломанный нос и шрам под глазом делали его более живым и близким. Теперь лицо у него как у человека, который много пережил. Уэсли впервые подумал о том, что дядя удивительно похож на его отца. До этого момента он никогда не замечал в братьях сходства.

– Эти двое парней, должно быть, здорово над вами поработали, – заметил он.

– Очень я страшный? – спросил Рудольф.

– Нет, ничего, мне даже нравится. Наверно, я просто привык к перебитым носам. Выглядит более посемейному. – Ссылка на отца далась ему легко и естественно, и они оба засмеялись.

– Гретхен уговаривает меня решиться на операцию, но я сказал, что такой нос делает меня непохожим на других. Я рад, что ты с этим согласен.

– А что вы должны мне объяснить?

– Помнишь, я писал тебе, что она собирается поставить фильм?

– Да.

– Ну так вот, теперь у нее все уже на мази, и через месяц она начинает съемки. Почему-то, – шутливо продолжал Рудольф, – она считает, что ты очень красивый молодой человек...

– Ну что вы, – смутился Уэсли.

– Как бы то ни было, о вкусах не спорят. Во всяком случае, она уверена, что ты можешь подойти для одной из ролей, и хотела бы тебя на нее попробовать.

– Меня? – изумленно спросил Уэсли. – В кино?

– Мне судить трудно, но Гретхен прекрасно разбирается в этом, и если она так считает...

– Я с удовольствием готов повидаться с Гретхен, – пожав плечами, сказал Уэсли, – но ни на какие роли я не согласен. У меня много дел, и не хочется

терять попусту время. И зачем это мне, чтобы люди на улице подходили и говорили: «Я вас сразу узнал, мистер Джордах!»

– Я тоже такого мнения, – заметил Рудольф, – но мне кажется, что гораздо вежливее сначала выслушать Гретхен, а потом уж отказываться. Во всяком случае, люди на улице не будут говорить «мистер Джордах», потому что в кино любят менять фамилии актеров, а такую, как Джордах, поменяют всенепременно, поскольку никто не будет знать, как ее правильно произнести.

– Неплохая мысль – поменять мне фамилию. – Уэсли задумался. – И не только для кино.

Рудольф внимательно посмотрел на племянника. Для подростка его возраста это были странные слова. Он не совсем понимал, что за ними скрывалось, но почему-то они вызвали в нем тревогу. Пора переменить тему.

– А чем ты занимался последнее время? – спросил он.

– Я ушел из дома, – ответил Уэсли.

– Ты сказал мне об этом по телефону.

– Меня выгнали, – объяснил Уэсли. – Об этом я вам не сказал.

– Нет.

– Мать выгнала. Но я ее не виню. Мы, наверное, слишком разные люди и не можем жить под одной крышей. И, пожалуй, на одном свете... Она приставала к вам из-за меня – насчет ордера на арест и всего прочего?

– Этот вопрос решен, – ответил Рудольф.

– Я полагаю, вами? – Голос Уэсли звучал почти обвиняюще.

– Об этом не стоит говорить, – отозвался Рудольф. – Кстати, где ты был все это время?

– Во многих местах, – уклончиво ответил Уэсли. – Приезжал в Нью-Йорк несколько раз.

– Ты мне об этом не сообщал. – Рудольф постарался скрыть огорчение.

– Вам хватает и собственных забот.

– Я мог бы тебе помочь.

– Может быть, – усмехнулся Уэсли, – я приберегал вас на тот случай, когда мне на самом деле понадобится помощь. – Лицо его стало серьезным. – Мне повезло. Я нашел очень хорошего друга.

– Ты неплохо выглядишь и прилично одет... – Ему внезапно пришло в голову, что, возможно, кто-то прибрал Уэсли к рукам и использует его для темных дел: заставляет подбирать для сутенеров на автовокзале попавших в беду девчонок или перевозить наркотики. После зверского избиения в собственной квартире Нью-Йорк приобрел в глазах Рудольфа новый, зловещий ореол. А неопытный мальчик, бродящий по Нью-Йорку без цента в кармане... – Я надеюсь, ты не занимаешься ничем недозволенным?

– Нет, – засмеялся Уэсли. – По крайней мере пока нет. Мой друг работает в журнале «Тайм». Это женщина. Она помогла мне, когда я приехал в Нью-Йорк, разузнать про отца, найти людей, которые его знали. Ну, их адреса и кто они. Они там, в журнале, все обо всех знают. Наверно, ей стало меня жаль. Во всяком случае, я не ошибся: она навела меня на след многих людей.

– Этот костюм она тебе купила?

– Она одолжила мне деньги, – обороняясь, сказал Уэсли. – И выбрала. И еще кое-что.

– Сколько ей лет? – встревожился Рудольф, представив себе старую деву, завлекающую неискушенного юнца.

– Года на два больше, чем мне.

– Ну, все, что меньше тридцати, – это ничего, – улыбнулся Рудольф.

– Ей до тридцати далеко.

– У тебя с ней близкие отношения? Ты извини, что я так прямо спрашиваю.

Уэсли этот вопрос, по-видимому, не обидел.

– Нет. Я сплю на кушетке. Она называет меня двоюродным братом.

– Мне бы хотелось встретиться с этой молодой дамой.

– Она вам понравится. Она очень милая. И правда много для меня сделала.

– С кем же ты разговаривал? – с любопытством спросил Рудольф.

– С четырьмя-пятью людьми, в разных местах. Одни оказались хорошими, другие – плохими. Но если вы не против, мне не хотелось бы об этом говорить. Мне самому еще надо во всем разобраться.

– И теперь тебе кажется, что ты лучше знаешь своего отца?

– Пожалуй, нет, – серьезно ответил Уэсли. – В общем, я теперь знаю, что в молодости он попадал во *всякие* передраги. И понимаю, каково ему было. И, возможно, сейчас я даже еще больше им восхищаюсь за то, каким он стал после такого начала в жизни, – сам не знаю. Но главное – я лучше его *помню*. Я боялся, что начну забывать его. А так, – сказал Уэсли искренне, – он со мной все время. У меня в голове – будто сидит и разговаривает со мной, понимаете?

– Кажется, понимаю. А теперь объясни, зачем ты все-таки приехал? – Рудольф засмеялся. – Помимо обеда.

– Я приехал, чтобы попросить вас об одной вещи. – Уэсли замялся и опустил глаза на стол. – Даже о двух.

– О каких?

– Я хочу уехать обратно в Европу. Мне хочется повидаться с Кейт и увидеть ее ребенка. И Кролика. И Билли Эббота. Посмотреть, как он живет. И еще кое-кого в Антибе. Я почему-то не чувствую себя дома в Америке. С тех пор как я сюда приехал, у меня не было ни одного радостного дня. – В его голосе звучало такое волнение, что это нельзя было счесть просто жалобой. – Может, со временем я привыкну, но пока я здесь чужой. Вы мне когда-то говорили, что, по мнению того адвоката в Антибе, через год мне разрешат вернуться во Францию. Вот я и подумал: если бы вы написали ему и узнали...

Рудольф встал и медленно направился к камину.

– Я хочу задать тебе еще один прямой вопрос, Уэсли, – сказал он. – Ты только поэтому хочешь поехать в Европу или... – Он замолчал.

– Или что?

– Или ты предполагаешь разыскать человека, с которым у твоего отца была драка?

– Возможно, такая мысль и приходила мне в голову, – не сразу ответил Уэсли.

– Это было бы большой глупостью, Уэсли. И это очень опасно.

– Я обещаю быть осторожным.

– Надеюсь, мне не придется напоминать тебе об этом обещании. Ну а о чем еще ты хотел меня попросить?

– Это сложнее, – сказал Уэсли. Теперь взгляд его был устремлен на море. – Это касается денег. Свою долю наследства я получу только через год, когда мне исполнится восемнадцать лет. Вот я и подумал, что, если вам не слишком трудно, не смогли бы вы одолжить мне, скажем, тысячу долларов. А как только мне стукнет восемнадцать, я их верну...

– Дело не в деньгах, – сказал Рудольф, хотя у него тут же возникла мысль, что почти все его решения связаны с деньгами: откупиться от матери Уэсли и получить ее согласие на развод; помочь Гретхен на новом поприще; добиться примирения с отцом Уэсли; даже его переезд сюда, где он живет сейчас, на побережье Атлантического океана, был следствием того, что у него в кармане оказалось всего лишь несколько долларов и какая-то мелочь, когда раздосадованные неудачей бандиты избили его в Нью-Йорке. Деньги помогли и вызволить Уэсли из тюрьмы, потому что хитрому старому адвокату в Антибе на его счет под цифровым кодом в Швейцарии была переведена кругленькая сумма. – Нет, дело не в деньгах, – повторил он. – Меня больше всего беспокоит твое будущее.

– Меня самого оно беспокоит, – с горечью отозвался Уэсли. – В день своего восемнадцатилетия, когда мне предстоит стать на учет для прохождения военной службы, я хочу быть во Франции. Могила во Вьетнаме – не самое лучшее будущее.

– Этого можно избежать и не уезжая из Америки, – сказал Рудольф. Он подошел к племяннику, стоявшему у окна. – Я писал тебе об училище торгового флота...

– Я помню. Это было бы неплохо.

– Как у тебя с математикой? Для поступления это важно.

– Довольно прилично. Математика мне дается легко.

– Ну и прекрасно, – сказал Рудольф. – Но там требуется диплом об окончании средней школы и рекомендация какого-нибудь конгрессмена. Рекомендацию я могу устроить. А вот... – Внезапно ему пришла в голову новая мысль. – Ты можешь поселиться здесь и жить у меня – тебе ведь здесь нравится?

– Еще бы!

– Откровенно говоря, мне бы этого очень хотелось. Я думаю, тогда ты наконец сможешь сказать, что тебе в Америке не так уж плохо. Ты кончишь здесь школу. Конечно, если не помешает тетка и не сделает из тебя кинозвезду...

– Не беспокойтесь!

– К тому времени, как ты закончишь училище, войны уже не будет. Должна же она когда-нибудь кончиться.

– Кто это так считает?

– История.

– Я не читал такой книги, где бы об этом говорилось, – насмешливо сказал Уэсли.

– Я тебе ее разыщу. И никто не требует, чтобы ты принял решение немедленно. А я тем временем напишу адвокату. Ну как, договорились?

– Договорились, – сказал Уэсли.

6

Упаковывая чемоданы при отъезде из Брюсселя, Билли взглянул на выданную ему бумагу. Увольнение с положительной характеристикой. Он кисло улыбнулся и положил документ в плотный конверт.

В тот же конверт он вложил и письмо от отца. Отец радовался, что Билли принял разумное решение демобилизоваться, и выражал сожаление по поводу того, что сын не приедет в Чикаго, хотя и понимал привлекательную сторону жизни, которую сулит Европа молодому человеку. В письме были также новости, касающиеся его матери. Она ставит кинофильм. Отец считал, что Билли должен написать ей и поздравить. Самое интересное, добавлял отец, что один из ведущих актеров в ее картине – Уэсли, двоюродный брат Билли. Джордахи пекутся о членах своей семьи, писал отец. Жаль, что Билли не поддерживает с матерью более тесных отношений.

Потом Билли положил в чемодан испано-английский словарь. Бельгийский бизнесмен, с которым он играл в теннис и который занимался строительством кооперативных домов, вилл и теннисных кортов в местечке под названием Эль-Фаро под Марбеллой в Испании, предложил ему поработать там год, в качестве тренера. После жизни в Брюсселе Испания привлекала его куда больше, чем Чикаго, к тому же единственное, что он умел хорошо делать, – это играть в теннис. Работа на открытом воздухе, чистая и хорошо оплачиваемая, и он согласился. Да и на солнышке неплохо побыть. Берегись сеньорит, предупреждал его отец.

Теперь оставалось еще одно письмо. Оно не имело даты и было подписано «Хейди». Он нашел его в конверте без почтового штемпеля накануне вечером в своем почтовом ящике. «Должна срочно уехать в связи со смертью друга. Насколько я понимаю, ты демобилизуешься. Оставь новый адрес, хотя я и так смогу тебя разыскать. Нам предстоит еще завершить начатое дело».

Он без улыбки прочитал письмо, порвал на мелкие кусочки и спустил в унитаз. Нового адреса он не оставил.

В Париж Билли отправился поездом. Машину он продал. Монике известна ее марка, год выпуска, номер, и как знать, сколько теперь людей, располагая этими сведениями, разыскивают его на дорогах Европы?

Он купит себе новую машину во Франции. Он может себе это позволить. В банке на углу авеню Боске в Седьмом районе Парижа его ждет скромное, но вполне приличное наследство.

– Стоп, – сказала Гретхен, и сразу же среди актеров и членов съемочной

группы начались разговоры и смех. Сцена снималась на искусственной, выходящей на улицу лужайке перед старым особняком, у которого сейчас был бутафорский фасад. В сегодняшней сцене Уэсли и девушка, которая играла его сестру, вели ожесточенный спор по поводу образа жизни Уэсли. Одну эту сцену снимали с утра до вечера. Рудольф, приехавший как раз в этот день, находился на съемочной площадке, и, хотя он всего лишь помахал Уэсли рукой, из-за его присутствия Уэсли смущался несколько больше обычного. Но особенного значения это не имело, так как он играл роль молчаливого и довольно вялого парня и основную нагрузку в этой сцене несла девушка.

Первые дни Уэсли был скован перед камерой и стеснялся такой массы людей, но затем понял, что от него требовалось. Гретхен сказала, что у него все очень хорошо получается, и, хотя она похвалила его, когда они были вдвоем, он знал: она не из тех женщин, которые лгут.

Ему нравилась атмосфера, царившая в съемочной группе. Большинство ее членов были молоды и дружески настроены, постоянно шутили и проявляли готовность прийти на помощь. Он обзавелся множеством друзей.

Гретхен разрешила ему взять фамилию Джордан. В конце концов, отец уже выступал под этой фамилией, так что кое-какое право на нее Уэсли имеет. Сначала он позволил себя уговорить и согласился сниматься в фильме главным образом потому, что всего за месяц мог заработать три тысячи долларов, а это давало ему возможность расплатиться с Элис и поехать в Европу, не обращаясь к дяде за помощью. Однако теперь он каждое утро радостно мчался на съемочную площадку даже в те дни, когда сам в съемках не участвовал. Его захватил процесс съемки картины, ему нравилось все – работа операторов, осветителей и звукооператоров и воодушевление актеров, спокойная уверенность его тетки. Манерой обращения с людьми она напоминала ему отца. А по словам игравшей его сестру Фрэнсис Миллер, которая в свои двадцать два года прекрасно во всем разбиралась, так как работала в шоу-бизнесе с четырнадцати лет, такая обстановка на съемках – большая редкость.

Фрэнсис отличалась своеобразной, несколько диковатой красотой – веснушчатое треугольное личико с широко расставленными, глубоко сидящими глазами, придававшими ему задумчивое выражение, миниатюрная фигурка с восхитительными формами и удивительно нежная кожа. Она была несдержанна на язык и часто пересыпала свою речь ругательствами. Она любила выпить, а еще больше спать с Уэсли. Сразу по приезде в Порт-Филип она зашла к нему в номер, чтобы отрепетировать сцену для съемки на следующий день, и осталась на всю ночь. Уэсли был ослеплен ее красотой и тем, что она выбрала именно его. Сам он никогда бы не осмелился сделать первый шаг. Он пока еще не понимал, что исключительно хорош собой, и, когда незнакомые женщины задерживали на нем взгляд, страшно смущался. Уэсли считал, что влюблен в Элис Ларкин, и в начале романа с Фрэнсис ему было немного не по себе. Но Элис по-прежнему называла его кузеном, и, бывая в Нью-Йорке, он по-прежнему спал на кушетке в гостиной. А Фрэнсис отдавалась ему так радостно и самозабвенно, что чувствовать себя в чем-либо виноватым было невозможно.

Фрэнсис была замужем за молодым актером и постоянно жила в Калифорнии. О ее муже Уэсли старался забыть. Насколько ему было известно, никто в группе не догадывался об их отношениях, и на людях Фрэнсис вела себя так, словно он не только в картине, но и в жизни ее младший брат.

Для Гретхен их отношения, конечно, не были тайной. Однажды, пригласив его поужинать, она как бы мимоходом заметила, что, когда съемки кончатся, Фрэнсис вернется в свою Калифорнию, а затем будет сниматься в очередной картине и спать с очередным молодым героем, так что Уэсли не следует относиться к этому роману слишком серьезно.

– Я ведь не зря говорю. Она многим и постарше тебя основательно попортила жизнь. – Гретхен умолчала о том, что Фрэнсис Миллер полгода была любовницей Эванса Кинселлы и что он просил ее развестись и выйти за него замуж, а на другой день после того, как картина была закончена, она перестала отвечать на его звонки. Не сказала Гретхен и того, что она все еще ревнует его к Фрэнсис и жалеет, что именно Фрэнсис оказалась самой подходящей актрисой на главную роль в ее картине. – Постарайся запомнить мои слова, – добавила она.

– Постараюсь.

– Бедный мой человечек. – Гретхен наклонилась и поцеловала его в щеку. – Никому не давай себя в обиду. Ты даже не представляешь себе, какие жестокие люди тебя окружают.

Уэсли поужинал вместе с другими актерами, как всегда, в ресторане гостиницы. Гретхен и Ида Коэн, дядя Иды, а также художник-декоратор и Рудольф ужинали наверху, в номере Гретхен. После ужина Уэсли и Фрэнсис решили прогуляться.

Главная улица, освещенная неоновым светом жалких витрин, была почти пуста. Порт-Филип сидел у телевизоров и спать ложился рано. Фрэнсис безразлично посматривала на витрины.

– Я бы ничего здесь не купила, – сказала она. – А уж жить в такой дыре! Страшно подумать!

– Моя семья как раз отсюда, – сказал Уэсли.

– Вот бедняга.

– Сам я никогда здесь не жил. А мой отец, дед... – Он осекся, чуть не сказав «моя тетка Гретхен». Он никому не говорил, что Гретхен его тетка, а сама Гретхен относилась к нему просто как к начинающему актеру.

– Ты видишься с ними, когда здесь бываешь? – спросила Фрэнсис.

– Теперь тут уже никого не осталось – все разъехались.

– Я их вполне понимаю.

– Бабушка рассказывала отцу, что, когда она приехала сюда молоденькой девушкой, это было красивейшее место, – сказал Уэсли. Он шел по улицам города, в котором родился, провел детство и юность его отец, и ему было неприятно, что какая-то девчонка из Калифорнии считает этот городок стоячим болотом. Где-то здесь, думал он, наверняка остался след пребывания отца. Он поджег здесь крест. По крайней мере Теодор Бойлан об этом помнит.

Интересно, что сказал бы отец, увидев, как он разгуливает по тем же улицам в обнимку с красивой, почти знаменитой кинозвездой. И более того, зарабатывает три тысячи долларов в месяц играючи, а не трудясь до седьмого пота, как отец. – Бабушка говорила: повсюду росли деревья, – продолжал Уэсли, – все дома были аккуратно покрашены и при каждом – большой сад. Отец частенько купался в Гудзоне – тогда вода в нем была чистая... – Он замолчал, вовремя удержавшись, чтобы не сказать ей, что, кроме всего прочего, в этой реке утопился его дед.

– Да, я давно хотела тебя спросить: в какой студии ты учился?

– В какой студии? – Он задумался. – Ни в какой.

– А играешь так, будто всю жизнь учился. Кстати, сколько тебе лет?

– Двадцать один, – сказал он, уже не задумываясь. Один раз он честно ответил Элис, и она теперь относится к нему как к ребенку. Больше он такой ошибки не сделает.

– А почему же ты не в армии?

– У меня поврежден мениск, – быстро ответил он. После возвращения в Америку он научился врать не моргнув глазом.

– Понятно, – недоверчиво протянула она. – А где ты играл раньше?

– Я? – снова глупо переспросил он. – Ну... нигде особенно.

– Как же тебе удалось получить эту роль?

– Миссис Берк... – Дико как-то называть собственную тетку миссис Берк. – Она увидела меня у одних знакомых и спросила, не хочу ли я попробовать. Почему ты спрашиваешь?

– А что особенного, если девушка хочет кое-что узнать о человеке, с которым у нее роман?.. Надо признаться, что ты оказался для меня приятным сюрпризом, – весело продолжала она. – Я знала почти всех в этом списке, кроме Уэсли Джордана. Вот уж не подозревала, что найду в куче навоза такое сокровище. Между прочим, это твоя настоящая фамилия?

– Нет, – не сразу ответил Уэсли.

– А настоящая?

– Она длинная и трудная, – сказал он уклончиво. – Плохо смотрится в титрах.

– Это твоя первая картина, – снова засмеялась она, – но ты быстро учишься.

– Хватаю на лету, – ухмыльнулся он.

– А что ты потом собираешься делать?

– Еще пока не знаю. – Он пожал плечами. – Поеду в Европу, если удастся.

– Ты талантливый парень. И это не только мое мнение. Оператор Фредди Кан уже видел весь отснятый материал и от тебя просто без ума. Поедешь в Голливуд?

– Может быть, – осторожно сказал он.

– Приезжай. Я обещаю тебе теплый прием.

Уэсли набрал воздуха в легкие.

– Но ты ведь замужем.

– Кто тебе об этом сказал? – спросила она резко.

– Не помню, кто-то говорил. В общем разговоре.
– Хорошо бы люди поменьше болтали. Это мое личное дело. А тебе не все равно?

– Что ты ответишь, если я скажу, что нет?

– Отвечу, что ты дурак.

– Тогда я этого говорить не буду.

– Так-то лучше. А ты в меня влюблен?

– Почему ты задаешь такой вопрос?

– Потому что мне больше нравится, когда в меня влюбляются. Поэтому я и стала актрисой.

– Ладно, – сказал Уэсли. – Я в тебя влюблен.

– Давай за это выпьем, – предложила она. – Вон на углу бар.

– Я дал себе слово не пить, – сказал он. Ему не хотелось, чтобы при Фрэнсис бармен попросил показать документ, подтверждающий его возраст.

– А я люблю выпить, – сказала она. – Зато мужчин люблю непьющих. Пойдем, я возьму тебе кока-колу.

Уэсли и Фрэнсис вошли в бар и увидели Рудольфа и художника-декоратора, рыжебородого молодого человека по фамилии Доннелли; они сидели за отдельным столиком и разговаривали.

– Ото! – прошептала Фрэнсис. – Начальство.

Всей съемочной группе было известно, что Рудольф финансирует производство картины и что именно он договорился с властями Порт-Филипа о разрешении на ночные съемки и о том, чтобы полиция перекрывала движение на улицах. Однако о том, что он приходится Уэсли дядей, никто не знал: в тех редких случаях, когда Уэсли разговаривал с ним при актерах, он называл его «мистер Джордах», а Рудольф, обращаясь к племяннику, говорил ему «мистер Джордан».

Фрэнсис и Уэсли пришлось пройти мимо столика, за которым сидели Рудольф и Доннелли. Рудольф улыбнулся им, встал и сказал:

– Добрый вечер, молодые люди.

Уэсли пробормотал что-то невнятное, а Фрэнсис улыбнулась своей самой обольстительной улыбкой и сказала:

– Какой заговор против нас, бедных актеров, готовят джентльмены в этой шумной берлоге?

Уэсли поморщился.

– Напротив, мы хвалим вас – двух таких талантливых актеров, – сказал Рудольф.

– А вы человек вежливый! – хихикнула Фрэнсис. – Какая восхитительная ложь.

Доннелли что-то буркнул.

– Пожалуйста, садитесь, – сказала Фрэнсис. – В Голливуде никто никогда перед статистами не встает.

Уэсли снова поморщился.

Рудольф сел. Доннелли мрачно уставился в стоящий перед ним стакан. За все время съемок никто еще не видел, чтобы он улыбнулся.

– Мистер Доннелли, – кокетливо сказала Фрэнсис, – раньше я не смела, а теперь, когда картина почти закончена, мне хотелось бы сказать вам, что я восхищена вашей работой. Я еще не видела отснятого материала и не знаю, как он выглядит на экране, но мне никогда не было так удобно двигаться перед камерой, как в ваших декорациях. – Она засмеялась, словно смущенная собственной смелостью.

Доннелли снова что-то буркнул.

Уэсли заметил, как Фрэнсис плотно сжала зубы.

– Ну, не буду вам мешать – вы сейчас, наверное, решаете наши судьбы, – сказала она. – А мне надо еще подзаняться с Уэсли, – это у нее прозвучало так, словно Уэсли было десять лет от роду, – и подготовиться к завтрашней съемке, а то у нас трудная сцена.

Уэсли потянул ее за рукав, и, озарив их ослепительной улыбкой, она последовала за ним. Около соседнего столика она остановилась, но Уэсли решительно повел ее в глубину бара, где Рудольф и Доннелли не могли их слышать.

– Зачем ты с ними так заигрывала? – спросил он, когда они сели.

– Дорогой мой, в мед попадается больше мух, чем в уксус, – сказала она сладким голосом. – А вдруг эти двое приятных мужчин будут делать другую картину и от них будет зависеть, кого возьмут в ней сниматься, а кого вышвырнут на улицу.

– Ты слишком много кривляешься.

– В этом, мой милый, и состоит искусство, – холодно ответила Фрэнсис. – И если ты хочешь чего-нибудь добиться, тебе пора это усвоить.

– Я не хочу ничего добиваться такой ценой.

– Я тоже так рассуждала, когда мне было четырнадцать лет. А когда мне исполнилось пятнадцать, я стала думать по-другому. Ты просто немного отстал в своем развитии, дорогой.

– И слава богу.

Подошел официант. Фрэнсис заказала себе джин с тоником, а ему кока-колу.

– Не пила бы ты этот джин, – сказал Уэсли, когда официант отошел к стойке.

– Это почему же?

– Потому что после джина от тебя противно пахнет.

– Не беспокойся, дорогой, – холодно сказала Фрэнсис. – Мне завтра рано утром идти к парикмахеру, и я сегодня не собираюсь заниматься никакой гимнастикой.

Уэсли угрюмо замолчал. Официант принес джин и кока-колу.

– Во всяком случае, если несколько совершенно безобидных женских штучек вызывают у тебя такое возмущение, – сказала Фрэнсис, потягивая джин с тоником, – то есть люди, которые находят их очаровательными. Вот, например, этот милашка мистер Джордах, у которого столько денег. Когда он меня видит, у него глаза так и загораются.

– Не заметил, – сказал Уэсли, оскорбленный тем, что кто-то посмел

назвать его дядю «этот милашка мистер Джордах».

– А я вот заметила, – уверенно сказала Фрэнсис. – И держу пари: как мужчина он не пустяк. Я знаю такой тип – холодная внешность янки и вулкан внутри.

– Да он тебе в отцы годится.

– Только в том случае, если он начал этим заниматься очень рано. Спорим, так оно и было.

Уэсли встал.

– Мне надоело слушать подобную ерунду! Я уйду. Посмотрим, как у тебя пойдут дела с этим милашкой мистером Джордахом, у которого столько денег.

– Ах ты, боже мой, – сказала Фрэнсис, не двигаясь с места, – какие мы сегодня чувствительные.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ровным тоном ответила Фрэнсис. – Не утруждай себя оплатой счета.

Уэсли прошел мимо столика, за которым сидели дядя и Доннелли. Ни один из них на него не взглянул. Он вышел на улицу, чувствуя себя как обиженный ребенок; в груди у него все кипело.

Пять минут спустя Фрэнсис встала и направилась к выходу. Около столика, где сидели Рудольф и Доннелли, она остановилась и попыталась завязать разговор, но они его не поддержали. В гостинице она на этот раз прошла прямо в свой номер и долго разглядывала себя в зеркало.

А в баре Доннелли и Рудольф говорили вовсе не о кино. Доннелли был архитектором, но теперь стал работать художником-декоратором, обнаружив, что проектировка убогих невысоких зданий, которые он считал недостойными своего таланта, дает ему лишь мизерные комиссионные. Во время подготовки «Комедии реставрации» он подружился с Рудольфом и сначала застенчиво, а затем все с большим воодушевлением стал рассказывать ему о своем честолюбивом плане, требующем, однако, серьезной финансовой поддержки. И сейчас он посвящал Рудольфа в детали этого плана.

– Мы живем в век переизбытка людей, как выражаются англичане, – говорил он, – и дело не только в том, что появились новые машины или возросла численность населения, но и просто в возрасте. Люди уходят в отставку – либо потому, что им надоело работать и они располагают достаточными средствами, либо потому, что уже не выдерживают постоянного напряжения, либо их вытесняет более молодое поколение. Дети вырастают и покидают родной дом. И старые дома внезапно оказываются слишком большими для их владельцев, город, в котором они живут, их либо пугает, либо теряет прежнюю привлекательность. Размер пенсий или сбережений не позволяет им держать прислугу; теперь им по карману только маленькие квартиры, но в таких домах живут обычно молодые пары с детьми, и они смотрят на стариков как на пришельцев из прошлого столетия; друзей их возраста рядом уже нет: они тоже разъехались в попытке решить аналогичные проблемы... Старики хотят сохранить независимость, но боятся одиночества.

Им нужна новая среда обитания, отвечающая их новым потребностям и возможностям, – среда, где их окружали бы люди тех же лет, с теми же проблемами и нуждами; люди, которые всегда готовы прийти на помощь, но могут и сами обратиться за помощью к соседу, и одна мысль об этом заставляет человека чувствовать, что он не зря живет на свете. – Доннелли говорил убежденно, точно генерал, излагающий план освобождения осажденного гарнизона. – Это должен быть настоящий комплекс, – продолжал он, выразительно жестикулируя большими руками, словно уже клал кирпич и мешал цемент, возводя новые здания: магазин, кинотеатр, небольшую гостиницу для гостей, лужайку для гольфа, плавательные бассейны, теннисные корты, лекторий... – Все это, конечно, не для бедняков. Кому, кроме государства, по плечу решить проблему бедняков, я не знаю, и я не настолько тщеславен, чтобы думать, будто я могу преобразовать американское общество. Нет, я имею в виду людей со средним доходом, тех, чей образ жизни меняется коренным образом, когда глава семьи перестает работать. – В его голосе зазвучала гордость. – Я знаю все это по опыту своих родителей. У них есть немного денег, и я сам им помогаю, но из дружелюбных, общительных людей они превратились в мрачных, ворчливых стариков, уныло и бесполезно доживающих жизнь. Эта идея пришла мне в голову не сегодня. Она повсюду встречала одобрение, но я пока не смог заинтересовать людей со средствами, поскольку это не сулит большой выгоды. Для начала надо купить большой участок земли, где-нибудь в живописном пригороде, но не слишком отдаленном, чтобы всякий, кто пожелает, мог пользоваться прелестями городской жизни, и построить небольшой поселок, состоящий из хорошо спроектированных, но недорогих, примыкающих друг к другу домов, где легко могут управиться двое стареющих людей. Пустить автобус, обеспечить постоянное дежурство врачей и медицинских сестер и создать администрацию, которая бы умело и неназойливо всем управляла. Это будет не дом для престарелых с присущим ему отчаянием... туда будет приезжать молодежь – сыновья, дочери и внуки, их радость жизни, надежда на будущее. Ваша сестра рассказывала мне, что вас волнует то, как живет наше общество, что у вас есть связи в финансовом мире и вы хотите найти себе какое-то занятие. Насколько я могу судить, производство кинофильмов не совсем отвечает вашей идее служения обществу...

Рудольф рассмеялся.

– Не совсем, вы правы.

– Она также говорила, что вы – прирожденный строитель, что в молодости вы практически на голом месте построили торговый центр и превратили его в настоящий маленький городок. На днях я съездил посмотреть комплекс Колдервуда и был поражен... столько фантазии... подлинный шаг в будущее.

– В молодости, – задумчиво повторил Рудольф. По его лицу нельзя было сказать, о чем он думал, слушая Доннелли, но в действительности его охватило волнение, которое было чем-то новым и одновременно уже знакомым. Он давно находился в состоянии ожидания, но чего – он и сам не мог четко определить. Может быть, это как раз то, чего он ждал.

– У меня подготовлены проекты и макеты домов, сметы... В общем, все...
– Хорошо бы на них взглянуть, – сказал Рудольф.
– Вы можете завтра приехать в Нью-Йорк?
– Думаю, что да.
– Отлично. Я вам их покажу.
– Разумеется, все будет зависеть от того, какой участок удастся приобрести, как его можно использовать и, конечно, сколько он будет стоить, – сказал Рудольф.

Доннелли окинул взглядом пустой бар, словно желая убедиться, не подслушивает ли их кто-нибудь.

– Я уже нашел участок, – сказал он, понижая голос. – То, что надо. Это заброшенная фермерская земля, очень дешевая. В штате Коннектикут, живописная, холмистая местность, час езды от Нью-Хейвена и часа два от Нью-Йорка. Как будто специально для такого городка.

– Вы можете мне показать этот участок?

Доннелли бросил на собеседника настороженный взгляд, словно у него внезапно возникли подозрения относительно намерений Рудольфа.

– А вас это на самом деле интересует?

– Да, интересует.

– Хорошо, – согласился Доннелли. – Знаете что, – голос его зазвучал торжественно, – я думаю, сама судьба побудила меня дать согласие вашей сестре, когда она предложила мне работать на этой картине. Я вас обязательно туда отвезу, и вы сами все увидите.

Рудольф положил на стол деньги за выпитое и встал.

– Уже поздно, – сказал он. – Пойдемте.

– Если вы не возражаете, – сказал Доннелли, – я посижу еще.

– Примите две таблетки аспирина на ночь, – сказал Рудольф.

Когда он выходил из бара, Доннелли заказывал себе виски, чтобы отблагодарить судьбу, которая свела его с Рудольфом Джордахом.

Рудольф в одиночестве медленно шел по знакомым улицам. С тех пор как он колесил по ним на велосипеде, развозя булочки из семейной пекарни, они постарели, но сейчас ему почему-то казалось, что все здесь как прежде и он снова молод и полон грандиозных планов, которые сумеет осуществить. И снова, как тогда, на берегу моря в Ницце, ему захотелось пробежаться в темноте, еще раз почувствовать радость, охватившую его, когда он одержал победу в беге на двести двадцать ярдов с барьерами. Он сделал несколько разминочных бросков и уже совсем было побежал, но, увидев фары приближающейся машины, снова перешел на свою обычную, полную достоинства походку.

Он прошел мимо большого здания, в котором помещался универсальный магазин Колдервуда, взглянул на витрины и вспомнил, как ночами занимался их оформлением. Если считать, что его счастливая звезда взошла в каком-то определенном месте, то это произошло именно здесь. Теперь витрины выглядят убого и напоминают небрежно подкрашенную старуху – губная помада

размазана, тени под глазами превратились в пятна. Имитация молодости, которой никого не обманешь. Старик Колдервуд завопил бы от ярости, увидев, во что превратилось дело всей его жизни. Полезное? А может, бессмысленное?

Рудольф вспомнил, как шел, играя на трубе, во главе колонны школьников вечером того дня, когда окончилась война, и верил, что его ждет великое будущее. Вчера в городской газете он прочитал о другой демонстрации школьников – на этот раз в знак протеста против войны во Вьетнаме. Одиннадцать человек было арестовано. Тогда Трумэн, теперь Никсон. Все катится под гору. Он вздохнул. Лучше не вспоминать.

Интересно, что почувствует Доннелли лет через десять, когда, уже достигнув многого в жизни, пройдет по улицам родного городка и не узнает ни улиц, ни домов. Рудольфу нравился Доннелли; Гретхен он тоже нравится. Интересно, есть ли что-нибудь между ними? Насколько реален и осуществим план Доннелли? Не слишком ли Доннелли молод и честолюбив? Рудольф обещал себе не торопиться, все проверить самым тщательным образом, как он это делал, когда был в возрасте Доннелли.

Он обсудит это с Элен Морисон. Она женщина трезвого ума. На нее можно положиться. Но Элен сейчас в Вашингтоне. Ей предложили работу у одного конгрессмена, которым она восхищалась, и она переехала в столицу. Придется ее разыскать.

Он подумал о Жанне. Они изредка обменивались письмами, но чем дальше, тем труднее становилось писать: та неделя на Лазурном берегу постепенно уходила в прошлое. Может быть, когда Уэсли будет во Франции, стоит воспользоваться этим предлогом и навестить Жанну. Адвокат в Антабе наконец написал ему, что все улажено и Уэсли может вернуться, но Рудольф пока ничего Уэсли не говорил. Он ждал окончания съемок, так как боялся, что Уэсли может все бросить и умчаться в Европу. Уэсли – не взбалмошный мальчик, но он весь во власти не покидающих его воспоминаний, и его поступки нельзя предсказать заранее.

Правда, сам Рудольф тоже был человеком одержимым, его гнала вперед тень собственного отца – отчаявшегося неудачника и самоубийцы, обезумевшего от нищеты и рухнувших надежд, так что отчасти он понимал племянника.

Рудольф вошел в гостиницу, где все уже давным-давно спали, поднялся в свой номер, разделся и улегся в холодную постель. Сна не было. Он лежал и думал о хорошенькой кокетливой девушке в баре, о ее бедрах, обтянутых джинсами, ее профессиональной, недвусмысленной улыбке. Интересно, как бы все было с ней? Спроси своего племянника, с завистью подумал Рудольф, он сейчас, наверное, с нею в постели. Другое поколение. Он в возрасте Уэсли еще не знал женщин. Ему было стыдно этой зависти, он не сомневался, что позже мальчику суждено страдать. Уже страдает – ушел из бара один. Не привык к таким штучкам. Но он сам ведь тоже к ним не привык. Страдаешь в зависимости от своей способности страдать, а в Уэсли эта способность видна невооруженным глазом.

Его разбудило пьяное пение на улице. Он узнал резкий и глуховатый голос

Доннелли. Учился в Йельском университете, но не похож на его типичных выпускников, сквозь сон подумал Рудольф. Пение прекратилось. Он повернулся на другой бок и снова заснул.

Гретхен сидела в своем номере, готовясь к завтрашней съемке. На съемочной площадке она заставляла себя выглядеть спокойной и уверенной, даже если ей хотелось визжать от злости и досады. Но когда она работала одна, от страха и нерешительности у нее временами тряслись руки. От нее зависело столько людей, и каждое ее решение было таким безнадежно окончательным. То же самое происходило и с Колином Берком, когда он ставил пьесу или снимал фильм, и она тогда просто не могла понять, как он с этим справляется. Теперь же ее поражало, что человек способен выдерживать в течение месяца, а то и больше такую раздвоенность.

С улицы донеслось пение Доннелли. Гретхен с грустью покачала головой, подумав о связи между талантом и алкоголем в американском искусстве. И опять вспомнила Колина Берка, которого никогда не видела пьяным. Он во многом был исключением. В эти дни она часто о нем думала, пытаясь представить себе, где бы он поставил камеру, как осадил бы капризного актера или решил сложную сцену.

Пение на улице прекратилось, и она искренне понадеялась, что утром у Доннелли не будет раскалываться голова. В его же интересах, потому что, когда он приходит на съемочную площадку с похмелья, у него такое смущенное лицо...

В дверь постучали.

– Войдите, – сказала Гретхен. Она никогда не запирала дверь.

Дверь открылась, и вошел Доннелли, держась почти прямо.

– Добрый вечер, – сказала она.

– Я только что провел с вашим братом знаменательный час в своей жизни. Я люблю вашего брата, и я подумал, что надо вам об этом сказать.

– Я тоже люблю своего брата, – улыбнулась она.

– Мы собираемся вместе заняться одним великим, нет, величайшим делом. Мы с ним люди одной породы.

– Вполне возможно, – добродушно ответила Гретхен. – Наша мать была ирландкой, во всяком случае, она так считала. Однако отец у нас был немец.

– Я отношусь с уважением как к ирландцам, так и к немцам, – сказал Доннелли и, чтобы не потерять равновесия, оперся о косяк двери, – но я не это имел в виду. Я говорил об общности духа. Я вам мешаю?

– Я уже почти закончила. Если вам хочется немного поболтать, было бы неплохо закрыть дверь.

Медленно и с достоинством Доннелли закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

– Хотите кофе? – Гретхен кивнула в сторону термоса, стоявшего у нее на столе. Для поддержания бодрости она выпивала не меньше двадцати чашек в день.

– Мне всегда почему-то предлагают кофе, – обиженно сказал Доннелли. –

Я считаю это унижительным. Я презираю кофе.

– К сожалению, ничего более крепкого не могу вам предложить, – сказала Гретхен, помня, что в буфете стоит бутылка виски.

– Я не собираюсь пить, мадам. Я пришел сюда исключительно для того, чтобы передать сообщение.

– От кого?

– От Дэвида П.Доннелли, то есть от меня самого.

Гретхен засмеялась.

– Передавайте ваше сообщение, а затем советую вам идти спать.

– Я уже наполовину его передал. Я люблю вашего брата. Вторая часть более сложная. Я люблю его сестру.

– Вы много выпили.

– Правильно. Пьяный я люблю его сестру, и трезвый я люблю его сестру.

– Благодарю вас за сообщение, – сказала Гретхен, продолжая сидеть, хотя ей хотелось вскочить и поцеловать его.

– Вы не забудете, что я сказал? – Его глаза горели на заросшем бородой лице.

– Не забуду.

– В таком случае, – сказал он важно, – я удаляюсь спать. Спокойной ночи, мадам.

– Спокойной ночи. Спи спокойно.

– Обещаю вертеться и метаться. О, я, несчастный!

– О, вы, несчастный!.. – усмехнулась Гретхен.

Задержись он еще секунд на десять, она вскочила бы и бросилась его обнимать. Но он торжественно помахал ей в знак приветствия рукой и, почти не качаясь, вышел.

В коридоре он снова запел.

Она сидела, уставившись на дверь, и думала: а почему бы и нет? Она покачала головой. Потом, когда работа будет окончена. Может быть.

В тишине комнаты, в которой теперь стоял запах виски, она снова принялась за режиссерский сценарий.

А этажом ниже никак не мог заснуть Уэсли. Он лежал, ожидая, что вот-вот повернется дверная ручка, послышится шорох и в темную комнату войдет Фрэнсис. Но дверная ручка не поворачивалась, и не раздавалось никаких звуков, помимо стона пружин, когда он поворачивался с боку на бок.

Он сказал, что любит ее. Правда, признание было вынужденным, но когда он произносил эти слова, он в них верил. Однако если любишь, разве замечаешь, как девушка притворяется или обманывает, разве говоришь ей, что она ведет себя глупо? Говорят, что любовь захватывает тебя целиком: вот ты признался в любви, и все остальное теряет смысл. Говорят, любовь слепа. Нет, сегодня он не был слеп. Он видел, как Фрэнсис разыграла в баре лживую и отвратительную комедию, и сказал ей об этом. Может быть, ему надо учиться держать свое мнение при себе. Тогда сейчас, во втором часу ночи, он не лежал бы в постели один.

Он тосковал по прикосновению ее рук, по ее телу. Если это не любовь, то что же? Когда она была с ним в постели, он, несмотря на предупреждение Гретхен, не мог заставить себя поверить, что она вернется к мужу или увлечется другим мужчиной. Ему нравилось развлекаться с пассажирками на «Клотильде», пока их мужья спали внизу или играли в казино, ему нравилось заглядывать к миссис Уэрфем, но все это была не любовь. Не нужно особого опыта, чтобы почувствовать разницу между тем, что было тогда и что теперь – с Фрэнсис.

Он помнил, как на узкой кровати Фрэнсис лежала в его объятиях, как в темноте переплетались их тела и Фрэнсис шептала: «Я тебя люблю». Что же это означало? Он тихо застонал.

К кому обратиться, чтобы понять ее и себя? К матери? Которая, по всей вероятности, скажет, что он, как и его отец, позор и несчастье для достойных христианских семей. К дяде? Для него он, скорее всего, доставшаяся по наследству обуза, неблагодарный мальчишка, который показывается на глаза, лишь когда ему что-нибудь нужно. К тете? Чудак, по прихоти природы наделенный талантом, который он по глупости или из-за отсутствия честолюбия собирается зарыть в землю. Может быть, к Элис? Для нее он нескладный и наивный мальчик, нуждающийся в участии и материнской ласке. К Кролику? Хороший помощник на яхте, но он никогда не станет таким прекрасным человеком, как его отец. К Кейт? Единокровный брат ее сына, живое и горькое напоминание о покойном муже. Если собрать мнения всех этих людей, какой же получится человек?

Может, потому он такой, что еще молод и не уверен в себе? Отстал в развитии, сказала Фрэнсис. Но никто из его ровесников, по-видимому, так не мучается, все прекрасно понимают себя.

Лежа в одиночестве в темной комнате, Уэсли был уверен лишь в одном: он не останется прежним. Только каким он станет? Интересно, если бы он мог взглянуть на себя, когда ему будет двадцать один год, двадцать пять, а то и все тридцать, что бы он о себе сказал?

Возможно, после того как его увлечение Фрэнсис пройдет, он последует совету тетки и станет актером. Научится играть не только перед камерой, но, как Фрэнсис, ежедневно и ежеминутно. Наверное, она пришла к выводу, что мир хочет от нее именно этого, а раз так – пусть он это и получает.

Завтра утром Уэсли предстояло играть роль жестокого и необузданного парня. Это нетрудно. Может быть, год-другой он посвятит этой профессии. Такое начало ничем не хуже любого другого.

Когда он наконец заснул, ему снилось, что он сидит в гостиной у Элис, ест бутерброд с холодным мясом и пьет пиво, только за столом напротив него сидит не Элис, а Фрэнсис Миллер.

Кроме того, здесь после обеда соблюдают сиесту, а я никак не привыкну спать днем, и, поскольку общаться не с кем, почему бы не поговорить с самим собой? Во всяком случае, нет никаких оснований полагать, что полиция Франко заинтересуется писаниной американского теннисиста, работающего тренером в этом логове богачей на берегу синего моря. В Бельгии все было иначе.

После Брюсселя климат южной Испании кажется райским, и остается только удивляться, почему люди, имеющие возможность выбирать, продолжают жить к северу от Луары.

Приехал сюда в крохотном открытом „лежо“, купленном в Париже за сходную цену у торговца подержанными машинами. Как только я пересек Пиренеи, то сразу почувствовал какую-то особую радость, будто все эти деревушки, поля и реки я встречал где-то в другой жизни и теперь после долгого путешествия возвращаюсь домой.

Если я молчу, то вполне могу сойти за испанца. Не могло ли случиться так, что члены семейства Эбботов оказались темноволосыми в результате греха, совершенного страстными андалузцами в те времена, когда „Непобедимая армада“ потерпела кораблекрушение у берегов Англии и Шотландии?

Отель, в котором я живу, выстроен совсем недавно, и пройдет еще лет десять, прежде чем ветер и приливы начнут его разрушать. У меня удобный, просторный номер с видом на лужайки для гольфа и море. Помимо начинающих и разных увальней, которым я даю уроки, здесь есть и сильные игроки, и с ними часок-кругом можно ежедневно постучать по мячу. Я человек Нетребовательный, с простыми вкусами.

Испанцы – люди красивые, приятные и вежливые – резкий контраст после американской армии. Многие приехали сюда просто отдохнуть и стремятся показать себя с наилучшей стороны. Пока меня ни разу не оскорбили, и не вызвали на дуэль, и не заставили смотреть бой быков или принять участие в свержении существующего строя.

Стараюсь соблюдать максимальную корректность с дамами. Их мужья или любовники держатся в стороне, но с большим подозрением относятся к молодому американскому спортсмену, проводящему в полуголом виде по крайней мере час в день с их спутницами. Во время уроков они с мрачным видом внезапно появляются возле корта. Я вовсе не хочу, чтобы меня с позором выставили из города, обвинив в том, что я обесчестил жену или любовницу какого-нибудь испанского джентльмена. В мои намерения не входит попадать в неприятную историю.

После Моники радости холостяцкой жизни особенно приятны. Не люблю сумятицы как в постели, так и вне ее.

Я отлично загорел, нахожусь в прекрасной форме.

Платят мне хорошо и на чаевые не скупаются. У меня накапливается порядочная сумма – наверное, впервые в жизни.

Здесь чуть не каждый вечер устраиваются вечеринки, и меня почти всегда приглашают. По-видимому, как недавно приехавшего. Я стараюсь не пить слишком много и не разговаривать с одной дамой более пятнадцати минут. Теперь я уже настолько освоил испанский, что понимаю большую часть

ожесточенных политических споров. Здесь частенько говорят об угрозе кровопролития, экспроприации, коммунизме и о будущем Испании после смерти старика. Я держу язык за зубами, благословляю судьбу, что поселился, пусть ненадолго, в прекрасной стране, которая так соответствует моему темпераменту; высказываю свое мнение лишь по наиболее животрепещущим вопросам – например, как держать ракетку при подаче.

Еще раз приходится сомневаться в правоте отца, предостерегавшего, что я происхожу из невезучей семьи.

Мать написала мне несколько писем. Как и раньше, адрес она узнала от отца, которому я пишу в тщеславном убеждении, что только мои письма удерживают его в этом мире и не дают броситься в озеро Мичиган. Письма матери стали значительно мягче. Она, по-видимому, думает, что я не остался в армии только по ее просьбе, и это представляется ей признаком наступления долгожданной зрелости. Теперь она подписывается „любящая тебя мама“. В течение многих лет она подписывалась просто „мама“, тем самым выражая свое отвращение ко мне. Я ответил ей взаимностью и закончил свое письмо словами „любящий тебя Билли“.

Она пишет, что ей очень нравится заниматься режиссурой; это меня вовсе не удивляет: она всегда стремилась командовать окружающими. С восторгом рассказывает об актерских способностях моего двоюродного брата Уэсли. Это одна из профессий, о которой мне следовало бы подумать раньше, поскольку я не хуже любого другого могу быть и лживым и искренним, но теперь слишком поздно. Мать пишет, что Уэсли хочет меня навестить. Что мне сказать ему при встрече? Добро пожаловать, братец-страдалец.

Господи! Через два дня после предыдущей записи здесь появилась Моника в сопровождении немолодого немецкого бизнесмена, занимающегося продажей замороженных продуктов. У нее сейчас период процветания – вся в дорогих тряпках, хорошо причесана. Делает вид, что мы незнакомы, но, вероятно, это затишье перед бурей. Все время думаю о том, что надо бежать.

Проиграл несколько партий человеку, у которого выигрывал шесть дней подряд».

На традиционной вечеринке в павильоне нью-йоркской студии по окончании последнего дня съемок Фредди Кан, оператор, подняв руку Гретхен, дирижировал здравицей в ее честь. Актеры, работники студии и приглашенные друзья пели громко и от души. Гретхен хотелось и смеяться и плакать. Ида Коэн, ради этого случая сделавшая прическу, не скрывала слез. Кан преподнес Гретхен в подарок от актеров часы, на приобретение которых Уэсли дал пятьдесят долларов, и попросил Гретхен сказать несколько слов.

– Спасибо, большое всем спасибо, – начала Гретхен чуть дрожащим голосом. – Вы все работали превосходно, и я хочу поблагодарить каждого из вас в отдельности и всех вместе за то, что вы так помогли мне в моей первой попытке стать режиссером. Правда, в Голливуде говорят: «Покажите мне счастливую группу, и я покажу вам отвратительную картину».

Раздался смех и выкрики: «Это не про нас!»

Гретхен подняла руку, требуя тишины.

– Для всех вас работа закончена; надеюсь, что впереди вас ждут более интересные и более значительные картины, что ваши промахи будут забыты, а взлеты останутся в памяти навсегда или по крайней мере до того дня, когда Академия искусств будет присуждать вам награды. Но для некоторых из нас, для тех, кто занимается монтажом и озвучиванием, для композитора и музыкантов, а также для мистера Коэна, которому предстоит незавидная работа по продаже картины в прокат, все, по сути дела, еще только начинается. Пожелайте нам успеха, потому что впереди у нас месяцы работы и от того, что мы сделаем, зависит, ждет нас успех или провал. – Она говорила скромно, но Уэсли, который стоял неподалеку, видел в ее глазах торжествующий блеск. – Ида, – сказала она, – перестань плакать. Это еще не похороны. – Ида всхлипнула. Кто-то подал Гретхен стакан с виски, и она подняла его. – За всех нас – от самых старых до... – она повернулась к Уэсли, – до самых молодых.

Уэсли, также державший в руке стакан с виски, к которому он пока еще не притронулся, поднял его вместе со всеми. Он не улыбался, и на лице его не было восторженного выражения: он только что видел, как Фрэнсис Миллер и ее муж чокнулись и поцеловались. После того вечера в баре Порт-Филипа Уэсли и Фрэнсис помирились, и она снова приходила к нему в гостиницу, а он несколько раз ночевал в ее нью-йоркской квартире, когда они приступили к павильонным съемкам. Но три дня назад из Калифорнии приехал ее муж, блондин со спортивной фигурой, довольно красивый, хотя и на стандартный голливудский манер. Когда Уэсли увидел, какими взглядами обменялись Фрэнсис и ее муж и как они нежно поцеловались, он пожалел, что пришел на эту вечеринку.

Элис тоже была здесь, хотя сейчас он не мог ее разглядеть в тени декораций. Как всегда, она старалась не привлекать к себе внимания. После того как он несколько ночей не появлялся в квартире, она держалась довольно странно и говорила с ним свысока и довольно официально. Когда он сказал ей о вечеринке, она ответила, что ей очень бы хотелось пойти: она никогда не бывала на вечеринках в павильоне киностудии. Он пригласил Элис, желая сделать ей приятное, но это далось ему не просто. Наверно, с возрастом, думал он, стараясь не глядеть в сторону Фрэнсис и ее мужа, научишься вести себя в подобных ситуациях.

Уэсли сделал большой глоток виски с содовой, вспомнив при этом, что последний раз пил виски в баре «Розовая дверь» в Канне. Вкус виски был приятным, и он сделал еще глоток.

Гретхен ходила по площадке, кому-то пожимала руки, кого-то целовала в щеку, у многих женщин в глазах стояли слезы. Никто не уходил, словно всем хотелось подольше сохранить отношения, установившиеся за время совместной работы. Уэсли слышал, как пожилая характерная актриса сказала Гретхен:

– Благослови вас бог, дорогая: лучше, чем было, уже не будет.

Уэсли удивился, что такое привычное для актера дело, как совместное создание фильма, вызывает столько эмоций. Он с удовольствием принимал участие в съемках, но ему было безразлично, увидит он снова кого-нибудь из

группы, помимо Фрэнсис и Гретхен, или нет. Может быть, несмотря на слова Гретхен, он все-таки не родился актером.

– Уэсли Джордан, я буду без тебя скучать, – сказала Гретхен, подойдя к нему, и поцеловала его в щеку. Уэсли видел, что она говорит искренне.

– Вы очень хорошо говорили.

– Спасибо тебе, милый, – поблагодарила она, продолжая оглядываться по сторонам, словно кого-то разыскивая. – Уэсли, а Рудольф не говорил тебе, что он опоздает или вообще не придет?

– Нет, не говорил. – В последние дни съемок дядя Рудольф сказал ему только, что, по словам антибского адвоката, он может вернуться во Францию. Но билета Уэсли пока еще не купил. Хоть он и не признавался себе в этом, но уехать из Америки был не готов: слишком многое оставалось здесь нерешенным.

– Он сегодня снова собирался в Коннектикут с мистером Доннелли, – сказала Гретхен, продолжая смотреть поверх голов, – но обещал вернуться к пяти часам. Сейчас уже больше семи. Это на него не похоже. Я сейчас не могу отсюда уйти, так что будь добр, позвони ему в отель и узнай, не просил ли он что-нибудь передать.

– Сейчас позвоню, – сказал Уэсли и направился к телефону-автомату за съемочной площадкой; дядя постоянно держал номер в гостинице «Алгонквин» и ночевал там, когда ему случалось задержаться в Нью-Йорке.

Уэсли пришлось подождать: по телефону, хихикая, разговаривала Фрэнсис. Он отошел в сторону, чтобы не слышать, о чем она говорит. Однако она не спешила уходить и то и дело опускала в автомат десятицентовые монеты. Он взял с собой стакан с виски и к тому времени, когда Фрэнсис закончила разговор, выпил все без остатка. Возбужденный звуком ее голоса, он прямо твердил: «Больше никогда в жизни», хотя понимал, что лжет.

Хихикнув напоследок, Фрэнсис повесила трубку и направилась к двери в павильон, возле которой стоял Уэсли.

– А-а, – сказала она, снова хихикнув, – чудо-мальчик в полной готовности.

– Просто мне надо позвонить, но сначала... – Внезапно он схватил ее и поцеловал в губы.

– Наконец-то научился кое-чему у актеров. Например, как проявлять страсть в присутствии мужей. – Ее голос был несколько хриплым от выпитого.

– Когда мы увидимся? – Уэсли не выпускал ее рук, как будто надеялся удержать силой.

– Кто знает? – насмешливо сказала Фрэнсис. – Может, никогда, а может, когда подрастешь.

– Ты же не всерьез так думаешь.

– Никто не знает, что я думаю на самом деле. А я – тем более. Я хочу дать тебе один хороший совет. Мы неплохо повеселились, а теперь ты об этом забудь.

Дверь из павильона распахнулась, и они увидели мужа Фрэнсис.

– Пусти ее.

Уэсли разжал руки и немного отступил.

– Мне известно, чем вы до сих пор занимались. Шлюха.

– Джек, успокойся, пожалуйста, – тщательно выговаривая слова, сказала Фрэнсис.

Муж дал ей пощечину.

– А что касается тебя, ублюдок, – сказал он Уэсли, – если я еще раз увижу, что ты ошиваешься около моей жены, то сверну тебе шею.

– Супермен, – с издевкой сказала Фрэнсис. Она даже не поднесла руку к щеке, словно муж до нее и не дотрагивался. – Всюду и везде, кроме постели.

Он глубоко вздохнул и снова ударил ее по щеке еще сильнее.

Однако Фрэнсис и на этот раз не приложила руку к щеке.

– Ты такая же свинья, как и твои шпионы.

Муж схватил ее за руку.

– Сейчас ты пойдешь со мной и будешь улыбаться, потому что твой муж, которого задержали дела на Западном побережье, сумел вырваться в Нью-Йорк, чтобы провести с тобой уик-энд.

– Как тебе будет угодно, свинья, – ответила Фрэнсис. Она взяла его под руку и, не взглянув на Уэсли, пошла с мужем обратно в павильон, где теперь играла музыка и танцевали пары.

Уэсли стоял неподвижно, лицо у него подергивалось. Затем он с силой сжал пустой пластиковый стаканчик и швырнул его в стену. Так он стоял минуты две, пока не Почувствовал, что теперь уже не бросится за ними вслед и не вцепится этому человеку в горло.

Убедившись, что голос у него не дрожит, он позвонил в гостиницу, и телефонистка на коммутаторе сказала ему, что мистер Джордах ничего не просил передать. Уэсли еще немного постоял у телефона, потом вернулся в павильон, нашел тетку и передал ей слова телефонистки. После этого он подошел к бару, заказал виски, залпом выпил, заказал еще порцию и тут почувствовал на плече чью-то руку. Он повернулся и увидел рядом с собой Элис. На ее лице было то самое высокомерное выражение профессиональной медсестры, которого он уже начал побаиваться.

– Мне кажется, – спокойно сказала Элис, – было бы неплохо привести себя в порядок. У тебя все лицо в губной помаде.

– Спасибо, – ответил он деревянным голосом, вынимая носовой платок, и вытер им губы и щеки. – Так лучше?

– Намного. Ну, мне пора. Я убедилась, что у киноактеров вечеринки самые обыкновенные, хоть о них и рассказывают бог знает что.

– Спокойной ночи, – сказал Уэсли. Ему хотелось попросить у нее прощения, хотелось, чтобы ее глаза перестали быть холодными и чужими, но он не знал ни как это выразить словами, ни за что она должна его простить. – Ну пока, попозже увидимся.

– Может быть.

Боже мой, подумал он. Что я наделал! Пора убираться из Нью-Йорка. Он снова повернулся, к стойке и заказал еще виски. Когда он брал у бармена стакан, к нему подошел Рудольф.

– Хорошо проводите время, мистер Джордан?

– Чудесно. Гретхен вас ищет. Она беспокоится. Даже просила меня позвонить в отель.

– Меня задержали. Пойду поищу ее. А потом мне надо с тобой поговорить. Ты где будешь?

– Здесь.

Рудольф нахмурился.

– Не спеши, мальчик, – сказал он. – В Нью-Йорке бутылку виски найдешь и завтра утром, если постарайся. – Он дружески похлопал Уэсли по плечу и пошел разыскивать Гретхен.

Рудольф увидел ее на другой стороне площадки, где танцевали пары. Гретхен разговаривала со сценаристом Ричардом Сэнфордом. Рудольф мысленно отметил, что Сэнфорд не пожелал отказаться от неизменной куртки и, шерстяной рубашки с открытым воротом даже по случаю окончания съемок своего первого фильма.

– Больше всего меня беспокоит, – серьезно говорил Сэнфорд, – то, что в материале, который я пока видел, у героини мало крупных планов, а средним планам не хватает выразительности, а...

– Дорогой Ричард, – сказала Гретхен, – боюсь, что, подобно большинству сценаристов, вы увлеклись прелестями актрисы и не обращаете внимания на ее способности.

Сэнфорд покраснел.

– Это вы бросьте, – пробормотал он, – я с ней почти не разговаривал.

– Зато она с вами разговаривала, – сказала Гретхен. – А когда имеешь дело с такой молодой особой, этого более чем достаточно. Я очень сочувствую, что из-за других дел ей было не до вас.

– Вы меня недооцениваете, – обиделся Сэнфорд.

– Эта проблема занимает людей искусства более пяти тысяч лет. Вы еще к ней привыкнете.

– У нас с вами дружеские отношения не сложились. Вас просто раздражает то, что я мужчина. Я с самого начала это чувствовал.

– Во-первых, это не относится к делу, а во-вторых, абсолютная чушь. И если вы сами этого не знаете, то разрешите сказать вам, молодой человек, что в основе искусства лежат не дружеские отношения.

– Вы просто злобная, стареющая женщина. – Копившееся месяцами возмущение прорвалось в его голосе. – Чего вам не хватает, так это хорошего мужика. Но не находится достаточно вежливого человека, чтобы прийти вам на помощь.

Гретхен потерла глаза, прежде чем ответить.

– Вы талантливый, но неприятный молодой человек. С возрастом вы станете менее неприятным и, вероятно, менее талантливым.

– Зачем вы меня оскорбляете?

– В нашей профессии, – сказала Гретхен, – оскорбления не имеют значения. Вы меня раздражаете. И я, наверно, вас тоже. Впрочем, и это не имеет значения. – Но, дорогой Ричард, – она чуть коснулась его щеки, одновременно и ласково и угрожающе, – я обещаю служить вам исправно.

Большого не просите. Я обещаю столько крупных планов и чувств, сколько может выдержать зритель. С нашей героиней проблема не в том, что ее на экране будет слишком мало, а в том, чтобы не было слишком много.

– У вас на все готов ответ. Мне ни разу не удалось вас переспорить, Кинселла предупреждал меня...

– А как поживает наш дорогой Эванс? – спросила Гретхен.

– Неплохо. – Сэнфорд смущенно переступил с ноги на ногу. – Он предложил мне написать сценарий для его новой картины.

– Значит, вы на пути в Голливуд?

– В общем... да.

– Очень рада за вас обоих. Вы, безусловно, будете довольны друг другом. А сейчас извините, мне надо поговорить с братом.

Сэнфорд безнадежно покачал головой. Когда она добралась до Рудольфа, тот посмеивался.

– Над чем это ты?

– Я видел, какое выражение лица было у этого молодого человека, когда ты от него отошла.

Гретхен скорчила гримасу.

– Мы занимались делом, требующим наибольшего напряжения творческих сил: старались как можно больше оскорбить друг друга. Одна картина, и он считает себя уже главным редактором «Кайе дю синема».⁴⁵ Погибшая душа. Но невелика трагедия. Америка полна талантов, способных создать всего одну-единственную вещь. А где ты был все это время? Я беспокоилась.

– У нас неприятности в Коннектикуте. Доннелли готов кусать себе локти. Похоже, наш проект рухнет.

– Почему? Что произошло?

– Какое-то паршивое общество по охране окружающей среды возбудило против нас дело – требуют прекращения строительства. Мы целый день просидели с адвокатами.

– А я думала, что все в порядке.

– Я тоже так думал до вчерашнего дня. Мы-то покупали заброшенный фермерский участок. А теперь нам говорят, что это, видите ли, драгоценная заповедная земля, где полно редких птиц, чудесных оленей, прелестных змей. А за последние годы замечены даже три рыси. И вместо благодетелей стареющего человечества мы оказались городскими хапугами, намеренно загрязняющими чистый воздух суверенного штата Коннектикут, и к тому же врагами рысей. – Он полунасмешливо покачал головой.

– А что говорят адвокаты?

– Что если в конечном счете мы и выиграем, то на это уйдут годы. Доннелли чуть не плакал от досады, когда понял, сколько времени наши деньги будут заморожены.

– А где он?

---

⁴⁵ Французский журнал, посвященный проблемам киноискусства.

– Я уложил его – он мертвецки пьян. Завтра у него настроение будет еще хуже. Да, вот еще что. Вчера мне звонил из Калифорнии один знакомый агент по фамилии Боуэн.

– Я тоже его знаю, – сказала Гретхен. – У него солидная контора.

– Он говорит, что до них дошли слухи об Уэсли и что он может устроить ему выгодный контракт. Если Уэсли собирается продолжать актерскую карьеру, то ему непременно нужен будет агент, а Боуэн ничуть не хуже других. Я хочу поговорить с Уэсли.

– Последний раз, когда я его видела, он, весь перемазанный губной помадой, атаковал бар.

– Я его тоже там видел. Постараюсь дать ему мудрый дядюшкин совет. – Рудольф наклонился и поцеловал Гретхен в щеку. – Поздравляю тебя. Ты отлично поработала. И так считает не только твой брат.

Он снова направился к бару, но Уэсли там уже не было. Бармен сказал, что он ушел пять минут назад.

Когда появился Уэсли, Элис сидела в гостиной и читала. По дороге домой он заглянул еще в два бара, где было так темно, что никто не спросил, сколько ему лет. Возвращение домой пешком оказалось делом непростым: тротуар почему-то все время ускользал из-под ног, а при переходе улиц страшно мешали обочины.

– Добрый вечер, – мрачно приветствовал он Элис.

– Добрый вечер, – бросила она, не поднимая глаз от книги. Он заметил, что на кушетке не постелено как обычно. У него было странное чувство, будто он видит перед собой не Элис, а ее отражение в покрытой рябью воде.

Пытаясь сесть, он не рассчитал расстояния и чуть не упал. А затем уставился на Элис, которая по-прежнему расплывалась у него перед глазами.

– Из меня не выйдет ничего путного. Ты напрасно тратишь на меня время.

– Во-первых, ты пьян, а во-вторых, я на тебя времени не трачу.

– Завтра, – сказал он, и звук собственного голоса показался ему далеким и странным, – я отдам тебе весь долг до последнего цента и у... у... уеду отсюда.

– Хоть сию минуту, – сказала Элис, по-прежнему глядя в книгу. – Я уверена, что тебе нетрудно будет найти другое место для ночлега. А о деньгах говорить не надо. Ты мне ничего не должен: все, что я для тебя делала, я делала не ради денег.

Он смотрел на нее, с трудом удерживая ее в фокусе.

– А ты не будешь возражать, если я скажу спасибо?

– Я возражаю против всего, что бы ты ни сказал, – бросила она. – Голливудский подонок.

– Я никогда не был в Голливуде, даже в Калифорнии не был, – сказал он глупо.

– Путаешься с проститутками! – Она швырнула книгу на пол. – И зачем я читаю эту проклятую книгу?

– Я думал, ты мне... ну... как сестра.

– Я тебе не сестра.

Уэсли подыскивал слова, но мысли и язык его не слушались.

– Ты говорила, что я умираю. В твоей книге. Ты хочешь, чтобы я был благородным и умер. Ты хочешь от меня слишком многого...

– О господи! – Она обхватила его голову и прижала к себе. – Прости меня. Я не хочу, чтобы ты умирал, Уэсли. Честное слово.

– Все хотят от меня чего-то такого, чего я не могу дать, – сказал Уэсли. – Я не знаю, где я. Ищи меня завтра в столе находок.

– Прошу тебя, Уэсли. Не говори так.

– Ты как-то сказала, что крадешь частицу моей души... Я слушаю, как ты стучишь по ночам на машинке, и говорю себе: «Вот уходит еще одна частица».

– Ну, пожалуйста, милый... – Она еще крепче прижала его голову к себе, чтобы он больше ничего не смог сказать. – Ты меня убиваешь такими словами.

– Все только и делают, что меня стыдят. Через что я прошел сегодня... А теперь ты... Я не оправдал твоих надежд... Я это знаю, но...

– Ш-ш-ш, маленький мой.

– Я люблю тебя, – сказал он.

Она притянула его к себе. И вдруг неожиданно засмеялась.

– Сколько же времени тебе понадобилось, чтобы об этом сказать! – Она опустила перед ним на колени и нежно его поцеловала. – Скажи еще раз.

– Я тебя люблю.

– У тебя ужасный вид.

– Я и чувствую себя ужасно. Я второй раз в жизни напился. Прости, пожалуйста, меня сейчас вырвет. – Он с трудом встал и, нетвердо держась на ногах, двинулся в туалет. Его вырвало, однако легче ему не стало. Он медленно разделся, долго чистил зубы, а затем принял холодный душ. Вытираясь, он почувствовал себя немного лучше, хотя голова поворачивалась с трудом, а в желудке было такое ощущение, будто он наглотался гвоздей. Уэсли надел халат, который купила ему Элис, и с мокрой головой направился обратно в гостиную, держась рукой за стену.

Гостиная была пуста, и на кушетке все еще не было постелено.

– Я здесь, – раздался из спальни голос Элис. – Сегодня тебе не придется спать на кушетке.

Он побрел в спальню. Там горела лишь одна маленькая лампочка и царил полумрак, но Элис, лежавшая под одеялом на широкой кровати, все так же колыхалась и покрывалась рябью.

– Иди сюда, под одеяло.

Не снимая халата, он стал ложиться.

– Сними эту противную тряпку.

– Выключи свет. – Одна только мысль, что Элис Ларкин, эта застенчивая девушка, увидит его голым, привела его в трепет.

Она засмеялась и потушила свет.

«Она все еще здесь.

Однако пока не подает и виду, что знает меня. Насколько я мог заметить, она и ее торговец замороженными продуктами из Дюссельдорфа ни с кем не разговаривают, я ни разу не видел их в чьем-либо обществе. На вечеринках мы до сих пор не встречались. Он каждый день играет в гольф. В отеле она зарегистрировалась как „сеньорита Моника Хитцман“, то есть совсем не под своей фамилией. Когда мы случайно встречаемся, независимо от того, одна ли она или со своим другом, мы проходим мимо как чужие, но меня обдаёт таким ледящим холодом, словно я проплываю мимо айсберга.

Время от времени – иногда одна, иногда со своим другом – она появляется возле теннисных кортов и останавливается посмотреть игру.

С каждым днем я играю все хуже.

К тому же возникло еще одно осложнение. За мной ухлестывает, если так можно выразиться, одна молоденькая испанка по имени Кармен (неужели не удастся отделаться от знакомой мелодии?). Она ожесточенно и неутомимо играет в теннис; родом из Барселоны, где отец ее, как мне стало известно, занимал высокий пост во франкистском правительстве. Иногда он ее сопровождает – прямой седовласый джентльмен с жестким лицом.

Ей двадцать лет, у нее опасные темные глаза, светлые волосы и движения как у тигрицы – и на корте, и вне его: такое впечатление, что она решила не уступать героине оперы. В одиночной игре она совсем загоняла меня. После игры и вообще при всяком удобном случае она приглашает меня выпить и поверяет свои тайны, которые я вовсе не желаю знать. Она училась в Англии и хорошо говорит по-английски – правда, с сильным акцентом. При ней я играю свою дурацкую роль – изображаю спортсмена, но она, по ее словам, видит меня насквозь; боюсь, так оно и есть. Она рассказала мне, что ее отец, хоть он и каталонец, сражался на стороне Франко и придерживается тех же взглядов, что и полководцы Фердинанда и Изабеллы, изгнавшие из Испании мавров и евреев. Она обожает своего отца, однако часто приводит его в бешенство, разговаривая с ним по-каталански. По ее словам, она будет счастлива только тогда, когда над Барселоной взвьется флаг Каталонии и поэты „ее родины“ начнут писать на этом языке. Они с Моникой, которая также придает большое значение делению Европы по лингвистическому признаку, сразу нашли бы общий язык, хотя Кармен еще не заложила ни одной бомбы. Она распространяет какие-то листовки, что, вполне возможно, не разрешается законом. У нее чудесная гибкая фигурка, и я не знаю, сколько еще смогу выдерживать осаду, хотя и побаиваюсь ее отца, который смотрит на меня – что, впрочем, случается редко – холодно и подозрительно. Кармен говорит, что он относится с подозрением ко всем иностранцам, и к американцам особенно, но я не могу отделаться от чувства, что его антипатия вызвана соображениями не только шовинистического характера.

Кармен похожа на испанок, чьи фотографии часто появляются в испанских газетах, – они обычно стоят у barrera,⁴⁶ а матадоры в их честь закалывают

---

⁴⁶ Барьер (исп.).

быков, и совсем не похожа на девушек, которые распространяют листовки в Америке.

И еще одно сходство с Моникой: из нее тоже никогда не выйдет хорошей жены».

Следующий день оказался для Билли Эббота скверным. Моника пришла со своим другом на корт и записалась на целую неделю занятий, ежедневно с 11 утра.

Билли дал ей первый урок. Она была безнадежна. Поговорить с ней ему не удалось, так как в течение всех сорока пяти минут ее друг сидел у корта и смотрел, как они играют. Она называла Билли «мистер Эббот», а он обращался к ней «сеньорита Хитцман». Подавая ей мячи, которые она большей частью пропускала, он думал, что надо бы ее отвести в сторону и спросить, что она затевает, – не могла же ее привести в Эль-Фаро чистая случайность.

Днем Билли чуть не проиграл Кармен. Она была в плохом настроении и играла с ожесточением.

После игры, когда они сидели в баре гостиницы, он спросил ее, что случилось.

– Вы читали утренние газеты?

– Нет.

– На первой странице помещена фотография, на которой ваш адмирал получает награду от Франко.

– Адмиралы на то и существуют, – пожав плечами, ответил он. – Откровенно говоря, я ничего не имею против какой-то медали, а вот то, что он со своими кораблями и наши военно-воздушные силы с их самолетами находятся здесь, мне совсем не нравится. Я долго служил в армии и сильно сомневаюсь, что в случае кризисной ситуации от них будет большая польза.

Кармен сверкнула глазами.

– А вы бы хотели, чтобы русские захватили Европу!

– Если бы у них было такое желание, они бы уже давно ее захватили. Наши войска в Европе вызывают у них раздражение, но их слишком мало, чтобы оказать сопротивление русским. В случае войны решающее значение будут иметь ракеты, а не наземные войска. Ими пожертвуют в первый же день. Я служил в этих войсках и не испытывал большого удовольствия.

– Я просто счастлива, – саркастически заметила Кармен, – что у меня есть собственный американский военный эксперт, который разъясняет мне истинное положение вещей.

– Это все делается для рекламы, – продолжал Билли. Зачем он с ней спорит? Возможно, просто потому, что последняя партия закончилась со счетом 8:6 в ее пользу? А возможно, ему надоело, что привлекательные молодые женщины учат его политике? – Создание баз по всему миру дает военным возможность немного встряхнуться и выжать из конгресса побольше денег, чтобы потом разъезжать в роскошных автомобилях и жить раз в пять

лучше, чем дома. – И, скорее чтобы подразнить ее, чем всерьез, он добавил: – Если бы мы сняли военную форму со всех американских солдат и отправили их домой заниматься чем-то полезным, все от этого только выиграли бы – в том числе и испанцы.

– Слабые и ленивые всегда находят оправдание своей слабости и лени, – сказала Кармен. – Слава богу, что не все американцы такие, как вы. – Ее собственные политические взгляды были достаточно сложны. Она ненавидела Франко, ненавидела коммунистов, а теперь, по-видимому, и его вместе с адмиралом-американцем. – В том, что адмирал находится здесь, ничего страшного нет, а вот то, что он, американец, позволяет Франко нацеплять себе на грудь медаль, – безнравственно. Одно дело – защищать какую-то страну, и совсем другое – поддерживать отвратительный режим. Будь я американкой, я бы немедленно обратилась с протестом в конгресс, в государственный департамент, к президенту, во все газеты. Вот, если хотите сделать что-то полезное, напишите хотя бы в «Геральд трибюн».

– А сколько, по-вашему, я здесь продержусь, если это письмо напечатают?

– Двадцать четыре часа. Все равно стоит.

– Человеку, между прочим, надо есть.

– Ну конечно, – сказала Кармен пренебрежительно, – для таких людей, как вы, главное – деньги.

– Разрешите вам напомнить, что у меня нет богатого папочки, как у некоторых моих знакомых.

– Как вы смеете так говорить! Испанцы по крайней мере не меряют свою жизнь на доллары и центы.

– Испанцы, которых я вижу здесь, весьма богаты и занимаются лишь тем, что приумножают свое богатство. Скупают, например, оливковые рощи и превращают их в ловушки для туристов. И владельцы этих огромных яхт в заливе тоже не давали обета бедности.

– Это подонки, потерявшие совесть. Они делают все, что велит им Франко и его банда. Им лишь бы сохранить свои *fincas*,⁴⁷ свои яхты и своих любовниц, а остальные пусть голодают. Я не коммунистка, но, когда я вижу, как приходится трудиться простым людям, чтобы прокормить семью, я могу понять, почему они за коммунистов.

– Так чего же вы хотите – еще одну гражданскую войну? Еще миллион убитых? Кровь на улицах?

– Если дойдет до этого, – сказала Кармен, – то виновниками окажутся ваши друзья – владельцы яхт. Конечно, я этого не хочу. Я хочу спокойных и планомерных преобразований. Если это возможно в Америке, то почему же невозможно здесь?

– Я не занимаюсь изучением национального испанского характера, но где-то я слышал, что ваши соотечественники в возбужденном состоянии кровожадны, жестоки и неистовы.

---

⁴⁷ Помесья (исп.).

– О боже мой, как я устала от таких разговоров, – воскликнула Кармен. – Как будто Испания – это только бой быков, флагелланты да мстители за поруганную честь. Почему никто не говорит о жестокости немцев – после того, что они натворили в Европе? Или французов – после Наполеона? Я уже молчу о том, что в свое время творили американцы. Эх вы, бедный, никчемный теннисист. – Кармен презрительно подписала поданный ей счет. – Ну вот, вы сэкономили на четырех порциях джина с тоником. Разве вы не рады, что приехали в жестокую и буйную Испанию и стали здесь лакеем богачей?

– Вероятно, – обиделся Билли, – нам не следует больше встречаться. Ищите себе другого партнера.

– Вы по-прежнему будете играть со мной в теннис, потому что вам за это платят. Завтра в то же время. – Она вышла, оставив его одного в огромном пустом баре. Боже мой, думал он, а я-то считал, что она меня добивается! Сначала Моника со своими бомбами, а теперь вот эта!

На следующее утро Моника появилась на корте одна. Билли должен был признать, что выглядела она настоящей теннисисткой – маленькая, стройная, с красивыми ногами, в коротком теннисном платье и с лентой вокруг головы, чтобы не растрепались аккуратно уложенные волосы.

Когда они вместе шли на корт. Билли тихо спросил:

– Моника, какую игру ты сейчас затеваешь?

– Мистер Эббот, меня зовут сеньорита Хитцман, – сказала она холодно.

– Если тебе нужны деньги, которые я отвозил в Париж, и... остальное, то я все тебе верну. Правда, на это, потребуется некоторое время, но я мог бы это сделать...

– Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите, мистер Эббот.

– Да брось ты это, – сказал он раздраженно. – Мистер Эббот! Ты не называла меня мистером Эбботом, когда мы спали в одной постели в Брюсселе.

– Если вы будете продолжать в том же духе, мистер Эббот, я буду вынуждена сообщить администрации, что вы тратите время на разговоры, вместо того чтобы выполнять свои обязанности, то есть обучать меня игре в теннис.

– Ты никогда не научишься играть в теннис.

– В таком случае, – сказала она спокойно, – это еще одна неудача, о которой вы будете вспоминать с сожалением, когда состаритесь. А теперь, с вашего позволения, я хотела бы начать занятия.

Вздыхнув, он направился на другую сторону корта и начал подавать ей мячи. Ее ответные удары были ничуть не лучше, чем накануне утром.

Когда урок закончился, она сказала:

– Благодарю вас, мистер Эббот, – и ушла с корта.

Днем он выиграл у Кармен со счетом 6:0, 6:3, нарочно перемежая свечи укороченными ударами, чтобы заставить ее побегать, пока наконец лицо ее не запыхало.

– Вы играете как последний кастрат, – вот и все, что она сказала, уходя с корта. Посидеть в баре она его не пригласила и пошла в гостиницу одна. Билли

смотрел ей вслед и думал о том, что Испания становится для него все менее привлекательной.

Уэсли поехал из Лондона в Бат поездом и с удовольствием любовался из окна аккуратными зелеными ландшафтами сельской Англии. После напряженности и неуверенности в Америке прогулки по Лондону действовали на него успокаивающе, он никого здесь не знал, и никто ничего от него не требовал. Однажды в какой-то закусочной Уэсли услышал голос официантки, очень похожий на голос Кейт, и вдруг почувствовал, что сильно по ней соскучился. Он доел свой сэндвич, пошел на вокзал и первым же поездом отправился в Бат. Вот Кейт удивится, когда его увидит! И наверное, обрадуется.

В Бате он дал таксисту адрес и, сидя на заднем сиденье, с любопытством рассматривал аккуратные улочки и красивые дома. Да, это тебе не Индианаполис.

Такси остановилось перед маленьким белым домиком в сплошном ряду точно таких же домов. Уэсли расплатился с таксистом и позвонил. Дверь тут же открылась, и невысокая седая женщина в фартуке сказала:

– Добрый день.

– Добрый день, мэм, Кент дома?

– Простите, а вы кто?

– Уэсли Джордах, мэм.

– Господи! – Женщина широко улыбнулась и протянула ему руку. Жесткая, с мозолями, трудовая рука. – Я столько о тебе слышала. Заходи, заходи, мальчик. Я – мать Кейт.

– Очень приятно познакомиться, миссис Бейли.

Они вошли в маленькую гостиную. На полу в манеже с гуканьем ползал малыш.

– Это твой брат, – сказала миссис Бейли. – Вернее, твой единокровный брат. Его зовут Том.

– Я знаю, – сказал Уэсли, с интересом разглядывая малыша. – Отличный парень!

– Просто чудо. Такой веселый! Ты чаю хочешь?

– Нет, спасибо. А Кейт дома?

– На работе. Можешь туда сходить. Закусочная «Кингс армз», всего в нескольких шагах отсюда. То-то она обрадуется! Ты останешься ужинать?

– Пока не знаю. Здравствуй, Томми, – сказал он, подходя к манежу, – как поживаешь?

Малыш улыбнулся и загукал. Уэсли наклонился и протянул ему руку, выставив вперед один палец. Малыш сел, затем ухватился за палец, встал и победоносно засмеялся. Ну и хватка, подумал Уэсли.

– Томми, – сказал он, – а ты сильный парень.

Малыш был счастлив. Может быть, он и сам был так же счастлив в его возрасте. Интересно, надолго ли брату хватит этого счастья. При такой матери, как Кейт, может быть, и на всю жизнь.

– А где та закусочная? – спросил он. – Как туда пройти?

– Выйдешь из дома – поверни налево; это через три квартала отсюда, прямо на углу. – Миссис Бейли открыла ему входную дверь. Она стояла рядом с ним, едва доставая ему до плеча, у нее было простое, очень приятное лицо. – Я хочу, чтоб ты знал, Уэсли, – сказала она серьезно, – то время, которое моя дочь провела с твоим отцом, было лучшим в ее жизни. Она никогда этого не забудет. – Она сделала шаг назад и улыбнулась, но он увидел, что на глазах у нее слезы. – Помни, мы тебе не чужие.

– Я обязательно вернусь. Кто-то должен же научить его играть вместо крикета в бейсбол, так почему бы не я?

– Ты хороший мальчик, – засмеялась миссис Бейли. – Именно таким по рассказам Кейт я тебя и представляла себе.

Она стояла у открытой двери и смотрела, как он идет по залитой солнцем улице.

Было почти три часа – время закрываться, – и закусочная «Кингс армз» уже опустела, только один старик дремал за маленьким круглым столиком над кружкой пива. Кейт мыла стаканы, а мужчина в фартуке расставлял бутылки.

Уэсли молча стоял у стойки, ожидая, когда Кейт оторвется от своей работы. Наконец она, не оборачиваясь, спросила:

– Что вам угодно, сэр?

Уэсли засмеялся.

– Уэсли! – воскликнула она. – Сколько же времени ты здесь стоишь?

– Пятнадцать минут. Умираю от жажды.

– Хочешь пива?

– Нет. Я просто хочу посмотреть на тебя.

– Я ужасно выгляжу.

– Ну что ты. – Она почти совсем не изменилась, только лицо и грудь пополнели да загар стал бледнее. – Ты очень красивая.

Она серьезно посмотрела на него.

– Это неправда, но все равно приятно.

Часы над стойкой пробили три, и Кейт громко сказала:

– Время, джентльмены, прошу вас.

Старик за столиком встрепенулся, допил пиво и ушел.

Кейт вышла из-за стойки и остановилась перед Уэсли.

– Я так рада снова тебя видеть. – Она обняла его и поцеловала. – Как ты узнал, где меня найти?

– Я был у тебя дома.

– Видел малыша?

– Да. Мировой парень.

– Ну, не такой уж мировой, но ничего. – Уэсли видел, что она довольна. – Подожди, я сейчас накину пальто, мы выйдем на улицу, и ты расскажешь, как ты жил все это время. – Выходя, она крикнула мужчине за стойкой: – До шести, Элли.

Мужчина что-то пробурчал в ответ.

– Красивый городок, – сказал Уэсли на улице. – Должно быть, здесь

приятно жить.

– Бат видел и лучшие дни. – Она пожала плечами. – Раньше сюда приезжало высшее общество – пили воды, выдавали замуж дочерей, играли в казино. А теперь здесь больше туристы, и иногда кажется, что живешь в музее. Не знаю, куда теперь ездит высшее общество. И осталось ли оно вообще на свете.

– Скучаешь по Средиземному?

– Кое по чему да... а по остальному нисколько, – ответила она, задумчиво глядя перед собой. – Давай не будем об этом говорить. Ты лучше расскажи о себе.

Уэсли рассказывал долго, и за это время они прошли почти весь город, из конца в конец. Он начал с Индианаполиса, и Кейт, слушая его, печально качала головой. Когда Уэсли перешел к людям, с которыми он встречался и разговаривал об отце, она совсем погрузилась, зато, когда он рассказал, что снимался в фильме, она стала смотреть на Уэсли чуть ли не с благоговением.

– Актер! Вот это да! Ты и дальше будешь этим заниматься?

– Может быть, но потом. Сейчас у меня есть дела в Европе.

– Где это, в Европе? – подозрительно спросила Кейт. – Уж не в Канне ли?

– Да, в Канне.

Она кивнула.

– Кролик боялся, что рано или поздно этого не миновать.

– Рано или поздно.

– Мне бы тоже хотелось отомстить всему этому проклятому миру, а я вот подаю пиво в баре. У мести где-то должен быть конец.

– Но прежде у нее должно быть начало.

– А если тебя убьют, кто отомстит? – В ее голосе теперь звучала горечь.

– Об этом придется думать уже кому-то другому.

– Я не собираюсь с тобой спорить. Ты слишком похож на своего отца. Того, если он что задумал, отговорить было невозможно. Желаю тебе удачи. А что ты будешь делать потом?

– Об этом я тоже думал. На деньги, которые я получу в наследство, и на то, что смогу заработать в кино, через пару лет я куплю яхту, что-нибудь вроде «Клотильды», я тоже буду возить пассажиров.

Кейт нетерпеливо замотала головой.

– Ты не Том, а его сын. Живи своей жизнью, Уэсли.

– Это и будет моя жизнь. Я даже подумал о том, что ты, может быть, захочешь стать моим компаньоном, а то и членом команды. К тому времени, когда мы сумеем купить яхту, малыш... Томми... он уже достаточно подрастет, и его можно будет взять с собой и...

– Мечты. Старые мечты.

Они молча прошли еще с полквартила.

– Я должна тебе кое-что сказать, Уэсли. Про деньги. У меня их больше нет.

– Кончились? – недоверчиво переспросил Уэсли. – При том, как ты живешь...

– Я знаю, как я живу, – сказала она с горечью. – Я живу как идиотка. Есть

один человек, который говорит, что хочет на мне жениться. У него в Бате свое дело, небольшая контора по доставке грузов. Он попросил у меня денег, чтобы спастись от банкротства.

– И ты все ему отдала?

Она кивнула.

– Я думала, что люблю его. Ты должен меня понять. Я не могу жить одна, без мужчины. Мы видимся с ним почти каждый день после закрытия бара. Сегодня он тоже ждет меня, а когда я скажу ему, что провела это время с сыном Тома, он будет в ярости. Он ведь даже не смотрит на малыша, когда заходит за мной.

– И ты хочешь выйти замуж за такого человека?

– Он не был таким, пока не разорился. До этого он был добрый, ласковый. Со мной, с матерью, с малышом... – Она вздохнула. – Ты еще молод. По-твоему, на свете есть только черное и белое... Ну, так я тебе сейчас кое-что скажу. Для женщины моего возраста, с ребенком, некрасивой, всю жизнь занятой самой черной работой, это не так просто. – Она посмотрела на часы. – Уже почти пять. Я во время перерыва стараюсь хоть час провести с Томми.

Они молча шли к дому ее матери. Перед домом стояла машина, за рулем сидел мужчина.

– Это он, – сказала Кейт. – Ждет и злится.

Когда Уэсли и Кейт подошли к дому, человек вышел из машины. Это был высокий плотный мужчина с красным лицом, от него пахло спиртным.

– Где ты, черт побери, шляешься? – сказал он громко. – Я с трех часов тебя жду.

– Я немного прошлась с этим молодым человеком, – спокойно ответила она. – Гарри, это Уэсли Джордах, он приехал меня повидать. Гарри Доусон.

– Немного прошлась, да? – переспросил Доусон и с силой ударил ее по лицу. Это произошло так быстро, что Уэсли не успел ничего сообразить. – Я научу тебя, как немного пройтись, – выкрикивал Доусон, снова поднимая руку.

– Одну минутку, приятель, – сказал Уэсли и, схватив его за руку, оттолкнул от Кейт.

– Пусти, сволочь... янки паршивый! – прошипел Доусон, стараясь освободиться.

– На сегодня ты драться кончил, мистер. – Уэсли отталкивал Доусона плечом все дальше. Но тут Доусон вырвал руку и ударил Уэсли по голове. Уэсли покачнулся, но удержался на ногах и двинул Доусона в челюсть. Доусон повалился на него, и они оба упали на мостовую. Уэсли получил еще два удара по голове, но затем ударил Доусона коленом в пах и начал молотить его кулаками по лицу. Доусон лежал, обмякший, на мостовой, и Уэсли, встав, дважды злобно пнул Доусона ногой в голову.

Во время драки Кейт стояла, согнувшись, не произнося ни слова, но теперь она подбежала к Уэсли и, обхватив руками, стала оттащить от лежавшего на земле Доусона.

– Хватит, остановись, – кричала она. – Ты что, хочешь его убить?

– Именно этого я и хочу, – сказал Уэсли, дрожа от ярости. Однако из рук

Кейт вырваться не стал.

– Он тебя сильно ударил? – спросила она, все еще не отпуская его.

– Не-ет, – сказал он, хотя голова у него гудела. – Ничего особенного. Можешь меня отпустить. Я не трону твоего приятеля.

– Уэсли, – быстро проговорила Кейт, – тебе надо отсюда немедленно убираться. Садись на первый же поезд и уезжай в Лондон. Когда он встанет...

– Он ничего больше не сделает – он свое получил.

– Он вернется и приведет своих дружков. И они придут не с пустыми руками. Уходи, я тебя прошу, уходи сейчас же...

– А как же ты?

– Обо мне не беспокойся. Со мной ничего не случится. Только уезжай.

– Я не могу оставить тебя с этим ворюгой. – Он поглядел на Доусона – тот шевельнулся, хотя глаз не открывал.

– Он ко мне больше не подойдет. Я с ним покончила.

– Ты это говоришь только для того, чтобы я поскорее уехал?

– Клянусь тебе, это правда. Если он только попытается ко мне подойти, я напущу на него полицию. – Она поцеловала Уэсли в губы. – До свиданья, Томми.

– Томми? – засмеялся Уэсли.

Кейт тоже засмеялась, смущенно прикрыв лицо рукой.

– Слишком много событий за один день. Береги себя, Уэсли. Жаль, что тебе пришлось впутаться в эту историю. А теперь иди.

Уэсли посмотрел на Доусона. Тот пытался сесть, бормоча что-то окровавленными губами. Уэсли опустил на колени и схватил его за галстук.

– Слушай, ты, обезьяна, – сказал он, наклонившись к распухшему уху Доусона, – если я узнаю, что ты ее тронул, я вернусь. И то, что ты получил сегодня, – это еще цветочки по сравнению с тем, что будет потом. Понял?

Доусон пробормотал что-то невнятное.

Уэсли поцеловал Кейт в щеку и пошел по улице, не оглядываясь. Голова у него все еще болела, но шел он легко, чувствуя себя с каждым шагом все лучше – воспоминание о драке наполняло его какой-то удивительной умиротворенностью. И в поезде всю дорогу до Лондона он чувствовал себя отлично.

Билли играл с Кармен – на этот раз без всякой злобы, – когда возле корта появился молодой парень с выгоревшими светлыми волосами, в джинсах и с рюкзаком за спиной; он постоял некоторое время, понаблюдав за игрой, затем снял рюкзак и удобно расположился на траве. Путешественники с рюкзаками были необычным явлением в Эль-Фаро, и Билли то и дело на него посматривал. Парень с интересом следил за игрой, однако ни восхищения удачными ударами, ни возмущения ошибками не показывал.

Билли заметил, что у Кармен он тоже вызвал любопытство и она частенько на него посматривала.

– Не знаете, кто это? – спросила она, когда они менялись сторонами.

– Первый раз его вижу, – сказал Билли, вытирая лоб полотенцем.

– Лучше он, чем эта Хитцман, – заметила Кармен. Моника ежедневно появлялась в начале пятого – то есть как только Кармен и Билли выходили на корт – и внимательно следила за их игрой. – В ней есть что-то странное, словно ее интересует не теннис, а мы сами. И интерес этот какой-то нехороший.

– Я занимаюсь с ней каждое утро, – сказал Билли. Его отец, увидев Моника в Брюсселе, тоже говорил, что в ней что-то странное. – Может быть, она решила посвятить себя изучению тенниса.

Они снова начали игру, и Билли выиграл; на этот раз Кармен не обзывала его последним кастратом.

– Спасибо, – сказала она, надевая свитер. – Сегодня было больше похоже на теннис. – Она не пригласила его в бар выпить, а проходя мимо сидевшего на траве парня, улыбнулась ему. Однако на ее улыбку ответа не последовало.

В этот день Билли больше некого было тренировать, поэтому он тоже надел свитер и собрался уходить. Парень встал.

– Мистер Эббот?

– Да. – Билли удивило, что он знает его фамилию. Парень был явно не из тех, кому по карману уроки тенниса в Эль-Фаро.

– Я твой двоюродный брат, – сказал молодой человек. – Уэсли Джордах.

– Вот это да! Я много слышал о тебе. – Они пожали друг другу руки. Рука у двоюродного брата была твердая и сильная.

– Я тоже много о тебе слышал.

– Что-нибудь хорошее?

– Не особенно, – усмехнулся Уэсли. – Ты, однако, здорово играешь в теннис.

– Роузволл⁴⁸ может спать спокойно, – скромно сказал Билли, хотя комплимент был ему приятен.

– И девушка тоже, – сказал Уэсли. – Она неплохо играет, верно?

– Она в хорошей форме.

– Если все твои ученицы так выглядят, то ты неплохо устроился.

– Они не все так выглядят. А где ты остановился?

– Нигде. Езжу с места на место.

– А сюда зачем приехал?

– Посмотреть на тебя, – серьезно ответил Уэсли.

– На меня?

– Я решил наконец посмотреть на второго представителя молодого поколения Джордахов.

– Ну и как?

– У тебя хорошая подача, и ты прилично играешь у сетки. – Оба засмеялись.

– Ну, это еще ничего, – сказал Билли. – Послушай, я просто умираю от жажды. Пойдем выпьем пива?

– С удовольствием, – сказал Уэсли, скидывая рюкзак на плечи.

---

⁴⁸ Известный австралийский теннисист.

По дороге в гостиницу Билли не без зависти поглядывал на рослого, сильного парня, который так легко вскинул сейчас на плечи рюкзак, но все равно кузен ему определенно нравился.

– Мой... наш дядя Рудольф говорит, что ты знал моего отца, – сказал Уэсли.

– Я видел его всего один раз. Еще мальчишкой. В доме у бабушки – мы ночевали в одной комнате.

– Ну и как он тебе показался? – спросил Уэсли подчеркнуто безразличным тоном.

– Он мне понравился. Рядом с ним все остальные казались неженками. И мне хотелось жить так же, как он, – драться, плавать по морям в дальние края. Потом, – Билли улыбнулся, – он не спал в пижаме, как все остальные. Это стало для меня, наверно, каким-то символом свободной жизни.

– Ты, наверно, был странным парнишкой, – засмеялся Уэсли.

– Не таким уж и странным, – ответил Билли.

Они вошли в бар и заказали два пива.

В баре вместе с отцом сидела Кармен. Она с любопытством поглядела на вошедших, но больше ничем своего интереса не выразила.

– А получилось так, – продолжал Билли, – что я ни разу ни с кем не дрался, нигде не был и всегда сплю в пижаме. – Он пожал плечами. – И еще меня поразило, что у твоего отца был пистолет. Вот это да, подумал я, по крайней мере в семье есть хоть один настоящий человек. Не знаю только, зачем он был ему.

– А ни за чем. Когда пистолет понадобился, его не оказалось под рукой.

Они помолчали.

– Мне очень жаль, Уэсли, – мягко сказал Билли, – что все так произошло.

– Да-а-а.

– А какие у тебя планы? В данный момент и вообще.

– Пока никаких. Посмотрим, что подвернется.

У Билли было такое впечатление, что какие-то планы у Уэсли есть, но обсуждать этот вопрос ему не хочется.

– Мать считает, что тебя в кино ждет большое будущее.

– Я готов принять предложение, но не сейчас. Подождем, посмотрим, как пройдет картина.

– Мать пишет, вашу картину хотят послать на фестиваль в Канн.

– Это для меня новость, – сказал Уэсли. – Я рад за тетю Гретхен. Она женщина стоящая. Пора бы тебе относиться к ней помягче. Будь она моей матерью, я бы сделал для нее все, что в моих силах. Слушай, а почему бы тебе не навестить ее в Канне?

– Неплохая мысль, – задумчиво проговорил Билли. – А ты туда собираешься?

– Да. У меня там еще и другие дела.

– Давай поедем вместе на машине? Когда фестиваль?

– В конце мая.

– То есть через полтора месяца. Отличное время для поездки.

- А тебя отпустят?
- Ты слышал о «теннисном локте»? – усмехнулся Билли.
- Слышал.
- Ну вот, мне кажется, у меня скоро будет приступ, а это значит, по крайней мере две недели полного покоя. А ты чем будешь заниматься?
- Не знаю, – пожал плечами Уэсли. – Покручусь немного тут, если не возражаешь. Может, поучусь у тебя играть в теннис, а может, поработаю на пристани.
- Как у тебя с деньгами?
- Пока кое-что есть, – сказал Уэсли, – но немного денег не помешало бы.
- Тут в бассейне работал один парень – чистил его, вытаскивал матрасы и спасателем еще подрабатывал, так вот, он два дня назад уволился. Ты плавать умеешь?
- Вполне прилично.
- Хочешь, я спрошу про это место?
- Это было бы здорово.
- У меня в комнате две кровати. Так что можешь располагаться.
- А разве у тебя нет девушки?
- В данный момент нет, – сказал Билли. – И пока не предвидится.
- Я не хочу тебя стеснять.
- Двоюродные братья для того и существуют, – сказал Билли, – чтобы стеснять друг друга.

На следующий день Уэсли начал работать в бассейне, а вечером при свете фонарей Билли учил его играть в теннис. Уэсли был прирожденным атлетом с отличной реакцией и скоро превзошел остальных учеников Билли. Он играл с упоением, забывая обо всем на свете. Билли гордился успехами своего ученика, но сдержанная ярость в игре Уэсли вызывала у него растерянность, и временами ему хотелось сказать: «Опомнись, ведь это всего лишь игра». У него было такое, не дававшее ему покоя чувство, что игра в обычном понимании этого слова в жизни его двоюродного брата Уэсли полностью отсутствовала.

Билли наслаждался обществом Уэсли и скоро обнаружил, что он идеальный сосед, умеющий поддерживать образцовый порядок, что было приятно после беспорядочного хозяйствования Моники. Управляющий гостиницей был доволен Уэсли и поздравил Билли с удачной находкой. После того как Билли представил Уэсли Кармен, ее отношение к нему изменилось, и она вскоре стала приглашать их обоих ужинать в маленький ресторанчик неподалеку от порта, когда отца в отеле не было. Уэсли держался с Кармен спокойно и вежливо, и Билли обнаружил, что Кармен, которая до сих пор плаванием не увлекалась, теперь почти все утро проводит в бассейне. А узнав, что мать Билли была режиссером фильма, в котором снимался Уэсли, Кармен начала проявлять к нему даже признаки уважения и, когда в городе шла интересная, на ее взгляд, картина, приглашала их обоих в кино. Ей нравились фильмы, где проливалось много крови и был печальный конец, и она часто

выходила из кинотеатра заплаканная.

После двух недель занятий Моника сообщила Билли, что на следующее утро она уезжает. Но, добавила она, давая ему щедрые чаевые, она непременно вернется; однако точной даты не назвала.

– Мы будем рады снова увидеться с тобой, – сказала она, не уточняя, кого она имеет в виду.

– А тебе не интересно узнать, что произошло на улице Гро-Кайю? – спросил Билли.

– Я знаю, что произошло на улице Гро-Кайю. Там по ошибке убили не того человека. И еще нескольких.

– Я тебе звонил.

– Ты забыл оставить свой адрес. Не повторяй ту же ошибку снова. Ты так и собираешься всю жизнь оставаться тренером по теннису в этой несчастной стране?

– Не знаю.

– Где ты познакомился с парнем, который работает в бассейне?

– Он просто забрел сюда в один прекрасный день, – солгал Билли. Он никому не говорил, что Уэсли его двоюродный брат: ему не хотелось, чтобы Уэсли связался с Моникой.

– Я тебе не верю, – спокойно сказала Моника.

– Ничем не могу помочь.

– У него хорошее лицо. Сильное и неистовое. Как-нибудь я должна с ним серьезно поговорить.

– Оставь его в покое.

– Пожалуйста, запомни, я в твоих указаниях не нуждаюсь.

– Запомнил. И не только это. Еще целую кучу вещей. Некоторые из них восхитительны. Как у тебя сейчас с памятью?

– Плохо. Очень плохо. Благодарю вас за терпение, проявленное по отношению ко мне на корте, хоть оно и не очень пошло на пользу, верно?

– Совсем не пошло. Ты безнадежна.

– Надеюсь, вы добьетесь больших успехов с другими учениками. Например, с этой испанской шлюхой. Сколько она платит вам? Вы ведь при ней в качестве жиголо? А в Испании жиголо должен быть членом профсоюза?

– Я не обязан выслушивать подобную мерзость, – сказал он сердито.

– Через несколько лет придется привыкнуть. Adios,⁴⁹ крошка.

Он посмотрел ей вслед, потом дрожащими руками положил в карман чаевые и взял ракетку. И все же его не оставляла надежда, что Моника вернется, скажет, в каком она номере, и пригласит зайти после полуночи.

Две недели спустя Уэсли сидел за столом в их номере и писал письмо. Билли одевался, собираясь пойти на вечер фламенко. По этому случаю были приглашены цыгане, а гостей просили прийти в испанских национальных

---

⁴⁹ Прощай (исп.).

костюмах. Билли купил себе нарядную рубашку с кружевами на груди и попросил у одного из музыкантов оркестра узкие черные брюки, курточку болеро и туфли на более высоком, чем обычно, каблуке. Уэсли тоже был приглашен, но решил вместо танцев заняться письмами и добавил, что в таком наряде чувствовал бы себя настоящим идиотом.

Утром он получил письмо от Гретхен, в котором она сообщала, что «Комедия реставрации» представлена на Каннский фестиваль, и просила его туда приехать, чтобы разделить славу. Вместе с ней и Дэвидом Доннелли поедет Рудольф. Постарается приехать хотя бы на три дня и Фрэнсис Миллер. Эти две недели обещают быть интересными. Она очень рада, что они с Билли наконец познакомились и понравились друг другу. Дальше Гретхен выражала надежду, что ему удастся повлиять на Билли и убедить его тоже приехать в Канн.

– Билли, – сказал Уэсли, – я пишу письмо твоей матери. Она просит нас обоих приехать в Канн. Что ей ответить?

– Напиши... – Билли задумался; одна туфля была уже надета, вторая стояла на полу, – напиши ей... приедем, а почему бы и нет?

– Она обрадуется.

– Ладно, – сказал Билли, всовывая ногу в другую туфлю и вставая, – я полагаю, раз в десять лет человек может доставить удовольствие собственной матери. Как я выгляжу?

– По-идиотски.

– Так я и думал. Ну, я пошел к цыганам.

– Желаю повеселиться.

– Если к утру я не вернусь, значит, меня похитили. От этих цыган можно всего ожидать. Выкупа больше тринадцати с половиной долларов не давай.

И вышел, насвистывая арию тореадора из «Кармен».

Цыгане были превосходны, гитары и кастаньеты зажигали в крови огонь, музыка и пение наполняли сердце грустью, заставляли его трепетать в ожидании любви, танцоры плясали гордо и темпераментно, а вино лилось рекой. И снова, как в тот первый день в Испании, Билли почувствовал, что он оказался в стране, которая словно создана для него.

Один из танцоров подошел к Кармен и пригласил ее. Она танцевала с удовольствием и очень легко – не хуже профессиональной танцовщицы, решил Билли; ее длинные блестящие волосы развевались, лицо по обыкновению выражало гордое презрение. Вот танец окончился, и гости, в том числе и Билли, громко зааплодировали. И тут, вместо того чтобы снова сесть, Кармен подошла к нему и подняла его с места. Под общий смех и хлопки Билли начал с ней танцевать, слегка пародируя движения цыган.

Когда танец кончился, Кармен наградила взмокшего Билли поцелуем.

– Я хочу на воздух, – сказал он. Они вышли на террасу. Небо было тревожным и темным, черные рваные тучи то и дело закрывали луну.

– Ты был неподражаем, – сказала Кармен.

Билли обнял ее и поцеловал.

– Позже, – прошептал он, – я приду к тебе.

Она замерла в его объятиях, а затем оттолкнула его.

– Я готова танцевать с тобой, – холодно сказала она, – играть в теннис и спорить. Но мне бы в голову не пришло отдаться тебе...

– Но ты на меня так посмотрела...

– Во время танца все так смотрят, – сказала она, с презрением вытирая рот. – Только поэтому. Уж если я и соберусь кому-то здесь отдаться, так это тому парню, что работает в бассейне.

– Понятно, – ответил он хриплым от злости и разочарования голосом. – Хочешь, чтобы я ему об этом сказал?

– Скажи. – Вот до чего уже дошло.

– Так и сделаю. Как всегда, к вашим услугам, мадам.

– Мой номер триста один. Не забудешь?

– Буду помнить до гробовой доски.

Она засмеялась. Смех был не из приятных.

– Мне пора обратно. Все видели, как мы выходили вместе. Вы, наверное, знаете, что Испания – отсталая страна, где придается огромное значение соблюдению приличий. Вы идете со мной?

– Нет. Мне ведь надо выполнить поручение. А затем я собираюсь спать.

– Приятных сновидений. – Она повернулась и направилась в зал навстречу музыке.

А он медленно побрел к себе, внезапно ощутив всем телом ночную прохладу. Опасайся сеньорит, писал ему отец. Старик знал, о чем говорил.

Когда Билли вошел в номер, Уэсли спал. Он спал беспокойно, ворочаясь и вздрагивая, и время от времени стонал, словно какая-то неутолимая боль, которую ему удавалось отогнать от себя или не замечать днем, ночью целиком овладевала им. Билли смотрел на своего новообретенного двоюродного брата, не зная, жалеет ли он его, любит или ненавидит.

Он собирался раздеться и лечь спать, предоставив Уэсли его мрачным сновидениям, но потом подумал: ну какого черта, мы же из одной семьи – и начал расталкивать Уэсли.

– В чем дело? – встрепнулся Уэсли.

– У меня для тебя новость. В номере триста один тебя ждет дама. Ее зовут Кармен. Она просила меня передать это тебе лично.

– Ты шутишь. – Уэсли окончательно проснулся.

– Никогда в жизни не говорил более серьезно.

– Что это ее так воспламенило?

– Я бы на твоём месте не задавал вопросов, а ковал железо, пока горячо. Ты сам говорил, какая она красивая.

– Я ее не люблю, – сказал Уэсли обиженно, точно маленький мальчик, которого впервые заставляют делать что-то очень неприятное; Билли вспомнил, что между ними разница в семь лет. – Наверное, это глупо. Но не могу. Я влюблен в одну необыкновенную девушку. Она в Нью-Йорке. Может быть, скоро она приедет в Европу. Мне наплевать, что эта дама обо мне подумает, – добавил он вызывающе, – я буду ждать мою девушку.

– Потом пожалеешь, – предупредил Билли.

– Никогда. Кармен тебе ведь тоже нравится, и ты знаешь ее гораздо лучше – почему бы тебе не пойти!

– Она ясно дала понять, что меня она не ждет. Ну ладно, я свою обязанность выполнил и ложусь спать... Спокойной ночи, Уэсли. У тебя было серьезное испытание, и тебе нужен отдых.

– Да-а. Выключи ты этот чертов свет.

Билли протянул руку и погасил свет. Он долго лежал с открытыми глазами и смотрел в темный потолок. Через пять минут он услышал ровное дыхание Уэсли, изредка прерываемое тихим стоном: у парня снова начались кошмары. Билли лежал без сна до тех пор, пока в комнате не забрезжил рассвет. Издали все еще доносились звуки музыки. В Испании, подумал он, это время отведено для секса.

На следующий день ровно в четыре Кармен появилась на корте. У нее был спокойный и отдохнувший вид. Им предстояла парная игра. Партнеры уже ждали, и Кармен приветствовала их и Билли одинаково сияющей улыбкой. Оба партнера были мужчины, но играли значительно слабее Кармен, поэтому они с Билли оказались на разных сторонах площадки. Кармен превзошла себя, и ее противникам пришлось порядком побегать. При счете 4:4 после долгого обмена ударами она дала свечу над головой Билли. Отбегая назад, он заметил на ее лице ироническую усмешку, высоко подпрыгнул, успел принять мяч и с лета злобно погасил, стараясь, чтобы он упал у ног Кармен и она не смогла его отбить, но она бросилась к сетке, споткнулась, и мяч угодил ей в глаз. Кармен вскрикнула, уронила ракетку и закрыла глаз руками.

О господи, подумал Билли, перепрыгивая через сетку и устремляясь к ней, только этого мне еще не хватало.

Лицо доктора было серьезным. Глаз в опасности, сказал он. Кармен должна немедленно ехать в Барселону к опытному специалисту. Возможно, придется делать операцию.

– Я прошу вас простить меня, – сказал Билли, когда они возвращались от доктора в гостиницу.

– Вам не за что просить у меня прощения, – твердо сказала Кармен, хотя он видел, что ей очень больно. – Это не ваша вина. Мне не надо было бросаться к сетке. Я хотела спровоцировать вас, чтобы вы промазали. Вы и думать не должны, будто в чем-то виноваты.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку. На этот раз она его не оттолкнула.

Но что бы там ни говорилось. Билли знал, что виноват, что, если бы не вчерашний вечер, он никогда бы не погасил мяч с такой силой.

На следующее утро его вызвал к себе управляющий.

– Молодой человек, кажется, вы переусердствовали. Мне только что звонил ее отец. Специалист считает, что операции можно избежать и, по-видимому, все обойдется, но отец просто в бешенстве. Что касается меня, то я нанимал вас вовсе не для того, чтобы вы увечили моих постояльцев. Отец

требует, чтобы я вас уволил, и, хотя дочь тоже звонила мне и говорила, что она никогда мне этого не простит, я, к сожалению, вынужден удовлетворить желание отца. Так что собирайтесь и уезжайте. И чем скорее, тем для вас же лучше. – Управляющий достал из ящика стола конверт и протянул его Билли. – Здесь ваше месячное жалованье. Никаких вычетов я не делал.

– Благодарю вас, – скромно сказал Билли.

– Жаль, что вы уезжаете. Вы здесь всем очень нравились. – Управляющий пожал ему на прощанье руку.

Направляясь к бассейну, чтобы рассказать Уэсли, что произошло. Билли вспомнил слова отца о невезении, которое преследует Джордахов. Правда, его фамилия Эббот, а не Джордах, но это не имеет значения.

В тот же день в открытом «пежо», пригреваемые ласковым солнцем, они уже ехали во Францию. Билли пытался убедить Уэсли, что глупо ему бросать работу, но Уэсли с ним не согласился, а Билли не слишком настаивал. Он привязался к двоюродному брату, и перспектива совместного автомобильного путешествия по весенней Испании и Франции была весьма заманчива. Они ехали не спеша, осматривали достопримечательности, обедали в тени оливковых деревьев на обочине или у виноградников. Еда их состояла из колбасы, простого деревенского хлеба и бутылки вина. Мячи и ракетки они взяли с собой, и почти в каждом городке им удавалось найти корт и сыграть несколько партий.

– Если будешь тренироваться, – говорил Билли, – то через два года сможешь меня побить.

Чем дальше забирались они на север, тем больше Билли радовался, что они покинули Эль-Фаро. Ему было жаль расставаться с Испанией, зато теперь не придется каждый день думать о том, что перед ним в любой момент может появиться Моника со своими туманными намеками на будущие неприятности и полнейшим отсутствием способностей к теннису.

Уэсли стал откровеннее и рассказал ему о встречах с людьми, знавшими его отца, и о своем визите в Бат. О драке с Доусоном он умолчал и говорил только о Кейт и с чувством нежности – о своем маленьком единокровном братишке.

– Такой симпатичный малыш. Сильный, как молодой бычок. Наверное, вырастет, будет похож на своего... нашего отца. И он по-настоящему счастлив.

– А вот ты, по-моему, нет, – сказал Билли. – Ты молодой, сильный, красивый парень, мать пишет, что тебя ждет прекрасная карьера, если ты только этого пожелаешь, а на счастливого парня ты не похож.

– Я вполне счастлив, – уклончиво ответил Уэсли.

– Во всяком случае, когда ты спишь, этого сказать нельзя. Почему ты всю ночь стонешь?

– Просто мне снятся дурные сны. Это ничего не значит.

– Психиатры так не считают.

– А ты? – неожиданно спросил Уэсли.

– А я считаю, что тебя что-то гложет. Что-то страшное. Если бы ты об этом

рассказал, тебе, наверное, стало бы легче.

– Может, когда-нибудь и расскажу, только не сейчас. Давай переменим тему.

Переехав французскую границу, они остановились на первый ночлег в маленькой приморской гостинице в городе Порт-Вандр.

– У меня блестящая идея, – сказал Билли. – Нас ждут в Канне только через две недели. Почему бы нам не махнуть в Париж и не погулять там?

– Нет, – покачал головой Уэсли. – Я должен ехать в Канн. Я все откладывал, а теперь пора.

– Зачем?

Уэсли как-то странно посмотрел на Билли.

– Мне надо повидаться с Кроликом – он ходил со мной на «Клотильде»... он сейчас в Сен-Тропезе. У него могут быть для меня важные сведения. Ты поезжай в Париж, а я на попутных машинах махну прямо туда.

– Какие сведения?

И снова Уэсли странно посмотрел на него.

– Я разыскиваю одного человека, и Кролик может знать, где его найти. Только и всего.

– А не может этот человек подождать пару недель?

– Он и так уже слишком долго ждет.

– А кто это?

– Это человек, из-за которого я так плохо сплю. Я каждую ночь вижу его во сне. Мне снится, что я всаживаю в него нож – снова и снова, а он не падает, стоит и смеется мне в лицо... Когда я просыпаюсь, у меня в ушах все еще звучит его смех.

– Ты узнаешь его? Я имею в виду – узнаешь во сне?

Уэсли медленно кивнул.

– Это человек, убивший моего отца.

Уэсли произнес это таким тоном, что Билли стало жутко.

– Что же ты собираешься делать, когда его найдешь?

Уэсли глубоко перевел дух.

– Рано или поздно все равно придется кому-нибудь об этом сказать, так почему бы не тебе. Я собираюсь его убить.

– О господи!

Они сидели молча и смотрели на море.

– И как ты собираешься это осуществить? – наконец спросил Билли.

– Не знаю, – пожал плечами Уэсли. – Придет время, тогда и решу. Может быть, ножом.

– А пистолет у тебя есть?

– Нет.

– А у него может быть?

– Вполне.

– Значит, тебя убьют.

– Постараюсь, чтобы этого не случилось, – мрачно сказал Уэсли.

– Ну а если тебе удастся его прикончить, тебя тут же начнет разыскивать

полиция, ты это понимаешь?

– Допустим.

– В лучшем случае отделаешься двадцатью годами. Тебе так хочется сесть в тюрьму?

– Нет.

– И все же ты хочешь поехать в Канн и сделать это?

– Да.

– Послушай, Уэсли, – сказал Билли, – я не допущу, чтобы ты очертя голову шел на смерть. Я тебе помогу.

– Как?

– Прежде всего у меня в Париже спрятан пистолет с глушителем.

– Он может пригодиться, – согласился Уэсли.

– Я мог бы помочь тебе составить план... убийства. – Билли споткнулся на этом слове. – Я все же прошел солдатскую подготовку и знаю, как обращаться с оружием. Потом, я гораздо лучше тебя говорю по-французски. Я тебе сейчас кое-что скажу, о чем ты не должен говорить ни одной живой душе: когда я был в армии, я вступил в террористическую группу в Брюсселе...

– Ты? – недоверчиво переспросил Уэсли.

– Да, я. И участвовал во взрыве испанского туристического агентства в Амстердаме. Я умею собирать бомбы. Лучшего помощника в этом деле тебе не найти! Мы вот что сделаем: пока ты будешь добираться до Сен-Тропеза, я съезжу в Париж, возьму пистолет и встречу с тобой либо в Сен-Тропезе, либо в Канне. Ну как, согласен?

Уэсли задумчиво поглядел на Билли.

– А ты не обманешь?

– Ты что? – обиделся Билли. – Никогда в жизни. А что, собственно, ты теряешь? Через несколько дней я приеду. Привезу пистолет. И достаточно патронов, чтобы ты смог попрактиковаться. Это похоже на обман?

– Пожалуй, нет. Ладно. Сообщи, где ты остановишься в Париже, и я тебе позвоню и скажу, где меня найти.

– Хорошо бы выпить, а? – сказал Билли.

– Да, пожалуй, – согласился Уэсли.

На следующий день они вместе доехали до Нима, где Билли должен был повернуть на север, к Парижу. Поставив машину на обочину в тени тополя. Билли молча сидел за рулем; Уэсли вытащил рюкзак и закинул его на спину. Они договорились, что Билли телеграфирует ему до востребования в Сен-Тропез и сообщит, в какой гостинице в Париже он остановился.

– Ну, пока, – сказал Уэсли, – смотри в оба.

– И ты тоже, – ответил Билли. – Ты без меня ничего не выкинешь?

– Нет. Обещаю. – Они пожали друг другу руки. – Я буду скучать без тенниса.

– Помни, что во французских тюрьмах в теннис не играют.

– Буду помнить, – сказал Уэсли и сделал шаг назад.

Билли включил мотор, помахал рукой, и автомобиль выкатился на дорогу.

В зеркале заднего обзора видна была высокая худощавая фигура, зашагавшая в направлении Канна.

В Париже Билли снял номер в гостинице на Левом берегу и сразу же заказал разговор с Америкой. Услышав голос Рудольфа, Билли сказал:

– Дядя Рудольф, это Билли Эббот. Я в Париже в гостинице «Аламбер». Мне срочно нужна ваша помощь. С Уэсли может произойти нечто ужасное... и со мной тоже, если... – Он замолчал.

– Если что, Билли?

– Если мы кое во что не вмешаемся. Это не телефонный разговор.

– Завтра я буду в Париже.

– Слава богу! – сказал Билли. – Это самое приятное, что я мог услышать.

Он устало лег на кровать и через минуту уже крепко спал.

9

– А теперь, Билли, – сказал Рудольф, когда они свернули на автостраду, ведущую из аэропорта в Париж, – объясни мне, в чем дело.

– Дело в Уэсли, – сказал Билли, осторожно ведя машину. Шел дождь, и огни вечернего потока машин отражались на мокрой поверхности дороги. – Он сейчас на юге Франции, разыскивает убийцу.

Рудольф сдвинул шляпу на затылок и провел рукой по лбу, словно прогоняя боль.

– Откуда ты знаешь? – глухим голосом спросил он.

– Он сам рассказал. Мы подружились в Испании. Мы жили в одном номере. Когда он спал, можно было подумать, что он лежит в одиночном окопе, а вокруг все ближе и ближе рвутся снаряды. Я понял: парня что-то гложет. В конце концов я спросил его, и он мне все рассказал.

– Ты считаешь, он говорил серьезно?

– Конечно, серьезно. Он не из тех, кто шутит. Он даже в теннис играет так, что смотреть жутко. Я таких никогда еще не встречал, даже среди бывалых мужчин.

– А он в своем уме?

– Во всем, кроме этого.

– Почему ты не остался с ним? – осуждающе спросил Рудольф.

– Ну... – смущенно протянул Билли. – Это вторая половина истории. Я обещал ему помочь.

– Как?

Билли неловко заерзал на сиденье и перехватил руль.

– Обещал принять в этом участие и придумать что-нибудь такое, чтобы нас не поймали. Учитывая мою военную подготовку и тому подобное.

– Ну а ты-то в своем уме? – резко спросил Рудольф.

– Я всегда считал, что да.

– И ты действительно собирался выполнить свое обещание?

– Даже не знаю. Одного его я, конечно, не брошу. Вы разговариваете со

мной, словно полицейский, который допрашивает заключенного.

Рудольф безнадежно махнул рукой.

– Два идиота. Два молодых дурака с одного дерева.

– Это у нас семейное, – сказал обиженно Билли. – Добро пожаловать, дядюшка, в страну дураков, в ее европейское отделение.

– А почему ты сидишь в Париже, когда он там затевает черт знает что? – Рудольф злился все больше.

– Я сказал ему, что в Париже у меня есть пистолет с глушителем, и обещал его привезти.

– И он у тебя *в самом деле есть* ?

– Да.

– Чем, черт подери, ты тут занимался последние годы?

Билли опять неловко заерзал на сиденье.

– Я предпочел бы об этом не говорить. Лучше и для вас... да и для меня... если вы не будете знать.

Рудольф сделал глубокий вдох, затем шумно выдохнул.

– Тебя разыскивает полиция?

– Нет. Мне по крайней мере об этом неизвестно, – сказал Билли, довольный тем, что сидит за рулем и не видит выражения дядиного лица.

Рудольф устало провел рукой по небритой щеке.

– Тебе придется отдать этот пистолет мне.

– Но я обещал Уэсли привезти его через пару дней.

– Послушай, Билли, – сказал Рудольф, стараясь говорить спокойно, – ты ведь сказал, что тебе нужна помощь. Я вылетел первым же самолетом. Ты будешь делать то, что я говорю, или... – Он замолчал.

– Или что?

– Пока еще не знаю. Где сейчас Уэсли?

– В Сен-Тропезе. Мы договорились, что я сообщу ему телеграммой свой парижский адрес, он мне позвонит, и мы условимся, где и когда встретимся на юге.

– Так ты послал телеграмму?

– Сегодня утром.

– Зачем ты так спешил? Почему нельзя было дождаться моего приезда? Пожалуй, было бы лучше, чтобы он не знал, где тебя найти.

– Он и так относится ко мне с подозрением, – защищался Билли. – А если я его обману, он плюнет на меня и займется этим в одиночку.

– Может быть, ты и прав. Он уже звонил?

– Нет еще.

– Отлично. Когда позвонит, не говори, что я здесь. Скажи, что тебе не удалось достать этот проклятый пистолет, что это оказалось не так просто, как ты думал.

– И что это даст?

– А то, что у меня будет время придумать какой-то выход, – сердито сказал Рудольф. – И тебе тоже не мешало бы пошевелить мозгами. А теперь помолчи, пожалуйста. После перелета мне хочется несколько минут спокойно посидеть с

закрытымі іачамі – а вдруг нас с тобой осенит какая-нибудь мысль.

В отеле, прежде чем расстаться, Рудольф сказал:

– Не забудь: завтра пистолет должен быть у меня. И еще одно: чтоб Уэсли его даже не видел.

– Тогда он возьмет нож или дубинку, а то и с голыми руками пойдет. Вы его просто не знаете, – возразил Билли.

– Не знаю, и очень плохо, что начинаю узнавать его именно теперь.

– Послушайте, – сказал Билли, – если вам не хочется впутываться в это дело, я постараюсь справиться сам. Можете считать, что я вам ничего не говорил.

Рудольф задумчиво посмотрел на Билли, словно прикидывая, что его ждет, если он согласится с этим предложением, затем покачал головой.

– Наверно, разыскивать Дановича должен был я. Давным-давно. Только до сегодняшнего вечера мне это не приходило в голову. Нет, считать, что ты мне ничего не говорил, – не решение вопроса. Спокойной ночи. Билли. Если ночью у тебя возникнут идеи, позвони мне. Хорошо поспать все равно вряд ли удастся.

Он снова несколько раз провел рукой по лицу и медленно, тяжелой походкой направился к лифту.

Я ни разу не подумал о его возрасте, упрекнул себя Билли, когда дверца лифта закрылась.

Утром они позавтракали вместе. Лицо у Рудольфа было усталое, под глазами мешки, он ел молча и чашку за чашкой пил кофе.

– Сегодня ты заберешь... этот предмет, – проговорил он наконец, – и отдашь его мне.

– Вы уверены, что хотите... – начал Билли.

– Единственное, в чем я уверен, – огрызнулся Рудольф, – это в том, что не желаю слушать от тебя никаких возражений.

– Ладно, подчиняюсь. – Он произнес эти слова с большим облегчением: ответственность за принятие решения теперь лежала не только на его плечах.

В зал вошел портье и по-французски обратился к Билли:

– Вас просят к телефону в холле, мистер Эббот.

– Спасибо. – Билли поднялся. – Это, наверно, он. Больше никто не знает, что я здесь.

– Будь осторожен и не говори лишнего. Постарайся, чтобы все звучало правдоподобно.

– Постараюсь, но от этого парня можно ожидать чего угодно, – сказал Билли, выходя из ресторана. От кофе у него во рту вдруг стало горько. В холле он вошел в телефонную будку и взял трубку.

– Билли, – услышал он голос Уэсли, приглушенный расстоянием, – ты можешь говорить?

– Не очень.

– Я в отеле «Лэ Пинед» в Сен-Тропезе. Когда ты приедешь?

– Через несколько дней, не раньше, Уэсли. С этим делом возникли

некоторые осложнения. – Звук собственного голоса казался ему фальшивым.
– Какие осложнения? – резко спросил Уэсли.
– Расскажу, когда увидимся.
– Так ты достанешь или нет?
– Обязательно достану. Только на это потребуется еще немного времени.
– Сколько?
– Четыре-пять дней.
– Если ты в ближайшие пять дней не появишься, я уезжаю в Канн, – сказал Уэсли. – Один. Тебе понятно, что я говорю?
– Ты не волнуйся, Уэсли. Я делаю все, что от меня зависит.
– А по-моему, ты тянешь. Билли.
– Ничего я не тяну. Просто возникли некоторые препятствия.
– Все ясно, – сказал Уэсли и повесил трубку.
Билли медленно вернулся в ресторан.
– Он в отеле «Лэ Пинед» в Сен-Тропезе, – сказал он, садясь. – Он недоволен и дал мне пять дней сроку.

Рудольф кивнул.

– Ты не сказал ему, что я здесь?

– Нет.

– Сегодня вечером я уезжаю в Антиб поездом. Я не хочу, чтоб меня осматривали в аэропорту. Если тебе потребуется со мной связаться, я буду в отеле «Коломб д'Ор» в Сен-Поль-де-Вансе.

– Вам ночью пришла в голову какая-то идея?

– Возможно. – Рудольф мрачно улыбнулся.

– Не хотите со мной поделиться?

– Не хочу. Ты сам сказал вчера вечером, что о некоторых вещах не надо говорить. Так будет лучше для нас обоих.

– По части секретов наша семейка любой даст сто очков вперед.

– Да, пожалуй. – Рудольф встал. – Сегодня я собираюсь любоваться Парижем, может, даже схожу в Лувр. Встретимся здесь в пять часов. Не надейся на глупостей до этого времени.

– Постараюсь. Увидимся в пять.

После ухода Рудольфа Билли на такси отправился в банк. Он не хотел, чтобы кто-нибудь обратил внимание на «пежо» с откидывающимся верхом и, чего доброго, записал номер. Он захватил с собой теннисную сумку и, когда служитель в хранилище, открыв оба замка, удалился к своему столу, положил в нее автоматический пистолет и запасные патроны, а также то, что осталось от десяти тысяч франков. Он поднялся наверх, сказал банковскому служащему, что сейф ему больше не нужен, и вернул ключ.

Затем с сумкой в руках, снова на такси, вернулся в гостиницу, положил сумку на кровать и, не сводя с нее глаз, просидел в номере до пяти часов вечера.

Сойдя с поезда, Рудольф окунулся в залитое южным солнцем утро Антиба. Машина, заказанная им в агентстве Хертца, ждала его на вокзале. Расписываясь

у стойки в ее получении, он все время прижимал ногу к стоявшему на полу чемодану.

Подъехав к отелю «Коломб д'Ор», он сам внес чемодан в холл, а сняв номер, пошел следом за носильщиком, чтобы не упускать его из виду.

Когда носильщик ушел, Рудольф позвонил старому адвокату в Антибе и договорился встретиться с ним в одиннадцать часов. Потом побрился, лег в ванну и долго дремал в воде. По нью-йоркскому времени было два часа ночи, и организм его еще не перестроился. Двигаясь словно во сне, он оделся и заказал в номер большую чашку кофе. Это был тот самый номер, где он останавливался раньше. Сюда приходила Жанна, и воспоминания о проведенных с нею часах вызвали к жизни старые желания. Он взял лист бумаги и написал: «Дорогая Жанна! Я снова в нашем отеле, и, может быть, если сейчас ты свободна...» Он не дописал и скомкал листок. Слишком давно. Уже все в прошлом.

В половине одиннадцатого он запер чемодан, спустился вниз, сел в машину и поехал в Антиб.

Старик ждал его за большим полированным столом, а за его спиной в огромном окне, словно на картине, сверкало залитое солнцем ослепительно синее море.

– Здесь можно разговаривать? – спросил Рудольф, садясь.

– Безусловно.

– Я имею в виду – здесь нет магнитофонов в столе или другой аналогичной техники?

– Есть, – признался адвокат, – но он не включен. Я пользуюсь им только по просьбе клиента.

– Надеюсь, вас не обидит, если я попрошу поставить его на стол – для большей верности.

– Как вам угодно, сэр, – холодно отозвался старик. Нахмурившись, он открыл ящик и поставил маленький аппарат на край стола.

Рудольф встал, чтобы взглянуть на него поближе. Магнитофон действительно не был включен.

– Благодарю вас, сэр, – сказал он и снова сел. – Я бы также просил вас не делать никаких записей – ни сейчас, ни после того, как я уйду.

– Хорошо, никаких записей, – кивнул старик.

– Дело, по которому я к вам приехал, очень деликатное. Речь идет о безопасности моего племянника, сына моего убитого брата.

Старик снова кивнул.

– Очень печальная история. Надеюсь, время немного залечило раны...

– Немного.

– И что наследство было разделено с минимальными... э... неприятностями.

– С максимальными, – мрачно ответил Рудольф.

– Увы, – сказал старик, – семейные проблемы...

– Мой племянник сейчас на юге Франции. О том, что я здесь, ему неизвестно, и я предпочел бы, чтобы на данном этапе такое положение сохранилось.

- Очень хорошо.
- Он приехал сюда, чтобы найти Дановича.
- О! – воскликнул старик.
- Он собирается его убить.

Старик закашлялся, словно что-то застряло у него в горле. Он достал большой белый носовой платок и вытер губы.

– Извините меня, – сказал он. – Теперь мне понятно, почему вы назвали дело «деликатным».

– Я не хочу, чтобы он нашел этого Дановича.

– Естественное желание, – отозвался адвокат. – Но чем я могу быть вам полезен?

Рудольф глубоко вздохнул.

– Если Дановича убьют до того, как мой племянник узнает о его местонахождении, то проблема будет решена.

– Понимаю, – задумчиво сказал старик. Он снова закашлялся и вытащил платок. – И как же, по-вашему, я могу помочь вам добиться желаемого результата?

– В свое время, сэр, вы наверняка занимались делами, связанными с определенной средой на этом побережье.

Адвокат кивнул.

– В свое время, – сказал он тихо, – да.

– Если бы вы познакомили меня с человеком, который знает, где находится Данович, и если бы он согласился взять на себя это дело, я был бы готов очень хорошо заплатить за его... услуги.

– Понимаю, – повторил адвокат.

– Естественно, – добавил Рудольф, – я готов перевести значительную сумму и на ваш счет в швейцарском банке.

– Естественно, – согласился адвокат, вздыхая то ли из-за возможности риска, то ли при мысли о значительной сумме в швейцарском банке.

– Это должно быть сделано быстро, – сказал Рудольф. – Мальчик глуп и нетерпелив.

– Я вам сочувствую, мсье Джордах, – кивнул адвокат, – но, как вы понимаете, такие дела не делаются за одну ночь, если делаются вообще.

– Я готов заплатить двадцать тысяч долларов.

И снова адвокат закашлялся. И снова вытирал носовым платком рот.

Долгое время в комнате стояла тишина. Рудольф мучительно раздумывал над тем, что же он делает. Всю жизнь он верил в доброту и порядочность и теперь совершает преступление. Но во имя чего он это делает? Чтобы предотвратить еще большее преступление. Порядочность может оказаться ловушкой, думал он, так же как и множество других благородных слов. Вопрос в том, что для тебя важнее: твои принципы или твоя собственная плоть и кровь!

Не поворачиваясь к Рудольфу, адвокат сказал:

– Я подумаю, что можно сделать. Постараюсь связаться с одним человеком и, если он проявит интерес, попрошу его найти вас. Я надеюсь, вы понимаете, что этим мое участие в деле и ограничится.

– Понимаю, – сказал Рудольф, вставая. – Я остановился в отеле «Коломб д'Ор» в Сен-Поль-де-Вансе. Я буду ждать звонка.

– Я ничего не обещаю, дорогой мсье, – напомнил адвокат. Он повернулся и, стоя теперь спиной к морю, с трудом выдавил из себя улыбку. – Честно говоря, я бы предпочел, чтобы вы убедили своего племянника отказаться от его безрассудного замысла.

– Я бы тоже, но сомневаюсь, что мне это удастся.

– Ох, уж эта молодежь, – хмуро кивнул адвокат. – Ладно, я постараюсь что-нибудь сделать.

– Спасибо. – Рудольф встал. Когда он выходил из кабинета, взгляд адвоката был снова устремлен на море. Прощаясь, они не пожали друг другу руки.

Сила денег, думал Рудольф, проезжая по улицам порта. Интересно, нанял бы Гамлет Розенкранца и Гильденстерна, чтобы убить своего дядю-короля, если бы у него были на это флорины?

Добравшись до «Коломб д'Ор», он позвонил в гостиницу «Аламбер» в Париже. К счастью. Билли был в номере. Рудольф не знал, что после поездки в банк Билли не выходил из гостиницы.

– Билли, у меня все-таки есть надежда. Я ничего не могу тебе сказать, поэтому и не спрашивай – ни сейчас, ни потом. Но все же надежда есть. Теперь главное – выиграть время. Поэтому ты должен сдерживать Уэсли. Ты хорошо меня слышишь?

– Слишком хорошо. Ну а как же я должен его сдерживать?

– Поезжай на пятый день в Сен-Троpez. Придумай какую-нибудь историю... ты же умный парень...

– Все мне об этом только и твердят, – уныло отозвался Билли.

– Не оставляй его одного, чтобы он куда-нибудь не исчез. Мы все время должны знать, где он находится. Тебе понятно?

– Понятно, – сказал Билли без всякого энтузиазма.

– Если будет необходимость, скажи ему, где я нахожусь. Я бы этого не хотел, но, если иначе его не удержишь, придется сказать.

– Сколько же времени я должен его сдерживать?

– Столько, сколько нужно.

– Симпатичный кругленький срок.

– Пожалуйста, без насмешек, – резко сказал Рудольф. – Я выполняю свою часть дела, а ты – свою.

– Слушаюсь, сэр. Следующие несколько дней я посвящаю придумыванию какой-нибудь истории.

– Вот и отлично.

– Только удастся ли заставить этого сумасшедшего в нее поверить – это уже другой вопрос.

– Желаю удачи, – сказал Рудольф и повесил трубку.

«Клотильда» стояла на якоре в порту Сен-Троpezа, неподалеку от яхты, на которой служил Кролик, и они с Уэсли отправились туда, чтобы на нее

посмотреть. Кролик долго отговаривал Уэсли.

– Ты и так ее уже достаточно видел, – говорил он.

– Не беспокойся, Кролик, – сказал Уэсли, – я не заплачу и никого не приблю. Это единственный дом, где мне хорошо жилось. Я только взгляну на нее и вспомню, как все было, когда на ней ходил отец. С тех пор я насмотрелся много чего и похуже... – Поджидая Билли, он дни и ночи болтался по ночным кабакам в Сен-Тропезе и Канне. Он не решался спросить у Кролика, не встречал ли тот Дановича, потому что Кролик тотчас начал бы с ним препираться. Уэсли не мог спросить о Дановиче и никого другого: он не хотел, чтобы Данович и в конечном счете полиция узнали, что он его разыскивает. Но сам искать он мог. Он искал ежедневно и был уверен, что рано или поздно Данович где-нибудь непременно объявится. Ну а времени у Уэсли было достаточно. К его удивлению. Канн и Антиб в этот тихий предсезонный месяц действовали на него умиротворяюще. Он даже спал теперь спокойнее, и кошмарные сны, которые так долго его преследовали, больше не повторялись.

Дойдя до того места, где была пришвартована «Клотильда», они остановились. Яхта выглядела старомодной и комфортабельной, и Уэсли было приятно, что она содержится в чистоте и порядке.

– Они хорошо ее содержат, правда? – спросил он у Кролика.

– Немцы. Такая чистота – прямо хоть на палубе ешь. Хочешь подняться на борт посмотреть? Они поставили автопилот.

– Нет, – покачал головой Уэсли. – И так достаточно. Я рад, что посмотрел на нее.

Они направились обратно к яхте Кролика, где к обеду жарилась рыба. Обедать они должны были втроем, так как Кролик подружился с девушкой, которая работала в магазинчике в порту и теперь обедала с Кроликом каждый день. Это была хорошенькая темноволосая девушка, она довольно прилично говорила по-английски. Кролик был от нее без ума и, насколько мог понять Уэсли, она – от Кролика. Она приходила на яхту и после работы, а иногда оставалась на ночь. Они собирались пожениться и вместе наняться на более крупное судно.

Обед был вкусный и сытный, с бутылкой холодного вина. Уэсли попросил Кролика никому не говорить, что он снялся в картине, которую будут показывать в Канне, но, когда девушка – ее звали Надин – спросила Уэсли, чем он занимается, Кролик выпалил:

– Он, черт побери, киноактер. Как тебе это нравится – мой старый товарищ по плаванию?

Что ж, подумал Уэсли, если это только повышает шансы Кролика в глазах девушки, то ничего плохого тут нет.

– Это правда? – Надин смотрела на него недоверчиво.

– Правда. После того как картина выйдет, меня, возможно, будут считать бывшим киноактером.

– Вы что, меня разыгрываете? – спросила Надин.

– Сама убедишься, – сказал Кролик. – Он герой в кинокартине, которую будут показывать на фестивале.

– Не герой, – запротестовал Уэсли. – У меня там просто эпизодическая роль.

Надин пристально посмотрела на него.

– Я так и подумала, потому что уж слишком ты хорош собой, чтобы быть никем. Со мной работает одна девушка, – продолжала Надин, – моя лучшая подруга, удивительно милая, она просто с ума сходит по кино. Привести ее сегодня на ужин?

– Я пробуду в Сен-Тропезе недолго, – сказал Уэсли смущенно. Помня обещание Элис приехать на две недели в Европу, он не хотел, чтобы его соблазнила удивительно милая французская девушка.

– Она хорошо говорит по-английски.

– Видите ли, у меня сегодня свидание. – Это был пятый день его пребывания здесь, и он хотел встретить Билли в гостинице, когда тот появится.

– А как насчет завтрашнего вечера? – настаивала Надин.

– Завтра вечером я, наверное, буду в Канне. Как-нибудь в другой раз.

– А если мы приедем в Канн, – спросила Надин, – ты сможешь достать нам билеты на твою картину?

– Наверно, смогу. Кролик будет знать, где я остановился.

Черт побери, подумал Уэсли, только мне не хватает, чтобы две французские девицы висели у меня на шее, когда я налечу на этого сукина сына Дановича.

– А ты не забудешь? – спросила Надин, собираясь возвращаться в свой магазинчик.

– Не забуду, – солгал Уэсли.

Надин поцеловала Кролика, и они с Уэсли посмотрели вслед ее точеной маленькой фигурке, танцующей походкой быстро удалявшейся по набережной.

– Как она тебе? – спросил Кролик. Раньше он этот вопрос задать не решался.

– Очень хорошенькая.

– Ты считаешь, слишком легкомысленна, чтобы стать хорошей женой? – тревожно спросил Кролик.

– Она славная, – сказал Уэсли. Он не хотел брать на себя ответственность за такое серьезное дело, как женитьба Кролика. – Я ведь ее почти не знаю.

– Я тебе вот что скажу: с твоей внешностью и твоими киношными делами, да с тем, чему ты научился у отца, держу пари, ты теперь в сто раз лучше меня разбираешься в женщинах. У меня это всегда было слабым местом, и я боюсь ошибиться. – Он помолчал. – Тебе не показалось, что она с тобой вроде немного заигрывала?

– Ну что ты. Кролик, – удивился Уэсли.

– Я бы не хотел связать себя с женщиной, которая строит глазки моим друзьям.

– Зря волнуешься. Она мне и ресницей не моргнула.

– Рад слышать. Ну а как насчет тебя?

– Что насчет меня?

– Ты ведь приехал на Лазурный берег не только повидаться со старым

приятелем и посмотреть какую-то там дурацкую картину...

– Ну что ты придумываешь. Я только...

– Ничего я не придумываю, – сказал Кролик. – Я просто хорошо тебя знаю. Знаю, когда ты в хорошем настроении. Знаю, когда тебя одолевает беспокойство. Сейчас ты что-то скрываешь. Я все время за тобой незаметно наблюдаю, и ты мне не нравишься, Уэсли.

– Чепуха все это, – сказал Уэсли резко. – Что ты охаешь, как старая баба.

– Одно я знаю точно: твоему отцу очень не хотелось бы, чтобы ты попал в беду, особенно из-за этого Дановича. Ты слушаешь меня, Уэсли?

– Слушаю.

– Он любил тебя и больше всего на свете хотел, чтобы у тебя в жизни все было хорошо. Того же хочу и я. У меня нет желания навещать тебя в тюрьме или в больнице или опознавать в морге.

– Не заставляй меня жалеть, что я приехал с тобой повидаться.

– Плевать мне, если ты меня вообще больше не увидишь, – сказал Кролик, – лишь бы вколотить в твою башку хоть что-то разумное. У тебя впереди прекрасная жизнь – не губи ее. Твоего отца нет в живых, ну ничего теперь не поделаешь. Уважай его память – вот все, о чем я тебя прошу.

– Мне пора возвращаться в отель, – сказал Уэсли. – Я жду звонка.

Кролик остался на корме, а Уэсли под его осуждающим взглядом сел на взятый напрокат одноцилиндровый мопед и с треском помчался в сторону отеля.

Подъехав, он увидел на стоянке «пежо» с откидывающимся верхом.

– Вас в баре ожидает какой-то джентльмен, – сказал ему портье, отдавая ключ от номера.

В пустом баре Билли в одиночестве потягивал пиво. Он сидел ссутулившись и казался маленьким и несчастным. Костюм его был помят, а спутанные ветром волосы так и остались непричесанными. После поездки в открытой машине в Париж, а затем сюда лицо его, и без того смуглое, стало еще темнее. Похож на араба, решил, подходя к нему, Уэсли. Билли встал, и они обменялись рукопожатиями.

– Ну, кузен, давно бы пора приехать, – сказал Уэсли.

– А по-другому ты разговаривать не умеешь? – спросил Билли раздраженно.

– Пошли ко мне, – сказал Уэсли, кинув взгляд на бармена, который у другого конца стойки чистил лимоны. – Поговорим там.

– Подожди, я допью. К тому же тебе и самому кружка пива не помешала бы.

– Мне многое не помешало бы. Допивай быстрее.

Билли огляделся.

– Хороший отель. Стоит, наверное, кучу денег.

– Я же собирался пробыть здесь всего дня два, а не весь сезон. Ну что, допил свое пиво?

– Допил, но надо еще заплатить.

– Запишите на мой счет, – бросил Уэсли бармену.
– Спасибо, – сказал Билли, выходя вслед за Уэсли из бара.
– Это самое малое, что я могу сделать, – с издевкой заметил Уэсли, – для моего верного кузена.

В номере Уэсли сразу же набросился на Билли.

– Достал? – резко спросил он.
– Сейчас я тебе все объясню. Человек, который его для меня хранил, скрывается от полиции. В Париже его нет, и его девчонка сказала, что не знает, где он. Но он будет ей звонить и...

– Когда? Когда он собирается ей звонить?

– Она точно не знает. Наверное, скоро.

– Скоро? В День независимости? Или, может быть, на рождество?

– Какого черта ты так со мной разговариваешь? Я сделал все, что от меня зависело.

– По-моему, ты врешь. Билли, – сказал Уэсли ровным тоном.

– Почему ты всех подозреваешь? Я ведь сам вызвался помочь тебе, правда? Никто меня не заставлял под дулом пистолета. Я изо всех сил старался.

– Врешь! Ты ведь знаешь, где этот пистолет... если он вообще существует...

– Он существует. Клянусь тебе.

– Тогда ты скажешь, где он находится. Сейчас же. – И Уэсли, как кошка, прыгнул на Билли и принялся его душить. Билли отчаянно сопротивлялся, но Уэсли был тяжелее его на сорок фунтов. Они молча продолжали бороться. Потеряв равновесие. Билли упал, и Уэсли придавил его коленом. Лицо его по-прежнему было спокойно, цепкие, как у маньяка, руки сдавливали горло Билли. И только когда Билли уже начал терять сознание, Уэсли чуть разжал пальцы.

– Ты скажешь или нет?

– Отпусти. – Билли задыхался. – Ты мог меня задушить.

– Вполне вероятно. – Руки Уэсли снова начали сдавливать его горло.

– Рудольф... Он в Сен-Поль-де-Вансе... отель «Коломб д'Ор». Отпусти!

Уэсли медленно разжал руки и встал. Он помог Билли подняться, и Билли повалился на стул, ощупывая руками шею.

– Откуда взялся дядя Рудольф? Только без вранья.

– Я позвонил ему в Нью-Йорк. Я подумал, что уж если кто может тебе помочь, так это он. Исключительно ради тебя. Ты ведь не думаешь, что я о себе беспокоился?

– Струсил, – презрительно сказал Уэсли. – И позвал на помощь Санта-Клауса. Мне следовало бы это предвидеть. Чего еще, черт возьми, можно ожидать от теннисиста?

– Отправляйся теперь в Сен-Поль-де-Ванс, кровожадный идиот, и попытайся придушить дядю Рудольфа.

– Может быть, так и сделаю. А ты катись отсюда. И чтоб я тебя не видел, не то пожалеешь.

– Больше я к тебе без ножа не подойду, – сказал Билли, вставая. – Предупреждаю.

– Спасибо. Буду иметь в виду.

В дверях Билли обернулся.

– Еще одно слово. Что бы ты ни думал, я – твой друг.

Уэсли надменно кивнул, и Билли вышел из номера.

Снизу он позвонил в Сен-Поль-де-Ванс и рассказал Рудольфу, что произошло.

– О господи, – сказал Рудольф. – Неужели он в таком скверном состоянии!

– Даже хуже, – сказал Билли. – Лишился рассудка. Вы лучше переезжайте в другой отель, а то он и вас начнет душить.

– Никуда я переезжать не стану, – спокойно сказал Рудольф. – Пусть приходит.

– Только не встречайтесь с ним наедине, – сказал Билли, восхищаясь дядиным спокойствием.

– Я готов встретиться с ним так, как он пожелает.

– Вы что-нибудь придумали?

– Возможно.

– Я бы на вашем месте все же отделался от той вещицы до его прихода. Бросьте ее в море.

– Нет, – задумчиво сказал Рудольф, – я думаю, этого не стоит делать. Она в ближайшем будущем может пригодиться.

– Желаю удачи.

– Увидимся на следующей неделе на фестивале в Канне. Я заказал для всех нас номера в отеле «Мажестик». Ты – в одном номере с Уэсли. Но при сложившихся обстоятельствах... – он усмехнулся, – придется поместить тебя на другом этаже.

– Вы все успеваете предусмотреть, – с сарказмом сказал Билли.

– Почти все, – ответил Рудольф.

Билли повесил трубку и, подойдя к стойке портье, сказал:

– Пожалуйста, запишите этот разговор на счет мистера Джордаха.

Уэсли не позвонил ни в этот день, ни на следующий. Зато позвонил адвокат из Антиба.

– У меня есть кое-какие новости, – сказал он. – Человек, к которому я намеревался обратиться по поводу вашего дела, в настоящее время сидит в тюрьме. Но через две недели он выйдет и вернется домой в Марсель. Я с ним свяжусь и сообщу ему, где он сможет вас найти.

– Я буду в отеле «Мажестик» в Канне, – сказал Рудольф.

– Извините за задержку.

– Ничего не поделаешь. Благодарю вас за труды. Я буду ждать звонка.

Ничего не поделаешь, подумал Рудольф, вешая телефонную трубку. Хороший заголовок для истории моей жизни. Ничего не поделаешь.

женщине, чья первая режиссерская работа должна была вместе с другими фильмами представлять американское киноискусство на Каннском фестивале. Поэтому, когда самолет Гретхен приземлился в аэропорту Ниццы, ее уже ждали фотографы. Они снимали, как Гретхен выходит из самолета, как встречается с Билли и Рудольфом. Гретхен крепко обняла и поцеловала сына, едва удерживаясь от слез.

– Сколько времени прошло, – прошептала она.

Билли был смущен проявлением материнских чувств в присутствии фоторепортеров и мягко, но решительно высвободился из объятий матери.

– Мама, – сказал он, – давай отложим эту семейную сцену на потом.

Ему вовсе не улыбалась перспектива появиться на страницах газет чуть не задуманным в родственных объятиях, независимо от того, пойдет ли такая фотография на пользу картине или нет.

Гретхен отступила, и ее губы плотно сжались в столь хорошо знакомую Билли тонкую холодную линию.

– Билли, – сказала она официальным тоном, – разреши мне представить тебя мистеру Доннелли, нашему художнику.

Билли пожал руку рыжебородому молодому человеку.

– Очень рад познакомиться, сэр, – сказал он. Еще один. Она никак не может от них отказаться. Он отметил, с каким покровительственным видом собственника Доннелли держал мать под руку, когда они проходили через небольшую толпу, образовавшуюся у выхода из таможенного зала. Во время этой встречи – первой за столько лет – Билли собирался быть нежным и чутким, но вид матери, как всегда красивой, в шикарном светло-голубом дорожном костюме, под руку с человеком не намного старше его самого, вызвал у него раздражение.

Однако ему стало стыдно, что он позволил этому чувству одержать верх. В конце концов, мать взрослый человек, и что она делает в свободное время и кого выбирает – это ее личное дело. Поэтому сейчас, идя с ней к машине, он нежно сжал ее руку, как бы извиняясь за недавнее замечание по поводу семейной сцены. Она удивленно взглянула на него, а затем радостно улыбнулась и сказала:

– Нас ждут чудесные две недели.

– Надеюсь. Мне не терпится поскорее посмотреть твою картину.

– Тем, кто ее видел, она как будто нравится.

– Мало сказать «нравится», – вмешался в разговор Рудольф. – Все просто в восторге. Мне уже предложили продать мою долю в картине со стопроцентной прибылью, но я отказался.

– Преданный братец, – весело сказала Гретхен, но тут же нахмурилась. – Руди, ты плохо выглядишь. У тебя такой вид, словно ты ночи напролет не спишь. В чем дело?

– Ни в чем, – смущенно рассмеялся Рудольф. – Наверное, слишком подолгу засиживаюсь в казино.

– Честно говоря, я огорчена, – сказала Гретхен, пока носильщик и шофер укладывали чемоданы в машину.

– Чем?

– Что Уэсли не приехал меня встретить.

Рудольф и Билли переглянулись.

– Разве он не в одном с нами отеле? – спросила Гретхен.

– Нет, – сказал Рудольф.

– Но он ведь в Канне? После показа картины газеты и телевидение будут рвать его на части. Он должен вести себя как актер, даже если он таковым себя не считает.

– Гретхен, – осторожно сказал Рудольф, – мы не знаем, где он сейчас. Он был в Сен-Тропезе – это последнее, что о нем известно, но потом куда-то исчез.

– Что это значит?

– Да ничего, – солгал Рудольф. – Ты не беспокойся. Я уверен, он появится.

– Да уж лучше ему появиться, – сказала Гретхен, садясь с Доннелли в машину. – А то мне придется объявить розыск.

Из-за багажа в машине не осталось места для Рудольфа, и они с Билли направились на стоянку к «пежо».

– Надо срочно придумать для нее какое-то объяснение, – сказал Рудольф.

– На этот раз придумывайте сами, – сказал Билли. – То, что я придумал в последний раз, чуть не стоило мне жизни.

– Может быть, увидев в газете фотографию Гретхен, он объявится. Во время съемок он очень к ней привязался.

– Я знаю. Он мне рассказывал. Сейчас его занимает только одно – как найти некоего югослава. – Билли с любопытством посмотрел на Рудольфа. – У вас есть какие-нибудь новости?

– Возможно, будут через несколько дней.

– Вы по-прежнему не хотите сказать мне, что вы затеяли?

– Нет, – решительно ответил Рудольф. – И не выпытывай.

Некоторое время Билли молчал, сосредоточенно следя за дорогой. По случаю приезда матери он вымыл машину и надел чистый, отутюженный костюм. Ему было жаль, что отсутствие Уэсли омрачило встречу.

– Надеюсь, что он не испортит моей матери этот торжественный момент в ее жизни. В аэропорту она была в отличном настроении. И сегодня она очень красивая, правда?

– Очень.

– А что у нее с этим Доннелли? – Билли повернул голову и посмотрел на Рудольфа.

– Ничего, насколько мне известно, – ответил Рудольф довольно резко. – Они хорошо поработали вместе, а сейчас мы с ним затеяли одно дело. И здесь тоже ничего не выпытывай.

– Я просто спросил, – сказал Билли. – Естественное беспокойство сына о матери. А что он за парень?

– Отличный парень: талантливый, честолюбивый, честный, пьющий.

– К этому она уже должна была привыкнуть за время жизни с отцом. Я говорю про пьянство.

– Твоего отца она тоже приглашала сюда. Но у него теперь какая-то новая

работа, и он не может уехать из Чикаго. Возможно, он наконец взял себя в руки.

– Не уверен. Хватит и того, что он сделал для своего сына одну полезную вещь.

– Что же именно?

– Привил мне отвращение к пьянству. – Билли усмехнулся. – Послушайте, у меня идея. Не по поводу родителей, а насчет Уэсли.

– Какая же?

– Вы, конечно, знаете, что полиция собирает карточки, которые заполняют при въезде в гостиницу...

– Да.

– У Уэсли здесь, в Канне, наверняка нет знакомых, остановиться ему не у кого, так что скорее всего он живет в гостинице. Можно пойти в полицию и узнать. В конце концов, он же играет в фестивальной картине... скажем, что его разыскивают, чтобы взять интервью и сфотографировать...

– Нет, этого делать нельзя. Чем меньше полиция будет интересоваться Уэсли, тем лучше для всех. Нам придется искать его самим. Поброди в районе порта, зайти в ночные клубы, вообще посматривай по сторонам. А матери пока скажи, что он стесняется – не хочет никакой шумихи до показа картины, ему кажется, что он не очень хорошо сыграл и над ним будут смеяться, а потому старается не показываться на людях...

– Вы думаете, она на это клюнет? – с сомнением спросил Билли.

– Возможно. Она знает, что парень он странный, и, вероятно, скажет, что этого от него и следовало ожидать.

– Меня только удивляет, – сказал Билли, – что он не пришел к вам и даже не позвонил.

– Я был почти уверен, что он этого не сделает. Того, что он ищет, от меня он никогда не получит, и ему это прекрасно известно.

– А пистолет еще у вас? – спросил Билли.

– У меня.

Билли снова усмехнулся.

– Держу пари, вы единственный человек на фестивале, у кого в кармане лежит пистолет с глушителем.

– От такого преимущества я бы с радостью отказался, – мрачно заметил Рудольф.

Когда они проезжали по набережной Круазетт в Канне, среди афиш фестивальных фильмов Рудольф увидел афишу «Комедии реставрации» с фамилией Гретхен.

– Теперь, – шутливо сказал Билли, – плюс ко всем другим заботам мне еще предстоит научиться быть сыном знаменитой матери. Что же мне говорить, если у меня будут брать интервью и спрашивать, каково это?

– Говори, что это потрясающе.

– Следующий вопрос, мистер Эббот. Не считаете ли вы, что ваша мать приносила вас в жертву ради карьеры? Ответ: только последние десять – пятнадцать лет.

– Так ты можешь шутить со мной, – резко сказал Рудольф, – но больше ни с кем. Надеюсь, тебе это понятно?

– Да, сэр. Конечно, я валял дурака.

– Во всяком случае, пока она еще не знаменита, и вообще, в таких местах сегодня ты знаменит, а завтра – нет. У твоей матери сейчас время сложное и напряженное, и мы должны быть к ней очень внимательны.

– Я буду поддерживать ее, как могучий дуб, и она не узнает своего непослушного сына и будет с изумлением на меня взирать.

– Хоть ты и не пьешь, как твой отец. Билли, но ты, по-видимому, унаследовал его способность производить впечатление человека, который ни к чему не относится серьезно.

– Это просто защитный прием, передаваемый от отца к сыну, чтобы скрыть от постороннего взгляда нежную и трепетную душу.

– Пусть она хоть изредка проглядывает наружу. Это тебя не погубит.

Когда они вошли в холл гостиницы, Рудольф спросил, нет ли для него каких-либо известий. Нет, ничего не было.

В глубине холла сидела Гретхен, окруженная журналистами и фотографами. Главные знаменитости в Канн еще не прибыли, и рекламный агент «Комедии реставрации» старался максимально использовать это время. Гретхен говорила хорошо, улыбалась и, по-видимому, чувствовала себя прекрасно.

Заметив их, она сделала им знак подойти, но Билли отрицательно покачал головой.

– Я ухажу, – сказал он Рудольфу, – пройду по порту и поищу нашего пропавшего ангелочка. Скажите матери, что я ее люблю, но у меня дела.

Рудольф подошел к Гретхен, и она представила его как своего брата и одного из тех, кто финансировал картину. Куда отправился Билли, она не спросила. Когда один из фотографов предложил им стать рядом, Рудольф спросил ее, где Доннелли.

– Догадаться нетрудно. – Она улыбнулась Рудольфу, глядя в объектив.

Рудольф пошел в бар; там с мрачным видом, сгорбившись над стаканом виски, сидел Доннелли.

– Наслаждаетесь весельем и забавами знаменитого фестиваля? – спросил Рудольф.

Доннелли бросил на него сердитый взгляд.

– Не надо было мне сюда приезжать.

– Почему? – удивился Рудольф.

– Этот мальчишка, ее сын Билли, так на меня посмотрел в аэропорту...

– Вам показалось.

– Не показалось. Боюсь, теперь он из-за меня устроит Гретхен веселую жизнь. Он что, ревнует?

– Нет. Вероятно, просто беспокоится: все-таки вы намного ее моложе, он боится, как бы ей потом не пришлось мучиться.

– Он вам это сказал?

– Нет, – признался Рудольф. – Он ничего не говорил.

– Она рассказывала мне о нем. – Доннелли допил виски и знаком велел бармену подать еще. – От него и в детстве была одна морока.

– Он сказал, что открывает в своей жизни новую страницу.

– В аэропорту в Ницце он не открывал никаких новых страниц – это уж точно. А где второй парень – этот Уэсли? Гретхен сказала, что они должны были вдвоем приехать на машине из Испании.

– Он здесь, – неопределенно ответил Рудольф.

– Где это «здесь»? – не отступался Доннелли. – Когда мы прилетели, его здесь не было, а он, черт побери, должен был ее встретить после всего, что Гретхен для него сделала. – Он с жадностью отпил из стакана. – Держу пари, все это дело рук ее сыночка.

– Ну зачем так нервничать из-за одного взгляда в аэропорту? Уверяю вас, все будет в порядке.

– Хотелось бы надеяться. Потому что, если он испортит своей матери и эти две недели, я сверну ему шею. Так и передайте. И скажите, что я сделал его матери предложение.

– И что же она ответила?

– Засмеялась.

– Поздравляю.

– Я настолько на ней помешался, что ничего не вижу кругом, – мрачно сказал Доннелли.

– Вы будете лучше видеть, если перестанете так налегать... – и Рудольф слегка постучал стаканом по стойке бара.

– Вы тоже решили меня перевоспитывать?

– По-видимому, Гретхен уже затрагивала эту тему?

– Конечно, затрагивала. Я обещал ей, что, если она за меня выйдет, я перейду на вино.

– И что она ответила?

– Опять засмеялась.

Рудольф улыбнулся.

– Желаю вам хорошо провести время в Канне.

– Постараюсь, но только если у Гретхен все будет о'кей. Между прочим, за день до нашего вылета из Нью-Йорка мне звонил адвокат и сказал, что, по его мнению, наше дело в Коннектикуте уладится до конца года.

– Вот видите, все складывается в нашу пользу, так что не надо сидеть с таким трагическим видом.

Рудольф дружески похлопал Доннелли по плечу и вышел из бара. Пресс-конференция в холле закончилась, но рекламный агент Симпсон еще собирал бумаги.

– Ну как, прошло нормально? – спросил его Рудольф.

– Прекрасно, – ответил он. – Она умеет их очаровать. Вы знаете, я был на просмотре в Париже и думаю, что одно из первых мест нам обеспечено.

Рудольф согласно кивнул, хотя, пожалуй, ни один рекламный агент на свете не признает в первую неделю работы, что его клиента ждет провал.

– Мне хотелось бы, чтобы в газетах было побольше фотографий Уэсли.

– Никаких проблем, – сказал агент. – О нем уже и так все говорят, что он – чудо, и фотографии не повредят.

– Он сейчас тоже здесь, и, если его начнут узнавать на улице, мы сразу его найдем. Тогда газетчики смогут взять у него несколько интервью еще до того, как картина будет показана.

– Будет сделано. Мне этот материал и самому пригодится.

– Спасибо, – сказал Рудольф и поднялся к себе в номер. Чемодан стоял на стуле – там, где он его оставил. Он набрал шифр и открыл его. Пистолет по-прежнему лежал на месте. Какой отвратительный предмет, подумал он, снова запирая чемодан. Он поймал себя на том, что открывает чемодан не меньше десяти раз в день.

Он пошел в ванную и принял две таблетки успокоительного. С тех пор как он приехал в Париж, он находился в крайне возбужденном состоянии – у него даже появился нервный тик. Действия таблеток хватало на два часа.

Когда он вошел в спальню, зазвонил телефон. Он снял трубку, и женский голос произнес:

– Можно попросить мистера Рудольфа Джордаха?

– Я у телефона.

– Вы меня не знаете, – сказал женский голос. – Я знакомая Уэсли. Меня зовут Элис Ларкин.

– Да, Уэсли рассказывал мне о вас. Вы где сейчас?

– В Нью-Йорке. А Уэсли с вами?

– Нет.

– Вы не знаете, где он?

– В данный момент, к сожалению, нет.

– Он должен был позвонить мне еще на прошлой неделе, – сказала Элис. – Я хотела перенести свой отпуск и на несколько дней приехать в Канн. По-моему, с отпуском все будет в порядке, но мне хотелось бы знать, не переменялись ли у него планы.

– Мне кажется, вам следует немного подождать, прежде чем принимать решение. Дело в том, что Уэсли куда-то исчез. Если он появится, я скажу ему, чтобы он вам позвонил.

– С ним ничего не случилось? – с беспокойством спросила она.

– Насколько мне известно, нет, – ответил Рудольф, взвешивая каждое слово. – Хотя утверждать не берусь. Он человек непредсказуемый.

– Что верно, то верно. – Теперь ее голос звучал сердито. – Во всяком случае, если вы его все-таки увидите, пожелайте ему от меня самого большого успеха.

– Непременно. – Он медленно положил трубку. Таблетки еще не подействовали. От этого одержимого можно сойти с ума. Может, подумал он, когда я его найду, отдать ему этот проклятый пистолет и умыть руки? Рудольф подошел к окну и посмотрел на море – синее и спокойное. Внизу на набережной Круазетт гуляли люди; над их головами светило солнце и весело хлопало на ветру флаги фестиваля. Счастливцы, подумал Рудольф, глядя на пеструю толпу. Поменяться бы с кем-нибудь из них местами!

Билли вернулся в свой номер, когда уже стемнело. Весь день он мотался по старому порту, рассматривал яхты, заходил в бары и рестораны. Уэсли нигде не было. Он позвонил матери в гостиницу, но телефонистка ответила, что миссис Берк просила ни с кем ее не соединять. Наверное, в постели со своим бородачом. Лучше уж об этом не думать.

Он разделся и принял душ. После долгого жаркого дня это было настоящее блаженство – стоять под острыми струйками холодной воды, забыв обо всем на свете и чувствуя лишь их приятное покалывание.

Когда он выходил из душа, в дверь номера постучали. Билли обмотал вокруг бедер полотенце и, оставя на ковре мокрые следы, подошел к двери. Перед ним стояла улыбающаяся Моника.

– О! – выдохнул Билли.

– Я вижу, ты готов к приему гостей, – сказала она. – Можно войти?

Он бросил взгляд в коридор, проверяя, одна ли она.

– Не беспокойся, это просто светский визит. Со мной никого нет. – Она проскользнула в номер, и Билли закрыл дверь. – Ну и ну, – сказала она, оглядывая огромную, красиво обставленную комнату. – Мы растем! Это совсем не то, что в Брюсселе. Капитализм тебе к лицу, мой мальчик.

– Как ты меня нашла? – спросил Билли, пропустив мимо ушей ее слова о Брюсселе.

– Очень просто. На этот раз ты оставил свой новый адрес.

– Постараюсь избегать подобной ошибки в дальнейшем. Что тебе надо?

– Мне просто хотелось с тобой повидаться. – Она села скрестив ноги и улыбнулась ему. – Ты не возражаешь, если я закурю?

– А если я скажу, что возражаю?

– Я все равно закурю. – Она засмеялась, вынула из сумочки сигарету, но огня к ней не поднесла.

– Пойду оденусь. Я не привык принимать посторонних дам в голем виде. – Он направился было в ванную, где были брюки и рубашка, но Моника, бросив сигарету, схватила его за руку.

– Не надо. Я вовсе не посторонняя. Кроме того, чем меньше на тебе надето, тем лучше ты выглядишь. – Она подняла голову и посмотрела на него. – Поцелуй меня.

Он попытался высвободиться, но она его крепко держала.

– Ну и что ты теперь задумала? – спросил он резко, хотя уже почувствовал знакомое возбуждение.

– Все то же, – усмехнулась она.

– В Испании того же не было, – заметил он, проклиная внезапно возникшее желание.

– В Испании я была занята другими делами. И к тому же я туда приехала не одна, если ты помнишь. Теперь я одна, ничем не занята и все будет по-старому. Я, кажется, тебе как-то говорила, что «новые левые» меня не удовлетворяют. С тех пор ничего не изменилось.

– О господи! – Он был уверен, что в конечном счете пожалеет об этом. –

Пойдем в постель.

– В общем-то за этим я и пришла. – Она встала, и они поцеловались. – Я по тебе скучала, – прошептала она. – Иди ложись, я разденусь.

Он лег, не снимая обмотанного вокруг бедер полотенца. Моника через голову сдернула платье. Он закрыл глаза. Один последний раз, подумал он, в конце концов, какого черта? Этажом выше мать, по-видимому, занимается тем же. Он слышал, как Моника босиком идет к кровати. Щелчок выключателя – она погасила свет. Билли отбросил полотенце. Она упала на него с тихим стоном, и он крепко ее обнял.

Он лежал на спине в душной темной комнате, а Моника уютно устроилась рядом, положила голову ему на плечо. Он вздохнул:

– Лучше не бывает. Все, кто согласен, пусть скажут «да».

– Да, – сказала Моника. – Теперь не забывай оставлять свой адрес.

– Не забуду, – сказал он, хотя не был уверен, что говорит правду. Она заставила его пройти через слишком многое, и единственным местом, где, находясь с нею, он чувствовал себя в безопасности, была постель. – А у тебя какой сейчас адрес?

– Зачем он тебе?

– Вдруг я буду проходить мимо твоего отеля и меня охватит внезапное и неодолимое желание.

– Когда неодолимое желание возникнет у меня, я навещу тебя здесь. Я не хочу, чтобы меня видели с тобой. Ты будешь достаточно часто меня видеть, но только в этой комнате.

– Черт побери! – Он высвободил руку и сел. – Почему инициатива должна всегда исходить от тебя?

– Потому что я люблю действовать таким образом.

– Действовать! Мне не нравится это слово.

– Придется привыкнуть, милый, – сказала Моника. Она тоже теперь сидела и искала сигареты на тумбочке у кровати. Вынув из пачки сигарету, она чиркнула спичкой, и пламя осветило ее лицо и глаза.

– Ты ведь, кажется, сказала, что сейчас свободна.

– Свободное время тоже когда-нибудь кончается.

– Если ты не скажешь, где я могу тебя разыскать, то это последняя наша встреча.

– Мы увидимся здесь, – сказала она, затягиваясь, – завтра в это же время.

– Сука.

– Меня всегда поражал твой лексикон. – Она встала и начала в темноте одеваться. – Между прочим, сегодня днем около одного отеля я видела твоего двоюродного брата. Того самого парня, с которым ты играл в теннис.

– Да? Кто тебе сказал, что он мой двоюродный брат?

– Я нашла его в справочнике «Кто есть кто».

– Как всегда, очень остроумно. Около какого отеля ты его видела?

– А разве он живет не с вами? – не сразу спросила Моника.

– Нет. Так около какого отеля мы должны его разыскивать?

– Кто это мы?
– Ладно, оставим это.
– Видишь ли, я забыла название отеля.
– Ты врешь.
– Может быть, – засмеялась она. – Вот если ты, как хороший мальчик, будешь завтра вечером меня здесь ждать, я могу и вспомнить.
– Ты с ним разговаривала?
– Нет. Меня интересует другой член семьи.
– Боже мой, – сказал Билли, – как ты умеешь осложнять секс.
– Секс? Когда-то ты называл это любовью.
– Это было давно, – мрачно сказал Билли.
– Пусть будет по-твоему, мальчик. – Она бросила сигарету, подошла к постели, нагнулась и поцеловала его. – Спокойной ночи, мальчик. Мне пора.

Когда дверь за ней закрылась. Билли откинулся на подушки и уставился в темный потолок. Новая проблема – говорить ли Рудольфу, что Уэсли сегодня видели в городе возле отеля, названия которого он не знает, хотя завтра может выяснить. Но тогда придется объяснять, откуда он это узнал и почему надо ждать до завтра. А объяснить что-либо, не упоминая имени Моники, он не мог. Он с раздражением покачал головой. У Рудольфа и без Моники хватает забот.

Зазвонил телефон. Это был Рудольф, который сказал ему, что через полчаса они все встречаются перед ужином в баре внизу. Повесив трубку, Билли пошел в ванную и снова принял душ. Интересно, что делает мать – может быть, тоже принимает душ?

11

– Нет, – говорила Гретхен, – я не хочу ничего устраивать. Я устала, хорошо бы лечь и не вставать по крайней мере двое суток. – Она сидела в гостиной своего номера вместе с Доннелли и Рудольфом.

Рудольф предложил после просмотра картины устроить праздничный ужин для членов жюри, представителей главных прокатных компаний и журналистов, с которыми у Гретхен и Рудольфа установился контакт. Чем меньше оставалось дней до показа фильма на фестивале, тем больше Гретхен волновалась, и такой вечер мог бы снять напряжение.

– Будь здесь кто-нибудь еще помимо нас троих, – сказала Гретхен, – тогда, может, и стоило бы что-то устроить. Я не хочу одна принимать все почести, если они будут, а уж лицезреть в одиночку вытянутые лица, если картина провалится, и вовсе ни к чему. Вот если бы здесь были Фрэнсис Миллер и Уэсли, я бы согласилась, но эта сучка так и не приехала, а Уэсли куда-то пропал, да и вообще я уже стара для таких сборищ...

– Отлично, – сказал Рудольф. – Мы просто поужинаем в узком кругу и поздравим друг друга. – Он взглянул на часы. – Уже поздно. Ложись и постарайся заснуть. – Он поцеловал Гретхен и направился к двери.

– Я – с вами, – сказал Доннелли, – мне тоже надо выспаться. Если, конечно, Гретхен не хочет, чтобы я остался.

– Нет, спасибо, – сказала Гретхен. – Увидимся утром.

– Мне надо поговорить с вами, Руди, – сказал Доннелли по дороге к лифту. – Я беспокоюсь. Она очень тяжело все это переносит. Не спит, принимает таблетки, плачет, когда рядом нет посторонних. Я просто не знаю, как ее успокоить.

– Хорошо быть женщиной, – отозвался Рудольф. – Я бы сам с удовольствием поплакал.

– А я-то думал, что вы полны оптимизма, – удивился Доннелли.

– Это так и есть, тут дело не в картине.

– А в чем же?

– Как-нибудь потом расскажу.

– Я ничем не могу помочь?

– Можете. Заботьтесь о Гретхен.

– А что, если мы с ней после просмотра прокатимся на машине по окрестностям – все-таки она хоть на пару дней вырвется из этого сумасшедшего дома.

– Я – за, – сказал Рудольф, – если вам удастся ее уговорить.

– Завтра утром попробую.

– Прекрасно, – сказал Рудольф. Дверь лифта открылась. – Спокойной ночи, Дэвид. Отдыхайте. – Доннелли пошел обратно по коридору и остановился перед дверью Гретхен. Он поднял было руку, чтобы постучать, но раздумал. Сегодня ей, наверное, лучше спать одной. Он вернулся к лифту и спустился в бар. Когда бармен спросил, что он будет пить, он ответил не сразу. И все-таки заказал виски с содовой. Вино пока подождет.

Открывая дверь номера, Рудольф услышал настойчивый звонок телефона. Он поспешно снял трубку.

– Мсье Джордах? – спросил мужской голос.

– Да.

– L'avocat d'Antibes m'a dit que vous vorlez me parler...⁵⁰

– Вы говорите по-английски? – спросил Рудольф. Если это тот самый человек, то надо, чтобы он понял каждое слово.

– Говорю немного. – У него был низкий грубый голос. – Адвокат в Антибе сказал, возможно, у нас будет маленький бизнес вместе...

– Когда мы можем встретиться?

– Сейчас, – ответил мужчина.

– Где?

– А La gare. Вокзал. Я буду у стойки в буфете.

– Я приеду через десять минут, – сказал Рудольф. – Как я вас узнаю?

– Я одет в синие брюки, – сказал человек, – пиджак коричневый, я – маленький, с великий живот.

– Договорились, – сказал Рудольф. – Через десять минут. – Он повесил трубку. Синие брюки, коричневый пиджак, большой живот. В конце концов,

---

⁵⁰ Адвокат из Антиба сказал, что вы хотите со мной поговорить (фр.).

красота и умение одеваться сейчас не самое главное. Он отпер чемодан, заглянул в него. Пистолет на месте. Он закрыл чемодан, запер его и вышел.

Спустившись вниз, он вошел в комнату кассира за стойкой портье и попросил открыть его сейф. Банк в Нью-Йорке прислал ему десять тысяч долларов, и Рудольф перевел их во франки. Он знал: то, что произойдет – хорошее или плохое, – будет стоить денег. Он оглядел аккуратные пачки банкнотов, задумался и взял пять тысяч франков. Остальные пачки он оставил в сейфе и запер его. Потом вышел из гостиницы, сел в такси и сказал: «La gare». По пути на вокзал Рудольф старался ни о чем не думать. Расплачиваясь, он неловко вытащил из кармана несколько десятифранковых бумажек. Когда он брал сдачу и давал таксисту чаевые, руки его дрожали.

Толстяка, человечка в синих брюках и коричневом пиджаке, он увидел возле стойки бара. Перед ним стоял стакан с пастисом.

– Добрый вечер, мсье, – сказал Рудольф, подходя ближе.

Человек обернулся и окинул Рудольфа оценивающим взглядом. Он был темноволосый, с жирным лицом, маленькими, глубоко посаженными черными глазками и толстыми мокрыми губами. Нелепая светло-голубая кепочка сидела у него на затылке, открывая выпуклый морщинистый лоб. При других обстоятельствах Рудольф не доверился бы такому человеку.

– Может, пойдем пройдемся, – сказал человечек. – Здесь сильный свет – это вредно глазам.

Они пошли по узкой, темной и пустынной улочке, где ничто не напоминало о яркой многолюдной шумихе фестиваля.

– Я слушаю предложение.

– Вы знаете человека по фамилии Данович? – спросил Рудольф. – Югослав.

Человечек молча прошел еще шагов десять и покачал головой.

– Может, знаю под другая фамилия. А где, по-вашему, он?

– Скорее всего, в Канне, – сказал Рудольф – Последний раз его видели в ночном клубе «Розовая дверь».

– Плохое место, – кивнул человечек. – Очень плохое.

– Верно.

– Если я найду его, что будет?

– Вы получите определенную сумму, если с ним разделаетесь.

– Что значит – разделаетесь?

– Убьете. – Господи боже, подумал Рудольф, я ли это говорю?

– Compris,⁵¹ – сказал человечек. – Теперь будем говорить про деньги. Сколько это – определенная сумма?

– Скажем, пятьдесят тысяч франков, или примерно десять тысяч долларов, если вы хотите получить в долларах.

– А сейчас задаток какой? Чтобы искать?

– У меня с собой пять тысяч франков, – сказал Рудольф. – Можете их

---

⁵¹ Понятно (фр.).

взять.

Человечек остановился и протянул короткую толстую руку.

– Я берет деньги сейчас.

Рудольф достал бумажник и вынул деньги. Его спутник тщательно пересчитал их в тусклом свете уличного фонаря. Интересно, что он скажет, если я попрошу у него расписку. При этой мысли Рудольф чуть не рассмеялся. В мире, с которым он сейчас имеет дело, есть только одна гарантия – месть.

Человечек запихнул банкноты во внутренний карман пиджака.

– Когда я найдет его, – сказал он, – сколько я получит?

– До или после... работы?

– До.

– Двадцать тысяч, – сказал Рудольф. – Это будет ровно половина.

– D'accord,⁵² – сказал человечек. – А как я получит остальное?

– Как вам будет угодно.

Человечек немного подумал.

– Когда я скажет, что нашел его, вы передадите адвокату двадцать пять тысяч. Адвокат читает в «Нисматэн», что с этим человеком... как это вы называет?

– Разделались, – сказал Рудольф.

– Так вот, разделались, и мой друг идет к адвокат и берет деньги. По рукам? – И он протянул Рудольфу руку.

Рудольф в своей жизни скреплял рукопожатием множество сделок, а потом праздновал их заключение. На этот раз никакого празднования не будет.

– Будьте близко от телефон, – сказал человечек, повернулся и быстро зашагал в сторону от вокзала.

Глубоко вздохнув, Рудольф медленно пошел на набережную Круазетт в свой отель. Он думал о тех двух бандитах, которые напали на него в Нью-Йорке и пришли в ярость, обнаружив в карманах у такого богатого человека всего несколько долларов. А что, если кому-нибудь взбредет в голову ограбить его на темных улицах Канна? Обшарив его карманы, они сразу же его прикончат. Оставшихся при нем денег только-только хватило бы на такси до гостиницы.

Билли проснулся от стука в дверь. Еще не стряхнув с себя сон, он встал, подошел к двери и открыл ее. Перед ним стояла Моника. Она быстро вошла, он закрыл за ней дверь и включил лампу.

– Привет, – сказал Билли. – Я все думал, когда же ты снова появишься? – После ее визита прошло четыре дня.

– Ты по мне скучал? – Она сбросила плащ и, улыбаясь, села на смятую постель.

– Я тебе расскажу потом. Сколько сейчас времени?

– Двенадцать тридцать.

---

⁵² Согласен (фр.).

- У тебя странное расписание.
- Лучше поздно, чем никогда. Разве ты не согласен?
- Об этом я тоже скажу тебе потом. Мне дневное время нравится больше.
- Ты стал таким европеизированным.
- А ты-то чем днем занимаешься?
- Любопытство до добра не доведет, – с притворной скромностью улыбнулась Моника.
- Я вижу, у тебя сегодня вечер избитых фраз. Ты вспомнила название отеля, возле которого видела моего двоюродного брата?
- Я очень стараюсь вспомнить. Иногда мне кажется, что оно вот-вот слетит у меня с языка.
- Иди ты... – сказал Билли.
- Какое прелестное выражение. – Она бросила сигарету и втоптала ее в ковер. Билли передернуло. Одеваться она научилась, но манера вести себя дома оставалась на брюссельском уровне. Она встала, подошла к нему, обняла и поцеловала. В нем тут же вспыхнуло желание. Он пытался думать о другом – не пора ли сменить масло в машине, не пойти ли завтра поиграть в теннис и не отдать ли погладить смокинг, который ему придется надеть через два дня на вечерний просмотр «Комедии реставрации», – но это не помогало.
- Пойдем ляжем, – пробормотал он.
- А я-то все думала, когда же ты наконец это скажешь. – И она засмеялась, уверенная в своей власти над ним.

Час спустя она сказала:

- А ночью тоже неплохо, правда?
- Он поцеловал ее в шею, но она высвободилась из его объятий и встала.
- Мне пора.
- Почему, черт возьми, ты не можешь остаться на ночь? Ну хоть один раз.
- Не могу. Существует более ранняя договоренность. – Она оделась и, расчесывая перед зеркалом волосы, сказала: – Кстати, мы решили получить с тебя долг.
- По его телу пробежала холодная дрожь, и он натянул на себя одеяло.
- Что ты имеешь в виду? – спросил он, стараясь сохранить спокойствие.
- Парижский долг, – сказала она. – Ты о нем помнишь, надеюсь?
- Он ничего не ответил и продолжал лежать не шевелясь.
- Вот что ты должен сделать, – продолжала она, расчесывая спутанные волосы. – Послезавтра к шести вечера ты придешь в бар «Вуаль вер» на улице Антиб. Там увидишь человека с журналами «Экспресс» и «Нувель обсерватер». Ты сядешь за его столик и закажешь себе вина. Он достанет из-под стола шестнадцатимиллиметровую кинокамеру.
- Только на самом деле это будет не шестнадцатимиллиметровая кинокамера, – с горечью сказал Билли.
- Ты умнеешь.
- Да прекрати ты, ради бога, причесываться!
- С этой камерой ты войдешь во Дворец фестивалей, вынешь то, что в ней

лежит, и спрячешь в укромном месте. Часовой механизм сработает в девять сорок пять. – Моника наконец положила расческу и поправила рукой волосы, стараясь при этом увидеть себя в профиль.

– Ты что, спятила? – сказал Билли. – В девять сорок пять там будут показывать картину моей матери.

– Совершенно верно. Тебя никто не заподозрит. Там будет масса людей с камерами, и ты сможешь ходить по всему зданию, и никто тебя ни о чем не спросит. Вот почему тебя и выбрали для этого задания. Не беспокойся. Никто не погибнет.

– Иными словами, это будет милая безвредная бомбочка?

– Мог бы уже бросить свои шутки. В девять часов в полицию позвонят и сообщат, что в здании заложена бомба. За пять минут они очистят помещение. Мы не собираемся никого убивать, во всяком случае сейчас.

– Тогда зачем же все это? – спросил Билли, стыдясь своего дрожащего голоса.

– Это будет демонстрация, о которой узнают все благодаря прессе и телевидению и всемирно известным знаменитостям, которые будут давить друг друга, пробиваясь к выходу. Что может убедительнее продемонстрировать гнилость всей системы, чем этот отвратительный цирк!

– А если я откажусь?

– Тобой займется, – спокойно сказала Моника. – Если же все будет сделано как следует, я постараюсь вспомнить название отеля, где живет твой двоюродный брат. Не забудь: бар «Вуаль вер», два журнала, шесть часов вечера. Спокойной ночи, мальчик. – Она взяла сумочку, накинула плащ и вышла.

Поднимаясь по ступенькам Дворца фестивалей вместе с Гретхен, Рудольфом и Доннелли, Билли сказал, что сядет в партере, «вместе с простыми людьми», хотя у всех четверых были места на балконе. Он поцеловал мать и прошептал ей на ухо:

– Merde.

– Что? – спросила удивленно Гретхен.

– Так во французском шоу-бизнесе желают удачи.

– Надеюсь, картина тебе понравится, – улыбнулась Гретхен и чмокнула его в щеку.

– Я тоже надеюсь, – ответил Билли серьезно. Он показал свой билет и вошел в зал. Зал был уже полон, хотя до начала утреннего просмотра оставалось еще минут десять. Укромное место, думал он, где же его найти? Он прошел в мужской туалет. Там было пусто. На полу возле раковины стоял бак для использованных бумажных полотенец. За тридцать секунд, если ему никто не помешает, он успеет снять заднюю крышку камеры, вынуть бомбу и спрятать ее. Если никто не помешает.

Дверь отворилась, вошел мужчина в цветастой рубашке и сразу же направился к писсуару. Билли для виду вымыл руки и, вытянув бумажное полотенце, тщательно их вытер. Он вернулся в зал и сел в первых рядах, где еще оставалось несколько свободных мест. Он был в таком состоянии, что не

знал, сможет ли досмотреть картину до конца, – вот почему ему не хотелось сидеть рядом с матерью. Но картина сразу его захватила, и в комических местах он даже смеялся вместе со всеми. А игра Уэсли его просто поразила.

Когда картина кончилась, зрители аплодировали особенно долго и дружно. Затем они повернулись к балкону, и Билли увидел, что они аплодируют его матери, которая теперь стояла у перил балкона и робко улыбалась. Взволнованный успехом матери. Билли хлопал громче всех и мысленно ругал себя за то, что столько лет относился к ней как последняя свинья!

На набережной Круазетт он увидел толпу молодых любителей автографов, окружавшую человека, который стоял к нему спиной. Билли направился было туда, но остановился. В человеке, подписывавшем программы, тетрадки и даже клочки бумаги, он узнал Уэсли. Билли усмехнулся: «Актер не удержится от соблазна на себя посмотреть, как я сразу не подумал». Он стал по возможности вежливо проталкиваться к Уэсли, который в этот момент, нагнувшись, давал автограф невысокой девушке в цыганской юбке.

– Мистер Джордан, – зашепелявил Билли высоким женским голосом, – подпишите и мне. Я от вас просто в восторге!

Уэсли поднял глаза.

– Иди ты к черту, – сказал он. Однако на его лице расплылась довольная улыбка.

Билли крепко взял его за руку.

– На сегодня все, ребята, – сказал он громко. – Мистера Джордана ждут на пресс-конференции. Пойдемте, сэр. – Он двинулся вперед, продолжая крепко держать Уэсли. Уэсли сначала слегка упирался, затем послушно зашагал рядом.

– Ты сейчас нужен матери больше всего, – сказал Билли, – и не смеешь ее подводить.

– Да-а, – протянул Уэсли. – Она просто молодчина.

– Еще бы! И ты ей непременно об этом скажешь. Знаешь, а у тебя тоже здорово получилось.

– Да, ничего, – довольно ответил Уэсли. Улыбка теперь уже не сходила с его лица.

Стоя в ожидании лифта. Билли тихо спросил:

– Ну как, нашел того человека?

Уэсли покачал головой.

– А не пора тебе об этом забыть?

Наконец Уэсли перестал улыбаться.

– Нет, не пора.

– Кинозвездам не положено бегать по городу и убивать людей.

– Я не кинозвезда.

– Сейчас в Канне твое лицо известно каждой собаке. Ты и мухи не прихлопнешь без свидетелей, не то что человека. – К лифту подошли еще двое, и Билли замолчал.

Когда Билли и Уэсли вошли в конференц-зал, Гретхен, окруженная журналистами, уже начала говорить, но, увидев их, остановилась на полуслове.

– Дамы и господа, – сказала она взволнованно, – сюда пришел один из

самых многообещающих молодых актеров, каких мне доводилось встречать. Уэсли, поднимись, пожалуйста, сюда.

– О господи! – пробормотал Уэсли.

– Иди же, идиот. – Билли подтолкнул его в сторону помоста, на котором стояла Гретхен.

Уэсли медленно прошел через зал и поднялся на помост. Гретхен поцеловала его, а затем, обращаясь к аудитории, сказала:

– Имею честь представить вам Уэсли Джордана.

Зал заплодировал, засверкали «блицы» фотографов, а на лице Уэсли снова появилась улыбка, теперь уже немного искусственная. Билли незаметно выскользнул из зала.

На набережной Круазетт он зашел в кафе, заказал пиво и, сделав глоток, попросил жетон для телефона-автомата. Внизу, в телефонной будке, он полистал справочник и набрал номер префектуры полиции.

– Алло, – ответил мужской голос.

– Сегодня вечером в кафе «Вуаль вер» на улице Антиб, – сказал Билли по-французски с характерным для жителей Южной Франции акцентом, – вы увидите человека с журналами «Экспресс» и «Нувель обсерватер»...

– Одну минутку! – полицейский явно встревожился. – Кто это говорит? Что вам нужно?

– На полу под столиком, – продолжал Билли, – будет лежать бомба.

– Бомба! – закричал полицейский. – Что вы говорите? Какая бомба?

– Механизм бомбы установлен на девять сорок пять вечера. Повторяю: сегодня в шесть, в кафе «Вуаль вер».

– Подождите! Я должен... – еще громче закричал полицейский.

Билли повесил трубку, поднялся наверх и допил пиво.

После вечернего просмотра они сидели у Гретхен и пили шампанское. Симпсон, рекламный агент, говорил:

– Мы увезем домой все призы – за лучший фильм, за лучшее исполнение женской роли, за лучшее исполнение мужской роли второго плана. Я это гарантирую. Обычно я склонен настраиваться на худшее, но теперь... – Он покачал головой, словно не в силах осмыслить ценность вверенного ему сокровища. – Я приезжаю в Канн вот уже пятнадцать лет подряд и, скажу вам, такого восторженного приема еще не видел. А что касается вас, молодой человек, – он повернулся к Уэсли, – что касается вас, даю руку на отсечение, вы отсюда без премии не уедете.

Уэсли сидел молча, с деланной застывшей улыбкой на лице. Билли встал и налил себе пятый бокал шампанского. Все начало картины он просидел, тупо уставясь на экран. То, что происходило там, казалось ему теперь лишенным смысла, а слова – пустым звуком. Он то и дело смотрел на часы, а в девять сорок пять откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Гретхен, бледная и усталая, непрерывно вертела кольцо на пальце. К шампанскому она не притронулась и за весь вечер не проронила ни слова. Сидевший рядом с ней на диване Рудольф время от времени похлопывал ее по

руке, стараясь приободрить. Доннелли стоял, прислонившись к камину, и пощипывал бороду. Излияния рекламного агента, по-видимому, его раздражали.

– Завтра, – не унимался Симпсон, – у вас, Гретхен, и у вас, Уэсли, напряженный день. Каждому захочется с вами поговорить и вас сфотографировать. Завтра в девять я дам вам программу и...

Рудольф и Доннелли переглянулись, и Рудольф встал.

– Если завтра у нас такой трудный день, – сказал он, прерывая Симпсона, – то Гретхен надо отдохнуть. Давайте расходиться.

– Я тоже так считаю, – поддержал Доннелли.

– Конечно, конечно, – согласился Симпсон. – Просто я сейчас настолько взволнован, что...

– Мы все понимаем, дружище, – сказал Рудольф. Он нагнулся и поцеловал Гретхен. – Спокойной ночи, сестричка.

Она через силу улыбнулась. Когда они уходили, она поднялась, подошла к Доннелли и взяла его за руку.

– Дэвид, – сказала она, – задержись на минутку.

– С радостью, – сказал Доннелли и мрачно посмотрел на Билли.

Билли попытался улыбнуться и поцеловал Гретхен в щеку.

– Спасибо, мама, – сказал он, – сегодня был такой чудесный день.

Гретхен схватила его за руку и всхлипнула.

– Извини, – сказала она, – это просто... просто слишком много всего за один день. Утром я буду в полном порядке. – И, обращаясь к уже стоявшему в дверях Уэсли, спросила: – А ты не исчезнешь?

– Нет, мэм, – ответил Уэсли. – Если я вам понадобится, я всего двумя этажами ниже. – Рудольф хотел поселить кузенов в одном номере, но Билли отказался: мало ли что взбредет в голову этому сумасшедшему. Он не сказал Рудольфу, чего он опасается на самом деле и о чем, если ему. Билли, повезет, Рудольф никогда не узнает.

В коридоре Рудольф сказал:

– Мне что-то совсем не хочется спать. У меня в номере есть бутылка шампанского. Пошли разопьем ее.

– У меня завтра утром деловая встреча, – сказал Симпсон. – А вы идите. – Он стоял, прислонившись к стенке лифта, длинный и мрачный, обреченный всю жизнь хвалить других; на прощание он грустно помахал рукой дяде и двум племянникам, намеревавшимся продолжать праздничный вечер за бутылкой шампанского, и пошел готовиться к завтрашней утренней встрече.

Открывая шампанское, Рудольф заметил, что Уэсли не сводит глаз с закрытого чемодана, лежавшего на стуле возле окна.

– Держу пари, – сказал Уэсли, когда пробка вылетела и Рудольф стал наполнять бокалы, – он здесь.

– Что здесь? – переспросил Рудольф.

– Вы знаете, о чем я говорю.

– Давай выпьем, – сказал Рудольф.

Уэсли неторопливо поставил бокал на стол и вытащил из кармана

маленький пистолет.

– Тот мне все равно больше не нужен, – сказал он очень спокойно, – так что можете хранить его в качестве сувенира.

– Так и остался ненормальным, – заметил Билли.

– Я за это и выпью, – сказал Уэсли.

Они выпили.

Уэсли сунул пистолет обратно в карман.

– Значит, – сказал Рудольф, – ты смотрел фильм, а потом принимал поздравления, и эта штука все время была у тебя в кармане?

– Точно, – ответил Уэсли. – Ведь мишень может появиться в любую минуту.

Рудольф, нахмурившись, расхаживал взад и вперед по комнате.

– А если я тебе скажу, Уэсли, что этим делом займутся и тебе самому не надо ничего делать?

– Как это понимать – займутся?

– А так, что сейчас, когда мы здесь пьем шампанское, того человека разыскивает профессиональный убийца.

– Я не желаю, чтобы кто-то это делал за меня, – сказал Уэсли холодно, – и я больше не нуждаюсь ни в ваших, ни в чьих-либо благодеяниях.

– Я пробуду в Канне до конца фестиваля. Еще десять дней. Если к тому времени работа не будет сделана, я уезжаю домой и ставлю на этом деле точку. Только обещай мне, что в течение десяти дней ты ничего предпринимать не будешь. Потом делай что хочешь.

– Я ничего не могу обещать.

– Уэсли... – начал было Билли.

– А ты не суйся, – оборвал его Уэсли. – Хватит уже.

– Успокойтесь, – сказал Рудольф. – Оба успокойтесь. Да, вот еще что, Уэсли. На днях звонила твоя приятельница, мисс Ларкин.

– И что она сказала?

– Что хочет приехать сюда. Она считает, что получит в редакции отпуск на две недели, и ждет твоего звонка.

– Пусть подождет. – Уэсли допил шампанское.

– Она сказала – ты сам хотел, чтобы она приехала.

– Я думал, к тому времени все будет кончено. А ничего не получилось.

Повидаемся после.

– Как знаешь, – сказал Рудольф. – Я не собираюсь разыгрывать из себя Купидона – у меня и так дел хватает. Давайте допьем, и я пойду спать.

– А ты что будешь сейчас делать? – спросил Билли, когда они с Уэсли вышли из отеля на улицу.

– Пойду погуляю. Хочешь, пошли вместе?

– Нет.

– А что ты вообще обо всем этом думаешь? – спросил Уэсли.

– Я до смерти боюсь, – сказал Билли. – Боюсь за всех нас.

Уэсли серьезно кивнул головой.

– Я дойду с тобой до стоянки, – сказал Билли. – Я забыл поднять верх у

машины, а скоро, похоже, пойдет дождь. – На стоянке Уэсли помог ему поднять верх и задраить стекла. – Уэсли, – сказал Билли, – а все-таки, может, нам с тобой махнуть на машине в Париж? В теннис по дороге поиграем, покутим... Ты мог бы позвонить своей девушке и сказать, чтобы она приехала туда. Подумаешь, какие-то десять дней! Ведь уже столько лет прошло.

– В теннис я с тобой играть согласен, – ответил Уэсли, – но только здесь. Спокойной ночи, приятель.

Билли посмотрел вслед высокой фигуре в темном костюме со слегка оттопыривавшимся карманом, покачал головой и пошел в отель. Дверь он запер на два оборота.

На следующее утро он проснулся рано и попросил прислать в номер газеты. Ему принесли специальные выпуски, посвященные фестивалю, и «Нис-матэн». На первой странице Билли увидел фотографию человека в темных очках, стоявшего между двумя полицейскими. Лицо его показалось Билли знакомым. Он узнал приятеля Моника из Дюссельдорфа, торговца замороженными продуктами. В заметке под фотографией говорилось, что этот человек арестован по звонку в полицию неизвестного лица и что у него была найдена бомба, спрятанная в футляре кинокамеры. Человек, звонивший в полицию, говорил по-французски с сильным южным акцентом.

Читая эти строки. Билли улыбнулся. И кроме Уэсли, подумал он, в нашей семье есть актеры.

На следующее утро в маленьком открытом автомобиле они поехали в тихий загородный клуб в Жуан-ле-Пэн играть в теннис. Уэсли был в джинсах, выгоревшей хлопчатобумажной рубашке и твидовом пиджаке с обтрепанными рукавами и совсем не походил на актера, которому пресса предсказывала головокружительную карьеру. Билли с отвращением дотронулся до его кармана:

– Неужели ты не можешь расстаться с этой проклятой штукой, даже когда идешь играть в теннис? Мне все время кажется, что, если я начну выигрывать, ты возьмешь и пристрелишь меня.

– Где я, там и он, – снисходительно улыбнулся Уэсли. Когда они переоделись и отправились на корт, он накинул пиджак поверх теннисного костюма, а перед самым началом игры аккуратно свернул его и положил на скамейку возле сетки, где пиджак все время был на виду.

В первый день Уэсли играл так же самозабвенно, как и в Испании, с яростью бил по мячу и чаще всего попадал в сетку или в аут. Через два часа Билли сказал:

– На сегодня достаточно. Если бы ты в кино так играл, тебя бы даже по билету в зал не пустили.

– Молодой задор, – усмехнулся Уэсли, накидывая пиджак поверх мокрой от пота рубашки. – Обещаю исправиться.

– Это когда же?

– С завтрашнего дня, – заверил Уэсли.

В раздевалке, кроме них, никого не было, но Уэсли потребовал, чтобы они шли в душ по очереди и не оставляли пиджак без присмотра.

– Много я делал глупостей, – ворчал Билли, – но караулить пиджак мне не приходилось. – Уэсли начал раздеваться. Глядя на его мускулистую спину, длинные, крепкие ноги. Билли добавил: – Мне бы такое сложение, я бы уже давно дошел до финала в Уимблдоне.

– Нельзя иметь все сразу, – заметил Уэсли. – Ты зато умный.

– А ты разве нет?

– Похвастаться нечем.

– Ты далеко пойдешь в своей профессии.

– Если я ее выберу, – сказал Уэсли, направляясь в душ.

Минуту спустя Билли услышал сквозь шум льющейся воды голос Уэсли, который пел «Мне на голову падают капли дождя...». Если кто-нибудь зайдет в раздевалку, подумал Билли, и услышит это беззаботное пение, то в жизни не догадается, что парень днем и ночью носит при себе пистолет.

Когда они шли к машине. Билли сказал:

– Если ты бросишь кино, мать никогда тебе не простит. Да и я тоже.

Уэсли молча плюхнулся на сиденье и стал насвистывать мелодию из своего фильма.

На следующее утро Уэсли сдержал обещание и играл спокойно. Казалось, он вдруг усвоил тактику игры и чередовал удары, не стараясь гасить каждый мяч. Через два часа Билли наконец выдохся, но выиграл все четыре сета. А у Уэсли даже дыхание не участилось, хотя он бегал вдвое больше, чем Билли. И снова, как накануне, он заставил Билли караулить его пиджак, когда они пошли в душ.

На третий день им удалось поиграть всего час: Билли обещал вернуться рано, чтобы Гретхен и Доннелли могли съездить на его машине в Мужен пообедать. В Канне после демонстрации картины Гретхен не оставляли в покое ни на минуту, и постоянное напряжение стало уже сказываться.

За час Билли и Уэсли сыграли только один сет. Билли пришлось бороться за каждое очко, но все же он выиграл со счетом 6:3.

– Уф-ф-ф, – отдувался он по дороге в раздевалку. – Зря я тебя утихомиривал. Если так пойдет и дальше, от меня ничего не останется.

– Детская игра, – самодовольно сказал Уэсли.

Когда они одевались, раздался сильный взрыв.

– Это что еще? – спросил Билли.

Уэсли пожал плечами.

– Наверное, газовая труба взорвалась.

– На газовую трубу не похоже, – сказал Билли. У него слегка закружилась голова, и он сел на скамейку. В раздевалку вбежал управляющий.

– Мсье Эб-б-бот... – Он заикался от страха. – Идите скорее. Это ваша машина... Случилась беда.

– Сейчас иду, – сказал Билли, продолжая неподвижно сидеть. Послышался вой полицейской сирены. Билли надел рубашку и медленно и методично начал застегивать пуговицы; Уэсли торопливо натягивал джинсы.

– Уэсли, – сказал Билли, – не ходи туда.

– То есть как – не ходи туда?

– Неужели непонятно? Через несколько секунд там будет полиция. – Билли говорил торопливо, проглатывая слова. – Твой портрет будет во всех газетах. Сиди здесь. И спрячь свой дурацкий пистолет в укромное место. Если тебя будут спрашивать, ты ничего не знаешь.

– Но я действительно ничего не знаю...

– Ну и прекрасно. Так всем и говори. А я пойду посмотрю, что произошло. – Он кончил застегивать рубашку и не спеша вышел из раздевалки.

Из ближайших жилых домов к клубу начали стекаться люди. В ворота влетела маленькая полицейская машина с включенной сиреной и резко остановилась. Из нее выскочили двое полицейских и бросились к тому месту, где стояла машина Билли. Билли увидел, что от машины практически ничего не осталось – передних колес не было, капот лежал в нескольких футах от кузова. Какая-то женщина, отчаянно жестикулируя, говорила полицейскому, что, проходя мимо ворот, она видела мужчину, который возился в моторе, а когда она уже миновала ворота, раздался взрыв.

Полицейский спросил управляющего клубом, чья это машина; управляющий указал на Билли. Билли пробился поближе и только тогда увидел обезображенное и залитое кровью тело мужчины, лежавшего лицом вниз рядом с тем, что раньше было радиатором «пежо».

– Мсье, – сказал Билли, – это моя машина. – Не будь здесь управляющего, он сделал бы вид, что говорит только по-английски.

Когда полицейские стали переворачивать тело. Билли отвернулся. Толпа отпрянула, раздался женский крик.

– Мсье, – обратился один из полицейских к Билли, – вы узнаете этого человека?

– Я предпочитаю не смотреть, – сказал Билли, по-прежнему глядя в сторону.

– Прошу вас, мсье, – сказал полицейский, молодой парень с побелевшим от ужаса лицом. – Вы обязаны сказать нам, знаете ли вы этого человека. Если вы не сделаете этого сейчас, вам позже придется приехать в морг.

Второй полицейский стоял на коленях у тела и осматривал то, что осталось от карманов. Потом встал и покачал головой:

– Никаких документов нет.

– Прошу вас, мсье, – настаивал молодой полицейский.

Билли заставил себя посмотреть вниз. На месте груди зияла красная дыра, лицо было изуродовано, на нем застыла жуткая гримаса, обнажавшая разбитые зубы между обуглившихся губ, но Билли все же узнал это лицо. Он встречался с этим человеком в Брюсселе – там его звали Джордж.

– Извините, мсье, – покачал головой Билли, – я никогда в жизни не видел этого человека.

Часть четвертая

Билли сидел за письменным столом в пустой комнате отдела городских новостей и не сводил глаз с пишущей машинки. Всю работу на сегодня он закончил и мог отправляться домой. Но дом был скверной однокомнатной квартирой, где его никто не ждал. Он сам выбрал такой образ жизни. После событий в Жуан-ле-Пэне он сторонился людей.

На столе перед ним лежал толстый конверт – письмо от дяди Рудольфа из Канна, пришедшее уже три дня назад. Дядя писал слишком часто, соблазняя его рассказами о завидной жизни блестящих молодых людей, получающих солидное жалованье в Вашингтоне, где Рудольф теперь проводил значительную часть времени, выполняя какую-то неоплачиваемую, но, по-видимому, важную работу для демократической партии. Во всяком случае, его имя стали упоминать в газетах, иногда рядом с Элен Морисон и сенатором от штата Коннектикут, вместе с которым он совершал деловые поездки в Европу.

Билли уже собирался взять письмо, но тут зазвонил телефон. Он снял трубку.

– Эббот слушает.

– Билли, это Рода Флинн. – В трубке слышалась музыка и голоса.

– Привет, Рода, – ответил он. Рода была начинающим репортером и хорошенькой девушкой. Дела у нее шли куда лучше, чем у него, – ее материалы уже печатались с подписью. В редакции она всегда строила Билли глазки.

– У меня вечеринка, – сказала Рода, – и лишние мужчины нам не помешают. Я подумала, если ты ничем не занят...

– Извини, Рода, я еще работаю. Как-нибудь в другой раз.

– Ну, в другой так в другой... – Голос ее звучал разочарованно. – Только не слишком усердствуй. Я знаю, сколько они тебе платят, так что не стоит их баловать.

– Спасибо за совет. Желаю повеселиться.

Положив трубку, он снова остановил взгляд на пишущей машинке. Тишину нарушал лишь отдаленный стук телетайпа, а в ушах продолжали звучать шум и веселье, донесшиеся до него из телефонной трубки. Он был бы не прочь пойти на эту вечеринку, поболтать с какой-нибудь хорошенькой девушкой, но тем, о чем ему хотелось поговорить, он ни с кем не мог поделиться.

Какого черта, подумал он, если нельзя поговорить с другими, то поговорю хоть сам с собой.

Он вложил в машинку лист бумаги и принялся печатать.

«1972 год. По разным причинам после Испании я не делал никаких записей. В настоящее время я живу в одиночестве, безвестности и страхе в Чикаго.

Я считаю, что человеку моего поколения и с моей биографией есть о чем рассказать и рассказ этот будет небезынтересен молодым людям грядущих поколений.

Я становлюсь неврастеником. А может, и нет. Мне кажется, что за мной постоянно следят. Мне кажется, что незнакомые люди пристально смотрят на меня. Я приобрел привычку неожиданно оглядываться, когда иду по улице. За последние полгода я четыре раза сменил квартиру. Пока я никого у себя не застал. Может, я наделен даром предвидения и потому предчувствую, что со мной случится. А может, время идет по кругу, а не по спирали и в этом кругу кто-то движется в обратном направлении. Невроз Уильяма Эббота-младшего, пока неизвестный науке.

Если меня убьют или я погибну при странных обстоятельствах, то в этом будет виновна женщина, которая называла себя Моникой Волнер, когда она работала переводчицей в НАТО, а я служил в армии в Брюсселе, и Моникой Хитцман, когда я позже встретил ее в Испании, в маленьком городке Эль-Фаро, неподалеку от Малаги. Она была и, я думаю, остается членом террористической организации, которая, по-видимому, и сейчас действует повсюду в Европе и, возможно, имеет связи с аналогичными организациями в Америке.

Человек, который погиб при взрыве, когда закладывал бомбу в мою машину в Жуан-ле-Пэне во Франции, известен мне только под именем Джордж; он возглавлял группу, в которую входила Моника Волнер-Хитцман. Он был специалистом по огнестрельному оружию и по изготовлению взрывных устройств.

Я пишу это в отделе городских новостей газеты, „Чикаго трибюн“, куда меня взяли полгода назад благодаря дружбе отца с одним из редакторов. Отец будет знать, где хранятся мои записи. Я держу эту записную книжку вместе с книгами и бумагами, старой одеждой и разными мелочами, которые у меня накопились за время путешествий, в армейском сундучке в подвале дома, где он живет, поскольку в моей крохотной комнате его негде поставить. Отец знает, что в этом сундучке находится кое-что написанное мною, но он ничего не читал. Я убедил его, что это наброски романа, который он все уговаривает меня написать.

С тех пор как я уехал из Канна, где подвергся весьма строгому допросу французской полиции (там совершенно справедливо подозревали, что между мной и человеком, которого я знал как Джорджа, существует некая связь, но ничего не могли доказать), никого из членов моей семьи не видел – скорее из боязни подвергнуть их опасности, чем из-за отсутствия привязанности. Меня не оставляет мысль, что через двадцать минут после случайного взрыва бомбы я собирался отдать машину матери и ее другу, которые собирались поехать вместе за

город обедать, и сейчас я впервые нашел в себе силы написать о том, что произошло на Лазурном берегу».

Он перестал писать, вспомнив, как его допрашивали двое полицейских – сначала вежливо и участливо, а потом резко и грубо, не скрывая своей враждебности. Они угрожали ему арестом, но он понимал, что его хотят запугать, и стоял на своем, снова и снова повторяя, что приехал в Канн, только чтобы посмотреть фильм, поставленный его матерью, что никогда не встречал этого человека и что, насколько ему известно, у него нет никаких врагов. По-видимому, тут произошла какая-то трагическая ошибка.

Наконец они отпустили его, предупредив, что дело не закрыто и что между Францией и Соединенными Штатами существует соглашение о выдаче преступников.

Рудольф как-то странно на него поглядывал, но этого следовало ожидать после истории с пистолетом и глушителем.

– Ты везучий, – сказал Рудольф в аэропорту на следующий день, провожая Билли в Нью-Йорк. – Так и держись.

– Не беспокойтесь, – ответил он тогда.

Уэсли, который был с ними и теперь уже не улыбался, молча пожал ему руку.

Гретхен приехать не смогла. Когда она узнала о бомбе – скрыть это от нее не удалось, – ей сделалось плохо, и она слегла. Доктор обнаружил у нее высокую температуру, но диагноза поставить не сумел и велел ей не меньше пяти дней оставаться в постели.

Когда Билли зашел к ней попрощаться, его поразил ее вид. Она стала синевато-белой и за несколько часов словно уменьшилась.

– Билли, очень прошу тебя... ради меня... будь осторожен, – еле слышно сказала она.

– Постараюсь, – ответил он и, наклонившись, поцеловал ее в горячий лоб.

Билли покачал головой, отгоняя нахлынувшие воспоминания, а затем снова принялся печатать.

«Если бы я мог рассказать полицейским всю правду, мне, возможно, дали бы орден Почетного легиона. В конце концов ликвидация или по крайней мере сокращение шайки преступников, которые терроризируют Европу, – моя заслуга. Конечно, это произошло случайно, но случайности тоже – может быть, даже больше, чем что-либо еще, – следует принимать во внимание. Вся история моей семьи целиком состоит из случайностей, как хороших, так и плохих. Наверное, то же самое происходит и в других семьях.

Несмотря на то что я вроде бы избегаю встреч с родственниками, они часто мне пишут и держат меня в курсе всех своих дел. Я тоже отвечаю бодрими пространными письмами, из которых следует, что отец почти бросил пить и что

в газете у меня все блестяще. Это весьма далеко от истины, поскольку пишу я всего-навсего о работе полиции да о мелких преступлениях. И хотя я не стараюсь убедить отца, что роман, над которым я теоретически работаю, – это нечто вроде „Войны и мира“ или что это Великий Американский Роман, я говорю ему, что, кажется, получается неплохо.

Дядя Рудольф – спаситель, совесть и ангел-хранитель нашей семьи – свято бережет семейные узы и, хотя в настоящее время в своей вечной погоне за добрыми делами и курсирует между Лонг-Айлендом, Коннектикутом, Вашингтоном и столицами Европы, находит время писать пространные письма с предостережениями и советами, на которые никто из нас не обращает внимания. Благодаря его усердию – я не встречал другого человека, который бы так любил писать письма, – я узнал, как поживает он сам, мать, которая теперь стала миссис Доннелли, и мой двоюродный брат Уэсли, который остался в Канне и работает матросом на какой-то яхте. Дядя Рудольф находит время и навещает его в связи с одним делом, которое...»

Он перестал печатать, встал и принялся ходить вокруг письменного стола. Затем снова сел, уставился на заложенный в машинку лист бумаги и снова начал печатать, однако теперь уже медленнее.

«Даже теперь я продолжаю считать, что ни о чем, связанном с навязчивой идеей Уэсли, лучше не писать. Мы все – мать, дядя и я – пытались увезти его с Лазурного берега. Счастливые воспоминания, мягко выражаясь, у нас с этим местом не связаны. Даже фестиваль принес сплошное разочарование. Вопреки предсказаниям Симпсона жюри не присудило нашей картине ни одной награды. Мать, которая вскоре собирается приступить к съемкам своей второй картины, пишет, что Уэсли отказался от роли, которую она ему предложила и которая должна была принести ему кучу денег, а также от всех подобных предложений. Вообще-то говоря, Уэсли сейчас, несомненно, самый потенциально богатый матрос на всем Средиземном море. В последнем письме он писал мне, что, покончив со своим „делом“ на Лазурном берегу, он намерен много работать в кино, накопить денег на яхту, чтобы потом, как его отец, возить пассажиров. Судя по письмам, настроение у него довольно бодрое, но на самом деле это может быть и не так, потому что я тоже пишу своим родственникам бодрые письма. Все же у него есть кое-что, чего нет у меня и что может служить источником бодрости. Когда ему исполнилось восемнадцать, он получил свои тридцать тысяч долларов, правда за вычетом довольно приличной суммы на уплату налогов, а его девушка перешла в

парижское бюро „Тайма“ и то и дело летает к нему в Канн. Он также пишет, что, за исключением летних месяцев, много играет в теннис и сейчас, наверное, уже может у меня выиграть. Я же после Жуан-ле-Пэна за ракетку и не брался.

Полиции так и не удалось выяснить, откуда приехал Джордж и как его настоящее имя. А у меня все время такое чувство, что однажды я подниму глаза от письменного стола и увижу перед собой Монику. Она постоянно мне снится – сны эротические, счастливые, а когда я просыпаюсь, меня охватывает отчаяние».

Билли остановился, нахмурился и выругался. Он вынул напечатанную страницу из машинки и положил вместе с двумя другими в большой конверт, чтобы унести домой. Потом встал, надел пиджак и уже собирался выйти, но тут взгляд его упал на письмо дяди Рудольфа из Канна. Могу и сейчас прочитать, подумал он, когда-то все равно придется. Он вскрыл конверт и увидел старую и протертую на изгибах газетную страницу с приколотыми к ней с двух сторон записками. На первой почерком дяди было написано: «Прочти заметку, обведенную красным карандашом, а затем прочитай записку с другой стороны».

Билли раздраженно покачал головой. Шуточки, подумал он. Однако на дядю Рудольфа это совсем не похоже. Охваченный любопытством, он сел за стол, поближе к свету. В левом верхнем углу страницы было крупно напечатано «MARSEILLES»⁵³ и помельче – «Page Deux».⁵⁴ Колонка под названием «Faits Divers»⁵⁵ была обведена красным карандашом.

«Mort d'un Voyou»,⁵⁶ – прочитал Билли; оказывается, он еще не забыл французский. В заметке говорилось:

«Вчера вечером в Старом порту было обнаружено тело человека, которого позже полиция опознала как гражданина Югославии Яноша Дановича. Он был убит двумя выстрелами в голову. По данным полиции, он принадлежал к milieu Лазурного берега и Марселя и неоднократно арестовывался по обвинению в сутенерстве и вооруженных ограблениях, хотя ни разу не был осужден. Полиция считает, что это убийство является еще одним случаем сведения счетов, и продолжает расследование».

---

⁵³ Марсель (фр.).

⁵⁴ Страница вторая (фр.).

⁵⁵ Хроника (фр.).

⁵⁶ «Смерть хулигана» (фр.).

Билли медленно положил газету на стол. Боже мой, подумал он, Рудольф, наверное, спятил! Зачем он посылает по почте такие вещи! А если письмо попадет не по тому адресу или его случайно кто-нибудь вскроет! Всегда найдутся какие-нибудь подонки, которых может заинтересовать, почему советник американского сенатора проявляет интерес к убийству мелкого преступника в Марселе, и начнут раскапывать... Он уже собирался порвать газету на мелкие кусочки, когда вспомнил о второй записке.

Он перевернул страницу, отколол записку и прочел: «Посмотри на дату». Билли взглянул на верхнюю часть листа. Это была первая страница газеты «Меридиональ», и на ней стояла дата: суббота, 24 октября 1970 года.

1970 год! Данович уже полгода был мертв, когда Уэсли отправился в Европу. Билли положил голову на руки и начал смеяться. Когда приступ смеха наконец прошел, он снял трубку и позвонил Роде Флинн. Услышав ее голос, он сказал:

- Привет, Рода! Вечеринка еще продолжается?
- Если можешь приехать, – ответила Рода, – то да.
- Еду. Какой адрес? – Она продиктовала ему адрес. – Буду через десять минут. Приготовь чего-нибудь покрепче. Сегодня мне это необходимо.

Когда он вышел из редакции и пошел по Мичиган-авеню, высматривая такси, ему опять показалось, что за ним следят. Он оглянулся: позади него на расстоянии в полквартиры шли только две парочки.

Наверное, надо спросить Рудольфа, подумал он, не сохранился ли у него пистолет. Мало ли что, вдруг пригодится.

Затем он увидел такси, сел в него и отправился на вечеринку.